

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
проект № 04–01–16082

Предисловие К.Н. Морозова, Т.А. Семеновой

С 95 «Сын вольного штурмана» и тринадцатый «смертник» процесса с.-р. 1922 г.: Документы и материалы из личного архива В.Н. Рихтера / Составление, комментарии К.Н. Морозова, А.Ю. Морозовой, Т.А. Семеновой (Рихтер). — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. — 655 с., ил.

Предлагаемый вниманию читателя сборник посвящен личности и судьбе В.Н. Рихтера, сына «вольного штурмана» и внука одесского полицмейстера, ставшего членом ЦК партии социалистов-революционеров и членом Учредительного собрания, приват-доцента, человека с несколькими высшими образованиями, тонкого знатока и ценителя древнеримского и итальянского искусства, члена журналистского сообщества Италии; человека, не принявшего октябрьскую революцию и коммунистическую диктатуру, обвиненного в участии в покушении на В.И. Ленина в 1918 г. и приговоренного в 1923 г. к высшей мере наказания, замененной десятью годами заключения, восемь с половиной лет проведенного в политизоляторах и умершего от тифа в ссылке в южном Казахстане в 1932 г.

Личный архив В.Н. Рихтера был спасен и сохранен его матерью, женой и дочерью, хранившими его по частям у разных людей, и дошел до нас практически полностью (за исключением значительной части тюремных писем жене, изъятых при ее аресте в 1934 г.). Впервые вводимые в научный оборот документы самого различного характера: от стенограмм заседаний ЦК ПСР 1917 г. до заметок в записных книжках, тюремных писем жене и стихотворений — представляют огромный исторический и человеческий интерес, являясь свидетельством и отражением духовной жизни и борьбы яркого, но в то же время достаточно типичного представителя российской революционной интеллигенции, настоящего человека «серебряного века», вставшего на путь борьбы за свободу для своего народа еще в студенческие годы и не изменившего своим идеалам вплоть до самой смерти.

Книга адресована всем интересующимся трагической историей России первой трети XX века.

© К.Н. Морозов, А.Ю. Морозова, Т.А. Семенова
(Рихтер), составление, комментарии, 2005

© К.Н. Морозов, Т.А. Семенова, предисловия, 2005

© «Российская политическая энциклопедия», 2005

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Предлагаемая вниманию читателя книга — сборник документов и материалов из личного архива Владимира Николаевича Рихтера, сохраненного его родственниками (лишь небольшая часть документов сборника, помещенная в приложениях, была взята из ЦА ФСБ РФ).

Судьба личного архива В.Н. Рихтера одновременно и проста и уникальна — он был сохранен его матерью Марией Михайловной Рихтер и женой Верой Вадимовной Суворовой, пронесших его через лихолетье советского времени, не уничтожив ни одного документа. Столь категорическое заявление опирается на детальное изучение архива. У нас нет ни малейшего сомнения в том, что весь архив дошел до нас в том виде, в каком он был собран этими самоотверженными женщинами к моменту смерти В.Н. Рихтера в 1932 г., до последней черновой записки, кроме большей части переписки с женой, изъятой во время ее ареста в декабре 1934 г. К огромному сожалению, несмотря на предпринятые нами попытки, разыскать эти письма нам не удалось.

Ответ на вопрос, почему чекисты конфисковали только письма, очевиден — больше никаких документов в этой квартире и не было. Похоже, в самые лихие годы мать и жена В.Н. Рихтера хранили архив частями у своих родных и знакомых и только значительно позже собрали его в своей квартире, сложив в большой чемодан. Не желая навлечь репрессий на свою дочь и внучку, они скрывали от нее сам факт существования архива, который она нашла уже после смерти своей матери. Страх за судьбу дочери становится легко понятен после знакомства с архивом, буквально напичканном «криминальными» материалами (конечно, с точки зрения властей), от уникальнейшего членского билета члена ЦК ПСР до стенограмм заседаний ЦК ПСР в 1917 г., секретарем Бюро которого В.Н. Рихтер являлся (не говоря уже о собственноручно написанных им статьях в эсеровских газетах и листовках времен гражданской войны, наполненных критикой большевистского режима). Впрочем, и немалая часть его тюремных стихов и пьес, написанных в 1922–1930 гг. (а он провел непрерывно в «политизоляторах», как стыдливо называли в 20-х годах большевистские власти бывшие царские каторжные централы, восемь с половиной лет), была, безусловно, «антисоветской» — из-за абсолютного неприятия автором произвола властей (да и самой этой власти).

Представляется, что большая часть тюремных писем В.Н. Рихтера к жене хранилась у нее вовсе не случайно — перечитывая их, она черпала

силы для продолжения жизни. Вообще переписка В.Н. Рихтера и его жены — это потрясающие человеческие документы, пронизанные настоящей любовью, пронесенной сквозь годы лишений и тюрем.

Документы, вошедшие в книгу, составляют около четверти материалов архива (в котором есть старые школьные тетради, очень много конспектов прочитанных книг, самых разных черновых набросков и т.п.). Для публикации были отобраны все наиболее информативные материалы, дающие представление о той или иной стороне жизни и деятельности В.Н. Рихтера и представляющие научный и человеческий интерес. Книга содержит три раздела, два приложения, иллюстративную вкладку и комментарии.

Основную часть сборника составляют документы из личного архива. Они разбиты на три части по хронологическому принципу. В первый раздел вошли документы, показывающие семейные корни Рихтера; некоторые гимназические сочинения и, к сожалению, небогатая переписка с матерью и бабушкой из-за границы. Второй раздел содержит документы, охватывающие самый горячий период политической деятельности Рихтера — годы с 1917-го по 1923-й, т.е. до ареста и заключения. Далеко не все документы этого времени мы смогли включить в книгу. Многие из них — это различные удостоверения, мандаты, телеграммы, входные билеты на совещания, митинги и т.д. Часть из них мы помещаем в сборнике в виде иллюстраций, как, например, удостоверение В.Н. Рихтера — члена ЦК, подписанное остальными членами ЦК ПСР. Во второй раздел мы также поместили выдержки из записных книжек, наброски выступлений Рихтера на заседаниях ЦК и на 7-м Совете партии, идеологические и программные заготовки 1917 г. и т.д.

Особый, на наш взгляд, интерес представляют включенные в этот раздел протоколы заседаний ЦК ПСР за период с 9 августа по 31 сентября 1917 г., сохранившиеся в личном архиве Рихтера. Сравнение текста этого документа с протоколами, в 1920 г. вывезенными из России В.М. Черновым и хранящимися ныне в архиве Гуверовского института войны, революции и мира¹, показало, что заседания ЦК протоколировались как минимум двумя разными людьми и различия между ними носят не только стилистический, но и содержательный характер. В большинстве случаев разница между двумя версиями протоколов невелика, однако есть сюжеты, описанные в экземпляре В.Н. Рихтера и опущенные у В.М. Чернова и наоборот. К сожалению, мы не можем с уверенностью сказать, что протокольные записи заседаний ЦК ПСР были сделаны самим Рихтером, т.к. в его личном архиве сохранилась лишь машинописная копия. Но вероятность этого весьма велика, т.к. в записных книжках Рихтера этого времени мы находим множество отрывочных записей партийных заседаний разного уровня, в которых ему приходилось участвовать.

Документы третьего раздела освещают последний, тюремно-ссылный, период жизни В.Н. Рихтера после 1923 г. Публикуются сохранив-

¹ Опубликовано в: Вопросы истории. 2000. № 7–10.

шиеся тюремные письма В.Н. Рихтера из Челябинского политизолятора за 1924 г., которые, на наш взгляд, являются ценнейшей частью архива; материалы, связанные с последними годами его жизни в ссылке в Казахстане, а также воспоминания его жены и младшей дочери, написанные после его смерти.

В первом приложении сгруппированы материалы из Центрального архива ФСБ, которые существенно дополняют основную часть книги. Непосредственно В.Н. Рихтеру посвящены два следственных дела. Одно из них начато в Одессе в 1921 г. (ЦА ФСБ РФ. Дело № Р-47515 Каплана Владимира Натановича и Рихтера Владимира Николаевича) и закончено весной 1922 г. Рихтера предполагалось отправить в Москву и предать суду на процессе 1922 г., но ему удалось скрыться. Очень любопытна сохранившаяся переписка московских и одесских чекистов: московские требуют поимки и присылки Рихтера, а одесские каются, что они его потеряли. Конечно, только малую часть этой переписки мы смогли отразить в книге. Второе дело (ЦА ФСБ РФ. Дело № Р-46679) было начато в сентябре 1922 г. после ареста Рихтера под нелегальной фамилией Писаревский, а закончено в июле 1923 г. приговором к высшей мере наказания, с последующей заменой на десятилетний срок заключения.

Конечно, книга была бы неполной, если бы мы не отразили в ней литературную сторону деятельности нашего героя. Рихтер, по профессии журналист, со школьных лет начал писать рассказы, стихи, увлекался театром, писал пьесы и даже либретто для оперы. Во второе приложение собраны его избранные произведения, охватывающие период от начала XX века до 1930 г. Мы постарались дать представление о его литературной деятельности с самого ее начала, включив в книгу рассказы 1901–1903 гг., первый из которых взят из газеты «Одесский листок». Следующие рассказы также были напечатаны, но газетных вырезок не сохранилось, поэтому их текст восстанавливался по записным книжкам. Поскольку не все они сохранились, из двух рассказов — «Отшельник и цыган» и «Люси» — приведены отрывки. Из стихотворений отобраны либо самые, на наш взгляд, яркие, либо дающие представление о настроении автора или отражающие какие-либо волновавшие его события. При этом мы старались охватить все тюремные годы и дать стихотворения разных лет. Из драматических опытов приведена шуточная пьеса «Музей редкостей», написанная и поставленная в Верхнеуральске в 1927 г.

В издании приняты следующие правила оформления документов.

Нумерация документов и комментариев к ним, помещенных в конце книги, — самостоятельная в каждом разделе. При необходимости делаются перекрестные ссылки. При передаче текстов используется современная орфография и пунктуация, явные ошибки и опечатки исправляются без оговорок (исключение было сделано лишь при публикации гимназических сочинений Рихтера). Исправления, имевшие место в текстах, оговариваются в подстрочных примечаниях.

В квадратных скобках приводятся дописанные публикаторами пропущенные в документах слова, буквы, знаки препинания, раскрываются

сокращения, не указанные в списке сокращений. Многоточия в квадратных скобках означают пропуски в тексте: в публикуемых документах — в результате механической утраты, в предисловии и комментариях — при неполном цитировании текста источника составителями. В тексте передаются только подчеркивания, присутствовавшие в документах.

Научное заглавие документа может полностью совпадать с его самоназванием, в таком случае оно заключается в кавычки и не повторяется в начале текста документа; в остальных случаях самоназвание приводится полностью после научного заглавия. Справа под научным заглавием приводится дата документа. Исключение из общего правила сделано для литературных произведений и отрывков В.Н. Рихтера, включенных в Приложение 2. Публикаторы не давали заголовков стихотворениям и отрывкам, не озаглавленным автором, даты их создания приводятся после текста произведения, как у автора.

Особенности внешнего вида источника, его оригинальный или копияный характер, делопроизводственные и иные пометы, печати и штампы (в случае их наличия) описываются (или воспроизводятся) в археографической легенде к документу. Архивные шифры указываются только для документов из ЦА ФСБ, включенных в Приложение 1, т.к. все остальные публикуемые источники входят в состав личного архива В.Н. Рихтера и хранятся в семейном архиве.

Документы публикуются в хронологическом порядке. Даты до 1918 г. даны по старому стилю, более поздние — по новому.

При комментировании документов составители сознательно уделили большее внимание истории семьи В.Н. Рихтера, судьбам его родных и близких. С одной стороны, к этому обязывал нас сам жанр публикации документов из личного архива, с другой — нам хотелось показать всю многогранность личности В.Н. Рихтера — не только революционера, члена ЦК ПСР, публициста, но и заботливого сына, любящего мужа, заботливого отца — и рассказать об окружавших его людях.

При работе над комментариями были использованы книги:

Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь—август 1922 г.). Подготовка. Проведение. Итоги. Сборник документов / Сост. С.А. Красильников, К.Н. Морозов, И.В. Чубыкин. М.: РОССПЭН, 2002.

Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 1996.

Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3-х т. / Сост. Н.Д. Ерофеев. Т. 3. Ч. 1 и 2. М.: РОССПЭН, 2000.

Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1917—1925 гг. В 3-х т. / Сост. Я.В. Леонтьев. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2000.

* * *

Мы искренне признательны всем, кто в той или иной степени способствовал рождению этой книги и помог ей увидеть свет.

Появление этого сборника — следствие целой цепи хитросплетений судьбы, ее случайностей и закономерностей. Это и само знакомство со-

ставителей, произошедшее через знакомых наших знакомых, и то, что долго откладывавшаяся встреча произошла сразу после находки большей части архива, и то, что семейный архив оказался таким богатым и разнообразным, дающим материал для формирования полноценного сборника (что бывает весьма нечасто). Эта идея, посетившая одного из нас в ходе совместного разбора архива, поначалу показалась авантюрной и малореализуемой, но постепенно захватила нас и стала приобретать все более реальные очертания, обретать плоть. Мы очень надеемся, что эта книга найдет своего читателя и придется ему по вкусу.

Мы весьма признательны за поддержку нашего начинания д.и.н. В.В. Шелохаеву (Институт общественной мысли), д.и.н. С.В. Тютюкину (ИРИ РАН), д.и.н. С.А. Красильникову (ИИ СО РАН), к.и.н. Н.Б. Хайловой, благодарим за консультации и помощь Д.А. Шибаева (ФСБ РФ) и С.Ю. Крючкову (ФСБ РФ), а также итальянского историка С. Гардзонио и к.и.н. Я.В. Леонтьева за сведения об итальянском периоде эмиграции В.Н. Рихтера.

Выражаем свою благодарность А.Б. Рогинскому (председатель международного Мемориала), любезно согласившемуся ознакомиться с нашим сборником и давшему ряд ценных советов.

Мы особо признательны С.Л. Бызовой, А.В. Нестеровой и Е.Н. Очан за предоставленные сведения из истории семьи, к.ф.-м.н. Ю.Б. Котову за большую помощь в оформлении иллюстративного материала, А.Ю. Котовой (правнучке В.Н. Рихтера) за помощь в отборе материалов для публикации литературного наследия.

МОЙ ДЕД В.Н. РИХТЕР

Мой родной дед, о котором, казалось, я так много слышала, но которого никогда не знала... В детские, да уже и в зрелые годы, все это выглядело далеким прошлым и особого интереса не вызывало. Да, интересный человек, известный эсер, ну и что... Сейчас важнее своя учеба, работа, семья; ком забот нарастает, времени все меньше, тут не до истории семьи. А близкие люди уходят, и оглянувшись, я вдруг поняла, что спросить уже ничего нельзя — просто не у кого. Лавина обрушившегося на меня семейного архива встряхнула и перевернула мою жизнь.

Некоторые документы я видела раньше, но никогда не знала, что их так много, что есть документальные свидетельства о моих предках с середины XIX века, что эти пожелтевшие листки бумаги, записные книжки и старые письма хранят в себе столько событий, трагедий и детективных историй. Что, потянув за тонкую ниточку, за одно упоминаемое вскользь имя, вдруг вытягиваешь новую, совершенно неизвестную тебе раньше судьбу, которая так близко тебя касается. Так, в частности, произошло с первым сыном В.Н. Рихтера, моим дядей Николаем Рихтером, который известен миру как эмигрантский поэт Н.В. Петерец. Эту историю я узнала совсем недавно, в процессе работы над книгой.

Но начнем по порядку.

Владимир Николаевич Рихтер родился двадцатого июля 1880 г. в Ростове-на-Дону. Он был сыном «вольного штурмана». Эта фраза потом фигурировала во всех биографических заметках и документах В.Н. Рихтера. В выписке из метрической книги Александро-Невской церкви Ростова-на-Дону указаны восприемники (крестные): титулярный советник Антон Карлов Рихтер и жена генерал-майора Эмилия Рафаиловна Дельфин. Последнюю позже в письмах Владимир Николаевич звал бабушкой и письма адресовал «Ея Превосходительству Эмилии Рафаиловне Дельфин» (см. док. № 1.12, 13).

Отец В.Н. Рихтера Николай Карлович Рихтер (мой прадед), старший сын архангельского мещанина Карла Рихтера, обучался в Роте торгового мореплавания Штурманского училища и был выпущен в 1858 г. со званием вольного штурмана в возрасте 21 года (см. док. № 1.1). Как видно из письма Николая Карловича жене (см. док. № 1.4), в 1882 г. он еще совершал дальние плавания. По штампам документа № 1.4 видно, что Николай Карлович продолжал плавать вплоть до 1889 г. — был в Петербурге, Ялте, Севастополе. В это время его семья осела в Одессе,

где мой прадед владел несколькими домами. В 1902 г. Николай Карлович умер от инсульта. Смерть отца произвела на В.Н. Рихтера очень сильное впечатление: среди бумаг сохранился незаконченный рассказ о разбитом параличом человеке, который привык повелевать и неожиданно оказался абсолютно беспомощным...

Мать В.Н. Рихтера Мария Михайловна Рихтер (моя прабабушка), урожденная Крузе, была дворянка. Ее отец (дедушка В.Н. Рихтера, мой прапрадед) Михаил Христианович Крузе воспитывался в Инженерном корпусе, а с 1819 г. по июль 1857 г. служил в разных воинских частях, воевал на Кавказе (см. док. № 1.3) и был уволен с военной службы по болезни в чине полковника. С 1863 г. он был «членом от Правительства Мировых съездов Ананьевского и Тираспольского уездов Херсонской губернии», а затем исполнял должность Одесского Полицмейстера. Был женат на Аделине Рафаиловне Ратовской и имел троих дочерей: Аделину 1853 г. рождения, Марию (1855) и Пелагею (1860) и двух сыновей: Федора (1857) и Владимира (1859).

Мария Михайловна родилась в крепости Новые Закаталы Тифлисской губернии. В документе 1.3 в качестве даты рождения указано 20 ноября 1855 г., то же число приведено и в свидетельстве о рождении, а вот на оборотной стороне свидетельства о рождении имеется справка, что она родилась 28 декабря и крещена 29 декабря 1855 г. В последующих документах М.М. Рихтер указывала дату 28 декабря 1855 г. Мария Михайловна училась в частном девичьем пансионе госпожи Матео в Одессе, получила хорошее музыкальное образование, которое совершенствовала в Италии, и по воспоминаниям родственников была прекрасной пианисткой. В 1872 г. она сдала экзамены и получила свидетельство о праве преподавания русского языка и звание домашней учительницы, а позже совместно с Ю. Шилейко учредила в Одессе женскую гимназию, которая так и называлась — гимназия М. Рихтер и Ю. Шилейко — и просуществовала до 1921 г.

Дом Марии Михайловны был открыт для гостей. Она была связана с демократическими литературными кругами. Здесь бывали друзья Чехова, Горького, жена Горького М.Ф. Андреева, первая жена Бунина А.Н. Цакни. В домах ее мужа Николая Карловича жили и семьи его друзей: Очаны и Георги. И Очаны, и Георги были купцами. Поскольку отец В.Н. Рихтера был «вольным штурманом» торгового флота, их связывало общее дело. Георги торговали зерном в Греции, Италии и других странах Средиземноморья, Очаны — табаком и посудой. Один из родственников Очанов, караим Синани, жил в Ялте. Он держал книжный магазин, торговал табаком и папиросами, помогал в хозяйственных делах Чехову. Большой любитель литературы, Исаак Абрамович Синани хранил в своем магазине тетрадь, в которой оставляли свои записи писатели и поэты, отдохнувшие в Ялте¹.

В двадцатых годах и начале тридцатых, когда Владимир Николаевич считался по тюрьмам, Мария Михайловна взвалила на свои плечи заботу

¹ Коршунова В.П. Ялтинский Смирдин (Альбом И.А. Синани) // Встречи с прошлым. М., 1985. Вып. 2. С. 63–70.

о двух его дочерях. Умерла она на 86-м году жизни 25 мая 1939 г. (см. док. № III.63), на 37 лет пережив своего мужа и на семь лет единственного сына. Это произошло на Алтае, где в это время работали моим родители. Мою беременную маму отправили в Москву, чтобы она родила меня в цивилизованных условиях под присмотром родственников. Уже тяжело больная Мария Михайловна, провожая маму, обещала, что обязательно дождется ее возвращения. В трехнедельном возрасте меня привезли назад на Алтай. Мария Михайловна взглянула на маленький сверточек, сказала: «Хорошая девочка!» и стала быстро угасать.

О ранних детских годах Владимира Николаевича документов не сохранилось. Школьные годы он провел в Одесской Ришельевской гимназии.

В одном классе с ним учился брат первой жены Бунина Беба Цакни, его близкий друг И.А. Очан, известный революционер Всеволод Лебединцев, впоследствии руководитель эсеровского Летучего боевого отряда Северной области, принимавший участие в подготовке несостоявшихся покушений на вел. кн. Николая Николаевича и министра юстиции И.Г. Щегловитова, казненный в феврале 1908 г.

В гимназии проявились явные литературные склонности Владимира Николаевича. Сохранились его записные книжки, заполненные набросками рассказов и описанием событий. Любопытны его гимназические сочинения, из которых мы приводим три, написанные, по-видимому, в старших классах гимназии. Эти сочинения демонстрируют хорошее знание как классической, так и современной автору литературы, причем не только художественной, но и политической (см. док. № I.5, 6 и 7).

В июне 1899 г. В.Н. Рихтер окончил Одесскую Ришельевскую гимназию и был принят на историко-филологический факультет Императорского Новороссийского университета. За участие в студенческих волнениях 3 марта 1901 г. был уволен, а в августе 1901 г. вновь принят в университет. Ни в одном из сохранившихся документов этой поры нет ни слова о политической деятельности Владимира Николаевича. О том, что какие-то события происходили, можно судить только по его художественным рассказам «Нравственное воздействие», «Люси» и притче «Коршун» (см. Приложение 2).

Согласно выданному свидетельству, В.Н. Рихтер учился в университете в течение 1899–1900, 1900–1901 гг. и осеннего семестра 1901 г. (всего пять семестров), а 16 февраля 1902 г. был исключен окончательно. В 1903 г. он сдал экзамены историко-филологической комиссии при Императорском Новороссийском университете и получил диплом об окончании университета. В 1902 г. Владимир Николаевич становится членом партии социалистов-революционеров. За революционную деятельность в 1901 г. он был сослан в Кишинев, а затем в 1902 г. — в Бендеры¹.

¹ Подробнее о политической деятельности В.Н. Рихтера см. далее в статье К.Н. Морозова «“Член партии социалистов-революционеров В. Рихтер”: сын “вольного штурмана” и тринадцатый “смертник” судебного процесса с.-р. 1922 г.».

В период кратковременных ссылок и в Одессе он занимается литературной деятельностью и зарабатывает на жизнь написанием сочинений для гимназистов. Приведем одну запись из записной книжки 1902 г.: «О, какая гадость обязательная работа! С какой неохотой пишу я теперь бедным гимназистам и гимназисткам сочинения. Как злит меня мое зачетное сочинение и сочинение Ваньки, взваленное им на мои плечи! То ли дело литературная работа! Голова горит, рука не успевает догнать мысли, которые стремительным потоком врываются в трепещущий мозг! Две, три первых мысли еще лениво, как бы нехотя, одеваются в фразы, но зато потом не имеешь времени переложить все на бумагу, не успеваешь запомнить и удержать всех струй этого бешеного каскада.

Чувствуешь себя в своей сфере и привольно, хорошо становится на душе! Могучие образы заменяются дрожащими, слабovolьными, на смену мягкости и женской красоте являются энергия и мужество. Да, мир идей и образов — тот мир, в котором я дышу свободно, без которого я не могу жить! Он лекарство от пошлости и куриной слепоты людей, он защита от удушья возле проклятого семейного очага! Да здравствует же тот мир! Да здравствует неискоренимая свобода мысли!»

Очень любопытен стиль ведения записных книжек: книжки пронумерованы, в начале каждой перечислены написанные рассказы, указаны даты их написания или даты новых литературных редакций, когда и в какую газету или журнал были отправлены, приняты или нет и где напечатаны. Далее следуют тексты рассказов. Иногда текст обрывается и за ним делаются какие-то сторонние записи, описания реальных событий в семье, в городе, собственные соображения по различным вопросам. Из этого непрерывного текста часто трудно понять, где описаны реальные происшествия, а где продолжается рассказ и фантазия. Все это пишется очень мелким почерком и часто карандашом, и поспешно, так что автор не всегда успевает следить за грамотностью. Вкупе со старым правописанием, пресловутыми «ятями», эти тексты нелегко разбирать несмотря на очень четкий почерк.

1901 и 1902 годы в литературном отношении были весьма продуктивны. В это время написан ряд рассказов: «В одиночном заключении», «Сон Ивана Петровича», «Из бумаг непризнанного философа», «На первых порах», «В Крыму», «Дианея», «Лунная ночь», «Улов», «Дневник», «Отшельник и цыган», «Человек», «Люси», «Экстемпорале», «Музыка», «Записки сверчка», «Переписка», «Frükingsnacht», «История клуба приятного времяпрепровождения», «Соболезнующие», «Берта Чернявская», «Решительный шаг», «Мальчишник», «В беседке», «Сионист», «Весна», «Партенитская скала», «Прилетели», «Этюд», «Начало», «Жены Булата», «За поездом», «Зимняя сказка», «Передержка», «Эскиз», комедия «У семейного очага». Часть этих рассказов мы привели в Приложении 2. Некоторые — в виде отрывков, так как не удалось найти их полного текста.

Помимо рассказов В.Н. Рихтер пишет стихотворения и даже стихотворное либретто для оперы на тему рассказа «Отшельник и цыган».

Однако литературная деятельность дохода не приносит: в записной книжке 1902 г. сказано, что «Одесский Листок» в качестве гонорара предлагает бесплатные номера газеты.

Рассказы Владимир Николаевич публикует под псевдонимом К.А. Тишин в газетах «Одесский Листок», «Одесские Новости», а также посылает их в «Журнал для всех», в «Русское Богатство» и «Ниву». Рассказ «В Крыму», подписанный К.А. Тишиным (см. Приложение 2), посвящен Е.М. Георги. Евгения Митрофановна Георги, входившая в круг юношеских друзей В.Н. Рихтера, обладала хорошим голосом и стала впоследствии певицей, солисткой Одесского оперного театра, много гастролировала. Она вышла замуж за друга В.Н. Рихтера И.А. Очана. Их семья жила в доме Марии Михайловны Рихтер и мне посчастливилось с ними познакомиться. В середине 50-х годов мама возила меня в Одессу и мы останавливались у Очанов.

Кроме литературных набросков сохранились конспекты лекций за 1900 г. с рисунками, лекций по «Евгению Онегину», по литературе древней Руси, лекций о Фете, Тургеневе, газетные вырезки 1904 г. с отзывами В.Н. Рихтера на литературные публикации и критическими заметками о театральных спектаклях. Он в курсе всех новостей культурной жизни Одессы и сам активно в ней участвует. 26 февраля 1904 г. он читает доклад о Шевченко «Мужицкий поэт» в Русском литературно-художественном обществе. Параллельно, по-видимому, он официально работает в гимназии своей матери, так как сохранились благодарственные открытки от его учениц (см. иллюстрации).

В личном архиве В.Н. Рихтера нет прямой информации о деятельности Владимира Николаевича в партии социалистов-революционеров в период 1902–1904 гг. Упомяну лишь, что 21 ноября 1904 он выехал в г. Лейпциг, где поступил в университет и пробыл там до конца декабря 1905 г. Сохранились две открытки из Германии от 15 января 1905 г. (док. № I.10) и от 7 декабря 1905 г. (док. № I.11). Вернувшись на родину, Владимир Николаевич был арестован за бурную революционную деятельность и в июне 1906 г. выслан в Вологодскую губернию. В конце 1906 г. бежал за границу и 24 декабря 1906 г. прислал из Германии поздравительную открытку своей бабушке Э.Р. Дельфин (см. док. № I.12). Период эмиграции длился вплоть до мая 1917 г.

В 1907 г. В.Н. Рихтер находится в Италии (см. док. № I.13–15). Годы с 1908-го по 1910-й он проводит во Франции, учится в Сорбонне и в Высшей школе социальных наук одновременно; читает курсы по западноевропейской литературе в Парижском вольном университете.

Летом 1910 г. Владимир Николаевич снова приезжает в Италию. Здесь он поступает в Римский университет, слушает курсы по юриспруденции и естественным наукам. В личном архиве сохранились студенческие билеты В.Н. Рихтера как студента юридического факультета за 1910–1913 гг., его читательский билет, дающий право посещать Центральную национальную библиотеку в Риме, входной билет в зоопарк для студента факультета естественных наук и студенческий билет

этого факультета. В свободное время он ездит по стране, изучает историю, археологию, архитектуру, занимается переводами с итальянского (см. док. № I.16–20). Одновременно В.Н. Рихтер занимается активной просветительской и журналистской деятельностью. Он является членом Ассоциации периодической печати Италии, членом Ассоциации зарубежной печати в Риме, корреспондентом газеты «Речь» в Петрограде. Читает лекции по истории, архитектуре, водит экскурсии по Риму и его окрестностям. Эти лекции и экскурсии организовывались для русских эмигрантов в Италии. Приведу для примера (с разрешения итальянского филолога Стефано Гардзонио и отечественного историка Я.В. Леонтьева) список лекций и экскурсий Рихтера из статьи С. Гардзонио и Я. Леонтьева «Из истории русской колонии в Риме (1912–1917 гг.)» (в печати):

25 февраля 1912 г.	– лекция «Божественная комедия как энциклопедия Средневековья»
Зима 1912–1913 г.	– лекция «Творчество Ростана» – «Новейшие раскопки на Палатине» – «Осмотр древней Остии»
11 апреля 1915 г.	– археологическая прогулка на Виллу Адриана
9 мая	– археологическая прогулка на Палатин
16 мая	– археологическая прогулка на Палатин (продолжение)
22 августа	– археологическая прогулка по Римскому Форуму
5 сентября	– археологическая прогулка на Палатин
17 октября	– археологическая прогулка по Чирко Массимо, ..., Форуму, Кампо Марцио
31 октября	– археологическая экскурсия с посещением Вейо (Изола ди Фарнезе)
15 ноября	– археологическая прогулка на Виа Аппиа
19 декабря	– археологическая прогулка с посещением Монте Эскуилино

В 1914 г. в Москве вышел сборник статей под названием «Современный Рим». Членами редакционного комитета издания были В.Н. Рихтер, Г.И. Христиан и Г.И. Шрейдер. Сборник состоит из двух частей: первая посвящена политической и общественной жизни Рима, во второй собраны статьи по искусству и архитектуре. В ней помещена большая статья В.Н. Рихтера «Руины древнего Рима».

И вот тут-то, в период эмиграции, возникают две детективные истории в биографии В.Н. Рихтера, детективные в том смысле, что неизвестные мне факты его биографии проявлялись смутно, намеками, распутывались с трудом, пока благодаря случайности и хорошим знакомствам все вдруг не встало на свои места.

Первая история связана с Колей Рихтером. От своей бабушки я слышала, что до встречи с ней мой дедушка уже был женат. Но о его жене я ничего не знала. Роясь в домашнем архиве, я обнаружила телеграмму (отправленную Марией Михайловной из Одессы в Киев Владимиру Николаевичу) следующего содержания: «Муся здорова. Ждем. Коля и Муся целуют папу». Муся — это понятно, это моя мама, Мария Владимировна Рихтер. Но кто такой Коля? Я знаю одного Колю — сына уже упоминавшихся Е.М. и И.А. Очанов. Но при чем здесь папа Рихтер? При дальнейших поисках обнаружилась фотография мальчика лет 4–6, на оборотной стороне которой детской рукой написано: Коля Рихтер. В следующий раз имя Коли всплыло в открытке (см. док. I.20), когда я уже стала внимательно разбирать все письма. Значит, действительно, был сын! Но почему о нем ничего не известно? Где он? Как сложилась его жизнь? Далее, разбирая записные книжки 1924 г., написанные в Челябинской тюрьме, я наткнулась на черновики писем моего деда Коле (см. док. № III.24, 28). Адресов, естественно, на этих черновиках не было, и я полагала, что мальчик (которому я по содержанию писем дала бы лет 14–15) живет в Одессе. Вся остальная корреспонденция деда из Челябинска была адресована либо в Москву моей бабушке, либо в Одессу Марии Михайловне. Но тогда почему в письмах Коле фигурирует какая-то Аннета (см. приписку в док. III.28), она же Анна Степановна в док. III.15? Почему она опекает Колю, и нет ни слова о его бабушке Марии Михайловне? Распросы родственников ничего не дали. Только мой двоюродный брат Сергей Рихтер (тоже внук В.Н. Рихтера, старший сын его дочери Веры) сказал мне, что тетя Соня Очан (дочь Е.М. и И.А. Очанов) рассказывала ему, что в начале XX века первая жена Владимира Николаевича уехала на Дальний Восток, а затем куда-то за границу. Все. Дальше все глухо! И вдруг совсем недавно (в апреле 2004 г.) я получаю письмо от Стефано Гардзонио. Он видел в журнале «From the Other Shore», издающемся в Торонто (Канада), статью Ольги Бакич «Поэзия Николая Петереца. Материалы к библиографии и сборнику стихотворений», а в августе любезно прислал мне копию этой статьи. Приведу некоторые цитаты из статьи Ольги Бакич и ее выдержки из воспоминаний Ю.В. Крузенштерн-Петерец, жены поэта.

«По словам жены Петереца, Юстины Владимировны Крузенштерн, когда они поженились в январе 1935 года, ему было 28 лет, из чего можно заключить, что он родился в 1907 году»... «У Николая — мать купчиха, отец революционер. Владимир Николаевич Рихтер еще до семнадцатого года жил за границей, вернулся в Россию, остался недоволен большевиками, участвовал в каком-то заговоре и кончил Бутырками». Слова об участии в заговоре оставим на совести Ю.В. Крузенштерн. Да и что могла она понимать в российских событиях, взирая на них из далекой эмиграции? Мы и сами стали многое понимать совсем недавно. Этому «заговору» и роли в нем В.Н. Рихтера, по существу, посвящена вся наша книга.

Цитирую далее. «Жена (В.Н. Рихтера. — Т.С.) разошлась с ним давно, жила во Владивостоке с братьями-миллионерами, во время революции как бывшая австрийская подданная выхлопотала себе чехословацкое

гражданство, и сын, русский мальчик, стал чехословацким гражданином. Но Россию любил пылко и пламенно, как принцессу Грезу». Заметим, что образ принцессы Грезы — любимый образ Владимира Николаевича Рихтера (см. док. I.9, III.2, 26, приложение 2).

Итак, краткий итог этой детективной истории. Из статьи О. Бакич следует, что Коля Рихтер — будущий поэт Н.В. Петерек — родился в 1907 г., возможно, в Риме. Жена Владимира Николаевича, мать Николая, «при разводе ... приняла девичью фамилию». Полагаю, что ее девичья фамилия — Петерек. Какое-то время Коля жил во Владивостоке «у богатых дядей». Вероятно, туда и были адресованы письма В.Н. Рихтера (см. черновики III.24, 28). Затем Н.В. Петерек переехал в Харбин, там окончил гимназию, поступил на юридический факультет, увлекся политикой, журналистикой и поэзией. В 1934 г. переехал в Шанхай, там женился. Как пишет его жена, «по своему характеру Николай был весь жертвенность: он умел только отдавать, он был непрактичен, как ребенок, совершенно не знал цены деньгам. Но у него был тонкий, изящный ум, он был широко образован и со своими знаниями в области философии, истории и литературы мог бы занять кафедру в университете». Во время войны, в оккупированном Шанхае, Н.В. Петерек тяжело заболел и скончался 10 декабря 1944 г.

Теперь вторая история. В 1913 г. Владимир Николаевич встречается в Италии с Верой Вадимовной Суворовой (моей бабушкой), ставшей вскоре его женой.

Род Суворовых ведет свою историю с конца XVI века и прослежен по дворянским родословным книгам моей тетей Верой, младшей дочерью В.Н. Рихтера и В.В. Суворовой. Вадим Николаевич Суворов (мой прадед) жил в Гатчине, имел чин надворного советника и служил в Петербурге. Знаю, что он был увлекающийся человек и умел делать все, за что брался. Он построил себе два дома, у него был прекрасный сад, яблоки из которого побеждали на выставках, в советское время он подрабатывал художественно-столярными работами, делал на заказ и продавал улья, стулья и т.д. В Гатчине жила вся его большая семья, там же после ареста Владимира Николаевича жили и его дети, и мать — Мария Михайловна. Умер мой прадед в 1931 г. в одном из своих домов. Второй дом был конфискован. Незадолго до смерти В.Н. Суворов был арестован (причины неизвестны, возможно, это связано с какими-то налоговыми претензиями), месяца три просидел в тюрьме, после чего тяжело заболел и уже не оправился. Моя прабабушка Софья Ивановна Суворова — урожденная Прушакевич. Ее две сестры (а может быть, тетки) проходили по известному процессу 193-х. Настроение в семье было народно-демократическое.

Вера Вадимовна Суворова, старшая дочь В.Н. и С.И. Суворовых (1884 г. рождения), увлеклась революционной романтикой. В 1904–1909 гг. она возглавляла (по ее рассказам) большевистскую петербургскую ячейку, была арестована и какое-то время сидела в Шлиссельбургской крепости. Около 1904 г. она вышла замуж за убежденного большевика Николая Николаевича Кузьмина, который был вхож в дом в Гатчине, и

мой прадед Суворов был рад этому браку. Впоследствии Н.Н. Кузьмин стал крупным советским деятелем, военным комиссаром, а в 1937 г. был арестован, обвинен в организации контрреволюционной троцкистской оппозиции в Сибири (вместе с Я.Б. Гамарником, М.Н. Тухачевским и др.) и расстрелян 28 октября 1937 г. (подробнее см. комментарий 26 раздела III). В 1906 г. у бабушки родился первый сын Сережа Кузьмин, а в 1910 г. дочь — Лена Кузьмина. Бабушка рассказывала, как однажды, ожидая обыска и ареста, она с маленьким Сережей на руках срочно бросила в таз с водой горячий типографский шрифт, чтобы охладить его и спрятать. Из других рассказов: кто-то из родственников или знакомых увидел из окна трамвая (или конки) мою бабушку, несущую тяжеленную сумку. Он вышел из вагона, помог ей донести сумку и сказал, что молодой даме не подобает носить бомбы, это слишком бросается в глаза. Документов о партийной деятельности моей бабушки в семейном архиве не сохранилось. Известно, что она была привлечена к суду в качестве обвиняемой (см. иллюстрации — повестка о вызове В.В. Кузьминой в суд от 30 ноября 1909 г.). В домашнем архиве есть документ — удостоверение личности В.В. Суворовой-Кузьминой, полученное ею в Москве 21 мая 1926 г. В удостоверении — фраза: «Выдано на основании паспортной книжки, выданной 9.08.1911 г. шлиссельбург[ским] старостой». Таким образом, до августа 1911 г. В.В. Суворова находилась в Шлиссельбургской крепости. Далее она была выпущена либо на поруки, либо под залог, и в семье рассказывалась некая детективная история с переодеванием, как В.В. Суворова переходила границу. Возможно, что важную роль в этом побеге сыграла И.А. Сысоева (см. комментарий 1 к разделу III). Семьи В.В. Суворовой и Бызовых (Сысоева — урожденная Бызова) были дружны и позже скреплены родственными связями. Моя вторая бабушка — Наталья Алексеевна Семенова — родом из семьи Бызовых. Из анкет следственного дела Сысоевой (ЦА ФСБ РФ. Дело № Р-34586) известно, что она в 1910–11 гг. помогала в Таурогене нелегальному переходу большевиков через границу. В 1933 г. Сысоева была арестована, осуждена за «связь с эсерами» и «террористическую деятельность», и из тюрем не выходила вплоть до расстрела в 1938 г. (см. комментарий 1 к разделу III).

Выехав из России, В.В. Суворова отправилась в Италию, где в это время лечился ее муж Н.Н. Кузьмин. Спустя некоторое время в Италию приехали мать В.В. Суворовой (Софья Ивановна) и сестра Зинаида Вадимовна Суворова. Они привезли с собой детей Веры Вадимовны — Сережу Кузьмина (ему было около 7 лет) и Лену Кузьмину (около трех лет). Круг эмигрантов в Италии был достаточно узок, и встреча с В.Н. Рихтером — неизбежна.

Отношения В.В. Суворовой с Н.Н. Кузьминым к этому времени были довольно прохладными, если не сказать напряженными. Трудными, по-видимому, были и отношения с матерью Н.Н. Кузьмина, малокультурной работницей табачной фабрики. Бабушка рассказывала мне, что к концу ее первого брака она совершенно разучилась улыбаться. А В.Н. Рихтер был очень близок ей по духу, умен, эрудирован, энциклопедически обра-

зован, знал несколько языков, музыкален и, вероятно, обаятелен. Бабушка рассказывала мне, как В.Н. Рихтер испытывал ее. Спустя некоторое время после знакомства он вдруг стал регулярно водить ее по ювелирным магазинам. Сходили раз, сходили другой, третий, потом она взмолилась, что это очень скучно, и спросила, зачем он это делает. У нее никогда не было интереса к украшениям, косметике, нарядам и подобным вещам. Владимир Николаевич был очень доволен, и эти экскурсии прекратились. Бабушка полагала, что В.Н. Рихтер сравнивал ее со своей первой женой.

В Италии у них родился первенец Всеволод, Севочка. Дата его рождения неизвестна. Он умер ребенком от дифтерита в 1916 году, вскоре после рождения моей мамы Марии (родившейся 6 марта 1916 г.). Старшие дети В.В. Суворовой от первого брака жили с ними вместе одной семьей. Сохранилась забавная карикатура В.Н. Рихтера на самого себя: жены нет, в комнате бедлам, мусор, открытое пианино, посреди комнаты отец удерживает за руку одного ребенка (Севочку), а из углов корчат рожицы остальные.

Февральская революция 1917 г. в России всколыхнула надежды политической эмиграции. Все засобирались домой. К этому времени В.В. Суворова (возможно, под влиянием мужа) разочаровалась в большевистском движении. Как-то в пятидесятых годах я спросила ее, почему она не коммунистка и почему она не вернулась в партию после эмиграции. Ответ был такой: «После возвращения я поняла, какое это грязное дело». Тогда это не было понятно, но уточнений не последовало. Кстати, и о Ленине, и о Горьком, с которыми она рядом жила на Капри, она никогда не рассказывала, а если я ее спрашивала, то говорила о них без симпатии. В начале мая Владимир Николаевич получил все необходимые визы для возвращения в Россию. Шла I Мировая война, ехать железной дорогой через воюющую Европу было невозможно. Предстояло длительное плавание вокруг Европы, через Скандинавию. Поэтому были получены визы на первые числа мая для проезда через Францию, Англию, Норвегию, Швецию. Путешествие было очень тревожным. Ехали с тремя детьми и боялись немецких подводных лодок.

По возвращении в Россию Владимир Николаевич с головой окунулся в бурную политическую жизнь. Уже 20 мая 1917 г. (сразу после возвращения!) он участвует в заседаниях Всероссийского Совета крестьянских депутатов. Входит в состав Петроградского комитета ПСР. Участвует в заседаниях III съезда партии в Петрограде 25 мая — 4 июня 1917 г. (см. док. № II.1). На III съезде ПСР В.Н. Рихтер был избран в ЦК партии. Параллельно с напряженной политической деятельностью он продолжает заниматься журналистикой, например, получает пропуск в Палату депутатов как корреспондент газеты «Одесские Новости». Его маленькая дочь, моя мать, растет на руках бабушки Марии Михайловны в Одессе. А моя бабушка В.В. Суворова сопровождает мужа во всех его скитаниях — в Петербурге, Москве, Одессе.

В сентябре 1917 г. на губернских съездах ПСР В.Н. Рихтер был выдвинут кандидатом в Учредительное собрание от Херсонской губернии

(см. док. № П.13–16). В конце сентября участвует в заседаниях одесской организации ПСР и выступает с публичными докладами.

После разгона Учредительного собрания Владимир Николаевич переезжает с женой в Одессу и работает там вплоть до ареста 22 февраля 1921 г. В Одессе семья живет в доме его матери М.М. Рихтер. Моя бабушка посещает лекции Высших женских курсов, состоит на службе в Секции восстановления и утилизации неполного труда (бывший подотдел помощи старикам, вдовам и инвалидам), работает старшим бухгалтером Губкоммуноотдела. С ними живут все дети (Серезжа, Лена, Мария).

В.Н. Рихтер преподает русский язык в Одесской женской гимназии Ю. Шилейко и М. Рихтер, работает учителем истории в трудовой средней школе № 149 в г. Одессе, читает лекции по русской литературе, истории и пролетарской культуре в народном университете, состоит в Одесском отделе Всесоюзного профессионального союза работников искусств по специальности «история искусств» и является членом профессионального учительского союза, работает преподавателем в трудовой школе № 25, преподает русскую литературу и психологию в гимназии Раппопорта. В документе № П.17 мы приводим список лекций, прочитанных В.Н. Рихтером в 1919–20 гг. Этим списком начинаются толстые общие тетради с конспектами лекций по литературе. В нем указаны места проведения лекций, их темы и даты. Среди большого количества лекций по русской и западной литературе мы видим и лекции по текущему моменту и современной политике, и посвященные идеологии и истории революционного движения, и выпуски устных газет, значит, несмотря на сложную политическую обстановку и частую смену властей в Одессе, В.Н. Рихтер постоянно занимается пропагандой политических, философских и экономических идей ПСР.

Помимо лекционной и просветительской работы В.Н. Рихтер продолжает и партийно-политическую деятельность. Он является членом Одесской организации ПСР Новобазарного района, представителем от ПСР в управлении единого потребительского общества г. Одессы. В 1920 г. он читает лекции по идеологии ПСР.

В 1918–22 гг. Одесса неоднократно переходит из рук в руки, власть часто меняется. Как только в Одессу вернулись большевики, ряд одесских эсеров был арестован. 22 февраля 1921 г. арестовали и В.Н. Рихтера (см. док. № П.1.1, 2). Он сам и его лекции были весьма популярны у слушателей в Одессе. Об этом говорят документы № П.1.3–5, в которых слушатели, учителя, начальство и чиновники Наробразы просят освободить Рихтера или изменить ему меру пресечения. Влияние Рихтера внутри партии подтверждается документами чекистов (см. док. № П.1.6, 7). Во втором из них следователь губернского ЧК Кирков дает характеристику В.Н. Рихтера: «Рихтер является теоретиком, духовным главой организации, особенно пользуется большими симпатиями среди учащейся молодежи, им был организован кружок по изучению народничества, из которого в последнее время образовалась студенческая организация. Даже и теперь, находясь в изоляторе, он руководит действиями Одесской организации П.С.Р. и большинство статей, напечатанных в их листовках,

принадлежат ему». Сохранилось несколько крохотных тюремных записок Владимира Николаевича жене (см. док. № П.23). Среди заключенных гуляет брюшной тиф, болен и В.Н. Рихтер (несмотря на прививку от тифа), кормят впроголодь. В мае в возрасте 11 месяцев умирает маленькая дочь В.В. Суворовой и В.Н. Рихтера Валерия (домашнее имя — Пупа, Пупочка).

В феврале 1922 года в Москве начинается подготовка к публичному суду над эсерами. Москва требовала, чтобы член ЦК ПСР Рихтер был доставлен на процесс вместе с эсером В.Н. Капланом. В одесском отделении ЧК было заведено общее дело (ЦА ФСБ РФ. Дело № Р-47515) на В.Н. Рихтера и В.Н. Каплана. Два документа дела (см. док. № П1.8, 9) дают представление о произошедших далее событиях. Один из них — телеграмма из Москвы с требованием арестовать В.Н. Рихтера и препроводить его в Москву в СОГПУ. Причем эта телеграмма не первая. Таких телеграмм несколько, и в них повторяется одно и то же требование. Замечателен ответ из Одессы (см. док. № П1.9): Владимир Николаевич был отпущен из одесской тюрьмы для устройства личных дел и скрылся. Такова была версия чекистов. Истинные причины того, каким образом член ЦК ПСР, один из руководителей и безусловный идейный лидер местной эсеровской организации вместо Внутренней тюрьмы ОГПУ оказался на свободе, наверное, никогда уже не удастся выяснить¹. Для поимки Рихтера были взяты заложники (по всей видимости, это была моя бабушка В.В. Суворова; она несколько дней провела в одесской тюрьме). На процесс прислали только В.Н. Каплана, из допроса которого мы привели небольшой отрывок (см. док. № П1.10), касающийся В.Н. Рихтера².

Уже после завершения процесса В.Н. Рихтер был арестован в Киеве. Это произошло 28 сентября 1922 г. (см. док. № П1.11). При аресте чекисты застали в квартире несколько человек, пришедших к В.Н. Рихтеру, а при обыске обнаружили партийную литературу ПСР, в частности, брошюру ПСР «Что такое социалисты-революционеры и за что судили их коммунисты», написанную по свежим впечатлениям только что прошедшего процесса. Владимир Николаевич был отправлен в Москву и помещен во Внутреннюю тюрьму ГПУ. С этого времени начинается последний, тюремный период жизни моего деда. По результатам следствия, базировавшегося целиком на документах процесса над эсерами 1922 г., Владимиру Николаевичу было предъявлено обвинительное заключение (см. док. № П.24), копия которого хранится в личном архиве В.Н. Рихтера. 4 июля 1923 г. состоялось заседание Верховного Суда РСФСР без присутствия обвиняемого, без защиты и без обвинения. Все слушание дела от начала и до вынесения приговора заняло 2 часа 50 минут (см. док. № П1.23). Приговор (см. док. № П1.24) гласил: «Гражданина Рихтера, Владимира Николаевича, б[ывшего] члена Центрального

¹ Подробный разбор этой ситуации см. далее в статье К.Н. Морозова (с. 66–69 наст. изд.).

² Подробности процесса 1922 г. изложены далее в статье К.Н. Морозова (с. 69–77 наст. изд.).

Комитета Партии Социалистов Революционеров подвергнуть высшей мере наказания — расстрелять. Обсудив вопрос о применении амнистий, таковых не применять.

Приговор окончательный — обжалованию не подлежит».

Вскоре по решению ВЦИК расстрел был заменен «десятью годами лишения свободы, с зачетом предварительного заключения, со строгой изоляцией и поражением прав на пять лет» (см. док. № П1.25).

Из документов судебного процесса 1922 г. видно, что после того, как В.Н. Рихтера выпустили весной 1922 г. из тюрьмы и он исчез, его мать Мария Михайловна, жена В.В. Суворова и дети переехали в Гатчину. Перед самым арестом В.Н. Рихтера 16 сентября 1922 г. в Гатчине (в это время город назывался Троцк) у него родилась дочь Вера. Владимир Николаевич узнал об этом, уже находясь во Внутренней тюрьме ГПУ в Москве. Сохранилось его рукописное заявление о признании Веры своей дочерью с просьбой дать ей его фамилию (оно понадобилось из-за того, что брак В.Н. Рихтера и В.В. Суворовой не был официально зарегистрирован). На письме стоят визы следователя 3-го отделения Секретного Отдела ГПУ В. Брауде и начальника тюрьмы Дукиса, заверяющие подпись В.Н. Рихтера (см. иллюстрации).

Все подробности тюремной жизни известны по документам, которые сумела сохранить моя бабушка Вера Вадимовна. Сохранилось множество рукописных стихотворных книжек, написанных четким, крупным почерком с указанием даты написания. Многие стихотворения, а иногда и целые книжки сопровождаются рисунками Владимира Николаевича. Из переписки сохранились письмо В.В. Суворовой В.Н. Рихтеру в тюрьму (см. док. № III.1, письмо без даты, написано в Суздале в конце 1923 г.), письмо В.Н. Рихтера (январь 1924 г.) из Суздаля (см. док. № III.2) и письма В.Н. Рихтера жене, матери и детям из челябинского политизолятора за 1924—1925 гг. (см. док. № III.3—22, 29—33). В одной из тюремных тетрадей последних лет заключения (см. док. № III.36) приведена сделанная самим В.Н. Рихтером потрясающая сводка числа стихотворений, написанных им за время заключения. Он был чрезвычайно скрупулезен, каждое стихотворение пронумеровано, подписана дата, подсчитано общее число строк и строк в стихотворениях. Этот документ позволил нам установить даты пребывания Владимира Николаевича в разных тюрьмах.

Всмотримся в таблицу документа № III.36. Из нее видно, что из Одесской тюрьмы он был выпущен в марте 1922 г. и вплоть до ареста в сентябре 1922 г. удачно скрывался. Ровно год — с октября 1922 г. по октябрь 1923 г. — находился во Внутренней тюрьме ГПУ в Москве. Четыре месяца — с ноября 1923 г. по февраль 1924 г. сидел в Суздальском политизоляторе. С марта 1924 г. по июнь 1925 г. включительно находился в Челябинском политизоляторе. В июле 1925 г. был перевезен в Тобольск и оставался там до июля 1926 г. Затем в течение двух месяцев длился этап, в результате которого он попал в Верхнеуральскую тюрьму, где просидел почти три года: с сентября 1926 г. по июль 1929 г.

Вернемся к переписке первых лет заключения. Судя по настроению и содержанию первых двух названных мною писем (см. док. № III.1, 2) и

установленному с помощью док. № III.36 месту нахождения В.Н. Рихтера в январе 1924 г., можно предположить, что Вера Вадимовна приезжала в Суздаль и им были позволены свидания. Каждое из этих писем содержит прощание на долгие годы. Подтверждение этому предположению я неожиданно нашла в следственных делах И.А. Сысоевой (ЦА ФСБ РФ. Дела № Р-34586 и Р-38039), из допросов которой выяснилось, что она дважды сопровождала В.В. Суворову к мужу — один раз в Суздаль и второй раз в Казахстан.

От пребывания в Суздальском политизоляторе осталась маленькая рукописная книжечка — сказка, написанная В.Н. Рихтером для своих детей, с рисунками — «Мышинные побегушки» с шутивными рисованными обложками и надписью «Издательство “Отшельник”» (см. иллюстрации).

Из писем Владимира Николаевича из Челябинска мы узнаем, что летом 1924 г. его мать М.М. Рихтер вместе с детьми снова перебирается в Одессу, что жена его пытается зарабатывать машинописными работами и занимается переводами для журнала «Всемирная иллюстрация». В переписке с женой он обсуждает литературные вопросы, получает от нее посылки с книгами, занимается переводами с итальянского, изучает английский язык, рассказывает о тюремном быте. Его сильно волнует состояние здоровья жены и он постоянно настаивает на необходимости лечения. На фоне всех невзгод, арестов, гибели двух детей у бабушки развилось серьезное нервное расстройство (см. док. № III.34). Эта болезнь преследовала ее потом всю жизнь. Как следствие ее, в частности, она никогда не могла надолго оставаться одна. Эта боязнь одиночества сохранилась до старости. Некоторое облегчение наступило после 1953 г., после смерти Сталина, но и потом болезнь давала о себе знать. Владимира Николаевича интересуют не только здоровье жены и собственных детей, но и дела Сережи и Лены, бабушкиных детей от первого брака. Он переписывается и с ними (см., например, док. № III.33). К сожалению, до нас эти письма не дошли. Есть среди документов и черновики уже упоминавшихся писем Коле Рихтеру (см. док. № III.24, 28).

В документах № III.25, 26 мы приводим выписки из записной книжки В.Н. Рихтера 1924 г., позволяющие понять, чем заполняют время заключенные челябинского политизолятора. Из писем и из записной книжки видно, что Владимир Николаевич постоянно читает и конспектирует книги самых разных направлений (литература, искусство, политика, проблемы экономики, философия, речи и доклады, социология, аграрные вопросы и т.д.). В документе № III.23 содержатся записи В.Н. Рихтера о провокаторах среди эмигрантов в Италии и Франции. Документ № III.26 особенно любопытен. Из него видно, что Владимир Николаевич создал в челябинской тюрьме три кружка для заключенных: «Нижний литературный кружок», «Верхний философский кружок» и «Нижний кружок по философии». Литературный кружок был посвящен изучению произведений русских классиков и современных В.Н. Рихтеру русских и зарубежных писателей. Работа кружка не сводилась к чтению. Было составлено расписание заседаний и список докладчиков. Каждый из докладчиков получал свое задание и должен был дать анализ и критику обсуждаемого произведе-

дения. Далее члены кружка участвовали в дискуссиях. Философские кружки были посвящены изучению устройства и функционирования органов чувств как основы, предпосылки к изучению теории познания. Изучение той или иной крупной темы завершалось экзаменом. В книжке сохранились записи с расписаниями экзаменов. Например, 5 ноября 1924 г. предполагался экзамен по эгейской культуре. Столь подробное цитирование содержимого тюремной записной книжки (док. № III.27) оказалось для нас очень полезным: благодаря частым повторениям в книжке иногда имен докладчиков, а иногда их фамилий, удалось путем сопоставления записей установить целый ряд лиц, которые находились вместе с В.Н. Рихтером в Челябинском политическом изоляторе (см. комментарии).

В документе № III.25 приведены примеры незатейливого тюремного юмора.

Но главной отдушиной Владимира Николаевича была поэзия. Он выпускает в Челябинске рукописные сборники стихов 1923–1924 гг. «Вне жизни» и «Маркиза», в Тобольске — сборники «Наркоз», «Тень тюрьмы», «По зыби небытья» и несколько сборников, не имеющих общего названия. Наибольшее число стихотворений написано за время пребывания в Верхнеуральске (см. док. № III.36). Здесь составлены сборники «Снежинки», «Искры кремня», «Болотные огни», «Выжженное» и масса книжек и тетрадей со стихами, черновиками, из которых потом формировались сборники. В комм. 119 к док. № III.36 приведен график взлетов и падений «вдохновения» автора по годам и месяцам. Этот график был изображен на задней внешней стороне обложки тюремной тетради под таблицей-документом № III.36. Пик творческого подъема приходится на последние тюремные годы — с середины 1926 г. по середину 1928 г., когда особенно были сильны тоска и усталость от тюремной жизни.

Перелом в жизни и настроении деда происходит в 1930 г. Закончился тюремный период, Владимира Николаевича освобождают и отправляют в ссылку в г. Каркаралинск (см. док. № III.37–41), предоставив ему возможность добираться туда самому и потребовав, чтобы он непременно до 20 июня явился в местное отделение ГПУ. Дорога не проста, транспорта нет, пустынная местность. Доехать можно лишь на случайной повозке или случайным автомобиле. Несколько слов из записок В.Н. Рихтера — характеристика городка: «Каркаралинск городок-село, обладающий всеми неудобствами городов и не имеющий никаких сельских преимуществ. Недостача во всем, кроме обывательщины. Нет квартир, нет керосина и свечей (ложимся и встаем «по-солошь» (т.е. вместе с солнцем. — Т.С.)), нет овощей, муки, круп, есть очереди на молоко, нет масла, нет папирос и махорки, нет продажи в розницу газет... Словом, есть только «нет», «нет» российское, возведенное не по рангу в n-тую степень» (см. док. № III.40). 25 июня (сразу после прибытия попав в больницу!) Владимир Николаевич пишет: «После парниковой изоляторской жизни и «постного» режима, этапное переутомление, грязь, отвратительная пища и нервное напряжение настолько расшатали организм (но не психику!), что даже прелести неожиданно свалившегося путешествия «за свой счет», заботы друзей и т.д. не помогли, а кар-

каркаралинское вынужденное мясоедство — привело меня в больницу с 0,99 белка, расстроенной сердечной деятельностью, отеками ног. Самочувствие все-таки превосходное, болезненных ощущений почти совсем нет, в 50 лет, после 9 летнего заключения легко заболеть, но не так легко поправиться!» (см. док. № III.40).

Из письма жене от 22 июля 1930 г. (см. док. № III.41, 42) видно, что Владимир Николаевич уже работает, но неясно, где и кем. Сохранилось несколько писем из его переписки с детьми — Верой и Мусей (см. док. № III.37, 39, 43–45), в которых столько надежды, что удастся увидеться, познакомиться друг с другом...

В апреле 1931 г. ситуация резко меняется. Владимир Николаевич к этому времени работает в конторе по снабжению хлебом населения (а это уже голодные годы!). Его неожиданно арестовали и посадили в каркаралинскую тюрьму (см. док. № III.46–50). В одной из записок документа № III.49 сам Владимир Николаевич пишет, что все распределение хлеба от него не зависело, оно планировалось на более высоком уровне, но отвечает всегда «стрелочник». Находясь в тюрьме, Владимир Николаевич пишет автобиографию, по-видимому, для поиска новой работы (см. 3-ю записку из док. № III.50 и док. № III.51). Она начинается со слов: автобиография Рихтера Владимира, сына вольного штурмана... — слов, которые он всегда писал в анкетах, допросах и т.д. Владимир Николаевич хотел устроиться на работу на метеорологическую станцию, но почему-то ему этого не позволили. Последний год в Каркаралинске он работал счетоводом, помощником бухгалтера в Баяно-Каркаралинском леспромхозе, и его зарплата с трудом хватало на жизнь семье.

Летом 1931 г. в Каркаралинск приехала Лена, старшая дочь моей бабушки Веры Вадимовны Суворовой, и привезла с собой ее младшую дочь Веру, которой было в это время 8 лет (см. док. № III.52). Наконец-то Владимир Николаевич увидел впервые свою дочь, которой писал стихи и письма. Всего около года он успел с ней пообщаться. Но так и не удалось ему повидаться с Мусей (Марией), своей старшей дочерью (моей мамой). Последнее письмо из переписки, сохранившейся за эти годы, было письмо от Муси отцу в Каркаралинск (см. док. № III.53).

В октябре 1932 г. Владимир Николаевич заболел брюшным тифом и 6 ноября 1932 умер (см. свидетельство о смерти, док. № III.54). Мы приводим записки В.В. Суворовой о его последних днях (см. док. № III.55, 56) и описание ее путешествия в Каркаралинск, написанное ею уже после смерти Владимира Николаевича (см. док. № III.57). Среди иллюстраций мы приводим автобиографию В.Н. Рихтера, его регистрационную карточку в Каркаралинском городском отделении ОГПУ, удостоверение помощника бухгалтера леспромхоза, свидетельство о смерти и посмертный портрет.

Каркаралинский период жизни и сама жизнь Владимира Николаевича закончились. Семья приложила все усилия, чтобы уехать в Москву. Первый муж бабушки, Николай Николаевич Кузьмин, бывший в это время начальником Новосибирского военного округа, помог организовать отъезд из Каркаралинска. Вместе с обозом, который ехал за хлебом

на ближайшую железнодорожную станцию, выехали из Каркаралинска В.В. Суворова с дочерьми Леной и Верой и невесткой Настей, женой Сережи, старшего сына Веры Вадимовны. Маленькая Вера вела дневники. Мы заканчиваем документальную часть книги воспоминаниями Веры, написанными ею много позже (на склоне лет) по материалам этих дневников, — впечатления десятилетнего ребенка от тяжелого зимнего путешествия по заснеженным казахским степям, усыпанным трупами умерших от голода казахов. Это была зима 1932–1933 г. (см. док. № III.58).

В конце 1934 г. (не прошло и месяца со дня убийства С.М. Кирова) арестовали мою бабушку В.В. Суворову. Она жила в это время в подмосковном поселке Салтыковка. В документе № III.59 приведен протокол обыска в ее квартире, из которого следует, что у Веры Вадимовны изъяты паспорт и разная переписка. В.В. Суворова была арестована «на основании имевшихся в СПО ГУГБ сведений о том, что Суворова-Кузьмина, будучи связана с террористкой Сысоевой И.А., проходящей по делу № 163, оказывала ей содействие в ее контрреволюционной деятельности, вела систематическую антисоветскую агитацию и распространяла провокационные слухи»¹. Антисоветская агитация состояла в том, что бабушка рассказывала о голоде в Казахстане. В результате рассмотрения дела В.В. Суворова была отправлена в административную ссылку в Рязань, но вскоре по состоянию здоровья ей разрешили вернуться в Салтыковку и выдали новый паспорт (см. док. № III. 60–62). В 1938 г. моя мама (Мария Владимировна Рихтер) вышла замуж за Алексея Платоновича Семенова и они вместе с моей бабушкой (В.В. Суворовой) и прабабушкой (М.М. Рихтер) уехали на Алтай. В 1939 г., в мае, мать В.Н. Рихтера умерла на Алтае в поселке Колывань (см. док. № III. 63).

В 1998 г. дело Владимира Николаевича было пересмотрено Генеральной Прокуратурой и он был полностью реабилитирован (см. док. № П1. 26, 27).

Поразительно сильными оказались литературные и музыкальные гены моего деда: его сын — поэт и журналист Петерец, младшая дочь — Вера Рихтер — писала стихи (они были одобрены Пастернаком, но никогда не публиковались), его внучка (моя старшая дочь) Анна Котова пишет и публикует стихи, внучка (моя младшая дочь) Светлана Котова — профессиональная пианистка, правнучка Катя Климанова (внучка его дочери Веры) — журналистка, другая правнучка — Инна Рихтер (внучка той же Веры) — филолог.

Т.А. Семенова

¹ ЦА ФСБ. Дело № Р-37993. Л. 19–21.

«Член партии социалистов-революционеров В. Рихтер»: сын «вольного штурмана» и тринадцатый «смертник» судебного процесса с.-р. 1922 г.

Имя Владимира Николаевича Рихтера нельзя было встретить в советских учебниках, да и сегодня далеко не все профессиональные историки, занимающиеся революционным движением и политическими партиями, знают его. С одной стороны, это легко объясняется тем, что ни о каком беспристрастном и серьезном исследовании истории революционного движения (особенно в той части, которая касалась эсеровской партии и ее деятелей) в течение многих советских десятилетий не было и речи. Их место заняли активно внедрявшиеся в массовое (да и научное) сознание догмы и стереотипы «Краткого курса ВКП(б)» и пришедшей ему на смену «Истории КПСС», которые трансформировались и наложились сегодня на новые, уже постсоветские, мифы (не менее далекие от исторических реалий, чем советские). Имена социалистов, не принявших октябрь 1917 г. и боровшихся с коммунистическим режимом, были либо приписаны к стану врагов, либо просто насильственно вычеркнуты и преданы забвению (да и сами они были «вычеркнуты» из жизни). Но круг имен врагов был ограничен лишь самыми известными, как правило, видными деятелями и лидерами партии дореволюционного и межреволюционного (между Февралем и Октябрем 1917 г.) периода. Из эсеров были «оставлены в истории» В.М. Чернов, Б.В. Савинков, Е.К. Брешко-Брешковская, Н.Д. Авксентьев да еще А.Ф. Керенский (которого, кстати, в эсеровской партии в 1917 г. считали выскочкой и «попутчиком» и не избрали на III съезде ПСР даже в состав ЦК, но зато за ее пределами после того, как он стал премьер-министром Временного Правительства, А.Ф. Керенский превратился в самого известного эсера), а имена и судьбы всех остальных были преданы забвению.

Парадокс же заключается в том, что упоминаемые во всех современных энциклопедиях вожди ПСР — это ее старые вожди, вожди 1901–1909 гг., снова вставшие у кормила партии (и отчасти страны) в 1917 г., но быстро потерявшие авторитет даже в собственной партии. В 20-е годы вождями и авторитетными руководителями для эсеровской среды

были вовсе не эти люди, в подавляющем большинстве своем эмигрировавшие из России, а пришедшие им на смену уже в годы гражданской войны новые лидеры. На старых лидеров еще до войны возлагали ответственность за Азефа и за развал партии в результате корыстной ликвидации последствий азефского дела. Но они еще сохраняли часть своего авторитета и влияния, а потому летом 1917 г. они все стали членами ЦК ПСР (вместе с немалым количеством представителей новой генерации партийных лидеров — «российских сидельцев», избранных на III съезде). А вот уже в 1919–1920 гг., после раскола партии и компрометации своих имен борьбой за власть, многие из них потеряли авторитет, и к 1920 г. все члены ЦК, кроме Чернова, были из новой генерации партийных руководителей.

Крайне важно то обстоятельство, что, когда в 1907–1917 гг. подавляющее большинство признанных руководителей эсеровской партии, создававших ее и руководивших ею на протяжении этих лет, было в эмиграции, почти все будущие члены ЦК ПСР состава 1919–1920 гг. «сидели» в России. Насколько болезненной была эта тема и в других социалистических партиях, насколько «местные» партийные работники недолюбливали эмигрантов, в которых часто видели дезертиров с поля боя, мы знаем достаточно хорошо по многочисленным примерам. Укажем на вовсе уж хрестоматийный — как И.В. Сталин эксплуатировал эти настроения в большевистской партии, не забывшиеся даже к середине двадцатых, когда попрекал противостоявших ему Л.Д. Троцкого, Г.Е. Зиновьева и Л.Б. Каменева пребыванием в эмиграции.

Кроме того, представляется, что мы недостаточно учитываем психологическую оторванность местных низовых функционеров эсеровской партии (многие из которых после революции 1905 г. или находились в «местах, не столь отдаленных» или только пришли в партию накануне I мировой войны) от своих эмигрантских и полумифических вождей. Так, оказавшись в феврале 1922 г. в Бутырской тюрьме вместе со многими эсеровскими лидерами, эсерка Б.А. Бабина¹ восклицала: «Эта партия навсегда оторвала меня от родной когда-то среды, указала путь в жизни. И вот сейчас я прохожу мимо ее лидеров без всякого желания познакомиться с ними ближе, а ведь я их совсем мало знаю. Когда мое поколение пришло на подпольную работу, они все были кто уже в эмиграции, кто на каторге, а потом мы с мужем (Б.В. Бабиным. — *К.М.*) оказались до 1920 года в южнорусской мышеловке. Когда попали в Москву, я, насмотревшись на тактику Григория Ильича Шрейдера и ему подобных, уже была не с ними, да и они в большинстве находились в заключении. Теперь они

¹ Б.А. Бабина пришла в ПСР после поражения революции 1905–1907 гг. и работала сначала пропагандисткой Василеостровского района Петербургской организации, а затем участвовала в издании органа Северного областного комитета «Голос социалиста-революционера» (конец 1908 — начало 1909 г.), а позже и в издании легальной эсеровской газеты в 1913–1914 гг.

были мне чужими... [...] О чем уже тут можно было говорить после бездарнейшего министерства Чернова?

Разве не он, когда-то талантливый и умный теоретик, детально разработал принципы и порядок проведения социализации земли без выкупа, которая входила в программу-минимум дореволюционной П.С.-Р.? И не он ли самый, оказавшись министром земледелия первого революционного правительства, позорно ее проворонил, позволил вырвать инициативу из рук своей партии? Он, бывший в свое время участником циммервальдской конференции, не сумел вовремя прекратить войну. Он оказался главным виновником раскола партии, прежде сильной и пользовавшейся популярностью среди рабочих, а не только лишь крестьянских масс, как то всегда стараются изобразить большевики»¹. Эти слова относятся, конечно, не только к Чернову, но в определенной степени и ко всем старым руководителям партии.

Представляется, что к 1920 г. складывается новый «коллективный лидер», в котором В.М. Чернов уже на периферии, а лидеры его — А.Р. Гощ и Е.М. Тимофеев. Ярчайшим примером этого могут служить письма Чернова рубежа 1920—1921 годов, когда он был командирован в Эстонию для организации издания общепартийного органа «Революционная Россия» и, не получая долго писем, посчитал, что подвергается бойкоту.

Не получая ответа на свои письма, В.М. Чернов думает не о том, что они не дошли до адресата, а о сознательном бойкоте его членами ЦК ПСР. На самом деле его письма, действительно, перехватывались ВЧК, но нетрудно догадаться, что, раз его мысли пошли в этом направлении, значит, для этого были основания. Это отчасти объясняет, почему В.М. Чернов, имевший репутацию неплохого конспиратора и довольно солидный опыт нелегальной работы, не подумал о самом очевидном, о том, что первым должно было придти в голову — что письма попали в руки чекистов. Но, как бы там ни было, возникла очень любопытная коллизия — Чернов из письма в письмо все сильнее ругается на своих товарищей, затем начинает угрожать своим уходом из ЦК ПСР. Ситуация накаляется еще сильнее, когда член ЦК ПСР Л.Я. Герштейн сказал посланному В.М. Чернову беспартийному эстонцу — что мнение Чернова — «...не суть мнения партии». Это подвигло В.М. Чернова на весьма откровенные строки в письме к члену ЦК Ф.Ф. Федоровичу (как своего рода единственному человеку из всего ЦК, которого он уважает): «...Пишу Вам, потому что на ЦК в целом потерял всякую надежду: он себя ведет так, как будто сплошь состоит из злейших врагов нашего предприятия здесь. ...Так работать я не могу. Такого отношения со стороны товарищей по коллегии перенести невозможно. Пусть разберет нас партийный суд, но я считаю недопустимым и некорректным тот бойкот, под которым фактически мы очутились. И даже более, чем бойкот. Ибо заявление, что мои мнения не суть мнения партии, которое услышал от Л.Я. и привез сюда беспартийный эстонец, ...является актом прямо враждебным, под-

¹ Бабина Б.А. Февраль 1922 / Публ. В. Захарова // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 2. М., 1990. С. 22—23.

рывающим работу. Я прошу ЦК это дело разобрать формально, и либо дезавуировать поступок т. Л.Я., либо солидаризоваться с ним — из чего я не замедлю сделать необходимые для себя логические выводы»¹.

Кризисная ситуация, чреватая уже начавшим разгораться конфликтом в руководстве ПСР легко разрешилась с получением Черновым сразу большого числа писем, газет и других материалов. Насколько можно понять из ответного письма Чернова (которое вновь попало в руки чекистов), ему было указано на полное отсутствие писем от него, и он впервые задумался о том, что они могли быть перехвачены. Чем руководствовался Чернов, не упоминавший в новом письме ни о своих претензиях к ЦК, ни о требованиях партийного суда и разбора заявления Л.Я. Герштейна, ни о своем выходе из ЦК можно только гадать. Возможно, он понял, что одна из причин молчания его товарищей — его собственное, в их глазах, молчание. Но, безусловно, конфликт разгорелся не на пустом месте, ибо на пустом месте подозрения в бойкоте немислимы. Думается, что Чернов ощущал уже отношение к уехавшим из Советской России за границу членам ЦК (между прочим, считалось, что партия отправила их туда как бы в командировку, и они должны через какое-то время вернуться обратно), год спустя совершенно отчетливо сформулированное в одной из перехваченных чекистами записок, которыми обменивались сидевшие в 1922 г. в тюрьме члены ЦК ПСР: «...Конечно, Минор не то же самое, что прохвост Авксентьев или болван Лебедев, но в конце концов эта компания людей, которая чувствует себя призванными решать судьбы России (никак не меньше), тоскуют по министерским портфелям и занимают «высокой политикой», устраивают всякие дурацкие объединения с другими политическими партиями. Все это за спиной ЦК. Вообще гадость. Они не социалисты и не революционеры, а так, политиканы. Ехали бы в Россию, проводить свои идеи, чем заниматься интригами за границей»².

Вообще, если задаться парадоксальным вопросом: можно ли считать политическим руководством и тем более «коллективным лидером» партии в 1921–1925 гг. группу эсеров-эмигрантов, таких, как Чернов, Авксентьев, Фондаминский, Зензинов, Керенский и др., то ответ будет неожиданным, ибо именно этих людей в этом качестве мы и привыкли воспринимать: формально, часть из них — да, так как они входили в Заграничную делегацию, но по сути, скорее всего, — нет, ибо это были уже бывшие лидеры, бывшие генералы разбитой армии, авторитет которых был основательно подорван в глазах их сопартийцев прежними ошибками (да и пребыванием за границей тоже).

Мы, к сожалению, знаем очень мало о том, что представлял собой новый «коллективный лидер», но сам факт его существования сомнения не вызывает. Именно такой коллективный лидер, «пятерка», руководил эсеровской группой на процессе 1922 года. Огромный интерес представ-

¹ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 65. Л. 149 об., 150, 152.

² ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 60. Л. 315.

ляет справка начальника 3-го отделения (именно это отделение курировало эсеров) Секретного Отдела ОГПУ И.Ф. Решетова, написанная в начале 1925 г. в ответ на запрос Ф.Э. Дзержинского: «Наиболее активными врагами из цекистов являются: Гоц, Тимофеев, Веденяпин, Раков, Ратнер и активист боевик Иванов. Первые пять из них являются руководящей головкой, своего рода Политбюро ЦК ПСР. За прошлый год ЦБ ПСР неоднократно получало постановления ЦК ПСР по вопросам организационным и политическим, причем эти постановления и решения принимались за весь ЦК, только Гоц, Тимофеевым, Веденяпиным, Раковым, Ратнером. Неоднократно поступали в СООГПУ агентурные сведения о том, что эти 5 цекистов — эсеровская головка. Поэтому этих цекистов мы должны держать особо крепко»¹. Особо подчеркнем, что никаких преувеличений здесь нет, они действительно руководили партией из тюрьмы, сумев голодовками пробить брешь в жестком тюремном режиме «особой изоляции», специально установленном для них после процесса 1922 года.

Именно к этой новой генерации партийных руководителей относится и В.Н. Рихтер, ставший летом 1917 г. секретарем Бюро ЦК и входивший в первой половине 1918 г. в пятерку членов ЦК, составлявших это Бюро. Как сообщалось в партийной прессе в начале 1918 г.: «Для выполнения как общих постановлений Центрального Комитета, так и повседневной текущей работы, для приготовления и разработки вопросов, подлежащих обсуждению пленума, образовано бюро из пяти лиц: М. Веденяпин, Е. Ратнер, В. Рихтер, Е. Тимофеев, В. Чернов»². Член ЦК ПСР К.С. Буревой во время предварительного следствия по процессу с.-р. 1922 г. подчеркивал особую роль В.Н. Рихтера в этом Бюро: «Ц.К. находился тогда в Петрограде. В Ц.К. существовало Бюро Ц.К., в которое входили В. Чернов, Рихтер и Тимофеев. Рихтер бывал обычным докладчиком от Бюро в заседаниях Ц.К.»³. Но столь стремительная партийная карьера вдруг оборвалась — после V Совета партии, проходившего в мае 1918 г., В.Н. Рихтер вдруг снял с себя звание члена ЦК ПСР и уехал в родную Одессу.

Итак, кто же такой Владимир Николаевич Рихтер и какова его роль в истории революционного движения России, в истории ПСР и в истории сопротивления социалистов большевистскому режиму? Почему мы считаем, что его жизненный путь, общественно-политическая и духовная биография представляют огромный исторический и человеческий интерес? Правы ли мы, считая В.Н. Рихтера, сохранившего свои еще юношеские идеалы свободы и народолюбия несмотря на смертный приговор и

¹ Цит. по: Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь–август 1922). Подготовка. Проведение. Итоги. Сборник документов / Сост. С.А. Красильников, К.Н. Морозов, И.В. Чубыкин. М., 2002. С. 579.

² Цит. по: Партия социалистов-революционеров после Октябрьского переворота 1917 года. Документы из Архива ПСР / Собрал и снабдил примечаниями и очерком истории партии в пореволюционный период Mark Jansen. Amsterdam, 1989. С. 36.

³ Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 420.

многолетние тюремные мытарства — настоящим человеком «серебряного века», очень ярким, но в то же время достаточно типичным представителем российской революционной интеллигенции?

Свою последнюю автобиографию Рихтер озаглавил: «Автобиография Рихтера Владимира, сына Вольного Штурмана». Представляется, что этот заголовок был обусловлен большим, чем необходимо указать в подобном документе социальное происхождение его автора. Николай Карлович, закончивший Архангельское штурманское училище в 1858 г. с присвоением звания «вольного штурмана», к концу жизни давно перерос это звание, владея в Одессе несколькими домами, но продолжал плавать. Словосочетание «Вольный штурман» нравилось В.Н. Рихтеру с детства, да оно и не могло не нравиться идеалистически и романтически настроенному юноше, будучи как будто специально придуманным, чтобы вкладывать в него иной, далекий от реального и прозаического, смысл.

Но еще более символичны финальные слова автобиографии В.Н. Рихтера: «При царском режиме трижды арестовывался, трижды ссылался и дважды был в эмиграции. При коммунистическом трижды арестовывался, восемь с половиной лет отбыл в политизоляторах и теперь нахожусь в ссылке. Член Партии Социалистов-Революционеров» (см. док. № III.51). И ничего в этом признании членства в ПСР не было бы удивительного, если бы не место — тюрьма в казахстанском городке Каркаралинске, где Рихтер отбывал ссылку — а главное, время ее написания — весна 1931 г., когда никакой партии социалистов-революционеров давно уже и не существовало (датой прекращения организационного существования эсеровской партии в Советской России можно считать рубеж 1925–1926 гг., когда был арестован последний состав Центрального Бюро ПСР). Но в автобиографии В.Н. Рихтера, прекрасно это знавшего, последняя фраза не была ни опиской, ни тем более случайностью. Такая подпись выглядит абсурдной с формальной точки зрения, но только не с точки зрения того социума, к которому и принадлежал до самой смерти В.Н. Рихтер, социума со своей субкультурой и своими порядками, социума, жившего в то время в совершенно особых условиях — условиях подполья, политизоляторов, концлагерей, ссылок и «минусов». Характерно, что Рихтер подписался не «социалист-революционер», как это нередко делали, скажем, в 1911–1916 гг., когда для всех было ясно, что организационно ПСР в России не существует, и называть себя членом того, чего нет, считалось странным (выход находили или в такой формулировке или называя себя, скажем, членом «студенческой фракции с.-р.» такого-то института или членом «коллектива с.-р.» и т.п.). Подпись Рихтера явно демонстративна, и демонстрирует он ею свое несогласие с тем, что партии эсеров нет, ведь для него лично она существует, разве только существует она не как партийный организм, а как сообщество людей, считающих себя членами этой партии, не отказавшихся от нее несмотря на давление и угрозу гибели, и ждущих подходящего момента для возвращения к активной политической деятельности и восстановления своей партии.

Заключительная строка автобиографии рельефно рисует В.Н. Рихтера как ярчайшего представителя социума, многие представители которого

не перестали считать себя членами своих уничтоженных партий, вне зависимости от того, называли ли они себя членами партии или говорили о сохранении своего прежнего мировоззрения. Впрочем, в тех случаях, когда товарищи В.Н. Рихтера использовали во время допросов в рамках определенной ими тактики своего поведения и не столь категоричные формулировки партийности, суть вещей от этого не менялась. Так, например, арестованный в 1933 г. в г. Буйнакске член ЦК ПСР Е.С. Берг назвал себя **«по убеждениям членом партии с.-р. по настоящее время»**, являющимся «политическим противником» правящей партии, и сделал следующее характерное заявление: «На поставленные мне вопросы о моей организационной деятельности в настоящее время еще раз категорически заявляю, что если бы она и была в действительности, то я, как революционер что-либо показывать отказался бы, т.к. дело касалось бы моих товарищей по общей подпольной работе. Наша этика не позволяет говорить о товарищах, работающих “плечом к плечу” в подполье, поэтому показывать отказываюсь». А вот другая видная эсерка, его товарищ по процессу с.-р. 1922 г. Е.А. Иванова на допросе в августе 1937 г. в Нарымском окружном отделе НКВД на вопрос следователя, заполнявшего «Анкету арестованного», о своей партийности ответила: «Беспартийная. В прошлом член партии эсеров. Была избрана членом Петербургского комитета партии эсеров (в 1918 году)»¹. Но в протоколе допроса ее ответ на вопрос о партийности (в прошлом и настоящем), отличается от анкеты: «С 1905 года состояла в партии эсеров. В данное время остаюсь с эсеровским мировоззрением»². В этом же протоколе в ответ на вопрос о социальном положении (род занятий и имущественное положение после революции) с ее слов записано: «С Февраля 1917 года по 1918 на партийно-эсеровской работе, после — служащая»³. Свидетельством того, что Е.А. Иванова не «разоружилась», конечно же, служат ее слова о сохранении эсеровского мировоззрения, которые, безусловно, были сказаны не случайно. В контексте всего вышесказанного, представляется, что «беспартийность» с «сохранением эсеровского мировоззрения» Е.А. Ивановой (как она определила бы себя в иной обстановке, является большим вопросом), безапелляционная «партийность» В.Н. Рихтера, и партийность «по убеждениям» Е.О. Берга — несмотря на ощутимую разницу в формулировках (которые в иных общественно-политических условиях, скажем, в 1913 г., были бы крайне существенны) в 30-х годах по глубинной своей сути совпадают.

* * *

Подобно многим революционерам, В.Н. Рихтер пришел в революцию достаточно рано — в 18 лет, будучи еще учеником выпускного класса Одесской Ришельевской гимназии. Почти четверть века спустя,

¹ Архив Управления ФСБ Томской области. Д. П-8294. Л. 4 об.

² Там же. Л. 10 об.

³ Там же. Л. 10.

отвечая на вопросы одесских и московских следователей о своей партийности, именно 1898 г. он назовет годом начала своей революционной деятельности. На допросе в феврале 1921 г. в Одесской ЧК, отвечая на вопрос анкеты: «Партийная принадлежность: а) в какой партии состоит, б) с какого времени», В.Н. Рихтер написал: «Партия социалстов-революционеров. С 1898» (См. док. № П1.2). В марте 1923 г. на допросе в Москве, отвечая на вопрос о своей партийности, он использовал уже более корректную формулировку — «член П.С.Р. с основания партии и социалист с 1898 г.» (см. док. № П1.14). Корректность ее заключается в учете того факта, что формально партия с.-р. образовалась лишь на рубеже 1901–1902 гг. Впрочем, и первый его ответ не грешил против истины, являясь отражением традиции, прочно укорененной тогда в среде революционеров.

Яркое представление об умонастроениях идеалистически настроенного юноши в это время дает его сочинение «Не напрасно, не случайно жизнь от Бога мне дана», написанное в последних классах гимназии. Отталкиваясь от стихотворения А.С. Пушкина 1828 г., он спорит с главным его посылом и пишет в плане сочинения:

«Цель жизни — служение обществу.

Необходимость для общества труда одиночных лиц.

Борьба за идеи и ее значение.

Нет тружеников-идеалистов — нет прогресса.

Огромное здание создается рабочими, по сравнению с ним пигмеями.

Имя “человек” — награда служивших обществу» (см. док. № I.5).

Всего несколько строк из ученической тетрадки, а как много они дают для понимания мироощущения их автора, мироощущения, достаточно типичного для лучшей части тогдашней образованной российской молодежи.

Поступив осенью 1899 г. на 1-й курс историко-филологического факультета Императорского Новороссийского университета, В.Н. Рихтер с головой окунается в революционную работу и в студенческое движение, пик которого как раз и пришелся на рубеж столетий. Нельзя не отметить, что и современники и историки совершенно справедливо отмечали, какое грандиозное значение для революционизирования молодежи имело студенческое движение 1899–1901 гг. и сколько студентов начали с него свой путь в революцию, войдя затем в «офицерский корпус» всех революционных партий. Так, например, Ричард Пайпс писал, что «...если полагать, что всякое историческое событие имеет свое начало, то началом русской революции вполне можно считать всеобщую университетскую забастовку февраля 1899 года»¹. Конечно, В.Н. Рихтер не мог остаться в стороне от этого противостояния российских студентов и власти, которая пошла даже на беспрецедентную отдачу питерских и киевских студентов в солдаты. Репрессии не замедлили сказаться — 3 марта 1901 г. В.Н. Рихтер был отчислен из университета за участие в

¹ Пайпс Р. Русская революция. Часть первая. М., 1994. С. 13.

студенческих беспорядках и сослан в Кишинев. Правда, как видно из документов, в августе 1901 г. ему удалось вновь восстановиться в университете (но ненадолго — в феврале 1902 г. В.Н. Рихтер был вновь исключен, на этот раз окончательно). Но даже в кишиневской ссылке он продолжал заниматься партийной работой, за что и был сослан в более глухое место — в Бендеры (см. док. № П1.14). Тем не менее ему удалось завершить начатое образование и в следующем, 1903 г., после сдачи экзамена «историко-филологической комиссии при Императорском Новороссийском Университете» получить диплом о его окончании.

Партийная работа В.Н. Рихтера, как мы уже говорили, протекала в 1898–1901 гг. в Одессе, в 1901–1902 гг. в Кишиневе, в 1902 г. Бендерах, затем вплоть до ноября 1904 г. вновь в Одессе. В 1904 г. в Особом Отделе Департамента Полиции было заведено так называемое «специальное дело» — «Об окончившем курс в Новороссийском Университете сыне вольного штурмана Владимире Николаеве Рихтере»¹. Из документов этого и других дел прорисовывается революционная деятельность В.Н. Рихтера, попадавшего время от времени в поле зрения охранки. Так, 25 октября 1904 г. начальник Одесского Охранного Отделения доносил в ДП: «...что витебская мещанка Анна Залмановна Малкина (по кличке наблюдения «Заграничная»), проживая с 23-го августа по 8 сентября в гостинице «Венеция» по Екатерининской улице, была два раза у бывшего студента Новороссийского университета Владимира Николаева Рихтера (по кличке наблюдения «Актер»), проживающего в доме № 10 по Нежинской улице, без определенных занятий, и восемь раз у доктора Александра Ивановича Потапова (по кличке наблюдения «Доктор»), проживающего в доме № 8 по Троицкой улице. По установленным по Одессе связям Малкиной (Рихтер, Потапов и Москалев) видно, что она имела сношения с наиболее видными членами Одесского Комитета партии социалистов-революционеров»².

Одесская охранка внимательно следила за деятельностью Рихтера, что видно из следующего донесения начальника Одесского Охранного Отделения от 10 августа 1904 г., которого накануне уведомил помощник начальника жандармского управления в Одесском порту, что «...в порт прибыл французский пароход “Доуро”, в числе экипажа коего оказался записанным лакей Жерар Одоли. По сведениям ротмистра Севериковского, названный Одоли мог доставить в Россию нелегальную литературу для передачи лицу, которое его встретит»³. Установленное за Одоли наружное наблюдение зафиксировало, что первые два дня после прибытия парохода в порт он оставался на борту, а на третий день, сойдя на берег, направился домой к В.Н. Рихтеру, который вскоре после ухода Одоли пошел в порт. После посещения В.Н. Рихтером парохода «Доуро» они с Одоли уже вместе отправились вновь домой к Рихтеру. На следующий

¹ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1904. Д. 1306.

² ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1904. Д. 956. Л. 94, 94 об.

³ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1904. Д. 1195. Л. 1.

день у них вновь состоялась встреча. Охранка, хотя и наблюдала за всеми этими неслучайными перемещениями и встречами, но передачи литературы не зафиксировала, что и вынужден был констатировать начальник Одесской охранки: «Сведений, могущих компрометировать политическую неблагонадежность упоминаемого Рихтера, во вверенном мне Отделении не имеется, а также не замечено, чтобы Одоли передавал Рихтеру или кому-либо другому нелегальную литературу»¹ (то, что передача литературы скорее всего состоялась, более чем вероятно, так как морской путь транспортировки нелегальной литературы, издававшейся заграничными эсеровскими центрами, широко использовался).

Но по-настоящему В.Н. Рихтер попал под самое пристальное внимание полиции, когда Е.Ф. Азеф (не без выгоды для себя долгое время сочетавший руководство Боевой организацией ПСР и «работу» секретного сотрудника ДП), готовивший в это время покушение на всесильного министра внутренних дел В.К. Плеве, сделал ряд шагов, чтобы пустить полицию по ложному следу. После гибели в Петербурге во время случайного взрыва бомбы техника Боевой Организации Алексея Покотилова Азеф, протянув некоторое время, якобы понадобившееся ему для того, чтобы узнать его фамилию, писал своему полицейскому руководителю Л.А. Ратаеву 19 июня 1904 г. из Одессы: «Здесь, в Одессе, Наум Леонтьевич Геккер и Василий Иванов Сухомлин играют большую роль в партии и они, очевидно, направляют дела боевой организации; от них я узнал, что случившееся в Северной гостинице — акт боевой организации, они же подтвердили, что погибший революционер — это Покатилов. Кроме их принимает большое участие в делах партии некий Располов — книготорговец и Гедеоновский, бывший ссыльный. Не подлежит сомнению, что эти лица составляют Центральный комитет партии с.-р. От них я узнал, что дело покушения на Плеве отлагается ввиду отсутствия бомб, которые погибли, новое приготовление которых займет много времени, а к Плеве с револьвером не подойдешь, но для реноме боевой организации надо совершить террористический акт, а потому избран теперь Кутайсов, якутская история оправдывает этот факт в глазах общества и революционеров»².

Но даже этого откровенного науськивания охранки на одесских эсеров, которые якобы являются настоящими руководителями Боевой Организации, Азефу показалось мало и он, по-видимому, еще в июле—августе стал намекать, что в Одессе и есть центр Боевой Организации, которая готовит покушение на царя во время его приезда в Одессу. Эти письма не опубликованы в цитированном выше сборнике, но сам факт сигналов «великого провокатора» по этому поводу еще в июле—августе не вызывает сомнений, особенно, при сопоставлении, с одной стороны, текста письма Азефа от 1 сентября, где он уже уверенно писал о подтвердившихся своих подозрениях, а с другой — еще августовских писем начальника

¹ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1904. Д. 1195. Л. 1.

² Цит. по: Письма Азефа: 1893—1917 / Сост. Д.Б. Павлов, З.И. Перегудова. М., 1994. С. 101.

Одесского охранного отделения, которого руководство ДП заставило буквально «обнюхать» всю Одессу в поисках террористических сил, способных совершить нападение на Николая II.

1 сентября 1904 г. уже из Женевы Азеф писал Ратаеву: «Наконец-то я выбрался Вам написать. Дело в том, что не хотелось писать, пока не нащупаешь чего-нибудь существенного. Не могу еще сказать, чтобы я добился, но во всяком случае картина кое-какая имеется. Покушение на Его Величество готовится — для меня не подлежит это никакому сомнению. Центр тяжести Б[оевой] о[рганизации] в Одессе. Мне недавно удалось тут прочесть письмо, в котором сообщают, что царь будет в Одессе. Письмо это получилось из Мюнхена, а брат Гоца привез его для передачи в Женеву. Мне случайно удалось заглянуть в это письмо»¹.

Сообщение Азефа о готовящемся покушении на царя было вне всякого сомнения нахальной ложью — эсеры слыхом хорошо помнили уроки 1 марта 1881 г. и опасались, что убийство царя, напротив, всколыхнет в крестьянстве ненависть к революционерам и верноподданнические настроения. Даже после 9 января 1905 г., когда фраза — «У нас больше нет царя!» стала весьма популярной, всерьез о покушении эсеры долго еще не помышляли. Только в начале 1907 г. в руководстве эсеровской партии выросло и окрепло мнение, что популярность Николая II после мощного аграрного движения крестьянства и его подавления, разгона Государственной Думы так низко пала, что в повестку дня встал вопрос о покушении на него.

Азеф пытался сбить свое полицейское начальство со следа, отвести подозрения от себя, переключив их внимание на возможность покушения на самого императора. Ратаев немедленно забросал Азефа письмами, в которых он, судя по ответному письму Азефа, упрекал его в недомолвках и говорил о «бесцельности нашего существования, если мы не сумеем сбечь того, кто дороже всего».

В цитированном выше письме Ратаеву от 19 июня 1904 г. Азеф в качестве «направляющих дела» БО называет В.И. Сухомлина и Н.Л. Геккера. Но было ли в этих «указаниях» Азефа имя еще и В.Н. Рихтера? Из донесения начальника Одесского охранного отделения явствует, что да, несомненно, было, ибо в донесении он упоминал, что «по сведениям Департамента Полиции значится в «Боевой Организации»: Рихтер, Сухомлин и Геккер...»².

Руководство заграничной охраны и ДП долго раскачивалось, и в Одессу тревожные директивы из ДП пришли только 16 августа. В деле «Записки начальников Охранных Отделений о революционных организациях в их районах» мы находим ряд донесений начальника Одесского охранного отделения, из которых видна его растерянная реакция на «новость» о подготовке БО покушения на царя. Бросается в глаза, что местное начальство боялось попасть впросак — ведь местная агентура ни о

¹ Письма Азефа. С. 104.

² ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1904. Д. 1195. Л. 23–23 об.

какой БО ничего не знала, но и ставить под сомнение достоверность данных, сообщенных самим ДП, тоже опасалось (понимая, что в случае покушения на царя его сделают крайним и заставят отвечать по полной программе) и посему начинало издали, с перечисления в порядке убывания «значения их деятельности» всех известных местной охранке эсеров. Начинаясь этот список с «бывшего студента Владимира Николаева Рихтера». Далее отмечалось, что «по сведениям Департамента Полиции значится в «Боевой Организации»: Рихтер, Сухомлин и Геккер, что местной агентуре неизвестно.

...Так как более видные из названных лиц вошли в тесную связь с боевым кружком Ясеновского и Рихтера, то и ликвидация наблюдения за ними будет произведена в связи с делом Рихтера. Другие же, и в том числе Владимир Фельдман предполагаются к обыскам отдельно, при удобном к тому случае»¹.

Прочитав данное донесение, руководство Департамента полиции поручило обратить особое внимание на В.Н. Рихтера, следствием чего стало следующее обращение Особого Отдела ДП к регистрационным службам Департамента: «Особый Отдел просит метить дела и входящие №, в коих упоминается бывший студент Владимир Николаев Рихтер»².

Похоже, одесские охранники почли за благо согласиться с мнением ДП о том, что В.Н. Рихтер возглавляет эсеровскую террористическую группу, ибо уже 5 сентября 1904 г. начальник Одесской охранки уверенно доносил директору ДП, поставив на полях документа бросающуюся в глаза помету «О Боевой Организации», что: «...Салов же и Москалев примыкают к известному Вашему Превосходительству бывшему студенту Рихтеру и близкой к нему Анне Малкиной. Таким образом, все переименованные лица составляют общий кружок боевой группы.

...Что же касается Рихтера и его кружка, то он будет разрабатываться дальше до прибытия известной Марии Селюк»³.

Безусловно, В.Н. Рихтер, «обласканный» вниманием к своей персоне со стороны Азефа и руководства Департамента Полиции, всерьез интересовал одесскую охранку. Но любопытно, что одесские охранники, совершенно разумно в данной ситуации «разрабатывая» Рихтера агентурными методами, не рискнули ставить за ним наружного наблюдения (которое он, конечно, более или менее быстро обнаружил бы и, приготовившись к аресту, свел свои контакты к минимуму, «заметя» к тому же все следы и «подчистив» улики). Поэтому в поле зрения наружки В.Н. Рихтер попадал лишь тогда, когда с ним вступало в контакт другое «наблюдаемое лицо».

21 ноября 1904 г. начальник Одесского охранного отделения подполковник Бобров извещал телеграммой директора Департамента полиции о

¹ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1904. Д. 1195. Л. 23–23 об.

² Там же. Л. 25.

³ Там же. Л. 25–26 об.

том, что «наблюдаемый революционер Владимир Рихтер сегодня выехал через Александрово в Лейпциг»¹.

По распоряжению директора ДП были посланы письма руководителям русской заграничной агентуры в Германию и Швейцарию, практически совпадавшие по тексту. Процитируем письмо, отправленное в Швейцарию: «Принадлежащий к числу наиболее активных членов Одесского Комитета партии социалистов-революционеров и состоявший под наблюдением Одесского охранного отделения окончивший Новороссийский Университет Владимир Николаевич Рихтер 21 сего ноября выехал за границу и направился в г. Лейпциг. Сообщая о сем, предлагаю Вашему превосходительству обратить внимание на деятельность и сношения его в случае прибытия в Швейцарию и о последующем представить. За Вице-Директора Макаров»².

Письмо, отправленное в Германию, отличалось только концовкой, в которой предлагалось «...обратить внимание на деятельность и сношения его в г. Лейпциге и о последнем представить в Департамент»³.

26-го ноября 1904 г. начальник Одесского Охранного Отделения вновь докладывал директору ДП: «В дополнение к телеграмме моей от 21 сего ноября за № 19044, доношу Вашему превосходительству, что наблюдаемый по городу Одессе член местного комитета партии социалистов-революционеров, бывший студент Новороссийского университета (кличка наблюдения «Актер») 21 ноября в 11 часов утра, вышел из своей квартиры в сопровождении своей матери и неизвестных четырех мужчин и 5-ти дам: из этого числа 3 дамы и 2 мужчины расстались у квартиры Рихтера, а остальные отправились с ним на вокзал. Здесь Рихтер взял билет II класса до Лейпцига и в 12 часов дня выехал из Одессы в сопровождении филеров вверенного мне отделения Захария Бедило и Семена Мышечкина. 22 ноября в 1 час дня, Рихтер прибыл в г. Варшаву, из вагона вышел с неизвестным молодым человеком, с которым он осматривал город, а затем они возвратились на Венско-Варшавский вокзал и в 4 часа 25 минут дня выехали за границу через станцию Александрово, откуда сопровождающие Рихтера филеры в город Одессу»⁴.

18 декабря 1904 г. за подписью директора ДП был разослан циркуляр «гг. жандармским офицерам на пограничных пунктах», в котором приказывалось: «В случае проезда упомянутых в настоящем циркуляре под №№ 4 и 24 Берсона и Рихтера через вверенный Вашему наблюдению пограничный пункт надлежит независимо таможенного досмотра подвергнуть тщательному обыску как их самих, так равно и их багаж и при обнаружении чего либо преступного арестовать и телеграфировать Департаменту для получения дальнейших указаний, в противном же случае предоставить им свободно следовать далее и о направлении избранного

¹ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1904. Д. 1306. Л. 1.

² Там же. Л. 2.

³ Там же. Л. 3, 3 об.

⁴ Там же. Л. 4.

ими пути телеграфировать Департаменту и начальнику подлежащего Губернского Жандармского Управления»¹.

Тогда же В.Н. Рихтер был включен в секретный «Список лиц, за которыми, по возвращению в пределы России, надлежит установить секретное наблюдение» со следующей формулировкой — «Рихтер Владимир Николаев, окончивший курс в Новороссийском университете, сын вольного штурмана»².

Последний документ тонкого «специального дела» В.Н. Рихтера представляет собой сообщение вице-директора ДП Н.А. Макарова руководителю заграничной агентуры А.М. Гартингу, что «...по вновь полученным из агентурного источника указаниям, проживающий в г. Лейпциге известный Вам Владимир Николаев Рихтер получает из России корреспонденцию по следующему новому адресу: Лейпциг, Port-Cagego D-g Pfeil W.N»³.

В Лейпциге В.Н. Рихтер пробыл несколько месяцев, поступил в университет, но уже в следующем, 1905 г., вернулся в Россию⁴. О пребывании в Германии в этот период в семейном архиве не осталось никаких сведений, кроме открыток от 15 января 1905 г. (док. № I.10) и от 7 декабря 1905 г. (док. № I.11).

Вернувшись на родину в разгар революции 1905—1907 гг., В.Н. Рихтер вновь включился в руководство одесской эсеровской организацией. Охранка вновь фиксировала его встречи с «наблюдаемыми лицами», как это было например, когда к нему в дом № 10 по Нежинской улице приходил эсер Ш.С. Гуревич — участник знаменитой “Якутки”, приехавший в Одессу из-за границы, о чем начальник Одесского охранного отделения и доносил директору Департамента полиции⁵.

В это время местная охранка характеризовала В.Н. Рихтера как одного из главных руководителей эсеровской партийной работы в Одессе. В деле Особого Отдела Департамента полиции под названием «Одесский комитет партии социалистов-революционеров» мы читаем в донесении начальника Одесского охранного отделения от 18 февраля 1906 г. о приезде в январе 1906 г. уполномоченного ЦК ПСР, разъезжавшего по городам России «с целью обследования местных комитетов и групп», который встречался с верхушкой Одесской организации, в том числе и с «членом и казначеем подкомитета — бывшим студентом Новороссийского Университета Владимиром Николаевым Рихтером, известным в организации под именем «Александра Сергеевича» и «Владимира Николаевича»⁶.

Рихтер участвовал в создании Южнорусского областного комитета ПСР, избранного на съезде организаций Южнорусской области, прохо-

¹ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1904. Д. 1306. Л. 5, 5 об.

² Там же. Л. 7.

³ Там же. Л. 8.

⁴ ГАРФ. Ф. 102. Д. 314. Л. 531. Л. 82.

⁵ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1899. Д. 516. Л. 10.

⁶ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1906. I отд. Д. 20. Ч. 2. Л. 30.

дившем в феврале 1906 г. у него в доме (из донесения охраны следует, что сам он на съезде не присутствовал, вернувшись из кратковременной заграничной поездки через день после съезда)¹. По окончании собрания «большинство сходки было разведено» филерами, причем часть людей отправилась в гостиницы города, что явно указывало понимающим охранникам на характер «сборища» — съезд представителей иногородних организаций. Это прекрасно коррелировало с «агентурным сообщением» о характере собрания. Более того, этот «агентурный источник», который присутствовал на съезде в качестве делегата (по-видимому, от Николаева, так как «доложился он по начальству» именно там), подробно рассказал, о чем на областном съезде шла речь. Вот что сообщал об этом из Николаева жандармский ротмистр Левдиков: «...На съезде между прочим была вынесена резолюция, что на обязанности Областного Комитета лежит установка своей типографии, издание в ней партийной литературы и своего органа, доставка оружия, как-то — ружей, револьверов, кинжалов и бомб. Для изготовления бомб будет устроена областная лаборатория, но не возбраняется [устроить] лабораторию [и] в городских комитетах. При Областном Комитете будут выработаны чертежи простых ручных пулеметов, а также легкоподвижных пушек малого калибра (на манер горных), рекомендуется по этим чертежам изготовить орудия самим в местных комитетах»².

Деятельность В.Н. Рихтера в это бурное революционное время, вне всякого сомнения, весьма интенсивная, все же редко попадала в поле зрения охраны. Так, следующее сообщение о нем относится к июню 1906 г., когда он попал в «Сводку данных наблюдения по гор. Одессе по делу лиц, прикосновенных к местному комитету партии социалистов-революционеров за июнь месяц 1906 года». Собственно говоря, «Сводка» и открывалась записью о нем:

«Кличка «Актер»;

Установка — Рихтер Владимир Николаевич, 26 лет, сын вольного штурмана, без определенных занятий;

Местожительство — Нежинская улица дом № 10;

Почему учреждено наблюдение или от кого взять — От «Карантинного» Гуревича;

Когда — 4/II—1906 г.

Кто посетил — «Котиковый» Сухомлин

С кем виделся —

¹ В деле «Южнорусского областного комитета партии социалистов-революционеров», заведенным Особым Отделом ДП в 1906 г., имеется телеграмма начальника Одесского охранного отделения на имя директора Департамента полиции, в которой сообщалось, что 5 февраля 1907 г. «...в собственном доме отсутствующего Владимира Николаевича Рихтера» собралось 14 человек, часть из которых была опознана филерами наружки как «видные местные эсеры» (ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1906. I отд. Оп. 235. Д. 20. Ч. 20. Л. 10). В.Н. Рихтер вернулся в Одессу, как видно из документов дела — через день после проведения съезда — 7 февраля 1906 г., но понятно, что домом воспользовались по его инициативе.

² Там же. Л. 18 об.

*Кого он посетил —
Когда — 14, 20, 21, 25, 26»¹.*

Все города, в которых В.Н. Рихтер вел революционную работу, входили в состав Южно-Русской (Южной) областной организации ПСР, включавшей в себя эсеровские организации трех губерний — Бессарабской, Херсонской и Таврической. По подсчетам местных «областников», представленным ими II Совету партии в октябре 1906 г., областная организация в это время состояла из 138 «низших» и 25 «высших» организаций, объединявших в своих рядах 2451 члена партии: 356 крестьян, 1455 рабочих, 83 интеллигента, 215 учащихся, 270 военнослужащих². Наиболее слабой из трех губернских организаций была Бессарабская, наиболее сильной — Таврический Союз ПСР. Своеобразие эсеровской работы в области заключалось в городском характере работы в Бессарабской губернии, где работа велась в Кишиневе и ряде уездных городов (в том числе и среди солдат) при полном ее отсутствии среди коренного населения губернии — молдаван; наличии «революционно настроенного» Черноморского флота, где эсеры пользовались большим влиянием; относительной слабости рабочего движения (за исключением Одессы, Севастополя, Николаева); высокой активности и самостоятельности херсонских и особенно таврических крестьян; специфике курортных городов и мест Крыма, которая выражалась в том числе и в полицейских строгостях (как, например, в Ялте).

Впрочем, революционная деятельность В.Н. Рихтера на юге России была прервана еще в разгар революции 1905–1906 гг. 5 марта 1906 г. он был арестован в числе лиц, проводивших агитационную акцию среди учащихся Одесской Петропавловской военной школы, 31 марта 1906 г. привлечен жандармским управлением г. Одессы к дознанию в качестве обвиняемого по I части 126 статьи Уголовного Уложения, а 1 апреля заключен под стражу в Одесскую тюрьму. По постановлению временного генерал-губернатора г. Одессы и одесского градоначальника от 16 июня 1906 г. В.Н. Рихтер был выслан на время военного положения в Вологодскую губернию.

Вологодская ссылка 1906 г., чем дальше, тем больше тяготила В.Н. Рихтера. Революция шла на убыль и это сказывалось на настроениях ссыльных. Принимая решение о побеге из ссылки, В.Н. Рихтер верно предугадал то прозябание, на которое была обречена ссылка на ближайшие годы реакционного безвременья.

Вот как описал настроение вологодских ссыльных представитель Северной области ПСР на V Совете партии, состоявшемся в конце апреля — начале мая 1909 г. в Париже: в связи с арестами, бегством за границу и «уходом в личную жизнь» многих партийных функционеров эсеровская областная организация, испытывая сильный кадровый голод, решила обратиться к вологодским ссыльным-эсерам: «Ни для провинции, ни для Петербурга Обл. Бюро не могло найти подходящих людей. Специально

¹ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1906. I отд. Оп. 235. Д. 20. Ч. 20. Л. 130–131.

² МИСИ. Архив ПСР. 143.

для этого был отправлен товарищ к ссыльным в Вологду, где узнал, что никто из ссыльных ни в Вологде, ни в других городах не намерен менять административную ссылку на нелегальное положение, так мало веры у ссыльных в продуктивность той работы, которая ведется сейчас разбитыми партийными организациями»¹. Причины такого отказа видны из трех фраз, вычеркнутых докладчиком в черновике своего выступления — нежелание ссыльных связываться с организациями, «еле влачащими свое существование, быстро проваливающимися всякого нового работника, не могущими поддерживать его материально, не имеющими совершенно средств и кроме того настолько «проваленными», что судьба всякого вновь появившегося — тоже провал. Города ссыльные хорошо знают (о положении работы в разных местах России на основании рассказов вновь прибывающих ссыльных). Удручающее впечатление, между прочим, произвел на всех ссыльных добровольный возврат в ссылку нескольких бежавших товарищей с целью работать и вернувшихся обратно после того, как они убедились, что работа совершенно бесплодна»².

Уже в декабре 1906 г. В.Н. Рихтер бежал из вологодской ссылки за границу. 24 декабря 1906 г. он прислал из Германии поздравительную открытку своей бабушке Э.Р. Дельфин (см. док. № I.12). Перебравшись во Францию, он вновь активно включился в эсеровскую работу и был избран в Областной Заграничный комитет ПСР, руководящий орган Заграничной Организации (Федерации) групп содействия ПСР, игравшей важную роль в жизни эсеровской эмиграции, а вскоре стал секретарем комитета. Как известно, с началом революции 1905–1907 гг. почти все эсеры-эмигранты вернулись в Россию, и поэтому после поражения революции организационные структуры эсеровской эмиграции создавались фактически заново, правда, с учетом предшествующего опыта. Первые группы содействия ПСР начали формироваться в европейских странах в конце 1907 г., когда после поражения революции большая масса партийных работников устремилась в эмиграцию. Тогда же был проведен I съезд Заграничной организации с.-р., а в январе 1908 г. состоялся II съезд. Ими был принят Устав Заграничной организации с.-р., который констатировал, что все заграничные группы образуют федерацию и что членами групп состоят лица, принимающие программу и тактику ПСР и подчиняющиеся ее директивам. Заграничная организация подчинялась общепартийному уставу и высшей ее инстанцией являлся съезд представителей групп. Представитель ЦК на съезде наделялся по уставу правом veto по вопросам общепартийного характера. Исполнительным и связующим органом Заграничной организации являлся Областной комитет (затем Центральное Бюро ЗФ).

Программные задачи групп заключались в следующем: подготовка ее членов к революционной работе в России, прежде всего в качестве агитаторов и пропагандистов; ознакомление общественности Западной Евро-

¹ МИСИ. Архив ПСР. 146.

² Там же.

пы с положением в России и задачами партии; организация общественных протестов против преследования русским правительством революционеров; товарищеская взаимопомощь. На практике, как отмечал на I Общепартийной конференции представитель Заграничной организации, из-за бедственного положения эмигрантов «последняя работа поглощает всю остальную...»¹.

Яркое впечатление о состоянии дел в Заграничной организации в это время и об отношении к ней российских эсеров и руководства партии дают слова представителя Заграничной Федерации на V Совете партии: «Всего членов в заграничных группах около 500 человек, причем большинство находится в Париже, где в одной Парижской группе содействия ПСР находится 176, а в Группе с.-р. находится 56 человек. Вся деятельность заграничной организации сосредотачивается главным образом на финансовой поддержке партии, и эта финансовая поддержка за отчетный год, как это было выяснено на конференции, равнялась двум тыс. франков. Весь оборот областного комитета выражается суммой 10 тыс. франков, из которых 8 тыс. пошло на поддержку эмигрантских касс, которые постоянно имеют дефицит. Кроме того, заграничная организация через свой исполнительный орган — Областной Комитет — рассылала референтов по городам Западной Европы. Референтов было 4 и читали они почти во всех городах рефераты на разные темы. В финансовом отношении эти рефераты дали только дефицит, а идейную их пользу учесть, конечно, трудно. Вся деятельность заграничной организации оживлялась только в трех случаях, остальное время эсеровская жизнь за границей текла довольно мертво и инертно. [...]

...Затем еще содействие партии со стороны заграничной организации выразилось по отчету областного комитета в постановке границы для транспорта и отправке нескольких человек в Россию и в снабжении паспортами отъезжающих товарищей. Вообще же Областной Комитет в своем докладе (на III конференции. — *К.М.*) признал, **что собственно вся заграничная организация живет паразитом на теле партии, ибо живет за счет партии, за счет ее имени и ее репутации.** Собирает деньги она только потому, что она партийная группа, но собственно сама она работы никакой не ведет»².

Тем не менее Областной Заграничный комитет отправил в Россию в течение года (с середины 1907 по середину 1908 гг.) девять человек, отдельные группы — восемь человек и кроме того 25 человек уехало на работу при содействии ОЗК через группы.

Но не только этой рутинной работой приходилось заниматься В.Н. Рихтеру как члену ОЗК — ведь вся эсеровская партия и, прежде всего, ее эмигрантская часть втягивались в полосу скандала, связанного с разоблачением Азефа, и в пучину острейшей фракционной борьбы, густо замешанной на выяснении, кто виноват в этом позоре. И здесь нельзя не сказать (хотя бы вкратце) об атмосфере в эмигрантских революционных

¹ Протоколы I Общепартийной конференции ПСР. Париж, 1908. С. 55.

² МИСИ. Архив ПСР. 146.

кругах после поражения революции 1905–1907 гг. С одной стороны, эту атмосферу (как и для всех эмигрантов) создавала тоска по родине, оторванность от нее, затрудненность приложения своих сил. Так, например, эсер Л.А. Либерман писал: «Эмигрантская жизнь хуже ссылки. Ссылка все же Россия. Слышишь русскую речь, живешь русским укладом жизни. В ссылке простор полей, простор лесов. В изгнании ужас чужой речи, чужих порядков. И что хуже всего, — оторванность от всего родного, оторванность **навсегда**, ибо если есть предельный срок ссылке, то изгнанию нет предела...»¹. В.М. Зензинов, бежав из Сибири и приехав в Париж в декабре 1907 г., вспоминал: «Целый год прожил я в Париже и этот год из всех своих революционных испытаний я считаю самым тяжелым. Нет ничего тяжелее изгнания. С ним я не могу даже сравнить сибирской ссылки, которую мне позднее пришлось испытать и которая по своим условиям была исключительно тяжелой. Страстно стремиться на родину, мечтать отдать ей все свои силы и изнывать в бездействии, не будучи в состоянии ничем помочь ей и работать ей на пользу...»². Общеизвестны констатации, что любая эмиграция — это сложные взаимоотношения, бесконечные слухи и сплетни. Так, например, в черновых набросках В.М. Чернова есть любопытная фраза: «Заграничная атмосфера — бесконечные и ненужные дискуссии»³.

Но все эти явления, существующие, наверное, в любой политической эмиграции, после разоблачения Азефа приобретали в эсеровской среде совершенно новое качество. Из множества свидетельств того удручающего состояния, в которое была повергнута эсеровская партия этим разоблачением, самым точным нам представляется мнение В.М. Зензинова, высказанное им в конце жизни: «Разоблачение Азефа для всего нашего поколения, имевшего какое бы то ни было — близкое или далекое — касательство к революционному движению, было резкой гранью, отделившей одну часть нашей жизни от другой. Мы как бы потеряли право на наивность. Каждый из нас теперь был вынужден пересмотреть свои отношения к людям, в особенности к самым близким. Человек, которому мы доверяли, как самим себе, оказался обманщиком, предателем, злодеем, надругавшимся над тем, что нам было дороже всего на свете, дороже собственной жизни, человеком, опозорившим и оплевавшим наше святое святых. На мир, на людей, на жизнь он заставил нас взглянуть теперь другими глазами. После разоблачения Азефа и всего пережитого в связи с этим мы были и сами уже другими — исчезла наивная доверчивость к людям, остыла любовь — холодными остановившимися глазами смотрела теперь на нас суровая, часто безжалостная жизнь»⁴.

Волна взаимного недоверия и подозрительности, которая захватила эсеровскую среду в это время, серьезно повлияла и на морально-психо-

¹ Воля народа. 1917. № 96. 15 августа. С. 2.

² Зензинов В. Из жизни революционера. Париж, 1919. С. 56.

³ ГАРФ. Ф. 5847. Оп. 1. Д. 65. Л. 112.

⁴ Зензинов В.М. Пережитое. Нью-Йорк, 1953. С. 414.

логическую атмосферу, погрузив эмиграцию в пучину всевозможных слухов, взаимных обид и бесконечных третейских судов.

В эсеровской эмигрантской среде шок сменился заподозриванием всех и вся. На свет божий вылезли истории и факты, которым до этого не придавали особого значения, да и каждый поступок, каждое слово человека подвергалось пристальному вниманию. Во многом получилось по русской пословице «Обжегшись на молоке, дуют на воду». К тому же вся эта истерия проходила на фоне стремительного роста недовольства друг другом, поиска виновных в том, что «прохлопали» провокатора такого высокого уровня, и серьезного ухудшения моральной атмосферы, которое вело к новым подозрениям и конфликтам. С другой стороны, сама эта истерия была не только фоном, ею были охвачены очень многие и она сама ухудшала внутрипартийную морально-психологическую атмосферу. Последствия не заставили себя ждать — со всех сторон посыпались подозрения и новые дела. Нельзя сказать, чтобы все они не стоили выеденного яйца. Уже в первые месяцы 1909 г. были разоблачены и реальные провокаторы, что только подливало масло в огонь провокаторофобии, охватившей всю эмиграцию.

В этой ситуации в начале 1909 г. была создана Следственная Комиссия при ЦК ПСР, которая занималась расследованием всех дел, связанных с обвинениями членов партии в связях с охранкой. В конце 1909 — начале 1910 г. в эту комиссию входили достаточно авторитетные эсеры, такие, как И.И. Ракитникова, Н.С. Тютчев, В.Н. Рихтер. Она играла важную роль во внутрипартийной жизни, т.к. после разоблачения Азефа эсеровская партия была охвачена шпиономанией. Членом Следственной Комиссии за их изнуряющий труд не платили денег. Мотивы для такой работы были совсем иные. О них хорошо сказал в своих воспоминаниях М.В. Вишняк. И хотя эти слова посвящены И.И. Фондаминскому, также бывшему в 1910 г. членом Следственной Комиссии, они с полным правом могут быть отнесены и к В.Н. Рихтеру: «Фондаминский с головой ушел тогда в партийные, сугубо конспиративные и засекреченные дела. Он привлекался к расследованию дела Азефа (в 1908 г. — *К.М.*), к проверке благонадежности других заподозренных в провокации, к судам партийным и даже межпартийным (в частности, к делу об удержании Лениным для большевистской фракции средств, принадлежавших Социал-демократической партии). Эти трагические дела отнимали у него много времени и душевных сил. Он считал невозможным от них уклоняться, — наоборот, считал своим морально-политическим долгом этим заниматься, так как был в числе тех немногих, кого не заподозривали в личных мотивах или пристрастии. Его уважали и ему доверяли (выделено нами — *К.М.*)»¹.

В словах Вишняка о том, что в Следственную Комиссию при ЦК ПСР выбирали только тех, «кого не заподозривали в личных мотивах или пристрастии», нет ни грана преувеличения. Трудно даже предста-

¹ Вишняк М.В. «Современные записки». Воспоминания редактора. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 32.

вить себе ту накаленность атмосферы и взаимного недоверия, которая была характерна для эсеровской эмиграции после разоблачения Азефа. В этой связи в высшей степени показательным свидетельством А.А. Аргунова: «Стали возможными такие взгляды, как, например, приобретающая популярность фраза одного из довольно видных членов партии, работавшего по следственным делам: “каждый член партии — потенциальный провокатор”»¹. Неизвестно, кто сказал эту фразу, помимо Следственной Комиссии при ЦК ПСР существовала еще в 1909–1911 гг. Судебно-Следственная Комиссия при ЦК ПСР по делу Азефа, а кроме того создавались многочисленные третейские суды для разбора конфликтов в эмигрантской среде.

Нетрудно представить, как могли реагировать на подобные убийственные заявления сами эсеры, вдруг оказавшиеся в ситуации, когда им казалось, что их рассматривают как «потенциальных провокаторов». В 1911 г. Савинков будет прямо сравнивать деятельность Судебно-Следственной комиссии при ЦК ПСР с методами «Жандармского управления». Справедливости ради следует отметить, что в большинстве случаев члены следственных комиссий и третейских судов при всем желании не могли произвести весь необходимый объем следственных действий (особенно по делам о подозрении в провокации, где все нити вели в охранные отделения, куда запрос послать было нельзя), располагая, как правило, только косвенными уликами. Кроме того, членам следственных комиссий и судов поневоле приходилось ограничивать права подследственных и «подсудимых», отказывая в ряде случаев в знакомстве с обвинительным материалом по конспиративным соображениям.

И несмотря на то, что в Следственную Комиссию, действительно, избирали людей, пользовавшихся доверием и авторитетом, это вовсе не спасало их от раздражения, а порой и неприязни товарищей. Нетрудно понять, почему в Следственной Комиссии при ЦК ПСР была такая текучесть: более полугода–года никто не выдерживал. Мы не знаем, когда и по каким причинам ушел из комиссии В.Н. Рихтер, но мы знаем, почему ее покинул, например, Н.С. Тютчев. В своем заявлении в ЗД ЦК ПСР от 2 мая 1910 г. Н.С. Тютчев объявил о сложении с себя обязанностей члена Следственной комиссии в связи с тем, что Транспортная комиссия передала Воронову (Б.Н. Лебедеву, другому члену Следственной комиссии) заявление о том, что если Тютчев будет оставаться в ее составе, то представитель ТК не будет присутствовать на суде по делу Маркина и что «она передает бумаги о провокации в партии, находившиеся в ее распоряжении около двух недель, только сейчас, когда ей сообщили об уходе Тютчева»². Н.С. Тютчев заявлял, что «этими заявлением свидетельствуется о недоверии к его политической честности, т.к. другими сторонами его жизни нельзя мотивировать задержку деловых документов»³. По требова-

¹ Аргунов А.А. Азеф в партии с.-р. // На чужой стороне. Берлин–Прага. Кн. VII. С. 77.

² ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1904. Д. 1306. Л. 6, 7.

³ Там же.

нию Делегации руководитель ТК А.А. Аргунов объявил, что никакого заявления Воронову она не делала и никаких бумаг о провокации в партии не имеет¹. И тем не менее Тютчев ушел из следственной комиссии и отстранился от активной партийной работы.

Вероятнее всего, В.Н. Рихтер ушел из Следственной Комиссии вскоре после так называемого дела Петрова, в котором в качестве члена Следственной Комиссии принял участие, вступив в конфликт с руководством партии, желавшим замять этот конфликт. Следует сразу отметить, что к чести членов Комиссии, они заняли принципиальную позицию по этому делу, выразив свое «глубоко отрицательное отношение» к использованию секретного сотрудника охраны в «двойной игре», и угрожали отставкой в случае непредоставления им всех документов по этому делу².

Суть «Дела Петрова», одного из самых грязных и запутанных дел «полицейско-революционной кухни», сравнимого лишь с широко известными «делом Азефа» и «делом Богрова», состояла в следующем: эсер А.А. Петров, имевший за своими плечами несколько арестов и два побега из тюрьмы, в конце 1908 г. приехал в Саратов из-за границы в составе группы видного эсера О.С. Минора, был арестован и дал согласие на сотрудничество с охранкой. Ему был организован побег и в середине июля 1909 г. он прибыл за границу, где сознался в своем «грехопадении», изложив, правда, свою версию вербовки, выставлявшую его в более выгодном свете³.

23 августа 1909 г. И.И. Фондаминским, Б.В. Бартольд, Б.В. Савинковым и А.А. Петровым был составлен и подписан акт следующего содержания: «Представители ЦК ПСР Бакунов (И.И. Фондаминский — *К.М.*) и БО СР Ивернев (Б.В. Савинков — *К.М.*), в присутствии члена ПСР Павлова (Б.В. Бартольд — *К.М.*), выслушав 17/30 августа 1909 г. рассказ члена ПСР Александра Алексеевича Петрова, установили:

что тов. Петров, по своему личному почину, без ведома кого бы то ни было из членов партии, в целях революционной борьбы, поступил на службу в Охрану в качестве секретного сотрудника, причем, по его рассказу, в искренности и правдивости которого мы не имеем никаких оснований сомневаться, с его стороны не было сделано никаких указа-

¹ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1904. Д. 1306. Л. 8.

² См.: ГАРФ. Ф. 6212. Оп. 1. Д. 91. Л. 2–2 об.; Д. 95. Л. 39.

³ См.: Падение царского режима. Стеногр. отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного правительства. Л., 1925. Т. 3; Н.М. (Н.И. Ракитников) Дело Петрова // Знамя труда. Париж. 1910. № 25; К убийству полковника Карпова // Там же; Бурцев В.Л. Дело с-р А.А. Петрова // Иллюстрированная Россия. Париж. 1939. № 21; Герасимов А.В. На лезвии с террористами. М., 1991; Курлов П.Г. Гибель императорской России. М., 1992. См.: К убийству полковника Карпова. С. 6; ГАРФ. Ф. 6/с/102. Оп. 1. Д. 175. Л. 11 об.—12; ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 514. Л. 4 об.—5. См.: Герасимов А.В. На лезвии с террористами. С. 166; ГАРФ. Ф. 6/с/102. Оп. 1. 1909. Д. 175. Л. 12 об.; ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 514. Л. 4 об.—6.

ний на революционную деятельность каких бы то ни было лиц и организаций и вообще никаких фактических сообщений о революционных делах и деятелях;

что затем тов. Петров, убедившись, что им совершен поступок, противоречащий революционным традициям, недопустимый для революционера и наносящий существенный вред делу революции, пришел к сознанию необходимости обезвредить последствия своего поступка путем устранения им, тов. Петровым, одного из руководителей политического сыска в России».

Заключительная часть акта гласила: «С своей стороны мы, представители ЦК ПСР и БО СР, заявили тов. Петрову, что намеченный им исход является единственным достойным и целесообразным для члена ПСР. Данный террористический акт может быть совершен только в пределах России или Финляндии, причем, о нем публикуется в органах ПСР как об акте политического террора, совершенного с ведома и одобрения партии с-р. В случае процесса товарищу Петрову предоставляется право заявить о том же на следствии и суде»¹.

Приехав в Петербург во второй половине ноября 1909 г., А.А. Петров встречался с С.Г. Карповым и Н.В. Доброскоком и требовал от них обоих свидания с А.В. Герасимовым, отстраненным от «руководства» Петровым. А.А. Петров заявил С.Г. Карпову, что А.В. Герасимов и Н.В. Доброскок толкают его на убийство С.Г. Карпова и П.Г. Курлова, и предложил снять конспиративную квартиру, где состоялась бы его встреча с Герасимовым и Доброскоком, с тем, чтобы находившиеся в соседней комнате С.Г. Карпов, П.Г. Курлов и С.Е. Виссарионов сами удостоверились в этом. Такая квартира была снята Карповым и Петровым на Астраханской улице. В ночь на 9 декабря 1909 г. А.А. Петров взорвал С.Г. Карпова на конспиративной квартире и пытался скрыться на поджидавшем его извозчике, но был случайно схвачен дворниками. На заседании Петербургского военно-окружного суда, проходившем 9 января 1910 г. на квартире заведующего арестантскими помещениями Петропавловской крепости Г.А. Иванишина, на котором присутствовали все высшие представители судебных органов военного ведомства, ДП, столичной охранки², А.А. Петров был обвинен в принадлежности к БО ПСР и в том, что, войдя в доверие к С.Г. Карпову «под предлогом сообщения ему важных замыслов участников означенного сообщества, заманил его в Петербурге на Астраханскую улицу д.25, кв.6, где в ночь на 9 декабря 1909 г. умышленно, путем взрыва динамита, лишил полковника Карпова жизни...» Ему был вынесен смертный приговор, который уже 13 января был приведен в исполнение³.

¹ См.: Б.В. Савинков и Боевая организация ПСР в 1909–1911 гг. / Публ. К.Н. Морозова // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 18. М.; СПб., 1995. С. 264.

² См.: Записные книжки полковника Г.А. Иванишина / Публ. А.Д. Марголиса, Н.К. Герасимовой, Н.С. Тихоновой // Минувшее. Вып. 17. М.; СПб., 1994. С. 531.

³ ГАРФ. ДП ОО. Ф. 6с/102. Оп. 1. Д. 458. Л. 12–15.

В эсеровской партии вспыхнул грандиозный скандал. Подавляющее большинство членов ЦК и ЗД ЦК даже не подозревали о вступлении А.А. Петрова в секретные сотрудники охраны и о соглашениях его с Б.В. Савинковым, И.И. Фондаминским, С.Н. Слетовым и Б.В. Бартольд-дом. Но именно на ЦК и обрушилось негодование многих эсеров.

Руководство партии оказалось в тяжелом и даже глупом положении. Сказать правду было равносильно признанию того, что руководитель боевой группы и представитель ЗД ЦК втайне от членов ЦК, находившихся в России, и от членов ЗД ЦК грубо нарушили формальные установления двух Советов партии, требовавшие немедленного исключения из партии вступившего в связь с охранкой. Более того, роспуску подлежала любая партийная организация, дававшая разрешение на вступление своего члена в секретные сотрудники с той или иной целью. Вопрос принимал принципиальный характер и тянул за собой другой вопрос — об отставке ЦК и коренной реорганизации партии на иных организационных принципах. В этих условиях руководство партии сочло за благо затушевать, сгладить все это дело, пойти на лживое сообщение¹. В сопроводительной записке в редакцию ЦО ПСР говорилось следующее: «Настоящее заявление просим немедленно опубликовать в ближайшем номере “Знамени Труда” и немедленно разослать его по имеющимся адресам отдельным **оттиском** — в случае, если оно не вызывает у вас принципиального протеста»².

Обратим внимание на оговорку ЦК в сопроводительной записке по поводу отсутствия «принципиального протеста». Она совершенно не случайна, т.к. 29 декабря 1909 г. члены Следственной Комиссии при ЦК ПСР И.И. Ракитникова, Н.С. Тютчев и В.Н. Рихтер написали в ЦК заявление о сложении своих полномочий. Они мотивировали это свое решение четырьмя доводами. Во-первых, представители комиссии не были приглашены на совет, где представители «учреждений ЦК» рассматривали дело Петрова. Во-вторых, «...заявление ЗД от 1/ХІІ 09 г. совершенно не соответствует действительному ее поведению» (заявление нами в архивах не обнаружено. — *К.М.*). В-третьих, важнейшие документы по делу Петрова переданы В.Л. Бурцеву, а комиссии не сообщили даже об их существовании. В-четвертых, официальное заявление о Б.В. Бартольде не передано комиссии. Вывод заявления был краток и логичен: «...при таких ненормальных условиях невысказанно продолжать работу...»³.

¹ В фонде И.И. Фондаминского хранится, судя по всему, так и оставшееся не опубликованным «Сообщение ЦК о деле А.А. Петрова» с сопроводительной запиской в редакцию «Знамени труда», которое, в частности, гласило: «Настоящим ЦК заявляет, что на план и на приведение его в исполнение ЦК Петрову партийной санкции не давал, считая Петрова вышедшим из партии и рассматривая все дело Петрова как его личное. Вместе с тем ЦК напоминает товарищам постановление IV Совета партии, согласно которому всякое вхождение члена партии без ведома организации в какие бы то ни было сношения с политической полицией влечет за собой безусловное исключение из партии».

² ГАРФ. Ф. 6212. Оп. 1. Д. 95. Л. 119–120.

³ Там же. Л. 39.

ЦК ПСР, получив подобный ультиматум, занял конфликт, и представил Следственной комиссии мемуары Петрова, конспект его автобиографии и его переписку с Герасимовым, Долговым и Доброскоком¹. Рассмотрев эти документы, члены Следственной комиссии сообщили свои выводы ЦК ПСР: письма Петрова, написанные под диктовку членов партии, содержат в ряде случаев достоверную информацию, кроме того полны ругательных фраз и оборотов в адрес видных деятелей партии. По мнению членов комиссии, ряд сведений «в некоторых своих частях мог быть вреден как отдельным представителям партии, так и партии в целом». Отмечая, что некоторые сведения, например, о Савинкове, несомненно, соответствовали действительному положению вещей (например, утверждение, что «появление Савинкова снова на работе вызывает во многих сильное неудовольствие...», что «Савинков злоупотребляет своим положением «нужного» человека и третирует Партию и диктует свои условия, не идя ни на какие уступки»).

Следственная комиссия заявляла, что не представляет себе, чтобы была выгодна партии осведомленность охраны о положении дел в ней. Ответственность за письма Петрова, написанные под диктовку, ложится на тех, под чьим руководством он действовал. В заключение комиссия заявляла, что «...не считает возможным в переживаемое партией крайне тяжелое и смутное время...поднять вопрос о формальном следствии над этим делом. Но тем не менее она считает своим долгом выразить как свое горестное изумление по поводу возможности таких фактов, так и свое глубоко отрицательное отношение к приемам подобного рода, дискредитирующим не только тех, кто к ним прибегает, но и всю партию»².

Представляется, что наиболее принципиальную позицию по этому делу заняли те, кто выступил с категорическим осуждением действий представителей партии, в том числе и член Следственной Комиссии при ЦК ПСР В.Н. Рихтер. То, что эта позиция вызывалась не только моральным неприятием возможности использовать услуги человека, запятнавшего себя сотрудничеством с охранкой, но и другими мотивами, в том числе и мотивами внутрипартийной борьбы и необходимости соблюдения общепартийных установлений, не делает ее менее принципиальной. Менее принципиальной была позиция ЦК и ЗД ЦК ПСР, не желавших раздувать возможные внутрипартийные последствия этого дела и по существу «прикрывавших» «ошибки» Б.В. Савинкова, И.И. Фондаминского и С.Н. Слетова. Судя по всему, ЦК и ЗД ЦК ПСР еще мягче обошлись бы с ними и сильнее «затушевали» бы все это дело, если бы не «бунт» членов Следственной Комиссии, Областного Комитета Заграничной организации, руководства петербургской организации и негативная реакция на это дело многих эсеров как в России, так и в эмиграции.

Тяжелая и неблагодарная работа в Следственной Комиссии при ЦК ПСР укрепила авторитет В.Н. Рихтера в эмигрантских кругах. И несмот-

¹ ГАРФ. Ф. 6212. Оп. 1. Д. 91. Л. 1.

² Там же. Л. 1 об.—2 об.

ря на то, что в деле Петрова он вместе с другими членами Следственной Комиссии позволил себе бунт против как Заграничной делегации ЦК, так и самого Центрального Комитета ПСР, в июне 1911 г. на заседании ЗД ЦК ПСР среди четырех кандидатур для кооптации в ее состав называлась и имя В.Н. Рихтера (Н.И. Ракитников, Б.Н. Моисеенко, В.Н. Рихтер, Б.Г. Билит). Вопрос о кандидатуре Н.И. Ракитникова был отложен после заявления М.А. Натансона и И.И. Ракитниковой о том, что он «теперь не пойдет в делегацию». За кандидатуру Б.Н. Моисеенко проголосовало 4 члена ЗД, один воздержался (мнение отсутствовавшего члена делегации было решено выяснить позже). Кандидатура В.Н. Рихтера была принята единогласно и было решено провести с ним встречу. Вопрос о Б.Г. Билите остался открытым «впредь до выяснения его планов и большего знакомства с ним»¹.

О результатах этой беседы с В.Н. Рихтером мы можем только догадываться, но судя по тому, что его имя в перечне присутствующих на последующих заседаниях членов ЗД ЦК ПСР отсутствует, он ответил отказом. Собственно говоря, и о причинах этого отказа мы можем только догадываться. Скорее всего, как и многие тогда в партии, В.Н. Рихтер считал невозможным сохранять, как тогда говорили, «фикцию общепартийного единства» — ЗД ЦК ПСР, легитимность которой в условиях гибели к этому моменту ЦК, члены которого были арестованы в России, была весьма сомнительной. Подчеркнем, что и партийные организации, представители которых в мае 1909 г. избрали на V Совете партии новый состав ЦК, к 1911 г. также перестали существовать, а следовательно, не было возможности созвать не только партийный съезд, но и даже Совет партии для избрания нового правомочного ЦК. Таким образом, ситуация стала патовой, ибо в эсеровской среде, как за границей, так и особенно в России — Заграничную Делегацию, чем дальше, тем больше считали «фикцией», не представлявшей никого, кроме партийных эмигрантских верхов.

Судя по документам, за партийной карьерой В.Н. Рихтера соответствующие российские органы следили весьма внимательно. Во всяком случае, в результате недостоверного сообщения заграничной агентуры о намерениях В.Н. Рихтера приехать в Россию в полицейских кругах намечилось явное оживление. Так, 23 декабря 1910 (5 января 1911 г.) чиновник особых поручений министра внутренних дел А.А. Красильников докладывал директору Департамента полиции: «Бывший секретарь Заграничного Областного Комитета партии социалистов-революционеров Владимир Рихтер — «Николаевич», находящийся в настоящее время в Риме, собирается в последних числах декабря ст. ст. выехать оттуда в Россию, направляется, кажется, в Одессу»². К этому донесению была приложена «Справка по Регистрационному отделу» на В.Н. Рихтера с перечислением всех полицейских донесений и рапортов, в которых упоминалось его имя»³.

¹ МИСИ. Архив ПСР. 154.

² ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1910. Д. 9. Т. 2. Л. 19.

³ Там же. Л. 20–20 об., 21.

Как реакция на это сообщение, 10 января 1911 г. «начальникам Губернских и Уездных жандармских управлений, Охранных Отделений, жандармским офицерам на пограничных пунктах и помощникам начальников ГЖУ...» была отправлена телеграмма за подписями исполняющего обязанности вице-директора Департамента полиции и заведующего Особым отделом этого департамента, в которой сообщалось о возможной поездке в Россию В.Н. Рихтера и еще одного революционера и предписывалось «...в случае прибытия упомянутых лиц во вверенный Вашему надзору район их арестовать»¹. 17 февраля 1911 г. начальник Калишевского ГЖУ сообщал, что на вверенном его наблюдению участке данных лиц «не обнаружено и они не проезжали»².

Можно констатировать, что занятие В.Н. Рихтером поста секретаря Областного Заграничного Комитета и члена Следственной Комиссии, а затем единогласное решение членов ЗД ЦК ПСР о принятии его в свои ряды, свидетельствовало о том, что с одной стороны, он уже к этому моменту превратился в достаточно заметную звезду на партийном небосклоне. С другой стороны, единогласное голосование в пронизанном противоречиями коллективе, находящимся в эпицентре кипения эмигрантских страстей, ярко свидетельствует о деловых и человеческих качествах В.Н. Рихтера. Представляется, что и эти его качества, и тот моральный авторитет, который он приобрел у своих товарищей, и конечно же, то, что он не погрузился в эмигрантские внутрипартийные дразги в 1909–1916 гг., обеспечили ему симпатии большинства членов III съезда ПСР, состоявшегося летом 1917 г., где он был избран членом ЦК ПСР.

После получения известий о падении самодержавия В.Н. Рихтер с семьей собирается на родину. Но путь этот в воюющей Европе был непрост и долог и они попали в Петроград только во второй половине мая.

В условиях бурного развития эсеровской партии, ставшей после Февраля 1917 г. самой крупной в России, партийная карьера хорошо известного в руководящих партийных сферах В.Н. Рихтера развивалась стремительно. Его сразу же ввели в состав Петроградского комитета ПСР, а уже через несколько дней В.Н. Рихтер принимал участие в качестве делегата в работе III съезда ПСР, проходившего в Петрограде 25 мая — 4 июня 1917 г., и был избран в ЦК ПСР.

Весьма показательно, что во время выдвижения кандидатур для избрания в состав ЦК, которое происходило по двум спискам — от «центра» (на самом деле в него были включены и все представители более правых течений, включая Е.К. Брешко-Брешковскую, Н.Д. Авксентьева, И.И. Фондаминского, А.А. Аргунова, А.Ф. Керенского) и от «левых» — В.Н. Рихтер оказался в обоих списках³. Это свидетельствовало о том, что он устраивал

¹ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1910. Д. 9. Т. 2. Л. 22–22 об.

² Там же. Л. 26.

³ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3-х тт. / Т. 3. Ч. 1: Февраль–Октябрь 1917 г. М., 2000. С. 491.

(правильнее было бы сказать, был приемлем) все обозначившиеся в партии течения. Это, конечно же, повлияло и на итоги голосования.

В списках, выстроенных по степени приоритетности кандидата, В.Н. Рихтер в списке «центра» занял последнее, 20-е, место (первым был В.М. Чернов, а «бабушка» — Брешко-Брешковская — была поставлена вне этого списка. По мнению Н.Д. Авксентьева, следовало как «человека, стоящего для нас всех на совершенно исключительной высоте, на которую никто не посягает подняться, избрать ее просто раг осclamation почетным членом Центрального Комитета»). В списке же «левых» В.Н. Рихтер стоял на 16-м месте.

Отметим, что А.Ф. Керенский не набрал необходимого количества голосов и членом ЦК ПСР избран не был¹.

Примечательно, что когда делегаты съезда договорились для экономии времени заменить выступления 98 записавшихся для этого человек на выступления представителей от каждого партийного течения — В.Н. Рихтер был выдвинут в качестве оратора от партийного центра, вместе с В.К. Вольским, Н.Д. Авксентьевым и В.В. Рудневым².

При распределении обязанностей среди вновь избранных членов ЦК В.Н. Рихтер был введен в секретариат (вместе с М.А. Веденяпиным и В.М. Зензиновым), Иногороднюю комиссию (вместе с М.Я. Гендельманом, М.А. Веденяпиным, Л.Я. Герштейном, Д.Ф. Раковым, О.С. Мином) и комиссию по выборам в Учредительное собрание (вместе с Н.Д. Авксентьевым, М.Я. Гендельманом, А.Р. Гоцем, В.М. Зензиновым, Д.С. Розенблюмом и И.И. Фондаминским)³.

В.Н. Рихтер в качестве представителя Петроградского комитета ПСР избирается в Петроградский совет рабочих и крестьянских депутатов и становится членом ВЦИК Совета рабочих и крестьянских депутатов. Вместе с Герштейном и М.А. Натансоном по решению III съезда он был делегирован с совещательным голосом на съезд Советов рабочих и солдатских депутатов⁴.

Все лето и осень 1917 г. для В.Н. Рихтера проходят в напряженной партийной работе, вскоре он избран секретарем Бюро ЦК, и на него обрушивается «девятый вал» организационной работы. Кроме того, он активно участвует в работе ЦК (в его бумагах масса проектов резолюций ЦК), он выступает на ряде партийных собраний, участвует в работе Московского Государственного совещания, состоявшегося 12–14 августа 1917 г., готовит доклады по ключевым вопросам партийной жизни — о внутривнутрипартийном единстве, о недостатках в работе ЦК, выступает с заключительным словом на VII Совете партии, в котором оппонирует М.А. Спиридоновой и т.д. Так, например, 2 августа 1917 г. В.Н. Рихтер выступил на заседании фракции социалистов-революционеров Петро-

¹ Партия социалистов-революционеров. Т. 3. Ч. 1. С. 491.

² Там же. С. 272.

³ Там же. С. 654.

⁴ Там же.

градского совета рабочих и солдатских депутатов с докладом о задачах предстоящего VII Совета партии¹.

В.Н. Рихтер поддерживал необходимость сохранения единства партии, выступая против фракционных действий под видом внутривнутрипартийной свободы мнений. Так, выступая с докладом о деятельности Центрального Комитета на VII Совете ПСР в августе 1917 г., В.Н. Рихтер восклицал: «И, товарищи, можно создавать дискуссионный орган, но когда в одном городе существуют 2 газеты, 2 организации, и одна говорит одно, а другая другое, когда одна говорит, что надо поддерживать Временное Правительство, а другая, что нет, когда одна говорит, что нужен Заем Свободы, а другая против него, то это уже не различие теоретической мысли, а распыление Партии. [...] Мы стоим за свободу выступлений во фракции, члены фракции могут выступать по мотивам голосования со своим мнением, но мы требуем, чтобы люди, не согласные с мнением фракционного большинства, не голосовали против, а воздержались бы (голоса: а высказываться?)... Вы говорите перед квалифицированной массой, бросаете лозунги, говорите на митингах, — свобода мнений, но единство выступлений» (см. док. № II.9).

В черновых рукописных набросках доклада ЦК ПСР на VII Совете в августе 1917 г., сделанных В.Н. Рихтером, мы читаем: «Подводя итоги[,] Ц.К. должен констатировать, что крайне ненормальные политические условия, в которых в течение этих двух месяцев протекала его деятельность, быстрый рост партии[,] не соответствующий численности партийных сил, необычайное расширение сферы партийной работы мешало планомерности, организованности обслуживания и направления партийной жизни и[,] в частности[,] связи с местами посредством объездов.

Что благодаря тем же явлениям, Ц.К. далеко не в той мере[,] в какой было желательно[,] и далеко не всегда мог быть в контакте с Вр[еменным] Прав[ительством] и влиять на его политику.

Что же касается сохранения организационного партийного единства и проведения в жизнь постановления, к[а]к III съезда, т[а]к и совета партии, Ц.К. просит VII [совет] партии утвердить те постановления, к[о]т[о]рые он внес на его рассмотрение» (см. док. № II.7).

На заседании ЦК ПСР 25 августа 1917 г. В.Н. Рихтер заявлял: «Революция переживает опаснейший момент. Сейчас, благодаря натиску контрреволюции и потворству ей К.Д., коалиция висит на волоске. Ввиду этого необходимо созвать какое-нибудь более правомочное собрание демократии для выяснения отношения ее к власти, для ее конструирования и для контроля, против личного правительства» (см. док. № II.11).

Эту мысль он развил на следующем заседании ЦК ПСР — 27 августа, предложив: «1) чтобы Временному Правительству было предложено для данного момента выделить особый коллектив из социалистических элементов и примыкающих к ним. 2) чтобы был создан особый демократический орган, контролирующий правительство, парламент из представителей

¹ Партия социалистов-революционеров. Т. 3. Ч. 1. С. 865.

земств или из элементов, составляющих левую часть Московского Государственного Сопровождающего Собрания. 3) Чтобы представитель Военной Комиссии при Ц.К. вошел в контакт с Военным Комитетом при Ц.И.К» (см. док. № II.11).

Выступая от имени ЦК ПСР в тот же день на вечернем заседании ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов, В.Н. Рихтер предлагал «избрать особую делегацию к Керенскому и предложить ему как наилучший выход из создавшегося положения сохранить Временное правительство в том виде, в каком оно находится в данный момент, и заменить ушедших министров-кадетов другими лицами, по усмотрению самого Керенского. Если необходима директория или иная какая-либо форма власти, то партия поддержит, но при условии, если эта власть будет энергично бороться с контрреволюцией и стоять всецело на платформе программы 8 июля»¹.

О достаточно высоком статусе В.Н. Рихтера в руководстве партии, говорит тот факт, что на заседании ЦК ПСР 28 августа 1917 г. было принято следующее решение: «Герштейну, Гоцу, Чернову поручается в экстренных случаях действовать совместно от имени Ц.К. Заменяющими их кандидатами являются Архангельский, Зензинов, Ракитников, Рихтер» (см. док. № II.11). К этому времени Рихтер уже был секретарем ЦК и в этом качестве 13 сентября он, как отмечено в отчете об этом заседании, «излагал точку зрения Центрального Комитета»: «Правительство при настоящих условиях должно быть коалиционным. Но в состав его должны входить не к.-д., не могущие следовать программе 14 августа, а те цензовые элементы, какие в состоянии признать эту программу и ее поддерживать. Временное правительство должно быть ответственно перед особым органом контроля, образованным Демократическим совещанием. Цензовые элементы и в органе контроля, и во Временном правительстве должны быть в меньшинстве»².

В.Н. Рихтер был одним из трех членов ЦК, которым ЦК поручило «вызвать и допросить Савинкова 16 сентября 1917 г. (у Веденяпиных)» о степени его причастности к «Корниловскому мятежу» (см. док. № II.11). Большой интерес представляют вопросы Рихтера и его же ответы на них самому себе (правильнее сказать, его умозаключения) в попытках разобраться, что же из себя представлял так называемый «корниловский мятеж» и какова была роль в нем Б.В. Савинкова и А.Ф. Керенского. Основным выводом Рихтера был таков: «Членом партии, далеким от последней и Временного Правительства, вне пределов его компетенции по должности и установленным способам официального общения, было заключено частное политическое соглашение с человеком, враждебным принятым партией положениям и идеям, о противозаконных мерах, фактически ведущих к государственному перевороту, причем проведение предполагалось незаконными путями» (см. док. № II.12). Напомним, что за свое «частное политическое соглашение» Б.В. Савинков был исключен из ПСР, но сам считал эти действия по отношению к нему несправедливыми.

¹ Партия социалистов-революционеров. Т. 3. Ч. 1. С. 865.

² Там же.

Октябрьская революция застала В.Н. Рихтера в Одессе, где он находился в связи с участием в выборах в Учредительное Собрание по Херсонской губернии (его кандидатура проходила по партийному списку ПСР).

По получении известия о захвате большевиками власти в Одессе состоялось экстренное заседание временного исполнительного комитета партии с.-р., в котором принял участие и В.Н. Рихтер. Была принята следующая резолюция: «Осуждая выступление большевиков за 17 дней до выборов в Учредительное Собрание с целью захвата власти и в то же время находя дальнейшее сотрудничество с цензовыми элементами невозможным, временный исполнительный комитет постановил поддерживать временное правительство, которое явится из революции, будет создано органами власти, полномочно выражающими волю всей русской демократии, и поставит своей ближайшей целью доведение страны, в установленный срок, до Учредительного Собрания» (см. док. № II.15).

В это же время Рихтер выступает с лекцией-диспутом «Война и социализм» и лекцией «Задачи Учредительного Собрания» (см. док. № II.15).

Размышляя о причинах неудачи ПСР, Рихтер пишет в своем блокноте:

- «1) Политическая обстановка, мешавшая планомерной творческой работе
- 2) События, 3) разруха, 3) ...
- 2) Недостаток сил
- 3) Организационные нелады».

Уже находясь в Петрограде и принимая участие в работе IV съезда ПСР, состоявшегося 26 ноября — 5 декабря 1917 г., где он вновь будет избран членом ЦК¹, 27 ноября В.Н. Рихтер получает телеграмму из Херсона о его предварительной победе на выборах в Учредительное собрание (см. док. № II.16). 28-го ноября Рихтер выступил на вечернем заседании съезда «с сообщением о событиях дня»: «Предварительное утреннее совещание членов Учр[едительного] Собр[ания] фракции с.-р. поставило себе задачи: во-первых, войти, несмотря на большевистские заставы, в Таврический дворец; во-вторых, постараться зарегистрироваться, помимо Урицкого и большевистской комендатуры и, в-третьих, взять на себя открытие Учр[едительного] Собр[ания], когда оно само признает себя правомочным. Удалось проникнуть в Таврич[еский] дворец, сговориться с находившимися там другими фракциями и открыть Собрание, носящее, само собой разумеется, характер предварительного совещания, на котором избрано временное организационное бюро. Председателем единогласно избран В.М. Чернов, но так как В.М. в этот момент не находился в здании Таврического дворца, а шел с демонстрацией городской думы, то заместителем был намечен Г.И. Шрейдер, который объявил частное совещание членов Учредительного Собрания открытым и дал слово т. Вишняку, как представителю Всер[оссийской] Ко-

¹ Примечательно, что во время выборов в члены ЦК В.Н. Рихтер набрал 104 голоса (максимальное количество — 167 — набрал Н.И. Ракитников, а минимальное — 65 — М.Л. Коган-Берштейн). Более того, по свидетельству К.С. Бурезова, в начале 1918 г.: «В Ц.К. существовало Бюро Ц.К., в которое входили В. ЧЕРНОВ, РИХТЕР и ТИМОФЕЕВ. РИХТЕР бывал обычным докладчиком от Бюро в заседаниях Ц.К.».

мис[ии] по выборам в Учредительное Собрание, который сообщил сведения, полученные комиссией с мест. Тов. Руднев предложил резолюцию, которая сводится к тому, что данное совещание не вправе считать себя Учредительным Собранием, так как не все члены его съехались. Таким образом, объявление открытия Учредительного Собрания из рук большевистских комиссаров переходит, или, по крайней мере, должно перейти в руки самого Учредительного Собрания. После этого было оглашено об аресте некоторых членов Учредительного Собрания — Кокошкина, Шингарева, Долгорукова — и был вынесен протест против нарушения прав Учредительного Собрания, прав народа. Было выбрано организационное бюро; была восстановлена в своих правах комиссия по выборам Учредительного Собрания и, после заключительного слова В.М. Чернова, призывавшего сплотиться вокруг Учредительного Собрания, потому что лишь ему надлежит создать истинную народную власть, Собрание было распущено»¹.

27 декабря 1917 г. ЦК ПСР принял постановление «О делегации в Киев»: «Отправить в Киев делегацию ЦК для переговоров с ЦК украинских социалистов-революционеров и секретариатом Украинской Рады: 1) о плане совместной с украинскими с.-р. работы в Учредительном Собрании; 2) об организации выборов и плана работ в Украинском Учредительном Собрании; 3) об организации переговоров с вновь образовавшимися краевыми правительствами о воссоздании центральной правительственной власти и о создании благоприятной обстановки для работы Всероссийского Учредительного Собрания. В состав делегации считать избранными: Л.Я. Герштейн, В.Н. Рихтер»². В 1923 г. это поручение ЦК ПСР В.Н. Рихтера» (см. док. № П.24). На процессе 1922 г. Л.Я. Герштейн так описывал события рубежа 1917/1918 гг.: «Делегация выехала из Петрограда, если память мне не изменяет, около 30 декабря и прибыла в Киев 1 января. [...] Уже по дороге в Киев в связи с теми задачами, которые стояли перед делегацией, мы наметили известное техническое разделение труда. Товарищ Рихтер взял на себя, если можно так выразиться, иностранную часть, то есть, связь дипломатическую с украинскими партиями, с правительством тамошним; я взял на себя обследование тех возможностей, которые там были в смысле защиты Учредительного Собрания, то есть, военную часть и затем внутрипартийную работу»³.

16 января 1918 г. ЦК принимает решение «О дальнейшей работе командированных в Киев членов ЦК — Л.Я. Герштейна, В.Н. Рихтера и К.С. Буревого»: «Вызвать в Петроград Л.Я. Герштейна. Поручить тт. Буревому и Рихтеру выяснить состояние партийной работы на Украине и наладить таковую. Кроме того, они же должны выяснить вопрос об отношении между нашими партийными организациями и украинскими с.-р. От прежде дан-

¹ Партия социалистов-революционеров. Т. 3. Ч. 2: Октябрь 1917 г. — 1925 г. М., 2000. С. 88—89.

² Партия социалистов-революционеров. Т. 3. Ч. 2. С. 550.

³ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 29. Л. 207—208. (Подробнее о деятельности делегации см. в комм. 282 к разделу II).

ных тт. Буревому и Рихтеру поручений их освободить»¹. Это решение было связано с тем, что переговоры с украинцами о созыве Учредительного собрания в Киеве зашли в тупик, т.к., по словам Герштейна, «Украинцы сперва заявили, что они ничего не имеют против и даже желают, чтобы Учредительное Собрание собралось в Киеве, а потом был выдвинут тот мотив, что это Собрание помешает Украинскому Учредительному Собранию, что неудобно им быть в одном городе. Наконец, выяснилось, что они боятся вот чего — так как мы ставили обязательным условием наличие вооруженных сил наших собственных для защиты Учредительного Собрания, то они прежде всего не хотели ни за что допустить иной силы, кроме украинской силы»². Кроме того, 16 января в Киеве началось возглавленное большевиками восстание против Центральной Рады, подавленное властями, не устоявшими, впрочем, против большевиков, захвативших город 26 января.

2 февраля ЦК ПСР восстанавливает «сообщить Буревому и Рихтеру, что один из них должен возвратиться в Петроград немедленно, а другой должен организовать партийную конференцию Украинской Области и уже после этого возвратиться в Петроград»³.

С 7 по 16 мая 1918 г. в качестве члена ЦК ПСР В.Н. Рихтер принимает участие в работе VIII Совета партии социалистов-революционеров, проходившего в Москве, на котором он перестает быть членом ЦК. Корни этого решения ЦК лежат в киевских событиях января–февраля 1918 г. Дело в том, что во время пребывания в Киеве Рихтера и Герштейна эсеровская фракция малой Рады проголосовала за предоставление украинской делегации на переговорах в Бресте права на заключение сепаратного мира с Германией⁴. Более того, Рихтер присутствовал на этом самом заседании фракции, и «давление на фракцию им оказано не было». Не использовал он и своего права вето. В результате, по свидетельству Иванова, «Центральный Комитет прислал через месяц резолюцию, которой он аннулировал это голосование фракции и в которой сообщал, что подвергает членов Центрального Комитета, причастных к этому голосованию фракции, судебному следствию»⁵. Второй член делегации ЦК ПСР в Киеве, Герштейн, не присутствовал на этом заседании, т.к. был занят другой работой, и, по его словам, узнал обо всем значительно позже, поскольку из-за срочности заседания, проходившего уже под артиллерий-

¹ Партия социалистов-революционеров. Т. 3. Ч. 2. С. 557.

² ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 29. Л. 213.

³ Партия социалистов-революционеров. Т. 3. Ч. 2. С. 562.

⁴ Как свидетельствовал на процессе 1922 г. Б.С. Иванов, «это происходило таким образом, что в тот момент, когда Учредительное Собрание было разогнано и когда фронт был уже сорван, когда советская делегация уже вела переговоры в Бресте и когда украинское правительство, которое получило вотум доверия не только со стороны украинского крестьянства, но и со стороны съезда советов, состоявшегося в ноябре в городе Киеве, это правительство было поставлено под двойным ударом: с одной стороны, на Киев наступал Муравьев со своими войсками, с другой лежал открытый германский фронт» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 29. Л. 58–59).

⁵ Там же. Л. 60.

ским обстрелом начавшегося восстания, Рихтер не имел возможности обсудить с ним этот вопрос.

Далее, по словам Герштейна, «В.Н. Рихтер сообщил Центральному Комитету, и Центральный Комитет отказался солидаризироваться с этими постановлениями и аннулировал его, постановив сообщить об этом Всеукраинскому Комитету для принятия шагов, а о поведении делегации было постановлено сообщить на Совете партии. Совет партии рассмотрел это дело, вынес постановление, в результате которого В.Н. Рихтер вынужден был из состава Центрального Комитета уйти, а мне было конфиденциально выражено порицание за неприятие в свое время мер для аннулирования этого решения»¹. В ходе разбора этого инцидента на процессе 1922 г. между Герштейном и государственным обвинителем Н.В. Крыленко произошел следующий любопытный диалог:

«Крыленко: За что же вам порицание, если даже вы не знали.

Герштейн: За небрежность. Мотивировалось тем, что я должен был узнать, постараться узнать.

Крыленко: Если что либо случилось без вашего ведома, вы должны были знать.

Герштейн: Я не знаю. Считалось, что ответственными за делегацию являемся мы оба. Мы не могли разделять обязанностей нашей работы: один по военной, другой по дипломатической части.

Крыленко: Поэтому вы, не принявшие во всей этой музыке никакого участия, оказались виновными, и 8 Совет партии вам сделал выговор.

Герштейн: За то, что не интересовался как следует дипломатией»².

Впрочем, Герштейн умолчал об одной любопытной детали, а именно о том, что он подал в ЦК ПСР заявление о своем выходе из состава ЦК «в связи с решением VIII Совета Партии по делу В.Н. Рихтера». Однако 16 мая 1918 г. ЦК ПСР постановил «довести до сведения Л.Я. Герштейна, что Центральный Комитет в решении и голосовании VIII Совета Партии не находит никаких решительно данных, которые могли бы послужить Центральному Комитету основанием для принятия его заявления о выходе из состава ЦК»³.

Почему эсеровское руководство, которое славилось нелюбовью к подобным оргвыводам по отношению к своим товарищам, пошло на столь жесткие меры в отношении В.Н. Рихтера? Ведь фактически В.Н. Рихтер — единственный в истории ПСР член ЦК партии, исключенный из ЦК не за создание собственной партийной организации (как М.А. Натансон, М.А. Спиридонова и ряда других левых эсеров, которых, правда, также исключили и из ПСР) или провокаторство (Е.Ф. Азеф, Татаров). Ответ ясен. Вопрос о заключении сепаратного мира с немцами — это был вопрос, по которому эсеры критиковали большевиков, и не наказывать сурово члена собственного ЦК, давшего добро на заключение этого мира,

¹ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 29. Л. 215.

² Там же. Л. 221–222.

³ Партия социалистов-революционеров. Т. 3. Ч. 2. С. 566.

пусть и в особых условиях и в особой ситуации, эсеровское ЦК и VIII Совет партии просто не могли.

О деятельности В.Н. Рихтера в середине и второй половине 1918 г. известно крайне мало и в основном благодаря отдельным документам из его архива. Позже, уже на процессе с.-р. летом 1922 г. в адрес В.Н. Рихтера прозвучат обвинения в том, что он был назначен ЦК ПСР руководителем первой попытки покушения на В.И. Ленина в начале 1918 г., попытки, предпринятой по инициативе Л.В. Коноплевой и П.Т. Ефимова (именно они и дали показания против Рихтера), который им якобы и передал яд кураре, использованный для отравления пуль, выпущенных 30 августа 1918 г. в В.И. Ленина (забегая вперед, отметим, что именно за это В.Н. Рихтер и был приговорен летом 1923 г. к расстрелу). Никем кроме Л.В. Коноплевой и П.Т. Ефимова, входивших во вторую группу обвиняемых, руководством В.Н. Рихтером данным террористическим предприятием подтверждено не было. Вообще тема причастности эсеров к покушениям на В.И. Ленина требует отдельного кропотливого исследования.

После ухода из ЦК В.Н. Рихтер уезжает на родину, где возглавляет Одесский комитет ПСР и остается руководителем одесских эсеров вплоть до своего ареста чекистами в 1921 г. (а по свидетельству самих чекистов, он умудрялся руководить эсеровским подпольем и из тюрьмы). Впрочем, насколько можно понять, арест 1921 г. был не первым и «знакомство» В.Н. Рихтера с чекистами состоялось несколько раньше. У нас нет документальных подтверждений, и никогда впоследствии сам Рихтер об этом факте не упоминал, но одно из его стихотворений, опубликованное в сентябре 1919 г., позволяет предположить, что он с группой эсеров арестовывался ВЧК во время «второго пришествия» большевиков, т.е. в период с апреля по август 1919 г.¹ В стихотворном фельетоне «Чрезвычайка и казни» есть такие строки:

Всех возмущают казни без суда.
Меня зовут на бурное собрание.
Оно запрещено уже заранее,
Но я с друзьями поспешу туда.
Режим военный и режим осадный —
Вот бред властей и глупый и досадный.

Преступно на собрание идти!
Чтоб охранить рабочих от заразы,
По городу расклеены приказы.
Мы всюду их встречаем на пути.
Нас ждет народ. Мы жаждем этой встречи —
Идем к нему и произносим речи.

¹ Советская власть в городе была установлена 17(30) января 1918 г., но уже в марте 1918 г. Одесса была оккупирована австро-германскими войсками, а с ноября 1918 г. по апрель 1919 г. — англо-французскими войсками. В апреле к власти в городе приходят большевики, в августе 1919 г. изгнанные денкинцами. Окончательно советская власть устанавливается в начале февраля 1920 г.

[...]

Кто на собраньи речи говорил,
Тот отвезен был в «Чрезвычайку» к ночи.
Мы там сидим; хохочем, что есть мочи,
Но Исполком сурово оценил
Значение сегодняшнего дела:
Иди, дружок, пожалуй, жди расстрела! (см. док № II.19).

Насколько активно участвовал В.Н. Рихтер в общественно-политической жизни Одессы, легко понять, познакомившись со списком лекций, прочитанных им в 1919 г. (См. док. II.17).

Поражает разброс тем и мест, где выступает с лекциями и речами В.Н. Рихтер — на митингах в Русском театре, Колизее, Художественном театре, Городской Народной Аудитории — с темами, говорящими сами за себя: «По поводу Яского совещания», «Суд над Вильгельмом. Защитительная речь», «Текущий момент», «Кризис марксизма», «Суд над Лениным. Критика теории большевиков», «Интернационал». Он делает доклад о «Текущем моменте» и в Городской Думе и на съезде учителей, бывает у рабочих; читает лекции по истории освободительного движения, по истории и мировоззрению народничества и его крупнейших деятелей в созданных в Одессе «Клубе Михайловского» (Пересыпь), в «Народной Школе им. Е.К. Брешковской», «Клубе Лаврова»: «Основные идеи Лаврова и Михайловского», «Взгляды Брешковской», «Декабристы как предшественники народников», «Миросозерцание Михайловского», «История народничества», «Радищев как первый революционер», «Миросозерцание Герцена», «19 февраля 1861 и Радищев», «Миросозерцание Белинского», «Идеология народолюбцев», «Софья Перовская», «Нужно ли философское обоснование для программы?», «Идеи Лаврова», «Национальный вопрос и Революция», «Предпосылки социальной революции», «История революционного движения в России», «Эволюция и революция», «Великая Россия и великие потрясения», «Крестьянский вопрос в его теоретическом обосновании», «Лекции по идеологии ПСР», «Прошлое Одесской организации ПСР», «Речь на гражданской панихиде Геккера», «Памяти Гершуни» (см. док. II.18).

Не менее широка эрудиция лектора и охват тем по литературе и истории искусства и культуры: «Пролетарская культура», «Творчество Горького», «Творчество Достоевского», «Крейцерова соната», «Человек-зверь» Золя, «Творчество Писемского», «Общий очерк русской литературы», «Ростры — храм слова», «Джованни Боккаччио», «Леонид Андреев» «Поэзия Баратынского», «Декабристы-поэты», «Творчество Никитина», «Тютчев и Фет», «Лекция по западноевропейской литературе», «Творчество Чехова», «Эпоха возрождения», «Серафимович «Степные люди», «Короленко «Судный день», «Уэлльс «Яблоко с дерева познания», «Поэт декабрист Рылеев».

Эсеры при Деникине выходят из подполья, издают свою партийную газету — «Дело», но они абсолютно чужды власти — их только терпят, но не более того. В передовицах эсерской газеты «общественно-политиче-

ской и литературной» газеты «Дело», органа Одесского комитета ПСР, В.Н. Рихтер из номера в номер отстаивает необходимость демократического пути развития России, подвергая критике антидемократические и авторитарные меры как красных, так и белых властей. Ведь и те и другие рассматривались эсерами как авторитарная власть, не приемлющая демократии и подозрительно относящаяся к любым ее проявлениям и защитникам. В свою очередь, и красные и белые относятся к эсерам, пытающимся найти свой демократический «третий путь» и не желающим в борьбе двух авторитарных режимов безоговорочно вставать на одну из сторон, в соответствии с поговоркой — «Кто не с нами, тот против нас».

В этом контексте показательна статья В.Н. Рихтера «Довольно крови!», написанная им в августе 1919 г., вскоре после ухода из города большевиков: «Расстрелы и репрессии свидетельствуют не о сильной власти, а о бессилии власти. Это ясно всем, это ясно даже господам, отдающим приказание расправляться со своими противниками. Только перерезав всех наиболее энергичных «инакомыслящих», они считают возможным обеспечить победу своим «идеям». Они боятся гласного народного суда; они не способны привлечь к себе большинства.

[...] Тот, кто считает себя «избавителем страны от насильников», тот должен немедленно и раз навсегда, прекратить избиение граждан, не допускать бессудных казней, не восстанавливать средневековых застенков под именем чрезвычайек или охранок, должен отказаться от сотрудничества с «заплетными дел мастерами» и провокаторами.

Довольно крови, довольно убийств, довольно разрушений!» (см. док. № П.19).

Впрочем, критикуя и осуждая изгнанных к этому времени из Одессы большевиков, Рихтер не хочет, чтобы его слова были восприняты новой властью как подхалимаж и желание побольнее пнуть уже поверженного противника. После описания казни невинных людей стихотворение о чрезвычайке заканчивается словами:

Но тут я обрываю эти строки.
Клеймить режим, громить его пороки,
Рассказывать ужасные дела.
Когда я начал, был еще он в силе.
Теперь он побежден, лежит в могиле.

И продолжать стихи я не хочу.
Для побежденных я — не обвинитель.
Пусть про меня не скажет победитель,
Что будто дань обычаю плачу:
Встречаю триумфатора с цветами,
С улыбками и льстивыми речами.

Но эсеры не только критикуют, их взгляды и требования вполне конкретны. И В.Н. Рихтер излагает их не только в эсеровской партийной газете, но и в общегородской, подписываясь «Член Учредительного собра-

ния от Херсонской губернии по списку Партии с.-р. В.Н. Рихтер»: «...Всякие попытки восстановить в измененном виде прежний уклад жизни, либо насильственным путем водворить коммунизм обречены на неудачу. Только власть, опирающаяся на широкие народные массы, власть, неуклонно и искренне осуществляющая те преобразования, которые идут навстречу нуждам и интересам трудящихся, может рассчитывать на прочное существование, может выйти победительницей в борьбе с враждебными элементами.

Идея народовластия должна быть осуществлена и будет осуществлена в наше время. Народы, столько перенесшие в течение годов войны, обреченные еще на долгие страдания, пока не будет восстановлено государственное хозяйство, не позволят отстранить себя, как прежде, от политической власти, от права распоряжаться своей судьбой.

Поэтому в России единым органом, имеющим право говорить от имени русского народа, от имени российской федеративной республики, является Всероссийское Учредительное Собрание 1-го созыва. Только оно, не подрывая в народных массах идеи народоправства, может поставить вопрос, нужны ли новые выборы или нет, только оно может назначить власть, пользующуюся всеобщим признанием. Никакой сговор партий, никакие соглашения местных правительств, возникших благодаря местным переворотам и опирающихся на силу штыков, не могут иметь того значения и того авторитета, которым обладает Всероссийское Учредительное Собрание, несмотря на все удары, выпавшие на его долю» (см. док. № П.19).

В.Н. Рихтер уверен, что коммунисты показали свою несостоятельность и если их власть вернется (в чем он сомневается), то только усилиями реакционеров-белогвардейцев (при поддержке обывателя, истово ненавидящего коммунистов), своими репрессиями создающих питательную среду для возрождения большевистского влияния: «Нет сомнения, что обыватели и реакция делают все, чтобы обеспечить в дальнейшем успех коммунистической агитации и пропаганды; нет сомнений, что стремясь во что бы то ни стало и как можно скорее восстановить отжившее старое, они восстанавливают и те условия, которые создали в свое время возможность процветания большевизма. Ведь большевизм и реакция взаимно питают и поддерживают друг друга.

Но в силу указанных выше причин можно все-таки сказать, что большевизм умер и оживить его не надолго может лишь чудодейственная сила нелепой реакционной политики и злоба, не помнящего себя и даже своих выгод, обывателя...»

К сожалению, как это нередко бывает в жизни, то, во что менее всего хотелось верить, сбылось — неадекватность, нежелание видеть реальность такой, какой она есть, стремление к реставрации старых порядков, преобладание в белых армиях настроений монархически настроенного и одержимого чувством мести офицерства привело к тому, что белые режимы не сумели привлечь на свою сторону массы и фактически вновь открыли дорогу большевикам, занимавшимся безудержной социальной спекуляцией.

В одной из своих статей — «Провалилась ли революция?» — В.Н. Рихтер яростно спорит с А.И. Деникиным, заявившим, что «революция без-

надежно провалилась». Эта статья заслуживает самого пристального внимания и сегодня. В.Н. Рихтер очень надеется, что ни белые, ни красные не определят судьбу России, что Россия пойдет по тому пути, по которому медленно и верно уже пошла Европа, под давлением социалистических партий расширяя пространство политических свобод и социальных благ для своих народов, достигнув впечатляющих успехов к концу XX века (см. док. № II.19).

Будучи демократами эсеры пытались предостеречь противников большевизма от возрождения старых стереотипов и подходов, вновь воскрешавшихся и насаждавшихся в изменившихся исторических условиях, что так свойственно людям. Приходится с горечью констатировать, что и в наши дни, после гибели коммунистического режима, когда, с одной стороны, политический маятник качнулся далеко вправо, а с другой — большинство политической элиты унаследовало авторитарные и великодержавные модели (оказавшиеся единичными как для красных, эволюционировавших к великодержавности и к «единой и неделимой России», так и для белых) многие из этих стереотипов вновь воскрешены. А потому так актуально звучат предостережения 1919 г., сделанные В.Н. Рихтером в статье «Великая Россия и великие потрясения» (см. док. № II.19).

В сентябре 1919 г. в одной из передовых статей («Единственный путь») в эсеровской газете «Дело» (см. док. № II.19) В.Н. Рихтер подробно объясняет, почему эсеры отстаивают свой собственный «третий путь», путь демократического развития России, отбиваясь от попыток и красных и белых посадить их на свой стул — по принципу «третьего не дано». Являясь по сути своей изложением основных положений эсеровской программы времен гражданской войны, статья эта тем не менее потрясающе актуальна (как, впрочем, и многие другие статьи Рихтера): «Не так давно председатель местной “чрезвычайки” Калениченко, допрашивая одного из наших товарищей по партии, арестованных по обвинению в “агитации против советской власти”, настойчиво уверял его:

- Вы контрреволюционер!
- Позвольте, почему же?
- Как почему! Ведь вы против советской власти?
- Против.

— Ну, так значит, вы контрреволюционер. Теперь существует только два лагеря: большевики и реакция; раз вы против большевиков — значит вы за реакцию!

Так они и не смогли сговориться: Калениченко продолжал утверждать, что “*tertium non datur*”, — третьего не дано, а наш товарищ по прежнему остался в убеждении, что и большевизм и реакция вещи вредные и обреченные на гибель и что настоящий и единственный путь — это подлинно демократический строй и Учредительное Собрание. Почти то же самое, что Калениченко, нам говорит сейчас правая печать (как видно, “крайности сходятся”); тот же разговор, что “есть только два лагеря”, а потому и т.д.

Правда, пока что нас не обвиняют в большевизме, — слишком уж было бы глупо, — но нам указывают на “два стула!” и предлагают выбирать, ибо сущая истина! “между двух стульев сидеть нельзя”! [...] Но прежде чем, сесть на Ваш стул, мы хотим знать, что на нем написано, ибо мы желаем сесть на стул, а не в лужу. В ваших передовых вы говорите о «единой, независимой и демократической России». Это наш лозунг, и это мы доказали всей деятельностью нашей партии. За лозунг *единой* России в Киеве на Бессарабской площади нашу партийную газету публично сжигали сечевые стрельцы, предварительно разгромив помещение редакции. За лозунг *независимой* России и за протест против действия немецкой оккупации и позорного Брестского мира, в то время как кадеты благодушно восседали в министерстве гетмана, немцы высылали десятки наших партийных товарищей в концентрационные лагеря Брест-Литовска и Бялы. За лозунг *демократической и внутренней свободной* России тысячами гибли члены нашей партии при самодержавии и неизменно подвергались за это мы репрессиям и при советской власти и при гетмане. Да! Единая, независимая и демократическая Россия — это наш лозунг. [...] Мы отстаиваем принцип единства России, но не России насильно централизованной, с подавлением всех прав и интересов отдельных национальностей и областей. Ибо мы понимаем, что при таком «единстве», никакого единства страны не достичь, что Россия будет представлять из себя не цельную, спаянную государственность, а постоянный готовый материал для всякого рода национальных и областных волнений, для неизбежной закулисной внешней политики отдельных групп и наций, для всяких авантюр и планов других государств Европы. Мы понимаем также, что в результате подобного понимания “единства России”, неизбежен в отдельных нациях рост шовинизма, взамен здорового национального чувства, рост сепаратистских тенденций, взамен любви к России и стремления к объединенной государственности. Давая пищу таким настроениям, тем самым неизбежно можно только сделать Россию слабой, как в деле внутреннего воссоздания, так и в ее международной политике. Наоборот, Россия с широкой автономией областной, а в тех частях, где это необходимо, Россия Федеративная по признанию этого Всероссийским Учредительным Собранием, на обязанности коего будет разрешить эти вопросы и при разрешении их умело сочетать интересы отдельных наций и областей с интересами всей страны — только такой России обеспечен будет и внутренний мир, и темное содружество всех населяющих Россию народов в деле экономического и политического возрождения не только отдельных ее частей, но и всего государственного целого. Эта же спайка всех населяющих ее национальностей и общая их удовлетворенность является лучшей гарантией независимости России и способности ее противостоять нападениям извне. *Независимость* России для нас, социалистов, есть требование основное, ибо только в независимой стране возможно укрепление демократического строя. [...] Россия *демократическая*... Вот лозунг, которым сейчас все оперируют, но который сам по себе, без точного определения его содержания, как политического программа ничего не значит. [...] Мы

великолепно, знаем, что такое избирательный закон, и когда нам говорят о самоуправлении и Учредительном Собрании, мы всегда спрашиваем эти группы, искренне ли Вы этого желаете или говорите только потому, что без этого никакой “политики”, теперь не сделаешь?»¹

В этих и других статьях В.Н. Рихтера сильна уверенность, что большевики в Одессу больше не вернуться, что дни этого режима сочтены и теперь можно начинать созидательную работу. Но, к сожалению, великие потрясения отнюдь не кончились — напротив, они только начинались, чего в 1919 г. предугадать, конечно же, было невозможно.

В феврале 1920 г. власть в Одессе вновь перешла к большевикам. Партийная деятельность Рихтера продолжалась в новых условиях, в которых весьма актуальны стали вопросы идейной борьбы с большевистским режимом, всячески пытавшимся обогатить и извратить программные и тактические установки бывших союзников, а ныне противников — эсеров. Весной 1920 г. Рихтер читает курс лекций на тему «Идеология партии социалистов-революционеров» (см. док. № П.20), посвятив отдельную лекцию ее философским основаниям (см. док. № П.21). Не оставляет он и организационной и публицистической деятельности. Разумеется, это не могло не привлечь к нему внимания местных чекистов, и 22 февраля 1921 г. он был арестован по обвинению в ...меньшевизме (!).

Об освобождении популярного лектора и уважаемого педагога (в это время Рихтер работал учителем в трудшколе № 149) ходатайствуют чиновники одесского губнаобраза и учителя (см. док. № П1.3–5). Примечательно, что на заявлении учителей имеется даже резолюция комячейки о том, что она «решила ходатайствовать перед О.Г.Ч.К. об освобождении т. Рихтера». Впрочем, как и следовало ожидать, эти обращения не произвели на одесских чекистов никакого впечатления, и В.Н. Рихтер провел в тюрьме целый год, в течение которого рассмотрение его дела не продвигалось. Все изменилось в начале февраля 1922 г., когда одесские чекисты получили и расшифровали телеграмму из Всеукраинской ЧК с требованием выслать «подробную характеристику правого эсера Рихтера» (см. док. № П1.6). 9 февраля 1922 г. такая характеристика за подписью предгубчека Одессы в Харьков (тогдашнюю столицу Украины) была отправлена. Ее составители не пожалели ярких красок для оценки партийной работы Рихтера и его роли в одесской эсеровской организации: «Рихтер является теоретиком, духовным главой организации, особенно пользуется большими симпатиями среди учащейся молодежи, [...] Даже и теперь, находясь в изоляторе, он руководит действиями Одесской организации П.С.Р. и большинство статей, напечатанных в их листовках, принадлежат ему» (см. док. № П1.7). Вне всякого сомнения эта переписка была вызвана начавшейся в Москве организацией суда над социалистами-революционерами, к которому планировалось привлечь возможно большее количество обвиняемых, превратив его по сути дела в процесс над партией эсеров в целом.

¹ Единственный путь // Дело. Орган Одесского комитета ПСР. Общественно-политическая и литературная газета. № 4. 3 сентября 1919.

Дальнейший поворот в судьбе В.Н. Рихтера с трудом поддается объяснению. Точнее говоря, таких объяснений может быть найдено несколько, и каждая из версий, на наш взгляд, имеет право на существование. По имеющимся в нашем распоряжении документам канва событий вырисовывается следующим образом. 4 марта 1922 г. начальник Секретного отдела ГПУ Т.П. Самсонов отправил председателю Одесского губотдела ГПУ шифротелеграмму с требованием арестовать В.Н. Рихтера и препроводить его в Москву. Примечательно, что данная телеграмма, как указывалось в ней, была повторной — в первый раз требование арестовать Рихтера исходило из Москвы еще 2 февраля. Но тогда одесские чекисты его не выполнили, а вступили с Москвой в переписку. Ответом на не сохранившееся в деле их послание от 21 февраля и была телеграмма Самсонова от 4 марта (см. док. № П1.8).

В Одессе телеграмма была расшифрована 8 марта 1922 г. И в этот же день Рихтер был ...отпущен на свободу (!). Об этом прямо говорил на допросе уже в Москве 23 августа 1922 г. его товарищ по одесской партийной организации В.Н. Каплан: «...Последний раз с Рихтером я виделся 9 марта 1922 года. В феврале 1921 года я был арестован вместе с Рихтером и освобождены были одновременно 8 марта 1922 года. После освобождения я Рихтера видел один раз. **Он зашел к нам на квартиру — это было 9 марта до объявления нам предложения о выезде в Москву** (выделено нами. — *К.М.*). После объявления я его не видал» (см. док. № П1.10).

Почти две недели спустя, 21 марта 1922 г. (обратим внимание на дату. — *К.М.*) председатель Одесского губотдела ГПУ телеграфировал в Москву и Харьков: «Нами был вызван гр. Рихтер для отправки в Москву в ГПУ и временно под честное слово был освобожден для подготовки к поездке. Гр. Рихтер дав честное слово скрылся и неизвестно куда, взяты заложники и приняты меры к его розыску» (см. док. № П1.9).

Простое сопоставление цитированных выше документов (к сожалению, не всеми документами мы располагаем) и их дат как минимум вызывает массу вопросов. Почему одесские чекисты, имея еще в феврале на руках приказ из Москвы об аресте и переправке В.Н. Рихтера в столицу, тянули время (больше месяца), затеяв переписку с Самсоновым? Очень похоже, что они вообще скрыли от Самсонова тот факт, что Рихтер сидит в тюрьме. Иначе зачем бы Самсонов повторял во второй телеграмме текст первой, где требовалось арестовать Рихтера? Обращает на себя внимание фраза из телеграммы одесских чекистов от 21 марта о том, что Рихтер был «вызван и временно под честное слово был освобожден для подготовки к поездке». Если бы Рихтера вместе с Капланом не выпустили 8 марта из тюрьмы, то его не то что «вызывать», но даже и предупреждать об отправке в Москву было бы необязательно. Отправили бы под охраной напрямую без всяких лишних разговоров и вся недолга (в крайнем случае, применив силу).

С чего вдруг такой неслыханный гуманизм? Ведь одесские чекисты, без сомнения, уже прекрасно знали, что организуется процесс с.-р. (уже было опубликовано в газетах Заявление Президиума ГПУ и список обвиняемых, где фигурировала и фамилия В.Н. Рихтера). Скорее всего, одес-

ские чекисты и партийная верхушка уже прочитали брошюру Г.И. Семенова, в которой о событиях начала 1918 г. говорилось следующее: «Коноплева вскоре предложила ЦК произвести покушение на Ленина. Переговоры об этом она вела с Черновым и Гоцем. ЦК согласился и отправил с этой целью в Москву Коноплеву и Ефимова (я передаю это со слов Коноплевой, долгое время спустя рассказавшей мне об этом). Руководителем этого дела в Москве ЦК назначил члена ЦК Рихтера. Но Рихтер не проявил никакой инициативы. Коноплева, прождав в Москве недели три и сделав самостоятельную безрезультатную попытку наладить слежку за Лениным, пришла к выводу о практической безнадёжности этого дела, в виду бездействия ЦК и вернулась в Петроград»¹.

Не нужно было большой фантазии, чтобы догадаться, что ждет руководителя (пусть и не проявившего «никакой инициативы») попытки террористического покушения на Ленина. Как одесские чекисты могли отпустить на свободу человека, которому было печатно предъявлено такое обвинение и которому они сами дали столь «блестящую» характеристику? Можно ли верить их версии о том, что они отпустили Рихтера под честное слово? Можно ли поверить (зная жизнь Рихтера и представляя его характер и психологию) в то, что он, дав честное слово, нарушил бы его? (Кстати говоря, ни о каком «честном» слове В.Н. Каплан не упоминает, да и вряд ли чекисты в подобной ситуации стали бы на него полагаться, даже зная о репутации Рихтера, как честнейшего и порядочного человека.)

Странным выглядит и то, с каким запозданием сообщили одесские чекисты о пропаже Рихтера, а фактически — о его переходе на нелегальное положение. Возможно, конечно, что эти две недели они выжидали, надеясь на то, что удастся схватить беглеца и, соответственно, замазать всю эту историю. Но нельзя исключать и того, что Рихтеру давали время на то, чтобы он подальше уехал и понадежнее устроился на нелегальном положении.

Действительно, одесские чекисты взяли заложников. Была арестована жена В.Н. Рихтера В.В. Суворова, которая провела в тюрьме пять дней, а затем была отпущена. Но вся эта история со взятием заложников не в разгар гражданской войны, а уже в марте 1922 г. также выглядит странной. Понятно, что местным чекистам необходимо было имитировать «бурную деятельность», чтобы отвести от себя гнев начальства. Но почему именно путем взятия заложников? Один вариант ответа — просто пошли напролом и в ослеплении хватались за любые меры. Но в таком случае, если бы одесские чекисты, действительно, «держали зуб» на Рихтера, по их версии, скрывшегося от них несмотря на данное честное слово, то почему они так быстро отпустили его жену, а не отыгрались «по полной программе» на всей семье (в Одессе в это время жила и мать В.Н. Рихтера, и его старшая дочь, и дети В.В. Суворовой от первого брака, выросшие в ее семье с Рихтером).

¹ Семенов (Васильев) Г. Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917–1918 гг. Берлин, 1922. С. 17.

Другой вариант — взятие заложников было, действительно, имитацией действий для отвода глаз начальству, так как столь кратковременное пребывание В.В. Суворовой в тюрьме в ситуации, когда возможности для мести у чекистов были весьма велики, кажется странным.

Все это вместе вкуче со свидетельством В.Н. Каплана, что они с Рихтером сначала были отпущены из тюрьмы 8 марта, и только 9-го им объявили о поездке в Москву, позволяет сомневаться в том, что действия одесских чекистов были всего лишь проявлением расхлябанности и разгильдяйства. Можно, конечно, предположить, что В.Н. Рихтера и В.Н. Каплана выпустили из тюрьмы на несколько часов раньше, чем соответствующее начальство получило расшифровку телеграмму из Москвы. Но телеграмма-то эта была повторной, и в первый раз требование об аресте Рихтера было сформулировано еще в начале февраля, когда он еще сидел в тюрьме.

Очень похоже, что выпустив руководителей местной эсеровской организации на свободу и лишь после этого объявив им об отправке на процесс, где одного из них — Рихтера — явно ждал смертный приговор, одесские чекисты просто предоставили им возможность бежать.

Почему? Возможных ответов, как представляется, два (но связанных друг с другом). Первый — Рихтера, родившегося в Одессе и занимавшегося в ней революционной работой с 1897 г. по 1906 г., наверняка еще по подпольной работе знали многие местные большевики, которые вполне могли решиться уберечь его от той судьбы, которая ждала его после отправки в Москву. Ведь Рихтер в Одессе был человеком известным и популярным, ничем себя не запятнавшим, в том числе, и во время пребывания в Одессе белых. Рихтера, конечно, посадили в тюрьму, но его расстрел мог не входить в планы местного партийного и (или) чекистского руководства.

Второй исходит из предположения, что разного рода местнические мотивы могли быть и у украинских чекистов. Роль руководителей украинской ЧК—ГПУ, делавших из столичного Харькова запрос о Рихтере у одесских чекистов, не совсем понятна. Приказ из Москвы последние должны были выполнить сразу по получении февральской телеграммы Самсонова, а не тянуть целый месяц. На наш взгляд, нельзя исключать того, что одесские чекисты получили неофициальную рекомендацию из Харькова. Нелишним будет напомнить, что Рихтер вовсе не замыкался в рамках Одессы, а хорошо был известен и на Украине по своей работе в 1918 г. (о дальнейших годах у нас мало сведений). Но каковы могли быть эти соображения, сказать сложно.

На определенные размышления наводит и тот факт, что (как пишет историк В.П. Прохоров) когда в течение зимы 1920—1921 гг. в Крыму «было расстреляно, утоплено в море, прилюдно повешено едва ли не 100 тыс. человек» — «видные местные коммунисты отнюдь не приветствовали разгул кровавого беспредела — данная акция инспирировалась из большевистского центра. Хотя сохранялась инерция низовых палаческих инициатив, правила репрессивности стала определять власть»¹.

¹ Прохоров В.П. Гражданская война: эскалация насилия в свете архаизации массового сознания // Духовность. Книга третья. Сергиев Посад, 2003. С. 124.

Но как бы там ни было, в марте 1922 г. В.Н. Рихтер обрел свободу (В.Н. Каплан на нелегальное положение переходить не стал, т.к., по его словам, с 1920 г. партийной работой по семейным обстоятельствам не занимался, что, впрочем, не помешало большевикам арестовать его в феврале 1921 г.). Но эту свободу он использовал не для спасения своей жизни, как поступили бы многие, а кинулся в самое пекло. Пока шла подготовка и сам процесс 1922 года, В.Н. Рихтер продолжал партийную работу нелегально. Став членом Центрального организационного бюро, заменившего ЦК ПСР, он вел организационную партийную работу, важнейшей целью которой было развертывание контрпропагандистской кампании, блокировавшей, хотя бы отчасти, ту лавину тенденциозной информации, которая была обрушена большевистской властью на миллионы людей в рамках подготовки и проведения судебного процесса.

Судебный процесс над социалистами-революционерами проходил в Москве в июне–августе 1922 г. Всего в рамках предварительного следствия ГПУ и Верховного Трибунала обвинение было предъявлено 177 чел., из которых 97 чел. накануне процесса не планировалось привлекать к суду. На скамье подсудимых оказалось лишь 34 чел. При подготовке процесса В.Н. Рихтер 24 февраля 1922 г. был включен Президиумом ГПУ в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР предъявлялось обвинение в антисоветской деятельности. Дела «не разысканных», в числе которых был и В.Н. Рихтер, были выделены, и их предполагалось судить по мере «разыскания». Список этих лиц позже был приложен к следственному делу В.Н. Рихтера, заведенному на него после его ареста в сентябре 1922 г. (см. док. № П1.21).

Обвинение предъявили не только эсерам, но и нескольким видным меньшевикам, энесам и кадетам, явно преследуя политически и пропагандистски выгодную цель — связать всех воедино в их «службе» отечественной и мировой буржуазии. На процесс было выведено десять обвиняемых, из бывших эсеров, часть из которых к 1922 г. уже стали коммунистами и должны были сыграть свою роль в «разоблачении» «преступлений» ПСР.

Главная особенность процесса, резко выделяющая его из всей, как до-революционной, так и советской судебной практики (и та и другая бедностью не отличались), заключается в том, что — и те, кто судил, и те, кого судили, пытались доказать и себе, и друг другу и всему миру, что они-то как раз и есть истинные революционеры, а противостоящая им сторона — подлинные предатели революции и трудящихся.

Выигрышность позиций оппозиционных социалистов, по сравнению с большевистской, была очевидной — они продолжали свое старое дело — борьбу с властью, хоть и состоявшей теперь из бывших революционеров, широко использующих на словах старые революционные нормы и символы, но творившей преступления похлеще царского режима. Большевистская демагогия, с которой они шли в атаку на социалистов летом-осенью 1917 г. и в 1918–1920 г., меркла на фоне тысяч крестьянских восстаний против большевиков и расправ над ними, на фоне недовольства рабочих, на фоне беспрецедентной в современной истории

страны деятельности ВЧК, взятия заложников, бессудных расстрелов, лицемерия и крови, которые в изобилии источал новый режим, переплюнув по всем меркам не только социалистов, но и старый режим.

В своем последнем слове член ЦК ПСР М.А. Лихач заявлял организаторам суда: «Процесс этот есть акт партийной борьбы и мы были совершенно правы, [...] когда мы с самого начала процесса громко и ясно это заявили. Но если ясна система построения процесса и ни в ком каких-либо двух мнений возбуждать не может, то для меня, откровенно говоря, оставалась очень долгое время не ясной цель, которую преследовали авторы этого процесса. Зачем после ликвидации гражданской войны вы, победители, садитесь на скамью подсудимых побежденных, садитесь не в острый период гражданской войны, когда бы это, может быть, было понятно просто и естественно, а садитесь через несколько лет после ликвидации этой гражданской войны и через много лет после того, как партия вышла из гражданской войны. Самый естественный ответ на этот вопрос, конечно, один: из мести. [...] Партия социал-революционеров разгромлена, разбита, она представляет из себя решительно ничто, а гражданин Бухарин так и сказал: “Граждане, за вами решительно ничего нет, кроме ваших жен и детей”. Но, как хотите, тут есть какой-то провал в аргументации: требовать всеобщего равного и тайного расстрела для лиц, у которых решительно ничего за собой нет, кроме жен и детей, — тут есть какой-то порочный круг, тут есть что-то недоговоренное и, конечно, цель нашего процесса была гораздо дальше простой мести и простого расчета со своими политическими противниками, может быть, в настоящий момент и бессильными. Не нужно скрывать, граждане, того, что ваше положение в настоящий момент, положение власти чрезвычайно тяжелое, но тяжелое не потому, чтобы ей угрожал кто-либо извне, какая-либо иностранная интервенция или какие-либо внутренние враги. [...] Но ведь для всякой власти, в особенности для власти, взявшей[ся] осуществлять что-то небывалое в истории, для чего исторический момент еще не настал, бывает не столько опасна внешняя сила, которая может раздавить эту власть, сколько внутреннее банкротство этой самой власти. И вот, граждане, я утверждаю, что вы находитесь накануне внутреннего банкротства. [...] Вы ставите настоящий процесс партии социал-революционеров, для того, чтобы иметь возможность ваши собственные ошибки, ваши собственные отступления перевалить на плечи других. Вот почему как в старое царское время за все отвечали евреи, так в новое советское время за все должна отвечать партия социал-революционеров, за все ошибки власти...»¹.

Лихач был абсолютно прав — сверхзадача большевиков на процессе с.-р. в 1922 г. заключалась не в том, чтобы доказать их виновность в борьбе против большевистской власти (эсеры этим гордились), сгноить их в тюрьмах — это и так было уже решено и осуществлялось без всяких судов, а дискредитировать их как революционеров, доказать, что им

¹ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 36. Л. 184–185.

гордиться нечем, что они не наследники славных революционных традиций, а гнусные их предатели, спутавшиеся с Антантой, кадетами, белогвардейцами, опозорившие революционные традиции, и постулировать, что единственные хранители этих святынь — только коммунисты.

На эсеров вылили ушаты помоев. Член ЦБ ПСР Г.К. Покровский в письме из Москвы от 12 июня 1922 г., адресованном в Заграничную Делегацию ПСР, восклицал: «Процесс эсеров вытеснил собой остальную жизнь России. Кроме этого процесса у большевиков, кажется, нет никаких нужд, никаких забот. Вопросы голода, промышленности, транспорта, засева полей и т.д. и т.д. — все это отошло на задний план, или вовсе выброшено за борт внимания. Десятки тысяч газет центра и провинции, обслуживающих партийные большевистские губкомы, исполкомы и всякие отделы от первой и до последней страницы заполняются “фактами” о предательствах и разбоях “бандитов” эсеров и все это помещается под заголовком “процесс эсеров”[...]. Словом, Левиафан, со всем его грандиозным карательно-принудительным аппаратом, с техническими средствами в виде почты, телеграфа, телефона, железных дорог, аэроплана, печатного станка, газет, журналов и т.д. — все это брошено на борьбу с “кучкой бандитов эсеров” спокойно, с розами в петлицах сидящих на скамье ревтрибунала и временами беспощадно бичующих обвинителей, грязно-кровавыми руками сфабриковавших процесс»¹.

Не только тысячи газетных статей обрушивались на эсеров, но и выносились тысячи резолюций собраний рабочих, красноармейцев, чекистов и милиционеров, проводились грандиозные демонстрации и петиционная кампания. Широко использовавшуюся российским освободительным движением форму борьбы против власти большевики обратили против оппозиции. Более того, при помощи партийных и чекистских мероприятий они вовлекли в нее самые широкие слои населения, сделав голосование за резолюцию, осуждающую эсеров, или подпись под петицией, требующей самого сурового наказания для них, тестом на проверку лояльности власти.

20 июня прошла тщательно подготовленная демонстрация, в которой, по официальным данным, принимало участие 300 тыс. чел. Ввиду участия в митинге на Красной площади членов суда, обвинителей и защитников 2-й группы в этот день состоялось лишь вечернее заседание суда, на котором вопреки всем законам и нормам правосудия было предоставлено слово представителям рабочих, требовавшим расправы над подсудимыми.

Поставленные в слишком неравные условия, эсеры проиграли битву за умы людей в России, но одержали внушительную победу за ее пределами. Документы свидетельствуют о тех сверхусилиях, которые приложили заграничные эсеры, организуя антибольшевистскую кампанию. Она стала катализатором и детонатором мощного протестного движения, охватившего на Западе разные слои общества (прежде всего рабочее и

¹ Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 548, 549.

социалистическое движение). Представляется, что ни до, ни после эсеровская эмиграция не действовала с таким единодушием и такой самоотдачей, что и позволило им организовать грандиозную международную кампанию в защиту подсудимых эсеров, которая приобрела невероятный размах и стала ярчайшей страницей процесса и одновременно неприятнейшим сюрпризом для большевистского руководства. Причем участвовали в ней прежде всего социалистические партии, профсоюзы и ряд известных общественных деятелей, ученых, писателей; а не буржуазные круги и правительства, как это утверждала советская пропагандистская машина. Представляется, что это было одно из первых сокрушительных поражений большевиков в глазах европейского общественного мнения, поражение, имевшее серьезное значение. Именно тогда и начинает формироваться мнение о несовместимости коммунизма и демократии, неприятие практики подавления коммунистами инакомыслия, где бы оно ни проявлялось.

Поражением для власти было и то, что, они не смогли сломить подсудимых, чем создавали опасный для себя прецедент — пример удачного и гордого противостояния в зале суда, даже под угрозой смертного приговора. В дальнейшем большевистская и чекистская верхушка постарались больше не допускать подобных провалов, серьезно модифицировав саму технологию постановки политических процессов и навсегда расставшись с шапкозакидательским легкомыслием, с которым они подошли к процессу над ПСР.

Мужество обвиняемых 1-й группы и на предварительном следствии и на самом суде проявлялось многократно и довольно ярко. Так, например, на одном из июньских заседаний Е.М. Тимофеев заявлял, обращаясь к своим обвинителям: «С Вами непримиримы. В этом — наша гордость и этой позиции мы не уступим и не отступимся от нашего права вооруженной борьбы. От этого мы не откажемся и не можем отказаться»¹. Важно, что многие из них, как это видно из подслушанных чекистами разговоров в конце процесса, были уверены в возможности своей скорой смерти. 24 декабря 1923 г. Г.Л. Горьков-Добролюбов, уже находясь в ссылке в Царицыне, писал: «упомяну лишь только, да и то вскользь, об одном эпизоде из нашего процесса — это о нашем совещании накануне приговора. Совещание это поистине было историческое и публике оно до сих пор неизвестно. Но (1 слово не разобрано. — *К.М.*) таки я не имею возможности говорить о всех обсуждениях и решениях на этом совещании. Об одном только нашем решении могу сказать, а именно: идти на расстрел спокойно и молча, без демонстрации, отдав таким образом последний свой революционный долг»².

Но, безусловно, лучшее представление о мужественности подсудимых дают их последние слова. Переодетый в форму красноармейца-конвоира чекист подслушал и донес по начальству мимолетный, но в

¹ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 23. Л. 187.

² Там же. Т. 110. Л. 28.

высшей степени важный для нас разговор между Н.В. Крыленко и А.Р. Гоцем, состоявшийся 4 августа после произнесения им своего последнего слова: «После окончания своей речи — встретился с тов. Крыленко, который спросил Гоца, неужели они все еще по-старому, на что Гоц ответил утвердительно и подымаясь по лестнице сообщил о своем разговоре с Крыленко Гендельману и др.»¹. Несмотря на косноязычие чекиста, понятно, что интересовало Крыленко. Самый «талантливый прокурор России», как его характеризовали подсудимые 1-й группы, не спрашивал Гоца о связи с интервентами и пр. — он хорошо понимал цену обвинением. Он пытался понять, неужели эти люди готовы пойти на расстрел за свои старые интеллигентские и народолюбивые представления — сегодня, когда большевики показали, **как** можно манипулировать этим народом. Крыленко, как и большевистская элита в целом, расстался со своим «старым» ради власти и удивлялся людям, готовым идти за это на смерть. Именно об этом стремительном отходе коммунистов от старых ценностей писал в августе 1922 г. в меньшевистский «Социалистический Вестник» корреспондент, скрывший свое имя под псевдонимом «Каторжанин»: «Мне кажется, что нет тех красок которые описали бы то, что проделала власть до процесса, на самом процессе и вне стен суда. **Изумительно все же не это, а то перерождение вчерашних тюремных сидельцев, а ныне правителей, к которому я никак не могу привыкнуть** (выделено нами. — *К.М.*). Большевики негодуют, как это подсудимые смеют сидеть, когда “суд идет”, как они, “эти убийцы”, смеют заявлять (не они, правда, а защита в 1-й день), что их не кормят, почему они выбраны и т.д. и т.д. [...] А все эти “гвардейский офицер Кашин (это — наш Ваня Кашин, бывший восьмилетний каторжанин!), а “кавалерист” Утгоф, а “дворянин” Тимофеев и пр. и пр. прелесть, которая печатаются в “Известиях” и в центральном органе РКП, рядом с отчетом о лошадях, “показавших (на бегах) столько то секунд”. Есть от чего с ума сойти и выть от злости...»².

По приговору Верхтриба ВЦИК 7 августа 1922 г. к высшей мере наказания (его исполнение было отложено и превратило “смертников” в заложников, на случай активной, прежде всего террористической деятельности эсеров) были приговорены 12 подсудимых 1-й группы: В.В. Агапов, А.И. Альтовский, М.Я. Гендельман, Л.Я. Герштейн, А.Р. Гоц, Д.Д. Донской, Н.Н. Иванов, Е.А. Иванова-Иранова, М.А. Лихач, С.В. Морозов, Е.М. Ратнер, Е.М. Тимофеев. Остальные обвиняемые из этой группы получили различные сроки заключения: Н.И. Артемьев, А.В. Либеров, Д.Ф. Раков, Ф.Ф. Федорович — по десять лет строгой изоляции, Е.С. Берг, М.И. Львов, В.Л. Утгоф — по пять лет строгой изоляции, Г.Л. Горьков — три года строгой изоляции, П.В. Злобин — два года строгой изоляции. Подсудимые — ренегаты 2-й группы: Ю.В. Морачевский и Г.М. Ратнер были оправданы, Г.И. Семенов, В.И. Игнатьев и Л.В. Коноп-

¹ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 48. Л. 269.

² Каторжанин. Письма из зала суда // Социалистический Вестник. № 15. 2 августа 1922. С. 7.

лева были приговорены к высшей мере наказания, а остальные — к различным срокам наказания (И.С. Дашевский — три года, П.Т. Ефимов — десять лет, Ф.В. Зубков, К.А. Усов, Ф.Ф. Федоров-Козлов — пять лет, П.Н. Пелевин — три года, Ф.Е. Ставская — два года). Впрочем, по ходатайству Верхтриба Президиумом ВЦИК все они были помилованы и освобождены от наказания.

Особо подчеркнем это обстоятельство (ведь Семенов собственноручно отравлял пули, которыми ранили В.И. Ленина, а поехал после процесса вместе с Коноплевой в санаторий), потому что у каждого из 22 осужденных 1-й группы была возможность купить себе свободу ценой предательства, не только на предварительном следствии, но и после процесса. Причем, в отличие от «прошенистов» и «подаванцев» (так в начале XX в. революционеры называли ренегатов, подававших прошение о помиловании), любой из них мог рассчитывать не на относительные поблажки, а на полную свободу. Более чем вероятно, что если бы уставшие от заключения С.В. Морозов и Е.А. Иванова вместо того, чтобы резать себе вены, обратились бы с покаянными письмами в ЦК РКП(б) или ВЦИК, они были бы освобождены и отправлены в санаторий, слишком высоки были ставки в этой игре. А в готовности виднейших большевиков наплевать на правовые нормы и приличия, а руководствоваться в своих действиях лишь «политической целесообразностью» сомневаться не приходится.

Оценить в целом итоги процесса и «идейно-дискредитационной» кампании против ПСР, сопровождавшей его, односложным «успешно» или «неуспешно» практически невозможно. С одной стороны, потому что она была разноуровневой и разноадресной по объектам воздействия. С другой стороны, потому что, как это ни парадоксально звучит, по ряду направлений эсеры использовали эту кампанию и процесс с большой для себя пользой.

Какие же цели ставились? Дискредитация социалистической альтернативы большевизму в глазах той части общества, которая верила в социализм; дискредитация идей, путей и методов меньшевистского социализма и утверждение идей и практики большевизма как единственно возможных и верных. Окончательный успех на этом поприще был достигнут позже. Кроме того был в общих чертах создан (позже отшлифован до полной законченности в десятках фильмов и книг) образ «врага народа», коварного, лживого, запутавшегося и прекраснодушного, но все равно подлого. Обращенная на все общество в целом, эта двуединая цель большевиками в общих чертах была достигнута.

Была достигнута и производная от этого, но очень важная для большевиков цель — сужение социальной базы эсеровской партии, отсечение от нее различных социальных групп. Но здесь не обошлось без неприятных для большевиков сюрпризов. Процесс вызвал заметный рост интереса к эсерам в молодежной, прежде всего студенческой среде, что проявилось в приходе в ПСР в 1922–1924 гг. новых людей.

Неприятными и неожиданными для властей стали и консолидационные процессы, начавшиеся в эсеровской партии как своего рода защит-

ная реакция против нападения извне, грозящего гибелью всего целого. Эти тенденции отметил в своем письме 3 июля 1922 г. к Е.К. Брешковской секретарь Заграничной Делегации ПСР Б.Н. Рабинович, восклицавший: «Безумно меня радует, что процесс сгладил все наши разногласия, публика забыла о всех своих дрязгах и дружно повсюду работает. Сгладилась и наша российская атмосфера. Все это очень радует, процесс сыграл колоссальную роль и было бы совсем хорошо, если б удалось вырвать наших мучеников из когтей обезумевших людей. От сестры из Москвы имел письма — поражается героизму, с каким судимые держат себя на суде»¹.

Консолидационные процессы в самой российской эсеровской и околоэсеровской среде настолько обеспокоило власти, что они не ограничились развертыванием или усилением пропагандистской работы (и проведением спецмероприятий), как по трем предшествующим направлениям, а затеяли грандиозный Ликвидационный съезд. С одной стороны, он должен был усилить раскол и сумятицу в эсеровской и околоэсеровской среде, а с другой продемонстрировать всему миру самораспуск ПСР.

Неприятный сюрприз ждал властей и на пути реализации другого их стремления — желания перессорить эсеров с другими российскими и национальными социалистическими партиями, прежде всего с меньшевиками. Предъявив обвинение некоторым меньшевикам, власти помимо желания связать в глазах общества эсеров и меньшевиков воедино, явно пытались спровоцировать последних на отречение от эсеровской тактики в годы гражданской войны, что явно повлекло бы обострение отношений между эсерами и меньшевиками. Но меньшевики не только не обошлись лишь выражением формального сочувствия и поддержки (такие заявления сделал ряд национальных партий), а приняли весьма деятельное участие в контрпропаганде. Заграничные Делегации эсеров и меньшевиков проводили совместные заседания для координации усилий, а также меньшевики пытались направить своих защитников на процесс, что вызвало ярость властей. Но, конечно, для эсеров было особенно ценно то, что российские меньшевики под угрозами арестов выступали на митингах и рабочих собраниях, устроенных властями, с протестами против процесса, а также боролись печатным словом (по чекистским данным, меньшевистских «контрреволюционных проявлений» в связи с процессом было даже несколько больше, чем эсеровских, так как последние были ослаблены волнами арестов, приуроченных к процессу). Важно то, что и после процесса не произошло возврата к межпартийным трениям, и начиная с этого времени ни эсеры, ни меньшевики больше никогда не вели друг против друга публичной полемики. Более того, достигнутый уровень взаимопонимания и сотрудничества вновь оживил разговоры, столь популярные в 1901–1902 и 1912–1914 гг. — разгово-

¹ Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 558.

ры о желательности объединения с.-д и с.-р. Так, в 1933 г. в одном из черновиков письма В.М. Чернова неизвестному адресату, где он описывал, как проходил его шестидесятилетний юбилей, он писал: «Было приветствие от русских с.-д. вообще и от Дана в особенности, с выражением надежды на осуществление в России единой социалистической партии»¹. Но лишь в 1952 г. 14 русских социалистов, эсеров и меньшевиков, выпустили обращение «На пути к единой социалистической партии», считая, что настало время ее создания. Понятно, что в сложившейся ситуации подобный призыв мог иметь только символическое значение, но сама тенденция была весьма важной и при другом развитии событий в стране после 1922 г. новый уровень взаимопонимания, достигнутый между эсерами и меньшевиками, мог бы иметь серьезнейшее политическое значение.

Обратный желаемому получился и международный резонанс процесса. Продемонстрировав всему миру весьма своеобразное понимание, с одной стороны, допустимых методов и способов борьбы со своими политическими противниками, а с другой — устоявшихся норм и принципов юриспруденции, власть уподобилась унтер-офицерской вдове, которая сама себя выскла. Большевистское руководство поняло это слишком поздно (несмотря на тревожные сигналы и мрачные прогнозы отдельных дипломатов и коминтерновцев). Самое любопытное, что реакция на это понимание у «твердокаменных» и «мягких» большевистских лидеров оказалась абсолютно разной. «Мягкие» думали, как смягчить тяжелое впечатление, произведенное на самые различные общественные круги Запада, как восстановить свой авторитет и влияние, а «твердокаменные» стали срывать свое зло на 22-х не сдавшихся эсерах. Эта реакция вымещения бессильной злобы и ярости была политически нерациональной, но поделаться с собой часть большевистской верхушки и чекисты ничего не могли. Самый яркий пример — это устройство осенью 1922 г. для 22-х эсеров такого тюремного режима, который диктовался прежде всего желанием мести, а мотивы изоляции от внешнего мира становились скорее удобным предлогом для этого. Нерациональность такого поведения была очевидна: в течение нескольких лет заграничные эсеры и меньшевики совместно с европейскими социалистами вели активную кампанию против режима, созданного для политзаключенных в советских тюрьмах. Эта кампания наносила колоссальный удар по авторитету советского государства и Коминтерна, что в конечном счете заставило отступить даже «непримиримых».

В 1931 г., откликаясь на смерть члена ЦК ПСР Е.М. Ратнер, меньшевик Б. Николаевский писал: «[...] моральной победы организаторы процесса не одержали: несмотря на все усилия, им не удалось запугать посаженных на скамью подсудимых политических противников, — не удалось вырвать из их уст ни одного слова отречения или раскаяния. Скамью подсудимых они превратили в политическую три-

¹ ГАРФ. Ф. 5847. Оп. 1. Д. 67. Л. 170.

буну и с нее вели пропаганду своих взглядов, критиковали политику своих обвинителей. Этого власть им не простила и с мстительной жестокостью преследовала их в течение всех тех лет, которые протекли после суда»¹.

Примечательно, что Верхтриб больше месяца тянул с извещением (под расписку) о Постановлении Президиума ВЦИК от 8 августа о приостановлении исполнения смертного приговора. Фактически эсерам была устроена настоящая моральная пытка — «смертники» ожидали приведения приговора в исполнение, вплоть до 16 сентября. Именно тогда «смертникам», изолированным полностью от внешнего мира и лишенным свиданий с кем бы то ни было, объявили о Постановлении Президиума ВЦИК от 8 августа 1922 г. о приостановлении исполнения смертной казни. А до этого у тюремных надзирателей (как видно из одной из жалоб родственников) в ходу была следующая формула обращения к заключенным (по крайней мере по отношению к Герштейну это известно наверняка), сопровождающая то или иное приказание — «приговоренный к смертной казни Герштейн».

Мы уделили так много внимания процессу социалистов-революционеров 1922 г. потому, что В.Н. Рихтер оказался его тринадцатым «смертником». Узнать об этом позволили материалы личного архива В.Н. Рихтера. Приговор же ему прозвучал... в июле 1923 г. Этот уникальный в практике даже советского судопроизводства случай объясняется тем, что советская Фемида решила выделить дела всех «нерозысканных» по процессу с.-р. и судить их после поимки на основании его материалов.

Выше мы уже упоминали, что подлежавший аресту и отправке из Одессы в Москву для вывода на процесс 1922 г. В.Н. Рихтер в марте 1922 г. сумел скрыться и перейти на нелегальное положение, приняв в качестве уполномоченного Центрального Бюро ЦК ПСР участие в развертывании эсеровской пропагандистской кампании против устроенного коммунистами процесса. Арестованный в Киеве 28 сентября 1922 г. уже после окончания процесса с документами на имя А.Д. Писаревского на «совещании ответственных партийных с.р. работников» (см. док. № П1.11), В.Н. Рихтер был отправлен в Москву, где содержался во Внутренней тюрьме ГПУ. 12 ноября 1922 г. на своем первом «московском» допросе, который вела бывшая левая эсерка, а к этому времени помощник начальника 3-го отделения (специализирующегося на поимке именно эсеров) Секретного Отдела ГПУ Вера Брауде, В.Н. Рихтер назвал свое настоящее имя, но отказался давать какие-либо показания². На следующем допросе, 28 ноября 1922 г., он повторил, что не будет давать показаний, пока ему не предъявят стенографический отчет суда над ЦК ПСР³. Мы не знаем, дали ли ему стенограммы процесса, но никаких показаний ни чекистам, ни следователю Верх-

¹ Б.Н. Е. Ратнер // Социалистический Вестник. 1931. № 21. С. 14.

² ЦА ФСБ РФ. Д. Р-46679. Л. 10–11.

³ Там же. Л. 12.

триба он не дал и позже. Нельзя не отметить, что его поведение на следствии было абсолютно безупречным с точки зрения этики революционера.

12 января 1923 г. В.П. Брауде написала и представила по начальству заключение по делу В.Н. Рихтера, вывод которого был таков: «Считаю доказанным участие РИХТЕРА в 1918 г. в организации террористических актов против деятелей Сов[етской] Власти (ст. 64 Уг[оловного] Код[екса]) и активное руководящее его участие в контрреволюционной работе партии с.р. (ст. 57 и 60 Уг[оловного] Код[екса])[,] я предлагаю предать РИХТЕРА суду Верховного Революционного Трибунала¹ с перечислением за ним арестованного» (см. док. № П1.12). Свое согласие с этим выразили начальник 3-го отделения СО ГПУ И.Ф. Решетов, начальник СО ГПУ Самсонов и заместитель председателя ГПУ И.С. Уншлихт. 21 марта 1923 г. следователь Верховного Суда РСФСР Ю. Карлсон вынес постановление о привлечении В.Н. Рихтера к суду (см. док. № П1.13). На допросе у Карлсона В.Н. Рихтер, как и ранее, вновь отказался от дачи показаний, написав в протоколе допроса — «От всяких показаний по существу предъявленного мне обвинения отказываюсь. Владимир Рихтер» (см. док. № П1.14) и тогда Карлсон (см. док. № П1.15) решил привлечь к следственному делу копии стенограмм и протоколы допросов из материалов процесса 1922 г. Главным пунктом обвинения стали показания бывшей эсерки Л.В. Коноплевой, ставшей коммунисткой (а также сотрудником Разведупра РККА) о том, что в начале 1918 г. В.Н. Рихтер руководил террористической группой, пытавшейся убить В.И. Ленина, и передал ей яд кураре, использованный впоследствии для отравления пули, которыми стреляла 30 августа Фанни Каплан. Это было повторено с ее слов бывшим эсером Г.И. Семеновым (как и Коноплева, вступившим в РКП(б) и служившим в Разведупре) в его брошюре «Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917—1918 гг.», изданной в Берлине накануне процесса (вопрос о сроках издания брошюры и судьбе автора, по инициативе И.В. Сталина, который прочитал ее в начале декабря 1921 г., решался на Политбюро). По свидетельству Л.В. Коноплевой и Г.И. Семенова, весной 1918 г. московским Бюро ЦК ПСР В.Н. Рихтер был назначен руководителем боевой группы для организации покушения на В.И. Ленина и в этом качестве передал ей яд кураре (которым были отравлены пули, предназначавшиеся для В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого) (см. док. № П1.17, 18). По ее же словам, руководителем он оказался «неважным», и во всей дальнейшей работе она решила действовать, не полагаясь на ЦК. В подготовленном 25 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ проекте сообщения в Политбюро ЦК РКП(б) о

¹ Верховный трибунал РСФСР был ликвидирован на основании утвержденного ВЦИК 11.11.1922 положения о судеустройстве РСФСР, установившего единую систему судебных учреждений: народный суд, губернский суд и Верховный суд РСФСР, так что о суде «Верховного революционного трибунала» В. Брауде явно писала «по привычке».

контрреволюционной и террористической деятельности партии социалистов-революционеров говорилось: «Для руководства устройством покушения на тов. Ленина (в Москве) Ц.К. назначил члена Ц.К. п.с.-р. Рихтера. Но эти первые шаги не получили надлежащего развития. Лишь в конце лета Ц.К. серьезно берется за это достойное орудие борьбы»¹. Как утверждал П.Т. Ефимов на допросе в ОГПУ 11 марта 1922 г. (см. док. № П1.17), он в марте 1918 г. по предложению Б.Н. Рабиновича вместе с Л.В. Коноплевой поехал для устройства террористического акта в Москву, где получил задание от члена ЦК ПСР Рихтера организовать слежку за В.И. Лениным, которой и занимался в течение недолгого времени, в силу партийной дисциплины, после чего вернулся вместе с Коноплевой в Петроград. Допрошенный по этому эпизоду более подробно 12 марта 1922 г. (см. док. № П1.18), П.Т. Ефимов заявил: «С А.Р. Гоцем я имел разговор в Петрограде до отъезда в Москву с Лидией Коноплевой. Я из разговора с ним узнал, что целью поездки является совершение террористического акта, но я тогда совершенно не знал, против кого первоначально будет направлен акт, все указания я должен был получить в Москве от члена ЦК Рихтера. Гоц просил меня следить за тем, чтобы Коноплева не сделала сама какого-нибудь необдуманного поступка. Я только из разговора узнал, что акт будет против кого-то из вождей коммунистической партии и только уже в Москве от Рихтера я узнал о плане покушения на Ленина и Троцкого. При разговоре моем и Коноплевой с Рихтером было решено первым убить того, кто первым попадет» (см. док. № П1.18, 20). Обращает на себя внимание разница в этих двух показаниях П.Т. Ефимова, наводящая на мысль о корректировке его первоначальных показаний. М.Я. Гендельман и другие подсудимые 1-й группы были склонны трактовать эту поездку Коноплевой и Ефимова (сам факт поездки ими не отрицался), как сплошную рисовку Коноплевой, решившей поиграть в террористку, а участие в этой истории Ефимова объясняли его «романтическим» отношением к Коноплевой. М.Я. Гендельман в своей защитительной речи восклицал: «Я бы не считал себя вправе любопытствовать, не считал бы себя вправе поднимать завесу над этим путешествием, но когда граждане за свое увеселительное путешествие хотят расплачиваться головами живых людей, когда используют это, чтобы клеветать на партию, тогда я смею поставить вопрос: для чего же они ездили и в частности, в какой роли Ефимов в этом опереточном путешествии: для того ли, чтобы поселившись под видом мужа и жены совершить покушение на Ленина, или для того, чтобы под видом покушения на Ленина проехаться в Москву»². М.Я. Гендельман в своей защитительной речи считал всю историю с отравлением пуль выдумкой, аргументируя свои слова тем, что с 1914 г. в Россию не импортируются лекарственные препараты и крайне сложно было раздо-

¹ Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 170.

² ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 35. Л. 37–38.

быть даже «простые кровоостанавливающие средства». Кроме этого, Коноплеву поймали на путанице в показаниях, из которых выходило, что Рабинович еще в Петрограде дал ей указание отравить пули (на предварительном следствии Коноплева об этом не говорила), а в Москве яд, как по заказу, оказался у Рихтера¹. Семенов также был пойман на лжи в том, что пули перед убийством Володарского он отравлял на квартире Федорова-Козлова, который категорически это отрицал. Гендельман считал, что Семенов специально «припечатывает» Федорова-Козлова, как и многих из тех 93 человек, чьи имена были названы в его брошюре².

Понимая, что все предрешено, и не желая участвовать в дешевом спектакле, за несколько дней до суда В.Н. Рихтер заявил о своем отказе являться на него, потребовав «слушать дело без него», что и было зафиксировано в протоколе № 58 от 27 июня 1923 г.³

4 июля 1923 г. Судебная коллегия Верховного суда РСФСР в составе председателя Немцова и членов суда Чельшева и Беднякова вынесла следующий вердикт постановила считать доказанными «преступные деяния» В.Н. Рихтера, заключавшиеся в участии в «организации, ставящей себе целью свержение Советской Власти, путем вооруженных выступлений и вторжения на территорию вооруженных отрядов и банд, а равно участвовал в ряде попыток захвата власти в центре и на местах, насильственного расторжения договоров, заключенных Р.С.Ф.С.Р. и отторжения от Республики некоторых частей ее», т.е. эсеровской партии, а также в руководстве боевой группой и организации «покушения на товарища Ленина в 1918 году», и приговорил его к высшей мере наказания — расстрелу (см. док. № П1.24).

65 лет спустя в заключении Генеральной прокуратуры, рассматривавшей этот приговор, констатировалось: «На следствии Рихтер от показаний отказался. В судебном заседании он также не допрашивался. Свидетели не допрошены. Из приговора суда не видно, какие доказательства послужили основанием к признанию Рихтера виновным в совершении контрреволюционного преступления» (см. док. № П1.26).

Впрочем, как и двенадцати его товарищам, приговоренных к высшей мере наказания и переведенным фактически в разряд заложников, В.Н. Рихтеру смертная казнь решением Президиума ВЦИК от 18 сентября 1923 г. была заменена «десятью годами лишения свободы с зачетом предварительного заключения, со строгой изоляцией и поражением прав на пять лет» (см. док. № П1.25). Ни приговор, ни решение Президиума ВЦИК не стали известны его товарищам на воле, не попали в эсеровские газеты, не были зафиксированы историками. Чекисты не присоединили Рихтера к двадцати двум его товарищам, осужденным по процессу 1922 г., а отправили в странствие по различным политизолаторам страны. Это

¹ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 35. Л. 38–39.

² Там же. Л. 68–69.

³ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-46679. Л. 115.

сыграло с его судьбой злую шутку, ибо все остальные «смертники», поставленные в условия сурового режима (они сравнивали его с карцерным содержанием каторжных централов царского времени) вели тяжелую борьбу за политрежим и в конечном счете вынудили чекистов и Политбюро, уставших от скандалов и протестов западных социалистов по этому поводу, существенно сократить всем срок и всех смертников отправить в ссылки в 1925—1926 гг., тогда как В.Н. Рихтер отсидел из своих десяти лет — около девяти лет, подорвавших его здоровье. Но похоже, что в отличие от других осужденных по процессу ему даже не все время предыдущего сидения зачли (его товарищам засчитывали даже кратковременные отсидки времен гражданской войны), а только время предварительного следствия (согласно приговору). Ведь В.Н. Рихтер в Одессе просидел больше года и год после ареста в сентябре 1922 г. до вынесения приговора. Объяснение этому неравенству очевидно: решение о зачете предыдущих отсидок (и сокращении сроков заключения) его товарищам было принято Постановлением Президиума ВЦИК в январе 1924 г. по ходатайству чекистов после самоубийства С.В. Морозова и ожесточенных голодовок остальных заключенных, боровшихся за смягчение тюремного режима.

Обращает на себя внимание и тот факт, что если в 1922 г. постановление Президиумом ВЦИК было принято на следующий день после приговора (но больше месяца не сообщалось Верхтрибом заключенным), то в 1923 г. разрыв между приговором и постановлением Верхтриба составил почти два с половиной месяца. И сколько еще времени прошло до ознакомления приговоренного с этим постановлением... И все это время В.Н. Рихтер ожидал приведения в исполнение смертного приговора.

Несмотря на строжайшую изоляцию друг от друга и от внешнего мира, товарищи Рихтера по партии и по ЦК интересовались приговором суда над ним. Это видно из перехваченной надзирателями летом 1923 г. тюремной записки, которыми заключенные эсеры обменивались, пытаясь преодолеть изоляцию: «Суббота. Дорогие друзья, от Вас уже так давно ничего не было, не провалилось ли и это место. Чем кончился суд Рихтера? Что вообще нового? О чем интересном беседовали с Катаньяном? У нас новостей нет. В камере душно, заниматься трудно. Вообще все надоело. Крепко обнимаю. Катя Либерову высылку на 3 года в Чердынский уезд. А все-таки, други, Вы Фрайера (1 слово неразобрано. — *К.М.*)»¹.

Началась тюремная одиссея В.Н. Рихтера. За почти девять своих тюремных лет при советской власти, В.Н. Рихтер побывал во многих из тех тюрем, где в 20-е годы держали политзаключенных (или, как предпочитала называть их сама власть — политизоляторов): во Внутренней тюрьме ГПУ, затем в Суздальском политизоляторе (превращенном в тюрьму для политических знаменитом Суздальском монастыре), позднее — в Челябинском, Тобольском и Верхнеуральском политизоляторах.

¹ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 60. Л. 306 (копия), 310 (подлинник в конверте).

Чем были заполнены для В.Н. Рихтера эти тюремные годы?

Его письма и его стихи позволяют ответить на этот вопрос: любовью к жене, горестными тюремными раздумьями о проходящей мимо жизни, об угасающем здоровье и безвозвратно утекающем времени, писанием стихов и реферированием книг, занятиями с товарищами в литературных и философских кружках, рутиной повседневной тюремной жизни политзаключенного, в которую, впрочем, входило не только сохранение своего физического и умственного здоровья, но и борьба за политрежим, борьба с московским чекистским начальством и местными тюремщиками. Не было в этой жизни только раскаяния в своей борьбе с большевистской диктатурой и принятия ценностей нового режима... Тюрьма не сломила В.Н. Рихтера, и он до конца своих дней оставался человеком, не приемлющим ни идеологии коммунистической системы, ни ее практики. Свою абсолютную несовместимость с ней В.Н. Рихтер демонстрирует и в переписке с женой (насколько это вообще возможно в подцензурных тюремных письмах), а главное — в своих тюремных стихотворениях и литературных набросках (скажем в «экспромте-шутке», написанном и поставленном в тюремном театре Верхне-Уральского политизолятора в 1927 г. (см. Приложение 2).

Неприятие режима у В.Н. Рихтера не только политическое, оно значительно более глубинное. При чтении писем и тюремных стихов В.Н. Рихтера на ум невольно приходит широко известное высказывание писателя-диссидента А. Синявского о том, что его разногласия с Советской властью носят стилистический характер. В.Н. Рихтер многократно обращался к теме неприятия коммунистического режима во всех его ипостасях и, что примечательно, как правило, делал это в шутивно-иронической манере, очевидно, избегая излишнего пафоса и стесняясь его. Так, его настроения прекрасно переданы в стихотворении, начинающемся словами «Как незавидно быть эсером в коммунистической стране»:

Как незавидно быть эсером
В коммунистической стране!
Окно заделано фанером,
Мох разбросался по стене.
[...]
Всю жизнь, как упыри, заели
Вода, дрова и вечный хвост...
Пока валяюсь на постели,
Но скоро стащут на погост!

(см. Приложение 2)

Примечательно, что это стихотворение вовсе не времен гражданской войны (хотя оно явно навеяно реалиями зимы 1920–1921 гг. в Одессе), оно написано значительно позже — в октябре 1923 г.

В таком же шутивном тоне выдержано другое его тюремное произведение (уже 1928 г.) — написанная в Верхне-Уральском политизоляторе

«Балалаечная», в которой обыгрывается небывалый в истории России факт назначения начальником тюрьмы женщины:

Эко горе! Эко горе!
До сих пор мы на запоре!
Начиная с декабристов,
Нет политикам амнистий,
Кроме разве смехотворных
Для правительства позорных.
Так сидим и плесневеем!
[...]
Все «политика» узнала,
Но такого не бывало
Поношения и срама,
Чтоб тюрьмой владела дама...
Правда. Не бывало тоже,
Среди дам подобной рожи!

(см. Приложение 2)

Но не всегда В.Н. Рихтеру удавалось прятать свою горечь за шутиливыми словами и она прорывалась в звенящих строках 1929 г., наполненных болью за Россию и ее сынов:

Россия, кто тебя постиг
В тоске полей и в злобных матах,
В страницах наших лучших книг
И в самых душных казематах,

Кто странником в тебе бродил
По голодающим селеньям,
Кто видел вспышки грозных сил
И годы рабского смиренья,

Кто знал твоих кичливых бар
И молчаливое крестьянство,
Костры, погромы и угар
Непрерываемого пьянства,

Кто слышал споры без конца,
Взглянул в глаза твоих героев
И ужас затаил лица
Твоих предателей-изгоев,

Тот не забудет никогда,
Что ты его в бреде родила,
Что след в нем счастья и стыда,
Твое проклятие ... и сила.

Очень органично с мотивами и настроениями этого стихотворения перекликается и его стихотворное посвящение С.А. Есенину, заканчивающееся сожалением о том, что:

Не длится посвист «Хулигана»,
У нас не весел, кто тверез.
Поникли в ржавчине тумана
Всполохи юные берез.

Но наиболее ярко «свои разногласия с Советской властью» в присущей ему шутливой манере В.Н. Рихтер изложил в упоминавшейся уже «шутке-экспромте в 1-м действии» «Музей редкостей» (см. Приложение 2). «Место действия — высшие сферы. Время — наши дни». Коммунистка (Комма), попавшая на небеса, жалеет, что там «нет возможности поднимать производительность труда, или вскрывать меньшевистскую сущность оппозиции», и чтобы убить время, беседует с Беатриче (Бичи), Данте (Дуранте), Жанной Д'Арк и другими, по ее словам, «отжившими тенями» и приходит к выводу, что они отстали, не понимают классовой сущности и безнадежны в смысле просвещения. Дело кончается тем, что апостол Петр возвещает ей: «Меня послал сам Саваоф, чтоб выяснить досадное недоумение. Он в своем долготерпении и многомилости своей не хочет уступить несчастным россиянам и потому решил не сбрасывать тебя в крошечный ад. Но очень затруднительно для нас найти, о дочь моя, какое-нибудь место среди гармонии небесных сфер. Мы думали, что незлобивость Беатриче и мужество блаженной Жанны д'Арк преодолют все трудности сожительствас тобою, но Саваоф, сам Саваоф решил: во-первых, отпустить всем русским мужичкам три четверти их прегрешений, а во-вторых, переселить тебя в особую обитель, где только ты и можешь быть. Там, за великою и крепкою стеною, пребывают Лойола, Торквемада, Петр-Пустынник, Аввакум, Никита-Пустосвят и многие другие твои соотчичи по духу. Ты в них найдешь собратьев по горячей безрассудной вере, по нетерпимости, по жажде обращать других мечом, огнем, насильем».

В.Н. Рихтер удивляет сочетанием, казалось бы, совершенно не сочетаемых качеств. И дело вовсе не в том, что, с одной стороны, он видный революционер и убежденный сторонник использования террористической тактики в борьбе с авторитарными и тоталитарными режимами, а с другой — европейски образованный человек, с широким кругозором, любящий и ценящий искусство и к тому же обладающий литературным даром. Такие сочетания в России начала XX в. не были редкостью. Удивительно то, что будучи старым революционером и признавая террор, В.Н. Рихтер сочетал это с внутренне присущим ему гуманизмом, который дополнялся у него отсутствием фанатизма, способностью перешагнуть за пределы своих взглядов и привычек. Его младшая дочь вспоминала примечательную историю, произошедшую с весной 1931 г. в Каркаралинске, когда ссыльного В.Н. Рихтера, работавшего счетоводом в конторе по снабжению хлебом населения, арестовали за «вредительство», якобы повлекшее за собой голод в Казахстане (правда, пробыл он на этот раз в тюрьме недолго). Пока

Рихтер сидел в тюрьме, приехавшая к нему в ссылку жена бегала по всему городу в поисках продуктов для арестованного мужа (в тюрьме был такой голод, что из-за него бежали даже уголовники) и детей. И вот однажды утром она обнаружила на крыльце бутылку молока, которую, не раздумывая отнесла в тюрьму. Так продолжалось все время, пока Рихтер сидел в тюрьме. Выйдя на свободу, он «заялся следствием и методом исключения (не так-то уж было в городе коров!) пришел к выводу, что это дело рук ссыльного священника отца Александра». Призванная к ответу хозяйка домика, в котором снимали жилье Рихтеры, призналась, что молоко, действительно, приносила родственница отца Александра. Несмотря на то, что он «не входил в круг политических ссыльных, который состоял в основном из “иноверцев”: евреев и атеистов», Рихтер с женой нанесли ему благодарственный визит, а впоследствии, — вспоминала В.В. Рихтер, — «отец Александр уже бывал у нас вместе со всеми другими ссыльными каждую субботу, был постоянным участником наших воскресных прогулок, а мы с папой и мамой бывали у них в гостях на каждый большой православный праздник» (см. док. № III.47).

То, что В.Н. Рихтеру было присуще достаточно редкое сочетание гуманизма и отсутствие фанатизма, ограниченности, особенно хорошо понимаешь, когда читаешь его стихотворение, посвященное расстрелу царской семьи. Трудно поверить, что это стихотворение написано видным эсером, поддерживавшим террористическую охоту партии за царем в 1907–1911 гг., человеком, боровшимся с монархией и монархом:

Введен конвоем бывший царь
С толпой встревоженной женщин.
Губкома грозный секретарь
Был как-то робок и застенчив.

Коленки нервно затряслись,
Каблук запутался в брезенте,
В мозгу пульсировала мысль:
«Я в историческом моменте!»

При желтом свете фонаря
Срывает хрипы приговора
В потухшие глаза царя,
В царицыны немые взоры.

«Не верится!.. Что будет там?..
Сейчас?!.. Не может быть!.. Крепитесь!»
И падают на старый хлам.
«Добей того, кто шевелится!»

(см. Приложение 2. «Один из варьянтов»)

В этом стихотворении Рихтер-человек, Рихтер-гуманист выше Рихтера-революционера. Нет ни открытого, ни затаенного злорадства, нет по-

литической оценки бывшего монарха, есть только, с одной стороны, глубокая скорбь и сочувствие, с другой — абсолютное неприятие палачей и палачества. И в этом весь В.Н. Рихтер. Одно дело пытаться из подполья сразиться в террористическом поединке с монархом, рискуя своей головой, и совсем другое дело — тайно и подло, ничем не рискуя, расстрелять бывшего царя вместе с женой и абсолютно ни в чем не повинными детьми. Удивительное дело. Ну никак не мог В.Н. Рихтер-революционер не то что любить и уважать, но хоть сколько-нибудь симпатизировать царю и его супруге, несшим на своих плечах немалую долю ответственности за упрямое и гибельное для страны и нации нежелание модернизировать Россию. Но в этом стихотворении не только скорбь, в нем и сочувствие к жертвам, на которых автор смотрит уже не как на политических врагов, пусть и бывших, но исключительно как на людей. Читая стихотворение, как-то легко веришь, что сам Рихтер не только никогда не встал бы в строй расстрельной команды, но будучи в силах никогда не позволил бы такой бессудной и кровавой расправе свершиться.

И наверное вовсе не случайно, что такое стихотворение вообще было им написано. Ведь что-то толкнуло революционера думать и писать с сочувствием о расстреле царской семьи! Те, кто и до сих пор считают, что эсеровский оппозиционный терроризм логично перерос в красный террор большевистской ВЧК, не хотят замечать, что дореволюционные террористы-эсеры и чекисты, действительно, были сделаны из разного теста. С точки зрения этики, между Степаном Балмашевым, Иваном Каляевым, Егором Сазоновым, а также Фанни Каплан и Леонидом Канегиссером, не щающими своей жизни в открытом поединке, и между Лениным, Сталиным, чекистами Дзержинским, Петерсом, Уншлихтом, Ягодой, обрекающими людей на смерть росчерком пера в своем кабинете — огромная и непреодолимая пропасть.

Стихотворение «На расстрел Гумилева» еще резче (см. Приложение 2). В.Н. Рихтер уже прямо называет виновника расправы и в эпитетах не скупится:

Где смерть для проклятых имен,
Лежащих в прахе вечных тлений?
А с ними в список занесен
И твой палач покорный, Ленин!

Когда звереющий чекист
Плюется пулею в поэта,
Что нам до подставной руки!
Лишь ты ответственен за это!

Любопытно, что это стихотворение написано в декабре 1928 г., восемь лет спустя после гибели Гумилева и три — после смерти Ленина. Можно сказать, что Рихтер предугадал и предвосхитил будущие споры о «хорошем» Ленине и «плохом» Сталине и дал свой вариант ответа об истинном родоначальнике системы, вскоре показавшей себя во всей красе.

Впрочем, было бы неверно видеть Рихтера, как и его товарищей по тюрьме и ссылке, записными бодрячками, весело несущими свой крест. Годы тюрьмы и неизбежный, отчетливо угадывающийся финал навевают тоску, которая звучит в стихах В.Н. Рихтера. Это настроение передается даже в самих названиях рукописных тюремных сборников, которые вполне символичны — «Вне жизни» и «По зыби небытья».

К стихотворению 1923 г. «В одиночке» (см. Приложение 2) В.Н. Рихтер поставил эпиграфом слова А.Белого: «В пространства пади и разбейся / за годом мучительный год»:

От окна до двери, от двери до окна
Бесконечна тюрьма, бесконечен мой путь!
Эти дни без труда, эти ночи без сна
Обесплодили ум, обескровили грудь!

От угла до угла, от стены до стены
Шаг за шагом — верста, день за днями — года...
Все тюрьма, все тиски! Ни друзей, ни жены!
Замурован, зарыт навсегда, навсегда!

Такая же тоска в стихотворении того же 1923 г. (см. Приложение 2):

Все засыпается снегом забвения, —
Даже тюремные жуткие сны!
Годы томления, счастья мгновения —
Все засыпается снегом забвения!
Нет никому от него избавления...
Мы повторять постоянно должны:
«Все засыпается снегом забвения, —
Даже тюремные жуткие сны!»

Но одно из самых тоскливых стихотворений — «Экзерсис», красочно передающее бессмысленность и тягость тюремного увядания, — было написано им в 1925 г. (см. Приложение 2):

Жизнь подъяремная,
Горечь тюремная
Длятся века
Хмель засыпания,
Смрад угасания,
Вечно тоска!
Зори тоскливые,
Ночи ленивые,
Весь кругозор.
Муки недужные
Думы ненужные,
Плесень и сор.

Впрочем, эти годы были заполнены не только тюремной рутинной и любовью к жене, но и борьбой с тюремной администрацией и московским ГПУшным начальством, борьбой за «политрежим», борьбой за свой статус политзаключенного, за само право сохранить пространство свободы в несвободе. По воспоминаниям и документам мы знаем, что это непрекращающееся противостояние между политзаключенными и властью обострялось и после процесса с.-р. в 1922 г., и после вывоза социалистов с Соловков, когда Челябинский и Верхнеуральский политизоляторы стали ареной борьбы между политзаключенными и властью, решившей, как говорили еще до революции, «поставить тюрьму на винт». К сожалению, документы из семейного архива умалчивают об этой стороне тюремной жизни В.Н. Рихтера. Это вполне понятно — ведь, с одной стороны, большая часть тюремных писем В.Н. Рихтера не дошла до нас, с другой — он все равно не мог писать об этом в письмах, проходивших цензуру Секретного Отдела ГПУ, конечно же, не пропустившего на волю даже отдаленного намека о голодовках и обструкциях политзаключенных.

Как относились к В.Н. Рихтеру его товарищи, какой у него был авторитет в среде, где немало было ярких и значительных личностей, мы можем судить только по тем крохам информации, которая дошла до нас — по единичным воспоминаниям людей, переживших советские тюрьмы и лагеря и не унесших с собой в могилу это знание — знание этого социума. Одна из немногих уцелевших товарищей по партии и тюремным скитаниям В.Н. Рихтера эсерка Е.Л. Олицкая, никогда не видевшая его, хотя их тюремные пути проходили порой совсем рядом, но никогда не пересекались (так, например, ее отправили из Верхнеуральского политизолятора (туда привезли весной 1925 г. весь старостат и всю верхушку соловчан, чтобы обезглавить политзаключенных) в ссылку через пересылку в Челябинской тюрьме, где Рихтер сидел с марта 1924 г. до отправки его в Тобольский политизолятор в июне 1925 г., а в сентябре 1926 г. он после двух месяцев этапа появился в Верхнеуральском политизоляторе), но в ее воспоминаниях есть несколько весьма красноречивых упоминаний о нем других эсеров. Так, еще по дороге на Соловки Олицкая попадает в один этап с группой эсеров, едущих из вятской ссылки и одна из них — А.И. Щесневская спрашивает у нее:

— Есть у вас знакомые на Соловках?

— Нет, я там никого не знаю.

— Там, конечно, замечательные люди! Но в Вятке состав был сильнее. Один Рихтер... изумительный человек! Жаль, что вы не попали в Вятку. Хотя, может быть, и всю ссылку разбрасают»¹.

Уже чуть позже, попав в 1924 г. в знаменитый Савватьевский «политскит» на Соловках, Олицкая восклицала: «Никогда раньше и никогда позже не встречала я такого богатого людьми коллектива. Коллектива, стоявшего на столь высоком моральном и духовном уровне. Часто мне

¹ Олицкая Е. Мои воспоминания: В 2 т. Франкфурт-на-Майне, 1971. Т. 1. С. 198.

приходилось слышать от товарищей, что савватьевский коллектив беден силами, и назывались имена Рихтера, Гоца, Веденяпина, Агапова и других, разбросанных по разным тюрьмам и ссылкам. Я верила. Недаром же эти люди были выдвинуты в свое время в ЦК партии. Но те, кого я знала воочию, вызывали во мне преклонение. С кем бы из старых товарищей я ни заговорила, я чувствовала, какую глубокую веру, какую продуманную, прочувствованную, убежденную мысль несут они в себе. До сих пор я счастлива, что встретила с такими людьми, укрепившими во мне веру в человека»¹.

Примечательно, что имя Рихтера Олицкая поставила в перечень имен людей, честно прошедших свой путь до конца: «Ничто я не могу сравнить с впечатлением, которое производило на меня хоровое пение ими (членами эсеровской фракции Савватьевского скита. — *К.М.*) революционных песен.

Пусть нас по тюрьмам сажают,
Пусть нас пытают огнем,
Пусть в Соловки нас ссылают
Пусть мы все кары пройдем.

Если ж погибнуть придется
В тюрьмах иль шахтах сырых,
Дело всегда отзовется
На поколениях живых...

Сейчас, когда я пишу эти строки, я знаю — они прошли весь этот путь и погибли. Погибли во имя своих идеалов, во имя счастья и блага людей.

Рихтер — в 1932 году от голодного тифа в ссылке.

Ховрин — в 1933 году в этапе.

Берг — в 1935 году в ссылке.

Филипповский — в сороковых годах на Колыме.

Самохвалов, левый эсер, — на Колыме.

Погибали в лагерях без права на переписку, погибали под пулями расстреливавших их палачей.

«Вы жертвою пали в борьбе роковой, любви беззаветной к народу...»

«Не плачьте над трупами павших борцов...»

Я и не плачу»².

Превозмогать тюремные невзгоды В.Н. Рихтеру, безусловно, помогала его любовь к жене и ее любовь к нему. В любви они черпали силы к жизни друг без друга, но верили, что это расставание, эта жизнь в одиночестве временны. Какой трогательной любовью к мужу, какой верой в их воссоединение пропитано письмо В.В. Суворовой, писавшей ему в тюрьму в 1923 г.: «Все, что мне удалось написать, может служить только первой гла-

¹ Олицкая Е. Мои воспоминания. Т. 1. С. 266.

² Там же. С. 267–268.

вой, первыми страницами всего, что я хотела бы рассказать и высказать, только предисловием к следующему тому прекрасного романа нашей жизни, а книга моей жизни, конечно, тобой и кончится. Потому что мне хочется видеть ее прекрасной до конца, потому что мне хочется, чтобы ты открыл мои глаза, потому что так мучительно хочется, чтобы прекрасное, хотя и выстраданное здание нашей жизни было закончено» (см. док № III.1).

Не меньшим чувством пропитан и ответ Рихтера: «Моя дорогая, любимая! Каким хорошим, «нездешним» повеяло на меня, когда я почувствовал, что года, расстояния, наслоения — все это маленькие, ничтожные вещи, и что наши отношения не мечта, не бред замученных трезвой и разумной жизнью идеалистов, не страстная мечта вынужденных жить прозой обыденщины «поэтов жизни», а самая простенькая, наивная, совсем не важничающая истина. Для одного этого стоило, мне кажется, пережить даже те перипетии, которые выпали на твою долю, не говоря уже обо мне. [...] На прощание мне хочется, несмотря на ненужность, сказать тебе, как я рад, что нашел в жизни человека, на котором можно сосредоточить все свои личные переживания и поверить и знать, что может быть, что есть полный, радостный отзвук на них. Пусть, моя дорогая, твои глаза всегда также доверчиво и прямо глядят в мою душу, как смотрю я в тебя» (см. док. № III. 2).

В июне 1929 г., собираясь в ссылку в Южный Казахстан в г. Каркаралинск В.Н. Рихтер писал жене: «Все дальше и дальше отходят от меня надежды повидаться с тобой, дорогая, т.к. при твоём здоровье совершить такую поездку, да еще при здешней температуре — совершенное безумие. Не в первой нам приходится подавлять свои желания и отказываться от личной жизни!» (см. док. № III.38).

Но для Рихтера, как и для многих его товарищей, преодолевать тюремные невзгоды, гасить в себе тюремную хандру, которыми наполнены многие стихотворения Рихтера, помогала не только возможность соединиться с близкими любимыми людьми, но и необходимость сберечь свои силы, «сберечь масло в светильниках» до «лучших времен».

В 1930 г., закончив свою тюремную эпопею, Рихтер писал своей жене: «Вот уж несколько дней как я резко испытываю чувство, что всякие «свободы», «впечатления» имеют громадное значение только чисто отрицательного свойства, возможность отдохнуть, очиститься, подышать, не перенапрягать волю в смысле самосдерживания и отвлечения, но — остаться пустым местом «для души». По крайней мере, катаюсь, как сыр в масле, во всяких физических и даже психических удовольствиях, я еще продолжаю не жить, а годить... Но это мой неизбежный припев... до лучших времен!» (см. док № III.38).

Приезд жены с детьми в Каркаралинск, куда даже сама поездка-то была уже настоящим подвигом, лучше всего характеризуют отношение В.В. Суворовой к В.Н. Рихтеру. Последние месяцы жизни В.Н. Рихтера, посаженного в местную тюрьму и заразившегося там тифом, от которого он и умер, были согреты любящей его семьей. Красоту и глубину их любви видно из тех слов, с которыми обращалась В.В. Суворова к умершему мужу в августе 1933 г.: «Долгие годы, когда ты был далеко от меня, даже словами, письмами не могла я передать тебе всю любовь и нежность, ласку, тоску по тебе.

Я ничего не могла сделать для тебя, ничем не могла скрасить и облегчить твое одиночество, не могла дружбой разделить тяжесть твою.

[...]

22/VIII 33

Над моей кроватью висела карта земли. Я любила в недолгие минуты утреннего молчания путешествовать — с тобой — по невиданным краям. И так бесконечен был выбор, потому что всякое место прекрасно с тобой.

И все, что я видела, всегда смотрела я с тобой, сберегала для тебя, если ты был далеко, и всякое мое богатство украшало и увеличивало то, чем владел ты...

Потом я взглянула на бедную карту, на карту стран, в которых я никогда не буду. Я свернула ее, ненужную. Глаза мои не хотят видеть того, чего твои уже видеть не смогут...» (см. док. III.56).

Из Верхнеуральского политизолятора в июне 1929 г. В.Н. Рихтер был отправлен в ссылку в один из городов Средней Азии (судя по всему Ташкент), где в июне 1930 г. было решено перевести его в ссылку в Южный Казахстан в г. Каркаралинск. Недолгий Каркаралинский период жизни В.Н. Рихтера можно было бы назвать самым счастливым периодом в его жизни за последнее десятилетие — он наконец-то воссоединился с горячо любимой и любящей семьей (хотя и не в полном объеме, т.к. старшая дочь Мария, по-домашнему Муся, не смогла поехать к отцу, побоявшись оставить в одиночестве бабушку, мать В.Н. Рихтера), если бы не цепь несчастий обрушившихся, на них, цепь, в которую входили и аресты, и сидения в местной тюрьме, закончившиеся заражением брюшным тифом и смертью в ноябре 1932 года.

Письма и воспоминания самого В.Н. Рихтера, его жены и его дочери дают столь полное и столь тонкое описание этого трагического и радостного каркаралинского периода, что не хочется даже пересказывать их мысли и чувства, а сразу адресовать читателя к этим потрясающим документам человеческой любви, духа и трагедии.

Как и многие его товарищи, после стольких лет сидения в тюрьме и скитания по ссылкам, вполне предугадывая свою судьбу, В.Н. Рихтер нередко задавался вопросом: а не напрасны ли их жертвы, не зря ли они загубили свои жизни? В стихотворении «Журавли», написанном в 1925 г., несмотря на рвущуюся за журавлями на свободу душу, жизненный выбор арестанта-политика сделан окончательно:

Не устремимся мы за вами,
Искать весеннюю страну:
Мы предпочтем погибнуть в яме,
Но будем дерзкими словами
Зимою требовать весну!

В январе 1924 г. В.Н. Рихтер пишет стихотворение, где сплетает водино смерть В.И. Ленина и предшествующую ей гибель в декабре 1923 г. члена ЦК ПСР С.В. Морозова, приговоренного на процессе с.-р. 1922 г. к

высшей мере наказания (отложенной как и всем другим «смертникам» исполнением). С.В. Морозов покончил жизнь самоубийством, написав в предсмертном письме своим родителям (это письмо власти, пытавшиеся уменьшить негодования в свой адрес, думали опубликовать как свидетельство личных причин самоубийства, но после размышления Г.Е. Зиновьев, Н.И. Бухарин и Ф.Э. Дзержинский отказались от этой затеи): «Не нехочу, а не могу, нет сил больше жить такой жизнью, как моя. Годы каторги и прошлых лет тюрьмы, очевидно, сделали свое дело. Устал от тюрьмы, тюремных невзгод, а впереди все тоже и тоже. Но в прошлом своем я не раскаиваюсь. Судьба не раз предоставляла мне возможность изменить свою жизнь, но освобождаясь из тюрьмы я всегда шел снова той же дорогой, какой, простите пошел бы и теперь»¹.

В этом стихотворении Рихтера есть и политическая оценка Николая II, которой он избегал в стихотворении о расстреле царской семьи, есть и политическая оценка Ленина:

Кровавый грозный царь прославиться хотел,
Создав опричнину заплочных виртуозов.
И Кремль ему кадил за сонм «бессмертных» дел,
Но у Кремля стоял замученный Морозов.

Кровавый красный вождь, мечтавший мир зажечь,
Угас, не разрешив поставленных вопросов,
На царство буржуа был поднят грозно меч...
Но у Кремля стоит замученный Морозов.

Но главное, что есть в этом стихотворении, — это видение места С.В. Морозова и своего собственного места и всех своих товарищей, стоящих живыми или мертвыми на пути диктатур, царей и вождей.

Об этом же самом, но уже без пафоса, а напротив — с иронией В.Н. Рихтер пишет в декабре 1928 г. в стихотворении «Экзерсис»:

Война и подлый мир,
Круженье революций
В историю вольются,
Как очищающий клистир.
Тьма тем для диссертаций,
Неисчерпаемый итог,
А, может быть, пролог
Грядущих пертурбаций.
Но по ошибке нас,
Которым волю надо,
Зачислили не в ту плеяду,
Толкнув в иконостас...

¹ Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 583–584.

В.Н. Рихтер, как и многие его товарищи, не предавшие своих идеалов и не захотевшие покорно жить в «коммунистическом раю», на вопросы о смысле и цели жизни ответили своей жизнью и своей смертью.

Но теперь на этот же вопрос, когда-то стоявший перед ними, должны ответить мы — их потомки: Напрасны ли были жертвы этих людей, и как нам к ним сегодня относиться?

Представляется, что социалисты и анархисты являлись леворадикальной частью политической элиты страны, элиты, почти поголовно уничтоженной большевистским режимом, элиты, нехватку которой мы сегодня так остро ощущаем. Отсутствие сегодня в нашей стране социалистических и социал-демократических партий, являющихся на Западе мощнейшей силой, много сделавших для развития демократии и защиты прав человека, — это одно из прямых следствий поголовного уничтожения российских левых, приверженцев идей и практики демократического социализма.

Для нас, вышедших из недр советского общества, словосочетание демократический социализм кажется странным и режущим слух, употреблять которое можно лишь в кавычках. Но употребляя его без кавычек, мы ничего не выдумываем, мы лишь продолжаем старую традицию, заложенную еще в 20-е годы эсерами и меньшевиками, считавшими свои партии партиями демократического социализма, а себя рассматривавшими как часть европейского и мирового демократического социализма. В начале 1952 г. последние оставшиеся в живых видные эсеры и меньшевики подписали документ о своем стремлении к «единой партии демократического социализма в России».

Представляется, что социалистов — и как создателей партийных образований (по сути дела бывших элементом гражданского общества, которое, несомненно, хотя и медленно и очень парадоксально формировалось в России с конца XIX в.), и как личностей, создавших свою субкультуру, — невозможно изъять из общественно-политической жизни ни дореволюционной, ни советской России. Кроме того, нельзя не отметить, что речь идет о весьма специфичном социуме, крайне слабом изученном, функционировавшем по своим особым законам — законам субкультуры российского революционера, социуме, неотделимом от русской интеллигенции рубежа XIX–XX вв. и ее судеб, социуме, в котором ковались кадры левой части будущей политической элиты страны, шедшей на смену старой — неадекватной новым веяниям времени и потребностям модернизации страны.

При определении места социалистов и анархистов после захвата большевиками власти в октябре 1917 г. надо помнить, что гражданская война — это не только борьба красных и белых, но и борьба социалистов и с теми, и с другими. Забывать об этом — это значит не замечать одного из самых первых и весьма значительных этапов гражданской войны, который сами большевики называли «демократической контрреволюцией». Борьбу социалистических партий против большевиков и белогвардейцев после Октября 1917 г. следует, наверное, рассматривать, в том числе, и как борьбу становящегося на ноги гражданского общества с людьми, на деле отрицающими его принципы и нормы.

Это еще одна причина, по которой нельзя игнорировать борьбу тех нескольких тысяч социалистов и анархистов, продолживших драться «не за страх, а за совесть» с новым врагом — диктатурой коммунистов, как боролись они и с царизмом, бороться за свои прежние идеи и ценности — политические свободы и право народу самому определять свою судьбу без помощи казацких нагаек или чекистских наганов. Для многих из тех, кто стал бороться с коммунистическим режимом, именно это оказалось главным в идеологии их партий. Весьма показательно, что видный эсер-эмигрант М.В. Вишняк, оспаривая уже в 50-е годы в статье «Оправдание народничества», традиционный тезис о том, что центральным ядром народнической (и эсеровской) идеологии является вопрос об «особых путях» развития России, заявлял: «Если говорить о главном или главнейшем признаке в идеологии народничества, на протяжении всей истории народничества он выражается в признании народа определяющим агентом русской истории, ее правообразующим фактором — в меньшей степени в прошлом, в возрастающей степени в будущем»¹. Не менее важным признаком народнической идеологии он считал подчеркивание ценности человеческой личности и создание демократического общественного устройства. Во многом с ним был солидарен и М.М. Карпович (один из авторов сборника «Судьбы России», изданного в 1957 г. «Объединением российских народников», возглавлявшимся А.Ф. Керенским), который отмечал: «Народничество 70-х годов было «религией социального долга», но среди его учителей были Лавров, видевший главного двигателя прогресса в «критически-мыслящей личности», и Михайловский, поднявший знамя «борьбы за индивидуальность... Свобода личности была для них неразрывно связана с ее ответственностью, с сознанием ее нравственного долга перед каждым из «братий по крови», как писал Белинский. В народничестве 70-х годов эта связь свободолюбия с народолубием сказалась с особой напряженностью, и знаменитое «хождение в народ» при всей его политической неподготовленности и бесплодности навсегда останется примером высокого морального воодушевления и бескорыстной жертвенности... И так же, как в вопросе об отдельной человеческой личности, так и в своем отношении к народу (в условиях того времени это было прежде всего крестьянство) русская интеллигенция видела в нем не средство для достижения своих целей, не опытное поле для произведения социально-политических экспериментов, а своего рода коллективную личность, в которой она уважала ее самобытность и чаяния и нужды которой она стремилась познать... С признанием за народом права на самобытное существование была неразрывно связана идея народной самодеятельности, народного самоуправления. В своем логическом развитии эта идея приводила к мысли о необходимости создания в России правового демократического государства. Не все из свободолюбивых течений русской общественной мысли пришли к этому выводу с надлежащей быстротой, а некоторые из них вообще его не

¹ Вишняк М. Оправдание народничества // Новый журнал. Нью-Йорк, 1952. Кн. 30. С. 232.

сделали»¹. Весьма важен вывод М.М. Карповича, выразившего общее кредо последних народников: «Подлинное возрождение России может произойти только на путях свободы и народной самодеятельности и в рамках правового демократического государства»².

Кроме того, безнравственно игнорировать человеческий подвиг людей, противостоявших большевикам до конца и дошедших до самого конца, в самом прямом смысле этого слова — гибели в ссылках, тюрьмах, лагерях и под пулями расстрельных команд. Игнорировать последнее особо нелепо и чудовищно, так как в отличие от сотен и сотен тысяч советско-партийных работников, попавших под удар репрессий в 30–40-е годы «безвинно», эти несколько тысяч социалистов не просто жертвы властей, они их сознательные и заклятые враги. Они были немногими из тех, кто погиб «за дело» — за дело, которому служили, и за которое имели счастье умереть, в отличие от миллионов умерщвленных волею властей — «за просто так».

Есть и еще более общее соображение, заставляющее нас по-новому смотреть на социалистов и анархистов, боровшихся как с авторитарным царским, так и с тоталитарным коммунистическим режимами. Повторяя по привычке придуманные в разное время и даже в разные эпохи такие термины, как «освободительное движение», «революционное движение» (раздробленное Лениным и вслед за ним советскими историками на три этапа — декабристский, разночинский и пролетарский), «либерализм», «диссидентство» и т.д., мы зачастую не замечаем, что при всех серьезных различиях у них есть то общее, которое, быть может, позволяет рассматривать их как нечто единое.

Разве Радищев в системе общественных отношений своего времени не инакомыслящий? А Пестель и его товарищи? Если мы посмотрим на декабристов, петрашевцев, народников, народолюбцев, кадетов, социал-демократов, социалистов-революционеров, анархистов, советских инакомыслящих и диссидентов разных оттенков, то у большинства из них мы обнаружим, как минимум, такие общие черты:

— оппозиционность к власти, в том числе и оппозиционность внутренняя, основанная на активном неприятии психологии и ментальности чиновника, никогда не являвшегося идеалом для этих людей;

— желание изменения (в разной степени, направлениях, разными методами и т.д.) существующего государственного и общественного устройства;

— желание свободы, желание быть гражданами, а не подданными, и требование политических и гражданских свобод.

Главное, что инстинктивно многие из них это родство душ друг друга ощущали. Социалисты и анархисты начала XX века спорили о том, кто из них подлинный продолжатель дела декабристов, народников и народолюбцев. Но еще более показательно то, что часть диссидентов 70-х с

¹ Карпович М.М. Традиции русской общественной мысли // Судьбы России: Сб. статей. Нью-Йорк, 1957. Вып. 1. С. 15–17.

² Там же. С. 25.

упоением читала Юрия Давыдова и чувствовала симпатии к совершенно неприемлемым для них политически народовольцам и совсем не тянулась к «социально-близким» кадетам. Может быть, такая парадоксальная вещь происходила от того, что напряженность, отчаянность вызова, который они бросали власти, и последствия этого вызова вполне были сопоставимы только на этом уровне аналогий — и тут и там практически самопожертвование, самоубийство (в то время как у кадетов планка репрессий выше ссылок, как правило, не поднималась), и тут и там непонятость собственным народом, и тут и там надежда лишь на будущее, и тут и там уверенность в том, что их идеи верны, а значит, пора действовать, а следовательно, и тут и там фактически единый принцип, рожденный народовольцами (и повторяемый социалистами): «Делай как должно, и пусть будет, как будет». Таким образом, в этом случае (и не только в этом), пожалуй, можно говорить о совершенно разных политических взглядах (впрочем, и тут и там — политические свободы и демократия) и явном духовном родстве.

И совершенно не случайно четыре десятилетия спустя В.Т. Шаламов сравнит суд над писателями Андреем Синявским и Юлием Даниэлем с процессом над ПСР: «Со времени дела правых эсеров — легендарных уже героев революционной России — это первый такой политический процесс. Только правые эсеры уходили из зала суда, не вызывая жалости, презрения, ужаса, недоумения...»¹. Собственно говоря, именно благодаря этому совершенно фантастическому (с точки зрения советской ментальности) сравнению двух процессов — эсеров и писателей-диссидентов, большинство диссидентов впервые «заметило» эсеровский процесс. А не будь этому процессу посвящено несколько строк в солженицынском «Архипелаге ГУЛАГ», о нем сегодня никто, кроме специалистов, и не знал бы.

Скользнули же мимо интеллигенции строки В.Т. Шаламова об эсерах из его рассказа «Лучшая похвала», написанного в 1964 г. и посвященного эсеру А.Г. Андрееву (кстати, соратнику В.Н. Рихтера по эсеровскому одесскому подполью в 1904 г. и членству в Областном Комитете Южно-русской организации ПСР в годы революции 1905–1907 гг.), с которым В.Т. Шаламов сидел вместе в Бутырках и который похвалил его, сказав, что тот «м о ж е т сидеть в тюрьме». Эта похвала Андреева, по словам Шаламова, «была самой лучшей, самой значительной, самой ответственной похвалой в моей жизни. Пророческой похвалой». Размышляя в бутырской камере о судьбах эсеров, В.Т. Шаламов позже восклицал: «Эсеровская партия — партия трагической судьбы. Люди, которые за нее погибли — и террористы, и пропагандисты, — это были лучшие люди России, цвет русской интеллигенции, по своим нравственным качествам все эти люди, жертвовавшие и пожертвовавшие своими жизнями, были достойными преемниками героической “Народной Воли”, преемниками Желябова, Перовской, Михайлова, Кибальчича.

¹ Цит. по: Янсен М. Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров. М., 1993. С. 7.

Эти люди перенесли огонь самых тяжелых репрессий — ведь жизнь террориста — полгода, по статистике Савинкова. Героически жили и героически умирали. Гершуни, Сазонов, Каляев, Спиридонова, Зильберберг — все это личности не меньше, чем Фигнер или Морозов, Желябов или Перовская.

И в свержении самодержавия эсеровская партия сыграла великую роль. Но история не пошла по ее пути. И в этом была глубочайшая трагедия партии, ее людей.

Такие мысли приходили в голову часто»¹.

Другим фатальным следствием уничтожения «демократических социалистов» стало то, что были прерваны доминировавшие в этой своеобразной «революционно-интеллигентской политической контркультуре» старые традиции и политическая культура, носителями и хранителями которых они и являлись. Конечно же, прав был историк Андре Либих, писавший о меньшевистском журнале, что «...когда “Социалистический Вестник” закончил свое существование в американском изгнании в 1963 году, исчез последний кружок интеллигенции XIX века»².

Были ли социалисты серьезной угрозой для большевистской власти, несли ли они альтернативу ей? Представляется, что бельгийский социалист Эмиль Вандервельде был недалек от истины, когда в июне 1922 г. на свидании с обвиняемыми 1-й группы на судебном процессе над с.-р. (разговор был подслушан чекистами) прогнозировал уже на второй день после легализации партии ее массовость, обретение статуса мощной политической силы в стране. Феномен Февраля 1917 г., когда некоторые политические партии возродились, подобно птице Феникс, вполне мог повториться и позже в момент дестабилизации и краха режима. Именно на это надеялись и оставшиеся верными своему партийному знамени несколько тысяч социалистов, на это надеялась и «социалистическая» эмиграция.

Но именно этого всерьез опасались в 20–30-е годы власти, понимавшие, что при благоприятных внешних условиях эти несколько сотен или тысяч «выкристаллизованных» и самых стойких партийных функционеров всех уровней способны на быстрое воссоздание своих партий. Но это возрождение, впрочем, было возможно при наличии как минимум трех условий — физическое сохранение партийных кадров (пусть и рассеянных по тюрьмам, ссылкам и эмиграции), способных легко воссоздать партию, а также привлекательности проповедуемых ею идей и ее имиджа. Поэтому, если возрождение, скажем, эсеровской и меньшевистской партий в случае гипотетической гибели режима в начале 20-х годов было более чем вероятно, то к началу 30-х оно было бы весьма осложнено теми стереотипами и ярлыками, которыми их «украсили» большевики, а к началу 40-х и особенно 50-х стало бы уже просто не-

¹ Цит. по: Шаламов В. Избранное. СПб., 2003. С. 224–225.

² См.: Указатели журнала Социалистический Вестник. 1921–1963 // Социалистический вестник. Сборник: 1964–1965. Paris, 1992. С. XVIII.

возможным (впрочем, к этому времени партийные кадры были уже практически все физически уничтожены).

Необходимо подчеркнуть, что даже уничтожив последних эсеров, меньшевиков и анархистов (уцелели буквально считанные единицы), власть еще многие годы «разоблачала» их идеи, «предательскую» сущность и т.п., работая «с запасом прочности» в создании крайне непривлекательного имиджа и живущего по своим законам исторического мифа.

И все же, наверное, не зря такие люди, как В.Н. Рихтер, ненавидевшие несвободу и диктатуру в любых ее обличьях, прошли свой трагический жизненный путь, дав нам возможность, вглядываясь в дни минувшие, лучше понимать день сегодняшний и не верить ни старым, ни новым мифам. Как актуально звучат строки, написанные В.Н. Рихтером в 1919 г. в статье «Великая Россия и великие потрясения» (см. док. № П.19): «Только великими потрясениями до сих пор прокладывала Россия путь к свободе, просвещению, к всеобщему уважению, только великими потрясениями сбрасывала с себя позорившие ее правительства, отказывалась от векового ига невежества, от крепостного права в узком и широком смысле. Проклинайте не революцию, а тех, кто доводил до нее, кто не допускал свободы критики, свободы инициативы, кто боялся общественного мнения».

К.Н. Морозов

Раздел I

ДЕТСКИЕ ГОДЫ, ОТРОЧЕСТВО, ЮНОСТЬ. ЭМИГРАЦИЯ

№ 1

Аттестат об окончании Санкт-Петербургского училища торгового мореплавания, выданный Н.К. Рихтеру¹

6 апреля 1858 г.

АТТЕСТАТ

На основании высочайше утвержденного 21 ноября 1829 года Положения о бывшем С[анкт]-Петербургском училище торгового мореплавания, дан от Штурманского училища, от причисленной к нему роты торгового мореплавания, за надлежащим подписанием, с приложением казенной печати, архангельского мещанина Карла Рихтера² сыну Николаю Рихтеру 1^{му}, имеющему от роду 21 год, в том, что он, вступая в роту на казенное содержание, обучался: закону Божию, арифметике, алгебре, геометрии, плоской и сферической тригонометрии, навигации, астрономии, кораблестроению, практической механике, морской практике, географии, чистописанию, рисованию, топографическому и геометрическому черчению, и сверх российского немецкому и английскому языкам, ныне по окончании полного курса наук согласно §§ 11 и 22го помянутого положения и с разрешения его императорского высочества генерал-адмирала награжден за отличные успехи в науках малою золотою медалью для ношения в петлице на Анненской ленте и выпущен с званием вольного штурмана, причем на основании вышеприведенных §§ и § 21го того же положения, он освобождается от поступления в рекруты, кроме как по судебному приговору, от телесного наказания и подушного оклада. Вместе с этим, он обязывается постоянно заниматься мореходством и ежегодно по окончании навигации доставлять в роту торгового мореплавания засвидетельствованные копии с аттестатов[,] полученных им от шкипера и судовладельцев, по окончании же четырех лет после выпуска, может явиться в роту и просить экзамена, по выдержании коего в присутствии комиссии, получить свидетельство, дающее ему право быть шкипером на купеческом судне, если вместе с тем представит достоверные аттестаты, судебными местами или нашими консулами засвидетельствованные, в том, что в течение 4^х лет он был не менее двадцати четырех месяцев в море, в должности помощника шкипера или штурманом, с засвидетельствованием шкиперов[,] у коих нахо-

дился, о своем искусстве, присутствии духа, решимости и хорошем поведении. Кронштадт, апреля 6 дня 1858 года.

Начальник Штурманского училища генерал-майор^а

Исправляющий должность командира роты торгового мореплавания поручик

Шишков

Коллежский регистратор

Соломатин

Рукописный подлинник, заверенный сургушной печатью. Подписи — автографы.

№ 2

Бессрочный паспорт Н.К. Рихтера

[1858 г.]

**ПО УКАЗУ
ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА
САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКОГО
и проч. и проч. и проч.**

Объявитель сего, бывший ученик роты торгового мореплавания[,] численной к Штурманскому училищу и находящейся под главным начальством Морского ведомства, Николай Рихтер 1^й[,] имеющий от роду 21 год, выпущен из оной с разрешения его императорского высочества генерал-адмирала 28 марта 1858 года, объявленного мне в отношении инспекторского департамента морского министерства от того же числа за № 5601^М, со званием вольного штурмана и награжден за отличные успехи в науках малою золотою медалью для ношения в петлице на Анненской ленте. По сим XI Тома Св[ода] Граж. Зак. Устав. Торгов. ст. 747^й и высочайше утвержденного 21го ноября 1829 года Положения о бывшем С[анкт-]Петербургском училище торгового мореплавания по § 21^{му} он[,] Рихтер 1^й[,] освобождается: от подушного оклада; записи в торговые разряды, если сам не поступит в местные купцы; от городских служб, хотя бы при вступлении в мещанство или купечество подлежал оным, ибо по предназначению своему должен

^а Подпись неразборчива.

заниматься мореплаванием; от телесного наказания и поступления в рекруты, кроме как по судебному приговору. На основании же XIV Тома Св. Граж. Зак. Уст. о паспор. ст. 420^и имеет право на отправление по мореходству за границу без любого дозволения на отплытие. В удостоверение сего согласно с 30 ст[атьей] того же Тома Св. Граж. Зак. выдан ему Николаю Рихтеру 1^{му} сей бессрочный паспорт от Штурманского училища с приложением казенной печати. Кронштадт.

Начальник Штурманского
училища генерал-майор^а

Исправляющий должность
командира роты торгового
мореплавания поручик

Шишков

Рукописный подлинник на двух листах большого формата, скрепленный сургучной печатью. Подписи — автографы. На втором листе того же формата записи, заверенные печатями: С сего паспорта по просьбе г. Рихтера Н. свидетельствованы две копии №№ 292 и 293 1885 года января 18. Нотариус^а. С сего документа засвидетельствована от имени Рихтера копия у одесского нотариуса Гладуна 1891 г. апреля 16 дня за № 2022. 1879 декабря 21 9^ю уч. Литейной части из дома № 11 Кирочная записан проездом. Пристав^а. Штамп: явлен в жандарм[ское] упр[авление] Севастопол[ьского] порта 8 марта 89 г. 1894 31 октября Моск.^б Дом № 1 по Пушкинской Записан Пристав^а. Штамп: В Бебри-Ламботском участке 1-го Стана Ялтинского уезда уряднику явлен июня 7 дня 1895 г. Урядник^а Штамп: одесского полицеймейстера Выдан вид на жительство 1900 г. июня 15 дня за № 581 без срока жене Марии Рихтер И[сполняющий] д[ела] столоначальника^а.

№ 3

Аттестат, выданный полковнику М.Х. Крузе³, одесскому полицмейстеру

21 февраля 1866 г.

АТТЕСТАТ

Полковник Михаил Христианович Крузе^{3и}, одесский полицеймейстер, как из формулярного о службе его списка видно, вероисповедания

^а Подпись неразборчива.

^б Слово неразобрано.

православного, шестидесяти трех лет, кавалер орденов: Св. Владимира 4^й степени с бантом и мечами и Св. Анны 2^й и 3^й степеней с бантом, имеет турецкий орден Меджидие 4^й степени и высочайше учрежденный Крест в память покорения Кавказа. Происходит из дворян С[анкт-]Петербургской губернии, имения как родового, так и благоприобретенного не имеет. Воспитывался в Инженерном училище. В службу вступил на оклад кондуктора 2го класса в инженерный корпус пятнадцатого ноября тысяча восемьсот девятнадцатого года. Переведен в кондукторскую роту главного инженерного училища 1го января 1820, переведен по воле начальства в 4^й Пионерный батальон на оклад унтер-офицера 1го класса 15го февраля того же года, переведен по воле начальства в бывший Рьльский пехотный полк подпрапорщиком 2го мая 1823 года, портупей-прапорщиком 4го августа того же года. Переведен по воле начальства в Ингерманландский драгунский полк с переименованием в фанен-юнкера 4го октября 1824 года; прапорщиком тридцатого мая тысяча восемьсот двадцать пятого года; переведен, по собственному желанию, в бывший Дерптский конно-егерский полк 24го апреля 1826 года, прибыл 4го июня того же года; поручиком 27 апреля 1827 года; отставлен от службы высочайшим приказом 26 ноября 1832 года. Принят вновь на службу поручиком, со старшинством со дня определения высочайшим приказом, в Финляндский драгунский полк 25 октября 1833 года, прибыл 8го февраля 1834 года; штабс-капитаном 23 мая 1835 года. Переведен, по собственному желанию, в Бородинский егерский (ныне Лейб-Бородинский пехотный его величества) полк 30го июня 1836 года, прибыл 23го августа того же года. Переведен по воле начальства в Тифлиский егерский (ныне гренадерский) полк 5го декабря 1840 года, прибыл к нему до перевода 9го сентября того же года; капитаном в сравнении со сверстниками 11го сентября 1842 года, со старшинством с 17 мая 1841 года. За отличие в сражении против горцев произведен в майоры 12 мая 1843 года, со старшинством с 29 июня 1842 года. Утвержден командиром 1го батальона того же полка 29го мая 1844 года. Награжден орденом Св. Владимира 4^й степени с бантом 10го декабря 1845 года. Назначен командиром 5го батальона того же полка 11го февраля 1846 года. Награжден орденом Св. Анны 3^й степени с бантом 15го мая того же года. Командирован в г. Ставрополь для сопровождения рекрут из резервной дивизии 29го июня 1846 года; смещен со звания командира батальона 15го февраля 1847 года. По распоряжению начальства командирован для временного командования Грузинским линейным № 15 (после № 11, а ныне Кавказский линейный № 25) батальоном 8 августа 1849 года; утвержден командиром этого батальона с зачислением по армии 17го февраля 1850 года. За отличие по службе подполковником 26 апреля 1853 года. Награжден орденом Св. Анны 2^й степени 28 апреля 1855 года. По случаю увольнения в 4^х месячный отпуск сдал батальон 15го сентября 1856 года; по случаю подачи просьбы об увольнении от службы отчислен от командования батальоном с состоянием по армейской пехоте 28го апреля 1857 года. Выключен из списков батальона 5го июня того же года. Уволен по прошению от службы за болезнь с чином полковника, мундиром и полным пенсионом, высочайшим приказом 31го июля 1857 года. Определен начальником Херсонской губернии членом от правительства мирowych

съездов Ананьевского и Тираспольского уездов 8 января 1863 года. Назначен исправляющим должность одесского полицмейстера 2го мая 1863 года; утвержден в этой должности 22го июля того же года. По всеподданнейшему докладу о пожаловании его величеством турецким султаном ордена Меджидие 4^й степени, получил высочайшее разрешение принять и носить этот орден 13 августа 1864 года. Высочайшим указом, объявленным в приказе по военному ведомству, от 12 июля 1864 года за № 192, разрешено ношение утвержденного Креста в память покорения Кавказа. В походах и делах против неприятеля был: в 1841 году под личным начальством командира Отдельного Кавказского корпуса генерал от инфантерии Головина⁴ 1го; 1го мая при сборе отряда в укр[еплении] Темир-Хан-Шуре. 7го в движении отряда на позицию против селения Черкей, 8го в усиленной рекогносцировке для осмотра Ахатлинской переправы, при этом в ружейной перестрелке и при канонаде по завалам горцев; за отличие, оказанное им в этом деле, высочайше повелено имеющийся у него штраф не считать препятствием к правам и преимуществам по службе, кроме знака отличия беспорочной службы, о чем объявлено в приказе по корпусу в 28 день января 1842 года за № 17, 11го в перестрелке у Черкеевского разрушенного моста, 13го в движении к Миатлинской переправе, 14го в соединении с Чеченским отрядом, 15го в движении соединенным отрядом к сел[ению] Хубары и при взятии Хубарских высот с рукопашного боя; 20го при отделении Чеченского отряда от Дагестанского; 1го июня в движении отряда к кр[епоستي] Внезапной, а оттуда в землю ауховцев; с 1го по 20^е в ауховском походе, 5го при очищении от неприятеля леса[,] облегающего сел[ение] Арык-Су-Аух, 7го при взятии с боя Кишень-Аух, от 7го по 10^е в совершенном истреблении деревни этой, при уничтожении хлеба, стоявшего еще на корне, и при этом в частых перестрелках с толпами Шамиля⁵, 15го при возвращении в кр[епость] Внезапную и в движении к Актам-Ауху; 18го и 19го в жарком деле с толпами Шамиля у Бегляр-Гыркан, 22го при возвращении в лагерь под Черкей главного отряда, и при отделении части оною для действий в земле ауховской, под начальством полковника князя Андроникова⁶, 30го в перестрелке при фуражировке под Кишень-Аухом, 4го июля в перестрелке части отряда под командою подполковника Радкевича, на реке Арык-Су, 7го при истреблении хлебов, принадлежащих жителям деревни Арык-Су-Аух и при этом в перестрелке, 22го в движении к укр[еплению] Бегляр Гыркану, при сильнейших перестрелках и частых рукопашных схватках с неприятелем; 27, 28го и 29го в перестрелках с горцами между реками Акташем и Арык-Су, 2го августа в перестрелке под Кишень-Аухом части отряда, под начальством майора Фабера⁹; 20го сентября при возвращении отряда к кр[епоستي] Внезапной, 11го ноября при отражении сильной партии[,] напавшей на гор[од] Кизляр, 12го в перестрелке близ Амир-Аджи-Юрта, сборного отряда, под начальством генерал-майора Ольшевского⁷ с толпами горцев, возвращавшихся с набега на Кизляр; 22го в движении сборного отряда под начальством генерал-майора Ключки-Фон Кругена⁸ из Темир Хан-Шуры к деревне Таксаху, 29го в прибытии от этой деревни к дерев[не] Цатаних, при очищении авангардом подполковника Пассека⁹ Бетлинской, при овладении после перестрелки дер[евней] Белты, в движении части

главного отряда под начальством подполковника Форстена¹⁰, по дороге к деревне Гоцатль при перестрелке с горцами, 2го декабря в движении части отряда под начальством майора Познанского¹¹, для защиты сел[ения] Гоцатль, 15го и 16го в движении транспорта от дер[евни] Бомаканы в Хунзах при частых перестрелках прикрытия с горцами. В 1842 г.: в Нагорном Дагестане под начальством генерал-майора Фези¹², 11го февраля при выступлении отряда из укр[епления] Темир-Хан-Шуры в Салатовские владения, 12го в движении на гору Чатыр-Курган, 13го при вытеснении мюридов¹³ из дер[евни] Гертме и при овладении оною. 14го при возвращении в Иемир-Хан-Шуру, 17го и 18го в движении отряда из Темир-Хан-Шуры через Мехтумские владения к Гергибелю, 19го при занятии покрытого снегом хребта Баятуры, командующего Аймякинским ущельем и сел[ением] Гергибелем, в бивуак отряда ночью на этом хребте без огня и воды, 20го при взятии завалов, в поражении горцев и при овладении Гергибелем и мостами на Казиккульском и Кара-Койсу; с 22го по 27^е при возведении форта при сел[ении] Гергибеле и при вооружении оною, 28го при выступлении отряда к Салтинскому мосту, в движении через Цудахарскую деревню Салта в Адалаль и при занятии 1го марта сел[ения] Кегер; 2го при занятии главного андалальского сел[ения] Чох, 4го и 5го в обратном движении отряда из Андалала в Аварию через перевал горы Иполты к Карадахскому мосту, 6го в перестрелке у этого моста; 7го в движении из дер[евни] Гоцатль в Хунзах, 8 и 9го в движении отряда из Хунзаха через сел[ение] Цатаних в Унцукуль и при покорении сел[ения] Гимри, 11го и 12го при постройке и вооружении форта в Уцункуле, 13го и 14го в обратном движении отряда через Цатаних в укр[епление] Зираны, 20го при возвращении отряда в Темир-Хан-Шуру, с 22го по 26^е в форсированном марше отряда из Темир-Хан-Шуры в Акушинскую дер[евню] Кундулау, 26го в фланговом движении отряда через Салтинский мост на перевал горы Иполты, 27го и 28го в демонстрации через сел[ение] Караду против Тилитля колон[н]ою полковника Радкевича и от Гоцатля на Карадахский мост[,] причем 27 числа в перестрелке на горе Иполты и при овладении с боя дерев[ней] Дороды; 29го при возвращении в Гергибель, 3го и 4го апреля в обратном движении отряда в Темир-Хан-Шуру под начальством генерал-адъютанта Граббе¹⁴; с 19 по 25 июня в переходе отряда из Темир-Хан-Шуры в Аварию на гору Арвах-Тау и при выдвинутии авангарда ко второму перевалу в Игалинском ущелье, 26го в наступательном движении всюю колон[н]ою к Койсубулинскому селению Игали; где контужен ружейною пулею в правый бок, и потом следовал до второго перевала с полевой артиллериею под начальством генерал-майора Клюки Фон Кругенау, по ущелью к сел[ению] Игали в поражении горцев при выходе из ущелья, где авангард расположился лагерем при неумолкаемой перестрелке до ночи, 27го в поражении частию главного отряда неприятельской партии, появившейся на горе[,] образующей правый бок Игалинского ущелья в совершенном ее расстоянии, в перестрелке в продолжении целого дня авангарда и при отражении горцев[,] двукратно спускавшихся в ущелье, находящееся в тылу позиции; 29го при возвращении отряда на гору Арах-Тау[,] причем в упорном бою арриергарда (бывший авангард) за отличие[,] оказанное им в этом деле, произведен в майоры; 2го июля при

вступлении на левый фланг кавказской линии частей майора Клюки Фон Клугенау, 7^{то} и 8^{то} при отражении гарнизоном сел[ения] Ауха неоднократных нападений на это селение, 22^{то} в поражении скопища Хаджи-Мурата¹⁵ на Арах-Тау войсками[,] расположенными в сел[ении] Цатаних для работ, 29^{то} при отражении нападения небольшой хищнической партии на башню Гемли-Керпи (близ Гергибеля), гарнизоном этой башни, 20^{то} августа в перестрелке Гимринского гарнизона с мюридами[,] находившимися на левом берегу Аварского-Койсу; со 2 по 8^е сентября при нахождении части войск из Шуринаского резерва на уроч[ище] Ибрагим-Дады, для прикрытия сенокосения жителей Черкея, 6^{то} в перестрелке с горцами гарнизона Ахачинского укрепления, 4^{то} октября в перестрелке Гимринского гарнизона с горцами, 5 в перестрелке с горцами гарнизона башни Гемли-Керпи, 10^{то} в деле с неприятельскою партией на Арах-Тау Цатанихского гарнизона и части авангардного отряда, 28^{то} октября и 9^{то} ноября в перестрелке с неприятелем на нижней Сулакской линии, покушавшимся перейти чрез р[еку] Сулак. С начала июля по ноябрь месяц, 1) при разработке дорог: а) от Бурундук-Кале, чрез Зиряны-Моксох, Цатаних, ветлинскую гору Унцукуль, Гимри, Каранай и Эрпели, в Темир-Хан-Шуру, — б) от Зиряны в Ирганай по левому берегу Аварского-Койсу, в) от сел[ения] Аршаки до Гергибеля и д) от Хунзаха в Цатаних до Мокрой балки. 2) При постройке и исправлении укреплений и башен в Цатанихе, Моксохе, Унцу-куле, Хунзахе, Балаканах, Гергибеле, Темир-Хан-Шуре, Ахалчи, Гоцатле и на нижней Сулакской линии; 3) При заложении прочного моста на Каменных устьях чрез Аварское-Койсу, при Ирганае. В 1843 году: в Самурском отряде 3^{то} мая при сосредоточении отряда у сел[ения] Гилляр, 10^{то} в движении отряда к Кураxu и передового эшелона в Караб-Кенту, 15^{то} июня в движении передового эшелона к Кумуху, а остальных войск к Рычи при производстве работ по возведению Кимухского и Чирахского укреплений, 22^{то} в рекогносцировке в с[елении] Чох, отсюда 23^{то} в Ругуджаб и Хунзах, 1^{то}, 2, 3 и 4^{то} сентября в движении в Ругудмаб, при занятии в бою этого селения, в преследовании неприятеля кавалериею отряда по дороге на Тилитль, и в обратном движении по р[еке] Кара-Койсу, 8^{то} в движении по дороге к Кимуху и при занятии позиции на высотах Турчи-Даг, 12^{то} в движении с позиции чрез Купу к Гергибелю, 13^{то} в движении на Чалды, в поражении неприятельского скопища на Гоцатлинских высотах, 14^{то} в преследовании скопища мюридов чрез Кох до Тануса (присоединении к Дагестанскому отряду). 7^{то} октября в арьергардном деле с партией Кибит-Магомы между Гоцатлинскою горою и Чалдамы при движении к Гергибелю, 12^{то} в движении от Гергибеля на Чохские высоты, 13^{то} в Кумух, 11, 12 и 13^{то} декабря при возвращении на Самур. — В 1844 году в самурском отряде под начальством генерал-майора князя Аргутинского-Долгорукого¹⁶, 20^{то} декабря 1843^{то} года в движении части войск к сел[ению] Кая-Кенту для присоединения к дербентскому отряду с 24^{то} декабря, 9^{то}, 10 и 11 января 1844 года в движении отряда на Самур, 25 февраля при выступлении отряда против неприятельских скопищ, появившихся в Табасарани, в прибытии отряда к сел[ению] Сталляр, 26^{то} в переходе отряда к сел[ению] Карчах; 27^{то} при занятии частию войск сел[ения] Имам-Кулжент, 28^{то} и 29 февраля и 1^{то} мар-

та в движении отряда чрез сел[ение] Мюгарты к сел[ению] Имяды, в присоединении к отряду войск[,] составивших дербентский отряд, 3го марта в переходе отряда к сел[ению] Хан-Мамед-Кала, 4го в движении к сел[ению] Дювеку тремя колон[н]ами, при встрече с неприятелем главной коло[н]ны, бывшей под начальством Генерального Штаба полковника Форстена, в поражении горцев и в преследовании их до сел[ения] Дювека, при взятии с бою Дювека, при истреблении этого селения и при обратном движении войск, 5го в прибытии войск в с[еление] Хан-Мамед-Кала, 7го в рекогносцировке по направлению к с[елению] Кая-Кенту, 11го в расположении части войск при с[елении] Хан-Мамед-Кала и в движении отряда к с[елению] Имяды, 12го, 14го и 15го в обратном движении войск на Самур, 8го апреля при выступлении всех войск отряда к Кашуху против неприятельских скопищ, сделавших вторжение в Кази-Кумыкское Ханство, 17го при сосредоточении отряда на пространстве между г. Кумухом и с[елением] Сумбат, 18го при сближении войск к Кумуху, 21го при сосредоточении отряда при Кумухе и в движении тремя колон[н]ами к с[елению] Марги, в поражении неприятельских скопищ[,] занявших позицию при этом имении, при овладении с боя войсками, направленными под начальством полковника Челяева¹⁷, перевалом Бешкент-Цаголю и высотой Дурча-Гутыра, при отражении горцев, покушавшихся перейти к наступлению[,] и в преследовании их до уроч[ища] Исуча[,] ночью с 21 на 22^е при возвращении отряда к с[елению] Марги, 24, 26 и 27 при выступлении отряда поэшелонно от с[еления] Марги к Чираху и Кабиру, 1го мая при сосредоточении в лагере при Кабире и расположении передового эшелона в ук[реплении] Чирах при с[елениях] Рычи и Бидахе, 17го в движении войск[,] находившихся при с[елениях] Рычи и Бидахе к Хараб-Кенту, 21 и 22го при выступлении части войск от Кариба двумя эшелонами к Хараб-Кенту; 24 и 25го в прибытии означенных войск в Хараб-Кент, 6го июля при сосредоточении всех войск Самурского отряда в лагерь при Хараб-Кенте[,] в движении части войск под начальством Генерального Штаба полковника Форстена к с[елению] Хозреку, 7го в движении главных сил отряда Хараб-Кента к Хозреку и части войск, под начальством полковника Радкевича к с[елению] Эйлях, 8го в движении войск от Хозрека к с[елению] Кулюли и в расположении оной, под начальством полковника Форстена, на позиции между с[елениями] Кулюли и Хозреком и в перестрелке с горцами, ночью с 8го на 9^е в движении главных сил из лагеря при Хозреке в обход горцев[,] занявших позицию на крутом гребне правого берега Казикумыкского-Койсу, 9го в присоединении к главным силам колонны полковника Форстена, и в движении отряда вслед за отступавшим неприятелем до хребта Даккуль-Бяр, в деле с горцами[,] занимавшими позицию на этом хребте, в атаке правого неприятельского фланга войсками под начальством полковника Челяева, при завладении высотами и в преследовании бежавших горцев до сел[ения] Ницы, в обратном движении отряда[,] в расположении лагерем на высотах Доккуль-Бяр; 11го в движении войск с высоты Доккуль-Бяр и от с[еления] Эйлях в обществе Сюрги к хребту Уркут-Даг, 12го в соединении главных сил с войсками[,] прибывшими из Эйляха[,] и в движении чрез хребет Уркут[-]Даг к с[елению] Дюкаар; 14го в движении войск в Ку-

бачи и в обратном движении на позицию к с[елению] Дюкаар, 15го, 16 и 17го в обратном движении войск в Казикумух и в расположении оных при сел[ениях] Худуц и Эйлях и в укр[еплении] Чирахе, 23 и 24 в движении части отряда чрез Хозрек к сел[ению] Кегеру, 24го при выступлении отряда в общество Дарго, 25го, 26, 27 и 28го в движении отряда чрез Гергинские хутора к Акуме[,] в присоединении к дагестанскому отряду, 9го июля в движении Самурского отряда от Салтинского моста к высотам Турчи-Даг и в расположении на оных лагерем, 11го в движении части войск в Кумух и Чирах, 18, 19 и 20го в движении отряда с высот Турчи-Даг к Чираху, в производстве работ по окончанию Кумухского и Чирахского укреплений, 31го августа при сосредоточении отряда у с[еления] Марги, 1го сентября в движении от Марги к с[елению] Бухты, 3го в движении от с[еления] Бухты к с[елению] Сугратлю[,] в прибытии из Северного Дагестана к с[елению] Кудалю войск[,] назначенных в состав Самурского отряда, в обратном движении войск после покорения Сугратля к высотам Турчи-Даг, 8го при сосредоточении всех войск Самурского отряда на высотах Турчи-Даг, 9 и 10го в движении отряда к Кара-Койсу и в движении двумя коло[н]нами к с[елению] Ругуджаб, одною прямо на селение, а другою в обход оногo по отрасли хребта Гуниба, 12го в движении обходной коло[н]ны вслед за отступавшим неприятелем к озеру Иногечлер-Гел, 13го в движении части войск к сел[ению] Телитль, 14го в рекогносцировке подступов к Тилитлю и в обратном движении войск к с[елению] Ругуджаб, 16го в движении отряда к с[елению] Тилитль, в атаке правую колон[н]ю неприятельских завалов, устроенных пред селением[,] и при овладении ими после упорного боя, 18го при устройстве батарей и при бомбардировании аула Тилитль, 19го в обратном движении отряда, 20го в прибытии отряда к с[елению] Ругуджаб и в расположении при оном лагерем, 21го при выступлении обратно в Дженгутай войск, прибывших из Северного Дагестана, 24го в переходе отряда на правый берег Кара-Койсу; 26го в переходе отряда на высоты Турчи-Даг, 28 при выступлении войск с Турчи-Дага к Кумуху, Чихару и Кабиру, 3го октября при выступлении отряда на Самур. За отличие[,] оказанное им в делах этой экспедиции, всемиловитейше награжден орденом Св. Анны 3^й степени с бантом и мечами в 15 день мая 1846 года. — В 1845 году в Самурском отряде под начальством генерал-майора князя Аргутинского-Долгорукого, 21 мая при сборе отряда при укр[еплении] Чирах и в наступательном движении чрез Комух и Турчи-Даг к р. Кара-Койсу, куда прибыл 31го числа, 1го и 7го июня в демонстрации к переправам на р. Кара-Койсу, при непрерывных перестрелках и канонаде с неприятелем, 8го при занятии позиции на Турчи-Даге, 13 и 14го в движении к селу Кегер, 15го при разорении сел[ения] Кегер [—] местопребывания изменника Аслан-Кадия, 16го при возвращении на позицию при Турчи-Даге; 19го в обходном движении неприятельской позиции чрез Согратль и Бухты к с[елению] Магар, 21го в переправе при сел[ении] Магар чрез р. Кара-Койсу, и в ночлеге при с[елении] Гуниб, 22 и 23го в движении отряда чрез с[еление] Глуруш Бугдутль в Гачаду (местопребывание изменника Даниель-Бека) при истреблении этого селения, 25го при сборе отряда на Тилитлинских высотах, от 25го до 30го при опустошении окрестностей сел[ения] Тилитля и в рекогносцировке с

частью отряда Гидатлинского общества, и в перестрелке с неприятелем, 1го июля при отступлении отряда от Тилитля на позицию к уроч[ищу] Инув-чечил-Гел, при отражении сильно преследовавшего неприятеля, 3го и 4го в рекогносцировке р. Кара-Койсу для устройства переправы, от 8го до 14 при устройстве моста на р. Кара-Койсу, 17го и 18го во вторичном наступлении к с[елению] Тилитль, 19го в деле части отряда, под начальством полковника Фон-Лейна, на Гудул[-]Майдане, от 18го до 24го в расположении на позицию при Тилитли и в ночных перестрелках с неприятелем, 24го в обратном движении отряда от Тилитли, при сильном преследовании неприятеля в значительном числе, в переходах отряда в наступление и при нанесении горцам сильного поражения; 1го августа в расположении отряда на позицию Турчи-Даг у разрушенного селения Чох, 10го в расположении отряда на высотах Дурчи-Гатыра близ сел[ения] Мукар для угрожения обществам Мукраклю и Тлесеруху, в расположении войск в Казикумукском и Кюринском Ханствах и при производстве работ по устройству укреплений Кумух и Чирах. — За отличие, оказанное им в делах этой экспедиции, всемиловейше награжден орденом Св. Владимира 4^й степени с бантом и мечами в 10^й день декабря того же года. — За отличие по службе произведен в подполковники 1853 года апреля 26го. За отлично-усердную службу и участие в разновременных делах на Лезгинской кордонной линии награжден орденом Св. Анны 2^й степени с бантом и мечами в 28 день августа 1855 года. — Ранен и в плену у неприятеля не был. — Сверх настоящей обязанности особых поручений по высочайшим повелениям не имел, а от своего начальства будучи в чине капитана, сверх прямой обязанности командира роты, командовал батальоном с 16 марта по 12 мая 1843 года. — В 1829 году был предан военному суду арестованным за участие в ссоре между поручиком Панфиловым и прапорщиком Бандауровым и слушание против капитана Константинова, высочайшим приказом в 26 день ноября 1832 года отставлен от службы. За отличие[,] оказанное в деле против горцев 8го мая 1841 года[,] высочайше повелено штраф этот не считать препятствием к правам и преимуществам по службе, о чем объявлено в приказе по корпусу 28 января 1841 года за № 17. В 1846 году 21 января предан военному суду за прием в неисправности мундирной одежды с рекрутами резервной дивизии Отдельного Кавказского корпуса и не сделание о сем оговорки в квитанции; главнокомандовавший корпусом, признавая, что штаб-офицер этот не был обвиняем и изобличен в неблагоприятных по командованию частями действиях[,] определил: вменить ему в наказание бытность под судом с тем, чтобы оштрафование это не лишало прав и преимуществ, прежнюю службу приобретенных. Конфирмация эта высочайше утверждена 13го июля 1852 года. Высочайших благоволений и всемиловейших рескриптов не получал. Был отставлен от службы высочайшим приказом 26го ноября 1832 года; прибыл в полк по определении из отставки 8го февраля 1834 г.; в отпуску был с 10го октября 1856 года по 31 июля 1857 года, то есть по день увольнения от службы высочайшим приказом, по болезни, с чином полковника, мундиром и полным пенсионом. В отставке был с 31 июля 1857 года по 8^е января 1863 года. — Женат на девице Аделине Рафаиловой Ратовской, детей имеет дочерей: Аделину — родившуюся 5го декабря

1853 года, Марию¹⁸ — 20 ноября 1855 года, Пелагею — 22го июня 1860 г.[;] сыновей: Феодора¹⁹, родившегося 13 января 1857 года и Владимира — 7го июня 1859 года; вероисповедования православного, а жена римско-католического. А четвертого мая тысяча восемьсот шестьдесят пятого года, по определению одесского градоначальника, основанному на 1 пункте приложения к 400 ст[атье] III^{го} т[ома] Уст. о служ. Прав. по продолжению 1863 года, уволен от службы, согласно прошению; в удостоверение чего и дан ему, полковнику Крузе, сей аттестат, за подписью мою с приложением казенной печати, в городе Одессе, февраля 21го дня 1866 года.

Его императорского величества, —
Всемиловейшего государя моего,
статский советник, исправляющий
должность одесского градоначальника и кавалер^а

Управляющий канцелярией

Фиалковский

Коллежский ассессор

Устианович

Рукописный подлинник на шести листах большого формата, скрепленный печатью канцелярии одесского градоначальника. Подписи — автографы. На обороте последнего листа запись: Полковник Михаил Христианович Крузе определен был 8 апреля 1866 г. членом от правительства Тираспольского и Ананьевского Мирowych Съездов и[,] состоя в этой должности[,] 17 июня сего года умер. В течение этого времени он[,] Крузе[,] под следствием и судом не был. В чем Херсонское губернское по крестьянским делам присутствие удостоверяет июня 21 дня 1867 г. Член присутствия зам[еститель] управляющего государственным имуществом Херсонской губернии^а. Секретарь^а.

№ 4

Письмо Н.К. Рихтера жене М.М. Рихтер в Ростов

12 марта 1882 г.

Константинополь

Поздравляю тебя[,] моя милая[,] с днем твоего Ангела и сердечно сожалею, что не можем вместе провести этот день. — Как бы я расцеловал тебя[,] дорогую[,] и ты бы поневоле сама сказала, что я крепко-прекрепко люблю тебя. — Завтра буду есть пирог по случаю твоих именин, который уже заказал повару сегодня. —

^а Подпись неразборчива.

В Керчи я не мог быть у Салтановой, так как рано снялся. — Письмо Чавчавадзе²⁰ написал и отослал из Керчи. — В море все время имели дурные погоды и здесь сегодня целый день штормовой ветер и дождь, так что только завтра начнем выгрузку груза. — Пароход Русского общества сегодня не пошел в Одессу по случаю дурной погоды и завтра повезет это письмо тебе[,] моей милрой. —

Ты извини меня[,] дорогая, что я не дал тебе 10 рублей на куклы детям. — Поверь[,] моя голубушка, что сделал это без всякого намерения и потом всю дорогу на пароходе я сожалел об этом и порядком бранил себя, даже и теперь никак не могу забыть. — Я знаю, что тебя очень огорчило[,] и если бы я мог только тогда догнать поезд, то[,] наверное[,] сделал бы это и дал бы эти деньги. — Не сердись на меня[,] милая и не думай[,] пожалуйста, что я мало люблю наших детей. — Здоровы ли вы все? Кажется[,] и недавно ушел из Ростова, а как будто давно не видел вас. — Не проходит часа, чтобы я не вспоминал вас[,] и время тянется долго[-]предолго. — Да еще пасмурный день и дождь более нагоняют тоску. — Я был сегодня на берегу по делу в таможне[,] и там везде какая[-]то скука, а на улицах грязь почти по колено, так что я ходил в больших сапогах. — При этом как[-]то холодно, совершенная осень; на весну ничто не походит. — В море мы даже имели снег. — Несмотря на то[,] что уже апрель месяц. — Из Керчи ты[,] вероятно[,] получила депешу о нашем выходе, а сегодня я тотчас же послал депешу в Ростов, чтобы ты не беспокоилась. — Пожалуйста[,] моя дорогая[,] не беспокойся, если будет и дурная погода. — Нас никто не гонит, а следовательно[,] нечего и рисковать. — Поцелуй за меня детей. Кланяйся Емилии Рафаиловне²¹. — Виссариону я написал. — Целую тебя крепко и от всего сердца твой — Н. Рихтер.

Рукописный подлинник. Подпись — автограф.

№ 5

Гимназическое сочинение В.Н. Рихтера на тему «Не напрасно, не случайно жизнь от Бога мне дана»

[около 1897–1898 гг.]

«Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога мне дана»

- I. Приступ.
Стихотворение Пушкина (нап[исанное] 26 мая 1828 г.) и возражения на него.
- II. Изъяснение темы.
Цель жизни — служение обществу.

III. Причины.

Необходимость для общества труда одиночных лиц.
Борьба за идеи и ее значение.

IV. Противное.

Нет тружеников-идеалистов — нет прогресса^а.

V. Подобие.

Огромное здание создается рабочими,
по сравнению с ним пигмеями.

VI. Пример.

Юрий Крыжаныч²² и д-р Герцль²³.

VII. Свидетельство.

Слова Карамзина²⁴, Баратынского²⁵ и Муравьева²⁶

VIII. Заключение.

Имя «человека»^б — награда служивших обществу.

В минуту духовной невзгоды Пушкин задал себе вопрос: зачем ему дана жизнь и, не находя утешительного ответа среди мучивших его обстоятельств, решил, что жизнь^в — «Дар напрасный, дар случайный». Такая ложная мысль, понятно, не могла остаться без возражений. И вот начали появляться разборы /этого стихотворения/^г, переделки и т.п. Много писали, много возражали, но из всех /этих/ трудов современников поэта пользуются известностью только два стихотворения: митрополита Филарета²⁷ и Θ (Клюшников) ²⁸.

«Не напрасно, не случайно

Жизнь от Бога мне дана» [—] говорит митрополит,

указывая, таким образом, что жизнь каждого человека имеет свою цель, свое назначение. Эта мысль уже не могла возбудить сомнений в ее истинности, что признал и сам Алек[сандр] Серг[еевич] Пушкин], написав:

«Твоим огнем душа палима,
твергла мрак земных сует,
И внемлет арфы серафима
В священном ужасе поэт».

Является вопрос: что же за цель жизни? В чем ее назначение? Единственным удовлетворительным ответом может быть — «служение обществу».

Пройти все стадии от первобытной дикости до современного состояния человечеству было нелегко. Постоянно приходилось бороться с природой, людьми, реакциями, требовались жертвы часто очень тяжелые. Однако, несмотря на все препятствия, которые были рассыпаны на пути прогресса, он целые века^д шел вперед. Но для этого победоносного движения

^а В слове *тружеников* рукой В. Рихтера вставлено еще одно *и*, зачеркнутое синим карандашом учителя. Слово *идеалистов* выделено автором запятыми, которые им же зачеркнуты.

^б В слове учителем зачеркнута буква *а*.

^в Тире после слова вставлено учителем.

^г Текст в косых скобках (здесь и далее) вставлен учителем.

^д Два слова вычеркнуты учителем.

нужны силы людей, необходимо их мужество, усердие, готовность жертвовать собой. Довольно вспомнить хоть нескольких мучеников науки, гонимых прежде философов, а художников, находившихся в презрении^а [,] писателей, актеров, чтобы увидеть, какое огромное значение имеет для человечества служение отдельных муз. А чернорабочие[,] «необходимые в каждом доме»! Ведь они гибнут^б в неизвестности тысячами, но части труда каждого из них заключаются в таких благах цивилизации, которыми мы пользуемся. Неужели им жизнь дана была напрасно, случайно? Ведь они принесли же посильную пользу, исполнили возложенное на них. Нравственный долг призывает теперь нас внести лепту в этот общечеловеческий труд и указывает, таким образом, нам на цель и назначение жизни.

Но, кроме того, нет людей, у которых не было бы идеалов, стремлений к чему-нибудь. Без них невозможно жить: в трудные минуты они утешают, возвращают силы, направляют в ту или иную сторону.

Каждый пытается осуществить свой идеал на земле, пытается приблизиться к нему. Благодаря этим стараниям, он сам облагораживается, возвышается (я говорю только о положительных идеалах) и приносит пользу обществу, достоянием которого делаются идеи отдельных лиц. Попытки осуществить свои идеалы и идеи на практике (существовали)^в происходили^г всегда. Увлечение ими доходило до фанатизма: христиане за свою идею шли на мученья и гибель в Колизее; фламандцы не смирились даже под люто жестоким правлением герцога Альбы²⁹, многие знаменитые впоследствии люди переносили тяжелые мучения со стороны домашних за то, что хотели непременно последовать своему призванию. И^д страдания всех этих мучеников не прошли бесследно: христианство распространилось по земле[,] и имена борцов за него никогда не умрут для потомства; история заносит на свои страницы борьбу народов за свою национальность и указывает на нее, как на пример другим; великие люди достигали своих целей.

Более или менее сильную борьбу за свои идеи придется вынести всем. Если наш идеал будет велик, возвышен, то наш труд не пропадет даром и мы сможем сказать, что исполнили свое назначение, сможем подтвердить, что жизнь была нам дана не напрасно и не случайно.

Без труда и труда тяжелого точно так же, как и без светлых идей (частных)^е единичных лиц^ж не существовало^з бы прогресса. Мы были бы обре-

^а Подчеркнуты слова *гонимых прежде* и *находившихся в презрении*, на полях исправления: гонимых философов, художников, писателей; у строки со словами *находившихся в презрении* на полях вопросительный знак.

^б После правки учителя начало фразы выглядит так: *Чернорабочие, «необходимые в каждом доме», гибнут в неизвестности...*

^в Зачеркнуто и взято в скобки автором.

^г Слово зачеркнуто учителем и над ним вписано им: *были*.

^д *И* зачеркнуто учителем, на полях рукой автора исправлено: *Страдания* с большой буквы.

^е Зачеркнуто автором.

^ж После слова учителем поставлена запятая.

^з Два слова зачеркнуты учителем и вставлено *не было*.

чены на вечную спячку. Не было бы ни наук, ни искусства, ни жилищ, ни путей сообщения потому, что все это было человеческих рук. Не было бы нравственности, необходимой для спокойствия и процветания целых государств, потому что только люди идейные могут быть нравственными, и только они заставляют быть других такими же. Словом, если бы каждый из нас считал, что жизнь «пустая и глупая шутка», (что она дана напрасно)^а и не признавал бы себя обязанным трудиться на пользу другим, то (произошло бы..., даже трудно (сказать)^б представить себе, что именно произошло бы)^в. Мы возвратились бы к первобытной жизни, которая, однако, отличалась бы от прежней отсутствием надежды на лучшее будущее.

Когда вдумываешься в значение труда единичных лиц для общего блага, то невольно приходит на ум огромное здание, красиво и гордо поднимающееся своей вершиной к небу. Здание, составленное из камней, положенных друг на друга и скрепленных между собой при помощи рук тех рабочих, которые в сравнении с возведенной громадой кажутся пигмеями. Так и современная (развитие)^г цивилизация достигла таких блестящих результатов, стала такой значительной и обширной благодаря трудам людей, которых идеи и усилия, в сравнении с настоящим развитием науки, искусства и т.п., кажутся ничтожными, почти незаметными. Но подобно тому, как здание не существовало^д бы, если бы не было пигмеев-рабочих, так не было бы и прогресса без незаметных усилий и мыслей, двигавших и движущих^д его. Но в рабочих не было недостачи! Постоянно будут выходить из народа много «добрых, благородных, сильных любящей душой»^е.

Находились такие люди, которые не только не считали жизнь случайным даром, но признавали прямым своим долгом посвятить ее всю какой-либо возвышенной идее.

Например, известный Юрий Крыжаныч* (предок по духу наших славянофилов) для того, чтобы хоть немного содействовать своей любимой идее панславизма^з, приехал на Русь и трудился, несмотря на все помехи и гонения. В наше время примером идеалистов, посвятивших всю свою жизнь любимой идее, жертвующих личными выгодами, могут служить сионисты с доктором Герцлем во главе. Общественное мнение, как это видно из речей Макса Нордау³⁰, направлено против их нации, одна ассимиляция может разрешить весьма выгодно для них этот старый вопрос. Но доктор Герцль и его сторонники не соглашаются на ассимиля-

^а Помещенный в скобки текст вычеркнут автором.

^б Вычеркнуто автором.

^в Весь текст в скобках вычеркнут учителем.

^г Слово вычеркнуто автором.

^д Слова *существовало* и *движущих* подчеркнуты учителем, над последним из них стоит знак вопроса. На полях рукой автора — вариант: *как ни было бы здания без пигмеев-рабочих, так...*

^е Так у автора, учителем исправлено: *душой*.

^ж Рукой учителя в фамилии исправлено *ы* на *и*.

^з Так у автора, рукой учителя исправлено: *панславизма*.

цию, видя в ней смерть. Они задались идеей возродить нацию и считают, что свою жизнь они должны положить за нее.

Немало можно найти и свидетельств, подтверждающих справедливость слов митрополита Филарета. Так, Карамзин говорит, что «жизнь есть первое счастье. В свете нет ничего милее жизни». Баратынский указывает на причину неудовольствия жизнью^а в словах:

«Напрасно мы мечтаем найти
В сей жизни блаженство прямое»,

а Муравьев фразой: «служить отечеству верховный душ обет» говорит о назначении (если понимать в широком смысле эти слова) жизни для человека.

Таким образом, жизнь дана нам для труда на пользу человечества. Кто трудится, кто вносит свою лепту в область науки, искусства и т.п., тот достоин имени человека «и может с гордостью сказать»: «Тяжелая дорога пройдена честно».

Сочинение написано в школьной тетради в линейку. В конце сочинения рукой учителя вписано: Неразборчиво и стоит оценка: 4-

№ 6

Гимназическое сочинение В.Н. Рихтера на тему «Влияние членов общества друг на друга»

[около 1897–1898 гг.]

Влияние членов общества друг на друга

I. Приступ.

Предшественники современной молодежи.

II. Изложение.

A) Влияние предшествовавших веков на современную молодежь:

а) дети дома,

б) в школе.

Б) Значение преподавателей^б и товарищей в переходном возрасте.

В) Значение знакомых.

III. Заключение.

Разнообразие и многочисленность влияний.

Поколение относится к поколению,
как звенья электрической цепи.

^а Окончание слова подчеркнуто учителем, на полях исправлено автором: *жизнью*.

^б Так у автора, подчеркнуто учителем и исправлено автором на полях.

Могучие, великие, даже в своем падении, герои романов Достоевского³¹, Тургенева³², Толстого³³, Гончарова³⁴, жившие идеями, мучимые «беспокойной мыслью» в 80-х годах уступили место хилым, «разъеденным рефлексиями гамлетам-пессимистам и сенсуалистам³⁵» из повестей и очерков Новодворского³⁶, Гаршина³⁷, Альбова³⁸, Чехова³⁹ и т.п. Казалось бы, что общего между этими типами различных по характеру, но близких друг к другу времен.

Между тем эти несчастные «труссы»⁴⁰, «Ивановы»⁴¹, «карьеристы»⁴² — прямое наследие предшествовавшего поколения, которое, питая великие идеи (Рудин⁴³, Литвинов⁴⁴), ничего не имело против чревоугодия и, стоя за истину, свободу и т.п., любило «протирать глаза» своими деньгами. Такие деяния отцов не могли не повлиять на их потомков: им перешли в наследство «широкие розмахи^а души» и барская лень вместе с непригодностью к никакому^б труду и порядочной доле чувственности. Тем временем обстоятельства изменились (Григорович «Два генерала»⁴⁵). Пришлось каждому из этих барчуков испытать лишения и познать необходимость труда. Но за мелкую обыденную работу они считали унижительным браться, для сложной же и трудной сил не хватало, — оставалось валяться на диванах, строя широкие планы и проедая последние крохи. Таковы предшественники нашей современной молодежи. Посмотрим^в нельзя ли^г определить их влияние на нее.

Писатели наших отцов — Чехов («Детвора»^д), Апухтин⁴⁶, Короленко («Дети подземелья» и «Ночью»⁴⁷), Гарин («Гимназисты»⁴⁸), Потапенко («Чужие» или «Старое и новое»)⁴⁹ посвятили свои некоторые произведения разбору подростающего^е поколения и анализу его внутреннего мира. Что же мы выносим из их произведений?

Дети, даже не отроки, — какие-то старики (Чехов, Короленко). Не нашедши в своих родителях, людях, утомленных жизнью, склонных скорее к самоубийству, чем к кипучей деятельности (Апухтин, Новодворский, Альбов, Баранцевич⁵⁰), того участия, того понимания (Чехов), которое необходимо в этом возрасте, они рано привыкают к известной доле самостоятельности и (своему)^ж своеобразному мышлению. Болезненные, с неправильными, самобытными представлениями они не приучаются дорожить теми взглядами, которые им вселили родные (Потапенко) и при первом столкновении с жизнью изменяют свой образ мыслей, отдавшись (влечению)^ж влечению молодой крови и пылкого ума, готового считать за истину и ложь (Костя из «Чужих»).

^а Так у автора, исправлено учителем.

^б Исправлено учителем на полях: *к какому бы то ни было*.

^в Здесь учителем отмечена потерянная запятая (автором исправлено на полях).

^г Учителем зачеркнут дефис.

^д Автором пропущены закрывающие кавычки.

^е Так у автора.

^ж Слово в скобках зачеркнуто автором.

Перейдя из-под надзора взрослых в школу, дети, достойные отцов, лишь только свыкнутся с новыми требованиями, перестают скучать по родным и не уподобляются тихому, идеальному Багрову внуку⁵¹. Наоборот[,] подобных сотоварищей они клеймят «презрительной»^а кличкой — «маменькиных сынков» (Гарин).

На этом[,] однако[,] не прекращается влияние предшествовавшего поколения на наше. Заразительная лень старших передается и младшим по наследству. Отцы однако[,] не позволяют детям, подобно себе^б, покоиться на диванах, и их потомкам приходится прибегать к разнообразным уловкам и поворотам, чтобы при меньшей затрате труда и времени добиться того, чего нужно на самом деле достигать усидчивостью и работой. Совершаются разные крупные и мелкие мошеничества^в, целиком основанные на эгоистических стремлениях и доказывающие немалую наблюдательность и ловкость юных предпринимателей.

По мере подрастания начинает складываться характер, укрепляться (воля)^г мышление отроков. В это время большое значение для направления будущего человека в ту или иную сторону имеет преподавание, которого нет[-]нет, а даже и ленивец послушает одним ухом, и товарищи.

Вникнет отрок в учение, заинтересуется, тогда его не увлекут кутежи товарищей: он изберет из их числа некоторых себе под пару и оградится ими от остальных; а если не захочет он задуматься над чем-либо, пригласится ему «жизнь беззаботная», тогда «поминай, как молодца звали»: вместо полезного для общества человека, выйдет кутила, гуляка и т.п. (Гарина)^д. А то еще, поддавшись современным модным заботам о карьере и доходности, может повторить собою тип Константина Аркадьевича из «Чужих» Потапенко.

Став, наконец, на свои ноги, человек обыкновенно, каков бы он ни был, начинает подбирать известный круг знакомых, соответствующий^е его потребностям. Этот круг окончательно укрепляет его мысли и чувства в (изв..)^г каком-либо направлении и придает им закругленность и законченность.

Из всех возможных влияний, которым подвергается человек в своей жизни, самые важные, как неотвратимые и постоянные, разобранные. К какому бы веку мы не^ж перенеслись умственно, его будет ха-

^а Слово подчеркнуто автором.

^б Слово подчеркнуто учителем, а на полях его роспись.

^в Так у автора, рукой учителя *й* исправлено на *и* и стоит его роспись на полях; рядом рукой автора написано правильное слово.

^г Слово в скобках зачеркнуто автором.

^д Так у автора, по-видимому, Гарин.

^е Так у автора, подчеркнуто учителем и на полях его рукой написано: — *ств* —.

^ж Так у автора. Подчеркнуто учителем, на полях его роспись и исправлено автором: *ни перенеслись*.

рактизовать предыдущий, как причина — следствие. Влияние же предыдущих времен передается преимущественно в семье, а в школе, благодаря ее условиям, либо укрепляется навсегда, либо более или менее сильно изменяется. Остальные же влияния ничтожны, как случайности, которых много выпадает на долю человека в жизни, и притом они так разнообразны, что о значении и взаимодействии их судить почти невозможно.

Сочинение написано в той же тетради, что и сочинение на тему «Не напрасно, не случайно жизнь от Бога мне дана» (см. док. № 1.5). Под сочинением рукой преподавателя написано: Предыдущая работа не исправлена. Жаль, что 2.

№ 7

Гимназическое сочинение В.Н. Рихтера на тему «Как я читаю поэтов»

[около 1897–1898 гг.]

КАК Я ЧИТАЮ ПОЭТОВ

I. Приступ.

Как я читал поэтов.

II. Изложение.

A) Обычный прием чтения^a.

а) Чтение;

б) разбор.

B) Отступления^b от обычного приема.

а) Увлечение фабулой.

б) Фантазирование.

B) Любимый^b прием чтения.

III. Заключение.

Разделение моего чтения на зимнее и летнее.

Чтением и чтением преимущественно поэтов я стал увлекаться с тех пор, как научился бегло сливать звуки в слова.

Я проглатывал одну книгу за другой без всякой системы и метода, приводя зачастую в ужас моих родителей, находивших меня где-нибудь за

^a Учителем написан вопрос: *чей?* На полях автор поправил: *Мой обычный.*

^b Вопрос учителя — *у кого?* Ответ на полях: *от моего.*

^b Вопрос учителя — *чей?* Ответ на полях: *мой.*

шкафом или под кроватью с книгой, не совсем подходящей к детскому возрасту.

Бывало^а, заберешься в какой-нибудь уголок поукромней, развернешь роман вроде «Преступления и наказания» и читаешь до тех пор, пока буквы не запрыгают в глазах. Пыль заберется в рот, в нос, испачкаешься весь, но все[-]таки^б отдохнули глаза, и *валяй дальше, а пыль ничего, лишь бы не чихнуть*^в и не открыть таким образом своего убежища. Мало-помалу сквозь занимательную фабулу для меня стал пробиваться и смысл. Начал читать я и «между строками напечатанное», — т.е. спокойней, вдумчивей относиться к произведениям. Все чаще и чаще я брался за книги популярно-научного содержания, но беллетристика по-прежнему занимала главное место в моем сердце. Это увлечение поэтическими произведениями осталось у меня и до сих пор^г, другие же результаты раннего и беспорядочного чтения были плачевны^д.

Теперь, взявшись за какое-нибудь произведение, я читаю его не спеша, вдумываясь^е, перечитывая неясные места. Первое чтение — для меня средство ознакомиться со всем произведением, и только при второй перечитке детали остаются в моей памяти. Прочитав, таким образом, автора, я его откладываю и принимаю, обыкновенно под влиянием навеянного впечатления, разбираться в прочитанном. Тут мне приходится бороться со своей довольно необузданной фантазией, которая наперекор рассудку всегда стремится отвлечь меня от сути. Установив взгляд на идею произведения и разобрав впечатление, произведенное поэтом, я берусь за критику и знакомлюсь с авторитетными мнениями, стараясь не поддаваться действию убедительного красноречия, которым часто прикрывается односторонний, пристрастный разбор. Таков мой обычный прием.

Но не всегда я читаю таким образом. Иногда, увлекшись фабулой, забудешь и про разбор и про окружающее, — весь отдаешься во власть автора^ж, а потом, очнувшись, в досаде на себя за невыдержку характера перечитываешь проглоченное на прежний манер^з и разбираешься в своих чувствах и мыслях. Такое увлечение мешает часто и разбору. Вместо того, чтобы холодно обсудить прочитанное, согласовать свои взгляды с мыслями автора, моя фантазия начинает придумывать ненужные детали, коллизии, заставляет героев проделывать самые невоз-

^а Запятая зачеркнута учителем.

^б Слово вычеркнута учителем.

^в Выделенный курсивом текст подчеркнут учителем.

^г Подчеркнуто учителем.

^д Здесь стоит вопрос учителя: *а именно?*

^е Стоит галочка, на полях автор поправляет: *вдумываясь в него*.

^ж Слова *отдаешься во власть* сначала подчеркнуты, затем подчеркивание зачеркнуто, а на полях написано: *неразборчиво*.

^з Слово подчеркнуто и стоит знак вопроса.

можные штуки^а. Когда поймашь себя на этих умственных разглагольствованих^б, то часто к досаде примешивается чувство стыда перед самим собой. Наказываешь сам себя, следишь^в, а иногда, все[-]таки, прорвется одно из этих увлечений, которое, надо сознаться, лишь доставляет какое-то необъяснимое удовольствие. Такие увлечения, понятно, невозможны при чтении вслух с товарищами. За чтением следят несколько лиц, постоянно прерывая его замечаниями и перечитками, разбор ведется сообща, а потому, если и отвлекается^г в сторону, то не настолько, как при чтении самостоятельном. Какие горячие споры бывают при этом. Как сближаешься с остальными. Да, кроме того, прочитанное всегда становится более ясным и понятным при общем разборе, чем при одиночном чтении, так как тут знакомишься с разнообразными мыслями, взглядами, пониманиями. Совместное чтение — мой любимый прием знакомства с классическими произведениями. Чтобы хоть^д отчасти заменить его, когда оно невозможно, я прибегаю к письменному разбору, а фантазию свою усмиряю горами исписанных бумаг, чтобы она не мешала сознательному чтению и обсуждению.

Кроме разделения моего чтения на совместное с товарищами и одиночное, оно еще делится на зимнее и летнее. Зимой я читаю поневоле меньше и преимущественно перечитываю старое или знакоплюсь с современными писателями. Летом же весь отдаюсь чтению не прочитанных еще классических произведений, более подробному изучению русской словесности как древней, так и новой и уже упомянутому удовлетворению своей ненасытной фантазии, которая, понятно, работает среди крымской^е природы сильнее, чем в четырех стенах.

Одно из трех сочинений в школьной тетрадке в линейку. В конце сочинения стоит оценка 3.

№ 8

Черновик письма В.Н. Рихтера неизвестному адресату

[1901 г.]

Ты[,] мой милый друг, наверно, сердисься на меня за долгое молчание! Наверно[,] решила, что я забыл о твоём существовании! Нет! Я

^а Слово подчеркнуто учителем. На полях стоит знак вопроса.

^б Слово подчеркнуто учителем.

^в Поставлена галочка. На полях автор поправил: *следишь за собой*.

^г Слово учителем подчеркнуто, а на полях стоит вопрос *кто?* Автор на полях отвечает: *если он и*.

^д В этом слове учитель заменил мягкий знак на букву *я*.

^е Слово подчеркнуто учителем и на полях стоит вопрос: *откуда она?* Автором исправлено на полях: *работает на свежем воздухе*.

помню. Я еще не забыл, но за последнее время столько перемен произошло у нас у всех и у меня, что буквально не было ни одной минуты свободной. Только сегодня я урвал секунду, чтобы написать тебе. Завтра мы едем в Крым[,] и уже теперь передо мной роem топятся разнообразны[e] воспоминания, связанные с теми чудными местами, куда мы отправлялись. Жаль, что тебя не будет с нами: ты бы не скучала. Вообрази огромные горы, которые стремятся к небесам, густые, роскошные парки, готовые скрыть тебя от взглядов людей под своей сенью, широкое беспредельное море. И я опять буду в этом раю со своими друзьями[,] и если мне не будет кого-нибудь доставать, то это моего искреннего, настоящего друга! Мы с тобой побродили бы по горным тропинкам, подышали бы местным воздухом, полюбовались бы с крутой скалы прибоем морских волн, разбивающихся у ее подножия. А то верхом на крымских иноходцах забралась бы мы на самую вершину длинной яйлы и оттуда спустились бы в заросшую ложбину послушать речи горного ручейка.

Видишь, как я люблю Крым! Одно сознание, что я скоро буду там, делает меня фантазером, чуть ли не идиллическим поэтом...

Поклон всем, всем вашим.

Пожелай им всего лучшего!

Целую моего друга и желаю увидеть его поскорее замужем.

Любящий тебя искренний друг.

В. Рихтер.

Письмо написано карандашом в записной книжке в клетку в коленкором переплете. На внутренней стороне обложки стоит дата 1901 г. Так В.Н. Рихтер всегда датировал свои записные книжки.

№ 9

Письмо В.Н. Рихтера неизвестному адресату

[позднее 1901 г.]

Недавно я просматривал свои прежние писания. Много утекло с тех пор воды, многое изменилось! Я теперь вряд ли подпишусь под тем, что писал раньше. Некоторые строки вызывают своей детской наивностью улыбку, но у меня сохранились самые чудные воспоминания о тех хороших минутах, которые послужили причиной их создания. До сих пор я с удовольствием вспоминаю то чувство, которое пробуждала во мне милая «Греза»⁵², до сих пор мне становится как-то хорошо, славно, когда я переношусь мыслью в любимый Крым и вижу задумчивую головку девушки, которая заставляла так сильно биться мое юношеское сердце.

Я не знаю, почему Вы на меня рассердились тогда. Я отыскал ваше последнее письмо, где Вы меня упрекаете в каком-то лицемерии,

коварстве и т.д. и даже после нескольких лет оно меня неприятно поразило. Неправда! По отношению к Вам я никогда не лицемерил. Мне всегда было с Вами хорошо и я любил и люблю вспоминать то хорошее, невозвратное время. После этого я увлекался не раз другими, быть может в настоящую минуту переживаю наиболее сильное увлечение, но образ далекой грезы, той, прежней Грезы[,] будившей во мне мечты, бывшей моим поэтическим воспоминанием[,] жив до сих пор. Быть может[,] я даже любил не Вас, а то, что я переживал с Вами, быть может[,] Вы мне дороги только потому, что с воспоминанием о Вас связана одна из лучших минут той моей жизни, когда я еще не знал всего того, что знаю теперь.

Как бы то ни было[,] я благодарен Вам и мне не хотелось бы, чтоб вы заблуждались в моих отношениях к «Грезе». Вот все, что я хотел Вам написать. По всей вероятности это «сентиментальниченье» не попадет даже в Ваши руки. Да не все ли равно! А написал все это Вам я потому... потому что написалось.

Письмо написано на тетрадном листе в двойную линейку, вложено в учебническую тетрадь 1897 г. Подписи и адреса не имеет. Дата не указана, документ датируется по содержанию.

№ 10

Открытка В.Н. Рихтера матери М.М. Рихтер

15 января 1905 г.

Ея Высокоблагородию
Марии Михайловне Рихтер
Russland. Odessa. Одесса
Нежинская. 10.

Prosit Neujahr!^a

Крестом обозначен стол, за которым пишется это письмо и поднимается бокал пива. Другой стол [—] прежнее место. Привет всем нашим! Благодарю за память и открытки. Живу преотлично. Касса полна и осложнений не предвидится. Поздравляю бабушек. Если возможно, посылай «Новости». Просмотри 1-во январский № «Од[есских] Нов[остей]». Юличке⁵³ и Жене⁵⁴ по горячему поцелую. Что подельывает Акимыч?

D-г Phil. Vl. Richter. Афон. Рессел

На лицевой стороне открытки — фотография Центрального театра (Centraltheater) в Лейпциге и интерьер пивного ресторана (Bier-Restau-

^a С Новыми Годом! (нем.)

rant). В центре пивного зала на переднем плане столик, на белой скатерти которого указаны по часовой стрелке имена (места за столиком): Рихтер, Ганеман, Рессел, Бремер, Бюен^а. Текст письма размещен по краям открытки вокруг фотографий на лицевой стороне.

№ 11

Открытка В.Н. Рихтера матери М.М. Рихтер

7 декабря 1905 г.

Ея Высокоблагородию
Марии Михайловне Рихтер
Russland. Odessa. Одесса
Нежинская. 10.

Шлю привет из этого городка, где читаю реферат.

На лицевой стороне открытки цветная фотография улицы Klepzigerstrasse.

№ 12

Открытка В.Н. Рихтера бабушке Э.Р. Дельфин

24 декабря 1906 г.

Одесса.
Ея Превосходительству
Эмилии Рафаиловне Дельфин.
Нежинская 10.
Кв. Г-жи Рихтер.

Поздравляю дорогую бабушку с праздниками. Желаю всего наилучшего.

Целую.

На лицевой стороне открытки — репродукция картины Вильяма Краузе «Прялка» из Дрезденской галереи. Подпись В.Н. Рихтера забита почтовым штемпелем.

^а Друзья В.Н. Рихтера по Лейпцигскому университету.

№ 13

Открытка В.Н. Рихтера бабушке Э.Р. Дельфин

2 апреля 1907 г.

Ея Превосходительству
Эмилии Рафаиловне Дельфин.
Нежинская 10.
Odessa. Одесса
Нежинская. 10.

Дорогая Бабушка!

Наконец-то нашел я себе по вкусу городок: 1) жарщица, 2) пылища, 3) развалины в самом центре города, 4) туалеты у мужчин сплошь и рядом еще хуже моих, 5) простота нравов и привычек, 6) все орут благим матом, 7) едят ризот и макароны в томатах. Кроме того чай и папиросы хоть и кусаются, но превосходные. Мы с Петей целые дни гоняем из конца в конец и беседуем чуть ли не с каждой итальянкой. Целую Вас. Володя.

На лицевой стороне открытки — фотография Римского Форума.

№ 14

Открытка В.Н. Рихтера матери М.М. Рихтер

18 августа 1907 г.

Марии Михайловне Рихтер.
RUSSIA. ODESSA
Нежинская 10

Дорогая мамочка!

Книжки получил. Спасибо! У нас все по-старому: занятия, которые подвигаются, хотя медленно, но верно и неуклонно вперед. У нас, словом, не дом, а что-то вроде хедера: каждый зубрит свое в своем углу, и сойдясь вместе, устраиваем друг другу экзамены. Нового, как видишь, пока нет ничего. Я писал тебе, но письмо[,] вероятно[,] не дошло[,] или ты его получила после того[,] как отправила мне свое.

Петя целует тебя, Штева кланяется. Он бедный чуть[-]чуть что не отошел от усиленных занятий.

Крепко, крепко целую тебя.
Твой Володя.

На лицевой стороне открытки — фотография ROMA — Piazza Colonna.

№ 15

Открытка В.Н. Рихтера матери М.М. Рихтер

6 декабря 1907 г.

Ея Высокоблагородию
Марии Михайловне Рихтер
RUSSIA
Odessa
Нежинская 10.

Дорогая мама.

Посланные деньги получил. Спасибо. Беспокойство не есть оправдание[,] достаточное для месячного молчания. Открытку ты все[-]таки могла черкнуть. Ты заставила меня сильно беспокоиться. Вспомни, как мне доставалось от тебя, когда я не писал, а у меня «беспокойств» тоже бывало не мало.

Крепко целую тебя и жду известий от тебя, особенно успокаивающих. Получил ли Вл. Ник. мое письмо.

Целую. Твой Володя.

P.S. Поцелуй от Пети, привет от Штевы.

На лицевой стороне открытки — фотография: ROMA — Michelangelo La Sibilla Gumana (Capp. Sistina).

№ 16

Открытка В.Н. Рихтера матери М.М. Рихтер

9 марта 1912 г.

Е.В.Б.^a
Марии Михайловне Рихтер
Нежинская 10
Одесса
Odessa
RUSSIA

Надеюсь, что ты получила мои предыдущие открытки. Жив, здоров и невредим. Крепко целую тебя. Склонен думать, что скоро вернусь в Рим, так как здешний университет мне не особенно нравится. Любящий тебя сын Володя.

На лицевой стороне — фотография: Palermo. Facciata Chiesa dei Vespri.

^a Ее Высокоблагородию.

№ 17

Открытка В.Н. Рихтера матери М.М. Рихтер

14 мая 1912 г.

Е.В.Б.^а
Марии Михайловне
Рихтер
Нежинская 10
RUSSIA Odessa
Одесса
Вениция^б 14/V 912

Дорогая мама!

С минуты нашего отъезда, венецианцы достроили колокольню, открыли выставку, и повысили плату на все! Я поселился на Lido. Если ты мне ответишь немедленно, то твое письмо может еще застать меня здесь. Адрес Venezia. Ferma-posta.

Крепко, крепко целую тебя. Брожу по тем местам, где гуляли с тобой. Любящий тебя сын
Володя.

На лицевой стороне открытки — фотография Базилики Св. Марка в Венеции.

№ 18

Открытка В.Н. Рихтера матери М.М. Рихтер

8 июля 1912 г.

Е.В.Б.^в
Марии Михайловне
Рихтер.
RUSSIA. ODESSA
ОДЕССА
Нежинская 10.

Дорогая мама!

Вот уже несколько дней, как я отряхнул прах древнего Рима, бежал из его раскаленных стен в Помпею, где думал, что буду здесь

^а Ее Высокоблагородию.

^б Так в тексте.

^в Ее Высокоблагородию.

отрезан от всех и вся, смогу спокойно бродить среди развалин, но ... мне попался на несчастье русский археолог, пишущий книгу о Помпеи в назидание россиянам и ... (прости прошай «все сладкое мечта-нье»!) нет мне теперь покоя от рассуждений о «кладках», «стилях», Мау⁵⁵ и прочих прелестях. До сих пор не имею от тебя никаких сведений, хотя принял все меры к тому, чтобы твои письма мне доставляли сюда.

Крепко целую тебя.

Любящий тебя сын Володя.

На лицевой стороне открытки — фотография:

Pompei — Casa degli Amorini d'Oro.

Pompei-Scavi. Roma. V.re dei Cappucini.

№ 19

Открытка В.Н. Рихтера матери М.М. Рихтер

19 июля 1912 г.

A Madame
Marie Richter
Poste Restante
LUCERNE
Svizzera.
Pompei 17/IV^a

Дорогая мама!

Вот вышла, как говорят у нас в Одессе[,] «перепутаница»! Я до сих пор не получил твоего заказного письма и завтра уезжаю в Рим добиться его. Надеюсь, что оно тем временем не попадет в Помпею! Не можешь представить, как меня злит вся эта история, в которой такую роль сыграла итальянская почта!

Целую.

Твой Володя.

На лицевой стороне открытки — фотография:

Pompei — Casa di Pansa.

^a Рукой В.Н. Рихтера написана эта дата, хотя на штампах Неаполя и Люцерны указан июль.

Открытка В.Н. Рихтера матери М.М. Рихтер

5 августа 1913 г.

Alassio
Via Cristoforo Colombo, 22
Е.В.Б.^a
Марии Михайловне
Рихтер
Нежинская 10
Одесса
Odessa
RUSSIA

Дорогая мама!

Большое спасибо за Колю⁵⁶ с «Акулой»^б. Биар получен, но в одном экземпляре. Так как я сижу теперь за переводом Боккаччио⁵⁷, то мне очень нужна его повесть, кажется, недавно переведенная «Фиамметта»⁵⁸.

К вам в Одессу собирается Ольга Елисеевна⁵⁹.

Крепко целую тебя.

Любящий тебя сын

Володя.

На лицевой стороне открытки — фотография острова Галинара, г. Аляссио.

^a Ее Высокоблагородию.

^б Вероятно, фотография с акулой.

Раздел II

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВО ВРЕМЯ ФЕВРАЛЬСКОЙ И ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИЙ И В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

№ 1

Фрагменты записной книжки В.Н. Рихтера с записями, касающимися деятельности ПСР

Июнь 1917 г.

О третьем съезде¹ партии^а

1) Доклад о состоянии партийной работы по данным анкеты (Раков²); не проч[ел].

2) Текущий момент (Чернов³)

3) Отношение к временному правительству⁴ (Авксентьев⁵ и Алгасов⁶)

4) Отношение к войне (Гоц⁷) +190, -33, 0 35⁶.

5) Международная политика (Русанов⁸, Рубанович⁹, Натансон¹⁰)

6) Основные принципы государств[енного] устройства России (Вишняк¹¹)

7) Основные начала местного самоуправления. Данилов¹², Грутовский¹³, Мохов¹⁴.

8) Социально-экономич[еская] политика. Прилежаев¹⁵, Маслов¹⁶.

9) Аграрная политика. Ракитников¹⁷, Быховский¹⁸.

10) Рабочая политика очеред[ного] Сов[ета] Парт[ии]¹⁹. Воронов²⁰, Фирсов²¹.

11) Вопрос национальностей. Чернов, Брюллова²², Раскина^в. +115, 0 8 (единогл[асно]).

12) Отношение к другим соц. партиям. Зензинов²³. Единогл[асно].

13) Организ[ационный] устав (временный). Аргунов²⁴, Руднев²⁵.

Делегирование +156, -27, 0 29

14) О Совете партии.

^а Полу жирным шрифтом выделены заголовки фрагментов, данные составителями.

⁶ Результаты голосования по резолюциям: «+» — за, «-» — против, 0 — воздержались.

^в В документе описка. Имеется в виду, скорее всего, М.С. Раскин, приветствовавший съезд от имени Социалистической еврейской рабочей партии и бывший содокладчиком Брюлловой-Шаскольской по национальному вопросу.

- 1) Современный момент.
- 2) Война.
- 3) Интернационал.
- 4) Местное самоуправление.
- 5) Социально-экономическая политика.
- 6) О временном правительстве.
- 1) Состав съезда.
- 2) Работа секций.
- 3) Последние заседания.
- 4) Прения по текущему моменту.
- 5) Авксентьев.

Состав съезда^а

Численность групп л. 86

ц.113

Пр. 7

206

бол. 100

306

ПЛАН [к докладу о III съезде ПСР]

I. Введение

Трудности, перед которыми стоял съезд:

- а) политическая и экономическая ситуация,
- б) партийная разруха.

II. Работа и настроения съезда.

- а) Общая характеристика.
- б) Крылья и группы.
- в) Работа секций.
- г) Работа пленума.
- д) Положительные и отрицательные результаты.

III. Заключение

Единство партии.

III Съезд был созван в чрезвычайно трудный момент для всего человечества, в критический момент для России и Русской революции, в критический момент для партии.

Партия наша «вознесена на гребень» в момент, когда она только что очнулась от 10 лет летаргии, от десятилетнего кошмара, в течение которого часть из старой гвардии была изолирована тем или иным способом от жизни партии [в] России, часть так далеко отошла в сторону, что только гром революции призвал ее в прежние ряды, часть разошлась по различным непримиримым, казалось, лагерям.

А между тем от этой[,] еще несколько месяцев тому назад как будто не существовавшей[,] партии потребовались героические усилия организо-

^а Что не было представлено: сколько приходилось голосов на провинцию. Сколько на центр. Какого состава были группы. — Прим. В.Н. Рихтера.

вать сотни тысяч трудящихся масс, взять в свои руки правительственную власть, организацию экономической жизни страны. Встать в авангард не только русского революционного движения, но и всего международного.

Из роли безответственной, подпольной партии в один миг мы перенесены в роль вершителей судьбы.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ДОКЛАДА О III СЪЕЗДЕ ПАРТИИ СОЦ.-РЕВ. ДЛЯ ПЕТРОГРАДСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

«Нам надо сохранять единство партии больше, чем когда-либо, чтобы выковывать единую мысль, единое действие»

«Современные буржуазные и династические правительства оказались явно неспособными ликвидировать эту войну на условиях, гарантирующих длительный мир и международную правовую организацию Европы и всего человечества, и честь спасти мир из кровавого тупика выпадает на долю международной рабочей демократии» (Чернов).

«Три года безмерного расточения жизней и народного богатства Европы в одном лишь убедили весь мир, в том, что обе враждующие коалиции[,] оба международно-империалистических треста держав бессильны вооруженной рукой разрешать все спорные вопросы, бросившие друг на друга народы». (Гоц).

«Продолжение войны до осени означало бы поглощение 50 миллиардов рублей, а это значит 3 года поглощения нормального народного дохода, а к этому придется еще добавить 40 миллиардов кредитной задолженности. И если так пойдет дальше, нам придется увеличить налоговое бремя в 4 раза, что невозможно. И то же самое в Зап[адной] Европе». (Зак²⁶).

«Теперь никто не станет отрицать полного развала нашего народного хозяйства, тяжелого кризиса промышленного, финансового и торгового капитала ... надо посмотреть, как выйти из грозного положения. Несомненно, что без вмешательства организующей силы государства, без верховного регулятора важнейших отраслей народного хозяйства нам не обойтись. Однако здесь необходима прежде всего сильная и авторитетная государственная власть, которая смогла бы провести намеченные ею мероприятия, нужна затем прочная и налаженная хозяйственная организация и необходимо, наконец, существование крепкой сплоченной организованной силы рабочего класса, объединенной в профессиональные союзы...

Революция получила в наследство от старого режима вконец расстроенные финансы, транспортный хаос, большое увеличение предпринимательских барышей и все возрастающую дороговизну... Россия в данный момент уже стоит в преддверии общего финансового и промышленного краха, который, если он разразится полностью, погубит в пучине голода и безработицы молодую русскую свободу» (Воронов).

«Только скорое прекращение войны, властно диктуемое, так[им] обр[азом,] и всем ходом экономич[еской] жизни России, способно предотвратить небывалый, колоссальный крах всей нашей промышленно-

сти. Все остальные меры будут только средствами, могущими лишь смягчить иногда остроту положения, но совершенно непригодными для полной ликвидации кризиса» (Фирсов).

(Полнейший износ промышленного капитала страны, полное потребление сырья и изделий, абсолютное уничтожение не только продуктов, но и постоянного капитала производства, громадный политическ[ий] вес рабочего класса).

«Внутренняя политика русского отряда этой демократии определяется тревогой за все завоевания русской революции, под которые подкапываются стихийные силы всероссийской разрухи, усугубляемой тем фактом, что в потрясенной кризисом России рост новых общественных связей нередко отстает от процесса распада старых» (Чернов).

Проект плана

а) Политический момент, предшествовавший съезду, и положение партии.

Три месяца спустя революции, во время третьего года мировой войны, когда истощение, экономическая, продовольственная, промышленная разруха достигли своего апогея, когда близится финансовый крах. «Потрясение, нанесенное войной всему мировому хозяйству, так велико, что восстановить его возможно только героическими мероприятиями». «Положение нашего народного хозяйства таково, что только при упорной и усиленной работе по устройению России мы сможем выйти из того грозного положения общей разрухи, которое старая власть оставила нам в наследство. Если мы не выйдем из этого положения, все здание России, все здание нашей свободы рухнет, обвалится».

«Надо говорить о необходимости перетерпеть тяжелый кризис».

Положение партии

«Процесс развития, слишком быстрый в России до сих пор, не давал нам сосредоточиться на внутрипартийных задачах».

Ввиду сравнительной медленности, с которой в других странах Европы нарастает подъем рабочего движения, рядом с быстротой, с которой экономическое истощение России затяжной войной обостряет в ней финансовый, промышленный, продовольственный и денежный кризис... необходимо сосредоточение сил революционно-социалистич[еской] демократии на задачах созидательного творческого характера».

«Развал армии, укрепление центральной революционной власти против анархического распыления революции, в укреплении центростремительных, организующих сил против сил дезорганизующих и центробежных».

Наброски резолюций III Съезда ПСР

II.^a Признавая, что Врем[енное] Коал[иционное] Прав[ительство] в основу своей международной политики кладет выдвинутую русск[ой]

^a У автора текст начинается сразу с пункта II.

демократией программу мира без аннексий и контрибуций и осуществления права всех народов на самоопределение, [съезд] считает необходимым, чтобы Вр[еменное] Пр[авительство] немедленно приняло все зависящие от него меры для присоединения остальных воюющих держав к этой программе мира.

III. III Съезд] ПСР считает необходимым, чтобы Вр[еменное] Пр[авительство] приняло меры к пересмотру и ликвидации всех договоров... и в своей дальнейшей межд[ународной] политике руководилось бы исключительно соображ[ениями] и интересами труд[ового] населения России и принципов международной солидарн[ости] раб[очего] кл[асса].

IV. III Съезд] П.С.-Р. считает возм[ожным] решение этих задач межд[ународного] масштаба и объедин[ение] усилий раб[очего] кл[асса]; метод интернац[ионального] действия.

V. III Съезд] ПСР считает необходимым энергичное ведение^а для достиж[ения] мира, полагает, что для защиты русской револ[юции] и ее...^б необходимо приведение армии в полную боевую готовность.

Об отношении к войне.

Перед нами как социалистической партией стоит теперь трудный и неотложный вопрос ликвидации войны, начатой с империалистическими захватными целями, для захвата новых рынков и подчинения экономич[ескому] и политич[ескому] влиянию мелких и отсталых государств, ликвидации войны, враждебной интересам трудового класса, но в которую большинство этого класса было вовлечено благодаря недостаточной сознательности[,] с одной стороны[,] и организованности и силе, хотя пошатнувшейся и видоизменившейся, но уже значительной и неоспоримой, буржуазных и правящих классов, [с другой]. Война не привела к тем результатам, которых от нее ожидали начавшие ее буржуазные силы, в настоящее время среди народных масс замечается усталость, утомление, отчаяние, начинают крепнуть силы интернационального социализма, но еще далеко не свернуты силы буржуазных правительств, хотя Русская революция нанесла им одним своим фактом сильный удар, но этот удар в то же время заставил и заставит, быть может, ополчиться на нас и прежних союзников, ведь мы несем им лозунги, по существу неприемлемые для них.

Мы требуем отказа от прежней секретной дипломатии, требуем пересмотра и ликвидации прежних договоров, мы ставим в основу нашей международной политики интересы трудящегося населения России и принц[ип] межд[ународной] солид[арности]. И мы требуем, чтобы русское правительство, чтобы оно впредь исключительно руководствовалось этими принципами и приняло все меры для того, чтобы реализовать эти принципы, чтобы привлечь к нашей платформе социал[истов] демокр[атов] всех стран.

^а Так в тексте.

^б Обрыв текста в документе.

Это единственный выход, приемлемый для социалистов, потому что путь борьбы рука об руку с буржуазией, если она не примет наших условий, для нас немислим, но и путь сепаратного мира или перемирия в корне нарушает метод интернационального действия. Но нужно помнить, что подымая знамя ликвидации войны, подымая знамя объединения социалистич[еской] демократии против их правительств, мы подымаем знамя войны, а в настоящий момент...^a

Заседание ЦК ПСР 3 июня²⁷

3 июня, Москва
Заседание Ц.К.

1) Программа дня^b

- 1) IV а) по агр[арной] политике
- 2) б) по национ[альному] вопросу
- 1) I в) об интернационале
- 3) V г) организационный устав
- 2) II д) заявление Чернова

3) III е) снять с очереди приглаш[ение] Гримма²⁸

1) Вопрос о делегировании тов. Авкс[ентьева] в М.И.Д. тов. министра отложить на завтра

2) Об устройстве расширенного Совета Партии, после разработки материала в созданных Ц.К специальных комиссиях

5) Поручить т.т. Веденяпину²⁹, Ракову и Рихтеру собрать материал по поводу Сев[ерной] Обл[астной] Конф[еренции], опросив т[оварищей] из Сев[ерной] области, находящихся на съезде.

3) Завтра в 12 ч. закрывается съезд и собирается Ц.К.

4. Ц.К. ничего не имеет против, чтобы областно...^a

О присоединении к протоколам заявлений

- 1) Интернационал.
- 2) Орган[изационный] устав.
- 3) Муницип[алитеты].
- 4) Закрытие съезда.
- 5)

«По делу С[еверной] обл[астной] конф[еренции]»

1) Шлиссельбург

От Шлисс[ельбурга] было 3 и никто не протестовал.

~ 150 ч[еловек] городск[ая] группа.

Случайно прочли в «Земле и Воле»³⁰, несмотря на то, что туда приезжал областник за месяц до съезда. «Земля и Воля» официалън[ый] орг[ан] области, было несколько раз напечатано известие. Было недостаточное обслуживание области.

^a Обрыв текста в документе.

^b Нумерация пунктов авторская.

2) Новгород (Акинчин) гор[одская] конф[еренция]. Все члены (и сочувств[ующие]) 1 человек. 3 месяца было два раза. Не знаю наверно.

3) Н.Н. Соколов³¹

1) Разбить область на две

2) Состав конф[еренции].

3) Характер работы. Деятельность Обл[астного] Комитета — Совместительство О[бластного] С[еверного] К[омитета] и П.К.^a (Натансон)

I. Провинциалы не участвовали в выборах областн[ого] Комитета
Неправильное размежевание области.

II. 14+5 (агитац[ионного] Комитета) = 19 голоса Обл[астного] Ком[итета]
113 или 115 обл[асть]

на долю же провинции 25–30.

III. а) совместительство

б) засилие «камковцев»³² и статьи в органе «З[емля] и В[оля»].

в) не было на конфер[енции] вопросов, связанных с практич[еской] работой.

г) Областник был в Тихвине только раз.

Солдатов³³ от Пскова.

На 21[-е] была назначена конференция в Пскове, совпавшая с Питером.

Провинция настроена иначе, чем областной комитет

Приезжали.

Биторов от Новг[ородской] губ[ернии].

На обл[астной] конфер[енции] не была представлена, и потому и в обл[астном] комитете.

Воздержались от выписки «Земл[и] и Вол[и]». Губернского съезда не было.

5) Маркарянц³⁴ от Финляндии

Затонский³⁵ Саратов.

Архангельский³⁶ Симбирск.

Желательна директива по поводу 1) ультиматума 2) братанье 3) сепаратное перемирие по поводу «Правды»³⁷.

Иконников³⁸ (Кронш[тадт]).

Признает ее правильной и протестовал против выступления Сорочкина³⁹.

11 июня 1917.

1) Известить избранных членов Ц.К. Архангельск[ого], Затонского, Гендельм[ана]⁴⁰.

2) В среду 7 ч. вечера конституирование комитета. Галерная 27.

3) Кандидаты приглашаются на заседания с совещательным голосом.

4) Признано возможным в случае Герштейна⁴¹ совместительство долж[ности] городск[ого] головы с членством [в] Ц.К.

5) Вопрос о делегировании т. Авкс[ентьева] в М.И.Д. отложить на среду.

^a Петербургский комитет ПСР.

6) О протоколах позаботятся Раков и Руднев.

7) О фотографии

Редакц[ионная]	Междунар[одная]	
Зензинов Русанов Лункевич ⁴² Ракитников Иван[ов]-Раз[умник] ⁴³ Постников ⁴⁴ Чернов	Рубанов[ич] Натанс[он] Русанов	
Национ[альностей]	Рабоч[ей] полит[ики]	
Минор ⁴⁵ Чернов Лункевич Натанс[он]	Фирсов Гендельман Затонский Берг ⁴⁶ Тетеркин ⁴⁷	
Предс[едатель]	Муницип[альная]	Военная
Ракитников т[оварищ] пр[едседателя] Гоц	Герштейн Ракитников Чернов Раков Веденяпин	Герштейн Гоц За[тонский]
Секретариат	Учред. Собр. ⁴⁸	Финанс[овая]
Веденяпин Рихтер Зензинов Казначей Натансон	Гоц Рихтер Зензинов Гендельман Фирсов Авксентьев Бунаков ⁴⁹	Натанс[он] Веденяпин Зензинов
Земельная		Издательск[ая]
Бунаков Ракитников (?) Чернов		Зензинов Раков Веденяпин Минор Лункевич

Подтвердить или заменить

а) Вишняка в Совещании по поводу учредит[ельного] собрания.

б) Маслова в главном земельном комитете.

в) Латышская просьба о федеративной связи с ПСР.

«Смоленский Вестник»

Смоленск. Имеется газета, типография, бумага, 60 тысяч, чистый доход около 10 тысяч (Гуревич-Двинин). Купить — или субсидировать

Запас бумаги на 1,5–2 года при ежедневном тираже в 10 т., 3 плоские машины большого размера, 2 американских и обычный антур[аж], (?) 600–700 пудов, возможность изд[авать] 2–3 раза в неделю крестьянск[ую] газету 20–25 т. экз[емпляров], типография может печатать брошюры, бюджет теперь 110–120 тысяч, бумага заложена в банке, приобретена 14–15 рублей стопа.

О президиуме и дискуссиях

1) Вопрос о президиуме.

Гоц — обойтись без председателей и выбрать лишь...

Фирсов — выбор президиума для решения важных дел.

Минов, Авксентьев, Натансон — секретариат, т.к. важные вопросы должны решаться пленумом Секрет[ариата] для практических работ.

Отложить выборы президиума на дальнейшие заседания, секретариата же к концу заседания.

2) Опубликование резолюций, которые должны быть положены в основу.

В.М.[Чернов] Свобода мнений и дисциплина вообще не особенно хорошо разграничены, особенно у нас после 10.

Но повседневная борьба мнений, доклады, статьи не есть свобода агитации, что равносильно существованию нескольких партий под одной вывеской (пресса).

Фракция партии имеет одну определенную миссию — проводить определяющую политику, т.е. партийную резолюцию. Новые вопросы, не возникающие из резолюций, дают известную сферу, свободу действий, выступлений, голосований и т.п. Автономия фракций по согласию с Ц.К. Никакие сепаратные выступления недопустимы.

Решения Ц.К. обязательны с правом апеллировать к Сов[ету] Партии хотя бы в форме скорейшего созыва.

Это разъяснение должно быть популярным предисловием к изданию резолюций.

Зензинов —

Фирсов. Нет различия по существу между двумя мнениями, но заявить каждый обязан: это не партийное, а мое мнение. В нынешнее трудное время и меньшинство может быть вынуждено выступить и самостоятельно и вовне, но не без санкции Ц.К. в особо важных случаях, в случаях перелома мнений.

Герштейн. Свобода мнений лишь в дискуссионных листках, бояться откола не следует. Нужно подчеркнуть в особых брошюрах, и спец[иальной] литер[атуре], но не в повседневной прессе и выступлениях.

Бунаков. Самая радикальная мера в настоящий момент. Присоединяюсь к словам Гершт[ейна].

Гоц. Партия находится в состоянии хаоса и Ц.К. в организационном отношении должен быть диктатором. Свобода мнений не в ежедневной прессе, а в специальных органах теоретич[еских].

Вовне партийных органов фракции не могут расходиться по решенным вопросам, по нерешенным вопросам не будет времени обращаться к Ц.К., надо решение представить большинством, решить давать или не давать голос меньшинству.

М. Андр.[Натансон]

Например, увеличение числа специал[истов] в министерстве можно отстаивать, в этом предисловии нужно отметить, что где решения допускают компромиссы, там пред[лагается] свобода мнений[,] и то же во фракции. Не только в теор[етических] органах, но и в ежедневной прессе, иначе диктатура, которая поведет к расколу. Ц.К есть результат компромисса и не может диктаторствовать.

Рубанович.

Борьба мнений не помешала же единству съезда и вынесению общих резолюций, но согласительные резолюции требуют высказываний, а всякие высказывания, хотя бы с указанными оговорками, есть уже агитация. Я протестую против диктатуры.

Минор.

Хотим ли мы подчинить групповое мнение партийному мнению. «Разумное толкование» — критерий субъективный = произвольное толкование и что компромиссный Ц.К. не может будто бы действовать. Если Ц.К. не будет держаться единства, то он должен разойтись. Отдельн[ые] мнения — высказывайте в дискуссионных органах, а Ц.К. как целое имеет лишь одно определенное мнение в повседневной печати, его выступление.

Гоц. Ультиматум анархистов. 16 заводов решили поддержать анархистов забастовкой, которых выселяют с дачи Дурново⁵⁰.

Ракитников.

Всегда различие мнений и единство выступлений, единство тактики. Толкование резолюций должно быть единообразно. Свобода критики, но на базе резолюций, а не на базе, например, большевистск[их] тенденций.

Фирсов предусматривает моменты обязательного пересмотра, но в решительные моменты как раз недопустимы меньшинства.

О международной политике

М.А.[Натансон] Бюро факт[ически] не существует, другими партиями не признается, кроме того имеются протесты против Вандерв[ельде]⁵¹.

В.М.[Чернов] В комиссию интернациональных международных течений избрать Гоца, Рубановича и Натансона.

1) Хотя империалистические течения не сильны в Италии, но требуют со стороны демократии большого внимания и сопротивления в особенности в вопросах, касающихся взаимоотношений между Италией и Югославией.

2) Я надеюсь, что нам удастся убедить ответственные элементы заключить с южными славянами соглашение, которое обеспечит не только союз, но и прочные дружеские отношения между двумя нациями.

3) Полагаю, что и в интересах и России, и Италии и, пожалуй, в интересах вообще цивилизации и европейского мира необходимо содействовать объединению сербов с крoатами и словенцами, создав единое (а se) государство (около 12 V), которое обеспечит Балканский полуостров против дальнейших попыток Германии на расширение.

4) Я полагаю, что для достижения этой цели демократия сможет внести в долг обществ[енному] мнению войти в соглашение с юго-славянами также в отношении Далмации.

Если Италия будет иметь Триест и часть Истрии, то неизбежно должна будет заключить в свои границы значительное число славян, так как в этих областях расы недостаточно точно разделены на территории, но ведь и в Далмации существуют проитальянские группы, судьбою которых Италия не может не интересоваться.

Вследствие этого был бы необходим договор между Италией и Югославянским государством, в котором оба государства должны были бы гарантировать взаимную свободу и, б[ыть] может, также автономию группам соответствующих национальностей.

Русская и итальянская демократическая политика поэтому должны бороться против триалистических тенденций, поддерживая[,] наоборот[,] стремление к объединению трех славянских фамилий в одно независимое государство.

Мы весьма сочувствуем независимости Богемии.

Константинополь.

Консерват[ивные] течения.

А.Н. Бах⁵³ о Женевском Красном Кресте. Нужны деньги и представитель (Екат[ерина] Серг[еевна] Боткина⁵⁴). В Берне происходят хищения сумм, отпускаемых военноплен[ным]. Запрещение посылать деньги за границу, эмигранты.

Минор. Есть формальное постановление об уничтож[ении] бюро?

В.М.[Чернов] Положение неясное.

Рубанович.

Бюро функцион[ирует] и издает журнал. Постановления о закрытии нет. Голландская секция входит в состав исп[олнительного] Комитета и созвали в Гааге конфер[енцию] нейтр[альных] держав. Отзывает ли меня партия или нет?

Натансон: не все партии же делегир[ованы], напр[имер], итальянская, вот русские стояли не за делегацию, другие за делегирование, чтобы раскисировать (?) это решение Циммервальда⁵⁵. Исход комиссии.

Фирсов. Снять вопрос с очереди.

Минор. Нужно ответить прямо, снять и считать Рубан[овича] делегатом, а комиссию избрать.

Натансон. Выступления в Бюро только носит.. доклада комиссии.

Отзываем ли Иль. Ад.[Рубановича]?

Учреждаем ли комиссию.

Краткие протоколы заседаний ЦК ПСР

Заседание 9 июня

Евреинов⁵⁶ и Меерович беседовали с Грубе⁵⁷ и предлагают 1/2 миллиона под 7% и 1/2 процентов. Грубе обещает уплатить⁵⁸. Грубе просил карточку Керенского⁵⁹ или Чернова для показания только правлению. Только Народный банк. Эти же операции неприемлемы, как и все подобные, единогласно.

Дело Незнамова для отзыва передать в П.К.

Заявить сухумск[ой] организ[ации], что мы принципиально против захвата частных помещений и просим С[ухумский] Ком[итет] войти в частное соглаш[ение].

Предисловие выработать Чернову и Н.С.[Русанову]

ЦЕНТР[АЛЬНЫЙ] ОРГАН

Зензинов.

Керенскому предлагали крупное пожертвование на цель, указанную им. Жертвователю Лесин фигура добропорядочная по указанию Брамсона⁶⁰ и др. Лесин предлагал партии 100 тысяч на издательск[ую] деятельность. Зензинов и Гоц приняли эти деньги. Из них остались 50 т. П.К. это не сообщал, т.к. деньги были для партии.

Герштейн.

Лесин глава части банкиров. Они субсидировали «День» с условием не писать нежелательного в области экономической. Эти дельцы не вполне чистые. Контору их собирались закрыть за крупную банковскую игру. Нам бы следовало воздерживаться от дел с этими господами.

Зензинов.

Никаких условий он, конечно, не ставил, и деньги это были личные, а не банка.

Деньги принять. 12 за, 1 возд[ержался].

Бунаков. Взаимы предлагается 1/2 милл. в Народн[ом] Банке.

Раков. Обложение членов экстр[енным] налогом и отчисление от бюджета.

Герштейн. Кроме того, доход от издательств.

Веденяпин. 1 рубль — слишком велик внутренний заем.

Чернов. Правильное отчисление от всех организаций. Немедленно с полной строгостью. Организации[,] не вносящие[,] не имеют представительства.

Кроме того сверх предложенных провести по всей России в один день день сбора в пользу центрального фонда, напр[имер], 15 июля.

Зензинов. В Питере в течение недели сбор на фонд печати. Уже теперь только после заявления в печати имеем 40 т. рублей.

Сытин⁶¹ желал пожертвовать. Русанов заявил, что чек на 10 т. рублей оставлен. Чек оставлен.

Минор. Сытин согласился печатать по себестоимости, но он большой жулик. Иметь дело с Сытиным не подходит.

Натансон. Отстаивает рублевый налог и заем от 1/2 милл. до 1 милл., поручив изыскание способа финанс[овой] комисс[ии].

Герштейн. Находит, что момент для сбора пожертвований, единовременный сбор пройдет, «день» пройдет, внутренний заем тоже.

ЦЕНТР[альный] ОРГАН

Минор. Единое поведение — единый орган. Остальные не могут иметь партийного аншлага, как «Воля Народа»⁶².

И урегулирование состава редакции, исключение Мстиславского⁶³.

Лункевич. Органы для крестьянства и рабочих

Против форсир[ования].

1) Предварит[ельные] выборы муницип[алитета] и земства

2) Перегрузка Армии

3) Краины

4) Не разработка проектов

Но Финляндия

Украина

Кавказ

Автономность национального бытия и кооперативность работы.

Украинская рада имеет крыло за аннексию, Галицию, господство над Черным морем и за проливы.

Редакция.

1) Контрольная комиссия

2) Издательство

3) «Земля и Воля»

4) «Смоленский вестник», св.^a

Раков^б

О печатании постановлений Ц.К.

О завтрашней демонстрации.

Съезд редакторов.

О помещении

Москвичи^б

Прилежаев

^a Так в документе.

^б Слово зачеркнуто.

О делегировании в междун[ародную] К[омиссию] при исп[олнительном] К[омитете].

Постановления Центрального Комитета.

Делегировать Н.И. Ракитникова на пост товарища министра земледелия, тов. Вишняка в особое совещание по составу Учред[ительного] Собрания, тов. С. Маслова в главный земельный комитет.

Опубликовать резолюции съезда с предисловием к ним (Русанова и Чернова)

1) Создать дискуссионный орган, в котором могли бы найти себе место все оттенки партийной мысли.

2) В ежедневной прессе дискуссионные статьи по разрешенным съездом вопросам не допускаются, как и не допускаются по этим вопросам выступления от фракций, комитетов и др[угих] комитетов и партий.

3) Новые вопросы, не вытекающие из принятых резолюций и ими не предусмотренные, дают свободу действий, выступлений, голосований под контролем Ц.К.

4) Решения которого обязательны и подлежат отмене только со стороны Сов[ета] Парт[ии], который в случае разногласий должен быть созван в кратчайший срок.

В секретариат Ц.К. избираются

1) Веденяпин, 2) Зензинов, 3) Рихтер

В редакцию Центрального Органа избираются

1) Зензинов, 2) Иванов-Разумник, 3) Лункевич, 4) Ракитников, 5) Русанов и секретарем Постников.

Чернов.

В финансовую комиссию избираются

1) Веденяпин, 2) Зензинов, 3) Натансон.

Постановлено для образования центр[ального] фонда совершить $\frac{1}{2}$ -1 милл. Заем в Народном банке и покрыть его при помощи:

1) обложения всех членов партии единовременным рублевым (минимум) взносом;

2) произвести внутренний партийный заем;

3) подготовить и устроить 15 июля всероссийский с.-р. день для сбора на центральный фонд для партийного издательства, подготовки выборов в учред[ительное] собран[ие] и т.п.

4) Установить обязательное отчисление в Центральную кассу со стороны всех партийных организаций и выйти с предложением в Сов[ет] Парт[ии] о лишении представительства на съезде тех организаций, которые не будут делать регулярно неуклонно этих отчислений.

5) Предоставить финансовой комиссии, если она найдет это нужным, произвести в Петрограде в течение недели сбор на фонд печати.

Единым общепартийным органом, представляющим мнение партии и говорящим от его имени, является орган Ц.К., остальные органы печати должны отмечать, от имени какой партийной организации, признанной Ц.К., они выступают.

Международная комиссия
Натансон, Рубанович, Русанов.

Комиссия по национ[альному] вопросу и сношению с нац[иональны-
ми] партиями

Лункевич, Минор, Натансон, Чернов.

В редакцию доизбрать Чернова.

Желательно отдельное издание «Партийных известий»⁶⁴.
Н.С.[Русанов] и В.М.[Чернов]

«Дело Народа»⁶⁵.

Провинц[иальный] отдел[,] иностр[анный] социализм и руков[одя-
щие] статьи по рабоч[ему] вопр[осу].

Отдел телеграмм

В каждой губ[ернии][,] области, городе может быть только одна право-
моч[ная] организация, которая и может иметь орган ежедневной прессы.

Об участии в буржуазной прессе.

Засед[ание] 10 июня

1) Вопрос о тактике в течение трех дней (военная демонстрация)

Чернов. Трудность момента заключается в отсутствии правомочного, полного народного представительства. Теперь до известной степени самочинность правительства. Положение улучшится с появлением местных правомерных органов, строительство снизу.

Партия, сохраняя полную автономию и политическую физиономию, не должна идти вразрез с С.Р. и С.Д. в целом, в тактике, но связанность относительна.

Теоретически можно допустить возможность отклонения из этой нормы.

Натансон. Если мы будем лишать меньшинства права свободы действий, это будет не парламент, а конвент и пролог к гражданской войне.

Фирсов.

Совет не парламент, а партия, орган революционной власти. Он может изгонять, ибо он действующий, подчиняющий. Вы обязаны не устраивать демонстр[ации], когда он укажет. Вина большинства^а, что они устроили тайно, что они не подчинились большинству, что большевистская фракция не подчинилась постановлению о Дурново. Имея право на карательные меры, не применять их.

Чернов.

Съезд должен выразить порицание лицам, подготовлявшим сепаратное выступление и злоупотр[ебление] именем организации, а именно

^а Так в документе, должно быть «меньшинства».

большевистск[ой] с.д. фракции и центров фабрич[ных]. Такое же порицание проведено должно быть и у...^a

Последние слова тактики безответственной, магнетизма, накаливания, служения контрреволюции. Основная идея [—] навязывание идеи и тактики большим (С.Р., Р.Д. Кр. Съезду) и малым организациям.

В Московском полку избili свой полковой комитет, а потом его вновь избрали. Постоянные перемены решения.

А это ведь заразительно и ведет к анархизму, к отрицанию учредительного собрания. Подчеркивание создающей нашей тактики в противовес разлагающей тактике.

Минов

Чернов. Они выдают себя головой, говоря, что не они зачинщики, они накаливают, а потом плывут по течению, уверяя, что они не могут более руководить.

Таково положение дел на выборгской стороне, где их цитадель, им кричали «долой», когда хотели изолироваться от анархистов. Они умеют только подпевать и прислуживаться, а не служить и руководить.

«Долой Временное Правительство», «судно», которое...^b, не встретило у них отпора, а просто перепечатавали резолюции. Они повинны и причина.

Рекомендовать П.К. использовать в этом направлении текущие митинги и рекомендовать фракции провести в Совет Р. и С. Депут[атов] протест против тактики больш[евиков] и в органах печати.

Относительно ц.к. провинциалов. Они должны найти себе в ближайший срок заместителей.

Заседание в назначенные дни открывается при наличном составе.

11 июня 1917

1) Иногородняя секция

Минов, Гендельман, Рихтер, Раков, Веденяпин.

2) «Смоленский вестник». Передать издат[ельство] Подвицк[ому]⁶⁶ и Розенберг[у]⁶⁷ и вызвать их.

Зензинов. Было бы интересно не выпускать ...

3) О приглашении Керенского.

Натансон просит т[оварищей] министров фиксировать один день.

О вхождении Ц.К.-истов в разные организации и П.К

Отложить: +4—3 0 1.

4) О съезде

5) О Гельсингфорсе

6) Об отъезде Бунакова

7) Предисловие к четвергу Н.С.[Русанов]

8) Статистика

9) Делегация 3 членов на съезд: Натансон, Рихтер, Герштейн.

10) «Воля Народа».

^a Обрыв текста в документе.

^b Слово не разобрано.

Минор.

Превратить в орган правомочной организации, т.к. слияние с другим органом невозможно, как и закрытие (подписчики). Необходимо переговорить до принятия против них мер. Избрать комиссию для выяснения, как можно их превратить в правомочную организацию.

Зензинов

Вопрос стоит о ликвидации «Воли Народа». Само ее появление было большим проступком, но он уже совершен, и необходимо действовать осторожно. Есть путь только переговоров и нужно их выслушать в Ц.К., газету преобразовать в рабочую газету П.К. Им, конечно, нельзя предоставлять доминирующую роль, но создать газету в духе резолюций возможно.

Натансон, Затонский, Минор, Зензинов.

Минор, Зензинов, Раков, Тетеркин.

- 1) О протоколах.
- 2) О военной газете на завтра.
- 3) Об агитации большевиков и «Земле и Воле».
- 4) Фирсов в главном земельном комитете.
- 15) В силу крайней важности пригласить Керенского на ближайшем заседании.
- 16) 3 дня отпуска тов. Зензинова.
- 17) Поволжская область просит.
- 18) О межд[ународном положении].
Харьков
О крестьянск[ой] газете.

Иногородняя.

- 1) Установление постоянной связи
- 2) Личные объезды Ц.К.
- 3) Лекторская комиссия.
 - 1) Перепись.
 - 2) Адреса.
 - 3) Анкета о состоянии работы и нуждах (Веденяпин).
- 1) Объезды
Рихтер — Юго-Зап[ад], Харьков, Каменев.
Веденяпин — середина Волги и Урала, Сибирь.
Раков — Верх[не-]Волж[ье] и Север.
Минор — Кавказ
..(?..) — Рихтер
Камчев, Сухум, Незнамов

12 июня 1917

О делегации в междунар[одную] комиссию. Исполн[ение] отложить до наведения справок.

Об агитации большевиков. — Отложить

О «Воле Народа». В духе резолюций поручить действовать избранной комиссии.

О «Земле и Воле» (довести до сведения постановления)

О совместительстве Ц.К. с П.К и О.К.

Члены Ц.К. как высшей партийной организации могут участвовать с правом совещательного голоса во всех партийных организациях и собраниях. Совместительство недопустимо. Ц.К. кроме того по мере надобности делегирует в определенные организации своих членов.

Принято единогласно.

Издательство.

Минор. Ввиду того, что изд[ание] «Земли и Воли» приняло широкие размеры, то оно должно быть введено в общее издательство. В принципе принять в полное ведение Ц.К., ...^a выработать издательской комиссии.

Принято единогласно

Военная газета. Поручить Затонскому и Герштейну представить детальный проект.

О Совете рабоч[их] депут[атов]. Доклад Фирсова.

Решено экстренное собрание в 7 ч. вечера, оповестив всех членов и пригласив Керенского.

Записная книжка В.Н. Рихтера содержит массу адресов, имен, мелких записей. Есть текст в несколько страничек на итальянском языке. В документе приведены наиболее крупные фрагменты записей, связанные с вопросами идеологии и тактики партии с.-р.

№ 2

Черновой набросок проекта резолюции

[июнь—июль 1917 г.]

Собрание.

Считая необходимым в настоящий момент прочное объединение сил всей революционной демократии против контрреволюционных попыток справа и анархии слева, призывает все верные революции элементы проявить твердую решимость, выдержку и оказать решительное противодействие всяким провокационным выступлениям безответственных групп.

Рукописный оригинал — маленькая записка карандашом, без даты. Датируется по содержанию.

^a Пропуск в тексте документа.

Черновые наброски выступления В.Н. Рихтера о «свободе мнений и единстве выступлений» в ПСР

[позднее 7 — ранее 14 июля 1917 г.]

Свобода мнений и единство выступлений.

Т.! Если мы представляем собою партию, желаем быть партией, то, конечно, первое условие этого совместное выступление, совместная дружная борьба. Если мы будем кто в лес, кто по дрова, если мы будем саботировать сами свою работу, свои усилия, то это будет не партия, а случайное собрание разношерстных элементов. И доказывать это не приходится и никакая ссылка на то, что такую разницу другие прикрывают общим названием политической партии, делу не поможет. Будет единое название, но не будет единой партии, как нет у большевиков и меньшевиков, у меньшевиков и меньшевиков-интернационалистов, у германского большинства и меньшинства. Против этой фикции партии мы всегда протестовали и протестуем. Да это и не имеет даже смысла. Ведь на деле не сохраняются и не может сохраниться...^а и большевики, и меньшевики могут называться одними именами, но у них особая организация, особые совещания, особая тактика, то же у меньшевиков-интернационалистов. В конце же концов даже нет и общего имени. Идти по их дорожке, дорожке образования партии, прикрываясь именем старой, не годится.

Или — или.

Т. Камков сказал на собрании П.К.: «Мы систематически по всем кардинальным вопросам расходимся с партией». Т. Прошиян⁶⁸ (заявлял)^б рекомендовал в пылу полемики с-р собраний «принять рекомендации III-го съезда к сведению, а не руководству».

«Декларация заявляет, что меньшинство оставляет, а мы можем прибить, и оставляло за собой полную свободу действий».

Но зачем же тогда тратить столько времени на прения, слова, подыскание общих резолюций внутри партий, зачем созывать съезды, зачем на съездах откладывать нужные и сложные дела[,] лишь бы придти к какому-нибудь соглашению, когда потом это соглашение оказывается обязательным только для большинства, а не для меньшинства, которое, добившись от большинства целого ряда уступок для себя, оставляет «полную свободу действий» и не подчиняется решениям большинства.

Т.[,] мы должны определенно сказать себе, считаем ли необходимым партийное единство, признаем ли мы для себя обязательным решение большинства.

Товарищи[,] это признал не Ц.К., признал это III съезд ПСР, признал это с.-р. фракции. Скажите, должен ли считаться с голосом большин-

^а Пропуск в тексте документа.

^б Слово (слова), взятое в скобки, зачеркнуто.

ства Ц.К. или нет? Мне кажется, что да, что он должен стоять на страже такого единства и допускать полную свободу мнений и высказываний внутри партии, но не допускать разброда во внешних выступлениях.

(Признавая недопустимым в данный трагический момент...)^a

1) «за спиной партии и тайно от нее»... было положено начало «Организационного бюро левого крыла партии с.-р.»

а) Не знаю даже точно, как оно называлось — информационное или организационное... (Однако дважды было подписано организа[ионное]), только оно ничего не делало, «невинное бюро» «ничего не делало»? Однако в это бюро, о существовании которого ничего не знала партия, ничего не знал Ц.К.... «письма и телеграммы сыпались». «С просьбой информировать», «с предложениями организовать особую партию». Тов. Камков на это отвечал великодушным отказом, «удерживал от откола и раскола»... до поры до времени...

А удержало ли это бюро «левого крыла» тов. Прошьяна и Устинова⁶⁹ от намерения образовать особый комитет в Гельсингфорсе и издать газету там?⁶ А удержал ли тов. Камков С[еверный] Обл[астной] К[омитет], которого он является председателем, от противодействия «рекомендациям Ц.К.»? — (А председатель тов. Масловский, избранный членом бюро и входящий в состав группы как простой «рядовой», считался ли он с тем же?)^b А будучи членом Обл[астного] Ком[итета] и редактором [«З[емли] и В[оли]»] товарищ Камков удержался от напечатания этой декларации?

Нет, он ее порекомендовал в качестве передовой.

А известно ли было информационному бюро, что при последнем голосовании на фракции в виде исключения было предоставлено тов. Алгасову говорить от воздерживающихся, а не от меньшинства, и что против решения, наметившего только трех товарищей гов[орить] и тов. Камков, подчиняющийся голосу своей совести, а не большинству, и голосовавший против.

Ясно, товарищи, одно, что до съезда, на съезде и после съезда была у некоторых товарищей тенденция отколоться, образовать параллельную организацию и что только огромнейшими усилиями и взаимными уступками удалось этого избежать. Ясно, что при таком настроении образование «невинного бюро», куда сыпятся телеграммы и письма с запросами и предложениями разрыва, давно не стоит уже невинно и самим своим существованием питает подобную тенденцию, почему против этих невинных затей мы, имевшие связь с левой группой, так протестовали, и вот почему существование этого бюро старательно скрывали сами участники. По их же собственному признанию это бюро существовало на случай, если понадобится «организация меньшинства».

^a Слово (слова), взятое в скобки, зачеркнуто.

⁶ Нет, но тов. Камков не препятствовал С[еверному] Обл[астному] К[омитету] становиться между Ц.К. и членами партии — *прим. В.Н. Рухтера.*

^b Слова, взятые нами в скобки, вписаны автором между строк.

Б[ыть] м[ожет], они действительно предполагали, что это понадобится только на IV съезде П[артии], но кто взялся за такое оружие, тому трудно оставить его в ножнах, и товарищи обнажили его задолго до съезда.

Что собирается делать эта организация?

Вы ставили этот вопрос, товарищи, прямо и открыто и не получили на это ответа. Тов. Камков заявил, что он лично не может ответить на этот вопрос... Но, тов., на этот вопрос не отвечают все лидеры движения. Об этом они так же старательно умалчивают, как раньше умалчивали о существовании самого бюро. Они пишут: «Какую форму примет это отмежевание — не предreshалось, т.к. это в решающей степени зависело от того, какое решение примет по вопросу о правах меньшинства Ц.К.».

Но определяющим моментом оказалось, тов., не решение Ц.К., а нечто постороннее, «текущий момент», какой-то «внутренний приток» за последние дни...

Но намек на то, что они будут делать, имеется в письме: «бюро приступило к практической работе», но ведь товарищи, «практическая работа» это нечто большее, чем далее сказано в декларации, ибо ясно, «свобода выступлений» и «неподчинение руководящему большинству» не есть еще «практическая работа».

Товарищи левого крыла не договаривают чего-то, что-то конспирируют, как конспирировали ранее существование бюро...

Тов. Шрейдер⁷⁰ назвал левое крыло «совестью партии»; я не думаю, чтобы совесть партии подходило подобное нескромное поведение, такое совестливое умолчание о разных, хотя бы и «невинных бюро», и в особенности о тех целях, которые оно себе ставит.

Но оставим даже все это.

Если цель «бюро», как говорил уже не тов. Камков, а другой тов., была удержать меньшинство в партии, то это бюро не выполнило своей задачи, как раз в наиболее важный и нужный момент. И не только не выполнило, но приступило к обратной цели, во всеуслышание объявило, что приступает к «практическим работам по организации выступления меньшинства».

Этот момент[,] тов.[,] был выбран крайне неудачно. Б[ыть] м[ожет], некоторых товарищей, «когда они ходили в толпе и никто не задел», но кое-кого задевали и даже очень. Это был момент, когда «демократия действительно разделилась на две части» и стояла друг против друга по разные стороны баррикад, и откол в эту минуту равносильно переходу на другую сторону баррикад, и быть м[ожет], (этим настроением, этим крайним напряжением)^a объясняются те недопустимые выражения, которые здесь раздавались и даже встречали аплодисменты.

С.-р. говорили, что они употребляют недостойные средства, что — тактика партии позорна, что Ц.К. нужно отдать под суд, (что партия изменила своему девизу, своим заветам, интернационалу)^a ... Это все сильные выражения, но по существу они не отличаются от утверждений декларации, говорящей, что большинство партии ведет ее к падению!

^a Слова, взятые нами в скобки, вписаны автором между строк.

Тов., из этого всего может быть только один выход, если вы твердо верите в это и если это действительно так, то вопрос идет не о большинстве и меньшинстве, а о двух партиях, кому принадлежит великое наследие прошлого, кто кому может запретить все поминать великие имена, это дело дальнейшего, дело второстепенное. Вопрос стоит ясно [–] или коренного расхождения в оценке данного момента нет, тогда подчинение меньшинства большинству возможно, но тогда не надо...^а [,] не уместна подобная Вашей оценке тактики большинства, или такое расхождение есть, тогда не нужно фиговых листочков, информационных невинных бюро, а решительное открытое поведение.

Тов., атакующей, обвиняющей, агрессивной стороной является инициативное меньшинство. (Приговор)^б

Ц.К. никого за спиной не судит и никаких тайных расследований не ведет о левом крыле, и Уст[инова], и Прош[иана] выслушали раньше, чем отозвать, и не исключали, а ограничили их не в праве жительства, а в месте работы.

...Запрещают кое-что делать нам и нам даже очень грозно, ультиматум нам ставят.

(б) съезд по этому поводу, в такой момент, конечно, крайне трудно созвать, но само собой разумеется, по этому вопросу должен будет иметь свое суждение. Это неотъемлемое право каждой организации и каждого члена партии обжаловать постановления Ц.К. Но дело ведь не меняется, только С[ъезд] П[артии] может отменить постановления Ц.К. и до этого не может быть речи об отмене. Подумайте о том, что точно бы...)^в

а) убеждение –

б) съезд –

в) отмена, пересмотр решения Ц.К.

в) Решение Ц.К. ведь условно, не он должен пересмотреть свое решение, вызванное только декларацией и только в ее размерах, а лица и организация высшая.

а) Применялось, применяется, и будет это решение. Применяются, но ведь здесь именно было сделано все, чтобы отрезать этот путь у Ц.К. От него скрывали наличность такой организации, Ц.К. не был предупрежден о печатании декларации, письма в редакцию. До сих пор мы не имеем списка организаций, до сих пор не знаем, что они думают делать.

Существовала тайная организация в партии, которая в самый трагический, в самый ужасный момент русской революции, не доведя до сведения Ц.К., опубликовала в партийном органе без ведома всей редакции и всего С[еверного] О[бластного] К[омитета] свою декларацию, в которой заявля-

^а Слово неразборчиво.

^б Слово, взятое нами в скобки, написано чужой рукой.

^в Текст, взятый нами в скобки, написан поперек страницы и не закончен.

ет, что не подчиняется руководящим указаниям большинства, оставляет за собой полную свободу выступлений и приступает к практической работе.

Ц.К. предлагает всем тов[арищам] (без различия фракционных оттенков)^а, входящих в эту организацию, выйти из нее, вернуться в партию и надеется, что его призыв, призыв товарищей, искренний, будет услышан. В этот момент нам дорог каждый работник, каждый соц[иалист]-рев[олюционер]. Пусть же товарищи[,] прежде чем откалываться[,] подумают и взвесят все обстоятельства. Ц.К. призывает их. Но у него нет иного пути, он должен стоять на охране партийного единства и должен твердо сказать, что кто не желает отказаться от участия в этой новой организации, кто не желает впредь подчиняться решению большинства партии, тот сам себя ставит вне ее.

5) Трагическое положение.

А) Уместно в такой момент выступление или нет?

Объясняют, что нужно понять психологию «не могли более молчать», «часть демократии на другую»

В) Если другой выход из создавшегося положения?

а) примирение

б) съезд

в) дискуссионный орган

г) пересмотр решения.

В)^б Прав ли Ц.К. или нет («К суду Ц.К.»)^в. «Я запрещаю Вам».

а) атакующая, а не страдающая сторона

и не тайная организация

1) к суду Ц.К.

2) ведет к падению

3) позор

б) тайные расследования, суды, комиссии

в) не допросив, Устинова и Прошьяна судили

На мой вопрос, выходит ли он из этой организации...

Бюро невинно, но тайно...

Манифест Бунакова (их не исключили ведь) — но это до съезда...

«Воля Народа» Лебедев⁷¹, бюро не помню, как оно ни называлось.

(Письма и телеграммы сыпались в это (тайное бюро), мы ничего не отвечали... Но ведь это и есть организ[ация])

Что сделать, чтобы не исключить...

Никакой организации нет — отлично...

Скорострельное решение...

Что в дальнейшем будем делать, не знаю.

Суждение Ц.К. о З. и В^г.

Ильинский...

«Ошибка с двух сторон»...

^а Слова, взятые нами в скобки, вписаны автором между строк.

^б Сбой буквенной нумерации в документе.

^в Слова в скобках зачеркнуты.

^г Газета «Земля и Воля».

Ошибка и поспешная декларация...
«Лозунг» оставили...
Не приглашены были товарищи для обсуждения...
«Только в последний момент принимать решительные меры»...
Организ[ационное] единство...
Как его охранять...
Убеждение

Рукописный оригинал. Записи сделаны карандашом на одной половине листов большого формата, сложенных пополам. Дата не указана, документ датируется по содержанию.

№ 4

Записка неизвестного лица

[июль 1917 г.]

Дорогие А. Мих. и Прош.^а
Мой лучший привет.

Необходимо сюда приехать Вам для того, чтоб все узнать. Надо подчиниться резолюциям съезда. Приезжайте непременно сюда. Это крайне необходимо. Ваши письма я показала т. Рихтеру для того, чтоб доказать ему, что опасения Ц.К. крайне преувеличены. Я узнала поздно о его поездке и потому не могла Вам написать.

Екат. Наум.^б

Рукописный оригинал — маленькая записка карандашом, без даты. Датируется по содержанию.

№ 5

Черновые наброски В.Н. Рихтера для доклада ЦК ПСР на VII Совете ПСР

[ранее 9 августа 1917 г.]

(Как Вам известно третий съезд)^в

3 июня состоялось в Москве 1-ое заседание Ц.К., а 10 июня только что сконституировавшемся Ц.К. уже пришлось выступить с призывом

^а А.М. Устинов и П.П. Прошьян.

^б Лицо не установлено.

^в Слова в скобках зачеркнуты.

против тех «авантюристических попыток захвата власти»⁷², к[о]т[о]рые были отвергнуты и осуждены III съездом партии.

Высказываясь против предполагавшегося выступления большевиков, Ц.К. подчеркивал, что подобные выступления (могут лишь вызвать)^a б[ыть] м[ожет] помимо участников играют в руку контрреволюции.

Демонстрация эта была большевиками^b отменена, но к сожалению[,] меньшевикам захотелось отпраздновать свою победу устройством другой демонстрации 18 июня, употребляя все усилия, предвидя печальные результаты подобной демонстрации, чтобы ее отменить, но к сожалению в С.Р. и С.Д. восторжествовало противоположное мнение. Не желая сеять рознь между демокр[атами], Ц.К. решил принять участие в демонстр[ации], к[о]т[о]рая, к сожалению, оправдала его опасения и была демонстрацией далеко не в том духе, как хотели меньшевики, дав место эксцессам, событиям на даче Дурново и вызвав необходимость решительных мер.

Ввиду того, что событиями готовы были воспользоваться для устройства новых демонстраций, 20/VI Ц.К. заявил, что «пора положить конец этому угрожающему всем завоеваниям революционного народа натиску темных сил, к[о]т[о]рым нет места в рядах организованной и дисциплинированной армии труда».

(В первых числах июля)^a

21 числа началось наступление на фронте, вызванное по заявлению тов. Керенского явной опасностью нападения со стороны немецкой армии.

В части партии это наступление вызвало протест и предст[авителям] Ц.К. пришлось неоднократно^b указывать на резол[юции] III съезда, «считавшие недопустимым внесение в армию демагогической проповеди отказа от всякого движения вперед из окопов и неповиновения распоряжениям револ[юционного] правительства».

(События 3–5 ию[ля])^a

Уход кадетов из министерства и последовавшие события 3–5 июля⁷³ вновь поставили перед Ц.К. вопрос о власти и мерах борьбы с контрреволюционными попытками как справа, так и слева, и развалом армии.

Необходимость решительных мер была очевидна и, чтобы по возможности не отдать всю власть во время борьбы в (такого положения дел создавалось недостаточное обслуживание целого ряда дел, перегруженность работой отдельных товарищей, невыполнение иногда весьма важных и ответственных задач) руки штаба, Ц.К. делегировал для наблюдения за действиями военной власти тов. Гоца и Авксентьева в Гл[авном] Шт[абе] и усилил свое представит[ельство] в военной комиссии С.Р. и С.Д. тов. Герштейном, отдав во временное распоряжение этой комиссии те военные силы, к[о]т[о]р[ые] были под влиянием партии.

^a Слова в скобках зачеркнуты.

^b Слово вставлено над строкой.

Что касается состава власти и энергичных мер борьбы с анархией, контрреволюцией и развалом армии, то центр[альный] комитет в своем большинстве пришел к выводу, что после ослабления и без того недостаточно организованных сил демократии, благодаря событиям 3—5 июля, является нежелательным «советское министерство» и явно желательным министерство кадетское.

Что требуется безотлагательно энергичная борьба со всеми контррев[олюционными] попытками, неотложное и энергичн[ое] провед[ение] мер в аграрной области и т.п.

С таким же призывом поддержать правительство выступил Ц.К. 12 июля⁷⁴.

12 июля перед Ц[ентральным] Ком[итетом] стал вопрос о тов. Чернове, когда в результате обсуждения решено было предъявить ультиматум Вр[еменному] Пр[авительству], напечатанный 23 июля⁷⁵.

21 июля.

Выносится резолюция о поручении Керенскому составить новое министр[ество], к[от]орое должно действовать в духе декларации 8 июля.

Таковы были выступления Ц.К.

Непосредственное участие в работе временного правительства выразилось след[ующим] образом.

I. Во Врем[енном] Прав[ительстве].

II. В Правит[ельственной] Комисс[ии].

III. В демокр[атических] орг[анизациях].

A) Междун[ародная] политика.

B) Партийная работа

Комиссии

Органы

Издательство

Сборы — финансы.

C) Охранение партийного единства.

Для разрешения вопросов, намеченных III с[ъездом] п[артии] и выдвинутых жизнью, при Ц.К. было образовано (под наблюд[ением] членов Ц.К. с привлеч[ением] специалистов)^a двенадцать комиссий, из которых пять 1) военная, 2) по организационному уставу, 3) по Учредит[ельному] собр[анию], 4) аграрная и 5) муниципальная б) по созыву Совета Партии представили свои доклады партии.

1) Финансовая комиссия за этот период произвела миллионный заем в народном банке для партийных нужд, издательской деятельности и кампании по Учредит[ельному] Собр[анию]. Для уплаты этого долга предполагалось воспользоваться ежемесячными отчислениями, произвести внутренне-партийный заем, и еженедельный сбор в Петрограде и кроме того произведен был июльский партийный рублевый сбор и «день ПСР» (15 июля).

^a Слова, взятые нами в скобки, вставлены над строкой.

Финансовая комиссия считает своим долгом провести в уставе партии след[ующий] пункт.

2) Издательская комиссия могла приступить к работам лишь сравнительно недавно, когда удалось приобрести типографию

3) Иногородняя была затруднена в своей деятельности постановкой у нас почтово-телеграфного узла и отсутствием свободных сил для объезда организаций.

По рабочему вопросу...

Партия кроме того была представлена на 1) съездах С.Р. и С.Д., 2) на кооперативном, 3) профессиональном, 4) железнодорожном, 5) национальных партий и т.п.

Кроме издания Ц[ентрального] Органа, к[от]о[ро]му был нанесен на первых же порах тяжелый удар самим Ц.К., делегировавшим тов. Ракитникова в М.З.⁷⁶ и тов. Русанова за границу (и за к[от]о[рым] последовал уход тов. Ив[анова]-Раз[умника]), при Ц.К. издается орган муниципальной комиссии «Самоуправление», была назначена редакция для дискуссионного еженедельника, готовится издание «Партийн[ых] Известий» и кроме того члены Ц.К. делегировали в «З[емлю] и В[олю]», «Р.Н.»⁷⁷, в «Зн[амя] Тр[уда]»⁷⁸.

Выдана также субсидия на «Труд»⁷⁹, оказан кредит «З[емле] и В[оле]» и т.п.

Крайнее обострение многих вопросов политики и тактики, наплыв многих элементов в партию самых разных настроений[,] от бывших макс[ималистов] начиная и кончая трудовиками и народно-социалистами⁸⁰, если не привито требование от Ц.К. энергичной защиты единства партийных выступлений, неуклонного выполнения резолюций, принятых III С[ъездом] П[артии] Предохранение партии от распыления. Исходя из этих соображений[,] Ц.К. постановил и просит VII совет партии подтвердить это постановление.

На основании этого постановления 1 июля была вынесена Ц.К. следующая резолюция.

Кроме того, как известно, 9 июля в газете «Земля и Воля», (издав[авшейся] сев[ерным] обл[астным] комитетом)^a, появилась передовая статья, подписанная организ[ационным] бюро, фракц[ией] левых с-р в СР и СД и СКД.

Ц.К.[.] решительно высказавшись против подобных выступлений[,] ведущих к партийному расколу[,] и заявив, что эти организации, отказывающиеся подчиняться партийной дисциплине, ставят себя вне партии, в то же время призвал тов. с-р выступить из этих организаций и вернуться в партию, (что было тов. в ближайшее в большинстве)^b.

Призыв нашел себе отклик у тов. и в настоящее время этот печальный инцидент, вероятно, можно считать исчерпанным...⁸¹

^a Слова, взятые нами в скобки, вставлены над строкой.

^b Слова в скобках вычеркнуты автором.

Не менее печален был случай с тов. Прошианом и Устиновым, не подчинившимися отозванию из Гельсингфорса со стороны Ц.К. и тем поставившими себя вне партии⁸².

Подводя итоги[,] Ц.К. должен констатировать, что крайне ненормальные^а политические условия, в которых в течение этих двух месяцев протекала его деятельность (и отсутствие достаточ^б) (мешало его планомерной, творческой работе)^б, быстрый рост партии[,] не соответствующий численности партийных сил, необычайное расширение сферы партийной работы мешало планомерности, организованности обслуживания и направления партийной жизни и[,] в частности[,] связи с местами посредством объездов.

Что благодаря тем же явлениям, Ц.К. далеко не в той мере[,] в какой было желательным[,] и далеко не всегда мог быть в контакте с Вр[еменным] Прав[ительством] и влиять на его политику.

Что же касается сохранения организационного партийного единства и проведения в жизнь постановления, к[а]к III съезда, т[а]к и совета партии, Ц.К. просит VII [совет] партии утвердить те постановления, к[о]т[о]рые он внес на его рассмотрение.

Рукописный оригинал на листках в клетку из записной книжки. Дата не указана, документ датируется по содержанию.

№ 6

Протокол утреннего заседания VII Совета ПСР

9 августа 1917 г.

Мы встречаем противодействие не только со стороны буржуазии и промышленников, но и со стороны армии, в ее офицерстве, во многих случаях вышедших из помещичьей среды. Я полагаю, что политика Мин[истерства] Землед[елия] может встретить возраженье со стороны цензовых элементов и армии, а также и со стороны Вр[еменного] Прав[ительства]. Мало того, организацией Земельных Комитетов и их деятельностью недовольно и Мин[истерство] Продовольствия, регулярно осаждая Министерство заявлениями, что Земельные Комитеты вносят разруху в продовольственное дело. На местах наблюдаются контры между с.р., работающими в разных учреждениях. Земельные комитеты в восторге от своих работ, а из этих же губерний члены Продовольственных и с.р. комитетов, жалуются на Земельные, т.к. они портят им все дело. Я

^а Два слова вписаны над строкой.

^б Слова в скобках вставлены над строкой, а затем вычеркнуты автором.

полагаю, что для осуществления законоположений Мин[истерства] Земледелия должно или можно проводить их через Вр[еменное] Прав[ительство], в противном случае будет еще большая разруха.

Руднев. Предлагает заседание закрыть, доклады, резолюции и прения перенести на завтра.

Чернов

Мартюшин⁸³. Предлагаю организационный устав предварительно не рассматривать, а передать Ц.К. для рассылки по местам для материала.

Цион⁸⁴. Товарищи! Комиссия по Финляндскому вопросу не собралась, между тем положение очень серьезно, из телеграммы известно, что Сейм решил возобновить свои занятия, порвав с Вр[еменным] Прав[ительством], которое своей политикой само толкает Финляндию на разрыв с Россией. Вопрос, товарищи, важный и злободневный. 16/VIII Сейм соберется, а между тем[,] мы с.р. не получили директив от Совета.

Мохов. Я предлагаю сделать доклад в Ц.К., а не здесь.

Алгасов. Мы считаем себя обязанными перед Финляндией рассмотреть этот вопрос на пленуме. На III Съезде нам некогда было заняться многими делами, на Совете я не вижу оснований скидывать с рассмотрения некоторые вопросы и между прочим финляндский.

Сорокин. По-моему[,] нам необходимо выслушать доклад Ц.К. и выработать организационный устав, без которого партия не сможет жить и работать. Когда мы еще соберемся, неизвестно, а ведь без устава мы не знаем, чем руководствоваться в работе.

Зак. Мы предлагаем к следующему Совету подготовить доклады от финансово-экономической, аграрной и рабочей комиссии. Эти вопросы важны, ведь мы их решаем на скорую руку. Ц.К. должен созвать частное совещание к следующему съезду для подготовки материалов по этим вопросам.

Фейт⁸⁵. Товарищи, мы не можем обсуждать все вопросы, я предлагаю для ускорения времени наметить наиболее важные вопросы. Т. Мохов думает, что нужно начать заседание с 3-х часов и уже вести до окончания.

Рихтер. Товарищи! Я думаю, что нет особой нужды останавливаться на непосредственных условиях работы Ц.К.

Вы должны считаться с атмосферой обострения общей жизни и в партии. Вы знаете, что Ц.К., выбранный III Съездом, заседавший в Петербурге 10/VI, на первом же заседании должен был заниматься не столько внутренним распорядком в партии, сколько [борьбой] с предстоящим движением большевиков. Тогда Ц.К. выпустил прокламацию, указав в ней, что подобные выступления готовят помимо желания участников, почву для контрреволюции. Не было ни одного события политической жизни, не отразившегося в работе Ц.К. После 10/VI следующее заседание Ц.К. было посвящено 18/VI. Большевики отказались от своего выступления, тогда Вер[ховный] Сов[ет] С. и Р.Д. решил показать свою мощь, призвав большинство к выступлениям 18/VI. По этому поводу Ц.К. высказался, что он считает это выступление ошибкой и примет все меры, чтобы удержать демократию от этого шага, предвидя печальные последствия. Все это не помогло, последовало выступление 18/VI, приведшее к печальным результатам, к событиям на даче Дурново. 20–21 июня Ц.К. указывал на необходимость

прибегнуть к самым решительным мерам, что не должно быть места подобным событиям в рядах дисциплинированной демократии. Затем следующее явление колоссальной важности: было 21/VI объявлено Керенским о наступлении⁸⁶. России угрожало нападение со стороны врага, нужно было это предупредить и Ц.К. не делал по этому поводу выступлений, т.к. считал себя не компетентным в этом. В конце этого же месяца Ц.К. принужден был обсуждать вопрос о компании К.Д. против министров-социалистов. Разразился кризис власти после ухода некоторых лиц, события 3–5 июля. Ц.К. по поводу этих событий пришлось высказаться... учредить при Ц.К. военную организацию, делегировать от Ц.К. товарищей для наблюдения над Штабом. Все время Ц.К. находился в контакте с С.Р. и С.Д. Ц.К. стал на точку зрения решительных мер для борьбы с нарождающейся анархией. Относительно состава власти Ц.К. нашел, что после удара 3–5 июля он находит нежелательным переход власти целиком ни в руки Советов, ни в руки буржуазии, приемлемой формой он нашел коалиционное министерство и все время стоит на этой точке зрения. В заседании от 12/VII Ц.К. выступил с заявлением о необходимости решительной борьбы против анархии слева и контрреволюции справа, ускорения проведения аграрных реформ и решительной политики в международных отношениях⁸⁷. 20/VII перед Ц.К. встал вопрос об уходе из Министерства Чернова. Усматривая со стороны к.д. желание бороться против всей нашей аграрной программы, но не желая создавать новый министерский кризис, Ц.К. счел необходимым, чтобы обвинения против Чернова были ликвидированы в 2–3 дня, и на это время отозвать его из состава Вр[еменного] Пр[авительства]. 21/VII на Совете в Зимнем Дворце Ц.К. вынес следующую резолюцию (...)

Кроме того я должен отметить участие наших товарищей во Вр[еменном] Прав[ительстве]. Кроме делегированных III Съездом Чернова и Керенского, Ц.К. посылает Ракитникова в Мин[истерство] Зем[леделия] на пост тов[арища] министра, утверждает Авксентьева на пост министра Внутр[енних] Дел.

Сейчас, товарищи, вам будет оглашен список делегатов в Учред[ительное] Собрание⁸⁸.

Вишняк читает.

Ц.К. считает необходимым присутствие своих членов в организациях революционной демократии. Когда стоял вопрос об объединении С.Р. и С.Д. с Сов[етом] Кр[естьянских] Деп[утатов], Ц.К. высказался, что для авторитетности этих органов должно быть объединенье, то пожеланье Ц.К. было проведено, оба Совета соединились в общее заседание для решения актуальных вопросов.

Теперь перейдем к международному положению. Ц.К. требовал от правительства, чтоб была более определенная политика в духе советских постановлений (читает).

Практические меры Ц.К. (читает).

Ракитников не ...^a по болезни, Русанов делегирован на международную конференцию. Вот все наши выступления по международному

^a Слово не разобрано.

вопросу. Подводя итоги нашей политической деятельности, я должен указать на следующее. Ненормальная обстановка всей страны и Вр[еменного] Пр[авительства] привели к тому, что много ответственных решений Пр[авительства], благодаря перегруженности работой как Вр[еменного] Пр[авительства], так и отдельных членов Ц.К., дали на практике печальные результаты. Не всегда, как было желательно Ц.К., он находился в контакте с Вр[еменным] Пр[авительством]. Я перехожу к рассмотрению вопросов, намеченных III Съездом, разрешенных Ц.К. Для большей продуктивности работы Ц.К. отдельные комиссии (читает).

Издательская комиссия для покрытия расходов сделала заем в Народном Банке. Товарищи, нужно помнить, что добротные даянья закрыты для нас раз навсегда, партия должна существовать на свои средства, нам нужно сделать внутривнутрипартийный заем и сделать постановление, что организации, не производящие регулярных отчислений, не имеют права участвовать на собраниях и конференциях. (Дальше с стенограф^а.)

Деконский⁸⁹. Я бы хотел поставить докладчику следующий ряд вопросов.

Рукописный оригинал. Записи сделаны карандашом на одной половине листов большого формата, сложенных пополам. Дата не указана, документ датируется по содержанию.

№ 7

Доклад В.Н. Рихтера на утреннем заседании VII Совета ПСР

[9 августа 1917 г.]

Следующим мероприятием финанс[овой] комиссии было провести первоиюльский сбор среди членов Партии. Этот сбор имел кроме финансовой еще стратегически-политические соображения. Мы предполагали, что ...⁶ членов Партии мы будем иметь верные статистические материалы Партии, кот[орая] даст возможность о расположении^а наших сил в разных местах.

К сожалению, многие организации не сделали отчет[,] и я уверен, что многие члены Партии не внесли этот рубл[евый] сбор — результаты неизвестны (голоса с мест: сбор еще продолжается).

Мы еще полных отчетов о сборе не имеем.

2-я мера сбор денег. Партии нужны для партийной работы.

^а Так в документе.

^б Пропуск в тексте документа.

Результаты этого сбора я также не могу сейчас Вам сообщить. Я должен указать, что во многих местах организации, получивши сбор, обнаруживают нежелание расставаться с ним, мотивируя, что деньги необходимы на местах. А между тем они необходимы Ц.К. для кампании в Учр[едительное] Собр[ание] и для погашения долга. Получается, что не Ц.К. живет на счет периферии, а наоборот.

Издат[ельская] Комиссия могла приступить к работе в самое последнее время по некот[орым] условиям: у нас не было помещения и типографии, на кот[орые] нужны были деньги. Теперь мы имеем большую типографию и можем широко развернуть издат[ельскую] работу, кот[орую] хотят поставить: Зензинов, ...^a Наиболее завалена работой, и не плодотворной, иногородняя комиссия, кот[орая] находилась в затруднительном положении за отсутствием[,] во[-]1-х[,] почтового сообщения и[,] во[-]2-х[,] недостаточности партийных сил.

Партия растет колоссально, но количество сил не соответствует росту качественному, появляются новые партийные потребности, а у нас не хватает пропагандистов, агитаторов, знакомых с работой в Партии.

Лучшие парт[ийные] силы поглощены министерствами, Сов[етами] Раб[очих], Солд[атских] и Кр[естьянских] Деп[утатов], Дума, управы — муниципальная жизнь, и у нас в Партии сил не хватает и Ц.К., целью которого является объезжать места и создавать связь, был не в состоянии этого сделать. Перманентные заседания[,] с одной стороны[,] и с др[угой] стороны[,] перегруженность работой парт[ийных] сил привела к тому[,] что иногородняя комиссия могла послать только 3-х представителей на места: Архангельского в Казань, Бунакова в Севастополь, Рихтер[а] в Гельсингфорс.

Целый ряд комиссий делает доклады по вопросам аграрным, военным, по организационному уставу и комиссия по созыву Съезда, поэтому я не буду на этом останавливаться.

Кроме того, Партия была представлена на Железнодорожн[ом] Съезде в лице Крушинского⁹⁰ и Черепанова⁹¹, а также дважды Гендельманом. Кроме издания центрального органа, партии нанес в первый же день удар Ц.К. тем, что делегировал т[овари]ща Ракитникова на пост товарища министра земледелия и Русанова за границу: на срок конференции.

Кроме того была назначена муниципальная комиссия, издающая журнал «Самоуправление», была затем выбрана редакция дискуссионного органа из Камкова, Сорокина и ...⁶

Ц.К. готовится издавать «Партийные известия».

Член Ц.К. был делегирован в ред[акцию] «Земли и Воли» — Архангельский.

Была оказана поддержка провинциальному издательству «Труд» и др[угим] издательствам — дана субсидия и открыт кредит.

^a Пропуск в тексте документа.

⁶ Обрыв текста в документе.

Я теперь должен перейти к вопросам внутрипартийным и должен подчеркнуть то печальное явление, с кот[орым] нам пришлось считаться — то же обострение политических вопросов и течений, кот[орые] привели к обострению отношений членов в Партии и здесь, к[а]к финан[совой] комиссии я предлагаю Совету Партии следующее постановление, чтобы дать Ц.К. дальше проводить постановления 3-го Съезда — сохранить единство Партии. В виду невозможности распыления партии и необходимости парт[ийного] единения и сплоченности, Ц.К. предлагает следующее:

- 1.
- 2.
- 3.^a

... Мы просим утвердить тот пункт, из кот[орого] исходил Ц.К., постановление, что орган «Воля Народа» «не будучи...»^б

... Этому постановлению Ц[ентрального] Ком[ите]та газета «Воля Народа» в большей части подчинилась, был снят аншлаг «орган ПСР», но забыли снять партийный лозунг.

Затем в органе Сев[ерного] Областного Комитета «Земля и Воля» 9, 7 июля появилась декларация, подписанная организационного бюро^в левого крыла ПСР, где говорилось о том, что подчиняясь Партии и сохраняя организационную связь, оно не нах[одит] возможным подчиниться ... (читает).

Ц.К., рассмотрев и найдя, что декларация ведет к расколу, распылению, постановил, что этим заявлением эти товарищи ставят себя вне Партии, при этом предложил товарищам, подписавшим декларацию, выйти из Бюро и тем самым вернуться в Партию, что ими и было исполнено.

Затем в эти же дни были другие нарушения партийной дисциплины. Из Гельсингфорса поступило [в] Ц.К. заявление по поводу выступлений Устинова и Прошьяна не в духе 3-го Парт. Съезда. После делегирования в Гельсингф[орс] Ц[ентральным] Ком[ите]том одного из товарищей Устинов и Прошьян были вызваны Ц[ентральным] Ко[мите]том для объяснения и Ц.К. заявил Прошьяну и Устинову, что ввиду острого момента, особой важности Гельсингфорса и опасности в стратегическом отношении для Петрограда Ц.К. не считает возможным брать на себя ответственность за их работу, отзывает из Гельс[ингфорса]. И предлагает взять работу где-нибудь в др[угой] области, а если они не подчинятся и будут продолжать работать там, то они тем самым поставят себя вне Партии.

К сожалению, т[овари]щи Прошьян и Устинов продолжали работать там и тем поставили себя вне Партии С.-Р.

Вот, т[овари]щи, в каком положении дело Прошьяна и Устинова. В дальнейшем они были арестованы, было заявлено, что они числятся в походной канцелярии т[овари]ща Керенского, был сделан запрос и отвечено, что они не числятся за его походн[ой] Канцелярией, но содержатся следственными властями.

^a Текст в пунктах отсутствует.

^б Обрыв текста в документе.

^в Так в документе.

Итак, т[овари]щи, я подчеркиваю, что мы, считая неблагоприятные условия, полит[ические] события, недостаток сил, созданся ряд ненормальных условий работы Ц[ентрального] Ком[ите]та. Они не были так планомерны и систематичны, как могли бы быть. И прежде всего я желаю подчеркнуть, что 1) Ц.К. находился в недостаточном контакте с Вр[еменным] Правительством; 2) что Ц.К. не может во многих областях обслуживать Парт[ийную] жизнь, что во многих случаях деятельность его была недостаточной, и в особенности Ц.К. считает ненормальным то, что он оторван от мест и не имеет с ними связи. Члены Ц. Ком[ите]та д[о] с[их] п[ор] не могли объехать всю Россию.

Вот, т[овари]щи, все, что я имел сообщить.

Рукописный оригинал. Записи сделаны карандашом на одной половине листов большого формата, сложенных пополам. Дата не указана, документ датируется по содержанию.

№ 8

Из газеты «Дело Народа»

10 августа 1917 г.

VII СОВЕТ ПАРТИИ С.-Р.

На вчерашнем утреннем заседании тов. В.Н. Рихтер выступил с докладом о деятельности Центрального Комитета и ответил на ряд заданных ему вопросов.

Маленькая вырезка из газеты. Дата написана от руки.

№ 9

Заключительное слово В.Н. Рихтера на VII Совете ПСР

9 августа 1917 г.

Т[овари]щи, я постараюсь не утруждать вашего внимания и быть кратким. Т[овари]щи, мне кажется, что здесь, в замечании М. Спиридоновой⁹² было сказано очень много верного и, быть может, случайно было брошено одно из коренных отличий ЦК и крайнего левого течения. М. Спиридонова говорила о диктатуре и говорила, что дальнейшее ведет Россию к гибели. ЦК необходимо было дать правительству полноту

власти, и, если хотите, Мария Ал[ександровна,] дать эту диктатуру, если это есть известный выход из создавшегося положения. И вот на этом, т[овари]щи, основывается коренное расхождение, куда мы идем — вот крик не только М[арии] А[лександровны], но передающийся большинству Партии, крик ужаса перед тем, что теперь творится в России и перед тем, что делать. Этот крик ужаса я целиком разделяю с М[арией] А[лександровной], и все разделяют, я думаю. Разница в том, мыслимы ли или нет др[угие] условия. Наш ЦК сегодня не обвиняли в том, что мы дали Правительству полноту власти. Вы должны сказать, что здесь ЦК предостерегал от ошибок демократии, что он отказался от критики, дав Керенскому большие полномочия, ограничив лишь декларацией 8 июля, указывая при этом на необходимость репрессий с анархией слева и контрреволюцией справа. М[ария] А[лександровна] мимоходом бросает замечание, но мы, т[овари]щи, не находим выводов из него, он основан на мелочах недостаточных; Вы говорили о смертной казни, М[ария] А[лександровна], можно говорить о репрессиях, с ужасом от них отворачиваться, но в таком случае — диктатура. Вот в этом отношении ЦК может обвиняться в том, что он дал полноту власти Вр[еменному] Правительству и об отдельных мерах он не имел суждения; если Правительство выйдет из общих мер, ЦК отзовет своих членов. Затем говорили о наступлении. Здесь я уже совершенно не понимаю М[ария] Ал[ександровна], Правительство указало, почему оно желает наступления. Можно рассуждать, правильно ли это или нет, верно или нет, но обвинять ЦК в том, что он в ту минуту санкционировал наступление (?)^а нельзя. ЦК не страгел, их всего 20 человек и в стратегии они ничего не понимают и их решение не компетентно и не имело бы значения. Этот вопрос чреват последствиями и компетенция ЦК не подлежит. Затем, исходя из своей точки зрения, Вы спрашиваете: в какой степени Керенский подотчетен Ц[ентральному] Ком[итету]. В данный момент только в том, что он проводит политику декларации 8 июля, и до сих пор он этих директив не изменяет. Угодно ли будет Совету дать другую директиву — тогда он будет подчиняться ей.

Был ли Керенский в ЦК — и часто?

Он бывал чрезвычайно редко, но никогда не уходил, не давая отчета о положении дел, т[овари]щи давали отчеты [—] и Авксентьев и Ракитников. Действительно, тов. Керенский бывал редко, и мы принимали все меры к тому, чтобы он бывал чаще, но не совсем настаивали на этом, т.к. знали, что Керенского вообще поймать чрезвычайно трудно, и знали, что он перегружен работой. Я думаю, что больше сказать Ц[ентральному] Ком[ите]ту, чем сказал М.А. Натансон, нельзя, но он вообще сказал совершенно для меня неожиданное, что мы не имеем возможности для поддержания партийной дисциплины применять других мер, кроме насилия. Мы, к сожалению, не имеем возможности применять меры настоятельнее (Спиридонова с места: к сожалению!). Да, к сожалению! Он,

^а Знак вопроса стоит в документе.

должно быть, думал о товарищах, которые говорят, что им не дают высказываться публично и в печати не подвергают теоретическому разбору оба направления (?)^a. Вопрос может быть о ежедневных газетах, о листках и изданиях для широких масс. Ясно, что здесь нет места теоретической разработке партийной мысли. Газета — лозунг, это призыв ежедневной прессы. Вот почему ежедневная газета стоит на иной почве, чем теоретическая разработка.

И вот почему ЦК сразу поставил вопрос о том, что он не считает необходимым отводить место для дискуссии в ежедневной газете. А никто не задает вопроса, почему мы до сих пор не создали дискуссионного органа. В этом наша вина, а ведь я указал, что были выбраны редакторы дискуссионного органа, в котором должны были кристаллизоваться все оттенки партийной мысли, но ни тов. Камков, ни тов. Сорокин не сделали того, что предполагалось. Сорокин обвинил нас в том, что ЦК хотел издавать организационный устав (?)^a не спросив совета Партии. Думал ли Пит[ирим] Сорокин, что это значит? Т[овари]щи, организац[ионный] устав необходим, но в нем должно быть проведено единство Партии, может быть только одна партийная организация. И, тов[ари]щи, можно создавать дискусс[ионный] орган, но когда в одном городе существуют 2 газеты, 2 организации, и одна говорит одно, а др[угая] другое, когда одна говорит, что надо поддерживать Вр[еменное] Правительство, а другая, что нет, когда одна говорит, что нужен Заем Свободы⁹³, а другая против него, то это уже не различие теоретической мысли, а распыление Партии.

Когда во фракциях решаются вопросы, то фракции в Сов[ете] Раб[очих] и Кр[естьянских] Д[епутатов] дают директивы Вр[еменному] Прав[ительству], и важно, чтобы они были представлены не мнением меньшинства, а единой партией (?)^a.

Мы стоим за свободу выступлений во фракции, члены фракции могут выступать по мотивам голосования со своим мнением, но мы требуем, чтобы люди, не согласные с мнением фракционного большинства, не голосовали против, а воздержались бы (голоса: а высказываться?)... Вы говорите перед квалифицированной массой, бросаете лозунги, говорите на митингах, — свобода мнений, но единство выступлений.

Теперь об Устинове и Прошьяне. Я думаю, что тов. Камков, конечно, тем, что он сказал, не имел совершенно в виду бросить мысль, против которой выступил Валер[иан] Викт[орович] Лункевич], он имел в виду сказать, что ЦК должен был оставить исключенных Уст[инова] и Прошьяна, т.к. их могли бы арестовать. Конечно, ЦК не знал, что т[овари]щей Уст[инова] и Прошьяна арестуют. В тот же самый день Камков и Алгасов поставили себя вне партии.

Т[овари]щи Уст[инов] и Пр[ошьян] были арестованы, но ЦК здесь ни при чем. Принимали чрезвычайные меры, чтобы выяснить причины их ареста и сделать запрос Вр[еменному] Пра[вительству] и кто желает знать об этом, должен обратиться к ответственной власти.

^a Знак вопроса стоит в документе.

М. Натансон поднял вопрос об обратном возвращении их в Партию. Решение этого вопроса зависит от Совета Партии и вы, т[овари]щи, знаете, конечно, что ЦК приведет в исполнение.

Когда будет обсуждаться организ[ационный] устав Партии, который должен быть выработан здесь, т[овари]щи, и навсегда установлен, тогда обвинение ЦК за проявление ...^a отпадает, мы вносим пункт, что должен быть создан один дискуссионный орган и, может быть, Совет поможет нам в создании его. (Читает постановл[ение] ЦК). Вопросы разрешаются фракциями и т.д.

ОТВЕТ РИХТЕРА

Товарищи! Из целого ряда поставленных мне вопросов есть такие, на которые удобнее будет, чтобы ответили те комиссии, кот[орые] ими занимаются. Военной комиссии есть ряд вопросов, который специально ею разрабатывался, и представитель В[оенной] К[омиссии] должен сделать доклад[,] по национальным вопросам национальная комиссия может дать более исчерпывающий ответ, чем я, есть вопросы, касающиеся редакции, финансовые, и есть вопросы, ответ на кот[орые] даст иногородняя комиссия. Следовательно, или вы получите эти ответы после, или вы[,] м[ожет] б[ыть,] желаете, чтобы комиссии дали ответ сейчас? Тогда вам остается либо заслушать от меня сейчас же ответ на ряд вопросов, имеющих отношение к докладу Цент[рального] Ком[итета], либо сделать перерыв на 5 мин, чтобы иметь возможность распределить ответы по комиссиям.

Перерыв

Ответы на вопросы.

Т[овари]щи, я отвечу на ряд вопросов, имеющих отношение к общему докладу Ц.К., а по другим вопросам ответят представители отдельных комиссий.

Прежде всего необходимо выяснить, каково отношение ЦК к Врем[енному] Пр[авительству].

Т[овари]щи, я указывал уже на то, что ЦК ПСР действует самостоятельно, как он привык делать, всегда делал и будет делать, не подчиняясь никаким другим фракциям. Я считаю вопрос т[овари]ща Штейнберга⁹⁴ недостойным и отвечать на него не буду.

ЦК вынес следующую резолюцию: он вполне доверяет Керенскому, — с привлечением всех членов, готовых работать под председательством Керенского.

Вместе с тем был указан модус и дань, директивы членам Партии, входящим во Вр[еменное] Пр[авительств]о, по которым они будут работать, постановлено также, что Правительство должно вести энергичную войну против контрреволюции справа и слева и проводить надлежащую политику в борьбе с анархией и контрреволюцией, не останавливаясь перед решительными мерами... Вот же общие директивы,

^a Так в тексте.

кот[орые] были указаны в прокламации от 11 июля, поэтому ЦК за отдельные конкретные мероприятия ответственности не несет, он несет ее за общую политику Вр[еменного] Правительства, и если он найдет, что общая политика Вр[еменного] Прав[ительства] разоидется с постановлениями с.-р., то тогда он может отозвать своих членов, а в отдельные мероприятия он не входил, этим объясняется мера о смертной казни и поэтому вопрос о смертной казни Цент[ральным] К[омитетом] не обсуждался.

Затем степень участия Керенского... мы дали ему директивы и следили за тем, чтобы он действительно не уклонялся от этих директив, а потому отдельных поручений министрам не делали (?). Затем относительно наступления. Знал ли это ЦК? Он этого не знал, но если бы и знал, то ничего бы не сделал значительного, что со стороны ЦК обязательно (?) для Военного Министерства. Да кроме того это не подлежит обсуждению Ц[ентрального] К[омитет]а.

Делали ли доклады о своей деятельности Ц[ентральному] Ком[итет]у наши т[овари]щи министры и часто ли?

Да, в различной мере делали, одни часто, другие реже, третьи редко.

Меня это мало интересует, я думаю, что это происходило от того количества времени, кот[орым] наши товарищи-министры располагали.

Делал ли ЦК попытки к тому, чтобы контакт между членами Вр[еменного] Правительства и ЦК был более тесным, чтобы посещение членами Вр[еменного] Правит[ельств]а Ц[ентрального] Ко[митет]а было более частым?

Да, делали, стремились, добивались, но удавалось не всегда.

Кто был делегирован ПСР; были указаны лица: тов. Лебедев и Савинков⁹⁵.

Товарищи, я дам на это ответ. Были делегированы т[овари]щи Чернов, Ракитников, Керенский и санкционирован Авксентьев.

Было заслушано и принято к сведению о назначении Гуревича⁹⁶ товарищем министра внутренних дел, и не был делегирован тов. Савинков, не являющийся ярким выразителем мнений ПСР.

Относительно Савинкова. Ц.К. доводил до сведения Керенского, что считает нежелательным назначение Савинкова на пост к военному министру. Это было указано, но в дальнейшем не могло быть сделано, т.к. это делал Керенский (?).

Относительно сейма. ЦК суждения по этому вопросу не имел и не высказывался. Вот члены Вр[еменного] Правительства с. р. высказались за роспуск сейма. Относительного особого совещания по аграрному вопросу, выступит председатель комиссии.

Относительно Стокгольма. Что сделал Ц.К., чтобы правительство относилось благоприятно к конференции?

Представители наши в Совете настоятельно требовали, чтобы Правительство не чинило препятствий и оказывало давление на другие правительства союзных нам стран, чтобы была созвана конференция. Тов. Керенский высказался, что он посодействует, чтобы паспорта были выданы.

Известно ли было ЦК об аресте делегации балтийского флота. Неизвестно, но об этом другой товарищ — докладчик Воен[ной] Комиссии.

Относительно Закавказья.

Это вопрос, кот[орый] Ц[ентральным] Ком[итетом] неоднократно обсуждался, послали делегата, но он не доехал. В данный момент этим заняты товарищи [из] национ[альной] Комиссии.

Относительно нарушения партийных интересов, постановлений 3-го съезда и что делал Ц.К.

Относительно нарушения интересов — были случаи нарушения резолюции 3-го Съезда и рез[олюции] 3-го Съезда принимались к сведению, но не как единство действий (?), как напр[имер] Устинов и Прошьян и в органе «Земля и Воля» Ц.К. усмотрел, что орган не пропагандирует идей 3-го Съезда, и действительно, Ц.К. довел до сведения Обл[астного] Комитета и порекомендовал, чтобы «З[емля] и В[оля]» руководилась постановлениями 3-го Съезда, и заметил, что информационный отдел ведется слишком односторонне.

Известно ли было об аресте тов[ари]щей Прошьяна и Устинова.

Конечно, неизвестно, как и об аресте др[угих] товарищей, и товарищам можно только рекомендовать, чтобы местные комитеты заботились об арестованных товарищах, выяснили причины ареста, и, если имеются злоупотребления, доводили до сведения ЦК, чтобы он мог принять меры и войти в контакт с Вр[еменным] Правительством.

Вот все вопросы, да, я забыл!

Относительно большевиков, известно ли ЦК, что ЦК большевиков не был приглашен на ночное совещание в Зимний Дворец. Тов[ари]щи, мы не имели времени справляться, было поздно, и не интересовались тем, приглашены ли другие ЦК или нет.

Правда ли, что ЦК запретил одному члену выступать даже на закрытых заседаниях, даже по мелким вопросам?

ЦК постановил. Этот член имеет свободу выступать по основным вопросам (?). «Воля Народа» не исполнила постановления ЦК и лозунга не сняла — это известное нарушение партийной дисциплины, проступок, и если бы т[овари]щи так поставили вопрос, то я сказал бы (?), что ЦК не хотел карать, а стремился показать, что этот орган не партийный, но снятия аншлага было уже довольно, а в оставлении лозунга мы увидели известное правонарушение, и если Совет Партии хочет наказать, то может (?), но это совсем не то, что поступки Устинова и Прошьяна, т.к. они отправились в Гельсингфорс и производили работу, кот[орую] Ц.К. считает вредной и противогосударственной. Здесь не правонарушение, а удаление значительных сил из партии. Есть ли это административные меры? — Да.

Считает ли ЦК себя вправе удалять из состава партии тов[ари]щей Камкова, Алгасова, Калигаева^{а97}; ЦК прежде всего их не удалял, а заявил, что организаций в организации быть не может, и значит эти товарищи,

^а Так в тексте. Должно быть «Коллегаева».

кот[орые] такую организацию создают, должны быть удалены, товарищи не должны раскалывать партию; сохраняя партийное единство, они должны выйти из новой организации.

Наряду с этим товарищам было сделано заявление, чтобы они, как верные сыны партии, вернулись бы в лоно партии, что ими и было сделано.

Заявление товарища Калигаева^а было получено недавно и потому не было до сих пор напечатано.

Рукописный оригинал. Записи сделаны карандашом на одной половине листов большого формата, сложенных пополам. Дата не указана, документ датируется по содержанию.

№ 10

Рекомендательная записка А.Ф. Керенского В.Н. Рихтеру

23 августа 1917 г.

Прошу к предъявителю
сего В.Н. Рихтеру отнести
с доверием.
23/VIII—17 г. А. Керенский.

Рукописный оригинал на белом листе плотной бумаги. Наверху листа напечатано типографским способом: ДЛЯ ПАМЯТИ. Подпись — автограф.

№ 11

«Протоколы заседаний ЦК ПСР»

9 августа 1917 г. — 31 сентября 1917 г.

Заседание 9 августа 1917 г.

Присутствовали: Натансон, Раков, Веденяпин, Затонский, Рубанович, Герштейн, Рихтер, Зензинов, Розенблюм, Гоц.

О смертной казни. Рассматривается поправка к резолюции Фирсова: «смертная казнь должна быть отменена при первой возможности» — за б пр[отив] 4.

^а Так в тексте. Должно быть «Колегаева».

Заседание 19 августа

Присутствовали: Чернов, Прилежаев, Авксентьев, Рубанович, Веденяпин, Архангельский, Натансон, Лункевич, Гендельман, Розенблюм, Рихтер, (представитель Глав[ного] Зем[ельного] Ком[итета]) Маслов, Гоц, Герштейн, Ракитников, Зензинов, Бунаков, Затонский.

Доклад Н.Д. Авксентьева о суждении Вр[еменного] Пр[авительства] о Московском Государственном совещании⁹⁸.

Доклад В.М. Чернова, который считает главным моментом вопрос о реформе войска. Центром контрреволюции являются Ставка и Штаб⁹⁹, к которым примыкают георгиевские кавалеры и кадетско-Родзянковская группа. Главный бой и должен быть дан по этому вопросу, от которого и зависит в дальнейшем более или менее радикальное разрешение других вопросов, в особенности аграрного. В рабочем вопросе будет невольный застой.

Нужно (подготовить)^a иметь в виду (этого)^b и подготовить общественное мнение к тому, что в дальнейшем[,] вероятно[,] нужно будет апеллировать к высшей инстанции — совещанию, созданному из представителей вновь избранных земств после того, как пройдут уездные выборы.

Фирсов сообщает свои впечатления от Московского Совещания.

Авксентьев полагает, что опасность контрреволюции очень велика и нужно действовать очень осторожно. Возможно, что социалистическая группа во Вр[еменном] Пр[авительстве] может оказаться в меньшинстве благодаря разнородности и разъединенности.

Относительно причины возвращения Савинкова ему ничего не известно.

Флот в полной стадии разложения. Керенский не собирается уничтожить войсковые комитеты, но думает отвести им хозяйственную и политическую деятельность и кроме того сделать их подсудными за превышение власти¹⁰⁰.

Комиссары им подчинены.

Во Вр[еменном] Пр[авительстве] есть сознание опасности, угрожающей со стороны Ставки, казаков и георгиевских кавалеров. Есть тенденция распространения смертной казни на тыл за шпионство и эксцессы солдат (убийство, погромы). Но пока это было только обмен мнений. Наша армия разваливается, необходимы против этого меры, но не покушающиеся на демократические учреждения.

Революция до дна уничтожила внутреннее строение России и в дальнейшем не создано абсолютно никакого аппарата. Единственно, что остается — военная сила.

Курс Вр[еменного] Пр[авительства] — спасение страны, опираясь на «живые силы». Задачи «самоспасения» [—] создать творческие задачи. Например[,] до конца года нужны 15 миллиардов, а их нет, их не даст ни заем, ни косвенные налоги, ни отвратительный выигрышный заем. Все равно не хватает 6 000 000.

^a Слово, взятое в скобки, зачеркнуто.

Продовольственный вопрос. В этом отношении дело плохо: может быть[,] через 4—5 дней будет в Петрограде голодный бунт, который надо будет как-нибудь смирить. Продовольствие — это теперь выколачивание из крестьян хлеба. Захваты земель крестьянами и земельными комитетами.

Демобилизация не подготовлена[,] и нам в грядущем грозит прямо Мамаево нашествие. Борьба с анархией и контрреволюцией неизбежна[,] и она явно вырисовывается (Гельсингфорс).

Армию нужно реорганизовать, но не забывать о комитетах и демократических организациях ее.

Во внутренних вопросах необходимы: аграрная реформа, реформы по Министерству Труда, (биржа труда) (70 р. за рабочий день в Царицыне — грузчики и других не пускают на свои места. Им придется говорить о самоограничении), широкое самоограничение. Оно должно быть добровольно. Винтовкой, как системой, действовать нельзя.

Гоц. На Московском Совещании ясно вырисовалась контрреволюционная опасность, там слышалось о Керенском: «когда мы эту обезьяну повесим?[,]» Когда мы эту куклу уберем? Коалиция возможна лишь при гегемонии демократии и сила демократии выявилась, но обнаружилась в то же время необходимость самоограничения демократии. Этот шаг демократией был сделан и на демократию должно было опираться Вр[еменное] Пр[авительство], чего однако, по-видимому, не понял Керенский. Вр[еменное] Пр[авительство], по-видимому, хочет идти по ложной линии. Борьба налево нас будет ослаблять, борьба направо нас будет усиливать. Революционный элемент должен почувствовать, что это его власть. (В Ставке имеют представительства все контрреволюционные организации). Возвращение Савинкова и Филоненко¹⁰¹ спутало все карты. Ведь у них был определенный курс против самого же Керенского и это ставит нас в весьма ложное положение. Наша линия — борьба по вопросу об армии. Мы должны создать в Петрограде такие же условия[,] как в Москве, и прежде всего удалить Васильковского¹⁰². Наши министры должны поставить себе все точки над *i* и произвести в Петербурге чистку.

Политика Мин[истерства] Юстиции также внушает опасения: Зарудный¹⁰³ глуп и ничего не понимает, — вместо Каринского¹⁰⁴ назначает Карягина, опустившегося пьяницу.

Сейчас нас разделяет с Вр[еменным] Пр[авительством] не программные вопросы, а линия поведения. У Правительства пока лишь линия сюрпризов. Мы должны попытаться выровнять линию его поведения, а если это не удастся, то уйти из кабинета.

Авксентьев. Правда, внезапностей у нас много, благодаря Керенскому и Зарудному, но следить за ними для социалистической группы задача непосильная. История с Савинковым для меня темна. Несомненно[,] нужно выяснить теперь положение и тогда уже наметить нашу линию поведения. Меня спрашивают о причинах разложения в армии¹⁰⁵. Их много: малая сознательность, некультурность, пропаганда и золото немцев, отсутствие дисциплины, вести о голоде дома и боязнь опоздать к «разделу земли» и т.д.

Чернов. — Я еще прибавлю, что кроме усталости разлагают армию и верхи своей непослдовательностью и своей враждебностью. Армию даже теперь разлагают больше сверху. У нас во Вр[еменном] Пр[авительстве] два крыла и центр (Керенский, Прокопович¹⁰⁶, Зарудный, Терещенко¹⁰⁷ и Некрасов¹⁰⁸). Центр был против моего выступления, но на Московском Совещании, но как дело обстоит теперь не знаю. Савинков не частность, а узел сплетения. Следовало бы, если Савинков считает себя с.р., вызвать его сюда в Ц.К.

Доклад г. Маслова О работах Главного Земельного Комитета и его нуждах. Т. Маслов отвечает на ряд предложенных ему вопросов. По окончании ответов возобновляется обсуждение текущего момента.

Натансон предлагает гласно заявить, что ПСР либо снимает с себя всякую ответственность за деятельность правительства, либо для защиты отечества становится на точку зрения, на которой стоит, напр[имер], Гед¹⁰⁹.

Прилежаев. У наших тов. министров нет определенной программы действий, полной картины всего происходящего, они сообщали нам газетные побасенки, да еще из буржуазной прессы. Вопрос о реорганизации армии и о самоограничении ставится совершенно не верно. «Самоограничьте» раньше буржуазию, тогда только поймут и пойдут на самоограничение трудящиеся. Самоограничение должно быть государственной финансовой политикой против промышленников, торговцев и т.д. Если не будет выработан между нами и Вр[еменным] Пр[авительством], если не будет выработан договор, то необходимо снять с себя ответственность за правительство, б[ыть] м[ожет][,] отозвать из него с.р., б[ыть] м[ожет][,] не остановиться перед переходом власти в руки демократии.

Герштейн. Говорит о растущей власти командного состава и уменьшающемся значении комитетов. В армии подавленное, но крайне озлобленное настроение, которое грозит[,] б[ыть] м[ожет][,] уничтожением офицерства.

Гендельман. Необходима твердая власть, а Вр[еменное] Пр[авительство] живет лишь старыми рецептами: «тащи и не пушай»[,] и наши тов. министры в этом отношении не лучше. Личная политика преобладает во Вр[еменном] Пр[авительстве].

Твердая власть должна быть, но ее нужно осуществлять через демократические организации. Реорганизуите армию по указаниям армейских съездов. В городах тоже нужно обратиться через думы к населению. Органы самоуправления должны сначала разъяснить вопрос населению, а тогда уже можно будет не бояться репрессивных мер. Тоже в деревнях. Реквизируйте хлеб, но по постановлению С.Р.С.Д., через полковые комитеты, а не комиссаров.

Отозвав министров, мы спасаем партию, но не страну. Страна должна быть дороже и отдавать ее буржуазии мы не имеем права.

Архангельский. На Московском Совещании был вопрос поважнее, чем вопрос об армии — вопрос о спасении страны через организацию сильной власти.

Лункевич. Если после Московского Совещания курс определен, вправо, то мы не можем так всемерно поддерживать правительство, как раньше, тем более, что левое течение в партии растет и собирается действовать. Ведь партия С.Р. не оторвана от страны, она должна осуществить программу, выдвинутую страной. До сих пор некоторыми товарищами тормозилась критика правительства, ибо «мы поддерживаем правительство». До сих пор роль Ц.К. сводилась к нулю и мы должны восстановить нашу власть и дать строгий наказ нашим тов. министрам, которому они, оставаясь во Вр[еменном] Пр[авительстве] от ПСР, должны подчиниться. Если мы не можем править без буржуазии, то и буржуазия, раз реальная необходимость требует коалиции, не может править без нас.

И. Рубанович. Дело идет не о партии, а о России. Керенский не укладывается в рамки партии, события выходят из этих рамок, а ваше внимание сосредоточено только на партии. Опасность грозит нам со стороны Германии, этого авторитарного государства. Московское Совещание наметило спасение России в единении всех живых сил, кто этого не признает, стоит на точке зрения анархических элементов, исключенных из интернационала. Керенский, к сожалению, говорит о власти, но не проявляет ее, не действует. Наши другие министры, Авксентьев и Чернов, не на высоте своей задачи. Нелепость была с нашей стороны и ультиматум Вр[еменному] Пр[авительству] по поводу ухода Чернова.

Против Керенского не должны иметь места булавочные уколы. Выставьте диктатора, требуйте казни генералов, но если у вас нет диктаторов, нет сил, то не мешайте ему, не ограничивайтесь только критикой.

Ракитников. Недопустимо, конечно, противопоставлять партию стране, но все-таки партия для страны, а не наоборот. Партия должна иметь программу спасения страны, программу действия. И наша задача выработать такую программу для данного момента, не подходя, конечно, с внешней стороны. Смертная казнь это сравнительно мелочь и очень жаль, что петроградские рабочие пошли этим путем, когда в массе развиваются самосуды, суды Линча¹¹⁰ и т.п., это отвлечение от серьезных вопросов. Главные вопросы экономическая разруха, сокращение производительности труда, земельные неурядицы, развал армии. Разработка этих вопросов, регулирование экономической жизни, вот то что нужно, но для этого нужно демократическое правительство, которое сделает эту политику приемлемой для трудящихся.

Бунаков. Указывает на необходимость коалиционного правительства, т.к. при диктатуре пролетариата буржуазия вся перейдет на сторону контрреволюции и нам придется казнить тогда сотнями. У нас нет творческих сил, будь они, мы могли бы и теперь многое создать. Диктатура наша теперь, это — июльские дни буржуазии.

Зензинов. Вопрос о взаимоотношении между нами и властью (в оценке действий ее мы не расходимся). Вызвать Савинкова, раз он считает себя с.р., тем более, что он и желает быть выслушанным Ц.К.

Решено пригласить Савинкова в ближайшее время на заседание Ц.К.

Экстренное заседание Ц.К. в 7 вечера для выработки директивы по текущему моменту

Отправить на неделю тов. Архангельского и Веденяпина на губернский съезд в Самару.

Решение о меньшинстве партии не пересматривать вновь (за 9, пр[отив] 2, воз[держался] 1).

Дело о Сургучеве¹¹¹ поручить рассматривать т. Веденяпину.

Делегировать Брудерера¹¹² во фракцию с.р. в Ц.И.К.

О тов. Фейте. Поручить ему ведение хозяйственных дел Ц.К., участвовать в иногородней комиссии и секретариате с правом присутствия на заседаниях Ц.К. с совещательным голосом.

По поводу комитетов ударных батальонов, поручить Бунакову переговорить с Савинковым, чтобы его не переводили из Петрограда в Ставку.

Дело Свядоша поручить т. Веденяпину.

Заседание 21 августа

Присутствовали: Прилежаев, Веденяпин, Архангельский, Рубанович, Лункевич, Розенблюм, Фейт, Рихтер, Ракитников, Натансон, Герштейн, Гендельман, Зензинов, Затонский.

Доклад секретаря.

Устав для легализации партии поручить т.т. Розенблюму и Гендельману.

Поручить Зензинову, как будущему редактору «Партийных Известий», разработать план и бюджет издания, принимая во внимание, что Ц.К. не может расходовать более 1, 000 руб. в месяц и что расценка гонорара, предложенная в проекте Святицкого¹¹³ слишком высока.

Заслушивается секретное заявление 2-го пулеметного полка. Решено переговорить с Савинковым при свидании с ним.

Зензинов сообщает, что Савинков готов явиться в Ц.К. по возвращении из Ставки и переговорить о Воен[ном] Мин[истерстве].

Позаботиться о тов. Сикорском¹¹⁴ секретариату и выдать ему на дорогу необходимое пособие.

Т. Ангарскому¹¹⁵ предложить поехать либо в Юзовку, либо в Гельсингфорс.

Назначить Юрицина¹¹⁶ редактором «Дела Народа». Состав редакции будет такой: Зензинов, Розенблюм, Чернов, Прилежаев, Русанов, Ракитников, Юрицин, Вишняк.

Обсуждение мер по поводу взятия Риги. Ц.К. должен выпустить по этому поводу воззвание к населению¹¹⁷. Исполнение этого поручения возложено на Ракитникова и Зензинова.

Вопрос о конференции. Утверждается доклад Прилежаева. Поручено редакции и секретариату выработать инструкцию для местных организаций. Поручить Натансону и Лункевичу составить доклад о конференции по национальному вопросу.

Делегировать Ракова в Казань для созыва губернской конференции и выбора под его наблюдением единого комитета. Довести об этом до его сведения.

Гендельман командировается в Киев, Харьков, Екатеринослав, Николаев, Одессу, Юзовку и т.д.

Архангельский делегируется в Самару, Саратов, Симбирск, Курск, Пензу и т.д. К 15 сентября т.т. должны явиться и давать отчеты о своей поездке из каждого города.

Заслушивается и утверждается текст воззвания от Ц.К.

О представительстве Партии на Стокгольмской Конференции¹¹⁸.

«19 августа 1917 г. передана казначеем ЦК ПСР А. Устинову тысяча руб. для внесения в Губернское Казначейство в депозит Временного Военно-Морского Суда Кронштадтского Порта в залог».

Т. Гендельману дается в течение его командировки 4-хдневный отпуск.

Заседание 23 августа

Присутствуют: Зензинов, Затонский, Гоц, Бунаков, Архангельский, Рубанович, Веденяпин, Натансон, Герштейн, Розенблюм, Гендельман, Рихтер.

Директива по текущему моменту.

Обсуждается резолюция Гендельмана и утверждается с поправками.

О военной газете. Решено ассигновать ей и выдать при первой возможности 30,000 руб., о дальнейших субсидиях отложить решение до подробного доклада финансовой комиссии.

Вопрос о делегировании Бунакова комиссаром в Черноморский флот.

Заседание 25 августа

Присутствуют: Прилежаев, Веденяпин, Затонский, Чернов, Авксентьев, Архангельский, Гоц, Зензинов, Розенблюм, Рихтер, Ракитников, Натансон, Минор.

Гоц находит положение трагическим в силу роста большевизма в массах и максимализма в партийных кругах. Нам нужно взять определенную линию и выяснить наши отношения с правительством. Нам нужно создать новую революционную базу. Не устроить ли в Москве съезд демократических организаций? Это будет тот центр, на который можем опереться. Тут нужно будет поставить во всю ширь вопрос[:] с кем идти, на кого опереться.

Розенблюм объясняет полевение продовольственными неурядицами. С этим трудно бороться. Кроме того[,] поддерживает эти настроения неизбежность репрессий со стороны правительства. Предлагает сделать собрание демократических организаций.

Авксентьев. Совершенно верно обрисовано положение страны — полевение под влиянием продовольственной разрухи, идущее под флагом большевизма, и необходимость войны, а стало быть и Ставки. Пешехо-

нов¹¹⁹ принужден производить насильственные реквизиции, чтобы предупредить голодные бунты в то время, когда в деревне есть хлеб, но которые не дают из недоверия к деньгам. С другой стороны[,] неурядица в местной жизни, отсутствие органов администрации. С третьей — рост контрреволюции, характеризующийся и анархией и Ставкой. Более чем возможна гражданская война. Как действовать тем несчастным, которые находятся во Вр[еменном] Пр[авительстве] от Партии? Уйти? Для данного момента участвовать в правительстве, это значит участвовать во всем. Даже обуздав военную клику, нужно будет бороться с анархией на почве голода. А тут будет много тяжких положений. Мы можем дискредитировать партию, несмотря на нашу борьбу против крайних мер, но они могут оказаться неизбежными.

Но уйдя, мы уступаем место буржуазной диктатуре и назавтра это ведет к гражданской войне, для которой мы, таким образом, будем непосредственным поводом. Мы сложили бы в этом случае ответственность в тот момент, когда[,] б[ыть] м[ожет,] уже нельзя спасти ни родину, ни революцию, когда пробило 12 часов.

В Швеции уже наших денег не меняют, за нашим поручительством Петроградскому Самоуправлению денег не дают.

У Керенского положение еще более трагическое, чем у нас. Я могу уйти, но он не может этого сделать. Он мечется, потому что чувствует трагизм положения, но уйти не может. Это какой-то жених революции. Не будем колебать власти, говоря об этом, но в действительности коалиции нет у нас. У нас есть кадеты и союзники, но коалиции в действительности нет. Кадеты, вероятно, вызовут на чем-нибудь столкновение и уйдут, подождут, когда мы будем скомпрометированы[,] и тогда возьмут власть. О мире мы ничего не знаем. Ведь даже Папа¹²⁰ к нам не обратился, мы слишком низко котируемся на рынке. Кроме того демобилизация невозможна сейчас.

Ракитников. Потеряет ли всякий кредит правительство за границей, если оно будет не коалиционное, а социалистическое? Ведь им лишь бы велась война. А коалиция лишь ослабляет силы правительства, когда нам нужны энергичные действия, определенная политика. Из этого положения теперь может вывести только более новое правительство.

Если бы была гражданская война, то большая часть армии осталась бы на стороне демократии и из этого вышла бы левая диктатура. Наш выход из министерства нелепость: мы, уйдя от власти, не спасемся, — она нам будет навязана и притом в худших условиях.

Левое правительство будет, конечно, не с социальной программой и будет принуждено, конечно, вести войну. Это успокоит за границу и вряд ли она отымет поддержку из-за более решительной политики в области экономической и аграрной.

Розенблюм. Левое правительство должно вести войну, но тогда оно должно поддержать всю программу Корнилова¹²¹. Если нужно будет (а это будет нужно) прибегнуть к диктатуре, то пусть это делают к.д., а не мы. Кроме того они нас оставят без всего в промышленности и хозяйстве. Это будет крах и несомненное появление контрреволюции.

Затонский. Когда мы свергали самодержавие, тогда мы думали, что можем что-либо сделать, но теперь боюсь, что надо сказать, что мы ничего не сделали. Что же мы сделаем, взяв власть в свои руки? И поддержат ли нас?

Архангельский. Если мы будем разбиты в войне, то революция погибла. У меня нет уверенности, что буржуазия спасет страну. Но коалиция может лопнуть в любой момент. Управляется страна не нами, а ходом событий. Что спасет страну? Подъема нет. Придется на плохой выход, но не худший, стать во главе левого министерства. Ход вещей может нас заставить прийти к этому выходу, но до тех пор, пока возможно, нужно сохранять коалицию. Самый плохой выход, уйти из министерства.

Гоц. Сейчас нам нельзя, невозможно уйти из правительства. Страна стихийно влечется к нам, несмотря на все наши ошибки.

Трагизм в том, что мы ругаем правительство, но сейчас нет другой политики, нет сил преобороть все препятствия. Это гидра. Возможны паллиативы, но нет реформ. Есть слепцы и безумцы, не понимающие этого.

Сейчас уйти невозможно. Пока надо оставаться, но не с видом обреченных. Нам определенно грозит сейчас опасность со стороны ставки, с другой стороны[,] мы являемся искренними оборонцами, а ставка ведет к варфоломеевской ночи в армии, и борьба со ставкой есть борьба за оборону. Борьба со ставкой, — это наша последняя ставка.

А с другой стороны[,] мы в таком положении, что нас ждет только ухудшение. Нас взрывает стихия и безумная тактика большевизма, ведущая к новым июльским дням, но наш авторитет ослабел.

Став у власти, мы получим удары еще более сильные, удары отовсюду, так как мы будем принуждены много врать, ничего не давая.

Стихийный рост недовольства в городских массах — это не отражение страны. Нужно подумать о новой широкой демократической базе, на которую может опереться правительство. Это последнее, что нам остается. Хорошего выхода вообще нет.

Авксентьев. Если мы будем чистить ставку, то к.д. уйдут.

Чернов. В том положении, в каком мы находимся, только подъем, порыв может спасти. Может ли произойти этот энтузиазм, если в самом правительстве состояние обессиления, а повсюду процесс самообессиливания.

В армии то же самое. Вопрос о ставке не только обезопасивание самого Вр[еменного] Пр[авительства] от ареста, но и возобновление боеспособности армии. Ставка занимается сейчас только политикой. Керенский посылает Алексеева¹²² обривизовывать северный фронт, т.к. ставка не имеет на это времени. Ставка пытается играть роль второго правительства. Мы должны армии вернуть силы.

Если революция может спасти страну, то она может спасти и армию, создав новую ставку. Ставку нужно уничтожить, к.д. уйдут в отставку. Но если мы уйдем в отставку, то будет К.-Д.-ое министерство, опирающееся на штыки Корнилова и которое будет нас арестовывать. Мы этого допустить не можем, т.к. это кроме того добьет армию. Это будет пожарище в деревнях, это будет рабочее движение в городах.

Мы толкаемся на уничтожение камарильи, у которой нужно отнять армию. К.Д. уйдут — хорошо. Мы будем искать элементы, которые пойдут с нами. [Если] не найдем, то это последний фазис. Либо диктатура кучки, либо правительство, опирающееся на известную базу, на известный аппарат, контролирующийся составленный на всеобщих, хотя и не прямых выборах (представители от земств). Тогда это правительство не будет узурпатор и его программой будет приблизительно декларация на Московском Совещании. За эту программу будет большинство страны. И то собрание, о котором говорил т. Гоц, тоже хорошо.

Но главное — продовольственное дело. Теперь нужен для улучшения подъем. Новое правительство может дать совокупность мер, которые приведут к подъему и тогда[,] б[ыть] м[ожет,] повезут крестьяне хлеб.

Быть может[,] и здесь мы потерпим поражение, но нет другого выхода и лучше же, если все равно помирать, помирать с музыкой.

Тактика компромиссов — только подрывает силу правительства.

Рихтер. Революция переживает опаснейший момент. Сейчас, благодаря натиску контрреволюции и потворству ей К.Д., коалиция висит на волоске. Ввиду этого необходимо созвать какое-нибудь более правомочное собрание демократии для выяснения отношения ее к власти, для ее конструирования и для контроля, против личного правительства.

Натансон предлагает съезды С.Р. и С.Д. и Кр[естьянских] Деп[утатов].

Дальнейшее обсуждение откладывается до ближайшего заседания с тов. министрами.

Обсуждение выступления т. Алгасова на Страховой Конференции¹²³.

Докладчик Гоц. Решено заявить в «Деле Народа» о недопустимости подобных выступлений. (за 7, пр[отив] 2).

Конференция в Москве.

Заседание 26 августа

Заявление т. Рубановича о его свидании с Керенским и Терещенко. Керенский поручил т. Рубановичу «вести борьбу за мир на почве обороны». Поручение никакого официального характера не имеет. Терещенко просил т. Рубановича остановиться в Стокгольме, Христиании, Лондоне и Париже, чтобы выяснить конфликт эмигрантов с посольствами.

Принято к сведению.

Тов. Рубанович просит дать ему 300 руб. авансом, в виду вздорожания проезда. Решено выдать.

Тов. Фейт сделал заявление о посылке его на Кавказ для партийной работы. Решено делегировать т. Фейта на Кавказ.

Поставить на вид т. Святицкому, что он не выполнил данного ему поручения по ведению дела т. Джензяна и предложить ему выполнить это поручение.

Т. Прилежаев доложил проект программы конференции и основы ее организации. Принято. Утверждено. Решено напечатать.

Решено, по предложению т. Натансона, усилить комиссию по национальному вопросу одним членом. (Т. Фирсовым).

Созвать конференцию по национальному вопросу, поручив созыв ее вышесказанной комиссии.

Заявление Бюро Военной комиссии о возможности контрреволюционных выступлений. Т. Герштейн заявил, что с завтрашнего дня помещение Ц.К. будет охраняться воинской силой с 3-мя пулеметами. Ц.К. должен войти в соглашение с Вр[еменным] Пр[авительством] о необходимости военной охраны помещения Ц.К.

Заседание 27 августа

Присутствуют: Прилежаев, Минор, Затонский, Зензинов, Гоц, Рихтер, Веденяпин, Архангельский, Герштейн, Натансон, Ракитников, Розенблом.

Доклад Чернова.

Львов¹²⁴ на днях рекомендовал Керенскому порвать с демократией, после этого отправился в ставку и[,] вернувшись оттуда, сообщил Керенскому, что большевики выступают и что правые не поддержат Вр[еменное] Пр[авительство]. Керенский заявил тогда, что он в этом случае снимает с себя ответственность. Тогда Львов предъявил ему ультиматум: передать всю полноту власти Корнилову, министры передают власть тов[арищам] министров и едут в ставку. Керенский будет сделан министром юстиции, Савинков — военным.

Керенский соединился прямым проводом с Корниловым, который подтвердил заявление Львова и то, что Керенский должен немедленно выехать в Ставку наипозднейшее завтра и даже в том случае, если не будет выступления большевиков.

Меры были приняты следующие: Львов был арестован и все сделано, чтобы были арестованы не мы, а Корнилов. Мое впечатление, что Кокошкин¹²⁵ об этом знал. Савинков тут, и участвовал в совещании, заговорщиком его не считаю, то поведение его будет играть большое значение, но каково оно будет, не знаю. Предательства с его стороны не ожидаю.

Герштейн. В Петергофе были сведения, что хотят арестовать Вр[еменное] Пр[авительство] и Ц.К. ПСР. Там были получены в большом количестве ручные гранаты.

Чернов. Сейчас момент тревожный. Или Вр[еменное] Пр[авительство] сумеет опереться на демократические элементы, или возможно недоверие демократии и попытка опереться на «законодательные» элементы, а это ненадежно. По этой дороге может пойти Савинков.

Герштейн. 2-ой пулеметный полк мобилизован и другие силы готовы.

Рихтер. Предлагает 1) чтобы Вр[еменному] Пр[авительству] было предложено для данного момента выделить особый коллектив из социалистических элементов и примыкающих к ним, 2) чтобы был создан особый демократический орган, контролирующий правительство, парламент из представителей земств или из элементов, составляющих левую часть Московского Государственного Совещания, 3) чтобы представитель Военной Комиссии при Ц.К. вошел в контакт с Воен[ным] Ком[итетом] при Ц.И.К.

Заседание 28 августа 1917 г.

Присутствуют: Ракитников, Зензинов, Натансон, Лункевич, Минор, Прилежаев, Веденяпин, Архангельский, Розенблюм, Герштейн, Рихтер (Берг, Филиповский¹²⁶, Высоцкий¹²⁷, Фейт).

Герштейну, Гоцу, Чернову поручается в экстренных случаях действовать совместно от имени Ц.К.

Заменяющими их кандидатами являются Архангельский, Зензинов, Ракитников, Рихтер.

Доклад Церетели¹²⁸

Керенский заявил, что Корнилов устроил заговор для захвата власти. Это было поставлено широко. Единственный выход — создание директории¹²⁹, которая хотя бы террором подавила восстание и сконцентрировала власть. К.Д. ушли. Состав директории: Керенский, Терещенко, Некрасов, Кишкин¹³⁰, Савинков и С.Д. (Церетели или Скобелев¹³¹).

Программа старая, но предлагается: 1) расчислить Ставку (Лукомский¹³² будет изъят), вместо Корнилова — Алексеев.

2) Армейские комитеты остаются и ведают политической жизнью армии, с ответственностью в случае вмешательства в область стратегии.

3) В тылу для восстания смертная казнь.

При поддержке всех партий участие возможно в этой директории.

Гоц. Предлагает поддержать, т.к. нужна диктаторская власть, но речь должна идти только о пополнении министерства, а не изменении его состава.

Постановлено: желательнее, чтобы Вр[еменное] Пр[авительство] осталось в прежнем составе, заполнив оставшиеся свободными после ухода К.Д. места. Для подавления заговора, оно может выделить небольшой коллектив. Если Керенский будет настаивать на директории, то принять необходимым участие Чернова и Авксентьева и нежелательным участие Савинкова. Последнее только пожелание. Избирается комиссия из Архангельского, Зензинова, Минора для переговоров с Керенским.

Доклад комиссии о переговорах с Керенским.

Постановлено:

1). Послать от Ц.И.К. делегацию к Керенскому, с предложением поддержать прежний состав правительства, предоставив т. Керенскому заменить ушедших членов новыми.

2). Если Керенский считает необходимым директорию для борьбы с попытками произвести государственный переворот, то Ц.К., не посылая своих представителей в этот правительственный коллектив, оказывает ему полную поддержку, поскольку оно принимает необходимые меры для борьбы с контрреволюцией и заговором и остается на почве декларации 8 июля¹³³.

Заседание 30 августа

Присутствуют: Розенблюм, Архангельский, Веденяпин, Прилежаев, Натансон, Герштейн, Ракитников, Затонский, Рихтер.

Доклад Герштейна об «Обществе государственной кары» и о «Комитете спасения России».

Доклад о положении дел в Луге¹³⁴.

Вечернее заседание

Присутствовали: Герштейн, Розенблюм, Веденяпин, Гоц, Архангельский, Зензинов, Затонский, Прилежаев, Рихтер.

Доклад Гоца о кризисе власти.

Решено отложить вопрос об уходе из министерства Чернова до общего обсуждения о новом составе министерства.

Ц.К. считает желательным созыв съезда демократических организаций, долженствующего служить базой для Вр[ременного] Пр[авительства].

О назначении Алексеева. Ввиду того, что Ц.К. не имеет другой кандидатуры на этот пост, снять пока вопрос с обсуждения.

Пригласить т. Верховского¹³⁵ на заседание Ц.К.

Заседание Ц.К. завтра на Галерной в 6 ч. вечера.

Поручается т. Архангельскому проредактировать протоколы III-го съезда Партии.

Заседание 31 августа

Присутствуют: Затонский, Авксентьев, Гоц, Прилежаев, Зензинов, Веденяпин, Рихтер, Герштейн, Розенблюм, Лункевич, Чернов, Архангельский.

Доклад Авксентьева о предполагаемом составе министерства.

Постановлено, что участие к.д. в министерстве для Ц.К. неприемлемо (ультимативно), что желательно, чтобы М[инистерство] Вн[утренних] Д[ел] находилось в руках министра социалиста, что в М[инистерстве] Зем[леделия] должен быть с.-р. (ультимативно). Об этом решении известить Керенского через комиссию, избранную в составе Лункевича (8 гол[осов]), Архангельского (8 гол[осов]), Ракитникова (7 гол[осов]), Гоца (7 гол[осов]).

Доклад комиссии об ответе Керенского: 1) от кандидатуры Кишкина ему нельзя отказаться, но он надеется, что ПСР его не оставит. Со своей стороны Керенский сделает все возможное, чтобы в общественном мнении личность Кишкина не солидаризировалась с к.-д. Карташев¹³⁶ тоже не принадлежит к числу патентованных к.-д.

Относительно М[инистерства] Вн[утренних] Д[ел], то Керенский ответил, что комбинация с Кишкиным осуществима лишь при предоставлении ему именно этого портфеля. Кроме того, за отказом Руднева, у Керенского нет других кандидатов на этот пост. Тов. Архангельскому предлагает Мин[истерство] Призрения.

За составление советского министерства он не берется и в него не войдет.

Постановлено: При наличности в кабинете Кишкина и Карташева с.-р. не входят в состав министерства. (за 7, пр[отив] 2, воз[держались] 2).

Постановлено в «Деле Народа» по поводу закрытия Пальчинским¹³⁷ «Новой жизни»¹³⁸ выразить протест.

Заседание 1 сентября

Присутствовали: Герштейн, Прилежаев, Розенблюм, Гоц, Затонский, Ракитников, Архангельский, Лункевич, Зензинов, Веденяпин, Натансон, Рихтер.

Напечатать в завтрашнем № «Дела Народа» протест против закрытия «Новой Жизни».

Доклад Гоца о переговорах с Керенским.

Решено послать к Керенскому комиссию, которая постаралась бы убедить его согласиться с требованиями демократии. Избираются в комиссию Ракитников, Архангельский, Гоц.

Доклад комиссии по созыву VIII-го Совета Партии.

Решено созвать конференции и совет в том городе, где будет происходить демократическое совещание.

Ц.К. поддерживает местную кандидатуру Коган-Бернштейна¹³⁹.

Вопрос об украинских с.-р. передать для рассмотрения национальной комиссии.

Отправить Зензинова в Москву для выяснения дел по займу в «Народном Банке».

Зензинов обращает внимание Ц.К. на отсутствие Ракова и Минора и на ненормальность отъезда Рубановича на два месяца за границу.

Решено принять в ближайшем заседании делегацию Ц.К. Нар[одной] Соц[иалистической] Партии¹⁴⁰ по ее просьбе, для выяснения вопроса о предвыборном блоке в тех местах, где грозит опасность прохождения не социал[истических] Партий.

Заседание 2 сентября

Присутствовали: Герштейн, Затонский, Веденяпин, Рихтер, Архангельский, Прилежаев, Лункевич, Чернов, Ракитников.

Постановлено, что Николай Пастухов¹⁴¹, подававший прошение, как явствует из представленной Ц.К. копии с прошения, не может занимать выборных мест в партии и выступать от ее имени.

Решено отложить VIII совет партии на 1 окт[ября], а конф[еренцию] на 26 сент[ября], о чем опубликовать в «Деле Народа».

Отклоняется просьба тов. Фейта отпустить его на фронт.

Решено отложить решение вопроса о «левом течении» в партии до следующего раза.

Заседание 4 сентября

Присутствуют: Герштейн, Гоц, Архангельский, Натансон, Лункевич, Розенблюм, Прилежаев, Ракитников, Затонский, Рихтер.

Секретарь сообщает о телеграмме из Казани по поводу раскола в та-мошной организации.

Постановлено отправить А.Ю. Фейта¹⁴².

Решено поддерживать созыв демократического совещания, учитывая, что оно может превратиться в предпарламент. Совещание должно разрешить кризис власти, создать для нее прочную широкую базу и служить[,] б[ыть] м[ожет], контролирующим аппаратом. Ц.К. считает желательным привлечение на совещание представителей земельных комитетов.

Обсуждение статей Чернова во вчерашнем № «Дела Народа», направленных против Керенского.

Заседание 7 сентября

Присутствовали: Ракитников, Герштейн, Затонский, Прилежаев, Гоц, Веденяпин, Натансон, Авксентьев, Розенблюм, Зензинов, Чернов, Лункевич, Русанов, Рихтер.

Дело т. Незнамова поручено секретариату.

Обсуждаются финансовые дела Ц.К. и решается поручить Фин[ансово-вой] Ком[иссии] выработать проекты: 1) товарищества для производства займа в банке и — 2) внутреннего займа партийного.

Решено настоять на поездке Минора на Кавказ.

Аргунов назначается комиссаром на Кавказ: за 11, пр[отив] 2, воз[держался] 1.

Возобновляется обсуждение вопроса о статьях Чернова и об отношении к Керенскому. По требованию т. Чернова ставится на голосование: ввиду того, что статьи представляют лишь краткое изложение тех мыслей, которые излагал Чернов на заседаниях Ц.К., фракции С.Р. и С.Д. и Ц.И.К. и которые ни у кого не вызвали протеста, в виду того, что статьи были просмотрены одним членом редакции и не возбудили с его стороны протеста, в факте напечатания Черновым этих статей нельзя усмотреть нарушения какого-нибудь дисциплины. За 9, пр[отив] 2, воз[держались] 2¹⁴³.

Поручить редакции сделать заявление от ее имени и представить его на утверждение Ц.К. в сегодняшнем вечернем заседании. За 7, пр[отив] 5, воз[держался] 1.

Вечернее заседание 7-го сен[тября]

Присутствовали: Архангельский, Ракитников, Прилежаев, Гоц, Авксентьев, Затонский, Веденяпин, Розенблюм, Герштейн, Натансон, Лункевич, Русанов, Зензинов, Рихтер.

Читается Зензиновым проект заявления редакции по поводу статей Чернова.

Решено закончить инцидент молчанием. За 7, пр[отив] 6.

Отдельным членам редакции не запрещается выступать с заявлениями о своей несолидарности с этими статьями.

Ц.К. считает необходимым, чтобы редакция «Дела Народа» при самой строгой и решительной критике деятельности правительства, не

допускала все же дискредитирование отдельных членов правительства из числа социалистов и личных кандидатов на них. За 8, пр[отив] 2, воз[держались] 3¹⁴⁴.

Зензинов, как председатель комиссии по Учред[ительному] Собр[анию,] может написать, что Ц.К. не возражает против выставления, как местной кандидатуры, Огановского¹⁴⁵, в Учред[ительное] Собр[ание].

Заседание 11 сентября

Присутствовали: Чернов, Затонский, Ракитников, Архангельский, Веденяпин, Зензинов, Гоц, Авксентьев, Прилежаев, Лункевич, Натансон, Герштейн, Рихтер.

Доклад министра Верховского.

Обмен мнений по поводу конструирования прочной республиканской власти.

Декларация Ц.К. Трудовой Народ[но]-соц[иалистической] партии.

Относительно Учред[ительного] Собр[ания]:

1) отношение к блоковым спискам.

2) соглашение относительно «остатков», после прохождения отдельных списков.

3) соглашение относительно отдельных лиц (с правом отвода).

Относительно муниципальных выборов (допущение отдельных полезных сил).

Совместная работа в демократических — революционных организациях (советах). Не блок, а координированная работа.

Постановлено предоставить местным организациям право возбуждать перед Ц.К., в случаях, когда они найдут нужным, вопрос о блокировании с н.-с. Признать желательным соглашение относительно «остатков» и возможном соглашении относительно отдельных лиц, при условии права отвода со стороны Ц.К. В области муниципальных выборов считать желательным допущение отдельных полезных лиц. В советах желательна координация работы.

Необходимо оказать финансовое содействие Воен[ной] Ком[иссии] по соглашению с Фин[ансовой] Ком[иссией].

Отправить в Гельсингфорс Чернова.

Сообщить т. Прошиану, что Ц.К. считает нежелательным его пребывание в Гельсингфорсе¹⁴⁶.

Заслушан представитель Омска.

Поручить т. Гуревичу выяснить в М.В.Д. обстоятельства этого дела.

Заседание 12 сентября

Присутствовали: Архангельский, Минор, Затонский, Гоц, Натансон, Лункевич, Рихтер, Зензинов, Веденяпин, Чернов, Прилежаев, Герштейн.

Доклад из Воронежа Коган-Берштейна.

О необходимости сохранения партийного единства и отсеечения «хулиганского» элемента. Поддержка губернских Комитетов в репрессивных мерах против отдельных членов и организаций¹⁴⁷. Необходима кандидатура Чернова¹⁴⁸. Переговоры по прямому проводу.

Доклад из Твери т. Вольского¹⁴⁹ о борьбе различных течений после совета партии в организации, в думской фракции, советах, совершенно тормозящих партийную работу. Необходима поддержка Ц.К. и единство партии, иначе грозит раскол.

Доклад из Москвы т. Минора.

О списке в Учред[ительное] Соб[рание], о выступлении думской фракции «с.-р. интернационалистов» (50–53), о необходимости подчинения общей линии поведения партии. Керенский забракован в Учр[едительное] Соб[рание]. В списке выставлены Минор, Зензинов и Руднев, но остальные имена не соответствуют желанию Минора и Руднева. Этот вопрос должен быть немедленно решен, если не Сов[етом] Партии, то Съездом.

Т. Гельфгот¹⁵⁰ (из Москвы). Разложение в партии усилилось после Совета Партии с его двумя резолюциями. Невозможно повторение в «Деле Народа» статей, вроде известных статей Чернова.

Рихтер докладывает о постановлениях Москов[ской] Крест[ьянской] Губерн[ской] Конф[еренции] (Ховрин)¹⁵¹, постановления Симбирского Общ[его] Собр[ания], Иркутской организации, телеграммы Гендельмана, телеграмма о Розенблюме, о самовольном выступлении редакции. Обязательное единое выступление Ц.К. За 10, пр[отив] 1.

Обязательное единое голосование с правом немотивированного воздержания. За 10, пр[отив] 1¹⁵².

В закрытых партийных собраниях допускаются личные выступления членов Ц.К., за исключением особо договоренных случаев. За 8, пр[отив] 1, воз[держались] 2.

За коалицию с цензовыми элементами, стоящими на платформе 14 августа, расширенной и дополненной (внешняя политика, ответственность власти). За 10, пр[отив] 2.

Коалиция с представителями К.-Д. не допускается. За 10, пр[отив] 2.

Цензовые элементы должны быть в министерстве во Вр[еменном] Пр[авительстве]. За 10, пр[отив] 2.

Ответственность всего правительства перед предпарламентом, с меньшинством цензовых элементов. За 8, пр[отив] 1, воз[держались] 2¹⁵³.

Ультимативно: Учред[ительное] Соб[рание] не откладывается. (Единогласно)¹⁵⁴.

Муниципальные и политические фракции по местным делам автономны, по общеполитическим вопросам подчиняются решению Ц.К. За 10, воз[держались] 2.

Отпечатать постановления в «Деле Народа».

Отпуск на 2 дня Прилежаеву.

Отправить Фейта город[ским] гол[овой] в Одессу. За 9, воз[держался] 1.

Заседание 15 сентября

Присутствовали: Лункевич, Зензинов, Затонский, Гоц, Архангельский, Веденяпин, Прилежаев, Герштейн, Рихтер.

Утверждается окончательно редакция постановления о муниципальных фракциях.

Вопрос о заявлении правой группы с.-р. отложить до следующего раза.

Поручить Чернову, Ракитникову, Лункевичу в кратчайший срок составить «правительственную платформу» на основе программы 14 августа. За 5, пр[отив] 1.

Постановлено поручить Герштейну, Гуревичу и Рихтеру вызвать и допросить Савинкова 16 сентября 1917 г. (у Веденяпиных)¹⁵⁵.

Заседание 17 сентября

Присутствуют: Архангельский, Минор, Ракитников, Веденяпин, Прилежаев, Герштейн, Рихтер.

Доклад Кавказской организации. Пересмотреть вопрос о делегировании Архангельского на Кавказ.

Предложить комиссиям при Ц.К.[,] особенно[,] комис[сии] по Учр[едительному] Собр[анию] назначить ежедневные дежурства в дни демократического совещания.

По предложению Веденяпина постановлено: «Ц.К. протестует против поведения т. Гоца, который, созвав на экстренное заседание Ц.К., сам лично не является на это заседание, а присутствует на другом партийном собрании, где разрешаются вопросы, подлежащие предварительному обсуждению Ц.К. Кроме того[,] т.т. Гоц и Авксентьев принимали участие в голосовании против постановления Ц.К., чем проявили неподчинение партийной дисциплине». За 5, воз[держался] 1¹⁵⁶.

Члены Ц.К. за последнее время часто отсутствуют на заседаниях.

Делегировать т. Рихтер на партийный съезд в Херсон, с обязательством вернуться к 1 октября.

Оказать «Самоуправлению» кредит в 5, 000 руб.

Назначить т. Берга в Ревизионную комиссию при Ц.К.

Сообщить Саратовс[кому] Комит[ету], что Ц.К. не имеет никаких данных для отвода Устинова из списков кандидатов в Учр[едительное] Собр[ание] (единогласно).

Заседание 18 сентября

Присутствовали: Зензинов, Авксентьев, Архангельский, Герштейн, Розенблюм, Гоц, Веденяпин, Рихтер, Натансон, Минор.

Могут ли члены Ц.К. на Демократическ[ом] Собр[ании,]^a не считаясь с политическими директивами[,] выступать от других организаций. (За 6, пр[отив] 2).

^a Так в тексте. Имеется в виду Демократическое Совещание.

Выступление на Демокр[атическом] Совещ[ании]¹⁵⁷ от фракции должно быть от всех трех течений (За 6, пр[отив] 3).

За свободу голосования с.-р. на Дем[ократическом] Сов[ещании]. За 6, пр[отив] 3.

Вопрос о «левых» и «правых» с.-р. отложить до следующего заседания.

Заслушиваются известия из Ташкента.

Ц.К. предлагает членам партии выступить из революционного комитета, считая его выступления контрреволюционными и призывает членов партии к восстановлению революционного порядка в контакте с Всер[осийским] Ц[ентральным] Исп[олнительным] Ком[итетом] Советов и местными. За 7, пр[отив] 1, воз[держался] 1.

Поддерживается посылка Минора на Кавказ (единогласно).

Авксентьев формально протестует против назначения Фейта Гор[одским] Гол[овой].

ПРОТОКОЛ

заседания Ц.К. Партии Социалистов-Революционеров 22 сентября 1917 г.

Присутствовали: Раков, Затонский, Архангельский, Герштейн, Веденяпин, Минор, Быховский, Берг, Фейт, Чернов.

Постановление:

1) Заслушав доклад т. Ракова о результатах его поездки в г. Казань, считать правомочным а) Казанским Городским Комитетом тот комитет, который был избран на общегородской казанской конференции 12 сентября 1917 г.,

б) Казанским Губернским Комитетом тот комитет, который был избран губернской Казанской конференцией 13 сентября 1917 г.

2) Командировать О.С. Минора и Архангельского на Кавказ для обследования положения дел на местах, выяснить отношение местных организаций партии с.-р. к партии Дашнакцутюн¹⁵⁸ с целью решить вопрос о включении последней в нашу партию, — или в зависимости от результатов этого обследования будет возможно суждение об устройстве Кавказского Краевого Управления.

3) Извещения т. Ан-ского¹⁵⁹ к евреям не печатать.

4) Создать из членов Ц.К. Бюро для ведения текущей организационной партийной работы и ведения хозяйственно-финансового дела Ц.К. В состав этого Бюро избраны: Веденяпин, Берг, Раков, Затонский, Тетеркин, Фейт и Зензинов.

5) Включить в состав Ц.К. временно взамен отсутствующих его членов Рубановича и Фондаминского — Тетеркина и Берга.

6) Для рассмотрения документов, касающихся вопросов о подании Б. Камковым¹⁶⁰ Мин[истерству] В[нутренних] Д[ел] прошения о смягчении наказания[,] избрана комиссия в составе: Герштейна, Берга, Зензинова и Фейта. Считать решение этой комиссии окончательным.

9)^а Поручить т. Ракитникову ввиду работ Демократич[еского] Совета созвать аграрную комиссию, намеченную еще Третьим Съездом партии.

ПРОТОКОЛ

Заседания Ц.К. 24 сентября 1917 г.

Присутствовали: Раков, Веденяпин, Гоц, Берг, Ракитников, Затонский, Зензинов, Минор, Фейт, Герштейн, Авксентьев, Розенблюм, Архангельский, Руднев.

Постановлено:

1) По докладу т. Гоца считать, что Гоц, Авксентьев и Руднев, которые по поручению Демокр[атического] Совещ[ания] вели переговоры с Вр[еменным] Пр[авительством] об организации кабинета Министров, выполнили возложенное на них поручение¹⁶¹.

Постановление принято 7-ю голосами при 7 членах Ц.К., воздержав[шихся] от голосования.

2) 9-ю голосами против 4-х, при 3-х воздержавшихся принята следующая резолюция, предложенная Розенблюмом: (см. пост[ановление] Ц.К., напеч[атанное] в «Деле Народа»)¹⁶².

3) Довести до сведения всех партийных организаций, что финансово-экономическая конференция, назначенная на 26 сентября, и VIII Совет Партии, назначенный на 1-е октября, откладываются впредь до особого извещения.

ПРОТОКОЛ

Заседания Ц.К. 27 сентября 1917 г.

Присутствовали: Раков, Гоц, Берг, Авксентьев, Гендельман, Розенблюм, Архангельский, Тетеркин, Затонский, Фейт, Зензинов, Герштейн, Веденяпин.

Постановлено:

1) Принять к сведению заявление В.С. Миролюбова о вновь образовавшемся «Организационном Совете Партии С.-Р.»¹⁶³, ядро которого старые партийные работники, группирующиеся вокруг газеты «Воля Народа».

2) Выдать т. Гизетти¹⁶⁴ 3, 000 руб. для поездки в Витебск по оплате выборов Учр[едительного] Собр[ания], куда т. Гизетти намечен обязательным кандидатом Партии в Учр[едительное] Собр[ание].

3) Вопрос об административном устройстве Кавказского Края и об организации там выборов в Учр[едительное] Собр[ание] передать на предварительное рассмотрение комиссии в составе следующих лиц: Архангельского, Натансона, Вишняка. Поручить этой комиссии устроить совещание с находящимися в Петрограде делегациями с Кавказа, причем комиссия должна настаивать, чтобы вопрос об устройстве Краевого Управления на Кавказе был передан на предварительное рассмотрение Кавказских демократических организаций, которые и определяют формы устройства управления на Кавказе.

^а Сбой нумерации в тексте документа.

б)^а Опубликовать постановление Ц.К. о том, что в состав редакции «Дела Народа» введены Вишняк, Розенблюм, Прилежаев. В заголовке газеты, ввиду меняющегося состава редакции[,] не печатать фамилий членов редакцион[ной] Комиссии.

Заседание Ц.К. 28 сентября 1917 г.

Присутствовали: Чернов, Тетеркин, Веденяпин, Авксентьев, Розенблюм, Архангельский, Зензинов, Гендельман, Гоц, Берг, Натансон, Раков, Ракитников.

Постановлено:

- 1) Командировать на Московский Областной Совет Р. и С.Д. Розенблюма и Чернова.
- 2) Внести на финансово-экономическое совещание по рабочей политике резолюцию, принятую на Петроградской конференции.
- 3) Созвать IV Съезд Партии в промежуток времени между окончанием выборов в Учред[ительное] Собр[ание] и открытием последнего.
- 4) Избрать комиссию по созыву IV Съезда Партии в составе след[ующих] лиц: Раков, Тетеркин, Гендельман, Зензинов, причем каждый член Ц.К. может принять участие в работах этой комиссии.
- 5) Заслушан меморандум группы «старых работников», постановлено, чтобы члены Ц.К. не подписывались под этим меморандумом. Меморандум напечатать в «Партийных Известиях»¹⁶⁵.
- 6) Статью Чернова «Уроки Совещания» в «Деле Народа» не печатать¹⁶⁶.
- 7) Считать Булата¹⁶⁷ в числе членов партии с.-р.

Заседание Ц.К. 29 сентября 1917 г.

Присутствовали: Раков, Тетеркин, Авксентьев, Гендельман, Архангельский, Затонский, Зензинов, Гоц, Фейт, Веденяпин, Ракитников.

Постановлено:

- 1) На совещание представителей союзных держав в качестве представителя русской революционной демократии выдвинуть кандидатуру Авксентьева.
- 2) По докладу т. Крушинского вопрос об организации с.-р.-ов железнодорожников передать на предварительное обсуждение организационной комиссии при Ц.К.
- 3) 6-ю голосами против 2-х при 2-х воздер[жавшихся] принято следующее предложение т. Зензинова: Во всей своей политической деятельности Ц.К. выступает как единое целое и все члены его связаны внутренней дисциплиной. Принятые постановления проводятся Ц.К. как таковым и все члены Ц.К. обязуются проводить общие решения Ц.К. во всех своих публичных выступлениях вне партии без права отстаивать мнения меньшинства и без права отдельного, идущего вразрез с мнением большинства Ц.К., голосования¹⁶⁸.

^а Сбой нумерации в тексте документа.

Заседание Ц.К. 30-го сентября 1917 г.

Присутствовали: Раков, Тетеркин, Натансон, Архангельский, Авксентьев, Гоц, Ракитников, Зензинов, Берг, Фейт, Затонский, Веденяпин, Чернов.
Постановили:

1) Участие представителя демократии в делегации по совещанию союзных держав.

2) Публичность всех политических договоров, которые будут заключены на конференции. Воз[держался] 1.

Замена ими всех политических договоров, заключенных в прошлом. (Принята единогласно).

3) Выдача паспортов в Стокгольм.

4) Условия мира, на лозунгах, провозглашенных русской демократией. Если эти условия не будут приняты, то демократия отказывается от участия в конференции.

5) Принять и опубликовать следующее положение по выборам в Учр[едительное] Соб[рание].

Постановление. Все лица, выразившие свое согласие выступить в качестве кандидатов и подавать заявление о списках кандидатов в Учр[едительное] Соб[рание] помимо или рядом с общепартийными списками кандидатов, выставленными от имени местных правомочных организаций, тем самым исключаются из партии.

6) Послать в Кострому для улаживания недоразумения по составлению списков кандидатов в Учр[едительное] Собр[ание] т. Фейта.

7) Заслушав доклад т. Черневского¹⁶⁹ из Ташкента, просить его передать доклад в письменной форме.

ПРОТОКОЛ

заседания Ц.К. 31 сентября 1917 г.

Присутствовали: Зензинов, Веденяпин, Раков, Герштейн, Розенблюм, Лункевич, Натансон.

Постановлено:

1) В редакцию «Дела Народа» командировать Розенблюма, предварительно переговорив с Черновым и Ракитниковым о том, чтобы они освободили его от занятий в Земельном комитете.

2) Просить Прилежаева к следующему заседанию Ц.К. приготовить доклад о положении дел на Украине и об организации там краевого управления.

3) Для приема купленной Ц.К. типографии организовать комиссию в составе следующих лиц: Веденяпина, Герштейна и Вебера¹⁷⁰.

4) Удовлетворить следующее заявление Нижегородского губернского партийного комитета: «Нижегородский Совет Крестьянских депутатов, выставляя кандидатом в Учр[едительное] Собр[ание] Д.Ф. Ракова, просит других кандидатов Ц.К. по этой губернии не выставлять».

Машинописная копия на 25 листах большого формата.

Наброски В. Н. Рихтера о Корниловском мятеже

[не ранее сентября 1917 г.]

<p>1. Был выработан план о смертной казни, милитаризации, военном положении и проч[ее].</p> <p>2. Было предложено Савинковым по поручению (?)^а Керенского прислать конный корпус на случай выступления большевиков (и Советов), хотя ожидать деловых оснований не было^б.</p> <p>3. Членом партии, да-леким от последней и Времен[ного] Правит[ельства], вне пределов его компетенции по должности и установленных способов официального общения было заключено частное политическое соглашение с человеком, враждебным принятым партией положениям и идеям, о противозаконных мерах, (иду-щих в разрыв с политикой Правительства, и)^в фактически (а м[ожет] б[ыть] и юридически) веду-щих к государственному перевороту, причем проведение предполагалось вне-законными путями.</p>	<p>1. Были составлен Савинковым совместно с Корниловым доклад о меро-приятиях в тылу, о каких именно мероприятиях и (известен)^б доложен ли он был Временному Правительству? Какие предлагались мероприятия?</p> <p>2. Было ли предложено Савинковым от имени Временного Правитель-ства Корнилову сосредоточить в окрестности Петрограда конный корпус с тем, чтобы по средоточении его Петроград был объявлен на военном положении для принятия мер против большевиков и Савинкова? Почему инициатива объявления Петрограда на военном положении должна была исходить из Ставки? Как объяснить возможность такого предло-жения от подчиненного Временному Правительству и как могло быть условлено объявление военного положения, когда оно Правит[ельств-во] не обсуждалось? Не предполагалась ли военное пронунциamento^г? Какие предложения были относительно Временного Правительства в целом, на случай если бы оно отказалось провозгласить Военное Поло-жение? Какие изменения относительно состава Временного Пра-вит[ельства] предлагались в связи с выработанным планом? Было ли постановление Временного Правит[ельства] о приводе корпуса и о во-енном положении? Было ли кем либо поручено Савинкову сделать Корнилову это предложение? Кому принадлежал план?</p> <p>3. Как объяснить, что Корнилов, отрицательно относившийся к Ке-ренскому, ему подчиненный и не состоявший в Правительстве, всту-пает в соглашение с Савинковым, даже не состоявшим членом Вр[еменного] Правит[ельства,] о допущении Керенского в качестве одного из членов Вр[еменного] Правит[ельства]? Это политическая комбинация, а не принятие военных мер безопасности.</p> <p>4. Соответствуют ли истине слова Корнилова о разговоре с Львовым и переданные им о предложениях Львова? Слышал ли Савинков о трех вариантах?</p> <p>5. Была ли речь о возможной борьбе Корнилова с Керенским? Чем объясняется обещание безопасности?</p> <p>6. Почему могла быть речь об иносказательной передаче со стороны Филоненко Савинкову о решениях, принятых Корниловым вместе с первым. О каком «недоразумении» могла быть речь, если все предла-гавшиеся меры были легальны и сношения носили служебный офи-циальный характер.</p> <p>7. Как понять посредническую попытку Савинкова между Корнило-вым и Керенским, «вождями разных партий» (см. протокол).</p> <p>8. Действительно ли ожидалось выступление большевиков или оно провоцировалось или просто выставлялись какие-то предлоги? Поче-му оно предполагалось, «конечно, известным Корнилову»?</p>
--	--

^а Знак вопроса поставлен автором.^б Слова *и Советов* взяты в скобки красным карандашом, а остальные слова фразы тем же карандашом вычеркнуты.^в Слово (слова), взятые в скобки, зачеркнуты.^г Pronunciamento (*итал.*) — военный мятеж.

Рукописный оригинал на бланке со штампом товарища министра внутренних дел. В правой колонке документа — вопросы, поставленные автором, в левой — его же ответы. Дата не указана, документ датируется по содержанию.

№ 13

Телеграмма Одесского губернского комитета ПСР В.Н. Рихтеру о необходимости его присутствия для выдвижения его кандидатуры в Учредительное собрание

18 сентября 1917 г.

СРОЧНАЯ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
КОМИТЕТ ЕСЕРОВ РИХТЕРУ
ГАЛЕРНАЯ 27, ПЕТРОГРАД

24 сентября Херсон

Съезды партийный и крестьянских депутатов по поводу кандидатур Учредительное собрание необходимо ваше присутствие губернский комитет

Текста вклеен на телеграфный бланк.

В правом верхнем углу штамп: срочная.

№ 14

Заметка из газеты «Одесские новости»

23 сентября 1917 г.

Кандидаты с.-р.

В местной с.-р. организации вопрос о списках кандидатов в Учредительное собрание, вызывая довольно острые разногласия между представителями образовавшихся двух фракционных течений, в настоящий момент находится пока в периоде обсуждения. Предрешенным является только вопрос о первом кандидате списка. Это место займет кандидат партийного ЦК В.Н. Рихтер.

С.-р.-ский кандидат в Учредительное собрание окончил Новороссийский университет по филологическому факультету в 1901 г. В 1904 г. В.Н. Рихтер подвергся ссылке в Сибирь, эмигрировав затем за границу. В.Н. Рихтер поселился в Италии, откуда возвратился после переворота.

Во время своего пребывания в Одессе, с которой В.Н. Рихтер связан многими личными узами, нынешний кандидат в Учредительное собра-

ние принимал близкое участие в местной журналистике, работая в издававшемся здесь журнале «Южные Записки». В «Одесских Новостях» было также в свое время помещено несколько его статей.

Маленькая вырезка из газеты. Название газеты, номер (10524) и дата вписаны от руки.

№ 15

Фрагменты из газет Одесского комитета ПСР

[конец октября 1917 г.]

Из хроники

[ранее 27 октября 1917 г.]

В думской фракции с.-р.

Вчера, при участии члена центрального комитета партии социалистов-революционеров В.Н. Рихтера, состоялось экстренное заседание думской фракции с.-р.

Подробности заседания будут в следующем номере.

Маленькая вырезка из газеты без названия и даты. Название газеты определено по шрифту и качеству бумаги. Датируется по обрывку текста на обороте вырезки.

Объявление

[ранее 28 октября 1917 г.]

На субботу 28 октября

с о з ы в а е т с я

КОНФЕРЕНЦИЯ П.С.-Р.

ДОКЛАД ПРЕДСТАВИТЕЛЯ Ц.И.К. ПАРТИИ

г. РИХТЕР

Маленькая вырезка из газеты без названия и даты.

Из жизни партии в Одессе

[позднее 26 октября 1917 г.]

Вчера, при участии члена центрального комитета партии с.-р., В.Н. Рихтера, состоялось экстренное заседание временного исполнительного комитета партии с.-р., посвященное вопросу об отношении комитета к происходящим событиям.

После долгих и оживленных прений была вынесена следующая резолюция:

Осуждая выступление большевиков за 17 дней до выборов в Учредительное Собрание с целью захвата власти и в то же время находя дальнейшее сотрудничество с цензовыми элементами невозможным, вр[еменный] исп[олнительный] к[омитет] постановил поддерживать временное правительство, которое явится из революции, будет создано органами власти, полномочно выражающими волю всей русской демократии, и поставит своей ближайшей целью доведение страны, в установленный срок, до Учредительного Собрания.

Думская Фракция С.-Р. и ЦК Партии

[позднее 27 октября 1917 г.]

В пятницу 27 октября состоялось чрезвычайное заседание для разрешения вопроса об установлении связи между фракцией и муниципальной комиссией ЦК.

После вступительного слова члена ЦК Партии В.Н. Рихтера, указавшего на полную оторванность центра от мест, между членами фракции состоялся обмен мнений, в результате которого принято решение возложить на президиум фракции обязанность осведомлять периодически как Центральный Комитет, так и муниципальную комиссию при нем, о деятельности фракции, установить тесный и постоянный обмен мнений, а фракции в целом — принять участие в разработке муниципальной программы партии, каковая подлежит рассмотрению ближайшего Совета Партии.

Муниципальные заметки

[позднее 27 октября 1917 г.]

Заседание Городской Думы 27-го октября ознаменовалось крайне печальным инцидентом: 10 товарищей социалистов-революционеров не пожелали подчиниться фракционной дисциплине и подали свои голоса против предложенной фракцией с.-р. резолюции, осуждавшей выступление большевиков. Эти же товарищи демонстративно сидели (вместе с кадетами), когда вся социалистическая часть Думы встала для приветствия оглашенных гор[одским] головою воззваний, полученных Думой от высших органов революционной демократии — Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов, Центрального Комитета партии социалистов-революционеров, социал-демократической рабочей партии и партии народных социалистов. Поведение этих товарищей вызвало тем большее недоумение, что предложенная фракцией резолюция находилась в полном соответствии с директивами Центрального Комитета партии социалистов-революционеров.

Таким образом, и перед думской фракцией с.-р. встал грозный призыв раскола. В тот момент, когда ЦК нашей партии (см. напечатанное в сегодняшнем номере воззвание) призывает все партийные организации к единению, к строгой дисциплине¹⁷¹, когда нам приходится читать об аре-

сте тов. Маслова, автора закона о передаче земли земельным комитетам (см. то же воззвание ЦК), наша думская фракция, сохранявшая до сих пор единство, раскалывается, если не формально, то на деле. Ибо голосование против резолюции фракции есть. Несомненно, фактический раскол и противоречит всем основам партийной дисциплины. Это голосование имело место вопреки категорическому разъяснению члена ЦК тов. Рихтера, указавшего товарищам, что, оставшись в меньшинстве, они вправе воздержаться от голосования, даже мотивировать свое воззрение, но ни в коем случае не голосовать против партии.

Все три заметки вырезаны из газеты «Революционное дело». Номер газеты и дата на вырезках не проставлены, датируется по содержанию.

Объявление

Воскресенье, 29 октября, в 2 часа дня, в помещении
ГОРОДСКОЙ НАРОДНОЙ АУДИТОРИИ

Состоится лекция-диспут на тему

«ВОЙНА И СОЦИАЛИЗМ»

Лекцию прочтет член ЦК Партии С.Р. и кандидат в Учред[ительное]

Собрание по Херсонской губернии

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ РИХТЕР.

Оппонентами приглашаются представители всех политических партий. Билеты продаются ежедневно в помещении губернского комитета улица Петра Великого № 8 и в день лекции в НАРОДНОЙ АУДИТОРИИ цена билета 1 рубль для военных 50 коп.

Вырезка из газеты без номера и даты.

Объявление

Херсонский Комитет

Партии Социалистов-Революционеров

В четверг 2-го ноября 1917 г. в здании Совета

Раб[очих] и Солд[атских] Депутатов

Член ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА

партии Социалистов-Революционеров

В.Н. РИХТЕР

Прочтет:

ЗАДАЧИ УЧРЕДИТЕЛЬН[ОГО] СОБРАН[ИЯ]

Весь сбор поступит в Избирательный фонд партии Социалистов-революционеров. Начало лекции в 8 час. вечера. Цена билета 1 рубль. Билеты продаются в помещении Херсонского Комитета партии социалистов-революционеров, в здании Совета Раб. и Солд. Депутатов.

Вырезка из газеты без номера и даты.

№ 16

Телеграмма председателя Херсонской окружной Избирательной комиссии В.Н. Рихтеру о предварительных результатах выборов в Учредительное собрание

27 ноября 1917 г.

ПЕТРОГРАД ГАЛЕРНАЯ НР

27 ВЛАДИМИРУ НИКОЛАЕВИЧУ РИХТЕРУ

окружная комиссия уведомляет вас

ходатайству представителя списка что согласно имеющейся по части округа официальным данным а по другой части по не официальным вы вне сомнения будете избраны в учредительное собрание по заявленному по херсонскому избирательному округу списку номер четвертый 444 председатель оквыборы Яковленко

Текст вклеен на телеграфный бланк.

№ 17

Список лекций, прочитанных В.Н. Рихтером в Одессе в 1919—1920 гг.

1.	Основные идеи Лаврова ¹⁷² и Михайловского. (2 л ^а)	Пересыпь. Клуб Михайловского
2.	По поводу Ясского совещания ¹⁷³ .	Митинг в Русском театре
3.	Некоторые мотивы творчества И.С. Тургенева.	Пересыпь. Клуб Михайловского
4.	Некоторые мотивы творчества И.С. Тургенева.	Пушк[инская] Нар[одная] Школа им. Брешковской
5.	Творчество Успенского ¹⁷⁴ .	Пересыпь. Клуб Михайловского
6.	<u>Суд над Вильгельмом</u> ⁶¹⁷⁵ . Защит[ельная] речь.	Митинг. Русский театр
7.	Взгляды Брешковской.	Пушк[инская] Нар[одная] Школа им. Брешковской
8.	Текущий момент.	Митинг. Колизей.
9.	Декабристы как предшественники народников	Пересыпь. Клуб Михайловского

^а Имеются в виду 2 лекции.

^б Подчеркнуты платные лекции. Отказался от платы — отк. — прим. В.Н. Рихтера.

10.	<u>Суд над Лениным</u> ¹⁷⁶ . Критика теории большевиков.	Митинг. Худож[ественный] театр
11.	<u>Творчество Ростана</u> ¹⁷⁷ .	Пересыпь. Клуб Михайловского
12.	<u>Кризис марксизма.</u>	Митинг. Худож[ественный] театр
13.	<u>Интернационал.</u>	Митинг. Гор[одская] Нар[одная] Аудит[ория]
14.	<u>Миросозерцание Михайловского.</u>	Пересыпь. Клуб Н.К. Михайловского
15.	<u>Обобществление производства.</u>	Дискуссия. Зал Ришелье. 25
16.	<u>История народничества.</u>	Молдаван[ский] Союз булочников
17.	<u>Радищев</u> ¹⁷⁸ как первый революционер.	Пересыпь. Клуб Михайловского
18.	<u>Миросозерцание Герцена</u> ¹⁷⁹ .	Пересыпь. Клуб Михайловского
19.	<u>19 февр[аля] и Радищев</u> (отк).	Гимназия Мякенко
20.	<u>Грядущее средневековье.</u>	Народ[ный] Петроп. Дом
21.	<u>Миросозерцание Белинского</u> ¹⁸⁰ .	Пересыпь. Клуб Михайловского
22.	<u>Идеология народолюбцев.</u>	Пересыпь. Клуб Михайловского
23.	<u>Софья Перовская</u> ¹⁸¹ .	Урания
24.	<u>Софья Перовская.</u>	Урания
25.	<u>Софья Перовская.</u>	Урания
26.	<u>Творчество Горького</u> ¹⁸² .	Ланжерон. 24. Союз Тра... ^a
27.	<u>Нужно ли философское обоснование для программы?</u>	Клуб Лаврова
28.	<u>Текущий момент</u> (тема д.б. № 16–17)	Городск[ая] Дума
29.	<u>Андрей Кожухов</u> ¹⁸³ . I часть.	Урания
30.	<u>«Пролетарская культура»</u> ¹⁸⁴ .	Александр[овская] площ[адь]. 30.
31.	<u>«Национальный вопрос и Революция».</u>	Прохоровская
32.	<u>Творчество Горького.</u>	Гимн[азия] Лигина
33.	<u>Идеи Лаврова.</u>	Клуб Лаврова
34.	<u>Андрей Кожухов. II часть.</u>	Урания
35.	<u>«Пролет[арская] культура».</u>	Фабр[ика] Жако
36.	<u>«Пролет[арская] культура».</u>	Московск[ая]. 74
37.	<u>Творчество Достоевского.</u>	Ренессанс
38.	<u>Творчество Достоевского.</u>	Ренессанс

^a Слово сокращено и написано неразборчиво.

39.	<u>«Пролетарская культура».</u>	Фабр[ика] Зайнштейн. Моск[овская] 20.
40.	<u>Творчество Горького</u>	Московск[ая]. 74
741.	<u>Декабристы</u>	Зал Л[итературно-] Арг[истического] Об-щ[ества]
42.	<u>Творчество Ростана.</u>	Училище Лигина
43.	<u>Крейцера соната.</u>	Урания
44.	<u>Человеческий разум в борьбе со стихиями.</u>	Канатная 35
45.	<u>Человеческий разум в борьбе со стихиями.</u>	Кондрат[ьева?] 31
46.	<u>Роль социального инстинкта.</u>	Канатная 35
47.	<u>«Пролетарская культура».</u>	Гор[одская] Нар[одная] Аудит[ория]
48.	<u>«Бог правду любит, да не скоро скажет».</u>	Ренессанс
49.	<u>Предпосылки социальной революции.</u>	Канатн[ая] 35
50.	<u>Софья Перовская.</u>	Moulin Rouge
51.	Объяснительное чтение программы ПСР (2 л)	Клуб Лаврова
52.	Философское обоснование программы ПСР	Клуб Лаврова
53.	<u>Софья Перовская</u>	Moulin Rouge
54.	<u>Человеческий разум в борьбе со стихиями</u>	Мал[ый] Фонтан
55.	<u>«Человек-зверь» Золя</u> ¹⁸⁵	Урания
56.	<u>«Человек-зверь» Золя</u>	Урания
57.	Критика экономич[еского] материализма	Клуб Лаврова
58.	Передовая Устн[ой] Газеты № 1 ^a	Клуб Лаврова
59.	<u>Творчество Горького</u>	Ярмарочн[ая] площадь
60.	Критика теории большевизма	Клуб Лаврова
61.	Устная газета № 2. Передовая и отчет о съезде	Клуб Лаврова
62.	Речь на губ[ернском] съезде учителей	Колизей
63.	<u>История революционного движения</u>	Малый Фонтан
64.	<u>«Пролетарская культура»</u>	Гаванная 3

^a Слово сокращено и написано неразборчиво.

65.	<u>Творчество Писемского</u> ¹⁸⁶	Уrania
66.	Устная газета № 3. Передовая	Клуб Лаврова
67.	<u>История револ[юционного] движения в России</u>	Канатная 35
68.	<u>История револ[юционного] движения в России</u>	Канатная 1
69.	<u>История револ[юционного] движения в России</u>	Здание Корпуса
70.	«Пролетарская культура»	Канатная 1
71.	<u>Общий очерк русской литературы</u>	Клуб Троцкого
72.	<u>История револ[юционного] движения в России</u>	3 станц[ия] Фонтана
73.	<u>История револ[юционного] движения в России</u>	Николаевск[ий] буль[вар]
74.	<u>История револ[юционного] движения в России</u>	Кондрат[ьева] 31
75.	Устная газета № 4.	Клуб Лаврова
76.	«Пролетарская культура»	Канатн[ая] 35
77.	Речь на могиле Геккера ¹⁸⁷	Еврейское кладбище
78.	<u>История револ[юционного] движения в России</u>	Старопорт[овая] 45
79.	<u>Общий очерк истории русской литературы</u>	Малый Фонтан
80.	«Пролетарская культура» лекц[ия] 71	Польский дом
81.	<u>История русской литературы</u>	Малый Фонтан
82.	«Пролетарская культура»	Старопорт[овая] 45
83.	<u>История русской литературы</u>	Малый Фонтан
84.	Речь на гражданской панихиде Геккера	Клуб Лаврова
85.	Речь на митинге Ропировцев	Арбузная гавань
86.	Защита резолюций бюро на заседании секций	Гимн[азия] Раппопорта
87.	«Пролетарская культура» (отк)	Клуб Михайловского
88.	Н.Л. Геккер	Литер[атурно-]Артист[ическое] общество
89.	<u>Ростры — храм слова</u> (отк)	Литер[атурно-]Артист[ическое] общество
90.	<u>Империализм и социализм</u> (про-летк.)	Литер[атурно-]Артист[ическое] общество

91.	Активисты и пассивисты	Новобазарный район
92.	Эволюция и революция	Клуб Михайловского
93.	Великая Россия и великие потрясения	Клуб Лаврова
94.	Джованни Боккаччио	Клуб Лаврова
95.	Муниципальные выборы на Западе	Клуб Михайловского
96.	«Общественная реакция». Передовая «устной газеты»	Клуб Лаврова
97.	«Леонид Андреев» ¹⁸⁸	Клуб Михайловского
98.	«Устная газета». Передовая «Политическая реакция».	Клуб Лаврова
99.	«Устная газета». Передовая «Обществ[енное] полевение»	Клуб Лаврова
100.	Кольцов ¹⁸⁹	Клуб Михайловского
101.	Творчество Горького	Клуб Михайловского
102.	Поэзия Баратынского	Клуб Лаврова
103.	Творчество Ростана	Дом юношества
104.	Устная газета. «Иностранная политика»	Клуб Лаврова
105.	Устная газета. «Не понять непонятного»	Клуб Лаврова
106.	Кооперация	Клуб Михайловского
107.	Декабристы-поэты	Клуб Лаврова
108.	Творчество Никитина ¹⁹⁰	Клуб Михайловск[ого]
109.	А. И. Герцен	Клуб Михайловск[ого]
110.	Устная газета	Клуб Лаврова
111.	Шевченко ¹⁹¹	Евр. Общ[ественная] Тург[невская] Школа
112.	Учит[ельское] выборн[ое] собр[ание]	Гимн[азия] Рапп[опорта]
113.	Предвыборная агитация	Цирк
114.	О национальном вопросе	Общ[ее] Собр[ание]
115.	Устная газета	Клуб Лаврова
116.	Речь на беспартийной конференции	Городск[ой] театр
117.	Творчество Горького 1/14 марта ^a	Слободка Романовка

^a Слово сокращено и написано неразборчиво.

118.	(«Народовольцы»). «Прежде и теперь» 1/14	Клуб Лаврова
119.	Устная газета «Картинная галерея»	Клуб Лаврова
120.	«Прошлое Одесской орг[анизации] ПСР	Клуб Лаврова
121.	<u>А.И. Герцен</u> (отк) 8/21 марта	Слободка Романовка
122.	«Со ступеньки на ступеньку» Устная газета № 25	Клуб Лаврова
123.	«Тютчев ¹⁹² и Фет ¹⁹³ » 13/26 марта	Клуб Лаврова
124.	«Н.К. Михайловский»	Литературка. 21/3
125.	«Слухи и правда». Устная газета	Клуб Лаврова
126.	А.И. Герцен	Клуб Лаврова
127.	Устн[ая] газета (Ватто ¹⁹⁴)	Клуб Лаврова
128.	Лекция по западноевропейской литературе	Клуб Герцена и Михайловского
129.	Устная газета. Памяти Гершуни ¹⁹⁵	Клуб Лаврова
130.	Лекции по идеологии ПСР	Клуб Лаврова
131.	Устная газета. «Излишки и облож[ения]»	Клуб Лаврова
132.	<u>Горький к[а]к пророк революции</u>	Мельница Вайнштейна
133.	<u>Горький к[а]к пророк революции 16/VII</u>	Фабрика Синельникова
134.	Устн[ая] газета (Курс на крестьянство)	Клуб Лаврова
135.	Годовщина смерти Геккера. 19/ VII	Клуб Лаврова
136.	Крестьянский вопрос в его теор[етическом] обосновании 25/ VII	Клуб Лаврова
137.	<u>Средневековье 29/ VII</u>	Клуб Горького
138.	<u>О выборе книг. 31/ VII</u>	Фабрика Попова
139.	Устн[ая] газета. (Обзор положения в Западной Европе)	Клуб Лаврова
140.	<u>Творчество Никитина. 4/ VIII</u>	Мельница Вайнштейна
141.	<u>Творчество Горького 7/ VIII</u>	Фабрика Попова
142.	Творчество Чехова. 8/ VIII	Клуб Михайловского
143.	Устн[ая] газ[ета]. «О кулаке, интеллигенте и т.п.»	Клуб Лаврова
144.	Чтение произведений Никитина 10/ VIII	Фабрика Попова

145.		
146.	Эпоха возрождения 21/ VIII	Клуб Горького
147.	Серафимович ¹⁹⁶ «Степные люди». 19/ VIII	Фабрика Попова
148.	Телешов ¹⁹⁷ . «Против обычая» 24/ VIII	Фабрика Попова
149.	Лекции по всеобщей истории ... ^a	Здание Тех[нического] Уч[илища] и Видинской
150.	Посещение Толстовского музея.	
151.	Творчество Горького 31/ VIII	Фабрика Конельского
152.	Короленко. «Судный день». 26/ VIII	Фабрика Попова
153.	Устная газета. Колебания власти. 4/IX	
154.	Короленко «Сон Макара» 2/IX	Фабрика Попова
155.	Радишев и его путешествие. 1/IX	Фабрика Конельского
156.	Короленко «Огни». 9/IX	Фабрика Попова
157.	Устная газета (Локомотив) 18/IX	Клуб Лаврова
158.	Радишев и декабристы 19/IX	Фабр[ика] Попова
159.	Уэллс ¹⁹⁸ «Яблоко с дерева познания» 23/IX	Фабр[ика] Попова
160.	Музей. 24/IX	
161.	Устная газета. Итоги. 25/IX	Клуб Лаврова
162.	Творчество Короленко.	Фабрика Конельского
163.	Устная газета. Протоп[оп] Аввакум. 2/Х	Клуб Лаврова
164.	Поэт декабрист Рылеев ¹⁹⁹ . 3/Х	Народн[ая] Аудитория
165.	Творчество Горького. 6/Х	Клуб Горького.
166.	Уэллс. «Чел[овек,] к[от]о[р]ы[й] мог бы творить чуд[еса]». 7/Х	Ф[абрика] Попова
167.	Устная газета № 48. Иностранная политика. 9/Х	Клуб Лаврова

Рукописный оригинал в толстой тетради в линейку с конспектами лекций по литературе, на обложке которой указан год: 1919, на первой странице приведен список выпусков устной газеты Одесского комитета ПСР. Авторская нумерация выступлений римскими цифрами заменена на арабские для компактности.

^a Текст неразборчив.

Статья В. Н. Рихтера, опубликованная
в газете «Одесские новости»

18 января 1919 г.

В нашу тяжелую, переходную эпоху, когда буржуазному строю нанесено немало разрушительных ударов, расшатавших его основание, и когда, с другой стороны, еще не вполне расчищена дорога для грядущей социалистической эры, несомненно, развитие пойдет по пути все увеличивающейся демократизации и коллективизации.

Всякие попытки восстановить в измененном виде прежний уклад жизни, либо насильственным путем водворить коммунизм обречены на неудачу. Только власть, опирающаяся на широкие народные массы, власть, неуклонно и искренне осуществляющая те преобразования, которые идут навстречу нуждам и интересам трудящихся, может рассчитывать^а на прочное осуществление^а, может выйти победительницей в борьбе с враждебными элементами.

Идея народовластия должна быть осуществлена и будет осуществлена в наше время. Народы, столько перенесшие в течение годов войны, обреченные еще на долгие страдания, пока не будет восстановлено государственное хозяйство, не позволят отстранить себя, как прежде, от политической власти, от права распоряжаться своей судьбой.

Поэтому в России единым органом, имеющим право говорить от имени русского народа, от имени российской федеративной республики, является Всероссийское Учредительное собрание 1-го созыва. Только оно, не подрывая в народных массах идеи народоправства, может поставить вопрос, нужны ли новые выборы или нет, только оно может^а назначить власть, пользующуюся всеобщим признанием. Никакой сговор партий, никакие соглашения местных правительств, возникших благодаря местным переворотам и опирающимся^а на силу штыков, не могут иметь того значения и того авторитета, которым обладает Всероссийское Учредительное собрание, несмотря на все удары, выпавшие на его долю.

Член Учредительного собрания от Херсонской губ[ернии] по сп[иску] Партии с.-р.

В.Н. Рихтер

Вырезка из № 10891 газеты «Одесские Новости» от 18(5) января 1919 г., вложенная в тетрадь с вырезками из газеты «Дело» (см. док. № 19).

^а Газетные печатки.

Подборка вырезок из одесской газеты «Дело»

Август—сентябрь 1919 г.

ДОВОЛЬНО КРОВИ!

26 августа 1919 г.

Только что кончила свою безумную работу «чрезвычайка». Еще неизвестны имена тех несчастных, которых она сотнями расстреливала тайком в своих стенах; еще не смыта кровь ее жертв, не погребены их трупы; еще не установлено[,] сколько невинных, даже с точки зрения самих большевиков, погибло, а уже вновь по улицам Одессы расстреливают людей, вылавливают лиц, у которых в данную минуту в руках оказался неоспоримый знак власти — револьвер или винтовка. Уже имеются даже не повинные в «большевизме» жертвы расправы.

Года непрекращающегося, систематического убийства обесценили человеческую жизнь, создали маньяков расстрела. Бесправие и произвол самодержавия, апология человеконенавистничества в годы войны, большевистский «социализм» с оргией насилия — наложили свою печать на темные массы и на «дикарей высшей культуры». Воображая себя то «носителями новой жизни», то «спасителями России», они не подозревают, что являются лишь худшими представителями отходящей в область предания эпохи злобного попрания человеческих прав...

Действительной власти, власти, опирающейся на большинство населения, власти, выражающей его волю и осуществляющей его интересы, не нужны репрессии. Ее одушевляют творческие задания, проведение новых мероприятий, а не месть вчерашним врагам, месть, лишь рождающая новую ненависть и месть...

Самодержавие погибло потому, что само подготовило почву для широкого общественного негодования. Казни, тюрьмы, Сибирь не спасли его. Большевизм уничтожен у нас в первую голову его же собственными декретами и «чрезвычайками». Не помогли ему вылавливание «белогвардейцев», массовые расстрелы, удушение гражданской жизни...

Расстрелы и репрессии свидетельствуют не о сильной власти, а о бессилии власти. Это ясно всем, это ясно даже господам, отдающим приказания расправляться со своими противниками. Только перерезав всех наиболее энергичных «инакомыслящих», они считают возможным обеспечить победу своим «идеям». Они боятся гласного народного суда; они не способны привлечь к себе большинства.

Когда большевики вступили в город, их встречали с ликованием, цветами, красными флагами. Как провожали их — мы видели... Пролитой кровью, политической мстью, расправами над безоружными, репрессиями — создаются лишь враги, а не друзья, расшатываются, а не укрепляются общественные устои.

Тот, кто считает себя «избавителем страны от насильников», тот должен немедленно и раз навсегда, прекратить избивание граждан, не допус-

кать бессудных казней, не восстанавливать средневековых застенков под именем чрезвычайок или охранок, должен отказаться от сотрудничества с «заплечными дел мастерами» и провокаторами.

Довольно крови, довольно убийств, довольно разрушений!

Н.Л. ГЕККЕР^а

30 августа 1919 г.

Во время нашего вынужденного молчания Одесская организация Партии социалистов-революционеров потеряла одного из виднейших своих членов Наума Леонтьевича Геккера.

Наум Леонтьевич был в рядах партии с ее основания, принимал самое энергичное участие во всех партийных делах, стоял на стороже^б чистоты партийной программы и лучших заветов русской социалистической мысли.

РЕЗОЛЮЦИЯ УЧИТЕЛЕЙ

30 августа 1919 г.

Соединенное собрание Правления Одесского профессионального учительского союза и Правлений всех его секций придерживается в отношении членов следующих принципов:

1) оно считает недопустимой механическую реставрацию старой школы (назначения, увольнения и т.п.);

2) оно отстаивает автономию школы (выборное начало и т.п.);

3) считает необходимым осуществление принципов новой (единой трудовой) школы;

4) настаивает на участии учительства в обсуждении всех мероприятий, касающихся школы.

Исходя из указанных принципов, а также из того, что в настоящие переходные дни, при временном управлении округом, 1) никакие резкие изменения в положении школы недопустимы и 2) необходимо стремиться избежать всяких конфликтов и обострения отношений в школе, соединенное собрание находит, 1) что общей реформы школы в эти переходные дни начинать нельзя и 2) что никакие частичные рассмотрения, изменяющие существующее положение дел в школе, не должны издаваться без соглашения с представителями союза.

Е.Н. ЩЕПКИН²⁰⁰

30 августа 1919 г.

За арестованного проф. Щепкина ходатайствует, как за своего члена[,] профессиональный учительский союз, стараясь предохранить его от возможности бессудной расправы.

^а В газете текст заметки помещен в траурную рамку.

^б Так в тексте.

ШКОЛА И УЧИТЕЛЬСТВО

30 августа 1919 г.

При всеобщей дезорганизации и разрухе, конечно, должна была пострадать и пострадала наша школа. Немыслимо нормальное учение, когда нет пособий, когда нет спокойной обстановки, нет достаточного питания, нет топлива и света.

Давно уже прекратилась правильная подготовка новых кадров преподавателей, не разрабатываются вопросы, связанные с самым существом новой школы... Революция только поманила широкими перспективами, почти ничего положительного не дав. Различные калифы на час еще усугубляли трагическое положение школы, пытаясь использовать ее в целях агитации и пропаганды, демонстрируя на ней «силу» своей власти и «непреклонность» своей политики...

Строительство сверху путем декретов, приказов не может достигнуть цели тем более, что нет для этого ни достаточно авторитетной компетентной власти, ни прежнего рабски послушного чиновнического аппарата.

Только при энергичной поддержке всего общества можно спасти школу от полного крушения. Только при самоотверженной, дружной работе учительства, которому предоставлена самая широкая инициатива, которое будет защищено от бюрократического усмотрения и вмешательства, можно обеспечить в настоящих условиях хотя бы прозябание занятий в учебных заведениях.

Учительство — единственная сила, которая может и должна спасти школу.

Оно в своей наиболее здоровой части и до сих пор старалось всеми силами выполнить свой долг, всегда подымало свой голос в защиту старых заветов русской интеллигенции, требовавшей создания свободной, автономной школы, действительно доступной для всех, ставящей себе целью содействовать всестороннему, гармоническому развитию личности.

Учительство протестовало против попыток извратить школу, сделать ее орудием классово-национальной борьбы, пыталось бороться как с обомшелыми реставраторами, так и забывшими здравый смысл и действительность ультраинноваторами...

В настоящий же момент, когда учебный год должен начаться в особо трудных условиях, когда еще не изжито наследие большевизма и не упрочилась новая педагогическая власть, когда придется встретиться с попытками старорежимных педагогов вернуть себе силу и забрать в свои руки ведение всех дел, — в этот момент учительство опять должно возвысить свой голос и предохранить народное образование от новых экспериментов.

Для нас вполне понятна вся трудность той задачи, которая должна быть разрешена в столь короткий срок и в столь трудной обстановке. Но не надо забывать, что чересчур многое зависит именно от того, как начнется новый учебный год, какие принципы будут положены в основу с самого начала.

В наши дни очень часто «временное» оказывается слишком затяжным и с ним приходится поэтому весьма серьезно считаться.

Выжидательная тактика более не применима.

Нет сомнения, что принцип автономной, единой трудовой школы, провозглашенный в резолюции правлений учительского профессионального союза и секций[,] встретит сочувствие и активную поддержку не только в среде передового учительства, но и в самых широких слоях общества.

ОБ ОПАСЕНИЯХ И ЧАЯНИЯХ ОБЫВАТЕЛЯ

31 августа 1919 г.

Никто, кажется, так не ненавидит большевиков, как обыватель. Он, лишь бы рассчитаться с ними, подвести их под расстрел, готов доносить, высматривать, подслушивать, готов покарать десять невинных, лишь бы не спался один виновный.

Но так как обыватель очень плохо разбирается в происходящих кругом событиях, то он в тайниках души совершенно не уверен в прочности своего теперешнего благополучия...

А вдруг еще вернутся? А вдруг оправдается предсказание коммунистов о краткосрочной полуторамесячной отлучке их...

Предполагая, что успокоенный обыватель будет менее злобствовать и скорее перестанет активно вмешиваться в политические счета партий, придем ему на помощь...

Коммунистическая партия сходит надолго, вернее, навсегда с политической арены. Мы можем предсказать это с уверенностью, так как ясно видим, что ее[,] главным образом[,] побеждают не внешние силы, а острое недовольство, доходящее до восстаний, в широких кругах трудящихся, на всей территории советской России. Полнейший и безнадежный крах большевистской программы, уничтожение действительностью всех большевистских прогнозов и ожиданий, потеря престижа и доброго имени нанесли коммунистам смертельный удар. Но наиболее ужасное для большевиков в том факте, что они сами уничтожили свою единственную силу. Та часть пролетариата, на которую они исключительно опирались, которая составляла основное ядро их армии[,] почти сведена ими на нет. Своей экономической политикой они расплыли, развратили, истожили фабрично-заводских рабочих. Не прекращавшаяся ни на минуту гражданская война, требовавшая невероятного напряжения всех сил и без того надорванного пролетариата, скосила главным образом наиболее стойкую, наиболее идейную, наиболее энергичную часть коммунистического войска.

Это незаменимая потеря, это — уничтожение действенного коммунизма.

Нет сомнения, что обыватели и реакция делают все, чтобы обеспечить в дальнейшем успех коммунистической агитации и пропаганды; нет сомнений, что стремясь во что бы то ни стало и как можно скорее восстановить отжившее старое, они восстанавливают и те условия, которые создали в свое время возможность процветания большевизма. Ведь большевизм и реакция взаимно питают и поддерживают друг друга.

Но в силу указанных выше причин можно все-таки сказать, что большевизм умер и оживить его ненадолго может лишь чудодейственная сила нелепой реакционной политики и злоба не помнящего себя и даже своих выгод обывателя...

Но если большевикам не суждено вернуться к власти, если обыватель может быть почти гарантирован от повторений «для бедноты» и расстрелов за «буржуазность», то нельзя ли рассчитывать на возможность полного утверждения самодержавного строя, того прекрасного строя, когда можно было безнаказанно расправляться с инородцами, когда рабочий мужик и прислуга должны были почитать господ и не «разыгрывать из себя бар», когда для защиты собственности и капитала на каждом углу стоял любезный сердцу городской, готовый за малую мзду оказать большую услугу?

Обыватель так утомлен всеми треволнениями, всеми обрушивающимися на его голову несчастьями, что жаждет реставрации, жаждет сильной прочной власти, какова бы она ни была (конечно, в правом смысле).

К сожалению, у нас есть данные, разрушающие эти чаяния.

Когда вся страна находится в состоянии анархии, когда разрушены пути сообщения, когда уничтожен весь государственный аппарат, когда подорван престиж власти и нет навыков к общественному самоуправлению, когда, наконец, оргии расстрелов, массовых пороков, уничтожение целых сел и бомбардировки городов стали «обычным явлением», нет такой силы, которая сверху, принудительными мерами могла бы ввести порядок.

«Сильная и прочная власть», о которой мечтает обыватель, т.е. власть[,] не выдвинутая самим населением, а диктующая ему свою благожелательную волю, должна опираться на штыки, на многочисленные надежные, послушные штыки. В условиях же нашей действительности провести принудительную мобилизацию (единственно целесообразную), обеспечить военную дисциплину во вновь образованных частях и воспользоваться этими частями против населения — так же трудно, как уничтожить приказами сверху основную причину недовольства — продовольственный и экономический кризис.

Мы считаем своим долгом предупредить обывателя, что испытания его еще далеко не кончены, что не настал еще период даже кратковременного его господства. Если он будет питать в этом отношении какие-нибудь иллюзии, ему жестоко придется раскатыться. Недаром даже его друзья осторожно предупреждают от необходимости воздержаться от расправы со своими обидчиками, о благоразумном сокращении аппетита по части восстановления прав и привилегий...

Амплитуда качания маятника уменьшается, но качание еще не прекратилось. Одна власть сменилась другой, но ведь это еще «временная власть».

Для того, чтобы година тяжких испытаний скорее кончилась, чтобы действительно началось возрождение, необходимо и самому обывателю научиться думать не о вчерашнем, даже не о сегодняшнем, а о завтрашнем дне.

Теперьшние страдания неизбежны, но избавиться от них нельзя кесаревым сечением; только твердой верой в лучшее будущее, только неустанной поддержкой общественной самодеятельности и развитием ее возможно добиться медленного исцеления...

ВОЗРОЖДЕНИЕ «ПРОЛЕТКУЛЬТА»²⁰¹

31 августа 1919 г.

Энергично действовавший еще задолго до прихода в Одессу большевиков «Пролеткульт» не прекратил своей работы и под владычеством комиссаров, но с первых же дней пришлось ему вести борьбу на жизнь и на смерть за право автономного существования. На первых порах, несмотря на эту борьбу, ему даже удалось несколько расширить свое дело, но[,] к сожалению[,] ненадолго. Вскоре автономия была отнята, лектора «разъяснены», программа отменена и... работа замерла окончательно.

В настоящее время бывшими деятелями упраздненного большевиками «пролеткульта» делаются энергичные попытки возобновить эти полезные и необходимейшие для пролетариата учреждения.

В четверг состоялось организационное совещание работников «Пролеткульта», на котором выяснялась возможность приступить в ближайшие же дни к чтению лекций по научным и общественным вопросам. Предполагаются лекции: В.А. Агабекова — Всеобщее избирательное право и городские муниципалитеты, Н.И. Кулябко-Корецкого — По истории Европы, В.В. Лункевича — По биологии, В.Н. Рихтера — По литературе русской, западноевропейской, А.А. Сухова²⁰² — По истории культуры.

Временный комитет «Пролеткульта», до созыва общего собрания представителей рабочих культурно-просветительных организаций, сконструировался в составе лиц[,] избранных конференцией добольшевистского периода, в марте сего года, с Н.И. Кулябко-Корецким — во главе.

Ближайшее заседание Комитета назначено на вторник 20 — 2 сентября в 6 час. вечера у Н.И. Кулябко-Корецкого; члены Лекторской Коллегии приглашаются туда же на час ранее.

* * *^a

3 сентября 1919 г.

Не так давно председатель местной «чрезвычайки» Калениченко²⁰³, допрашивая одного из наших товарищей по партии, арестованных по обвинению в «агитации против советской власти», настойчиво уверял его:

- Вы контрреволюционер!
- Позвольте, почему же?

^a Заголовок отсутствует. На полях этой заметки карандашом написано: Агабеков. Возможно, описанный разговор произошел с арестованным Агабековым.

- Как почему! Ведь вы против советской власти?
- Против.
- Ну, так значит, вы контрреволюционер. Теперь существует только два лагеря: большевики и реакция; раз вы против большевиков — значит вы за реакцию!

Так они и не смогли сговориться: Калениченко продолжал утверждать, что «*tertium non datur*», — третьего не дано, а наш товарищ по-прежнему остался в убеждении, что и большевизм и реакция вещи вредные и обреченные на гибель и что настоящий и единственный путь — это по-настоящему демократический строй и Учредительное собрание.

Почти то же самое, что Калениченко, нам говорит сейчас правая печать (как видно, «крайности сходятся»); тот же разговор, что «есть только два лагеря», а потому и т.д.

* * *^a

3 сентября 1919 г.

Дело в том, что в пятницу 16/VIII во 2-й гимназии было созвано собрание школьных работников городских и казенных учебных заведений.

Цель этого собрания — организовать новый союз русских учителей христиан.

Чем же вызвана такая необходимость? Подымает свою голову антисемитизм, начинают опасаться погрома, значит, настало подходящее время приклеить подобающий ярлычок.

Свергнута власть, называвшая себя социалистической и республиканской, значит нужно поскорее испробовать старые, испытанные еще при самодержавии, средства; союзы русских людей и хождения по начальству с поклоном и выражением верноподданнических чувств.

Любопытно отметить, что когда учительство на последнем съезде боролось по мере своих сил с большевиками, тогда никто из членов вновь образованного союза не выступал.

ОБЗОР ПЕЧАТИ

4 сентября 1919 г.

«Одесский Листок» находит, что его маленькая заметка, о предложении Сазонова²⁰⁴ назначить город, где представители России и Германии могли бы сойтись для мирных переговоров, говорит его уму и чувству более многих ширококвещательных статей. Охотно верим этому, тем более, что «в заметке прибавляется, что известие это (о предложении Сазонова) вызвало сенсацию в дипломатических сферах и отмечено было на бирже резким повышением русских денежных цен-

^a Заголовок отсутствует. На полях заметки карандашом написано: Пейхен.

ностей». Раз «сферы» и биржа приветствуют это событие, то оно[,] конечно[,] должно возбудить живейшую радость у органов[,] близких к дипломатическим сферам.

Действительно, известие это, — полагает «Од[есский] Листок», — едва ли не наиболее радостное из всего того, что приходилось читать в России в последнее время. Оно знаменует начало новой эры возрождения России, как международно-го фактора. В переводе из сухого дипломатического языка на общечеловеческий это значит, что Россия, которой ее многочисленные враги пели отходную, которую считали трупом, вновь воскресла, возрождается к новой жизни в дружной семье народов^а.

Для нас [начало] «новой эры возрождения России» будет датироваться не выступлением дипломатов, не сенсацией в «сферах», а уничтожением раз навсегда прежней дипломатии и укреплением в нашей стране завоеваний революции. Возрождение страны начнется только тогда, когда общество, широкие народные массы примут сознательное активное участие в строительстве нашего будущего. Поэтому, конечно нужно, как это рекомендует «Сын Отечества»,

отрешиться от мечтаний и стать на путь реального воссоздания страны и обновления ее в пределах, диктуемых историей страны и логикой событий. Тяжкие и свежие воспоминания ближайшего прошлого да помогут нашему обществу не сойти опять с правильного пути,

но для этого необходимо выяснить, что именно «диктуется историей страны и логикой событий», необходима не только борьба с большевизмом, но в равной мере и отыскание «правильного пути», а стало быть ошибочно утверждение газеты,

что первое место принадлежит лишь тем, кто уничтожает большевизм, поражая его не словом, а действием.

Есть фронт, а есть и тыл!

* * *

В «Южном Рабочем» помещена интересная заметка тов. Тучанского об единой трудовой школе:

Было бы большой ошибкой, — пишет тов. Тучанский, — в частности[,] отнести совершенно отрицательно к идее единой трудовой школы на том основании, что эту идею провозглашают большевики.

Прежде всего сама по себе эта идея не содержит в себе ровно ничего специфически «коммунистического», как это показывает пример горячих и энергичных проповедников и проводников этой идеи, немецких и американских педагогов...

И требования демократического развития нашей родины, и требования здоровой педагогики выдвигают настоятельную задачу воплощения в жизнь единой трудовой школы, хотя, конечно, с устранением всех тех средств, какие применяла в этом деле большевистская власть.

^а Размер шрифта здесь и далее в обзоре изменен в газетном оригинале.

В том же «Южном Рабочем» по поводу принятого в Харькове профессиональными союзами решения участвовать в комиссии по рабочему вопросу, организованной при Особом Совещании, находим следующее вполне справедливое замечание:

Рабочие в свою очередь заинтересованы в том, чтобы законы наилучше сохраняли их труд, их здоровье, их права гражданина и пролетария. Никто, кроме представителей самих рабочих не может защищать насущные нужды рабочих, формулировать их требования.

Преступник тот, кто из ложного стыда или неправильно понятых рабочих интересов — скажет: перед лицом той или иной власти мы не защищаем своих интересов.

Но постановление харьковской конференции профессиональных союзов имеет и глубокий политический смысл.

В истолковании этого политического смысла мы по-прежнему расходимся с товарищами меньшевиками. «Южн[ый] Раб[очий]» утверждает:

Всякая власть — даже самая демократическая — явится властью собственнической демократии. Не только сейчас, но и впоследствии, рабочим организациям придется отстаивать свои интересы в чуждых им буржуазных учреждениях. Отказ без разбора от участия в них — наихудший вид бойкотизма, равносильный отказу от политической борьбы.

Мы предполагаем, что война, русская революция, широкое и неизбежно усиливающееся рабочее движение на Западе гарантируют нас от возвращения к прежнему буржуазному строю. Ближайшее грядущее будет характеризоваться все усиливающейся демократизацией, все более реализующейся коллективизацией. Это не социализм, но и не расцвет прежнего буржуазного мира... Это переходная эра. Поэтому, вполне соглашаясь со словами П. Юшкевича в «Одесских Новостях»:

Рабочие должны, наконец, понять, что все те лишения, которые переносит при господстве большевизма население России — и в первую очередь они сами — что все те безобразия и ужасы, которые творятся от их имени, все то воровство и казнокрадство, которое характеризует советское хозяйничанье, рабочие должны понять, что все это не случайные, временные явления, связанные с первыми моментами нового строительства, а что это неизбежные спутники утопической попытки навязать некультурной, экономически отсталой стране высшее достижение хозяйственной жизни — социалистический строй.

Мы, тем не менее не можем, подобно автору, воскликнуть: «Дай Бог, чтобы в России развился, наконец, здоровый капитализм».

В той же газете обращает на себя внимание, благодаря модным теперь утверждениям о безнадежном будто бы провале революции, следующее место:

Конец революции не есть конец с революцией. Эта словесная разница выражает противоположность двух политических систем, двух взглядов на восстановление госуд[арственной] жизни. Первый путь идет через легализацию революции, второй ее игнорирует или намерен преодолеть. В одном случае история — союзник, в другом — враг. На острие весов гибель и спасение.

ПЕТР ДМИТРИЕВИЧ БОБОРЫКИН²⁰⁵

(Род. в 1836 г., умер в 1919 г.)

5 сентября 1919 г.

П.Д. Боборыкин представляет собою редкое и весьма любопытное явление в истории нашей литературы. Несмотря на прочно установившееся в нашей критике, как мы увидим дальше, отрицательное отношение к нему, он сумел завоевать себе «место», заставил себя читать, заставил считаться со своими произведениями и мнениями.

В нашей «учительской», «идейной» по преимуществу литературе это какой-то чужестранец, неведомо откуда явившийся.

На первый взгляд, казалось бы, не трудно указать его место. Стремясь, подобно Тургеневу, «уловить момент» и передать его в духе Гончарова со всеми выхваченными из жизни деталями, он, благодаря своей поверхностности, чрезмерной отзывчивости, плодовитости и необработанности составляет как бы естественный переход от упомянутых классиков к той литературе, которую насаждает у нас Амфитеатров²⁰⁶. Но это только на первый взгляд, потому что Боборыкину нельзя отказать ни в таланте, ни в уме, ни в наблюдательности, нельзя отказать, несмотря на установившееся противоположное мнение, и в особой писательской физиономии. Это действительно прежде всего и только “*homme des lettres*”. Не проповедник, не служитель идеи, даже не поклонник красоты и искусства, а человек «художественного слова», на все интересное литературно откликающийся, умеющий это «интересное» (как большого, так и малого значения), подметить и даже часто предугадать, умеющий все, возбуждающее внимание (преимущественно пассивное), передать в такой форме, что оно становится еще более заметным и выпуклым и, кроме того, без той неизбежной у нас «аннибаловой клятвы», без того мучительно обличительного тона, без того призыва к активности, которые не всегда желательны среднему читателю. Боборыкин хочет не поучать, а откликаться, не обличать, а предугадывать. Но никогда его интересная, содержательная, остроумная “*causerie*”^a не спускается ниже определенной границы, в ней всегда чувствуется ум европейски образованного и благовоспитанного человека.

Ник[олай] Конст[антинович] Михайловский в своих литературных воспоминаниях очень метко охарактеризовал Боборыкина, как писателя с чрезвычайной быстротой и точностью восприятия. «Здесь лежит корень и сильных, и слабых сторон этого писателя. Отсюда, во-первых[,] его редкая плодовитость. Отсюда, далее, его отзывчивое отношение к явлениям быстротекущей жизни, но отсюда же ... проистекают... отсутствие яркой оригинальности, поверхностность и фотографичность творчества». Общий фон его произведений обыкновенно очень обдуман, но в его план обычно врывается множество вводных лиц и внешних мелочей.

^a *Causerie* (франц.) — болтовня.

Подобную же характеристику мы встречаем и у Скабичевского²⁰⁷, находящего, что «при всей фельетонности и фотографичности романов Боборыкина, надо отдать ему справедливость, никто из современных русских писателей не способен в такой степени схватить настоящий момент жизни, именно тот самый живой нерв, который играет и бьется сегодня».

По мнению Евгения Соловьева²⁰⁸ (Андреевича) Боборыкин пользовался только положением, но не влиянием в литературе. По любопытству своей натуры он заглядывал всюду и все готов был занести в свою хронику, создавая своеобразную «беллетристическую регистрацию жизни», свои «интересные, а порою и художественные корреспонденции о русской жизни».

Писатель-эхо считает Боборыкина и Протопопов²⁰⁹, подчеркивающий, как одну из главнейших особенностей этого «писателя-публициста», отчужденность от серых, некультурных масс человечества. «Как психолог г. Боборыкин представил несколько типов, которые долго не забудутся, как бытописатель, он дал ряд картин из жизни самых разнообразных общественных слоев, — картин, в которых есть и правда, и красота».

Из русских критиков наиболее доброжелательно относится к Боборыкину Овсяннико-Куликовский²¹⁰, утверждающий, что произведения этого писателя отличная школа познания России, изучения человека в разных отношениях и глубоко гуманного развития. «По самой сущности своего дарования, Боборыкин, является реалистом-психологом с исключительно широким районом художественного захвата и с глубоко проникающей индукцией, — художником-бытописателем, одаренным редким чутьем действительности в ее развитии, наконец, художником-гуманистом, который в лаборатории психологического анализа добывает драгоценную «эссенцию» жалости по человечеству и воспитывает читателя в духе гуманности».

Мы нарочно привели отзывы корифеев нашей критики, которые следовало бы пополнить мнениями Венгерова²¹¹, Чешихина²¹² и Головина²¹³, чтобы подчеркнуть, в каком затруднительном положении оказались у нас критики перед явлением[,] совершенно обычным в западноевропейских литературах, но столь редким в русской. Назвать русского писателя «фельетонистом», «фотографом», «корреспондентом» — было равносильно убийству, а между тем Боборыкин выжил, выжил благодаря крупному, несомненному таланту, позволившему ему занять, если и не влиятельное, то «прочное положение» в истории русской литературы. Положение чужестранца хорошо владеющего русской речью и вполне освоившегося с особенностями русской психологии.

ТРИЕДИНЫЙ СОЮЗ

6 сентября 1919 г.

Мы печатаем ниже заметку об учредительном собрании Союза союзов трудовой интеллигенции.

Несмотря на то, что в недавнем прошлом подобная попытка не увенчалась успехом, несмотря на то, что политическая физиономия не^а всех союзов и обществ, примыкающих к новой организации, нам вполне ясна, мы все же можем только приветствовать это начинание.

Интеллигенция всегда играла и будет еще играть огромную роль в создании новой жизни.

Несмотря на свою ахиллесову пяту: чрезмерную нервозность, а отсюда неустойчивость, быстрые переходы от увлечения к разочарованию, от одного кумира к другому, все же только интеллигенция призвана в силу своих знаний точно формулировать те идеалы, за которые борется народ, только она своим самоотверженным служением может облегчить его задачу, исправить его неизбежные и тяжкие ошибки. Для выполнения этой священной миссии, трудовая интеллигенция должна стремиться преодолеть свою чрезмерную индивидуалистичность, должна объединиться в стойкий союз, готовый дать отпор «дикарям высшей культуры», должна в тысячу первый раз попытаться создать демографическую платформу *minimum*, хотя бы преимущественно отрицательную в своей политической части и положительную в культурно-просветительной.

Слишком много осталось у нас на Руси исторических пережитков, как от не доброго старого, так и от тяжкого последнего времени, чтобы можно было бы со спокойным сердцем игнорировать такую крупную силу, как трудовая интеллигенция, чтобы не понимать огромного *политического* значения даже исключительно культурных заданий.

В этом смысле создание Союза союзов трудовой интеллигенции, если только устроителям его удастся преодолеть вековую инертность и врожденную «дезорганизованность» русских интеллигентов и если они будут в состоянии предохранить новое учреждение от неизбежных попыток использовать его в узко партийных или кружковых целях, — несомненно, является делом серьезным и неотложным.

Но все благие намерения, все прекрасные начинания не поведут ни к чему (и это прекрасно поняли учредители Союза союзов), если интеллигенция с первых же шагов не постарается тесно связаться с другими трудовыми группами, если она не вольется в триединую семью: интеллигенции, крестьянства и рабочих. Русская революция с поразительной ясностью лишний раз подчеркнула эту старую истину. Какой безвольной, какой жалкой и ничтожной оказалась в большинстве своем наша оторвавшаяся во время революции интеллигенция! Какое «строительство», какую «свободу» и «уважение к чужой личности» показал нам «передовой пролетариат», вообразивший, что, добившись уничтожения самодержавия, он тем самым приобрел звание профессора, стратега, инженера и политика.

Без общего, тесного союза этих трех сил, повторяем, немыслима сознательная, планомерная, успешная борьба за создание новой жизни, за

^а Слово вставлено в печатный текст от руки.

возрождение демократической трудовой России. Расторжение этого союза равносильно извращению как всего движения, так и обречению на неудачу всех попыток каждой из названных групп.

Особенно теперь, когда мы постепенно освобождаемся от большевистского угара, необходимо вспомнить эту простую истину. Большевизм в своей утрировке и без того ошибочной «исключительно пролетарской точки зрения» докатывался зачастую до чистейшей махаевщины²¹⁴ и невольно продолжал самодержавную тактику возведения непроницаемой стены между интеллигенцией и народом.

Пролетариат и крестьянство путем тяжких испытаний отрезвляются от этого похмелья, приходят к сознанию необходимости для них слияния в одну армию с трудовой интеллигенцией.

Трудовая интеллигенция и прежде созначала, по крайней мере в своей лучшей части[,] необходимостью «идти в народ», не останавливаясь ни перед какими препятствиями, ни перед какими тяжкими иногда недоразумениями, и в настоящий момент, как показывает решение собрания союзов, она мыслит свою деятельность только, как работу «для народа и через народ», в неразрывном дружном характере с его правомочными учреждениями.

Такую попытку организации сил трудовой интеллигенции для совместной борьбы с трудовыми элементами за водворение на истерзанной Руси великих идеалов правды-истины и правды-справедливости²¹⁵ мы можем только горячо приветствовать и посылить быть ей полезными.

СОЮЗ СОЮЗОВ ТРУДОВОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

6 сентября 1919 г.

В четверг вечером состоялось учредительное собрание Союза союзов трудовой интеллигенции. Присутствовали представители от союза государственных и союза городских служащих, от профессионального учительского союза, союза инженеров, южнорусских художников, юристов и представитель консерватории. Несколько представителей, бывших на учредительном собрании и поддержавших идею создания союза, тем не менее не явились на данное заседание. Не были представлены, таким образом, медики^a, преподаватели высшей школы, артисты, музыканты, служащие банков и почтово-телегр[афные] служ[ащие]. На следующее собрание решено пригласить, кроме упомянутых[,] еще следующие[,] случайно не приглашенные, союзы: агрономов, ветеринарных врачей, общество художников и архитекторов и т.п.

Собранием был заслушан интересный доклад одного из представителей союза государственных служащих о целях и задачах союза союзов

^a Начало слова не пропечталось.

интеллигенции и об основных принципах его организации. Доклад вызвал оживленные прения, касавшиеся[,] впрочем, почти исключительно организационных вопросов, наименования союза, выбора представителей и т.п. Было решено, что союз будет работать в тесном контакте с существующим центропрофом и другими трудовыми организациями (крестьянский союз) и что, кроме экономических и культурно-просветительных задач, он будет преследовать также задачи политические, в смысле борьбы за возрождение демократической России, за Учредительное собрание, избранное на основании всеобщего, равного, прямого и тайного голосования и т.п.

Для выработки проекта устава и окончательной формулировки обсужденных вопросов избрана особая комиссия, которая должна закончить свою работу к будущей пятнице, на которую назначено следующее собрание.

ЧРЕЗВЫЧАЙКА И КАЗНИ (ФЕЛЬЕТОН)

9 сентября 1919 г.

Всех возмущают казни без суда.
Меня зовут на бурное собрание.
Оно запрещено уже заранее,
Но я с друзьями поспешу туда.
Режим военный и режим осадный —
Вот бред властей и глупый и досадный.

Преступно на собрание идти!
Чтоб охранить рабочих от заразы,
По городу расклеены приказы.
Мы всюду их встречаем на пути.
Нас ждет народ. Мы жаждем этой встречи —
Идем к нему и произносим речи.

Явилась власть. С чего же ей начать?
Она грозила, гневно убеждала.
Чтоб власть рабочих восторжествовала,
Рабочий должен, словно раб, молчать,
Не вправе собираться самовольно,
Критиковать начальство недовольно.

Враг «Чрезвычайки» есть рабочих враг.
Враг казней — враг и пролетарской власти.
«Ступайте же домой, умерьте страсти,
Враги толкнули вас на этот шаг».
Совет отвергнут был с негодованьем
И казни осуждаются собраньем.

Чу! Выстрелы, — вот это аргумент!
Стреляют залпами кавалеристы,
Ну молодцы ребята-коммунисты;
Рабочий понял все в один момент!
Толпа бесцельно гибнуть не хотела:
Все безоружны. Плошадь опустела.

Кто на собраньи речи говорил,
Тот отвезен был в «Чрезвычайку» к ночи.
Мы там сидим; хохочем, что есть мочи,
Но Исполком сурово оценил
Значение сегодняшнего дела:
Иди, дружок, пожалуй, жди расстрела!

Часы идут. Умчались сутки прочь.
Усталые, мы чутко задремали.
Интересует, впрочем, вас едва ли,
Что снилось нам в ту памятную ночь.
Рассматривалось где-то наше дело,
Конечно, справедливо и умело.

Внезапный шум и крик. Довольно спать!
Нам ясно слышен разговор по делу:
Товарищ мой приговорен к расстрелу,
Меня ж предполагают оправдать.
Очнувшись, повели мы совещанье,
Но кратки были речи на прощанье.

Как будто не случилось ничего,
Чрез полчаса заснул приговоренный.
Он крепко спал, друзьями окруженный,
Глядевшими со скорбью на него.
Змеей сомненье в душу заползало:
«Не может быть!» А впрочем... «Все бывало».

Настало утро. Вышел ряд газет. —
Там нашей казни требуют упорно.
Скрыв имена, писатели задорно
Нас «в трупы обратить» дают совет,
Они зубами в ярости скрежещут
И страстно до безумия клеветуют.

Я в гневе у тюремщиков спросил:
«Вы сами верите в мою продажность?»
— Конечно нет: Но разве в этом важность?
Ответ их замечательный гласил.
— Такие слухи нужны лишь для массы.
— Ей любы прибаутки и прикрасы.

Здесь казни происходят по ночам.
И мы с тревогой ожидали ночи...
Заложники рыдали, глядя в очи
Своим безжалостным и лютым палачам,
Да караульный, шелкая затвором,
Глядел на всех победоносным взором.

В дежурной шел допрос и день и ночь.
Людей, как рыбу уловляли в сети...
Здесь старики и женщины и дети.
Но кто и как сумеет им помочь?
Не слышится сочувственного вздоха...
В грузинском батальоне суматоха.

У стражи на челе забот печать.
В полночном мраке громко раздается:
«Сейчас удвоить караул придется»,
Эсеров на учет немедля взять!»
Мы знаем цену этих форс-мажоров,
Довольно безопасных разговоров...

Начальство начало нас забывать:
В те дни корабль правительственной власти
Качался и скрипел. Трещали снасти,
Пришлось Европу и себя спасать.
Дела большие были неотложны,
А деятели мелки и ничтожны...

Про нас напомнили со всех сторон:
Профессора, собрания рабочих,
Всегда начальство огорчать охочих,
На митингах, во время похорон,
Где власти ели, пили, заседали,
Им многие о нас напоминали.

Клименко, Верхотурский, Кельмансон,
Покой теряя, говорили гневно:
«К нам с эти делом лезут ежедневно.
«Ну, как хотите, это не фасон!»
От учениц в тюрьму несли букеты,
И все не унимались комитеты...

Решил Олимп: Нептун, Юпитер, Марс,
Иль Исполком, что будет перемена,
Что нужно нас освободить из плена,
Пора окончить этот скучный фарс...
Но нам пришлось увидеть в заключенье
Кровавое злодейство, преступленье.

Был вечер. Собеседник молодой,
Как вы увидите — большой новатор,
Начальник войск, лихой администратор,
Нам говорил о жизни боевой:
Как он на днях одерживал победы,
Расстреливал, ел вкусные обеды.

Мне не забыть его речей вововек.
Большой любитель казней без разбора,
Он без ума от красного террора.
Вот, нынче — сорок восемь человек
Ведут на казнь. Они хоть разной масти,
Но это все враги советской власти».

— Где будет казнь? — «А вот, напротив дом:
Туда мы отведем их под конвоем —
И часу не пройдет — всех успокоим.
Убитых живо вывезем потом».
— Надеюсь, вы даете им свиданья
С родными для предсмертного прощанья?

«Какие там свиданья?! Что за вздор!
Не время поступать сентиментально».
Отрезал он и посмотрел нахально.
Я, все же, продолжал с ним разговор.
— Не запрещаете вы переписки
Хоть с теми, что приговоренным близки?

Жене пред смертью можно написать,
Благословить детей и на прощанье
Послать привет? Составить завещанье?
«Приказываю письма истреблять —
К чему все эти излишня —
И переписка и свиданья»!

«Теперь, простите, — побегу в тот дом:
Казним сегодня немцев-колонистов,
Я жду товарища из колонистов,
А третьего пришлет нам Исполком:
Нас будет трое» — кончил он, вставая.
Их будет трое! — О, страна родная,

В каких руках судьба твоя порой!
Глядим в окно тревожными глазами:
Идут на казнь, попарно с палачами,
Пять человек, кончая путь земной.
Они осуждены каким-нибудь агентом
С фальшивым именем, с подложным документом.

Вот снова пятерых ведет конвой:
Не очень долго длилось ожиданье...
Взяв под руку, как будто на гулянье,
«Сотрудники» ведут их на убой.
Из «Чрезвычайки» этот люд чиновный,
Конечно, больше жертв своих виновный.

Вот выстрелы... Потом команды крик
И снова обреченных проводили,
А часом позже трупы вывозили,
Взвалив их, как дрова, на грузовик.
В ночь казней площадь ярко освещалась,
Но публика туда не допускалась.

Трех женщин расстреляли и врача,
Седого старика, пять колонистов,
Тринадцать офицеров-монархистов.
Не перечту все жертвы палача.
Но внешний вид у них не тот, что прежде:
Живые были в обуви, в одежде.

Убийцами ограблены тела.
Но тут я обрываю эти строки.
Клеймить режим, громить его пороки,
Рассказывать ужасные дела
Когда я начал, был еще он в силе.
Теперь он побежден, лежит в могиле.

И продолжать стихи я не хочу.
Для побежденных я — не обвинитель.
Пусть про меня не скажет победитель,
Что будто дань обычаю плачу:
Встречаю триумфатора с цветами,
С улыбками и льстивыми речами.

ПРОВАЛИЛАСЬ ЛИ РЕВОЛЮЦИЯ?²¹⁶

9 сентября 1919 г.

Теперь нередко приходится слышать, что революция безнадежно провалилась, что теперь возможны только два явления: эволюция и контрреволюция.

Насчет контрреволюции нет никаких сомнений. Термин же эволюция кажется нам в данном случае не вполне ясным.

Всякая эволюция предполагает известное начало, которое должно быть развиваемо. И если это начало не контрреволюционно, если оно предполагает принципы и факты[,] выдвинутые революцией, то различие между революцией и эволюцией сводится только к темпу движения, к вопросам тактики, к отказу от решительных насильственных мер и крутых внезапных переворотов... Коренная ломка всего уклада прежней самодержавной русской жизни остается в обоих случаях.

Все прекрасные мечты «кадетов», оппозицией его величества думавших спасти положение, как и розовые надежды левых эсеров, полагавших вывести Россию из тупика коммунизма сотрудничеством с ним, — не увенчались успехом.

Самодержавие и большевизм добровольно своих позиций не уступают и эволюции не подвергаются. Даже возбудив против себя всенародную ненависть, они не теряют надежды завтра вернуть себе власть.

Недаром зашевелились все прежние реакционеры, ожили сметенные революцией «истинно русские люди», недаром расцвел таким махровым цветом погромный антисемитизм, недаром «Боже царя храни» не раздается, как уже пробовал раздаваться, только в силу ясных и недвусмысленных приказов. Борьба с ними еще не окончена.

Большевики тоже еще не сложили оружия и не отказались от отчаянного сопротивления.

Говорить поэтому об эволюционной тактике пока еще преждевременно.

Безнадежно провалилась не революция, а самодержавие и большевизм. Большевизм же провалился именно потому, что будучи революционным по форме, он оказался контрреволюционным по существу. Его формы были демагогические неосуществимые лозунги, насильственные средства, разрушение всего созданного раньше. Контрреволюционным он был потому, что уничтожал самую душу революции: свободу, общественную инициативу, творчество новых форм снизу. Он боролся не только с наследием самодержавия, но и с величайшими завоеваниями революции. Вместо накопления народных сил он распыл и уничтожил их.

Падение самодержавия было началом революции, падение большевизма знаменует собой вступление революции в новую фазу.

Вполне понятно и совершенно неизбежно, что после крушения большевизма должна настать полоса реакционных попыток, что дискредитация коммунистической партии для очень многих равносильна дискредитации вообще социализма и даже революции.

Всем очевидно, что при возвращении к прежним условиям нужно будет начать с начала сказку про белого бычка, что вся политическая мудрость, весь глубочайший политический смысл заключается теперь в отыскании верной средней линии между большевизмом[,] с одной стороны[,] и самодержавием [–] с другой, что революция будет кончена, а не подавлена, только и только в этом случае... Знал это еще в 18 веке Радищев, пророчески писавший в своем «Путешествии»:

«Не ведаете ли любезные наши сограждане, коликая нам предстоит гибель, в которой мы вращаемся опасности... Поток[,] загражденный в

стремлении своем, тем сильнее становится, чем тверже находит противустояние. Прорвав оплот единожды, ничто уже в разлитии его противиться ему невозможно... И се пагуба зверства разливается быстротечно. Мы узрим окрест нас меч и отраву. Смерть и пожигание, нам будет посул за нашу суровость и бесчеловечие. И чем медлительнее и упорнее мы были в разрешении их уз, тем стремительнее они будут во мщении своем... Вот что нам предстоит, вот чего нам ожидать должно... Блюдитесь».

Можно сослать в Сибирь Радищевых, повесить декабристов, выловить чуть не всех народовольцев и заставить всех социалистов уйти в подполье, но остановить нарастание освободительного движения нельзя. Вся его история устанавливает не только постоянное, в геометрической прогрессии идущее усиление и расширение революционных волн, но и поразительное уменьшение интервалов между ними. Говорящему теперь: «Революция умерла!» — суждено увидеть ее воскресение.

Средняя линия, по которой в дальнейшем будет развиваться русская революция, будет вскоре найдена.

Направит русский народ по этому пути прежде всего тот кризис, то материальное оскудение, о которых мы не раз говорили и которые можно преодолеть только при помощи напряжения всех творческих, инициативных сил страны, мыслимого лишь при утверждении в жизни всех главнейших завоеваний революции.

Но кроме того могучий стимул осуществление заветов русской революции получит и от Западной Европы, где, отбросив буржуазный микроскоп и большевистский телескоп, виден грозный рост рабочего движения, видно проникновение начал демократизации и коллективизма в святая святых буржуазного строя.

Более практичных англичан и американцев это явление заставило уже пойти на целый ряд существенных уступок. Такой поразительный факт, как возможность появления «советских республик» в сердце Европы и наличность сочувствия в широких кругах европейского пролетариата русскому большевизму, заставляет их глубоко призадуматься и отравляет им даже радость подавления этого движения.

Действительно, укрепление большевизма в Европе весьма невероятно, но факт его появления весьма красноречив. Он свидетельствует о том, что «нечто гнило в царстве Датском», что необходима коренная ломка в смысле приближения к социалистическому идеалу... И наиболее трезвые буржуазные политики запада учитывают необходимость такой линии поведения. Недаром рвения Клемансо²¹⁷ умеряются ими, недаром они так усердно прислушиваются к общественному мнению и подчиняются ему даже в тех случаях, когда старые навыки и прежние симпатии толкают их совершенно в другую сторону.

С большим трудом буржуазии Европы удалось оказать поддержку борющимся с большевизмом у нас, но с русской революцией она бороться не будет и не может. В росте же социалистических завоеваний на западе, в неизбежности широких социальных реформ у нас и

обращения к общественной самодеятельности — залог того, что революция сметет со своего пути и реакционеров и коммунистов, не имеющих реальных, прочных опор в самой стране и не могущих рассчитывать на помощь со стороны.

НЕОТЛОЖНОЕ ДЕЛО

10 сентября 1919 г.

Самодержавие и большевизм оставили в наследство русскому народу тысячу одно неотложное дело, одно другого сложнее, одно другого ужаснее. Но среди этих незаконченных дел, за выполнение которых у страны нет сил и времени приняться, особенно одно вызывает сильную тревогу общества, заставляет призадуматься над его разрешением.

Кому неизвестна народная темнота и ее роковые последствия. Разве не этой темноте обязаны мы столь долгим периодом царствования Романовых? Не она ли явилась одной из причин того, что пробудившийся от спячки народ оказался неспособным сразу без тяжких испытаний, без уклонений в сторону выйти на прямую дорогу?

Одной из причин неудачи, постигшей нашу демократию был недостаток в интеллигентных силах, ощущавшихся на каждом шагу, в каждом начинании...

И между тем за время революции Россия в деле народного образования шагнула настолько назад, что даже период войны кажется нам теперь чуть ли не эпохой просвещения.

Народных школ в действительности не существует, среднее образование является какой-то пародией на учение, университеты замерли. Гражданская война и общая разруха готовят нам какое-то новое, еще неслышанное средневековье.

Большевики, имевшие в начале хорошую связь с массами, чувствовали весь ужас положения и[,] надо отдать им справедливость[,] считали необходимым употребить все усилия, чтобы возродить народное образование.

К сожалению[,] все[,] к чему они только ни прикасались, немедленно разрушалось и их благие намерения приводили к обратным результатам. Все же они сознавали необходимость, несмотря на гражданскую войну, на безденежье, работая в этом направлении, но не умели ничего создать.

Но после их падения мы должны быть уверены, что никакие острые нужды момента не отодвинут на второй план это неотложное дело, что с напряжением всех сил будут открываться новые школы, будут поддерживаться новые учебные учреждения, будет идти энергичная борьба с недостатком в России культурных работников.

Слышать в наше время, что факультеты закрываются, что большинство средне-учебных заведений не сможет вследствие отсутствия материальной поддержки функционировать, что школьный учитель

по-прежнему будет обречен на полугодное существование, значит слышать, что грядущему строительству России будет невольно нанесен страшный удар.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

10 сентября 1919 г.

Декларации Колчака и Деникина, интервью Сазонова обещают русской демократии созыв Учредительного собрания, говорят, что возвращение к прежней самодержавной, централистической России немислимо.

Такова теория.

И мы должны отдать справедливость этой теории. Она встречает в значительных кругах городской и земской демократии полное сочувствие.

Большая часть прессы стала на сторону этой теории и поддерживает ее всеми силами от нападений справа и слева. «Возрождение демократической России», «Народовластие», «Учредительное собрание» — таковы лозунги почти всех газет...

Но практика... практика всегда отставала от теории, очень часто, даже в недавние времена, шла с ней вразрез...

На практике, наряду с признанием в теории принципа народовластия, мы встречаем совершенно неожиданную для многих идею недоверия к органам местного самоуправления, встречаем стремление расширить права и компетенцию не выборных органов, а назначенных лиц, как, например, градоначальника. Об урезывании выборного начала мы уже не говорим...

Наряду с признанием профессионального движения мы видим закрытие союза государственных служащих и можем ожидать закрытия или не утверждения других, так как в них также находятся государственные служащие, например, железнодорожники, почтово-телеграфные работники, учителя и т.д.

На практике нарушается свобода собраний профессиональных союзов — присутствием представителей власти на специальных заседаниях этих союзов, — что противоречит конституциям даже монархических государств Западной Европы.

Когда условия нашего времени приводят в столкновение общегосударственные интересы с интересами даже широких масс населения, то, несмотря на теорию, считающуюся с нуждами и интересами масс, на практике не делается всех необходимых попыток разрешить вопрос, быть может, менее радикально, но зато более безболезненно, как это было с вопросом об аннулировании пятаковских²¹⁸ денег.

Наряду с провозглашением демократических принципов поражает практика, не встречавшаяся у нас даже в давно прошедшие времена. Таково, например, предписание педагогическим советам сообщить, какие ученики в каких организациях состояли, а также циркуляр об отобрании

у учителей сведений о том, кто из них подписал на губ[ернском] съезде большевистскую резолюцию в качестве «преданного сторонника» или «сочувствующего» и т.д.

Такова практика, несомненно идущая вразрез с провозглашенной теорией. И невольно возникает вопрос: что преодолет в будущем, по какому пути пойдет Россия дальше? Над этим должны призадуматься не только Фомы неверные, но и все искренно верующие и надеющиеся.

ПАРТИЙНАЯ ЖИЗНЬ

11 сентября 1919 г.

Конференция с.р.

На последней конференции Одесской организации ПСР был избран новый общегородской комитет. На одном из своих заседаний комитет избрал специальную комиссию для разработки вопросов, связанных с выборами в городскую думу, и дал ей директивы вести переговоры о совместных выступлениях, о блоках и т.п. только с социалистическими партиями и трудовыми организациями.

Н.Л. Геккер

Первого сентября редакцией «Одесских Новостей» было устроено собрание памяти Наума Леонтьевича Геккера.

С речами выступили: Александров, Бархин (от Народн[ых]-соц[иалистов]), Вальбе («Одесск[ий] Листок»), Коварский, Лазарович («Одесск[ие] Нов[ости]»), Лункевич, Мартыновская (от соц[иал]-дем[ократов]), Овсяннико-Куликовский и Рихтер.

«Чествование нашего товарища, — пишут по этому поводу «Одесские Новости», — вылилось в нечто большее, чем обычные поминки по отошедшем борце и литераторе. Это было чествование не личности, а направления политической мысли».

Из партийной жизни

Нашей редакцией получены сведения о том, что никакой конференции с.-р. на юге с участием Бунакова, Руднева и др., о которой сообщали местные газеты[,] не было и что эти товарищи после их отъезда из Одессы в пределы России еще не возвращались.

Пересыпский клуб Михайловского

В пересыпском клубе Михайловского продолжают устраиваться лекции и собрания. В субботу тов. Рихтером была прочитана лекция на тему

«Народное образование в прошлом и будущем». В воскресенье тсн.^а Бархиным был прочитан интересный реферат на тему «День Великой Французской Революции».

Пролеткульт

Пролеткульт продолжает развивать свою деятельность.

За последнее время были прочтены лекции В.В. Лункевичем «Идеалы и Идолы» и А.А. Суховым «Два лица большевизма». Сегодня должна состояться лекция В.Н. Рихтера «Империализм и социализм». В дальнейшем намечены лекции И.М. Розенталя и В.А. Агабекова. Предполагается в скором будущем возобновить на окраинах некоторые кинематографы пролеткульта со специальным подбором картин и объяснительными чтениями. Вследствие недостатка средств «пролетарские школы» пролеткульта пришлось передать в ведение города.

В литературном обществе

В прошлый четверг состоялось открытие вечеров, устраиваемых литературной секцией общества. Вечер был посвящен стародавней, но вечно юной и злободневной теме: «О свободе слова».

Выступали Канторович, Лившиц, Лункевич, Рихтер и Сухов.

Клуб имени Лаврова

На состоявшемся на днях общем собрании членов рабочего клуба имени Лаврова выбрано новое правление, решившее продолжать устройство лекций, концертов и литературных вечеров для своих членов. Клуб, начавший функционировать с несколькими десятками рублей, в настоящее время располагает остатком около двух тысяч.

В средней школе

Новый учебный год начинается весьма мрачно для многих учащихся и учащихся... Еще до начала занятий произошли в некоторых учебных заведениях настолько острые столкновения между преподавателями и вновь возвращенными на должности директорами, что пришлось послать особо доверенных лиц для улаживания инцидентов. Целый ряд учредительниц и учредителей поспешили отпраздновать свое восстановление в правах массовым увольнением педагогического персонала... Вследствие отсутствия средств много частных учебных заведений, вероятно, принуждено будет закрыться, а так как казенные гимназии и без того уже переполнены, то сотни детей могут остаться вне стен учебных заведений и притом именно

^а Вероятно, имеется в виду принадлежность Бархина к Трудовой народно-социалистической партии.

тогда, когда регулярные домашние занятия вследствие ненормальных условий жизни, отсутствия пособий и т.п. совершенно немислимы.

Те частные учебные заведения, которые уцелеют, будут вынуждены для того, чтобы свести концы с концами, настолько повысить плату за учение, что школа для большинства населения сделается совершенно недоступной.

ИНТЕРВЕНЦИЯ КАПИТАЛА

11 сентября 1919 г.

Даже наиболее оптимистично настроенные экономисты, говоря о необходимости возродить на Руси промышленность, не возлагают никаких надежд на нашу отечественную буржуазию. Слишком ничтожна она была и количественно, и качественно даже в лучший период своего существования, всегда принуждена была опираться на государственную власть, на различные привилегии, субсидии, монополии, охранительные пошлины и т.д. Большевизм же за время своего господства нанес ей если не смертельный, то столь сильный удар, что понадобятся долгие годы для оживления деятельности наших капиталистов, а между тем время не терпит. Страна не может оставаться в теперешнем состоянии. На путь постепенной муниципализации и национализации главнейших отраслей народного хозяйства, после неудачных коммунистических экспериментов, не решаются вступить, и мысль невольно обращается к содействию иностранного капитала, который должен влить живительную кровь в наше анемичное тело, должны использовать для себя и для нас наши природные богатства, должны принести за подкупающие концессии культуру в нашу одичавшую и обнищавшую страну.

К сожалению, столь простое рассечение гордиева узла нам кажется не вполне надежным. И не только потому, что иностранный капитал по самому существу своему отличается хищническим характером, что в нем всегда преобладают темные, отрицательные стороны над созидательными, творческими, что его услуги нам обойдутся настолько дорого, что «игра не будет стоить свеч», но и более по другой причине.

У нас невольно возникает основной вопрос: можем ли мы вообще привлечь в настоящее время и при настоящих условиях иностранный капитал в Россию?

Не надо забывать, что для Европы и даже всего мира не могли пройти бесследно безумная трата и уничтожение капитала в течение долгих пяти лет, остановка всей промышленности, не обслуживавшей непосредственно фронта, разорение целых стран, уничтожение огромного количества рабочих и потеря технического навыка уцелевшими от бойни, болезней и истощения.

Целые страны, бывшие опасные конкуренты на мировом рынке, сведены на нет. Конкуренция ослабела, и с этим вместе ослабел тот стимул, который заставлял нестись все дальше и дальше в погоне за новыми рынками. Вывоз капитала, столь характерное явление для капитализма до

периода войны, несомненно в ближайшем будущем, в силу хотя бы одной только этой причины, потеряет всю свою напряженность. Но, кроме этого, даже в странах победительницах, несмотря на весь эфемерный военный успех, настолько подорвана и отстала жизнь, так мало отраслей народного хозяйства, требующих для своего восстановления напряжения всех национальных сил, что капиталу открывается внутри своей собственной страны бесконечное поле для применения своих сил и извлечения прибыли.

Допустив, однако, что все же останется достаточно не занятого в национальных пределах капитала, не нужно забывать, что капитал идет по линии наименьшего сопротивления и наиболее выгодного применения.

При ослаблении конкуренции для капитала, оставшегося свободным, к услугам ряд ближайших стран, разоренных внешней или внутренней войной, как Бельгия и бывшая Австро-Венгрия, или обнищавших и ослабевших, как Италия, стран, благодаря своей бывшей культурности открывающих более широкое и легкое поле для всевозможных видов эксплуатации и, кроме того, находящихся в сфере не только капиталистического, но и дипломатически-военного воздействия.

В газетной статье, конечно, трудно перечислить все те причины, которые заставляют опасаться того, что в ближайший период капитал будет отличаться меньшей подвижностью, меньшим стремлением к захвату отделенных^а рынков. Достаточно упомянуть еще транспортный кризис и далеко не безоблачную общую политическую атмосферу, которые несомненно будут усиленно рекомендовать рецепт сидения под родным лопухом даже наиболее неусидчивым капиталистам.

Что касается Европейской России, взятой в целом, то в ближайшее время, (а этот период в виду нашего крайнего, трагического обнищания является наиболее важным для нас), она представляет собой для большинства капиталистических стран наименее выгодный рынок.

Прежде всего это наиболее удаленный от теперешних главных капиталистических центров рынок, что при общем транспортном кризисе должно сыграть огромную роль. Если Вильсон²¹⁹ счел необходимым упомянуть о транспортных затруднениях даже в своей речи о Бельгии, то не считаться с этим явлением, думая о России, нельзя. О железнодорожном пути через Австрию и Польшу говорить еще преждевременно, и он вообще имеет для капиталистов Антанты много особых минусов...

Россия, благодаря гражданской войне и своей прежней некультурности, дошла до такого состояния, что требует для эксплуатации своих богатств, расположенных не на ее окраинах, таких подготовительных долгов и разнообразных работ, которые немислимы без продолжительной непроизводительной затраты колоссальных капиталов. А эта затрата, в силу особо сложной политической ситуации у нас, некультурности населения, невозможности опереться, вследствие общеевропейского положения дел, на приведенную извне военную силу, не может считаться вполне обеспеченной.

^а Вероятно, имелось в виду «отдаленных рынков».

Благодаря этим соображениям нам кажется, что питать особые надежды на пришествие к нам в роли спасителя иностранного капитала не приходится. Слишком много данных за то, что ставший, вследствие ослабшей конкуренции, малоподвижным капитал замкнется в рамки национального государства, ограничившись экскурсиями лишь на ближайшие рынки, которых после войны «открылось в достаточном количестве».

Наши окраины, но не для строительства, а для высасывания последних соков, может посетить лишь наиболее опасный, наиболее хищнический капитал таких стран, как Япония, от него же, боги, пощадите нас.

ВЕЛИКАЯ РОССИЯ И ВЕЛИКИЕ ПОТЯСАЕНИЯ

12 сентября 1919 г.

«Нам не нужно великих потрясений, нам нужна Великая Россия!» — такова вновь вошедшая в моду стародавняя формула. И эту формулу не стыдятся присваивать себе даже люди, с энтузиазмом рукоплескавшие начинавшейся революции, люди, считающие себя не только острословами, но и мудрыми, реальными политиками...

Но почему же сотню лет все лучшее в России только и жило одной надеждой на великое потрясение?

Разве жалкие преобразования и урезанные реформы не давались сверху только в том случае, когда их уже готовы были вырвать силой снизу?

Разве у нас движение 1905 года и последнее потрясение было подготовлено и создано какими-нибудь заговорческими группами? Не оставались ли до сих пор даже социалистические партии в хвосте народного движения и не оказались ли, например, большевики у власти только потому, что не остановились перед демагогией и не постыдились побежать за настроением охлоса?

Разве вся наша прошлая история не есть неоспоримое доказательство того, что наше прежнее правительство было не способно вступить на путь эволюции, что своей реакционностью, своим непониманием нужд населения и требований момента оно само лучше всякого профессионала-революционера толкало страну к революции?

Представители старорежимного правительства кровью заплатили за свои ошибки, но их кровь не могла уже спасти Россию от испытаний, так как они привели ее на край пропасти.

Современные острословы, некогда рукоплескавшие начинавшейся революции, должны были тогда же дать себе отчет в том, что революция в полудикой истощенной войною стране, доведенной к тому же до отчаяния бесправием и насилием — не парад народных сил, а, действительно, великое и страшное потрясение... потрясение, однако, неизбежное, неотвратимое, продиктованное безумством всей предыдущей политики...

Нечего было рукоплескать тогда началу великой расплаты за прошлое, как нечего проклинать теперь революцию за то, что, зародившись под азиатским правительством, она не приняла западноевропейских форм...

Насильственные перевороты, бомбы террористов, крестьянский осиновый кол были тогда неизбежным ответом на политику «прежде успокоение, а потом реформы», на политику, опиравшуюся на штыки, цензуру, расстрелы, игнорировавшую общественное мнение или пытавшуюся его извратить.

Но если самодержавная и коммунистическая Россия, таившая в своих недрах неизбежную революцию, державшаяся только благодаря темноте и насилию, не могла считаться и не была Великой Россией, то великие потрясения с их горьким опытом, радикальной переоценкой всех ценностей, пробуждением общественного сознания и общественной инициативы ведут нас несомненно к ней.

Великие потрясения 1905 и 1917 года разбудили в «рабах» ненависть к угнетателям, отвращение к рабству. Крах большевизма показал «взбунтовавшимся рабам», что одной ненависти, одного мщения, одного желания освободиться мало, что необходима сознательная, планомерная творческая работа, для которой нужны знания, нужен опыт, нужна организация... Это величайшие, неискоренимые завоевания революции, намечающие и «низам», и «верхам» путь к Великой России.

Только великими потрясениями до сих пор прокладывала Россия путь к свободе, просвещению, к всеобщему уважению, только великими потрясениями сбрасывала с себя позорившие ее правительства, отказываясь от векового ига невежества, от крепостного права в узком и широком смысле.

Проклинайте не революцию, а тех, кто доводил до нее, кто не допускал свободы критики, свободы инициативы, кто боялся общественного мнения.

А лучше всего не проклинаяте и не рукоплещите!

ДРАМА[ТИЧЕСКИЙ ТЕ]АТР СИБИРЯКОВА^а

[август–сентябрь 1919 г.]

Тип паразита безусловно не нов в литературе. С его предшественниками мы встречаемся еще у древних: у Плавта²²⁰, Теренция²²¹, Лукиана²²² и др. Но современный строй жизни как нельзя более благоприятствует развитию этого типа. Паразиты все увеличиваются, дифференцируются все резче, ремесло их превращается в целую науку, в настоящее искусство. «Паразитизм», говорит Алексей Веселовский²²³: «Свободно стал развиваться в ... Европе с тех пор как утонченные формы общежития, рост центральной власти и образование крупных земельных и денежных богатств открыли ряд удобных способов и возможностей для промысла паразита». И паразитизм будет прогрессировать, «открывать все новые и утонченные способы захвата чужих сил, дарований, имущества, свободы», пока вообще будет существовать эксплуатация. Томашевская («Ни-

^а В заголовке в квадратные скобки взят оборванный и пропавший текст, восстановленный по смыслу.

щие»), Жданов («Под колесом») и отчасти Туношевский («В Гаграх») попробовали в своих произведениях изобразить это общественное зло, дать образы современных нам паразитов.

В «Нищих» перед нашими глазами целое семейство трутней, изыскивающее «жизни в свое удовольствие». Они не могут удовлетвориться простым безбедным существованием, им необходим комфорт, необходимы развлечения и вот в погоне за легкой наживой они делаются виртуозами по части попрошайничества. У Жданова в его драме «Под колесом» около крупного капитала группируются более злостные тунядцы. Их много, целый рой, начиная с бар и кончая разными приживальщиками. И все они присосались или стараются присосаться к миллионам, не останавливаясь в борьбе за обладание большей частью перед самыми бесчестными средствами. Недаром говорится, что «паразит-хам и паразит-пан были всегда братьями по духу». Но в обоих пьесах отмечается, между прочим, что в самом гнезде паразитов, куда, казалось бы, почти немислимо пробраться «лучу света», уже завелись антагонисты, выступающие противниками окружающих их взглядов, провозвестниками новых социальных начал. Этим отщепенцам, конечно, не переделать своих родичей, но тот факт, что подобные отщепенцы могли появиться даже в такой среде, предсказывает нам их победу в недалеком будущем. Такие неприятные для паразитов родственники выведены у Томашевской в лице курсистки Анны, постоянно шепчущейся с «красным» студентом, а у Жданова — в лице Николая Оладина, выступающего с горячим протестом против эксплуатации капиталистами «меньшей братии».

К этим двум пьесам примыкает комедия Туношевского «В Гаграх». В ней тоже все помыслы действующих лиц концентрируются около капиталов. Только здесь паразиты высшего пошиба. Некоторые из них, как например, инженер Вожин, стараются пожить не у капиталиста, а при помощи его; они даже не отказываются от труда, прикладывают к делу свои знания, но с паразитами их роднит стремление к быстрой наживе, неразборчивость в средствах и совершенно безразличное отношение к труженикам, стоящим внизу социальной лестницы. В этой же пьесе выведен и гетеризм (разновидность паразитизма). Представительница его (Радина) пыталась было вырваться из его сетей, но не нашла твердой поддержки и вновь присосалась к капиталисту, который на свои прихоти готов выбросить миллионы, но в делах «даром» не потратит даже копейки. С художественной стороны «В Гаграх» пьеса слабая. В ней есть несколько живых сцен, бойко списанных с натуры портретов и много удачных выражений, но... и только. Ни цельности, ни глубины не ищите в этой, очевидно, наспех написанной вещи.

Из исполнителей во всех трех вещах нужно выделить г-жу Шаровьеву, давшую живой правдивый образ старухи Оладиной («Под колесом»). Вообще это талантливая, умная, разнообразная актриса. Довольно хоть раз увидеть г-жу Шаровьеву в какой-либо ответственной роли, чтобы образ[,] созданный ею[,] надолго оставался в памяти. Напомню хотя бы ее прекрасное исполнение таких различных по духу ролей, как Улита («Лес»

Островского) и старуха мать из «Гибели Надежды». В пьесе Туношевского выделались: г-жа Морская и г-н Горелов.

Вл. Н.Р.

Тонкая общая тетрадь в линейку, завернутая в плотную синюю обложку, на которую наклеен заголовок, вырезанный из газеты: ДЕЛО. В тетрадь вклеены в хронологическом порядке и вложены статьи В.Н. Рихтера. Это установлено по двум сохранившимся листочкам гранок, исправленных его рукой и вложенных в тетрадь. Текст гранок вошел полностью в статью «Провалилась ли революция?». Подборка статей сделана либо самим В.Н. Рихтером, либо его женой. В пользу авторства Рихтера говорят и следующие соображения. Кроме вырезок сохранилась подборка полных номеров газеты «Дело», содержащих вклеенные в тетрадь статьи. На верхнем поле первой страницы некоторых газет карандашом написано: Вл. Рихтер. В верхнем правом углу каждого номера газеты приведен список основных статей, опубликованных в нем. Названия ряда статей подчеркнуты синим карандашом. Именно эти статьи вклеены в синюю тетрадь.

Мы приводим лишь тексты политических статей, некоторые из посвященных культуре и немного хроники.

№ 20

План лекций В.Н. Рихтера на тему «Идеология партии социалистов-революционеров»

[ранее 20 мая 1920 г.]

ЛЕКЦИИ

тов.

В.Н. РИХТЕРА

на тему

«Идеология партии социалистов-революционеров»,
в Од[есской] Орг[анизации] П.С.Р. в 1920 г. (читанных с 20, V нов.
стиля по VI, 23)

Часть I. Философские предпосылки:

1. Неизбежность философского обоснования для партийной программы

2. Философия, как научное мышление о мире

1) Научное знание

2) Постулат

3) Опытное происхождение знаний

4) Роль внешних чувств

5) Роль представлений и понятий

6) Законы ассоциации (связи) идей

7) Апперцепция

- 8) Научная теория (гипотеза)
- 9) Что такое истина
- 10) Итоги. Пособия.

Часть II. Социологические предпосылки

1. Борьба за индивидуальность
 - 1) Человек с биологической точки зрения
 - 2) Борьба за существование и типы приспособляющиеся
 - 3) Борьба за индивидуальность и типы приспособляющиеся
2. Субъективно-телеологический метод в социологии
 - 1) Субъективный элемент в познании
 - 2) Различие естественных и социальных наук
 - 3) Теория оценок:
 1. Потребности
 2. Эмоции
 3. Нравственное предвзятое мнение
 4. Идеал
 3. Стихийный и сознательный процесс
 - 1) Стихийный процесс
 - 2) Простая и сложная кооперация
 - 3) Сознательный процесс
 4. Труд и вечная борьба.

Частично машинописный, частично рукописный текст на половине тетрадного листка. Дата составления не указана, датируется по дате в заголовке документа.

№ 21

Конспект лекции В.Н. Рихтера «К философскому обоснованию программы ПСР»

Не ранее 1 июня 1920 г.

К ФИЛОСОФСКОМУ ОБОСНОВАНИЮ ПРОГРАММЫ ПАРТИИ
С.-Р. (Конспект лекции Вл. Ник. Рихтера)

1. НЕИЗБЕЖНОСТЬ ФИЛОСОФСКОГО ОБОСНОВАНИЯ ДЛЯ ПАРТИЙНОЙ ПРОГРАММЫ.

Программа всякой политической партии есть та или иная оценка настоящего на основании изучения прошлого при свете идеала будущего, т.е. результат того или иного миропонимания^а.

^а «Протокол I съезда ПСР». С. 59. — прим. В.Н. Рихтера.

2. Понимание же мира с наибольшей ясностью, без всяких противоречий, без излишних отклонений в сторону, понимание его на основании объединенных результатов научного исследования данных повседневного опыта, т.е. такое миропонимание, которое только и может удовлетворить запросам ума и требованиям сердца, есть ни что иное, как философия (ЕРУСАЛЕМ²²⁴ «Введение в философию»). «Философия, — говорит Авенариус²²⁵, — есть мышление о мире по принципу наименьшей меры сил».

3. ФИЛОСОФИЯ, КАК НАУЧНОЕ МЫШЛЕНИЕ О МИРЕ.

1. Нет человека без миропонимания, но мало людей обладает научным миропониманием^а. Чтобы обычное мышление о мире стало научным знанием, философией, необходимо, чтобы оно было выражено точно, при помощи понятий, чтобы понятия эти были расположены в ряд, начиная от самого простого понятия и доходя до самого общего, всеохватывающего понятия. «Знание необобщенное не есть еще научное знание; знание, обобщенное в частных областях, есть наука; знание, совершенно обобщенное, есть философия». (Спенсер²²⁷). (Чернов, Ф. и С. Эт.⁶ 275). (Освальд.²²⁸ «Философия природы». СПб. 1900. Стр. 51).

2. Постулат. Таким понятием, наиболее простым, несводимым на другие понятия, общедоступным, вполне достаточным и совершенно неизбежным, может быть только человек, как существо мыслящее, чувствующее, ставящее себе определенные цели, действующее. «Все сознаваемое или все существующее предполагает цельного человека, который есть одновременно объединенная часть общественного мира и сознательная личность» (П.Л. Лавров^в. Антропологическая точка зрения в философии. 198). Это является нашим исходным пунктом, основным предположением (постулатом); из этого неоспоримого данного при помощи прямо вытекающих из него фактов составятся все главнейшие положения системы.

Каждый человек находит себя со своими мыслями и чувствами среди известной окружающей его среды, составленной из разнообразных частей. К окружающей среде принадлежат также люди с разнообразными высказываниями. (Авенариус — «Человеческое понятие о

^а У всякого человека, от дикаря до наиболее развитого включительно имеется... теория познания. За редкими исключениями, последняя есть не плод размышления, а унаследованная от предшествующих поколений и воспринятая от окружающих людей привычка смотреть и понимать вещи по установленному шаблону. Фаминцын²²⁶, «Мир божий». 1898, № 1, С. 1. — прим. В.Н. Рухтера.

^б «Философские и социологические этюды».

^в См. еще его же «Современное состояние психологии». Собр. Соч. Статьи по филос. Вып. VI. Птг. 1918, 8 стр., 98; вып. II, 197–206, 180–181. «Что такое антропология». Соч. по филос. Вып. II. Птрг. 1918, С. 64: «Антропологический принцип предполагает отдельную человеческую личность, единицу не отвлеченного человека, как одного из многих, и тем менее человека, как синоним человечества» (ср. еще Михайл[овский]. Т. I, 155 стр.). — прим. В.Н. Рухтера.

мире». П. 1909 г., стр.4^а.) (Ср. Корнелиус²²⁹ «Введение в философию». 283. М. 1905 г.)

3. Опытное происхождение знаний. Каждый человек получает знания только из опыта (только эмпирически)^б. Знания не прирождены ему, не даются откровением свыше, не постигаются особым внутренним зрением, не являются результатом чистого мышления, порождающего бытие. Лишь один опыт, очищенный от всяких привнесений со стороны, от всяких примыслов, от всего в нем непосредственно не заключающегося, может дать (см. Михайл[овский] VI. 489) научное знание. Стало быть[,] к опыту мы должны относиться осторожно, строго критически^в. Отсюда название Эмпирио — критическая, т.е. опытно-критическая философия. (См. Лесевич²³² — «Письма о научной философии». Карстаньен²³³ — [и] Введение в критику чистого опыта». Ерусалем — Критический идеализм и чистая логика.) (Афелис²³⁴. Социология. 44—45)

2. ЭМОЦИИ

«Сама потребность, поскольку она обнаруживается явно, представляет собой чувствование (эмоцию) неудовольствия, а (соразмерное) удовлетворение ее связано с удовольствием». «Удовольствие и неудовольствие являются, таким образом, первыми реакциями (ответами) души на «внешние» и «внутренние» раздражения. И то и другое несет своего рода сторожевую службу. Организм стремится удержать приятное и отразить неприятное. В общем и целом приятное способствует сохранению жизни, неприятное вредит». (Ерусалем 214 и 199). Вслед за Вундтом²³⁵ можно различать, кроме удовольствия и неудовольствия, еще два других основных направления чувств: возбуждение и угнетение, напряжение и разрешение. Но, так как эмоции сопровождают ощущения и восприятия, «как бы освещая изнутри их поток» (Геффдинг²³⁶. — Очерк психологии, основанной на опыте. Стр. 90), то понятно[,] почему может существовать бесчисленное множество их и почему у отдельных индивидов эмоции могут неопределенно изменяться и по их составу, и по мотивам, вызывающим

^а Всякое познание, всякое впечатление, всякая оценка — обще говоря, всякое высказывание индивида относительно какой бы то ни было составной части окружающей его среды приходится рассматривать как обусловленное, в необходимые предварительные условия которого входит не только среда, но и сам индивид, как целостная биологическая единица с определенными свойствами» (Чернов «Ф. и С. Этюды» 154). — *прим. В.Н. Рухтера.*

^б Все доступное нам мы называем опытом; разлагая его на простейшие составные части, мы получаем непосредственные восприятия. Из этих-то простейших «элементов опыта» мы строим затем наши представления как о «внешнем мире», так и о «собственном я». (Чернов «Ф. и С. Эт.» С. 306—307) (352). «Всякое познание вещей из одного чистого рассудка или разума есть ничто иное, как призрак, и лишь опыт истина». Кант²³⁰. Прологомены. Приложения. (Ср. Фаминцын. 98. № 2 С. 123 и 131), (Михайл. VI. 830—831). — *прим. В.Н. Рухтера.*

^в Мы относимся критически к объектам, если исследуем условия возникновения их и их качеств, т.е. исследуем их происхождение и прослеживаем стадии их развития (Куно Фишер²³¹). — *прим. В.Н. Рухтера.*

их. (Джемс²³⁷. 328). Эмоции могут враждебно сталкиваться друг с другом или образовывать «смешанные чувства», взаимно ослаблять, усиливать или видоизменять друг друга. Могут (обычно) ослабевать при повторении, а иногда, наоборот, усиливаться и углубляться^a. А между тем это фундамент всех наших «практических идей»; от суммы эмоций, связанных с удовлетворением потребностей, зависит, кроме того, наше «настроение», причем его слагаемые в отдельности могут быть настолько слабы, что не будут достигать сознания. Настроение наше, которое так часто определяет поступки и суждения людей, очень часто бывает, благодаря этому, случайным, «необъяснимым». Не надо забывать и того обстоятельства, отмеченного Геффдингом («Учение о принципах нравственности», 16 стр.), что при энергичном пробуждении какого-нибудь чувства или интереса, оно имеет тенденцию овладевать всем сознанием, окрашивать все, что составляет содержание духа.

III. «Нравственное предвзятое мнение»

Кроме указанных противоречивых, неясных, сбивчивых, хаотических свидетельств эмоций, составляющих наше настроение, нужно еще иметь в виду, что «не сам человек владеет своими симпатиями и антипатиями, а они суть стихийные силы, над ним владычествующие^b. Он не господин над ними»,] ибо мы *tantum possumus, quantum shimus* (настолько лишь можем, насколько знаем) (Чернов «Ф. и Соц. Эт.» 235).

«Наше психологическое содержание дано опытом, унаследованным, личным и сочувственным. Сочувственный опыт основан на нашей способности переживать чужую жизнь, ставить себя в чужое положение^b. Но, как неделимое, человек может переживать жизнь только неделимого, и притом тем полнее, чем данное неделимое человекообразнее... Сочувственный опыт, вместе с опытом личным, комбинируясь известным образом, входит в наше психологическое содержание и, наряду с категориями истинного и ложного, устанавливает категории приятного и неприятного, желательного и нежелательного, нравственного и безнравственного, справедливого и несправедливого. Отрешиться от этой стороны эмпирического содержания нашего «я» столь же невозможно, как произвольно вычеркнуть из своей памяти какие-нибудь знания». (Михайловский I, стр. 134). Это нравственное предвзятое мнение, неосознанное, неясное для самого обладателя, предвзятое мнение, в котором приятное и неприятное, хорошее и дурное чаще определяется не самим человеком, а его

^a См. также Ерузалема «Функции суждения». Чернов «Ф. и С. Эт.» С. 175–176. — прим. В.Н. Рихтера.

^b ...На состояние нашего чувства оказывают влияние не только впечатления, но и отчасти действия прошлых переживаний, совокупность всех факторов наших ощущений и представлений (Корнелиус. — «Введение в философию». М. 1905 г. 164 с.). — прим. В.Н. Рихтера.

^b «Только по опыту узнаем мы, что существуют другие личные существа, кроме нас самих, и только из опыта учимся мы ставить себя на их место и чувствовать, как слагается их жизнь». Геффдинг. — «Уч[ение] о пр[а]вилах нравств[ственности]» 43. — прим. В.Н. Рихтера.

семьей, средой, классом, воспитанием, обычаями, нравами^а, определяется не только современниками, но и предками (недаром говорят о «власти мертвых» (Ибаньес²³⁹), о том, что «все мы с первых дней вступаая» в жизнь «под их влияньем таинственным живем» (Брюсов²⁴⁰)), не только создает наше «настроение» и диктует нам наши мысли, чувства и поступки, но кроме того еще и извращает наше знакомство с окружающей средой, делает для нас понятными мысли, поступки и чувства только части людей, приводит к ошибочным, односторонним оценкам и суждениям, не дает возможности полно и широко ознакомиться с обществом и оценить его.

Итак, у каждого человека, знает он о том или не знает, признает он это или упорно отрицает, хочет или не хочет, имеется «нравственное предвзятое мнение», только отчасти приобретенное (не критическим) личным опытом, в значительной же степени унаследованное и зависящее от сочувственного опыта, обычно одностороннего и не систематизированного.

Нужно «усмотреть в жизни даже одного и того же человека две весьма различных полосы: полосу, отмеченную печатью проявления личности, и полосу, определяемую вкусами, нравами, обычаями, законами, имеющими силу в данном обществе». (Михайл[овский]. VI. 491).

Машинописный текст с правкой и вставками красными и черными чернилами рукой В.Н. Рихтера на трех листах с оборванными краями. Документ датируется по тексту на оборотах двух листов, представляющих собой бланк «явочной карты» призывника Одесского губздрава, в котором упоминается приказ от 1 июля 1920 г.

№ 22

«Заявление политических заключенных Владимирской тюрьмы, переведенных из Бутырской тюрьмы, в Президиум В.Ц.И.К.»²⁴¹

Май 1921 г.⁶

В ночь с 25 на 26 апреля агентами В.Ч.К. были вывезены из Бутырской тю[рьмы] все содержащиеся в ней социал-[дем]ократы, эс-эры и

^а Какие поступки называем мы хорошими, дурными, это зависит прежде всего... (вырван кусок текста. — *Сост.*) ... какому обществу или человеческой группе принадлежим мы» (Геффдинг. — Уч[ение] о пр[авилах] нрав[ственности]...)... настроений и чувства жизни у каждого индивидуума происходит в пределах определенных границ, зависящих от телесного и духовного уклада». (Эльзенганс²³⁸. Психология и логика, как введение в философию (62)).

⁶ В копии заявления, хранящейся в ЦА ФСБ РФ (Н-1789. Т. 65. Л. 83–83 об.), указана другая дата — 30 апреля 1921 г.

анархис[ты. Мы] лишены возможности нарисовать в полном объеме развернувшуюся при этом отвратительную картину грубого насилия, т.к. мы составляем лишь незначительную часть вывезенных из Бутырской заключенных, мы опишем лишь то, что сами перенесли и сами видели:

В 4 часу ночи, в занимаемые политическими заключенными 11 и 12 коридоры общего корпуса, в мужские и женские одиночные корпуса и в ча[сову]ю башню бутырской тюрьмы явились [в бол]ьшом количестве агенты [В.Ч.]К. и солдаты. В 12 коридоре в н[екот]орые камеры они ворвались, когда заключенные спали; заключенных схватывали и приказывали немедленно одеться и забирать вещи, и при малейших признаках колебания или сопротивления выталкивали силой в коридор и уводили. 60-я камера уже проснулась к тому моменту, когда вбежали чекисты. На требование одеваться и собрать вещи староста камеры, поддержанный всей камерой, потребовал сообщить ему, куда и зачем нас уводят, и дать ему возможность переговорить с коридорным старостой. Так как в том и другом было резко отказано, все заключенные легли вновь на койки. Руководивший операцией чекист дал камере 5 минут «на размышление» и через 5 минут явился в камеру с большим числом солдат; по его команде «по 3 человека на каждую койку» солдаты с шиканьем бросились на заключенных и стали стаскивать их с коек, избивая прикладами и кулаками, и выталкивать и вытаскивать в одном белье в коридор. Вдоль всего коридора стояли шпалерами солдаты и многим из нас пришлось пройти здесь сквозь строй и подвергнуться новому избиванию. Особенно пострадали при этом Я.А. Аровин^{а242}, А. Девяткин^{б243} и Л.И. Чистрак^{в244}.

Из 12 коридора чекисты и солдаты перешли в 11 коридор; здесь заключенные к этому времени оделись и собрали вещи, решив не оказывать и пассивного сопротивления, но чекисты и солдаты здесь с матерною бранью набросились на заключенных; особенно избиты сильно А.Е. Кранихфельд^{г245}, А.Я. Малкин^{д246} и И. Миньков²⁴⁷.

В мужском одиночном корпусе в общем и целом то [же.] Здесь, в частности, были избиты Н.И. Артемьев^{е248}, Кододеев А.В.^{ж249} и другие.

Еще более наглый характер носила эта операция в женском одиночном корпусе. Здесь солдаты и чекисты врвались в камеры, избивали

^а В экземпляре ЦА ФСБ РФ *И.А. Аровин*.

^б В экземпляре ЦА ФСБ РФ *А.Ф. Девяткин*.

^в В экземпляре ЦА ФСБ РФ *Л. Пистрак*.

^г В экземпляре ЦА ФСБ РФ *Д.С. Кранихфельд*.

^д В экземпляре ЦА ФСБ РФ *А.И. Малкин*.

^е Текст, заключенный составителями в косые скобки, отсутствует в экземпляре ЦА ФСБ РФ.

^ж В экземпляре ЦА ФСБ РФ *А.В. Федодеев*.

арестованных и некоторых (А. Гутман^{а250}, Козло[...]ву^б и других) почти раздетых волокли за волосы вниз по лестнице.

В часовой башне заключенные анархисты, полагая, что их ведут на расстрел, упорно сопротивлялись и были жестоко [изби]ты. Особенно пострадали И. Беляев²⁵¹, В. Просенко^в и Ф.Ф. Тимаков²⁵². Из околodka и женского одиночного корпуса увели и больных, некоторых с высокой температурой (более 39 градусов), увели и двух голодавших (4-й день голодовки). Приводимых в контору заключенных разбивали на группы. В той группе, в которую вошла значительная часть нижеподписавшихся, вновь повторились сцены наглого насилия, солдаты начали [насильно уводить]^г заключенных по одному и по два для увоза, энергично работая [кулака]ми^б, цинично ругаясь и угрожая стрельбой. Вся операция и в [частности] избивение производились под наблюдением и руководством высших чинов В.Ч.К. (Беленький²⁵³, Кожевников²⁵⁴, Самсонов²⁵⁵ и почти все старшие следователи) и при непосредственном участии чекистов, о которых давно известно, что они исполняют в Ч.К. обязанности палачей (Риба и др.). Мы были отвезены на вокзал и посажены в арестантские вагоны. Нам даже не сообщили, куда нас везут, да и сами чекисты, разметав увезенных из Бутырки политических по разным городам, не поинтересовались составить перед отправкой списки заключенных, отправляемых в каждый из намеченных ими городов и не знали, кого куда посылают. Конечно, нам не дано было возможности снести или свидеться перед отъездом с родными и близкими, для которых увоз наш в обстановке, типичной для ув[оза] на расстрел и в неизвестном [направ]лении, явился тяжелым истяз[анием.] — Нас привезли во Владимир и за[ключили] в Губ[ернской] тюрьме, безобразная обстановка которой обрисована в прилагаемом при сем в копии заявления, подаваемом сегодня от имени всех политических заключенных во Владимирский Губисполком.

Считаем необходимым отметить, что почти никому из нас не предъявлено никакого обвинения и содержание наше в тюрьме (большинство арестованы в феврале или в начале марта с.г.) имеет целью, по цини[чно]^д откровенному признанию самих чекис[тов], лишь нашу политическую изоляцию, что сами органы власти в полной мере отдают себе[,] таким образом[,] отчет в том, что они творят над нами насилие, потому что мы являемся их политическими противниками... Вся обстановка нашего увоза из Бутырок и та обстановка, которая окружает нас во Владимире, дают нам право утверждать, что сейчас речь идет уже не о нашей изоляции, а о мерах, направленных к нашему физическому уничтожению. Перед лицом Российского и Международного пролетариата, перед лицом всего человечества мы протестуем против этой политики

^а В экземпляре ЦА ФСБ РФ Л. Гутман.

^б В экземпляре ЦА ФСБ РФ Козловская.

^в В экземпляре ЦА ФСБ РФ З. Проценко.

^г Текст восстановлен по экземпляру ЦА ФСБ РФ.

^д В экземпляре ЦА ФСБ РФ слово отсутствует.

варварства, самовластия и жестокости, с редким в истории человечества лицемерием прикрываемой интересами рабочего класса и социализма.

(следуют подписи).

г. Владимир. Май 1921 года.

Машинописная копия на тонкой бумаге с большими дырами. Подписей нет. В копии заявления, хранящейся в ЦА ФСБ РФ, перечислены подписи: «Социал-демократы: А. Девяткин, М. Бронштейн, Л. Пистрак, Д. Кра-нихфельд, И. Розенблит, А. Малкин, И. Раппопорт, Л. Гутерман, А. Антыпко, С. Эстрин, Гнесин, С. Цейтлин, А. Кузовлев, А. Фишгенд-лер, С. Шварц-Радищевский, И. Данилин, А. Хавин, А. Аравин-Коган, И. Окунь, А. Иоффе, И. Израэль, Р. Конторович, Г. Яковлев, Гоиняг-ский. Соц[иалисты]-рев[олюционеры]: В. Кильчевский, А. Чистосер-дов, Мосолов, Бурмистров, Н. Васильев-Бобров, В. Надолец, Е. Бонда-ренко. Анархисты: Н. Тимаков, Бирулин, Ополецкий».

№ 23

Тюремные записки В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой²⁵⁶ из одесской тюрьмы

[май 1921 г.]

[1] Мой любимый друг Верок!

Прости, что вчера не написал тебе ни слова, но мне было трудно пи- сать и не хотелось, не нужно было насиловать себя. Надо было мне «по- молчать вместе».

Тяжелые удары выпадают на нашу долю, но в них только одно хорошо, что чувствуется, что растет не только радостная, но и горестная связь меж- ду нами, к[а]к жизнь, действительно, сковывает, сбивает нас в одно нераз- рывное целое. Детвора наша оставляет нас, больно раня душу, но и делая нас добрее, лучше, единокрушней. Только какав это дорогая цена, Верок! И как эти события не забываются и не перестают жить все время с тобой...

В тюрьме у нас ничего нового. По-прежнему несчастных уголовных мроят голодом и им лишь криками и бунтами удаеца вырвать изредка небольшой ломоть хлеба и воду[,] ничем почти не закрашенную[,] в виде супа. Пока еще никто не явился освобождать или допрашивать наших, хотя мы, опасаясь ухода Гольда²⁵⁷, срочно заслушиваем его доклад по фи- нансовому вопросу. У Каплана 39,2. Вероятно, тиф. Положение Минаева серьезно. И конечно, нельзя думать об облегчении положения Каплана, пока не будет всего сделано для Минаева.

Мой единственный друг и в горе и в радости, мой любимый Верок. Желая тебе всех сил, чтобы вынести новое, свалившееся на нас горе. Це- лую тебя, моя дорогая.

[2] Дорогая Вера! Сегодня нас удостоил своего посещения Кирков²⁵⁸, к[о]т[о]рый вел продолжительную беседу со мной, к[а]к с И[с]полняю-

щим] Д[ела] старостой. Начал разговор с Натаныча²⁵⁹, и узнав, что мы за него не хлопочем, ввиду поведения с Минаевым²⁶⁰, к[о]т[ор]ого 1,5 мес. и т.д., решил сам принять все меры для перехода в госпиталь. Обещал нас избавить от дальнейшего тифа, голода и столкновения со стражей путем перевода в политизолятор, к[о]т[ор]ый «нужно же создать». Насчет свиданий заявил, что доложит коллегии о свиданиях в 30 м. 2 раза в неделю без решеток с месячным разрешением для трех лиц на одного заключенного. Одновременное свидание для 4 арестованных в комнате с надзирателем. Мы на эти предварительные условия пошли. Книги обещал просматривать в тюрьме. Таковы словеса, а каковы будут дела, увидим.

Потом устраивал «предосвободительный допрос» Берлину²⁶¹, Вольфенцону, Фридмана и Авербух, к[о]т[ор]ой пообещал высылку в Харьков. Остальным намекнул на освобождение.

Для игр — арт[истам] нужна мука для клейстера, нитки, материи для тюфячков, ниток и белых и черных.

Натаныча самочувствие очень недурное, а положение обычное тифовое.

Новоприбывшие ведут себя хорошо, железнодорожники опять начали по-ребячески хулиганить.

Не забудьте проредактировать заметку о Минаеве, чтобы не вышло чепухи.

Мой милый друг, ты напрасно огорчаешься по поводу нашего разговора о выходе. Самое страшное было бы, если бы ты подумала и почувствовала, что я не хочу выйти или таким путем собираюсь кому-либо что-либо показывать, или доказывать. Я не мог пойти и не должен был пойти, и прежде всего для нас с тобой, для чистоты нашего горя. Это наносило тебе лишний удар и ты на это только так и только в этих пределах реагировала. Иначе и быть не могло в том твоём состоянии, моя любимая. Между нами нет по этому поводу ни малейшего облачка, налета огорчения теперь. Правда? Если я не писал в первый день, то, конечно, не по этой причине. Меня смерть Пупы²⁶² огорчила очень, очень глубоко и мне трудно было касаться этого места на первых порах. Видно крепок все[-]таки отцовский инстинкт, да и расшатанность нервов в наше время. Вот почему я не писал и только потому.

Вот тебе полный отчет во всех событиях нашей внешней и моей внутренней жизни.

Уже нужно закупоривать почту. Сегодня все утро у меня отнял Киров, а затем общее собрание по поводу его приезда. Целую тебя, моя родная, и желаю побольше сил, чтобы перетерпеть наиболее острый период.

Целую тебя.

[3] Моя любимая!

После вчерашнего дня у нас нет никаких новостей за исключением различных выходов железнодорожников, за к[о]т[ор]ых мы, наконец, решили взяться всерьез.

Надо ожидать: что последствия появления у нас чекиста скажутся еще не так скоро и «очередным» нужно будет еще терпеливо посидеть в ожидании освобождения, а нам в ожидании изменения ныне действующей конституции. У Каплана период нервной бодрости сменился некоторым упадком, но

никаких осложнений нет. Получили первый номер «Револ[юционной] России»²⁶³, но я его еще не читал. Необходимо переслать нам остальные.

С болезней Каплана на меня еще навалились все мелочи старостата, к[о]т[о]рые я, правда, сократил на три четверти, но освободиться от к[о]т[о]рых совершенно не удастся. Из письма вчерашнего ты уже поняла нашу линию поведения: мы за Капл[ана] не хлопочем и с чека не разговариваем по этому поводу, но думаю, что на этот раз они сами пошевелятся. Подталкивать со стороны их не следует.

Мой милый Верок, как, наверно, одиноко и тоскливо чувствуешь ты себя, если даже мне минутами так холодно и неприятно. Приходится терпеть, сжав зубы и окаменев. А какие на редкость деревянные люди вокруг!

Крепко, крепко целую тебя, моя единственная.

[4] Дорогой Верок!

Меня очень огорчило хождение Вольфензона в чека и разговоры по поводу моей болезни. Это как раз то, чего я не хотел и опасался. Я, поблагодарив Вольфензона, просил никаких дальнейших шагов не предпринимать, но боюсь, что у людей этих все[-]таки не хватит ни такту, ни политического здравого смысла. Убеди, пожалуйста, их хотя бы в том, что когда у меня будет даже 42° температуры, то я все[-]таки лучше всех Вольфензонов буду знать, что можно и что нужно делать для меня и что не нужно! И даже практически это ничего не ускорит, и только затянет.

Мне очень досадно, что начинаю письмо со ворчания, но ничего не поделаешь.

У меня все есть. Пришли только пару носков.

Температура устойчива на брюшняк...^a. Болезненных ощущений никаких, самочувствие прекрасное. Сердечная деятельность неизвестна, я о ней даже не спрашиваю. Вероятно будет хороша, если Вольфензоны не будут устраивать перебои.

Крепко, крепко целую тебя и думаю, что сегодня нам уже передадут целительный бальзам, к[о]т[о]рый что-то запаздывает своим появлением.

Меня здесь балуют так, что школьник тоже решил заболеть, но доктор не признал тифа. Целую.

[5] Дорогой Верок!

Самочувствие у меня превосходное, температура установилась. Словом все в порядке. У нас никаких особых новостей нет.

За мной ухаживают самым усердным образом. Достают откуда-то молоко и поят им, делают супы и т.п.!

Я зол на себя невероятно. Отчего было не заболеть на месяца полтора раньше! Ну, да ничего не поделаешь!

Пожалуйста, не приписывай жару изменение почерка, пишу в лежащем положении, чем занимался до сих пор нередко. Хотелось бы мне подготовить кой-какой материал, но, вероятнее всего, не удастся.

Милый мой Верок, ужасно меня сердит эта дурацкая болезнь.

^a Неразборчиво.

Только что был у меня доктор тюрьмы и Ландесман. Решили, что «подозрителен по тифу». Утешили, что известят об этом чека. Поживем, увидим.

Крепко целую тебя, моя дорогая! Пожалуйста, не волнуйся!

[6] Дорогой Верок!

Ты оказываешься прекрасным пророком. Твои опасения относительно тифа к величайшей моей досаде оправдались.

С субботы мне чуть-чуть нездоровилось, но я до вчерашнего вечера не предполагал, что у меня жар. Оказывается, я «жар» испытываю только при 39,2°. Высота температуры объясняется тем, что я был «на ногах» и при обычном режиме. Пожалуйста, наблюдай, чтобы никаких хлопот обо мне и для меня с воли не было. Да это и не нужно, благодаря прививке тиф, вероятно, будет пустяшным.

Очень рад, что успел все[-]таки выполнить все заказы... Досадно надолго выбыть из строя и как раз в самый нужный момент.

Я все[-]таки принял все меры к тому, чтобы здесь жизнь не замерла и шла по более или менее надлежащим рельсам.

Мне очень досадно, дорогая моя, что и тебе в тяжелый период я вместо поддержки даю только новую тревогу. Теперь уж нам не увидеться с тобой, пока не будут разрешены свидания всем или они по собственному почину не переведут в госпиталь. Это по всему очень вероятно. Целую. Утром 37,5°.

Рукописный оригинал. Текст, написанный красными чернилами на обрывках бумаги, сложенных в гармошку. Дата не указана, документ датируется по содержанию.

№ 24

Обвинительное заключение по делу члена ЦК ПСР В.Н. Рихтера²⁶⁴

Июнь 1923 г.

Копия^a

З.М.⁶

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По делу № 38 Члена ЦК ПСР РИХТЕРА, Владимира Николаевича.

1923 года Июня... дня^b Я, Следователь Верховного Суда Дубинский, рассмотрев дело № 38 по обвинению РИХТЕРА Владимира Николаевича в контрреволюционных деяниях, НАШЕЛ:

^a Рукописная вставка красными чернилами.

⁶ Аббревиатура неясна.

^b День не проставлен.

В Верховном Трибунале ВЦИК от 8 июля по 7 августа 1922 г. в открытом судебном заседании слушалось дело членов ЦК ПСР²⁶⁵, причем, в отношении членов ЦК, находящихся за границей, а также скрывшихся от следствия и суда, в том числе РИХТЕРА, дело было выделено в особое производство, впредь до возвращения в РСФСР первых и розыска последних²⁶⁶.

Привлеченные по делу Члены ЦК ПСР обвинялись в вооруженной борьбе против Советской власти, организации террористических актов, вооруженных ограблениях, сношениях с иностранными капиталистическими державами в целях подготовки и организации интервенции и др.²⁶⁷

Судебным следствием по делу, как это видно из приговора²⁶⁸, установлено, что вдохновляемая и руководимая Центральным Комитетом ПСР, в который входил гр. РИХТЕР, избранный на III и IV партийном съезде, партия социалистов-революционеров после свержения Временного Правительства буржуазии от 25 октября 1917 года и образования Рабоче-Крестьянского Правительства, в возгоревшейся вооруженной борьбе между пролетариатом и буржуазией открыто и активно выступила в защиту интересов последней. И всей своей последующей деятельностью ПСР исключительно руководствовалась целью — свержение Советской власти и какими угодно путями, любыми средствами.

В осуществление указанной цели ПСР в лице своего ЦК организовала: — 1) вооруженные восстания и вторжения на территорию РСФСР вооруженных отрядов и банд, участвовала в ряде попыток 1) захвата власти в центре и на местах, 2) насильственного расторжения договоров, заключенных РСФСР, 3) отторжение от Республики некоторых частей ее, 4) террористические акты, направленные против лучших представителей Пролетарской Власти²⁶⁹.

Учитывая и всю последующую преступную деятельность ПСР, верховный Трибунал приговором своим от 7-го августа 1922 года ПРИЗНАЛ:

1) что партия с.-р., как партия, которая использовала свое социалистическое название и входившие в нее социалистические элементы для борьбы с Советской Властью, является партией не социалистической, а буржуазной — контрреволюционной;

2) члены ПСР и в особенности члены ЦК названной партии, которые фактически руководили и возглавляли контрреволюционное движение и активную вооруженную борьбу с Советской Властью, признаны виновными в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 57, 58 и 59 Уголовного Кодекса.

Гр. РИХТЕР, Владимир Николаевич, будучи членом ПСР с 1902 года, был на 3-м Съезде партии в 1917 г. избран в ЦК. На 4-м Съезде в начале декабря того же года, РИХТЕР вновь избирается в ЦК.

Как член ЦК ПСР РИХТЕР принимает активное участие в работах ЦК и является ответственным за все те деяния, которые инкриминировались и на судебном следствии нашли подтверждение, ЦК ПСР в целом.

Касательно индивидуальной деятельности гр. РИХТЕРА предварительным следствием установлено:

По вопросу о допустимости террористической деятельности против представителей Соввласти ЦК ПСР на словах и в официальных заявлениях отрицал свое участие в имевших место террористических актах²⁷⁰, — на деле же организовывал убийство вождей Советской Республики, выдвигая из своей среды членов ЦК, в частности гр. РИХТЕРА для руководства и осуществления того или иного террористического плана²⁷¹.

ЦК согласно показаниям членов ЦК — ВЕДЕНЯПИНА, ИВАНОВА, БУРЕВОГО²⁷² имел суждение по вопросу о терроре. Именно в феврале 1918 года в заседании ЦК, на котором присутствовал гр. РИХТЕР, была вынесена резолюция, по свидетельству гр. БУРЕВОГО, расплывчатая и допускающая применение террора, при чем решительный противник такового — член ЦК гр. СУНГИН²⁷³ счел необходимым выйти из состава ЦК. Из дальнейшей деятельности гр. РИХТЕРА усматривается, что присутствовавший на указанном заседании гр. РИХТЕР голосовал за резолюцию, допускающую террор²⁷⁴.

Ибо уже в марте 1918 г., когда в среде ответственных членов ПСР возникает мысль о необходимости убить ЛЕНИНА и ТРОЦКОГО²⁷⁵, Бюро ЦК дает свое согласие на акт индивидуальный, выделив в качестве руководителя боевой группы члена Бюро ЦК гр. РИХТЕРА.

Выполнение этого террористического акта взяла на себя КОНОПЛЕВА²⁷⁶, в помощь которой был назначен гр. ЕФИМОВ²⁷⁷.

На обязанности гр. РИХТЕРА лежало налаживание технической стороны дела, установление слежки и вообще подготовка и создание наиболее благоприятных условий для совершения намеченных убийств.

КОНОПЛЕВА в своих показаниях говорит, что необходимость убийства ЛЕНИНА вытекала из исключительной руководящей роли, которую ЛЕНИН играл, и, узнав о том, что Бюро ЦК дало свое согласие на акт индивидуальный, немедленно отправились совместно с ЕФИМОВЫМ в Москву, где гр. РИХТЕР должен был приготовить все для совершения акта. Однако, по приезде в Москву выяснилось, что РИХТЕРОМ в смысле подготовки почти ничего не сделано. Между прочим, помощь гр. РИХТЕРА выразилась в том, что он достал и передал гр-ке КОНОПЛЕВОЙ яд «КУРАРЕ», для отравления пули. Кроме того, он познакомил КОНОПЛЕВУ с каким-то молодым человеком, который должен был осуществить слежку за ЛЕНИНЫМ²⁷⁸.

Гр. ЕФИМОВ показал:

Приблизительно в марте 1918 года видный член ПСР (член У.С.) гр. РАБИНОВИЧ²⁷⁹ — предложил ему выехать в Москву, указав, что целью поездки является совершение террористического акта. Подробные инструкции ЕФИМОВ, согласно указаниям гр. РАБИНОВИЧА, должен был получить в Москве у члена Бюро ЦК гр. РИХТЕРА. По приезде вместе с КОНОПЛЕВОЙ в Москву, ЕФИМОВ от РИХТЕРА узнал о плане покушения на ЛЕНИНА и о том, что роль ЕФИМОВА сводится к слежке.

От РИХТЕРА же гр. ЕФИМОВ узнал, что инициатива покушения исходит от ЦК, и, будучи не согласен с политикой террора в отношении социалистов, гр. ЕФИМОВ указывал РИХТЕРУ на недопустимость подготовляемого убийства. РИХТЕР же настаивал на обратном²⁸⁰. По

целому ряду причин, не зависящих от воли покушавшихся — ЛЕНИН убит не был.

В мае 1918 г. состоялось постановление ЦК ПСР о посылке делегации на Украину «для переговоров с ЦК Украинских с.-р и Секретариатом Украинской Рады: 1) о плане совместной с украинскими с.-р работы в Учредительном Собрании; 2) об организации выборов и плана работ в Украинск[ое] Учредит[ельное] Собрание; 3) об организации переговоров с вновь образовавшимися краевыми правительствами о воссоздании центральной правительственной власти и о создании благоприятной обстановки для работы Всероссийского Учредительного Собрания. В состав делегации считать выбранными: Л.Я. ГЕРШТЕЙНА и В.Н. РИХТЕРА»²⁸¹.

В деле имеется копия заметки и выписка из протокола допроса автора этой заметки гр. БЕЛОВА, в которой характеризуется деятельность ГЕРШТЕЙНА и РИХТЕРА на Украине. По свидетельству гр. БЕЛОВА[,] ГЕРШТЕЙН и РИХТЕР были уполномочены вести секретные переговоры с правительством Центральной Рады с целью добиться соглашения на предмет совместного выступления против Советской России и, кроме того, выяснение возможностей укомплектовать из солдат б. царской армии воинских частей, пригодных для похода на Петроград.

Переговоры с правительством Центральной Рады для ГЕРШТЕЙНА и РИХТЕРА тем более были облегчены, что, по словам БЕЛОВА, французская Миссия согласилась от имени Правительства признать де-юре Правительство Центральной Рады, при условии оказания им активной поддержки партии с.-р. в ее работе за Учредительное собрание.

Итак, заручившись поддержкой Французской миссии, ГЕРШТЕЙН и РИХТЕР подготовили почву для предстоящего соглашения, для окончательной санкции которого был вызван из Петрограда третий Член ЦК — РУДНЕВ²⁸².

Следствием не установлена в деталях деятельность гр. РИХТЕРА за последние 2 1/2 года.

В процессе ведения предварительного следствия по делу ЦК ПСР, гр. РИХТЕР, будучи вызван для дачи показаний, был Одесским Губотделом ГПУ отпущен под честное слово на несколько дней для устройства домашних дел. Однако, слова не сдержал и скрылся²⁸³.

Скрываясь в Киеве и проживая под фамилией «ПИСАРЕВСКИЙ», был в сентябре 1922 года арестован²⁸⁴.

Привлеченный в качестве обвиняемого гр. РИХТЕР от показаний по существу предъявленного обвинения отказался.

На основании вышеизложенного передается Суду Судебной Коллегии Верховсуда гр. РИХТЕР, Владимир Николаевич, 42 лет, сын вольного штурмана в Ростове-на-Дону, образование высшее (юрист-филолог), — по обвинению его в том, что, будучи избран в Центр[альный] Комит[ет] на 3-ем Съезде партии и переизбран в тот же ЦК на IV-м съезде в декабре 1917—1918 г.[.] состоял[.] таким образом[.] в организации, ставящей себе целью свержение Советской власти, путем вооруженных выступлений, мятежей;

б) в том, что в марте 1918 года[,] получив от ЦК задание руководить террористическим актом против ЛЕНИНА, передал намеченной исполнению^а этого акта гр-ке КОНОПЛЕВОЙ яд для отравления пули и, кроме того, познакомил ее с лицом, долженствующим установить слежку за ЛЕНИНЫМ.

в) уехав в мае 1918 г. в Киев в составе делегации, посланной Центральным Комитетом для переговоров с Правительством Центральной Рады, по вопросу о совместном выступлении против Советской Власти и комплектования войск из солдат царской армии, готовых выступить.

Делегация эта, заручившись, путем секретных сведений, поддержкой французской миссии, подготовили почву для соглашения, санкционировать которое должен был вызванный третий член ЦК — РУДНЕВ.

Указанные преступления предусмотрены ст. ст. 58, 59 и 64 Уголовного Кодекса.

Следователь (Дубинский).

Вызову в Судебное заседание подлежат:

ОБВИНЯЕМЫЙ:

РИХТЕР Владимир Николаевич — Бутырская тюрьма.
Следователь Дубинский.

Машинописная копия, заверенная печатью Судебной Коллегии Верховного Суда РСФСР, на папиросной бумаге. Подписи — автографы. Далее красными чернилами вписано: С подлинным верно: Секретарь Судебной Коллегии по Уг[оловным] Дела[m] Верховного Суда Республики^б

^а Так в тексте.

^б Подпись неразборчива.

Раздел III

ТЮРЬМА И ССЫЛКА

№ 1

Письмо В.В. Суворовой мужу В.Н. Рихтеру в тюрьму

[конец 1923 г.]
штамп СОГПУ

Дорогой мой, родной мой! Сегодня последний раз могу написать тебе, последний вечер здесь вблизи тебя, последнее свидание завтра. Проживи бы я здесь долго, имей я возможность писать тебе, как хорошо и легко было бы мне, не говоря о том, что я выздоровела бы тут, и прошли бы все мои нелепые страхи, с которыми я не могу совладать! Я так счастлива, что поехала, что видела тебя, почувствовала всю твою близость и любовь, поддержку, твою мудрость и бесконечную доброту ко мне. Все эти дни здесь я здорова, спокойна и мне хорошо. Спасибо тебе за письмо и не думай, что я огорчилась тем, что ты не писал мне. Всегда во всем да будет воля твоя и «что старик ни сделает, — все хорошо!» — Конечно, мы будем лезть с тобой «на Монблан», это уж неизбежно в нашей жизни, если мы будем жить вместе, а лично никогда, ни при каких условиях не мыслю жизни иначе, и к моему ужасу я боюсь, что время, что даже существование, прозябание без тебя мне не будут по силам. Жить изо дня в день только куском хлеба для меня и детей я не умею, призвания или чего[-]либо подобного у меня нет и есть одно — любовь в широком, полном смысле, та самая, что подобно вере, двигает горами (хотя м.б. горы мои и малы); всю свою любовь я вложила в тебя[,] и эта любовь служит мне стимулом для всего лучшего как в отношении внешних всяческих проявлений, так и для внутреннего роста и самосохранения.

Я думаю, что встала уже «на новые рельсы», о которых ты пишешь, душевно, теоретически, если пока это недоступно на деле. Да и не могло бы быть иначе. Ты пишешь, что — старый волк — должен еще показать мне зубы. Пусть будет так, если тебе надо. Но по[-]моему[-]то нечего и царапаться, если я тебя верно поняла. Одно мне хочется тебе сказать по слабости моей — дай мне отдохнуть с тобой, если — надеждой этой живу — суждено еще нам с тобой лезть на Монблан. Мне так тяжело жилось и живется, так — на свободе — одиноко и замкнуто, если не считать отдушины в виде Ирины¹, что мне действительно хочется сказать, как писал Огарев² своей жене «возьми меня на ручки!»

Письмо мое только отчасти может служить ответом тебе. Все, что мне удалось написать, может служить только первой главой, первыми страницами всего, что я хотела бы рассказать и высказать, только предисловием к следующему тому прекрасного романа нашей жизни, а книга моей

жизни, конечно, тобой и кончится. Потому что мне хочется видеть ее прекрасной до конца, потому что мне хочется, чтобы ты открыл мои глаза, потому что так мучительно хочется, чтобы прекрасное, хотя и выстраданное здание нашей жизни было закончено. Мне хочется послать тебе в этом письме как будто нелепый и непонятный подарок, простой медный крестик, символ, чуждый нашей жизни, случайно, но с верой и лучшими чувствами данный мне здесь человеком, вложившим в него свое содержание. На нем написано «да воскреснет бог и да расточатся врази его». Веками люди связывали с ним идею защиты от всякого зла, благословения; я не вкладываю его, но мне хочется оставить тебя и закончить это письмо именно такими чувствами. Да будешь ты благословен за все, что ты дал мне, за твою большую, мудрую, прекрасную любовь, да минует тебя всякое зло и пусть в моей счастливой жизни будет еще и впредь великое счастье — жить с тобой.

Рукописный подлинник — карандашный текст. Письмо написано в Суздале, куда В.В. Суворова приехала вместе с И.А. Сысоевой на свидание к В.Н. Рихтеру примерно в конце 1923 г. На обеих сторонах листка стоит печать: ПРОСМОТРЕНО III ОТДЕЛ СОГПУ... 192.. г.

№ 2

Письмо В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой из Суздаля

[январь 1924 г.]

Моя дорогая, любимая! Каким хорошим, «нездешним» повеяло на меня, когда я почувствовал, что года, расстояния, наслоения — все это маленькие, ничтожные вещи, и что наши отношения не мечта, не бред замученных трезвой и разумной жизнью идеалистов, не страстная мечта вынужденных жить прозой обыденщины «поэтов жизни», а самая простенькая, наивная, совсем не важничающая истина. Для одного этого стоило, мне кажется, пережить даже те перипетии, которые выпали на твою долю, не говоря уже обо мне. Я, несмотря на все страховки, осмеливаюсь думать, что нам удалось выносить и предохранить такое святое и хорошее, такое интимное и глубокое, которое до сих пор не давалось нам в жизни, и, конечно, которое должно было быть если не мистически создано, то во всяком случае построено из мучительных переживаний, осиливая которые делаешься лучше, сильнее, свободнее. Ты почувствуешь, Верок, что это не «философствования», а попытка вскрыть то, что у таких[,] как мы с тобой, боится выглядывать наружу, о чем можно сказать на ушко, да и то только в том случае, когда не виделись «целый день», равный годам, когда даже посмотреть друг на друга спокойно нельзя. Нас мелочи жизни никогда особенно не заедали (помнишь туфли и халат!) и

не заели бы, но всесильная судьба решила совсем изъять их из наших взаимоотношений... Для чего? Быть может, чтобы уверить тебя, что есть на свете и не пустые бумажные конфетки (хотя, разумеется, и не перво-сортного качества), и чтобы доказать мне, что в жизни не всегда нужно заставлять себя, крепко зажмурившись и заткнув уши, верить, и можно просто, легко, без страха верить... «вере»... О, это не игра в банальное остроумие, а та неприкрытая истина, которая, зная силу банальности, уже не боится ее...

...Меня сейчас забавляет, интересуется не то, в который раз я объясняю тебе в любви по всем правилам и хриям, а сколько бесконечных раз я буду еще этим заниматься и, пожалуй, все... с большей надеждой на успех.

Мой милый, милый Верок! Сколько спокойствия, силы и тепла дает мне сознание нашей близости и сознание того, что мне удалось найти своего человека, что сбылись «несбыточные сны». В жизни, в юности я искал принцесс Грез. За эти попытки я, вероятно, и награжден, что она ко мне явилась в конце и не в Ростановском виде!

На прощание мне хочется, несмотря на ненужность, сказать тебе, как я рад, что нашел в жизни человека, на котором можно сосредоточить все свои личные переживания и поверить и знать, что может быть, что есть полный, радостный отзвук на них. Пусть, моя дорогая, твои глаза всегда так же доверчиво и прямо глядят в мою душу, как смотрю я в тебя.

В. Рихтер

Рукописный подлинник — карандашный текст на листке бумаги в линейку. Дата не указана, документ датируется по содержанию.

№ 3

Письмо В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой из челябинского политизолятора

10 июня 1924 г.

10 июня 1924 г.^a

Челябинск.

Политизолятор Г.П.У.

Дорогая Вера!

После долгого перерыва с огромным запозданием вновь стали приходить письма от тебя. Конечно, сначала пришло письмо от 15 мая, а затем уже его нагнало — от 10-го мая.

^a На обороте письма неразборчивый штамп: ОТДЕЛ...

О том, что предстоит переселение детей и бабушки в Одессу и узнал от них, так как их цидулке удалось добраться до меня на несколько дней раньше. Судя по их восторженному тону, переезд для них является радостным событием. Маме, конечно, будет в Одессе веселее и удобнее, но детвора, несмотря на южное солнце все-таки не будет пользоваться той свободой, которой обладала в Гатчине. Но другого исхода нельзя было при данных условиях придумать.

В твоих письмах меня порадовало очень хорошее намерение сходить к доктору и полечиться, только я очень опасаясь, что из последующей переписки мне не удастся констатировать выполнения этого решения. А между тем на тебя свалилась такая тягота, которая, при нынешних условиях, и здоровому человеку не под силу! Я, вероятно, очень отстал от всей вашей жизни, потому что буквально не постигаю, как ты умудряешься «выворачиваться» из затруднительных положений и реализовать свои проекты. Правда, я еще по Риму знаю, как ты умеешь без особой суеты налаживать дела и не теряться, но во-первых[,] тогда положение твое было легче, а во-вторых[,] я отлично помню, как все это отразилось на твоём здоровье.

Что касается вопроса о переводе в Москву, то никаких новых заявлений[,] я полагаю[,] делать не приходится. Дело само по себе настолько ясно, что[,] как это говорилось в старину, не нуждается в комментариях. Очевидно[,] имелась какая-то цель, какой-то особый смысл в том, чтобы поставить нас в невозможность видаться, и кроме того ознакомить меня с разнообразными советскими тюрьмами. Пусть развлекаются! Во всяком случае никаких протестов и заявлений я по этому поводу делать не буду; их и без того имеется достаточная коллекция...

У нас здесь теперь такая жара, что даже Михрюдку крымское солнце палит, наверное, более милосердно. В несколько дней наша пляжная публика превратилась в бронзовые статуи и вареные души. Читать и заниматься на прогулках становится поэтому труднее и кроме того наступают разные цветочные и огородные заботы. Я, впрочем, упорно не превращаюсь в садовода, несмотря на все соблазны.

Пришлось мне на днях посвятить пару дней обучению себя русской речи, так как мне на казенный счет удалось разжиться вставными зубами. Для английского языка это сразу подошло, но русскому разговорному языку чинило некоторое препятствие. Удалось все-таки с этим справиться. Теперь я обогатился на целых восемь зубов, правда, фальшивых, но работающих исправно и безболезненно.

Наша пишущая машинка, значит вновь собирается застучать под твоими руками, как на villa Pompei? Много пришлось ей попутешествовать, но она все-таки, очевидно, не хочет с нами расстаться окончательно!

На днях прибыл посланный тобою номер «Всемирной Иллюстрации»³, за который сердечное спасибо. Других журналов и английских книг, о которых ты писала, еще не получил.

Колюха⁴ прислал мне новое письмо, из которого ясно, что до него добрались по крайней мере мои открытки. Он очень старательно пытается ввести меня в свое мировоззрение и показать свою литературность. Во

всяком случае, несмотря на все задержки у мальчонки[,] очевидно[,] не остыло желание завести со мной регулярную переписку.

Муся⁵ мне в последнем письме прислала заказ на новую сказку, но я боюсь, что мне нескоро удастся удовлетворить ее требование. При такой жаре выдавить из себя что-нибудь дело нелегкое даже для заклятого южанина.

Жду с нетерпением письма, которое докажет мне ошибочность моего прогноза о судьбе твоего намерения лечиться[,] и других вестей.

Надеюсь, что с перепиской дело вновь наладится и нас не будут заставлять получать письма с такими перерывами и опозданиями, когда утрачивает[ся] смысл самой переписки. При всяком пересоле и «административном через чур» можно, конечно, найти «государственную мудрость», но стоит ли огород городить... Рассчитывая, что открытки скорее дойдут до тебя, чем письма, оба последних раза огра ничился ими.

Всегда твой Вл. Рихтер.

Рукописный подлинник; текст синими выцветшими чернилами на сложенной пополам четвертушке листа бумаги в линейку большого формата.

№ 4

Письмо В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой из челябинского политизолятора

15 июля 1924 г.

Челябинск
15 июля 1924
Политизолятор Г.П.У.

Дорогая Вера!

В конце прошлой недели я сразу получил несколько твоих писем, а именно от 26 и 31 мая, 13 и 20 июня. Как видишь, с отправкой не особенно торопятся, находя, что наш брат может и подождать. По твоим письмам сужу, что мои к тебе доходят с такой же скоростью и аккуратностью. Просматривая «Всемирную Иллюстрацию»[,] я в первую голову напал на твою заметку, даже не предполагая, что она твоя, а просто по интересу «специалиста». Об Итсе⁶ узнал только от тебя, о Барресе⁷ тебя, вероятно, слишком ждали или материал был лишь некрологического характера. Сильные мира сего и работодатели всегда и везде, очевидно, отличаются одним и тем же характером и нравами.

Тебе за последнее время[,] видимо[,] жилось особенно трудно и тоскливо и не писалось. Повторяю тебе настойчиво, чтобы ты себя не приносила к писанию. Для меня достаточно двух[-]трех слов. Вот здоровье

твое меня озабочивает все больше и больше. Новое повторение припадков это дело очень серьезное. Пожалуйста, когда доберется до тебя это письмо, дай мне полный и подробный отчет о своем состоянии, отзывах докторов и о том лечении, которое ты проделываешь систематически.

Поболтать нам с тобой «по душам» придется, конечно, очень и очень не скоро, но быть может, мы не разучимся все-таки понимать друг друга с полуслова и интересоваться переживаниями каждого из нас, даже несмотря на то, что годы утекают, что обстановка другая, что окружают нас люди, совершенно не знакомые другому... Эти маленькие, незаметные перемены! Как постепенно прокрадываются они и как трудно поддаются учету! Я глубоко уверен, что тебе, так же как и мне, кажется, что мы не изменились, остались совершенно прежними. У меня в этом отношении, конечно, иллюзия более сильная, так как я живу[,] по-видимому[,] в более замкнутой обстановке[,] и ее изменяющее и подтачивающее действие еще труднее уловить. Во всяком случае[,] «поживем» и увидим.

Пока у нас, за исключением переписки, которая никак не может прийти в норму, нет решительно никаких перемен. Чувствую я себя, не в пример тебе, превосходно. Отлеживаюсь на солнце и разминаюсь на гимнастике. Даже делаю кое-какие, правда чрезвычайно слабые и подозрительные успехи, в трудном искусстве играть в «рюшки» и ухаживать за цветами. Как видишь, занятия серьезные и чрезвычайно важные! В часы[,] свободные от подобного времяпрепровождения[,] на тех же прогулках уделяется внимание, как я тебе писал, литературе, скульптуре и т.п. вещам. Когда нужно заставить себя не думать, — к твоим услугам всепоглощающие, незаменимые шахматы! Словом, живу припеваючи, для сплина же всегда имеется какая-нибудь тарзанистая литература или тема для куплетов, благо Суздаль и Внутр[енняя] Тюрьма заставили набить руку в рифмах.

Видимо педагоги и филологи[,] наподобие русских Иванушек[,] ни в огне не горят, ни в воде не тонут!

Смотри же, Верок, пришли мне подробный отчет о своем здоровье, а когда вновь будет писаться, то и о своих думах и настроениях.

Газеты мы получаем регулярно. Изредка перепадают даже литературные новинки, но для какой-нибудь серьезной и регулярной работы достать здесь книги или наладить их получение — невозможно. Пишу это тебе только потому, что ты задала вопрос[,] получаю ли мы книги и газеты. В смысле пищи тоже[,] по[-]моему[,] дело обстоит благополучно, а ты знаешь ведь, что я теперь уплетаю не только своими собственными, но и казенными зубами!

Вот тебе полный и исчерпывающий доклад обо всем целиком моем житье в настоящее время.

От мамы, кроме одного письма, о котором тебе писал, ничего не получал, от Коли тоже.

Обнимаю тебя. Всегда твой Вл. Рихтер.

Рукописный подлинник; текст синими чернилами на сложенной пополам четвертушке листа бумаги в линейку большого формата.

№ 5

Открытка В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой из челябинского политизолятора

23 июля 1924 г.

Челябинск
Политизолятор ГПУ
23 июля 1924 г.

Дорогая Вера!

Опять целую неделю не приносили мне твоих писем. Пишу открытку в надежде, что она хоть доберется до тебя скорее. Как только получу вес-точку от тебя, попробую написать поподробнее.

Пожалуйста, не хлопочи о библиотеке. Не стоит, чтобы ты на это дело тратила энергию и деньги тем более, так как ею, конечно, воспользоваться не придется, несмотря на все разговоры. Что касается Севушки⁸, то он все равно с нами.

Очень досадно, что наша регулярная переписка расклеилась и никак не может наладиться, но я не теряю надежды вскоре получить от тебя последние новости.

У нас все пока по-прежнему без мало-мальски значительных перемен.

Смотрю на наши равнинные виды и мечтаю о том отдаленном будущем, когда мы с тобой будем карабкаться по горам.

Целую тебя крепко, крепко.

Всегда твой Вл. Рихтер.

Открытка «Исключительно для внутренней корреспонденции» адресована: Москва. Кузнецкий Мост. 16. Помощь Политическим Заключ[енным]. Екатерине Павловне Пешковой⁹ для Веры Вадимовны Рихтер.

№ 6

Открытка В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой из челябинского политизолятора

30 июля 1924 г.

Челябинск
Политизолятор Г.П.У.
30.VII. 1924 г.

Дорогая Вера!

Получил твое письмо и книги. Большое спасибо за выполнение моей просьбы. Ты напрасно, родная, ворчишь на меня. Я вправе требовать, чтобы

ты более бережно обращалась со своим здоровьем и, к сожалению, знаю, что к систематическому лечению ты никогда не была способна. Должен сказать, что твое письмо очень мало меня успокоило в этом отношении, да и во многом другом не вполне удовлетворило меня. А вот, одновременно с налаживанием корреспонденции, на что, как будто, есть тень надежды, нам удастся договориться и убедить друг друга, хотя, конечно, преодолеть тысячи верст и бесконечно утекающее время не так просто и легко.

Получил открытку от Нины Станиславны, которая не забыла меня и шлет тебе приветы. От мамы и Муси, конечно, вестей нет.

Жизнь течет неизменно. Стараемся до зимы побольше надышаться воздухом и насмотреться на зелень и цветы... наших грядок. Настроение очень хорошее, а здоровье — выставочное у моей особы, по крайней мере. Напрасно ты предполагаешь, что зубы я потерял от гимнастики. Я «развил» такую ловкость, что вряд ли промахнусь при деланье «номеров». Во всяком случае[,] я полагаю, что вставные зубы для моего возраста вещь вполне стильная. Прости, за глупости.

Крепко целую тебя и жду хорошего письма.

Всегда твой Вл. Рихтер.

Открытка «Исключительно для внутренней корреспонденции»: Москва. Кузнецкий Мост. 16. Помощь Политическим Заключенным]. Екатерине Павловне Пешковой для Веры Вадимовны Рихтер.

№ 7

Письмо В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой из челябинского политизолятора

7 августа 1924 г.

7/VIII. 1924 г.

Дорогая Вера!

Большое спасибо за память и поздравление. Мне удалось этот день замолчать и провести по[-]обыкновенному¹⁰. Досадно мне очень, что прошлый раз не пришлось написать тебе хорошего письма в ответ на твою милую воркотню. Несмотря на твои аргументированные нотации, мне все кажется, что я не так уж виноват и в кое-чем разбираюсь. Быть может[,] у нас только разный подход... Но я во всяком случае не собираюсь сегодня возвращаться к прежней теме. Разберемся в ней, когда будет возможность поговорить свободно.

О нашем неизменном житье тоже писать не приходится. Все[,] что было мало-мальски нового, я тебе сообщил. Веду образ жизни такой, что[,] наверно[,] за теперешнее поведение попаду в рай, если только он еще уцелел.

Тебя напрасно беспокоит участь нашей библиотеки. Ее, конечно, нельзя было и мечтать выручить. А моими работами все равно не пришлось бы воспользоваться. Поэтому не хлопочи по пустякам и не трать на это энергии и денег.

Спасибо, баловница, за книжки и английский словарь. Тынянов¹¹ оказался гораздо менее интересен, чем я даже предполагал, но Кручинный¹² зато дает все, на что только он способен. Жду с нетерпением сообщений о результатах твоего драматического перевода. Помню, что ты обещала мне пересказ содержания. Но это настолько своеобразный автор, что вряд ли он может подойти к нашим российским потребностям, если только события не переделали и его самого...

За последнее время я немного разленился, вероятно, под влиянием чисто осенних дождливых осенних дней, и хотя продолжаю добросовестно выполнять взятые на себя обязательства, но сам лично работаю мало, даже по-грузински толком читать не научился и дальше десятки фраз приветствий не пошел. Скорее всего это род сплина, который разгоняется шахматами, да кропанием мерных этюдов. Даже за обещанную Мусеньке сказку засесть никак не соберусь, хотя подыскал уже подходящего рисовальщика. Впрочем, она, наверное, так увлечена еще новой обстановкой и новыми людьми, что не очень еще нуждается в особых развлечениях.

Жду с нетерпением твоих писем и уверен, что, когда ты перестанешь ворчать на непонимание и не понимать, они будут еще лучше и подробнее.

Крепко целую тебя, дорогая, и надеюсь, что ты будешь здорова, спокойна и будешь писать хорошие письма.

Всегда твой Вл. Рихтер.

Рукописный подлинник; текст фиолетовыми чернилами на сложенной пополам четвертушке листа бумаги в линейку большого формата.

№ 8

Письмо В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой из челябинского политизолятора

12 августа 1924 г.

Челябинск
Политизолятор Г.П.У.
12.VIII. 1924 г.

Дорогая Вера! Получил твое второе письмо, и ты, конечно, понимаешь, как меня огорчило состояние твоего здоровья. Боюсь тебе что-ни-

будь советовать, но, если была бы хоть малейшая возможность, не лучше ли все-таки воспользоваться санаторным лечением? Самочувствие в данном случае не особенно надежный показатель и то, что тебе «не хуже, чем в прошлом году»[,] еще не разрешает вопроса. Но, конечно, только зная все детали[,] можно настаивать на определенном решении. Только, пожалуйста, по[-]прежнему пиши мне всю правду. Я так буду гораздо спокойнее.

На днях мне попалась пятая книжечка «Современного Запада» и в ней пиранделловские «Шестеро действующих лиц в поисках автора»¹³ перевод некоей Е. Лазаревской, уже попадавшей мне на глаза. Неужели это та вещь, над которой ты работала? Судя по тому, что это должна быть новинка и что ты затруднялась передать мне содержание — это, вероятно, именно та вещь. «Обнажение формы» — одна из самых трудных форм[,] и некоторой искусственности не избежал и Пиранделло, несмотря на все свое остроумие, находчивость и оригинальность. Мне кажется, что и сценой, по крайней мере той, которая мне была знакома, он не вполне овладел. Это вещь для чтения, а не для постановки. Со стороны формальной это, все-таки, любопытная «экскурсия». Мне меньше нравится содержание. Как и в других вещах у него все построено для двух-трех острых положений и нескольких парадоксов. Причем «философия» его частенько бывает чересчур итальянской, а парадоксы приближаются к банальностям. Впрочем[,] в этом произведении автора спасает до известной степени «таинственность» области творчества и «эстетических восприятий».

Если «Шестеро», действительно[,] тот этюд, о котором ты писала, то, если хочешь, потолкуем о нем поподробнее.

Прибыли, наконец, книги, которых с таким нетерпением ожидали товарищи. Большое спасибо за журналы. Большое тебе спасибо и за них и за английский словарь. Соболев¹⁴ продолжает прогрессировать и притом настойчиво и усердно!

По обыкновению мирно и размеренно катится наша жизнь[,] и мы принимаем прежние меры в виде занятий и развлечений от возможности спячки и одурения.

Я еще не сбросил «личной» лени и сплина, но думаю, что этот период уже подходит к концу и вместо турника и ритмомании займусь вскоре чем-нибудь другим... Не сердись, Верок, за бывшие открытки, но мне хотелось, чтобы до тебя скорее доходили вести обо мне. Но теперь, по-видимому, дело с перепиской налаживается и как будто можно надеяться на более или менее регулярное получение писем.

Поправляйся, Верок, непременно и во что бы то ни стало. Ты не смей болеть! Крепко обнимаю тебя и целую. Всегда твой Вл. Рихтер.

Рукописный подлинник; текст фиолетовыми чернилами на сложенной пополам четвертушке листа бумаги в линейку большого формата.

**Письмо В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой
из челябинского политизолятора**

18 августа 1924 г.

Челябинск
Политизолятор Г.П.У.
18.VIII. 1924 г.

Дорогая Вера!

Вчера получил Пиранделло, словарь и два твоих письма. Вчера же прочел эту вещицу и убедился, что язык я еще не успел забыть. Написана вещь очень легко и перевод ее, вероятно, не будет особенно трудным делом и много времени не потребует. Та комедия его, о которой я тебе писал прошлый раз, мне кажется более интересной по приемам и разработке, но и эта не лишена оригинальности и остроумия, хотя при первом чтении производит впечатление сделанной наспех. По крайней мере эскизность и парадоксальность в ней выступают более резко. Как будет двигаться перевод[,] сообщу тебе в следующем письме и думаю, что за леность ты меня упрекать не будешь.

Сегодня дошло до меня и последнее твое письмо с нахлобучкой за открытки и за прочие мои старые и молодые прегрешения. Очень рад, что еще до получения реприманда я уже успел раскаяться и исправиться. Боюсь только, мне по-прежнему будет доставаться от тебя за недостаток содержания. Не всякое содержание во всякие рамки вкладывается! Да и оно больше зависит от тебя, чем от меня. Ты, пожалуйста, не ворчи на меня за последнюю фразу, так как ворчать совершенно не за что.

Относительно твоей болезни я уже писал прошлый раз. Теперь только прибавлю, что как только судьба улыбнется, примемся за дружное и совместное лечение ее и, я глубоко уверен в том, что от нее и следа не останется. Болезнь эта функциональная, а не органическая и внушению поддается легко. Не надорви только свои физические силы и не перегружай себя работой насколько только это возможно. Очень много хотелось бы написать тебе на эту тему, но ты поймешь и без слов, дорогая.

От мамы вестей не имею[,] и только ты меня держишь в курсе одесских дел. От Колюхи получил на днях новое философское произведение на тему о физиологической любви в идеалистических тонах. Любовь к громким фразам меня немного огорчает, хотя возраст у него, конечно, самый риторический.

Сплин у меня проходит понемногу. Он[,] впрочем[,] на моих занятиях не отражался и я успел обзавестись (поневоле!) новыми курсами по литературе и искусству, хотя не в письменном и не вполне обрабо-

танном виде, но все же пригодном для дальнейшего употребления. Довольно успешно и не без пользы для меня идут у меня работы по литературной форме. Пиранделло в этом смысле, конечно, тоже очень пригодился.

От моих уехавших, как ты знаешь, в Соловки¹⁵ друзей получил уже два письма. Не особенно, конечно, они довольны переселением, что само собой понятно. Не особенно и я доволен их переселением, так как жизнь стала серее и скучнее, но ты знаешь, что со «скуками» и прочими мимолетными настроениями я справляюсь легко...

Жду с нетерпением в ответ на отсутствие открыток и примирения с не вполне удовлетворяющими письмами письма хорошего с начала и до конца и вообще обещаю не царапаться, а только отцарапываться, да и то с подобающей осторожностью.

Костюмы и, вообще, все блага земные у меня в изобилии и в полном порядке, а поэтому, пожалуйста, не изволь беспокоиться. Я хожу таким франтом, что даже бутоньерку приходится ежедневно одевать для подтверждения стиля!

Крепко целую тебя. Всегда твой Вл. Рихтер.

Рукописный подлинник; текст фиолетовыми чернилами на сложенной пополам четвертушке листа бумаги в линейку большого формата.

№ 10

Письмо В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой из челябинского политизолятора

24 августа 1924 г.

Челябинск
24. VIII 1924 г.

Дорогая Вера! Как я рад был получить от тебя весточку и узнать, что ты, все-таки, лучше чувствуешь себя за последнее время. Мне так бы хотелось успокоить тебя и отогнать все эти болезненные страхи, тем более, что твоя болезнь, мешая работе, создавая угнетенное состояние духа, не подтачивает организма и требует лишь внимательного, ласкового ухода и отсутствия нервирующей обстановки. Я глубоко уверен, что когда мы будем вместе, то ты, освобожденная от забот о детях и других тревог, сразу поправишься. Сейчас же, конечно, трудно придумать более неподходящие условия для твоего выздоровления. Все дело сводится теперь лишь к тому, чтобы «годить»... Ты, конечно, не принимаешь моей уверенности за самоуверенность, а знаешь, что я лишь базируюсь на нашей никогда не нарушавшейся дружбе, на уме-

нии подходить друг к другу и с годами укреплять в себе привязанность, уважение и любовь к другому. Думаю, что наша долголетняя разлука в этом отношении до сих пор ничего не смогла изменить и, конечно, ничего не изменит.

Большое спасибо за хорошие, милые строчки, за твое археологическое баловство и вечное внимание. Перевод Пиранделло подвигается настолько быстро[,] насколько это возможно в нашей обстановке. За шесть дней я набросал перевод большей части этой вещички и думаю недели через полторы закончить работу вполне, не считая переписки (если потребуется). Если это тебе покажется работой с прохладцей, то ты ошибешься, так как обилие свободного времени довольно скверный импульс для регулярной работы и не вполне подходящие условия для срочного выполнения заданий. Ты по своему прошлому опыту, конечно, знаешь, что это не парадокс... Но не подумай, что я тоже разленился, что к сроку не выполню задания. Пишу я с удовольствием, хотя и чувствую, что техника далеко не прежняя... Что касается содержания этой комедии, то более основательное ознакомление с текстом не изменило моего первого впечатления. Искусственность построения и надуманность положений действует неприятно, а «философия» весьма примитивна. Хотя сам Пиранделло уверен, что он очень сильно дебоширит и «разрушает основы старой дремы», но, к сожалению, это не так страшно, как ему кажется.

Ты вполне права, думая, что мне будет приятно узнать о возможности поездки твоей в Одессу и свидания с детьми. Им придется вырастать поневоле в слишком большой независимости от нас, поэтому нужно дорожить всякой возможностью увидеться, хотя бы на короткий срок с ними. Но я боюсь, эта мечта не сможет быть реализована. Она потребует с твоей стороны таких жертв и затрат энергии, которые ты теперь не имеешь права допускать. Очевидно и с вопросом о детях, их поселении около нас нужно будет тоже «погодить» до более лучших времен.

Не падай духом, дорогой Верок, и не считай себя инвалидом. Твоим бедным больным нервам пришлось вынести столько потрясений и пертурбаций, что они имеют полное право на временный бунт. Можно только удивляться, как долго крепилась ты и как даже теперь, выбившись из сил, все-таки не приходишь в полное отчаяние. Это лучшее доказательство того, что ты переутомившийся человек, но не инвалид, и что мы можем еще надеяться не только вполне восстановить твое здоровье, но и так же хорошо, радостно и содержательно пожить вместе, как жили раньше. Крепко целую тебя, родная, и жду от тебя вестей с нетерпением.

Всегда твой Вл. Рихтер.

Рукописный подлинник; текст фиолетовыми чернилами на сложенной пополам четвертушке листа бумаги в линейку большого формата. Поперек верхнего поля письма карандашная надпись: «Просмотрено в ОКРООГПУ 26/824» А. Коро[тков] Подпись — автограф.

№ 11

Открытка В.Н. Рихтера матери М.М. Рихтер из челябинского политизолятора

26 августа 1924 г.

Челябинск
Политизолятор Г.П.У.
26/VIII 1924 г.

Дорогая мама!

Вера мне писала, что тебе последнее время нездоровится. Что с тобой, дорогая, напиши, пожалуйста, не умалчивая.

Девочки мои, кажется, чувствуют себя в Одессе превосходно и даже самая маленькая северянка¹⁶ освоилась с южным климатом и сорокаградусной жарой? Надеюсь, что Муся не очень злоупотребляет вечной добротой нашей милой Тети Юли и других баловниц. Этот постреленок, которого я так люблю, может ведь, наверное, загонять кого угодно!

О моей жизни ничего нового не могу сообщить. По прежнему работаем и «саморазвлекаемся». Встряхиваем, по возможности, мозги и мускулы, любимся из-за решеток здешними прекрасными закатами, вспоминаем старое и мечтаем о новом. Словом, все мирно, тихо и регулярно, все чинно и, стало быть, вполне благополучно. Самочувствие у меня отличное, здоровье обычное, работоспособность, по[-]видимому[,] еще не изменилась. Не полысел, не поседел и на левое ухо еще не оглох.

От Колюхи получил уже третье философское письмо, в котором он разрешает сам разные проблемы и мне задает еще другие на разрешение. Кажется[,] переписка и дружба с ним у нас налаживается.

Передай мой сердечный привет и глубокую благодарность Тете Юле и Лебединцевой¹⁷. Как поживает и что подельывает моя Сонюха¹⁸ и мои девочки? Поклоны Очанам¹⁹ и всем бывлым знакомым.

Крепко тебя целую, дорогая мама, и благодарю за хлопоты и заботы о внучках.

Любящий тебя сын Вл. Рихтер.

P.S. А Муся, пока двух писем не напишет, сказки не получит!

*Открытка «Исключительно для внутренней корреспонденции»
на адрес: Одесса. Нежинская 10, кв. 3. Марии Михайловне Рихтер.*

**Письмо В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой
из челябинского политизолятора**

9 сентября 1924 г.

9. IX. 1924 г.

Дорогая Вера!

Только что получил твою телеграмму и жду с нетерпением от тебя дальнейших вестей. После маминого письма, болезнь Верочки свалилась немного неожиданно на голову, но вот, пока письмо доберется до наших палестин, многое изменяется, а детвора, к сожалению, народ очень скоропалительный насчет болезней. Фотографии детей я уже получил. Мама очень постарела. Муся очень изменилась и у нее появились черточки, делающие ее напоминающей Леночку²⁰. Лицо Верочки мне до сих пор еще не понятно. Быть может[,] удастся как-нибудь познакомиться!

С посылкой перевода, благодаря переписке и обработке, я задержался на несколько дней. Боюсь только, что мое чистописание тебя не особенно удовлетворит. А в смысле толкования текста и постройки фраз мы с тобой вечные антагонисты!

За археологическую итальянскую страничку, которую, как я тебе писал, благодарю. Раскопки любопытны и, действительно, несколько неожиданные. Поэтому можешь судить[,] с каким интересом я пробегал эту статейку и как рассматривал рисунки!

Из симпатии к тебе мне пришлось тоже попасть в руки доктора и подвергнуться целому ряду ванн, но только по совсем пустяшному поводу: захваченный во Внутренней Тюремь ревматизм попробовал, только не вполне удачно, ожить. Сестра добросовестнейшим образом растирает мне руку и отправляет в ванны; только из упрямства этот господин держится в моих мускулах, правда, не осмеливается развиваться и причинять значительные беспокойства. Как видишь, я веду себя лучше, чем мои Верочки!

Мы еще продолжаем наш летний режим, хотя уже приходится иногда маршировать под дождем и прерывать наши лекционные и гимнастические занятия. Даже садик наш упорно продолжает цвести... а о нас и говорить не приходится ничего! Тем более, что опять начало сыпать, как из рога изобилия, всевозможными жизненными и психологическими темами... Хорошо, что Пиранделло меня поспешил убедить в иллюзорности всего на свете и в глубокомыслии лозунга «Всякий по[-]своему!», а то я, наверное, разболтался бы!

Напрасно, Верок, ты так огорчаешься диагнозом доктора. В твоей болезни нет ничего, что нельзя было бы вылечить, раз ты не подорвешь своего организма. Врач был обязан внушить тебе серьезное отно-

шение к твоему состоянию, чтобы удержать тебя от переутомляющей работы, но, конечно, не мог тебя зачислить в «инвалида», как ты любишь выражаться. Все это, Верок, лишь временное, хотя и тяжелое для тебя испытание!

На этой неделе письмо от тебя тоже запоздало, но из телеграммы я заключаю, что ты, вероятно, не чувствуешь себя хуже. Хотелось бы в этом убедиться!

Всегда твой Вл. Рихтер.

Рукописный подлинник; текст фиолетовыми чернилами на сложенной пополам четвертушке листа бумаги в линейку большого формата.

№ 13

Письмо В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой из челябинского политизолятора

16 сентября 1924 г.

16.IX. 1924 г.

Дорогая Вера!

К сожалению[,] переделка перевода и переписка невольно затянулась. Оказалось гораздо легче овладеть итальянским текстом, чем переработать на русский лад эти нервные, недоговоренные, перебивающие друг друга фразы. Началом первого акта я до сих пор совершенно не доволен, но не рискую его еще раз переделывать, боясь еще более отсрочить и без того запоздавшую отpravку. Остальное более сносно переведено, но и только. Во всяком случае я заканчиваю и, хотя «вполне не удовлетворен», но все-таки отошлю. Отозвалась на моей работоспособности и легкая инфлуэнция, которая меня поежила денька два, правда, не укладывая в кровать и даже не заставляя прибегать к медицине.

Присланную тобой археологическую статейку в переводе вместе с итальянским текстом pošлю со следующей почтой.

Как бы я был рад, если бы эти переводы, несмотря на их недостатки, могли бы пригодиться тебе. Только я боюсь, что эти недочеты не замаскируются содержанием. Пиранделло, особенно в этой вещи, несмотря на «модность» и оригинальность, частенько очень уж наивен для нас и чужд. Его «мозаичность» — прозрачно искусственно местами, а «быт» — непонятен для не знающих близко итальянцев. Об археологической же заметке ты сама прошлый раз писала, что вряд ли она заинтересует значительную аудиторию. Хотел бы, впрочем, оказаться чрезмерным пес-

симистом и в первом, и во втором, и даже в третьем, каком-либо другом случае!

Что же это маленькая Верочка, перевалив свою вторую годовшину, начинает опять пугать своих родителей разными неожиданными болезнями? Я получил твои письма уже после телеграммы, но, все-таки, конечно, с нетерпением жду дальнейших подробностей. Надеюсь, что эта тревога не очень повлияла на твое здоровье, дорогая.

Мама напрасно ворчит по поводу того, что ей не пишут. Но это, впрочем, ей свойственно, как и некоторым другим, делающим выговор за короткие письма и не обращающим внимание на почерки, условия и т.п. Заметь, что я не ворчу, а только «отварчиваюсь»! И уж, конечно, не забываю про те длинные и хорошие письма, которые мне частенько переппадают не по заслугам!

Большое спасибо за «Всемирную Иллюстрацию». По[-]моему[,] вздорно-напыщенный текст ты даже «слишком» хорошо перевела, сгладив по крайней мере на половину трезвон фраз и шегольство словами. Иначе мог получиться совершенно неожиданный для автора эффект!...

Холода еще не наступили, цветы еще не увяли и мы еще не одичали... по нашему мнению, по крайней мере. И это уже, конечно, хорошо... за неимением лучшего!

Будь здорова! Крепко, крепко целую тебя
Всегда твой Вл. Рихтер.

Рукописный подлинник; текст фиолетовыми чернилами на сложенной пополам четвертушке листа бумаги в линейку большого формата.

№ 14

Письмо В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой из челябинского политизолятора

30 сентября 1924 г.

Челябинск
30.IX. 1924 г

Дорогая Вера!

Доживаем до перехода на зимнее положение хорошие осенние дни. Солнце балует нас, а дожди шадят. Как мухи[,] греемся мы на солнышке, стараясь набрать в легкие побольше воздуха про запас. Закончив переводы, я уже приступил к «обычному течению жизни», подгоняя пропущенное и восстанавливая пробелы. Вновь принимаюсь за английский,

чтобы не разучиться читать и укрепиться в уже приобретенном. Если тебе удастся, то награди меня еще какой-нибудь работой. Боюсь только, что переводы мои оказались весьма неудачными. Язык чересчур одеревенел и не хотел сразу поддаться неожиданной муштре! Но, думается, что это еще не окончательная потеря техники и я «еще могу исправить-ся», как говорит детвора.

От мамы получил сообщение в обычном ее духе о Верочке и Мусе, и даже эта сюда написала мне пару строк с требованием сказки, которой я никак не могу выжать из себя.

Я тебе очень признателен за последние милые письма и за считанье меня «легким» в общежитии, хотя мне кажется, что на расстоянии эта легкость делается более проблематичной, а иногда даже превращается хотя и в не особенно невыносимую, но все же тяжесть, от которой ноют плечи и грустит душа. И притом не в смысле, конечно, разлуки, а в смысле характера, «точек зрения» и т.п. личных неудобств. Я думаю, что за всю жизнь мы столько не наворчали друг на друга, как в нашей переписке, где, конечно, достается сплошь и рядом не тому, кому следует и совсем не за то, за что нужно! Но я все же мог убедиться в терпеливости моей женки и друга, которая за мелочами не забывает главного и существенного для нас и умеет прощать старому ворчуну все его непоследовательности и... объективности.

Судя по твоим письмам, Ирина делает гораздо большие успехи в твоём сердце, чем это полагается по нашей конституции, и я начинаю подумывать о том, чтобы, за неимением возможности вступить с ней в более непосредственные отношения, начать с ней переписку и узнать[,] чем она питается. До сих пор я очень легко разбирался в «легкости» для тебя других, но в данном случае не все целиком улавливаю. Во всяком случае на ее счет у меня записано много, и я постараюсь свести с ней мои личные выкладки и записи. Это для нее будет, вероятно, менее неожиданно, чем для тебя!

А календарная работа мне, должен тебе признаться, никогда в жизни не нравилась и поэтому своей я ее никогда не считал. По[-]моему[,] это пренелепейшее, наискучнейшее и самое мерзкое занятие, которое только выдумали люди на земле! Составление для недоумков наскоро сфабрикованных мозгов для ежедневного употребления! Недаром со всем календарным тесно связывается грибоедовское злое слово! От подобной работы я бы[,] кажется[,] с удовольствием забрался бы, хотя бы на Северный полюс! Вероятно[,] это у меня род идеосинкразии, как нелюбовь к слишком мягкому бархату!

Горячий, сердечный привет Варе²¹, да, так и быть, и Ирине! Будешь писать дедушке, от меня и благодарность, и любовь.

Будь здорова и не верь психиатрам, ибо и в нормальной психике люди не разбираются, а в нервных болезнях и подавно!

Всегда твой Вл. Рихтер.

Рукописный подлинник; текст фиолетовыми чернилами на тетрадном листке в линейку.

**Письмо В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой
из челябинского политизолятора**

7 октября 1924 г.

Челябинск
Политизолятор Г.П.У.
7.X. 1924 г.

Дорогой Верок!

Могу сообщить тебе, что у меня решительно все по[-]старому и без всяких изменений, тем более, что я возобновил в полном объеме свой прежний режим, после окончания перевода.

Жду от тебя за этот перевод основательной и вполне заслуженной головомойки, потому что за такой короткий срок настолько отвыкнуть от литературного языка — вещь непозволительная. Надеюсь, что тебе представится случай дать мне возможность «исправиться»! Действительно, подтвердил истину: сапожник без сапог! Ведь как раз теперь молодая публика заставила меня работать с нею над литературной формой и мы разобрали целый ряд и старых и новых вещей, оказавшихся под руками. Но все эти теоретические упражнения не оказали должного влияния (будем надеяться только на меня!)...

Кстати[,] в этом кружке мы проработали довольно основательно и «Красную Лилию» Анатоля Франса²², благо здесь есть недурно владеющие французским языком. Как видишь, даже в занятиях, я, как верный археолог, ищу только случая, чтобы вплести старые, забываемые вещи, обвеянные настоящей поэзией. Впрочем[,] это ведь не «старая», а единственная вещь...

Начался ли у тебя уже «зимний сезон», т.е. возвращение твоих домашних под кров, или ты по-прежнему живешь еще ожиданиями? Я, хотя и не без воркотни отношусь к Ирине, но на этот раз тоже заинтересован в ее возвращении, чтобы получить более подробные вести о наших девочках. Приходится мириться с этой «похитительницей чужих душ», тем более, что это все же живой человек, а не календарная работа!

Получил на днях письмо от моего старичка Феохари²³, пишет, что чувствует себя бодро, и спрашивает[,] не надо ли мне что-нибудь прислать. Такой же, очевидно[,] добряк и хлебосол, как был и раньше. Получил послание и от Коли с обычным скромным полумолчанием о занятиях, но с критической оценкой «жизненных явлений». Видимо[,] хлопец с характером выдержанным в этом отношении. Надо будет обратиться с расспросами к самой Анне Степановне²⁴.

Я живо себе представил по твоему письму не только Сергея²⁵ с отцом²⁶, но и все трио, включая мамашу²⁷. Интересно будет понаблюдать[,]

какую парочку составим мы с Колей. Тут уже будет материал для тебя. А что я кроме того думаю, ты знаешь.

Обнимаю и целую тебя.

Всегда твой Вл. Рихтер.

Рукописный подлинник; текст фиолетовыми чернилами на сложенной пополам четвертушке листа бумаги большого формата.

№ 16

Письмо В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой из челябинского политизолятора

14 октября 1924 г.

14/X 1924 г.

Дорогая Вера!

Очень рад, что мое поздравление дошло до тебя, но очень сожалею, что оно запоздало и дало тем самым повод думать, будто я забыл знаменательный день. Следующую дату[,] к сожалению[,] я почему-то не могу усвоить, как следует. 5 или 7 декабря старого или нового стиля²⁸ для меня всегда загадка и я должен прибегать к очень сложным ухищрениям памяти, чтобы восстановить точное число. Не придешь ли ты сама мне на помощь? Жду и надеюсь. В крайнем случае буду поздравлять и по новому и по старому стилю без риска ошибиться.

На счет Леночкиного решения «воспитывать волю и характер» могу выразить только мою полную солидарность, как и полную уверенность, что из этого ничего не выйдет. Во всяком случае дело очень хорошее. Скажи ей, пожалуйста, что мы с ней занимаемся одним и тем же, только я еще не преуспел, почему и в ее успехе сомневаюсь. Вероятно[,] более удачно будет воспитание других душевных способностей в духе Флобера²⁹, которого она со временем[,] наверно[,] прочтет.

Удивительные льстецы твои старшие дети, вольные и невольные, сознательные и бессознательные! Говорить о влиянии и признавать его при всех бывших условиях — это значит либо уметь безгранично верить сказке, как это делает Леночка, либо знать всемогущество самых темных фраз, как знает это Сергей. А ведь он их недаром употребляет! Он, вероятно, воспитывает в себе «знание характеров для управления волями»...

Надеюсь, что перевод до тебя добрался и ты, конечно, про себя побранишь мою милость даже больше, чем за письма. И в данном случае будешь права. От легкой формы, саркастического юмора, задорной не-

брежности и искусственности не осталось и следа! Оказалось, что «всякий по своему» приложению и к автору с переводчиком!... Впрочем[,] это в известной степени приложимо и к нам: тебе очень хочется определенности, а мне моя определенность не вполне по вкусу, хотя я всячески ее разукрашиваю... Но я думаю, что в этом вопросе мы с тобой моментально бы сговорились в пику всем Пиранделло на свете. Не правда ли?

Очень мне не нравится, что в твоих отчетах о здоровье снова появилось словечко «сносно». Хотелось бы, чтоб оно, наконец, заменилось другим более подходящим эпитетом.

Чувствую себя хорошо, заполняю старательно время и по Леночкиному рецепту продолжаю свое самовоспитание.

До следующего письма, дорогая!

Целую. Всегда твой Вл. Рихтер.

Рукописный подлинник; текст фиолетовыми чернилами на сложенной пополам четвертушке листа бумаги в линейку большого формата.

№ 17

Письмо В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой из челябинского политизолятора

21 октября 1924 г.

21.X. 1924 г.

Дорогая Вера!

На твое последнее письмо от 5/X я уже ответил прошлый раз, а новое что-то запоздало. Вероятно[,] в этом повинна Irene³⁰, на счет которой у меня записано столько тяжких преступлений! Впрочем, если она[,] действительно внесет своим приездом струйку уюта и жизнерадостности, то да простится ей... пока!

Вместо письма прибыл увесистый, почтенный английский словарь и напомнил мне, что я уже два раза забывал поблагодарить тебя за «Красную Ниву»! Большое спасибо, дорогая, и за то, и за другое!

Думал я тебе отправить сегодня для пересылки детворе портрет, который набросал с меня здешний молодой художник, но ему пришлось кое-что переделать, и эту очередь придется пропустить. Пошлю следующий раз. Не знаю еще, как удастся нам запаковать эту штуку, чтобы предохранить ее от ударов печати на почте, но думаю, что как-нибудь наладим. Говорят, что сходство есть. Для начинающего работа не дурна. Подход, разумеется, прямо противоположный, чем был у Исайя³¹, но в равной мере наивный.

Смерть Просова даже моя литературная группа не восприняла, как следует. Лирика вообще мало доступна без определенной муштры, а у нас по этой области библиотека, конечно, бедна. Но Анатолий Франс оказался для всех хорошо знакомым. Я тебе[,] кажется[,] писал, что мы для упражнения переводили (обрабатывая) его «Lys Rouge»³², кроме того, благодаря наличию здесь целого ряда его романов, публика изучила его приемы, освоилась с его писательской манерой, переработала его портреты, пейзажи, способы характеристик и т.п.

Не подумай, что мы целые дни коптим над книгами. После неожиданной метелицы к нам вернулись прекрасные осенние дни, и мы вновь вернулись к оставленным было турнику и брускам. О моих подвигах в этой области я тебе сообщал ведь не раз. Теперь я спешу, до наступления холодов закрепить свои завоевания и закончить подобающим образом «цикл». Боюсь, что лет через десять из археолога превращусь в гимнаста, если только старческая немочь не помешает.

Судя по твоему последнему письму, ты начинаешь беспокоиться, чтобы меня не заела тоска и скука. Думаю, что этого не случится, так как самообладания еще не потерял и заводиться себя на определенный лад еще не разучился. Конечно, это не всегда продельвается с одинаковой легкостью, но ведь это тоже своего рода разнообразие и «обогащение» переживаниями.

Перевод, по всей вероятности, уже давно добрался до тебя?

Сердечный привет Варе и Irene. Ел. Вл.³³ передам его лично и постараюсь, чтобы меня не приняли за дедушку.

Всегда твой Вл. Рихтер.

Рукописный подлинник; текст фиолетовыми чернилами на сложенной пополам четвертушке листа бумаги в линейку большого формата.

№ 18

Письмо В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой из челябинского политизолятора

4 ноября 1924 г.

Челябинск.
Политизолятор Г.П.У.
4.XI. 1924 г.

Дорогая Вера!

Очень рад был прочесть в твоём письме, что ты серьезно собираешься приступить к лечению и даже обещаешь сообщить мне о результатах этого решения в ближайшем письме. Я, конечно, предпо-

чел бы вид совершенный, но пока довольствуюсь голым обещанием, питаю слабую надежду, что ты о нем не забудешь до следующей почты.

Насчет пожилого возраста ты попросту не верь. Во-первых, так как это дело сугубо личное, то можно обращать внимание только на мнение близких, а во-вторых — ведь это старая истина! — возраст определяется самочувствием. Пожалуйста не думай, что я в данном случае защищаю свое собственное дело. Я совершенно бескорыстен и объективен. Пока, как ты пишешь, «забавно быть такой старой», все это еще не серьезно, даже в устах других... Меня вот все здешние молокососы в старики записали, но это только потому, что они жизни не знают... Но, все-таки, со стороны Леночки это не вполне любезно!

О Суздальских древностях прочитал с апперцептивным интересом. Все[-]таки любопытно узнать[.], в каких местах ты посидел. Рамка для археолога была вполне подходящая, но ведь нашего брата так трудно удовлетворить! Стыдно признаться, а меня очень мало утешало то обстоятельство, что я находился в объятиях почтенной старины, что под моим окном поднималась из 13 века старая «звонарня», «звонница»[.], а за ней выглядывали луковицы Спасо-Преображенского собора! Правда, эта замолкнувшая звонница навсегда залезла в мои глаза, как навсегда врезалась в память и ограда самого монастыря, но... но стиль воспоминаний несколько неудачно подобран.

Шипулинского³⁴ я еще не дочитал. О Данблоне³⁵ приходилось нам с тобой слышать еще в Италии, и даже спорить по этому поводу. С тех пор он видимо написал еще несколько работ, но настолько рискованных, что даже бесстрашный Шипулинский от них между прочим отрешивается, хотя только Данблоном и живет. Книжка написана фельетонно бойко, задорно, сокрушительно, но «косность, упрямство, глупость... людей...», — граничащие часто с истерическим кокетством[.], закрывающим глаза перед очевидностью»[.], его, конечно, впредь до «объективного», научного исследования, не будет уничтожена. Права Рэтленда³⁶ на «псевдоним Шекспира³⁷» книжкой Шипулинского не устанавливаются, да и Данблону предстоит еще не мало хлопот... Но, хотя решающих совпадений и документов нет, это все же не лишенная остроумия гипотеза.

Ты уже, конечно, ожидаешь ритуальную фразу о том, что в нашу жизнь не затесалось ничего нового. «Все течет, но не изменяется», такова наша поправка к Гераклиду³⁸. Конечно это имеет силу законности только в пределах нашей обители и в данное время.

Целую тебя[.] Верок, несмотря на пожилой возраст, и жду результатов от твоего решения лечиться.

Irine привет и лучшие пожелания.

Всегда твой Вл. Рихтер.

Рукописный подлинник; текст фиолетовыми чернилами на сложенной пополам четвертушке листа бумаги в линейку большого формата.

**Письмо В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой
из челябинского политизолятора**

11 ноября 1924 г.

Челябинск.
11.XI. 1924.

Дорогая Вера!

Очень рад, что угодил тебе посылкой портрета. Относительно твоих прав, конечно, говорить не приходится, так как они ограничиваются только твоим личным усмотрением и настроением. Руководствоваться этим единственным твой «долг», а в настроении и единственная «санкция».

Художник очень польщен твоим отзывом. Тем более, что он считает, что пока до «выражений» не добрался и старается передать только «внешний» облик. Руку он себе набил на моих глазах, усердно и вдумчиво работая. Значительную часть успехов нужно отнести и на долю его руководителя. Если действительно будет не дорого стоить, то пришли ему французской бумаги мешале (белой). А мне с какой-нибудь оказией простую вилку из вашего хозяйства. Мою я куда-то умудрился безрозыскно запропастить.

Как я и ожидал, о лечении даже в третьем письме говорится только в будущем времени и в весьма предположительном наклонении. В этом отношении ты, кажется, близка к неизлечимости! Хорошо хоть то, что тебе «не хуже», как выражаешься ты!...

Хотя человек мнительный из твоих писем (я имею в виду два последних) мог бы сделать вывод, что хандра способствует потребности более усиленного общения с ним, но я, конечно, таких выводов не делаю и очень, очень дорожу приливами и даже своим реноме «целительного средства» против тяжелых переживаний и плохих настроений, обрушивающихся на тебя. Только ты напрасно говоришь о редкости моих писем. Я не пропустил ни одной почты. Если ты одновременно с портретом не получила письма, то это вышла, вероятно, случайная какая-нибудь задержка. А на счет краткости ничего пока не поделаешь. Приходится ограничиваться лапидарным стилем древних римлян...

Кстати, о древних римлянах и памятном нам Риме. Недавно, перечитывая плаксивого Надсона³⁹ для занятий по литературной форме, я наткнулся на строчки, где он говорит о тех руинах возле Священной Роши, около которых и нам пришлось побывать. Вот они:

«Вернется ль прошлое? Веселый смех и стоны?

Еще шуршит листва. Еще журчит фонтан...

Разрушен только храм. Разбиты лишь колонны.

Алтарь еще стоит, а рядом дремлет Пан!»

Смешно немного, сидя в Челябинске, вспоминать Римские Священные Роши, но от воспоминаний, при всей муштре, не всегда отделаешься! Да и нужно ли?

Очень сочувствую тебе по поводу твоих материнских огорчений, но детвора вольно и невольно, «безнадежно» или с надеждой на исправление должна по своему положению огорчать старшее поколение. Приходится отучиваться нашему брату от иллюзий и исключительных точек зрения. Не следует только спешить с «безнадежным» прогнозом.

Сердечный привет Варе. Думаю, что Наталья Григорьевна не вполне удачно выбрала советчика. Я хоть не седой, но больше подхожу. О смерти Тани не верится.

Крепко целую тебя, дорогая. Всегда твой Вл. Рихтер.

Рукописный подлинник; текст фиолетовыми чернилами на сложенной пополам четвертушке листа бумаги в линейку большого формата.

№ 20

Письмо В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой из челябинского политизолятора

16 декабря 1924 г.

16/ХІІ. 1924.

Политизолятор ГПУ.

Челябинск.

Дорогая Вера!

Я думаю, что итальянские газеты добираться до меня будут, так как английские доходят. Поэтому, когда у тебя будут попадаться экземпляры, посылай мне. Сейчас за границей такое любопытное время, что всякая иностранная газета вдвойне интересна, а итальянская для меня, само собой разумеется, представляет особый интерес. Думаю, что как ни хорохорится Муссолини⁴⁰, а день расплаты для него близится, и понаблюдать за ним, хотя бы изредка, поучительно.

Думаю, судя по прежнему опыту, что Леночка, пожалуй, борется не с твоей «тиранией», а просто «солидаризируется со своими подругами и тебе приходится отвечать за других мамаш. Зачатка материнского деспотизма усмотреть в тебе мне не удавалось, скорее «совсем наоборот», а с такими талантами обычно рождаются. Быть может ее оппозиция вытекает не из либерализма, а из неосознанного консерватизма? Тогда дело не в анализе отдельных фактов, а в выяснении первоисточника...

Твоя характеристика Irene совпала целиком с моим представлением о ней. И все пробелы в области эстетики, и вся доминантность «вопроса», и вся изломанность жизнью не могут ее сделать простой, непосредственной и в простоте и непосредственности сильной «Иринишкой». Я ее реконструировал не из теперешних твоих слов, а из того, что знал о ней еще в Италии; а твои дальнейшие беседы о ней лишь дополнили и развили

рисунок. Кстати, заработал я гораздо более, чем ты думала дать! Но написано было мило и по[-]всегдашнему умно.

На счет твоего лечения, несмотря на твой пессимизм, у меня, все-таки начинают возрождаться надежды. По[-]моему[,] не может тянуться так, и обстоятельства в будущем создадут необходимую для тебя обстановку. Не думаю, чтобы санатория была бы таким недостижимым раем!

О моем «житье-бытье» прибавить ничего не могу к обычной фразе: «ничего нового!» На днях устрою вакации, чтобы дать отдохнуть другим и внести маленькую перемену в распорядок дня.

18-го числа, оставшись наедине в своем «кабинете», подниму в твою честь⁴¹ если не кубок, то все-таки кружку с чаем и постараюсь сказать соответствующий спич. Только я, наверное, переборщил с поздравлениями на этот раз! Рассчитываю на твою снисходительность! Тем более это необходимо, что я должен пожелать тебе по традиции, еще и лучшего нового года. Так как я, по независящим от меня обстоятельствам не буду иметь возможности нанести визиты Iгине и Варе, то поздравь их от меня. Это уже четвертый раз подряд, как приходится встречать новый год в несколько стеснительной обстановке, не считая царского времени. Но зато какое разнообразие: одесский тюремный лазарет (вот славная встреча была!), внутренняя тюрьма, Суздаль и ... Челябинск! А что «даешь» через год?

Целую тебя крепко. Всегда твой Вл. Рихтер.

Рукописный подлинник; текст фиолетовыми чернилами на сложенной пополам четвертушке листа бумаги в линейку большого формата.

№ 21

Письмо В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой из челябинского политизолятора

23 декабря 1924 г.

Челябинск.
Политизолятор Г.П.У.
23.XII.24 г.

Дорогая Вера!

Твои самонаблюдения и наблюдения, о которых ты мне писала по поводу выступавшего почтенного интеллигента, напомнили мне Шницлера⁴², но и О.Генри⁴³. Ты мне как-то переправила несколько сборников его рассказов, да и сюда кой-что попало. Он мастерски обрабатывает небольшие картинки, правда всегда при помощи одних и тех же приемов. У него обычно герои наперед знают, что должно случиться, а выходит «совсем наоборот», самая несуразная «неожиданность». Но главный фокус автора в том, что эта «неожиданность» оказывается неизбежным логическим следствием всего

предыдущего. Люди марионетки, а воображают себя «деятелями» и своими фантазиями создают «неожиданности». Словом[,] «обыкновенный ход вещей» во всем своем всемогуществе. Как видишь, тоже насмешка над бессознательными актерами своей бессознательностью созидающими «презабавные» фарсы. Эту сторону О.Генри передавать умеет, но сам, хотя и с полуоткрытыми глазами, плывет по течению... и не потому, что «сноп»... «обстоятельств» не переделаешь, а потому, что, даже изменив их, «маятником», «куклой» останешься! И он, конечно, прав, куклой очень легко можно остаться, быть может[,] даже неизбежно приходится остаться. Но, быть может, присмотревшись к тому, как нас «заводят» и «надувают» обстоятельства, можно до известной степени научиться теми же способами заводиться самому (не «предвидеть», не «настраиваться» — это четверть дела!)? А, научившись этому чрезвычайно трудному делу, может быть[,] удастся освободить руку и немного погрести? Скажи «герою», что он «кукла», и не обещайся неприятностей! А знать это не мешало бы! Но и простосердечная или философская кукла и сознательная кукла вроде О.Генри подарок не важный! Рекламирую для новогодних подношений самозаводящиеся при помощи обстоятельств и внешних воздействий (по выбору) — кукол! Пожалуйста, не смейся над этой новогодней теорией. Ведь ты причастна к НОЗ⁴⁴, а это должно быть одним из его дальнейших применений и расширений. Сначала посмотреть, как и чем нас пускают в ход, а потом научно улучшить и пустить за свой счет самих себя. Не от теорий, а от практики, не от «умственности» и нравственности, а от конкретности.

У Леночки скоро и сильно заводящаяся натура (переработка с известной примесью отца) и полная безнадежность самозаведения. Игеле должна всегда опасаться «неожиданностей», ибо взвинчивается, но не имеет представления о НОЗ (научн[ой] орг[анизации] завода). Сергей знает, как его могут «завести» (почему это и труднее сделать), умеет других «заводить», но с НОЗ'ом ничего не имеет общего. Мог бы кое-чему научиться, хотя примеси мешают. Что касается твоего покорнейшего слуги, то он в самозаведении совершенно безнадежен, так как его ключи затерялись для него в твоих руках.

Очень будет интересно узнать[,] придется ли тебе писать о мачехе Наташи⁴⁵ или нет. Вернее нет, так как года и новая обстановка должны оказать свое действие. Но я все[-]таки надеюсь кое-что подработать, а потому жду твоего описания. Про Петра Степановича⁴⁶ один из персонажей «Бесов» говорит: «он человека сам представит себе, да с таким и живет», но только он напрасно добавляет, что поэтому ему «очинно легко жить на свете».

По доброте своей ты не очень будешь меня бранить за эту болтовню^а. Ничего не поделаешь. Ремонт обстоятельств дело гораздо более трудное, чем сама НОЗ.

Всегда твой Вл. Рихтер.

Рукописный подлинник; текст фиолетовыми чернилами на четвертушке листа бумаги в линейку большого формата.

^а Слово вставлено составителями по догадке, в письме оно замазано клеем.

№ 22

Открытка В.Н. Рихтера дочери М.В. Рихтер из челябинского политизолятора

2 января 1925 г.

Марии Владимировне Рихтер.
Нежинская ул. Д. № 10, кв. 3.
Одесса.

Вл. Рихтер. Челябинск. Политизолятор Г.П.У.

Дорогая Муся!

Мама мне пишет, что ты не боишься одна ходить на уроки. Ты, значит, храбрее меня! Я один никуда не хожу. Боюсь не в ту дверь попасть! Но у меня есть ледяная горка и санки, и мне уроков не задают! А у Жоржа⁴⁷ в камере (мы наши комнаты так называем) целых и настоящих три воробья! Прилетели в форточку и живут. Вылетят на двор, полетают, полетают и опять назад. Говорят, что хлеб очень вкусный и помещение теплое. А Жорж (он добрый, этот Жорж!) им полочку сделал и воды в разбитый кувшин налил. На полочке они спят, в кувшине купаются. Все книги забрызгали, но Жорж — ничего! Он добрый! Когда воробьи откормятся, мы из них паштет сделаем. Или не надо паштета?

Крепко целую тебя и Верочку.

Твой папа.

Внизу рукой М.В. Рихтер написано: Владимир Николаеч Рихтер.

№ 23—28

Фрагменты из записной книжки 1924—1925 гг.⁴⁸

№ 23

**Выписки из книги В.К. Агафонова⁴⁹ «Заграничная охранка»,
сделанные В.Н. Рихтером в челябинской тюрьме,
и комментарии к ним**

[начало 1924 г.]

В.К. Агафонов. «Заграничная охранка». Издат. «Книга». 1918 г. Петрогр. 8⁰ XXV. 388 стр. 10 р.

251—252 стр.: «3-го марта 1905 г. Азеф⁵⁰ сообщает Ратаеву⁵¹, что к с.-р. Рубановичу в Париже пришел некто Шапиро, который поступил в охран-

ку, уstraшенный запугиванием жандармов, хотя был арестован «по ерундовому делу». Шапиро дал много сведений социалистам-революционерам, в том числе, что в Женеве имеется у с-р 2 провокатора (в Женеве постоянно жил Ц.К. и часто Азеф. В.А.^а); что Бабушка⁵² после Америки должна поехать в Россию (это, как было уже указано, выдал Азеф. В.А.) и что для ее ареста назначен лучший ратаевский агент — Бинт⁵³, что полицией уже все подготовлено для ареста с-р Рихтера (выдал Азеф. В.А.), что для этого Ратаев поехал в Берлин... «Прошу ничего не предпринимать по отношению к Шапиро до разговора личного со мной. Это дело очень серьезно. Один неосторожный шаг и — провал мой», — пишет Азеф (курс[ив] В.А.)»

324. «В комитет по отправке эмигрантов в Россию Вакман⁵⁴ по его словам вошел лишь по настоянию эмигранта Рихтера и Гр. Шрейдера, у которого он пользовался полным доверием. Вакман приводит следующие слова Григория Шрейдера, будто бы сказанные им перед отъездом Вакмана в Россию: “Только Вам одному я могу доверить заботу об эмигрантских женах и детях”».

Вакману было известно, что я его подозревал в провокации, что считал моим долгом[,] предупреждать об этом всех товарищей. Зная это, Вакман не решался однако предпринимать никаких шагов для своей реабилитации. Поэтому все партийные товарищи (всех партий) относились к нему весьма подозрительно и в близкие отношения с ним не вступали. Когда из Италии уезжал в Россию Шрейдер, в Риме из революционеров никого уже не оставалось и ему поневоле пришлось сдать дела по эмигрантской кассе Вакману. О чем Шр[ейдер] с должными оговорками предупредил Париж. Вакмана нельзя было «просто» изболочить, так как юридических улик против него не было. Приходилось, отстранив его от участия в партийных делах и близкого личного общения, терпеть его в эмигрантских кругах. Только в Риме Вакман натолкнулся на прочное подозрение и отрицательное отношение к себе с-р группы. В Швейцарии раздавались лишь отдельные голоса, считавшие, что в его жизни есть стороны, на которые необходимо обратить внимание. Об этом было дважды доведено до сведения следств[енной] ком[иссии] Ц.К., которая, сопоставив эти указания с некоторыми местами «откровений» Русинова⁵⁵, внесла Вакмана в число лиц, подозрительных по провокации, и вела о нем расследование, не предавая дело гласности.

370. «В 1910 г. роль Русинова была случайно разоблачена: письмо к нему с приглашением на свидание попало в руки революционеров; тогда же он был опубликован, как провокатор; агентура дала ему пособие в 400 фр. 26 мая 1910 г. Русинов застрелился[»].

Агафонов умышленно дает неточную информацию. Следств[енная] Ком[иссия] при Ц.К.П.С.-Р., о которой Агафонов в своей книге старательно замалчивает, давно подозревала Русинова и, наконец, собрав

^а В.А. — В. Агафонов.

достаточное количество косвенных улик, вызвала его на допрос по обвинению в провокации. На допросе было установлено, что «источник доходов» Русиновым объясняется противоречиво, что его показания не рассеивают, а увеличивают подозрения, было установлено, что он для корреспонденции пользовался “poste restante”^a, а путем перекрестных и неожиданных вопросов удалось установить, на какое имя и в каком отделении он получал свою корреспонденцию. Тогда следств[енной] комиссией с согласия (!) Русинова была эта корреспонденция затребована на почте и получена открытка, в которой по почерку установили руку одного из охранников. Русинов перестал запираяться и дал «откровенку».

Рукописный подлинник. В.Н. Рихтером подчеркнуты фразы, выделенные Агафоновым курсивом.

№ 24

Черновик письма В.Н. Рихтера сыну Коле Рихтеру

11 ноября 1924 г.

Д[орогой] К[оля]!

Получил оба твоих письма. На некоторые твои вопросы ответить сейчас довольно трудно. Отложим их до той поры, когда нам удастся с тобой встретиться и переговорить в другой, более подходящей обстановке. Судя по твоим письмам, я думаю, что нам с тобой удастся столковаться даже по тем вопросам, в которых ты теперь расходишься со мной. Я, правда, большой противник захвата проливов и воинствующего патриотизма, но полагаю, что и ты, любя правду и свободу, не будешь отстаивать насилия. О том же[,] как противодействовать чужому насилию, как обезопасить себя от гнета и рабства и при этом не прийти в противоречие со своими взглядами[,] можно, конечно, договориться, но это очень сложный вопрос, требующий большой постоянной самокритики и верной оценки характера и степени насилия. Здесь увлечься очень легко и, мне кажется, ты этим иногда еще грешешь.

Напрасно ты оправдываешься в своих возражениях мне. Меня бы более огорчило, если бы ты принимал на веру каждое слово, не пытаясь сделать собственные оценки. Самое главное в жизни научить себя верно решать те задачи и загадки, которые ставит перед нами действительность, и разбираться в своих и чужих чувствах. А для этого прежде всего надо научиться видеть, понимать и по[-]своему чувствовать. Но видеть можно только своими глазами, думать можно только своим умом, чувствовать только своим сердцем. Неопытный глаз мало видит, мало

^a До востребования (*итал.*).

различает и еще меньше «усматривает». Надо научиться этому трудному делу. Как? Самый лучший способ самому попробовать настойчиво смотреть внимательно, но тогда каждому пришлось бы проделывать всю ту работу, которая делалась целым рядом поколений до него. Это, конечно, невозможно. Поэтому нужно узнать, что люди научились замечать. Но в этом простом «узнать» большая трудность. И трудность не в том, что нужно запомнить, «выучить», понять пересказ чужого опыта, а в том, что читая о чужом опыте, ты лишь схватываешь его памятью, в лучшем случае понимаешь умом, но не упражняешь своего глаза, не практикуешься в деле смотрения. Мне приходилось встретить такого человека, который, например, великолепно заучил, какие краски употреблял для своих картин художник Сезанн⁵⁶, какова его «манера писать» и т.п., но когда очутился перед картиной этого художника, то узнал, что это работа Сезанна, только благодаря подписи. Задача теперешней трудовой школы в противовес прежней и заключается главным образом в том, чтобы «книжка», «чужой опыт» не были ни к чему не годной мертвечиной, а были бы облегчением, углублением, обострением и расширением собственного опыта. Моему «знатоку» Сезанна следовало бы начать с рассмотрения картин этого художника, а потом приступить к чтению книг о нем. Да и читая, все время бегать в музей посматривать. И так со всеми нашими внешними чувствами. Не думаешь ли ты, Колуха, что и в литературе то же самое? Сначала надо прочесть автора, а потом отзывы о нем. А еще лучше прочесть, сказать себе, что тебе понравилось, что запомнилось (не «должно было» понравиться, а действительно понравилось!), а позже уже узнать, что другим нравилось и что другие об этом думали.

Ведь с умом то же, что с глазами. Самое важное научиться думать, научиться самому правильно делать наблюдения, разлагать на части, обобщать, а не запомнить чужие мысли. Надо быть не граммофоном для чужих пластинок, не флюгером, который рад в любую сторону повернуться, а живым человеком, у которого ум не для щеголяния, не для стрельбы по трусливым воробьям, а для понимания того, что кругом делается, что ты сам делаешь, и что нужно тебе делать. И этому надо учиться, в этом надо практиковаться, надо приучить себя пользоваться книжкой, чужим опытом только как необходимым средством для облегчения, обострения, расширения, углубления своей собственной мысли, для исправления ее неизбежных ошибок. Только так, мне думается, можно извлечь пользу из книг. Книжка жизни не заменит, но и без книжки не скоро и не полно поймешь жизнь и себя.

Сплошь и рядом даже чувствуют за нас книжки и прадеды или соседи, а не мы сами. Но ты, наверное, уже от этих «поучений»...^a

Рукописный подлинник.

^a Текст обрывается.

Из тюремного юмора

[12 декабря 1924 г.]

12/XII Телеграммы и объявления.

I. Английская делегация, обсудив в особом заседании положение заключенных социалистов в России, заявляет

1) меньшевики и с.р.[,] вне всякого сомнения[,] б[ыть] м[ожет][,] народ не бесчестный, но позорно буржуазной истины...^a

2) содержать их в тюрьмах необходимо из гигиенически санитарных профилактических мер, чтобы предотвратить распространение гнусных болезней, которыми они повально охвачены...

3) вся европейская пресса за исключением коммунистической — печатает только одну ложь...

4) все это нами изучено и всесторонне проверено.

Члены ...^a, Пылит, Мокрит, Ей-ей и т.д.

Телеграмма.

II. По слухам для применения к Китаю плана Дауэса⁵⁷ недостает только авторитетного решения заключенных Ч.Т.⁶

III. На съезде правлений Трестов, созванном для уточнения и выяснения требований рынка, решено для удовлетворения нужд фракционных совещаний усилить производство книг по этике, брома и синтетикона.

Ожидают, что это компетентное мнение произведет потрясающее впечатление и на много лет определит собою поведение труд. ...^a и Европы. Наиболее авторитетные местные...^a опять готовят сомнительный...^a ответ.

IV. Друг друга оценили.

Уже двадцать пять лет собираю разные анекдоты и небылицы, а такого не слыхивал. Неподражаемо! Феноменально! Ошеломляюще!-

О, я еще и не то могу, лишь бы обо мне. Но право, вы тоже хороши!-

V. Чувство дороже мандарина

VI. Положив зубы на полку, опасайся цинги.

Хроника.

VII. Жилищная комиссия предвидит, несмотря на упорство и стремление, очищение бирюковского угла. Кандидатов на это место не замечается ввиду обнаружившейся за последнее время тяги к верхним этажам.

+ + +

VIII. Под влиянием чтений по искусству замечается усиленное стремление к личной красоте. Повысился процент часто бреющихся, появились щеточки для ногтей и даже Ив. Петрович занялся татуировкой. Предусмотрительный завхоз усилил запасы зубного порошка, а

^a Несколько слов не разобрано.

⁶ Челябинской тюрьмы.

один из бывших министров осмелился захватить лучшую шапку и валенки, спинодержателей и мази для поясниц.

Обо всем этом с подобающими прибавлениями сообщено за границу. Объявления

IX. Ваню разыскивает какую-нибудь новую нескучную дисциплину для специализации. С НОТ'ом просят не являться. Не подходит!

X. Ищется человеческая физиономия для камеры 13. Можно под постель.

XI. Ищу высоких переживаний и благородных мыслей. Адреса не нужно.

XII. Высота есть, солидности не хватает. Где ее взять? Она экономно проявляется в старости и старостах.

XIII. В pendant (в подвеску) к сообщавшемуся уже открытию живого первобытного человека (пикет антропос-эректус) доводим до сведения, что за последнее время несомненно доказано сильно развитое чувство правильного произношения у некоторых птиц. От жоржинского французско-английского выговора все воробьи разлетелись, кроме оглохнувшего.

XIV. Основы логики и высшего смысла. Преподают с большой охотой. Бесплатно. Ф.

Рукописный подлинник.

№ 26

Тематика занятий кружков, организованных В.Н. Рихтером в челябинской тюрьме

[октябрь 1924 г. — март 1925 г.]

Ниж[ний] Литер[атурный] Кружок

- 1) Жорж. «Портрет у Гоголя»⁵⁸
- 2) Нина⁵⁹. Формальные приемы в рассказе Тургенева «Стучит»
- 3) Ваня⁶⁰. «Мощи»⁶¹
- 4) Лазарь⁶². «Певцы»
- 5) Бер⁶³. «Касьян с Красивой Мечи»⁶⁴.
- 6) Тамара⁶⁵. Портрет в “Le Lys Rouge” Анат[оля] Франса.
- 7) “ — “ — “ “Interieur”⁶⁶ “ — “ — “ — “
- 8) Жорж. «Красный цветок» Гаршина.
- 9) Ваня. «Золотой песок» Галати⁶⁷
- 10) Лазарь. «Агит-вагон» М. Шагинян⁶⁸.
- 11) Бер. «Пьер и Люси» Ромена Роллана⁶⁹
- 12) Жорж. «Цивилизация» Дюамеля⁷⁰.
- 13) Ваня. «Ж. и г. Н. Курбова и Трест Д.Е.» И. Эренбурга⁷¹. 9.10.
- 14) Лазарь. «Полуночная исповедь» Дюамеля.
- 15) Бер. Стихотв[орения] Блока⁷².
- 16) Тамара. «Преступл[ение] Сильв[естра] Боннара»⁷³
- 17) Жорж. «Бесы» Достоевского.

- 18) Ваня. Помяловский⁷⁴. «Мещ[анское] Сч[астье]», «Молот» и «Сестра»
 19) Тамара. «Особенности творчества А. Франса».
 20) Лазарь. Ибсен⁷⁵. О'Генри.
 21) Бер. «Особенности творчества Ромена Роллана»
 22) Жорж. «Финалы у Тургенева, Мопассана⁷⁶, Чехова»
 23) Ваня. Interieur позы и портреты кружка.
 24) Лазарь. Приемы Бергстеда⁷⁷.
 25) Бер. Стиль Короленко, Гаршина, Салтыкова⁷⁸. Головл[евы].
 26) Тамара. «Реконструкция».

19/X

Литературная форма^а

Вано. «Жизнь Курбова и Трест ДЕ» Эренбурга
 20/X Сеня. «Социалистическая нравственность»

I. Верх[ний] Фил[ософский] Круж[ок] (первый). (Три раза в неделю).
 1) ухо — Николай⁷⁹; 2) глаз Сух. Алекс.⁸⁰; 3) звук — Гриша⁸¹; 4) глаз — Фед. Дан.⁸²; 5) язык — Ал. Ипп.⁸³; 6) речь — Вл. М.; 7) Мозг — Эм. Павл.⁸⁴; 8) Общие ощущения — Абраамий⁸⁵ (Алекс. Ив. ...^б)

Первая и вторая часть прочитаны — отъезд.

II. Второй нижний кружок по фил[ософии] (раз в неделю). 1) Нина — ухо; 2) Костя⁸⁶ — глаз; 3) Н.В. — общие ощущения; 4) Волк⁸⁷ — обоняние и вкус; 5) Яша — горло (Роза, Мих. Ник.⁸⁸). Пройдены все философские предпосылки.

III. Первый нижний кружок.

21/X Доклад Абраамия «Роль инициативного меньшинства».

22/X Разбор доклада Вано об Эренбурге.

23/X Переезд вниз.

Первая лекция в группе второй по литературной форме. Разбор рассказа О'Генри «Маятник» и задача тем:

1) Прием введения в рассказ в «Вечерах на хуторе» у Гоголя. Сергунька⁸⁹.

2) «Способы приготовления финальной сентенции (и заглавия) у О'Генри в избранных рассказах». Ал. Петр.⁹⁰

3) Описание костюмов у Тагора⁹¹ в «Дом и мир». Абр[аамий]

4) Птицы и краски в «Касьяне с Красивой Мечи». Гриша.

24/X Экзамен Сергуньки «Романский стиль».

25/X Прения по докладу Абраамия в В[ерхнем] Ф[илософском] К[ружке].

26/X Творчество Анатоля Франса.

27/X Заметки по истории скульптуры.

29/X Тамара. А. Фр[анс]. «Прест[упление] Сильв[естра] Бонн[ара]».

31/X Тамара]. «Разбор маятника» О'Генри.

Лекция по искусству.

^а Название кружка.

^б Слово не разбрано.

1/ХІ В[ерхний]Ф[илософский] К[ружок]. Сергунька «Социалистическая нравственность».

2/ХІ Тамара — прения.

3/ХІ Пон[едельник]. Н[ижний] Ф[илософский] Кр[ужок]. Вано. «Простая и сложная кооперация».

4/ХІ Верх[ний] Фил[ософский] Круж[ок] Прения по реферату Сергуньки.

5/ХІ Нижн[ий] Литер[атурный] Круж[ок] Лазарь. «Полуночная исповедь».

5/ХІ Экзамен по эгейской культуре. А.И. Сух.

6/ХІ Вечера на хуторе близ Диканьки.

6/ХІ «Гоголевские приемы введения». Доклад Сергуньки.

7/ХІ Тамара. «То, чего не было». «Роза и жаба».

8/ХІ Из Анатоля Франса.

8/ХІ Верх[ний] Фил[ософский] Круж[ок]. Сергунька «Социалистическая мораль».

9/ХІ Ниж[ний] Литер[атурный] Круж[ок]. Дюамель.

10/ХІ Н[ижний] Ф[илософский] Кр[ужок]. (Вано доклад). Мое дополнение.

11/ХІ.24 Верх[ний] Фил[ософский] Круж[ок].

12/ХІ Нижн[ий] Литер[атурный] Круж[ок]. Бер. «Разные стихотв[орения] Блока».

13/ХІ Партпракшкола^а. Москвин. Производ[ительность] труда.

13/ХІ Верх[ний] Лит[ературный] Круж[ок]. Абраамий. «Д[ом] и М[ир]» Тагора.

14/ХІ «Греза, жена, Маркиза».

15/ХІ Верхн[ий] Филос[офский] Круж[ок]. Сергунька. «История морали».

16/ХІ Нижн[ий] Лит[ературный] Круж[ок]. Бер. «Разн[ые] стих[отворения] Блока».

17/ХІ Скульптура.

18/ХІ Верхн[ий] Фил[ософский] Кр[ужок]. Разбор доклада Сергуньки по истории морали.

19/ХІ Нижн[ий] Лит[ературный] Круж[ок]. Прения по докладу Бера о Блоке.

20/ХІ Верхн[ий] Литер[атурный] Кружок. Ал. Петр. «Шумн[ый] Городок» О'Генри.

21/ХІ Там[ара]. Разбор "Attalea princeps" Гаршина. Искусство. Разбор «Проди» Донателло⁹².

22/ХІ Верх[ний] Фил[ософский] Круж[ок]. Доклад Ив. Петр. «Труд и капитал и их взаимоотношение».

22/ХІ Занятие по психологии. Доклад Вити о физиологии глаза.

23/ХІ Нижн[ий] Лит[ературный] Круж[ок]. Окончание разбора доклада Бера «Разные стихотворения Блока».

^а Партийная практическая школа.

24/ХІ Нижн[ий] Фил[ософский] Круж[ок]. Тамара. «Инициативное меньшинство».

25/ХІ Верх[ний] Фил[ософский] Круж[ок]. Конспект лекции Дон Кихот и Санчо Панса.

26/ХІ Ниж[ний] Лит[ературный] Кружок. Разбор «Персика» О'Генри.

27/ХІ Партпракшкола.

27/ХІ Верх[ний] Литер[атурный] Круж[ок]. Разбор доклада Ал. Петр.

29/ХІ Верхн[ий] Фил[ософский] Кружок. Продолж[ение] докл[ада] Ив.

Петр.

1/ХІІ Скульптура.

2/ХІІ Верх[ний] Фил[ософский] Круж[ок].

3/ХІІ Нижн[ий] Литер[атурный] Круж[ок]. Жорж. «Форма “Бесов”».

4/ХІІ Верхн[ий] Литер[атурный] Кружок. Гриша. «Краски и птицы в рассказе Тургенева “Касьян с Красивой Мечи”»

6/ХІІ НОТ. Файоль⁹³, Эмерсон⁹⁴, Тэйлор⁹⁵, Форд⁹⁶.

6/ХІІ Психология. Геня. Физическая сторона зрения.

7/ХІІ Нижн[ий] Литер[атурный] Круж[ок]. Прения по докладу Жоржа.

7/ХІІ Лекция «Творчество О'Генри».

8/ХІІ Искусство Бернини⁹⁷.

9/ХІІ Верхн[ий] Фил[ософский] Круж[ок]. Ив. Петр. «Классификация чувств».

10/ХІІ Нижн[ий] Лит[ературный] Круж[ок].

11/ХІІ Верхн[ий] Лит[ературный] Круж[ок]. Сергунька. «Переходы, связи, подготовки и символы в «Мгновении» Короленко».

12/ХІІ Лекция по скульптуре. Закончен курс.

Верхний литературный кружок (нач[ало] 23/Х)

1) Москвин. «Прием введения у Гоголя в вечерах на хуторе».

2) Чистосердов. «Подготовка финальной сентенции у О'Генри».

3) Фонштейн. «Костюмы и обстановка в доме и мире Тагора».

4) Туския. «Краски и птицы в Касьяне с Красивой Мечи Тургенева».

5) Москвин. «Подготовки и переходы в «Мгновении» Короленко».

6) Чистосердов. «Скелет Attalea принцепс» Гаршина.

7) Фонштейн. «Фон и действующие лица в «Помнишь ли» Сологуба⁹⁸».

8) Туския. «Развитие главной интриги в «Гора» Тагора».

9) Карчаретели. «Портреты у Гоголя».

10) Москвин. «Способ характеристик и передачи ночей в Рудине».

11) Чистосердов. «Общий художественный замысел и приемы его осуществления в «Стучит», «Живых мошгах» и «Певцах» Тургенева.

12) Фонштейн. «Роль служебных персонажей и вставных сцен в Мартин Идене⁹⁹».

13) Туския. «Статистика и классификация и анализ Чехова».

14) Карчаретели. Interieur, пейзаж, костюмы, в письмах Маркизы.

15) Москвин. Природа «комичного в Ревизоре» и (Мюнхаузене^а) Успенского.

^а Слово зачеркнуто.

- 16) Чистосердов. Композиция и диспозиция.
- 17) Фонштейн. Стилъ.
- 18) Туския.
- 19) Карчаретели.

12/ХІІ Психология. Боря — зрение.

14/ХІІ Шекспир — Рэтленд.

14/ХІІ Нижн[ий] Лит[ературный] Круж[ок]. Разбор «Бесов».

15/ХІІ Психологич[еский] кружок.

15/ХІІ Лекция по искусству.

16/ХІІ Верхн[ий] Литер[атурный] Кружок. Введение в лирику.

17/ХІІ Повторение английского. Сакулин¹⁰⁰.

18/ХІІ Декоративный фон и внешнее описание персонажей у Сологуба в рассказе «Помнишь не забудешь». Авраамий.

20/ХІІ Психологич[еский] кружок. Боря. «Физиология уха».

22/ХІІ Архитектура.

31/ХІІ Встреча Нового года.

8/І.25 В[ерхний] Л[итературный] Кр[ужок]. Ал. Петр. Скелет «Attalea grincers».

10/І.25 Верх[ний] Фил[ософский] Круж[ок]. Гриша. «Формула прогресса Лаврова и Михайловск[ого]».

11/І.25 НОТ в России.

11/І.25 Нижн[ий] Лит[ературный] Круж[ок]. Доклад Вано. «Творчество Помяловского по «М[ешанскому] Сч[астью]», «Мол[оту]» и «Брат и Сестра».

12/І.25 Нижн[ий] Фил[ософский] Круж[ок]. Сеня. Разгранич[ение] между интелл[игенцией] и иниц[иативным] меньшинств[ом].

13/І.25 Верхн[ий] Фил[ософский] Круж[ок]. Филос[офское] обосн[ование] тактики. Сергунька.

14/І. Н[ижний] Л[итературный] Кр[ужок]. Лазарь. «Зло к злу».

15/І. Хлебозаготовки.

15/І. Верх[ний] Лит[ературный]. Форм[а]. Лирика.

17/І. Верх[ний] Фил[ософский] Кружок. Прения по докладу Гриши.

17/І. Психология.

18/І. Нижн[ий] Лит[ературный] Кружок. Особенности творчества Помяловского.

19/І. Докториада и Костя.

19/І. Нижн[ий] Фил[ософский] Кружок. Бер «Формула прогресса».

21/І Доклад о хлебозаготовках.

22/І В[ерхний] Л[итературный] Кр[ужок]. Доклад Гриши «Развитие главной интриги в «Гора» Тагора».

23/І Экзамен по русской архитектуре (Ал. Ив.).

24/І В[ерхний] Ф[илософский] Кр[ужок]. Сергунька. Простая и сложная кооперация.

Изменение темы.

Психология. Телодвижения (Геня).

25/І Н[ижний] Л[итературный] Кр[ужок] не состоялся.

26/І Нижн[ий] Филос[офский] Кружок. Бер. Формула прогресса.

27/1 В[ерхний] Ф[илософский] Кр[ужок] не состоялся по болезни Гр[иши].

27/1 Лирика с Египтянкой.

28/1 Нижн[ий] Литер[атурный] Круж[ок]. Тамара. О.Генри. Творчество.

29/1 О народном образовании.

29/1 Верх[ний] Лит[ературный] Круж[ок]. Прения по докладу Гриши о «Гора» Тагора.

31/1 Психология. Боря — речь.

4/II Нижний Литер[атурный] Кружок. Лазарь. «Геди Габлер и дикая утка» Ибсена.

7/II Верхн[ий] Фил[ософский] Круж[ок]. Прения по докладу Сергуньки о простой и сложной кооперации.

10/II Верх[ний] Фил[ософский] Круж[ок]. Абрамий. Филос[офское] обосн[ование] аграрн[ой] программы.

11/II Ниж[ний] Лит[ературный] Круж[ок]. Ибсен и лирика.

12/II Парт[практик]школа. Прения по докладу Сени.

12/II Верхн[ий] Лит[ературный] Круж[ок]. Разбор «Матроса» Пастернака¹⁰¹.

14/II Верхн[ий] Фил[ософский] Круж[ок]. Абрамий. Основные ошибки Бельтова¹⁰² в критике народничества.

16/II Искусство. Перспектива.

17/II Верхн[ий] Фил[ософский] Круж[ок]. Ив. Петр. Раб[очее] движ[ение] и кооперация.

19/II Литер[атурный] Верхн[ий] Кружок. Шалико. Портреты у Гоголя.

20/II Шипулинский. Тамара.

21/II Верхн[ий] Филос[офский] Кружок. Прения по докладу Абраамия.

24/II Верхн[ий] Фил[ософский] Круж[ок]. Прения по докладу Ив. Петр.

26/II Прения по докладу Жоржа.

26/II Доклад о Галати. Сергунька.

2/III Нижн[ий] Фил[ософский] Круж[ок]. Доклад Кости «Искусство в повседневной жизни».

7/III Верх[ний] Фил[ософский] Кр[ужок]. Жорж. «Восточн[ый] народ!»

8/III Лекция: Римский Форум.

9/III Верхн[ий] Фил[ософский] Круж[ок]. Продолжение доклада Кости «Искусство в повседневной жизни».

16/III Нижн[ий] Фил[ософский] Круж[ок]. Продолжение доклада Кости.

18/III Психология. Доклад Бори о сердце.

19/III Пар[ти]прак.^a Доклад Абраамия.

19/III Верхн[ий] Лит[ературный] Круж[ок]. Доклад Сергуньки о «Под-
ростке» Достоевского.

Кружки по изучению литературной формы^б

^a Партийная практическая школа.

^б Этот полный список докладов приведен примерно за 20 страниц до конца в записной книжке. Первые 20 номеров списка Нижнего кружка отмечены крестиком. Вероятно, отмечены сделанные доклады.

Нижний:

- 1) Жорж. Портреты у Гоголя.
- 2) Нина. Построение рассказа «Стучит» Тургенева.
- 3) Ваня. Формальный разбор «Живые Мощи».
- 4) Лазарь. “ “ «Певцы».
- 5) Бер. “ “ «Касьян с Кр[асивой] Мечи»
- 6) Тамара. Портреты в «Lys Rouge» А. Франса.
- 7) Тамара. Interieur в «Lys Rouge».
- 8) Жорж. Формальный разбор «Красного цветка» Гаршина.
- 9) Ваня. Особенности лирики Галати по ее «Золотому песку».
- 10) Лазарь. «Агит-вагон» М. Шагинян.
- 11) Бер. «Пьер и Люси» Ромена Роллана.
- 12) Жорж. «Цивилизация» Дюамеля.
- 13) Ваня. «Жизнь и гибель Н. Курбова» и «Трест Д.Е.» Эренбурга.
- 14) Тамара. Преступление Сильвестра Боннара.
- 15) Лазарь. «Полуночная исповедь» Дюамеля.
- 16) Бер. Лирика Блока (II том).
- 17) Жорж. Формальный разбор «Бесов» Достоевского.
- 18) Ваня. Особенности творчества Помяловского по «М[ещанскому] Сч[астью]», «Мол[от]» и «Брат и сестра».
- 19) Тамара. Особенн[ости] творчества О'Генри по «Шумн[ый] Городок».
- 20) Лазарь. Разбор формальных приемов Ибсена в «Г. Габлер» и «Дикая утка».
- 21) Бер. Особенности творчества Ромена Роллана.
- 22) Тамара. Особенности творчества А. Франса.
- 23) Жорж. Финалы у Мопассана, Тургенева и Чехова.
- 24) Ваня. Interieur, позы и портреты кружка.
- 25) Лазарь. Анализ, классификация и статистика приемов Бергстеда в «Алекс».
- 26) Бер. Стиль Короленко, Гаршина, Салтыкова, ...^a
- 27) Тамара. «Реконструкция».

Верхний:

- 1) Сергунька. Приемы введений в «Вечерах на хуторе близ Д[иканьки]».
- 2) Алекс. Петр. Подготовка финальной сентенции у О'Генри.
- 3) Абраамий. Костюмы и обстановка в «Доме и мире» Тагора.
- 4) Гуския. «Краски и птицы в “Касьяне с Красивой Мечи”».
- 5) Москвин. Подготовка и переходы во «Мгновении» Короленко.
- 6) Ал. Петр. «Скелет «Attalea princeps» Гаршина.
- 7) Фонштейн. «Фон и действующие лица в “Помнишь ли” Сологуба».
- 8) Грица. Развитие главной интриги в «Гора» Тагора.
- 9) Шалико. «Портреты у Гоголя».
- 10) Москвин. «Разбор стихотворений Екатер[ины] Галати».

Рукописный подлинник.

^a Несколько слов не разобрано.

Черновик письма В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой

[между 9 и 16 марта 1925 г.]

Дорогая Вера!

На прошлой неделе внезапная зубная боль помешала мне написать тебе очередное письмо. Я было попытался сесть за него, но ничего не вышло. Приходится, очевидно, страховаться и против зубной боли!

Книжку об «ненародном театре» я кончил, а тем временем пришли от тебя и другие обещанные вещи, итальянская *Illustratione*¹⁰³, книжка по НОТ'у, английский роман, Красная Новь¹⁰⁴ и т.д. Большое спасибо.

Теперь о книжке Заскального¹⁰⁵, хотя это[,] по моему мнению[,] наименее удачная часть из всей предполагающейся работы, но читается легко и с интересом. Несомненно[,] целый ряд практических указаний будет очень полезен и, быть может, их следовало бы даже увеличить. Наиболее же интересна мысль автора о необходимости смещенного метода, перемежающего литературные занятия, игры, собеседования, работу на дому, и постоянно подчеркиваемая им роль руководителя, как *primus inter pares*^a, ничего не вещающего. Его взгляд на драматич[еский] кружок, не как на труппу любителей, ставящих спектакли, а как на школу всестороннего развития, конечно, единственный правильный, если признать желательность таких кружков.

И им указываются[,] действительно[,] все наиболее подходящие и тесно связанные с типом кружка средства для пробуждения и укрепления наблюдательности, умение проникать в чужой замысел и характер, развивать в себе находчивость и склонность к игре.

Но мне кажется, что автор не вполне отчетливо видел своего читателя. У него наряду с популярным изложением и доступностью мысли попадают и притом в важных местах понятные слова, выражающие совершенно недоступные мысли. Например, автор, считая необходимым дать своему читателю даже такой совет: «Творческая работа требует углубления в себя и создания условий, способствующих этому; как главный же я назову хотя бы относительную тишину и отсутствие назойливых лиц», а через несколько страниц ограничивается такой сентенцией: «При всех попытках внешнего влияния руководствуйся своим художественным вкусом» и объясняет это в примечании словами Тальма¹⁰⁶: «Вкус в искусстве отвечает разуму в знании; предмет знания — истина, искусство — добро и красота».

Ясно, что эти два объяснения даются не одному и тому же лицу. И к сожалению эта двойственность проходит через всю эту часть. Та же двойственность представляемого режиссера заставляет автора дать совет для «законченного режиссера» и чрезвычайно опасный для новичка, а именно об изменениях текста. Ведь он сам говорит, что это можно допустить в

^a Первый среди равных (*лат.*).

случае наличности «не только значительного такта..., но и достаточного литературного образования и большого художественного вкуса и чуткости». Ясно, что подобных данных нет у режиссера, нуждающегося в популярных указаниях (напр[имер], разъяснении, что такое генеральная репетиция). Но более чем вероятно, что он предполагал в себе наличие и того, и другого, и третьего. Правда[,] для автора большой беды от искажения не будет, но развитию такта и вкуса (самокритики и критики) режиссера и актеров будет нанесен большой и опасный удар. А автор это делает: «анализируя текст пьесы, режиссер прежде всего должен установить, может ли пьеса... быть поставлена в совершенно неизменном виде».

Раз автор ограничивается практическими указаниями и сам рассматривает свои кружки, как путь к развитию и расширению человеческой личности, то хотелось бы услышать и обоснование желательности именно такого пути к данной цели, тем более, что предлагается не только использовать имеющее налицо склонность к игре, но даже привить, пробудить их. Для меня лично большой вопрос, действительно ли это в данных условиях, в данной среде и т.д. это кратчайший и лучший путь. Мне кажется, наоборот, он гораздо труднее, опаснее, чем всякий другой даже при талантливом руководителе. Можно, конечно, и от игры в карты заставить перейти людей к «мировым вопросам» (особенно во время ужина), но стоит ли человека[,] способного на проявление подобной силы[,] заставлять возиться с таким материалом? Я, конечно, шутя пересаливаю, но думаю, что на сцене столько трюков и тайников, что тащить туда публику без особой надобности из зрительного зала, пожалуй, не стоит. Во всяком случае этот вопрос практики и теории театра из народа должны решить.

Понятно, нельзя согласиться с тем местом об «эстетическом развитии», где автор говорит: «Помимо литературных занятий иногда удается наладить довольно оживленное рассмотрение картин-открыток и в журналах. Как занятие — это довольно скучно, но если руководитель, воспользовавшись каким-нибудь поводом (хотя бы в связи с литературными занятиями) дает в руки кружковцев несколько худож[ественных] иллюстр[аций], то рассмотрение их проходит с неизменным успехом».

Не говоря уже о совершенно неверном методологическом подходе (нужно не приучать, а отучивать публику от «литературного» подхода к картине), тут, как и во всей этой части (боюсь, что и во всей книге), упущена «живописная сторона спектакля», красочность, ансамбль (группы, живописность смен мизансцен, «ритм» движений, в общем). Понятно, что «живописность» не должна ограничиваться декорациями, костюмами, освещением. Ее может выявить только режиссер-живописец, художник, и актеры-живописцы, а стало быть, ознакомленные с живописью, проникновение в нее не менее обязательно (для человека, фигурирующего в рамках сцены, как на картине и для глаз), чем игра, а в русских условиях, быть может даже больше.

«Рассказы по портретам», несмотря на указания автора, что «дать общие указания трудно», их все-таки надо было дать. Указав хотя бы на связь ряда эмоций с мускулами и красочными изменениями лица. Здесь некоторый «трафарет» не менее важен, чем советы для суфлера. И глава о гриме, конечно, не может заменить этот пробел. Этот интересный отдел

работы, мне кажется, должен был быть более подробно разработан. Его можно сделать менее произвольным и еще более продуктивным.

Уже по этим замечаниям ты, вероятно, видишь, что я в общем и целом считаю книжку для данного типа кружковой работы полезной и ценной.

Рукописный подлинник.

№ 28

Черновик письма В.Н. Рихтера сыну Коле Рихтеру

[17–18 марта 1925 г.]

Что ты, Колуха, огрызнулся, но в конце концов решил со мной не ссориться, это очень хорошо. И говорит мне очень много о твоём характере и о том, что мы при встрече будем большими и близкими друзьями. Я, конечно, отношусь к тебе немного «с пристрастием», гораздо требовательнее, чем к другим, и гораздо менее терпимо. Это, очевидно, неизбежная участь всех отцов подобного рода, а в особенности при единении посредством подцензурной переписки... В моих письмах гораздо меньше «педагогического подхода», чем ты думаешь, и гораздо больше любви, чем это может на первый взгляд казаться. Меня очень беспокоит твоя неудача со школой, потому что мне представляется, что она случилась как раз в «критический момент», как раз на поворотном пункте. И этим объясняется и нервный стиль моих писем и некоторая, быть может, резкая, преувеличенно отрицательная оценка... Быть может я иногда пробую бороться не столько против твоих действительных слабостей, сколько против моих собственных в прошлом и настоящем. Ведь ты, перечисляя источники моего знакомства с тобой, забыл еще один: наследственность, возможность кое-что узнать о тебе по моим собственным переживаниям и по воспоминаниям о моих юношеских мыслях и чувствах. Это тем более понятно, что по твоим письмам я вижу, как много у нас действительно общего в склонностях, характере и даже складе ума от природы и как много различий там, где начинается «работа над самим собой». И «принимая тебя в целом», «природного», я хочу облегчить тебе эту вторую работу, предохранить от хорошо знакомых мне по личному опыту вольных и невольных отклонений от кратчайшего и наиболее благотворного пути. И при всех наших ссорах и относительно знаний, которых и у меня мало, и относительно лени, которой и у меня от природы много, и относительно «фразы», от которой всем бы нам следовало вылечиться, так как она извращает и портит «искренность», «истину» и красоту — при всех наших размолвках на этот счет помни, что «средства наших душ» все это не касается, что дело идет не о зерне твоего ума и характера, а о форме и направлении развития, о выработке силы воли в трудно достижимой науке «самоуправления». Но конечно, когда приходится знакомиться с человеком такими несовершенными методами, возможны

самые грубые ошибки, и мы их должны исправлять друг у друга, иной раз «огрызаясь», но конечно, не ссорясь.

Теперь относительно твоих занятий. Как только ты справишься со школьной учебой (я ни одной минуты не сомневаюсь, что поступив в восьмой класс, ты его легко окончишь вместе с другими, но думаю, что вне гимназии сдать на аттестат зрелости тебе будет гораздо труднее), я с большим удовольствием постараюсь быть тебе полезным при систематизации твоих знаний и выработке, самостоятельной и сознательной выработке миросозерцания... Сделать это путем переписки дело, конечно, мудреное, но попытаемся.

К следующему письму я постараюсь набросать для тебя примерную схему чтения. Кстати сообщи, читал ли ты Иванова-Разумника «Историю русской общественной мысли», Мякотина¹⁰⁷ «На заре русской общест-венности» и какой-нибудь учебник по психологии...

Дорогая Аннета!¹⁰⁸

Спасибо за пересылку Колиного письма и твою приписку. Это было четвертое письмо от тебя. От 29 письмо твое получил и ответ на него уже[,] наверное[,] дошел до тебя на прошлой неделе. Думаю, что лучше было бы не пересылать Колюхе мое предыдущее письмо, которое, пожалуй, огорчит его без всякого толка. Он и так уже жалуется на чересчур «воспитательный подход» к нему.

Рукописный подлинник.

№ 29

Письмо В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой из челябинского политизолятора

20 января 1925 г.

20. I. 25 г.

Челябинск.

Политизолятор Г.П.У.

Дорогая Вера!

Получил[,] к моему большому огорчению[,] не только милые, ласковые письма, но и совершенно мне не нужные фуфайки, на которые одна-ко ты потратила деньги, которые зарабатываются с большим трудом и которые гораздо нужнее для тебя и детей.

Прежде всего[,] все мои ревматизмы требуют самого минимального ухода и усмиряются после двух, трех втираний салицилки, а теплыми вещами ты меня снабдила при отъезде в таком изобилии, что я до сих пор еще целиком не пустил в оборот и, как Крез, имею надолго и многочислен-ные запасы. Только крепко пришитые пуговицы удовлетворяют мое эстетическое и всякое другое чувство, но это удовольствие ты ведь мо-

жешь мне всегда доставить, прислав вместо фуфаяк такие же милые письма, какими ты меня балуешь...

Твоя долгая «самостоятельная» жизнь, видимо[,] вконец тебя избаловала и ты начинаешь самостоятельно поступать даже по отношению ко мне, что, как будто бы[,] в нашу конституцию не входило и никакими обстоятельствами в данном случае совершенно не оправдывается. А не помнишь ли[,] какое это правонарушение по счету и в столь непродолжительный период? С каких это пор и на каком основании я лишился доверия и моим словам о моем здоровье, самочувствии и т.п. не верят? Если бы ты была в лучшем настроении и не была бы больна инфлуэнцией, а в особенности не дошла бы от скуки до стадии перетаскивания мебели, то я бы самым серьезным образом с тобой бы поссорился. Но, пожалуйста, впредь не обезоруживай меня своими хорошими письмами и не злоупотребляй всеми своими прерогативами и привилегиями, так как ты начинаешь ими пользоваться во вред самой себе и заставишь меня в конце концов как-нибудь «застраховаться» от тебя же! Переписку я с тобой, конечно, приостановить даже не попробую (себе дороже стоит!), но что-нибудь выдумая в смысле «кинжальных слов».

Если Irene стала завидовать мне только в смысле обладания мною отдельной комнатой, то я ей не завидую. У нее под боком я обладаю гораздо более недоступными ей ценностями[,] и она когда-то это замечала... Отдельная комната, удобное кресло, сделанное заботливыми руками строителей собственного производства, с мягкой подушкой и живописно наброшенным полушубком, отдельный письменный стол[,] покрытый синей бумагой и освещенный «переносной» электрической лампочкой с хитроумным абажуром, работа специалиста по картонажной части, целый ряд драгоценных письменных и др. принадлежностей — вещи[,] которые, конечно, могут вызвать зависть у «уплотненных» москвичей, обязанных в тесноте и в поте лица зарабатывать свой и ближних хлеб... и болеть инфлуэнцами. Но ведь она же не будет в январе будущего года справлять тридцатилетия своей неизменной социалистической «службы». Поэтому и нет ей таких удобств! А, чтобы подразнить ее больше, — пусть она вообразит в этой «поэтической» или во всяком случае не шаблонной, обывательской обстановке, человека свободного[,] от забот, треволнений и суеты, могущего отдаваться самым поэтическим грезам! Пусть она не сердится за эту шутиливую полемику, тем более, что и не шутя во всякой пакости можно найти (а иногда и нужно уметь находить!) свои хорошие стороны. У меня была одна очень интересная знакомая, которая радовалась болезням, дававшим ей возможность «отдохнуть»! Премилая была оригиналка! Что касается меня лично, то я как-то мало замечаю обстановку (хотя в Кори¹⁰⁹ и замечал природу, насколько она не мешала моим занятиям, предполагавшимся в то время) или, вернее, не поддаюсь особенно ее влиянию, а поэтому могу отмахнуться от неимения лишней комнаты или от имени каких-либо оконных придатков, от скверной погоды (у нас[,] кстати сказать[,] зима благодушная не хнычет и не злится) и даже от монотонности... пейзажа!.. Вот с недостатками в «личном персонале» дело обстоит, конечно, куда труднее! Но ведь это старая истина!

Письмо твое о книжках еще «не осуществилось», но на днях и книжки, конечно, доберутся, и поэтому, авансом, спасибо.

Поправляйся, дорогая, поскорей, не «фуфай» меня больше, так как я рискую задохнуться[,] и пиши такие же неизменно хорошие письма. Безо всякой нужды не волнуйся по поводу моего житья-бытья, так как сыт, обут и одет и пребываю в неизменном настроении духа. Если делается скучнее, увеличиваю порцию занятий, прихожу в норму, — устраиваю вакации. Словом[,] саморегулироваться — полная возможность!

Крепко целую тебя. Привет Iгiпе и всем твоим чадам и домочадцам. Всегда твой Вл. Рихтер.

Рукописный подлинник; текст фиолетовыми чернилами на сложенной пополам четвертушке листа бумаги большого формата.

№ 30

Письмо В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой из челябинского политизолятора

3 февраля 1925 г.

3 II 1925

Челябинск.

Политизолятор ГПУ.

Дорогая Вера!

Горьковская бабушка с хворостинной — прекрасная бабушка! Она отлично умеет распоряжаться своей хворостинкой и, пожалуй, не только волка, но даже горы прогнала бы, если бы захотела!

Мы ведь все, по мере сил, подражаем, только не всегда с таким же успехом. Неудачи, конечно, объясняются недостаточной убежденностью и самоанализом либо развитием. Против подобных своих собственных слабостей иной раз лучше застраховаться, тогда достанется тебе самому — например, за чрезмерную расчетливость и скупость — но боги будут пребывать превыше всего. Не бог ошибся, но ты не поднялся до высоты, где открываются и преобретаются олимпийцы. И если в этом отношении поступлено по бабушкиному, то в конце концов можно до своего добраться. Мне думается, что по существу это тоже, твои творящие реальности иллюзии, только с другого конца. Мазок на картине не заметен для нас[,] профанов, но может не обращать на себя внимание и знатока, ищущего другого...

Оно, конечно, и помолчать бывает очень хорошо, только слишком «многословное» молчание [—] стадия, по[-]моему, давно пройденная! Тем более, что затрата сил, — будем надеяться, — будет совсем иного порядка, чем та, которую приходится нам производить.

То, что я заработал, ты подтвердила своей якобы шутливой, воркотнею, по поводу предусмотрительности против несчастных случаев.

Книги до меня добрались. О них и о твоих планах потолкую следующий раз.

Давно уже не имел писем из Одессы, но я за последнее время сам очень разленился и никому, кроме тебя, не писал, так что жаловаться не имею никакого права.

Ревматизмы мои, после ряда втираний, меня из своих лап выпустили и я совершенно здоров, по крайней мере до новой слякоти. Во всяком случае это совсем не так серьезно, как, очевидно, вообразила ты. Будь покойна, с наступлением весны, наверно, сообщу тебе о моих успехах по части гимнастических упражнений.

Ну, до свидания, дорогая, в следующем письме и желаю тебе всего, всего лучшего. Привет Iгine и Варе.

Всегда твой Вл. Рихтер.

Рукописный подлинник; текст фиолетовыми чернилами на сложенной пополам четвертушке листа бумаги в линейку большого формата.

№ 31

Письмо В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой из челябинского политизолятора

14 марта 1925 г.

Дорогая Вера!

Твою открытку получил. Что ты мне пишешь в скверном настроении духа — мне это, конечно, нравится, но то, что этих писем ты не отправляешь, меня немного огорчает.

Жду от тебя известий о санатории. Очень бы хотелось, чтобы твое лечение[,] наконец[,] наладилось.

Думаю, что до тебя мои письма все-таки доберутся, так как до сих пор[,] насколько помнится, пропаж не было.

Сережа писал прошлый вторник.

Маму и Мусю поздравил. Думаю, что письмо придет вовремя. Тебя с первым марта не решился поздравлять, так как, благодаря непрерывным обстоятельствам, все это начинает принимать вид издевательства г-жи всемогущей судьбы над нами.

...^a ким образом продолжать прервавшееся было учение. Думаю, что теперь ему легко удастся справиться с гимназической премудростью, которую он вряд ли бы одолел иным путем при его теперешнем характере.

У нас уже пахло весной. Мы гуляем по четыре часа. Возобновили регулярную гимнастику и даже, в особенно солнечные дни, пробуем за-

^a Две строки вымараны цензурой.

ниматься на воздухе. По крайней мере[,] мои «французы» говорят...^a у них лучше выходят носовые звуки. Я их, правда, немного мучаю, но зато добился, что все они начали свободно читать и переводить с листа и понемногу раззнакомились со словарем. Присланные тобою итальянские журналы дали возможность заняться и этим языком... Словом, у нас не политизолятор, а полиглот какой-то получился. Тем более, что я не забываю и английского, стараюсь не попятиться назад.

В одном из предыдущих писем просил тебя похлопотать в Красном Кресте, чтобы нам оттуда, если возможно, выслали немного семян для нашего садика, который так удачно «процвел» в прошлом году. Пришли также немного тряпок для делания кукол, которые собираются мне сделать для наших девочек наш здешний художник.

Надеюсь, что в дальнейшем буду получать от тебя даже те письма, которые составляют в дурном настроении духа...

Я же остаюсь в неизменно прежнем настроении. Целую тебя крепко и Всегда твой Вл. Рихтер.

Рукописный подлинник; текст фиолетовыми чернилами на сложенной пополам четвертушке листа бумаги в линейку большого формата.

№ 32

Письмо В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой из челябинского политизолятора

24 марта 1925 г.

Челябинск.
Политизолятор Г.П.У.
24 марта 25 г.

Дорогая Вера!

Кажется мне, что ты, освободившись от своей работы, решила устроить себе на время полный отдых? Или дополнительное письмо на прошлой неделе (от 13/III) должно быть зачтено на будущую?... Как раз в этот момент ко мне постучали и передали твою телеграмму. Приходится изменить обличительный тон и приняться оправдываться. Уже в прошлом письме я тебе сообщил, что ровно ничего не произошло и причиной пропуска была самая прозаическая зубная боль от «не вполне освоенной пломбы». Вот и все. Мне очень досадно теперь, что я не послал тогда хотя бы открытку, но, зная, как ты не любишь этого способа переписки, я решил тебя не сердить... и напрасно взволновал тебя.

^a Несколько слов вымарано цензурой.

Жизнь наша течет без каких-либо перемен во внутреннем нашем «укладе». Те же ежедневные занятия, которые до сих пор удаются вести систематически, что довольно трудно (как это ни кажется странным) при однообразных, монотонных условиях. О характере их я уже тебе писал и повторять не приходится.

Свой «санаторный режим» я выдерживаю[,] наверно[,] более строго и последовательно, чем ты. За редкими исключениями отгуливаю все наши двухчасовые прогулки, а с первого апреля буду стараться отгулять и все четыре часа, как в прошлом году. Даже зимой старательно выполняю все задания нашего инструктора по гимнастической части и, подобно Леночке, числюсь в группе наиболее успевающих. Состояние здоровья превосходное. Что касается «ревматизмов» и глухоты, то, как тебе известно, у меня имеются в излишнем обилии фуфайки и мне ежедневно делают массаж, так что только хвостики ревматизма выскакивают, да и то в особенную сырьость, а что касается «глухоты», то, как и подобает социалисту, я продолжаю гложуть только на правое ухо. И опять[-]таки против этого имеется целая батарея смазываний, вливаний и т.п. Благодаря всем этим ремонтам и упражнениям, чувствую себя, повторяю, прекрасно и возбуждаю зависть у наших молокососов, которые напрасно стараются отыскать у меня седые волосы или подорвать мой престиж язвительно-почтительными наименованиями вроде дедушки.

Пишу тебе о всех этих пустяках, чтобы лишний раз подтвердить тебе, что нет никаких причин для беспокойства.

Прости, что невольно причиняю тебе волнения. Очень каюсь в этом.

Крепко целую тебя. Всегда твой Вл. Рихтер.

P.S. Я пропустил только один вторник, т.е. от 3 марта. 10 и 17 я тебе писал, как всегда. Сообщи[,] получила ли.

Рукописный подлинник; текст фиолетовыми чернилами на сложенной пополам четвертушке листа бумаги в клетку большого формата.

№ 33

Письмо В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой из челябинского политизолятора

23 июня 1925 г.

23. VI. 25 г
Челябинск.

Политизолятор Г.П.У.

Дорогой Верок!

Очень рад, что твои воззрения на грядущее санаторное лечение не изменились, хотя времени прошло достаточно для кардинального даже

решения вопроса. Но мы с тобой[,] очевидно[,] тяжкодумы, по крайней мере подчас.

Ты спрашивала о дантовской фразе. Она гласит: «...»^а. Данте¹¹⁰[,] очевидно[,] разделял мой взгляд на «завод» людей и признавал неизбежность подчинения постороннему заводу при отсутствии самозавода, как системы. Наблюдательный был человек, хотя его наблюдательность не всегда приятна. Достаточно вспомнить его адские сценки, чтобы согласиться с этим, но зато он способствует выдержке и закалу характера и трезвости мышления. Прошу не особенно меня ругать за подобное понимание и толкование автора вечной божественной комедии.

Получил от Сережи дружественное письмо с обещанием ко мне захватить. Думаю, что теперь при ликвидации Соловков¹¹¹ и возможной в связи с этим всеобщей тюремной перетасовки это может и не удасться, но на верное мы, конечно, ничего не знаем. Но так как и Сережин приезд[,] с одной стороны[,] вилами по воде писан, а с другой вообще диктуется не столько непреодолимыми потребностями[,] сколько вежливыми чувствами, то все это, в конце концов, не так важно.

Во всяком случае[,] отвечаю ему на его письмо и постараюсь его выпутать из затруднения, в которое он сам попал, решив мне отправить книги. Забавный юноша!

Ты очень хорошо сделала, что прислала мне Леночкино письмо. Оно очень характерно и чрезвычайно любопытно и для обрисованной самой Леночки и одесской обстановки. Думаю, что влияние бабушки на Мусю — явление временное и особого следа на ее психике не оставит, так как в ней заложены антагонистические начала. Вся эта шелуха со временем слетит. Но во всяком случае ничего не поделаешь. Остается утешаться, что Леночка поехала теперь в качестве нашего авангарда и постарается, думая совсем о другом, пробить первую брешь. Меня, конечно, утешает, что Верочка[,] посещая такие милые учреждения, как соборы, не теряет даром времени и ловко подмечает, кто и как сосет свои пальцы. У «прекрасной незнакомки», вероятно, будет еще больше самостоятельности и самобытности, чем у Муси, несмотря на имитационный талант.

О Коле продолжаю получать сведения, говорящие мне, что среда его не могла целиком ассимилировать и что, несмотря на возрастность, он был бы хороший материал для лепки его же самого. Шелуха имеется и в достаточной степени обильная, но и сердцевина имеется также.

Карточек дочек я еще не получил и жду их с нетерпением.

Мне очень неприятно, что я в двух письмах подряд поворчал на тебя за твои всегда милые строчки, тем более это досадно, что по существу не было за что, да и не нужно. Язык общий, действительно, не совсем утерян, общая близость сохранилась, да в нашем положении и при наших характерах — не словами она и создается. Переход же из парадных салонов в закулисные комнаты может быть проделан всячески, но вряд ли при подобной переписке.

^а Фраза вымарана цензурой.

Живем мы по-прежнему, только я[,] подобно салтыковскому мужичку[,] все обрастаю имуществом. Не говоря уже о имеющемся у меня складе фуфаек и кресле я обзавелся теперь еще чемоданом, который сработали мои приятели и преподнесли мне, конечно, принимая во внимание мой не в меру разросшийся гардероб. У кого воруют, а кто и накапливает!

Жара у нас палермитанская, но мы, хотя и обливаемся потом, но упорно не отстаем от ежедневной гимнастики и, подгоняя пропуски в других занятиях, пока не открываем летних вакаций.

Чувствую себя превосходно, ревматизмы выжариваются, а настроение духа по расписанию.

Всегда твой Вл. Рихтер.

P.S. Только что перечел Сережино письмо, и увидел, что он к первому только собирается пуститься в дорогу на новую работу. Мое письмо его, вероятно, не застанет, но я все-таки попробую написать ему.

Рукописный подлинник; текст фиолетовыми чернилами на сложенной пополам четвертушке листа бумаги в линейку большого формата.

№ 34

Медицинское свидетельство о пребывании В.В. Суворовой в санатории «Стрешнево» в апреле—мае 1925 г.

12 августа 1925 г.

Медицинское Свидетельство

САНАТОРИЙ

Дано сие в том, что гражд[анка] Вера Вадимовна Суворова-Кузьмина с 28 апреля по 27 мая с.г. находилась в санатории «Стрешнево» как страдающая упорной формой психастении (Psychastenia), выражающейся страхом одиночества, дающим повод к тяжелым припадкам, навязчивыми мыслями различного содержания, головокружениями, бессонницей и общей слабостью. Все означенные явления держатся до настоящего времени и требуют соответствующего лечения.

/Завврач санатория Проф.

Ю. Каннабих

Рукописный подлинник, заверенный круглой печатью санатория «Стрешнево». В левом верхнем углу штамп Мосздраотдела. Подпись — автограф.

Наброски письма В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой из записной книжки 1928—1929 гг.

[22 ноября 1928 г.]

С твоей характеристикой Шкловскому¹¹² согласен: он таков не только по отношению к публике, но и в теории, и в политике, и в искусстве. Будучи совершенно не европейским, он вполне подходит для допетровской Руси, выпаривающей из себя самооценности на византийской лежанке и горделиво бредящей четвертым Римом. Но, соответственно окружению, он все же чудо-юдо-рыба-кит под микроскопом или своеобразная «провинциальная» знаменитость. В его «теории прозы»¹¹³ любопытны борьба с [...]а, подчеркивание значения приемов «острашения» и «задержания» и вообще сюжетосложения (конструкция и мотивировки), а также попытка практических работ над материалом. (Односторонность и узость несомненны, но вопросы, хотя для «заграницы» не новые, подняты четко и от них даже у нас теперь нельзя просто отмахнуться. У меня сейчас книжечка его последователя Эйхенбаума¹¹⁴ «Литература». Что по характеру они со Шкловским родные братья, можешь судить, что первая строчка книжки сообщает читателю, что «я», — Эйхенбаум — «родился в 1886 году», а второй абзац повествует о вере автора в законы десятилетий, которые он наблюдает «с некоторым сложным чувством». Кроме характера, как видишь, сразу выясняется и степень научности авторских задушевных мыслей. Но в дальнейшем книжка (в которой законы десятилетий не исследуются) небезинтересна. Как и Шкл[овский], он умеет верно подметить опускавшуюся характерную и важную деталь и ... заслонить его целое. Так, например, огромное значение, которое придавал Гоголь языку и манере рассказывания («сказу») [он превращает] в чуть ли не в исключительную доминанту, нарушая тот «закон» сложности, о котором он сам вспоминает в других статьях (о Толстом).

Останкино

В итальянском павильоне,
У горящего камина
Не согреет, не отгонит
Налетающего сплина
Ковалева¹¹⁵.

В тихом знании печали
Улыбнулся Марк Аврелий¹¹⁹.
В снежной пыли закачались
За окном холодным ели,
Смолкнув снова.

^a Слово не разобрано.

Зал задумчиво серьезный
Потревожен искрой шустрой...
Но лишь отблеском морозным
Ей в хрустале сонной люстры
Разгораться.

От угрюмого плафона
Тучей нависает вниз мрак,
И колышутся колонны,
Зал колышется, как призрак
Декораций.

Сбылось больше, чем мечталось
Бедной девочке в овине,
Но как была, так осталась
Для играющей графини
Быль — театром.

Все лишь призрак, Ковалева!
Призрак счастья и веселья!
В полусумраке суровом
Улыбнулся Марк Аврелий,
Император.

22.11. 1928.

В игру оранжевых лучей,
В аквамаринный отблеск дали
Меня мечты мои угнали.
Мечта светящихся ночей.

И в ясной радости приемлю
Гипноз янтарного огня.
Ведет к прозрачному меня
Улыбкой палевою Мемлинг¹¹⁷.

И я в стране, где про мечты
Поют архангелы Ван Эйка¹¹⁸,
Где грусть смарагдовой змейкой
Скользит в цирконные кусты,

Где чудится рождение рая,
Где песней дышит небосвод,
Где неподвижное живет
И где бесцветность умирает.

22.11.1928.

Еще раз благодарю за останкинские открытки. Мне живо представилась вся нелепость тогдашней приукрашенной искусством жизни, все неизбежно выступавшее с ней противоречие. Так и показалось, что в итальянском павильоне, у горящего камина не отгонит, не ответит налетающего сплина Ковалева, так и показалось, что с этого камина в тихом знании печали улыбнулся Марк Аврелий! Да и как ему было не улыбнуться, когда в то же самое время — в снежной пыли закачались за окном холодными ели, смолкнув снова.

Рукописный подлинник из записной книжки со стихами В.Н. Рихтера, датированной автором: 1928 г. XI—III. 1929.

№ 36

Распределение тюремных стихотворений В.Н. Рихтера по времени и месту написания¹¹⁹

[конец 1928 г. — начало 1929 г.]

Таблица 1.

Распределение стихотворений по годам и месяцам

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	Σ	Σ строк	
1922	Одесск[ая] тюрьма									Внутр[енняя] тюрьма					
	—	—	—							3	2	1	6	180	
1923	—	1	1	1	13	35	14	13	31	12	Суздаль		128	1610	
											2	5			
1924	3	1	Челябинск												
			1	1	3	—	12	12	5	1	10	7	56	1080	
1925							Тобольск								
	8	9	14	16	11	2	3	11	3	12	13	18	120	1924	
1926							Этап		Верхнеуральск						
	16	18	19	23	35	24	7	13	12	22	19	21	229	3523	
1927	15	17	26	51	31	27	24	26	13	40	11	20	301	4567	
1928	12	21	32	31	27	33	26	50	14	26	24	10	306	4353	
1929	2	14	56	31	20	27									

**Распределение стихотворений
по месту написания**

Внутр. тюрьма	6
Суздаль	11
Челябинск	112
Тобольск	202
Этап	13
Верхне-Уральск	681*

* Без учета числа стихов 1929 г. В таблице 1 эти стихи явно вписаны позже.

Обе таблицы находятся на задней обложке записной книжки со стихами, датированной автором: 1928 г. XI—III. 1929.

№ 37

Письмо В.Н. Рихтера старшей дочери М.В. Рихтер

[весна 1930 г.]

Дорогая моя Муся!

Пожалуйста, утром в день именин бабушки поздравь ее от моего имени, скажи ей, что я очень жалею о невозможности лично обнять и поцеловать ее и поручаю сделать это тебе.

А тебя, милая дочурка, я хотел бы не только поздравить, но и узнать, чтоб стать твоим хорошим другом. Когда мы встретимся, ты будешь уже совсем большая и мы с тобой сможем поговорить о многом, многом.

До сих пор мне приходилось дружить и беседовать только с «чужими» молодыми людьми, и всегда я при этом вспоминал о своих дорогих дочурках и мечтал о будущей дружбе с ними.

Думаю, что теперь мне удастся часто писать тебе, если только я не попаду в такие места, откуда почта не ходит... Зато о таких местах при встрече будет любопытно послушать! Правда? Я там постараюсь отыскать какое-нибудь самое модное или самое серьезное украшение, вроде шаманского клобука либо пояса из барсовой шкуры.

Целую тебя. Твой отец.

Рукописный подлинник. Дата не указана, датируется по содержанию.

**Письмо В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой
из Семипалатинска**

7 июня 1930 г.

Мой дорогой любимый Верок!

Вот уж несколько дней[,] как я резко испытываю чувство, что всякие «свободы», «впечатления» имеют громадное значение только чисто отрицательного свойства, возможность отдохнуть, очиститься, подышать, не перенапрягать волю в смысле самосдерживания и отвлечения, но — остаются пустым местом «для души». По крайней мере, катаясь, как сыр в масле, во всяких физических и даже психических удовольствиях, я еще продолжаю не жить, а годить... Но это мой неизбежный припев... до лучших времен.

До тебя, быть может[,] дошла моя открытка, в которой я тебе сообщал, что совершенно неожиданно для меня мне среди прочих пересыльных было предложено вместо этапного продвижения в Каркаралинск (т.е. через Ташкент, Самара, Челябинск, Новосибирск, Семипалатинск и т.п. 5—6 месячного шествия) отправка туда на свой счет. Я, учтя-то, как вытрепался за эти два месяца, действительно[,] несколько расстроивших мою физическую систему, согласился. Вначале я думал, что нас, как и было сказано, продержат в алмаатинской тюрьме до получения денег и даже дал тебе и Ек[атерине] Павл[овне Пешковой] телеграмму (тебе[,] кроме того[,] еще открытку, рассчитывая, что она придет раньше телеграммы), но что-то изменилось. Нас вдруг выпустили из тюрьмы, а ГПУ назначило срок явки в Каркаралинске не позднее 20 июня. Когда я выходил за ворота тюрьмы[,] мне вручили мои неотправленные телеграммы (тебе и Ек[атерине] П[авловне]). В городе удалось разыскать своих и с этого момента у меня были прямо насильственным путем отняты всякие думы и заботы о себе, о распределении времени, о ближайшем маршруте и т.д. Пять дней меня развлекали, ублажали, откармливали, как индюка к празднику, наконец, снабдив средствами и всякими снадобьями[,] «вставили» в вагон новой дороги, по которой я и прибыл в Семипалатинск, очутившись в таком же самом положении до момента дальнейшей отправки.

У Марьи Михайловны прекрасные близнецы, Танюша выросла и перешла в третий класс, муженек работает всеми нервами и силами, сжигая себя и устая до старости. Она по-прежнему выдержана, спокойна, заботлива.

На новом месте положение у меня, конечно, сложится по[-]иному. Если даже не запроторят в какой-нибудь аул (что совершенно не исключено), то во всяком случае общества своих я буду там совершенно лишен. Быть может (не в ауле)[,] службу можно будет отыскать. В крайнем же случае надо будет изучить казакский^а язык и заняться для души «фольклором».

^а Здесь и далее в документах употребляется слово «казаки» вместо «казахи».

Говорят, что климатически и «эстетически» это вполне удовлетворительная местность, достаточно экзотически дикая, но кроме баранины да кумыса ни хлеба, ни круп, ни зелени достать нельзя. При артериосклерозе неизбалованностью в смысле диетического стола, каким я до сих пор пользовался — это не особенно улыбается, но как-нибудь приспособимся.

Все дальше и дальше отходят от меня надежды повидаться с тобой, дорогая, т.к. при твоём здоровье совершить такую поездку, да ещё при дешёвой температуре — совершенное безумие.

Не в первой нам приходится подавлять свои желания и отказываться от личной жизни!

Как только приеду и огляжусь[,] напишу тебе полный отчет о всех возможностях и состояниях, но и отсюда, сейчас ясно, что жизнь быстро идет здесь к усложнению и затруднениям, хорошо знакомым нам по прошлому опыту и нам лично не особенно легко будет выкарабкаться из материальных затруднений, если только чудесным образом не свалится какая-нибудь выполнимая работа.

Думаю, что какую-нибудь весточку в Каркаралинске получу от тебя. Тамошний или аульский адрес немедленно телеграфирую. Деньгами я располагаю[,] т[ак] ч[то] ты не хлопочи и не спеши с этим.

Попасть отсюда в Каркаралинск не так «просто» и «легко» (как из Павлодара и то по слухам), но так как об этом старательнейшим образом заботится целая серия опытных людей, то, наверное, на днях удастся отсюда тронуться и достигнуть до моего нового бессрочного местожительства. От этапа...^a

Рукописный подлинник на двух сторонах листа бумаги в клетку.

№ 39

Письмо старшей дочери М.В. Рихтер отцу В.Н. Рихтеру из Гатчины в Каркаралинск

[июнь 1930 г.]

Дорогой папочка! Долгие 7 лет разлуки изгладили из моей памяти твое лицо, да и не удивительно, что ж, мне было не более 6 лет, когда тебя арестовали. Я все время надеюсь, что мы с тобой в скором будущем увидимся, но нельзя сказать насчет этого ничего определенного. Длинный путь, который надо преодолеть на лошадях, для меня лично ничего не значит, может быть[,] он даже очень интересен. Но для бабушки он вряд ли возможен, а если она не поедет, то я тоже не поеду.

Ты сам знаешь, папочка, скольким я ей обязана, так что я не могу ее оставить одну, особенно здесь, где у нее нет ни одного близкого, родного

^a Текст обрывается.

человека. Пускай едут мама с Верочкой, а я уж после как-нибудь. Занятия в школе уже кончились, и я перешла в 7 класс, но с работой по математике, я ее очень не люблю. Мне все очень легко дается, поэтому я не люблю над чем бы то ни было долго сидеть. И это является одним из моих недостатков.

Я очень люблю заниматься тем, что сочиняю разные рассказы, но я их рассказываю только Талочке¹²⁰ (дочке Ирины Алексеевны Сысоевой), но так как ей только 10 лет, нельзя считаться, но я ведь сочиняю сама для себя, для своего удовольствия, и мне не важно мнение.

Я думаю, что если я буду в Каркаралинске, то у меня будет очень много материала для моей фантазии. Я постараюсь познакомиться как можно ближе с тем населением, изучить его нравы и обычаи. Когда ты написал, что Каркаралинск довольно культурный город и даже с кризисом квартир, то я удивилась. Я думала, что это какой-нибудь аул в степи, где в небольших домишках живут оседлые киргизы, скотоводы. Я[,] как видишь[,] печатаю на машинке и думаю, что когда я достаточно овладею английским, то смогу немного зарабатывать. Я учусь здесь в музыкальной школе и выступала уже на нескольких вечерах и концертах, довольно удачно. 30-го должен быть у меня экзамен в музшколе, но я не буду играть, потому что мне немного нездоровится.

За время пребывания в Гатчине я была несколько раз в Ленинграде и осматривала его достопримечательности, но если меня спросить, что мне больше понравилось, Эрмитаж или Русский музей, я бы сказала последнее, может быть[,] это и смешно, но мне Эрмитаж не так нравится, он[,] конечно[,] гораздо богаче, гораздо обширнее, но он очень далек от современности, он мне непонятен.

Пока[,] папочка, до свидания. Я жду от тебя подробного письма насчет твоего теперешнего места жительства, о твоих товарищах и о твоём мнении насчет Каркаралинска.

Желаю всего хорошего.

Твоя дочь Муся.

Машинописный подлинник. Дата не указана, датируется по содержанию.

№ 40

Записки В.Н. Рихтера о Каркаралинске

23 июня — 3 июля 1930 г.

Каркаралинск

11 марта не стало...^a, еще раньше погиб Т.Л., ...^a завершил цикл, и только о ...^a нет вестей. Так закончилась смертями, этапным испытанием, болезнью начавшаяся в тюрьме лирическая полоса. Сейчас, серьезно по-

^a Тщательно замазано автором.

дорванный, я давно ничего не пишу и даже не перечитывал себя. Только сегодня устроил «поминки», пересмотрев все наиболее сносное, но еще не знаю, когда возьмусь за дальнейшую работу. 23.VI.

После парниковой изоляторской жизни и «постного» режима, этапное переутомление, грязь, отвратительная пища и нервное напряжение настолько расшатали организм (но не психику!), что даже прелести неожиданно свалившегося путешествия «за свой счет», заботы друзей и т.д. не помогли, а каркаралинское вынужденное мясоедство — привело меня в больницу с 0,99 белка, расстроенной сердечной деятельностью, отеками ног. Самочувствие все-таки превосходное, болезненных ощущений почти совсем нет, в 50 лет, после 9[-]летнего заключения легко заболеть, но не так легко поправиться! 25. VI.

Изгнание смерти из себя, чужих отзвучавших слов, мыслей уже сгнивших мозгов, опыта — этого умершего ощущения — только непосредственное собственное восприятие момента на момент. 28.

Сегодня вместе с письмами набросал первый этюд о Каркаралинске. Художественности ни на грош, но техника совершенно не пострадала за этот трехмесячный период. Пишется так же свободно и легко, как и раньше. 29. VI.

Кующие рабы, как будто бы титаны, на фоне зарева неукротимого огня, могучим молотом наносят четко раны. 3. VII.

Рукописный подлинник — страничка из записной книжки 1930 г.

№ 41

Письмо В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой из Каркаралинска

22 июля 1930 г.

22 VII 1930

Моя дорогая Вера!

Хотя, благодаря аккуратности чиновников, письма просматривающих, но по небрежности дальше их не отправляющих, писать почти бесполезно, я все-таки буду настаивать на своем в надежде, что какая-нибудь чистка дочистит людей до элементарного выполнения их же дела.

Каркаралинск — городок-село, обладающий всеми неудобствами городов и не имеющий никаких сельских преимуществ. Недостача во всем, кроме обывательщины. Нет квартир, нет керосина и свечей (ложимся и встаем «по-солошь»^а), нет овощей, муки, круп, есть очереди на молоко, нет масла, нет папирос и махорки, нет продажи в розницу га-

^а Так в документе. Имеется в виду вместе с солнцем.

зет... Словом, есть только «нет», «нет» российское[,] возведенное не по рангу в n-ную степень.

Так как «пользования кухней» нет, да и дров не имеется, а в столовке кормят только мясом, то я ежедневно восседаю в сарайчике перед примитивным очагом из камней и варю себе на щепочках кашу из крупы, полученной товарищем в посылке и конфискованной у этого «мясоеда». Щепочки добываются из разных ящиков в разных местах. Очень майн-ридно^a и полезно для гармонического развития. Здесь я сделал огромные успехи в кулинарном искусстве.

Болезнь моя как будто стала идти на убыль. Пару дней отеки ног уменьшаются, несмотря на сидение и хождение. Но, как я тебе писал, пришлось полежать около трех недель в больнице и видеть серьезные лики докторов. На этот раз[,] вероятно всег[о,] удастся избавиться от внешних признаков болезни и неработоспособности, но после подобных штук сердца и почек[,] очевидно[,] придется из спортсменов переписаться в кандидаты на инвалида, к[о]т[о]рых малейший толчок может надолго, если не навсегда вывести из равновесия, необходимого для существования. Не особенно утешительно, но зато строго объективно и, после всего предыдущего, логически неизбежно.

Наша совместная жизнь может наладиться только тогда, когда удастся дотолкаться до приличного заработка, к[о]т[о]рый в конце концов, полагаю, не может увильнуть от меня, потому что все-таки дважды два — четыре и любые головы до этого, хоть и в разные сроки, доходят. С Мусеной и бабушкой дело устроить будет труднее, но, думаю, что жить нам надо вместе и ранняя эмансипация детворы сейчас не по времени. Добираться сюда возможно, хоть дороговато, а квартирные и материальные дела, быть может, требуют только терпения и выжидания.

Я уже дважды писал о маршруте (на всякий случай). Повторяю в третий раз. Ехать лучше всего на Семипалатинск, где можно заполучить охазию на автомобиль за 50 рублей (чаще грузовик). Устроиться надо у кого-нибудь из товарищей. Может помочь Николай Александрович Замятин¹²¹, проживающий на Делегатской, 4, и служащий в ОКРЗУ. Дорога очень сносная. Рывтин и ухабов почти совсем нет, но зато и дорога по совершенно пустынной местности, где даже кочевья не так часто встречаются. Проезд, обычно, 12 часов на автомобиле с ночевкой в «корчме».

Самочувствие у меня, как всегда, прекрасное. Продолжаю насколько возможно при здешнем книжном голоде, знакомиться и с киргизским языком и с краеведческой (брошюрной!) литературой, прорабатываю старые материалы, накопленные еще в изоляторе[,] и ухожу в свои миры. Вся предыдущая жизнь[,] к счастью[,] научила не знать скуки и обходиться без внешних импульсов и поводов. А младенцы кругом хорошие и заботливые, милые, хотя и безнадежные для приискания мало-мальски духовно родственного.

Из новинок литературных попался мне только второй том Блока¹²², книга печальная, местами очень горько-острая, но требующая большой

^a То есть приключенчески, по Майн Риду.

работы для проникновенного понимания. Она, что редко бывает с дневниками, не портит Блока, даже в слабостях и «субъективнейших интимностях», в наивных оценках и житейских мелочах. На ней уже лежит печать умирания, но какого-то нужного, как отход прежней хрупкой, утонченной культуры, вливающей свои соки в далекое грядущее. В этом смысле они, вероятно, своеобразнее и интереснее (внутренне) первого тома, к[о]т[о]рый внешне должен быть богаче. У него вырываются строки о том, что «Жизнь изменилась (она изменившаяся, но не новая, не пиоца), вошь победила весь свет, это уже совершившееся дело, и все теперь будет меняться только в другую сторону, а не в ту, в какой жили мы, которую любили мы». Да, он не «настроил... мемуаров с цитатами в три сажени — пухлой книги» (вроде Сухановской!¹²³), но как хорошо вводят в самочувствие «стихи отживающего века», в душу Мюссе¹²⁴ даже перечень статей в просмотренных старых журналах! Удивительно благородная фигура даже в совершенно чуждом и в том, что у других было бы смешным и неприятным. Только две три черточки антипатичны, как бы для контрастирующего оттенения.

Только что принесли мне повестку на посылку и притащили затем ее с несколькими твоими строчками. Я еще не вскрыл ее, и продолжаю это письмо. Как ты в нескольких строках умеешь передать многое! Эта твоя записочка дает стук всего того, о чем говорило «вчерашнее» письмо... Хорошо хоть (для меня!), что я получаю твои письма (и от Муси)!

Рукописный подлинник; текст фиолетовыми чернилами на листке бумаги в клетку из блокнота.

№ 42

Продолжение письма В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой из Каркаралинска

23 июля 1930 г.

23 VII

Визитеры, возвращение хозяев, раскупорка посылки и т.п. и плюс ранние сумерки, благодаря дождливой погоде, не дали мне вчера закончить письма. Сейчас я отрегистрировался и сижу дома один. Потому что, несмотря на выходной день[,] один из хозяев на службе, а другой побежал в лес собрать немного ягод для сдабривания здешней «чаевой воды» (экстрактов, конечно, нет!).

В посылке оказалось самое нужное и необходимое. Милейшее толочное, к[о]т[о]рое уже выручало нас при бесхлебии на этапах, крупа и прочая благодать. Теперь я вполне обеспечен и посмеиваюсь над трупоедами!

Дедушка Феохари (сообщи, пожалуйста, его адрес для личной благодарности, к[о]т[о]рая, авось, дойдет), очевидно, взял у тебя несколько уроков по деланию мерок по моему «рисунку»! Способный старичок, даже в мелочах умеет проявить заботливую ласку! Только запасная горелка к примусу ехидно поглядела на меня из недр посылки и попыталась уколоть своей иглой.

Посылал я тебе простые письма, а не заказные, т.к. на единственной почте не мог раньше лично выстаивать в очереди, а моих службистов не хотелось еще больше затруднять, но теперь это наладить мне будет уже нетрудно и самому. Как видишь, здесь все не просто в своей простоте!

Опять возвращаюсь к мысли о твоём приезде. Боюсь, что если вскорости не удастся найти места, то встреча наша затянется. Ведь распутица здесь серьезная, а когда выпадет основательный снег, автомобили перестанут ходить, и переезд даже на санях затягивается в несколько дней, что при здешних буранах не особенно приятная вещь! Тогда до будущего лета! Конечно, все это очень благоразумно и хорошо для выработки..., пожалуй, для доработки характера и преуспевания в элегической лирике, но... Только не подумай, что я этим хочу толкнуть тебя на неблагоразумный поступок! Отнюдь нет! Это просто сведение, хоть таким, словесным образом, счетов со судьбой. Ох, уж эта жадина! Не любит она «субъективных фаталистов», не желающих ей внутренне покорствоваться.

Афоризмы Верушки очень любопытны и по сравнению с прежними гораздо более самостоятельны, но не грешат уклоном к социализму. По всему, она сейчас разделяет мой интерес к практической характерологии и наблюдению над внутренними двигателями внешнего поведения. Заванько будет побеседовать с этим маленьким, но упорным философом... Давненько я не видал детского мира, а мимолетные встречи во время моего свободного переезда не были особенно удачны. Пришлось наткнуться то на родительскую слепоту, то попасть буквально в колонию совсем дефективных ребятишек. И все это, и первое, и второе, тоже «неизбежные логические последствия предыдущего», проделки той же жадины судьбы, добирающейся до второго поколения и, быть может, даже дальше!

Мусена со своими головными болями меня меньше тревожит, чем со своим возрастом и социальным положением. Сейчас для нашего брата очень трудное время в смысле воспитания детей ее лет и в то же время очень ответственное. Результаты простого плавания по течению в многочисленных экземплярах проходили и проходят перед моими глазами. И надо сказать, что более выразительных препаратов при полной доброкачественности природного материала трудно сыскать. Ведь этой публике не свойственно «годить», да и не с чем. Им нужно запастись провиантом для очень сложного пути и умением разрешать очень запутанные личные и общие задачи, к[о]т[о]рые выплывут, как только наступит их время. Готовые трафареты и заученные «всеответы» при полной ликвидации самостоятельного мышления, пожалуй, обойдутся им слишком дорого. А перед этими огорчениями нужно заранее остановиться.

Мой сердечный привет Ирине. Очень рад, что она опять около тебя. Вероятно, ее проект посетить нас разбился о каркаралинские горы и затерялся в здешних степях?

Рукописный подлинник; текст фиолетовыми чернилами на листке бумаги в клетку из блокнота. Оставшаяся часть письма приклеилась к обложке записной книжки и ее не удалось восстановить.

№ 43

Письмо В.Н. Рихтера младшей дочери В.В. Рихтер из Каркаралинска

[июль 1930 г.]

Дорогая Верочка!

Я как в сказке о Бабе-Яге, все брожу по разным местам, а дороги прямой к моей дочурке найти не могу. Идешь, идешь, а конца пути не видно. Ну, да у папы твоего ноги еще крепкие! Не устают, — шагают и дорогу спрятанную найдут! Ты только потерпи еще немножко!

А если устану, то пошлю к тебе моего знакомого воробья (он весь серый, а на голове черное пятнышко), сказать, чтобы ты шла меня разыскивать.

Смотри, будь готова к тому времени. Не забудь поскорее подрасти и географию выучить.

Целую тебя крепко.

Твой папа.

Рукописный подлинник; текст фиолетовыми чернилами на листке бумаги в клетку из блокнота.

№ 44

Письмо В.Н. Рихтера старшей дочери М.В. Рихтер из Каркаралинска

[не ранее июля 1930 г.]

Моя дорогая Муся!

Получил твое письмо и очень порадовался тому, что ты все[-]таки собираешься изучить быт и нравы здешних казаков. Я думаю, если только меня не переведут куда-нибудь в еще более недосыгаемое место, то на будущее лето мы все с бабушкой сможем устроиться вместе. Тогда постараемся наблюдать и описывать с тобой за компанию. Я ведь тоже собираюсь заняться этим интересным делом и рассчитываю на твою помощь... Вот с музыкой только здесь устроиться трудно. Инструмента не найти, а

привезти его с собой в кармане дело мудреное. Но к тому времени будет изобретено складное фортепиано и вопрос разрешится просто.

Здесь в нескольких шагах от «города» есть сосны. Березовый лес, говорят, очень красивый со скалистыми холмами, озерами (одно из них даже «чертово» со соответствующими легендами), пещерами и ягодами. Наша молодежь ходит туда купаться, лакомиться, посещать старомодного лешего. А по дороге в Каркаралинск в бесконечных степях нет да и мелькнет средневековая остроконечная шапка казака-киргиза, спешащего поближе взглянуть на автомобиль. А то попадется летовье (стоянка) казаков, где в кругу юрт толпятся в своих халатах старые и малые вперемежку с напуганными автомобилями овцами, верблюдами, лошадьми. Напоят тебя кумысом, перещупают все гайки на машине, покачивая головой, а потом ребята попробуют верхом обогнать самолюбивого шофера. Но дороги здесь хорошие — не угнаться! И невольно вспомнишь стихотворение Есенина¹²⁵ о бедном, глупом жеребенке, пытавшемся изо всех сил обогнать поезд.

Когда ты приедешь, надо будет с тобой вместе поучиться ездить на верблюдах. Говорят, что это довольно трудный спорт. Когда верблюд встает или ложится[,] усидеть на нем довольно трудно (а лестниц для посадки еще не изобрели), а когда пускается рысью, то укачивает своих пассажиров до морской болезни. Но ко всем этим неприятностям можно быстро привыкнуть и совершенно по-арабски наслаждаться быстрой и «возвышенной» ездой.

Поцелуй от меня Бабушку, Деда, Верушку и всем передай сердечный привет.

Крепко обнимаю тебя.

Рукописный оригинал. Дата не указана, датируется по содержанию.

№ 45

Письмо В.Н. Рихтера младшей дочери В.В. Рихтер из Каркаралинска

[1930 г.]

Дорогая Верочка!

Нахожусь я сейчас в стране казаков, верблюдов, кибиток и соленых озер. Здесь имеется даже одно «Чертово озеро», к хозяину которого я непременно съезжу в гости и отвезу в подарок плитку кирпичного чаю и пару средневековых песен на латинском языке. Ты, вероятно, не ведешь знакомства с водяными, лешими и русалками, а я с ними большой приятель. Болтаю с ними по вечерам об их проделках и житье-бытье.

Когда я был в больнице, то со мной в одной палате лежал дедушка-киргиз 80 лет, который дважды «собственными глазами» видел хозяина

озера, только с перепугу не догадался с ним познакомиться. «Черный, — говорит, — как черт, но страшнее других!» Лежавший с нами же красноармеец, услышав это, очень рассердился и стал уверять, что чертей нет, что их поэтому нельзя увидеть и т.д. Но мы с дедушкой с ним не согласились. Дедушка — потому, что «собственными глазами» видел, а я потому, что имею очки для видения таких существ в двойном виде и в красивом освещении.

Пожалуй, и у вас на озере водится Водяной, только такой маленький и захудалый, что его трудно заметить. Впрочем[,] у вас не озеро, а прудок. Он не высох в это лето? Пожалуйста[,] напиши мне о нем и обо всех самых интересных местах у вас.

Есть здесь маленькая, желтая собачка Роска, которая понимает только по-киргизски. У нее пять щенят и все пока слепые и пищат от досады, что не видят. Я им иногда помогаю отыскивать мать. Есть еще кошка, рыжая, злая. С ней я в ссоре, так как она охотится за тем молоком, которое я оставляю себе на вечер и не слушает никаких уговоров.

Приезжай поскорей кумыс пить, хотя он и кислый!

Рукописный подлинник; текст фиолетовыми чернилами на листке бумаги в клетку из блокнота. Дата не указана, датируется по содержанию.

№ 46

Письмо В.В. Суворовой из Каркаралинска в Москву другу семьи Л.А. Бызову¹²⁶

29 апреля 1931 г.

29.04.

Дорогой Леонтий! Пишу тебе в первый раз и по плохой причине. Хочется дать возможно скорее знать Ек[атерине] Павл[овне Пешковой], что В[ладимир] Н[иколаевич] арестован и сидит в здешней тюрьме. Посадили его за отсутствие в городе хлеба, был же он до апреля плановиком в РайПО. Арестован 26/IV.

Большинство сидящих в тюрьме — казаки, и набита тюрьма свыше всех пределов. Пайка нет совсем. Ношу ежедневно, что могу, но у меня тоже почти ничего нет, как нет и денег. Впрочем, купить что-либо трудно, приходится менять, но и мена идет на съестные продукты или на махорку и чай, чего у меня — ясно — нет.

Но не так меня волнует все это, как здоровье В[ладимир] Н[иколаевич]. Я боюсь, что он не выдержит теперешних тюремных условий и обострится нефрит и остальные его болезни. Ведь прошлым летом он с трудом выжил. Поэтому и обращаюсь к Ек[атерине] П[авловне].

Из продуктовых затруднений надеюсь выбраться с приходом посылок, т.к. распутица весенняя кончается и движение почтовое возобновилось. Этот нелепый арест выбил меня из колеи и не пишется больше. Впрочем, это и единственное событие за все время.

Всего тебе хорошего, твоим привет.
Вера.

Рукописный подлинник; текст зелеными чернилами на половине листа бумаги в клетку большого формата. Дата вписана рукой В.В. Суворовой карандашом позже, по Каркаралинскому штемпелю.

№ 47

Комментарий В.В. Рихтер, младшей дочери В.Н. Рихтера, к письму В.В. Суворовой Л.А. Бызову

[не ранее 1960 г.]

Эту тюрьму я хорошо знала! Она находилась на той же улице, где жили мы, где пристроилась большая часть русских административных учреждений. Это было, как и все почти дома, деревянное бревенчатое здание, фасад его с зарешеченными железными прутьями окнами выходил прямо на улицу, а справа и слева был, кажется, как и у нас, рубленый, вровень с крышей забор. Это я помню смутно, но отчетливо стоит в глазах — это худые грязные руки, просунутые между прутьями решетки, прижатые к ней казахские и русские лица и крик...

Слов нельзя было разобрать, но все равно было понятно, что люди молят о помощи. «Что это?» — в ужасе спросила я папу. «Тюрьма», — ответил он холодно. «Почему там люди? Кто их мучает?» — «Считается, что они наказаны». — «Разве взрослые тоже наказывают друг друга?» — «Друг друга они наказывают так жестоко и безжалостно, как только редкие злодеи наказывают детей...» Это показалось мне странным, я почему-то была уверена, что все несправедливости кончаются с детством, может быть[,] потому, что я еще не читала серьезных и тяжелых взрослых книг.

Мы остановились на противоположной стороне улицы. Очевидно, в это время прошла новая волна арестов, и тюрьма была переполнена. Две закутанные в черные покрывала казашки подошли к тюрьме и стали громко кого-то звать. Крик в тюрьме усилился, сквозь решетку потянулись все новые руки. Я подняла глаза на папу: на лице у него не было сочувствия, а только какая-то горькая ирония. Потом папа резко воткнул в песок свою тросточку, взял меня за руку, и мы пошли дальше. Еще два-три раза я видела тюрьму такой, потом она опустела.

Тогда, весной, папа пробыл в этой тюрьме недолго. Его выпустили, как только сведения о его аресте дошли до московского ГПУ. Мама говорила, что в Москве просто-напросто возмутились, что какая-то «мелкая сошка» — местное начальство — осмелилось распорядиться их собственностью...

А пока папа сидел в тюрьме и измученная, истерзанная беспокойством мама бегала по городку в поисках продуктов, случилось маленькое чудо: на крыльчке домика, где мама и папа снимали квартиру до моего приезда, стала появляться бутылка молока. Кто-то ставил ее рано-рано утром, когда городок еще спал.

Мама, не раздумывая, отнесла бутылку в тюрьму. Так продолжалось, пока папа не вернулся домой. Он тотчас занялся следствием, и методом исключения (не так-то уж [много] было в городе коров!) пришел к выводу, что это дело рук ссыльного священника отца Александр¹²⁷. Тогда призвали к ответу старушку-хозяйку. Это была[,] по маминим рассказам[,] очень милая старая крестьянка откуда-то из северной России. Она приехала в Каркаралинск к сыну, сосланному в Казахстан по какому-то мелкому уголовному делу. Домовитая и расторопная, она выменяла на банку топленого масла маленький дом у отъезжавшей семьи и стала сдавать квартиру, чтобы «окупить расходы», как она сама постоянно шутила. Я не видела ее, потому что вскоре после нашего с Леной приезда им удалось выбраться на родину; но мама всегда говорила о ней и ее бесшабашном, но добром, веселом и «мастеровом» сыне с большой теплотой^а.

Сраженная неопровержимой точностью папиных логических умозаключений, старушка улыбаясь призналась, что молоко[,] действительно[,] приносила «сестра батюшки» Анна Ивановна¹²⁸, что она застала ее раз «на месте преступления», но обещала ничего не говорить.

Отец Александр не входил в круг политических ссыльных, который состоял в основном из «иноверцев»: евреев и атеистов (я бы сказала сейчас — антиклерикалистов), но — разумеется — установив истину, папа и мама тотчас отправились с благодарственным визитом к Александру Александровичу и Анне Ивановне.

Когда меня привезли, отец Александр уже бывал у нас вместе со всеми другими ссыльными каждую субботу, был постоянным участником наших воскресных прогулок, а мы с папой и мамой бывали у них в гостях на каждый большой православный праздник.

Александр Александрович, помнится[,] несколько выше среднего роста, строен, и черная изящная ряса отлично подчеркивала его ладную фигуру. Иконописный профиль, русые, волнистые, с чуть рыжеватым отливом волосы до плеч. Для меня он остался идеалом облика православно-го священника и очень мне нравился.

Рукописный подлинник. Написан на листах в линейку формата А4.

^а Кстати, она научила маму печь хлеб в русской печке. — прим. В.В. Рихтер.

№ 48

Записка В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой из Каркаралинской тюрьмы

[апрель—май 1931 г.]

Все по[-]старому, все по[-]неновому, только одна способность нирванизма избавляет от возмущения перед всей этой ничтожной подловатостью и непроходимо самодовольной глупостью.

Они очень заботятся о том, чтобы мы не наскучили друг другу и чтобы сожителство наше не превратилось в повседневность!

Спасибо за то, что ты заботишься о себе, только мне хотелось бы, чтобы это делалось более старательно, так как без твоих забот и всех сил и способностей мне пришлось бы невесело на свете! Помни это!

А вот насчет моего фактического замерзания сейчас в тюрьме ты напрасно беспокоишься — так согревают внутренним отоплением, что холода совершенно не испытываем ни днем, ни ночью!

Нас перевели в новую, угловую камеру, которую мы выбелили и вымыли. Тут много света и воздуха, пока нет насекомых, публика чистая, чиновная и для практических наблюдений не лишена интереса. Бедняги нервничают, пишут заявления за заявлениями, остро надеются с каким-то оттенком гурманства и совершенно бесцветно отчаиваются. Нет, конечно, особо интересных экземпляров, но кое-что в своей массовости любопытно.

Сердечные приветы и благодарности.

А тебя крепко прижимаю к сердцу.

Рукописный оригинал; карандашный текст на двух сторонах листочка в клетку, вырванного из маленькой записной книжки. Дата не указана, датируется по содержанию.

№ 49

Записка В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой из Каркаралинской тюрьмы

[апрель—май 1931 г.]

Даю полный отчет согласно требованию.

Нахожусь в лучшей камере по количеству воздуха, света, публике, по чистоте, количеству насекомых и подбору персонала. Сплю хотя и на полу, но на деревянном, вымытом, не холодном — в стороне от сквозняков и удобно. Сплю не просыпаясь и для пополнения подобного комфор-

та решительно ни в чем не нуждаюсь. Воду кипяченую хотя дают нерегулярно, но я получаю, благодаря соседям, «умеющим устраиваться», чай не менее 3–4 раз в день... вследствие моей непрактичности. На валенки посматриваю с большой нежностью, как на овеществление заботливости женки, с махоркой обращаюсь как высоко квалифицированный Гарпагон¹²⁹. Ввел рацион, переменял потребности — и, посему, наслаждаюсь.

Большое спасибо за прогулки и заботы твои о тебе. Это самое нужное и важное для меня. Ты это ведь знаешь.

Что случилось, формулировать вообще, а юридически в частности, по моему излишне и не...^a. Единственное, что можно было бы сообщить: «арестован обвинению неверном составлении плана». Ведь это все либо идет сверху, и тогда ничего не поделаешь, либо «республиканское решение» и тогда нужно ждать, пока их поправят. Объяснять, оправдываться, разумеется, ниже нашего достоинства.

Ты предвосхитила мою просьбу о платках. Зачем ты меня так балуешь разными вкусами и чрезмерным разнообразием! Смотри, я объеюсь и сделаюсь привередником. Это тем более возможно, что ведь признаки привередничества тобою уже подмечались у меня раньше. Разовьешь и укрепишь их, тогда пеняй на себя!

Пришли мне, пожалуйста, один химический карандаш...^b. Заставь Исаака¹³⁰ подписаться для нас на 1 м[есяц] на газету, а то опять пропустим срок.

Посылай передачи без списка. Это здесь не принято и «обижает» передатчика. Что ни город, то — норы!

Рукописный оригинал. Письмо написано красным карандашом на двух сторонах бланка с печатным заголовком «Служебная записка». Две последние фразы дописаны простым карандашом. Дата не указана, датируется по содержанию.

№ 50

Записки В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой из Каркаралинской тюрьмы

[апрель—май 1931 г.]

1.

На серию вопросов отвечаю:

1) кроме кипятка никакого довольствия не получаю (не получающим передач дается вода с крупинками пшена — поэтому нищенство страшное);

^a Слово не разобрано.

^b Фраза затерлась и не разобрана.

2) вызывали на допрос, но не успели допросить. Просидел три часа у следователя, написал экзерсис и вернулся восвояси;

3) белье и валенки верну завтра, — дай на них наглядеться!

Допрос, конечно, не имеет ровно никакого значения, т.к. им отлично известно что 1) план хлебоснабжения составлялся Торготделом и утверждался Рик'ом, а не Горно, 2) что этот «план» есть ничто иное, как умножение «снабжаемого населения» на установленную центром норму, а «снабжаемое население» определено назначенной Рик'ом комиссией.

Но т.к. ни Рик, ни Торготдел не должны быть виноваты, а нужен ответчик, то таким и будет Горно в лице тех, кого позволят обвинить. «Юридички» таким образом дело ясней ясного и вызывать сомнений не может.

Не удастся одно обвинение, придумают другое, а нет, так третье и т.д. Но так как я один, то, вероятнее всего, кончится ничем, отодвинувшись *ad calendas graecas*^a.

Спасибо, что ты «вошла в толк» после первых дней и ведешь себя сносно. Если за кем и нужен хозяйский глаз, так это уж во всяком случае за тобой, а не за мной.

У меня к тебе большая просьба. В книге Басова^б, к[o]т[о]рую возвращаю, подклей одну диаграмму и одну схему на стр.^в, скопируй для меня. У меня не было большого листа и линейки и вышло неудобочитаемо. Крепко, крепко, крепко.

2.

Моя дорогая! И у меня нового не имеется. Изучаю прилежно ежедневно казахский язык, прошел уже с толком все то, что раньше проходил без толку. Меня уже понимают, но я ничегошеньки не ухватываю из лопотания. Немного преподаю, экзерсисирую и занимаюсь «внутренней философией».

Я забыл, кажется, отметить тебе страницу, где находится схема. Она между I и II частью (154?).

Пришли мне, пожалуйста, мою книжку о Лаврове, я ее еще не дочитал. Буду совершенствоваться в народничестве.

Мой colleg'a по «делу» (!) ежедневно бегаёт на допрос, волнуется, оправдывается и т.д. Меня пока не беспокоят и не заставляют участвовать в этой глупой комедии. В дальнейшем постараюсь ее сократить до возможного юридического минимума.

Между прочим именно здесь случай наблюдать гораздо шире разнообразные казахские типы, чем на воле. Теперь тюрьма, очевидно, начинает играть роль какого-то своеобразного конденсатора жизни. Не отрыв от жизни, а соприкосновение с ней в ее сущности... У вас — там — накопьте одна!

Целую, родная.

^a До греческих календ (т.е. до времени, которое никогда не наступит) (*лат.*).

^б Речь идет о книге: Басов М.Я. Методика психологических наблюдений. Л.: Госиздат, 1925.

^в Пропуск в тексте документа.

3.

Так как я не успел еще потерять навыков и привычек, то на этот раз «усвоение» новой обстановки длилось секундами, вместо прежних месяцев. Конечно, чувствую себя хорошо, спокойно и вполне в своей колее. Публика вполне выносимая и относится очень хорошо.

Повторяю, не посылай мне так много, я ведь теперь на отдыхе и совершенно не нуждаюсь в усиленном питании! К чему даром тратиться и урывать у себя!

К казакскому языку приступил немедленно, немедленно же начались проситься под карандашом экзерсисы, как будто только и дожидались такого счастливого случая. Находятся уже и школяры. Словом, всюду одна и та же песенка.

Страничка биографии^a, само собой разумеется, получится щедрински остра, до ультрагоголевски карикатурная, но, пожалуй, чересчур повторяющей все предыдущее, только с неправдоподобным усилением глупости, нелепости и пошлейшего штампа.

Боюсь, что теперь даже в случае скорого выпуска, надо будет добиваться метеорологической станции, а не «использования меня» на других местах. Слишком уж оригинально они пользуются!

Злит только одно, что твоя жизнь осложняется, портится, нервируется даже без тени необходимости.

Ты спрашиваешь, что мне надо. Ну, право же[,] ничего безо всякого ...^б Ведь, когда находишься «на посту», то совершенно не ищешь конкретизации комфорта в мелочах, а схватываешь его в неподчинении духа (гегелевского¹³¹, а не^в!) окружающей материей! Не забывай разницы до 9 лет и после них, тогдашних наших с тобой обстоятельств и теперешних. Я даже подумываю отучить себя от курения и тем освободиться несколько больше, хотя бы от второстепенных «слабостей»!

Вспоминаю пятую песню Инферно¹³² и думаю, что можем взять себе символом позу Паоло и Франчески, обвинив меч Малатесты¹³³ (Дамоклов?¹³⁴) душистым горошком (...стихов?).

Сердечные приветы и благодарности.

Крепко, крепко и крепись!

4.

Боюсь, дорогая, что скоро ты мне переотправишь весь мой гардероб и надо будет нанимать дроги для того, чтобы выбраться из моей теперешней квартиры. А между тем мне совершенно не холодно... физически и весьма комфортабельно, благодаря привычке быстро осваиваться с обстановкой и внутренне преодолевать ее.

Не думаешь ли ты, что судьба сама заботится о том, чтобы у нас всегда в перспективе был «медовый месяц»?... Я невольно улыбнулся, вспомнив контрастность нашего мироощущения: ты ведь все время не

^a См. док. № 51 данного раздела.

^б Слово не разобрано.

^в Многоточие и восклицательный знак принадлежат автору.

чувствовала обеспеченным наше совместное пребывание потому, что было хорошо, а я уверен, что будет прекрасно, хотя сейчас и пакостят нам в достаточной мере!

Не потому ли мы так хорошо и «уживаемся вместе», когда это удастся?

Наверно[,] на этот раз даже «притираться» не надо будет, так как вряд ли я успею обзавестись какой-нибудь новой специальностью, а ты иными настроениями.

Из гардероба пришли мне штуки 3 носовых платков и больше ничего.

5.

Напрасно взволновалась. Фраза была не для тебя. Условия[,] действительно наилучшие из возможных и все[,] действительно[,] хорошо. Будь только ты молодцом.

Пришли Лункевича и Шенгели¹³⁵ «Опыт». Рад, что мама тоже «капитанствует». Крепко, крепко.

6.

Здоров. Сiju и работаю. Подготовил лекцию о Лаврове на будущее время, подгоняя казакский для наших совместных занятий, немного экзерсисирую. Последнее идет далеко не так, как хотелось бы. За внешней техникой не появляется внутренняя. Очень я избалован жизнью с тобой и поэтому приходится очень часто забирать себя в руки и выпрямлять свои мысли. Целую.

Рукописные оригиналы. Письма 1—4 написаны карандашом на двух сторонах листочков в клетку, вырванных из маленькой записной книжки. Письма 5 и 6 — крошечные карандашные записки на обрывках папиросной бумаги размером 42×70 мм.

№ 51

Автобиография В.Н. Рихтера, написанная в Каркаралинской тюрьме

[май 1931 г.]

Автобиография

Рихтера Владимира,
сына Вольного Штурмана.

Родился в Ростове н/Д в 1880 году. Окончил гимназию в Одессе в [19]98/[19]99 ак[адемическом] г. Окончил университет в Одессе в 1903 г. по филологическому факультету. Слушал курсы в качестве студента в Лейпцигском университете и Сорбонне (Париж). Окончил курс юриди-

ческих наук в Римском университете и в Парижской Высшей школе общественных наук.

Преподавал русский язык и русскую литературу, а также историю музыки в одесских гимназиях, читал курсы западноевропейской литературы в парижском Вольном университете и на рабфаках.

Сотрудничал в русской и заграничной легальной и нелегальной прессе.

При царском режиме трижды арестовывался, трижды ссылался и дважды был в эмиграции. При коммунистическом трижды арестовывался, восемь с половиной лет отбыл в политизоляторах и теперь нахожусь в ссылке. Член Партии Социалистов Революционеров.

В. Рихтер.

Рукописный оригинал. Дата не указана, датируется по содержанию тюремных записок (см. док. № 50).

№ 52

Письмо Е.Н. Кузьминой, дочери В.В. Суворовой от первого брака, матери в Каркаралинск

7 апреля 1931 г.

7/IV 31 г.

Мамик! Пишу тебе коротко, но надеюсь, ясно о своих делах.

Работу я решила бросить определенно, и в течение ближайших 2-х недель. Не выдержала, как говорится.

В Москву ехать мне нет особого смысла. Хотя и под крылышко Ирины, но с массой всяких отрицательных моментов. Во-первых, квартирный вопрос (Ю.И.¹³⁶ сейчас живет на квартире отца), во[-]вторых[,], вопрос питания и т.д.

Отец сейчас живет один, в хороших квартирных и прочих условиях, очень зовет меня к себе. Я думаю, сейчас будет самое целесообразное поехать на лето к нему, а осенью идти учиться хотя бы в Москве.

Кроме всего остального, я думаю, ты не будешь возражать, если я возьму сейчас Верку и привезу ее к тебе. Я бы взяла и Мусю, да нельзя ее забрать от ММ¹³⁷, а ММ в таком состоянии везти нельзя. Я думаю поехать в середине мая, взять Верушку, дня 4–5 пожить в Новосибирске, затем тронуться к тебе, а потом назад в Новосибирск.

Как ты думаешь об этом?

Я очень увлеклась этой идеей, остается только уладить денежный вопрос, я думаю, я его улажу. В остальном я совсем готова.

Сейчас у меня небольшая личная радость. Приехал на 3–4 дня Сергей Левашов¹³⁸[,], и я очень рада этому. Все[-]таки люди, как он, встречаются раз в сто лет, не больше!

Ну, мамик, я кончаю, хотя писать можно еще много.
Жду от тебя ответа, а пока крепко тебя целую.
Лена

Приписка В.В. Суворовой для В.Н. Рихтера

Посылаю тебе Ленино письмо без комментариев. Что ответить?
У меня ничего нового. Вчера долго гуляла. Письмо только от Лены.
М[ожет] б[ыть,] вызвать Ленку только одну с продуктами?
Целую, родной, с тобой...
Вера.

9/V. 31

Ответ В.Н. Рихтера на той же странице письма

Письмо во всех смыслах интересное. Даже наследственная оценка по существу («раз в сто лет»)! Полагаю, что пока твой ответ доберется, уже будет принято на месте то или иное решение, так как сведения о моем положении дойдут к тому времени. Я, пожалуй, не отвечал бы отказом. Вряд ли дело кончится годосчитаемой «репрессией» или ссылкой (куда?). За время сидки заплатит Союзмясо (в случае осуждения за 2 месяца), а в дальнейшем Метеорологическая станция «паек» будет давать, кое-что подработаем, а там останется меньше ртов на общественном прокормлении, да и подкреплять их сможем, вероятно. Судя по тому, что творится здесь, и там лучше не будет, а наши теперешние места по крайней мере на первых порах постараются «подкормить». Что касается меня, то все больше уверяюсь, что роса глаза не выест. Во всяком случае с ответом подожди еще денька 3, так как завтра собираются меня как будто «допрашивать» и, значит, обнаружат более определенно свои намерения. С точки зрения нашего будущего[,] то до известной степени, вероятно, будет правильно, что чем хуже, тем лучше... А у нас бегут от голода второй день подряд. Сегодня ночью даже две уголовные бабы удрали!

Рукописный оригинал. Справа сбоку приписка: Non scrivere! Cercano. Toppo. Da te ricevuto^a.

№ 53

Письмо старшей дочери М.В. Рихтер отцу В.Н. Рихтеру из Гатчины в Каркаралинск

[июль 1932 г.]

Дорогой папочка! Поздравляю тебя с днем рождения. Хочется пожелать тебе чего-нибудь очень и очень хорошего, но не знаю, что

^a Не пиши. Проверяют. От тебя все получил (*итал.*).

возможно желать в вашей обстановке. Надеюсь[,] если не в этом году[,] то во всяком случае в будущем[,] приехать к вам, думаю, что тогда[,] может быть[,] это не будет сопряжено с такими трудностями. Может[,] тебе разрешат переехать куда-нибудь поближе. Очень я соскучилась по маме и Веруше[,] а главное хочу скорее познакомиться с тобой, я слыхала о тебе так много хорошего, что не могу дожидаться того момента[,] когда смогу тебя узнать. На эту зиму у меня много проектов, но что из этого выйдет, не знаю. Ты наверное знаешь, что я работаю сейчас руководительницей при детском очаге с дошколятами. Работа хороша тем[,] что она не однообразна, но тем не менее она все-таки тяжелая и то только сейчас[,] потому что очаг[,] где я работаю[,] недавно организовался и работа никак не может наладиться. Работников не хватает[,] и зачастую мне приходится работать одной с 55 ребятами разных возрастов. Понятно, что при таких условиях никакие плановые занятия немислимы. А уже всякое уклонение от режима раздражает ребят, да и мне очень трудно, не знаю[,] кем мне заниматься[:] то[,] что интересно для младших[,] то скучно для старших, и наоборот. Работать приходится по 11–12 часов, что тоже ненормально. Для дошкольных работников полагается работать не больше 6 часов. Получаю я 170 рублей, но совсем не умею обращаться с деньгами, большую часть отдаю на хозяйство, но сама с оставшимися деньгами не умею обойтись и они у меня обыкновенно расходятся очень скоро и неизвестно[,] куда и на что.

В сентябре месяце надеюсь получить отпуск и вот с этого-то времени и начинаются мои проекты. Остаться дольше в Гатчине мне не хочется, а надеюсь я переехать в Москву, бабушка[,] наверное[,] сможет жить у тети Ирины, а я прошу Леночку взять меня к себе. У нее квартира в 3 комнаты и[,] может[,] она уступит мне одну. Остаться работать по этой специальности мне не хочется, а хочу я поступить работать на завод. Во-первых, для дальнейшего образования мне необходимо иметь рабочий стаж, а также хочется узнать обстановку работы и жизнь тех[,] о ком сейчас так много говорится, а также уметь самой разбираться в достоинствах и недостатках настоящего строя. Здесь же в Гатчине мы живем очень скучно и односторонне. Те знания (если можно так выразиться)[,] которые дала школа[,] недостаточны[,] и на многие интересующие меня вопросы я нигде не могу найти ответа, здесь очень трудно, а зачастую даже и невозможно найти никакой нужной литературы[,] и внутри чувствуется какая-то пустота, которую нечем заполнить. Надеюсь, что в Москве мое пустое место окажется не только заполненным, но даже и не недостаточным.

Особенно я чувствую свою невежественность. Тогда[,] когда у нас тетя Ирина, она задает мне вопросы, рассказывает, а я зачастую хлопаю глазами. Но тем не менее я всегда очень рада ее приезду и очень скучаю без нее. Очень мне еще мешает то, что я совсем не умею разговаривать. Напишу я что угодно, а говорить не умею. Вот сейчас я тебе пишу без всякого затруднения, но когда я с тобой встречусь[,] тебе будет очень трудно вытянуть из меня 2–3 фразы[,] несмотря на то, что зачастую мне их очень

хочется сказать. Но может быть[,] к тому времени, когда я увижу тебя[,] я не буду такой глупой.

Крепко-крепко целую тебя[,] папочка. Целую также маму с Верушкой. МаРи.^а

Машинописный подлинник. Дата не указана, датируется по содержанию.

№ 54

Свидетельство о смерти В.Н. Рихтера

29 ноября 1932 г.

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ № 33.

Штамп 29/XI1932 711 Каркаралинской Районной милиции	Выдано в том, что <i>Рихтер</i>(фамилия) <i>Владимир</i> <i>Николаевич</i> (имя) (отчество) умер в 1932 году б числа ноября месяца, о чем в книге записей актов гражданского состояния О СМЕРТИ За 1932.....год.....29....числа....ноября.....месяца произведена соответствующая запись.
---	---

Место Смерти	<u>Селение</u> город	<u>губ.</u> обл.
	<u>Уезд</u> округ	<i>Город Каркаралинск</i> <u>вол.</u> район
Возраст и причина смерти	<i>52 лет</i>	<i>Брюшной тиф</i>
Особые Отметки	<i>Нет</i>	
	Заведующий ^б (подпись)	

Делопроизводитель

Подлинник на типографском бланке, заверенный печатью. Выделенный курсивом текст вписан карандашом от руки. Подпись — автограф. На обороте текст бланка арабской вязью. Обрат бланка не заполнен.

^а Подпись составлена из двух частей: Мария и Рихтер — МаРи.

^б Подпись неразборчива.

Записки В.В. Суворовой о последних днях В.Н. Рихтера

15 марта 1933 г.

15/III/33

26 октября (1932 г.), придя в обычное время (после трех часов дня) домой В.Н.^а несвойственным ему несколько резким движением положил портфель и лег на свою постель. Обычно он этого не делал.

«Устал», [—] сказал он.

Я поцеловала его в лоб и сразу почувствовала жар. Предложила смерить температуру. Отказался. Тем не менее, я вызвала Верушку из комнаты и послала ее к товарищу за нашим термометром. После обеда ВН лег снова на кровать. Температура оказалась свыше 39°.

В городе была сильная эпидемия брюшного тифа. Чувствовал себя ВН неважно уже дня за три до того[,] как слег. Выражалось это, главным образом, в большей чем обычно молчаливости по вечерам. Т[ак] к[ак] 20^{то} числа у него кончилась вечерняя работа, то эту молчаливость мы, шутя между собой, приписывали озабоченности служебного свойства.

С первого дня болезни, в сущности, ВН был готов ко всему и допускал, со свойственной ему прямоотой и простотой, близкий конец. Особенно определенно он стал думать о смертельном исходе с третьего дня болезни, когда доктор назвал брюшной тиф. Он вызвал сослуживцев, чтобы сдать дела и отчетность. Попросил закончить кое-что за него одного из товарищей З.М. Шептовицкого¹³⁹.

С первого дня готовил он и меня к этой мысли, которой я не могла, не умела ни понять, ни поверить. Отчасти по бессознательному малодушию — м[ожет] б[ыть,] у меня не хватило бы самообладания до конца, если бы я видела в этом конце только неизбежную смерть. Отчасти от того[,] м[ожет] б[ыть,] что ВН был вообще всегда склонен готовиться к худшему... А больше всего, вероятно, потому, что вообще не могла ни тогда, ни раньше, ни теперь понять и поверить в его смерть. Долгие годы тюрьмы я ждала его, жила без него[,] как с ним. Так продолжаю жить с ним я и сейчас.

15.03.1933

Я сейчас не помню точно, с какого дня ВН начал терять сознание. Нельзя сказать, что он терял его вполне. Но он лежал с закрытыми глазами, тяжело дышал, бредил. Тем не менее при всяком обращении к нему он реагировал сознательно: принимал лекарство (это приходилось делать часто), просил судно, пил молоко, иногда просил закрыть его потеплее. В бреду или снах (приблизительно это началось с 1^{то} ноября) он был далеко от Каркаралов. Как-то утром, придя в себя, он спросил АИ¹⁴⁰: «Опять

^а В.Н., далее ВН — Владимир Николаевич.

каркаралинская печка? Я был так далеко...» Как-то он говорил о городе Магдалы. Другой раз о Порто-Рико. «Как красиво все, как замечательно красиво», [—] говорил он один раз. Очень красиво, ответила я полуутвердительно. Он обрадовался, что я отвечаю ему, и еще раз сказал, кивая головой: «Да, да, очень красиво». Еще говорил он: «Самоусовершенствование... какой все вздор!»

«Я все думаю о философии: американская — никуда не годится; ничего не стоит. Только немецкая...»

«Из Москвы надо выбираться... надо непременно выбираться... Не надо оставаться в Москве...» Потом он пытался вспомнить[,] назвать какой-то город, куда нужно поехать, мне показалось — Рязань.

Раз, когда я хотела взять у него очки, он говорил мне ласково и нежно: «Ты немножко упряма, Верочек, тебе надо от этого избавиться». Он постоянно искал очки, когда кто-нибудь был в комнате, и ему хотелось рассмотреть, кто, а потом забывал про них или не находил, куда их положить.

Дня за четыре до смерти он в бреду видел, что читает какие-то книги, начинал искать вокруг себя, под подушкой утерянные листы. Несколько раз писал стихи и тоже искал кругом себя тетради, карандаши. Я не сразу поняла, как вести себя. Потом я стала давать ему тетрадки, он пытался писать, иногда искал какое-то место, находил; раз я обещала ему дописать то, что он не успеет. Он ответил: «Допишешь? Да на тебя нельзя положиться, что напишешь...» Я его успокоила, что обязательно все сделаю. Последний раз он попросил блокнот и написал с трудом: «Porto-Rico», какие[-]то цифры, потом: «V Richter».

Он очень радовался, когда я отвечала ему на все пониманием или утверждением. До последних часов (их было 10–12), когда мы его не беспокоили особенно лекарствами (я не понимала, как неизбежен и близок конец) он реагировал на всякое обращение к нему, — связанное с уходом за ним. Всегда узнавал меня — за немногими, очень редкими, случайными исключениями, я все давала сама ему — брал руку, присматривался к лицу, когда я наклонялась над ним и улыбался.

Вначале болезни он ворчал на меня целые дни, что я недостаточно осторожна, могу заразиться, — очень ласково, но настойчиво. Старался, чтобы я не прикасалась к нему без необходимости, не целовала его. Потом махнул на меня рукой. Да и как могла бы я избегать этого или бояться его?

Дня за два до смерти, как-то под вечер, когда я была около него, он вдруг совершенно пришел в себя, притянул меня к себе, много раз поцеловал, поцеловал несколько раз обе руки, обнял. Теперь я знаю, что он попрощался со мной.

Он скончался на рассвете 6 ноября 1932 г. Последние дни, часы были очень тяжелы, облегчались впрыскиванием морфия.

День был ясный, летний по теплу. Мы уложили его на кровати, окружив сосновыми ветками, зеленью, цветами, какие нашли. На другой день сделали несколько снимков. Ни на одном из них не вышла улыбка, с которой он лежал в гробу. На лице не было суровости, отрешенности,

строгости, а необычайная приветливость, ласковость; улыбка, которой он встречал приходивших к нему...

Товарищи — З.М. Шептовицкий заказали гроб; К.В. Шенгелия¹⁴¹ (скончавшийся от тифа же в Каркаралах месяца 2—3 спустя), И.Д. Шойхет и др. вырыли на другой день могилу[,] причем помогал ссыльный священник А.А. Андреев, (он и его родственница А.И. Дюкина, знавшая уход за больными, не оставляли меня ни днем, ни ночью в последние дни болезни, что только и дало мне силы для ухода).

В день похорон, 7 ноября, с утра стала зима с сильным бураном. В буран рыли могилу, в буран понесли в 5 ч. вечера тело ВН на кладбище. Положили большой и очень тяжелый камень неправильной продолговатой формы, неотесанный.

На нем А.А. Андреев, Ю.А. Ермаков¹⁴² и я выбили за месяц, что я пробыла еще в Каркаралах, с большим трудом надпись:

Владимир Николаевич
Рихтер
1880.VII — 1932.6.XI

На кладбище донесли гроб на руках.

В.Н. знал состояние своего организма не хуже, а м[ожет] б[ыть,] лучше иного врача; и срок своей жизни считал очень коротким.

При приезде моем в Каркаралы [в] 1930 г. он говорил часто, что много-много проживет 5—6 лет. Летом 1932 г. раза два говорил мне: «Ну если не в этом году, то в 33».

При полной бодрости и постоянной трудоспособности, при никогда[,] даже за часы до смерти, не ослабевавшей воле, здоровье его расходовалось быстро и непоправимо всеми условиями жизни: высокой, вредной для совершенно изношенного сердца местностью, отсутствием необходимых для его питания овощей, фруктов, молока, масла — питались мы почти только хлебом последний год (окружающие не имели и этого), однообразием пресной пищи, недостатком сахара; несвойственной ему и чуждой счетной работой, которой для голодного и нищего существования надо было заниматься 12—14 часов в день.

К этим чисто физическим причинам, которые доканчивали и без того изношенный тюрьмой и этапами организм (в тюрьме были приобретены ревматизм, туберкулез и миокардит), нужно прибавить психологически тяжелые условия и лишения в всех остальных отношениях. Мелочные придирки со стороны ГПУ (ежедневная регистрация и т.п.), вплоть до ареста на три недели в зараженной тюрьме, где заключенных совсем не кормили, где было страшное переполнение, вши, выбитые стекла при морозе с бураном, отсутствие коек и т.п. Почтовое сообщение было настолько плохо, что газеты приходили в лучшем случае через три недели, а часто через 4 и больше после дня выхода. Книжки и журналы большею частью не приходили совсем или терялись в дороге. Пропадали на почте и посылки, не давая этим возможности получить поддержку для питания от близких; исчезали письма или

шли иной раз месяца по 3—4. Даже полагающийся паек было трудно получать регулярно, постоянно из-за всякой мелочи приходилось иметь разговоры и т.п. Иногда лишали пайка без всяких оснований. Последний год-полтора мы имели хлеб, хоть и не было инцидентов, перед этим же месяца 3—4 не получали и не могли достать ничего отчасти за отсутствием продовольствия, отчасти за отсутствием денег, т[ак] ч[то] были дни и настоящего голода. Ставки ссыльных произвольно иногда понижали, снимали с работы или арестовывали по мотивам, которые нельзя иначе назвать, как «озорством» власть имущих. Культурный уровень населения так низок, что жизнь там равносильна жизни в пустыне. Впрочем[,] путем запугивания населению вообще был прегражден всякий доступ к нам. До моего приезда существовало правило для ссыльных — не выходить за черту города — плоского, голого места с серыми одноэтажными домиками [с] 5—6 тысячами жителей, из которых значительная часть — киргизы. При мне этого не было, до и после регистрации можно было гулять в лесу, степи, в горах. Одной из наших бед было отсутствие освещения. Электричество вообще действовало нерегулярно, вернее сказать — редко, его не бывало месяцами, т[ак] к[ак] выключали целые части города, квартиры частных лиц. Когда оно и бывало, то не позже 12 ч. вечера. Керосин достать было крайне трудно; цена его доходила до 20 р. за литр; последнюю зиму я платила за литр 6—7 рублей. День уходил на работу для заработка, как и часто вечером. Использовать свободные часы для себя нельзя было из-за темноты.

Поездка в Каркаралы стоила так дорого, так была трудна, что мать, которую ВН не видел за все время заключения (а поехать в один из изоляторов, где его помещали,[]) тоже было свыше ее материальных и физических сил — в Тобольск, Верхнеуральск), т[о] е[сть] около десяти лет, так и не видала его (ей почти более 80 лет сейчас, когда я это пишу после его смерти). Также не повидался он и со старшей дочерью, которую оставил 6 лет, в 1922 г. Поездка к нам, дорогая и физически трудная, за последние год-полтора стала и опасной.

Таким образом[,] к чисто материальным лишениям были добавлены все виды крупных и мелких лишений и неприятностей морального свойства, не говоря о выборе места для ссылки, вредного именно для человека с большим сердцем.

Если лишение права педагогической деятельности, вообще свойственной ВН, еще имеет какую-то логику, то уж без всякого основания ему было запрещено работать в области совершенно безвредной, — на метеорологической станции.

1933

Рукописный подлинник; текст красными чернилами в тетради в клетку в жесткой картонной обложке, оклеенной коленкором. С другой стороны тетради — стихи В.Н. Рихтера 1932 г., написанные его рукой. Конец текста, со слов ее материальных и физических сил, дописан на отдельном тетрадном листке того же размера, но в линейку.

№ 56

Обращение В.В. Суворовой к покойному мужу В.Н. Рихтеру

22 августа 1933 г.

Долгие годы, когда ты был далеко от меня, даже словами, письмами не могла я передать тебе всю любовь и нежность, ласку, тоску по тебе.

Я ничего не могла сделать для тебя, ничем не могла скрасить и облегчить твое одиночество, не могла дружбой разделить тяжесть твою.

Я нашла прядь ее золотистых волос... Она дала тебе свет и тепло, она занимала, как могла и умела, твои мысли и воображение, сколько было положено и позволено... И ее уже не было на свете.

Я сожгла эту прядь. С кем я могла говорить о ней? Я сказала огню: отнеси ей мою благодарность...

22/VIII 33

Над моей кроватью висела карта земли. Я любила в недолгие минуты утреннего молчания путешествовать — с тобой — по невиданным краям. И так бесконечен был выбор, потому что всякое место прекрасно с тобой.

И все, что я видела, всегда смотрела я с тобой, сберегала для тебя, если ты был далеко, и всякое мое богатство украшало и увеличивало то, чем владел ты...

Потом я взглянула на бедную карту, на карту стран, в которых я никогда не буду. Я свернула ее, ненужную. Глаза мои не хотят видеть того, чего твои уже видеть не смогут...

22/VIII 33

Рукописный подлинник; текст красными чернилами на оборотной стороне двух листов, неровно оторванных от хозяйственного бланка.

№ 57

Воспоминания В.В. Суворовой о дороге в Каркаралинск

[осень—зима 1933 г.]

По дороге в Каркаралы.

В последних числах августа (числа 23го) 1930 г. мы с Ир[иной] Ал[ексеевны] Сусовой]. Выехали из Семипалатинска в Каркаралы. Вез нас молодой киргиз-казак на паре среднего качества лошадей в «корзинке». Предстояло нам проехать степью около 400 верст, и предполагалось, что путь этот мы сделаем в 4–5 дней. На деле это оказалось не так скоро. На

пятый день нашего медлительного путешествия мы имеем впереди еще 150 верст. За это время одна из наших лошадей — молодая и непривычная — выбилась из сил, заболела и не столько везла, сколько тащилась в пристяжке. Наши дорожные запасы все вышли.

Останавливались мы в среднем через каждые 30 верст, иногда на «пикетах» (специальные станции для почты и т.п. — самые элементарные дома, содержимые^а киргизами), иногда в аулах, или же просто ночевали в степи среди кочевья, около юрт, окруженные стадом. Спали всегда на открытом воздухе, в своей корзинке, раз под дождем, прикрывшись шубой ВН^б, которую везли ему. Иногда в темноте подходили к нам бараны и деликатно вытягивали из-под нас сено. Сначала меня это озадачивало: я принимала их за воров, интересующихся привязанными сзади чемоданами. Позднее мне приходилось слышать о воровстве по дороге, о враждебности населения к русским. Мы этого не замечали. Правда, мы не понимали друг друга, но все поведение окружающих киргизов было приветливым, ласковым, внимательным, вежливым, иной раз безразличным, но и только. Вещи наши все были в целости.

Два раза мы принимали участие в киргизской трапезе. На остановке где-нибудь человек 6—7 киргизов приобретали за 15—20 р. сообща барана, резали, разнимали на части. В темноте под навесом для скота (при зимних стоянках) не меньше половины этого барана (с пуд мяса) варили в большом котле в виде полушария, установленном на нескольких камнях. Около котла не отходя, сидела старуха; одной рукой она подкладывала под котел сухой навоз, который ей приносили тут же ребята, собирая его вокруг стоянки или тут же под навесом, другой — непрерывно поливала большой ложкой мясо кипящим бульоном. Варят таким образом баранину часа два. В темноте, в грязи, среди всякого сора и навоза, в дыму и копоти окруженная женщинами и часто голыми ребятами старуха сидела и варила мясо так же, как столетие, тысячелетие тому назад делали ее предки. Мы прогуливались неторопливыми шагами по степи под звездами, мы, приехавшие из Москвы, из Ленинграда, из 20го века в 10^м, пока нас не позвали к столу. Его «накрывают» в лучшем помещении зимовки, устланном кошмами, попонами — род одеял из шерсти с узорами, часто прекрасными, яркими или тусклыми, собственной работы. Стол небольшой, обязательно круглый, высотой с четверть аршина. Садятся на полу кругом стола и только мужчины. Помещение обычно маленькое грязное, с клопами, мириадами блох, м[ожет] б[ыть,] и еще с чем-нибудь. Освещается маленькой керосиновой лампой без стекла, т[ак] ч[то] все полно копоти. Нас, женщин, очень гостеприимно усаживают к столу, должно быть[,] в качестве иностранок. Перед едой все моют руки. Приносят большую деревянную чашку, с котел, пожалуй, размерами, в которую выложено уже готовое мясо. Хлеба и соли не полагается к столу. Старший вооружается ножом, берет руками куски из чашки, отделяет мясо от костей; кости складывают на стол, мясо —

^а Так в тексте.

^б ВН — В.Н. Рихтер.

обратно в чашку. Когда кости очищены, — их начинают обгрызать с необычной быстротой. Жители зимовки, соседи, женщины, дети стоят вокруг, в дверях, у стен. Тот или иной из пирующих по временам подает зрителям косточку, объединенную или даже непочатую, начиная с самых почтенных свидетелей. Нам костей не предлагают, но предупредительно первым поднесли всю чашку, чтобы мы выбрали себе мяса, сколько и какого вздумается, и ели бы его сообразно нашим нравам и обычаям. Мы взяли себе на тарелку. После этого остальные (человек семь) стали быстро хватать руками кусок за куском и минут через десять от мяса не осталось и следов. Я сказала нашему вознице, что у нас такого количества баранины хватило бы на семью в 20 человек не на один день. Он немедленно перевал мои слова окружающим, и мы все посмеялись этому от всей души. Это было в ауле несколько в стороне от большой дороги.

Между тем старуха приняла чашку и начала обчищать ее рукой, обливая пальцы. Потом каждому подали по «кисе» (род чайной чашки) необычайно крепкого, густого бульона из баранины, предлагали и по второй. Я не помню, чтобы мне приходилось есть лучше сваренное мясо и лучший бульон.

В заключение принесли какой-то длинный ремень, вроде вожжи, и все обтирали об него сальные руки, зажав его в кулаках. Не знаю, для рук это делалось или для ремня, но чтобы не быть невежами[,] и мы это проделали.

Я жалела и жалею, что полное незнание языка и нравов не дало возможности ближе понять эту жизнь, глубже в нее заглянуть. Я думала, что в Каркаралах мне удастся сделать это лучше, но там это оказалось еще менее возможным.

На пятый день нашего странствования, часа в четыре, когда мы остановились среди степи пить чай и кормить лошадей, нас неожиданно согласился взять с собой шофер пустого автомобиля, ехавшего в направлении Каркаралов. К десяти приблизительно часам вечера, в темноте нас высадили на самой окраине спящего города. Мы остались у моста на грязной дороге со всем нашим багажом, которого не хватило бы сил перенести, если бы мы даже знали, куда. Если бы мы ушли обе, — мы не нашли бы потом багажа. Если бы одна из нас осталась с вещами, — мы рисковали потерять друг друга. Кое-где в неопределенном расстоянии чуть виднелись огоньки. Мы решили, наконец, что я отойду на расстояние голоса в направлении света и попытаюсь постучаться в какой-нибудь дом. Мне очень повезло. Я попала в дом «раскулаченного» бая, говорящего по-русски. Он вошел в наше положение, созвал немедленно семью, перетащили вещи; мы немного согрелись (очень было холодно вечером в открытом грузовом автомобиле) и в сопровождении приютившего нас старика отправились искать квартиру ВН.

Это — внешняя, формальная что ли сторона моей поездки. Но, конечно, не это в ней существенно и не об этом хочется писать и вспоминать.

Рукописный подлинник; текст красными чернилами на оборотной стороне хозяйственных бланков. Дата не указана; датируется по бумаге и чернилам, одинаковым с док. № 56.

Воспоминания В.В. Рихтер, младшей дочери В.Н. Рихтера,
о возвращении из Каркаралинска в Москву

[не ранее 1973 г.]

Вера Владимировна Рихтер

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ КАРКАРАЛИНСКА В МОСКВУ

«В 1929 году в Казахстане развернулось массовое колхозное движение (в мае 1930 года колхозы объединяли 28,5 процента крестьянских хозяйств), на базе которого осуществлялось оседание и землеустройство бывших кочевников, ликвидация кулачества и байства как класса».

БСЭ, т. 11, 1973 г.

I

Давно уже не видно стало города и окрестных гор, и Кабаний клык, который долго еще синел на горизонте последним видимым напоминанием о Каркаралах^а, растаял в морозной дымке. Мы ехали на Нуру, ближайшую от Каркаралинска^б железнодорожную станцию. Предстояло проделать двести верст на верблюдах по зимней голодающей степи.

Дорога капризно крутилась между безлесных заснеженных холмов, все время опускаясь и поднимаясь, и длинная узкая арба, на которой сооружена была наша кибитка, качалась, как лодка в море. Да дороги в обычном понимании слова и не было: все было засыпано снегом, и ехали — то вдоль линии телеграфных столбов, то по вешкам.

Пока взрослые безуспешно пытались получше угнездиться в кибитке, переталкивая и перетаскивая вещи, я сидела впереди на сене и смотрела кругом, хотя смотреть было особенно не на что. Ни дерева, ни жилья. Пологие холмы плавно переливались один в другой, только изредка срываясь крутым обрывчиком к ручью или речке, тогда внизу и по кромке обрыва рос редкий, изуродованный ветром кустарник. Кое-где на обдутых вершинах желтела взлохмаченная трава, а над холмами тянулась горбатая полоска, не то облака, не то далекие горы. Места постепенно становились ровнее, положе, и скоро стала видна разметенная ветром, широко разбегженная дорога.

^а Каркаралы — горы в Казахстане (здесь и далее прим. В.В. Рихтер).

^б Каркаралинск — городок у подножия гор.

Мне велели залезть обратно в кибитку. Я замерзла уже на ветру под открытым небом, но внутрь все равно не хотелось, так неудобно и тесно было в кибитке.

За три года ссылки накопилось порядком вещей, необходимых и таких, с которыми мама не захотела расстаться, потому что они были воспоминанием о папе. Ни сеном, ни одеялами невозможно было совсем отмежеваться от острых углов чемоданов и ящиков. Они прорывались везде, лезли под бок, упирались в спину. Нас было четверо в кибитке на небольшом свободном от багажа пространстве, и мы неумело, раздражаясь и мешая друг другу, крутились между этих углов, путались в ворохах одеял и всяких теплых покрывал. Верблюд еле тащился, на подъемах Лена и Настя¹⁴³ слезали и шли подолгу пешком, далеко обгоняя подводы.

Холмы все понижались, ровней и открытой становилась дорога и меньше качало, но раздулся, окреп морозный пронзительный ветер, и наша кибитка, наспех сколоченная неумелыми руками ссыльных, начала парусить, а на крутом повороте чуть не опрокинулась вовсе. Ветер рвал, задирали кошму, продувал насквозь кибитку, и как мы ни кутались в одеяла, скоро невозможно стало терпеть. Мне несколько раз снимали валенки и оттирали ноги, но они тотчас замерзали опять. Скоро кибитку совсем разворотило ветром, и верблюд с трудом, как-то боком, волок неуклюжий парус.

Решили остановиться в затишье за ближней сопкой и починить, что можно, но остановились поневоле и раньше. Длинный спуск заканчивался утлым мостом с большой дырой посередине. Часть обоза благополучно его миновала, но наша арба с треском провалилась в дыру и прочно застряла. Мы вылезли на дорогу. Сбежались возчики, галдя и ругаясь по-русски и по-казахски, подбегали верховые казахи охраны^а, потом сам начальник обоза Орманов.

Он обошел арбу кругом, попробовал качнуть ее и распорядился часть вещей разложить по другим подводам, одному человеку пересест в его шарабан, а кибитку пока разобрать совсем.

Перенесли вещи и выволокли повозку. Настя пересела к начальнику, а мы легли под одеяла на сено и нас просто накрыли сверху кошмой от разобранной кибитки.

Теперь было тепло, я отогрелась, но очень скоро стало душно и скучно. Мама нашарила в темноте мою руку и дала мне кусок лепешки. Потом я нащупала небольшую палочку в сене, приоткрыла с краю кошму, и стало немного видно, как движется назад снег, стебельки травы и следы повозок. Это развлекло, но ненадолго. Я стала придумывать, что не еду, а плыву тайком в трюме корабля, в дикие страны. Задремала наконец, и очнулась от того, что у меня снова замерзли ноги.

Кошма была откинута, было тихо и сумеречно. Обоз стоял возле высокой рубленой ограды дорожного пикета. Мы последними въехали во двор, и русский мужик в казахском стеганом халате заложил за нами ворота огромным засовом.

^а Обоз шел на Нуру за хлебом, охрана предназначалась на обратный путь.

В длинном полутемном помещении пикета с широкими нарами вдоль стены было тепло и довольно чисто. Топилась большая беленая печка. Окна были заложены ставнями, запертыми изнутри болтами, и свет проходил только в прорези, но над длинным скобленным столом горела керо-синовая лампа. Внесли вещи. Мы расположились на нарах. Рыхлая старуха в платке, повязанном не у подбородка, а вокруг головы, пришла с другой половины, помешала в печке и тяжело проковыляла обратно.

Кажется, первый раз в жизни я с настоящим наслаждением пила сладкий горячий чай, хотя он обжигал мне губы, а кружку невозможно было держать в руках. Ели копченую рыбу — тех самых карасей, которые в несметном количестве водились в большом Каракаралинском озере.

Даже голодая, казахи не ели рыбу, зато мы и другие русские употребляли ее во всех мыслимых видах: варили, сушили, коптили, солили, вялили, жарили и много заготовили впрок. Рыбу ловили (вернее, просто вытаскивали из мелкого озера) большим сачком или сетью легко, как гущу из супа. Отец Александр взял меня как-то с собой на такую ловлю. Поехало шесть человек, мы пробыли на озере три-четыре часа и привезли десять мешков карасиков.

Но это рыбное счастье длилось недолго. Начальство наложило строгий запрет на отлов, у озера выставили охрану. Предполагалось, кажется, что рыбу будут ловить организованно и справедливо распределять ее между всем населением района. Но не было ни рыбаков, ни снастей, ни организации, потом не стало и населения, а рыбы больше так никто и не видел.

Старуха вошла опять и прикрутила свет в лампе. Мы улеглись на нары. Я долго вертелась, хотя и хотела спать. Что-то шуршало, потрескивало за стеной у самой моей головы. Хлопали двери, скрипели половицы, кто-то приходил, уходил, носили какие-то узлы и шептались. Во дворе слышался стук и негромкие голоса: возчики мастерили нам кибитку. Это как-то успокоило, и я заснула.

II

Надо было как можно больше проехать за короткий ноябрьский день, и выезжали задолго до солнца. Была еще ночь, когда мы тронулись в путь с пикета, но полная, чуть подтаявшая перед утром луна достаточно освещала дорогу.

Вчерашние холмы и горки сменились теперь совершенно плоской и голой степью. Лунный свет и редкие стебли сухой прошлогодней травы, шетинившейся из-под снега, придавал ей какой-то убогий и грустный вид. Отдохнувшие верблюды бежали крупным размашистым шагом, легко перегоня лошадь с двухколесным шарабаном, в котором ехали начальник обоза и Настя. Копыта стучали по мерзлой земле, погромыживали на колесах арбы и сани, казахи-погонщики перекликались друг с другом и понукали верблюдов, и степь казалась немного живой.

Но стоило обозу остановиться, как сразу становилось неестественно тихо и странно. Белая безмолвная пустыня, уходящая прямо в прозрачное стылое небо. Ни души, ни движения. И даже голоса погонщиков звучали приглушенно и чуждо, не нарушая настроенной тишины.

Когда взошло, наконец, солнце, степь ободрилась немного. Искры побежали по снежному насту. Приблизилось, тускло окрасилось небо. Поднялся, потянулся к востоку ветерок, и дымчатые язычки поземки заструились по краям дороги.

Было морозно, холоднее, чем накануне, но мне обернули ноги газетой, подстелили в валенки меху. На голове был казахский меховой трехух — надежная защита от мороза и ветра, а поверх старенькой шубки меня обернули теплой верблюжьей попонкой. Было не очень-то ловко, но я больше не помню, чтобы холод особенно меня мучил. Кибитка наша, хоть и не такая шикарная, как у наших попутчиков казахов, была теперь все-таки уютнее, ниже и не продувалась ветром. Удобнее сложили оставшиеся вещи, было хорошо, мягко сидеть и хватало места, чтобы переползти, подвигаться,

Я села впереди и высунулась из кибитки смотреть. Стало уже совсем светло, но солнце окуталось плотной морозной дымкой, и снег не слепил глаза. Обоз растянулся длинной цепочкой, слегка заворачивая по колее, и было хорошо видно каждую кибитку и двух верховых казахов с ружьями за спиной, скакавших впереди обоза. Мерно качалась спина верблюда, хлюпая обвисшими горбами. Старик-погонщик сидел, нахохлившись, спиной к ветру и угрюмо смотрел в ноги.

Какое-то темное пятно показалось впереди у дороги. Верховой казах подскакал к нему, спешился, обошел кругом, махнул рукой и снова вскочил на лошадь. Подъехали ближе, и я мельком увидела лежавшего навзничь неподвижного человека в рваном халате и шапке. Подальше виднелся еще такой же бугорок, и тот же казах, уже не слезая с лошади, перегнулся и потрогал его кнутовищем. Это тоже был человек, и было видно издалека, как ветер шевелит грязную вату в дырах его бешмета.

Меня ужаснуло, что люди еще, может быть, живы, а их оставляют в степи, я хотела расспросить старика-казаха, но его плотно сжатые губы и неподвижные глаза не позволили ничего спросить. Только стало понятно, что люди эти мертвые.

Бурые саманные стены не то аула, не то караван-сарая виднелись справа от нас, и вдоль них, по дороге к ним — опять темные буеры и пятна. «Это овцы, это овцы», — твердила я самой себе, но отлично знала уже, что это не овцы. Я забралась в глубину кибитки, хотела было сказать маме, но почувствовала, что не стоит ничего говорить.

Скоро доехали до второго пикета. Здесь было хуже, грязнее, чем в первом. Мы поели, погрелись, но не остались здесь на ночь, потому что было еще рано. Жалко было терять приятное тепло, накопленное в помещении, да и дорога с несчастными «осевшими и землеустроенными кочевниками» не развлекала, конечно.

Я тихо сидела под одеялом в кибитке, глядя только на небо в узкую щелку, полога. Арба опять начала нырять и качаться, минуя какие-то овражки. Верблюды трусили уже далеко не так бодро, как утром, и от монотонной езды стало уже казаться, что мы вечно так будем ехать, пока не съедем с земли. Мама первая потеряла терпение, откинула полог и села на сено у входа. Я примостилась к ней. Солнце уже присело на край

степи, и от него к обозу тянулась яркая оранжевая дорожка. А возле дорожки, ближе к нам, опять бугорок, прихороненный снегом...

Мы подъехали к зимовке. Темные кучки лежали возле стены, и мама нагнулась, чтобы заслонить их. Но я не хуже ее знала, не глядя, что это такое.

Когда заворачивали во двор, арба на секунду стала, и я вскинулась было смотреть, но мама резко отдернула меня обратно. Не знаю, какое еще страшное зрелище было там в воротах.

Никто не запирал, не отпирал здесь никаких засовов; ни дверей, ни воротин не было. Проехали два наружных открытых двора-загона и остановились в третьем, внутреннем. Громадный двор был пуст и полуразрушен. Над одним углом сохранилась еще ветхая кровля, но большая часть крыта была голыми слегами с редкими рыжими бородами прелого тростника.

Страшным запомнился почему-то этот пустой ободранный двор, страшнее, чем степь с мертвецами. И опять эта стесняющая, тяжелая тишина, для которой всякое оживление и шум — что-то лишнее и даже стыдное. Ощущение это было не у одной меня: все говорили вполголоса.

Казалось, что нет никого живых на зимовке, но были. В боковой комнатухе горел огонек под большим казаном и сидели на полу казахи. В темном углу тоже слегка копошилось, тихо стонало что-то живое. Но никто не шевельнулся, не поглядел, когда мы вошли.

Темные, мрачно-недвижные тени, жутко подсвеченные снизу красным огнем таганка. Старый казах наклонился с тихим скрипучим стоном, поднял палочку и подбросил ее в огонь. Зубы у него обнажились. Не помню уже, как и где я успела подглядеть или подслушать, но в одной из немногих уцелевших страничек моих детских заметок, написанных на свежую память прямо по приезде в Москву, сказано просто: «В этом ауле казахи варили в котле собачью голову и ножки».

Мы легли спать в соседнем помещении на полу. Я и мама посередине, Лена и Настя по краям с заряженными револьверами под подушкой. Казалось, что невозможно по-настоящему спать в валенках, пальто и шапках, но длинный день на морозе помог справиться с этим неудобством.

III

Выехали опять до рассвета, и опять было плоско и голо в степи. Верблюды бежали, вытянув шеи, куда-то наискосок от аула, как будто спешили поскорей и подальше отъехать от мрачного места. Луна уже побледнела, но воздух был очень прозрачен, и были отчетливо видны тонкие темные черточки далеких телеграфных столбов. Но вместе с солнцем за клубился над степью какой-то голубой размытый туман, все поплыло в глазах, степь уменьшилась сразу, и перламутровая мгла переливалась прямо рядом с арбой, соединяя небо и землю.

Выше поднималось солнце, и стал расплзаться, таять красивый туман. Но не то я настудилась, не то стало еще холоднее, я забралась назад в кибитку, а когда поглядела снова, чудо оказалось на небе: две высоких радужных колонны стояли в степи по сторонам солнца. Не часть радуги, а столбы: они стояли близко друг к другу и уходили в небо совершенно прямо, постепенно теряя яркость.

Всякая радуга красива. Особенно красиво, когда она окажется близко и сквозь нее просвечивает дерево и поле. Это веселая, яркая радуга. Но тонко-цветные, чуть слитые с небом, прямые колонны в сиренево-белой степи — это совсем особая, редкостная, высокая красота.

Солнце замыкало эту дивную арку. Мы двигались сначала прямо на нее, потом она оказалась слева, и мы ехали, ехали и никак не могли проехать мимо. Понемногу колонны стали бледнеть и незаметно иссякли.

Только тогда я увидела, что обоз еле бредет шагом, а все высунулись из кибиток и смотрят. К закату, никуда не заезжая поесть и погреться, добрались до большого пикета и мирно там ночевали.

IV

Происшествия начались на другой день с утра; причем самые досадные и скучные, как всегда бывает, если не повезет, следовали одно за другим.

Местность опять стала неровной, снегу здесь выпало мало, и арбы тархтели на голой промерзшей дороге. У переднего воза расшаталось, слетело и далеко укатилось под склон колесо. Арба запрокинулась, и при этом сломалась еще какая-то штука. Стояли, потом очень медленно ехали, и снова долго стояли, ожидая, пока нас догонит злополучная арба.

Затем выяснилось, что кто-то что-то забыл на пикете, и настолько важное, что пришлось посылать назад верхового ездока.

Остановились возле развалин караван-сарая, заброшенного еще в прошлом столетии, где только и было, что грубые стены из крупных камней для защиты от ветра.

Наш старик потихоньку бродил, сгребал охапки бурьяна и снега, наметенные ветром в углы; набрал в полу халата обломков камней и ходил, накрывая ими что-то в дальнем закутке развалин. Никто на него не смотрел.

Потом два-три часа ехали толком, но на крутом повороте у спуска к мосту с треском сломалось дышло у арбы, запряженной парой. На руках тащили арбу через мост и очень долго чинили. А когда уже стало темнеть, и вдали показалась зимовка, до которой спешили доехать, чтобы ночь не застала в степи, наш верблюд тоже решил развлечься, изорвал свою упряжь и ушел (правда, очень лениво), оставив нас на горе.

Мы брели до зимовки пешком, и опять я увидела издали несколько тел под стеной, лежавших друг на друге неловко, как саксаул. Это была небольшая зимовка с одним только крытым наполовину двором. Часть саманной стены просела, местами обрушилась, но под навесом было сухо и чисто, и под стеной даже лежали небольшим штабельком кизяки.

В жилой половине тлел в очаге огонек, и едкий кизячий дым расплзался по всем помещениям. Пожилая казашка тихо двигалась у очага. Рядом сидели мужчины, опустив головы, свесив худые темные руки. И никто опять ни жестом, ни взглядом не отозвался на наш приезд.

Возчики развели огонь в одном из пустых закоулков и вскипятили чайник.

Мама сделала скороспелую уху из рыбного порошка^а, и мы быстро поели в темном уголке подальше от посторонних глаз.

Но я припрятала кусочек лепешки и вышла с ним в смежную комнату, показывая на ходу.

Девочка-казашка выбежала из других дверей, протянула руку, быстро залопотала что-то по-казахски. Я видела ее умоляющий взгляд, слышала жалобный голос и... убрала лепешку за спину... Я даже испытала на миг приятное чувство превосходства: у меня вот есть, а у нее нету.

Девочка опустила руку и отошла.

Как я могла это сделать?! Ведь я видела мертвых от голода. Или это недопонималось, не связывалось чувством одно с другим?

Что это было?

Врожденная дрянность, которой не хочется в себе разгадать? Незнание голода? Влияние тухлой морали моих полубонн-полунянек, монашек в отставке: «О себе-то подумай» и «Всех не накормишь»? Тщеславная жажда добыть превосходство, пренебрегая ценой?

Не знаю, не понимаю, не помню... Знаю только, что жадности не было. Это одно из самых ранних (но далеко не худших!) морально-мучительных воспоминаний, которые всю остальную жизнь ворочаешь в душе, в разные периоды по-разному, но всегда тяжело и стыдно, оценивая для себя.

Сейчас поражает, с какой легкостью одно живое существо, даже очень молодое и не жестокое от природы, может смертельно мучить другое в силу одной какой-то нравственной тупости. Не все ли равно, в конце концов, сказать ли исстрадавшейся беременной женщине: «Вашего мужа еще не расстреляли, но сейчас, кажется, поведут, могу сбежать узнать», подразнить ли хлебом голодающего ребенка или избивать цепью привязанную собаку?

И все это с гордостью: «Дал понять контрреволюционной суке, что они для меня — не люди!», «У меня вот есть, а у нее нету!», «Ну и отделал, теперь не погоняет кур, стерва!»

Чувство стыда за себя и жалости к девочке шевельнулось у меня, когда она ушла, но я не решилась за ней пойти и вышла во двор. Фонарь висел на крючке под навесом, тускло освещая кибитки, морды жующих верблюдов с пеной на рыхлых губах и погонщика с ружьем за плечами, разбиравшего в углу упряжь.

Мне давно хотелось посидеть верхом на верблюде. Сейчас, когда они так близко и мирно лежали, это казалось вполне доступно. Ни верблюды, ни возчик не обращали на меня внимания. Я походила немного, примериваясь, выбрала крайнего старого верблюда, потрепала его на пробу по горбам и взгромоздилась ему на спину. Верблюд никак на это не отозвался, я осмелела и стала толкать его по бокам валенками, воображая, что мчусь верхом по степи. Решил ли верблюд, что его понукают или просто

^а Существовал особый способ заготовления рыбы впрок: тушки сушили на особых противнях в печке до полной хрупкости, а потом толкли и растирали скалкой вместе с костями в тонкий порошок и слегка солили. Помнится, он был очень вкусный и сытный.

рассердился, но он крикнул, качнулся и встал во весь рост. Я не сообразила вовремя прыгнуть, очутилась под самой кровлей, и это уже было страшно. Кроме того верблюдов повернул ко мне оскаленную морду, собираясь не то укусить, не то хорошенько плюнуть.

Я пронзительно заорала. Тотчас во двор выскочила мама и даже в полутьме виден был дикий ужас у нее на лице и в глазах. Выбежали Настя и Лена, попутчики. На лицах у всех — страх!

Казах-погонщик бросил свои уздечки, молча стащил меня с верблюда и подтолкнул в спину к маме. Руки у нее вздрагивали, когда она взяла меня за плечи и повела в жильё. Никто не сказал мне ни слова, только попутчики пошептались между собой в углу. Мама наскоро соорудила подобие постели, велела мне лечь и сама прилегла рядом. Позже я уже поняла их ужас: они подумали, что меня поймали и рвут голодающие. Безумное голодное людоедство было тогда в Казахстане, еще больше ходило страшных слухов о нем.

V

Следующее утро кажется еще холоднее, чем прежние. Очень хочется спать. Я дремлю и дремлю в кибитке, но мама все время будит меня, заставляет вставать, шевелиться. Считается, что во сне легче замерзнуть. Я же считаю, что это напрасные страхи; я не голодная, и не намного уж тут холоднее, чем на вчерашней стоянке. А вот на ветру в шарабане действительно холодно даже в добротном тулупе. Лена и Настя часто меняются местом^а или обе подолгу едут с нами в кибитке. Сам начальник обоза сажает иногда на свое место верхового казаха, лишнюю лошадь привязывают позади, а сам Орманов забирается в кибитку к казахам-попутчикам поспать и погреться.

В кибитке едет зажиточная семья казахов-начальников с грудной девочкой Аминэ, мальчуганом лет четырех и старушкой. У них низкая ладная кибитка на санях, выстеленная подушками, меховыми и стеганными одеялами. Полог открывается не вперед, как у нас, а назад по ходу движения. В ней можно только сидеть или полулежать, но зато тепло, как дома: в подушки зарыт обернутый кожей горшок с горячими углями. Угли обновляются на каждой стоянке. На зимовках, где мы сами не жгли ночь напролет огня, женщина-мать забегала утром к казахам, бормотала там что-то, быстро-быстро нагребала палочкой угли из их очажка в горшок и бегом бежала в кибитку.

Все они очень напуганы, все делают с преувеличенной торопливостью, говорят друг с другом вполголоса или шепчутся. Девочку мать почти не спускает с рук, мальчика водит за плечи старуха. На первой зимовке они ночевали в кибитке, на второй — в помещении с нами, но отец не ложился, а сидел на корточках рядом.

^а Орманов благоволил к Лене и Насте, потому что они привезли распоряжение военного округа включить нас в обоз. Распоряжение это добыли от Н.Н. Кузьмина, первого мужа мамы, Лениного отца, бывшего тогда начальником Новосибирского военного округа.

Возчики спят по два-три часа, сменяя друг друга: сторожат во дворе обоз. Недосыпают все. Наш старик полудремлет сегодня, привалившись спиной к кибитке.

Верблюды выдохлись, еле бредут шагом. Все устало: люди, животные и даже вещи. Все скрипит, трещит и то и дело ломается.

Еще задолго до темноты въехали в большой русский поселок и оставались в нем больше полутора суток, чтобы дать отдохнуть людям, верблюдам и лошадям.

Население поселка, в котором мы остановились, не голодало само (во всяком случае те, в чьих домах разместился обоз), но боялись и голода и голодающих. Боялись голодных грабежей, о которых ходили сильно преувеличенные слухи^а, боялись обнаружить голоду свою относительно сытую жизнь. Они тщательно запирали свои дома и запирались сами, были молчаливы, угрюмы, недоброжелательны.

Во всем их поведении чувствовалась тревога и не напрасная, конечно. Как могли они знать, сколько продлится голод, удастся ли им растянуть до весны не ахти какие запасы, а весной возобновить их. Помощи от государства было ждать нечего, оно не умело, не хотело да и не могло организовать ее в широких размерах. То, что делалось, мало кого спасало, потому что распределялось бестолково и скудно, а когда машина кое-как раскачалась, помогать уже было некому^б. Главной заботой правительства было скрыть все от всяческих глаз и пресечь по возможности слухи.

Результаты переписи 1939 года, которые хоть с опозданием, но давали представление о чудовищности того, что произошло в Казахстане, были объявлены «вредительскими» («забракованы», как сообщает БСЭ последнего выпуска), данные ее не опубликованы до сих пор, а по этим данным, как сказал мне В.С.Н.¹⁴⁴ со слов отца, одного из немногих уцелевших организаторов и участников переписи в Средней Азии, во время голода в тридцатых годах в Казахстане вымерло семьдесят пять процентов населения, в основном, конечно, казахов.

Хозяева нашей квартиры явно тяготились нами, хотя за постой было заплачено драгоценной валютой — хлебом. Старуха скупно, с хмурой досадой отвечала даже на самые неизбежные вопросы: где можно поесть, где постелить постели. Тяжело было ехать, но нелегко было и передыхать в этой полувраждебной, сковывавшей всех нас обстановке.

Но все-таки это был дом, где было совершенно тепло, где можно было спать без пальто и шапки, пить утром и вечером горячий чай и нормально обедать за столом, как обычные люди. Было даже маленькое развлечение: кролики, которые жили в клетках под длинными лавками вдоль стены.

^а Раз к нам в кухню забрался голодный парень-казак. Там была только буханка хлеба. Он взял половину буханки.

^б Такой «помощью» был наш обоз, он одиннадцать суток ехал туда; стоял, ожидая погрузки, те полторы недели, что пробыли мы на Нуре, наверное, стоял еще, потому что были заносы и не было подвоза. Он выехал, когда город уже почти вымер и разбежался от голода. А как вернулся и вернулся ли вообще — не знаю.

Мне не возбранялось смотреть на зверьков, и я подолгу сидела возле них на полу. Под печкой водились еще и куры, но это было неинтересно.

Две ночи мы ночевали в этой избе и по крайней мере выпались.

VI

И снова качается в степи кибитка. Солнца нет и не будет: небо в серых нахохленных тучах. Ветер дует не очень сильно, но упорно и ровно, терпеливо метет и метет поземку. Дорогу перемело на целые версты, и опять едем по телеграфным столбам, которые заунывно воют.

Будет буран. Но ветер дует в спину обозу, в кибитке не холодно, столбы хорошо видно и слышно, и никто пока особенно не волнуется.

Степь здесь опять слегка расхолмилась: длинные пологие спуски и небольшие подъемы. Долго ехали под гору. Быстро бежали верблюды и громыхала арба. Но внизу, в ложине, где снег был поглубже, верблюды пошли уже шагом, стало тихо, и слышно, как усилился ветер, как он свистит и полощет кошмой кибитки. Сильнее и громче гудели провода, и поземку мело уже сплошной пеленой без перерывов.

На открытом месте на сопке ветер рвал уже так, что кренило кибитку. Старик перебрался внутрь и сидел на пятках у входа. В низинах было потише, но больше мело снегу, слышно было, как он плещет в кошму и шуршит потом по кибитке. Все было как-то тревожно, я давно уже стала бояться, что мы собьемся с дороги и можем замерзнуть в степи. Стали беспокоиться, выглядывать наружу через плечо старика и взрослые, и старик объяснил, помогая себе осторожными жестами, что еще светло, что снег не идет сверху и можно ехать, а будет нельзя — заночуем, до жилья как-нибудь доберемся. В первый раз он заговорил с нами, и было приятно слушать его тихий спокойный говор. Я думала раньше, что он молчит нарочно, не хочет вступать в разговоры с чужими, а оказалось, что он просто почти совсем не знает русского.

Съехали с еще одной длинной горы, и обоз остановился. Я вылезла из кибитки. Стояли возле небольшого аула, но не заезжали в него: кто-то что-то пошел узнавать. Ветер все также дул, задирая камыши на крышах, и погромыхивал чем-то. Но здесь, за домами, гораздо меньше мело, и было совсем не страшно.

Одинокий саманный домик с просевшим углом и сорванной дверью стоял близко к нам у дороги. Ветер расстилал по снегу, шевелил какие-то пестрые тряпочки и показалось мне, что в снегу ползет человек. Это же, очевидно, ввело в заблуждение и старика, он слез и пошел смотреть. Я соскользнула за ним. Это была мертвая девочка казашка примерно моих лет в легком пестром халате. Длинные волосы были присыпаны снегом, но лицо...

Мне очень немного надо было уже, чтоб не бездумно поверить, а понять и почувствовать, что смерть это не одна из тяжких сторон, существующих бок о бок с жизнью, а неотрывный и неизбежный конец каждого живого существа и мой, конечно, тоже. Дикий страх смерти, не той, которую я увидела, а моей собственной, передернул меня всю.

«Едем! — закричала я, бросаясь обратно в кибитку и хватая за руки маму, — едем же, здесь нельзя стоять! Едем!» Мама быстро говорила что-

то, пытаясь меня успокоить, старик дергал локтями и головой, торопясь повернуть верблюда.

«Все равно, — сказала я, отпуская маму, — ничего не было там хуже. И ни ты и никто все равно уже ничему не поможет». Не о голоде, не о мертвой девочке (как могло показаться взрослым) я сказала и думала это, а о самой себе. Десять лет и два месяца прожила я на земле, время было такое и такая судьба, что много случилось увидеть печального, дикого, но все это были картины. Они глубоко врезались в память, я могу нарисовать, написать, описать их со всеми подробностями. Они оставили шрамы, но всегда были отдельно от меня, не могли войти в мою жизнь своим содержанием.

Лодка, в которой я плыву, не могла потонуть, потому что я в ней сижу. Вернее она оттого и не могла потонуть, что я в ней сижу, хоть рядом тонут другие. Эта наивная тайная вера так долго и прочно держалась, не смотря на всякие страхи, и так помогала всегда с интересом и жадностью жить. Все это рухнуло сразу и не могло возродиться.

Страх смерти мучил меня долго и тяжело. Одно время мне даже было неприятно прикасаться к людям, потому что я представляла себе, какими мы будем мертвыми.

...Обоз[,] наконец[,] тронулся. Настя пересела в кибитку, сказала, что здесь ночевать не будем: аул разбежался и вымер. Что начальник поехал договориться в русской деревне. До нее недалеко, всего десять-двенадцать верст, а буран пока не опасен.

Но только отъехали, ветер раздулся так, что даже за скрипом колес и тарактением арбы слышно было его завывание и свист. Тучи стали сгущаться, опускались все ниже, и в степи был тревожный сумрак, как бывает перед грозой. Снег посыпался сверху, и когда распахнуло полог, стало видно, как он бесшумно летит полосами, изгибаясь дугой по ветру. Все больше темнело.

Обоз вдруг остановился. Кто-то подошел к кибитке. Старик достал из-под сена большую волосяную веревку и куда-то ушел. Очевидно, караван связывали в цепочку, чтобы не растеряться в буран.

Старик не вернулся, ехал[,] наверное[,] теперь на передней арбе. Кто-то другой молодо вспрыгнул на передок и легкомысленно гикнул. Поехали снова, но медленно. Новый возчик стоял на коленях в кибитке, глядя вперед, но не было видно даже спины верблюда.

Сплошная серо-молочная муть кипела теперь над степью, и ветер уже не гудел, а только шуршал и присвистывал. Мы молча сидели в кибитке, тесно прижавшись друг к другу. Все во мне смерзлось от страха. Не знаю, казалось ли правда ехали долго в крошечной каше бурана. Никто, мне мерещилось, не верит уже, что мы доедем куда-то, но только скрывают это.

Опять остановился обоз. Что-то трещало, скрипело совсем рядом. Потом круто повернули верблюда, и вдруг наступила удивительная, почти полная тишина. Мы стояли в большом крытом дворе.

Еле-еле выбрались из кибитки: у всех затекли ноги и тело. Странно даже казалось, что такая немудреная штука — изба, а какая надежная крепость для защиты от взрыва зимней степной непогоды! Тихо, тепло и светло.

Здесь было беднее и проще, чем во вчерашнем поселке. Были и тревога, и страх, но с присловьем: «чему быть, того не минует», не сказанном, правда, но видном.

Мне очень хотелось размяться, стряхнуть с себя холод и страх, и я стала на цыпочках бегать по длинной избе. Мама одернула было меня, но хозяйка вступилась: «Нехай соби бигае, то ж дитына, ей треба, мыслимо дило — сидить и сидить динь скризь у кибитке, та ще у митель!»

Мы оттаяли здесь немного изнутри и снаружи, и душою и телом. Посидели под вечер у керосиновой лампы и удобно устроились на ночь на своих и хозяйских подстилках.

Ветер набрасывался на стены, хлестал по окошку снегом, погромыхивал крыши и выл противно в трубе, но все это было вовсе уже не страшно.

«Ось який дурень», — сказала про ветер хозяйка.

Утром я проснулась по привычке рано. Никого не было рядом, а за стеной бесновался по-прежнему ветер. Так безнадежно тоскливо стало от этого ветра, от того, что конца нет дороге и надо вставать и ехать в буран и холодный ветер. Я уже собиралась плакать, но вошли мама и Лена, долго стряхивали с себя снег и сказали две славных новости разом: сейчас никуда не поедем — слишком сильно метет. А когда будет можно, до Нуры доберемся меньше, чем за два дня, до нее совсем недалеко.

Последняя новость особенно удивила и обрадовала меня. В глубине души я давно уже перестала верить, что Нура — это реальность, до которой можно добраться.

VII

Выехали мы только на следующий день и поздно, часов в десять утра, когда стало совсем светло. Ветер не лег, но уже не сыпало сверху.

Долго выбирались из рыхлых сугробов в деревне, а потом оказались на совершенно голой, продутой хребтине, и что-то неприятно хрустело: не то мелкие камни, не то заледеневшая трава. Небо то мутнело, то расчищалось снова, проглядывало яркое холодное солнце. И когда выбрались на ровную степь, невозможно было смотреть, как ослепляла глаза свежая белизна снега. Да я и не хотела смотреть. Я боялась. Все, что отпустило было меня в обжитой избе, теперь всколыхнулось снова.

Я села, приткнувшись поближе к маме, и приготовилась к длинной тоскливой езде, но доехали неожиданно быстро, оттого, вероятно, что тронулись поздно.

Ночевали в совершенно целом и чистом, но абсолютно пустом пикете. Не было никаких сторожей и пришлось самим растапливать печку каменным углем, который огромной кучей лежал во дворе в сарае.

Чувствовалась уже близость Нуры, все стали как-то раскованней, оживились, больше и громче говорили. Амину пустили ползать по нарам,

мальчик бегал по избе, ловил меня и смеялся. Легли очень рано, чтоб завтра пораньше доехать, но долго еще вертелись и шептались. Все выпались накануне и не скоро сумели заснуть.

VIII

Утром сразу что-то сломалось, когда еще запрягали, и долго пришлось чинить.

Ворота двора были настежь распахнуты в степь, опять совершенно плоскую и пустынную, но здесь уже было две линии телеграфных столбов, которые пересекались и уходили в разные стороны.

Не было конца ветру, он сильно раздулся с утра. Снова мело поземку, и длинные узкие языки текли и текли поперек дороги. И, если долго смотреть, начинала кружиться голова. Все говорили, что будет опять буран, но к вечеру или завтра. Солнца опять не было.

Тронулись[,] наконец. Всем не терпелось поскорее доехать, все время кто-нибудь выглядывал из кибитки. Старик то и дело пересаживался, подбивал кнутовищем трухлявый мешок с тростником, на котором сидел всю дорогу.

Я очень боялась увидеть мертвых, даже воспоминание о них вызывало теперь не суеверно-сказочный страх и тревогу, а ужас и отвращение, и страх собственной смерти, который мешал жить. Но нетерпение доехать и как-то разнообразить томительный остаток дороги пересилило все же. Я встала на колени за спиной старика и смотрела над степью прямо на горизонт.

Глаза у меня заболели, и я не могла понять, кажется это мне или расплывчатая полоса впереди — действительно[,] постройки и дым. Шарабан загромыхал рядом, и Настя перегнулась в кибитку.

«Нура! — крикнула она нам, — доехали!»

Каким же уютным, каким «нашим домом» показалось мне темное купе пустого железнодорожного вагона! Не надо приспосабливаться к чужим новым людям, у меня есть «своя» полка, а главное — можно верить, что это достаточно надолго, что завтра не надо вставать на заре и снова ползти в кибитку.

Мы вовремя приехали в Нуру. Станция встретила нас вихрями снега, гудением проводов, перестуком досок и лязгом всяких незакрепленных железок. Сверху опять повалил снег.

Потом мы стояли на пустой железнодорожной платформе среди кучи вещей, замерзшие, заметенные снегом. Подошел начальник станции и сказал, что поезд сегодня наверняка не пойдет. Наверное[,] не пойдет и завтра: на путях большие заносы, но мы, если хотим, можем идти в вагон, там проводники, поезд отапливается.

Вагон освещался единственной свечкой в фонаре над входной дверью. Окошко в купе сразу пришлось плотно завесить попоной: в него задувало снег. Но мне показалось, что это даже и лучше — поплотнее отгородиться от нескладного внешнего мира.

Стемнело, пока устроились в купе. Мама нашла в вещах собственную свечку и зажгла ее на маленьком столике. Все легли. Лена стала

рассказывать сказку. Буран уже бушевал всю за тонкой стенкой вагона и временами качал его так, что казалось, будто мы уже едем.

Мама потушила свечку. Самая тяжкая часть путешествия закончилась.

IX

Было, вероятно, мало порядка на советских железных дорогах начала тридцатых годов: на таком отдаленном и малолюдном участке, как Нура — Павлодар — особенно. Но все-таки наш поезд попал в какую-то исключительную полосу невезения. Слава Богу, что дорога не была перегружена, скорости малы, и происшествия не превращались в катастрофу.

Не помню точно, но, кажется, неделю с лишним просидели мы в Нуре в своем вагоне с билетами до Москвы на руках.

Четыре дня бушевал над округой редкой силы и снежности буран. Проводницы боялись пройти даже десяток шагов от вагона до здания вокзала, а мы и вовсе не высовывались из купе. Порой ветер начинал как-то странно ритмично вибрировать, его порывы напоминали пыхтенье паровоза, вагон дрожал, создавалась иллюзия стремительной, но странной езды, и мне становилось страшно.

Когда стихло, трудно было поверить, что мы на станции. Исчезли рельсы и шпалы. Среди неподвижных волн глубокого снега торчали отдельные домики, голое здание вокзала и телеграфные столбы.

Два дня расчищали лопатами пристанционные пути и депо, чтобы вывести снегоочиститель. На второй день к вечеру под крики «ура» и всеобщее ликование выполз, наконец, на свет этот неуклюжий труженик и честно работал целые сутки, но потом умудрился лечь поперек путей на стрелке. Связь уже успели наладить, запросили краны и ремонтный состав с узловой станции, но там тоже еще не закончили расчистку путей.

Когда дорога была, наконец, расчищена и освобождена, случилось совсем уж невероятное и глупое происшествие: как-то остался без присмотра паровоз, который заправлялся водой, чтобы двинуть нас в кои-то веки с Нуры, и на сорокаградусном морозе, стукнувшем после бури, он превратился в одну глыбу льда с водопроводным краном.

Вагон наш между тем понемногу наполнялся, уже почти все купе были заняты, то и дело кто-нибудь бегал узнавать и приносил очередную сенсационную весть. Но к хроническим задержкам относились терпеливо и с юмором: все было в порядке вещей.

Помню, как я сидела, крепко сжав кулаки и затаив дыхание, когда в конце концов состав робко дернулся на путях: вдруг в самом деле сейчас поедем?

Проводница громко закричала, чтобы остерегались и держали детей и вещи: дернет очень сильно, примерзли какие-то буксы. Рвануло в самом деле дай Боже как, потом медленно поехали, но почему-то не вперед, а назад. Снова сильно рвануло, лязг и скрежет передернул весь поезд насквозь. Еще рывок, толчок и... поехали — плавно, тихо поехали, уже в нужном направлении, мимо вокзала с ухмыляющимися железнодорожниками, мимо депо и примороженного паровоза. (Он так и стоял, нам дали другой).

В тамбурах ликовали проводницы, в проходах прыгали, хлопали в ладошки дети: едем! едем! Сдержанно, еще не веря, что это всерьез, улыбались взрослые, а скептики откровенно морщились: «Рано еще радоваться, погодите!»

Но-таки ехали, и отлично ехали много часов подряд, и на станциях поезд встречали, словно воскресшего из мертвых.

Потом опять случилось происшествие. Сменный паровоз завалился, съезжая с поворотного круга, заткнул и разворотил пути. И опять мы стояли сутки, пока подтащили краны, раздобыли нам паровоз.

Через два-три перегона случилось еще одно, уже более страшное происшествие. Поздно вечером, когда я уже улеглась спать, состав трянуло так, что я кувырком полетела с полки и не расшиблась только потому, что мама успела как-то меня подхватить. Вещи посыпались в соседних купе, пронзительно закричал маленький ребенок, по вагону пробежал человек, выкрикивая на ходу, что срочно нужен врач или медсестра. Настя побежала за ним, приказав Лене вынуть и принести ее чемоданчик с бинтами и инструментами.

Поезд стоял. Стал меркнуть и быстро потух электрический свет в проходе. Мама вынула и зажгла свечку. Все мужчины ушли куда-то, а женщины с детьми собрались на огонек поближе к нам и встревоженно переговаривались вполголоса.

Наконец люди стали возвращаться. Пришли Лена и Настя, сказали, что ничего особенно ужасного не случилось, только ушибы и два не очень серьезных ранения в последнем вагоне.

Оказалось, что паровоз-толкач, призванный помочь нам на подъеме, отстал почему-то раньше времени, стал догонять и ткнулся в темноте об задний вагон, не сильно, на тихом ходу, но все-таки с паровой силой.

Опять очень долго стояли на маленькой станции. Отцепили задний вагон с поуродованными буферами и тамбуром и ждали замены. А когда дождались, оказалось, что ехать в нем некому: расселенные пассажиры отлично прижились на новых местах, а заднего вагона теперь побаивались.

Следующее приключение было мирное, но удивительное и редкое. Под утро поезд замедлил ход, катился еще некоторое время, тихо поскрипывая, и встал в полной тишине. Вышедшие на разведку мужчины доложили, что утро чудесное, мороз слабый, а мы мирно стоим посреди степи, но почему-то без паровоза.

Потом со слов проводницы первого вагона передали, что паровоз нечаянно отцепился и ушел сам по себе, как выпрягшаяся лошадь. Проводница кричала, но ее не услышали.

Мужчины, напуганные предыдущим происшествием с толкачом, несмотря на уверения проводницы, что без какого-то жезла никого не пустят на перегон, решили принять свои меры предосторожности. Они собрали по вагонам красные вещи, в том числе мою вязаную шапочку и сочно-малиновые трусы нашего соседа по купе, и отправились в обе стороны от состава, вооруженные палками со всеми этими

красными кофточками, шарфами и прочим. Колонны защитников пассажирского состава от диких паровозов выглядели очень эффектно на белом снегу.

Проводницы со своими флажками стали шагах в двадцати от состава, мужчины отправились дальше.

Паровоз обнаружил, разумеется, на станции, что потерял поезд. Станция была совсем недалеко, но много времени ушло на перелаивание паровозной бригады с персоналом станции. Передние пассажиры-защитники со своими аварийными трусами и блузками успели дойти до станции и приняли активное участие в критических выступлениях обеих сторон, а задние добрались до будки путевого обходчика и уселись там греться.

Паровоз наконец вернулся, подцепил состав, но поехал не вперед, а черепашьим шагом назад, подбирая ушедших. Тем временем одноколейный путь был прочно заткнут с обеих сторон и, в наказание, наверное, нас чуть не сутки держали потом на разъезде.

После этого доскреблись-таки кое-как до Павлодара, но там опять солидно застряли: ремонтировали состав, заменяли буфера и сцепления.

В Павлодаре рассталась с нами Настя, уехала на другом поезде в Новосибирск.

Х

За Павлодаром началось длинное, страшно медленное, однообразное и скучное путешествие до Москвы, причем не прямой дорогой, а какими-то странными загогулинами.

Не было уже никаких чрезвычайных происшествий, но зато вдоволь было занудного стояния на запасных путях всяких мелких станций и захолустных городков. Одно время нас вообще пропускали только ночью, как какой-нибудь заблудший товарняк. Проводники объясняли эти странности нашего движения тем, что поезд «выбился из графика». Но трудно уже было, конечно, понять, из чего именно мы выбились, поезд опаздывал на рекордный даже для тех времен срок: на две с половиной недели.

Ближе к Москве нас стали проталкивать все же побыстрее, надо было как-то избавляться от бестолкового поезда. Ехали теперь и ночью и днем, реже и меньше стояли, но оказывались в каких-то совершенно неподходящих для нормального маршрута городах.

Когда выбрались, по слухам, на более или менее прямую дорогу к Москве, я нашла себе дело: стояла часами у окна в проходе и следила за указателями километров. Это было не так просто. Линия столбиков часто прерывалась, дощечки на многих покосились, цифры не везде были четки. Чтобы узнать расстояние до Москвы, надо было успеть оглянуться назад по ходу поезда, и столбик часто что-нибудь заслоняло, прежде чем я успевала прочесть цифру.

Но у меня хватало терпения натренироваться, ко мне стали приходиться за справками из других вагонов, и мне это льстило, хотя ходили они, конечно, просто от нечего делать.

До сих пор помню то напряженно-радостное возбуждение, от которого мурашки побежали по спине и затылку, когда начались московские пригороды.

Даже сейчас, когда путешествия стали будничной прозой, я всегда испытываю волнение, приезжая в Москву издалека. Никакой другой город не вызывает такого ощущения. Возвращение в Москву — это не возвращение к месту, а в единственный для меня на земле круг близких и любимых людей, без которых устаешь даже в самых интересных и приветливых дачах.

Стемнело. Показались многоэтажные, с освещенными окнами дома Москвы. Меня очень удивило, что огоньки в окнах все время подмигивают: неужели столько людей сразу тушат и зажигают свет? Кто-то объяснил мне, что здания и другие предметы просто заслоняют огоньки. Это удивляет всех детей, я объясняла то же самое позже своим сыновьям, племянникам, внуку.

Никто не встречал нас, да и не могли встретить, несмотря на телеграммы. В Москве давно потеряли наш след, очень тревожились, а Николай Николаевич [Кузьмин] даже предпринял настоящие розыски. Но поезд приближался к Москве по такой заковыристой дуге, что все путалось и невозможно было добиться толку. Прибыли мы тоже на какой-то неподходящий вокзал, не то Ленинградский, не то Киевский.

Не помню уже, как добирались до Лубянки (так называли между собой Лубянский проезд, где жили родственники).

Кто-то открыл нам дверь, вскрикнул и отступил в сторону. Я снова увидела длинный полутемный коридор, и с другого конца коридора к нам стремительно приближалась легкая женская фигурка с пышной копной волос. Это была Ирина.

По[-]разному бывают близки люди. В Каркаралинске с нами были ссыльные, свои, близкие товарищи по несчастью, пережившие с нами тяжкие дни болезни и смерти папы. Потом приехали Лена и Настя — родные, еще более близкие люди. Но только увидев глубокие, полные слез и улыбки глаза Ирины на тонком, хрупком лице, я поняла, что все до сих пор было совсем не то...

Я помню мамины слова: «Пойдем, посмотрим в последний раз на папу, сейчас придут чужие люди, закроют гроб и больше мы никогда его не увидим...». Я не поняла тогда, почему «чужие».

Меня «подложили» на кровать к Талочке, которая давно уже спала в уголке за ширмой.

Кусались клопы, тогдашнее неизбывное московское бедствие: совестно было вертеться и мешать Талочке. Я порядком вымучилась, прежде чем удалось заснуть, и только утром разинула глаза с чувством великого, давно уже не посещавшего меня счастья: ведь мы же доехали! **МЫ У СВОИХ!**

МЫ, НАКОНЕЦ, В МОСКВЕ!

Рукописный подлинник. Воспоминания были изданы в начале 1990-х гг. на личные средства Н.Л. Бызовой¹⁴⁵ тиражом 300 экз.

№ 59

Протокол обыска в квартире вдовы В.Н. Рихтера В.В. Суворовой

27 декабря 1934 г.

Протокол обыска

На основании ордера № 10411 Реутовского р[айонного] о[тдела] Упр[авления] НКВД по МО нашими сотрудниками р[айонного] о[тдела] о[пер] уполномоч[енным] Парковым и уполномоченным Смоляниновым, произведен обыск в квартире Суворовой-Кузьминой В.В.[.] проживающей по Московской улице дом № 19 пос. Салтыковка.

В результате обыска взято для представления в р[айонный] о[тдел]

Разная переписка

Паспорт № 253039.

Согласно ордера задержана Суворова[-]Кузьмина Вера Вадимовна.

Жалоб на неправильное произведение обыска нет.

Обыск произвели:^а

Копию с протокола получил (Семенова)

Рукописная копия (под копирку). Подписи — автографы.

№ 60

Удостоверение, выданное В.В. Суворовой рязанским сектором Управления НКВД по Московской области взамен вида на жительство

31 марта 1935 г.

Форма № 16

ВЗАМЕН ВИДА НА ЖИТЕЛЬСТВО. УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано админ[истративной] ссильной гр-ке СУВОРОВОЙ-КУЗЬМИНОЙ Вере Вадимовне в том, что она состоит на особом учете в УСО Рязсектора УНКВД СССР по МО без права выезда за пределы города Рязани и Рязанского р-на.

Обязана явкой на регистрацию в I-е Отделение Р.К. Милиции каждого 4-го числа.

^а Подпись неразборчива.

При отсутствии отметки о своевременной явке на регистрацию удостоверение недействительно.

Пом. Нач. Рязсектора УНКВД СССР по МО (КРИВИЦКИЙ)

Пом. Уполномоченного УСО (МАКСИМОВА)

Машинописный подлинник, заверенный печатью Рязанского сектора НКВД. Подписи — автографы. На обороте отметки: Принята на учет под № 99 в Ряз.УР — 4/IV 35 г. Зав. РБ-УР^а. Моск. Обл. Рязань Отд. РКМ Прописан 5/IV 35 г. По ул. Радищева № 25 кв. Подпись^а Явилась 4/V—35 г. Упол. УР^а Выезд из гор. Рязани разреш[ен] согласно решения Особого Со-вещ[ания] 6/V—35 г. п. уп. Рязсек. (Малькова)

№ 61

Письмо Помощи политическим заключенным за подписью Е.П. Пешковой для В.В. Суворовой с сообщением, что ей разрешено вернуться из Рязани в пос. Салтыковка Московской области

31 марта 1935 г.

СУВОРОВОЙ-РИХТЕРере Вере В.

В ответ на Ваше обращение, сообщаю, что согласно полученной справке, высылка Вам отменена и Вам разрешено вернуться в Салтыковку.

Соответствующее извещение послано в местн[ое] Упр[авление] НКВД, где Вам и надлежит справиться.

(Ек. Пешкова)

Машинописный подлинник, заверенный печатью Помощи политическим заключенным. Подпись — автограф.

№ 62

Письмо Помощи политическим заключенным за подписью М.Л. Винавера В.В. Суворовой с сообщением о выдаче ей нового паспорта взамен конфискованного

31 марта 1935 г.

Г-ке СУВОРОВОЙ-КУЗЬМИНОЙере Вере Владимировне^б.

^а Подпись неразборчива.

^б Так в тексте. Должно быть: Вадимовне.

В ответ на В[аш] запрос сообщаю, что согласно полученной справке ГУРКМ⁷а 13/VI с/г дано распоряжение о выдаче вновь Вам паспорта в Москве (М. Винавер)¹⁴⁶

*Машинописный подлинник, заверенный печатью
Помощи политическим заключенным.
Подпись — автограф.*

№ 63

Свидетельство о смерти матери В.Н. Рихтера М.М. Рихтер

27 мая 1939 г.

СВИДЕТЕЛЬСТВО о смерти №

Гр.*Рихтер*.....
(фамилия)
.....*Мария*.....*Михайловна*.....
(имя и отчество)
умер (ла)....*в тысяча девятьсот*.....
(прописью и цифрами число и месяц)
.....*тридцать девятом году 25 мая*.....
о чем в книге записей актов гражданского состояния о смерти за 1939 г.
«27» числа*мая*.....м-ца произведена соответствующая запись.

Место смерти { $\left. \begin{array}{l} \text{город} \\ \text{село} \end{array} \right\} \text{Колывань} \text{ край} \text{ Алтайский край}$
 $\left. \begin{array}{l} \text{район} \\ \text{с/совет} \end{array} \right\} \text{Змеиногорск. с/совет Колыванский}$
Возраст и причина смерти...*85 лет...от...упадка...серд[ечной]...деятельн[ости]*

Зав. бюро ЗАГС^а Делопроизводитель^а

Подлинник на типографском бланке, скрепленный печатью Колыванского сельсовета. Выделенный курсивом текст вписан от руки. Подписи — автографы.

^а Подпись неразборчива.

Приложение 1
Документы ЦА ФСБ РФ

№ П1.1

Постановление о заключении В.Н. Рихтера под стражу

22 февраля 1921 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

В^a
1921 г. «22» февраля Я, Грапский,
дежурный следователь Одесской Губернской Чрезвычайной Комиссии,
опросив гражданина Рихтер Владимир Николаевич
обвиняемого в меньшевизм
арестованного по орд 9324
1921 г. февр[аля]22 числа, нахожу нужным
Гражданина Рихтер заключить под стражу

Дежурный следователь (Грапский)

За каким Отделом зачислить дело	<i>Упол. Л. груп.</i>
Содержать в одиночной или в общей камере	В Общей

ЦА ФСБ РФ. Дело Р-47515. Л. 1. Подлинник на типографском бланке. Выделенный курсивом текст вписан от руки. Подпись — автограф. В правой нижней графе таблички сверху вниз у правой вертикальной черты стоит число 202. Оно зачеркнуто и рядом красным карандашом поставлена цифра 3.

^a Пустая строка.

№ П1.2

Анкета В.Н. Рихтера

23 февраля 1921 г.

АНКЕТА № Ч.К.
 ДЛЯ АРЕСТОВАННЫХ И ЗАДЕРЖАННЫХ С ЗАЧИСЛЕНИЕМ ЗА
 Ч.К. ЛИЦА, ДАВШИЕ НЕВЕРНЫЕ ПОКАЗАНИЯ В АНКЕТЕ,
 БУДУТ ПОДВЕРГНУТЫ СТРОЖАЙШЕЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

ВОПРОСЫ		ОТВЕТЫ			
1-ая часть (заполняется арестованным)					
Фамилия		<i>Рихтер</i>			
Имя и отчество		<i>Владимир Николаевич</i>			
Граждан какого государства		<i>Российской Фед[еративной] Республ[ики]</i>			
Национальность		<i>русский</i>			
Место прописки		Губ.: <i>Херсонской уезд: Одесский</i> Вол.: $\frac{\text{село}}{\text{город}}$ <i>Одесса</i>			
Возраст (год рождения)		<i>41 лет; родился в 21 июля 1880 г.</i>			
Образование: а) грамотный ли б) какую школу окончил в) если не окончил, то ск[олько] $\frac{\text{класс}}{\text{курс}}$ прошел			а) <i>грамотный</i> б) <i>окончил университет</i> школу в) $\frac{\text{класс}}{\text{курс}}$ прошел школы		
Состав семьи, место жительства и место работы каждого члена (отца, матери, детей, мужа, жены, братьев, сестер)	Степень родства	ФАМИЛИЯ, ИМЯ, ОТЧЕСТВО	Возраст	Занятие или место работы и должность или профессия	Место жительства (адрес)
	<i>1. Жена</i>	<i>Кузьмина В. Влад.¹</i>	<i>37</i>	<i>Собес</i>	<i>Нежинская 10</i>
	<i>2. Мать</i>	<i>Рихтер Мар. Мих.</i>	<i>69</i>		_____ “ _____
	<i>3. Дочь</i>	<i>Рихтер Мария Ник.^а</i>	<i>5</i>		_____ “ _____
	<i>4. Дочь</i>	<i>Рихтер Валерия²</i>	<i>5 месяцев</i>		_____ “ _____
Партийная принадлежность: а) в какой партии состоит, б) с какого времени		Партия социалистов-революционеров С 1898			

^а Описка В.Н. Рихтера. Следует *Рихтер Мария Влад.*

Профессия и член какого профсоюза (№ билета)	ВСОРАБИС ³ № 4234	
Место работы, службы а) с начала войны до .../III 1917 г., б) с .../III по день ареста	Название предприятия или учреждения	Профессия или должность
	а) эмигрант б) Трудиккола № 149 Лекторское бюро	Преподаватель
Если состоял на государ[ственной] службе, то в каком чине	<i>Не состоял</i>	
Если не служил и не работал по найму, то на какие средства жил	<i>Журналист, лектор</i>	
Владел ли недвижимым имуществом, каким и где	<i>нет</i>	
Привлекался ли к ответственности по суду или в админ[истративном] порядке	<i>Привлекался за социалистическую пропаганду по суду и адм[инистративно]</i>	
Отношение к воинской повинности: а) воинское звание, род оружия или специальность; б) если освобожден, то на каком основании	<i>Не подлежал</i>	
Когда арестован	<i>«23» февраля месяца 1921 г.</i>	
Кем арестован, по чьему ордеру и № ордера	<i>Губчека орд 9324</i>	
Где арестован; а) губ., уезд, вол., село, гор., улица и № дома; б) при каких обстоятельствах арестован (на своей квартире, в засаде, на собрании и пр.)	<i>Одесса, Нежинская 10 дома</i>	
Когда и кем допрошен	<i>нет</i>	
Предъявлено ли обвинение и в чем именно	<i>нет</i>	
Место жительства перед арестом	<i>Нежинская 10</i>	

Примечания арестованного:

«23» февраля 1921 г. Подпись арестованного: (Вл. Рихтер)

2-ая часть (заполняется администрацией места заключения)

Официальное название места заключения	
По чьему ордеру арестован и № ордера	
За кем зачислен?	
Приметы заключенного	

Примечания:

Подпись заведующего местом заключения

Ответы на вопросы анкеты надо писать чернилами (в крайнем случае химическим карандашом, разборчиво, полностью выписывая слова, по возможности без помарок и поправок).

ЦА ФСБ РФ. Дело Р-47515. Л. 5. Подлинник на типографском бланке. Ответы, вписанные В.Н. Рихтером, выделены нами курсивом; подпись — автограф.

№ П1.3

Письмо заведующего Одесским губернским отделом политического просвещения в ОГЧК с просьбой об изменении меры пресечения В.Н. Рихтеру

26 февраля 1921 г.

В О.Г.Ч.К.

24 числа Вами был арестован член Лекторского Бюро Губполитпросвета т. Рихтер, обнаруживший чрезвычайную преданность делу.

Ввиду необходимости т. Рихтера для правильной постановки Лекторск[ого] Дела в Одесск[ой] губернии Губполитпросвет просит, если Ч.К. найдет возможным, изменить меру пресечения и предоставить т. Рихтеру возможность исполнять служебные обязанности.

Зав. Губполитпросветом^а

Зав. Лекторским Бюро^а

Управдел^а

ЦА ФСБ РФ. Дело Р-47515. Л. 6. Машинописный подлинник на половине тетрадного листа в косую линейку. Слева штамп отдела Наробраза УССР. Под ним штамп: Зарегистрировано в общей канцелярии ОГЧК 27.02.1921 за № 5980. Поверх штампа Наробраза снизу вверх по диагонали надпись черными чернилами: К делу Рихтера, 27/II 21 г. и подпись.

^а Подпись не разборчива.

Поперек текста неразборчивые пометки и подписи химическим карандашом: Уп. I гр...^а. На обороте письма росписи карандашом.

№ П1.4

Письмо заведующего Одесским губернским отделом народного образования в ОГЧК с просьбой об ускорении рассмотрения дела В.Н. Рихтера

4 марта 1921 г.

В О.Г.Ч.К.

Несколько дней тому назад арестован преподаватель трудовой школы № 149 т. Рихтер, работающий, кроме того, в целом ряде просветительных учреждений Губнаробраза. Так как отсутствие т. Рихтера в них тяжело отзывается на занятиях, прошу об ускорении рассмотрения дела учителя Рихтера.

Завгубнаробразом

(Потемкин)

Завсоцвосом^б

ЦА ФСБ РФ. Дело Р-47515. Л. 7. Машинописный подлинник на половине тетрадного листа в крупную косую линейку. Слева штамп на русском и украинском языках: Революционный Комитет Одесской Губернии. ОТДЕЛ НАРОБРАЗА. Под текстом письма штамп: Зарегистрировано в общей канцелярии О.Г.Ч.К. за № 9264 22.03.1921. Поверх штампа Наробраза снизу вверх по диагонали надпись черными чернилами: К делу Рихтера, 22/III 21 г. и подпись. Ниже штампа карандашом запись: Уп. I группы к. 918726. 23/III и подпись. Поперек текста неразборчивые пометки и подписи химическим карандашом: Уп. I гр...^в. На обороте письма росписи карандашом.

№ П1.5

Заявление учителей в ОГЧК с просьбой об освобождении В.Н. Рихтера

21 марта 1921 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ

От имени всех учителей Гуманитарного отделения просим ходатайствовать об освобождении нашего лектора по истории т. Рихтера, как неза-

^а Слово не разобрано.

^б Подпись неразборчива.

^в Слово не разобрано.

менимого работника. Как Вам известно, т. Рихтер в своих лекциях всегда проводил революционную мысль за Советскую власть.

Староста (Ц. Соболев)

Секретарь (Т. Бурлаков)

ЦА ФСБ РФ. Дело Р-47515. Л. 8. Рукописный подлинник, написан карандашом. В левом углу наискосок резолюция: На рассмотрение Комячейки Бюро. Далее поперек текста слева и снизу вверх наискосок: Комячейка решила ходатайствовать перед О.Г.Ч.К. об освобождении т. Рихтера. Секретарь Комячейки^а. Синим карандашом что-то жирно зачеркнуто и написано: Уполномоченный I группы^а — 21/III. Слова в тексте за Советскую власть вписаны другим почерком. Поперек всего текста резолюции и подпись секретаря Семеновой, а также другие подписи. Подписи — автографы.

№ П1.6

Шифротелеграмма председателя ВУЧК в Одесскую ГЧК с требованием выслать характеристику на В.Н. Рихтера

30 января 1922 г.

Из Харькова ОГЧК

Срочно вышли мне подробную характеристику правого эсера Рихтера. Получение подтвердить. № 03173. 30/1—22 г.

ПредВУЧК

...АНЦЕВ^б. Расшифровала Левина, вх. № 486/ш. 7/II—22 г.

ЦА ФСБ РФ. Дело Р-47515. Л. 10. Машинописный текст на половине тетрадного листа в линейку. В правом верхнем углу надпись: 9/II Вх. № 294. Под телеграммой резолюция: тов. Киркову, срочно. Кайдан. Ниже надпись: папка № 1.

№ П1.7

Шифротелеграмма председателя Одесской ГЧК с характеристикой В.Н. Рихтера

9 февраля 1922 г.

В ответ на телеграмму № 03173

сообщаем, РИХТЕР Владимир Николаевич С.Р. с 1897 г. по социальному положению профессор, сын богатого домовладельца в Одессе, до 1917 г.

^а Подпись неразборчива.

^б Начало фамилии не читается.

находился за границей и в Петрограде, откуда в Одессу прибыл в конце июля 1917 г. и здесь был выставлен кандидатом в члены Учредительного собрания от Одесской организации П.С.Р. по Херсонской губернии, первым по списку. После разгона учредительного собрания вновь вернулся в Одессу и принял здесь самое активное деятельное участие в работе организации. Долгое время состоял председателем Одесского Комитета П.С.Р. как легального, так и нелегального в 1919 г., 20 и 21 г. и по день своего ареста. Рихтер является теоретиком, духовным главою организации, особенно пользуется большими симпатиями среди учащейся молодежи, им был организован кружок по изучению народничества, из которого в последнее время образовалась студенческая организация. Даже и теперь, находясь в изоляторе, он руководит действиями Одесской организации П.С.Р. и большинство статей, напечатанных в их листовках, принадлежат ему.

ПРЕДГУБЧЕКА

СЕКРЕТАРЬ

ЦА ФСБ РФ. Дело Р-47515. Л. 11. Машинописная копия. Справа вверху напечатано: шифром. — Внизу слева штамп: секретно, С.О.Ч. 9/II ...^а. 190, 486/ш. Подписей нет. Внизу справа подпись: Кирков.

№ П1.8

Шифротелеграмма начальника СОУ ГПУ Т.П. Самсонова председателю Одесского губотдела ГПУ с требованием арестовать В.Н. Рихтера и препроводить его в Москву

4 марта 1922 г.

Из Москвы Одесса Предгуботдел ГПУ

На Ваш от 21/II повторяется наша телеграмма № 22643 от 2/II. По сведениям видных правых эсеров Рихтер Владимир Николаевич находится в Одессе кажется приват-доцент. Арестуйте и препроводите СОУГПУ. 4/III — 22 г.

№ 23251 /...^б /6296/ш Нач СОУ ГПУ Самсонов.

Расшифровала^в Щильберштейн, вх. № 924/ш от 8/III — 22 г.

ЦА ФСБ РФ. Дело Р-47515. Л. 12. Машинописный текст на клочке бланка. Справа вверху: 11/III вх. 521. Под текстом телеграммы резолюция: тов. Киркову, материал для повести Щедрина, Кайдан, 11/III — 22 г.

^а Слово не разобрано.

^б На этом месте дыра в бумаге.

^в Под словом жирная клякса.

№ П1.9

Шифротелеграмма председателя Одесского губотдела ГПУ в ГПУ с сообщением об исчезновении В.Н. Рихтера

21 марта 1922 г.

Телеграмма Москва ГПУ копия Харьков ВЧК

В ответ на Вашу телеграмму за № 2325/ш сообщая, что нами был вызван гр. Рихтер для отправки в Москву в ГПУ¹ и временно под честное слово был освобожден для подготовки к поездке. Гр. Рихтер дав честное слово скрылся и неизвестно куда, взяты заложники⁵ и приняты меры к его розыску. Второй лидер Одесской организации П.С.Р. Каплан Владимир Натанович высылается ближайшим поездом.

ПРЕДГУБЧЕКА^а

СЕКРЕТАРЬ

1922 г. № 454 924/ш

ЦА ФСБ РФ. Дело Р-47515. Л. 27. Машинописный текст. Внизу слева штамп: секретное, С.О.Ч. Отдела ...⁶ № 454 924/ш...192.. г. В правом верхнем углу: вх. 579, 21/III. Подписи отсутствуют.

№ П1.10

Выдержка из протокола допроса В.Н. Каплана

23 августа 1922 г.

Показания по существу дела.

«Рихтера я знаю с 1917 года по Петрограду. Я был на 3 и 4 съезде П.С.Р. С Рихтером я познакомился на 3 съезде, когда его выбрали в члены ЦК ПСР. В марте 1918 года я был в Питере. В 1918 году я с ним ни разу не встречался. После 4 съезда П.С.Р. — в последних числах ноября 1917 года [—] я с ним больше не видался. Как мне известно[,] он до этого еще уехал на Украину. Членом Одесского городского комитета п.с.р. я состоял с половины 1919 года до половины 1920 года. Из состава

^а 6 февраля 1922 г. ВЧК была преобразована в ГПУ, однако некоторое время продолжали использовать старое наименование организации.

⁶ Текст размыт.

комитета я вышел по причинам личного характера. Связь с Одесской организацией я потерял с февраля 1921 года — с момента ареста. Последний раз с Рихтером я виделся 9 марта 1922 года. В феврале 1921 года я был арестован вместе с Рихтером и [мы] освобождены были одновременно 8 марта 1922 года. После освобождения я Рихтера видел один раз. Он зашел к нам на квартиру — это было 9 марта до объявления нам предложения о выезде в Москву. После объявления я его не видал. До ареста Одесской организации в феврале 1921 года Одесская организация никаких воззваний и листовок против Советской власти не распространяла. Принимать участие в распространении подобных листовок, следовательно, я не мог. Из Ц.К. П.С.Р мы тоже никаких листовок не получали, т.к. с ним всякая связь была потеряна. История возникновения предъявленных мне листовок Одесской орг[анизации] П.С.Р., мне неизвестна. При мне Одесская организация никакой вооруженной борьбы с Советской властью не вела.

Во время Самарского Учр[едительного] Съезда я был в Одессе. До Колчаковского переворота⁶ лично я стоял за вооруженную борьбу с Сов[етской] властью[,] предполагая, что это будет широким общенародным обвинением. После Колчаковского переворота я этот взгляд изменил. Известие об этом перевороте мы получили в Одессе в январе 1918 года.

Организация П.С.Р. почти единогласно стала на точку зрения «невозможности какого бы то ни было соглашения с Колчаком».

Каплан

Допрашивал^а

ЦА ФСБ РФ. Дело № Р-47515. Л. 38–39. Рукописный подлинник на бланке. Подписи — автографы.

№ П1.11

«Протокол обыска в квартире № 2 [дома № 10] по Сретенской ул., принадлежащей ГУРЕВИЧУ Борису Евгеньевичу»

28 сентября 1922 г.

При задержании лиц, пришедших и находящихся здесь, обнаружено:

1. У ГУРЕВИЧА Бориса Евгеньевича, владельца квартиры — браунинг № 242859 с одной обоймой патрон количеством шесть штук, причем обойма находилась не в браунинге, а в столике. Действительность изложенного удостоверяю своей личной подписью (подпись).

^а Подпись неразборчива.

2. У ГУРЕВИЧА Евгения Самойловича, отца квартирохозяина, приехавшего 27 сентября из Кременчуга к сыну, обнаружено: удостоверение личности, ...^a и билет Союза «МЕДСАНТРУД». Действительность обнаруженного удостоверяю личной подписью (подпись).

3. У ДОМАРАЦКОЙ Варвары Денисовны, проживающей [в] вышеуказанной квартире в качестве комнатоначальницы, обнаружено: ничего не было, [в] чем и самолично подписываюсь (подпись).

4. У ПЛЯМА Александра Моисеевича, квартирнанимателя, по профессии бухгалтер Киевторга, при обыске обнаружено ничего не было, в чем и подписываюсь лично (подпись).

5. У ПИСАРЕВСКОГО⁷ Александра Давыдовича, комнатоначальника обнаружено свидетельство (удостоверение личности), выдан[ное] Киевской Городской Милицией за № 3521/14490, личная карточка за № 2764, пропуск на поездку по ж.д. [в] прифронтовую полосу на имя ПИСАРЕВСКОГО за № 1088, удостоверение Московского Совета от 17/1–22 г. за № А-128, справка участкового надзирателя Согоменского района от 3/IX без №, учетная карточка Биржи труда за № 125589 от 1/IX–22 г. и личная переписка. От дачи каких бы то ни было показаний отказываюсь, в чем и собственноручно и подписываюсь (подпись).

6. У ПОЛОЗА Михаила Григорьевича по партийности члена партии ПСР, пришедшего к ПИСАРЕВСКОМУ, при обыске было обнаружено[:] резолюции, принятые на 5-м Всеукраинском Совете партии, отпечатанные на пишущей машинке: 1) Кооперация и задачи партии (в четырех листах)[:]; 2) По про[ф]движению (на трех лист[ах])[:]; 3) По текущему моменту (на двух листах)[:]; 4) Вопросы о едином социалистическом фронте (на одном листе), 5) По организационному вопросу (на одном листе)[:]; 6) резолюция о суде над партией ПСР в Москве (на одном листе)[:]; 7) Тезисы доклада о задачах партии и текущий момент, 8) Рукопись личная по вопросам отделения политики (на двух листах). От дачи каких бы то ни было показаний отказываюсь, в чем и подписываюсь собственноручно (подпись).

7. У ПОЗНЯКОВА Якова Марковича, пришедшего к ПИСАРЕВСКОМУ[,] при личном обыске обнаружено: 1) Бессрочная паспортная книжка на имя ПОЗНЯКОВА Якова Марковича, выданная Елисаветградским Полицейским Управлением, 2) Удостоверение Черниговского Союза кооперативов (Одесское представительство) № 840 от 20/IX–22 г., 3) Справка Домкома по Троицкой ул. д. № 2[,] что проживает по Троицкой № 2 без номера от 14/VII–22 г. 5) Доверенность на имя С.Х. ПИЛЬЯНЕР на предмет получения посылки АРА, заверенную Домкомом Троицкой ул. № 2 от 21/VIII–22 г. 6) Свидетельство о прививке холеры, выданное Одесским Губздравом, 7) Шифр на небольшом клочке бумаги, 8) Протест по поводу приговора над ПСР, отпечатанный на папиросной бумаге [на] пишущей машинке, 9) Брошюра ПСР «ЧТО ТАКОЕ СОЦИАЛИСТЫ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ И ЗА ЧТО СУДИЛИ ИХ КОММУНИСТЫ», печатан[ная] в типографии[,] на 18 стр., 10) Резолюция по вопросу об укреплении партии и ликвидации внут-

^a Слово не разобрано.

ри-партийных группировок, опечатан[ная] на папирос[ной] бумаге пишущей машинкой на двух лист[ах], 11) «Знамя Труда» № 20 Орган Южного Краевого Бюро партии с.р., 12) «Тезисы по текущему моменту[,] предложенные Всеукраинскому Комитету»[,] написанные от руки на двух листах, 13) «Деревенские впечатления, написанные от руки карандашом, на 19 полулистах. 14, Резолюция по текущему моменту от руки на четверт.^а листах, 15, «Международное рабочее движение и Интернационал» от руки на четверти листа. 16) Записная книжка и разн[ая] другая переписка. От дачи каких бы то ни было показаний отказываюсь[,] в чем собственноручно подписываюсь. По просьбе добавлено, что переписка, разная в четырех отдельных листиках и записная табличка целлилуодная^а с надписями «23, Ист. Н.Ж.М. лин. Цир. Тростоян Томашкол» (подпись).

8. У ОРЛОВА Ефима Николаевича, пришедшего к ПИСАРЕВСКОМУ, обнаружено было: ключ от помещения гостиницы, личная карточка за № 65, выданная Царицынским военным Комиссариатом от 28/1—21 г., от какой гостиницы ключ, откуда приехал и какие бы то ни было показания [давать] отказываюсь^а, в чем и подписываюсь собственноручно (подпись).

9. РЫБНИКОВ Николай Михайлович, пришел к ПИСАРЕВСКОМУ, приехал из Харькова два дня тому назад, при личном обыске обнаружено было:

1) Резолюция по вопросу о ЦБ ПСР, писанная от руки на четверти листа, 2) паспорт годичный на имя ПОЛИКАРПОВА Ермолая Петровича, 3) свидетельство на шесть месяцев за № 7115, 4) Квитанция за № 605 вокзал Киев I об отдаче на хранение одного свертка, 5) Билет для входа в читальный зал Московского Румянцевского музея на имя МИХАЙЛОВА за № 12344, 6) Билет на предмет посещения читальни Харьковск[ой] общественной библиотеки за № 3459, 7) Выигрышный билет за № 0697622, 8) Три билета от ст. Москва до ст. Расторгуево, 9) Записная книжка на восьми листочках с шифрованными записями, 10) Один блокнот, 11) Две резолюции[,] напечатанные на папиросной бумаге ПСР на машинке, 12) Письмо на имя «ФИЛИНА», 13) Один пустой бланк «Московская контора Гостреста Урало-платина», с крупной печатью, 14) Чистая бумага в листах[,] карандаши и ручки с перьями и разная переписка личного характера. От дачи каких бы то ни было показаний отказываюсь (в чем собственноручно подписываюсь) (подпись).

28 сентября 1922 года —

Верно: Панкратова

С подлинным верно.^б

*ЦА ФСБ РФ. Дело № Р-46679. Л. 1—2. Машинописная копия. Подписи за-
верявших документ — автографы.*

^а Так в тексте.

^б Подпись неразборчива.

№ П1.12

Заключение о предании В.Н. Рихтера суду Верховного революционного трибунала⁸

12 января 1923 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По делу № 16104 РИХТЕРА Владимира
Николаевича.

28 сентября 1922 г. в Киеве на Сретенской ул., дом № 10, кв. 2 Киевским Губотделом ГПУ был задержан совместно с активными с.р. БОЧАРНИКОВЫМ⁹, ПОДБЕЛЬСКИМ¹⁰, ШТЕРНОМ¹¹ и др. неизвестный, сперва именовавший себя ПИСАРЕВСКИМ Александром Давыдовичем и предъявивший на эту фамилию подложные документы.

Привезенный в ГПУ ПИСАРЕВСКИЙ после упорного запирательства сознался, что он член ПСР с 1902 г. РИХТЕР Владимир Николаевич, 42 лет, образования высшего — юридическое и философское, по профессии журналист и лектор.

От всяких дальнейших показаний отказался.

По данным 3-го Отд[еления] СОГПУ РИХТЕР чл[ен] п.с.р. с. 1898 г. за принадлежность к пср при самодержавии неоднократно арестовывался, был в ссылке и долгое время в эмиграции. В 1917–18 г. был чл[еном] ЦК ПСР и чл[еном] Учредительного собрания. В 1918 г. РИХТЕР по поручению ЦК ПСР принимал участие в организации террористических актов против деятелей Советской власти, и согласно показаниям КОНОПЛЕВОЙ, СЕМЕНОВА¹² и ЕФИМОВА[,] ЦК ПСР РИХТЕРУ была поручена организация покушения на тов. ЛЕНИНА, для каковой цели он снабдил их ядом кураре для отравления пуль^а револьвера, из которого потом стреляла КАПЛАН¹³, и давал инструкции боевикам^а по организации за тов. ЛЕНИНЫМ слежки. В [19]19, [19]20 и [19]21 г. РИХТЕР был во главе Одесской организации ПСР и председателем Одесского Комитета ПСР. В марте 1922 г. во время процесса ЦК ПСР РИХТЕР был обязан честным словом Одесским Губотделом ГПУ явиться в Москву к суду и следствию, но свое честное слово нарушил и скрылся, перешел на нелегальное положение и занимался партийной работой в качестве Уполномоченн[ого] ЦБ ПСР. В Киев РИХТЕР приехал на совещание ответственных партийных с.р. работников, в котором и принимал участие.

По регистрации судимости ГПУ РИХТЕР проходил как арестованный за активную работу в пср в 1920–21 г. Одесским Губотделом ГПУ.

^а Слово вписано от руки на полях.

Содержится РИХТЕР во Внутренней тюрьме. Считаю доказанным участие РИХТЕРА в 1918 г. в организации террористических актов против деятелей Сов[етской] Власти (ст. 64 Уг[оловного] Код[екса]) и активное руководящее его участие в контрреволюционной работе партии с.р. (ст. 57 и 60 Уг[оловного] Код[екса])[.] я предлагаю предать РИХТЕРА суду Верховного Революционного Трибунала с перечислением за ним арестованного.

ПОМ НАЧ 3 ГО ОТД СОГПУ:

(В. Браудэ¹⁴)

«12» января 1923 г. *Согласен Н-к 3-го отд. СОГПУ^a* (И. Решетов¹⁵)

Согласна ПомНач СОГПУ...^b

Самсонов

13/1—23 г

23/1—23 г — Уншлихт¹⁶

ЦА ФСБ РФ. Дело № Р-46679. Л. 37. Машинописный подлинник. Подписи — автографы.

№ П1.13

Постановление о привлечении В.Н. Рихтера к суду в качестве обвиняемого

21 марта 1923 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Москва, 1923 г. марта «21» дня. Я, следователь Верховного Суда *Карлсон^a* рассмотрев дело № 38 по обвинению гр.

Рихтера Владимира Николаевича, он же Писаревский Александр Давыдович, в активном и руководящем участии в контрреволюционной организации в так называемой партии социалистов-революционеров, в которой он как член Центрального Комитета названной партии принимал участие в организации вооруженной борьбы против Советской Власти, а также в организации террористических актов против деятелей Советской власти, руководствуясь ст. 128 У.П.К., постановил привлечь гр-на Рихтера Владимира Николаевича в качестве обвиняемого, предъявив ему обвинение, предусмотренное ст.ст. 57, 58, 60 и 64 Уголовного Кодекса.

Принимая во внимание *тяжесть совершенного преступления,*
Руководствуясь ст. 143 Уголовно-Процессуального Кодекса

^a Текст, выделенный курсивом, вписан от руки.

^b Подпись неразборчива.

ПОСТАНОВИЛ избрать мерой пресечения способ уклонения^а от следствия и суда СОДЕРЖАНИЕ ПОД СТРАЖЕЙ. Копию настоящего постановления препроводить по месту заключения.

Следователь

Ю. Карлсон¹⁷

Настоящее постановление мне объявлено «22» марта 1923 г.

Подпись:

Владимир Рихтер

ЦА ФСБ РФ. Дело № Р-46679. Л. 42. Рукописный подлинник на стандартном бланке. Вписанное от руки выделено нами курсивом. Подписи — автографы.

№ П1.14

Протокол допроса В.Н. Рихтера

22 марта 1923 г.

ПРОТОКОЛ

Москва, 1923 года марта « 22 » дня, я, Следователь Верховного Суда Республики Карлсон допрашивал в качестве обвиняемого нижепоименованного, который показал:

Фамилия *Рихтер* имя *Владимир*

отчество *Николаевич* возраст *42 года*

Происхождение *сын вольного штурмана г. Ростова-на-Дону.*

Должность или занятие *в г. Одессе в Наробразе, учитель трудовых школ и лектор народного университета*

Служебный адрес *Трудовая школа уг[ол] Гулевой и Соборной Площади*

Местожительство *г. Одесса, Нежинская 10 кв 3.*

Национальность *русский*

Семейное положение *женат, 3 детей*

Имущественное положение *без такового*

Образование *высшее — филологическое и юридическое*

Партийность *член П.С.Р. с основания партии и социалист с 1898 г.*

Занимает ли какую-либо должность по выборам — *отказывается отвечать*

Чем занимался и где служил:

а) до войны 1914 г. за границей — с 1908—1911 — в Париже, с 1911—1917 г. в Риме.

б) до февральской революции после февральской революции приехал в Петроград и был избран на 3-ем съезде партии в ЦК ПСР.

в) во время Октябрьской революции в гор. Одессе.

^а Так в тексте.

г) с октябрьской революции *приблизительно в декабре мес[яце] 1917 года приехал обратно в Петроград и пробыл до переезда ЦК в Москву.*

И находился в Москве до 8 Совета партии, а после этого уехал в Одессу.

Бывшее воинское звание не имею

Сведения о прежней судимости при царской власти в 1902 г. — высылка в Кишинев и увольнение из университета; в 1902 г. высылка из Кишинева в Бендеры за революционную деятельность; в 1905 г. — в г. Одессу — по делу п. ср. — высылка в Вологодскую губ. — при Советской власти не судился.

От всяких показаний по существу предъявленного мне обвинения отказываюсь.

Подпись:

Владимир Рихтер.

Следователь

Карлсон.

ЦА ФСБ РФ. Дело № Р-46679. Л. 44. Рукописный подлинник на стандартном бланке. Вписанное от руки выделено нами курсивом. Подписи — автографы.

№ П1.15

Постановление следователя Ю. Карлсона о присоединении к делу В.Н. Рихтера ряда документов

2 апреля 1923 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1923 года апреля «2», я, следователь Верховного Суда Республики, КАРЛСОН, рассмотрев дело № 38 по обвинению члена Центрального Комитета партии социалистов-революционеров РИХТЕРА Владимира Николаевича в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 57, 60 и 64 У.К. и, принимая во внимание, что все вышеуказанные преступления гр-н РИХТЕР совершил совместно с другими членами ЦК ПСР, уже осужденными по делу № 196 — 1922 года¹⁸, что показания некоторых из обвиняемых по делу ЦК ПСР (№ 196) имеют существенное значение, т.к. ими устанавливается причастность гр-на РИХТЕРА к террористической деятельности, направленной против ответственных вождей Рабоче-Крестьянской Республики, руководствуясь ст. 175-й У[головно-]ПР[оцессуального] К[одекса],

ПОСТАНОВИЛ:

Присоединить к делу в качестве обвинительного материала:

1. Обвинительное заключение по делу ЦК ПСР¹⁹.
2. Копию приговора по вышеозначенному делу²⁰.
3. Выписку из брошюры Семенова (Васильева) «Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917—1918 г.»²¹.

4. Выписку из протокола допроса Семенова 14/III—22 г.²²
5. Выписку из письма Коноплевой от 16/I—22 г.²³
6. Копию протокола допроса Ефимова от 11/XI—22 г.²⁴
7. Копию протокола допроса Ефимова от 12/III—22 г.²⁵
8. Копию протокола допроса Ефимова от 31/III—22 г.²⁶
9. Копию протокола допроса Коноплевой от 24/III—22 г.
10. Выписку из протокола № 19 Распорядительного заседания Судебной Коллегии Верхтриба от 23/V—22 г.²⁷
11. Выписку из протокола допроса Семенова 10/V—22 г.
12. Выписку из списка эсеров, эсдеков и кадетов, запрашиваемых Верховным Трибуналом.
13. Копию протокола допроса Коноплевой от 9/V—22 г.
14. Копию протокола допроса Усова от 3/V—22 г.²⁸
15. Экспертиза яда «Кураре»²⁹.
16. То же.
17. То же.
18. Выписка из Известий ВЦИК № 65 от 25/II—22 г. о работе Герштейна и Рихтера на Украине³⁰.
19. Выписка из «Партийных Известий» ПСР за № 5 1918 г. Протокол заседания ЦК ПСР³¹.

СЛЕДОВАТЕЛЬ

Карлсон

ЦА ФСБ РФ. Дело № Р-46679. Л. 45. Машинописный подлинник. Подпись — автограф.

№ П1.16—П1.22

**Материалы судебного процесса
над социалистами-революционерами (июнь—август 1922 г.),
приобщенные к делу В.Н. Рихтера**

№ П1.16

Выписка из письма Л.В. Коноплевой от 16 января 1922 г.³²

16.01.22 г.

Копия

Дело Верховного трибунала ВЦИК № 195 — 22 года.
Том I-й л.д. 26—27.

Выписка из письма Коноплевой от 16/I — 22 г.

Придя к мысли о необходимости террора[,] я обратилась к представителю ЦК в Военной Комиссии при ЦК Борису Рабиновичу с предложением

организовать дело покушения на В.И. Ленина³³, беря на себя роль исполнительницы. Но для того, чтобы не подвести под удар П.С.Р., предлагала это в виде акта индивидуального, для моральной же поддержки просила мнения и санкции ответственных членов ЦК. В это время в Петербурге было несколько членов ЦК, остальные же члены ЦК и Бюро ЦК находились в Москве. Я видалась несколько раз с А.Р. Гоцем, жившим тогда в Петербурге, который в то время был ответственным членом ЦК в Петербурге. Он высказался положительно, но заявил, что такого большого по своим результатам дела, он на свою ответственность не может взять и должен запросить Бюро ЦК в Москве. С этой целью в Москву был послан Б.Н. Рабинович, который в случае согласия Бюро, должен был выяснить вопрос о руководителе боевой группы. Бюро ЦК дало согласие на акт индивидуальный. В качестве руководителя, за отказом от участия в этом деле Б.Н. Моисеенки³⁴, Бюро выделило одного из членов своих В.Н. Рихтера. По возвращении Рабиновича из Москвы, я, получив от него деньги для организации покушения (сумму теперь уже не помню), выехала вместе с П. Ефимовым в Москву. Ехали мы вдвоем, т.к. несмотря на мои и Рабиновича поиски людей для боевой группы, мы никого не могли найти: одни кандидаты забракованы были, другие, как Семенов, отказались. Я ехала в качестве исполнителя. Ефимов для слежки за В.И. Лениным и моим помощником. Приехав в марте в М[оскву] в качестве ж.д. служащих, мы поселились в районе Арбата (я жила под именем Анны Петровны Степановой). К нашему приезду Рихтер должен был наладить всю техническую сторону дела, установить слежку и пр., так чтобы к нашему приезду было все готово и сразу можно было бы произвести террористический акт. Но в действительности им ничего не было сделано; как руководитель он оказался совершенно непригодный для боевой работы. Все дело организации и слежки легло на нас двоих, но ни я, ни Ефимов, не имели абсолютно никаких связей в Москве, знали город очень плохо, и фактически не могли в короткий срок поставить слежку более [или] менее сносно. Пробывшись в Москве недели две безрезультатно, я пришла к убеждению, что дело покушения надо ставить совершенно иначе, не надеясь ни на чью помощь, а поселившись в Москве, взять работу в каком-нибудь учреждении, завязать связи самой среди москвичей и, найдя удобный момент — произвести покушение. По приезду в Москву А.Р. Гоца работа наша была ликвидирована, причем я заявила ЦК, что не отказываюсь от мысли о терроре, но буду дело это ставить совершенно самостоятельно, не входя в сношения по этому поводу с ЦК ПСР.

Должна я добавить, что покушение должно было быть произведено с помощью револьвера («Испанский Браунинг») с отравленными ядом «Кураре» пулями. Яд достал мне в Москве Рихтер.

С подлинным верно:

секретарь^а

ЦА ФСБ РФ. Дело № Р-46679. Л. 73. Машинописная копия, заверенная печатью Верховного Суда. Подпись секретаря — автограф.

^а Подпись неразборчива.

№ П1.17

Протокол допроса П.Т. Ефимова от 11 марта 1922 г.

Копия

Дело Верховного трибунала ВЦИК № 196 — 22 года.
Том I-й л.д. 90—91.

Протокол Допроса гр. Ефимова Петра Тимофеевича

Допрошенный гр. АГРАНОВЫМ³⁵ 11/III — 22 г. я на предложенные мне вопросы показал следующее:

Мне 39 лет, б. студент 1-го курса Петроградского Технологического Института, в партию социалистов-революционеров вступил в 1904 году. Я подвергался арестам и преследованиям с 1901 года. Я был арестован 10/X 1906 г. за участие в Кронштадтском восстании³⁶. Был приговорен Военно-Полевым Судом к 8-ми годам каторги, в апреле 1913 г. я пошел на поселение, откуда был освобожден после Февральской Революции. В Петроград я приехал из Сибири после Октябрьской революции. С членами ЦК ПСР — ГОЦЕМ А.Р. и ТИМОФЕЕВЫМ³⁷ я впервые встретился в Александровском Централе. В начале по приезде в гор. Петроград я занимал техническую должность в редакции журнала «За народ»³⁸, редактором которого состоял УТГОФ³⁹. После ликвидации этого журнала [был] комендантом общежития Съезда партии с.р. в конце декабря 1917 года. По окончании съезда я был делегирован партией в военную организацию партии с.р., во главе которой в то время стоял ДАШЕВСКИЙ⁴⁰. Из порученных мне военной организацией работ я помню данное мне в день открытия Учредительного Собрания поручение находиться на заседании Комитета Семеновского полка для информации о настроении этого полка и его готовности к выступлению в защиту Учредительного Собрания⁴¹. Сведения я должен был доставлять Григорию Ивановичу СЕМЕНОВУ (с которым меня свел ДАШЕВСКИЙ), находившемуся на явочной квартире на Литейном проспекте — угол Семеновского переулка. Весной 1918 г. (в конце февраля или начале марта, точно не помню) Центральный Комитет Партии С.Р. выехал в Москву. В Петрограде из членов ЦК остались ГОЦ, РАКИТНИКОВ и ЛУНКЕВИЧ. С Лидией КОНОПЛЕВОЙ я ближе познакомился в конце 1917 года, кажется до разгона Учредительного Собрания. Она, насколько помню, работала в Военной организации ПСР. Приблизительно в марте мес. 1918 г. член Учредительного Собрания РАБИНОВИЧ (видный член партии с.р., родственник ГОЦА) предложил мне поехать в Москву. Он указал мне, что поездка имеет целью террористический акт, но какой именно [—] не помню, говорил ли он мне. Он сказал, что подробные инструкции я получу в Москве от члена ЦК ПСР РИХТЕРА. Со мной поехала, как руководительница дела, КОНОПЛЕВА. Еще до поездки в Москву я по просьбе КОНОПЛЕВОЙ учил ее стрелять из револьвера за городом. Мы заехали в Москве к РИХТЕРУ (на его кварти-

ру). РИХТЕР должен был приготовить для меня и КОНОПЛЕВОЙ комнаты. В Москву мы приехали под видом железнодорожных служащих. От РИХТЕРА я узнал о плане покушения на В.И. Ленина и о том, что моя роль в этом деле должна была свестись к слежке за Лениным. КОНОПЛЕВА должна была быть исполнительницей покушения. В разговоре с РИХТЕРОМ я выяснил, что план покушения исходит от Центрального Комитета партии с.р. Я доказывал РИХТЕРУ, что этот план убийства социалистов недопустим.

РИХТЕР не настаивал на необходимости этого покушения. Я пару раз ходил к Боровицким воротам Кремля для наблюдения за выездом ЛЕНИНА. Остальную работу проделывала КОНОПЛЕВА. Она же вела с ЦК и детальные переговоры. Я был все время против этого акта и всеми мерами старался уговорить КОНОПЛЕВУ прекратить дело. Если я и сделал первые шаги в деле слежки за ЛЕНИНЫМ, то это исключительно в силу партийной дисциплины. С РИХТЕРОМ мы виделись ежедневно, обедали в одной частной столовой, там мы как-то встретили и секретаря Ц.К.-та (в бытности последнего в Петрограде), фамилии ее припомнить сейчас не могу. Мы провели в Москве не более 2-х недель и решили вернуться в Петроград. Помню, что КОНОПЛЕВА, несмотря на неудачный исход нашей поездки, говорила, что она все-таки не отказывается от задуманного плана. В Петроград с нами поехала жена РИХТЕРА. До отъезда из Москвы я встретился с членом Ц.К. ТИМОФЕЕВЫМ, которому я сказал, что у меня с КОНОПЛЕВОЙ нет средств на прожить и на обратный проезд в Петроград. ТИМОФЕЕВ обещал мне устроить выдачу денег. Не помню, от кого я их потом получил, возможно, что получил их от РИХТЕРА. По приезде в Петроград я по указанию СЕМЕНОВА поступил в Комиссариат Продовольствия в состав охраны с целью выяснения вопроса о возможности совершения экспроприаций. Я узнал о поездке нескольких артельщиков одновременно в Астрахань за фуражом. Я должен был поехать в составе охраны. Я обещался предупредить Г.И. СЕМЕНОВА о моменте отъезда. Это было мне предписано СЕМЕНОВЫМ, руководителем Боевого Отряда. В этом отряде я знал УСОВА, РУДАКОВА⁴². Других я сейчас не припомню. В Москве я впоследствии познакомился с боевиками — ЗЕЛЕНКОВЫМ⁴³, ВЕТРОВЫМ⁴⁴, ФЕДОРОВЫМ-КОЗЛОВЫМ⁴⁵, с ПЕЛЕВИНЫМ⁴⁶ я был знаком по каторге. Но я СЕМЕНОВА с момента отъезда артельщиков известил^a, потому, что не желал рисковать жизнью этих людей. Другим моим мотивом отказа было нежелание фигурировать, в случае провала, в качестве уголовного, как это было обусловлено. Мне было известно, что экссы санкционированы руководящими кругами партии⁴⁷. Экс[,] таким образом[,] не был совершен⁴⁸. По предложению РАБИНОВИЧА Бориса я поехал с АРХАНГЕЛЬСКИМ Василием Гавриловичем для сопровождения его до Казани. По предложению

^a Так в документе. Очевидно, должно быть: *не известил*.

нию РАБИНОВИЧА и ГОЦА А.Р. я поехал с ними в конце лета 1918 г. для сопровождения их до Казани, где к тому времени складывался фронт. Не доезжая до Казани, ГОЦ и РАБИНОВИЧ были опознаны какими-то коммунистами-агитаторами, бывш[ими] членами Петросвета, ехавшими в том же поезде. ГОЦ и РАБИНОВИЧ были арестованы. Я телеграфировал в Москву, кажется, семейству РАБИНОВИЧА приблизительно с таким текстом: «захворали, везут обратно». Не доезжая Мурома, наш поезд, шедший в Москву, был задержан, ввиду проезда Троцкого. На этой станции ГОЦУ и РАБИНОВИЧУ удалось освободиться или подкупить караул, который их и отпустил на свободу. ГОЦ и РАБИНОВИЧ сдали караулу при уходе все свои вещи. При моем приезде в Москву (я приехал раньше ГОЦА и РАБИНОВИЧА) я на вокзале нашел СЕМЕНОВА, КОНОПЛЕВУ и некоторых других боевиков, явившихся с целью освобождения ГОЦА и РАБИНОВИЧА. В Москве я переночевал у СЕМЕНОВА на даче организации в Томилино и затем уехал в Петроград, через 6—8 дней я уехал обратно в Москву и по предложению ГОЦА и РАБИНОВИЧА поехал сопровождать до Пензы (они хотели пробраться за линию фронта). Будучи затем в Москве, я, ночуя на даче Боевой организации, встречался с боевиками; там я от СЕМЕНОВА услышал о неудачном эксе в Губпродкоме. В террористических актах на ВОЛОДАРСКОГО⁴⁹ и ЛЕНИНА я участия не принимал, так же, как не принимал участия в убийстве УРИЦКОГО⁵⁰, но я знаю, что убийство ВОЛОДАРСКОГО и покушение на ЛЕНИНА были совершены отрядом. От кого я узнал конкретно, сейчас припомнить не могу.

Вышеизложенное записано с моих слов верно и мне прочтено.

П. ЕФИМОВ 11/III — 22 года.

Опубликованное после совершения актов извещение Ц.К. партии С.Р. о его непричастности к этому⁵¹, считаю в корне расхордивш[имся] с действиями некоторых членов ЦК, с которыми мне приходилось встречаться. Думаю, что эти члены ЦК действовали с ведома Бюро Ц.К. Партии. Отказ Ц.К. от признания совершенного им дела я считаю лицемерием.

П. ЕФИМОВ

11/III—22 г.

С подлинным верно:

секретарь^a.

16-го марта — 1923^b г.

ЦА ФСБ РФ. Дело № Р-46679. Л. 74–77. Машинописная копия, заверенная печатью Верховного Суда. Подпись секретаря — автограф.

^a Подпись неразборчива.

^b Последняя цифра даты исправлена чернилами с 2 на 3.

№ П1.18

Протокол допроса П.Т. Ефимова от 12 марта 1922 г.

12 марта 1922 г.

Копия

Дело Верховного трибунала ВЦИК № 196 — 22 года.

Том I-й л.д. 93.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА гр. ЕФИМОВА.

Допрошенный гр. АГРАНОВЫМ 12/III — 1922 г. я показал следующее:

Елену Николаевну ИВАНОВУ⁵², состоящую в Боевом Отряде ПСР[,] я встретил 1–2 раза на явочной квартире отряда в Томилине. Один раз я встретил ее с СЕМЕНОВЫМ на бульваре в Москве. С А.Р. ГОЦЕМ я имел разговор в Петрограде до отъезда в Москву с Лидией КОНОПЛЕВОЙ. Я из разговора с ним узнал, что целью поездки является совершение террористического акта, но я тогда совершенно не знал, против кого персонально будет направлен акт; все указания я должен был получить в Москве от члена ЦК РИХТЕРА; ГОЦ — просил меня следить за тем, чтобы КОНОПЛЕВА не сделала сама какого-нибудь необдуманного поступка. Я только из разговора узнал, что акт будет против кого-то из вождей Коммунистической партии и только уже в Москве от РИХТЕРА я узнал о плане покушения на ЛЕНИНА и ТРОЦКОГО⁵³. При разговоре моем и КОНОПЛЕВОЙ с РИХТЕРОМ было решено первым убить того, кто первым попадет. Я помню, что КОНОПЛЕВА предполагала проникнуть через своего знакомого на заседание ВЦИК в Москве и совершить там покушение на кого-то из Советских вождей, кого — именно — не помню, кажется, там должен был выступить Троцкий. Я считаю, что бывший тогда в Москве член ЦК ТИМОФЕЕВ был в курсе плана предлагавшегося покушения на ЛЕНИНА и ТРОЦКОГО.

Изложенное написано с моих слов верно и мне прочтено.

12/III — П. ЕФИМОВ

Допросил

АГРАНОВ

Верно:

секретарь^а

ЦА ФСБ РФ. Дело № Р-46679. Л. 78. Машинописная копия, заверенная печатью Верховного Суда. Подпись секретаря — автограф.

^а Подпись неразборчива.

№ П1.19

Выписка из протокола допроса Г.И. Семенова от 14 марта 1922 г.

14 марта 1922 г.

Копия

Дело Верховного трибунала ВЦИК № 198 — 1922 года.
Том I-й л.д. 26—27.

Выписка из протокола допроса СЕМЕНОВА Григория Ивановича
гр. Аграновым 14-го марта — 22 г.

БОЕВАЯ ГРУППА РАБИНОВИЧА И ОТНОШЕНИЕ ЦК К ТЕРРОРУ

Бюро Военной Комиссии решило организовать Центральную боевую группу и поручила подготовительную работу прапорщику, бывшему каторжанину Ивану Кашину⁵⁴. Конкретные цели этой группы нам самим тогда еще были неясны. Но смутно у нас же появлялись в это время мысли о приемлемости экспроприации у Советской Власти, у некоторых из нас (у меня в частности) — даже мысль о допустимости террористических актов по отношению к представителям Советской Власти.

У Центрального Комитета к этому времени отношение к террору было более определенным и положительным. Мне сообщал эсер ТЯГУНОВ⁵⁵ и кто-то из боевиков, кажется, УСОВ, что еще в январе в [19]18 году (приблизительно) боевики Невско-Заставского района делали попытку покушения на Ленина. Это, по их рассказам, у них было организовано плохо, но делалось все это как будто после бесед об этом с Виктором Черновым и с его ведома.

Узнав, что мы организуем Центральную группу, Центральный Комитет вмешался в это дело и передал организацию группы Б. РАБИНОВИЧУ. РАБИНОВИЧ предлагал мне войти в группу. Мне тогда же было ясно, из беседы с ним, что цель группы — террор. Я тогда отказался, ибо военную работу, которой я был занят, считал более нужной и важной. В группу РАБИНОВИЧА вошли Л. КОНОПЛЕВА, и Петр ЕФИМОВ, бывший каторжанин. КОНОПЛЕВА вскоре предложила ЦК произвести покушение на Ленина, предлагала себя в качестве исполнительницы. Об этом мне рассказывала позже КОНОПЛЕВА, и я знаю эту историю в общих чертах с ее слов. Переговоры об этом она вела с ГОЦем. ЦК согласился, поручил организацию акта члену ЦК РИХТЕРУ и отправил Коноплеву и Ефимова в Москву для выполнения акта. Предполагалось убить Ленина из револьвера, причем было решено отравить пули. Рихтер достал где-то яд «Кураре» и передал его

Коноплевой. По организации акта Рихтер ничего не сделал. Коноплева, пробыв некоторое время безрезультатно в Москве, вернулась в Петроград. Группа Рабиновича, насколько мне известно, скоро распалась, ничего не сделав.

С подлинным верно:

секретарь^а

ЦА ФСБ РФ. Дело № Р-46679. Л. 72. Машинописная копия, заверенная печатью Верховного Суда. Подпись секретаря — автограф. Заголовок подчеркнут в документе.

№ П1.20

Протокол допроса П.Т. Ефимова от 31 марта 1922 г. при очной ставке его с Л.В. Коноплевой

Копия

Дело Верховного трибунала ВЦИК № 196 — 22 года.

Том I-й л.д. 93.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА гр. ЕФИМОВА Петра Тимофеевича
при очной ставке его с гр. КОНОПЛЕВОЙ Лидией Васильевной.

Допрошенный гр. АГРАНОВЫМ 31/III 1922 г. я, нижеподписавшийся П.Т. ЕФИМОВ, показал следующее:

Деньги на обратную дорогу (из Москвы в Петроград) после нашей безрезультатной работы по подготовке покушения на ЛЕНИНА в Москве в марте м[еся]це (точно времени не помню), были мной получены от члена ЦК ПСР. Возможно, что это был Б.Н. ВЕДЕНЯПИН^б. РАБИНОВИЧ после своего приезда из Москвы, куда он был командирован, чтобы узнать решение Центр[ального] Комитета о применении террора по отношению к Советской власти, передал мне, что Центральный Комитет Партии соц.-револ. дал свою санкцию на совершение террористических актов против ЛЕНИНА и ТРОЦКОГО. Я согласился на принятие участия в деле покушения исключительно ввиду решения ЦК о применении террора.

С членом ЦК ПСР РИХТЕРОМ мы встречались в Москве (по приезде туда для совершения покушения вместе с КОНОПЛЕВОЙ) ежедневно и имели с ним все время сношения по делу о покушении.

РИХТЕР дал нам связь с каким-то человеком из района Земляного Вала, который должен был оказать нам помощь в деле покушения в роли исполнителя или для слежки.

^а Подпись неразборчива.

^б Так в документе, должно быть: *М.А. Веденяпин.*

Написано с моих слов верно:

П. ЕФИМОВ.

Показания ЕФИМОВА соответствуют действительности.

Лидия КОНОПЛЕВА.

Допросил АГРАНОВ.

верно:

секретарь^а

ЦА ФСБ РФ. Дело № Р-46679. Л. 79. Машинописная копия, заверенная печатью Верховного Суда. Подпись секретаря — автограф.

№ П1.21

«ВЫПИСКА из протокола № 19 Распорядительного заседания Судебной коллегии Верхтриба ВЦИК от 23 мая 1922 г.»

23 мая 1922 г.

СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ
Постановление Завед[ующего] След[ственным] производством по делу правых эсеров РОЗМИРОВИЧ ⁵⁶ о выделении дела в отношении Авксентьева, Зензинова, Аргунова, Бунакова, Постникова, Минора — Ильи, Мартьянова ⁵⁷ , Руднева, Вишняка, Соколова Б. ⁵⁸ , Коварского, Брушвит ⁵⁹ , Климушкина ⁶⁰ , Нестерова ⁶¹ , Готовского, Шрейдера, Томашевича ⁶² , Тисленко, Чернова Виктора, Архангельского, Махина ⁶³ , Рабиновича, Пораделова ⁶⁴ , Толстова, и Лебедева, как находящихся за границей, Кашина, как находящегося в ДРР ⁶⁵ , и Онитко ⁶⁶ , Калинина, Мерхалева ⁶⁷ , Ананьиной-Гусева, Павлова ⁶⁸ , Рихтера, Фортунатова ⁶⁹ , Бочарникова, Хреновского ⁷⁰ , Эстрина, Брюллову-Шаскольскую, Сергеева ⁷¹ , Зейман ⁷² , Зейме ⁷³ , Гвозд ⁷⁴ , Королева ⁷⁵ , Рудзиевского ⁷⁶ , Новикова ⁷⁷ , Гладкова ⁷⁸ , Карсавина, Каховского, Глебова («Глеб»), Штальберга ⁷⁹ , Зотова, Гаврилова, Архипова ⁸⁰ , Болдырева ⁸¹ , Биянки ⁸² , Блюменталь ⁸³ , Вакулика ⁸⁴ , Ветрова, Гинсбург ⁸⁵ , Герман ⁸⁶ , Гонжумова, Гребенщикова ⁸⁷ , Донченко ⁸⁸ , Егорова ⁸⁹ , Зайцева ⁹⁰ , Изотова, Кузьмина, Мавринского ⁹¹ , Мартынова ⁹² , Никанорова ⁹³ , Смиренина ⁹⁴ , Тягунова, Усенко ⁹⁵ , Шкловского ⁹⁶ , Яковлева ⁹⁷ , Устинова, Полковникова ⁹⁸ , как неразысканных впредь до возвращения первой группы в РСФСР из-за границы и розыска второй.	Постановление утвердить

ЦА ФСБ РФ. Дело № Р-46679. Л. 84. Машинописная копия.

^а Строка вписана от руки, подпись неразборчива.

Выписка из стенограмм судебного процесса

ВЫПИСКА ИЗ СТЕНОГРАММ

14 июля 1922 года
Тридцать первый день

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ

КОНОПЛЕВА... Далее он добавил, что Бюро ЦК в Москве выделило для руководства этой работой члена ЦК В.Н. РИХТЕРА. Далее РАБИ-НОВИЧ передал мне, что РИХТЕРУ поручено произвести всю подготовительную работу, т.е. найти квартиру, собрать нужные сведения, наладить слежку и т.д. и что к моменту нашего приезда в Москву все должно быть готово...

Кроме того ЕФИМОВУ был передан личный адрес РИХТЕРА... От него же я узнала, что этот яд я смогу получить здесь в Москве от РИХТЕРА... Приехав, мы отправились с вокзала к В.Н. РИХТЕРУ, у него, предполагалось, имеется квартира. Мы с РИХТЕРОМ не вели никаких конкретных разговоров.

Ему было сказано, что это те, о которых говорил РАБИНОВИЧ. Он нас отправил на квартиру по Большому Успенскому около Арбата, где все время пребывания в Москве мы и жили. Из последующих разговоров с РИХТЕРОМ в последние дни выяснилось, что РИХТЕРОМ ничего абсолютно не сделано в смысле слежки. У него не было абсолютно никаких сведений. Должна еще добавить, что руководство этим делом как раз было на нем... После продолжительных разговоров с РИХТЕРОМ, РИХТЕР все-таки обещался собрать все нужные сведения и принять меры к этому... В течение всего этого периода РИХТЕРОМ в смысле слежки ничего не было сделано. Он сказал нам только, что ЛЕНИН выезжает из каких-то ворот, не помню, из каких, и больше ничего. Дальше он дал мне в качестве помощника для слежки какого-то из своих знакомых типа офицерского, который по разговорам произвел на меня впечатление белогвардейца, я не видела в нем совершенно с.-р. и от него отказалась. Единственно, что РИХТЕР сделал, это достал яд Кураре. Когда у нас выяснилось в течение некоторого времени, недели или больше, что дело стоит на месте, что на РИХТЕРА надеяться абсолютно не приходится, встал вопрос о том, чтобы как-нибудь справиться собственными силами... Между прочим ГОЦ говорил о том, что РИХТЕР, как руководитель абсолютно не годится для дела, что дело поставлено совершенно неправильно, что нет самого основного, нет руководителя, что мы напрасно тратим время и энергию и что если в будущем будет такой момент, то такой момент^а, то это дело индивидуаль-

^а Повтор в стенограмме.

но, а что партия может дать только моральную санкцию, но что делается это не от имени партии, и что в будущем нужно это дело иначе ставить, что такое положение совершенно неправильное и неестественное...

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ.

ГЕНДЕЛЬМАН. Как вел себя ЕФИМОВ по приезде в Москву? Вы говорите, когда вы разочаровались в РИХТЕРЕ, который достал вам яд кураре, который оказался негодным при выстреле.

КОНОПЛЕВА: Я этого не знала.

ГЕНДЕЛЬМАН: Гр-н СЕМЕНОВ это знал. Вся работа РИХТЕРА сводилась к тому, что он достал вам яд кураре, который негоден для стрельбы.

КОНОПЛЕВА: Это ваши добавления.

ГЕНДЕЛЬМАН: Я ссылаюсь на экспертизу гр-на СЕМЕНОВА. Скажите, пожалуйста, когда вы увидели, что РИХТЕР ничего не сделал, вы сами не пытались, когда ЕФИМОВ не пытался самостоятельно установить слежку, т.е. проделать ту работу, которую до вас должен был проделать РИХТЕР?

КОНОПЛЕВА: Когда мы приехали и узнали, что у РИХТЕРА ничего [не] готово, ЕФИМОВ должен был пойти на слежку и пошел.

ГЕНДЕЛЬМАН: И пошел.

КОНОПЛЕВА: Да, он ходил.

ГЕНДЕЛЬМАН: А не было ли того, чтобы он саботировал вашу работу, чтобы уговаривал вас: бросьте вашу работу, это не стоящее дело?

КОНОПЛЕВА: За последнее время у него настроение изменилось, я не знала, чем это объяснить, но видела, что он охладел. Но о том, что он саботировал, мы не знали.

ГЕНДЕЛЬМАН: Он отговаривал вас в Москве?

КОНОПЛЕВА: Да, в Москве.

ГЕНДЕЛЬМАН: Он вас отговаривал и говорил: бросьте это дело?

КОНОПЛЕВА: Да, отговаривал.

ГЕНДЕЛЬМАН: Когда это было?

КОНОПЛЕВА: В Москве.

ГЕНДЕЛЬМАН: Это было, когда вы убедились, что РИХТЕР ничего не сделал, и когда вы убедились, что в такой форме это дело нужно бросить, что технически вы не подготовлены?

КОНОПЛЕВА: Да, в такой форме нужно было бросить.

...ГЕНДЕЛЬМАН: Вы с РИХТЕРОМ виделись часто?

КОНОПЛЕВА: Очень часто.

ГЕНДЕЛЬМАН: Обедали вместе?

КОНОПЛЕВА: Да.

ГЕНДЕЛЬМАН: Когда вы решили возвращаться, и у вас не было денег, почему вы обратились^а к РИХТЕРУ, а обращались к ТИМОФЕЕВУ и ВЕДЕНЯПИНУ? Ведь когда вы приехали, вы обратились к РИХТЕРУ

^а Так в тексте, следует *не обратились*.

первоначально, у него получили кураре, почему же не у него получили деньги?

КОНОПЛЕВА: Я затрудняюсь ответить, почему я получила деньги не у РИХТЕРА, а у ВЕДЕНЯПИНА.

ГЕНДЕЛЬМАН: Почему вы не обратились к нему? Ведь вы были в ведении РИХТЕРА, почему вы не обратились к РИХТЕРУ с вашими затруднениями, что у вас не хватает денег, что вам нужно возвращаться обратно?

КОНОПЛЕВА: с РИХТЕРОМ мне было вообще трудно говорить о деньгах. РИХТЕРА я мало знала и РИХТЕР в моих глазах кроме того был... (не слышно).

ГЕНДЕЛЬМАН: Для того, чтобы получить деньги, авторитета не надо.

КОНОПЛЕВА: Мне было трудно обращаться и к ВЕДЕНЯПИНУ.

ГЕНДЕЛЬМАН: Значит вы не обращались к РИХТЕРУ и ВЕДЕНЯПИНУ, а предпочли говорить с ТИМОФЕЕВЫМ?..

...ЛИХАЧ⁹⁹: Теперь разрешите вернуться к вопросу, о котором говорилось. Вы вели всю работу в Москве под руководством не только членов Центрального Комитета, но и членов^a Бюро ЦК РИХТЕРА.

КОНОПЛЕВА: Так.

ЛИХАЧ: Так, что вы должны были обращаться к нему и обращались к нему за всеми делами, которые у вас были. Так вот я все-таки никак не пойму, если вы связаны по какому либо определенному делу с человеком, зачем вы идете, когда у вас встречается надобность в деньгах, к другим членам Центрального Комитета, да еще на партийную явку, которой вы не знаете и которую по вашему предыдущему показанию показал вам ЕФИМОВ?

КОНОПЛЕВА: Я была на явке вовсе не для того, чтобы доставать деньги.

ЛИХАЧ: А для чего?

КОНОПЛЕВА: Не помню. Факт, что нам нужны были деньги, и встретившись с ВЕДЕНЯПИНЫМ, с которым мне легче было говорить об этом, я ему и рассказала. К РИХТЕРУ у меня определенное отрицательное отношение сначала.

... ЛИХАЧ: Если вы относились отрицательно к РИХТЕРУ, отчего вы о деньгах не поговорили с ГОЦЕМ, к которому вы, кажется, отрицательно тогда не относились? Зачем было искать ТИМОФЕЕВА, ВЕДЕНЯПИНА и т.д.?..

... ЛИХАЧ: ... Вы должны были совещаться о всем, что делается, вы должны были поставить вопрос, почему идти к ТИМОФЕЕВУ, а не просить у РИХТЕРА, который специально к вам представил^a, почему не просить у ГОЦА, который специально к вам пришел, идти окольными путями, на улице встречать ТИМОФЕЕВА, говорить с ним?..

КОНОПЛЕВА: ... Почему я не сказала РИХТЕРУ? Я вспоминаю свое отношение к нему, но каково было мое отношение к нему, я не помню, а

^a Так в тексте.

сейчас я помню, было отрицательное, и потому по этому поводу я с ним не говорила...

ЧЛЕНОВ¹⁰⁰: Да, при такой постановке, которая была у гр-на РИХТЕРА в Москве.

КОНОПЛЕВА: Могло быть ничего не готово.

ЧЛЕНОВ: Т.е. могло потребоваться неопределенное время?

КОНОПЛЕВА: Да, конечно...

... КРЫЛЕНКО¹⁰¹: Понятно, какого, партийного. Теперь скажите, вам не известен адрес РИХТЕРА в Москве?

ВЕДЕНЯПИН: Нет не известен.

КРЫЛЕНКО: Может быть, обв[иняемому] ТИМОФЕЕВУ он известен?

ТИМОФЕЕВ: Адрес РИХТЕРА — да, он был мне известен потом. Я жил с ним в одном доме. Трубниковский пер. Это было в апреле м[еся]це. Дом № 4, кажется. Где жил до этого РИХТЕР, я не знаю. ...

КРЫЛЕНКО: А вы не помните о роли РИХТЕРА в этой истории?

ГОЦ: О роли РИХТЕРА я впервые только узнал из показаний КОНОПЛЕВОЙ и считаю, что это самое неудачное из всех тех многочисленных выдумок, которыми изобилуют показания ее и ее друзей, ибо кто только хотя немного знает РИХТЕРА, человека кабинетного склада, приват-доцента, знатока итальянской литературы, талантливого лектора, который никогда в качестве практиканта не выступал, тот, конечно, не сможет допустить мысли, что именно РИХТЕРУ, если статья на точку зрения КОНОПЛЕВОЙ, что такое практическое, ответственное, сложное, трудное дело было поручено РИХТЕРУ, то это совершенно не вяжется со всем моральным, политическим, психологическим и физическим обликом тов. РИХТЕРА.

КРЫЛЕНКО: Значит о РИХТЕРЕ не было речи?

ГОЦ: Когда?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: До революции.

ГОЦ: Нет, не могу сказать. Я сидел тогда уже на каторге. Я знаю, что он эмигрировал и занимался изучением литературы Кватроценти¹⁰².

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: О боевой его работе вам известно?

ГОЦ: О боевой работе РИХТЕРА мне ничего не известно. Я впервые слышу...

15-е ИЮЛЯ 1922 года.

Тридцать второй день.

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ

... ТИМОФЕЕВ: Еще два слова. Мои показания будут далее уже в другой плоскости. Может быть, фамилия РИХТЕР упоминалась ЕФИМОВЫМ, как фамилия общего знакомого, но о том, чтобы РИХТЕР принимал в этом деле участие, я абсолютно не слышал. Если бы это дело взял Центральный Комитет, т.е. того состава Бюро, которое тогда имелось, оно должно было бы быть поручено мне, потому что[,] во-первых, как вам известно, я ведал военной организацией, и во-вторых, из состава Бюро единственным человеком, наиболее подходящим[,] был я. А от-

нюдь не РИХТЕР, который мог рассуждать об этом деле, мог великолепно излагать историю итальянских новелл и философствовать об историческом мисцифизме^а и о переводах с итальянского языка. И та картина, которую рисовала КОНОПЛЕВА, это лучшая иллюстрация. Такого факта в истории партии не было, чтобы столь ответственный акт, как на лицо, стоящее во главе государства, было выдвинуто два человека. Самое появление кураре от представителя ЦК, когда каждый младенец знает, что такие вещи нецелесообразны чисто технически, а потом вопрос о том, почему они остались без денег, почему им пришлось обращаться ко мне, а не к РИХТЕРУ, к которому они были прикомандированы, я не буду это оценивать, а выясню свое собственное недоумение, когда я столкнулся с этой версией материалов предварительного следствия. А это шатание боевиков по политическим явкам, это не только [не] в традициях как нашей, так и вашей партии, но это просто является преступлением, так что-то здесь неладно. Каким образом здесь всплывает РИХТЕР, я не знаю. У меня вчера впервые появилась догадка, когда во время моего допроса КОНОПЛЕВОЙ ЕФИМОВ подал реплику: «Мы поехали обратно с женой РИХТЕРА», может быть, из этого утверждения что-нибудь и выяснится, но очевидно, что в то время ЕФИМОВ с РИХТЕРОМ встречался, и в том, что он встречался, в этом ничего удивительного не было, потому что РИХТЕР был в 1917 году секретарем Центрального Комитета и дневал и ночевал на Галерной, я его там заставлял. Во всяком случае очевидно, ЕФИМОВ к нему шатался и был с ним знаком. Я еще раз повторяю и подчеркиваю категорическим образом, что никакого задания террористического характера Бюро РИХТЕРУ не давало, никакой санкции этому акту не давало. Об этом акте я, член Бюро, ведущий в то время боевую работу, узнал только со слов ЕФИМОВА и от приведенной им ко мне по моему настоянию КОНОПЛЕВОЙ. В конце марта я окончательно ликвидировал эту попытку, дав им денег на выезд.

КРЫЛЕНКО: Прежде всего относительно РИХТЕРА, значит, РИХТЕР был в то время в Москве?

ТИМОФЕЕВ: Да.

КРЫЛЕНКО: Он был членом Центрального Комитета?

ТИМОФЕЕВ: Да.

КРЫЛЕНКО: Он был членом Бюро ЦК?

ТИМОФЕЕВ: Да, и членом Центрального Комитета.

КРЫЛЕНКО: Это, значит, установлено...

КРЫЛЕНКО: Там дали деньги и пр.. Вы говорите, что ни одного слова о РИХТЕРЕ не было сказано?

ТИМОФЕЕВ: Ни одного слова о РИХТЕРЕ, как руководителе дела, не было сказано.

КРЫЛЕНКО: Так что это выплыло здесь?

ТИМОФЕЕВ: Я не знаю, откуда это выплыло. Пускай объясняют они, но когда мне сообщили об этом, АГРАНОВ при допросе, я расхохотался,

^а Так в тексте, следует *мистицизме*.

потому что я повторяю[, что было бы] более или менее убедительно, если бы это приписали мне. Но почему РИХТЕРУ, я не знаю. Состав Бюро того времени вам известен.

КРЫЛЕНКО: Я спрашивал, и вы сказали, что РИХТЕР входил.

ТИМОФЕЕВ: РИХТЕР входил и что в этом составе одно лицо, которое более или менее могло заниматься делом — это был я. Хотя террористической практики не имел, но Центральный Комитет мне доверил военную организацию вести, во всяком случае я на таком амплуа выступал.

КРЫЛЕНКО: Больше у меня вопросов нет...

КОН¹⁰³ ... Я позволю поставить вопрос относительно РИХТЕРА. Вы не помните, за что он был осужден?

ТИМОФЕЕВ: Абсолютно не знаю, по-моему он не был никогда осужден. Я лично этого не знаю. Вообще это нам неизвестно. Я лично с ним столкнулся в 1918 году.

ЛИХАЧ: Когда он судился?

КОН: Я спрашиваю, не привлекался в царские времена за участие в боевых дружинах?

ТИМОФЕЕВ: Никогда не привлекался. Разрешите мне сказать, что я был осужден военно-полевым судом за участие в террористическом акте первый раз, хотя я был...

РАКОВ: Разрешите мне, РИХТЕР был со мною в Вологде в административной ссылке.

КОН: За что он привлекался?

ТИМОФЕЕВ: Он был в административной ссылке.

РАКОВ: Во всяком случае не за боевые дела, ни в коем случае.

ТИМОФЕЕВ: Я этого совсем не знаю.

ГОЦ: Гр-н Председательствующий, здесь есть лицо, которое может выяснить, когда эмигрировал РИХТЕР и в связи с чем он эмигрировал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Если этот вопрос представит для нас особую важность, то мы постараемся навести официальную справку...

... ТИМОФЕЕВ: Он боевик типа РИХТЕРА...

ДАШЕВСКИЙ: А неизвестно ли вам, что этот ЗЕНЗИНОВ, боевик типа РИХТЕРА, в 1906 и 1907 году входил в состав боевой организации САВИНКОВА¹⁰⁴?

ЕФИМОВ: ... Я помню, что он сказал, что придется мне ехать в Москву вместе с КОНОПЛЕВОЙ, так как центр работы переносится в Москву, так как Совнарком тогда уже уехал, причем он сообщил мне адрес РИХТЕРА и кроме того сказал, что хочет меня видеть Абрам Рафаилович ГОЦ... Между прочим там же мне РАБИНОВИЧЕМ было сообщено, что я вступаю в распоряжение РИХТЕРА Владимира Николаевича, причем был дан адрес [—] это Трубниковский пер., дом не помню, кажется, второй или первый от угла. От особняка. ...У РИХТЕРА в это время двое или трое, может быть, один или несколько, то человек посторонней публики^а, так что никакого разговора в это время не было. РИХТЕР, между прочим, должен

^а Так в тексте.

был приготовить две комнаты — для меня и КОНОПЛЕВОЙ. Одну комнату он нашел, это там, как говорили здесь, по Успенскому переулку. Это для КОНОПЛЕВОЙ. Для меня комнаты не было, и отправился ночевать к одному из бывших у него гостей. На другой день, придя к РИХТЕРУ на квартиру, я дождался там КОНОПЛЕВУ, и совместно уже КОНОПЛЕВА, РИХТЕР и я повели тогда разговор о том, зачем мы сюда приехали. Из разговора выяснилось, что в Москве совсем вопреки тому, что нам говорил РАБИНОВИЧ, что здесь все будет подготовлено, ничего не сделано, и все нужно предпринимать с самого начала и до конца вести самим, причем РИХТЕРОМ было указано, что слежку надо начать с Боровицких ворот, потому что Совнарком сидит в Кремле и, если выезжает, то только в одном направлении, это через Боровицкие ворота. И вот я в этот же день пошел туда к Боровицким воротам. Посмотрел место, толкался там, где трамваи проходят, там есть столовая университетская, затем у манежа толкался по разным углам, вечером опять пришел домой на квартиру к РИХТЕРУ. Комнаты мне не нашлось, и мне пришлось ночевать в одной комнате с КОНОПЛЕВОЙ, так негде было искать пристанища ночью по Москве. В таком виде велась работа и дальше. Помню, через два или три дня мне было указано еще место, за которым я должен был следить. Был указан один из особняков по Воздвиженке с массивными дверями.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Кто указал?

ЕФИМОВ: — РИХТЕР. С массивными дверями большой дом, не помню чей, кажется, Морозовский, о котором мне говорил РИХТЕР, что туда часто ездит ТРОЦКИЙ... Не помню, через несколько времени РИХТЕР мне заявил, что к этому делу он хочет привлечь МОИСЕЕНКО, и через день или два, теперь твердо не могу сказать, он заявил, что МОИСЕЕНКО от этого дела отказался. В этот промежуток были у меня с РИХТЕРОМ разговоры. Он почти безвыходно сидел дома (потому что в то время готовилась книга «Правда о большевиках» и он писал статью). В один из моих приходов на квартиру я увидел, что РИХТЕР один, и мы стали разговаривать. Мы говорили почти всегда об одном и том же ежедневно, потому что мы встречались каждый день, мы обедали, там была напротив чистенькая польская столовая, обедали с РИХТЕРОМ, его женой и КОНОПЛЕВОЙ и ужинали иногда еще. У нас был такой разговор. Когда я спросил: «Скажите, пожалуйста, Виктор^а Николаевич, как партия будет разговаривать, когда акт совершится, как она откликнется?» Он стал говорить такую вещь, что, может быть, партия его может не признать. Это меня ударило как ударом по голове, потому что когда я уезжал из Петрограда, то мне было сказано, что на все имеется санкция ЦК и значит...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Кем было сказано?

ЕФИМОВ: РАБИНОВИЧЕМ. Я тогда очень поздно пришел домой. Долго бродил по Москве, потому что у меня был какой-то туман в голове после того, что сказал РИХТЕР. Я долго думал, и мне показалось, что РИХТЕР что-то не договаривает. Он говорил, что партии придется из-за

^а Ошибка Ефимова или стенографистки. Следует читать *Владимир*.

этого уйти в подполье, что на нее могут посыпаться нападки и репрессии, я старался эту недоговоренность уловить, а после того, как он сообщил, что Борис МОИСЕЕНКО за это дело не берется, то дело по-видимому нечисто, и после этого у меня резко изменилось настроение. Я несколько раз разговаривал с КОНОПЛЕВОЙ, но я не говорил ей об этом разговоре с РИХТЕРОМ, потому что видел, что она и так страшно переживает неудачу за неудачей. Зачем приезжал? Это уже прошло не день, не два после этого. И в конце концов сказал РИХТЕРУ как-то в разговоре, что я это дело бросаю. Я обращался к ней за деньгами. Здесь говорили, почему не к РИХТЕРУ, я к нему обращался, но здесь говорят, что он кабинетный ученый и у него все мозги были, действительно были, направлены в другую сторону. Он обещать деньги обещал, насколько припоминаю и КОНОПЛЕВОЙ, кажется... После этого я был в Пименовском пер. и вот по какому поводу: РИХТЕР мне сказал, что там есть связь с кооперативом, а так как тогда был острый вопрос с продовольствием, и особенно с хлебом, за которым мы с КОНОПЛЕВОЙ гонялись по всем вокзалам, а он мне сказал, что там есть мука, то я туда и отправился... После этого я, КОНОПЛЕВА и жена РИХТЕРА через день или два выехали из Москвы. Почему мне врезалось в память, что с нами поехала жена РИХТЕРА, я сейчас объясню: у меня был железнодорожный билет на трех человек, по которому один не поехал, а два человека из Петрограда должны были поехать совершенно по другим делам, и этот билет решили использовать. Для этого достали чернила особого состава, и я сам сидел и выправлял имя, отчество и фамилию одного из лиц, вписанных в билет, и вместо этого вписал туда В.В. РИХТЕР. На этом и кончилась вся история с этим несчастным террористическим актом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Скажите, пожалуйста, вы слышали характеристику РИХТЕРА, которая здесь была дана обв[иняемым] ТИМОФЕЕВЫМ и ГОЦЕМ?

ЕФИМОВ: Да, слышал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Действительно ли это была такая шляпа?

ЕФИМОВ: Я вполне согласен с тем, что это шляпа, но я не знаю, почему они такую шляпу выбрали. Да, я еще упустил насчет яда. Я эту историю тоже помню. Я помню, когда РИХТЕР достал этот яд — помню, небольшая бутылочка с притертой пробкой и там несколько бурых или темно-коричневых кусочков. Я эту бутылочку просил тогда у КОНОПЛЕВОЙ, но она мне не дала. Потом этот яд оказался использованным.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Есть ли вопросы?

КРЫЛЕНКО: Вот какой вопрос: утверждение обв[иняемых] ТИМОФЕЕВА и ГОЦА, что ваши переговоры и участие в этом деле РИХТЕРА, есть страница из Рокамболя¹⁰⁵, само по себе является своего рода страницей из Рокамболя.

ЕФИМОВ: Да, и даже больше.

КРЫЛЕНКО: И вы постоянно видели РИХТЕРА в это время?

ЕФИМОВ: Да, потому что мы вместе обедали в одной столовой. Когда у нас не было денег, то РИХТЕР платил в столовую за нас.

... **КРЫЛЕНКО:** Еще один вопрос: относительно РИХТЕРА был ли какой-нибудь разговор?

ЕФИМОВ: Относительно РИХТЕРА я не помню, потому что на счет РИХТЕРА у меня был разговор с РАБИНОВИЧЕМ, который дал мне адрес и сказал, что я поступаю в полное распоряжение РИХТЕРА.

КРЫЛЕНКО: — Так что этот вопрос, видимо, не ставился?

ЕФИМОВ: Не помню.

... ЕФИМОВ: ... Но если бы даже он не сказал, я знал, что РАБИНОВИЧ близко стоит к Центральному Комитету и что РАБИНОВИЧ такой человек, который зря ничего не скажет, помимо всего этого он направил меня к ГОЦУ и дал адрес РИХТЕРА, члена Центрального Комитета, и так что если бы он даже не сказал, я бы не сомневался.

КРЫЛЕНКО: РИХТЕР высказывал свои предположения о позиции партии в Москве?

ЕФИМОВ: Да, это произошло дней через 6–7 после приезда в Москву.

КРЫЛЕНКО: Теперь подробности топографического характера: кто сказал, что вы должны пойти к Боровицким воротам?

ЕФИМОВ: Я сам пришел.

КРЫЛЕНКО: Кто сказал, что нужно к Боровицким воротам?

ЕФИМОВ: РИХТЕР указывал, что это единственный путь, по которому выезжают оттуда из Кремля.

КРЫЛЕНКО: А РИХТЕР знал Москву?

ЕФИМОВ: Возможно, если он жил в Москве, — он ее знал. Затрудняюсь сказать.

КРЫЛЕНКО: Эти сведения вы от кого получили?

ЕФИМОВ: От его, откуда он получил, не знаю.

КРЫЛЕНКО: Потом вы говорите, что встречались с ним часто.

ЕФИМОВ: Каждый день обедали вместе.

КРЫЛЕНКО: А потом поехали с его женой, куда поехали?

ЕФИМОВ: В Петроград и там на вокзале расстались и больше я уже ни жены РИХТЕРА, ни его не видел.

КРЫЛЕНКО: Он не поехал?

ЕФИМОВ: Нет, он остался в Москве, поехала КОНОПЛЕВА, я и жена РИХТЕРА.

КРЫЛЕНКО: Больше не имею вопросов.

... ЕФИМОВ: ...По-моему[,] ЛЕНИН и ТРОЦКИЙ расценивались тогда одинаково, а в Москве, так как ЛЕНИН не выезжал тогда из Кремля, было решение — кто первый попадет, в того и стрелять.

ГЕНДЕЛЬМАН: Так было и с РИХТЕРОМ решено?

ЕФИМОВ: Да.

... ГЕНДЕЛЬМАН: ... И о тех фактах, при которых вы присутствовали. Когда была беседа с РИХТЕРОМ, КОНОПЛЕВА также присутствовала?

... ЕФИМОВ: ...По-моему[,] выбора не могло быть, а по мнению КОНОПЛЕВОЙ и РИХТЕРА они, быть может, остановились бы перед тем, чтобы не убивать ТРОЦКОГО, когда можно убить ЛЕНИНА.

... ГЕНДЕЛЬМАН: Я возвращаюсь теперь ко времени вашего отъезда из Петрограда — вы говорите, что уезжая из Петрограда, знали, что предстоит акт или против ЛЕНИНА или против ТРОЦКОГО, но все-таки детали вы должны были получить и подробное указание в Москве?

ЕФИМОВ: В Москве от РИХТЕРА.

... ГЕНДЕЛЬМАН: — там есть указание о том, что разговор о том, что инструкции будут получены в Москве от РИХТЕРА, велся с РАБИНОВИЧЕМ, т.е. именно так, как и сейчас показывает гр-н ЕФИМОВ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Есть.

ГЕНДЕЛЬМАН: Это можно установить?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я прочитаю. Том I, лист дела 88, показание ЕФИМОВА, читает: «Приблизительно в марте месяце 1918 года член Учредительного собрания РАБИНОВИЧ предложил мне поехать в Москву, он указал мне, что поездка имеет целью террористический акт, но какой именно, не помню, говорил ли он мне. Он сказал, что подробные инструкции я получу в Москве от члена Центрального Комитета партии социалистов-революционеров РИХТЕРА...»

ГЕНДЕЛЬМАН: Теперь, гражданин председательствующий, я прошу из другого показания, данного уже 12-го марта, а это было дано 11-го марта, на следующий день 12-го марта показание, кажется, на листе 92 указано, что инструкции будут даны от РИХТЕРА, а в другом указано, что указание было дано ГОЦЕМ. Это место начинается так: «Из разговора с ним, т.е. с ГОЦЕМ узнал...»

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: (читает): «Я из разговора с ним, т.е. с ГОЦЕМ, узнал, что целью поездки в Москву является совершение террористического акта, тогда я не знал персонально, против кого будет этот акт. Все указания и инструкции я должен был получить в Москве от члена Центрального Комитета РИХТЕРА.»

... ГЕНДЕЛЬМАН: ... Пока я хочу установить то, что речь о террористическом акте была, на кого персонально, он не знал, и что ему было сказано, что указания и инструкции он получит от РИХТЕРА в Москве...

... ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: (читает): «с А.Р. ГОЦЕМ я имел разговор в Петрограде до отъезда в Москву с Лидией КОНОПЛЕВОЙ. Я из разговора с ним узнал, что целью поездки является совершение террористического акта, но тогда я совершенно не знал, против кого персонально будет направлен акт. Все указания я должен был получить от члена Центрального Комитета РИХТЕРА.»

... ГЕНДЕЛЬМАН: Все это одна фраза и одна точка, передающая содержание, что он узнал из разговора с ГОЦЕМ?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: «Все указания я должен был получить от члена Центрального Комитета РИХТЕРА», а в этом протоколе накануне, днем раньше, тут ЕФИМОВ говорит.

... ГЕНДЕЛЬМАН: ... Вам говорили, что не менее авторитетное лицо РАБИНОВИЧ, отправляясь для воздействия под влиянием РИХТЕРА и других членов Центрального Комитета и бюро Центрального Комитета... В Москве, в лице РИХТЕРА, каким образом мог возникнуть вопрос о том, что КОНОПЛЕВА задумала какой-то самостоятельный шаг?

... ГЕНДЕЛЬМАН: ... Теперь пойдем дальше. Шла речь о нашем разговоре с РИХТЕРОМ. Простите, я не все слышал, когда вы отвечали КРЫЛЕНКО, потому что я как раз искал ваше место, вы какие мотивы указали в разговоре с РИХТЕРОМ. Почему этот акт, по-вашему[,] не

подлежит исполнению? Я поставлю вопрос так: если это было не в разговоре с РИХТЕРОМ, тогда вообще какие мотивы были у вас для того, чтобы охладить это намеренное покушение?

ЕФИМОВ: Я уже говорил, что мотивы очень простые, это мой разговор с РИХТЕРОМ, когда он заявил, что этот акт партия может не признать. Для меня, человека...

... ГЕНДЕЛЬМАН: Можно ли сделать такой вывод, что если в словах РИХТЕРА вас это обстоятельство поразило, если в Петрограде РАБИНОВИЧ говорил другое, т.е. что акт будет от партии, что, значит, КОНОПЛЕВА не могла говорить тогда, что этот акт индивидуальный, иначе вы бы обратили внимание.

... ГЕНДЕЛЬМАН: Во всяком случае вы впервые от РИХТЕРА узнали, что акт может быть партией не признан, впервые от РИХТЕРА в Москве это узнали. Теперь скажите: других соображений в споре вашем с РИХТЕРОМ вы не выдвигали?

ЕФИМОВ: В этот раз нет. Я помню, что в разговоре, когда я сказал, что я от этого дела отхожу, потому что меня тогда это ошеломило и потом, после того, как это подумал, мне показалось, что есть какая-то недоговоренность у РИХТЕРА, что РИХТЕР боится не физической ответственности, а моральной, а после того, как МОИСЕЕНКО отказался от этого дела, у меня создалось впечатление, что дело довольно грязное идти против своего же социалиста.

ГЕНДЕЛЬМАН: Чтобы меня не заподозрили в искажении ваших слов, я повторяю, а вы меня поправьте, если я неправильно скажу: после того, как от РИХТЕРА вы узнали, что партия, может быть, этого акта не признает своим, и после того, как вы учили, что и МОИСЕЕНКО почему-то от этого отказался, вы решили, что дело вообще может быть нечистое и нельзя идти против своего же социалиста.

ЕФИМОВ: Да, почти так.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: 11-го марта допрос ЕФИМОВА, том I, лист 88 — «от РИХТЕРА я узнал о плане покушения на ЛЕНИНА и о том, что моя роль в этом деле должна была сводиться к слежке за ЛЕНИНЫМ, а КОНОПЛЕВА должна была быть исполнительницей покушения. В разговоре с РИХТЕРОМ я узнал, что план покушения исходит от Центрального Комитета партии социалистов-революционеров. Я доказывал, что этот план убийства не допустим, РИХТЕР же настаивал на необходимости этого покушения».

ГЕНДЕЛЬМАН: Теперь разрешите мне вопрос. Значит, в только что оглашенном вашем показании не только ничего не сказано относительно того, что РИХТЕР говорил, что партия, может быть, не признает этого акта, а наоборот сказано, что вы из этого разговора с ним выяснили, что план покушения исходит от Центрального Комитета, и не только нет указаний на то, что РИХТЕР мог отречься, а есть указания на то, что план исходит от Центрального Комитета.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: ... Этот разговор относится к моменту приезда ЕФИМОВА в Москву.

ГЕНДЕЛЬМАН: К моменту разговора с Рихтером.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: А дальше идет: «РИХТЕР настаивал на необходимости такого покушения. Я пару раз ходил к Боровицким воротам».

ГЕНДЕЛЬМАН: Гражданин председательствующий, вы здесь ошибаетесь. Тут сказано: «в Москву мы приехали под видом железнодорожных служащих. От РИХТЕРА я узнал о плане...». Это идет речь о разговоре, когда он приехал в Москву. Это было... Теперь продолжается повествование, в разговоре с РИХТЕРОМ, а не в каком либо другом разговоре.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Именно в этом.

ГЕНДЕЛЬМАН: Именно в этом разговоре он выяснил, что план покушения исходит от Центрального Комитета, именно тогда, а не перед отъездом, он стал убеждать РИХТЕРА, доказывал РИХТЕРУ, что этот план убийства социалистов недопустим, а после этого стал ходить к Боровицким воротам, следовательно, ясно, что речь идет о разговоре в начале приезда, что с места в карьер он стал доказывать РИХТЕРУ о том, что убийство социалистов, каковыми он тогда их считал, недопустимо.

ЕФИМОВ: Разрешите разъяснить.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я хочу разобраться в этом. Он приехал из Москвы^а и говорил с РИХТЕРОМ. ЕФИМОВ говорил РИХТЕРУ о том, что не следует этого производить. РИХТЕР говорит, что это исходит от Центрального Комитета...

ГЕНДЕЛЬМАН: Нет, разрешите вас опять вернуть к тому моменту, где он говорит и доказывает РИХТЕРУ, что этот план убийства социалистов недопустим. Значит, это было до того, как он ходил к Боровицким воротам.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Именно то.

ГЕНДЕЛЬМАН: Тогда мы единомысленны на этот раз. Значит, ЕФИМОВ приехал в Москву, беседует с РИХТЕРОМ, указывает, что план убийства ЛЕНИНА принадлежит Центральному Комитету..., следовательно, он узнал это тогда, когда узнал, что РИХТЕР, может быть, отречется, т.е. не с места в карьер, не с момента приезда, а из разговора с РИХТЕРОМ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: ... Первый, когда РИХТЕР говорит, что это исходит от Центрального Комитета, и второй, когда он говорит, что партия не признает или это исходит не от Центрального Комитета...

... ЕФИМОВ: Я заявляю, что в этот день, когда приехал, разговора не было, потому что у РИХТЕРА были постоянно посторонние люди.

... ТИМОФЕЕВ: О РИХТЕРЕ вы со мною говорили.

ЕФИМОВ: О РИХТЕРЕ с вами ничего не говорили...

ТИМОФЕЕВ: Правильно. Значит, вы мне, старому товарищу по торговле, даже не пожаловались на РИХТЕРА, который оказался таким «шляпой», что он поставил вас в такое положение.

... ТИМОФЕЕВ: Вы даже не говорили, что раньше деньги эти и обеды и все пр[очее] вы получили от РИХТЕРА, а теперь от меня желаете получить.

^а По-видимому, ошибка. Следует из *Петрограда*.

ЕФИМОВ: Я обращался к РИХТЕРУ.

ТИМОФЕЕВ: Но вы ничего не говорили мне о том, что к РИХТЕРУ обращались.

ТИМОФЕЕВ: ... Вы вспомнили, что о РИХТЕРЕ вы мне ничего не говорили.

ЕФИМОВ: ... Я помню о том, что РИХТЕР обещал дать деньги и не достал, об этом не говорил.

... ТИМОФЕЕВ: РИХТЕРА вы хорошо знали.

ЕФИМОВ: До поездки в Москву совсем не знал.

ТИМОФЕЕВ: ...А вы знали, что РИХТЕР в свое время был Секретарем Центрального Комитета, в качестве кого он все время там дневал и ночевал.

ЕФИМОВ: ... Помню еще ФЕЙТА, который был, кажется, управдел, а РИХТЕРА я не знал и во всяком случае обращаться к нему мне было не за чем.

... ЕФИМОВ: Какая кому роль будет предназначена, это должно было выясниться в Москве, от РИХТЕРА...

ДАШЕВСКИЙ: Значит, на таком же основании вы с РИХТЕРОМ в Петрограде на Галерной не встречались?

ЕФИМОВ: Не встречался.

... ДАШЕВСКИЙ: Тогда, товарищ Председатель, я прошу на основании имеющихся в деле «Партийных известий», № 5, стр.43 протоколов Центрального Комитета следующее. Во-первых, что в течение декабря месяца были первые две недели с 8-го по 23-е декабря 4 заседания Центрального Комитета. Ни на одном из них РИХТЕРА не было. Это во-первых, во[-]вторых, в конце декабря РИХТЕР с ГЕРШТЕЙНОМ вообще выбыли из Петрограда в Киев в качестве представителей Центрального Комитета и поскольку память мне не изменяет, он вовсе потом в Петроград не вернулся, а если он вернулся, то очень мимолетно, так что товарищ ЕФИМОВ вполне мог с ним не встречаться.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Устанавливается, что в «Партийных известиях», № 5, стр. 42, содержатся протоколы заседаний Центрального Комитета из которых видно, что в числе присутствующих членов Комитета, членов Центрального Комитета 8-го декабря РИХТЕРА нет. 12-го декабря РИХТЕРА нет, 14-го декабря также нет и 19-го также нет.

ДАШЕВСКИЙ: И потом 26-го, 28-го декабря командирован в Киев.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: 22-го РИХТЕР появляется, следующее заседание 27-го.

ДАШЕВСКИЙ: Третий пункт о делегации в Киев.

ТИМОФЕЕВ: 29-го не был.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: 29-го присутствовал.

ТИМОФЕЕВ: И весь 1919 год был.

... ЕФИМОВ: Я понимал так, чтобы КОНОПЛЕВУ удерживать от таких выступлений, которые могут привести не только к реальным выполнением акта, а наоборот могут расстроить всю работу, т.е., чтобы она не действовала совершенно вразрез с тем, что будет указывать в Москве РИХТЕР.

ДАШЕВСКИЙ: Относительно ваших разговоров с РИХТЕРОМ, вы указали, что как я понял, что в этих разговорах с РИХТЕРОМ относ-

тельно того, на кого именно совершить это покушение, что можно на того, кто попадется, кого удобнее будет — это было ваше убеждение, вы этого мнения держались.

ЕФИМОВ: Я держался этого мнения потому, что после первых же шагов я увидел, что создалось впечатление, что ЛЕНИН из Кремля не выезжает, а между прочим, мне РИХТЕР сказал, что ТРОЦКИЙ каждый день чуть ли не в 11 вечера выезжает в этот особняк.

ДАШЕВСКИЙ: РИХТЕР того же мнения держался?

ЕФИМОВ: Я затрудняюсь на это определенно ответить.

... ЧЛЕНОВ: Мне хотелось вот что спросить. Во-первых, не припомните ли вы, вы упоминали сейчас относительно того, что РИХТЕР ездил в Москву еще когда вы были в Петрограде, что это была поездка и кто и что вам о ней говорил?

... ЧЛЕНОВ: Теперь переезжаем в Москву. Не припомните ли вы, в чем состоял разговор между вами и РИХТЕРОМ относительно предложения МОЙСЕЕНКО принять участие и относительно его отказа.

ЕФИМОВ: Я не помню детально, но помню то, что раз РИХТЕР заявил, что к этому делу он хочет привлечь МОЙСЕЕНКО, не знаю, передать ему руководство этим делом, что ли. А во второй раз был разговор о том, что МОЙСЕЕНКО отказывается.

ЧЛЕНОВ: Не осталось ли у вас в памяти, почему МОЙСЕЕНКО отказался?

ЕФИМОВ: Не помню, говорил ли об этом РИХТЕР, но говорю, каково мое впечатление относительно этого разговора. МОЙСЕЕНКО как будто бы мотивировал бы невозможностью. Но в общем что-то в таких словах было сказано.

ЕФИМОВ: В такой плоскости разговора не велось, потому что вы не говорили и я не стал бы спрашивать, так как я не представлял себе возможности, как выходит здесь, что РИХТЕР действовал по[-]своему, а вы говорили по[-]своему, я так не представлял и такого разговора не помню.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ.

КРЫЛЕНКО: А кто был секретарем в Москве?

РАКОВ: Кто был секретарем в Москве, я не знаю, так как бумажки присылались подписанные разными лицами.

КРЫЛЕНКО: Обвиняемый ТИМОФЕЕВ, может быть, помните?

ТИМОФЕЕВ: Точно не могу вспомнить, но скорее всего был РИХТЕР.

ВЫПИСКА ВЕРНА:

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СУДЕБНОЙ КОЛЛЕГИИ
ВЕРХОВНОГО ТРИБУНАЛА ВЦИК

(Н. Немцов)¹⁰⁶

«15» декабря 1922 года.

г. Москва.

ЦА ФСБ РФ. Дело № Р-46679. Л. 18–36. Машинописная копия, заверенная печатью. Подпись Немцова — автограф. Подчеркивания в стенограммах сделаны следователем.

№ П1.23

Протокол заседания Верховного суда РСФСР

4 июля 1923 г.

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА Р.С.Ф.С.Р. (СУДЕБНОЙ КОЛЛЕГИИ)

1923^а года июля^б 4-го^в дня Верховный Суд Р.С.Ф.С.Р. в открытом Судебном заседании в составе:

Председателя тов. НЕМЦОВА
Членов: тов. ЧЕЛЫШЕВА и тов. БЕДНЯКОВА
при Прокуроре _____
защитник _____

При секретаре тов. БЫКОВЕ
разбирал дело по обвинению гр. РИХТЕРА Владимира Николаевича.
Дело слушается без защиты и обвинения, а также без присутствия обвиняемого ввиду выраженного им на то желания.

Заседание открывается в 12 часов.

Председатель открывает заседание и объявляет состав суда, предмет слушания дела и объявляет постановление распорядительного заседания Судебной коллегии о слушании дела РИХТЕРА без присутствия обвиняемого, ввиду выраженного на то желания самого РИХТЕРА.

Секретарь оглашает обвинительное заключение.

В 12 ч.30 м. Суд удаляется на совещание.

В 2 ч. 45 м. заседание возобновляется и оглашается приговор.

В 2 ч. 50 м. заседание закрывается.

Председатель (НЕМЦОВ)

Секретарь (Быков)

ЦА ФСБ РФ. Дело № Р-46679. Л. 116. Машинописный подлинник на стандартном бланке.

^а Цифра 3 вписана от руки.

^б Первоначально было июня, в документе исправлено на июля.

^в Цифра 4 вписана от руки.

Приговор Верховного суда РСФСР

4 июля 1923 г.

ПРИГОВОР

Именем Российской Социалистической Советской республики Верховный Суд РСФСР по Судебной Коллегии в открытом судебном заседании своем от июля 4-го 1923 года в составе председателя тов. НЕМЦОВА и членов тов. ЧЕЛЫШЕВА и тов. БЕДНЯКОВА

.....
рассмотрев дело по обвинению гражданина РИХТЕРА Владимира Николаевича в контрреволюционных деяниях, предусмотренных ст.ст. 58, 59, и 64 Уголовного Кодекса.

Рассмотрев материал по указанному делу Верховный Суд УСТАНОВИЛ:

а) Рихтер Владимир Николаевич, член Ц.К. Партии Социалистов Революционеров, избранный в таковой на 3-м съезде партии и переизбран[ный] в тот же Ц.К. на 4-м съезде в декабре 1917—1918 г.г., состоял таким образом в организации, ставящей себе целью свержение Советской Власти, путем вооруженных выступлений и вторжения на территорию вооруженных отрядов и банд, а равно участвовал в ряде попыток захвата власти в центре и на местах, насильственного расторжения договоров, заключенных Р.С.Ф.С.Р.[,] и отторжения от Республики некоторых частей ее;

б) Кроме того, его[,] Рихтера, по постановлению Бюро Ц.К. П.С.Р. выделено для руководства боевой группой на совершение террористических актов, в числе коих и было организовано Рихтером покушение на товарища Ленина в 1918 году. Судебным следствием — Верховный Суд преступные деяния гражданина Рихтера, предусмотренные ст. ст. 58, 59 и 64, считать доказанными^а, а посему приговорил:

Гражданина Рихтера, Владимира Николаевича, б. члена Центрального Комитета Партии Социалистов[-]Революционеров подвергнуть высшей мере наказания — расстрелять. Обсудив вопрос о применении амнистий, таковых не применять.

Приговор окончательный — обжалованию не подлежит.

Председатель

Немцов

Члены

*Челышев
Бедняков*

ЦА ФСБ РФ. Дело № Р-46679. Л. 117. Подлинник на типографском бланке. Курсивом выделен текст, вписанный от руки. Подписи — автографы.

^а Так в тексте.

№ П1.25

Выписка из протокола заседания Президиума ВЦИК о замене В.Н. Рихтеру расстрела 10 годами лишения свободы

18 сентября 1923 г.

ВЫ П И С К А

из протокола № 15/с заседания ПРЕЗИДИУМА Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Сов., Раб., Крест., Красноармейских и Казачьих Депутатов.

от 18-го сентября 1923 года

СЛУШАЛИ: 23. — Дело <u>Владимира Николаевича РИХТЕРА</u> , осужденного 4/VII — 23 г. Судебной Коллегией Верховсуда Республики по преступлениям, предусмотренным ст. 58, 59 и 64 УК — к расстрелу. —	ПОСТАНОВИЛИ: 23. — РИХТЕРУ Владимиру Николаевичу расстрел заменить ДЕСЯТЬЮ годами лишения свободы, с зачетом предварительного заключения, со строгой изоляцией и поражением прав на ПЯТЬ лет. — Выписка верна: Секретарь Сапронов
---	---

ЦА ФСБ. Дело № Р-46679. Л. 119. Машинописный подлинник на типографском бланке, заверенный печатью Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. Подпись секретаря — автограф.

№ П1.26

Заключение Генеральной Прокуратуры Российской Федерации по уголовному делу В.Н. Рихтера

9 июня 1998 г.

«УТВЕРЖДАЮ»

Помощник Генерального прокурора

Российской Федерации

Старший советник юстиции

Весновская Г.Ф.

«09» 06 1998 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

в отношении *Рихтера В.Н.*

по материалам уголовного дела арх. № Н-2148

Фамилия, имя, отчество *Рихтер Владимир Николаевич*

Год рождения *1881*

Место рождения *г. Ростов-на-Дону*

Место жительства до ареста *г. Одесса, ул. Нежинская, 10, кв. 3*

Место работы и должность до ареста *данных не имеется.*

.....
.....

(Дата ареста, каким органом осужден (репрессирован), за что и по каким статьям УК, предъявленное обвинение (инкриминированные действия), последующие изменения состоявшегося решения по делу и мера наказания)

арестован 29.09.22. осужден Судебной коллегией Верховного суда РСФСР 04.07.23 по ст. ст. 58, 59 и 64 УК РСФСР (ред. 1922) к ВМН — расстрелу. Президиумом ВЦИК 18.09.23. расстрел заменен 10 годами лишения свободы. На следствии Рихтер от показаний отказался. В судебном заседании он также не допрашивался. Свидетели не допрошены. Из приговора суда не видно, какие доказательства послужили основанием к признанию Рихтера виновным в совершении контрреволюционного преступления.

На *Рихтера Владимира Николаевича* распространяется действие ст. 3, ст. 5 Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г.

Данные о реабилитированном и его родственниках *не имеется.*

Справка о реабилитации приобщена к делу.

Прокурор отдела

А.Г. Тиханов.

ЦА ФСБ РФ. Дело № Р-46679. Л. 120. Подлинник на типографском бланке. Курсивом выделен текст, вписанный от руки. Подписи Весновской и Тиханова — автографы.

№ П1.27

Справка о реабилитации В.Н. Рихтера

9 июня 1998 г.

СПРАВКА О РЕАБИЛИТАЦИИ

Рихтер Владимир Николаевич

Год и место рождения *1881 г., г. Ростов на Дону*

Место жительства до ареста *г. Одесса, ул. Нежинская, 10, кв. 3*

Место и должность (род занятий) *до ареста данных не имеется.*

Когда и каким органом осужден (репрессирован) *арестован 29.09.22. Осужден Судебной коллегией Верховного суда РСФСР 04.07.23.*

Квалификация содеянного и мера наказания (основная и дополнительная)

по ст. ст. 58, 59 и 64 УК РСФСР (редакции 1922 г.) подвергнут ВМН — расстрелу. Президиумом ВЦИК 18.09.23 расстрел заменен 10 годами лишения свободы

На основании ст. ст. 3 и 5 Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18.10.91

Рихтер Владимир Николаевич реабилитирован.

Страший^а помощник Генерального
прокурора Российской Федерации

А.И. Врублевский

ЦА ФСБ РФ. Дело № Р-46679. Л. 121. Подлинник на бланке Генеральной прокуратуры, заверенный печатью Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Курсивом выделен текст, вписанный от руки. Подпись — автограф.

^а Слово зачеркнуто.

Приложение 2

ИЗБРАННЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В КРЫМУ (Посвящается Е.М. Ге-ги¹⁰⁷)

Бесконечное, темное море еле шумит о прибрежные утесы; то, ласкаясь, оно прижимается к ним, то, рокоча отступает.

Густой парк чуть слышно перешептывается листвою, склоняя над берегом гигантские ветви дубов и каштанов. Небольшая речка, журча, пробивается среди угрюмых скал и вливается в необъятное море.

А хор цикад неумолчно звенит.

Но вот тени начинают редеть. Вырисовывается хребет Аю-Дага^а. Светлеет даль, луна посылает свои фантастические лучи на это дивное местечко.

Все принимает какой-то необыкновенный, таинственный вид. Шелест, прибой, трескотня цикад сливаются в чудный хор и, кажется, что всякий уголок здесь живет особою жизнью, полон чего-то необъяснимого, странного.

Слышится тихий говор и вскоре над обрывом появляются два силуэта.

— Хорошо! Не правда ли? — спрашивает молодой мужской голос.

— Недурно, — отвечает ему такой же.

— Море-то, море! Без меры в длину, без конца в ширину! Так и манит к себе... Выкупаться что ли?

— Не стоит, холодно. Еще лихорадку схватишь.

Наступает молчание.

Один из молодых людей разваливается на скамье, другой подходит к самому обрыву и задумчиво смотрит в морскую даль.

«Хорошо! Дивно хорошо!» — думает он и как-то грустно становится у него на душе. Хочется не то плакать, не то приласкаться к кому-нибудь, или хоть поделиться тем, что происходит в сердце...

«Да разве с этим чурбаном сговоришься», — с досадой взглядывает он на своего спутника, побрякивающего на скамье. И еще тоскливее делает ему, еще сильнее чувствуется одиночество.

— Комары проклятые! — бурчит его товарищ, закуривая папироску. — И вот всегда так, — без пакости в жизни не обойдется! Правда, Костя?

Но Костя молчит.

В эту минуту в столбе лунного света, рассекающего пополам море, оказывается небольшая лодка. Шум весел отчетливо слышен сидящим на берегу. Гребец останавливается и сдержанным голосом, как бы боясь

^а Медведь-гора. — прим. В.Н. Рихтера.

нарушить очарование ночи, просит свою спутницу: «Спой что-нибудь, Женя!» Женя откашливается, с минутку молчит, соображая, что спеть, начинает...

Pianissimo звучит меццо-сопрано на низких нотах и тоскливая «Шведская песня» Грига как-то осторожно разносится по тягучему влажному воздуху.

«Зима пусть минует...» — доносятся медленно слова.

И песнь о холодной зиме и разлуке гармонирует в душе Кости с его настроением. Кажется ему, что вся природа кругом полна тоски о чем-то дорогом, навсегда утраченном, полна стремления к чему-то неясному, невыразимо дивному.

Но, нет!

Неприветливо шумит парк своей листвой. Набежавший морской ветерок пронизывает холодом, а скалы угрюмо, загадочно смотрят на Костю. Им чужды его стремления, ему же непонятны их тайные думы...

Звучит грустный, высокий припев без слов. Его переливы то растут, крепнут, как набегающие волны, то замирают, теряясь в недостижимой выси. И покорность судьбе, бесконечное горе — слышатся в этих звуках... Но чудится Косте, что это не грустная песнь, не мелодия Грига, а общее, людское горе звучит в ночной тишине; горе всех обездоленных, принижённых, горе скованных цепями традиций!

И хочется Косте чего-то сильного, могучего. Замирает его сердце, останавливается дыхание в слабой груди, а противные, сладкие слезы тихо струятся из глаз.

— Ты что там? Рюмишь, кажется? — удивленно спрашивает его товарищ.

Костя, как ужаленный, вздрагивает. Ему делается противным присутствие этого человека. Он хочет бежать от него, бежать к той певице, которая так растрогала его, он делает шаг вперед и... падает в обрыв, больно ударяясь о камни...

А лодка уж исчезла в дали необъятного моря.

Рукописный подлинник и газетная вырезка. Опубликовано в № 186 газеты «Одесский Листок» от 20 июля 1902 г. под псевдонимом К.А. Тишин.

ОТШЕЛЬНИК И ЦЫГАН (отрывок)

Вблизи одного монастыря, вдали от селений, на берегу небольшой реки жил благочестивый старец, отказавшийся от наслаждений жизни и проводивший весь день в посте и молитве. Давно старец посвятил себя Богу, — с ранней молодости отдалился от пороков и соблазна мира и весь отдался религиозному экстазу, великому закону любви и всепрощения.

Его некогда красивое лицо высохло, как у мумии, черные, как смоль, волосы превратились в длинные серебряные нити, спадающие на плечи и прикрывающие его тшедушную грудь. Нос высох и резко выде-

лялся среди истощенных щек. Только голубые, ясные глаза не утратили своего детского выражения и по-прежнему светились любовью и незлобностью.

Была теплая, летняя ночь. Луна освещала тихо журчащую речку и отдаленный (далекий неясно) рокочущий бор. Старец, присев на камень и облокотившись на старое дерево, спал после долгой молитвы. Сон застал его неожиданно, слетев так незаметно и покойно, как может слетать только на людей со спокойной совестью и чистых сердцем. Тихие, радостные видения проходили перед его смеженными глазами. Ему снилось, что он молится в глухом, непроходимом лесу и видит, как его молитва восходит к престолу всевышнего Бога, как разгораются и просветляются лики ангелов и святых, как ласкающе смотрят на него глаза Создателя всего, Создателя Милосердного, непостижимого. И чудится ему, что все деревья глухого леса, все твари земные принимают участие в его молитве, что все они льнут к нему, забыв свои кровожадные инстинкты, забыв коварство и вражду. Снится ему, что и волк с (нежной) любовью заглядывает в его горе приподнятые глаза, не осмеливаясь сам смотреть на Божество; чудится, что и лисица, и лютей тигр, и могучий лев приникли к его ногам и с кротостью смотрят на него и он видит тысячи светящихся ласковых глаз, чувствует эту разлитую всюду любовь, слышит этот тихий глухой хор тварей, славословящий Царя из царей, Господа среди господ. И этот хор, мелодичный, полный неизъяснимой красоты и гармонии усиливается, растет и проникает в его душу и дарит ему неземное наслаждение, от которого замирает сердце и распространяется по изнеженному телу чарующая, чудная теплота. А оттуда, сверху, исходит дивный, дающий радость, счастье и теплоту свет, эта чарующая теплота, чудный хор, — все соединяется вместе и уносит старца, полного чего-то неизъяснимого, высокого, куда-то в беспредельную даль...

Когда старец проснулся, то увидел, что восходит величавое солнце, почувствовал на своих впалых щеках теплые слезы радости, услышал вдали неясную песнь, несущуюся в прозрачном утреннем воздухе.

И упал старец на колени и возблагодарил Того, кто дал ему ночной восторг, Того, кто создал весь этот свет[,] с такою красотой развертывающийся перед его глазами.

А песнь все усиливалась. Ее высокие ноты все серебристей и звонче дрожали где-то вверху. Звуки становились отчетливее и яснее. Пел молодой мужской голос, в котором слышалась беззаботность и чисто цыганское ухарство. Эта полная греховной страсти песнь мешала старцу молиться. Слишком силен был разлад между нею и настроением отшельника.

Кто это поет? Кто нарушает душевную радость, душевное счастье старца? Кто так нагло разрушает не созданное им, портит тот восторг, который недоступен ему? — Молодой, погрязший в тине сладострастия и вина, цыган. Он далек от наслаждения молитвой, ему чужд Бог, он не боится Его гнева, не желает (жаждет) Его рая. И вот этот цыган с быстрыми, горячими глазами, после беспутно проведенной ночи, стоит пе-

ред удивленным и грустным взором старца. В нем нет преклонения перед святыней, нет уважения к сединам. Его сожженную совесть не беспокоит ясный взгляд старца и он без страха насмешливо смотрит в его голубые глаза.

«Здравствуй, святой отец!» [—] говорит цыган[,] и в тоне его слышится явная насмешка.

«Здравствуй!»

«Что же ты не благословишь меня?»

«Я думаю, что ты не за тем пришел сюда», [—] спокойно отвечает отшельник и продолжает с грустью смотреть на цыгана, усевшегося на его место.

«Ты угадал: я не за благословением лез в такую даль! У меня есть к тебе дело поважнее».

Старец молчал, не сводя с него глаз.

«Ты видишь: я молод и красив (цыган говорил правду. Его смуглое лицо, дышащее отвагой и раздольем, было прекрасно. Вьющиеся темные волосы вырывались прядями из-под отодвинутой на затылок шляпы и спадали на лоб. Черные, беспокойные глаза говорили о хитрости и лукавстве). У меня кровь кипит в жилах, как никогда не закипала у тебя. Она меня жжет, как кипяток, она сушит меня!.. Да ты все равно не поймешь! Не думай, что я пришел к тебе за советом! Я наперед знаю все, что ты мне можешь сказать, и не нуждаюсь в твоих наставленьях. Но ты все-таки мне нужен. Я полюбил одну девуку, полюбил так, как только может (полюбить) вольный цыган. А раз я полюбил, то она должна быть моей. Понял? (Вот тебе и весь сказ!)»

«Я тебе в этом деле не помощник. Возвращайся с миром туда, откуда ты пришел!»

«Подожди старик! Не гони меня: все равно не уйду, пока своего не сделаю!.. Полюбил я сильно! Так сильно, как не любил еще! И повторяю тебе, что рано или поздно она будет моей! Берегись мне мешать! А помешать ты можешь: моя красавица верит вам, безмозглым попам[,] и слушает вас. Она убегает от меня, как от заразы, она чувствует, что я могу в ней зажечь сердце, и боится этого, боится потому, что вы наговорили ей ужасов про любовь! Знать, не пылало ни у кого из вас сердце, знать, не грызли вы себе руки, катаясь по земле от жара в крови! Да знаешь ли ты, что такое красота! Знаешь ли ты, что делается в сердце, когда взглянет красавица в глаза! Загорись весь, застучит сердце, — голова кругом пойдет! Да, с нами красотой да горячим взглядом хоть веревки вей! Только знай, красавица: и тебе поблажки нет! Разожги ты нашу кровь, разожжем мы и тебе! Не помогут тут тебе ни попы, ни молитвы!»

Он разорвал ворот своей рубахи и сидел перед спокойным стариком красный, взволнованный, с бьющимся сердцем, с тяжело подымающейся грудью. А отшельник давно уж перевел свои глаза с него на далекий (шепчущий) шумящий бор. Пролетел от речки свежий ветерок. Цыган подставил навстречу ему свое разгоряченное лицо и жадно глотнул освеженный воздух. Старец медленно, не поворачивая головы и продолжая смотреть в даль, опустил на колени и начал молиться. Цыган

презрительно взглянул и чуть ли не с ненавистью отвернулся. Прошло в молчании несколько минут, показавшихся вечностью цыгану и мгновением старцу.

«Послушай, отец святой!» [—] не вытерпел цыган: «успеешь постучать лбом, когда я уйду, а теперь выслушай меня!» [—] старец не шевельнулся. Цыган вскочил с места. «Отец святой!» [—] угрожающе крикнул он. [—] «Не разжигай ты меня лучше! Слушай, раз с тобой говорят! Я не то, что другие дураки, не посмотрю на твою святость!» Старец продолжал молиться. У цыгана глаза налились кровью и дыхание замерло в груди. Бешенство готово было вырваться наружу, но цыган непривычным, страшным усилием сдержал его. Только где-то в самой глубине души что-то заклокотало и непримиримая злоба, жажда мести зажглась в его глазах (и глаза на секунду вспыхнули злобой и жаждой мести). Когда старец кончил молитву и посмотрел на цыгана, то заметил только прежнюю насмешливую улыбку.

«Ну, преподобный, я дал тебе кончить, так дай теперь кончить и мне. Сегодня к тебе на поклонение, наверно, придет народ. Говори ты с ними про что хочешь, и как хочешь, только смотри, не касайся любви, не говори, что это грех, что нужно избегать соблазна и все такое потому, что прошлый раз она пугалась всего этого от тебя. Смотри же, говорю тебе, не то... плохо будет!» И он встал и пошел в бор.

А далеко, далеко от этого места, по пыльной дороге возвращались домой провожавшие чудотворную икону. Возвращалась старая Матрена, еле передвигая опухшие ноги. Возвращался торопливо Семен, которого ожидала в деревне трудная крестьянская работа. Возвращались кучками мужики и бабы, односельчане, пришедшие издалека поклониться святой иконе и послушать наставлений отшельника. Их загорелые, запыленные лица носили отпечаток утомления и следы долгого тяжелого труда. Многие из них отдали свои последние деньги, заработанные тяжелой ужасной работой. И их гроши лежали теперь в различных кружках, предназначенных для сборов на постройку (всевозможных) храмов во славу Божию, звенели в карманах священников и диаконов, были зажаты в дрожащих руках нищих, жадной толпой сопровождавших икону. И никому не было жаль трудовых денег, и дававшие и бравшие чувствовали, что делали (хорошее) разумное (то что нужно). Длинной вереницей тянулись люди по дороге, направляясь к одинокой келье отшельника. Крестьяне, крестьянки, мелкие торговцы, богатые купчихи и солидные купцы, разодетые дамы со своими кавалерами (вся эта разнокалиберная толпа шла, ехала, пронесила вперед, шли, охали, плелись к старцу) послушать про то, о чем они не думали в житейской суете. За это время у старца перебивало много гостей. К нему заходили, делая большой круг, когда шли за иконой, заходили, когда возвращались (а возвращались уже второй день, так растянулась толпа). В этот день около шалаша отшельника собралась особенно большая толпа. Всюду виднелись бабы платки и мужицкие шляпы, впереди мелькали искусственные цветы, украшавшие нежные головки «интилидентных представительниц общества». Среди этой толпы, ожи-

дающей появления отшельника, стоял и Иван со своею женой и приемышем. Наконец отшельник вышел. Вся толпа обнажила головы. Многие перекрестились. Он благословил народ.

Толпа зашевелилась, поклонилась и сразу стихла: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа»[, —] медленно начал старец. «Братья и сестры во Христе! При царе Кире персиянине разгневанные вавилоняне ввергли в ров пророка Даниила, ибо он разрушил капище их идола Вига и умертвил дракона, которому они поклонялись. Ров тот назывался львиным, ибо в нем было 7 львов, которым давалось каждый день по два тела и по две овцы. Когда же ввергли Даниила в тот ров, то перестали давать львам пищу, чтобы они съели его. Но он укротил их молитвою своею к Господу. И забыли львы лютость свою и, припав к ногам пророка, лизали их... Велик ты, Господь Бог Даниилов и нет иного кроме тебя! Братья и сестры, не в львином ли рве живем мы теперь? Не лютые ли звери в нас и вокруг нас? Не забыли ли мы Господа Единого, Животворящего? Не вражда ли и страсти в сердцах ваших? Посмотрите вокруг себя и опомнитесь. Жены, позабыв Бога и совесть, смущают мужей, обнажая тело свое и непристойно ведя себя с ними. Мужу преследуют нечестивым вожделением женщин и девственниц. Всюду обман, соблазн, прелюбодеяния! Всюду ненависть, вражда и козни. Братья и сестры! Не так ли живут дикие звери, не знающие Бога, помышляющие только о теле? Не львы ли и тигры вокруг нас и в нас, опомнитесь, братья и сестры по Христу! Вернитесь к Богу, он милосерден! Смирите сердце свое молитвою, как Даниил смирил львов. Молитесь теперь же со слезами и бия себя в грудь, чтобы не быть растерзанными своими страстями, ибо молитва есть единение с Богом, а Бог — наше прибежище и сила! Аминь!»

Старец, а за ним вся толпа, опустили на колени и начали горячо молиться. Глаза красавицы Ганны, которую так полюбил цыган, тоже были устремлены к небу. Черные брови ее были сдвинуты и все лицо носило отпечаток твердого решения. Да! Она нашла в своей душе силы для борьбы с прелестным зверем, соблаздившим ее, нашла силы, чтобы усмирить волнения, начинавшие волновать ее молодое, гордое сердечко. Ганна молилась долго.

Уже большая часть толпы разошлась по тропинкам к ближайшим селам, уже начало смеркаться и немногие оставшиеся расположились на ночлег, а Ганна все молилась, стоя на коленях и подняв свое хорошенькое, загорелое личико к высокому звездному небу.

«Он хорош, он красив! Как посмотришь в его огневые глаза, так мутится сердце и закипает кровь. Боже, дай силы бороться! Как змея, извиваются его слова, проникают прямо в душу, застилают глаза, отнимают силы. Так и бросилась бы к нему на шею, обомлела бы в его руках, дала бы задушить себя в объятьях. Дай же силы, Боже! Дай! И бежать нет сил от него и остаться страшно, а сладкая истома так и охватывает тело. Ты, Боже Всесильный, Ты, Боже Всемогущий, не допусти до греха. (Ты вложил в меня желанья, дай же и силы бороться с ними.) Я боюсь Твоего гнева, боюсь и страшного Суда, но он так пригож, так силен, что боюсь я греха, если не поможешь Ты рабе твоей! Господи Милосердный, я знаю,

что греховные муки в сердце моем, знаю, что нельзя (Тебя) просить о помощи такой грешной, как я, но... пощади меня, Боже!»

А цыган лежал в густой траве, кусая губы и сжимая кулаки от злобы, клокотавшей в нем. Вдруг легкая поступь долетела до его слуха. Он узнал шаги. Еще секунда и он стоит перед смущенной Ганной, заграждая ей путь. «Пусти»[, —] шепчет она, боясь взглянуть на него и замирая от страха. «Нет! Не пущу я тебя!» [—] говорит цыган блестя глазами: «Не пущу! Не отнимут у меня такую красотку и все попы на земле! Рано тебе слушать их, успеешь еще напоститься в старости, а теперь ты молодая и хороша и должна любить»... «Пусти, уходи, искуситель!» «В тебе кровь кипит, в тебе сердце полно любовью, а попы твои уже отжили свое, не понять им тебя. Их не горячит красота, не тревожит нега. Посмотри ты кругом! Видишь, как темно везде, какая тишь да гладь. Хорошо теперь б девка посидеть над рекой, посмотреть в ее чистую воду, заглянуть в самую глубь, где живут русалки, где ходит дед водяной. Там и страшно. Нет! Коли екнет сердечко, ты прижмись только крепче ко мне, дай обнять тебя и страх, как рукою, снимет!» «Мне домой пора!» «Что домой? Что ты там найдешь? В хате душно, в ней нельзя вздохнуть! То ли дело в лесу! Там привольно, свежо! Слушай, девка! За работой ты не знаешь веселья, не знаешь любви! Пойди ты со мной и я научу тебя, как с другом ночь коротать, как жить на воле, как любить, целовать! Я спою тебе песни цыганские. Я пою хорошо... Я спою про любовь, про волю, про лес, про глаза про твои я сложу песню. А ты только слушай меня!» — «Не хочу! Не пойду! Не надо мне твоих песен! Я боюсь греха, Бог ведь все видит! Усмири ты свое лютое сердце! Перестань говорить!» Но цыган не замолчал! Речь его полилась, как река. И чем дальше, тем больше слышалось в ней страсти. У Ганны в глазах помутилось, закружилась голова. Она оттолкнула цыгана и бросилась бежать. Он нагнал ее, обхватил сильной рукой. Не помня себя, крепко сжал ее, отыскал дрожащие губы, страстно впился в них. Как ни билась она, как ни рвалась, — это была ее последняя девичья ночь.

Кишинев.
1901 г.

Рукописный подлинник. Продолжение не обнаружено.

ЛЮСИ (отрывок)

Сегодня заехала за мной моя Люси. Ей взгрустнулось одной и она, рискуя встретиться с моими родными, все-таки решила забрать меня. Мы отправились за город, прошли по берегу, полюбовались прибоем волн, их рокотом и дождалась, обнявшись, появления луны. «Как хорошо!» прошептала Люси, опуская голову на мое плечо. «Как хорошо!» [—] Мы долго просидели молча, наслаждаясь нашей любимой стихией. Но вечер-

ний холод давал себя чувствовать. Люси вздрогнула и крепче прижалась ко мне. Я предложил сбежать за ее накидкой. «Нет, не надо! Мне так хорошо с тобой, я так счастлива в эту минуту, что не хочу, чтобы ты отошел от меня!» Я остался. Но как ни прижимал я Люси к себе, как ни старался согреть ее холодные ручки, сырой морской воздух делался все холодней и холодней, и нежное тело Люси совершенно продрогло. Зная отлично, что она скорее простудится, чем добровольно нарушит этот момент, я, не говоря ни слова, осторожно взял ее руки и понес к экипажу. Через несколько минут мы неслись к городу. Люси, по-прежнему не говоря ни слова, лежала у меня на груди и мечтала. Я любовался ее матовым личиком, грациозной фигуркой и припоминал всю историю нашего знакомства, улыбаясь судьбе, отдавшей мне эту женщину. Я вспомнил, как впервые встретил Люси. У нас дома разыгралась какая-то трагедия на кухне, и все мы, т.е. мама, отец, мой друг (еще по гимназии и университету) и я были принуждены обедать в ресторане. Ресторан был в то время модным и публички в нем было много. За одним столом я заметил одиноко сидящую Люси. Не скажу, чтобы она поразила меня красотой, скорее то, что она сидела одна, обратило мое внимание. Я указал ее нашим. Мы принялись ее рассматривать и делали свои замечания. Было решено, что она иностранка, одета весьма просто и изящно, что она грациозна. Меня же, как теперь помню, в особенности поразили ее грустные, голубые глаза и легкий вздох, вырвавшийся из ее груди за второй кружкой пива. Люси расплатилась, встала из-за стола и прошла мимо нас своей грациозной спокойной походкой. На минуту ее глаза остановились на мне. «Каким смешным!» [—] не раз говорила она мне потом [—] «мне показался этот всклокоченный, небрежно одетый студент!» Прошла неделя, другая, и я забыл о ней. Однажды, это было в самый разгар студенческого движения, когда все были возбуждены первыми арестами, я сидел на перилах крыльца нашей alma mater, двери которой были для меня «впредь до особого распоряжения» закрыты, и читал группе студентов только что вышедшую прокламацию. А теще я был порядочный, так как учился дикции и декламации, а тут еще подъем духа так, что оно, пожалуй, и выходило недурно. Когда я закончил с должным пафосом последнюю фразу горячего воззвания к студентам и обвел глазами слушателей, то заметил в толпе Люси, опирающуюся на руку одного из студентов. Она серьезно и внимательно смотрела на меня. Но я был разгорячен и мне предстояло участвовать в обструкции, так что мне было не до нее. Опять прошло много, много времени. И вот в один из чудесных майских вечеров я натолкнулся в парке на Люси опять об руку со студентом. Я уже прошел было мимо, как colleg'a меня окликнул, представился сам и представил мне Люси. Дело кончилось скромным ужином, после которого мы проводили ее до экипажа и расстались. Я узнал от colleg'и, что Люси богатая иностранка, недавно приехавшая неизвестно для чего в наши палестины, совершенно одинокая, но весьма и весьма приличная особа. Colleg'a особенно тужил о последнем обстоятельстве. Всю ночь я промечтал о Люси, утром первая мысль была о ней. Меня все восхищало в ней: и ее образ, и ее спокойная речь, умение выслушивать, интерес к серьезным вещам и замечательная

выдержка. Не знаю, каким образом я в тот же день очутился в ресторане, в котором впервые увидел ее. Мне казалось, что я должен увидеть ее там. Я рисовал себе самые невероятные картины, объяснял ей в любви, открывай ей сокровеннейшие свои мысли, словом[,] был в ужасно нервном состоянии. Представьте же мою радость, мой восторг, когда Люси вошла в ресторан и неспешно направилась ко мне. Ее глаза были по обыкновению грустны, лицо было задумчивее, чем обыкновенно.

«Я знала, что вы будете здесь!» — как бы про себя произнесла Люси и села рядом со мной. Мы начали встречаться все чаще и чаще; наши беседы становились все задушевнее, пылче и в один прекрасный день трепещущая Люси очутилась в моих объятиях, но вырвалась из них и более месяца не показывалась мне на глаза. Я перебивал на всех местах наших свиданий, я часами сидел на том месте, где в последний раз виделся с ней, но ее не было. Она исчезла[,] и я думал, навсегда. Когда острое чувство горя у меня улеглось, или, вернее, когда я смог уже настолько справиться с собой, чтобы приняться за работу, я целыми днями сидел на этой скамейке, читая или сочиняя. Работа шла быстро, голова работала энергично, но часто я ловил себя на мыслях об исчезнувшей Люси и тоскливо становилось на душе. В одну из таких минут, когда уже в парке стемнело и по этой забытой аллее редко проходили гуляющие, я почувствовал легкое прикосновение руки. Я не вскочил, не обернулся, как делал это раньше, но сердце сильно забилося у меня. Мне часто приходилось разочаровываться и принимать за Люси (других) несчастных жертв мужской разнузданности. «Кто тут?» — спросил я. Вместо ответа особа подседела ко мне и обняла. Я не смог подавить гадливого чувства и, прошепав: «Уходите, не нужно!» — с отвращением освободился и, собрав книги, хотел было уйти, как Люси, да, сама Люси (это была она) повисла у меня на шее и жадно искала моих губ. Книги полетели в сторону и ласкам не было конца!

«Дорогой, милый!» — шептала Люси, страстно прижимаясь ко мне: «Я твоя. Вся твоя: и душой и телом!» Эта фраза сразу отрезвила меня. Я остановил ее и сказал, что не могу на ней жениться, так как в принципе против брака, а поступаю я всегда сообразно со своими убеждениями.

«Знаю! Все знаю!» — улыбнулась она, радостно смотря в мои глаза... — Я читала твои заметки». «Тебе дал colleg'a N (познакомивший меня с нею)?» — «Да» — «Но это все равно, нам надо расстаться!» — «Я не хочу! Я твоя!» — «Ни за что, Люси!» — «Я не пушу тебя. Ты думаешь, я твои воззрения узнала после того, как рассталась с тобой? А помнишь наш первый ужин? Ты тогда говорил то же самое, только так, мимоходом! Потом у тебя постоянно вырывались об этом фразы. Да, наконец, я вполне согласна с тобой. Я наизусть знаю твою теорию, я даже пополнила ее своими мыслями». «Но отчего ты бежала от меня в таком случае?» «Это одно из пополнений. Ты прости меня! Я все это время шпионила за тобой, я видела, как ты отталкивал от себя этих несчастных страдалец, как ты грустил обо мне. Это было испытание, которое ты выдержал блестяще, и вот тебе награда за него!» И она бросилась тогда ко мне на грудь и прижалась на секунду точно так же, как прижимается теперь, катя со

мною в коляске по городу. «Люси!» — говорю я моей подруге: «Заедем в парк!» Люси подымается, смотрит с любовью на своего «косматого» друга и поцелуем изъявляет радостное согласие. Не подумайте, чтобы мы все время с ней посвящали одним поцелуям и прогулкам. Нет! Мы с ней большую часть времени проводили за оживленной работой. Она была моим главным критиком, моим вдохновением, моим секретарем. Ее душа, ее едва заметные психологические движения служили мне богатым материалом, ее энергия возвращала мне силы и бодрость в минуты уныния и апатии. Как могла преображаться эта задумчивая, грустная женщина. Как умела она понимать каждое мое настроение и извлекать из него пользу! Она была задумчива, весела, серьезна, наивна как ребенок, настойчива и упряма, как древний римлянин, и в то же время оставалась все той же любящей и любящей Люси. Но она не была послушным манекеном, игрушкой моих желаний, моей рабой, скорее я был ее раб, так как она делала со мной, что хотела. И я с восторгом с каждым днем все более и более отдавал ей свою свободу, так как ее власть была направлена только к тому, чтобы сделать меня трудящимся, благородным человеком. Она сама работала еще больше, чем я, она переводила иностранные книги, конспектировала всевозможные сочинения, пополняла мои наблюдения своими, внушала мне новые идеи, разжигала мое самолюбие, и за мои труды дарила такие восторги, какие вряд ли выпадали на долю других.

Оригинальны были наши законы, которым мы повиновались в нашей брачной жизни. От обоих не требовалось верности друг другу, но было условленно ни слова не говорить об изменах, если таковые будут легкого свойства. Если же кто-нибудь надоест другому, то первый должен, не говоря ни слова, исчезнуть на известный срок из глаз, и если вновь пожелает возобновить отношения, так начинать дела с самого начала. Ее и мое прошлое было неприкосновенно. Никакой обязательной откровенности не существовало и в помине. Дети, если такие бы появились, налагали на обоих только одну заботу: образовать их лучшим образом и дать средства к существованию. Несмотря на такую свободу и полную возможность изменять друг другу, как мы были верны, как любили и как дорожили нашей совместной жизнью. Вряд ли у законных супругов, связанных почти нерасторжимыми узами, было столько единения и привязанности, как у нас с Люси. Нас объединяли совместный труд, сделавший нас необходимыми друг другу, давший нам плодотворную деятельность, матерьяльная независимость ее от меня и наоборот, позволявшая не надоедать друг другу счетами и расчетами, одинаковые убеждения в главнейших пунктах (в религии, в государственном строе и воззрении на женщину) и, наконец, половое влечение, которого мы не стыдились, но которому, главным образом, Люси не позволяла занять первенствующее место в наших отношениях. После того, как первый угар страсти прошел, она сейчас же нашла другие интересы и постаралась сделаться мне более необходимой в нравственном, чем в телесном отношении. Мое самолюбие не позволило мне отстать в этом отношении от нее и вот мы достигли разумной, нравственной вязи. Люси так хорошо устроилась, что я (ни капельки) не был оторван от дому, что мои родные ее втайне уважали и любили, хотя в силу

предрассудков, не были знакомы с ней, мои же друзья были в восторге от нее и готовы были пропадать у нас целые дни, если бы позволяла Люси. Но она была строга в этом отношении. Принимала только в определенные часы: во время обеда, завтрака, чая, словом, когда мы не занимались с ней. Все другое время двери ее «салона» и моего «кабинета» были закрыты для всех. Мы, наконец, вернулись из парка и сидели в столовой за чаем. Самовар весело кипел. Люси, залив чай, просматривала новый журнал, я читал вечернюю газету. Раздался звонок. Люси вышла навстречу. Пришли мои друзья.

Одесса.
1901 г.

Рукописный подлинник. Продолжение не обнаружено.

ЛУННАЯ НОЧЬ

Хороши, не правда ли летние лунные ночи? Сколько воспоминаний связано с ними у большинства из нас! Иной при одном напоминании о них только головой покрутит, да затылок почешет, другой сплюнет и с сердцем скажет: «Ну их к Богу!», третий сентиментально вздохнет, вперив грустный взор в пространство и меланхолично произнесет: «Да! Было золотое времячко!» А женщины? О, тут столько разнообразия, что и не оберешься! А сколько повестей, рассказов, поэтических сонетов, трогательных, радостных, печальных, упоительно веселых произведений связано с ними! Чего только ни делалось в их тиши, на что только не насмотрелась эта проказница луна.

Ну-с, а теперь вообразите такую заразительную ночь да еще в роскошной обстановке южного Крыма, где утесы, обрывы, стройные кипарисы, густые заросли, темные парки, тихо рокошущее море, — все покровительствует влюбленным, все прочно заставляет любить. В Крыму даже приехавшие лечиться старушки поддаются этим губительным чарам. Вся их нравственность разлетается, как дым, от одного жгучего взгляда татарина-проводника! Где же было удержаться молодому студенту! Как бы он смог бороться с ужасной эпидемией, наполнявшей своими бациллами все уголки того парка, в котором он жил! Даже ежедневные порции математики, которую он преподавал сыну владельца этого темного рая, не могли охладить его сердца. Казалось, что сухая, отвлеченная наука только разжигала его молодую кровь, заставляла беспредельно увеличиваться сердцебиение. А тут еще хорошенькая, резвая барыня, положим, гораздо старше его, но ведь это обстоятельство редко принимается в расчет непослушным сердцем. Но я должен оправдать моего героя. Не думайте, что он не боролся с собой, не думайте, что он не презирал себя за малодушие, за свой, как он полагал, отвратительный поступок! Нет, он мучился угрызениями совести, он считал подлым уступать своей гадкой природе, заставляющей его чувствовать влечение к дочери человека, приютившего

его и безусловно доверявшего ему. Наконец, он был уверен, что не любит ее так, как, по его мнению, нужно было любить барышню; он сознавал, негодую в душе, что будь на ее месте другая, третья, десятая особа, он все-таки испытывал бы то же самое. Он клеймил свои мысли и желания названием разврата, которого он всегда чуждался... несмотря на все это, довольно было появиться ей, как вся мораль летела к черту, его глаза вспыхивали страстным огоньком и он старался, ругая в то же время себя, отыскать малейший предлог, чтобы уединиться с ней, взять ее об руку, прижаться к ней. После каждой подобной прогулки он проклинал свою бесхарактерность, давал клятвы, что «это» в последний раз, что завтра он будет совсем иначе себя держать. Но приходило «завтра»[,] и вся его решимость разлеталась при одном ее намеке, при одном лукавом предложении этой кокетки, читавшей в его душе, как в раскрытой книге. А близость их с каждым днем росла. Поэтому неудивительно, что однажды, когда пирамидальные кипарисы чуть слышно перешептывались о чем-то с магнолиями, когда рокоту моря, рассеченного серебряным столбом лунного света, вторил шелест ливанских кедров, когда широкие листья муч принимали в тени прихотливые очертания, словом, когда крымская летняя ночь была в полной своей красе, он крепко прижал ее к своему бюшему сердцу и почувствовал на своем лице ее страстное горячее дыхание. Несколько часов продолжался ее бессвязный шепот, подавленные стоны, прерываемые бесконечными поцелуями и страстными, разнообразными объятиями. (Как в ту минуту он удержался, как сохранилась она, непостижимо! Наверно прежние убеждения, крепкие, сильные, воспринятые с молоком матери удержали на этот раз его здоровое тело!)

Он целовал ее, любовался ее разгоревшимся лицом, ее полуоткрытым ротиком, ее сладострастными позами. Но все время, несмотря на любовный чад, у него в голове, как раскаленный гвоздь, шевелилась мысль, что так не должно быть, что это скверно, недостойно, что это нужно сейчас же прекратить, прервать навсегда. «Довольно! Оставь!» [—] шептал он: «Я могу не удержаться, я не отвечаю за себя! Опомнись, Соня!» Но она только сильнее прижималась к нему, только сильнее хотела разжечь его кровь. Он почувствовал, что теряет самообладание, что катастрофа близка. Собрав свои последние силы, он вырвался из ее объятий и хотел бежать, но она упала на колени перед ним, обняла его ноги, целовала его руки и тихо шептала: «Я хочу быть твоей! Какое дело тебе до того, что будет со мной! Я твоя, бери же меня!» Волосы ее давно разметались по сторонам, кофточка расстегнулась, весь костюм был в беспорядке от объятий и борьбы. Он дрожал, до крови кусал губы: трудно бороться с молодой кровью. Еще минута, и все было бы кончено! Но силы заметно покидали ее. Вот она упала на траву и истерические рыдания начали душить ее. Схватить ее как перышко на руки и отнести подальше от дому, чтобы не было слышно ее рыданий, было для него делом одной минуты. Наконец, это мучительное свидание окончилось! Оба растерзанные, разбитые, обессиленные расстались.

«Позор! Стыд! Подлость!» [—] шептал он, когда очутился один в своей комнате. «Так упасть! Так унизиться! Еще минута[,] и я искалечил бы

навсегда жизнь невинной девушки! Подлая, животная натура! Сколько раз давал себе клятвы бросить все эти нежности и довел[-]таки ее до иступления! Чтоб было, если я не удержался? Что бы было, э, да разве теперь лучше! Гадость! Даже жениться не могу! Не могу поправить свою мерзость! И хоть бы любил, так ведь нет! И знал же, что не люблю! Какой же мерзавец!» И он до боли сжал свои руки. «Жениться? Так ведь я ее через неделю брошу! Кроме того тогда все учение, вся карьера к черту! И на что жить-то будем? Может быть, подачкой отца? Ее приданым? О, подлец, мерзавец, негодяй! Тебе бы следовало испытать это унижение, нужно было бы заставить тебя, дурака, кланяться богачу[-]аристократу и все время помнить, что он гнушается твоей бедности, твоим происхождением. По делам была бы тебе мука! Небось негодовал бы, читая в каждом его взгляде обвинение в бессовестном обмане, в желании пожить на его счет! Вся кровь кипит при одной мысли об этом! Нет! Бежать, бежать, бежать! Бежать немедленно. Скажу, что получил письмо от матери, что она больна, умирает! Я, наверно, получу завтра письмо! И бежать! Я ей скажу, растолкую, что не люблю, что никогда не любил ее, а что это только страсть, пусть ругает, пусть презирает меня!»

На следующий день Соня вышла к завтраку, как ни в чем не бывало, и только бледность выдавала ее. По двум-трем выразительным взглядам бедный студент понял, что она не отказывается от прошлого и намерена продолжать дальше. Он окончательно растерялся и не знал, что делать, хотя за полдня до того распекал своего ученика за последн. ...^a И до того был неловок и растерян, что даже сам отец Сонечки, обыкновенно погруженный в какие-то тайные для всех мысли, вышел из своей обычной задумчивости и справился о здоровье «многоуважаемого Алексея Ивановича». Несчастный Алексей Иванович пробормотал, что его беспокоит молчание домашних. На что Соня лукаво заметила, что нужно смотреть на вещи трезво и не волноваться по пустякам. «Если вы будете!» [-] сказала она, смотря на него в упор [-] «постоянно дрожать перед будущим и воображать себе различные страхи, то вы скоро уподобитесь нашим нервным барышням, которые боятся шаг сделать!» «Завтра же бегу!» [-] решил про себя он, опуская глаза в тарелку. Но как было провести сегодня? Когда после окончания завтрака он хотел скрыться в свою комнату, Соня громко, нарочно, чтобы слышал отец, предложила ему пройтись по парку. Он попробовал было отказать, ссылаясь на какую-то смешную работу, но Соня не хотела ничего знать. Пришлось повиноваться. И вот они очутились на той скамейке, которая была свидетельницей вчерашней сцены. «Вы избегаете меня?» [-] спросила Соня, придвигаясь к нему. «Нисколько, но поймите, что так не может продолжаться дальше!» «Почему?» [-] продолжала она спрашивать, почти прижимаясь к нему и заглядывая в глаза. «Софья Андреевна, могут заметить!» [-] умолял он. «В парке никого нет». «А ваш отец?» — «Он спит». «А брат Коля?» «Тот гоняет по двору!» — «Но все-таки не надо!» «Но почему же? Скажи мне, нако-

^a Пропуск в тексте документа.

нец!» «Ах, Боже мой, ведь вы шутите с огнем!» «Я не боюсь!» «Но я не желаю, чтобы до этого дошло!» — «Почему же? А чем вы рискуете? Чего вы боитесь?» — «За себя мне нечего бояться, я действительно ничем не рискую, разве тем, что могу потерять уважение к самому себе! Но я боюсь за вас, вы многим рискуете, вы рискуете всем! Вы в увлечении, для одной минуты ставите на карту всю вашу будущую жизнь!» «А ведь это моя жизнь, ведь я за нее отвечаю! Почему вы считаете себя обязанным заботиться о ней?» — «Как порядочный человек!» — «Ах, как порядочный человек!» — «Да, как порядочный человек! Я вижу, что вы теперь не можете рассуждать, что вы упрямо не хотите смотреть в будущее. И я обязан показать вам это будущее!» «Покажите!»

«Я, Софья Андреевна, не могу по личным причинам жениться на вас!» — «Отлично знаю и не требую этого!»

«Ну а что будет, если следом наших отношений останется ребенок? Скажите мне!»

«Вы взялись показать мне будущее, так показывайте без расспросов!»

«Вы не хотите отвечать? Не надо! Я буду продолжать. Вы должны будете или убить этого ребенка или нести всю тяжесть общественного презрения, вы должны будете отказаться от общества, от счастья. Потому что кто же возьмет вас после этого? Даже домашние отвернутся от вас, а каждый пошляк, зная ваше прошлое, будет считать себя вправе делать вам обидные, позорные предложения! Вот будущее, которое вы можете ожидать, если не совладеете с собой! Не обвиняйте же меня, Софья Андреевна, за сдержанность! Если я в чем и виноват, так именно в том, что позволил себе вчера забыть, да и вообще раньше я вел себя не так, как должно!»

«Ты кончил?»

«Да, я кончил!»

«Спасибо тебе за старание спасти меня, удержать! И вот тебе ответ и благодарность! Если мне будет грозить ребенок, я уеду на время отсюда, а потом подброшу его отцу и сама буду его воспитывать». И она обожгла его поцелуем.

«Соня!» [—] и он схватил ее за руки и отстранил от себя. «Но что ты думаешь? Что ты делаешь? Ведь пойми же, что мы даже не любим друг друга, ведь это только одна страсть, весенняя любовь. Ведь это чувство пройдет так же быстро, как пришло! Будь на моем месте другой, или на твоем другая, каждый из нас испытывал бы то же самое! Одумайся! Взгляни на будущее! Не испытывай же мои силы, ведь я человек!»

«А я женщина!»

«Так я заставлю тебя одуматься!»

«Заставь!»

«Раз ты женщина, ты должна иметь стыд, иметь гордость, сохранить свою честь, а ты ...» Он остановился.

«Что же ты замолчал?» [—] гордо выпрямилась Соня [—] «Продолжай! Или совесть не позволяет говорить дальше? Так я окончу за тебя! «Ты должна сохранять свою честь, а между тем все делаешь, чтобы потерять ее. И я, мужчина, должен напоминать тебе о женской стыдливо-

сти!» Верно окончила? О, я знаю, что ты это думал! Так выслушай же и мой ответ! Ты меня запугивал ребенком, ты старался втолковать, что во мне говорит только страсть, ты обращался, «как порядочный человек», даже к моей женской стыдливости, которая непонятым для тебя образом оставила меня! Эх ты, жалкий людишка, не способный понять, что делается теперь в моей душе, применяющий ко мне прокислую мораль, отжившую свое время даже для книг! Ты решил остановить меня оскорблением и ты добился своего: я оставлю тебя в покое! Только это оскорбление ты нанес не мне, а себе. Ты открыл передо мной свой жалкий мир. Я поняла тебя. Не я в данном случае являюсь слабой, достойной сожаления, а ты[,] благородный рыцарь, умоляющий меня пощадить твое благородство, не заставляя ссориться тебя с самим собой! Твои убеждения так тверды, что, если бы я захотела, ты через минуту сделал бы прямо противоположное им! Ты говоришь, что боишься только за меня! Лжешь! Ты дрожишь только за свою шкуру, за свое душевное спокойствие, ты боишься осуждения других. Вот мотивы, по которым ты действовал, теперь ты подожди, я объясню тебе мои поступки. Я женщина, мне 28 лет (я южанка). Во мне течет горячая южная кровь и мне трудно бороться с ней. У тебя есть всегда возможность, не рискуя своей честью, успокоить свое волнение, но у меня нет этого исхода и я должна терпеть и ждать, пока кто-нибудь из вас не соблаговолит мне сделать предложение. Если же вы не догадываетесь, я должна пускать всевозможные средства, чтобы поймать в свои сети какого-нибудь дурака и заставить его жениться на себе. Мне было всегда противно поступать так, я скорей отклоняла искателей моей руки, чем ловила их. И вот, когда у меня неудержимо заговорила кровь, когда у меня нет выхода, нет успокоения, когда я от страсти готова броситься в первый попавшийся обрыв, меня пугают ребенком. Мне напоминают про забытый мною женский стыд! И кто же напоминает мне! Ты, который сам не можешь совладать со своею страстью и просишь не раздражать тебя! И во мне и в тебе, благородный рыцарь, находятся два существа: человек и зверь, оба они хотят жить, оба просят пищи. И если хочешь, чтобы зверь не мешал человеку, если хочешь, чтобы он смиренно лежал в своем углу, бросай ему время от времени пищу; иначе он выйдет из своего логовища, прогонит человека и будет царить в твоей душе, повелевать твоими поступками. Мною владел этот зверь, он мешал мне жить, требуя пищи, и я искала ее! Я думала, что ты сможешь понять меня, что ты не осудишь! Мне не нужна была твоя возвышенная любовь, я сама так не любила тебя! Но я думала, что ты сильный, лучше, чем оказался! Иди же, благородный человек, и будь спокоен, впредь я не буду нападать на твою честь и не заставлю тебя дрожать за нее! Но знай, что я не благодарна, и не буду благодарить за мое «спасение!»

«Соня»[, —] и он попытался взять ее за руку и привлечь к себе.

«Идите! Мне неприятно ваше прикосновение!»

И он смущенный, сконфуженный пошел от нее. На душе было скверно. «А все-таки я поставил на своем!» [—] старался он утешить себя, но это не удавалось. Несколько дней подряд он старался возобновить отно-

шения и, наконец, не добившись ничего, отказался от урока и уехал домой. Теперь, вспоминая про крымские ночи, он с досадой говорит: «Вот дурака сваял!»

9 августа 1901 г. «Од[есский] Листок» К.А. Тишин.

Рукописный подлинник. Опубликовано в газете «Одесский Листок» под псевдонимом К.А. Тишин.

УЛОВ

Это было в те незапамятные времена, когда о «сердечном попечении» педагогов не было и помину, когда «латынь» и «греческий» безмятежно царствовали в гимназии в ущерб другим предметам, когда процветали единицы, карцеры, ... Такой порядок казался наилучшим. Иван Иванович Чехский, преподаватель древних языков, не мог даже допустить мысли о каком-либо преобразовании. Всякая реформа показалась бы ему каким-то святотатством, покушением на его личное благосостояние.

У Ивана Ивановича была большая семья и учительского жалования не хватало на ее прокормление в первую пору его педагогической карьеры. Пришлось расстаться со светлыми юношескими мечтами о полном посвящении себя школе, о бескорыстном, нераздельном служении воспитанию и искать частных уроков. Но всевозможных репетиторов, специалистов, «опытных репетиторов» и «с ручательством» и без оного было много и уроки окупались очень плохо. А у Иван Ивановича кроме того целый день уходил на преподавание в гимназии, разговоры с родными, исправление тетрадей и т.д. Задумался Иван Иванович, крепко задумался и решил посоветоваться с другими педагогами, более старыми и более опытными. Но эти педагоги смушались при его вопросах и уклончиво с улыбкой говорили бедному Чехскому, что время само покажет выход из затруднительного положения. Но время шло, обстоятельства не улучшались. Чехский стал раздражительным, стал «лепить колы», и за какие-нибудь два месяца прослыл среди гимназистов «зlobником», «пугалом». Перед ним трепетали, его ненавидели со всей страстью детской души. Досадить ему, выдумать какую-нибудь бессмысленную пошлость про его семейную жизнь считалось доблестью. Обидные прозвища, карикатуры и прочие атрибуты гимназической «травли», конечно, скоро стали известными Ивану Ивановичу и еще более озлобили его.

Заметит Иван Иванович, что Семенов, ученик VII класса, утомленный тремя предыдущими уроками, рассеянно смотрит в окно и упустил нить урока, тотчас громко окликает его и прикажет «продолжать». Семенов дрожит, сердце его усиленно бьется, дрожащие руки теребят на парте подстрочник. Он «порет чужь» в надежде, что кто-нибудь из товарищей подскажет, выведет его на дорогу. Малейшего шепота ему достаточно, но нет такого смельчака, который бы подсказал на уроке Чехского. А Иван Иванович впился глазами в лицо Семенова и, не сводя с него взгляда,

подымается с кафедры и как-то по кошачьи приближается к нему. Головы всего класса поворачиваются за ним и глаза всех перебегают от Чехского к Семенову и обратно. Редко у кого в такие минуты не замирало сердце. Только вызванный отчасти рад этому и сможет, дрожа от страха, «начиниться у первых парт», которые озираясь и тоже трепеща, «начиняют». А Иван Иванович обыскивает тем временем парту, ранец и карманы пойманного и все «незаконное», как-то: подстрочник, папиросы, «посторонние» книги [—] с злорадством конфискует, показывая классу каждую найденную вещь и остря по поводу несчастного Семенова. Класс принужденно, как по команде, хохочет, торопливо пряча в ботинки, за рубаху и т.д. «незаконные» вещи. Когда обыск оканчивается, Семенов получает единицу и ему сообщают, что его оставят на два часика после уроков для размышления о совершенном поступке. Затем урок продолжится.

А то начнет Иван Иванович несколько раз подряд спрашивать ученика, пока не поймает его в незнании урока и не «влепит» ему двойки, приговаривая: «Попался, голубчик! Готовь впредь уроки, не обманывай бедного учителя!» В конце концов он до того запугал учеников, что они и «травить» его боялись. Старые педагоги улыбались проделкам Чехского и часто загадочно произносили: «Чехский подготавливает улов».

Наступило Рождество, а у многих учеников Чехского, в том числе и у Семенова, за полугодие стояло красноречивое «два». Семенов совсем был обескуражен этим, хотя и ожидал двойки, но все-таки у него была смутная надежда, что «проклятое злобище» сжалится. Ведь он так его усердно просил «еще раз, только один еще раз вызвать», дать возможность «исправиться», ведь после каждого урока он сопровождал «эту скотину» до самой учительской, надоедливо «клянча», ловил даже его на улице и т.д. Раз, когда было два праздника подряд, Семенов даже осмелился пойти на дом к «злобищу». Он приготовил речь самого слезного содержания, целые полчаса стоял перед дверью Чехского, не решаясь позвонить, а когда открылась дверь, то почувствовал, что у него ноги слабеют и голос отказывается служить. На его робкий вопрос: «Дома ли Иван Иванович?» последовало резкое: «Нет!», и дверь захлопнулась. Оскорбленное самолюбие заговорило в Семенове и он, сжав кулаки, принялся честить Ивана Ивановича самым нецензурным образом. Но не хотелось отказаться от надежды, не испробовать все способы. Нашел Семенов знакомого студента и отправил его к Ивану Ивановичу. Тот пошел.

— Дома Иван Иванович?

— Нет.

— Когда его можно застать?

— А вы по какому делу?

— Мне надо поговорить об ученике Семенове.

— Приходите завтра в это же время.

Студент пришел. Под звонком красовалась лаконическая надпись: «звонок испорчен». Студент плюнул и заявил Семенову, что впредь не будет мешаться «в это грязное дело».

Но из всех стараний ничего не вышло. Двойка за полугодие красовалась и портила всю жизнь Семенову, а когда он вспомнил о предстоящем

объяснении с родными, на него находило отчаяние и мысль о самоубийстве или убийстве шевелилась в голове.

(Он подобно Николеньке Толстого отдавался этим мечтам и своим примером великолепно подтверждал мнение Ницше о том, [что] «мысль о самоубийстве позволяет нам часто спать». Но это не были безопасные детские мечты, это был протест души против негуманного обращения с ней). Такие мысли в той или иной форме были свойственны всем тогдашним гимназистам. Одни из них грозили по окончании гимназии «побить морды» ненавистным учителям и находили сочувствие в массе, другие ограничивались дерзостями про себя и разными пасквилями, третьи же затаивали в себе унижение, сдерживали ярость, кипевшую в их молодых сердцах, но были случаи, что их «прорывало», и они стрелялись и стреляли.

Все это не являлось делом минуты, неожиданным, но оказывалось результатом долгой, упорной мысли, зародившейся в голове от ненормальных гимназических условий и находившей себе чуть ли не ежедневную пищу [жажде мести]. Но Семенов, хотя и мечтал о «кровавой мести», был слишком робок и миролюбив для преступлений и ограничивался только мечтами, не сознавая опасности.

Родителям он боялся говорить про двойку; начнутся слезы, попреки, жалобы. Выйдет такая трагедия, что Боже упаси. Но сказать пришлось. И Семенов вынес такую бурю, какой еще ни разу не выносил. И то сказать — VII класс не шутка: университетом пахнет, этой обетованной землей гимназистов. Ад наступил в семье у Семеновых: мать плачет, отец нервно ходит по комнатам и думает горькую думу, что его Ваня, любимый сын, обманывал его, поддельвал отметки, подучивал и своих товарищей врать ему. И действительно, было от чего прийти в отчаяние. И кажется бедному отцу, что все его надежды обмануты, что из сына никогда не выйдет порядочного человека, что все долгие труды и заботы пошли прахом. А сам виновник сидит где-нибудь в углу и твердит про себя[:] «Вот застрелюсь! Посмотрите, застрелюсь». Для него настали тяжелые дни. Отношение к нему отца, старавшегося игнорировать сына, постоянные «жалкие» слова и взгляды матери, наконец, эта проклятая двойка, грозившая «сиденьем на второй год», все это страшно выворачивало ему нервы. Он готов был зареветь, как приготовишка. Зареветь от злости, обиды и жалости к самому себе. Так прошли праздники. Однажды отец Семенова, вернувшись откуда-то домой, позвал жену и сына и долго вполголоса говорил с ними. Результатом этого разговора было то, что в один прекрасный день Семенов в смущении стоял у хорошо знакомой двери Чехского. Дверь отворилась и на этот раз пропустила его в недоступное прежде святилище.

«А, это вы!» — приветливо встретил его Иван Иванович и даже руку протянул.

— Садитесь.

Семенов сел. Наступило неловкое молчание. Иван Иванович усиленно пыхтел папироской и не знал, как приступить к делу.

— Вы книги принесли?

— Да.

— Гм... Ну что ж, будем заниматься.

Семенов поспешно развернул книги. Началось добросовестное приготовление урока к следующему дню. После трех таких домашних уроков Иван Иванович вызвал Семенова в классе. Оказалось, что его ученик сделал такие блестящие успехи, которые можно было оценить минимум четверкой, и то принимая во внимание полугодовую двойку. В классном журнале красовалось против фамилии Семенова 4, а в его записной книжке появилась лаконичная запись: «четверка стоит пятнадцать рублей». В журнале четверки учащались, появлялись изредка даже пятерки, а книжка Семенова обогатилась следующими рассуждениями: «учетом называется плата за пять уроков, как за десять», «знание наперед extempore дает спокойное настроение и гарантирует пять», «можно заниматься деланием папирос на уроках самых злющих учителей, если ты часто производишь учеты».

Репетировать [—] это значит раз в месяц перед вызовом, зато ученику...^a Как мы видим, Семенов очень быстро знакомился с житейской мудростью, но и для его педагога многое стало ясным. Иван Иванович знал теперь способ, позволявший жить с комфортом на учительское жалованье, и не дрожал, как прежде, перед увеличением семейства. Нужно было только в первом полугодии наставить побольше двоек самым состоятельным ученикам, и во втором будет такой блестящий улов, что надолго обеспечит семью. Это была чудная педагогическая система, выручавшая учителей из материального затруднения и позволявшая ученикам сохранять здоровье и силы, переходить в следующий класс. Если кто и страдал от этого, так только родители или, вернее, их карманы. Таково[,] по крайней мере было мнение Ивана Ивановича Чехского.

1 сентября 1901 г.

Рукописный подлинник. Под текстом автором сделаны записи: Отослана в ред[акцию] «О[десского] Л[истка]» 1 сентября 1901 г. В «О[десский] Л[исток]» не принята по цензурным условиям; В «Од[есские] Новости» принята, но взята мною обратно; В «Ж[урнал] для всех» не принята.

ПРАВСТВЕННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ

(II редакция)

I

В комнате Коли Малова всегда полно табачного дыма.

В данную минуту в ней такая атмосфера, что непривычному человеку не высидеть более двух минут.

Точно туман стоит.

^a Пропуск в тексте.

Неприятное впечатление производит и классический беспорядок, свивший здесь, по-видимому, прочное гнездо.

Постель смята. На ней валяется гимназическая шинель. На подушке, обильно посыпанной пеплом, лежит вверх «тормашками» затасканная фуражка. При одном взгляде на эту «посудину» каждому делается ясным, что ее владелец — восьмиклассник.

На этажерке, тахте, в шкафах такой хаос, что трудно передать. Но верх совершенства — это письменный стол, за которым сидит, погружившись в чтение, Коля.

Чего, чего тут только нет!

Прежде всего бросаются в глаза тысячи окурков, которыми усеяна поверхность стола. Затем поражают груды книг, фантастическими колоннами подымающиеся в высь. Всюду исписанная бумага, пепел, различные склянки, грязные воротнички, бесчисленное множество пустых спичечных коробок. Целая коллекция замазанных ручек и обгрызанных карандашей покоится на феноменально запачканной чернильнице. Не думайте, что комната целую неделю стоит без уборки, нет. Каждое утро горничная обречена на сизифов труд, но Коля отличается неискоренимым талантом в две минуты преобразовывать комнату в лошадиное стойло. Только в такой обстановке он чувствует себя хорошо. Что поделаешь! Он «принципиальный противник порядка».

«Однако пора!»

Коля захлопнул книгу Ланге «Рабочий вопрос» и, разыскав шинель и «посудину», оделся.

«Коля, куда ты?» [—] остановила его на дороге в переднюю мать.

— По делу.

— К Степанову?

— Нет.

— К Феде?

— Нет, иду по делу.

— Что же, это секрет?

— Секрет.

— И нельзя узнать?

— Нельзя. Прощай, я спешу.

— Чай будешь дома пить?

— Не знаю... вряд ли.

— Да где же ты будешь пропадать?

«А это уж мое дело! Прощай!» Коля исчез.

«Что это у него за таинственные дела завелись?» [—] подумала Елена Дмитриевна. «Вот еще скрытный мальчик. Даже матери, своему лучшему другу не доверяет... Секретничать, когда меня так интересуют все его дела... Он даже не хочет понять, что мне больно подобное недоверие. Точно я враг ему! И как грубо он ответил «Это уж мое дело, а не твое»... Не любит он меня! Не любит... Если бы любил, так не секретничал бы, не грубил...» И ее глаза наполнились слезами.

Когда Елена Дмитриевна выплакалась, мысли ее приняли другое направление.

«Какое у него может быть дело? Наверно опять влюбился, пойдут эти свидания, забросит уроки... срежется, не кончит гимназии... И в кого это он такой влюбчивый выдался?» Без малейшего колебания Елена Дмитриевна решила, что эта черточка унаследована Колей от отца. Тут по какой-то странной ассоциации идей она вспомнила, что Коля был сегодня одет «по походному». Стало быть он шел не на свидание. Справедливость требует, чтобы сделана была оговорка.

Когда Коля влюблялся или шел в гости в такое место, где рассчитывал встретить «бабское население», то он преображался. Горничной, да и самой Елене Дмитриевне, доставалось, если воротнички не сверкали белизной, если на носовых платках он замечал следы ржавчины или отыскивал незначительную дырочку. Сапоги должны были блестеть, мундир быть безукоризненной чистоты. Каждый дефект, плохо пришитая пуговица, не хорошо выутюженные брюки, вызывали целую бурю.

«Я не хочу быть смешным!» [—] кричал Коля. «Если уж одеваться в парад, так не *de nomine*, а *de facto*».

Значит Коля, одевший свою ужасную куртку, шел не на свидание.

«Почему он скрыл от меня куда идет?» Елена Дмитриевна, почувствовала, что не может оставаться далее в неизвестности. Через секунду она была около комнаты сына. Лишь только она открыла дверь, как дым забрался к ней в нос, зашекотал ее горло и заставил раскашляться.

«Господи, как он много курит. Ведь этак можно и чахотку нажить!

«Маня!» [—] позвала она горничную, [—] «Откройте форточку: здесь дышать нельзя... Вы что не прибирали у паныча сегодня[,] что ли?»

«Как не прибирала, барыня! Все, как есть чисто прибирала. Это они потом так отделали». Мать и горничная принялись приводить все в надлежащий вид.

Когда возможное было сделано, Елена Дмитриевна взяла поразившую ее книгу Ланге и направилась к мужу. Заглавие «Рабочий вопрос» испугало ее.

II

Никодим Петрович Малов трудился над составлением кассационной жалобы на решение мирового съезда по делу одного из своих доверителей.

«Мировой съезд»[, —] писал он, [—] «вопреки явному смыслу 1402 и 1403 статей гражданского Судопроизводства постановил решение»...

«Ника», [—] обратилась к нему Елена Дмитриевна, [—] «Я хочу поговорить с тобой о Коле».

«О Коле? Сейчас милая». И Никодим Петрович, dokonчив фразу, поднялся. «Ну-с, что натворил наш Николай Никодимыч?... Что это у тебя за книга?»

«У него на столе нашла».

«Гм! “Рабочий вопрос”? Положим, тут запрещенного ничего нет, но... но немного рано ему читать такие книги. Несвоевременно».

«У него какие-то таинственные дела завелись».

Никодим Петрович повертел в руках книгу, перелистнул две, три страницы. Ему бросились в глаза восклицательные знаки, поставленные

на полях, и подчеркнутые места. Он нахмурился. «Ты говоришь: таинственные?» [–] переспросил он жену.

«Да вот сегодня[,] например[,] ушел и не сказал куда. Я начала расспрашивать, он ответил грубостью: «Не мешайся не в свои дела».

Глаза Елены Дмитриевны опять наполнились слезами, а Никодим Петрович нервно заходил по мягкому ковру.

«Этого нельзя отставить без внимания, милая! Нам нужно с тобой непременно узнать, где он бывает. Если его не удержать немедленно, то может быть очень плохо... очень плохо. Он, пожалуй, таких дел наделает, что потом будет считаться с ними всю жизнь».

«Да запрети ты ему, Ника, уходить без спросу!»

«Ах, милая! Ну что ты говоришь? Разве можно запретить такому большому мальчику. Мы должны действовать не насилием, а убеждением. Помнишь, как одного Колиного товарища отец хотел удержать дома и отнял сапоги?»

«А, Соболев?»

«Вот-вот. Ведь удрал, шельмец, в одних калошах, а отец совершенно подорвал свой престиж. Нет, если мы будем запрещать, то только научим его лгать и притворяться. Необходимо нравственное воздействие...»

«Но как же на него повлиять, если он скрывается?»

«Нам, милая, надо во что бы то ни стало узнать, чем он теперь занимается. Это главное, а потом уж посмотрим, как действовать».

«Может быть посмотреть его бумаги?»

«Гм... а он разве пишет что-нибудь?»

«Постоянно».

«Гм». Остановившийся было Никодим Петрович опять забегал вдоль и поперек по комнате. Наконец он подсел к жене и, смотря почему-то в сторону, посоветовал ей: «Ты бы, милая, того... почитала бы там... эти... его бумагомарания».

«Хорошо». Елена Дмитриевна ушла, а присяжный поверенный зашагал в своем кабинете.

«Что же остается делать?» [–] рассуждал он сам с собой. [–] «Приходится прибегать к крайним средствам. Он сам лишает меня возможности действовать прямо; а оставить без внимания нельзя... невозможно».

Долго ходил Никодим Петрович, запугивая себя страшными картинками, и с каждой минутой убеждался, что необходимо немедленно пресечь «зло».

А Елена Дмитриевна все не возвращалась.

«Что она нашла там?.. Еще, пожалуй, не поймет как следует: обратит внимание на пустяки, а главное упустит... Надо пойти самому»...

Никодим Петрович застал Елену Дмитриевну сидящей у стола. Она старательно подбирала ключи к ящику стола, но ни один из них не подходил.

«Смотри[,] не сломай замка»[, –] предупредил ее муж[, –] «а то он догадается».

«Ника, дай-ка ключ от твоего стола. Мои не подходят».

Никодим Петрович быстро вышел.

На обратном пути он вспомнил, что у Коли есть ключ от входной двери и, вернувшись, закрыл ее на цепочку.

«Я парадную на цепочку закрыл»[, —] сообщил он жене, давая ей ключ. «Зачем?»

«А то он может неслышно вернуться и...»

«Ах, да!»

Ключ подошел.

Через несколько минут родители были погружены в чтение.

С первых страниц Никодим Петрович заметил, что сын его начитаннее, чем он предполагал. Когда он думал о Коле или говорил с ним, то никак не мог отделаться от мысли, что это не сын, ребенок. Ему всегда казалось, что он может без ошибки перечислить все Колины мысли. И вдруг эти записки заставляют его убедиться в противном. Самостоятельно, смело подошел Коля ко многому, перед чем трепещут другие и пытался оценить его. Он не стеснялся в выражениях; чем священнее, выше был предмет его рассуждений, тем резче были выражения. Юношеский задор не знал предела и тешился, забрасывая грязью неприкосновенные для других кумиры.

Конечно, много тут было незрелого, даже прямо нелепого, но эта дерзкость и резкость заставили призадуматься Никодима Петровича.

Несколько листиков исписанной бумаги представили Колю совершенно в ином виде; изумленные отец и мать поняли, что совершенно не знали своего сына.

Особенно одна страничка поразила их.

«Родители», [—] писал Коля, [—] «это неизбежное зло. Все кричат почему-то (конечно сдуру. Вообще, на свете дураков больше, чем умных. Может быть[,] и я дурак, хотя бы мне не хотелось из самолюбия, само собой разумеется, допустить это), что надо их уважать, а главное, наиглавнейшее, слушаться. Ладно! Интересно мне только очень, почему? На каком достаточном основании?»

Начнем с послушания.

По моему разумению, нужно повиноваться мозгам, своим собственным натурально, а при недохваче их — человеку-голове. Родители же по отношению к детям по большей части безголови. Возьму для примера мою теге. Женщина в сущности не глупая, но как только входит в роль мамыши, так унеси ты мое горе на гороховое поле! Либо какого-то главнокомандующего разыгрывает, либо слезы ручьем пускает».

Как бы в подтверждение слов сына, слеза матери упала на эти строки.

«Оставь, Леля, брось. Я сам дочитаю», [—] каким-то хриплым, необычным голосом произнес Никодим Петрович. «Нет уж... все равно!» [—] всхлипнула Елена Дмитриевна.

«И такое зло иной раз возьмет»[, —] гласила дальше рукопись, [—] «что хочется по-русски выругаться. Главное логика-то прямо ушизажимательная. Вот тут, философы, и толкуйте о целесообразности послушания.

Теперь о чем там? Да, об уважении.

Вот абсурд-то, из абсурдов абсурд»...

Тут Никодим Петрович, весь красный от волнения, взял из рук жены записки и один прочел несколько строк.

«Спрячь, милая!»

Елена Дмитриевна, буквально заливаясь слезами, кое-как засунула в ящик листки и заперла их на замок.

Несколько минут они молчали.

«Пойдем, Леля, пойдем милая!» [—] наклонился Никодим Петрович к жене.

«Не любит он нас!» [—] зарыдала Елена Дмитриевна, бросаясь на шею мужу.

«Ну полно, полно! Пойдем!»

Они вышли.

III

Часов в двенадцать Коля попробовал открыть парадную дверь.

«Что за черт?» [—] удивился он [—] «на цепочке! Ага, захотелось, чтобы я поднял трезвон и дал повод к разглагольствованию! Ну что ж... айда!»

И он с остервенением надавил кнопку электрического звонка.

Заспанная Маня открыла ему дверь.

«Что, мордашка, где восседают родители?» [—] спросил Коля, беря ее за подбородок.

«Спят».

«Что-о?»

«Давно уж легли», — Маня поспешила уйти от ласк паныча.

«Спят! Что сей сон значит? — рассуждал он идя в свою комнату. Слишком, кажись, рано... По всей вероятности на меня надулись, хотя по обыкновению “влиять”».

Жаль! Главное — не смущайся!

А[—]таки[,] наверное[,] на меня дуются. Я матери, кажется, что-то брякнул. Ну да, брякнул. А она, наверно, пошла сетовать отцу: обидел, дескать, оскорбил! Что же я такое сказал? Э, да все равно. Пусть не лезет. “Куда идешь?” Так ведь ты ей и скажи сейчас!.. Воображаю какой бы тарарам поднялся, если бы знали в чем дело! Как же: “недозволенные” собрания, “недозволенный” журнал... Фу ты, ну ты! Вот поехала бы антимо-ния, только держись. И об исключении, и об порче карьеры и “жалкие слова”! Сколько бы пороху даром истратили!.. Спите, родители! Хоть вы теперь и улеглись раньше времени, хоть вы и обречены по моей вине на бесплатное несколькочасовое ворочанье, все же вам это легче, чем знание голы истины... Не советую только завтра допытываться: лишь опять себя расстроите, а все равно ничего не узнаете... А хорошо Сашка написал об относительно признания. Не ожидал от него такой прыти!» И Коля, улегшись на тахту, погрузился в воспоминания.

Кружок гимназистов затеял издавать журнальчик. Коля попал в состав «редакции» и должен был приготовить для первого номер «экстракт Ланге».

Помечтав около получаса[,] Коля пришел к заключению, что заснуть он не в состоянии. Так как на следующий день было воскресенье (от хождения в церковь Коля «по болезни» был освобожден), то им было принято решение «поработать».

К его великому удивлению[,] книга Ланге отсутствовала. Все старания найти ее были бесплодны. Ну и досталось же порядку и наводившим его!

«Куда же ее запроторили?» [—] негодовал Коля. [—] «Быть может[,] я ее в ящик сунул?» Коля нагнулся.

В замке торчал ключ.

«Однако я одурел за последнее время! Этакая рассеянность до добра не доведет. И нашел, что забыть — ключ!»

Он открыл ящик.

Рылись?.. Не может быть?!

Но беспорядок в ящике был явной уликой.

«Шпионы, сыщики!» [—] пронеслось у него в голове.

«Любопытство проклятое одолело! Непременно захотелось порыться в чужой душе!..

Но ведь если читали, так значит... и то прочли»...

Он бросился к своим заметкам и перечел те листы, где говорилось о родных. «Ну, что же! Получили расплату! Не лезьте другой раз!»

Вдруг на одном листике он заметил бледную кляксу. Присмотревшись, он понял в чем дело:

«Ревела! Как же! Конечно! Непочтительный сын! О, вы, почтенная мамаша, шпионящая и читающая тайком чужие записки? Вы теперь чего доброго негодуете на сына! Наверно[,] разыгрываете оскорбленную добродетель...У». И отборные ругательства посыпались из его уст.

«А отец... Впрочем нет. Папа ни за что не поступил бы так. Он джентльмен. Он не любопытная баба. Он порядочный человек»...

Коля протянул руку к пепельнице, вытащил оттуда заинтересовавшийся его окурки и повертел его во все стороны, как бы не доверяя глазам.

Таких папирос он не курил, это был окурки отца.

Крепко выругался Коля и заметался по комнате.

В этот вечер два врага, всю жизнь воевавшие под личиной мира, сорвали с себя маски.

Одесса. К.А. Тишин.
14–15 января 1902 г.

Рукописный подлинник. Под текстом запись автора: Г[азета] «Одесский Листок». Запись зачеркнута и стоит новая: «Южные Записки».

КОРШУН (II редакция)

«Он мне не нравится». — почему?
«Я не дорос до него», но ответит ли так кто-нибудь?

Ф. Ницше

Много мне про Коршуна сплетен рассказывали. Так много, что все-го не упомнишь. Самые разнообразные версии про его взгляды и обы-

чай ходили. Но во всех этих рассказах было одно общее место. Все в один голос говорили, что Коршун никакой морали знать не хочет: давит бедную, беззащитную птицу без всякого сожаления. Ни слезы, ни просьбы не помогают.

Только выведет Курица себе и супругу на утешение деток штук это восемнадцать, как он цап-царап, и потешается:

«Чтоб тебе не было в моем желудке скучно, так я и муженька твоего слопаю».

Только Соловей начнет своей невесте любовные песенки напевать, Коршун тут, как тут, и попадает певец, вместо брачного ложа, на завтрак злодею.

Главное[,] таскает всех без разбору: и меланхолика Дятла, и распутницу Кукушку, и добродетельную Ласточку.

«Мне» [-] говорит [-] «все равно, что пава, что Ворона. Лишь бы жратва была!»

Наслушался я всего этого птичьего жалобного гама и решил вспомнить старое знакомство, посетить Коршуна. Слопать меня он не слопает, а я еще в герои, защитники меньшей братии попаду.

Сказано, — сделано.

На следующий день был я с визитом у Коршуна.

Принял любезно.

«Чего, дружище, не заходил? Тут у нас, брат, скука смертная! Не с кем слова вымолвить».

«Так», [-] говорю, [-] «дела мешали. Давно уж собираюсь».

«Что нового в вашем курятнике?»

«У нас-то все по[-]старому; а вот в ваших местах, ты уж не обессудь, на тебя жалуются».

«Недовольны?»

«Еще как!»

«Правильно!»

«И чего ты, Коршун Степанович, птиц-то давишь? Плюнул бы ты на нее!»

«А я и то плюю».

«Как так?»

«Да так. Вот тебе, наверное, там наговаривали, что Коршун и такой, и сякой...»

«Был грех».

«Ну[,] а я[,] видишь[,] плюю на их речи и делаю свою волюшку».

«Да вот это, Коршун Степанович, не в обиду будь сказано, не хорошо».

«А мне какое дело, как там мелюзга рассуждает... уж и ты не обессудь на этом слове. Я, брат, так смеаю: где сила так и право... Да ведь если я их лопать не стану, так сам с голоду пропаду; а слопаю я без жалости или с жалостью — все едино. Они, брат, на то и живут, чтобы я их ел».

«Да ты бы хоть негодниц, как кукушка[,] на приклад есть изволил; а то ведь без разбору ловишь».

«Неправда твоя: умных не трогаю, потому умный всегда спрятаться сумеет. Умного не изловишь. А вот шваль остальную, правда, цапаю без

разбора. По мне все равно, что добродетельный, что недобродетельный дурак... Сильных тоже не беру. Сам от сильных прячусь. Равных не трогаю. Зачем даром время тратить, да кровь свою проливать? Только слабых да глупых тормошу. Сами в этом виноваты».

«Чем же они, Коршун Степанович, виноваты?»

«Тем, что ума не набрались. Ты кругом посмотри. Все[,] кто посылнее да поумнее[,] других давят. Ласточка на что смиренница, а и та мошкарку ловит. Все кого-нибудь жрут... Ты, чем меня уму-разуму учить, поучи-ка раньше мелюзгу глупую. Коли она поумнеет, так и я поневоле добрее стану!»

Тут Коршун взмахнул крыльями и взвился под облака.

14—16 января 1903 г.

Одесса. К.А. Тишин.

Рукописный подлинник. Под текстом запись: [«]Одесский Лист[ок»] не принял.

* * *

Последнее утро в Аласио. Очень раннее, чуть ощутимое, когда не знаешь, кому верить, горячему солнцу или свежему ветру с моря.

Мы втроем бежим купаться в последний раз, прямо из дома в волну, которая подбегает к самому порогу.

Так ясен был день, так весела игра на море, так молод, полон сил и далек от всего грустного, опасного, темного Федя, уезжавший в этот вечер в Россию.

Таким и остался он у нас в памяти на долгие годы, бодрым, беззаботным, неотделимым от радостной игры зеленых волн, от горячего солнца и вольного ветра.

Сейчас передо мной стоит седой, сторбившийся человек, смеется и кашляет и предлагает узнать его.

Уже давно кончилась война, уже прошли годы революции, все мы постарели и сторбились — душевно или физически — и все же я боюсь произнести «Федя».

— Что случилось, Федя?

— Ага, узнали. Федя... Ничего не случилось, очень все просто. Вот, давайте разденусь, поговорим.

— А вы ничего, все по[-]старому? — сказал Федя уже в комнате.

— Мне что делается... Что с Вами, Федя, как попали сюда, как узнали, что мы тут?

— Попал я случайно, т.е. не совсем случайно, а уехал вообще из Херсона в Одессу, зашел узнать, как и что вы, да и встретились вот. Повезло... А случиться-то ничего не случилось... После военной службы был земским врачом под Херсоном, там меня революция застала, там работал и до сих пор. А теперь переселяюсь куда-нибудь, еще сам не знаю, как и куда. Тиф был, конечно, и не один. Да это не важно.

— Что же вас гонит, политика, с властями не поладили?

— Нет, какая же политика. Я ведь, вы знаете, в отношении политики... да, конечно, я уже теперь не то в отношении политики, чем был прежде, кое-чему научился; и я знаю, знаю хорошо по крайней мере одно: чего не должно, не может быть... Пути и сроки тоже... Да дело не в этом, я хочу сказать, что на каждый час, на каждое мгновение у меня было всегда столько работы... не знаю, когда я думал... а действия моигодились всякой власти: раны и перевязки на войне, раны и перевязки тут, больница, тиф, роды...

... Мне, видите ли, надоело рассказывать. Все спрашивают, что случилось. Вы человек вежливый, раз спросили и замолчали, но в глазах[-]то у вас тот же вопрос. А ничего не случилось такого необыкновенного. Все то же, что со всеми кругом, что вы видите и слышите каждый день. Когда меня спрашивают, мне как-то неловко говорить. Точно со мной произошло что-нибудь особое. Я вот жил безвыездно в селе два года. Чего, знаете за эти два года не бывало... Как подумаешь, — видишь, что все в порядке вещей. Это — вообще, а в частности, если хотите знать, я сбежал из села, а потом и из Херсона.

... У нас там колонии немецкие есть, вы знаете? Так месяца полтора тому назад немцы чего-то не ладили с махновцами. Подрались. Семерых немцев раненых привезли ко мне в больницу ночью. Трое тут же и скончались, а четверо подлечились и выписались вскоре домой. А так через неделку в село нагрянули махновцы, человек полтораста. В селе — две тысячи народу, во всяком дворе оружие, а все притихли, ждут, махновцы — народ крутой... не сегодня-завтра сожгут, ежели что. Назначили, говорят, контрибуцию, я этого подробно не знаю, был как раз в амбулатории на приеме.

Отряд человек в пятнадцать, все пьяные или вроде того, явились ко мне.

— Ты лечишь немцев?

— Лечу и немцев...

— Веди в больницу, показывай немцев. Не для того их... били, чтоб ты их лечил.

— Каких вам немцев? Это что раненые были? Так их нет давно. Трое умерли, а остальные еще на той неделе домой ушли.

— Рассказывай... Веди в больницу!

— Что мне вас в больницу вести, идем покажу по записи, когда привезли, кого лечил, когда и выписались.

— Это ты сам писал, сам и читай, а нам подавай немцев и живо. С тобой разговор после будет.

Повели меня в больницу. Немцев у меня тогда вовсе не было. Лежали все свои же в сыпняке. В колониях вообще тифом болели меньше, да и не любят они к нам возить в больницу, дома вернее.

Предводитель их — пьяный, косой — смотреть жутко, облюбовал себе трех мужичков... Тут же их выволокли и зарубили на дворе за немцев... Немцы!.. Из нашего же села.

Тихо стало в больнице, все молчат, боятся глазами с ними встретиться... Попадешь в немцы. Сиделки делают вид, что чем-то заняты.

Я всего посмотрелся и на войне и после. Напрасно вы, говорю, из нашего же села люди это, родных отыскали бы, спросили...

— Поговори о родных... Остальные где ?

— Нет ни одного и не было.

... Отвели меня в амбулаторию, начали бить, и нагайками и всячески... Зачем немцев лечишь, зачем укрываешь... Как начало смеркаться, потерял я совсем силы, стал просить, чтобы сразу убили. Чего тянуть...

— Мы не убивать тебя пришли, а наказать... Не лечи, кого не надо. А ежели хочешь, так отправляйся, туда и дорога.

Замахнулся один из них шашкой... Сам я просил, чтобы прикончили скорее, один конец, а тут, помню, все же голова точно сама в плечи втянулась, жарко стало, и силы как будто явились, взмахнул я руками и рванулся куда-то. Да парень мой промахнулся с пьяных глаз и своего же товарища хватил по руке. Уцелела моя голова.

Косой и говорит: вот тебе, лекарю, и работа; помереть поспеешь, а руку пока что перевяжи.

Оставили со мной раненого, а сами в больницу опять пошли.

Поднялся я кое-как, начал делать перевязку. Жалуется мой раненый на лихорадку, просит порошка какого; показываю через окно на больницу, говорю, иди, спроси там воды теплой, с теплой водой и выпей порошок, поможет. Послушался он меня, пошел в больницу, а я с другой стороны окно выбил, выскочил, как был, через двор к больничной кухне перебежал, по лестнице на чердак, там за трубу забился и сижу. До того я о защите как-то и не думал, а тут взял в каждую руку по кирпичу и жду.

Январь месяц, градусов шесть было морозу, застыл совершенно. Темно. И начал я кашлять, никак не остановишься, а боюсь — по кашлю сразу найдут. Потом уж говорили мне, что и не искали они. И «наказали» достаточно, и сами устали за день. А главное — занялись делом, еще четверых из тифозных моих зарубили...

А кашель меня и спас. Услыхала меня кухарка, догадалась, поднялась ко мне на чердак, принесла юбку и платок и вывела меня из больницы. Махновцы еще до того ушли.

Хотел я у одного знакомого мужика укрыться. Прихожу на двор — там махновцы. Назад идти — сил нет, застыл я, да и некуда... вперед... А тут на дворе сажалка, где свиней откармливают, знаете? Забрался я в сажалку, в навозную жижу к свинье под бок, пригрелся. Уютно! Так мы с ней до утра и пролежали вместе.

Утром те отправились по своим делам дальше, хотя больницу разгромили до ухода как следует.

Попрощался я с «хозяйкой», что меня приютила, уложили меня мужики на воз, доставили в Херсон к матери. Без всяких приключений.

Одесса, 1921 г.

Бледный машинописный текст на двойном листе в линейку большого формата. Год и место написания вписаны от руки (судя по почерку, жены В.Н. Рихтера В.В. Суворовой).

Из недоступного мира я получил вчера твое письмо... Мне хочется сказать — письмо из прошлого, так как я не верю, что где-нибудь идет сейчас прежняя обывденная жизнь. Твое «плохое» и «хорошее» мне более далеки и менее меня трогают, чем неудачи и радости утраченного детства, а мое плохое и хорошее недоступны твоему воображению.

Когда-нибудь я отвечу тебе — словами — если мы встретимся и научимся снова понимать друг друга, найдем снова общий язык.

А сейчас мне не верится даже, что письмо мое вынет кто-нибудь из ящика и отвезет к тебе, если бы я его и написал. Какое может быть сообщение между нашими мирами?

Но твое письмо лежит передо мной и вызывает мучительное желание поговорить с тобой, с кем-нибудь; мы все молчим, мы все бессильны и мучаемся в одиночку...

Очень коротко и очень просто я хотел бы рассказать, как я жил сегодня, рассказать тебе об одном дне, похожем как две капли воды на все остальные.

Я проснулся рано и лежал долго с открытыми глазами, точно видел ими ускользящий сон. Должно быть, это был хороший сон, потому что на душе было хорошо и ясно.

Но вот я слышу шаги под окном, стук ведер, и сразу связываются концы — вчерашний день — с наступившим. Вода. Нужно вскочить и бежать до службы за водой. Мне нечем даже умыться. Дрова... Сегодня мы должны получить дровяной паек... Что еще? Да, голод... голод. Сколько их вижу я сегодня на улицах... Ах, концы уже связались прочно, ничего не остается от ясного покоя легких снов.

Холодно и сыро дома, морозно и туманно на улицах. «Водный путь» скользок, и отовсюду стекаются к крану унылые вереницы прозябших людей. Навстречу мне идет старушка с полным кувшином воды, идет, скользит, торопится: «Поспею, слава Богу», — и тут же падает. Какая славная старушка! Она падает и ухитряется не пролить, не разбить кувшинчика. Я подхватываю и ее, и посудинку.

— Ушиблась, бабушка?

— Эка беда — ушиблась! Кувшин-то цел, кувшин и вода. Вот и слава Богу!

Она прихрамывает, торопится и смеется. Веселая старушка. Цел кувшин-то!

Я становлюсь в очередь. Впереди сердитые люди, сзади — они же. Сначала мы молчим, потом немножко знакомимся, немножко дружимся. Говорим о погоде и о том, что не к добру гроза на Рождество, гроза с метелью и снегом. Где это видано? Говорим о хлебе и — неисчерпаемая тема — о голоде.

— Тут на Сенной площади покойник лежит, еще с вечера, [—] сообщает какой-то мальчуган.

— А вчера ребеночка кто-то выкинул, — добавляет сосед... — Собаки грызли.

— Собаки оттого злющие, — продолжает мальчуган. — Ночью на площадь не выйди — разорвут.

— Хотя бы покойников-то убирали. И этого от них не дождешься.

Мы все замолкаем. «Они», может быть, тут рядом. Вон впереди кожаная куртка...

Чем ближе к воде, тем теснее. Где очередь? Мы все сбились в кучу и ищем справедливости. И злы, как ночные собаки на площади. Я и мои ближайшие соседи организовались, защищаем вместе общие интересы, враждебны впереди стоящим и равнодушны к тем, что сзади. Мы все промочили ноги и торопливо подставляем свою посуду под струю воды. И уходим, не оглядываясь, забыв короткую дружбу, осторожно спускаясь по обледенелой покатоности.

Сколько неудачников пролили здесь воду и — часто — кровь.

Два полных ведра не шутка, но зато я согрелся и горд: навстречу мне иду поникшие лентяи с пустыми сосудами.

На площади оживление и торговля в полном разгаре. Я обхожу площадь стороной и смотрю туда, где, по рассказам, лежит покойник. Он еще там, прикрытый рваным мешком. Я вижу согнутые ноги и по[-]мертвому торчащие волосы. Первый на сегодня.

Дома я наскоро вскипятил воду и пил — не чай, не кофе, не воду: что-то, не имеющее названия и о чем не хочется вспоминать.

В полуподвальном этаже под нами живут два предприимчивых мальчугана, сыновья псаломщика. У них самодельная тележка с кадушкой. Они добывают воду и продают ее ведрами желающим. У них я занимаю на день тележку, чтобы привезти дрова: сегодня обещали выдать паек — и иду на службу.

Нас восемь человек в комнате. Отопления никакого. Пять градусов мороза. Тяжеловесные книги лежат безжизненно на столах и полках; в них никто не ведет записей: бесполезно макать перо в замерзшие чернила. Кроме того, большинство из нас не может писать: отмороженные и покрытые ранами руки забинтованы и укутаны в варежки причудливых фасонов, цветов и материала.

Не снимая верхнего платья, верхнего, но не всегда теплого, мы усаживаемся и начинаем свое служебное времяпровождение: рассказываем последние анекдоты, передаем свежие новости, говорим о пайке, отоплении, о выдаче жалования и т.п. Часам к двум нас остается только четверо «дежурных», большинство расходится по делам, по домам. Несмотря на строгость законов, на это смотрят сквозь пальцы.

И, о счастье! Приходит весть, что на складе можно сейчас, сию минуту получить дрова, пять пудов на пай. Застывшие физически и морально от холода и нестерпимой скуки, мы оживляемся, быстро спускаемся вниз, захватываем свои тележки идвигаемся в путь.

Это не легко и не близко: под горой, на самой окраине города.

Чем дальше от города, от центра, тем больше мы их видим, «не убранных», не похороненных. Иногда в одиночестве, иногда по два, по три рядом. Одни, брошенные, лежат кое-как в неестественных позах, иных чьи-то добрые руки уложили заботливо по обычаю: руки сложены крестом,

вытянуты тощие ноги-кости и тщательно расстелена сверху всегда короткая тряпица.

Кого из вас застала тут смерть? Кого воровски вытащили и покинули соседи или близкие?

Я насчитал их сегодня одиннадцать, с тем утренним.

Мы проходим мимо, видя и не видя, зная и не желая знать.

Должно быть, это не наше дело.

Но уже пропало наше оживление. Мы молча приходим, угрюмо нагружаем дрова и пускаемся в обратный путь, каждый в одиночку. Моя тележка пищит, скрипит и грозит развалиться; одно колесо идет прямо, другое как-то переваливается. Как это я не замечал раньше, что гора такая крутая?

Сколько раз я укреплял свой экипаж на крутом склоне, подкладывая что-нибудь под колесо, и безнадежно садился рядом, испытывая большое желание вытащить подпорку и спустить мое богатство обратно под гору. Пусть разобьется вдребезги: на что мне дрова? Зима почти прошла. Прожил же я до сих пор! Я не сделал этого по инерции, равнодушию, потому что совестно прохожих: вот скажут, дурак, спятил...

Наверху горы я стал смотреть на дело проще: путь хоть и долог, но не труден, даже с уклоном к дому. Дрова, пожалуй, и пригодятся.

Затопить бы по-настоящему настоящую печку, чтобы стало тепло, как в ... старое время, заварить бы настоящий чай, пить бы его с сахаром, да чтобы в голове были настоящие мысли о настоящем деле.

На улицах сереет, приближается вечер. Улиц не освещают, но в окнах несимметричными точками загорается свет, мутный и слабый. Освещаются и лавки, светло в кафе, а в одном даже играет музыка. Кто и что там покупает, ест, пьет? Я быстро качу свою тележку, не чувствуя тяжести.

Недалеке от дома, на тротуаре, кучка людей. Среди них наша соседка по квартире. Она замечает меня.

— Вот, кончается женщина... Добежать что ли домой, водой напоить...

Я подхожу ближе. На камнях под стеной лежит женщина. Прохожие останавливаются ненадолго, в нерешительности, и, постояв, молча идут дальше.

— Отвезти бы куда-нибудь...

— Куда? Да и зачем, как?

— Часа два лежит тут, говорит шепотом соседка. Я давеча в лавку бежала, видела. — Она смотрит на всех нас вопросительно, с надеждой. — Что же делать-то?

Кто-то за спиной, не останавливаясь, говорит в нашу сторону:

— Не наше дело.

Я хочу заглянуть ему в лицо, чтобы понять слова, но он уже прошел.

Я подхожу к своей тележке и еду дальше. У подъезда меня ждут мальчуганы.

— Однако, вы долго! Чего не позвали на помощь? Вместе довели бы мигом. Нас с водой ждут не дождутся.

Они забирают тележку, три полена в придачу и торопливо начинают прикручивать бочку.

Я перетаскиваю свое богатство в комнату и, не раздеваясь, сажусь на кровать. Темно, холодно, сыро. Пыльно. Грязно. Неуютно, пусто, одиноко.

Лежит ли она еще там? «Прибрал» ли ее кто-нибудь? Сколько их уже лежат или еще плетутся по городу, сколько погибают в холодной тьме пустых помещений? Не мое дело?

Боже, до чего я один, один. Даже глухие шаги под окном так редки, редки. Я ведь тоже умираю, умираю от бессилья, у меня застыла душа. Я вижу, слышу и прохожу мимо.

Но вот стук в двери. Кто-то открыл. Сквозь щели дверей я вижу свет в соседней комнате. Я вздыхаю с облегчением. Вернулся домой товарищ моих вечеров. Мне делается теплей и уютней от самого его появления. Я встаю и иду к нему.

Он колет дрова, топит печку, и она накаляется докрасна. Делается, пожалуй, жарко, я усаживаюсь у самого окна, но мне все кажется мало.

Мы печем коржи, темные, тяжелые, полусырые или подгоревшие. Мы тут же едим их горячими, обжигаемся, запиваем чаем с сахарином. Как хорошо!

В одиннадцать часов мы слышим стук у входной двери, слабый, неуверенный, настойчивый. Мы знаем, что это значит. Я быстро беру половину большого коржа — его больно держать, так он горяч — и иду к двери. Там — наш бывший дворник. Он погибает с голоду с восьмилетним сыном. Весь дом это знает.

Я отдаю ему хлеб и стою некоторое время у дверей, слушая, как он ошупью спускается по темной лестнице. Мы не обмениваемся ни одним словом.

Я возвращаюсь обратно в комнату. Печка потемнела. Мы долго еще разговариваем и курим без конца. В полночь затухло электричество, и на столе коптит маленький ночничок. Мне снова делается холодно. Пора спать.

Одесса. 1922.

Машинописная копия

МУЗЕЙ РЕДКОСТЕЙ Шутка-экспромт в 1-м действии

Действующие лица:

Комма
Бичи
Жанна
Петр
Дуранте
Лионель
Аггел.

Место действия — высшие сферы. Время — наши дни.

Явление 1-е. Аггел и Комма

Аггел: Вот, сестра, та обитель, где ты будешь пребывать. У нас теперь такое переполнение, такое количество душ, что пришлось уплотниться.

Комма: Ну, я к этому привыкла и на Земле. А скажите, пожалуйста, товарищ, а в какой профессиональный союз вы записаны?

Аггел: У нас здесь не союзы, а лики.

Комма: Ну, лик ваш я вижу. Вы очень недурны, но об этом мы с вами поговорим как-нибудь после. А теперь ответьте на вопрос: вы партийный или беспартийный?

Аггел: Я верный слуга моего господина.

Комма: Совсем, значит, несознательный. Ну, ничего — я на досуге займусь вашим политическим воспитанием. Скажите, замечаете ли здесь проявление недовольства в пролетарских кругах?

Аггел: Нет, все равно хвалят господина.

Комма: Познакомившись с ленинизмом, они переменяют свое поведение. Ручаюсь вам в этом. А давно были последние вспышки?

Аггел: В незапамятные времена.

Комма: Неужели пример нашей страны, этого оплота всемирного пролетариата, забастовки горняков и китайская революция не имели никакого влияния на ваши сферы?

Аггел: Они нас только убедили в том, как сильно еще царство тьмы на земле...

Комма: Но и как растет сила коммунистической партии.

Аггел: Эта сила неотделима от насилия.

Комма: О, я вижу, что вы типичный меньшевик или толстовец. Революций в белых перчатках не делают. Ну, нечего говорить с вами.

Аггел: Мир тебе, сестра. (уходит).

Явление II-е. Комма (одна)

Комма: Нечего сказать, в хорошее местечко попала! А положение как будто безвыходное. Во всяком случае ознакомимся, как учил наш вождь, с ситуацией; посмотрим, кто еще со мною в этом интернате. Вон, кажется, идет одна из уплотненных...

Явление III-е. Комма и Бичи.

Бичи: О, дорогая сестра, позволь тебя приветствовать и от всего сердца поздравить с освобождением от тяжелой земной оболочки и с приобретением к жизни вечной.

Комма: Не знаю, гражданка, заслуживает ли поздравления этот простой и весьма неприятный акт. Впрочем, я не буду сейчас открывать дискуссии по этому поводу, не выяснив некоторых необходимых предпосылок. Каково ваше социальное положение?

Бичи: Любимая сестра, простишь ли ты мне мое непонимание?

Комма: Чем занимались ваши родители?

Бичи: Отец мой, Фалько Партинари, был сыном прекраснейшей Флоренции, которую он защищал своей грудью. В этом лучшем из городов земли родилась некогда и я, недостойная Беатриче, и мой великий Данте.

Комма: А-а! Знаю, знаю! О вас сочувственно упоминал Плеханов и даже в то время, когда еще не стал предателем рабочего класса. Меня, по правде сказать, мало интересовала имевшаяся на земле о вас литература. Но приходилось слушать товарищей Криче и Когана, которые уделяли вам внимание. Раз уж пришлось встретиться, то я воспользуюсь случаем для выяснения себе того, что в вас лично имеется интересного. Видите (улыбается), я умею временами отказываться от исключительно классово-вой точки зрения и не ограничиваюсь простым отнесением вас к классу аристократии, который в те времена был уже достаточно реакционным... Да, так чем же вы прославились?

Бичи: Любимейшая из сестер, я знаю, что совершенно не заслужила той всемирной, неугасающей славы, которой меня наградила мой возлюбленный Данте. Я была простой, скромной девушкой, беспрекословно повиновавшейся сначала родителям, потом своему мужу. Всеми силами я старалась подавить в себе любовь к Данте, на которого даже не отваживалась смотреть. Всю жизнь мне хотелось быть такою, какою нужно быть по Писанию. Если имя мое теперь всем известно, то это произошло от того, что мне посчастливилось возбудить любовь знаменитого поэта, с которым я три раза встретилась.

Комма: Вы никогда ни с кем не боролись?

Бичи: Только с грехом.

Комма: А грехом (что за поповская терминология!), а грехом что вы считали?

Бичи: Нарушение заповедей и воли старших.

Комма: Хорошенькое мирозерцание! Типичная представительница своего класса и феодальной эпохи. Когда-нибудь приходили вам в голову мятежные мысли?

Бичи: О, нет, нет, любимая сестра, в этом я не повинна. Иной раз соблазн — стыдно в этом признаться — готов был проникнуть в мою душу, но я молилась, каюлась в своих прегрешениях (ведь я была так молода!) и забывалась от них.

Комма: Занимались вы общественной деятельностью?

Бичи: О! Что ты, сестра! Ведь это не приличествует женщинам!

Комма: Гм... гм! Не приличествует! Махровая мешан... Интересовались наукой?

Бичи: О, нет, милая сестра, я не любила читать. Ведь это не наше дело. Пыталась я прочесть хотя бы книгу Данте, конечно, не его латинские трактаты — я ведь по латыни ничего не понимаю, а его «Божественную комедию», но не могла вытерпеть до конца. Старалась, старалась, но убедилась, что, как не бьюсь — все равно ничего не пойму. Вот ты умная, ты, быть может, объяснишь мне...

Комма: Я уже сказала вам, гражданка Беатриче, что у меня не было ни времени, ни особой охоты читать «Божественную комедию», но оставим

это. Насколько я могу судить, вы, действительно, не скромничаете, и даете себе правдивую характеристику...

Бичи: Как на исповеди.

Комма: Ну, и вьелась в вас эта терминология!.. Характеристику, из которой явствует, подчеркивая всю никчемность буржуазной культуры, [что] прославились только потому, что, не имея на то никаких данных, возбудили к себе любовь способного поэта.

Бичи: Только потому.

Комма: Показательно! Очень показательно для буржуазного общества. Боюсь, что острый пролетарский анализ, прикосновение которого не выдержала Беатриче, немногое бы оставил и от самого Данте!

Бичи: Сестра, ты хочешь видеть великого поэта?

Комма: А что же, это недурная мысль. Ведь здесь нет возможности подымать производительность труда, или вскрывать меньшевистскую сущность оппозиции. Надо убить как-нибудь время. Где ваш поэт?

Бичи: Он всегда бродит около тех мест, где я нахожусь, и будет счастлив, если я разрешу ему приблизиться.

Комма: Ну и нравы! Ясно, что вашему Данте совершенно не знаком пролетарский труд.

Бичи: Я думаю! Ведь он же благородный и ... и поэт!

Комма: (поджимая плечами) Зовите благородного поэта.

Бичи: Синьор Алигьери, вас не затруднит придти приветствовать новопривывшую синьору?

Явление IV-е. Те же и Дуранте.

Дуранте: (Комме) Приветствую, синьора. (Бичи) Простите, прекрасная Беатриче, что я пришел не столь поспешно. (Комме) Чем я могу служить синьоре?

Комма: Простите, господин Алигьери, но мне противна ложь и приторная вежливость.

Дуранте: Вполне права, почтенная синьора. Ложь — скверное орудие слабых против порока сильных. Она, как нож без рукоятки, разит врага и длань держащую. А приторная вежливость — это исчадье грубости и бедного ума. *Spirito gentile* — благородный дух — всегда исполнен искреннего чувства, которому, как легкость воздуху, прирождено и искреннее выражение.

Комма: Очень рада. Тогда без обиняков я могу вам задать один вопрос. Не затрагивая известного мне вашего империализма, ваших монархических и клерикальных убеждений, вообще средневековой схоластики, хорошо избличенной у П.С. Когана, я остановлюсь только на том, что вы неискренни даже в области чувств. За пять минут разговора с гражданкой Партинари для меня с несомненностью выяснилась вся ее подоплека. Она не развита, безнадежная раба своей эпохи, она совершенно не способна вас понять и чужда даже вашей идеологии. Каким образом вы сделали из нее «даму своего сердца», так у вас, кажется, принято выражаться?

Дуранте: Синьору обманула скромность Беатриче. Она не только не проста, но так умна и так учена, как редкий богослов. Взгляните на морское дно, и вам покажется, что, протянувши руку, вы схватите звезду морскую, которая спокойно дремлет на песке; но донырнуть до той звезды — не сможет опытный пловец. Если есть, синьора, у меня познания, крохи, собранные с пира знатных, то их она внушила мне. Если есть у меня представления о мире и понимание судьбы его, то это только мысли, внушенные мне Беатриче.

Комма: Но ведь это самообман. Вы идеализируете ее. Как вы не даете себе отчета? Прочтите изложенную товарищем Залкиндом теорию Фрейда и вам станет ясно, что это простой психоз на половой почве.

Дуранте: Синьора, я не монах, но разве мыслимы какие-нибудь греховные помыслы при взгляде на Беатриче, глаза которой чище неба, фигура взята у ангела, а речь у мелодий небесных сфер? От всех греховных побуждений, которые я питал к другим, я излечился, сделавшись достойным любить Беатриче. Синьоре, вероятно, трудно подняться на такую высоту без умерщвления греховной плоти и долгого искуса, но не отрицайте самой возможности.

Комма: Но это изуверство, проповедь самобичевания, извращение природы, это даже не буржуазная любовь, а чистая психиатрия. Я разочаровываюсь даже в том немногом, что думала найти в вас. Значит, если отбросить теологию, изуверство, монархизм, у вас останутся только красивые слова, звучные стихи, внешняя форма и больше... больше ничего.

Дуранте: Если сбросить с неба солнце, звезды и луну, — настанет ночь и вечность.

Бичи: Простите мне, почтенная синьора, я вижу, что даже общество Алигьери для вас не интересно. Не будем, мой поэт, докучать новоприбывшей. Не согласитесь ли меня сопроводить к апостолу Петру, чтоб попросить его о переводе меня в другую обитель. Мне кажется, что было бы невежливо стеснять синьору.

Дуранте: Вы знаете, что я всегда во всем лишь ваша тень.

Бичи: Привет, синьора. (Дуранте и Бичи уходят).

Явление V-е. Комма (одна).

Комма: Что за ломаки! Пусть будут все его слова, поэмы распрекрасны, но этот фанатизм, эта упорная слепота, эта неосознанная половая истерия, принимающая извращенные формы богопочитания, так противны, что я рада освободиться от талантливой маньяка и его дурочки... Да, пока довольно безнадежное общество. Посмотрим, что ожидает меня в дальнейшем... Вон воинственно шагает какое-то новое явление.

Явление VI-е. Комма и Жанна.

Жанна: Привет, сестра! Глаза уверены. Движенья скоры. Рада видеть, что женщина, не баба ты. Слабышки наши, трусишки визгливые — позорят наш пол. Ты, сразу видно, молодец!

Комма: А вы кто?

Жанна: Я? — Жанна д'Арк.

Комма: О! Вот это приятная встреча. Я еще девчонкой, когда переживала романтические бредни, зачитывалась Шиллером; и вы были моей любимой героиней.

Жанна: Это все переживают, но не хватает большинству силенок удержать восторг. Его надо схватить, покрепче прикрутить к душе и пленником навеки удержать.

Комма: Вы идеалистически выразили почти то, что я думала, но только нужен не восторг и бредни, а знание непреложных законов, понимание классовой сущности. Вот почему я сменила увлечение вами наукой. Открывающей глаза, позволяющей видеть истинного носителя будущего строя.

Жанна: Жаль. Я не думала, что ты книжница. Тогда одна дорога в монастырь. Нам нужна сила, порыв, а книги сушат. Вон книжники, и не бабы, что читать толком не могут, а настоящие монахи, уверяли, что Франции конец. Конец! Был бы конец с книгами. А я пришла. Пришла с Восторгом, с Верой. Все книги веры смела. Всех унывших восторгом оживила. Они знали, видели, что нет спасенья. А я восторженно верила, что спасу. И спасла.

Комма: Посчастливилось. Потому что к этому само собою вело развитие производительных сил страны, которое было непонятно для тогдашних книжников.

Жанна: Само собой вело!! Без меня их непроизводительно наколотили бы! А я знала, мне Мадонна указала.

Комма: Какой обскурантизм! У вас просто были галлюцинации. Никакой Мадонны нет!

Жанна: Что?! Мадонны нет?.. Лионель, Лионель!

Явление VII-е. Те же и Лионель.

Лионель: Я здесь, Жанна.

Жанна: Лионель, есть Мадонна?

Лионель: Что за вопрос! Конечно, есть.

Жанна: (Комме торжествующе) Вот видишь. А ты еще сомневалась!

Комма: Ну, и доказательства!

Лионель: Вы из каких стран к нам прибыли, что даже в Мадонне на том свете сомневаетесь? Не из Большевиистии ли?

Комма: Из Большевиистии.

Жанна: А что это за место, Лионель?

Лионель: А это, дорогая Жанна, страна, где объявилась новая секта изуверов с культом богочеловека, которому приносят жертвы, где призывают резать собственных сограждан и проповедуют пораженческие теории. Там, в крестьянской земле, объявляется рабочая диктатура и без счета истребляются все инакомыслящие и верующие во имя свободы.

Жанна: А разве они, Лионель, не видят, что делают?

Лионель: Нет, Жанна. Они ослеплены своим учением до галлюцинаций и видят только то, что хотят видеть.

Жанна: А меня назвала галлюцинанткой.

Лионель: Всегда, Жанна, для пьяного все остальные пьяны.

Жанна: Нет, Лионель, пойдем к Петру. Я попрошусь в другую обитель. (Уходят).

Явление VIII-е. Комма (одна).

Комма: Вторая показательная парочка реакционеров. Не понимаю, как я могла увлекаться, даже в раннем детстве, подобной заводной куклой. Ее не просветишь. Я начинаю ужасно себя чувствовать в этом мире, куда складываются отжившие тени. И угораздило меня попасть сюда.

Явление IX-е. Комма и Ангел.

Ангел: Сестра, готовься встретить, как подобает, апостола Петра.

Комма: Вряд ли он останется доволен подобающей ему встречей. А вы, гражданин, хоть немножко задумались над тем, что я говорила вам?

Ангел: Прости, сестра, я не думал, а славословил господина.

Комма: (со вздохом) Такой красивый, но такой безнадежный мальчик. Жаль!

Явление X-е. Те же и Петр.

Петр: Меня послал сам Саваоф, чтоб выяснить досадное недоумение. Он в своем долготерпении и многомилости своей не хочет уступить несчастным россиянам и потому решил не сбрасывать тебя в кромешный ад. Но очень затруднительно для нас найти, о дочь моя, какое-нибудь место среди гармонии небесных сфер. Мы думали, что незлобивость Беатриче и мужество блаженной Жанны д'Арк преодолеют все трудности сожительства с тобою, но Саваоф, сам Саваоф решил: во-первых, отпустить всем русским мужичкам три четверти их прегрешений, а во-вторых, переселить тебя в особую обитель, где только ты и можешь быть. Там, за великою и крепкою стеною, пребывают Лойола, Торквемада, Петр-Пустынник, Аввакум, Никита-Пустосвят и многие другие твои соотчичи по духу. Ты в них найдешь собратьев по горячей безрассудной вере, по нетерпимости, по жажде обращать других мечом, огнем, насильем. (Ангелу). Сведи, мой сын, свою сестру в достойную ее обитель.

Занавес.

Написана 14.VIII.1927 г.
Поставлена 21.VIII.1927 г.

Рукописный подлинник.

ИЗ РУКОПИСНОГО СБОРНИКА «ВНЕ ЖИЗНИ»

* * *

Ты светлая, грешная, полно любимая!
Царица покорная, лаской плененная,
Монахиня строгая, плотью томимая,
Вакханка, страданиями упоенная!

Ты вся окровавлена брачным постригом,
Измучена пыткой великой рождения,
Но с каждым кровавым мучительным мигом
Все ярче и выше твои наслаждения.

Нежданую мыслью, гибкой, как тело,
И взглядом печальным очей испытующих
Глубины души пробуждаешь ты смело,
Касаешься тайны, тревожно тоскующей.

Игривый ребенок и мать скорбящая,
Наложница страсти. Жена, богом данная,
Глубокая радость и горесть шемящая,
Друг близкий, Единая, вечно желанная.

1.05.1923.

CORI

«В час, когда сбываются несбыточные сны»

Ты помнишь, вечер замер в Cori?
В нагорной, ждущей тишине,
В едва дышащем звездном хоре
Раздался чуткий гимн весне.
Струилась грусть, мерцала радость,
Земля откликнулась слезой.
Магнолий опьяняла сладость
Пред надвигавшейся грозой.

В ущельях улиц молчаливых
Взлетали роем светляки,
А в притаившихся заливах
Переглянулись огоньки...

Со звоном ваз кариатиды
Сошлись встревоженной толпой
В прохладе мраморной апсиды
Фонтана с плещущей водой.

С тех пор немало испытаний
С тобою пережили мы:
Знакомы нам года изгнаний,
Знакомы горечи тюрьмы;

Не раз обманчивые зори
В печали гасли навсегда,
Но вечер давний, вечер Согі
Нас не покинет никогда!

28.05.1923 г.

В ОДИНОЧКЕ

«В пространства пади и разбейся
за годом мучительный год».

А. Белый.

От окна до двери, от двери до окна
Бесконечна тюрьма, бесконечен мой путь!
Эти дни без труда, эти ночи без сна
Обесплодили ум, обескровили грудь!

От угла до угла, от стены до стены
Шаг за шагом — верста, день за днями — года...
Все тюрьма, все тиски! Ни друзей, ни жены!
Замурован, зарыт навсегда, навсегда!

30.06.1923 г.

ДВА РЕМЕСЛА

(De Boufflers)

(посвящается И.Ю. Примаку¹⁰⁸)

В двух мастерствах есть упоенье:
Любить девиц и воевать...
Но дорого войны веденье, —
Любовь должна нам средства дать!

Пойдем же смело в нападение
На дам и вражескую рать...
Страну, лишивши населенья,
Мы заселить должны опять!

13.08.1923 г.

«ПРИНЦЕССА ГРЁЗА»
(для тенора)

I

При тихом шепоте мимозы,
При легком южном ветерке
С дыханьем пьяной туберозы
Забьется сердце вдруг в тоске,
И воскресает образ Грёзы.

*

Я слышу: «Милый, нежный друг»
И звуки «Ночи» Рубинштейна.
Я вижу ясно, как вокруг
Кипящего в костре глинтвейна
Собрался наш веселый круг.

*

Блестит студенческая шпага,
Шашлык вращая на огне,
Поет безбожная ватага
О «политической весне»
В тени преступной Аю-Дага.

*

А нас припрятали кусты
Дурманящего тайно дрока.
Засыпали его цветы
Тебя, цветок мой, недотрога!..
Как хороша, как близка ты!..

II

Мы кормим голубей на площади San Marco.
От Кампанильи тень легла у наших ног.
Огнем залит собор. Блестят лагуны ярко...
Но видим оба мы (я знаю!) только дрок!

III

Грёза моя незабвенная!
В сердце горящий цветок!
Только с тобою вселенная —

Счастья безбрежный поток...
Чувства земные преступные
Гибнут в священном огне...
Ты, навсегда недоступная, —
Самая близкая мне!

9.09.1923 г.

* * *

Как незавидно быть эсером
В коммунистической стране!
Окно заделано фанером,
Мох разбросался по стене.

*

Забилась вялая дочурка
В промерзший, темный уголок.
Дымит прожженная печурка
И звонко каплет потолок.

*

Чадит коптилка угасая,
Бросая трехвершковый свет.
И что-то шьет жена босая
В обмен на завтрашний обед.

*

Всю жизнь, как упыри, заели
Вода, дрова и вечный хвост...
Пока валяюсь на постели,
Но скоро стащут на погост!

22.10.1923 г.

* * *

Все засыпается снегом забвения, —
Даже тюремные жуткие сны!
Годы томления, счастья мгновения —
Все засыпается снегом забвения!
Нет никому от него избавления...
Мы повторять постоянно должны:
«Все засыпается снегом забвения, —
Даже тюремные жуткие сны!»

23.12.1923.

* * *

Кровавый грозный царь прославиться хотел,
Создав опричину заплочных виртуозов.
И Кремль ему кадил за сонм «бессмертных» дел,
Но у Кремля стоял замученный Морозов¹⁰⁹.

Кровавый красный вождь, мечтавший мир зажечь,
Угас, не разрешив поставленных вопросов,
На царство буржуа был поднят грозно меч...
Но у Кремля стоит замученный Морозов.

26.01.1924 г.

Рукописный подлинник; текст фиолетовыми чернилами в маленькой книжечке, сшитой белыми нитками. Листы белой нелинованной бумаги обрезаются вручную (в развороте 180x114 мм). На обложке из той же бумаги заголовок написан карандашом, слово вписано через ять. На внутренней стороне обложки два эпитафия. Текст первого написан поперек страницы наискосок и, судя по всему, принадлежит В.Н. Рихтеру:

В тюрьме сложились эти звуки
Под мирный шум моих шагов,
В борьбе с однообразьем скуки,
В часы ночей, лишенных снов.

Второй приписан внизу страницы:

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце.
А если день погас,
Я буду петь... Я буду петь о Солнце,
В предсмертный час.

Бальмонт

ИЗ РУКОПИСНОГО СБОРНИКА «ПО ЗЫБИ НЕБЫТЬЯ»

* * *

Капля за каплею звонко
Падает битым стеклом.
Вижу я, вижу спросонка —
Гвоздь за гвоздем молотком
Бьют, а в кивоте иконка
Бредит распятым Христом.

Плачет, все плачет Мария.
Вечная скорбь матерей!
Вечно страдания чужие
Стонут у наших дверей...
Нет, не усну до зари я.
Утро, проснись поскорей!

15.06.1926 г.

* * *

Тихо, сонно,
Утомленно
Отлетает день;
К нам украдкой,
К нам загадкой
Подползает тень.

Мягким шагом
По оврагам
Бродит ночь кругом.
Кто-то ясным,
Жутко красным
Смотрит огоньком.

Из канавы,
Он, курчавый,
Тьмой швырнет испуг...
Слышны всхрапы,
Видны лапы...
Ну, как схватит вдруг!

13.07.1926.

* * *

В лиловых сумерках далекий аромат
Струится дымкою печали,
И в небе тянется, чернея, бахрома...
Неужли Вы не замечали,
Не замечали дня опущенных ресниц,
Дрожащих призрачным виденьем?
Не восхищались тем, как припадали ниц
И тихо расплывались тени?
Все тает в небытии. Все мглою породнилось.
Улыбкой искрится звезда.
Неужли никогда... неужли Вам не снилось,
Что Вы исчезли без следа?

27.06.1926 г.

Мусе

Показала ночка радостную елку,
Рассыпая всюду золотой песок.
Шаловливый месяц в облачную шелку
Смотрит, смотрит, смотрит, шуря свой глазок.

Мотыльки танцуют, тени пляшут важно,
Будит все лесное трелями сверчок.
Леший вдруг проснется и зевнет протяжно.
Фея, пробегая, сбросит башмачок.

Но не слышно сказки сказочницы Ночи:
Дети так устали, — слушать сказки лень,
А больших и ночью точит, гложет, точит
Непереболевший, не заснувший день.

Я забыл про звезды, я не слышу пенья,
Но и день суровый для меня погас.
Оттого в туманах вижу ночи день я
И о том, что видел, сохранил рассказ.

22.02.1923 г.

Мусе

Только склонит солнце голову к подушке,
Красным одеялом прикрывая нос,
Только ты забудешь про твои игрушки
И случайно разик и другой зевнешь,

На полях стемневших загорится искрой
Маленький, не яркий огонек-листок.
Вздрагнет, и сорвавшись, унесется быстро,
Расправляя крылья, мотылек-цветок.

Вот другой... и третий. Мотыльки летают,
Заплетая дружный, звездный хоровод.
Вьются, нарастают сказочные стаи,
Оживляя землю и зеркальность вод.

Ищут в полусвете лунного сиянья,
Ищут в полумраке сумрачных лесов
Солнечную ласку и воспоминанья
Радостных и легких позабытых слов.

Если мы с тобою ставни приоткроем,
Мотыльки заметят огонек в ночи,
К нам на свет и сказки устремятся роем...
И опалят крылья пламенем свечи.

Спи же, не тревожа шустрых, ясных глазок,
Летними ночами не проси огня,
Не проси у мамы бесконечных сказок
Ну, хоть на сегодня, не дразни меня!

ОДИН ИЗ ВАРЬЯНТОВ

Дрожащим тусклым огоньком,
Тоскливо освещавшим стены,
Подвал ощупывал Краском:
Годится ль? Нет ли здесь измены?

Внезапно обожженный мрак
Отпрянул в глубину угрюмо
И затаивши злобный страх,
Сгрудился мстительною думой.

Хлам мантией покрыла пыль,
Озолотившись в полусвете,
Как будто сказочная быль,
Как будто мудрый прах столетий.

«Уместимся!.. Веди сюда!»
Ногой отбросил стекла банки,
Два перержавевших болта
И остов треснувшей лоханки.

Введен конвоем бывший царь
С толпой встревоженной женщин.
Губкома грозный секретарь
Был как-то робок и застенчив.

Коленки нервно затряслись,
Каблук запутался в брезенте,
В мозгу пульсировала мысль:
«Я в историческом моменте!»

При желтом свете фонаря
Срывает хрипы приговора
В потухшие глаза царя,
В царицыны немые взоры.

«Не верится!.. Что будет там?..
Сейчас?!.. Не может быть!.. Крепиться!»
И падают на старый хлам.
«Добей того, кто шевелится!»

* * *

Через горькую красу земель,
Фатою чуждости покрытых,
Французский переливный хмель,
Туманные сугробы бриттов;

Через отблески былых миров
На стружьях ярмарочной гниды,
По площадям, где Бруно кровь —
Доход неоспоримый гида;

Таежным сумраком зимы,
Полями дикой братской бойни,
По смрадным пустыря тюрьмы,
Где заживо гниет... покойник,

Неумолимо ты ведешь,
Россия, к дальнему Рассвету...
Неужли виселицы дрожь
Приблизит к Новому Завету?

ЕСЕНИНУ

Сергей, в стихах твоих теснится
Неприхотливость всей Руси:
Печаль березового ситца
И Спас, ушедший с небеси.

Осокой задрожит тальянка,
Потухнув треньканьем гитар;
Перегоревшая цыганка
Дурманит жизни перегар.

С надрывом ухает раздолье,
Сорвавшись у кабацких круч,
И мчит по горнему бесполью,
По бездорожью сочных туч.

Твоя рязанская кобыла,
На млечность выкативши воз,
Среди вселенной... не забыла
Рассыпать звездами навоз.

Порыв... и горшее похмелье,
И слабосилые старика...
Солончаковое веселье,
Солончаковая тоска...

Не длится посвист «Хулигана»,
У нас не весел, кто тверез...
Поникли в ржавчине тумана
Всполохи юные берез.

Рукописный подлинник; текст фиолетовыми чернилами в книжечке, сшитой нитками из четырех маленьких тонких блокнотов белой нелинованной бумаги. Листы ровные, с закругленными углами. Размер страницы 160x96 мм.

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

(Подражание «Ворону» По в переводе Altalen'a)

Ночь спокойная настала. Тишина кругом стояла.
С неба дальнего сияла бледнолицая луна;
Свет лучей ее неясный, но загадочный, прекрасный
Заливал все негой страстной... Не забыть мне никогда
Этой летней ночи знойной... Не забыть мне никогда...
Знаю я, что никогда!

К.А.Т.^a

DIES IRAE

Красные, пьяные кровью воды,
Жуткие, страшные мраком годы
Катятся в омут веков.
С тайного, лживого иноверца,
С язвы звериной людского сердца
Сорван стыдливый покров.

Морфий убийства и мир похабства,
Яд вековой, византийский, рабства —
Сорные всходы полей.
Где же ты алая греза века?
В душу изнывшую человека
Силы надежды пролей!

19.05.1923 г.

^a К.А. Тишин.

ЭНГР

Дряхлый парк от лучей
Засветился весь яркими бликами.
Засмеялся ручей,
Шевельнув камышом с повиликами.

Взволновалась трава,
Где таятся фиалки стыдливые.
Прошуршала листва
Свои странные речи ... пугливые.

Затянувшийся пруд
Разоделся цветными узорами,
Разбросал изумруд
И глядит бирюзовыми взорами.

Обласкала вода
Твою ножку точеную, ловкую...
Старый пруд навсегда
Увлечен золотистой головкою!

Окружил он ее
Облаками прозрачно пушистыми,
Отраженье твое
Увенчал серебром с аметистами...

И целует старик
Этот стан с его формами стройными,
Боттичелевский лик,
Эти губы со струйками знойными.

27.08.1923.

ДИССОНАНСЫ НОЧИ

Всхлип надзирательских ключей
Рыданьем сдержанным пострига,
Тоскующим аккордом Грига
Всплеснется в глубине ночей...

А в сон
Тот стон,
Тот звон
Внесен

Багряной лавою набата...
И, растопив внезапно лед,
Разбудит, вспыхнет... и замрет
Стыдом бессильного заката...

1.08.1924 г.

ГОТИКА

Передо мною виденья соборов
Из готических тонких плетений,
Из ажурных капризных узоров,
Бесконечной игры светотени.
Распылились массивные стены;
Точно кудри взметнулись кроссы.
И со стоном прелюдий Шопена
Загорелись таинственно розы.
А над лесом прозрачных фиалов
Замирают людские моленья,
Недостойная гордость хоралов
И греховная лесь восхвалений.

7.08.1924 г.

Посвящается А.Щ.¹¹⁰

Ты слышала напевы тишины,
Невнятный вздох так чутко спящей ночи?..
Не говори! — При трепете весны
Ты слышала напевы тишины!
Когда мечты рвались из глубины,
Когда тоской темнели, искрясь, очи, —
Ты слышала напевы тишины,
Невнятный вздох так чутко спящей ночи!

10.08.1924 г.

* * *

В слепое тусклое пространство
Бросаю краски и цветы, —
Капризно-странное убранство
Мечты.

*

В беспмятно-немое время
И беспросветности глуши
Я с песней сбрасываю бремя
Души.

*

Я строю замки тихих звуков,
Дремлю при свете сонатин,
Скрываюсь в прихоти излуков
Картин.

*

Во мне и мысль рождалась часто
При мягком трепете руки,
Когда я вздрагивал от счастья
Тоски.

16.01.1925.

NOTTURNO

Пугливую печаль безмолвия ночного
Навевляя теней ленивая игра.
На мраморе седом блеск месяца стального
Рассыпал перламутр и слезы серебра.

*

Переродилось все — таинственно и ново,
И дышит жизнью воскресшее Вчера...
Из мира небытия далекого, иного
Льют негу грустных снов былые вечера.

*

Поэзия руин угаснувшего Рима
И скорбь, и боль веков рукой своей незримой
Кладет на сердце мне, как будто навсегда.

*

Тоска родных полей и горечь увяданья,
Былое без надежд, надежды без преданья,
Сливаясь в душе, не сгинут никогда.

23.01.1925 г.

BERSEUSE

Дали мигают слезинками,
Взоры грустящие радуют...
Дремы и грезы пушинками
Падают,
Падают,
Падают.

*

Крыльями белого аиста
Блики затмились оконные,
Глазки твои закрываются
Сонные,
Сонные,
Сонные.

*

Снится далекое пение,
Снятся герои былинные, —
Снятся тебе сновидения
Длинные,
Длинные,
Длинные.

24.02.1925.

* * *

Так редко,
Так редко
Своими слезами мы плачем:
В них слышится стон отдаленного предка,
В них пенятся прежние скорби!..
Звенели в исчезнувшем плаче
Те слезы когда-то — et urbi, et orbi!

Так странно,
Так странно
В кристаллы веселого смеха
Шлют отблеск нежданный нежившие страны.
Наш смех среди шумных рапсодий
Живет лишь полетами эха
Еще не звучавших, грядущих мелодий.

И вечно,
И вечно
Мы только теней отраженье —
Того, что не стало еще человеческим...
Мы лишь погребальная урна,
Слепое зерно размноженья,
Бубенчика звон с побрякушки Сатурна!

23.03.1925.

ВЕСНЯНКИ

Какой задор и смех лучей,
Какой восторг среди грачей,
Как свеж ворон весенний крик!
А в полноводных небесах
На светлых, смелых парусах
Куда-то в даль несется бриг...
Из наших скучных, мрачных стран,
От наших тяжких, смрадных ран
На неоткрытый материк!

29.03.1925 г.

В КРЫМУ

Печалью лунною согрета
Струит речонка вдоль низин.
И тянет нити муэдзин
С иглы сверкнувшей минарета,
Вплетая притчи Назарета,
В опалы тусклые слезин
Горенье грешных бирюзин
Неисполнимого запрета...
А море расточает зной
И плещет горькою волной
О скалы вороненой стали.
А небо звездной пеленой
И чуткой глубию темной дали
Как будто дремлет надо мной.

11.04.1925.

ОБЛАКА

Протянулись надо мною легкой дымной пеленою
Облака — неугомной, переливчатой весною.
Плавно реют, тихо веют, расплываясь в небытии,
В утомленном, полусонном бледно-синем забытии.
Я сливаюсь с облаками, убеленными веками!
Заколышут, заласкают и, незримыми руками
Навевая сновидений истомляющие сны,
Опьянят неотвратимым приближением весны.
И, венчаясь с весною, и в таинственной борьбе с ней
Унесут по поднебесью бесконечной белой песней.

19.04.1925 г.

ЭТЮД ИСПАНСКОГО СОНЕТА

Лишь вечер подошел, несется тарантелла
И под гитарный звон послышался куплет,
Зовущий страстно.
Горящих танцев ритм; изгиб манящий тела
И на змее-руке серебряный браслет,
Сверкнувший властно.

А южный зной очей, не знающий предела,
Как гибким острием отточенный стилет,
Разит безгласно.
Погибнуть должен ты, раз молния задела!
И против этих глаз священный амулет
Носить напрасно.

Но помни также ты, что с гордостью испанца,
С полуденной жарой и вихрем танца,
С бокалами вина и с пылкостью сердец
Шутить опасно!

В стране, где до сих пор господствует вендетта,
Где пред кокеткою смиряется гордец,
Где раздается стон романса и сонета,
Любить прекрасно!

4.05.1925 г.

ЗАБУДЬ

О нашем золотистом сне забудь!
О долгих грезах в тишине забудь!

О том, что зародилось властно в нас
И затаилось в глубине, забудь!

О тайнах неразгаданных ночей,
О бесконечно-ярком дне забудь!

И если даже был виновен я,
Ты не сердись и о вине забудь!

О горькой боли, трепетной тоске
И обо мне... и обо мне... забудь!

5.05.1925 г.

ПАСТЕЛЬ

На мягкой сочной мураве,
На затаившейся в траве
Червонно-матовой листве —
Весной приятно растянуться;
На синь проталин поглядеть,
Вплетенных в облачную сеть,
Над кручей неба обомлеть,
Упасть, проснуться, потянуться...
И снова — в трепетный каскад,
Где слился блеск и аромат,
Где сердолик, берилл, агат
И робко дышащий подснежник,
Где песни плавают в огне,
Где речи льются о весне,
Где грач о ней прошепчет мне
И старый, высохший валежник.

7.05.1925 г.

ЭКЗЕРСИС

Жизнь подъяремная,
Горечь тюремная
Длятся века
Хмель засыпания,
Смрад угасания,
Вечно тоска!
Зори тоскливые,
Ночи ленивые,
Весь кругозор.
Муки недужные
Думы ненужные,
Плесень и сор.

23.08.1925 г.

ЖУРАВЛИ

Я старый троглодит подпольник
И обомшелый арестант,
Гляжу, как ошалелый школьник
На журавлиный треугольник,
На вольный журавлиный стан.

Призывные нам слышны клики
Друзей, изгнанников зимы.
И ярко солнечные блики
Мгновенно освещают лики
Великопостников тюрьмы.

Не устремимся мы за вами,
Искать весеннюю страну:
Мы предпочтем погибнуть в яме,
Но будем дерзкими словами
Зимою требовать весну!

Окрепнув, улетает к югу
Журавль, привычный эмигрант...
Наилучшего желаю другу!
Но я ... переносу и вьюгу,
Закоренелый арестант!

16.10.1925 г.

ИМАЖИНИЗМ

Я на буравчики твоих втягивающих глаз
Навинчу жженую пробку ревности,
Известью злобы заштукатурю пролаз
Твоей змеино-извивной напевности.

Швырнув головешки слов в чужую солому сердца,
Засушу тебя алчною нежности...
Подвернется в ушах твоих неожиданно льстец
Под взлеты метелки небрежности!

Брось! Слышишь, говорю тебе — брось!
Не на звериной травле мы!
Оба сосем одну и ту же гроздь,
Оба в те же тернии вправлены!

29.10.1926 г.

КАЧЕЛИ

Взлетают высоко качели,
Качели мои.
О если бы выше летели,
Летели они!

О если бы взлета восторги,
Паденья испуг
Все узы земные расторгли,
Расторгли бы вдруг.

О братья. Высокие ели!
О тучи мои!
Взлетают все выше качели
От тяжелой земли.

Схватившись покрепче за снасти,
Сильнее толкнуть!
И в это воздушное счастье
Продолжить мой путь!

19.10.1927.

БАЛАЛАЕЧНАЯ

Эко горе! Эко горе!
До сих пор мы на запоре!
Начиная с декабристов,
Нет политикам амнистий,
Кроме разве смехотворных
Для правительства позорных.
Так сидим и плесневеем!
Чем цари у нас левее,
Тем режим бывает строже.
И пока не потревожит
Внешний враг границы наши,
Лопай арестантов кашу!
Все «политика» узнала,
Но такого не бывало
Поношения и срама,
Чтоб тюрьмой владела дама...
Правда, не бывало тоже,
Среди дам подобной рожи!

25.02.1928.
Верхне-Уральск

* * *

Оглянулся на темные воды,
На протекшую тину годов.
Нету слов
Передать эти горькие годы,
Нету слов!

Сколько силы погублено даром!
И какая борьба... против стен!
Вечный плен
Налетел неотступным кошмаром
Вечный плен!

Одолеть над болотную слизью
Этот день, что так бледен и нем,
Лишь затем,
Чтоб другой, еще худший приблизить!
Лишь затем!

О, — я знаю, — мне хватит терпенья
Пробираться годами сквозь муть!
Не вернуть
Только радости прежнего пенья...
Не вернуть!

3.11.1928.

ЭКЗЕРСИС

Что-то мне нынче не можется.
В зеркало дай погляжу.
Экая бледная рожица...
Видно я много грущу.

Щеки белеют простынями.
Хоть бы кровинка зажглась!
Жуткие ободы синие
Возле ввалившихся глаз.

Губы лиловою ниткою.
Нос подбородок гвоздит.
Волосы стружкой жидкою
Бьются о кости груди.

8.11.1928.

* * *

Мне рифмоплету-богачу
Все только б звон лихих созвучий!
И как бы ни был я измучен,
За рифмой сильной полечу,
Забуду грусть,

Откину праздные заботы
И в блеск звенящей позолоты
Я заберусь!
Забавна Русь:
Из византийской строгой хмары,
Писания прорвавши вязь,
По скоморошьему резвьясь,
Хмельную песнь поют гусяры:

«Ай люли!

Гей люли!

Эку песню завели!
Устоять ли тут на месте
Красной девице невесте?
Устоять ли пареньку?
Устоять ли старику,
Если пятки звонко чешет
Даже дяденька наш леший?

Эй, да!

Ерунда!

Все печали

Измочалим,

Напролом пойдем,

Подымай содом!

Всю беду

Под узду,

Мы у горя

Брюхо вспорем.

С нами не играй-ка,

Вот тебе нагайка!

Вот тебе еще!

С пыла горячо!

Ай люли,

Гей люли!

Вот так песню завели.
Ну-ка, милые молодки,
Поднесите чарку водки!

Мы ведь не монахи!

Не про нас

Ахи, страхи,

Да-с!

Нас ведь не сгубило

Било, да кадило!

Забубенный мы народ,
Подавай нам только в рот
Пенной влаги,
Пьяной браги.
Калачи

Из печи!
Мы же плясуюю,
Да еще какую! —
Знай пляши
От души!
Разомни коленки!
Гей!
Да!
Веселей!
Расступитесь, стенки,
Дайте ширь полей»

Так мотивом старым
Пели нам гусяры.

9.11.1928.

* * *

Ну какой же удастся улов,
Что красивое может родиться
На асфальте истоптанных слов,
На булыжниках стертых традиций!

Не новинку, а старый рыдван
Задержал у проезда шлагбаум.
И вылазит на свет караван:
Футуризм, конструктивность и заумь.

* * *

Я в лес пойду,
Я в лес пойду,
В лесу привольно дышится.
К пруду,
К пруду,
Где сонно лень колышется.
Эй, туч гряда!
Эй, волн слова,
Краса, краса безлика!
Ты шелк-трава,
Ты синь-вода,
Эй, отзовись, я кликаю.
Ай, дидо Лель,
Ай, дидо Лель,
Ты юный, даже в старости,
Твою свирель,
Твою свирель

Услышать дай из заросли.
Мне в сердце влей
Простор полей,
Покой глубокой проросли,
Преодолей,
Преодолей
Туманы жуткой горести.

29.11.1928.

ЭКЗЕРСИС

Война и подлый мир,
Кружение революций
В историю вольются,
Как очищающий клистир.
Тьма тем для диссертаций,
Неисчерпаемый итог,
А, может быть, пролог
Грядущих пертурбаций.
Но по ошибке нас,
Которым волю надо,
Зачислили не в ту плеяду,
Толкнув в иконостас...

15.12.1928.

НА РАССТРЕЛ ГУМИЛЕВА

Где смерть для проклятых имен,
Лежащих в прахе вечных тлений?
А с ними в список занесен
И твой палач покорный, Ленин!

Когда звереющий чекист
Плюется пулею в поэта,
Что нам до подставной руки!
Лишь ты ответственен за это!

29.12.1928.

* * *

О чем то шепчутся сирени...
О чем? О чем — не расскажу!
Мечты плывут по синей лени
И сумеркам раскрыта жуть
Той дрожью, что рождает сказки,

Скользя по веянию души,
Без окончанья, без завязки,
Как сновидения тиши...
Ищи, что рассыпает шепот,
К чему стремится в синь-туман
Степной отслышавшийся топот
И позабытый караван...
И полустихшие напевы
Полууслышанных стихов, —
Непробужденные посевы
Незавершающихся снов...
Еще коснулся б этих бдений!
Забыл бы про другую жуть!
О чем шепнули мне сирени,
Когда-нибудь... я расскажу.

31.01.1929.

* * *

Как будто зорька прояснилась?
Как будто — исполнение сна?
Иль это только... только снилось?
Не наступившая весна?

Как будто ласковый и чистый
Прорвался свет во тьме бытья?
Но разве к радости лучистой
Могу еще приникнуть я?

Как будто светлым полусловом
Меня побаловала ты?
Но, может быть, все это снова —
Невоплотимые мечты?

Я мог бы не заметить года,
Не ощущать моей тюрьмы,
Когда бы знал, что мне свобода
Подарит также наше «мы».

5.02.1929.

ПЕРЕСТАРОК

Монотонна песня парок:
Тук, тук, тук — веретено.
Счастье, счастье? Где оно?
Не пожил, а перестарок!

Ведь глухой последний стук
От мечтания отбросит,
Не поймет, не переспросит, —
Пусть врывается испуг!
Тук, тук, тук да тук, тук, тук,
Вот оно — веретено,
Все одно и все одно
Замыкает праздный круг.
Что так скоро? Что так вдруг?
Тук, тук, тук да тук, тук, тук.

* * *

Пережить, перетерпеть невзгоду,
Промечтать в каком-нибудь углу.
Не знал я сытости от роду,
С малолетства привыкал ко злу.

Пробирался брошенным котенком
От пинков по битому стеклу...
Голова дрожит на шее тонкой...
Помечтать бы в тепленьком углу.

Помечтать о том, как буду сытым
Каждый день — «пожалуйте к столу!»
Распрощаюсь с мусорным корытом:
До корыта ль славному орлу!

«Эй, неси еду мою проворней!
Не привык к паркетному полу?»
Брысь, котенок! Вон уж старший дворник
Над тобой занес свою метлу!

19.02.1929.

* * *

Бьется сердце, замирая,
И мерещится на миг,
Что твой стук уже затих...
Подожди еще у края!

Подожди, мгновенье! Стой!
Не бросай в тоску агоний,
Не прерви на полустоне,
Дайдохнуть минутой той!

Скоро, скоро, скоро, скоро,
Подбираясь алчным воров,
Украдет у жадных взоров
Даже бред веретена.
Что стенанья, что укоры!
Бесполезны наши споры!
Скоро, скоро! Скоро, скоро...
Нить оборвана...
Она!!

21.02. 1929.

МАРКИЗА

Говорит мне нахмуренно-веско
(Бисеринки ироний в глазах):
«Лишены Вы природного блеска,
Но порой пробуждаете страх.

Неудержная страсть изувера
Не для хрупкости тихих психей.
В обожании надобна мера,
Как *adagio* в поющем стихе.

Ну, не хмурьтесь! Признайтесь на ушко:
За отсутствием радостных благ
Я — на память! — какой безделушкой
Вас утешить..., как друга могла б?»

— «Как влюблен в этот ротик я тонкий!
Как люблю даже яд укоризн!
Из жемчужины лучшей ребенка
Подарите, Маркиза, на жизнь!»

23.02.1929.

* * *

Лукавой дрожью моросит
Весенний день на дряблом снеге.
Встревожен выйхавшей телегой
Ворон взволнованных синклит.

Чихнула в насморке сорока,
О лапу шавка нос свой трет.
Ну кто же толком разберет,
Когда весна пришла до срока!

Плюет всем ветер, почем зря,
В лицо изжеванную мякоть,
То по спине прочешет слякоть,
Остатком снега серебря.

Идет, идет весны раздолье!
Идет желанная весна!
Но отчего с такую болью
Теперь встречается она?

1.03.1929

* * *

Россия, кто тебя постиг
В тоске полей и в злобных матах,
В страницах наших лучших книг
И в самых душных казематах,

Кто странником в тебе бродил
По голодающим селеньям,
Кто видел вспышки грозных сил
И годы рабского смиренья,

Кто знал твоих кичливых бар
И молчаливое крестьянство,
Костры, погромы и угар
Непрерываемого пьянства,

Кто слышал споры без конца,
Взглянул в глаза твоих героев
И ужас затаил лица
Твоих предателей-изгоев,

Тот не забудет никогда,
Что ты его в бреду родила,
Что след в нем счастья и стыда,
Твое проклятие... и сила.

6.03.1929.

* * *

Паутин мохнатая чалма
Млеет над бровями скуки.
Скрытый шорох, скреб и стуки.
На решетках ржавая сурьма,
Мир молчанья, мерзкая тюрьма.

Монотонным стоном муэдзина,
По змеиному струясь,
Сумрачная приползает тина
В эту сумрачную вязь.
Пыль дневную ночи грязь
Залепляет хлюпающей глиной.

Ленью липкой шепоток шагов
Пристает к ухабам слуха,
Где-то бьется, мучась, муха.
К шелесту пришедших смутных снов,
К новой скуке душу приготовь.

Замирает мрамор черной ночи.
Вкраплен в каменную сеть.
Полутенью в ней мне млеть
Под чалмой из паутиных ключев
Даже сном кошмарным не отстрочить
Скуки вечную мечеть.

7.03.1929.

* * *

У потоков небесной реки
Споры бесчисленных птиц.
Колыбельки движенья легки.
Много ль таких баловниц!

Споры бесчисленных птиц
Заполняют собой небеса.
«Много ль таких баловниц?»
Зашептали кругом голоса.

Заполняют собой небеса
Ветви зеленых берез.
Зашептали кругом голоса:
«Сколько навеяно грез!»

Ветви зеленых берез
Раскачали нависшую тень.
Сколько навеяно грез
В улыбнувшийся радостью день!

Раскачали нависшую тень
Споры бесчисленных птиц:
«В этот ласкающий день
Много ль таких баловниц?»

11.03.1929

* * *

Завоеватели России!
Вновь возродившийся Кортец,
Готовый вырезать вконец
Страну! Руби, терзай, грозней!

Грабь ценности для распыленья!
Пусть Грозный вспомнится нам вновь.
Пусть заливает землю кровь.
На ней прочтут потомки

Братоубийственные стоны.
Чекист, предатель, людоед
На имени оставляют след,
А доконают... эпигоны!

17.03.1929.

* * *

Будет день, познакомлюсь с дочуркой моей,
Загляну в шаловливо-задорные глазки,
Повидавшие столько забавных вещей,
Но считавшие папу за нянины сказки.

Я и вправду из сказки пришел,
Незамолкнувшей сказки печальной.
Словно гном исковеркан и желт
И так страшен я в маленькой спальной.

Далеко от людей, в позабытых степях,
За оградой душащих каменных рамок,
Весь в железных засовах, решетках, цепях
Окровавленным пугалом высится замок.

Сторожат у стены ящера.
В коридорах мокрицы дозорят.
От укрытого в замке Добра
Отгоняют узнавших про горе.

Там молчанье ютится в расщелинах стен,
Все обросшее слизистым, выцветшим мохом.
Дни застыли скалою у каменных пен,
Ночи тянутся медленным, медленным вздохом.

А когда нависает гроза
Над удушливой скукою края, —
Ящер злобно плюется в глаза
И мокрицы поганю кусают.

В этом замке прожил я сполна твою жизнь.
Восемь лет отмолчались в суровом порядке...
Пусть же в искренних глазках твоих укоризн
Не прочту я за то, что я старый и гадкий!

19.03.1929.

* * *

Я ищу красивых линий
В монотонном долгом сплине,
Поглощающем тюрьму.
Как добиться одному?
Как раздвинуть эти рамки,
Воссоздать былые замки,
Как, творя из сказки быль,
Позабывать, что ты бобыль?

Как на золоте соломки
Из хрусталя льдинки ломкой
Через каменный откос
Перебросить гордый мост?
Как изгибом дальней арки
В голубеющие парки
Мне от скучного уйти
По прозрачному пути?

Я ищу красивых звуков,
Напрягая немощь слуха.
Я прислушался к тиши,
Я пытался заглушить
Скрипы скуки, сердца стуки.
Я протягиваю руки
К искрам, брежущим во тьме...

Тихий шаг, сторожкий шепот,
Где-то дальний, дальний топот,
Вздых как будто бы ничей,
Перезвон ночной ключей,
Дрожи нервные пробеги...
Это ль песнь твоих элегий?
Как *morendo* сонатин,
Монотонный долгий сплин.

8.04.1929.

* * *

На столике — портрет Кабе,
Цветы засохшие в Жорж Занде,
Зевс, покоровшийся судьбе, —
Этюд скульптурный пропаганды —
И вид далеких фаланстьер.
Счета кухмистерских обедов,
Книг недочитанных барьер.
И лист с аншлагом: “Credo!”
Не стол, а тракт прямой в Сибирь,
К тебе, унитеизм острожный.
Наверно голубой мундир
Не будет медлить с подорожной.

31.03.1929.

* * *

Пробиваются, мечутся корни,
Ударяются слепо о глыбы
 В темноте.
И ползут, пробираясь упорней,
Напрягая до боли изгибы...
Пронести даже скалы могли бы
 На хребте.
Проточились до массы подгорья,
Отдавив придушившую тяжесть
 Под пластом,
И хотят в неотступном отпоре
Пробуравиться в сплюснутом кряже,
Протесниться в узилище скважин,
 Хоть ползком.
Позади, утолщаясь, сплетаясь,
Собирается мощь корневища
 На прокол...
И пронизана почва густая,
И расплавленной солнечной пищи
Устремленную жаждою ищет
 Стройный ствол.
Выше, выше взлетает он прямо,
Дотянуться, проникнуть в источник
 Лавы дней.
Непрестанно, порывно, упрямо
Оторваться старается прочь он
От вземлившихся, тягостных, прочных
 Сил корней.

Ловкий червь — не привольная птица!
Не скользнет в расслоение света,
 Как в пласты.
Корневому нельзя раствориться,
Пронестись по дыханию лета,
Стать властителем, богом, поэтом
 Пустоты.

Не крылом застывают побеги,
А бессильно повисшею ветвью.
 Никогда
Им полетной не впитывать неги!
И тенета бессмысленно в свет вьют,
И дрожат листовые поветья
 От стыда!

10—12.10.1929.

ЭТЮД

Кующие рабы, как будто бы титаны,
На фоне зарева зловещего огня
Огромным молотом отчетливые раны
Впивают алчно в сталь, ударами звеня.

Красиво мускулы дрожат от напряженья,
Красивы взлеты рук на поршне вздутых жил,
Красива искристость и отблески рожденья,
Экстазы творчества и срыв ударный сил.

Но планы мастера послушно выполняя,
Не смеют отменить задуманный удар,
Они рабы огня и сила их — больная,
Их красота — позор, экстазы же — угар.

4.07.1930.

Комментарии

Раздел I

¹ Рихтер Николай Карлович (1838–1902). Старший сын в семье архангельского мещанина Карла Рихтера, отец В.Н. Рихтера. В 1858 г. окончил училище торгового мореплавания и получил звание вольного штурмана. Был женат на Марии Михайловне Крузе (в замужестве Рихтер). Умер 16 апреля 1902 г. в Одессе от кровоизлияния в мозг.

² Рихтер Карл. Отец Н.К. Рихтера, дед В.Н. Рихтера. Его биография и род занятий составителям неизвестны.

³ Крузе Михаил Христианович (1803–1866). Дворянин, дед В.Н. Рихтера по линии матери. Родился в Санкт-Петербургской губернии. Воспитывался в Инженерном училище. С 1819 г. находился на военной службе, воевал на Кавказе. В течение года (с 26 ноября 1832 г. по 25 октября 1833 г.) за участие в ссоре был отставлен от службы в чине поручика, а затем восстановлен на службе в том же звании. В одном из боев был ранен. В 1857 г. вышел по болезни в отставку в чине полковника. После отставки в 1863 г. назначен одесским полицмейстером. Умер 17 июня 1866 г.

⁴ Головин Евгений Александрович (1782–1858). Генерал от инфантерии. Выпускник Московского университета, начал службу в 1797 г. и имел большой опыт гражданской и военной деятельности. Будучи назначенным на Кавказ, Головин предварительно провел 3 месяца в петербургских архивах, где поднял все папки с кавказскими делами. С 31 марта 1838 г. по октябрь 1842 г. командир Отдельного Кавказского корпуса и главноуправляющий с гражданской частью в Грузии, Армении и Кавказской области. При нем на Северозападном Кавказе было построено несколько укреплений: Навагинское, Вельяминовское, Тенгинское и Новороссийское. На Черноморском побережье были заложены Головинское и Лазаревское укрепления, однако восставшие черкесы и чеченцы, перейдя на сторону Шамиля, захватили некоторые из этих укреплений и увеличили более чем вдвое территорию, контролировавшуюся Шамилем. В 1842 г. был заменен генералом А.И. Нейгардтом.

⁵ Шамиль (1799–1871). Глава мусульманского государства в Дагестане. Возглавлял борьбу горцев против России под лозунгами мюридизма. Родился в семье аварского крестьянина, воспитывался в среде мусульманского духовенства. С 1834 г. имам Чечни и Дагестана. Личная храбрость и красноречие создали ему большую популярность. В 1859 г. был осажден в ауле Гуниб, сдался в плен на почетных условиях. Жил с семьей в Калуге, а в 1870 г. был отпущен в Мекку. Умер и похоронен в Медине.

⁶ Андронников (Андроникашвили) Иван Малхазович (1798—1869). Внук по женской линии имеретинского царя Соломона II. Участвовал в русско-иранской войне 1826—1828 гг., в русско-турецкой войне 1828—1829 гг. и Кавказских войнах XIX в. С 1849 по 1856 гг. был тифлисским военным губернатором. Во время Крымской войны 1853—1856 г. войска под командованием Андронникова одержали победы над турками при Ахалцихе в 1853 г. и на реке Чорох в 1854. В 1858 г. получил звание генерала от кавалерии.

⁷ Ольшевский Марцелин Матвеевич (1796—1866). Генерал-майор, генерал-лейтенант с 1855 г. С 1835 г. полковник, состоял по особым поручениям при А.А. Вельяминове, с 1839 г. начальник 2-го отделения Черноморской береговой линии, с 1840 г. начальник левого крыла Кавказской линии, с 1843 по 1846 г. гражданский губернатор Кавказской области, позднее комендант Бендер.

⁸ Клюге фон Клюгенау Франц Карлович (1791—1851). Выходец из дворянской семьи в Богемии. Сначала служил в австрийской армии, которую покинул в чине лейтенанта в 1818 г. В этом же году поступил на службу в русскую армию и в 1820 г. был отправлен на Кавказ. С 1833 г. он генерал-майор, генерал-лейтенант с 1844 г., командующий войсками в северном Дагестане (1832—1837), в 1838 г. — управляющий Ахалцихской провинцией, в 1845—1849 гг. — командир 19-й пехотной дивизии.

⁹ Пассек Диомид Васильевич (1808—1845). Подполковник Генерального штаба в 1842 г.; в 1845 г. он уже генерал-майор, командир 2-й бригады 20-й пехотной дивизии. Имел репутацию блистательного военачальника, заслуженную в операциях 1843 г., беспримерно быстро продвинулся по службе: за год — из подполковников в генерал-майоры. Славился умением действовать в горах, чудесным глазомером, сообразительностью и решительностью и не имел себе равных среди кавказских офицеров. Убит выстрелом в упор во время атаки 11 июля 1845 г.

¹⁰ Форстен. Подполковник в 1842 г., в январе 1844 г. — полковник Генерального Штаба.

¹¹ Познанский. Упомянут в 1842 г. в аттестате М.Х. Крузе как майор. В 1845 г. уже в звании полковника оборонял аул Гогатль (в аттестате — Гоцатль), возглавляя 3-й батальон апшеронцев. Убит в 1845 г. 7 июля 1845 г. при боях за ичкерийское селение Дарго (резиденцию Шамиля) «погиб, к сожалению всех, во главе своего батальона достойный полковник Апшеронского полка Познанский, всеми уважаемый кавказский офицер». (*Дондуков-Корсаков А.М. Мои воспоминания. 1845—1846. // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX в. СПб., 2000. С. 471.*)

¹² Фези Карл Карлович (1797—1848). Швейцарец по происхождению. Вступил в русскую армию в ноябре 1816 г. и был отправлен на Кавказ. В 1837 г. генерал-майор Фези назначен командиром 20-й пехотной дивизии и Левого фланга Кавказской линии. Воевал с отрядами Шамиля. Из-за больших потерь и нехватки продовольствия русские войска оказались в тяжелом положении и 3 июля 1837 г. Фези удалось заключить с Шамилем перемирие, которое продлилось только до 1839 г. Генерал-лейтенант с 1838 г., командир 1-й пехотной дивизии (1842—1848).

¹³ Мюриды. Здесь мусульмане; в мусульманских странах: люди, желающие посвятить себя исламу.

¹⁴ Граббе Павел Христофорович (1789—1875). Полковник Северского конноегерского полка, участник Отечественной войны 1812 г., декабрист, член Союза благоденствия. Был осужден на четырехмесячное заключение в крепости. В 1839 г., имея чин генерал-лейтенанта, Граббе получил назначение командующим Кавказской и Черноморской линиями. Пробыл в этой должности до 1842 г. включительно. С 1852 г. член Александровского комитета о раненых, с 1856 г. — генерал от кавалерии, с 1865 г. наказной атаман Войска Донского, с 1866 г. член Государственного совета.

¹⁵ Хаджи-Мурат (конец 90-х гг. XIII века — 1852). Один из предводителей горцев в Кавказской войне, соратник Шамиля. В июле 1851 г. был разбит генералом Аргутинским. После ряда военных неудач порвал с Шамилем и перешел на сторону русских, которые надеялись использовать его популярность для привлечения на свою сторону горцев. В апреле 1852 г. бежал от русских в горы и был убит в перестрелке.

¹⁶ Аргутинский-Долгорукий Моисей Захарьевич (1797—1855). Армянский князь. Он был замечен генералом Ермоловым и в 1818 г. был им отправлен на учебу в Петербург. Вернулся на Кавказ в 1840 г. в чине полковника. С 1842 г. генерал-майор, генерал-лейтенант с 1845 г., командир Самурского отряда в 1840—1853 гг., дербентский генерал-губернатор с 1847 г., затем командующий войсками в Прикаспийском крае.

¹⁷ Челяев, он же Чиляев (Чилишвили). В 1843 г. полковник. В конце 1848 г. принял командование Лезгинской линией.

¹⁸ Крузе Мария Михайловна (в замужестве Рихтер) (1855—1939). Мать В.Н. Рихтера. Родилась в крепости Новые-Закаталы Тифлиской губернии (в документе Л.3, как и в свидетельстве о рождении указана дата 20 ноября, а на оборотной стороне свидетельства о рождении — справка, что она родилась 28 декабря и крещена 29 декабря 1855 г.). Получила хорошее, в том числе музыкальное, образование. По воспоминаниям родственников, прекрасно играла на рояле. В 1872 г. сдала экзамены на звание домашнего учителя. После переезда в Одессу совместно с Ю. Шилейко учредила женскую гимназию. Была связана с демократическими литературными кругами. В одесском доме Марии Михайловны бывали друзья Чехова, Горького, жена Горького М.Ф. Андреева. Много сил отдала воспитанию детей сына. На ее руках выросли его дочери Мария (Муся) и Вера. Умерла 25 мая 1939 г. в поселке Колывань Алтайского края на руках невестки В.В. Суворовой и внучки Муси.

¹⁹ Крузе Федор Михайлович. Сын М.Х. Крузе, дядя В.Н. Рихтера. Работал управляющим имения князя Голицина в Крыму и был очень состоятельным человеком.

²⁰ Вероятно, Чавчавадзе Илья Григорьевич (1837—1907). Грузинский поэт, писатель и общественный деятель. Родился в княжеской семье. В 1857 г. поступил в Петербургский университет. В 1861 г. вернулся в Грузию. Был членом комиссии, регулировавшей отношения между крестьянами и дворянством в связи с реформой 1861 г. В 1906 г. стал членом Государственного Совета и некоторое время жил в Петербурге. В Грузии жил под наблюдением полиции. Многие его произведения были запрещены цензурой. Был убит в Грузии во время одной из поездок.

²¹ Дельфин (в девичестве Ратовская) Эмилия Рафаиловна. Тетя Марии Михайловны Рихтер, сестра Аделины Рафаиловны, матери Марии Михайловны, крестная мать В.Н. Рихтера.

²² Крижанич (Križanić) Юрий (ок. 1618 г. — 12.09.1683). Писатель, по национальности хорват. Получил богословское образование, был священником-миссионером, много путешествовал по Европе. Пропагандировал идею «славянского единства». В поисках конкретных путей культурного и политического возрождения славян предлагал, в частности, унию православной и католической церкви. Главную роль в сплочении славян отводил Русскому государству, которое посетил впервые в 1647 г. Снова прибыв в Москву в 1659 г., в 1661 г. сослан в Тобольск, а в 1676 г. получил разрешение покинуть Россию. Обладал энциклопедическими знаниями, написал много трактатов, большинство из которых было опубликовано в XIX в. Декларировал принцип «всеобщего блага» и «всеобщей справедливости».

²³ Герцль Теодор (Беньямин-Зеэв Герцль) (1860—1904). Австрийский журналист, один из идеологов сионизма, высказавший идею решения «еврейского вопроса» путем создания с помощью великих держав «еврейского государства». В 1884 г. получил степень доктора юридических наук и некоторое время проработал в судах Вены и Зальцбурга. С 1885 г. всецело посвятил себя литературной деятельности. Вел активную деятельность по образованию еврейского государства, встречался для этой цели со многими политическими деятелями разных стран. Умер в Эдлахе (Австрия) и был похоронен в Вене. 14 августа 1949 г. прах Герцля, согласно его завещанию, был перезахоронен в Иерусалиме.

²⁴ Карамзин Николай Михайлович (1766—1826). Известный русский писатель, публицист и историк, автор «Истории Государства Российского».

²⁵ Баратынский Евгений Абрамович (1800—1844). Русский поэт. Из небогатой дворянской семьи. С 1819 г. по 1926 г. служил в армии. С 1819 г. начал печатать стихи, был дружен с Пушкиным. Последние годы жизни провел в подмосковном имении Мураново, впоследствии принадлежавшем Тютчеву.

²⁶ Муравьев Андрей Николаевич (1806—1874). Поэт, писатель, автор книг духовного содержания, мемуарист.

²⁷ Митрополит Филарет (в миру — Дроздов Василий Михайлович) (1783—1867). Из семьи коломенского дьякона. Окончил Троицкую семинарию, постригся в монахи в 1808 году. В 1809—1819 гг. был инспектором, а затем ректором Петербургской духовной академии, профессором философии, членом Библейского общества. С 1821 г. архиепископ, а позднее (1825—1867) митрополит московский. В 1819—1849 гг. был членом Синода, имел большое влияние как на церковь, так и на государственные дела. Был составителем акта о передаче престола Николаю I, Манифеста 19 февраля 1861 г. и др. актов.

²⁸ Ключников Иван Петрович (1811—1895). Русский писатель, друг В.Г. Белинского, активный участник кружка Н.В. Станкевича. Сотрудничал в «Отечественных записках» и «Современнике». Иногда подписывался буквой Ю.

²⁹ Альба Альварес де Толедо Фернандо (1507—1582). Герцог, испанский военачальник и государственный деятель. Воевал в 1546—1548 гг. с немецкими протестантами и в 1556—1557 гг. участвовал в войне Испании с папой Павлом IV. Был назначен правителем в восставшие Нидерланды, летом 1557 г. торгся с армией в эту страну, установил диктатуру и казнил тысячи людей. Не сумел справиться с вновь вспыхнувшим восстанием 1572 г. и был отозван в Испанию в 1573 г. В 1580 г. возглавлял испанскую армию, которая завоевала Португалию.

³⁰ Нордау Макс (Сюдфельд Симон Максимилиан) (1849–1923). Из ортодоксальной еврейской семьи. Работал врачом. В 1880 г. переезжает в Париж и параллельно с медицинской делает карьеру журналиста, став в результате корреспондентом ведущих европейских газет. В 1895 г. впервые познакомился с идеей Теодора Герцля о праве еврейского народа на национальное самоопределение и независимое государство и с энтузиазмом поддержал эту идею. Был избран вице-президентом, а затем и президентом нескольких сионистских конгрессов. Умер в Париже и его прах был перезахоронен в Тель-Авиве в 1926 г.

³¹ Достоевский Федор Михайлович (1821–1881). Русский писатель. Окончив в 1843 г. Петербургское военно-инженерное училище, был зачислен на службу в чертежную инженерного департамента, но через год вышел в отставку. С 1847 г. посещал общество М.В. Петрашевского, а затем стал активным участником революционных кружков. В 1849 г. был приговорен к смертной казни по делу петрашевцев, которую заменили четырехлетней каторгой с последующим определением в рядовые. Страдал эпилептическими припадками. Был азартным игроком.

³² Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883). Русский писатель. Сотрудничал с Некрасовским «Современником». Написал множество рассказов (в частности цикл «Записки охотника»), романы «Рудин», «Дворянское гнездо», «Отцы и дети», «Дым», «Новь», «Накануне» и др.

³³ Толстой Лев Николаевич (1828–1910). Русский писатель, граф. Литературную деятельность начал на Кавказе, где участвовал в военных действиях в конце 40-х гг. Во время Крымской войны сражается в Севастополе. В 1855 г. приезжает в Петербург, где сближается с сотрудниками «Современника» Н.А. Некрасовым, И.С. Тургеневым, И.А. Гончаровым, Чернышевским и др. В 1859 г. возвращается в Ясную Поляну. В последние годы жизни испытывает душевный разлад, тяготясь своим образом жизни и отношениями с женой. 28 октября 1910 г. тайно ушел из Ясной Поляны, простудился и умер на ст. Астапово Рязано-Уральской ж.д. (ныне ст. Лев Толстой Липецкой обл.).

³⁴ Гончаров Иван Александрович (1812–1891). Русский писатель. В 1852–1854 гг. принял участие в экспедиции на военном фрегате «Паллада» в качестве секретаря адмирала Е.В. Путятина. Впечатления от экспедиции вышли в свет в виде цикла очерков «Фрегат Паллада». С 1856 г. стал цензором, затем главным редактором газеты «Северная почта» и членом совета по делам печати.

³⁵ Сенсуалисты. Последователи сенсуализма, философского направления в теории познания, согласно которому чувственность является главной формой познания. Сенсуалисты стремятся вывести все содержание познания из деятельности органов чувств (от латинского *sensus* — восприятие, чувство, ощущение).

³⁶ Новодворский Андрей Осипович (1853–1882). Русский писатель. На его творчество существенно повлияли идеи Н.Г. Чернышевского, приемы сатиры Н.В. Гоголя и М.Е. Салтыкова-Щедрина. Стремился создать образы положительных героев эпохи революционного народничества.

³⁷ Гаршин Всеволод Михайлович (1855–1888). Русский писатель. В 1877 г. ушел добровольцем на русско-турецкую войну, был ранен. Написал ряд рассказов по военным впечатлениям. Герои Гаршина страдают, кончают жизнь самоубийством или сходят с ума, не в силах противостоять социальному злу.

³⁸ Альбов Михаил Нилович (1851–1911). Русский писатель. Во время учебы в гимназии вместе со своим товарищем К.С. Баранцевичем (будущим писателем) выпускал рукописные журналы. Принимал участие в редактировании журнала «Северный вестник». Наиболее известны повесть «Пшеницыны» (1873 г.), рассказы, трилогия «День и ночь» (1890–1903 гг.), посвященные изображению деталей мелочного, однообразного быта своих героев, маленьких, обиженных, озлобленных и угнетенных людей и их болезненной психики.

³⁹ Чехов Антон Павлович (1860–1904). Русский писатель. Окончив медицинский факультет московского университета в 1884 г., получил звание уездного врача и некоторое время занимался медицинской практикой. В 1890–1900 гг. Чехов предпринимает поездку на Сахалин и несколько поездок за границу. В 1892 г. купил имение Мелихово под Серпуховом недалеко от ст. Лопасня, ныне г. Чехов. Лечил крестьянских детей, выезжал в губернии, охваченные голодом, работал участковым врачом во время эпидемии холеры и участвовал во всеобщей переписи населения (1897 г.). В 1898 г. в связи с ухудшением здоровья (туберкулез) переехал в Ялту.

⁴⁰ «Трус». Обобщение автора, в основе которого лежит фабула рассказа В.М. Гаршина «Трус», написанного в 1879 г. по военным впечатлениям русско-турецкой войны.

⁴¹ Ивановы. Люди, близкие по духу герою пьесы А.П. Чехова «Иванов», рефлексирующему человеку со сломленной волей и беспросветным (по его мнению) будущим.

⁴² Карьеристы. Обобщение автора, связанное с фабулой рассказа А.О. Новодворским «Карьера».

⁴³ Рудин. Герой одноименного романа И.С. Тургенева.

⁴⁴ Литвинов Григорий Михайлович. Герой романа И.С. Тургенева «Дым».

⁴⁵ Григорович Дмитрий Васильевич (1822–1899). Русский писатель. Наиболее известные его произведения: повести «Деревня» (1846), «Антон-Горемыка» (1847), романы «Проселочные дороги» (1852), «Переселенцы» (1856) и др.

⁴⁶ Апухтин Алексей Николаевич (1840–1893). Русский поэт.

⁴⁷ Короленко Владимир Галактионович (1853–1921). Русский писатель, публицист, общественный деятель. «Дети подземелья» являются частью рассказа «В дурном обществе».

⁴⁸ Гарин. Литературный псевдоним русского писателя Николая Георгиевича Гарина-Михайловского (1852–1906). Отец его вскоре после рождения сына вышел в отставку генералом и поселился в Одессе. Здесь протекли детские годы Гарина, нашедшие отражение в его семейной хронике «Детство Темы», «Гимназисты» и «Студенты» (1892–1895).

⁴⁹ Потапенко Игнатий Николаевич (1856–1929). Русский писатель, входивший в литературное окружение А.П. Чехова.

⁵⁰ Баранцевич Казимир Станиславович (1851–1927). Русский писатель из литературного окружения А.П. Чехова.

⁵¹ Багров внук. Герой книги С.Т. Аксакова «Детские годы Багрова внука».

⁵² «Принцесса Греза». Пьеса Эдмона Ростана. Образ принцессы Грезы довольно часто встречается в творчестве и переписке В.Н. Рихтера. «Мы в XII столетии. Обстановка и фабула — сказочны. Перед нами корабль, затерявшийся в тумане, носящий на себе следы бурь и битв. Экипаж его состоит из мечтателей,

забывающих про голод, жажду и усталость при звуках песни о красоте неведомой принцессы. Здесь молчаливый замок этой принцессы, к которой стекаются на поклонение пилигримы и которую ревниво оберегает, как сказочный дракон, рыцарь в зеленом вооружении и силы непомерной. Здесь роскошные сады, где растут мирты и фишашки, где благоухают лилии, здесь все полно золота, мозаики, драгоценных камней, роскошных ковров. Здесь один побивает многих, здесь умирают под звуки лютней и арф. Как обстановка, так и чувства тоже необычны...» (из публичной лекции В.Н. Рихтера «Творчество Ростана», прочитанной для русской колонии в Париже по поводу первой постановки «Шантеклера», личный архив В.Н. Рихтера).

⁵³ Составители не располагают сведениями об этом человеке.

⁵⁴ Женья. Евгения Митрофановна Очан (урожденная Георги), друг В.Н. Рихтера с детских лет, певица, солистка Одесского оперного театра. В 1903 г. вышла замуж за И.А. Очана, одноклассника В.Н. Рихтера по Ришельевскому лицее.

⁵⁵ Август Мау. Руководитель раскопок в Помпеях в 1895 г.

⁵⁶ Коля Рихтер — Николай Владимирович Рихтер (1907–1944), сын В.Н. Рихтера от первого брака. Русский поэт (известен под фамилией Петерец), ребенком был увезен из России, жил в Харбине и Шанхае. Подробнее см. ст. Т.А. Семеновой «Мой дед В.Н. Рихтер» в наст. изд.

⁵⁷ Боккаччио Джованни (1313–1375). Один из первых представителей гуманистической литературы Возрождения.

⁵⁸ «Фиамметта». Повесть Боккаччо «Фьяметта», написанная в 1343 г., посвящена современникам Боккаччо, душевному миру женщин, и предвосхищает европейский психологический роман.

⁵⁹ Речь, по всей видимости, идет о О.Е. Черновой-Колбасиной. Чернова-Колбасина (урожд. Колбасина) Ольга Елисеевна (1886–1964) — дочь Елисея Колбасина, писателя, публициста, друга И.С. Тургенева, которому он послужил прототипом Кирсанова в романе «Отцы и дети». Старший брат О.Е. Колбасиной (от первого брака ее матери), Василий Иванович Сухомлин, был известным народовольцем, затем эсером. Принимала активное участие в эсеровской партийной работе. Вторая жена В.М. Чернова. До 1917 г. находилась в эмиграции в Италии, но, будучи легальной, часто приезжала в Россию. Литератор, и публицист. Помогала мужу в ведении левонароднического общественно-политического журнала «Заветы». После Февральской революции с мужем и детьми вернулась в Россию. Зимой 1920 г. вместе с детьми была арестована чекистами в качестве заложницы. Позже была освобождена и эмигрировала в том же 1920 г.

Раздел II

¹ III съезд ПСР состоялся в мае–июне 1917 г. в Петрограде (25.05–4.06). В порядок дня съезда были включены следующие вопросы: «1) Доклад о состоянии партийной работы по данным анкеты, — тов. Д.Ф. Раков; 2) Текущий момент, — тов. В.М. Чернов; 3) Отношение к Временному правительству, — тов. Н.Д. Авксентьев и тов. Алгасов; 4) Отношение к войне, — тов. А.Р. Гоц; 5) Международная

политика и практические мероприятия к возрождению Интернационала, — тов. Н.С. Русанов, И.А. Рубанович и М.А. Натансон; 6) Основные принципы государственного устройства России (республика, автономия, федерация), — тов. М.В. Вишняк; 7) Основные начала местного самоуправления и муниципальная политика, — тов. Ф.А. Данилов, В.Е. Трутовский и С.Я. Мохов; 8) Основные задачи социально-экономической политики в настоящий момент, в связи с ликвидацией войны и демобилизацией производительных сил, — тов. С.Л. Маслов и И.А. Прилежаев; 9) Аграрная политика настоящего момента с точки зрения нашей аграрной программы, — тов. П.А. Вихляев и Н.И. Ракитников; 10) Задачи рабочей политики настоящего момента с точки зрения нашей программы, — Б.Н. Воронов и Д.С. Фирсов; 11) Политика партии социалистов-революционеров в национальном вопросе и отношении к национальным социалистическим партиям, — тов. В.М. Чернов; 12) Отношение к другим социалистическим партиям, — тов. В.М. Зензинов; 13) Подготовка к выборам в Учредительное собрание (организация выборной кампании, блоки и соглашения с партиями на почве выборов в Учредительное собрание), — комиссия; 14) Организация издательского дела, — комиссия; 15) Пересмотр организационного устава, — тов. А.А. Аргунов и В.В. Руднев; 16) Выборы в Центральный Комитет».

В ходе ожесточенной полемики, развернувшейся между различными внутрипартийными течениями и группировками, был избран новый состав ЦК ПСР, а также приняты следующие резолюции: «Смысл современного момента и задачи партии»; «Об отношении к войне»; «Об отношении к Временному правительству»; «Об Интернационале»; «По аграрной политике»; «По муниципальной политике»; «Национальный вопрос». Стенографический отчет о заседании съезда и тексты принятых резолюций см.: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3 т. / Т. 3. Ч. 1: Февраль—октябрь 1917 г. С. 140—628.

² Раков Дмитрий Федорович (1881—1941). В период революции 1905—1907 возглавлял Союз учителей Козмодемьянского уезда Казанской губернии, создавал местные организации Всероссийского Крестьянского Союза, сотрудничал с казанскими эсерами и социал-демократами. В декабре 1906 г. арестован за революционную пропаганду; в апреле 1907 г. высылка в Вологодскую губернию на 3 года была заменена разрешением выехать за границу. В 1910 г. возвратился в Москву, где входил в городскую организацию ПСР. После Февральской революции переехал в Петроград. На III (май—июнь) и IV (ноябрь—декабрь) съездах партии эсеров избирался в ЦК. В январе 1918 г. избран в Бюро (Президиум) ЦК и возглавил его иногородний и организационный отделы. В июне одним из первых вошел в самарский Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуч). По словам Ракова на процессе эсеров 1922 г., в бытность его в августе—сентябре управляющим ведомством финансов Комуча «вся система управления Ведомства Финансов была банковской системой, что в распоряжении Комуча неограниченных сумм не было, а ему открывался, согласно представленным сметам, текущий счет в государственном банке, причем открытие этого текущего счета проходило через так называемый финансовый совет [...]. Текущий счет открывался по мере поступления из государственного казначейства сумм в распоряжение Комуча. Это были деньги, которые получались от кредитных операций, от распродажа имущества, от взимания налогов, поступающих в государственное казначейство» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 27. Л. 498—499). На процессе упомина-

лось также о «раковках» — так назывались объявленные Раковым деньгами облигации военного займа и займа народной свободы. В ноябре 1918 г. арестован в Омске сторонниками адмирала А.В. Колчака, в марте 1919 г. освобожден. В августе из Владивостока перебрался в Прагу. В начале 1920 г. по заданию Заграничной делегации ПСР направился в Москву для организации подпольной работы. 23.06.1920 арестован органами ВЧК, находился под следствием в Ярославской, Бутырской и Лефортовской тюрьмах. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. На процессе эсеров в июне-августе 1922 г. входил в 1-ю группу обвиняемых (т.н. «нераскаявшихся»). Отвечать на вопрос о признании себя виновным отказался, заявив: «в этот период, который мне инкриминируется в обвинительном акте, я объективно и субъективно служил интересам рабочего класса. Я был честным и верным солдатом армии международного революционного социализма. Я нес и несу ответственность за свои действия перед судом трудящихся масс и международного социализма» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 23. Л. 163). Свое последнее слово посвятил позиции эсеровской партии «в области так называемой крестьянской политики», заявив: «Я воспользуюсь своим словом не для того последнего предсмертного революционного жеста, о котором здесь говорилось со скамьи обвинения. Я взял себе слово для того, что бы дополнительно мотивировать свою деятельность и деятельность нашей партии за тот пятилетний период, которая в течение 45-ти дней здесь инкриминировалась нам. Я взял последнее слово так же и для того, что бы удовлетворить выраженное здесь желание Трибунала знать, какова была линия поведения партии не только в прошлом и настоящем, но какова она должна быть и в ближайшем будущем». По словам Ракова, после свержения самодержавия «Задача революционной демократии сводилась к тому, чтобы сделать этот переход от помещичьего хозяйства к хозяйству трудовому в планомерно общегосударственном масштабе, с сохранением производительности сельского хозяйства, ибо сельско-хозяйственное производство как источник продовольственных ресурсов является фундаментом, на котором покоится всякая революция. Вот и революционная демократия объективно возилась всеми лучшими своими силами, чтобы выполнять эту задачу, поставленную перед ней революцией. Октябрьский переворот ликвидировал эту работу. К власти пришла партия, которая идеологически до сих пор не была настроена дружелюбно по отношению к трудовой крестьянской деревни. Для этой партии широкие трудовые крестьянские массы являлись не субъектом революционной социалистической политики, а только объектом ее» (Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь—август 1922). Подготовка. Проведение. Итоги: Сборник документов / Сост. С.А. Красильников, К.Н. Морозов, И.В. Чубыкин. М.: РОССПЭН, 2002. С. 819). Приговорен к 10 годам принудительных работ. 28.08.1922 этот приговор был заменен лишением свободы на 5 лет (затем срок заключения был сокращен до 2,5 лет). По отбытии срока тюремного заключения выслан на 3 года в Коканд, затем во изменение прежнего постановления — в Уфу на тот же срок. В конце 20-х — начале 30-х годов срок ссылки неоднократно продлевался. 26.09.1937 тройкой при НКВД Узбекской ССР приговорен к 10 годам заключения в исправительно-трудовых лагерях по обвинению в контрреволюционной деятельности. 08.09.1941 Верховным судом СССР приговорен к расстрелу.

Причины непредставления III съезду ПСР доклада о партийной работе были изложены в выступлении Ракова на вечернем заседании 25 мая 1917 г.: «Обычно на каждом съезде значительное место уделяется докладам с мест. Но, если бы мы занялись докладами с мест, как обычно это бывает, то мы ухлопали бы на это все время. Организационная комиссия, учитывая это обстоятельство, своевременно разослала по всем организациям анкетные листы о состоянии партийной работы. Эти листы взяты с листов, которые рассылались раньше нашим Центральным Комитетом. До сих пор поступило всего около 60 анкетных листов и, главным образом, от сельских или уездных городских организаций. От губернских комитетов поступило очень мало. Предполагалось на основании этих анкетных листов составить доклад, но, ввиду такого незначительного их поступления, доклада такого составить нельзя» (См.: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3 т. / Т. 3. Ч. 2: Февраль—октябрь 1917 г. М., 2000. С. 149).

³Чернов Виктор Михайлович (1873—1952). Один из создателей и лидеров ПСР, главный ее теоретик, участник всех ее съездов и член ЦК (кроме периода 1909—1916). После Февраля 1917 г. министр земледелия в коалиционном Временном правительстве, тов. председателя ВЦИКа и почетный председатель ЦИК Совета крестьянских депутатов. По мнению М.В. Вишняка, «для большинства эс-эров его авторитет, особенно в первые месяцы революции, был бесспорен. В популярности с ним могли конкурировать только Керенский и Брешковская». Однако точка зрения Б.А. Бабиной была прямо противоположной: «Чернов не является для меня образцом социалиста. Талантливый теоретик, прекрасно писал, но в личной жизни вел себя недостойно социалиста. Во время революции лидер партии, министр земледелия, вместо того чтобы заниматься своим прямым делом, крутит роман и меняет жену — это недостойно. Как вождь он совсем не удовлетворял никаким требованиям, просто хороший теоретик» (Беседа с Б.А. Бабиной // Минувшее. Вып. 2. 1990. С. 387). Выступал за создание однородного социалистического правительства без кадетов, но в руководстве ПСР оказался по этому вопросу в меньшинстве. Активно сотрудничал в эсеровской прессе. После октябрьского переворота пытался поднять войска Западного фронта против большевиков, но затем придерживался осторожной тактики, высказываясь против развертывания террора и вооруженной демонстрации в поддержку Учредительного собрания. После разгона Учредительного собрания, на котором был избран его председателем, вел партийную работу в Москве, затем отправился за Волгу. Стронник тактики борьбы на два фронта и «третьей силы», расценил создание Директории как поражение демократии, но не был поддержан в этом другими членами ЦК. После колчаковского переворота арестован, но при содействии чехословацких легионеров освобожден и позже занимался в Москве партийной работой, находясь на нелегальном положении и поражая соратников счастливой способностью избегать ареста: «Чернову неизменно удавалось от ... облав ускользнуть, — часто в последний момент, когда казалось, что западня уже захлопнулась: один раз он выпрыгнул из окна второго этажа на людную улицу и был укрыт толпой; в другом случае ушел в солдатской шинели, как солдат-фронтовик, унеся к тому же с собою мешок с архивными материалами... помогла и огромная изворотливость, соединенная с никогда не изменявшим присутствием духа, умение найтись в критическую минуту, и счастливая, типично «русаяцкая» внешность, которая позволяла ему сливаться с толпой, выдавая себя то за крестьянина-середняка, то за мелко-

го прасола, то за солдата-фронтовика...» (Николаевский Б.И. Предисловие // Чернов В.М. Перед бурей. Воспоминания. N.Y., 1953. С. 7). В сентябре 1920 эмигрировал и редактировал журнал «Революционная Россия», член Заграничной Делегации. Придерживался левоцентристских позиций, но выступил против решения ЦК ПСР об исключении из партии Н.Д. Авксентьева и И.И. Фондаминского, а также принял участие в работе эсеровской фракции на частном совещании членов Учредительного собрания в январе 1921 г. Умер в США в эмиграции.

Начиная свой доклад о текущем моменте на III съезде ПСР, Чернов подчеркивал, что «весь смысл переживаемого момента» он видит в «колоссальном противоречии между тем, что совершается внутри России, и тем, что вне ее, колоссальном противоречии между размахом, глубиной, чаяниями русской революции и между тем, что происходит вокруг нее, противоречии, которое русской революции необходимо победить, ибо здесь нет третьего выхода; здесь только две дороги: победить или погибнуть» (Партия социалистов — революционеров. Т. 3. Ч. 1. С. 201).

⁴ Временное Правительство. Центральный орган государственной власти, образовавшийся в России после Февральской революции 1917 г. Существовало со 2 (15) марта 1917 г. по 25 октября (7 ноября) 1917 г. Первый состав Временного правительства возглавлял князь Г.Е. Львов. Апрельский кризис, вызванный нотой П.Н. Милюкова о верности России союзническим обязательствам и готовности продолжать войну, привел к созданию первого коалиционного правительства, в которое вошли члены ПСР А.Ф. Керенский, ставший военным и морским министром, и В.М. Чернов, ставший министром земледелия. После июльских событий 1917 г. образовалось второе коалиционное правительство во главе с министром-председателем А.Ф. Керенским, сохранившим также пост военного и морского министра. Министром земледелия остался Чернов, министром внутренних дел стал Н.Д. Авксентьев. В состав сформированного 25 сентября (8 октября) третьего коалиционного правительства вошли сохранивший свои посты Керенский и С.Л. Маслов в качестве министра земледелия.

В резолюции III съезда ПСР «Об отношении к Временному правительству», в частности, говорилось: «III съезд партии соц.-рев. видит в создании коалиционного Временного правительства, с одной стороны, новое свидетельство роста силы трудовой демократии городов и деревень, с другой стороны — неизбежный шаг для неотложной борьбы с грозной опасностью всероссийской разрухи — борьбы, необходимой для укрепления новой революционной России, этой первой цитадели «третьей силы» в современной Европе. [...] До тех пор, пока решением социалистической демократии группа министров-социалистов остается в составе Временного правительства и через нее осуществляется воля этой демократии и ее контроль над всей внутренней и внешней политикой правительства, последнему обеспечивается самая энергическая поддержка в проведении его мероприятий против всех элементов распада и дезорганизации. III съезд партии полагает, что, идя этим путем, партия социалистов-революционеров совместит двудедную задачу: участие в строительстве настоящего и подготовка грядущего и тем подготовит свое торжество в Учредительном собрании, завершая одновременно великую международную задачу русской революции: ускорение ликвидации войны силами воскрешенной русской революцией рабочего интернационала. III съезд партии считает необходимым, чтобы министры-социалисты-революционеры положили в основу своей деятельности постановления, приня-

тые высшей партийной инстанцией, т.е. настоящим полномочным собранием представителей партийных организаций» (Партия социалистов-революционеров. Т. 3. Ч. 1. С. 600–601).

⁵ Авксентьев Николай Дмитриевич (1878–1943). В 1897 поступил на юридический факультет Московского университета. Исключен из университета «без права обратного поступления» как председатель студенческого Союзного совета объединенных землячеств и один из организаторов и руководителей студенческих антиправительственных выступлений 1899 года. Ведущий участник кружка российских студентов в Германии (А.Р. Гоц, В.М. Зензинов, И.И. Фондаминский и др.), сотрудничавших с эсеровскими организациями. Во время одной из поездок в Россию арестован на границе, но за недостаточностью улик вскоре освобожден. В 1905 г. вернулся в Россию и вступил в ПСР, был кооптирован в ЦК. В 1906 г. был осужден на процессе Петербургского СРД и сослан в Обдорск. В 1907 г. бежал за границу, где вошел в редакцию газеты «Знамя труда». Возглавляя правое крыло партии, выступал за ее легализацию и отказ от террора. Во время 1-й мировой войны один из лидеров эсеров-оборонцев. В апреле 1917 г. вернулся в Россию. На 1-м Всероссийском съезде КД (май) избран председателем Исполкома Всероссийского СКД. Вошел во 2-е коалиционное Временное правительство в качестве министра внутренних дел (2 сентября ушел в отставку). Участвовал в работе Всероссийского Демократического совещания (сентябрь); избран председателем Предпарламента. В ходе Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде в ночь на 26 октября участвовал в создании Комитета спасения Родины и революции. Один из руководителей «Союза защиты Учредительного собрания». В декабре арестован и заключен в Петропавловскую крепость, освобожден по ходатайству левых эсеров. В марте 1918 г. участвовал в организации «Союза возрождения России». На Уфимском государственном совещании (сентябрь) избран председателем Временного Всероссийского правительства (Директории). После переворота в Омске (18 ноября) по приказу адмирала А.В. Колчака арестован и выслан в Китай. В 1919 г. приехал в Париж. Выступал против решения 9-го Совета ПСР отказаться от вооруженной борьбы с большевиками. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности, дело выделено за нахождением за границей. Член общества «Земгор». С 1919 г. мастер масонской ложи «Агни» (членом ложи стал в 1913 г.), после 1924 г. — член масонских лож «Северная звезда» и «Свободная Россия». В 1920–1940 гг. член редколлегии журнала «Современные записки». В октябре 1940 г. переехал в Нью-Йорк, где входил в редакцию издаваемого нью-йоркской группой эсеров журнала «За свободу». Выступал с критикой соглашения СССР с Германией, заключение которого, по мнению Авксентьева, значительно ухудшило положение Советского Союза и стало позором для России. С началом Великой Отечественной войны занимал оборонческую позицию и высказывался за активную помощь советскому народу и государству в борьбе с нацизмом.

В своем докладе на III съезде ПСР защищал идею коалиционного правительства и выступал против передачи власти Советам, мотивируя это тем, что «только тогда, когда российская демократия будет понимать, каким образом необходимо действовать в этот самый сложный период российской революции, только при таком условии возможно окончательное овладение власти российской демократией» (Партия социалистов-революционеров. Т. 3. Ч. 1. С. 344).

⁶ Алгасов (наст. фам. Бурдаков) Владимир Александрович (1887—1938). Член ПСР с 1905 г. В 1908 г. арестован и подвергнут административной ссылке в Вологду на 2 года. Затем жил в Харькове. В годы 1-й мировой войны занимал интернационалистскую позицию. После Февральской революции — член Исполкома Харьковского Совета, делегат I Всероссийского съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов, избран в состав ВЦИК. Один из лидеров левого крыла партии эсеров, выступал за передачу власти Советам. С сентября 1917 г. — член Петроградского комитета партии. Председатель I съезда партии левых эсеров, избран съездом в члены ЦК. Странник тесного союза с большевиками. Входил в двухпартийное советское правительство, был в нем наркомом внутренних дел без портфеля. По решению ЦК партии левых эсеров в марте 1918 г. вышел из состава правительства. В сентябре 1918 г. вступил в большевистскую партию. В период гражданской войны служил в Красной Армии. С 1920 г. на преподавательской работе в высших учебных заведениях Украины, затем Москвы. В 1938 г. арестован и приговорен к высшей мере наказания.

Выступая на III съезде ПСР, называл «крайне ошибочным», хотя и «психологически совершенно неизбежным» вступление социалистов в буржуазное Временное правительство и подчеркивал, что эсеры «не должны рассматривать наших товарищей Чернова и Керенского, вступивших в министерство, как представителей нашей партии в этом правительстве, доколе это правительство есть в большинстве правительство буржуазное». В то же время считал, что отзывать министров-социалистов из Временного правительства не нужно, т.к. падение этого буржуазного и создание нового революционного правительства неизбежно. Полагал, что на съезде эсеры «должны категорически высказаться против Временного буржуазного правительства, дать по отношению к этому новому Временному буржуазному правительству должную оценку, вскрыть классовую подоплеку как первого буржуазного правительства, так и второго. На нашем съезде должно быть предусмотрено создание революционного правительства, и вот тогда, когда создастся это правительство, компетентный орган нашей партии должен признать, что товарищи, участвующие там, являются официальными представителями нашей партии. [...] Но до того момента, когда создастся Временное революционное правительство, до этого момента то полубуржуазное, полуреволюционное правительство, которое существует, — это правительство, во всем его составе, должно целиком быть ответственным перед Советом рабочих, крестьянских и солдатских депутатов» (Партия социалистов-революционеров. Т. 3. Ч. 1. С. 345—346).

⁷ Гоц Абрам Рафаилович (1882—1940). Учился в Берлинском университете, вместе с Н.Д. Авксентьевым, И.И. Фондаминским, В.М. Зензиновым и др. входил в Галле-Гейдельбергский кружок «молодых» эсеров. С весны 1906 г. член Боевой организации ПСР. В 1907 г. арестован, приговорен к 8 годам каторги, которую отбывал в Александровском центре. После Февраля 1917 г. участвовал в создании Комитета общественных организаций и Совета рабочих и солдатских депутатов в Иркутске. Вернувшись в марте в Петроград, был избран членом президиума Всероссийского совещания советов РСД (от эсеров) и введен в исполком Петросовета, в котором был лидером эсерофракции. На III съезде ПСР избран товарищем председателя съезда, членом ЦК партии. На I Всероссийском съезде советов избран в президиум, с июня член Президиума ВЦИК 1-го созыва. Вошел в Комитет спасения родины и революции, в качестве его председателя руководил

восстанием юнкеров в ночь на 29 октября. В работе IV съезда ПСР участия не принимал, прислал приветствие съезду, избран членом ЦК. В декабре 1917 г. арестован, на следующий день освобожден по распоряжению наркома юстиции левого эсера И.З. Штейнберга. После разгона Учредительного собрания активно участвовал в боевой работе ПСР. Входил в военный штаб «Союза Возрождения» в Петрограде, занимался переброской вооруженных групп на Волгу. Не сумев попасть на территорию Комуча, выехал в Пензу, затем в Одессу, входил в Южнорусское бюро ЦК ПСР, где отстаивал позиции борьбы на два фронта — и против большевиков и против белого движения. Принимал участие в партийной конференции в Одессе в феврале 1919 г. Арестован 19 мая 1920 г., содержался во Внутренней тюрьме ГПУ, 5 августа переведен в Бутырскую тюрьму. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. В своем коротком последнем слове постарался дать краткий ответ на вопрос обвинения о том, что стали бы делать эсеры, окажись они на свободе, и закончил свою речь пророческими словами: «С тех скамей все возражения, направленные по нашему адресу неизменно оканчивались таким торжествующим призывом, таким ликующим рефреном: а мы вас победили, мы вас раздавили в открытом бою, теперь мы победители, а вы побежденные. Да, вы правы с этой точки зрения, перед судом истории этот факт еще далеко не так убедительный, как он кажется представителям обвинения. Мы знаем, что история судит строго и жестоко осудит иногда и победителей. Но в разрезе сегодняшнего дня этот аргумент звучит чрезвычайно полно-весно и убедительно и этому аргументу мы можем сейчас противопоставить только знание своей морально-политической правоты и сознание того дела, во имя и ради которого мы боролись, которое мы так или иначе стремились реализовать и воплотить в жизнь. Да, увы, мы не заключили договора с победой и нам сейчас в расплату за это остается теперь заключить договор со смертью и я только думаю, что все мы исполним свой революционный долг до конца» (Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 826). По итогам процесса приговорен к высшей мере наказания, которая решением Президиума ЦИК СССР от 11 января 1924 была заменена 5 годами лишения свободы со строгой изоляцией (с окончанием срока 20 мая 1925), несмотря на представление Секретного отдела ГПУ, считавшего нецелесообразным уменьшать Гоцу тюремное заключение на срок менее 10 лет, т.к. он входит в число лиц, которые «являются крупными политическими фигурами и с.-р. убеждений и активности не потеряли и до настоящего времени». Содержался в Бутырской тюрьме. В мае 1925 г. сослан на 3 года в Ульяновск. В июле 1925 г. арестован, приговорен к 2 годам тюремного заключения, содержался в Ульяновске под домашним арестом. По окончании срока заключения отбывал ссылку там же. В 1937 г. арестован в Алма-Ате, отправлен на Колыму. 20 июня 1939 г. Военной коллегией Верховного суда осужден на 25 лет лишения свободы, умер в Краслаге.

В докладе по вопросу об отношении к войне на III съезде ПСР отмечал, что соотношение международных сил стало резко меняться с «выступлением на арену исторической жизни такого фактора колоссальной важности, как Великой Русской Революции», что «третья сила» теряет свой чисто идеологический характер и приобретает облик подлинно реальной исторической силы». Возражая своим оппонентам, полагавшим, что «односторонний отказ нашего Временного правитель-

ства от политики захватов еще бессилён изменить общий империалистический характер настоящей войны», категорически отвергал путь предъявления ультиматумов правительствам воюющих стран, т.к. «ультиматумы мы вправе предъявлять правительству той или другой страны лишь с согласия и одобрения демократии этой страны». Говоря об отношении к задачам фронта, подчеркивал, что «возрождение и укрепление бое-и дееспособности революционной армии, на которую выпала почетная роль защитника завоеваний и достижения русской демократии, является одной из неотложных задач нашей революции» (Партия социалистов-революционеров. Т. 3. Ч. 1. С. 242–244).

⁸ Русанов Николай Сергеевич (1859–1939). В революционном движении с 1877 г. С 1882 г. в эмиграции, где примкнул к «Народной Воле», став одним из основных авторов «Вестника Народной Воли». В 1901 г. создал журнал «Вестник русской революции», ставший вскоре теоретическим органом ПСР. В руководстве ПСР (вместе с И.А. Рубановичем) представлял своеобразную «марксистскую оппозицию», что привело к трениям и уходу его с поста редактора «Вестника русской революции». Вернувшись в Россию в конце 1905 г., участвовал в работе I и II съездов ПСР, был редактором эсеровских журналов и газет. После революции легализовался и работал в журнале «Русское богатство», являясь единственным эсером среди его редакторов, за что, по его собственным шутливым словам, был сослан энесами «за границу», т.е. в основном писал заграничные обзоры. Дав в 1912 г. В.М. Чернову и С.П. Постникову согласие войти в редакцию «Заветов», взял его обратно, в связи с ультиматумом энесовского большинства «Русского богатства». После Февраля 1917 г. член редакции «Дела народа», на III и IV съездах ПСР был избран в ЦК. После разгона Учредительного собрания перешел на нелегальное положение, а в апреле 1918 г. выехал в Стокгольм, где стал одним из членов Заграничной делегации ЦК ПСР. В 1919–1920 гг. принимал участие в международных социалистических конференциях и конгрессах, хотя и выступал за безоговорочный разрыв с II Интернационалом. До 1923 г. являлся членом ЗД и членом редакции журнала «Революционная Россия», придерживаясь взгляда на недопустимость иностранной интервенции в Россию. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. С 1923 г. по 1927 г. в «бессрочном литературном отпуске», с 1928 г. член Заграничного союза ПСР, но с начала 30-х годов от партийной деятельности отошел, сосредоточившись на мемуарах.

В докладе на III съезде партии, подводя итог обзору международного положения, отмечал: «Самым основным, самым существенным требованием русской демократии является стремление к миру без всяких экивок и недоразумений. Нужно идти к этой цели так, как эта цель ставится среди живых условий. Нужно — я говорю это громко и с убеждением в том, что это правда, — нужно защищать Россию как страну великих революционных приобретений. Нужно для этого располагать всеми теми средствами, которыми она располагает. Но это только одна сторона задачи. Перед нами стоят еще две задачи. С одной стороны, задача поставить на точку зрения трудовой демократии России рабочую демократию всех стран, а с другой стороны — провести дальше нашу социалистическую политику России, сделать наши приобретения дороже, чтобы с каждым часом в груди каждого человека больше разгорался энтузиазм, который помог бы отстаивать Россию и извне, и изнутри» (Партия социалистов-революционеров. Т. 3. Ч. 1. С. 355, 356).

⁹ Рубанович Илья Адольфович (1859–1922). В 1877–1881 учился на физико-математическом факультете Одесского университета, из которого исключен после ареста в связи с участием в работе местных народовольческих кружков. Освобожден под залог, эмигрировал во Францию, где принял активное участие в работе народо-вольческой эмиграции, став одним из учредителей «Группы старых народо-вольцев». Преподавал химию в Сорбонне. Накануне образования ПСР являлся членом Аграрно-социалистической лиги и одним из редакторов «Вестника русской революции», ставшего позже теоретическим органом партии. Вместе с Н.С. Русановым оказался в своеобразной «марксистской» оппозиции руководству партии, что привело к уходу из «Вестника русской революции» и ряду конфликтов с В.М. Черновым, М.Р. Гоцем и Е.Ф. Азефом. С 1904 представитель ПСР в Международном социалистическом бюро II Интернационала, а также редактор партийной газеты, издававшейся на французском языке. В 1917 г. вернулся в Россию, был избран III и IV съездами членом ЦК ПСР, заведовал отделом международных отношений в Исполкоме Всероссийского совета крестьянских депутатов и по его поручению (совместно с ЦК ПСР) был в конце 1917 г. делегирован за границу для убеждения социалистов и правительств Антанты в заключении справедливого мира. В 1918–1922 гг. член Заграничной Делегации, на международных социалистических конференциях и конгрессах выступал за создание единого социалистического Интернационала. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Умер в Берлине в эмиграции.

Резюмируя свой доклад на III съезде ПСР в нескольких тезисах, отмечал, что «глубокие причины войны кроются в капиталистическом империализме и милитаризме всех стран, но [...] что непосредственным виновником современной войны, подготовившим и вызвавшим ее, явился агрессивный милитаризм центральных империй»; что новое положение было создано «фактом русской революции», обратившейся «ко всем народам с призывом о мире на условиях отказа от захватов путем оружия территорий, от контрибуций, при полном праве национальности самим определять свою судьбу»; что для скорейшего окончания войны трудовая демократия должна «стремиться к скорейшему созыву международного социалистического конгресса»; что «социалистический Интернационал должен быть восстановлен на основах действенной, а не словесной политики» (Партия социалистов-революционеров. Т. 3. Ч. 1. С. 366, 367).

¹⁰ Натансон Марк Андреевич (1850–1919). Один из организаторов и руководителей партии «Народного права». В партии эсеров с ноября 1905 г., один из ее лидеров, избирался членом ЦК на I, II и III съездах партии. Натансону принадлежит попытка объединить два течения в революционном движении: эсеров и социал-демократов. Он долго сам не мог определиться в своем выборе и занимал «промежуточное» положение, входил в руководящие круги и тех и других, пользуясь своим авторитетом и связями. На первом съезде ПСР ставил задачу создания единой социалистической партии. Во время войны лидер интернационалистского крыла партии, участник Циммервальдской и Кинтальской конференций. В 1917 г. один из лидеров левых эсеров, активный сторонник их сближения с большевиками. Без колебаний принял Октябрьскую революцию. Член ЦК партии левых эсеров, одобрительно относился к идее разгона Учредительного собрания. Летом 1918 г. выехал в Швейцарию в составе Заграничной делегации ПЛСР. После выступления

левых эсеров 6 июля 1918 г. вышел из ПЛСР. Один из основателей и лидеров партии революционного коммунизма (ПРК). Вернувшись в Россию в октябре 1918 г., стал членом ВЦИК от ПРК. В связи с ухудшением здоровья в 1919 г. снова выехал за границу, где и умер.

По словам В.М. Чернова, «не был ни писателем, ни оратором, ни героем сенсационных приключений, чье дело ярко говорит само за себя. Это был организатор, стоящий за спинами того, другого, третьего, и для посторонней публики легко заслоняемый ими. [...] Натансон, самовольно покинув место первой ссылки, не только объехал северные народнические группы и сплотил их в единый “Союз”, впоследствии принявший имя “Земли и Воли” подобно прежней группе того же имени, тяготевшей к Чернышевскому, но и представил лучшую программную схему революционного народничества. Основная мысль его при этом сводилась к следующему: во-первых, лавристы, бакунисты, чайковцы и т. п. должны спуститься “с облаков на землю”. Они должны признать “открытыми” вопросы будущего движения и отложить до лучших времен все свои споры о проблемах, являющихся “музыкой будущего”, должны принять за основу своей борьбы тот реальный минимум потребностей и запросов, который уже усвоен народным сознанием и может прочно оплодотворить его волю.

В связи с этим Натансон уже с первой своей ссылки, блестящим студентом Военно-Медицинской Академии, первый выступил против на шумевшей тогда “нечаевщины”, а позднее настоял на четком отмежевании от всяких авантур с “золотыми грамотами”, подложными царскими манифестами и т. п.

По инициативе Натансона из только что начинавшего выходить в употребление расплывчатого, общелитературного понятия о “народничестве”, выкристаллизировалось понятие более тесное и строгое: народничество в собственном смысле этого слова как деятельность не только среди народа и для народа, но и обязательно через народ, чем исключалось использование его, как простого орудия; всё должно быть проведено через его сознание и волю, ничего не должно быть навязано извне или предрешено за его спиной. [...] Удайся Натансону его план, — имя его осталось бы вырезанным на скрижалях русской истории неизгладимыми чертами. Но в плане этом было слишком много головного, абстрактно-рассудочного. Творец его, если угодно, был чересчур калькулятор, чересчур *счетовод* и слишком мало *социальный психолог*, он не видел в программе выражения социальных страстей, умонастроений и общего мироощущения. [...] В дни революции пятого года мы познали на опыте не только сильные, но и слабые стороны Натансона, как революционера. Да, муж совета, муж трезвого опыта, но не человек смелой интуиции и всевзрывающей находчивости. Возможно, что когда-то он имел и эти свойства, как о том гласила молва. Но груз лет отяготил его плечи» (Чернов В.М. Перед бурей. Воспоминания. N.Y., 1953. С. 205, 206, 280, 318, 319).

¹¹ Вишняк Марк (Мордух) Вениаминович (1883–1976). В ПСР вступил в 1905, поставив перед А.Р. Гоцем и И.И. Фондаминским, которых знал с детства, два условия: неучастие в полемике с с.-д. и отказ от прославления террористической тактики. Принимал активное участие в декабрьском вооруженном восстании, был делегатом I съезда ПСР, неоднократно арестовывался. С июня 1906 г., приняв предложение К.Р. Кочаровского, занимался в организованной последним «академии» проблемами русского обычного права, но вскоре вновь вернулся к общепартийной работе. После полугодового заключения был в августе 1907 г. выпущен под залог и

продолжил свое образование. В ноябре 1908 г. закончил юрфак Московского университета. В 1909—1910 гг. и в 1911—1914 гг. находился за границей, а в 1915 г. вместе с В.М. Зензиновым выпускал в Москве некоторое время легальную газету, где отстаивал оборонческие взгляды на войну. После Февраля 1917 г. вместе с В.В. Рудневым принимал участие в организации МК ПСР и ее печатного органа «Труд». В партии считался главным экспертом по вопросам публичного права, участвовал в работе нескольких комиссий Особого совещания по подготовке проекта Положения о выборах в Учредительное собрание, вел отдел государства и права в газете «Дело народа», являлся членом Всероссийской комиссии по делам о выборах в Учредительное собрание. К октябрьскому перевороту отнесся резко отрицательно, входил в «Комитет спасения родины и революции», был избран депутатом Учредительного собрания и после его открытия стал его секретарем. До эмиграции занимался общепартийной и литературной работой. С мая 1919 г. во Франции. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нахождением за границей. Последующие годы принадлежал к правому крылу ПСР и занимался главным образом литературной деятельностью, в том числе и в созданном совместно с Н.Д. Авксентьевым, И.И. Фондаминским, А.И. Гуковским и В.В. Рудневым журнале «Современные записки». В 1940 г. эмигрировал в США, где сотрудничал в эсеровском журнале «За свободу», а в 1942—1966 гг. в «Новом журнале». До конца жизни считал себя эсером, активно отвечая в прессе на нападки на эсеровскую доктрину как слева, так и справа.

О своем докладе на III съезде партии М.В. Вишняк впоследствии вспоминал: «В.М. Чернов прислал за мной свой министерский автомобиль и от имени Ц. К. партии попросил меня приготовить к предстоящему съезду доклад о государственном устройстве России, республике, автономии, федерации. Я согласился. [...]

У всех, и у меня, было резкое отталкивание от всякого единовластия, было опасение, как бы самодержавие не сменилось в той или иной форме единодержавием. Это был исходный принципиальный пункт. Но, кроме того, была и партийно-политическая тактика, которая не позволяла повторять то, что рекомендовали другие конкурирующие претенденты на водительство, — и меньше всего плестись в хвосте за не-революционными и не-социалистическими партиями. Этим объясняется, почему из трех возможных типов государственного устройства — американского, французского и швейцарского, я остановился на последнем, внося в него ряд существенных изменений. [...] Учитывая межпартийные взаимоотношения и эс-эровскую идеологию, я спроектировал сочетание однопалатного парламентаризма с швейцарским типом республиканского правления. [...] «Коллективный президент» (вместо единоличного) — упрощенно и неправильно характеризовали мое предложение. И это сближало его с швейцарским типом управления. Отличало же его, помимо парламентарной ответственности, отказ от заранее установленного срока, на который правительственная коллегия и ее председатель избираются, и — однопалатное представительство.

Надо было мне остановиться и на вопросе о федерации и автономии. То, что ни один народ и ни одна территория, входившие в состав России, и не претендовали в 17-ом году на самостоятельную государственность, позволяло конструировать народное представительство в форме одной палаты. [...] Я считал это вполне совместимым с единством российского государства и допускал даже возможность

особой денежной единицы и украинских почтовых знаков по примеру “полусуверенных” германских земель. Решительнее всего я отвергал самоопределение путем *одностороннего* отделения. [...] Доклад не встретил тех возражений, которых я опасался. Мне задали множество вопросов в устном и письменном виде. Я отвечал как мог. Но до подробного обсуждения дело не дошло. И я, и съезд спешили. Я пропустил обсуждение в общем собрании совещания вопроса о предоставлении избирательных прав царствовавшему дому. А съезд волновали более неотложные и жгучие вопросы, как отношение к Временному Правительству, к войне, к социалистическому Интернационалу, к земельной проблеме. Я решил, что лучше всего будет получить общее одобрение съезда представленных мною Тезисов и передать их для подробного обсуждения в имеющий быть избранный Ц. К. партии. Так и было сделано» (Вишняк М.В. Дань прошлому. NY: Изд. им. Чехова, 1954).

¹² Данилов Флегонт Александрович, инженер-технолог. В начале 900-х годов — архитектор Тамбовского губернского земства и член Тамбовской организации эсеров. В октябре 1917 г. товарищ председателя московской городской думы. На совещании эсеровской фракции думы накануне обстрела ее большевиками заявил: «Мы готовы умереть, но на наших трупах воссияет слово народовластия во веки веков» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 25. Л. 249).

В стенографической записи протоколов заседаний III съезда ПСР не сохранилось доклада Ф.А. Данилова, но из речей его содокладчиков видно, что его выступление должно было быть посвящено организации местного самоуправления, западноевропейским принципам муниципального устройства. В своей муниципальной программе эсеры исходили из того, что «местное самоуправление должно иметь возможно большую сферу компетенции, в возможно большей степени должна проявляться его самостоятельность. Оно должно иметь, по возможности, право самостоятельного обложения, должно иметь право объединяться в самостоятельные союзы, составлять определенные федеративные организации, союзы земств, союзы городов, областные ячейки» (Партия социалистов-революционеров. Т. 3. Ч. 1. С. 162, 163). Муниципальной подсекцией были приняты тезисы по докладам В.Е. Трутовского и Ф.А. Данилова «Общее положение о местном самоуправлении» (См.: Там же. С. 608).

¹³ Трутовский Владимир Евгеньевич (1889—1937). Левый эсер, в дальнейшем один из лидеров партии левых эсеров. Член ПСР с 1908 г. В 1911 г. сослан в Архангельск. Журналист и специалист в области земского и городского самоуправления. Официальный издатель журнала «Современник», начиная с пятого его номера. В 1917 г. член Петербургского Комитета ПСР. С августа 1917 г. член редколлегии газеты «Земля и Воля» и журнала «Наш Путь». После I-го и II-го съездов ПЛСР был членом финансовой и издательской комиссий ЦК ПЛСР. В течение нескольких месяцев занимал пост наркома по городскому и местному самоуправлению в Советском правительстве и одновременно входил в состав «Малого Совнаркома». Занимался теоретической работой, готовил программу партии, участвовал в совещаниях, митингах, конференциях ПЛСР, несколько раз в 1918—1920 гг. был арестован. В 1923 г., протестуя против высылки в Монголию, неудачно пытался в тюрьме кончить жизнь самоубийством. Был сослан в Алма-Ату. С 1925 г. жил в Полтаве и руководил нелегальной деятельностью ПЛСР. В 1933 г. снова арестован и заключен в политизолятор. После освобождения заведовал отделом типографии ОГИЗ. В 1937 г. арестован в Алма-Ате и расстрелян.

На III съезде ПСР выступал первым из докладчиков по вопросам местного самоуправления. Посвятив свой доклад «нескольким общим абрисам, некоторым общим основаниям организации местного самоуправления в связи с политикой партии социалистов-революционеров и с ее общими программными положениями», сформулировал основополагающий принцип эсеровской муниципальной программы следующим образом: «Из всего строя нашего мировоззрения, из всех наших взглядов на природу общежития, которое должно в наименьшей степени стеснять автономную человеческую личность, вытекает тот вывод, что органы центральной власти должны иметь при данных условиях возможный минимум принудительной власти. И задача общежития в конечном счете должна заключаться в том, что нужно создать возможно более мелкие ячейки и все, что может производиться на местах, все, что может производиться местными людьми и в местных интересах, — все это должно быть передано на разрешение местных людей; местными средствами; за государственной властью остаются только меры общего значения». Отстаивал принцип «контроля за целесообразностью действий местных самоуправлений со стороны самих избирателей путем права «народного иска», а не надзора чиновников» (Партия социалистов-революционеров. Т. 3. Ч. 1. С. 152–154).

¹⁴ Мохов (Лившиц) С.Я. Кандидат математических наук, литератор, член Петроградского комитета ПСР и Совета рабочих и солдатских депутатов. Кандидат в Учредительное собрание от Владимирской губернии, член мандатной комиссии 8-го Совета партии в 1918 г., член Московского Областного комитета ПСР.

В докладе на III съезде ПСР, посвященном социализации земли в городах, исходил из того, что «муниципальная программа должна быть построена в размере нашей программы-минимум», «иной подход невозможен, иначе мы должны сказать, что рассчитываем на революцию социалистическую». Программу решения основного вопроса для городов — жилищного, строил на следующих основаниях: «обобществление жилищ далеко переходит муниципальную политику»; «обобществление жилищ городским управлением есть не что иное, как то, что делают управляющие домов. Это не есть решение жилищного вопроса»; отсутствие в городах доступных для рабочего по цене квартир обусловлено высокой ценой на землю и с этой точки зрения этот вопрос «может идти по направлению определенно организованного государственного муниципального строительства. Тут должен быть решен основной кардинальный вопрос — земельный. Только тогда, когда земля будет обладать возможностью такого строительства, только тогда жилищный вопрос будет сдвинут с места»; этот вопрос может быть решен только вместе с решением общего земельного вопроса в России и у партии эсеров «тут должна быть одна общая, до конца продуманная программа»; «подобно тому, как существует трудовая норма пользования землей, не облагаемая налогом, точно так же должна существовать и жилищная норма пользования землей, не облагаемая налогом»; «Для нас решение земельного вопроса в этой плоскости сводится к тому, чтобы поощрять к коллективному строительству, к тому, чтобы, [...] дать право каждому гражданину на землю. Конечно, подводить земельный вопрос к казарменному устройству нам не приходится, но для нас ясно, что рабочим массам поместиться в больших квартирах невозможно. Установив определенную норму, которая отвечала бы сложившимся бытовым условиям, требованиям санитарии и пр., мы даем возможность

расширить строительство города» (Партия социалистов-революционеров. Т. 3. Ч. 1. С. 176–180). Муниципальной подсекцией были приняты тезисы по докладу Мохова «Социализация земли в городах» (См.: Там же. С. 607).

¹⁵ Прилежаев Иван Александрович (1881–1946). Учился в Ново-Александррийском сельскохозяйственном институте (отчислен после ареста в 1900 г.), на сельскохозяйственном отделении Киевского Политехнического института (отчислен вследствие ареста в 1903 г.), в Киевском Политехническом институте в качестве вольнослушателя (окончил в 1915 г.). В ПСР с 1902 г. Осенью 1905 г. вошел в Киевский Областной комитет ПСР. В 1907–1908 гг. член Крымского Областного комитета. По обвинению в революционной деятельности неоднократно подвергался арестам, тюремному заключению и ссылкам. В марте 1917 г. кооптирован в Киевский губернский комитет ПСР. После избрания на III съезде партии в ЦК переехал в Петроград, постановлением ЦК после III съезда был введен в состав редакции «Дела народа». Вскоре «примкнул к левой группе, которая вела энергичную, но безуспешную борьбу с Черновым, Керенским и друг.», постепенно стал отстраняться от работы в ЦК и основное внимание уделять деятельности в профессиональных союзах Петрограда и в партийной прессе. На IV партийном съезде вновь избран в ЦК, но заявил о выходе как из него, так и из партии. После октября 1917 г. на работе в семенном бюро Наркомзема и в отделе сельскохозяйственных машин в Наркомпроде. В июле 1918 г. арестован ВЧК в связи с левозэсерским выступлением, но через полтора месяца заключения освобожден под поручительство А.Д. Цюрупы и О.Ю. Шмидта. Осенью 1918 г. командирован в Киев в комиссию по ведению переговоров с гетманом Скоропадским. После падения гетмана остался в Киеве и вступил в организацию «Борьбистов». В 1922 г. в газете «Киевский пролетарий» официально заявил о полном согласии с программой и тактикой коммунистической партии. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. В 1923 г. выступал на съезде бывших членов партии эсеров, на котором призывал к вступлению в коммунистическую партию. В июне 1931 г. принят кандидатом в РКП(б).

На III съезде ПСР в докладе о социально-экономической политике партии подчеркивал, что в условиях разрухи, которая может привести революцию и страну к катастрофе, «для нас, как для социалистов, момент классовой борьбы и, как для политических деятелей, момент развития производительных сил имеют огромное значение», причем полагал, что «центр тяжести социально-экономической тактики в русских условиях именно во втором тезисе — в развитии производительных сил», «потому что сейчас вне развития производительных сил, без практической политики, укреплять и развивать классовую борьбу мы не сможем, так как она в высшей степени соподчинена моменту развития производительных сил». В заключение своего обширного доклада, в котором был дан анализ экономического положения страны и предложены конкретные меры по решению основных проблем экономического развития, призвал «к конкретной работе», ибо «нам нужно показать, что мы можем не только представлять письменные программы и проекты, но, вместе с тем, и осуществлять их в интересах всей страны. [...] Жизнь, интересы страны, демократии и революции требуют от нас конкретной, реальной работы и реальных результатов, иначе мы будем раздавлены стихией разрухи» (Партия социалистов-революционеров. Т. 3. Ч. 1. С. 183, 197).

¹⁶ Маслов Семен Леонтьевич (1873–1938). Член ПСР с 1902 г. С 1914 г., после отбывтия 3-летнего заключения, работал в сельскохозяйственной кооперации в Москве. С мая 1917 г. член Исполкома Всероссийского СКД. В октябре стал министром земледелия, сменив на этом посту В.М. Чернова. 26 октября 1917 г. арестован в Зимнем дворце вместе с другими членами Временного правительства, вскоре освобожден. Подписал обращение подпольного Временного правительства «Ко всем гражданам России», за что был арестован и выслан в Кронштадт. На III съезде ПСР был избран в состав аграрной комиссии, от имени которой представлял съезду резолюцию по аграрному вопросу (принятую съездом в результате обсуждения и внесения поправок резолюцию см.: Партия социалистов-революционеров. Т. 3. Ч. 1. С. 602–603). Делегат IV съезда ПСР, затем от политической деятельности отошел. С 1926 г. профессор института народного хозяйства им. Плеханова. В 1930 г. арестован и отправлен в ссылку на 3 года, которую отбывал в Казахстане и Уфе, в 1934 г. вернулся в Москву. В 1938 г. арестован и расстрелян.

¹⁷ Ракитников Николай Иванович (1864–1938). В 1881–1885 гг., будучи студентом естественного факультета Петербургского университета, участвовал в кружках самообразования, а с 1885 г. стал членом рабочей группы «Народной Воли». В 1887 г. арестован и после годичного тюремного заключения сослан в вологодскую, затем в астраханскую губернию. После ссылки поселился в Саратове, где активно участвовал в работе группы народолюбцев и оказывал некоторые услуги партии «Народное право». В 1901 г. вместе с женой принял активное участие в работе группы эсеров, выполнявших с момента создания ПСР функции ее ЦК. Через год привез за границу свой проект партийной программы, но в ходе длительных дебатов был составлен компромиссный вариант, учитывавший также вариант В.М. Чернова. В марте 1903 г. вернулся в Россию, вел организационную партийную работу и работу в крестьянстве. В партии снискал себе известность и авторитет как “массовик”, специалист по аграрно-крестьянскому вопросу, талантливый публицист и защитник эсеровской ортодоксии. В годы Первой мировой войны активно отстаивал в эмигрантской прессе интернационалистские позиции. Опасаясь ареста со стороны властей, уехал в Россию, где был арестован и отправлен в ссылку. После Февраля 1917 г. организовал Саратовский комитет ПСР, затем был делегатом III съезда ПСР, на первом заседании которого был избран председателем Президиума. В своей первой речи заявил, что «и на местах, и в центре перед партией стоит задача браться не только за свое обычное дело, но и за органическое строительство страны», и призвал несмотря на разногласия все же «найти ту линию, которая объединит всю партию для общей работы» (Партия социалистов-революционеров. Т. 3. Ч. 1. С. 142, 143). Товарищ министра земледелия в коалиционном составе Временного правительства. К октябрьскому перевороту отнесся отрицательно, ратовал за создание коалиционного социалистического правительства и считал совершенно недопустимым применение против большевиков террора. На IV съезде ПСР был вновь избран в ЦК. В январе 1919 г. обратился с призывом прекратить вооруженную борьбу с большевиками и сосредоточиться на военных действиях против Колчака, отстаивал эти взгляды на IX Совете. Не найдя поддержки, вышел из ЦК ПСР и создал группу «Народ». В конце 1919 г. переехал в Саратов, где работал в губернском статистическом бюро, фактически прекратив заниматься политической деятельностью. С 1922 г. жил в Москве, работая статистиком и экономистом. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с

организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело прекращено по амнистии 27 февраля 1919 г. Арестован 3 апреля 1922 г., содержался во Внутренней тюрьме ГПУ. На процессе выступал в роли свидетеля. В 20–30-е годы был членом народовольческого кружка при Московском отделении общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, входил в редколлегия сборников, посвященных «Народной воле». В начале 1937 г. арестован и приговорен к 5 годам исправительно-трудовых лагерей, в апреле 1938, уже находясь в Красноярском крае, приговорен к расстрелу.

В докладе на III съезде партии заявлял, «что крестьянство довольно спокойно принимает тот лозунг, который в самом начале был выдвинут нашей партией, т.е. ожидать окончательного решения аграрного вопроса от Учредительного собрания». Но поскольку аграрное движение все же развивается и направлено оно против помещичьего землевладения, забота эсеровской партии «должна быть направлена на то, [...] чтобы в этом процессе постепенной ликвидации частного землевладения и частного хозяйства не пострадали производительные силы страны, чтобы не пострадали некоторые отдельные производства, некоторые наиболее ценные культуры, некоторые хорошо организованные хозяйства, которые, [...] желательно удержать в их настоящем виде» (Партия социалистов-революционеров. Т. 3. Ч. 1. С. 373, 376).

¹⁸ Быховский Наум Яковлевич (Июким Шебшелович) (1875/1876–1943). Революционную карьеру начал по время учебы в фельдшерской школе в Чернигове, и в последующие 10 лет неоднократно подвергался арестам и ссылкам. В ПСР вступил в конце 1901 г., находясь в ссылке в Иркутске, летом 1902 г. вернулся в Европейскую Россию для продолжения партийной работы. Неоднократно арестовывался, был выслан за границу. С лета 1907 г. работал в петербургском комитете ПСР, затем в качестве уполномоченного ЦК был направлен в Баку. В начале 1909 г. после окончания срока ссылки легализовался и вел партийную, профсоюзную и литературную работу в столице. В июле 1914 г. сослан в Сибирь. После Февраля 1917 г. вернулся в Петроград, стал одним из организаторов и руководителей Всероссийского Совета крестьянских депутатов и членом Президиума его Исполкома и редакции «Известий Всероссийского совета крестьянских депутатов». На III съезде партии был избран кандидатом в члены ЦК, а затем кооптирован в его состав. В 1918 г. выехал в Сибирь, работал в Сибирской областной думе, принимал участие в свержении Колчака, являлся министром земледелия в правительстве Политцентра. В 1920–1923 гг. преподавал в Иркутском университете и получил звание профессора по кафедре политэкономии и экономической политике. В 1922 содержался в Иркутском политизоляторе. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности, но на процесс выведен не был. В марте 1923 г. сослан в Казань. В декабре освобожден «с выездом за границу». В феврале 1924 г. вновь арестован. Находился в Таганской тюрьме. В 1937 г. на поселении в г. Тара Омской области. В том же году арестован и приговорен к расстрелу.

На III съезде партии выступил с докладом вместо не сумевшего прибыть на заседание П.А. Вихляева. В своем выступлении «с уверенностью констатировал», «что народно-правовые основы вполне подготовлены для предстоящей реформы социализации земли, но те препятствия, которые имеются, заставят в некоторых местах сделать некоторые отклонения, заставят, быть может, несколько отсрочить этот процесс. [...] В этом отношении задачи государства и задачи, в частности,

министерства земледелия должны заключаться в том, чтобы помочь общинникам выйти из нынешнего хозяйственного кризиса, оказывать им всяческую поддержку как кредитом, так и сельскохозяйственными орудиями и семенами. [...] Загнать штыками в общину мы не можем, но те преимущества, которые будет давать государство в области кредита и вообще в области земли, должны быть на стороне общины». В области практической необходимо реорганизовать земельные комитеты, удалив оттуда цензовые элементы, «обследовать поземельные отношения в революционную эпоху» (Партия социалистов-революционеров. Т. 3. Ч. 1. С. 384, 387).

¹⁹ Совет партии по уставу считался следующей партийной инстанцией после съезда, и состоял из пяти членов ЦК, представителей всех областных комитетов, а также Московского и Петербургского комитетов ПСР. С совещательным голосом на Совете партии могли присутствовать уполномоченные ЦК в областях и представители некоторых крупных партийных структур (ЦО, БО, ЦОБ и др.). Совет партии созывался по инициативе ЦК или половины от общего числа областных организаций партии для «обсуждения и решения неотложных вопросов тактики и организации, предусмотренных партийным съездом или вновь выдвинутых изменившимися условиями жизни, а также для решения вопросов об исключении из среды партийных организаций...» Его постановления имели обязательное значение для всех партийных организаций и могли быть отменены только съездом. Первый и Второй Советы партии были проведены перед выборами в I и II Государственные думы. III Совет (июль 1907 г.) определил тактику партии в изменившихся общественно-политических условиях «третьейюньской монархии». IV Совет партии (август 1908 г.) одобрил постановления I Общепартийной конференции. Последним в дореволюционный период был V Совет партии (май 1909 г., Париж), который как отмечали сами эсеры, был связан не с новой полосой общественного развития, требующей новой теоретической и тактической оценки, а с необходимостью проведения внутрипартийных организационных мероприятий в связи с разоблачением провокаторства Е.Ф. Азефа. VI Совет партии состоялся в Петрограде 30 апреля — 1 мая 1917 г. VII Совет партии прошел в августе 1917 г. в Петрограде. VIII Совет партии прошел в полуполюгальных условиях в мае 1918 г. в Петрограде, приняв решение о вооруженной борьбе с большевистской диктатурой. IX Совет партии состоялся в июне 1919 г. в Москве. Последний, X Совет партии был проведен в августе 1921 г. в Самаре, нацелив партию на собиранье сил и организацию масс при временном отказе от вооруженных форм борьбы.

²⁰ Воронов (наст. фамилия Лебедев) Б.В. Член ПСР, в 1909 г. на V Совете партии был избран в состав ЦК, в партии считался одним из ведущих теоретиков по профессиональному и кооперативному движению. Входил в группу «Почин», сотрудничал в «Знамени труда», «Заветах», «Живой мысли», «Заветной мысли» и др. В годы Первой мировой войны — оборонец, входил в состав редакции журнала «Призыв», издававшегося совместно оборонцами меньшевиками и эсерами.

В докладе на III съезде партии подчеркивал, что для практической борьбы с продовольственной разрухой «необходимо, чтобы промышленная и торговая жизнь страны регулировалась из единого центра, чтобы государство начало вмешиваться во все экономические отношения, чтобы оно взяло в свои руки монополию целого ряда отраслей торговли и целого ряда отраслей промышленности и производства, имеющего основное значение в хозяйственной жизни страны; [...] чтобы были причислены к контролю над производством демократические слои

населения, в частности объединенные рабочие союзы; необходимо также, чтобы была фиксирована предпринимательская прибыль и заработная плата и чтобы были установлены твердые цены на все продукты как сельского хозяйства, так и индустриального». Говоря об одном из необходимых условий для этого — наличии организации рабочего класса, подчеркивал: «С моей точки зрения, настоящей организации рабочего класса в России не существует. [...] нам приходится признать, что классовой организации в том смысле, в каком она нужна для борьбы с экономической разрухой, у нас еще не имеется. [...] Поэтому перед нами в области рабочей политики стоит совершенно ясная и определенная задача, которая сводится к усиленной борьбе против всяких попыток распылить рабочее движение, выдумывать утопические планы социализации фабрик и заводов» (Партия социалистов-революционеров. Т. 3. Ч. 1. С. 391, 395, 396). Считал, что только в том случае удастся выйти из тупика, в котором находится Россия, если рабочий класс «станет на почву дельной, реальной организации, если в России начнется энергичная работа над созданием профессиональных организаций и над созданием единого профессионального центра и действительно широких политических организаций рабочего класса» (там же. С. 396). Считал, что в условиях, когда многие пункты программы партии, будучи «теоретически совершенно правильными, фактически являются неосуществимыми», «необходимо, чтобы в будущем Центральным Комитетом была организована рабочая комиссия, которая должна будет детально разработать нашу рабочую программу, приспособить ее к современным условиям русской действительности и передать ее на рассмотрение специальной конференции, которую следует собрать по этому поводу» (там же. С. 397).

²¹ Розенблюм (Фирсов-Розенблюм) Дмитрий Самойлович (1873—?). Член ПСР с 1905 г. (до этого в 1898—1903 гг. был членом РСДРП). В 1910 г. окончил юридический факультет Московского университета. В марте 1917 г. избран в Президиум Московского СР и СД. На III съезде ПСР избран в ЦК. Член бюро ВЦИК 1-го созыва. «С весны 1918 года (после Брестского мира) по осень 1918 года (разгона Учредилки Колчаком) Розенблюм держался правой ориентации (правее, чем ЦК ПСР)». Вышел из эсеровской партии «после колчаковского переворота [...] и с тех пор отошел от партийной работы» (см.: ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 5. Л. 422—424). До февраля 1921 г. работал в Центросоюзе (Омск, Владивосток, Севастополь, Симферополь). С марта 1921 г. заведующий Экономическим отделом Главного управления сельскохозяйственной кооперации и научный сотрудник Института советского права. В апреле 1921 г. арестован ВЧК как бывший член ЦК ПСР, вскоре освобожден ввиду отсутствия «материалов для дальнейшей разработки». 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Тогда же арестован как «член ЦК ПСР в 1918 г.» Дело прекращено по амнистии 27 февраля 1919 г.

Темой его доклада на III съезде партии было «рабочее движение в революционное время в области экономических отношений». Особенностью переживаемого момента считал тот факт, что «экономически рабочий класс был слабо организован, но, слабо организованный в экономическом отношении, он организовался в политическом отношении, и слабость своей экономической организации он восполнил силой своего политического влияния». Анализируя конкретные случаи борьбы рабочих за свои права и организацию производства, полагал, что «профес-

сиональные союзы должны объединить фабрично-заводские комитеты, и, таким образом, фабрично-заводские комитеты станут в будущем отделениями профессиональных союзов». В числе способов «демократической организации промышленности» называл заводские совещания, которые из органов, «озабоченных снабжением сырым материалом только заводов, работающих на оборону, должны превратиться в совещания, которые бы заботились о снабжении всеми предметами потребления для всего населения как для фронта, так и для тыла, и все более широкое участие в них рабочих; биржи труда, которые должны производить полный учет рабочих сил (См.: Партия социалистов-революционеров. Т. 3. Ч. 1. С. 399, 400, 406–408). Тезисы доклада Розенблюма были опубликованы в приложениях к стенографическому отчету о III съезде ПСР (См.: Там же. С. 610–611).

²² Брюллова-Шаскольская Надежда Владимировна (1886–1937). Окончила историко-филологическое отделение Высших женских (Бестужевских) курсов, преподавала в Петрограде в гимназиях и Народном университете, занималась научной работой. Член ПСР с 1910 г. Пользовалась известностью как специалист по национальному вопросу. С лета 1917 г. член Петроградского губернского комитета ПСР. После партийного раскола в ноябре избрана его председателем. Участвовала в IV-м съезде партии. Осенью 1918 г. выехала на Украину. В 1919–1920 гг. преподавала в Харьковском университете, с 1921 г. — в вузах Петрограда. К процессу ПСР не привлекалась. В 1922 г. арестована и административно выслана в Среднюю Азию. Проживая в Ашхабаде и Ташкенте, занималась научной и музейной работой. По возвращении в Ленинград работала переводчиком. В 1933 г. повторно арестована и послана в Ташкент. После ареста в 1937 г. приговорена к расстрелу.

В докладе на III съезде ПСР призывала, прежде всего, различать понятия России как нации и России как государства, подчеркивая, что они отнюдь не тождественны. Считала, что «нация есть социальная среда личности, личность развивается тем путем, что она чувствует свою связь с целой массой других личностей, которые находятся около нее. [...] Личность определяет сама себе, к какому национальному комплексу она принадлежит, с кем она чувствует себя более всего связанной. Правильно будет определение такое: национальность есть ощущение личности, благодаря которому она причисляет себя к известному человеческому комплексу, к известной сумме других личностей. Нация есть совокупность вместе живущих личностей, у которых, в силу ли исторических условий или в силу настоящего, в силу того, что, обладая общим языком, они создавали в течение десятилетий известную общую национальную культуру, общую литературу, общий язык, общий быт, и не только создавали, потому что прошлое есть нечто косное, но и собираются создавать. Нация есть нечто вечно живое, будущее». В области практической целью партии должна быть «федеративная республика», но каждой нации должно быть предоставлено «на ее учредительном собрании выявить ее волю: имеет ли она автономию, не связанную с территорией» (Партия социалистов-революционеров. Т. 3. Ч. 1. С. 424, 427). Тезисы к докладу Брюлловой-Шаскольской III съезду ПСР были опубликованы в приложениях к стенографическому отчету о III съезде (См.: там же. С. 614).

²³ Зензинов Владимир Михайлович (1880–1953). В 1899 г. уехал учиться за границу и стал одним из активных членов кружка Н.Д. Авксентьева. В январе 1904 г. вернулся в Москву, стал одним из руководителей МК ПСР и «агентом ЦК», затем в январе 1905 г. был арестован, сослан, бежал из ссылки, был кооптирован в ЦК,

участвовал в Декабрьском вооруженном восстании, в I съезде ПСР, вступил в БО ПСР, в 1906 г. был арестован и приговорен к 8 годам каторги, замененной пятилетней ссылкой в Сибирь. В 1907 г. бежал, в эмиграции был близок к руководящему ядру партии. В 1909–1910 гг. в качестве члена ЦК ПСР работал в России, где был арестован и сослан в Якутию. В 1915–1917 гг. жил в Москве и Петрограде, где занимался партийной и литературной работой. После Февраля 1917 член редколлегии «Дело народа» и «Партийные известия», на III и IV съездах ПСР избирался членом ЦК. После октября 1917 г. покинул II Всероссийский съезд Советов. Член «Комитета спасения родины и революции», депутат Учредительного собрания. После разгона Учредительного собрания весной-летом 1918 г. редактировал издававшиеся в Москве эсеровские газеты, а затем уехал в Самару, где вошел в состав Комуча. С октября 1918 г. член Директории, но в ноябре после колчаковского переворота арестован и выслан из России. С начала 1919 г. — во Франции. В руководстве эсеровской партии занимал правоцентристские позиции (выходил из ЦК ПСР в знак протеста против решения IX Совета партии приостановить вооруженную борьбу против большевиков, затем осенью 1920 г. вернулся в его состав). 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело было выделено за нахождением обвиняемого за границей. С началом Второй мировой войны эмигрировал в США, где продолжал заниматься литературно-политической деятельностью.

Доклад на III съезде партии начал с утверждения о том, что ПСР «явилась законной наследницей всего предшествующего русского революционно-социалистического движения», причем своеобразный характер ей придают две особенности — «заветы русского революционного движения и принципы современного международного социализма». Затем остановился на основных этапах взаимоотношений эсеров с социал-демократами, трудовиками и энесами. По мнению Зензинова, на решение вопроса об отношении к этим партиям, должны повлиять «два обстоятельства: огромный успех и рост нашей партии, во-первых, и близость Учредительного собрания и выборов в него, во-вторых». Как «сила, быстро растущая», ПСР «должна быть одновременно и силой определенной», но в то же время не должна отказываться в принципе от идеи единой социалистической партии, ибо «распыление и дробление социалистических сил в России всегда казалось одним из самых отрицательных моментов в деле практического социализма в России». Но это вопрос не ближайшего будущего, он может быть поставлен на повестку дня лишь после воплощения в жизнь аграрной программы эсеровской партии. В то же время вопрос о временной и местной блокировке с социалистическими партиями должен быть передан на усмотрение местных организаций, ибо это «вопрос не столько принципиального отношения к другим социалистическим партиям, сколько тактического» (См.: Партия социалистов-революционеров. Т. 3. Ч. 1. С. 513, 516–518).

²⁴ Аргунов Андрей Александрович (1866–1939). Учился на юрфаке Московского университета, один из руководителей «Союза социалистов-революционеров», основатель газеты «Революционная Россия», позже ставшей центральным органом ПСР. Накануне своего ареста в декабре 1901 г. принял в члены Союза Е.Ф. Азефа и передал ему все связи и полномочия. В 1905 г. бежал из Сибири и был кооптирован, а на I съезде избран в ЦК ПСР. В январе 1909 г. после разоблачения Азефа вместе с другими членами ЦК подал в отставку. В 1909–1914 гг. яв-

лялся членом Заграничной Делегации ЦК ПСР, руководителем Транспортной комиссии, снабжавшей российских эсеров нелегальной литературой, и одним из редакторов ЦО ПСР «Знамя труда». В годы первой мировой войны был оборонцем, участвовал совместно с рядом видных эсеров и меньшевиков в издании журнала «Призыв». После Февраля 1917 г. вернулся в Россию, занимал позицию на правом партийном фланге, входил в редакцию ЦО ПСР «Воля народа». От имени «Организационного совета петроградской группы ПСР» опубликовал в сентябре 1917 г. воззвание, где обвинял ЦК в пораженчестве и максимализме и призывал сторонников подобного взгляда организовываться и, может быть, даже готовиться к отдельному съезду, что фактически могло означать раскол партии. Энергично боролся с большевиками, за что дважды был арестован (в конце 1917-го и в начале 1918 г.). Был одним из основателей «Союза Возрождения России». Член Учредительного собрания, входил в состав «Временного Всероссийского правительства» (Директории) вплоть до ареста в Омске во время переворота адмирала А.В. Колчака, после чего был выслан за границу, где продолжал занимать позиции, неприемлемые для большинства членов партии. Автор книги «Между двумя большевизмами», вышедшей в Париже в 1919 г. Привлекался по процессу над эсерами, дело было выделено в связи с нахождением за границей. В 1922 г. вышел из ПСР и вместе с С.С. Масловым создал организацию «Крестьянская Россия», в 1927 г. конституировавшуюся в партию, которая ставила своей целью помощь крестьянам в их борьбе против коммунистического ига — за «национально-правовую и демократическую Россию».

При обсуждении на III съезде ПСР вопроса об организационном уставе присоединился к «мнению президиума, что обсуждать его сейчас по существу невозможно, и [...] к тому, чтобы эта работа была поручена Центральному Комитету, чтобы она была проведена через особую комиссию при участии, по возможности, всех местных работников». Ввиду предложения передать Совету партии право «разработать и санкционировать организационный устав партии», подробно обосновал свой принцип конструирования ближайшего совета. Старый способ представительства, «суть которого в том, что представителями во всей партии являются областные организации, посылающие каждый по 3 представителя плюс представительство Центрального Комитета с 5-ю решающими голосами, затем представительство парламентской фракции, затем представительство крупных организаций — Москвы и Петрограда — неудовлетворительна», т.к. «к ближайшему совету партии мы не будем иметь областей, которые охватывали бы все партийные организации России». Кроме того кардинально изменился характер партии — она стала легальной и центр тяжести «переносится на местные организации, таким образом, представительство от областей будет не реальным голосом самой партии, ибо самое настоящее представительство будет там, на местах, в губернских организациях». В силу этого предлагал созвать ближайший совет партии на следующих основаниях: «все губернские организации посылают по одному представителю плюс такое же представительство от крупных городских организаций, каковыми считаются петроградская и московская организации», возможно также участие «других организаций, которые, может быть, могут считаться равноценными организациями. Эти представители по одному от организации должны быть избираемы на конференцию» (Партия социалистов-революционеров. Т. 3. Ч. 1. С. 573, 578, 579). В результате бурных прений было решено, что «организационный устав рассматривается и вводится как временный

организационный устав на ближайшем расширенном совете партии». Предложенный Аргуновым принцип формирования ближайшего Совета партии был большинством голосов отвергнут и было решено, что «Совет партии составляется из 5-ти членов Центрального Комитета, представителей фронта и представителей всех областей, пропорционально имеющемуся количеству членов» (Там же. С. 576, 581).

²⁵ Руднев Вадим Викторович (1879–1940). За участие в студенческих волнениях 1899 г. был исключен из Московского университета и продолжил образование в Германии. В 1902–1905 гг. в Иркутской ссылке. С начала 1905 возглавлял Московскую организацию ПСР, участвовал в декабрьском вооруженном восстании, в работе I съезда партии. Дважды арестовывался. После I съезда партии был кооптирован в ЦК и активно работал в России до ареста в ноябре 1908 г. Отбыв четыре года ссылки в Енисейской губернии, к партийной работе решил не возвращаться, выехал за границу для продолжения медицинского образования. С началом Первой мировой войны отправился в Россию через Балканы, был направлен врачом на госпитальное судно. После Февраля 1917 г. возглавил МК ПСР, член Президиума Моссовета, в июле 1917 г. избран московским городским головой. В качестве председателя Комитета общественной безопасности, созданного 25 октября 1917 г., стремился превратить Москву в центр борьбы с большевиками и организовал вооруженное сопротивление. На IV съезде ПСР выступал по вопросу об уставе партии, отстаивая принцип децентрализации при соблюдении единства программы и тактики, а также внутрипартийной дисциплины. После разгона Учредительного собрания вступил в «Союз возрождения России», являлся сторонником идеи «единого национально-демократического фронта против большевиков». Весной 1919 г. эмигрировал и примыкал к правому крылу эсеров. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нахождением за границей. В эмиграции был одним из руководителей Земгора, уделял много времени работе в «Современных записках», став с 1936 г. единоличным администратором журнала, а затем фактически и единоличным редактором. После оккупации Парижа немцами покинул его, будучи уже тяжелобольным, но эмигрировать в США не успел.

На III съезде ПСР был председателем организационной секции и от имени президиума огласил следующие предложения относительно пересмотра устава партии: «1) отказаться от обсуждения организационного устава по существу, как неосуществимого в известных ненормальных условиях, далее 2) передать обсуждение организационного устава на ближайший совет партии и 3) чтобы это формально было бесспорно, постановлением съезда это полномочие передать ближайшему 7-му совету партии» (Партия социалистов-революционеров. Т. 3. Ч. 1. С. 573).

²⁶ Зак Сергей Сергеевич (1867–1930). В революционном движении с 80-х годов XIX в. Член ПСР с начала 900-х годов. В годы первой русской революции член Одесского городского комитета ПСР, один из редакторов газеты «Известия рабочих депутатов». Один из теоретиков партии по аграрному вопросу. В 1908 г. выслан за границу. В 1917 г. один из лидеров одесских эсеров, на III съезде ПСР входил в комиссию по аграрному вопросу, выступал по вопросу о войне, аграрному вопросу; на VII Совете партии голосовал за платформу левых. Из-за отказа вместе с группой с.-р. выполнить решение ЦК о неучастии во 2-м Всероссийском съезде Советов был исключен из партии. От фракции левых эсеров входил в президиум

съезда, а затем во ВЦИК, но в декабре 1917 г. оказался вне ПЛСР. В 1918–1922 гг. в числе руководителей Херсонского губкома и Одесской организации украинских левых эсеров, сотрудничал в «Одесских новостях», преследовался при Скоропадском, Врангеле и французскими оккупационными властями. Вскоре отошел от политической деятельности. Работал в различных статистических и экономических организациях.

²⁷ Согласно уставу партии, принятому на I Съезде ПСР (декабрь 1905 г. — январь 1906 г.), Центральный Комитет являлся ее идейным и практическим руководителем на основании директив, выработанных партийным съездом. В задачи ЦК входила организация новых партийных групп, руководство деятельностью всех партийных организаций, разбор конфликтов между ними, назначение редакторов Центрального органа партии и представителя в Международном Социалистическом Бюро, организация и ведение общепартийных дел, заведование центральной кассой и ведение переговоров с другими партиями. ЦК наделялся правами роспуска местных комитетов при нарушении ими программы и устава партии, а также имел право образовывать новую партийную организацию и создавать комитет при условии поддержки его решения Советом партии. Примечательно свидетельство А.А. Аргунова, сделанное им в 1924 г. о ЦК ПСР образца 1905 г.: «Я не могу сейчас установить точную цифру, да и вряд ли кто в состоянии сделать это, так как в это время, когда решено было собраться всем членам ЦК на заседание (заседания были и в Москве и в Питере отдельно), то не смогли припомнить, кто состоит членами и в конце концов позабыли пригласить одного или двух лиц. В состав ЦК входили старики и значительное число молодых. Весь этот коллектив был кооптированный и образовался постепенно из первоначального ядра нескольких стариков. Члены ЦК жили в разных местах, редко виделись и никогда *in completo* не собирались». В 1902–1905 гг. (по подсчетам М.И. Леонова) в этот круг входило 39 человек (данные Н.Д. Ерофеева дают право расширить этот круг за счет Н.С. Русанова и Е.Е. Колосова, а кроме того необходимо еще добавить П.С. Поливанова), из которых подавляющая часть являлась членами ЦК — 31 человек, уполномоченными ЦК — 5 человек (многие совмещали членство в ЦК с обязанностями уполномоченного или руководителя какой-либо структуры партии — Центрального военного бюро, Орг. бюро, БО ПСР, Крестьянской Комиссии при ЦК, Заграничной организации и т.д.). Кроме того, в этот круг руководителей партии включали представителя партии в МСБ II Интернационала (И.А. Рубановича) и секретаря Заграничной Организации (А.Н. Баха), в состав ЦК не входивших. По данным М.И. Леонова, уполномоченными ЦК без членства в нем были В.К. Агафонов, Б.Г. Билит, А.Р. Гоц, В.В. Руднев (уполномоченный ЦК по орг. вопросам в Петербурге), И.И. Фондаминский, Я.Л. Юделевский. Членство в ЦК и обязанности уполномоченного совмещали А.И. Альтовский, А.О. Бонч-Осмоловский, Е.К. Брешко-Брешковская, В.М. Зензинов, Е.Е. Лазарев (член ЦК в 1902–1903 гг.), В.В. Леонович, О.С. Минор (чрезвычайный уполномоченный ЦК), В.С. Панкратов, А.В. Прибылев, Н.С. Тютчев (уполномоченный ЦК за границей летом 1905 г.), Н.В. Чайковский. Членство в ЦК с другими руководящими функциями совмещали Н.Д. Авксентьев, Е.Ф. Азеф (руководитель БО ПСР в 1903–1908 гг.), Ф.В. Волховский (соредактор ЦО ПСР, член Центрального военного бюро), А.В. Геденовский (руководитель Заграничной организации), Г.А. Гершуни (руководитель БО ПСР в 1901–1903 гг.), М.Р. Гоц (соредактор ЦО ПСР),

В.М. Зензинов (лидер Московского комитета), П.П. Крафт (лидер Организационного бюро), С.Ф. Михалевич (руководитель Центрального военного бюро), М.А. Натансон (заведовал партийными финансами), Н.И. Ракитников (руководитель Крестьянской комиссии при ЦК), Б.В. Савинков (зам. руководителя БО в 1904—1905 гг.), А.И. Потапов (руководитель Орг. бюро при ЦК ПСР), В.М. Чернов (редактор ЦО ПСР). Только членами ЦК являлись А.А. Аргунов, П.С. Ивановская-Волощенко, М.Ф. Селюк, С.Н. Слетов, А.Ю. Фейт, Л.Э. Шишко, А.В. Якимова, Е.Е. Колосов.

В годы революции происходят некоторые изменения, в частности, резко ограничивается количество членов ЦК. Пятеро его членов выбирается на партийном съезде, и еще пять человек выбранные члены имели право кооптировать по своему усмотрению. На I съезде ПСР, состоявшемся в декабре 1905 — январе 1906 г., в ЦК были избраны В.М. Чернов, А.А. Аргунов, Е.Ф. Азеф, М.А. Натансон, Н.И. Ракитников и кооптированы П.П. Крафт (по данным Н.Д. Ерофеева), Б.В. Савинков, С.Н. Слетов. По поводу персонального состава ЦК в 1907—1908 гг. в литературе имеются разногласия. По проведенным нами изысканиям, на II съезде партии (февраль 1907 г.) в ЦК были избраны Г.А. Гершуни, М.А. Натансон, Е.К. Брешко-Брешковская, В.М. Чернов, Н.И. Ракитников. Так, по свидетельству М.А. Натансона, из старого состава ЦК в новый было избрано только трое: В.М. Чернов, Н.И. Ракитников и М.А. Натансон. Кроме них были избраны Г.А. Гершуни и Е.К. Брешко-Брешковская. Е.Ф. Азеф был кооптирован в ЦК после заявления Г.А. Гершуни о договоренности с ним возродить БО. По свидетельству А.И. Спиридовича, в ЦК также были кооптированы Н.Д. Авксентьев, В.В. Руднев. По свидетельству В.Н. Фигнер, летом-осенью 1907 г. в состав ЦК входили М.А. Натансон, В.М. Чернов, Н.Д. Авксентьев, Н.И. Ракитников, Г.А. Гершуни и Е.Ф. Азеф. В.В. Руднев, по ее словам, являлся членом Оргбюро и в состав ЦК не входил (Фигнер В.Н. Полн. собр. соч. Т. 3. М., 1929. С. 214). В октябре 1907 г. на заседании ЦК, обсуждавшем доклад Б.В. Савинкова о необходимости изменения приемов террористической борьбы, по его словам, присутствовали Е.Ф. Азеф, Г.А. Гершуни, В.М. Чернов, Н.И. Ракитников, Н.Д. Авксентьев и В.В. Руднев, причем двое последних были кооптированы в ЦК после съезда. По свидетельству В.М. Зензинова, к весне 1909 г. ЦК состоял из А.А. Аргунова, Н.Д. Авксентьева, М.А. Натансона, Н.И. Ракитникова, В.М. Чернова, из которых трое последних были выбраны на II съезде, а первые двое были ими кооптированы. Впрочем, А.И. Спиридович и В.М. Зензинов считали «избранными» членами ЦК В.М. Чернова, Н.И. Ракитникова, Г.А. Гершуни, М.А. Натансона и Е.Ф. Азефа.

В августе 1908 г. В.М. Чернов в своем выступлении на I Общепартийной конференции отмечал, что по уставу в ЦК не может быть более десяти членов (5 избранных и 5 кооптированных), тогда как в «настоящее время из пяти избранных членов один — Г.А. Гершуни — умер, а один в тюрьме (Е.К. Брешко-Брешковская. — *Сост.*), так что в ЦК не может быть более 8 членов». Таким образом, «кооптированными» членами ЦК были А.А. Аргунов (кооптирован в марте 1908 г.), Н.Д. Авксентьев, В.В. Руднев, Е.Ф. Азеф. Был ли десятый член ЦК, введенный в его состав путем кооптирования? Ясности нет. Примечательно, что еще на заседании ЦК ПСР 1 июня 1907 г. рассматривался вопрос — «о пополнении—ЦК».

На V Совете партии был избран новый ЦК, в который вошли В.М. Зензинов, И.Н. Коварский, В.С. Панкратов, Л.В. Фрейфельд, А.Б. Шимановский. Тогда же

в ЦК были кооптированы Б.Н. Лебедев, Б.Г. Нестеровский и А.А. Ховрин. В случае арестов членов ЦК, отправлявшихся в Россию, образование нового состава ЦК было поручено Ф.В. Волховскому, М.А. Натансону и Л.Э. Шишко. Центральный Комитет, как это было решено на V Совете партии, обладая всей полнотой власти, должен был находиться в России для координации работы сохранившихся местных партийных организаций и воссоздания разрушенных. Координация действий российских организаций и эмиграции возлагалась на созданную Заграничную Делегацию ЦК, в состав которой вошли Е.П. Пешкова, А.Ю. Фейт и И.И. Фондаминский. Таким образом, в Россию в начале лета 1909 г. отправилось 6 новых членов ЦК (А.Б. Шимановский ехать отказался): Л.В. Фрейфельд, И.Н. Коварский, В.М. Зензинов, А.А. Ховрин, Б.Н. Лебедев и Б.Ю. Нестеровский. Последний был арестован при переходе границы, а позже, по свидетельству А.И. Спиридовича, от партийной работы отошел. В конце 1909 г. в Киеве полиция арестовала А.А. Ховрина, отправившегося позже на каторгу. В мае 1910 г. В.М. Зензинов был арестован в Петербурге, куда он возвращался из Гельсингфорса, выполняя поручение БО. Аресты и угроза арестов для слишком «засветившихся» цекистов привели к необходимости постоянной кооптации в состав ЦК, что вело к потере им статуса «избранного», а следовательно — и авторитета. Как это видно из документа, подписанного ЦК ПСР в январе 1910 г., в случае «потери всего своего личного состава ЦК поручает образование нового ЦК А.Н. Баху и Ф.В. Волховскому».

Сколько раз менялся состав ЦК и кто в него входил в последующие годы, достоверно неизвестно. Данные Департамента полиции доверия не внушают, его информаторы зачастую снабжали его эмигрантскими слухами и домыслами. Из более надежных источников известно только о том, что одним из членов ЦК с марта 1911 г. по февраль 1912 г. являлся С.Н. Слетов. По его собственным словам, в его обязанности как члена ЦК входило, во-первых, «связывание заграницы с уцелевшими российскими организациями», а во-вторых, попытка «поднять работу в самой России, укрепив московский центр и связав его с другими группами». Текущая кадровая ситуация в ЦК привела к тому, что к 1912 г. в его составе не осталось ни одного члена, избранного на V Совете партии (из поехавших в Россию все кроме Б.Н. Лебедева и Л.В. Фрейфельда, вернувшихся за границу, были арестованы), что дало основание оппозиционным элементам в партии заявлять о полной его нелегитимности. Невозможность проведения съездов и Советов партии, где бы на законных основаниях был избран новый ЦК, привела к тому, что, по словам А.Б. Шимановского, до конца 1911 г. существовала негласная договоренность «терпеть» этот «символ» при условии, что он не будет вмешиваться в борьбу различных группировок в партии. Но вскоре об этом «символе» перестают даже упоминать, а его функции отходят к Заграничной Делегации ЦК ПСР. Новый состав ЦК ПСР был избран только в июне 1917 г. на III съезде ПСР и кардинально сменился в ноябре при перевыборах на IV съезде, как из-за откола левых эсеров, так и за счет осуждения прежней политики «правой» части ЦК, проводившей «коалиционную» тактику с к.-д. IV съезд ПСР, состоявшийся в ноябре 1917 г., закрепляет победу левоцентристского направления в партии, возглавляемого В.М. Черновым, не выбирая правоцентристских членов старого ЦК в новый состав. К 1920-м гг. в составе ЦК остается лишь один представитель генерации «социалистов-революционеров» (В.М. Чернов), все остальные принадлежат к «молодой эсеровской генерации»:

В.В. Агапов, А.И. Альтовский, М.Я. Гендельман, Л.Я. Герштейн, А.Р. Гоц, Д.Д. Донской, Н.Н. Иванов, Е.А. Иванова-Иранова, М.А. Лихач, С.В. Морозов, Е.М. Ратнер, Е.М. Тимофеев, Д.Ф. Раков, Ф.Ф. Федорович и др. Представляется, что к этому времени складывается новый «коллективный лидер», в котором Чернов уже на периферии, а лидеры его — А.Р. Гоц и Е.М. Тимофеев. Думается, что Чернов ощущал уже то отношение к уехавшим из Советской России за границу членам ЦК (между прочим, считалось, что партия отправила их туда как бы в командировку, и они должны через какое-то время вернуться обратно), которое год спустя было совершенно отчетливо сформулировано в одной из перехваченных чекистами записок, которыми обменивались сидевшие в 1922 г. в тюрьме члены ЦК ПСР: «...Конечно, Минор не то же самое, что прохвост Авксентьев или болван Лебедев, но в конце концов эта компания людей, которая чувствует себя призванными решать судьбы России (никак не меньше), тоскуют по министерским портфелям и занимаются «высокой политикой», устраивают всякие дурацкие объединения с другими политическими партиями. Все это за спиной ЦК. Вообще гадость. Они не социалисты и не революционеры, а так политиканы. Ехали бы в Россию, проводить свои идеи, чем заниматься интригами за границей».

Мы, к сожалению, знаем очень немного о том, что из себя представлял новый «коллективный лидер», но сам факт его существования сомнения не вызывает. Именно такой коллективный лидер, «пятерка», руководил эсеровской группой на процессе 1922 года. Огромный интерес представляет справка начальника 3-го отделения СО ОГПУ И. Решетова, написанная в начале 1925 г. в ответ на запрос Ф.Э. Держинского: «Наиболее активными врагами из цекистов являются: ГОЦ, ТИМОФЕЕВ, ВЕДЕНЯПИН, РАКОВ, РАТНЕР и активист боевик ИВАНОВ. Первые пять из них, являются руководящей головкой, своего рода Политбюро ЦК ПСР. За прошлый год ЦБ ПСР неоднократно получало постановления ЦК ПСР по вопросам организационным и политическим, причем эти постановления и решения принимались за весь ЦК, только ГОЦ, ТИМОФЕЕВЫМ, РАКОВЫМ, ВЕДЕНЯПИНЫМ и РАТНЕР. Неоднократно поступали в СООГПУ агентурные сведения о том, что эти 5 цекистов — эсеровская головка. Поэтому этих цекистов мы должны держать особо крепко». (РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 49. Л. 147—148). Самое удивительное, что чекист не преувеличивает, они действительно руководили партией из тюрьмы, сумев голодовками сломить жесткую тюремную изоляцию, созданную для них после процесса 1922 года.

²⁸ Гримм (1881—1956). Председатель социал-демократической партии Швейцарии до 1919 г., один из лидеров II Интернационала. Центрист. Председатель Циммервальдской и Кинтальской конференций.

²⁹ Веденяпин Михаил Александрович (1879—1938). Впервые арестован в марте 1901 г. за организацию студенческих волнений. По обвинению в революционной деятельности подвергался арестам, тюремному заключению и ссылкам в 1902, 1905, 1906, 1908 гг. В июле 1903 г. выехал в Западную Европу, где вскоре присоединился к Боевой организации ПСР. Летом 1905 г. вернулся в Россию, возглавлял Самарскую группу партии эсеров. С 1914 г. «оборонец», сотрудник Иркутского отдела Всероссийского «Союза городов». После февральской революции участвовал в создании в г. Иркутске Комитета общественных организаций и Совета рабочих и солдатских депутатов. С марта 1917 г. в Петрограде. На III и IV съездах ПСР избирался в ЦК. Входил в секретариат ЦК и в комиссии (финансовую, по

организационному уставу, издательскую и иногороднюю), сформированные после III съезда. В сентябре вошел во Временный совет Российской республики (Предпарламент). С декабря 1917 г. до переезда ЦК ПСР в Москву отвечал за партийные финансы. Стронник В.М. Чернова. В июне 1918 г. направился в Самару, где вошел в правительство Комуча как управляющий ведомствами иностранных дел, почты и телеграфов. После переворота адмирала А.В. Колчака объявлен вне закона и заочно приговорен к расстрелу, находился на нелегальном положении. 5 декабря участвовал в подпольном совещании лидеров Комуча (Уфа), на котором было принято решение о прекращении вооруженной борьбы и переговорах с Красной армией. Следующий период своей жизни в последнем слове на процессе эсеров 1922 г. описывал так: «После IX Совета партии, партия социалистов-революционеров, развивая те положения, которые были положены на IX Совете, выпустила обращение в связи с объявлением Польшей войны, так называемую польскую декларацию. В этой декларации говорилось, что партия социал-революционеров призывает всех членов партии оказывать всемерное содействие красной армии в войне с Польшей. Я, граждане, шел немножко дальше моих товарищей по партии, по Центральному Комитету, и хотя я не считал возможным сотрудничество с Советской властью в политической области, но я считал возможным работать в культурном строительстве страны и когда было вынесено наше постановление о поддержке красной армии, то я обратился в Центральный Комитет с просьбой, чтобы мне было разрешено в столь, как я считал, тяжелый момент, [...] предложить свои услуги по работам в Наркомземе. [...] Центральный Комитет мне это разрешил. [...] Гражданка Биценко мне вполне определенно сказала, что препятствий к тому, что я с.-р., член Центрального Комитета — не имеется и меня пригласили работать в Наркомзем. Это было 9-го мая 20 года в тот день, когда в Москве взрывались артиллерийские склады. Это было 9-го мая, а 11-го мая я был уже арестован. [...] Я мог бы совершенно свободно в то время скрыться, потому что я был в санатории, я был предупрежден, что за мной пришли. Но я не считал возможным скрываться тогда, когда я шел с открытым забралом и говорил: вот в настоящий момент Россия переживает тяжелый кризис и я считаю нужным идти и работать. [...] Сидел я довольно изрядное время уже в тюрьме и совершенно случайно создались такие условия, что я мог убежать. И я сделал эту попытку побега. Я был задержан. Я думаю, меня не заподозрят, что я сейчас сказал неправду, потому что через год, в 21 г., когда я вышел из тюрьмы, был освобожден по болезни, я первым делом обратился опять-таки [...] с тем же предложением и пошел туда, куда считал нужным идти в это время, и мой побег был только для того, чтобы я мог осуществить то, что считал нужным осуществить. [...] И вот, после этого побега, я считал возможным написать то письмо, которое здесь, по моему, так неподобающе использовали гр. Бухарин и гр-н Шубин (речь идет о заявлении Веденяпина в ВЧК, в котором он высказывался за борьбу с Польшей, Антантой и Врангелем, за всемерную поддержку Красной Армии. — *Сост.*). Я никогда не мог написать и не написал бы Вам, граждане, сидя в тюрьме. Но меня в тюрьму привело то, что я предложил вам свои услуги, а не то, что из тюрьмы я вздумал просить вашей пощады» (Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 804). 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. На процессе эсеров приговорен Верховным ревтрибуналом к 10

годам лишения свободы (позднее срок был сокращен до 5 лет). В 1923 г. принимал участие в 14-дневной голодовке в Бутырской тюрьме. По отбытии тюремного срока был выслан на 3 года в Пензу (с 15.05.1925). В ссылке работал статистиком-инструктором, занимался археологическими раскопками, сотрудничал в журнале «Каторга и ссылка». В 1928 г. срок ссылки в Пензе был продлен на 1 год. В 1930 г. арестован, выслан в Чимкент на 3 года, затем срок ссылки дважды продлевался на 3 года. В Чимкенте работал старшим техником Арыского системного управления единой Гидрометслужбы, а позже изыскателем Ленгоспроектстроя. В 1937 г. осужден на 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Умер в лагере.

³⁰ «Земля и воля» — ежедневная газета, издавалась в Петрограде с 21 марта по 13 октября 1917 г., орган Северного областного комитета партии эсеров. После II Петроградской эсеровской конференции — рупор левого крыла партии. В редакцию входили: Р.В. Иванов-Разумник, С.Д. Мстиславский, В.А. Алгасов, М.А. Спиридонова и др. В июне в газете было опубликовано сообщение о создании на III съезде ПСР «Организационного бюро» левых эсеров, дезавуированное затем лидерами левого течения по требованию ЦК (см. также ком. 81 к наст. разделу).

³¹ Соколов Николай Николаевич. В партии эсеров с начала 900-х годов. Член Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, делегат съезда от Новгородской областной конференции, член Всероссийского Демократического Совета (Предпарламента) и Учредительного собрания.

³² Камковцы — единомышленники Б.Д. Камкова, в 1917 г. одного из лидеров левого крыла эсеровской партии. В мае 1917 г. на Северной областной конференции он был избран членом Областного комитета. На этой конференции его сторонники резко критиковали «социал-патриотическую позицию» ЦК ПСР и «буржуазное» Временное правительство. Постепенно им удалось фактически взять под контроль печатные органы Петроградского и Северного областного комитетов. В ряде организаций, в частности Гельсингфорсе и Кронштадте левые эсеры составляли большинство.

³³ Солдатов Леонид Константинович (1888—?). Делегат III съезда ПСР от Псковской губернской конференции ПСР. Член Временного Совета Российской Республики (Предпарламента) от земской группы Демократического совещания. В январе 1920 г. был секретарем Мирной делегации Политического Центра.

³⁴ Маркарянц (Маркарьянц) Марк (Макар) Георгиевич. Делегат III съезда ПСР от Финляндии, II Всероссийского съезда Советов от Петрограда, III съезда ПЛСР от Саратова.

³⁵ Затонский Михаил Петрович (Батрак) (1882—?). Член ПСР, в годы первой русской революции член первого Совета рабочих депутатов, позднее в эмиграции, активно сотрудничал в партийной прессе. На III съезде ПСР избран членом ЦК. В июне вошел в военную комиссию при ЦК ПСР, созданную по постановлению ЦК для ведения партийной работы в армии. Член Предпарламента и Учредительного собрания от Саратовской губернии. Делегат IV съезда ПСР. В июне 1920 г. в Бутырской тюрьме, в августе 1920 г. — в Ярославской тюрьме. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дальнейшая судьба неизвестна.

³⁶ Архангельский Василий Гаврилович (1869—1948). Член ПСР с 1906 г. Депутат II Государственной думы. На III съезде ПСР избран в ЦК. В сентябре 1917 г.

вошел во Временный Совет Российской республики (Предпарламент). В ноябре избран в Учредительное собрание. С 1920 г. в эмиграции. Участник Инициативной группы «Внепартийного объединения» (1920–1922). Редактор центрального органа ПСР — журнала «Революционная Россия» (1921–1926). 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело было выделено за нахождением за границей.

³⁷ «Правда» — ежедневная газета, легальный орган ЦК РСДРП и ПК. Издавалась с апреля 1912 г. Несколько раз закрывалась властями и снова возобновляла издание. 5 марта 1917 г. ее издание в очередной раз было возобновлено. В этот период газета допускала условную поддержку большевиками Временного правительства и продолжение войны при одновременном требовании к правительству о заключении мира. С марта 1918 г. издавалась в Москве как официальный орган ЦК и МК РКП(б), затем ВКП(б) и позже — КПСС.

³⁸ Иконников Николай Егорович (Георгиевич). Делегат III съезда ПСР от Кронштадтской военной организации. В 1924 г. арестован и сидел в Бутырской тюрьме. В мае 1924 г. сослан в Фергану. Дальнейшая судьба неизвестна.

³⁹ Сорокин Питирим Александрович (1889–1968). Член ПСР с 1905 г. В 1914 г. закончил юридический факультет Петербургского университета. О своем мировоззрении говорил, что оно представляло собой «форму социологической идеологии, основанной на этике солидарности, взаимопомощи и свободы». Еще до 1-й мировой войны выпустил ряд значительных работ по социологии. В период войны занимал оборонческие позиции. В 1917 г. один из лидеров правого крыла партии эсеров, член редакции газеты «Воля народа», член Исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов. В октябре 1918 г., убедившись в том, что партия эсеров теряет опору в крестьянстве и что дальнейшая борьба с большевиками безнадежна, заявил о выходе из партии и прекращении политической деятельности. Занимался научной и педагогической работой. Возглавлял кафедру социологии в Петроградском университете. В 1922 г. выслан из России. Жил сначала в Праге, затем в США. Преподавал в ряде американских университетов, основатель социологического факультета и центра по созидающему альтруизму в Гарвардском университете, заслуженный профессор этого университета. С 1964 г. — председатель Американской социологической ассоциации.

⁴⁰ Гендельман Михаил Яковлевич (1881–1938). В 1901 г. был исключен из Киевского университета за участие в студенческом движении, в 1902 г. выехал для продолжения юридического образования в Германию, где вскоре вступил в заграничную организацию ПСР. При возвращении в Россию в 1904 г. арестован и выслан на 3 года под гласный надзор полиции в Архангельскую губернию. В октябре 1905 г. амнистирован, входил в Киевский Совет рабочих депутатов. Вследствие неоднократных арестов провел в царских тюрьмах около трех лет. После Февральской революции избран в Президиум Московского совета рабочих депутатов, член Московского городского комитета ПСР. Придерживался формулы «оказывать давление на правительство, чтобы оно и дальше творило волю народа». На III съезде ПСР избран членом ЦК, а также в комиссии по рабочему вопросу, созыву Учредительного собрания и др. Делегат I-го Всероссийского съезда Советов, вошел в Президиум ВЦИК. Делегат Всероссийского Демократического совещания, на котором избран членом Всероссийского Демократического Совета, затем

вошел во Временный совет Российской республики (Предпарламент). На 2-м Всероссийском съезде Советов (25–27 октября) выступил с речью от фракции эсеров, в которой призывал отказаться от решения споров силой оружия, обвинил большевиков в заговоре, предложил создать новое правительство, опирающееся на все слои населения, но без большевиков; заявил о неправомерности съезда, призвал делегатов в знак протеста покинуть заседание. 29 октября участвовал в первом совещании представителей социалистических партий и организаций, созванном Викжелем. Поддержал создание «однородного социалистического правительства» без большевиков. На IV съезде ПСР избран членом ЦК партии; член Президиума (Бюро) ЦК. Член Президиума (Бюро) фракции эсеров в Учредительном собрании. После 8-го Совета партии эсеров (май 1918) переехал в Самару, где вошел в числе первых в состав Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуч). Избран товарищем председателя комитета. Принимал участие в Уфимском государственном совещании. В 1921–1922 гг. находился под следствием в Бутырской тюрьме, был избран заключенными старостой. 5 сентября 1921 г. вместе с другими членами старого ЦК направил письмо ЦК, избранному 10-м Советом партии. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Приговорен к смертной казни (условно), замененной лишением свободы на 5 лет со строгой изоляцией. В октябре 1925 г. провел 18-дневную голодовку, причем 3 дня голодал всухую. После отбытия тюремного заключения отправлен в ссылку, срок которой неоднократно продлевался. В начале 1930 г. вновь арестован и после 4-месячного заключения в нижегородской тюрьме выслан в Сургут. В 1938 г. приговорен к расстрелу.

В своем последнем слове на процессе эсеров 1922 г. хотел подробно изложить мотивы борьбы эсеровской партии против большевистской диктатуры («Мы вели борьбу потому, что мы считали, что ваша диктатура не выражает интересы рабочего класса»), однако был лишен слова председательствующим, который заявил, что речь Гендельмана выходит за рамки последнего слова обвиняемого и он не может позволить ему «обсуждать вопрос о природе власти, о диктатуре советской власти» (Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 813).

⁴¹ Герштейн Лев Яковлевич (1877–1934). В социал-революционном движении с 1898 г. За принадлежность к партии эсеров при самодержавии неоднократно подвергался репрессиям; провел четыре с половиной года в тюремном заключении и пять лет в ссылке, находился в эмиграции. В 1917 г. на III съезде ПСР был избран в Военную комиссию при ЦК партии. На IV съезде ПСР избран в ЦК. Летом 1918 г. через линию фронта пробрался в Самару и вошел в Комуч. При колчаковских властях нелегально проживал в Сибири. Вместе с Ф.Ф. Федоровичем один из руководителей иркутского Политического центра (декабрь 1919 г. — январь 1920 г.). Входил во Всесибирский краевой комитет ПСР. В августе 1920 г. приехал в Москву. Работал заведующим отделом в Главуме. В апреле 1921 г. вместе с женой арестован СО ВЧК. На первом допросе «[...] заявил, что он член Центрального комитета Партии социалистов-революционеров и отказался от дальнейших показаний [...]». Был передан «[...] представителю ВЧК по Сибири [...] для приобщения к делу Сибирского крестьянского союза и восстания против Советской власти, в организации которых Герштейн принимал участие в 1920 году [...]». В июле 1921 г. был с женой отправлен в г. Омск. 24 февраля 1922 г. Президиумом

ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. На процессе обвиняемый первой группы. Приговорен к смертной казни, замененной 5 годами тюремного заключения со строгой изоляцией. По отбытии срока выслан в Свердловск на 3 года, с 1931 г. сослан в Оренбург, где и умер 9 апреля 1934 г. от сердечной недостаточности.

В последнем слове на процессе эсеров 1922 г. стремился опровергнуть обвинения эсеров в предательстве идеалов революции, самих себя. Заявлял: «Я считаю, мое глубокое убеждение, что та политика, которая велась властью и вообще в октябре встала у кормила правления России, ведет не к революционному возрождению России, не к укреплению революционных начал, ведет не к социализму, но объективно стихийно неизбежно ведет к контрреволюции, к самой ужасной контрреволюции, к такой контрреволюции, которая при полной деклассации рабочего класса, при возмущении ожесточенного крестьянства никакая армия не может спасти. [...] В силу этих условий я, как социалист-революционер считаю, что мы социалисты-революционеры, оставаясь на точке зрения оппозиции к вам[,] несколько не изменились, мы остались только верными сами себе, но мы не стали контрреволюционерами. Изменились не мы, а изменились вы, которые когда[-]то вместе с нами боролись за те самые условия, которые теперь не считаете нужным предоставить народу» (Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 806).

⁴² Лункевич Валериан Викторович (1866–1941). В 1887 г. отчислен из Харьковского университета за участие в студенческих волнениях. Проживая в 1902 г. в Берлине, работал в революционных организациях «Искра» и «Заря». Вернувшись в Россию, принимал активное участие в реорганизации бакинской и тифлисской организаций ПСР и углублении их сотрудничества с представителями армянской партии «Дашнакцютюн». Во время Революции 1905–1907 гг. вел организационную работу среди эсеров Петербурга, Москвы и южных городов России. Находясь в 1908 г. в Женеве, вошел в местную организацию ПСР. Входил в Судебно-следственную комиссию ЦК ПСР по делу Е.Ф. Азефа. В 1917 г. на III и IV съездах ПСР был избран в ЦК ПСР, входил в редакцию «Дело народа». На VII Совете партии был включен в «список обязательных кандидатов в Учредительное собрание от партии эсеров». В 1918–1919 гг. входил в состав Южного бюро ЦК ПСР. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. От политической деятельности отошел, занявшись научной работой.

⁴³ Иванов-Разумник (настоящая фамилия Иванов) Разумник Васильевич (1878–1946). В 1902 г. исключен из Петербургского университета за участие в студенческом движении, подвергнут административной высылке. Начал печататься в 1904 г., в 1912 г. возглавил литературный отдел журнала «Заветы». В 1917 г. — член редакции эсеровских газет «Дело народа», «Земля и воля», заведовал в них литературным отделом. Тяготел к левым эсерам. К Октябрьской революции отнесся одобрительно. Член редколлегии газеты «Знамя труда» — органа ЦК ПЛСР. Формально не был членом ПЛСР, однако активно сотрудничал в партийной прессе. Не прекратил сотрудничества с левыми эсерами и после их июльского выступления 1918 г. В феврале 1919 г. был арестован по обвинению в левоэсеровском заговоре, но вскоре освобожден. В 1919–1924 гг. товарищ председателя Вольной философской ассоциации. Во второй половине 20-х — 30-е гг. занимался перевода-

ми, литературоведением и др. В 1933 г. арестован, обвинен в связях с народовольцами, переписке с М.А. Спиридоновой, сослан в Новосибирск, а затем в Саратов. В 1937 г. снова арестован, с большим достоинством держался на следствии, просидел 21 месяц в Бутырской тюрьме и был освобожден. В сентябре 1941 г. оказался в зоне немецкой оккупации, вместе с женой был вывезен в Восточную Пруссию, где помещен в лагерь для перемещенных лиц. После освобождения оказался на территории, занятой союзническими войсками.

⁴⁴ Постников Сергей Порфирьевич (1883–1965). В 1906 г. вступил в архангельскую губернскую организацию ПСР, избран членом губернского комитета партии. В 1909 г. делегат Парижской партийной конференции от бакинской губернской организации ПСР. В 1915 г. окончил Московский коммерческий институт. Основатель легального неонароднического журнала «Заветы» (1912). В годы Первой мировой войны выступал противником как оборонческой, так и пораженческой ориентации. С осени 1914 г. работал в Союзе городов. В 1916 вместе с Р.В. Ивановым-Разумником, С.Д. Мстиславским и А. Иванчиным-Писаревым инициировал издание литературно-публицистического сборника «Скифы». В марте 1917 г. один из создателей ЦО ПСР газеты «Дело народа» и партийного издательства «Революционная мысль». Руководил эсеровской фракцией в петроградской городской думе. В ноябре избран в Учредительное собрание. В июле 1921 г. нелегально покинул Советскую Россию. Проживал в Финляндии и Германии, затем переехал в Прагу. С осени 1921 г. кандидат в члены Заграничной делегации ЦК ПСР; входил в редколлегию журнала «Революционная Россия». 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нахождением за границей. В апреле 1925 г. утвержден Центральным бюро партии членом Заграничной делегации. С февраля 1923 г. заведующий отделом печатных изданий Русского заграничного исторического архива (РЗИА). Участник Пражского восстания в мае 1945 г. В июне арестован сотрудниками советской контрразведки и депортирован в Советский Союз, приговорен к 5 годам исправительно-трудовых лагерей «за бывшую принадлежность к бывшей партии эсеров». После возвращения из лагеря жил у родственников и работал швейцаром. Написал и оставил в трех московских архивах свои воспоминания. В 1957 г. вернулся в Прагу и продолжил научную деятельность.

⁴⁵ Минор Осип Соломонович (1861–1934). Учась на юридическом факультете Московского университета, вступил в народовольческий кружок и в конце 1883 г. был арестован и выслан на год в Тулу. С 1885 г. 2,5 года провел в одиночке ярославской тюрьмы, затем был приговорен к ссылке в Якутию на 10 лет. Во время т.н. «Якутской трагедии» был ранен и за сопротивление властям приговорен к бессрочной каторге, которую в 1895 г. заменили поселением в Чите. В 1898 г. получил право жительства в Европейской России, где вновь приступил к революционной деятельности. В 1902 г. накануне ареста эмигрировал и вскоре вступил в ПСР. С 1904 г. возглавлял Заграничный комитет и был коопирован в ЦК ПСР, участник I и II съездов ПСР и Амстердамского конгресса II Интернационала. В 1905–1907 гг. в качестве чрезвычайного уполномоченного ЦК вел работу на Кавказе и Украине, а в 1908 г. отправился с группой единомышленников в Поволжье, где был арестован и приговорен к 8 годам каторги. На III съезде ПСР избран в ЦК ПСР. Сторонник бескомпромиссной борьбы с большевиками. В начале 1919 эмигрировал во

Францию, заняв в эсеровской эмиграции позиции яркого противника большевизма, допуская для борьбы с ним и возможность союзов с белыми правительствами (на условиях признания Учредительного собрания) и использования союзнических войск. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нахождением за границей.

По мнению В.М. Чернова, «был демократ до мозга костей. Он воплощал в себе лучшие и глубочайшие черты того, что обозначается словом «товарищ». Он по-славянски, по-русски требовал, чтобы все решалось скопом, миром, да еще, ежели возможно, соглашением, доходящим до единогласия, все предварительно хорошо пообсудив, пораздумав, поспорив, сообщая семь раз примерив, и лишь после этого отрезав». По свидетельству М.В. Вишняка, «это был удивительный человек, и в преклонные годы сохранивший и юношеский жар, и простодушное незнание жизни. Он был бесребенник в самом полном смысле этого слова: никогда не имел сам ни гроша и не знал цены деньгам, если они не идут на дело или на помощь ближнему. Минор бывал и святым, и, как все святые, фанатиком» (Вишняк М.В. Дань прошлому. С. 254).

⁴⁶ Берг Ефроим Соломонович (1875—9.10.37). Член ПСР. До революции 1917 г. неоднократно арестовывался и дважды ссылся. В 1917—1919 гг. — член Петроградского Совета, член бюро ВЦИК. Арестован в марте 1918 г. в Петрограде. В апреле 1919 г. содержался в Бутырской тюрьме, затем освобожден. В 1921 г. арестован в Москве, помещен в Бутырку, но вскоре освобожден. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. В тот же день арестован в Москве, содержался в тюрьме в Кисельном переулке. По итогам процесса приговорен к 5 годам тюремного заключения со строгой изоляцией (впоследствии срок был сокращен вдвое); в 1923 г. содержался в Бутырской тюрьме, принимал участие в 14-дневной голодовке. По отбытии тюремного срока выслан на 3 года в Темир-Хан-Шуру. В мае 1928 г. — в Буйнакске ДагАССР; в 1933 г. — в Суздальском политизоляторе; в 1934 г. сослан в Мары-Ташкент на 3 года; в 1937 г. расстрелян.

В заключительном слове на процессе эсеров 1922 г. подробно остановился на положении рабочего класса после 1917 г., обращаясь к конкретным фактам и примерам, имевшим место в 1917—1921 гг. Закончил свое выступление словами: «Я член партии социалистов-революционеров, 20 лет я уже считаю для себя честью быть членом этой партии, в течение 20 лет, не смотря ни на какие преследования и скорпионы царской и вашей власти, я никогда не свертывал этого знамени. Я никогда не отходил от этого знамени и на все прежние и современные подписки, которые мне предлагались, я отвечал отказом. И сейчас, гражданин председательствующий, могу ответить следующими словами: я этого знамени не сверну и если товарищам, с которыми приходится мне сидеть на скамье подсудимых, суждено умереть, то я оставшись в живых буду продолжать святое дело, начатое ими и то, что им не удастся закончить, я надеюсь, удастся закончить мне» (Сулебинский процесс над социалистами-революционерами. С. 800).

⁴⁷ Тетеркин Иван Иванович (?—1918). Член ПСР; в межреволюционный период вел активную партийную работу в Петрограде. Избирался в состав ЦК ПСР на

III и IV съездах партии. Член Учредительного собрания. Участник VIII Совета партии (7–16 мая 1918). По решению ЦК ПСР от 16 мая 1918 г. был командирован для партийной работы в район Ижевского и Воткинского заводов. Расстрелян большевиками в 1918 г. в г. Сарапуле, прямо на улице.

⁴⁸ Учредительное Собрание. Российский парламент, к созданию которого призывали социалисты всех направлений. С предстоящей деятельностью Учредительного собрания эсеры связывали большие надежды. В Комиссии по Учредительному собранию, избранной ЦК вскоре после III съезда партии, председательствовал В.М. Зензинов. В задачи комиссии входил инструктаж местных партийных организаций в ходе подготовки и проведения избирательной кампании и самих выборов в Учредительное собрание; подбор состава будущей эсеровской фракции и руководство формированием партийных кандидатских списков; снабжение местных организаций необходимой литературой, листовками, брошюрами и др. предвыборными материалами. Еще на III съезде было решено, что на выборах в Учредительное собрание партия эсеров должна выступать самостоятельно, не заключая никаких соглашений даже с социалистическими партиями, однако в реальности эсеры чаще всего шли в блоке с представителями местных советов крестьянских депутатов. В августе в «Партийных известиях» были опубликованы выработанные VII Советом партии списки обязательных кандидатов в Учредительное собрание от ПСР (см.: Партия социалистов-революционеров. Т. 3. Ч. 1. С. 723–726), составление которых проходило в острой борьбе между правыми и левыми эсерами. Выборы в Учредительное Собрание неоднократно переносились и в результате состоялись в ноябре–декабре 1917 г. Из принявших участие в голосовании 40 % отдали свои голоса эсерам, 23,9 % — большевикам, 4,7 % кадетам, 2,3 % — меньшевикам. Полученное эсерами большинство было обеспечено в основном голосами провинции, преимущественно земледельческими районами. В столицах, воинских округах и гарнизонах эсеры оказались в меньшинстве. Эсеровская фракция начала свои заседания еще в ноябре 1917 г. под руководством председателя ее президиума бывшего московского городского головы В.В. Руднева. В ней было создано полтора десятка различных комиссий: от земельной, социально-экономической и государственно-правовой до комиссии первого дня. Учредительное Собрание открылось 5(18) января 1918 г. В этот день в Петрограде состоялась мирная демонстрация, расстрелянная большевиками. Первое и единственное заседание Учредительного собрания продолжалось около 13 часов. Из 715 избранных делегатов присутствовали 410 человек. Среди них преобладали эсеры во главе с В.М. Черновым. Однако он едва успел зачитать первые 10 пунктов эсеровского проекта закона о земле, стоявшего вторым пунктом повестки дня, как заседание было закрыто начальником «уставшего» караула.

⁴⁹ Фондаминский Илья Исидорович (парт. и лит. псевдоним Бунаков) (1880–1942). С 1900 г. учился в Германии, где входил в дружеский кружок, из которого впоследствии вышло несколько видных деятелей ПСР (А.Р. Гоц, Н.Д. Авксентьев, В.М. Зензинов). В конце 1904 г., вернувшись в Россию, вошел в Московский комитет ПСР, в сентябре 1905 г. был арестован, но 18 октября освобожден из Таганской тюрьмы толпой. Был кооптирован в ЦК, в дни Декабрьского вооруженного восстания находился в Москве и представлял ее (вместе с другими комитетчиками) на I съезде ПСР. В июле был арестован на восставшем крейсере Балтийского флота «Памяти Азова». Вопреки ожиданиям суровой кары, на суде был оправдан и

эмигрировал. В 1909–1911 гг. член Заграничной Делегации ЦК, являлся кассиром партии, представителем БО за границей, принимал участие во всевозможных третейских разбирательствах и т.д. В 1912 г. один из редакторов журнала «Почин», а в 1915–1916 гг. — журнала «Призыв», отстаивавшего последовательно «оборонческие» позиции. На III съезде ПСР избран в члены ЦК, член редакции «Дела народа», товарищ председателя Совета крестьянских депутатов, комиссар Черноморского флота. Принадлежал к правой части руководства ПСР, выступая за коалицию с буржуазными партиями, за что не был избран в состав ЦК ПСР на IV съезде ПСР. Активно выступил против большевистского переворота, с весны 1918 г. член «Союза возрождения России» и в качестве его делегата участвовал в Ясской конференции, допускал возможность иностранной интервенции. В апреле 1919 г. эмигрировал во Францию, где входил в состав местной эсеровской группы, придерживавшейся правых позиций. С 1920 г. входил в редакцию журнала «Современные записки», на страницах которого активно печатался. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело было выделено в связи с нахождением обвиняемого за границей. Погиб в фашистском концлагере.

³⁰ Дурново Петр Николаевич (1845–1915). В 1884–1893 гг. директор Департамента полиции, в 1905–1906 гг. министр внутренних дел в кабинете С.Ю. Вите. Летом 1917 г. на даче Дурново (на Выборгской стороне Петрограда) обосновались анархисты и устроили на ней склады бомб, оружия, взрывчатых веществ. После захвата анархистами типографии газеты «Русская воля» (5 июня) министр юстиции (7 июня) распорядился выселить анархистов с дачи в течение 24 часов. Дача Дурново и ее парк использовались также разнообразными народными учреждениями, поэтому начались массовые забастовки и манифестации, подхваченные большевиками. Последняя манифестация состоялась 18 июня. Закончилась она тем, что вооруженные анархисты разгромили Выборгскую тюрьму («Кресты»), освободив около 400 уголовников, учинивших по городу несколько погромов.

³¹ Вандервельде Эмиль (1866–1938). Член Бельгийской социалистической партии с момента ее основания в 1885 г. По образованию юрист. С 1894 г. член палаты депутатов, с 1900 г. — председатель Международного социалистического бюро II Интернационала. Во время Первой мировой войны занял оборонческие позиции и вошел в правительство. После Февраля 1917 г. приехал в Россию для агитации в пользу продолжения войны. На Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. в качестве представителя правительства Бельгии подписал Версальский мирный договор. В 1922 г. принял участие в процессе над ПСР в качестве защитника первой группы обвиняемых. Общее впечатление от организации процесса его было таково: «Ни в одной культурной стране нельзя себе представить, чтобы председатель суда — Крыленко, делегировал сам себя в качестве государственного обвинителя, своего свояка и подчиненного назначил председателем суда, а своей жене поручил ведение следствия и составление обвинительного акта. [...] Обвинительный акт представляет собою весьма неискусную на мой взгляд попытку дать политическую историю русской революции с большевистской точки зрения. Как адвокат, а не как политический деятель, я могу сказать, что на почве подобного обвинительного материала принять судебное состязание для сколько-нибудь опытного защитника было бы легче легкого, и любой суд, обставленный необходимыми гарантиями, вынес бы

оправдательный приговор» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 63. Л. 167–168). С 1924 г. являлся профессором политэкономии Брюссельского университета, но политической и государственной деятельности не оставлял до конца жизни.

⁵² Биссолати, Биссолати-Бергамаски Леонида (1857–1920). Итальянский политический деятель. Один из лидеров социалистической партии в 1892–1912 гг. Главный редактор газеты «Аванти!» в 1896–1903 и 1908–1912 гг. С 1897 г. избирался в парламент. В 1912 г. был исключен из партии за поддержку итальянского правительства в захватнической Ливийской войне. В годы 1-й мировой войны был членом итальянского правительства.

⁵³ Бах Алексей Николаевич (1857–1946). За участие в студенческих беспорядках 1878 г., был отправлен в ссылку на 3 года, по окончании которой продолжил учебу. Став членом киевской организации партии «Народной воли», быстро выдвинулся в ее руководящие круги. Занимаясь пропагандой среди рабочих, написал план занятий, легший в основу знаменитой книжки «Царь-голод» (вошедшей в золотой фонд пропагандистской литературы как народовольцев, так и эсеров, и многократно переиздававшейся). После ряда попыток воссоздания разгромленной организации к марту 1885 г. пришел к выводу, что «Народная воля» «отжила свой срок», и эмигрировал. За границей с головой ушел в науку, организовав в окрестностях Женевы лабораторию, где он и проработал 23 года, поставив около 70 экспериментов по общей и биологической химии и написав ряд монографий. В своей автобиографии писал: «Когда в 1900–1901 гг. создавалась партия социалистов-революционеров, я тоже участвовал в предварительных переговорах, но в партию не вошел, так как считал индивидуальный террор безусловно несовместимым с задачами массовой социалистической партии и гибельным для нее... После январских событий 1905 г., когда массовая работа партии далеко оттеснила ее террористическую деятельность, я считал себя не вправе дальше уклоняться от активного участия в революционной работе и по настоянию Л. Шишко и Е. Брешковской принял на себя функции секретаря заграничного комитета партии в апреле 1905 года. С этого времени до революции 1905 г. все конспиративные сношения с партийными организациями в России (кроме боевой организации) были сосредоточены в моих руках». Принимал активное участие в жизни эсеровской эмиграции. В годы гражданской войны отошел от политической деятельности и ушел в науку. Известный советский академик-биохимик.

⁵⁴ Боткина Екатерина Сергеевна — представительница Женевского Красного Креста, помогавшая русским военнопленным во время Первой мировой войны.

⁵⁵ Циммервальдская международная социалистическая конференция состоялась 5–8 сентября 1915 г. в Швейцарии. В ее работе приняли участие 38 делегатов из России, Польши, Италии, Швейцарии, Болгарии, Румынии, Норвегии, Германии, Франции, Голландии, Швеции. Основным вопросом был вопрос о борьбе пролетариата за мир. В результате бурных дискуссий между представителями организованной В.И. Лениным накануне конференции «Циммервальдской левой» и правыми и центром был принят компромиссный Манифест, признававший империалистический характер войны и выступавший против лозунга защиты Отечества. На конференции была создана Интернациональная социалистическая комиссия, фактически заменившая Международное социалистическое бюро.

⁵⁶ Евреинов Владимир Вячеславович (1868 — после 1933). Во время учебы на медицинском факультете Казанского университета был связан с народовольче-

скими кружками. В середине 90-х гг. принимал участие в выработке программы Союза с.-р. Член II Государственной думы от Астраханской губернии. После разгона Думы служил до 1918 г. в правлении товарищества братьев Нобель. Связей с партией не прерывал. В 1913 г. вошел в Петербургский комитет ПСР. В 1917 г., кроме партийной работы, участвовал в организации профсоюза нефтяников, был гласным городской думы. При советской власти работал в различных учреждениях нефтяной промышленности.

⁵⁷ Груббе (Грубе) Э.К. — русский финансовый агент в Персии в 1900–1906 гг. Впоследствии председатель правления Сибирского банка. Петроградский банкир. Частично на его деньги была основана газета «Новая жизнь», главным редактором которой был М. Горький.

⁵⁸ В черновской версии протоколов ЦК ПСР этот пункт изложен следующим образом: «Предложение тов. Евреинова и Мееровича о том, чтобы воспользоваться предложением Грубе о возможности миллионного займа для ЦК отклонить. Считать вообще подобные денежные операции для ЦК недопустимыми. Возможно заключать всякие денежные договоры лишь с кооперативными кредитными учреждениями» (Вопросы истории. 2000. № 9. С. 19).

⁵⁹ Керенский Александр Федорович (1881–1970). Окончил юридический факультет Петербургского университета в 1904 г., присяжный поверенный, адвокат на ряде громких политических процессов. Депутат IV Государственной думы, с 1915 г. лидер фракции трудовиков. В 1912 был принят в масонскую ложу «Великий Восток народов России», где с 1916 по февраль 1917 являлся генеральным секретарем. Один из организаторов совещания народников, состоявшегося в июле 1915 г. в Петербурге. В марте 1917 вошел во Временное правительство, где с июля 1917 стал министром-председателем (сохранив за собой пост военного и морского министра), а с августа и Верховным главнокомандующим. Глава Директории («Совета пяти») 25 октября, во время большевистского вооруженного восстания выехал из Петрограда. После провала организованного им похода конного корпуса П.Н. Краснова на Петроград находился на нелегальном положении. По поручению «Союза возрождения» в июне 1918 г. выехал за границу для ведения переговоров об организации военной интервенции в Советскую Россию. Впоследствии осуждал военную интервенцию союзников, преследовавших корыстные цели, и поддержал тактику правого крыла ПСР «За третью Россию» под лозунгом «Ни Ленин, ни Колчак». 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Жил во Франции, с 1940 г. в США. Умер в Нью-Йорке.

⁶⁰ Брамсон Леонтий (Леон) Моисеевич (1869–1941). Окончил юридический факультет Московского университета в 1890 г. Один из основателей трудовой группы в 1-й Государственной думе. После роспуска Думы подписал Выборгское воззвание, за что отбыл 3-месячное заключение в крепости. В 1917 г. член исполкома Петросовета, занимался финансовыми вопросами. В мае 1917 г. вошел в Особое правительственное совещание для подготовки проекта положения о выборах в Учредительное собрание от Совета рабочих и солдатских депутатов. В июле 1917 г. вступил в образовавшуюся Трудовую народно-социалистическую партию, избран в ЦК партии. После Октябрьской революции вошел в «Союз защиты Учредительного собрания», затем в «Союз защиты Родины и свободы». В декабре 1917 г. арестован и обвинен ВЧК в «присвоении народных денег». На суде обвинил большевиков в совершении

насищенного военного переворота с целью захвата власти в попытках сорвать созыв Учредительного собрания. Трибунал признал факт присвоения «народных денег» не доказанным. В 1918 г. эмигрировал во Францию, входил в ЦК Еврейского «Общества ремесленного и земледельческого труда».

⁶¹ Сытин Иван Дмитриевич (1851—1934). С 80-х гг. XIX в. становится самым популярным издателем лубочных (народных) книжек. Затем стал издавать школьные учебники, детские, научно-популярные и прикладные книги и классиков русской литературы. В середине 90-х гг. издательство Сытина было преобразовано в «Товарищество печатания, издательства и книжной торговли» и, непрерывно расширяясь, превратилось в крупнейшее в России издательское предприятие. После 1917 г. типографии Сытина были национализированы, сам Сытин стал консультантом Госиздательства. В 1928 г. ему была назначена персональная пенсия.

⁶² «Воля Народа». Ежедневная газета правых эсеров, созданная А.И. Гуковским, П.А. Сорокиным, А.А. Аргуновым и др. эсерами, недовольными решениями 2-ой Петроградской конференции, направленными против поддержки Временного правительства и продолжения войны. В сентябре в газете было заявлено о создании «Организационного совета Петроградской группы партии с.-р.» с намерением созвать свой съезд и выступить на выборах в Учредительное собрание по отдельным от ЦК ПСР спискам (Опубл. в: Партия социалистов-революционеров. Т. 3. Ч. 1. С. 777—781). После приостановки издания в ноябре 1917 г. за резкую критику большевистского режима газета выходила под разными названиями до февраля 1918 г.

⁶³ Мстиславский (Масловский) Сергей Дмитриевич (1876—1943). Экстерном сдал экзамены за курс физико-математического факультета Петербургского университета (т.к. в 1899 г. был исключен за участие в студенческих беспорядках), служил библиотекарем в Академии Генерального штаба. В 1904 г. сблизился с ПСР, один из организаторов и активных деятелей Военного союза, объединявшего офицеров-слушателей петербургских военных академий. Редактор печатных органов Всероссийского офицерского союза «Народная армия» и «Народное дело». В 1910 г. был арестован по делу Военной организации ПСР, обвинявшейся в подготовке восстания в Финляндии, но его дело было прекращено за недостаточностью улик. В 1912—1914 гг. один из руководителей журнала «Заветы». В 1912—1915 гг. активно участвовал в масонстве, автор устава объединения «Великий Восток народов России». В годы Первой мировой войны не был призван в армию как политически неблагонадежный и был оставлен при академии в качестве военного обозревателя. Сотрудничал в легальной прессе, в том числе в «Правительственном вестнике». После Февральской революции член Исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов, а также его военной комиссии и солдатской секции. Член Петроградского комитета ПСР и тов. председателя ее Северного Областного комитета, один из лидеров левого крыла эсеров. В июне 1917 г. был привлечен к третейскому суду за сотрудничество в «Правительственном вестнике». Рассмотрев решение этого суда, ЦК единогласно постановил «рекомендовать тов. Мстиславскому не занимать ответственных постов в партии, ни вне партии, ни от ее имени». Октябрьскую революцию рассматривал как продолжение Февральской, но не считал ее социалистической. Странник сотрудничества с большевиками. С декабря 1917 г. возглавлял комиссию ВЦИК по формированию партизанских войск, затем комиссар при Высшем военном совете партизанских формирований и отрядов РСФСР. Во время выступления левых эсеров 6 июля 1918 г. был

арестован вместе с фракцией левых эсеров V съезда Советов. Из-за несогласия с этим выступлением вышел из партии. С конца 1918 г. — член ЦК Украинской партии социалистов-революционеров (борьбистов), участвовал в подготовке восстания в Киеве против денкинского режима. Во время советско-польской войны — член революционного совета 12-й армии, входил в правительственную комиссию по расследованию действий польских войск на оккупированных ими украинских территориях. В 1921 г. вернулся в Москву, занимался профсоюзной и литературной деятельностью. Умер в эвакуации.

⁶⁴ Журнал «Партийные известия». Орган ЦК ПСР. Издавался в Петрограде с сентября 1917 по март 1918 г. Вышло шесть номеров. Задачи журнала состояли в том, чтобы «отражать и выражать возможно полнее жизнь партии», «работать над укреплением организационного единства партии, превращать внутри партии центробежные силы в центростремительные». Подписка на журнал была, согласно постановлению ЦК ПСР, обязательной для всех партийных организаций.

⁶⁵ «Дело народа». Ежедневная газета ПСР, выходившая в марте 1917 г. — марте 1919 г. С июня 1917 г. орган ЦК партии. Основана по решению 1-й Петроградской конференции эсеров. В редакционную коллегию первоначально входили А.И. Гукровский, В.М. Зензинов, Р.В. Иванов-Разумник, С.Д. Мстиславский, Н.С. Русанов, П.А. Сорокин и С.П. Постников (секретарь). Заочно введены находившийся в редакции В.М. Чернов и проживавший в Саратове Н.И. Ракитников. Включенный позднее в редакцию А.Ф. Керенский только числился в ее составе. Деятельность редколлегии проходила в постоянном соперничестве ее членов, представлявших различные партийные течения. В начале апреля 1917 г. из нее вышли Гукровский и Сорокин, выражая несогласие с решением 2-й Петроградской конференции о недопустимости участия эсеров в коалиционном правительстве. После возвращения из ссылки и эмиграции видных партийных деятелей состав редакции был переизбран. Взамен выбывших в нее вошли Н.Д. Авксентьев и А.Р. Гоц. И.И. Фондаминскому свое место уступил Постников (сохранив должность ответственного секретаря редакции с правом решающего голоса). После 3-го съезда партии в состав редакции не был переизбран Мстиславский. Постановлением ЦК редакция была дополнена М.В. Вишняком, И.А. Прилежаевым и Д.С. Розенблюмом. Газета содержала разностороннюю информацию, давала сведения не только о том, что происходило в партии эсеров, в правительстве, на фронте, но и в повседневной общественной жизни страны, особенно Петрограда. Передовые и другие статьи писались с учетом политики партии эсеров, Советов и Временного правительства, однако редакторы пользовались значительной степенью самостоятельности, нередко вступая в конфликты с ЦК ПСР. В июне 1918 г. газета была закрыта большевистскими властями. В октябре издание возобновилось в Самаре. Во время краткой легализации партии эсеров в марте 1919 г. 10 номеров газеты было издано в Москве.

⁶⁶ Подвицкий Виктор Владимирович, журналист. В партии эсеров с начала 900-х годов. Вел партийную работу в Смоленске и Вильно. Делегат III партийного съезда от Западного фронта, председатель Смоленской губернской земской управы, член Учредительного собрания от Смоленского избирательного округа.

⁶⁷ Розенберг А.А., член Аграрно-социалистической лиги. В партии эсеров с начала 900-х годов. Член фракции эсеров в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов и гласный Петроградской городской думы.

⁶⁸ Прошьян Прош Перчевич (1883–1918). Учился на юридическом факультете Новороссийского университета (Одесса), в партии эсеров с 1903 г. В 1905 г. за участие в попытке освобождения политических заключенных из Одесской тюрьмы приговорен к 6 годам каторги, которую отбывал в Акатуйской и Зерентуйской тюрьмах. Выйдя на поселение, бежал, был пойман и осужден к 3 годам каторги. В 1913 г. бежал с поселения в Восточной Сибири. В годы 1-й мировой войны интернационалист. После Февраля 1917 г. возглавил Гельсингфорсскую группу левых эсеров, был избран в Северный областной комитет ПСР. На III съезде ПСР один из лидеров левой оппозиции ЦК, выступал за совместные действия с большевиками во время июньско-июльского кризиса. Был арестован и исключен из ПСР, восстановлен на VII Совете в партии по настоянию левого крыла, затем вторично исключен. На II съезде Советов РСД избран во ВЦИК. Нарком почт и телеграфов в большевистско-левоэсеровском правительстве. Ушел из Совнаркома по решению ЦК ПЛСР. После II съезда ПЛСР избран товарищем председателя Президиума ЦК. Принимал непосредственное участие в подготовке покушения на германского посла В. Мирбаха. После подавления левоэсеровского выступления находился на нелегальном положении. Умер от тифа.

⁶⁹ Устинов Алексей Михайлович (1879–1937) Окончил историко-филологический факультет Московского университета и агрономическое отделение Цюрихского политехникума. В партии эсеров с 1906 г. В 1908 г. ссылка на 3 года в Вологодскую губернию за организацию уездного революционного комитета, совершившего несколько экспроприаций, была заменена высылкой за границу. В годы войны — интернационалист. После Февральской революции один из лидеров левых эсеров, член Северного областного комитета партии. Вместе с П.П. Прошьяном организовал газеты «Новая Новь» и «Социалист-революционер». Выступал за тесное сотрудничество с большевиками. В июле 1917 г. вместе с П.П. Прошьяном был исключен из партии, арестован. Освобожден после корниловского мятежа, восстановлен в ПСР. Член Петроградского ВРК, был сторонником вооруженного восстания, но не ранее открытия II съезда Советов. Член Президиума ВЦИК 2-го, 3-го и 5-го созывов. Член ЦК партии левых эсеров, один из авторов закона о социализации земли. Вышел из ЦК ПЛСР в знак протеста против ратификации Брестского мира. Один из основателей и лидеров партии революционного коммунизма. После объединения этой партии с большевиками в 1920 г. — член РКП(б). С 1921 г. на дипломатической службе. С 1934 г. полпред СССР в Эстонии, где и умер.

⁷⁰ Шрейдер Александр Абрамович (1893/1894–1930). Юрист по образованию. В 1917 г. член Петроградского комитета ПСР, входил в редакцию газеты «Знамя труда». Член ВЦИК Советов РСД второго-четвертого созывов, член комиссии по выработке Конституции РСФСР. В декабре ЦК и фракцией ПЛСР ВЦИК делегирован в коллегию Наркомюста, в январе назначен зам. наркома с правом решающего голоса в СНК. До ареста в феврале 1919 г. редактор-издатель легального левоэсеровского журнала «Знамя». После освобождения возглавил легалистское течение в ПЛСР. В конце 1919 г. покинул Советскую Россию. В 1921 г. приехал в Россию по разрешению В.И. Ленина и Г.В. Чичерина, встречался с заключенными в Бутырской тюрьме членами ЦК левоэсеровской партии. С 1923 г. входил в Заграничную делегацию Объединения ПЛСР и ССРМ. В 1924–1930 гг. издавал в Берлине левонароднический бюллетень «Знамя борьбы». Покончил жизнь самоубийством.

⁷¹ Лебедев Владимир Иванович (1883, по др. данным 1882–1956). После окончания в 1904 г. Тифлисского пехотного училища произведен в офицеры. Член ПСР с 1906 г. Принимал участие в руководстве севастопольским восстанием (1907), после подавления которого эмигрировал во Францию. Входил в редколлекцию журнала «За народ»; сотрудник журнала «Русское богатство». С началом Первой мировой войны «оборонец»; принял участие в формировании русского добровольческого отряда, в который вступил рядовым, произведен в лейтенанты французской армии. После Февральской революции вернулся в Россию. Участвовал в создании правоэсеровской газеты «Воля народа». В апреле назначен управляющим Морским министерством, покинул этот пост в конце августа вследствие серьезных разногласий с военным министром Б.В. Савинковым. В июне 1918 г. по решению Комуца введен в состав Штаба Народной армии. В ноябре командирован в США и Францию, где вел переговоры с союзными правительствами об оказании военной и экономической помощи России. В 1920–1922 гг. входил в Инициативную группу «Внепартийного объединения». В 1922–1932 гг. член редколлекции журнала «Воля России» (Прага). На 1-м съезде заграничных организаций партии эсеров избран в Областной комитет ЗО ПСР. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нахождением за границей. Умер в эмиграции.

⁷² 10 июня 1917 г. в «Деле народа» было опубликовано «Воззвание Центрального и Петроградского комитетов партии социалистов-революционеров» «ко всем рабочим и солдатам Петрограда» с призывом не поддаваться попытке вывести массы «на демонстрацию, которая должна поднять авторитет только одной, день ото дня теряющей свое влияние, партии», и станет «делом розни, а не общерабочей солидарности» (См.: Партия социалистов-революционеров. Т. 3. Ч. 1. С. 649–651). По решению Всероссийского съезда советов, проходившего в это время в Петрограде, намеченная на 10 июня демонстрация, за которую агитировали большевики, была отменена и на 18 июня была назначена демонстрация под знаком доверия к Временному правительству. Однако демонстрация прошла под лозунгами «Вся власть Советам!», «Долой 10 министров-капиталистов!» и т.п. и сопровождалась рядом эксцессов. 20 июня ЦК и Петроградский комитет партии эсеров выступили с воззванием, призывавшим «положить конец этому угрожающему всем завоеваниям революционного народа натиску темных сил, которым нет места в рядах организованной и дисциплинированной революционной армии труда» и объединяться «вокруг революционного знамени» (См.: Партия социалистов-революционеров. Т. 3. Ч. 1. С. 666–667).

⁷³ Поводом к июльским дням послужили события конца июня — начала июля: неудачное наступление на фронте и расформирование революционных воинских частей. 2 июля из Временного правительства вышли кадеты, угрожая эсерам и меньшевикам разорвать правительственную коалицию. 3 июля в Петрограде начались стихийные демонстрации. 4 июля состоялась 500-тысячная демонстрация рабочих, солдат и кронштадтских матросов под лозунгом «Вся власть Советам!», разогнанная верными правительству воинскими частями. В результате вооруженных столкновений было убито и ранено около 400 человек. Начались аресты, правительством было принято решение о расформировании воинских частей, участвовавших в демонстрации. Кризис усугубился отставкой премьер-министра князя

Г.Е. Львова. 24 июля (6 августа) новое коалиционное правительство сформировал А.Ф. Керенский.

⁷⁴ Обращение ЦК ПСР было опубликовано в газете «Дело народа» 12 июля 1917 г. (см.: Партия социалистов-революционеров. Т. 3. Ч. 1. С. 682–683).

⁷⁵ «Ультиматум» был опубликован в газете «Дело народа» и в нем, в частности, говорилось: «Центральный комитет, по достоинству оценивая всю степень злостности и клеветы, направленной по адресу вождя его партии, и вполне сознавая, что в данном случае совершается организованный поход против всей партии социалистов-революционеров и ее программы, считает необходимым заявить Временному правительству требование произвести не позднее чем через три дня гласное расследование направленных по адресу тов. Чернова обвинений. С другой стороны, идя навстречу нежеланию тов. Чернова укрываться за авторитетом правительства при опровержении взводимых на него злостных обвинений, Центральный комитет дает свое согласие на временное оставление тов. Черновым поста министра земледелия, с тем, однако, условием, чтобы тов. Чернов, после опровержения взведенной на него клеветы, вновь занял остающийся за его временным выбытием свободным пост министра земледелия. Дальнейшее вступление членов партии социалистов-революционеров в состав Временного правительства партия социалистов-революционеров считает возможным лишь по вступлении тов. Чернова на оставленный им пост» (См.: Партия социалистов-революционеров. Т. 3. Ч. 1. С. 699–700).

⁷⁶ Имеется в виду Министерство земледелия. Н.И. Ракитников был помощником министра земледелия во Временном правительстве.

⁷⁷ Вероятно, в документе описка и имеется в виду газета «Дело Народа» — см. комментарий 65.

⁷⁸ «Знамя труда». Ежедневная газета, орган Петроградского комитета партии эсеров, выходила в августе 1917 г. — июле 1918 г. С № 59 орган Петроградского комитета партии эсеров и фракции левых эсеров ЦИК II Всероссийского съезда Советов, с № 105 — центральный орган партии левых эсеров. Закрыта во время лево-эсеровского мятежа.

⁷⁹ «Труд» — ежедневная газета, орган Московского комитета ПСР. Издавалась с марта 1917 г. по март 1918 г. Об организации и становлении газеты вспоминал впоследствии М.В. Вишняк: «Мне было поручено поставить партийную газету. Это было легко сказать и поручить, но как сделать? Я был предоставлен буквально самому себе: ни типографии, ни бумаги, ни денег, ни сотрудников. С трудом сговорился с типографией, печатавшей газету «Копейка». Она согласилась выпускать такого же формата листок в 4 или 6 страниц, набирая и печатая его в свободное от более выгодных заказчиков время. Бумагу дали самую отвратительную — сероватого отлива. Печать была мелкая, неудобочитаемая. Во избежание одиночного начала создали трехчленную редакцию: мне придали Минина и кого-то еще. Но коллегия была фикцией. Писать, редактировать, корректировать и верстать приходилось мне одному. То, что только условно можно было считать газетой, мы называли «Труд». Газета была непрезентабельна — не только внешне. В ней почти не было информации, даже партийная хроника была скудная. И выходить стал «Труд» не каждый день, а с перерывами, через два дня на третий, когда наберется достаточно материала. Газета часто запаздывала с выходом из печати или с доставкой по киоскам и в «районы». Тем не менее ее всегда жадно расхватывали, — не

из-за ее литературных или политических достоинств, конечно, а потому, что прислушивались к мнению ПСР. Редакционная коллегия меня никак не связывала, и я мог невозбранно писать, что думал и как хотел, не оборачиваясь ни направо, ни налево, что по тем временам было гораздо труднее. Мой “Труд” технически был бездарен и никак не соответствовал роли, выпавшей на долю партии с.-р. Но он был выдержан в духе тех самых “правых эс-эров”, из которых, по словам Блока, состоит “подавляющее большинство человечества” и от которых поэт в то время резко отгораживался. Справа в партии и вне партии “Труд” хвалили. Слева его терпели. Впрочем, и единомышленники одобряли “Труд” с оговорками» (Вишняк М.В. Дань прошлому. С. 250).

⁸⁰ Трудовики — члены «Трудовой группы», фракции в I–IV Государственных думах, объединявшей народнически настроенных крестьянских депутатов. При образовании фракции в 1906 г. трудовики объявили себя представителями «трудящихся классов народа»: «крестьян, фабрично-заводских рабочих и интеллигентных тружеников, ставящими своей целью объединить их вокруг самых неотложных требований трудящихся, которые должны и могут быть осуществлены в ближайшее время через Государственную думу». В 1917 г. трудовики объявили себя социалистической партией и затем слились с народными социалистами в Трудовую народно-социалистическую партию.

Народно-социалистическая партия официально заявила о себе в сентябре 1906 г., опубликовав свою программу, устав и список членов Оргкомитета. На формирование идейно-политических взглядов ее основателей оказало большое влияние сотрудничество в журнале «Русское богатство», возглавлявшемся Н.К. Михайловским. 1-я учредительная конференция партии состоялась в ноябре 1906 г., окончательное утверждение программы и устава было отложено до 1-го съезда, который удалось собрать лишь в июне 1917 г. Энесы были сторонниками не революционной, а эволюционной историко-социологической концепции, в отличие от эсеров и социал-демократов не делили свою программу на программу-минимум и программу-максимум, а конечную цель деятельности своей партии видели в обеспечении всем людям возможности «полной и свободной жизни» и каждому человеку возможности «всестороннего и гармонического развития». Идеальным общественным строем провозглашался социализм. Осуществить цели и задачи своей программы энесы рассчитывали с помощью создания открытой политической партии. После революции 1905–1907 гг. партия постепенно сходилась с политической арены и к 1910 г. практически прекратила свое существование. После Февраля 1917 г. происходит возрождение партии, а в июне она объединяется с трудовиками (окончательное решение об объединении было принято на I Всероссийском съезде народно-социалистической партии и VI-м Всероссийском съезде Трудовой группы).

⁸¹ 15 июля 1917 г. в «Деле народа» появилось следующее сообщение «От Центрального комитета партии с.-р.»: «В Центральный комитет партии с.-р. поступило следующее заявление: «Члены Организационного (Информационного) бюро левого крыла партии с.-р. доводят до сведения Центрального комитета партии с.-р., что никакой организационной работой, имеющей задачей сплотить левые элементы внутри партии, оно не занималось и, следовательно, никакой «организации в организации» не существовало.

Вместе с тем, Организационное бюро доводит до сведения Центрального комитета, что оно, как не проявлявшее никакой деятельности в прошлом, не

собирается проявлять и в будущем, и поэтому считает себя в настоящее время не существующим. 14 июля 1917 г. Б. Камков». Центральный комитет надеется, что подобное заявление сделают и другие товарищи, подписавшие «письмо в редакцию», напечатанное в № 85 «Земли и воли», и тем самым вернутся в ряды партии. Секретариат Центрального комитета» (См.: Партия социалистов-революционеров. Т. 3. Ч. 1. С. 684).

⁸² См. док. № II.7.

⁸³ Мартюшин Григорий Алексеевич (1884–1938). Член ПСР. До 1917 г. работал в Ярославском Союзе кредитных и ссудосберегательных касс, был членом Совета Центрального товарищества льноводов и Всероссийского Союза кооперативов по переработке и сбыту картофеля; товарищ председателя первого Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов, член Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов и Учредительного собрания от Казанского избирательного округа. Входил в состав «Верховного управления Северной области» в Архангельске. По поручению Н.В. Чайковского выехал в США. Дальнейшая судьба неизвестна.

⁸⁴ Цион, с.-р., полковник, делегат IV съезда партии, избран на съезде в Военную комиссию при ЦК, погиб во время гражданской войны. В своем письме из Стокгольма от 15 марта 1921 г. Брушвит характеризовал его следующим образом: «Наши оба представителя Цион и Сосунов произвели на меня неблагоприятное впечатление. Цион симпатичен как человек, ярый эсер, но человек не особенно далекий. И он сумел довольно основательно, если не испортить, то ослабить отношение к нам местных социалистов. [...] Но каковы бы ни были отрицательные стороны Циона, я все-таки думаю, что Скандинавию он может вполне обслуживать. В высоких качествах моральных нет никакого сомнения, что же касается слабости политической, то она с одной стороны, сильно парализуется его обширными запасами чужих языков, с другой, их можно парализовать более частыми инструкциями из Праги и Парижа» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 30. Л. 517–518). 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности.

⁸⁵ Фейт Андрей Юльевич (1864–1926). В революционном движении с 1882 г., получил медицинское образование, не прекращая работы в различных народо-вольческих кружках, за что неоднократно арестовывался. С лета 1892 г. член петербургской «Группы народо-вольцев». В 1895 г. отправился за границу для установления контактов с народо-вольческой эмиграцией и вернулся в Россию в качестве представителя Фонда Вольной русской прессы. В 1897 г. вновь арестован и после двухгодичного заключения сослан в Сибирь, где с образованием ПСР стал ее членом. С сентября 1905 г. на партийной работе в Нижнем Новгороде, кооптирован в ЦК ПСР и делегирован им в Исполком петербургского совета рабочих депутатов. В декабре 1905 г. арестован и сослан в Тобольскую губернию, откуда бежал за границу. В 1909–1911 гг. входил в состав ЗД ЦК ПСР, которую покинул после появления «Заключения судебно-следственной комиссии по делу Азефа». С началом войны вступил добровольцем во французскую армию в качестве военного врача. После Февраля 1917 г. был членом ПК ПСР и членом Исполкома Петровета. Депутат Учредительного собрания и участник эсеровских подпольных организаций в 1918 г. С 1918 г. становится инспектором санитарных поездов «Красного Креста» и отходит от партийной работы. 24 февраля 1922 г. Президиумом

ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. В этот список было включено 140 человек. В мае этот список был сокращен вдвое. Критерием при принятии решения — оставить или амнистировать того или иного эсера в неочевидных случаях стал ответ на вопрос о политической опасности и готовности «морально разоружиться». Главным каналом «разгрузки» от «неудобных» обвиняемых, которых было не за что судить даже по советским законам, для Коллегии Верхтриба стало их амнистирование. Для этого использовалась, в том числе, и расписка о неучастии «в какой-либо деятельности правых эс-эров или иных групп, направленной к подрыву или свержению Советской Власти или поддержке прямо или косвенно внутренней или внешней контрреволюции». Смысл подписки, как и предыдущей заключался в том, что давший ее (как стали говорить десятилетие спустя) «морально разоружался» и навсегда закрывая себе дорогу назад к своим товарищам, фактически покупал себе свободу путем унижительной процедуры. Вместо стандартного текста Фейт написал: «Со времени Октябрьской революции я не участвовал в террористических актах, направленных против представителей власти, равным образом участия в экспроприациях не принимал и на заседаниях Центрального комитета, где разбирались бы эти вопросы, не участвовал. С 18-го года от дел партии устранился» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 4. Л. 372). Уже на самом процессе Фейт, выступавший в качестве свидетеля обвинения, заявил, что считает «свое положение свидетеля» — «совершенно ненормальным», т.к. он состоял членом ЦК ПСР и несет «всю ответственность, моральную и юридическую», за его работу, и подчеркивал, что никакой подписки, понимаемой как некое обязательство, он не давал (Там же. Т. 23. Л. 512). Пятаков поспешил сгладить ситуацию, заявив: «Это не имеет никакого отношения. Вы попадаете под амнистию 1919 года на основании которой судебная коллегия 20 мая с.г. Вас амнистировала. Так что Ваше положение как свидетеля нормально и законно» (Там же).

⁸⁶ Речь идет о наступательной операции русских войск Юго-Западного фронта (командующий генерал А.Е. Гутор). 18 июня (1 июля) в наступление перешли 11-я и 7-я армии, наносившие главный удар в общем направлении на Львов из районов Злочев и Бржезаны; несмотря на значительное превосходство в живой силе и технике, наступление успеха не имело и 20 июня (3 июля) было прекращено. 23 июня (6 июля) перешла в наступление 8-я армия (командующий генерал Л.Г. Корнилов), наносившая вспомогательный удар на участке Галич — Станислав в направлении Калуш, Болахов. Прорвав оборону противника, армия захватила свыше 7 тыс. пленных и 48 орудий; развивая успех, она заняла Галич и Калуш и к 30 июня (13 июля) вышла на р. Ломница. 6 (19) июля австро-германские войска нанесли контрудар из района Злочев в направлении Тарнополя и прорвали фронт 11-й армии, что повлекло за собой отход 7-й и 8-й армий. 8 (21) июля Гутор был заменен Корниловым. 15 (28) июля русские войска остановились на линии Броды, Збараж, р. Збруч.

⁸⁷ См. комм. 74 к данному разделу.

⁸⁸ «Выработанный на VII Совете партии список обязательных кандидатов в Учредительное собрание от партии социалистов-революционеров» был опубликован во втором номере «Партийных известий». В этом же номере были опубликованы: «список обязательных кандидатов, добавленный комиссией при Центральном комитете согласно полномочиям, данным Советом», «список рекомендуемых комиссией кандидатов», «список кандидатов, выставляемых местными

организациями по поступающим в Центральный комитет сведениям», «список обязательных кандидатов для фронтовых списков», «список обязательных кандидатов по губерниям и областям» (См.: Партия социалистов-революционеров. Т. 3. Ч. 1. С. 723–726).

⁸⁹ Деконский Петр Петрович (1888–?). Член ПСР с 1905 г. Некоторое время был связан с максималистами. 6 раз арестовывался, в сумме провел в заключении 32 месяца. Делегат III съезда партии эсеров (с правом решающего голоса) от Херсонского губернского съезда. В октябре 1917 г. в «Партийных известиях» было опубликовано постановление ЦК ПСР, объявлявшее Деконского провокатором, состоявшим на службе полиции с 1908 г. В личном архиве В.Н. Рихтера сохранились документы Бердянской охранки, подлинность которых удостоверена товарищем Бердянского городского головы, согласно которым Деконский служил в Бердянской и Мелитопольской охранках с 1908-го по 1910 г. под кличкой «Турист».

⁹⁰ Крушинский Михаил Феофилович. Инженер-железнодорожник. В сентябре 1905 г. был арестован и приговорен к 1 году заключения. В 1917 г. — председатель Петроградского Бюро Викжеля; член ВЦИК 2-го — 4-го созывов. Входил в руководящую «тройку» Викжеля, взявшую на себя 16 ноября управление министерством путей сообщения. Входил в ЦК ПЛСР, в 1922 г. из ПЛСР исключен.

⁹¹ Черепанов Донат Андреевич (ок. 1886–1920). Учился на юридическом факультете Московского университета. До 1917 г. в основном занимался научной работой. В 1917 г. присоединился к ПСР, затем член ЦК партии левых эсеров, активный участник левоэсеровского выступления в июле 1918 г. После IV съезда ПЛСР кардинально изменил свою позицию: из сторонника соглашения с большевиками, стал сторонником повстанческой борьбы и террора против них. Принял участие в подготовке успешного теракта против МК РКП(б) 25 сентября 1919 г. За самочинные действия был отстранен ЦК ПЛСР от партийной работы. Арестован в феврале 1920 г., погиб в тюрьме.

⁹² Спиридонова Мария Александровна (1884–1941). Член ПСР с 1905 г. В январе 1906 г. по заданию Тамбовского комитета партии убила Г.Н. Луженовского, возглавлявшего карательный отряд по подавлению крестьянских волнений. Попыталась покончить с собой на месте, но была арестована, подверглась истязаниям и надругательству. В 1906 г. приговорена к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. Дважды пыталась бежать. Освобождена в мае 1917 г. по распоряжению министра юстиции А.Ф. Керенского. Делегат III съезда ПСР, вошла в состав оргбюро левых эсеров. Поддерживала Октябрьскую революцию. На Учредительном съезде партии левых эсеров избрана его почетным председателем и членом ЦК. Одобряла разгон Учредительного собрания большевиками. На V съезде Советов заявила, что выступает как «яростная противница» большевиков. Арестована в ночь с 6 на 7 июля в связи с убийством графа Мирбаха, в ноябре 1918 г. приговорена к 1 году тюремного заключения, через день амнистирована и освобождена. Впоследствии неоднократно арестовывалась и ссылалась. В январе 1938 г. по обвинению в подготовке покушения на К.Е. Ворошилова приговорена к 25 годам тюремного заключения. Расстреляна по приговору Военной коллегии Верховного суда.

⁹³ «Заем свободы» (военный заем) выпущен Временным правительством постановлением от 26 марта 1917 г. на 54 года с погашением с 1922 г. Подписка открыта с 6 апреля. Заем поддержали меньшевики и эсеры, стоявшие на оборонческих позициях. К 28 июня было собрано 250 миллионов рублей.

⁹⁴ Штейнберг Исаак-Нахман Захарович (1888–1957). Учился в Московском и Гейдельбергском университетах, адвокат. Член партии с.-р. с 1906 г., неоднократно арестовывался и ссылался. Февральскую революцию встретил, находясь в ссылке в Уфе. Возглавлял местную губернскую организацию ПСР. Примыкал к левому крылу партии. Член ЦК партии левых эсеров, член ВЦИК, нарком юстиции. Противник Брестского мира. Из-за несогласия с ним вышел из советского правительства. В начале 1919 г. был арестован ЧК по обвинению в заговоре против советской власти. Стронник прекращения вооруженной борьбы с большевиками и легализации партии левых эсеров. В 1923 г. выехал за границу. Представлял партию левых эсеров и Союз эсеров-максималистов в Международном бюро революционно-социалистических партий.

⁹⁵ Савинков Борис Викторович (1879–1925). Из семьи дворянина, сын варшавского судьи и известной писательницы. Будучи в 1900–1901 гг. членом социал-демократических организаций, был в 1901 г. арестован и сослан в Вологду, в ссылке перешел на эсеровские позиции. В июне 1903 г. бежал за границу, где встретился с М.Р. Гоцем, которому заявил о своем желании вступить в БО ПСР. Стал заместителем Е.Ф. Азефа, руководившего БО. В 1905 г. кооптирован в ЦК ПСР. В 1905 г. в Петербурге, входил в Боевой комитет, участвовал в I съезде ПСР как представитель от БО, в мае 1906 г. арестован в Севастополе при подготовке покушения на адм. Чухнина, предан военному суду, за два дня до суда бежал за границу. В 1907–1908 гг. от активной партийной деятельности отошел, занимался литературным творчеством. В 1909–1911 гг. пытался воссоздать БО. В 1911–1913 гг. написал роман «То, чего не было», серьезно обостривший его отношения с руководством партии. Перед Первой мировой войной сблизился с Г.В. Плехановым, в годы войны был корреспондентом газеты «День» во Франции. В апреле 1917 г. вернулся в Петроград, с 19 июля товарищ министра, управляющий Военного министерства при министре А.Ф. Керенском, в августе вел переговоры с Л.Г. Корниловым. В октябре постановлением ЦК ПСР исключен из партии. Октябрьскую революцию встретил враждебно, организатор «Союза защиты Родины и свободы». По поручению Директории направился с военной миссией во Францию, где входил в состав Политического совещания. С января 1920 в Польше, председатель «Русского политического комитета», участвовал в формировании на территории Польши военных отрядов для рейдов на советскую территорию. В октябре 1921 г. Польша приняла решение о высылке из страны лидеров антисоветских организаций. Не дожидаясь этого, выехал в Париж, затем нелегально в Минск для руководства подпольной организацией «Либеральные демократы», инспирированной чекистами. Арестован в августе 1924 г. и приговорен к высшей мере наказания, замененной 10 годами тюремного заключения. Погиб в тюрьме, обстоятельства смерти до сих пор неясны.

⁹⁶ Гуревич Виссарион Яковлевич (1876–1939). Окончил юридический и физико-математический факультеты Петербургского университета. Участник неонароднических организаций с 1898 г. Неоднократно подвергался арестам и ссылкам (впервые арестован в 1897 г.). В 1909 г. утвержден в звании присяжного поверенного. Депутат Второй Государственной думы. В марте 1917 г. избран товарищем председателя Соединенного исполнительного бюро Красноярского комитета общественной безопасности и Совета рабочих, солдатских и казачьих депутатов, в котором заведовал внешней и внутренней охраной Енисейской губернии. Представитель партии эсеров в Особом совещании по подготовке проекта Положения

о выборах в Учредительное собрание. На I Всероссийском съезде крестьянских депутатов избран товарищем председателя Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов. На III съезде Партии социалистов-революционеров избирается в Центральный комитет. В июле-октябре товарищ министра внутренних дел Временного правительства. В сентябре участвует в Демократическом совещании (Петроград), на котором избирается во Временный совет Российской республики (Предпарламент). В ноябре избран депутатом Учредительного собрания по объединенному списку партии эсеров и Совета крестьянских депутатов Тульской губернии. В июне-сентябре 1918 г. входит в самарский Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания и представляет его в Сибирской областной думе. С июня 1920 г. в эмиграции. В 1921—1922 гг. председатель Объединения российских земских и городских деятелей в Чехословацкой республике. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. На процессе эсеров 1922 г. предполагаемый защитник от ЗД ПСР. В справке ГПУ характеризовался следующим образом: «Гуревич всегда считался активным членом партии, ему доверяли, его посвящали во все, но он не получал больших поручений. По моим сведениям, месяца 4—5 тому назад он был назначен заведующим с.р. разведкой заграницей. Из его деятельности в этой области мне ничего неизвестно. Знаю только, что очень интересуется подробностями шпионажа большевиков заграницей. Когда я с ним говорил о получении секретных материалов из России, он сказал, что если бы он приехал в Россию, то он бы мог получить все, что необходимо. В настоящее время В. Гуревич в Берлине, не занят определенной работой. Очевидно, он скоро начнет работу в делегации, если останется в Берлине. Его политические взгляды те же, что [у] Сухомлин[а]. Живет он в очень плохих материальных условиях. Человек весьма честолюбивый[,] корыстный и старается сделать себе политическую карьеру» (Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 224—225). В 1923—1928 гг. первый управляющий Русским заграничным историческим архивом в Праге (РЗИА). В 1923—1928 г. входил в Областной комитет Заграничной организации Партии социалистов-революционеров (ОК ЗО ПСР). В апреле 1925 г. решением Центрального бюро партии эсеров (ЦБ ПСР) утвержден член партийной Заграничной делегации (ЗД ПСР). Вместе с В.М. Черновым и Г.И. Шрейдером создал летом 1927 г. «Социалистическую Лигу Нового Востока». В марте 1928 г. в составе возглавляемой Черновым группы членов делегации вышел из Заграничной организации и образовал с ними Заграничный союз ПСР. Незадолго до смерти переехал в США.

⁹⁷ Колегаев Андрей Лукич (1887—1937). Член ПСР с 1906 г. В 1907 г. за революционную деятельность исключен из Харьковского университета. 4 раза был арестован, год сидел в тюрьме, затем выслан за границу. В 1915 г. вернулся в Россию. С марта 1917 г. — один из лидеров левозероветского комитета ПСР в Казани. Входил в состав Исполкома ВСКД, Предпарламента. 25 ноября 1917 г. назначен наркомом земледелия, в марте 1918 г. подал в отставку с этого поста, подчинившись партийной дисциплине, из-за несогласия с заключением Брестского мира. В августе один из организаторов Партии революционного коммунизма. В ноябре вступил в РКП(б). С января по июнь 1919 — член РВС и председатель Особой продовольственной комиссии Южного фронта. В 1920—1921 гг. член коллегии Наркомата путей сообщения. В 1937 г. арестован и расстрелян.

⁹⁸ Московское Государственное совещание, созванное в 1917 г. Временным правительством, состоялось в Москве 12–15 августа 1917 г. Председательствовал А.Ф. Керенский. Присутствовало 2500 человек, 488 депутатов Государственной думы всех созывов, 129 представителей от Советов крестьянских депутатов, 100 — от Советов рабочих и солдатских депутатов, 147 представителей от городских дум, 117 — от армии и флота и т.д. Большевиков на это совещание не допустили. Совещание поддержало политику Временного правительства и высказалось в поддержку доведения войны до победного конца.

⁹⁹ Ставка Верховного главнокомандующего. Орган высшего полевого управления войсками и место пребывания верховного главнокомандующего вооруженными силами России во время 1-й мировой войны 1914–1918 гг. С 8(21) августа 1915 г. находилась в Могилеве. С 19 июля (1 августа) по 27 августа (9 сентября) 1917 г. Верховным главнокомандующим был Л.Г. Корнилов. Штаб верховного главнокомандующего состоял первоначально из 5 управлений, а к ноябрю 1917 года разросся до 15 управлений, 3 канцелярий и 2 комитетов (в общей сложности свыше 2 тысяч генералов, офицеров, чиновников и солдат). С 2 (15) июня по 30 августа (12 сентября) 1917 г. начальником штаба был ген. А.С. Лукомский.

¹⁰⁰ Речь идет о выборных комитетах солдат и офицеров, стихийно возникших в ходе Февральской революции и фактически узаконенных Приказом № 1 Петроградского совета. Военное командование последовательно добивалось превращения комитетов в хозяйственные организации, подчиненные начальству. Временное положение о комитетах, введенное приказом военного министра А.И. Гучкова 16 апреля 1917 г., направляло их деятельность на улаживание конфликтов между офицерами и низшими чинами. К осени 1917 г. армейские комитеты значительно усилили свои позиции и в ряде частей фактически взяли руководство в свои руки.

¹⁰¹ Филоненко Максимиллиан Максимиллианович (1886–1950). Член ПСР. В 1917 г. комиссар 8-й армии, которой командовал Л.Г. Корнилов, комиссар Ставки Верховного Главнокомандующего, помощник генерал-губернатора Петрограда по военной части; после провала выступления Корнилова снят с должности; после Октябрьского переворота — в г. Архангельске; в 1919 г. эмигрировал, взяв с собой французские субсидии. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нахождением за границей.

¹⁰² Васильковский О.П. Генерал, командовавший Петроградским военным округом летом 1917 г.

¹⁰³ Зарудный Александр Сергеевич (1863–1934). В 1885 г. окончил Училище правоведения. В 1887 г. арестован и привлечен к дознанию за связь с народовольцами, готовившими покушение на Александра II. В 1895–1899 гг. товарищ прокурора Петербургского окружного суда. Потом перешел в адвокатуру. Был прекрасным судебным оратором и одним из лучших уголовных защитников. После Февральской революции вошел в ТНСП. Министр юстиции во втором коалиционном правительстве, сформированном 24 июля (6 августа) 1917 г. После Октябрьского переворота отошел от политической деятельности. В 20-х годах член коллегии ленинградских адвокатов, юрисконсульт ленинградского отделения Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопереселенцев.

¹⁰⁴ Каринский Н.С. Прокурор петроградской судебной палаты, в 1917 г. в его руках были сосредоточены следственные материалы по делам большевиков. После июльских событий и реорганизации Временного правительства был назначен на должность старшего председателя судебной палаты.

¹⁰⁵ Служивший в это время в 1-й запасной артиллерийской бригаде (размещавшейся в Москве) В.В. Савинков, брат Б.В. Савинкова, оставил любопытные размышления о причинах разложения русской армии летом 1917 г. На наш взгляд, оценки эти тем более любопытны, что он не был кадровым офицером (офицерское звание он получил, окончив за 7 месяцев Константиновское артиллерийское училище), в молодости, по его собственным словам, принимал участие в эсеровской партийной работе, но в то же время в 1917 г. смотрел на все происходящее в стране и армии «изнутри», из казармы. По мнению В.В. Савинкова, «в разложении армии виновно не только правительство и совдепы, но и высшее командование. Оно могло (ибо было в армии властью) не допустить приказов Гучкова и № 1. Мало того, оно могло оказать решительное и твердое сопротивление разрушительным мероприятиям и влияниям Петербурга. Даже влиять на него могло. Ничего этого не было сделано — признак слабости и растерянности» (ГАРФ. Ф. 5901. Оп. 1. Д. 3. Л. 155). «Не раз слышал я, что приказу № 1 придается-де слишком серьезное значение; армия-де начала разлагаться до революции и приказ № 1 ничего не прибавил и не убавил в неизбежном процессе разложения фронта. Говорили, что и до революции бывали-де случаи отказа частей от выхода на позиции, развивалось дезертирство, падала дисциплина и т.д. Да, конечно, случаи дезертирства были — и много — но дезертирство не было массовым; да, случаи неисполнения приказаний бывали, но они все-таки оставались единичными; да, бывали случаи неповиновения офицерам, нарушения дисциплины. Все это было. Но все это было явлением *естественным*. Это были *нормальные* последствия военных неудач и утомления войной. Это были нормальные функции — нормальные отбросы — живого существа армии. Эти явления наблюдались во всех армиях, однако все армии сражались и не превратились в заживо гниющие трупы, как армия русская. Конечно, приписать весь развал приказу № 1 — нелепо. Но отрицать за ним значение сильного толчка — первого толчка, в некотором роде прививки гнилостных бактерий — тоже нельзя.

Другим разлагающим началом явилось сознание безнаказанности, вызванное отменой смертной казни. На войне, где ежедневный быт хуже всякой каторги; где смерть сторожит человека со всех сторон и нет почти времени, когда он был бы в безопасности, думая посылать на смерть «жалкими словами». И кого — простого, т.е. в высшей степени ограниченного человека! В этом акте — нестерпимая маниловщина, невероятное непонимание обстоятельств и — что хуже всего — величайшее презрение к *человеку*; к тому, кто в силу доблести, чести, чувства долга не оставляет поста, и поощрение *животного* — того, кто спасая себя, бежит, бросив на произвол судьбы и своих братьев и родину и все то, чем человек отличается от скота.

Смертная казнь на фронте — единственное средство принуждения. Добровольно умирать можно либо будучи сознательным и высоким патриотом, либо в моменты массового воодушевления, какое было, например, в начале войны. Но всякий порыв проходит, а необходимость умирать остается. Умирать добровольно, ежеминутно, ежедневно, в течение месяцев, а то и лет — этого обыкновенный человек не может. У каждого непременно возникнет в один прекрасный день стремление избавиться, наконец, от грязи, скуки, тяжести жизни и непрерывной,

так надоевшей смертельной опасности. И тогда неизбежно принуждение. Тогда неизбежно *заставить* человека забыть о себе.

Боец всегда идет в сражение с надеждой остаться живым. Он молится, чтобы пуля его миновала, несмотря на то, что потери неизбежны, сражение оставляет надежду на жизнь. Бегство с поля сражения, дезертирство, должны быть страшнее сражения: они должны *неминуемо*, не оставляя ни малейшей надежды, кончаться смертью» (Там же. Л. 46–47).

¹⁰⁶ Прокопович Сергей Николаевич (1871–1955). Окончил Брюссельский университет. Один из лидеров «экономистов», затем «нефракционный социалист». В 1904 г. вошел в «Союз освобождения». В 1905 г. член Временного ЦК кадетской партии, но вскоре вышел из нее. Во время 1-й мировой войны служил в Московском областном Военно-промышленном комитете. В 1917 г. — председатель Главного экономического комитета и заместитель председателя Экономического совета Временного правительства, министр торговли и промышленности, затем министр продовольствия. В августе председательствовал на ряде заседаний Государственного совещания в Москве, выступил на нем с докладом, в котором призывал к «решительным мерам» и борьбе с революционным движением. Активный участник борьбы с Октябрьским переворотом. Один из организаторов шествия членов городской думы к Зимнему дворцу, член «Комитета спасения родины и революции». Председатель подпольного Временного правительства. Член «Союза возрождения России». В 1921 г. один из руководителей «Всероссийского комитета помощи голодающим Поволжья» (Помгол). В 1922 г. выслан из России.

¹⁰⁷ Терещенко Михаил Иванович (1886–1956). Крупный землевладелец, сахарозаводчик, финансист. Окончил Киевский и Лейпцигский университеты. После 1910 г. мASON, в 1912 г. возглавил ложу «Верховный Совет народов России». Член IV Государственной думы. В 1915–1917 гг. товарищ председателя Всероссийского военно-промышленного комитета. После Февральской революции министр финансов, затем министр иностранных дел Временного правительства, член Директории, товарищ министра-председателя. Арестован во время Октябрьского переворота, содержался в Петропавловской крепости. После освобождения весной 1918 г. эмигрировал. Поддерживал белое движение.

¹⁰⁸ Некрасов Николай Виссарионович (1879–1940). Окончил Институт инженеров путей сообщения. Депутат III и IV Государственных дум. В 1909–1917 гг. член ЦК партии кадетов, один из лидеров левого крыла партии. После Февральской революции был министром путей сообщения Временного правительства. Во время июльского кризиса вышел из партии кадетов и вступил в радикально-демократическую партию. После кризиса — товарищ министра-председателя и министр финансов. С сентября — генерал-губернатор Финляндии. После Октября принимал участие в работе подпольного Временного правительства. С начала 1918 г. жил под фамилией Голгофский, работал в системе кооперации. В 1921 г. был опознан и арестован, но вскоре освобожден. В 1921–1930 гг. работал в Центросоюзе, преподавал в московских вузах. В ноябре 1930 г. арестован, приговорен к 10 годам заключения по делу т.н. ЦК РСДРП(м). В марте 1933 г. досрочно освобожден. В 1939 г. вновь арестован и 7 мая 1940 г. расстрелян.

¹⁰⁹ Гед Ж. (1845–1922). Видный французский социалист. Основатель первой марксистской газеты во Франции. Вместе с К. Марксом, Ф. Энгельсом и П. Лафаргом выработал программу Французской социалистической партии. Один из

организаторов и руководителей II Интернационала. С начала 1-й Мировой войны занял националистические позиции и вошел в правительство Франции.

¹¹⁰ Суды Линча, линчевание — расправа без суда и следствия (самосуд), пытки, издевательства и глумления над жертвами. Возникли в США. Термин восходит к фамилии полковника-расиста Линча (XVIII век).

¹¹¹ Сургучев Дмитрий Павлович (?–1918). Член Учредительного собрания от Юго-Западного фронта и Военной комиссии ЦК ПСР. Во фракции эсеров Учредительного собрания входил в группу оппозиционеров, выступавшую против «парламентаризма» большинства и ратовавшую за активные действия. После реорганизации в конце ноября 1917 г. Центральной военной комиссии ЦК ПСР вошел в ее президиум. 3 января 1918 г. принимал участие в совместном заседании Военного отдела и бюро Военной комиссии, на котором был избран Боевой штаб по подготовке выступления в день открытия Учредительного собрания. Делегат 8-го Совета ПСР от Московского областного железнодорожного бюро, член Комуча и президиума съезда членов Учредительного собрания. Расстрелян большевиками.

¹¹² Брудерер (Бруделер) Александр Арнольдович (?–1918). Член ПСР, член Военной комиссии ЦК ПСР, комендант Владимирского военного училища (назначенный в октябрьские дни 1917 г. Комитетом спасения Родины и Революции). Накануне юнкерского выступления был арестован, в январе 1918 г. освобожден под поручительство партии. По словам Е.М. Тимофеева на процессе социалистов-революционеров «он был освобожден просто по простому письму Центрального Комитета нашей партии о том, что т. Брудерер являясь членом нашей партии и действовал соответственно нашим директивам» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 23. Л. 279). Выбыл из Военной комиссии ЦК ПСР после IV съезда партии. Погиб на восточном фронте, сражаясь против Колчака. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело прекращено в связи со смертью обвиняемого.

¹¹³ Святицкий Николай Владимирович (1887–1937). Юрист по образованию, адвокат, участник революции 1905–1907 гг., до весны 1912 г. находился в эмиграции. В февральские дни, по его собственному признанию, организовал поджог здания Петроградского Охранного отделения. Член комиссии ЦК ПСР по выборам в Учредительное собрание, редактор «Партийных известий». Член Учредительного собрания от Харьковского избирательного округа, секретарь Комуча. Член группы «Народ». После гражданской войны работал в различных советских учреждениях. Репрессирован.

¹¹⁴ Сикорский Симон Вольфович (Ш.В.) (ок.1880 — 1928) Член ПСР. Отбывал Нерчинскую каторгу вместе со Спиридоновой, Гершуни, Карповичем и Созоновым. Член ВОБПКиС. В 1924 — один из организаторов артели инвалидов «Теххимик» в системе предприятий ВОБПКиС, был членом её Правления.

¹¹⁵ Леонович-Ангарский (настоящая фамилия Леонович) Василий Викторович, (1875–1932). Учился на юридическом факультете Петербургского университета, курс не закончил, примкнул к народовольцам. Неоднократно арестовывался и ссылался. В конце 1901 г. был одним из организаторов Уральского союза с.-д. и с.-р. В марте 1903 г. после расстрела бастовавших рабочих в Златоусте он вместе с Г.А. Гершуни разработал план покушения на уфимского губернатора Н.М. Богдановича. После убийства Богдановича рабочим Е.О. Дулебовым арестован и

свыше 10 месяцев провел в заключении. В апреле 1904 г. освобожден из-за отсутствием улик. В 1903 г. кооптирован в ЦК ПСР. В июне 1905 г. арестован в Одессе в период восстания на броненосце «Потемкин» и сослан в Чернигов. Перешел на нелегальное положение. Один из создателей организационного устава партии эсеров. После I съезда ПСР уполномоченный ЦК ПСР по Москве, а затем по Петербургу, участвовал в работе 2-го Совета партии и по предложению ЦК введен в состав Центрального Оргбюро. В 1906–1907 гг. член Летучего боевого отряда эсеров под руководством А.Д. Трауберга, связной между отрядом и ЦК. С 1908 г. в эмиграции. Один из инициаторов создания специальной комиссии по расследованию провокаций в партии эсеров. Вскоре отошел от активной политической деятельности, но членства в партии не прервал. В годы Первой мировой войны сблизился с группой эсеров-интернационалистов, был членом редакций газет «Мысль» и «Жизнь». После февральской революции член объединенного партийного комитета, занимавшегося отправкой политических эмигрантов в Россию. В августе 1917 г. вернулся в Россию, но от деятельности в партии отошел. С 1919 г. читал лекции, был членом Общества политкаторжан, преподавал литературу, выступал с лекциями по истории революционного движения.

¹¹⁶ Юрицин Сергей Петрович — литератор, был редактором «Сына Отечества», с 21 августа 1917 г. редактор газеты «Дело народа». Член Учредительного собрания от Херсонской губернии.

¹¹⁷ Имеется в виду взятие Риги немцами в результате поражения русской армии в ходе Рижской оборонительной операции 19–24 августа (1–6 сентября). Воззвание от имени ЦК ПСР «по поводу отступления русских войск в рижском районе» было опубликовано 22 августа в газете «Дело народа» и призывало «всех граждан к сохранению спокойствия и исполнению долга» (См.: Партия социалистов революционеров. Т. 3. Ч. 1. С. 744).

¹¹⁸ Стокгольмская международная социалистическая конференция всех воюющих и нейтральных стран должна была собраться в августе 1917 г., чтобы добиться единства действий социалистических сил в достижении мира без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов. О своем согласии участвовать в ней заявило большинство социалистов. Однако правительства союзных стран заявили, что не выдадут паспорта делегатам этой конференции. Отрицательно относились к ней и второе коалиционное Временное правительство во главе с А.Ф. Керенским. В итоге конференция не состоялась.

¹¹⁹ Пешехонов Алексей Васильевич (1867–1933). Один из основателей и лидеров Трудовой народно-социалистической партии. Член редколлегии журнала «Русское богатство». Во время Первой мировой войны занимал сначала оборонческую, затем революционно-оборонческую позицию. В 1917 г. — комиссар Петроградской стороны, министр продовольствия во Временном правительстве. Поводом для его ухода в отставку стало повышение вдвое без его ведома твердых цен на хлеб. К Октябрьской революции относился отрицательно, являлся сторонником создания широкой коалиции для борьбы с большевиками, один из основателей и активных деятелей «Союза возрождения России». Участвовал в белом движении. После гражданской войны работал в различных статистических органах. В 1922 г. выслан из России. С 1927 г. советский консультант по экономическим вопросам в странах Прибалтики.

¹²⁰ Имеется в виду Римский Папа, глава католической церкви и государства Ватикан. В описываемое время Папой был Бенедикт XV (1914–1922).

¹²¹ Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918). Окончил Сибирский кадетский корпус (1889), Михайловское артиллерийское училище (1892), Академию генерального штаба (1898). Служил в штабе Туркестанского военного округа, участвовал в русско-японской войне. Отличившись в боях с японцами, награжден золотым оружием «за храбрость» и произведен в полковники. В 1907–1911 гг. служил военным агентом (атташе) в Китае и в частях пограничной стражи. Во время Первой мировой войны командовал дивизией, корпусом. Попал в плен, бежал. После Февральской революции — главнокомандующий войсками Петроградского военного округа, в мае-июле командовал 8-й армией и войсками Юго-Западного фронта. Генерал от инфантерии (1917). С 19 июля по 27 августа 1917 г. Верховный главнокомандующий. 25 августа 1917 г. отдал приказ о движении войск на Петроград, потребовал отставки Временного правительства. После подавления мятежа был арестован, содержался в Быкове. Бежал в Новочеркасск, где возглавил Добровольческую армию. Убит при штурме Екатеринодара.

«Программа» Корнилова была изложена им 3 августа в докладе А.Ф. Керенскому, в котором ввиду нарастающего хозяйственного паралича, ставящего под угрозу снабжение армии, предлагались милитаризация фабрик, заводов, железных дорог и введение смертной казни в тылу. Керенский признал, что в докладе был изложен «целый ряд мер, в огромном большинстве вполне приемлемых», но «оглашение» которых в такой редакции могло спровоцировать революционное выступление». 17 августа Керенский сообщил Савинкову, что принципиально согласен с «Запиской» Корнилова, доработанной Савинковым и верховным комиссаром правительства в Ставке М.М. Филоненко, и дал поручение разработать соответствующий законопроект.

Отношение эсеровской партии к выступлению Корнилова нашло свое отражение в редакционной статье «Дела народа» от 28 августа 1917 г., в которой сторонники генерала характеризовались как «Предатели народа, изменники страны [...] Это не идейные враги демократии, отстаивающие свои взгляды во имя революции, в силу их понимания своих общественных задач. Так с ними и должно быть поступлено, — как с заговорщиками на самое существование страны. Решительные и беспощадные меры против них — таков должен быть образ действий правительства и революционной демократии» (Партия социалистов-революционеров. Т. 3. Ч. 1. С. 746).

¹²² Алексеев Михаил Васильевич (1857–1918). Окончил Московское пехотное юнкерское училище и Академию Генерального штаба. Служил в Главном штабе и одновременно в 1898–1904 гг. был профессором кафедры военной истории Академии Генерального штаба. Генерал от инфантерии. В годы Первой мировой войны нач. штаба Юго-Западного фронта, командующий Северо-Западным фронтом, с 1915 г. начальник штаба Ставки, в марте–мае 1917 г. Верховный главнокомандующий. После октября 1917 г. возглавил Добровольческую армию. Весной 1918 г. в звании верховного руководителя Добровольческой армии стал во главе Особого Совещания, выполнявшего функции правительства при Деникине. Умер в Екатеринодаре.

¹²³ Речь идет о Петроградской городской страховой конференции, состоявшейся 21 августа 1917 г., на которой рассматривались вопросы о текущем моменте и социальном страховании, о созыве страхового съезда и др. Среди делегатов преобладали меньшевики-интернационалисты и левые эсеры, участвовали также

большевики. Была принята резолюция против арестов и гонений на представителей левого крыла революции. Левый эсер В.А. Алгасов выступил на конференции с речью, которая широко рекламировалась «Правдой» и другими большевистскими печатными органами.

¹²⁴ Львов Владимир Николаевич (1872–1934). Депутат III и IV Государственных дум от Самарской губ., в Думе был председателем комиссии по делам православной церкви и несколько раз выступал с речами о необходимости оградить православие от растущего влияния сектантства. В 1910 г. из партии октябристов переходит к националистам. В 1911 г. выходит и из этой партии и становится одним из организаторов «партии центра». Во Временном правительстве с марта по июль 1917 г. занимал пост обер-прокурора Святейшего синода (фактически министр по делам вероисповеданий), сыграл большую роль в достижении соглашения о правительственной коалиции. Участвовал в организации движения ген. Л.Г. Корнилова. После Октября 1917 г. политической деятельностью не занимался. В 1920 г. эмигрировал. В 1921 г. был одним из видных сменовеховцев. В 1922 г. вернулся в Россию. В 1923–1924 гг. участвовал в церковном обновленческом движении. В 1927 г. арестован и выслан в Томск, в 1929 г. освобожден.

¹²⁵ Кокошкин Федор Федорович (1871–1918). Один из основателей и руководителей кадетской партии. Профессор конституционного права в Московском университете. В 1917 г. возглавлял Юридическое совещание, председательствовал в специальной комиссии по выработке закона об Учредительном собрании; государственный контролер во Временном правительстве (август–сентябрь 1917). Арестован большевиками в декабре 1917 г. Убит в тюремной больнице красноармейцами.

¹²⁶ Филипповский Василий Николаевич (1889–1940). Окончил Рижский Политехнический институт. Член ПСР с 1903 г. В 1905–1906 гг. отбывал тюремное заключение в Кронштадтской крепости по обвинению в принадлежности к партии эсеров, затем выслан на 2 г. в Вологодскую губернию. Старший лейтенант флота. В апреле 1917 г. участник Второй Петроградской конференции ПСР. На I Всероссийском съезде Советов РСД избран во ВЦИК. Член бюро эсеровской фракции Учредительного собрания. До лета 1918 г. работал в Москве в профессиональных союзах металлистов и торгово-промышленных служащих. Председатель Совета управляющих ведомствами и управляющий ведомством торговли и промышленности Комуча, Съезда членов Всероссийского Учредительного собрания. Во время колчаковского переворота в ноябре арестован в Уфе и до января 1919 г. находился в омской тюрьме, откуда бежал. До апреля 1919 г. на нелегальной партийной работе в Сибири. С августа 1919 г. нелегально проживал на Кавказе (в том числе в г. Тифлисе). Председатель Комитета по освобождению Черноморья от Деникина и Врангеля. После занятия Черноморского побережья Кавказа Красной армией арестован в г. Сочи как видный социалист-революционер и направлен Кубано-Черноморской ЧК в ВЧК. Освобожден в сентябре 1920 г. вместе с четырьмя другими лидерами эсеров Причерноморья на условиях дачи подписки об отказе в дальнейшем от вооруженной борьбы с большевиками. В ноябре 1921 г. арестован, содержался в Бутырской тюрьме. 17 января 1922 г. обращался в Президиум ВЧК с заявлением о признании дачи подписки ошибкой и с просьбой об аннулировании подписки. В своем обращении подчеркивал, что этот коллективный шаг, «противоречащий революционным традициям», они делали вполне сознательно, «учитывая как нам тогда казалось, все его последствия, как парт., так и персональные»

(«Подписка для нас не освещалась моментом, уводящим нас ни по форме, ни по существу от партийно-революционной работы. Самую же унижительность факта дачи подписки мы решили перешагнуть, принимая в соображение интересы революции и партии, как мы их понимаем в тот момент»), и был обусловлен теми особыми условиями, которые сложились в Черноморье, где «создался язык взаимного понимания между социалистическими партиями, существовал формальный единый социалистический фронт и была полная свобода социалистического мнения. Не отказываясь от лозунгов народовластия, мы считали, что в данный исторический момент в местных условиях партия социалистов-революционеров должна провозгласить лозунг диктатуры трудового народа. Наша Советская система была построена на принципах свободно выбранных советов и на политическом равноправии крестьян и рабочих. Мы не мыслили себе в дальнейшем возможность вооруженной борьбы с большевизмом и хотели верить, что в будущем после окончательного разгрома реакции, когда сомкнутся наши ряды, мы сумеем найти общий язык с коммунистами и излить наши разногласия путем борьбы мнений и апелляций к народу для разрешения наших разногласий» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 65. Л. 47–48). 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. На процессе партии социалистов-революционеров — свидетель защиты. Как бывший Председатель Совета управляющих ведомствами Комуча давал подробную характеристику деятельности эсеровского правительства. В декабре 1922 г. — в Бутырской тюрьме; в 1923 г. приговорен к 3 годам концлагерей, срок отбывал на Соловках; в 1925 г. в ссылке в Усолье; в 1931 г. — в Астрахани; в январе 1933 г. арестован, в июле 1934 г. дело прекращено; в 1936 вновь арестован и приговорен к 8 годам лишения свободы. Погиб в лагерях на Колыме.

¹²⁷ Высоцкий Александр Давыдович (? — после 1937). В ПСР с начала 900-х годов. В июле 1917 г. избран председателем Петроградского городского комитета ПСР, гласный губернского земства и петроградской городской думы, депутат Учредительного Собрания от Петроградской губернии. Председатель центрального издательства ПСР. Арестован 5 ноября 1921 г., содержался во Внутренней тюрьме ГПУ. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. В сентябре 1922 г. в Ярославском политизоляторе. 7 сентября 1923 г. приговорен к 3 годам заключения в Соловецком лагере особого назначения, в ноябре 1923 г. — к 3 годам ссылки в Тюмень; в феврале 1924–1925 г. содержался в Суздальском политизоляторе. В августе-октябре 1926 г. в Свердловске, в январе 1927 — сентябре 1929 г. в Обдорске. В ноябре 1929 г. отправлен из Обдорска в Барнаул. Дальнейшая судьба неизвестна.

¹²⁸ Церетели Ираклий Георгиевич (1881–1959). Учился на юридических факультетах Московского и Берлинского университетов. За участие в студенческом движении арестован и сослан в Иркутск. Вернувшись из ссылки, входил в Тифлисский комитет РСДРП. Член II Государственной думы. На V съезде РСДРП выступал с докладом о деятельности с.-д. фракции в Думе. В 1907 г. арестован вместе с другими членами с.-д. фракции, приговорен к 5 годам каторги, после отбытия которой выпущен на поселение в Иркутской губ. В годы Первой мировой войны — центрист, осуждал как оборончество, так и пораженчество. Вернувшись

после Февральской революции в Петроград, стал одним из лидеров меньшевиков. По мнению В.С. Войтинского, «главная его сила была в том, что он знал, чего хотел, имел определенный план, верил в него и умел с точки зрения этого плана рассматривать частные вопросы, выдвигаемые жизнью. 19 марта Церетели в первый раз говорил перед рабочей секцией Совета, а 22-го он уже был признанным, бесспорным руководителем Исполнительного комитета [...]. По мере того, как усложнялась политическая обстановка, по мере того, как росли колебания в рядах наших политических единомышленников, эта уверенность Церетели не только не уменьшалась, но как будто крепла, — и это все более усиливало его влияние как главы течения». О «большой личной симпатии» к Церетели, «несмотря на все частные расхождения в политических диагнозах и прогнозах, назревавшие в ходе развертывания сложнейших противоречий революции» писал и В.М. Чернов (Чернов В.М. Перед бурей. С. 320). Член Исполкома Петросовета, тов. председателя ВЦИК. Министр почт и телеграфов в первом коалиционном Временном правительстве, исполняющий обязанности управляющего Министерства внутренних дел. Выступал в защиту Учредительного собрания. После его разгона уехал в Грузию. Один из создателей Грузинской демократической республики. После ее падения эмигрировал. До 1948 г. жил во Франции, затем в США.

¹²⁹ Директория, или Совет пяти — коллегия, состоявшая из пяти министров Временного правительства (министр-председатель А.Ф. Керенский, министр иностранных дел М.И. Терещенко, военный министр А.И. Верховский, морской министр Д.И. Вердеревский, министр почт и телеграфов А.М. Никитин), образованная его постановлением 1 сентября 1917 г. Прекратила свое существование 25 сентября с образованием третьего коалиционного правительства. 27 августа 1917 г. В.Н. Рихтер выступил на заседании ЦИК Советов РСД и от имени ЦК ПСР предложил «избрать особую делегацию к т. Керенскому и предложить ему, как наилучший выход из создавшегося положения, сохранить Временное правительство в том виде, в каком оно находится в данный момент, и заменить ушедших министров-кадетов другими лицами, по усмотрению самого Керенского. Если необходима директория или иная какая-либо форма власти, то партия поддержит, но при условии, если эта власть будет энергично бороться с контрреволюцией и стоять всецело на платформе программы 8 июля» (Партия социалистов-революционеров. Т. 3. Ч. 1. С. 746).

¹³⁰ Кишкин Николай Михайлович (1864—1930). Член «Союза освобождения», член ЦК кадетской партии с момента ее основания в 1905 г. В годы Первой мировой войны Заместитель Главноуполномоченного и член Главного комитета Всероссийского союза городов. В дни Февральской революции назначен комиссаром Временного правительства в Москве, затем избран председателем исполкома Комитета московских общественных организаций. С конца сентября — министр государственного призрения, глава Особого совещания по разгрузке Петрограда. 25.10.1917 г. получил от Временного правительства полномочия по водворению порядка в столице с подчинением ему всех военных и гражданских властей. Арестован вместе с другими министрами в Зимнем дворце и заключен в Петропавловскую крепость, освобожден весной 1918 г. В 1919 г. арестовывался по делу о «Тактическом центре». В 1921 г. входил во Всероссийский комитет помощи голодающим. После запрета Помгола арестован, сослан в Вологду. В середине 20-х годов вернулся в Москву, несколько раз арестовывался.

¹³¹ Скобелев Матвей Иванович (1885—1938). В социал-демократическом движении с 1903 г. В 1906—1912 в эмиграции. Депутат IV Государственной Думы, после раскола с.-д. фракции вошел в меньшевистскую ее часть. Летом 1914 г. один из руководителей стачки бакинских нефтепромышленных рабочих. В 1915 г. отбывал 4-месячное тюремное заключение (без лишения депутатских полномочий). В годы Первой мировой войны сторонник революционного оборончества. В дни Февральской революции организовывал восстания в Кронштадте и Свеаборге. На I Всероссийском съезде Советов избран тов. Председателя ВЦИК. В мае-сентябре 1917 г. министр труда Временного правительства. В августе избран кандидатом в члены ЦК РСДРП. Активно выступал против действий Корнилова. В ноябре 1917 г. вышел из ЦК и рядов РСДРП, входил в Комитет спасения родины и революции. В конце 1918 г. уехал в Закавказье. С конца 1920 г., будучи за границей, до 1925 г. являлся неофициальным торгпредом РСФСР во Франции. В 1922 г. принят в РКП(б). С 1926 г. возглавлял концессионную комиссию РСФСР. В 1936—1937 гг. работал в Всесоюзном радиокомитете. Расстрелян.

¹³² Лукомский Александр Сергеевич (1868—1939). В 1897 г. окончил Академию Генерального штаба, участник 1-й мировой войны, генерал-квартирмейстер Ставки. С 1916 г. — генерал-лейтенант. В июне—августе 1917 г. начальник штаба главнокомандующего генерала Корнилова. В сентябре арестован Временным правительством как активный участник корниловского мятежа. В ноябре бежал из тюрьмы при содействии генерала Духонина, включился в формирование Добровольческой армии, помощник командующего Добровольческой армией (1918—1919), председатель правительства при генерале А.И. Деникине (1919—1920). С марта 1920 г. представитель Врангеля в Константинополе. Остался в эмиграции.

¹³³ Декларация Временного правительства от 8 июля 1917 г. содержала обязательства провести в намеченный срок (17 сентября) выборы в Учредительное Собрание, обеспечить скорейшее введение городского и земского самоуправления, уничтожить сословия, принять меры против хозяйственной разрухи, разработать законы о 8-часовом рабочем дне, охране труда, социальном страховании, выработать проект земельной реформы.

¹³⁴ С утра 28-го августа 1917 г. к Луге стали прибывать эшелоны с частями, подчиняющимися Л.Г. Корнилову. Гарнизоны близлежащих городов были развернуты вблизи железнодорожных линий и шоссе, преграждая Корнилову пути к Петрограду.

¹³⁵ Верховский Александр Иванович (1886—1938). Окончил Академию Генерального штаба (1911). С начала Первой мировой войны на фронте в Восточной Пруссии. С 1915 г. начальник оперчасти штаба 22-го корпуса Юго-Западного фронта, с июля в штабе 9-й армии, с декабря — 7-й армии. С марта 1916 г. подполковник, начальник штаба группы войск, предназначенной для овладения Трапезундом с моря. В сентябре-декабре 1916 г. помощник по оперчасти российского представителя при Румынской главной квартире. С начала 1917 г. начальник штаба Черноморской дивизии. В марте 1917 г. избран товарищем председателя Севастопольского совета. С 31 мая полковник и командующий Московским военным округом (МВО). С 30 августа военный министр, 1 сентября введен в состав Директории с присвоением звания генерал-майора. Сохранил пост военного министра в новом составе правительства. 3 ноября вместе с членами ЦК ПСР направился в Ставку верховного главнокомандующего, где Общеармейский комитет и лидеры социалистических партий пытались создать «Общесоциалистическое правительство». После провала этого

плана отошел от политической деятельности. С 1919 г. в Красной армии на Восточном фронте. С 1921 г. в Академии РККА, в 1922 г. военный эксперт советской делегации на Генуэзской международной конференции. С 1930 г. начальник штаба Северо-Кавказского военного округа. В июле 1931 г. по обвинению в антисоветской деятельности приговорен к расстрелу, в декабре 1931 г. приговор заменен на 10 лет лагерей. В сентябре 1934 г. досрочно освобожден. В августе 1938 г. приговорен к высшей мере наказания, расстрелян в тот же день.

¹³⁶ Карташев Антон Владимирович (1875–1960). В 1906–1917 гг. профессор Высших женских (Бестужевских) курсов в Петербурге. В 1909 г. стал председателем Религиозно-философского общества в Петербурге. В первые дни после Февральской революции вступил в Конституционно-демократическую партию; член ЦК партии. Вошел во 2-е коалиционное Временное правительство; с 24 июля обер-прокурор Священного Синода. С 5 августа после упразднения этого поста во главе министерства исповеданий. Сторонник генерала Л.Г. Корнилова. Вечером 25 октября вместе с другими членами правительства арестован в Зимнем дворце и отправлен в Петропавловскую крепость. Освобожден в начале 1918 г. Один из руководителей «Национального центра». В январе 1919 г. уехал в Финляндию, где возглавил Русский комитет (с мая — Политический центр). Оказывал помощь армии генерала Н.Н. Юденича. С 1925 г. профессор Русского богословского института Святого Сергия в Париже.

¹³⁷ Пальчинский П.И. (1875–1929). После Февральской революции член Исполкома Петросовета, товарищ министра торговли и промышленности Временного правительства. 10 августа уволен с должности товарища министра, а 30 августа назначен Керенским генерал-губернатором Петербурга вместо занимавшего это место Б.В. Савинкова. 25 октября начальник обороны Зимнего дворца. После Октябрьской революции председатель Русского технического общества, член бюро Центрального совета экспертов и консультант ряда учреждений по техническим и экономическим вопросам. В июне 1918 г. арестован как бывший член Временного правительства, но в феврале 1919 г. освобожден. Осужден по делу Промпартии и расстрелян.

¹³⁸ «Новая жизнь» — ежедневная газета, издавалась группой социал-демократов «интернационалистов» (В.А. Базаров, В.А. Десницкий, Н.Н. Суханов, А.Н. Тихонов и др.) с апреля 1917 по июль 1918 г. (главный редактор — М. Горький). В редакцию входили Н. Суханов, В. Строев, М. Горький и др. Не будучи узкопартийной газетой, выражала взгляды одного из левых течений социалистически настроенной интеллигенции. За оппозицию к правящим режимам газета подвергалась преследованиям как со стороны Временного правительства, так и со стороны большевиков. Закрыта постановлением комиссариата по делам печати, агитации и пропаганды Петроградской коммуны.

¹³⁹ Коган-Бернштейн Матвей Львович (1886–1918). Окончил Гейдельбергский университет (1909) и позже защитил докторскую диссертацию. Вернулся в Россию в 1909 г., работал в правлении Общества торгово-промышленных служащих в Ростове-на-Дону, возглавлял местную организацию партии эсеров. В 1914 г. арестован и выслан под гласный надзор полиции в Воронеж. В годы I мировой войны — интернационалист. Осенью 1916 г. призван в армию, но вскоре по болезни освобожден от военной службы и вернулся в Воронеж. После Февральской революции председатель Воронежского губкома ПСР и член редколлегии газеты «Социалист-револю-

ционер». Избран гласным Городской думы и депутатом Воронежского совета РСКД. Участник III и IV съездов ПСР. На IV съезде избран в ЦК — представитель левого центра. Член ВЦИК 1-го, 3-го и 4-го созывов. Возглавлял фракцию эсеров центра во ВЦИК. Участвовал в 8-м Совете ПСР, на котором, не соглашаясь с большинством ЦК, выступал «против» вооруженной борьбы с большевиками. В июне 1918 г. Постановлением ВЦИК лишен депутатского мандата. В августе нелегально перешел Восточный фронт и прибыл в Самару. Входил в Комитет членов Всероссийского учредительного собрания (Комуч). В сентябре демонстративно покинул Уфимское государственное совещание и решил вернуться в Советскую Россию. При переходе фронта в районе Сызрани задержан и расстрелян как член Комуча.

¹⁴⁰ 13 сентября 1917 г. ЦК ПСР принял следующее постановление: «Об отношении с трудовой народно-социалистической партией на выборах в Учредительное собрание и муниципальные органы ЦК постановил: 1) предоставить местным организациям право возбуждать перед ЦК в тех случаях, когда имеется опасность прохождения несоциалистических списков, вопрос о составлении общих с трудовой народно-социалистической партией списков в Учредительное собрание; 2) признать желательным соединение списков для использования остатков голосов; 3) считать возможным соглашение обоих центров относительно выставления кандидатуры отдельных лиц, принадлежащих к трудовой народно-социалистической партии; 4) в области муниципальных выборов считать желательным проведение отдельных лиц из числа членов труд. н.-соц. партии; 5) согласовать работу в местных Советах раб., солд. и крест. депутатов с фракциями трудовой народно-социалистической партии» (См.: Партия социалистов-революционеров. Т. 3. Ч. 1. С. 886–887).

¹⁴¹ Вероятно, Пастухов Николай Тимофеевич — член ПСР, делегат III съезда партии от военной организации ПСР Балтийского (Ревельского) флота. Отношение революционной среды к подавшим прошение о помиловании или о смягчении своей участи в целом сформировалось к 90-м годам XIX века. Правилom (но не аксиомой) стало следующее — революционер, подавший прошение о помиловании, из каких бы соображений он при этом не исходил, в глазах своих товарищей превращался в отступника, а то и «полуренегата». Ни о какой возможности дальнейшей революционной деятельности и сохранения товарищеских отношений даже речи не велось. Собственно говоря, власти, разобравшись в этих тонкостях, также крайне серьезно относились к подобным прошениям, отдавая себе отчет, что обманом или тактической хитростью они не могут быть, ибо обратной дороги к своим товарищам у «прошениста» («подаванца») нет. Говоря проще, подавший прошение не на словах, а на деле немедленно, как только это становилось известным его товарищам, абсолютно неотвратимо и необратимо переставал быть революционером. В то же время в источниках можно встретить примеры гораздо более мягкого и снисходительного отношения к «прошенистам» и «подаванцам».

¹⁴² В своих комментариях к протоколам ЦК ПСР за этот период В.М. Чернов обратил внимание на этот момент заседания, отметив тогдашнюю характерную особенность внутрипартийной ситуации в ПСР: «“Правые” и “левые”, еще уживаясь в центрах, начали раскалываться в провинции». Он также добавил, что «впервые было отмечено опасное для партии явление: в Казани большинство организации, откинув обязательную партийную дисциплину, открыто брало более левый, сравнительно с партией, курс; это дало право меньшинству не подчиняться большинству, и, во имя верности партии, отклониться; но, по ближайшему

ознакомлению с позицией отколовшегося меньшинства, оказалось, что и оно не сообразуется с партийной линией поведения, а берет курс значительно правее» (См.: Вопросы истории. 2000. № 7. С. 14, 16).

¹⁴³ Этот вопрос был поставлен в повестку дня еще 4 сентября, однако тогда его обсуждение было отложено ввиду отсутствия на заседании автора статей. Суть же его, с точки зрения самого Чернова, состояла в том, что «этими статьями центральный орган партии впервые совершенно прямо и открыто занял позицию против Керенского. До тех пор в нем время от времени появлялись статьи, выражавшие недовольство той или иной стороной деятельности правительства. Таким образом, формальная принадлежность главы правительства к ПСР не связывала и органу партийного центра рук, не мешала относиться к разным шагам его критически. На этот раз впервые над общео политической Керенского произносился в центральном органе партии отрицательный, и достаточно суровый, приговор. Для некоторой части партии это было сенсацией. С правой стороны раздались протесты». На следующем заседании этот вопрос был «основным конфликтным» и рассматривался уже в присутствии самого «нарушителя спокойствия», «решительно поддерживавшего свою оценку общей линии поведения Керенского и доказывавшего, что иной оценки, при верности общему духу воззрений партии на революцию, быть не может. Лидер правого крыла Авксентьев обосновывал свой взгляд, по которому партия никоим образом не должна ослаблять позиции Керенского, который является единственным лицом, способным связывать социалистическую демократию с несоциалистической и тем обеспечивать Временному правительству широкую общественную базу, без которой оно потеряет свою прочность. Прения перешли на совершенно различную и даже противоположную трактовку проблемы, возможна ли далее эта связь без полной потери популярности Временного правительства в широких рабочих и крестьянских массах, которые в этом случае станут легкой жертвой большевистской демагогии». В результате прений имело место голосование, при котором только два члена ЦК, внесшие запрос, оказались неудовлетворенными объяснениями автора статей, два — в том числе сам автор — воздержались, а 9 членов признали мотивы В.М. Чернова правильными. В духе этого постановления было решено поручить редакции «Дела народа» составить особое заявление об отношении партии к Керенскому. Однако на следующий же день в несколько ином личном составе и в отсутствие В.М. Чернова вопрос был частично пересмотрен: семью голосами против шести решено было представленного редакцией заявления не печатать и «пройти инцидент молчанием». Тут же было постановлено дать право отдельным членам редакции в случае несолидарности со статьями В.М. Чернова заявить об этом на страницах партийного органа; вообще же было высказано пожелание, чтобы партийная пресса «при самой строгой и решительной критике правительства не допускала дискредитирования отдельных членов правительства из числа социалистов и личных нападков на них». За это высказалось восемь голосов, против — два, и трое воздержались, мотивируя это тем, что данная мысль, высказанная в общей форме и безотносительно к инциденту, есть азбучная истина, стремление же пристегнуть ее к вопросу о статьях против Керенского есть замаскированная попытка — в случайно несколько ином составе собрания и в отсутствие автора статей — если не пересмотреть, то ослабить уже состоявшееся решение ЦК, к тому же принятое на специально для этого вопроса собранном заседании» (См.: Вопросы истории. 2000. № 7. С. 14–15).

¹⁴⁴ Далее в протокольной записи пропущен пункт о статье В.В. Лункевича о Е.К. Брешко-Брешковской, в черновской версии протоколов зафиксированный следующим образом: «Слушали: Статью тов. Лункевича о Бабушке. Постановили: Не печатать». В.М. Чернов так прокомментировал эту коллизию: «Собранию было предложено, кроме того, обсудить статью известного писателя, члена редакции и Центрального комитета В.В. Лункевича, посвященную демонстративным выступлениям против партийной тактики со стороны «бабушки русской революции» Е.К. Брешковской (горячей поклонницы Керенского). Большинство высказавшихся признавало, что эти выступления — большое место партии, но что, принимая во внимание престарелый возраст и прошлые заслуги Брешковской, лучше данного вопроса в прессу не выносить, обходить эти выступления молчанием и потому статью В.В. Лункевича не печатать» (См.: Вопросы истории. 2000. № 10. С. 16; № 7. С. 15).

¹⁴⁵ Огановский Николай Петрович (1874—1938). Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, статистик, экономист. В годы Первой мировой войны оборонец, зав. статистическим бюро Всероссийского земского союза. В 1917 г. член ВЦИК Совета крестьянских депутатов, Совета Главного Земельного комитета, ЦК Трудовой народно-социалистической партии, участник Государственного и Демократического совещаний, член Предпарламента и Учредительного собрания. Осенью 1917 г. вышел из партии народных социалистов и примкнул к правым эсерам. В 1918 г. сотрудничал с Комучем, участник Уфимского государственного совещания, член Съезда членов Учредительного собрания, товарищ министра земледелия в правительстве Директории. После колчаковского переворота отошел от политической деятельности, работал в кооперации. От борьбы с большевиками перешел к сотрудничеству с ними. Участвовал в разработке 1-го перспективного плана развития сельского хозяйства СССР на 1922/23—1927/28 гг., автор нескольких проектов по сельскому хозяйству первой пятилетки. В 1930 г. арестован и осужден на 5 лет, заключение отбывал в Казахстане, а затем в Уфе. Освобожден в 1935 г.

¹⁴⁶ В.М. Чернов так откомментировал этот пункт протокола: «пришлось снова заняться вопросом об отклонении от партийной дисциплины на местах. В этом смысле было доложено о почти большевикобразной агитации старого члена партии, бывшего каторжанина Прошьяна, в Гельсингфорсе и решено было отозвать его оттуда в мягкой форме, но совершенно решительно; доложено было и о том, что вследствие нечеткости партийной линии руководящих партийных работников в Гельсингфорсе — Прошьяна, Устинова и некоторых других — большевики захватывают под свое влияние матросские массы, не встречая отпора. Положение было признано настолько серьезным, что решено было командировать в Гельсингфорс В.М. Чернова для выяснения и выпрямления партийной линии поведения» (См.: Вопросы истории. 2000. № 7. С. 15—16).

¹⁴⁷ В своих комментариях к протоколам заседаний ЦК ПСР В.М. Чернов отметил «странно звучащий пункт второго порядка дня заседания 12 сентября: “о необходимости партийного единства и репрессивных мерах против хулиганствующих делегатов”. Он имел в виду “охлакратические” тенденции недисциплинированной периферии партийных левых, умевшей выражать свою оппозиционность лишь буйными и грубыми выходками. Вот почему ЦК должен был пригрозить этим элементам “решительными мерами вплоть до исключения из партии”. Эти угрозы еще действовали, ибо левое крыло, фактически идя к расколу, все еще боялось

aussprechen was ist, боялась додумать свои мысли до конца и само мысленно еще отступало перед логическими последствиями своего поведения. В то же время ЦК 17 сентября единогласным постановлением своим, в ответ на запрос из Саратова, что не предьявляет отвода против кандидатуры в Учредительное собрание Устинова, подчеркнул, что в партии остается полная свобода мнений и что самые крайние левые товарищи могут замещать в партии ответственные места под условием уважения к партийной дисциплине» (См.: Вопросы истории. 2000. № 7. С. 24).

¹⁴⁸ Речь идет об обсуждении вопроса об избирательных округах по выборам в Учредительное собрание, в которых будет выставлена кандидатура лидера партии, В.М. Чернова. Как вспоминал В.М. Чернов, «списки кандидатов партии в Учредительное собрание, по общему правилу, составлялись на местах, но первое место в каждом списке должны были занимать указанные Ц[ентральным] к[омите]том лица; на практике они принимались по соглашению. Без прений была принята Тамбовская губерния как та, в которой В.М. Чернов начал во второй половине 90-х годов прошлого века работу в деревне, заложил (в селе Павлодаре) первое в России крестьянское братство и созвал (в г. Тамбове, в 1899 г.) первый небольшой крестьянский съезд. Затем была утверждена кандидатура по соседней Воронежской губернии, на которую простиралась в те же времена работа В.М. Чернова и где левонастроенная крестьянская организация считала своим неотъемлемым правом поставить имя В.М. Чернова во главе своего списка, и по Екатеринославской губернии, где того же самым настоятельным образом добивалась сильная рабочая организация ПСР; затем по Харьковской, по соображениям объединяющей роли имени В.М. Чернова для русских и украинских эсеров, и временно были оставлен открытым вопрос о пятом месте (по закону об Учредительном собрании один человек мог выставлять свою кандидатуру не более, чем в 5 местах). С одной стороны, специально приезжавший делегат из Киева заявил, что шансы списка социалистов-революционеров по Киевской губернии невелики, и что единственный способ поднять их — это возглавить список популярным именем лидера партии. Комиссия по составлению списков при ЦК, в согласии с самим В.М. Черновым, была очень склонна удовлетворить Киевское ходатайство, но этому мешал возникший конфликт с Петроградской организацией, в которой в это время сложилось сильное крайне левое большинство, и которая отвергала одного за другим всех тех кандидатов, которых им рекомендовал Ц[ентральным] к[омите]т для постановки во главе списка. Выяснилось, что кроме В.М. Чернова нет другого имени, которое бы обладало для них бесспорным авторитетом. В конце концов, чтобы избежать конфликта с Петроградской организацией, было решено уступить имя В.М. Чернова для их списка и пожертвовать для этого интересами Киевской организации» (См.: Вопросы истории. 2000. № 7. С. 22).

¹⁴⁹ Вольский Владимир Казимирович (1877—1937). Учился в Московском университете. В ноябре 1897 г. арестован за принадлежность к студенческой организации «Союзный Совет» и связь с социал-демократическим «Рабочим Союзом». По обвинению в революционной деятельности неоднократно подвергался арестам, тюремному заключению и ссылкам. Член ПСР с 1903 г. В 1908—1911 гг. руководил Вологодской губернской организацией партии эсеров. С 1911 г. в Москве, работал в кооперации. В 1914—1916 гг. возглавлял Тверскую губернскую организацию ПСР. В дни Февральской революции принимал участие в вооруженном восстании в Твери. С апреля товарищ председателя Совета рабочих и солдатских депутатов,

с мая товарищ председателя Бюро Совета крестьянских депутатов. Председатель губернского комитета ПСР. На I съезде крестьянских депутатов избран в Исполком Всероссийского Совета крестьянских депутатов (май). Избран в Президиум Демократического совещания в Петрограде (сентябрь) и в Учредительное собрание (ноябрь). На III съезде Советов (январь 1918) прошел в состав ВЦИК по списку фракции ПСР, но участия в его работе не принял. С февраля член Крестьянской комиссии при ЦК ПСР. В числе первых вошел в самарский Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуч), с августа председатель Президиума Комуча, участник Государственного совещания в Челябинске и Уфе. После колчаковского переворота арестован 19 ноября в Екатеринбурге вместе с видными деятелями ПСР. По освобождении ушел в подполье. Участвовал в совещании лидеров Комуча, на котором было принято решение о прекращении вооруженной борьбы и переговорах с Красной армией (декабрь). Возглавлял Уфимскую делегацию ПСР, достигшую в феврале 1919 г. соглашения с большевиками. Один из основателей группы «Народ» (август 1919). В ноябре 1918 г. за обращение к ЦК ПСР с требованием поддержать большевиков в борьбе с генералом А.И. Деникиным был исключен из ПСР, после чего с частью группы «Народ» составил Меньшинство ПСР (МПСР) и вошел в Центральное оргбюро МПСР. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. В феврале 1922 г. арестован в Москве. Дело прекращено по амнистии от 27 февраля 1919 г. В декабре приговорен к 3 годам заключения и отправлен в Пертоминский концлагерь (Архангельская губерния). Летом 1923 г. переведен на Соловки. По окончании срока заключения поселился в Тамбове. В 1925 г. постановлением Особого совещания при коллегии ОГПУ выслан на 3 года в Кировский край. В 1925 г. содержался в Верхне-Уральском, в 1926 г. — в Челябинском политизоляторах. В мае 1929 г. — в Вологде. Расстрелян по приговору выездной сессии Верховного суда СССР за принадлежность к «антисоветской террористической организации».

¹⁵⁰ Гельфгот Александр Павлович (1887—?). Член ПСР. В 1915—1916 гг. входил в Исполком Всероссийского бюро труда, образованного при отделе по устройству беженцев Всероссийского союза городов. Один из редакторов органа Московского комитета ПСР газеты «Труд». В 1919 г. член Екатеринодарского губернского комитета партии эсеров. В июне 1920 г. кооптирован в Центральное бюро партии. В марте 1921 г. арестован в Москве, находился в Бутырской тюрьме. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. В феврале 1922 г. содержался во Внутренней тюрьме ГПУ, в апреле переведен в Ярославский политизолятор. На процессе ПСР выступал свидетелем защиты, подробно рассказал о деятельности Екатеринодарского комитета ПСР и позиции приехавшего на Кубань из Москвы Григория Ратнера. В ноябре 1922 г. приговорен к 3 годам заключения в концлагере. В декабре переведен в Бутырскую тюрьму. В январе-ноябре 1923 г. находился в Соловецком лагере особого назначения; в декабре 1923 — январе 1924 г. в тюремной больнице Бутырской тюрьмы. С июля 1925 г. в Тобольском политизоляторе. В феврале 1926 — отправлен на поселение в Коканд.

¹⁵¹ Ховрин Александр Алексеевич (1877 — после 1933). Во время учебы на математическом отделении Московского университета (1896—1899) неоднократно

задерживался полицией и находился в заключении за участие в студенческом антиправительственном движении и работе “Московского союзного совета” студенческих землячеств, отчислен из университета без права восстановления. В январе 1902 г. арестован, подвергнут высылке под гласный надзор полиции в Восточную Сибирь на 4 года, вскоре получил разрешение переехать в Европейскую Россию. В 1906 г. состоял членом Московского областного комитета ПСР по военно-технической организации, заведующий пропагандой в военной среде. В том же году кооптирован в ЦК ПСР (по другим данным, избран на 5 Совете партии, состоявшемся в мае 1909 г.), являясь представителем летучей боевой организации Областного комитета Центрального района. В 1907 г. выслан под гласный надзор полиции в Туруханский край на 5 лет, бежал с места высылки. Нелегально проживая в г. Севастополе, возглавлял «Летучий областной отряд Южной области». Позже, по делу экспроприации Чимкентского казначейства в Туркестане был послан на каботажу, откуда вернулся в 1917 г. Член комитета по созыву III съезда ПСР, избран на съезде кандидатом в члены ЦК. В 1920–1921 гг. несколько раз арестовывался и освобождался. В своих воспоминаниях Ольга Чернова (приемная дочь В.М. Чернова) посвятила Ховрину теплые слова за то, что он приютил их, бездомных, скитавшихся по ночной Москве, и испытывала чувство вины, что этим визитом они навлекли на него гнев ВЧК.

24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ Ховрин был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Отошел от политической деятельности, занимался научной работой по изучению русского Севера. В 1932 г. арестован, полгода провел в Бутырской тюрьме, приговорен к году заключения, отбывал срок в Суздальском политизоляторе; в 1933 г. отправлен в ссылку. Умер на этапе, категорически отказавшись просить тюремное начальство (несмотря на уговоры товарищей) об отправке спецконвоем (имел больное сердце).

Сидевшая одновременно с Ховриным в Суздальской политизоляторе Е. Олицкая оставила о нем такие строки в своих воспоминаниях: «Сидел он стойко, бодро. Из Москвы он выписал в камеру свои рукописи, необходимые книги, и в камере продолжал научную работу. Шесть месяцев провел он с нами. Всегда спокойный, ровный, заботливый к товарищам. Больной, нуждающийся в особом питании, он принципиально сидел на тюремном пайке. При получении посылки он выносил ее всю на тюремный двор, делил поровну между всеми. Врачи запретили ему курить, но он курил, и много. Правда, только какой-то особый трубочный табак, который присылали ему из дома. Вся наша прогулка знала и уважала его. Уважала его и тюремная администрация, хотя ни с одним вопросом он к ней не обращался. Во время обхода камер начальник тюрьмы заставал Ховрина всегда на ногах, но при входе его Ховрин не произносил ни слова. Как-то он долго не получал вестей от жены. Он беспокоился, не спал ночами, осунулся. Мы советовали ему обратиться с запросом к начальству. Но для себя Ховрин категорически отметал возможность обращаться к “ним”, как он говорил, с чем бы то ни было. Как бы плохо ему ни было, он никогда не вызывал тюремного врача. Ховрин отбыл свой срок в Суздале. Мы все и он знали, что за изолятором последует ссылка. Мы все очень боялись за него, ему предстоял общий этап. А что такое общий этап знали и мы, и он. Мы стали его уговаривать, упрашивать потребовать спецконвоя, отказаться идти общим этапом. Старик был неумолим. “Пусть делают свое дело, я с ними ни

о чем говорить не намерен”» (Олицкая Е. Мои воспоминания. Т. 2. Франкфурт-на-Майне, 1971. С. 140–141).

¹⁵² Речь идет о поведении членов партии на предстоящем Демократическом совещании. Вопрос этот приобрел остроту потому, что «в связи с констатированием разнобоя в партийных рядах явилось опасение, как бы на Демократическом совещании партия не оказалась разделенной, а потому и не утратила своей руководящей роли. После долгих и порою острых прений были приняты очень жесткие в смысле дисциплины постановления. Партия должна выступать как безусловно единое целое. Особенно же едины должны быть выступления Центрального комитета. Тут не может быть места индивидуальным выступлениям. В случае решительного несогласия отдельного члена ЦК с большинством он не имеет права публично говорить об этом несогласии; максимум дозволенного для него в Демократическом совещании, советских организациях и т.п. — это воздержание от голосования, однако без права мотивировать свое воздержание. Лишь в закрытых партийных собраниях члены ЦК имеют право говорить о своих разногласиях с его большинством; но и здесь ЦК может оговаривать особые случаи или вопросы, в которых возможность всякого разговора о разногласиях и особом мнении устраняется» (См.: Вопросы истории. 2000. № 7. С. 16).

¹⁵³ По свидетельству В.М. Чернова, по вопросу о «конструкции будущей правительственной власти» в ЦК ПСР были самые различные взгляды. Так, «одна группа с Черновым во главе устанавливала прежде всего, что кадетская партия как целое несомненно была на стороне Корнилова во время мятежа и потому никоим образом не может быть восстановлена в правительстве, защищающем демократическую революцию. Тяга к военной диктатуре конституционно-демократической партии не случайна. Она — продукт общей эволюции этой партии и тесно связана с ее позицией в аграрном, рабочем, национальном и военном вопросе. Возвращение кадетов в правительство сделает его неустойчивым и поразит его бесплодием. Во всех основных вопросах государственной жизни — об аграрной реформе, о защите прав рабочего на стабилизированную реальную заработную плату и на контролирующее участие в управлении производственным процессом, о децентрализации и правах национальностей, о демократическом мире — министры-кадеты занимают позицию, противоположную министрам-социалистам. Ни те, ни другие оказываются поэтому недостаточно сильны для того, чтобы доставить торжество своей политике, но достаточно сильны, чтобы помешать противникам проводить их политику. В результате власть оказывается стерильной. Она неспособна ни на один решительный шаг, ибо, сделав его в том или другом духе, она вызывает правительственный кризис и демонстративный уход в отставку той или другой стороны. Правительство, способное лишь на взаимонейтрализацию составных частей, не заслуживает даже имени правительства; оно бессильно на зло и на добро; своим топтаньем на одном месте в эпоху, требующую больших решений и больших дел, оно теряет последние остатки былого престижа. Существование такого правительства — прямая опасность для демократического и республиканского режима: тягучей бесплодностью своего прозябания оно для многих справа, так и слева, — живой аргумент за свою противоположность — за “твердую и единую власть”, за диктатуру. Теперь, после того, как явные корниловцы так явно и безысходно провалились, заключить мир и союз с корниловцами стыдливими и замаскированными — ни с чем несообразно; это значит дразнить массы, а до чего их можно

додразнить — это превосходно понимают большевики, которые только потирают руки при виде того, как самоубийственно компрометируют себя восстановлением изжитых жизнью союзов центровые социалисты. Лидеры правых и правоцентрированных настроений, напротив того, доказывали, что нельзя всю партию кадетов обвинять в соучастии с корниловцами; что в ней есть элементы, чистые от всякой связи с ними; что в кадетской среде есть чрезвычайно большое количество квалифицированных общественных деятелей с большим опытом практической земско-городской и государственной работы; что нельзя с легким сердцем ставить крест на них и этим отбрасывать от революции разные промежуточные элементы, в чьих глазах работа оппозиционного “Прогрессивного блока” Государственной думы и роль думских элементов в начале революции окружают известным ореолом имена людей, поскользнувшихся на корниловском движении. Кадетская партия — все же самая левая из буржуазных партий. Правда, она увлеклась чисто партийной враждой к сменившим в правительстве ее деятелей представителям рабочего и социалистического движения. Но есть опасность, что ультимативный отказ ей в допущении в состав правительства будет понят, как отказ от сотрудничества со всею несоциалистической Россией. Другое дело, если бы, например, удалось привлечь в состав кабинета некоторых крупных, прогрессивно настроенных деятелей торгово-промышленного мира или некоторых кадетски мыслящих людей не в качестве представителей партии, а персонально, в качестве деловых фигур, специалистов. Словом, представители этого крыла ЦК, идя на уступки, подчеркивали, что согласны не настаивать на образовании правительства по соглашению с кадетской партией, а лишь на сохранении коалиции также и с “цензовыми” элементами русской общественности. Равным образом они уже не отрицали ошибок прежней правительственной коалиции: ее отрыва от общественного контроля и ответственности перед органами демократической общественности, ее бездейственности в вопросах внешней политики» (Вопросы истории. 2000. № 7. С. 16–17).

¹⁵⁴ По мнению В.М. Чернова, «ультимативное требование от лица с[оциалистов]-р[еволюционеров] “далее ни в каком случае созыва Учредительного собрания не откладывать” было некоторым частичным реваншем левоцентрированного течения партии за целый ряд решений ЦК, явившихся продуктом союза между его правым крылом и правым центром. Решение, однако, оказалось запоздалым; к тому же Временное правительство вовсе не собиралось капитулировать перед ультиматумом с[оциал]-р[еволюционной] партии, зная, что по крайней мере в ЦК большинство согласилось на эту ультимативность лишь для того, чтобы смягчить остроту своих отношений с левым центром и избежать полного с ним разрыва. То же относится и к признанию, впредь до созыва Учредительного собрания, принципа ответственности Временного правительства перед будущим “Предпарламентом”. Правая, а частью и правоцентрированная группа в среде Центрального комитета стремилась не столько к скорейшему устранению бесконтрольности и безответственности Временного правительства, сколько к тому, чтобы в созываемом ради этого Демократическом совещании смягчить позицию советских элементов давлением на них более промежуточных элементов (в особенности кооператоров), настроенных гораздо более умеренно. Так как, с одной стороны, в советах сильно возрастала большевистская группа, а с другой, в партиях небольшевистских все сильнее становилось левое крыло, то явно приближался открытый конфликт Временного правительства с советами. Правоцентрированная группа старалась во что бы то

ни стало избежать этого конфликта до Учредительного собрания, когда конфликт сам собою исчез бы: во-первых, потому что Временное правительство сложило бы с себя власть, и родилось бы новое правительство — из парламентского большинства; во-вторых, потому что — как предполагали правые социалисты — с созывом Учредительного собрания миссия советов так же кончается, как и миссия Временного правительства, и они кончат самороспуском. При такой оценке положения понятно, что правые крылья социалистических партий стали мечтать о Предпарламенте, в котором вхождение представителей муниципалитетов, кооперативов, продовольственных организаций и т. п. дало бы им новую точку опоры взамен их ослабевавшего влияния в советах. Левоцентриное и левое течения в Центральном комитете не возражали против Предпарламента, потому что считали его, при условии ответственности перед ним Временного правительства, все же меньшим злом сравнительно с установившимся положением. А так как и оно искало возможности мирного перехода к Учредительному собранию, то и готово было примириться с Предпарламентом как переходной к Собранию фазой» (Вопросы истории. 2000. № 7. С. 21–22).

¹⁵⁵ В.М. Чернов так прокомментировал этот пункт протокола: «Здесь дело шло о том, что по мере публикации показаний разных лиц по делу Корнилова все более выяснялась двусмысленная роль Савинкова во всем этом деле. Оказалось, что генерал Корнилов, очень храбрый партизан, но совершенно не выказавший дарований, требуемых от полководца, все время выдвигался Савинковым и его заместителем на посту главного комиссара армии, Филоненко, путем их совместного давления на Керенского, на все более и более высокие военные посты из чисто политических видов; что между этими лицами и Корниловым был заключен негласный союз, в котором Корнилову предназначалась роль тарана в руках правительства против советов, а Савинкову и его товарищу — роль “революционного прикрытия” его контрреволюционных действий; что Савинков все время пытался объединить Корнилова и Керенского в целях провозглашения с его собственным участием олигархической диктатуры; и что Савинков, в последний момент отброшенный напроломную тактикой зарвавшегося генерала в противоположный лагерь, и после этого не переставал вести себя чрезвычайно подозрительно, “пораженчески” распорядившись делами Петроградского военного округа, стараясь примирить Керенского с взбунтовавшимся главнокомандующим и замаскировать, скрыть от общественного мнения значение происшедших событий. ЦК долго не предпринимал против Савинкова никаких мероприятий, ошибочно полагая, что он молчаливо сам давно прекратил всякую связь с партией и стал политически “диким”. Когда Керенский велел арестовать Филоненко, некоторое время после выступления Корнилова оставшегося в ставке последнего в чрезвычайно подозрительной роли, а Савинков, исполнявший обязанности военного министра и бывший правой рукой Керенского, потребовал, чтобы либо был освобожден Филоненко, либо вместе с ним арестован и он, Савинков, то орган ЦК, “Дело народа” в статье В.М. Чернова требовал немедленного ареста Савинкова и приобщения его к числу подследственных по Корниловскому делу. В это время Ц[ентральный] к[омитет] получил сведения, что Савинков не упустил случая формально зарегистрироваться в одной из прифронтовых партийных эсеровских организаций. Тогда и было решено избрать трех лиц для допроса Савинкова в партийном порядке о роли, которую он играл в событиях. Савинков явиться для объяснений с

комиссией отказался, демонстративно мотивируя это тем, что в составе ЦК, избравшего комиссию, имеются лица, вернувшиеся в Россию через неприятельскую страну с соизволения ее военных властей (точнее, в составе ЦК было одно такое лицо, представитель “левых с[оциалистов]-р[еволюционеров] интернационалистов” М.А. Натансон, действительно вернувшийся через Германию в составе второй партии эмигрантов, не вместе с Лениным, а вместе с Мартовым, — когда известие о беспрепятственном впуске Ленина в Россию подало повод к слухам, будто Временное правительство заключило соглашение с германскими властями о пропуске русских эмигрантов в обмен за освобождение некоторых военнопленных. Отказ Савинкова держать ответ за свои действия перед партией повел за собою его формальное исключение из партии, с опубликованием о том в газетах» (См.: Вопросы истории. 2000. № 7. С. 24–25).

¹⁵⁶ По мнению В.М. Чернова, этот инцидент имел очень серьезные последствия для развития внутрипартийных отношений в ПСР и продемонстрировал, сколь сильны стали центробежные тенденции в партии. Потребовав созыва экстренного заседания ЦК «по вопросу о том, какую общеполитическую резолюцию по вопросу об организации власти проводить на фракционном с[оциал]-р[еволюционном] заседании делегатов Демократического совещания», А.Р. Гоц и Н.Д. Авксентьев не только сами не явились на него, но «направились прямо на заседание коалиционного правительства на основе сговора с кадетской партией. Два члена ЦК из числа виднейших первые нарушили правило о единстве голосований членов ЦК, которое недавно по их настояниям было принято, как обязательное. Значение этого происшествия для внутренней жизни ЦК и всей партии было чрезвычайно велико. В момент, когда партии грозил откол левого крыла и когда левый центр решительно выступил против будущих сецессионистов, — самое центральное ядро ЦК распалось. Когда лидер правого центра Авксентьев открыто выступил с защитой позиций крайнего правого крыла партии, с защитой коалиции во что бы то ни стало, сам голосовал и других приглашал голосовать за нее, то, несмотря на происшедшее при этом формальное нарушение дисциплины ЦК, существенно ничего не менялось. Ни для кого не было тайной, что он пошел в ногу с партийным центром лишь скрепя сердце, когда на III съезде коалиционное правительство трактовалось как положение переходное, впредь до дальнейшего изменения соотношения сил в стране в пользу социалистов. Но открытое присоединение к нему А. Гоца, коренного “центровика” из группы так называемых “сибирских циммервальдцев”, лидера эсеровской фракции в совете — было партийной сенсацией. И в особенности сенсацией было то, что Гоц, всегдашний рагоборец за партийную дисциплину, в своем повороте направо не отступил перед нарушением постановлений ЦК при его деятельном участии прошедших. С отходом Гоца направо — отходом временным, но для партруководства роковым, ибо выпал на самый критический, решающий, поворотный момент в жизни партии и всей революционной страны — в руки правого крыла переходил, в сущности, весь организационный аппарат партии, непосредственно руководимый А. Гоцем и В. Зензиновым» (См.: Вопросы истории. 2000. № 7. С. 25).

¹⁵⁷ Демократическое совещание, созванное ЦИК Советов, проходило в Петрограде 14–22 сентября 1917 г. В нем принимали участие представители советов, солдатских организаций, фабзавкомов, профсоюзов, земств, городских дум, кооперации. Передало свои функции Демократическому совету (Предпарламенту),

решение о создании которого на основе пропорционального представительства всех групп и фракций было принято на расширенном заседании президиума совещания и состав которого был утвержден на заключительном заседании совещания.

В.М. Чернов охарактеризовал принятие этой резолюции как «еще одно жестокое поражение принципу партийной дисциплины», нанесенное «новым блоком правых и правоцентристов»: «Голосами шести членов (Авксентьева, Зензинова, Гоца, Минора, Архангельского и Розенблюма) было решено, что члены ЦК получают право “выступать от других организаций, не считаясь с партийными директивами”. Маневренное значение этой победы было для них очень велико. Дело в том, что в рядах Российской социал-демократической партии меньшевиков в это время происходил такой же болезненный процесс острого расхождения по вопросу об организации власти, как и в рядах ПСР. При этом Л. Мартов, основатель и главный идеологический вдохновитель меньшевизма, остался в меньшинстве и очень остро переживал трагедию временного отхода от него его партии. Последняя перешла под руководство Церетели и Дана и стояла на той точке зрения, что русская революция, согласно марксистской догме, является революцией буржуазной, а буржуазную революцию пролетариату приходится делать вместе с буржуазией. Л. Мартов, не менее Чернова видевший, что сохранение коалиционного правительства в данных условиях вконец ослабит его и сделает легкой жертвой большевиков, убедился, что с этим взглядом он в меньшевистских рядах обречен пока на почти полную изоляцию. Сторонники коалиции во что бы то ни стало в эсеровском ЦК, после Корниловского мятежа почувствовавшие, что в партийных рядах их взгляды потеряли престиж, надеялись теперь, что в Демократическом совещании, вместе с меньшевиками, беспартийными и разными мелкими квазисоциалистическими группами и кооператорами смогут составить верное коалиционному принципу большинство. Теперь им необходимо было развязать себе руки, чтобы действовать уже от имени большинства Демократического совещания — так, как им не дают права [действовать] постановления ЦК партии» (См.: Вопросы истории. 2000. № 8. С. 8—9).

¹⁵⁸ Партия Дашнакцутюн («Союз»). Создана в 1890 г. в Тбилиси. В 1892 г. 1-й съезд партии утвердил программу и устав и выработал тактическую линию. По своей социальной программе и тактике была близка к российской партии эсеров. В национальном вопросе выступала за самостоятельную объединенную Армению. Программа ставила задачу развернуть политическую деятельность в Западной Армении, освободить армян от турецкого ига и создать автономное государство в пределах Турции. В аграрной части программа предлагала передать землю сельским общинам. В 1907 г. партия вступила во II Интернационал. Вместе с эсерами, меньшевиками и мусаватистами дашнаки организовали Закавказский комиссариат и Закавказский сейм. С мая 1918 г. по ноябрь 1920 г. Дашнакцутюн была правящей партией Армянской республики. В 1921 г. партия в пределах Советской Армении была ликвидирована большевиками.

¹⁵⁹ Ан-ский — литературный псевдоним С.А. Раппопорта. Раппопорт Семен Акимович (Шлиом Аронович) (1863—1920). В молодости учительствовал, затем работал шахтером, тепло вспоминая впоследствии об этом периоде своей жизни: «Для нас, революционеров, — говорил он, — этот подземный мир — суровая, но полезная школа. Разве знает, разве может знать революционер, что его ждет

вперед? А может быть, каторга в сибирских рудниках? Революционер должен сам себя испытать, испробовать — что способен он выдержать и вытерпеть. И я дорожу шахтерской полосой своей жизни: то был своего рода экзамен на аттестат революционной зрелости». Его корреспонденции о быте шахтеров, публиковавшиеся в газете «Юг», заметил Г.И. Шрейдер, давший ему рекомендательное письмо к Г.И. Успенскому, с которым Раппопорт поехал в Петербург, где начал сотрудничать в «Русском богатстве». В 1892–1905 гг. жил за границей. Член ПСР с 1905 г. Занимался еврейской этнографией, в 1911–1914 гг. организовал фольклорную экспедицию, которая посетила около 70 городов и местечек Волыни и Подолии. Собранный в эти годы материал лег в основу знаменитой пьесы «Гадибук», шедшей на сценах многих театров мира на идише и иврите. В годы Первой Мировой войны работал на организации комитетов помощи еврейским беженцам. В 1917 г. член Предпарламента, депутат Учредительного Собрания от Могилевской губернии. После разгона Учредительного собрания бежал в Вильну, затем в Варшаву, где до конца жизни занимался пропагандистской и публицистической работой.

В.М. Чернов вспоминал о своем знакомстве с Раппопортом: «...Я вообще редко сближался с первого знакомства и очень трудно переходил “на ты”. Но с Семеновым Акимовичем это вышло как-то “самотеком”, и я сам не заметил, как и когда это вышло. Такая уж была у него бесхитростная и детски-непосредственная манера подходить к другим людям. Это был истый “богема”, художественная натура, бесконечно подвижная, покорявшая своей бесхитростной прямоотой; а главное, способностью раскрываться без остатка тем, кто приходился ему по сердцу. Не раз бывало, что он придет, сыплет остротами и анекдотами, сам смеется и вас заставляет смеяться. И следом — совершенно преобразится: станет тихим, задумчивым, задушевным. А из глубоких провалов глаз выгланет вековая еврейская тоска. Может быть отсвет той первородной еврейской тоски, под знаком которой его предки “сидели и плакали на реках вавилонских”?» (Чернов В.М. Перед бурей. С. 117).

¹⁶⁰ Об отношении революционной среды к подаче прошения о помиловании или о смягчении наказания см. комм. 141 к наст. разделу.

¹⁶¹ Принятие этого постановления В.М. Чернов прокомментировал следующим образом: «[...]после того как Демократическое совещание кончилось, в сущности, ничем, показав, что по основному вопросу о власти элементы совещания раскалываются на два друг друга уравновешивающих лагеря, Керенский получил возможность действовать по-своему и образовал еще один коалиционный кабинет, еще бесцветнее и безнадежнее предыдущих. Деятельное участие в переговорах принимали два члена ЦК, Гоц и Авксентьев, вместе с третьим крупным с[оциалистом]-р[еволюционером], московским городским головою Рудневым. В силу предыдущего постановления (см. протокол заседания 18 сентября и прим. 157. — *Сост.*) они действовали вне контроля ЦК и только постфактум отдали ему в этом отчет. ЦК было предложено высказаться в том смысле, что все обстоит в порядке, ибо надо “считать, что тт. Гоц, Авксентьев и Руднев выполнили поручение, возложенное на них Демократическим совещанием”. Но даже и при такой формальной постановке вопроса результат голосования оказался чрезвычайно жидким. Семь голосов высказалось за принятие такой резолюции, семь воздержалось, считая ненормальным самое предыдущее решение ЦК, разрешавшее его членам считать себя свободными от его политических директив при выполнении “поручений других организаций”. Следует отметить, во-первых, что все эти постановления были

приняты в отсутствие В.М. Чернова, и, во-вторых, что представитель крайнего левого крыла партии, М.А. Натансон, поддерживал все предложения правых, ослаблявшие дисциплину, имея в виду затем использование их в интересах своего сепаратизма и левым крылом» (См.: Вопросы истории. 2000. № 8. С. 9).

¹⁶² Резолюция «О перенесении сроков проведения экономической конференции и VIII Совета партии» была также опубликована в «Партийных известиях». Она гласила: «Ввиду затянувшегося Демократического совещания, отвлекшего с мест много работников, а также железнодорожной забастовки, Центральный комитет постановил отложить назначенную на 26 сентября экономическую конференцию и на 1 октября VIII Совет партии. О сроке созыва и конференции, и Совета будет объявлено особо» (См.: Партия социалистов революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 1. С. 889). Подоплека этого решения, по мнению В.М. Чернова, была такова: «Конференция по вопросу об экономическом положении страны, разумеется, прошла бы очень беспокойно, и отразила бы ту растущую в партии неудовлетворенность Ц[ентральным] К[омитет]ом, которая разразилась потом целую бурю на IV партийном съезде. Что касается Совета партии, то, будучи учреждением с высшею компетенцией, чем ЦК, он один в этот момент мог бы вмешаться в разногласия, раздиравшие ЦК, и своими директивами выправить линию его поведения. Но только образовавшееся, еще слабое, неверное и неустойчивое новое большинство ЦК из блока правых и правопольных его элементов спешило закрепить свое положение и должно было избегать появления перед более широкими правомочными партийными инстанциями» (См.: Вопросы истории. 2000. № 8. С. 9).

¹⁶³ Миролюбов В.С. (1860–1939). В 1880-е гг. принимал участие в народолюбческом движении, с 1897 г. фактический редактор демократического «Журнала для всех». Редактор эсеровских сборников «Народное дело», один из издателей и член редакционного комитета левонароднического журнала «Заветы», заведовал в нем литературным отделом.

По мнению В.М. Чернова, образование «Организационного совета партии с.-р.» означало «ни больше, ни меньше, как создание общероссийского организационного центра крайнего правого крыла социалистов-революционеров, т[о] е[сть] приступ их к организации особой партии внутри партии — явления, партийным организационным уставом еще никогда не предусматривавшегося» (См.: Вопросы истории. 2000. № 8. С. 9).

¹⁶⁴ Гизетти Александр Алексеевич (ок. 1888–1938). Публицист. В 1917 г. сотрудник «Дела народа», член Петербургского комитета партии эсеров и городской думы. Член Учредительного собрания от Витебского избирательного округа. Опубликовал ряд публицистических, критических и литературоведческих работ, в частности, о Л. Андрееве, А.С. Пушкине и Пушкинском доме-музее при Российской Академии Наук.

¹⁶⁵ «Воззвание группы старых работников п.с.-р.» было выработано на «совещаниях старых работников», съехавшихся на Демократическое совещание и опубликовано в «Партийных известиях» с призывом ко «всем товарищам, — как участвовавшим, так и не участвовавшим в совещаниях, — сочувствующим основным положениям воззвания, присоединять свои подписи, присылая их почтой или телеграфом в редакцию “Парт[ийных] Изв[естий]”». «Считая положение партии крайне критическим», а «вопрос об оздоровлении партии острым наболевшим»,

подписавшие воззвание формулировали основные положения программы, на которой должна быть основана «единая, строго выдержанная линия поведения», которой должны придерживаться все органы партии (См.: Партия социалистов революционеров. 3. Ч. 1. С. 791—799).

¹⁶⁶ В своих комментариях к протоколам заседаний ЦК ПСР этого периода В.М. Чернов уделил этому эпизоду большое внимание, сделав обширное отступление, посвященное разбору работы Демократического совещания, и в частности, обсуждению на нем вопроса о коалиции. Собственно решению ЦК не печатать его статью Чернов посвятил следующие строки: «Статья В.М. Чернова “Уроки совещания” была первой в целой серии “Из политического дневника”, в которой автор начинал систематическую критику ошибок революционной демократии, т[о] е[сть] советских центрово-социалистических партий. Поправевшее большинство ЦК наложило на эту статью свое вето. Чернов предложил, чтобы статьи его пошли с оговоркою о несогласии с ними редакции и ЦК партии, взывая и к естественному праву всякого члена партии на деловую и серьезную, написанную в товарищеском тоне критику ее решений. Ему был дан устами А. Гоца ответ, что в том-то и беда, что В.М. Чернов — не “всякий” член партии, а ее исконный и общепризнанный лидер, а потому какими бы оговорками и примечаниями ни снабдить его статьи, а их резонанс будет таков, как будто именно в них и выражены разум и воля партии. Ставший представителем нового поправевшего большинства ЦК А. Гоц в заседании его при весьма шекотливых объяснениях большинства с В.М. Черновым выразил мнение первого в словах: “В том-то и заключается трагедия партии социалистов-революционеров, что в самый критический момент жизни партии и революции общепризнанный лидер партии и сама партия перестают понимать друг друга и расходятся в разные стороны”. Ответ В.М. Чернова гласил, что, по его мнению, он и партия по-прежнему едины, но уходят в сторону, сбиваясь с длинно-эсеровского пути, командные верхи партии, которым вследствие этого грозит опасность превратиться в штаб без армии, притом который, сам того не сознавая, систематически льет воду на мельницу большевиков и готовит их близкое торжество. Обе стороны разошлись, не примиренные, готовясь встретиться на IV общепартийном съезде, который и должен рассудить их политическую и организационную тяжбу» (См.: Вопросы истории. 2000. № 8. С. 14—15).

¹⁶⁷ Булат (Булота) Андрей Андреевич (1873—1941). Окончил юридический факультет Петербургского университета. Выступал защитником в политических процессах над участниками революционного движения 1905—1907 гг. Депутат II и III Государственных дум, один из лидеров Трудовой группы. В июле 1917 г. вступил в ТНСП, избран в ее ЦК. В октябре 1917 г. официально вступил в ПСР. В 1918 г. уехал в Литву. В 1940—41 гг. заведующий юридическим отделом Президиумом Верховного Совета Литовской ССР. В 1941 г. расстрелян немецкими оккупантами.

¹⁶⁸ В своих комментариях к протоколам ЦК ПСР В.М. Чернов относит принятие этой резолюции к заседанию от 27 сентября и считает, что «этим было постановлено и предreshено, между прочим, постановление следующего заседания, 28 сентября» о непомещении его статьи «Уроки совещания» в «Деле народа» (См.: Вопросы истории. 2000. № 8. С. 10). Это рассуждение Чернова, впрочем, противоречит протоколам, имевшимся в его распоряжении, в которых распределение вопросов по заседаниям от 27, 28, 29 сентября 1917 г. идентично той версии протоколов, которая сохранилась в архиве В.Н. Рихтера.

¹⁶⁹ Черневский Николай Иванович. Полковник в отставке. В молодости подвергался репрессиям за принадлежность к военным кружкам «Народной воли». Член ПСР, в сентябре 1917 г. во время выступлений против Временного правительства в Ташкенте избран товарищем председателя Ташкентского Совета и членом Временного Ревкома. Впоследствии видный туркестанский левый эсер. В ноябре 1919 г. арестован вместе с тремя сыновьями и выслан за пределы Турккрая.

¹⁷⁰ Вебер — партийный псевдоним Моисея Давыдовича Закгейма (1885 — 9.05.1938), эсера, затем максималиста. С 1919 г. он левый социалист-революционер. В 1938 г. обвинен в руководстве террористической группой из числа бывших политкаторжан и расстрелян в Москве.

¹⁷¹ Имеется в виду «Циркуляр Центрального Комитета и Военной комиссии Центрального Комитета партии с.-р.» от 27 октября 1917 г., опубликованный 28 октября в газете «Дело народа». Он гласил: «Безумная попытка большевиков накануне краха. Среди гарнизона раскол, подавленность. Министерства не работают. Хлеб на исходе. Все фракции, кроме кучки максималистов, покинули съезд. Партия большевиков изолирована. Репрессии против типографии Центрального Комитета, разгром Гельсингфорского Комитета, аресты товарищей Маслова, Циона и других членов партии, грабежи и насилия, сопровождавшие взятие Зимнего дворца, еще более раздражают значительную часть матросов и солдат. Центрофлот призывает к неповиновению большевикам.

Предлагаем: во-первых, оказать полнейшее содействие войсковым организациям, комиссарам и командному составу в деле окончательной ликвидации безумной затеи и объединения вокруг Комитета Спасения Родины и Революции, долженствующего создать однородную революционную демократическую власть на основе программы немедленной передачи земли в ведение земельных комитетов, немедленного предложения всеобщего демократического мира воюющим странам; во-вторых, принять самостоятельные меры для охраны партийных учреждений; в-третьих, быть наготове, дабы в нужный момент, по призыву Центрального Комитета, оказывать активное противодействие стремлениям контрреволюционных элементов использовать большевистскую авантюру для уничтожения завоеваний революции, и, в-четвертых, проявить сугубую бдительность для противодействия врагу, желающему использовать ослабление фронта» (См.: Партия социалистов-революционеров. Т. 3. Ч. 2. С. 37, 38)

¹⁷² Лавров Петр Лаврович (1823—1900). В 1842 г. окончил Артиллерийское училище в Петербурге, преподавал математику в военных учебных заведениях Петербурга, полковник. С 1857 г. начал публицистическую деятельность, сотрудничал с «Колоколом» А.И. Герцена. Вступил в тайное революционное общество «Земля и воля». В 1866 г. был арестован, предан военному суду и сослан в Вологодскую губернию. Осенью 1870 г. вступил в I Интернационал, участвовал в Парижской Коммуне 1871 г., был одним из организаторов народовольческой библиотеки и журналов. Теоретик русского революционного народничества, философ, публицист, социолог.

¹⁷³ Ясское совещание проходило с 16 по 23 ноября 1918 г. в Яссах (Румыния), а затем по 6 января в Одессе. На нем были представлены монархисты (В.И. Гурко), кадеты (П.Н. Милоков, М.М. Федоров), эсер И.И. Фондаминский (как представитель Союза Возрождения), энес А.А. Титов, банкир В.П. Рябушинский и др., а

также посланники от стран Антанты. Русская делегация призвала страны Антанты к введению союзных вооруженных сил на юг России для восстановления единой и неделимой России.

¹⁷⁴ Успенский Глеб Иванович (1843–1902). Учился в Петербургском и Московском университетах, не закончил из-за отсутствия средств. Начал печататься в 1862 г. В 1889–91 гг. вышло полное собрание его сочинений в 14 томах. Литературная жизнь его оборвалась в 90-х годах вследствие тяжелой душевной болезни.

¹⁷⁵ Вильгельм II (1859–1941) — германский император и прусский король в 1888–1918 гг. Свергнут немецкой революцией 9 ноября 1918 г., бежал в Нидерланды. 28 ноября того же года отрекся от престола. Вероятно, речь идет об инсценировке «суда», устроенной в феврале 1919 г. в городском театре по образу и подобию «суда над В.И. Лениным» (см. комм. 176 к наст. разделу).

¹⁷⁶ В феврале 1919 г. в одесском городском театре была устроена инсценировка «суда» над В.И. Лениным. По решению подпольного обкома РКП(б) (в это время власть в городе принадлежала белым) в роли «защитника» выступил Е.Н. Щепкин (см. комм. 200 к наст. разделу). Его блестящая речь была встречена аплодисментами рабочих, а сам он после этого выступления был вынужден уйти в подполье.

¹⁷⁷ Ростан Эдмон (1868–1918). Французский поэт и драматург. Получил юридическое образование, с 1901 г. член Французской Академии.

¹⁷⁸ Радицев Александр Николаевич (1749–1802). Общее образование получил в Пажеском корпусе (1762–66), в Лейпцигском университете изучал юридические и естественные науки. Был на государственной службе, занимался переводами. Написал ряд литературно-философских и историко-политических произведений. За знаменитую книгу «Путешествие из Петербурга в Москву» в 1790 г. был заключен в Петропавловскую крепость и приговорен к смертной казни, замененной лишением чинов и дворянства и ссылкой на 10 лет в Сибирь. В 1797 г. переведен под надзор полиции в Калужскую губернию. После воцарения Александра I был возвращен в Петербург, где работал в Комиссии составления законов.

¹⁷⁹ Герцен Александр Иванович (1812–1870). В 1833 г. окончил физико-математическое отделение Московского университета. За участие в работе революционного кружка был арестован, несколько раз сослан. В 1847 г. уехал за границу вместе с семьей. С 1855 г. начал издавать альманах «Полярная звезда», а с 1857 г. — первую русскую революционную газету «Колокол». Распространение газеты в России помогло объединению революционных и демократических сил и созданию организации «Земля и Воля».

¹⁸⁰ Белинский Виссарион Григорьевич (1811–1848). Учился в Пензенской гимназии, но не окончил ее. В 1829 г. поступил на словесное отделение Московского университета, но в 1832 г. был исключен за чтение в студенческом литературном кружке своей антикрепостнической драмы. Был главным критиком в «Телескопе», газете «Молва», сотрудничал с «Отечественными записками», руководил критическим отделом журнала «Современник», посещал философский кружок Станкевича, где изучал философию Канта, Фихте и Шеллинга. Написал множество критических статей, посвященных произведениям практически всех современных ему крупных русских писателей.

¹⁸¹ Перовская Софья Львовна (1853–1881). Училась на женских курсах в Петербурге, работала в Самарской, Тверской и Симбирской губерниях, получила диплом народной учительницы, закончила фельдшерские курсы. В Петербурге дер-

жала конспиративные квартиры, занималась пропагандой среди рабочих. Проходила по «процессу 193-х», но была оправдана. Подверглась административной ссылке в Олонекскую губернию, бежала и перешла на нелегальное положение. С осени 1879 г. член Исполнительного комитета, а затем распорядительной комиссии «Народной воли». Участвовала в подготовке покушения на Александра II. Приговорена к повешению.

¹⁸² Горький Максим (наст. имя и фам. Пешков Алексей Максимович) (1868–1936). В 1888–1892 гг. странствовал по России, участвовал в нелегальных народнических кружках и вел пропаганду среди крестьян и рабочих. Приобрел широкую известность и вошел в моду у интеллигенции после публикации ряда рассказов, первый из которых — «Макар Чудра» — вышел в свет по рекомендации В.Г. Короленко. Принимал участие в революции 1905 г., был в эмиграции в Италии, в 1913 г. вернулся в Россию. Октябрьский переворот воспринял неоднозначно, подвергся критике В.И. Ленина за публицистический цикл «Несвоевременные мысли». В советское время стал «штатным» и «законопослушным» советским писателем, написал ряд крупных романов, за которые был удостоен титула основоположника социалистического реализма.

¹⁸³ Андрей Кожухов — герой романа С.М. Степняка-Кравчинского, революционер-народник, которого ставили в один ряд со Спартаксом и Оводом.

¹⁸⁴ Положение о пролетарской культуре было впервые сформулировано в написанной А.А. Богдановым платформе «Современное положение и задачи партии», на основе которой организовалась левобольшевистская группа «Вперед» (1909–1917). Исходя из того, что «социалистическое сознание пролетариата должно охватывать не одну его непосредственную борьбу в области экономики и политики, но всю его жизнь», Богданов делал вывод, что необходимо, «пользуясь прежней буржуазной культурой, создавать, противопоставлять ей и распространять в массах новую, пролетарскую: развивать пролетарскую науку, укреплять истинно-товарищеские отношения в пролетарской среде, вырабатывать пролетарскую философию, направлять искусство в сторону пролетарских стремлений и опыта. Только на этом пути может быть достигнуто целостное социалистическое воспитание, которое устранил бесчисленные противоречия нашей жизни и работы, и во много раз увеличит наши силы в борьбе, а в то же время приблизит нас к идеалу социализма, вырабатывая все больше его элементов в настоящем» (Неизвестный Богданов. В 3 кн. / Кн. 2: А.А. Богданов и группа РСДРП «Вперед» (1908–1914). М., 1995. С. 56). Эти положения были развиты Богдановым в опубликованной в сборнике группы «Вперед» статье «Социализм в настоящем». Считая сущностью социализма «товарищескую организацию всего производства» Богданов утверждал, что начало социализма не в далеком будущем, а в настоящем, в живом классовом сотрудничестве пролетариата, т.к. «сознательно-товарищеская организация рабочего класса в настоящем и социалистическая организация всего общества в будущем — это разные моменты одного и того же процесса, разные ступени одного и того же явления». Поэтому «борьба за социализм отнюдь не сводится к одной войне против капитализма, к простому собиранию сил для нее. Борьба эта есть в то же время положительная, творческая работа — созидание новых и новых элементов социализма в самом пролетариате, в его внутренних отношениях, в его обыденных жизненных условиях: **выработка социалистической пролетарской культуры**» (Там же. С. 92–93). О самостоятельности пролетарской культуры Богданов писал также в брошюре «Культурные задачи на-

шего времени» (1911). В наиболее полном виде «программу пролетарской культуры» он сформулировал к 1917 г. Пролетарская культура, по Богданову, — форма осуществления идеологической революции в самом пролетариате, которая должна предшествовать революции социальной и призвана восполнить недостаток готовности пролетариата к выполнению «мировой организационной задачи социализма». Программа культуры слагалась из трех частей: монистической интеграции знаний в Рабочей энциклопедии; овладения знаниями в Пролетарском университете, построенном на принципе товарищеского сотрудничества преподавателей и учащихся; развития пролетарского искусства, проникнутого духом коллективизма. Будучи в 1918–1920 гг. членом ЦК Пролеткульта, Богданов рассматривал его как трибуну для пропаганды идей организационной науки (тектологии) и практического выполнения программы пролетарской культуры. Считая, что творцами нового искусства должны быть сами рабочие, в то же время подчеркивал необходимость «социалистического овладения наследством старой культуры», переработки ее с «трудовой и организационной точки зрения, свойственной пролетариату».

¹⁸⁵ Золя Эмиль (1840–1902). Французский писатель. Первые циклы рассказов проникнуты романтической поэтикой, позже примкнул к группе писателей-натуралистов, вводя в свои романы сведения из медицины, физиологии, открытия естественно-технических наук. Произведение «Человек-зверь» (1890) посвящено одичанию человека, которое, как полагал Золя, коренится в самой его природе.

¹⁸⁶ Писемский Алексей Феофилактович (1821–1881). Окончил математическое отделение Московского университета. Около 10 лет провел на государственной службе в Москве и в Костроме. Написал ряд повестей о жизни дворянско-чиновнического сословия, романы «Тысяча душ», «Взбаламученное море» (в котором резко критиковал революционное движение) и др. К концу жизни его отношение к революционерам смягчилось, но он полагал, что подлинные революционеры — наивные одиночки.

¹⁸⁷ Геккер Наум Леонтьевич (1867–1919). Журналист, участник народнического движения, член ПСР. По сведениям Одесского охранного отделения, в 1907 г. Геккер Наум Соломон Лейбов, Бахмутский мещанин 43 лет, по кличке «Калекка», был членом Южно-русского областного комитета ПСР. 30 августа 1919 г. в одесской газете «Дело» был опубликован некролог Н.Л. Геккера (см. док. № II.19).

¹⁸⁸ Андреев Леонид Николаевич (1871–1919). Окончил юридический факультет Московского университета. Начал печататься как фельетонист. Был близок к М. Горькому. В «Рассказе о семи повешенных» (1908) в качестве прототипа своего героя Вернера использовал Всеволода Лебединцева, друга и одноклассника В.Н. Рихтера.

¹⁸⁹ Кольцов Алексей Васильевич (1809–1842). Начал писать стихи с 16 лет. Первая книжка стихов была издана Белинским и Станкевичем на средства, собранные по подписке. На его стихи написано много песен и романсов крупнейшими русскими композиторами.

¹⁹⁰ Никитин Иван Саввич (1821–1861). Учился в духовной семинарии. В 1859 г. открыл в Воронеже книжный магазин, ставший центром воронежской литературно-общественной жизни. Основная тема стихов поэта — народная жизнь, красота русской природы.

¹⁹¹ Шевченко Тарас Григорьевич (1814–1861). Будучи крепостным, грамоте учился у сельского дьячка. В 1838 г. был выкуплен из крепостной неволи. В 1840 г.

вышел его первый поэтический сборник. В 1843—45 гг. много ездил по Украине в качестве художника Киевской археографической комиссии. В 1846 г. вступил в Кирило-Мефодиевское общество. В апреле 1847 г. по доносу провокатора был арестован и отдан в солдаты (с запрещением писать и рисовать) в Оренбургскую губернию, а затем в Новопетровское укрепление на полуострове Мангышлак. В ссылке пробыл до августа 1857 г. и был освобожден после смерти Николая I. В 1858 г. получил разрешение жить в Петербурге, где сблизился с кругом авторов журнала «Современник».

В личном архиве В.Н. Рихтера сохранились его подготовительные записки к докладу «Мужицкий поэт», прочитанному в Одесском Литературно-атеистическом обществе в 1904 г. Приведем из них небольшую цитату. «В малорусской литературе до Шевченко почти не уделялось места крестьянину, если не считать попытки Гулак-Артемовского изобразить, под видом собаки “Рябка” — крепостного. [...] Только в лице Шевченко, отверженное сословие нашло своего защитника, не побоявшегося гнева бар и презрительной клички “сермяжный поэт”. “Пушкой я буду мужичий поэт, лишь бы поэт”, — говаривал Тарас Григорьевич. [...] И он [...] продолжал изображать тяжелое положение своего горячо любимого народа, из среды которого сам вышел, страдания которого сам пережил».

¹⁹² Тютчев Федор Иванович (1803—1873). Окончил словесное отделение Московского университета. Служил в Коллегии иностранных дел. С 1848 г. был старшим цензором Министерства иностранных дел. Стихи начал писать очень рано, публиковал их, в частности в пушкинском «Современнике». Первый сборник стихов вышел в 1854 г. Основное направление его поэзии — любовная лирика.

¹⁹³ Фет Афанасий Афанасьевич (1820—1892) Окончил словесное отделение философского факультета Московского университета. Поступил на военную службу, которая давала возможность получить дворянское звание. Первый сборник стихов вышел в 1840 г. («Лирический пантеон»). Переводил Горация, Овидия, Гете, Шопенгауэра. Автор мемуаров.

¹⁹⁴ Ватто Антуан (крещен в 1684—1721). Французский живописец и рисовальщик. В 1717 г. получил звание академика за большую картину «Паломничество на остров Киферу» (выставлена в Лувре). В живописи ему принадлежат жанровые, лирические и театральные сцены, «галантные» празднества.

¹⁹⁵ Гершуни Григорий Андреевич (1870—1908). Член ПСР с момента ее образования (был одним из инициаторов и участником переговоров между эсеровскими организациями, приведшими к образованию партии). Член ЦК первого состава, организатор и руководитель БО ПСР. В 1903 г. арестован, приговорен к смертной казни, высочайшим повелением замененной пожизненным заключением. После Манифеста 17 октября 1905 пожизненное заключение было заменено 20-летней каторгой, отправлен в Акатуйскую тюрьму. В 1906 г. бежал через Китай в США, где выступал с лекциями о революции в России и о положении политзаключенных. На II съезде ПСР избран в ЦК, вместе с Е.Ф. Азефом пытался воссоздать БО. Умер от саркомы.

По мнению В.М. Чернова, «Гершуни от революции требовал того же, чего гуманные люди требуют от полководцев. Избегать ненужных жертв, щадить побежденных, уважать интересы и жизнь нейтральных. Он с энтузиазмом отнесся к поступку Каляева, который, выйдя с бомбой против вел. князя Сергея, отступил, увидев рядом с вел. князем его жену и детей».

Он, как до него Михаил Гоц, восстал против тактики максималистов, взорвавших дачу премьер-министра П.А. Столыпина, когда она была полна посторонних людей, ждавших приема для ходатайства за близких, в том числе и пострадавших от репрессий власти. Неудивительно, что он на том же партийном съезде вместе с «бабушкой» решительно выступил против тактики экспроприаций. О лучшем союзнике в деле борьбы с распылением революции нельзя было и мечтать» (Чернов В.М. Перед бурей. С. 278). Восторженно отзывалась о Гершуни М.А. Спиридонова: «Для его обрисовки не находится подходящих слов. Все наши слова однобоки, узки, выражают с большой неточностью и бедностью ту или иную черту из богатства человеческой психики. А Г.А. Был какой-то весь круглый, полноценный, гармоничный. Он — не современный человек, и к нему наш лексикон имеет мало определений. Он — все. Это сама живая жизнь. В нем, может быть, как и в самой жизни, была способность и к греху. Не знаю... В нем была широта и размах, и спокойная, меры себе не знающая, духовная сила. Прежде, когда не стыдились говорить библейским языком, именно на нем хорошо бы все сказало о Гершуни. Он сам будто принесен отсюда — из времен библейских, только в теперешнем культурном обличье... Мудрость иного отдельного его замечания, проникновения в душу была поражающей. Он был добр не простой добротой. Казалось, в нем сконцентрировалось все прекраснейшее, что имеет в своей духовной сокровищнице еврейская национальность. Он происходил по прямой линии от того колена, которое родило Христа. Чувство долга, чувство правды, взыскающей града, чувство любви, часто контролируемое сознанием, — все в нем поглощалось одним чувством, одним сознанием ежечасного, ежеминутного пребывания на служении своей идее...

Он был не только умен и даровит и владел речью своей, как и писал, в совершенстве, но в понимании происходящего он поражал умением быстро ориентироваться. И эта способность его, в соединении с сознательным упрощением себя, и давала ему его блеск. Он был талантлив не только в работе, не только в организации дела и в конструировании его в проекции, — но и в самой жизни; в интимно-душевной минутке ее сказывалась та же полноценность и многоценность способности. Любовь к жизни, к счастью и радости была в нем, страстным и полным сил человеку, совсем языческой. Поражала его энергия. Она была необъятна, всегда действенна и необыкновенно заразительна... он был большим ловцом и господином людей. И господство его не было тираническим. Он сам имел господина над собой и служил ему верно и преданно и всех, кто входил в круг его влияния, вел вместе с собой на служение своей идее. В круг же его влияния попадали почти все с ним соприкасавшиеся — одни, только любя и безмерно уважая его, другие, отдавая ему свою волю и душу, как ученики любимому учителю. Со слепым подчинением... Мудрость его обхождения и чистосердечие подхода и манер растопляли перегородки...» (Спиридонова М.А. Из жизни на Нерчинской каторге // Женщины-террористки в России. Ростов-на-Дону, 1996. С. 453–462).

¹⁹⁶ Серафимович (наст. фамилия Попов) Александр Серафимович (1863–1949). В 1883–1887 г. учился на физико-математическом факультете Петербургского университета. Первые рассказы опубликованы в 1889 г. В годы гражданской войны работал военным корреспондентом газеты «Правда». Один из организаторов Союза писателей СССР, многолетний редактор журнала «Октябрь».

¹⁹⁷ Телешов Николай Дмитриевич (1867–1957). В 1899 г. образовал литературный кружок «Среда», в котором принимал участие и Серафимович. Участвовал в

издании сборников «Знание». Автор рассказов, повести о революции 1905–07 гг., художественных мемуаров.

¹⁹⁸ Уэллс Герберт Джордж (1866–1946). Английский писатель. С 1946 г. доктор биологии. Его литературная известность началась с жанра научной фантастики, первой повести «Машина времени», за которой последовали широко известные романы «Человек-невидимка», «Остров доктора Моро», «Война миров», ряд реалистических и бытовых романов. Был убежденным социалистом, много сил отдал публицистике (написал много статей, памфлетов, выступал с речами). В 1920 г. и 1934 г. посещал Россию. В 1922 г. вместе с рядом других европейских ученых и общественных подписал обращенный к Советскому правительству протест против предполагавшегося смертного приговора обвиняемым эсерам на процессе социалистов-революционеров.

¹⁹⁹ Рылеев Кондратий Федорович (1795–1826). Учился в Петербурге в кадетском корпусе, участник заграничных походов. В 1818 г. вышел в отставку и служил заседателем Петербургской уголовной палаты, а затем правителем канцелярии Российско-американской компании. В 1823 г. стал членом «Северного общества декабристов». Его стихотворениям и поэмам присущи острая сатира, ненависть к самодержавию, прямые призывы к его свержению. Казнен в Петропавловской крепости как один из организаторов восстания 14 декабря 1825 г.

²⁰⁰ Щепкин Евгений Николаевич (1860–1920). Внук великого русского актера М.С. Щепкина. Окончил Московский университет (1883) и был оставлен при кафедре всеобщей истории для научной работы. С 1892 г. приват-доцент, с 1897 г. профессор Нежинского института по кафедре всеобщей истории. В 1898 г. в той же должности переведен в Новороссийский университет (Одесса). Депутат I Государственной думы, член кадетской партии с момента ее образования. Осенью 1907 г. вышел из партии. После Февральской революции вернулся в Новороссийский университет, летом 1918 г. примкнул к партии боротьбистов, а затем стал членом компартии. После восстановления Советской власти в Одессе был назначен комиссаром города по народному образованию.

²⁰¹ Первый Пролеткульт как независимая добровольная организация пролетарской самодеятельности в различных областях искусства и литературы возник в сентябре 1917 г. После Октября Пролеткульт продолжал свою деятельность как массовая общественная организация (к 1919 г. насчитывалось около 100 ячеек в различных городах). Большевики стремились подчинить пролеткультовское движение своему влиянию, обвиняя его в распространении ошибочных философских теорий и декадентства. В то же время часть лидеров Пролеткульта абсолютизировала отдельные положения теории пролетарской культуры, призывая к отказу от культурного наследия прошлого. В середине 20-х годов организации пролеткульта перешли в ведение профсоюзов, в 1932 г. прекратили существование.

²⁰² Агабеков В.А. Рабочий. Член ПСР. В 1917–1918 гг. товарищ городского головы Харькова. В 1919 г. лектор «Пролеткульта» в Одессе. Арестован в 1922 г. и 3 июля сослан в Харьков. После 1925 г. был настроен ликвидаторски, не видел перед эсерами самостоятельных задач.

Кулябко-Корецкий Н.И. — социалист-революционер, лектор «Пролеткульта» и глава Временного комитета «Пролеткульта» в Одессе.

Сухов Александр Афанасьевич — социал-демократ, в 1917 г. был избран в члены ВЦИК на 1-м Всероссийском съезде советов РСД.

²⁰³ В книге «Красный террор» в России 1918–1923 (2-е изд., доп. Берлин, 1924) С.П. Мельгунов приводит сведения из книги Авербуха «Одесская Чрезвычайка», изданной в 1920 г. в Кишиневе: «Авербух [...] насчитывает 2200 жертв “красного террора” в Одессе за три месяца 1919 г. (“красный террор” был объявлен большевиками в июле 1919 г., когда добровольческие войска заняли Харьков). Расстрелы начались задолго до официального объявления так называемого “красного террора” — через неделю, другую после вторичного занятия Одессы большевиками. С середины апреля — утверждают все свидетели, давшие показания в Деникинской комиссии — начались массовые расстрелы» (Мельгунов С.П. «Красный террор» в России 1918–1923. С. 80). И далее продолжает уже о главе местной ЧК: «Таким же зверем изображает осведомленный в одесских делах Авербух председателя местной чеки Калинин. О его “причудах” и диких расправах рассказывали целые легенды: однажды во время празднования своих именин К. приказал доставить из тюрьмы “трех самых толстых буржуев”. Его приказ был выполнен, и он в каком то пьяном экстазе тут же убивает их из револьвера» (Там же. С. 216). Учитывая, что Мельгунов взял фамилию Калинин не из первоисточника, а из книги Авербуха, думается, что написание, встречающееся у Рихтера, более правильное. Речь же, совершенно очевидно, идет об одном и том же человеке.

²⁰⁴ Сазонов Сергей Дмитриевич (1860–1927). На дипломатической службе с 1883 г. В 1910–1916 гг. министр иностранных дел. В 1914–1916 гг. вел переговоры с Англией и Францией о сотрудничестве в ходе войны и об условиях будущего мирного договора. В 1918–1920 гг. был членом правительств Деникина и Колчака, их представителем в Париже на мирной конференции. Умер в Париже.

²⁰⁵ Боборыкин Петр Дмитриевич (1836–1921). Учился в Казанском и Дерптском университетах. В 1863–65 гг. издавал журнал «Библиотека для чтения». С начала 90-х гг. жил за границей. Написал свыше 100 романов, повестей и пьес. Умер в Швейцарии.

²⁰⁶ Амфитеатров Александр Валентинович (1862–1938). Окончил юридический факультет Московского университета в 1885 г. Автор повестей, рассказов, очерков. В 1920 г. эмигрировал. Умер в Италии.

²⁰⁷ Скабичевский Александр Михайлович (псевдоним: Заурядный читатель) (1838–1910). Публицист, фельетонист, литературный критик народнического направления, автор критических статей о Писареве, Некрасове, Островском, Толстом и др. («Беседы о русской словесности (Критические письма)», 1876). В 1890 г. в С.-Петербурге вышло его собрание сочинений.

²⁰⁸ Соловьев-Андреевич Евгений. Литературный критик, автор «Очерков по истории русской литературы XIX века».

²⁰⁹ Протопопов Михаил Алексеевич (1848–1915). Русский литературный критик.

²¹⁰ Овсяннико-Куликовский Дмитрий Николаевич (1853–1920). Учился в Петербургском и Новороссийском (Одесса) университетах, а также в Праге и в Париже. С 1882 г. приват-доцент, затем профессор Новороссийского, Казанского, Харьковского, Петербургского университетов. Литературовед и языковед. Один из первых в России исследовал санскрит, ведийскую мифологию и философию. В центре внимания Овсяннико-Куликовского были проблемы психологии творчества.

²¹¹ Венгеров Семен Афанасьевич (1855–1920). Окончил юридический факультет Петербургского университета (1879) и экстернат историко-филологического

факультета Юрьевского университета (1880). Опубликовал монографии о многих русских писателях, составил шеститомный «Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. От начала русской образованности и до наших дней» (1886–1904). Издал «Источники словаря русских писателей» (4 тома), подготовил первое полное собрание сочинений Белинского, редактировал литературный отдел Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона.

²¹² Чешихин Вас. Е. (Ч. Ветринский). Литературный критик. Участвовал в издании «Истории русской литературы XIX века» под редакцией Д. Н. Овсяннико-Куликовского.

²¹³ Головин Константин Федорович (1843–1913). Служил во втором отделении СЕИВК (1863–1878) и министерстве государственных имуществ (1878–1881). В 1881 г. был разбит параличом и лишился зрения; продолжал службу в собиравшихся у него на дому комиссиях министерства. Плодовитый романист, написавший не менее 15 томов беллетристических романов. Был одновременно и литературным критиком, и неплохим экономистом. В 1899 г. ему присуждена Пушкинская премия.

²¹⁴ Махаевщина — одно из течений в российском освободительном движении, названное по имени основателя и теоретика движения Я. В. Махайского, автора книги «Умственный рабочий» (1898). По мнению Махайского, интеллигенция по своей природе не могла быть союзником пролетариата в общественных преобразованиях, являясь его главным врагом, будущим правящим классом общества. С его точки зрения, интеллигенция выступала в роли паразитического класса, эксплуатировавшего рабочих специфическими «орудиями труда» (образованием, знаниями) и готовящего свое грядущее господство с опорой на репрессивные методы. Залогом же подлинности и непрерывности рабочего движения является его стихийность. Задачей рабочего класса махаевцы считали борьбу за конкретные требования, а средством их реализации участие в стачках, экономическом терроре, массовых экспроприациях буржуазии. Главная же цель рабочих — обобществление знаний, а единственный путь ее решения — разрушение капитализма сразу и до конца, т. к. с разрушением капитала будут разрушены и основы существования интеллигенции. Революция 1917 г. трактовалась Махайским как первый шаг интеллигенции на пути к власти, а закрепившихся у власти интеллигентов он считал «новым классом управляющих». В первоначальном варианте махаевщины социальной базой революции должны были стать деклассированные элементы общества, т. к. часть рабочего класса все же была заинтересована в сохранении своего положения и находилась под влиянием интеллигенции. После 1917 г. махаевщина ассоциировалась с антиинтеллигентскими настроениями и призывами создать новую интеллигенцию из крестьян и рабочих.

²¹⁵ Этими понятиями пользовался известный русский философ, публицист, социолог Н. К. Михайловский. Он считал, что социальные процессы исследуются путем «понимания», а не объяснения, причем социальный мыслитель исходит из примата ценности над фактом, должного над существующим, «правды-справедливости» над «правдой-истиной».

²¹⁶ Статья по существу является ответом на вопросы, поставленные в приводимых ниже заметках газетной хроники, вырезанных и вложенных в синюю тетрадь. На верхнем поле красным карандашом написано: Запас.

«Революция безнадежно провалилась».

Ген[ерал] Деникин в речи на банкете, устроенном 31 июля в Ростове, сказал между прочим следующее:

«Нет коренной ломки всего уклада русской жизни по социалистическому ритуалу? Нет и не будет! Пора и понять. Революция безнадежно провалилась. Теперь возможны только два явления: эволюция и контрреволюция.

Я иду путем эволюции... Эта эволюция ведет к возможности в нормальной, спокойной обстановке созвать всероссийское Учредительное Собрание» («Од[есские] Нов[ости]».)

Ген[ерал] Шкуро о еврейском вопросе.

Если и бывали эксцессы в Екатеринославе, в Кременчуге, то это плод провокации местных жителей. Обыватели сами указывают казакам на тех или иных евреев, что они были близки к большевизму, ну и в результате происходили недоразумения.

Я лично не верю в то, чтобы евреи неприязненно относились к нам. Население озлоблено против них. Это печальная правда. Не тот жид, кто еврей, а тот, кто прохвост — вот мое мнение. Отдельные руководители из евреев виноваты перед своим народом. («Харьк[овская] Заря».)

«Чистка Одессы еще не началась».

Вчера в беседе с корресп[ондентом] «Од[есских] Нов[остей]» полк[овник] Туган-Барановский между прочим сказал:

«В Одессе остались все видные агенты советской власти. В подполье ушли все идейные руководители и главаря. При этих условиях о водворении полного спокойствия и порядка говорить еще преждевременно. Чистка Одессы еще не началась. Мы только приступаем к ней. И ликвидация недавнего прошлого еще потребует у местного командования много времени и энергии».

²¹⁷ Клемансо Жорж (1841—1929). По образованию врач. Во время Парижской Коммуны 1871 г. член Национального собрания, в 1876—1893 гг. депутат французского парламента, лидер левых радикалов. В 1902 г. избран в сенат. Премьер-министр Франции в 1906—1909 и 1917—1920 гг.

²¹⁸ Пятаков Георгий (Юрий) Леонидович (1890—1937). Из семьи инженера-технолога и директора сахарного завода. Во время учебы в реальном училище сблизился с анархистами. Осенью 1907 г. вошел в группу, готовившую убийство киевского генерал-губернатора. После тяжелого психологического кризиса от нелегальной работы отошел. В 1907 г. поступил на юридический факультет Петербургского университета, к 1910 г. стал ортодоксальным марксистом. За участие в студенческих «беспорядках» исключен из университета и выслан в Киев. В ноябре 1911 г. вошел в состав Киевского комитета РСДРП, в апреле 1912 стал его секретарем. В июне того же года арестован, провел 1,5 года в заключении и сослан на вечное поселение в Восточную Сибирь. В октябре 1914 г. бежал через Владивосток в Японию, а затем в Северную Америку. После Февральской революции вернулся в Россию и возглавил снова Киевский комитет РСДРП. После октябрьского переворота был вызван в Петроград и стал сначала помощником главного комиссара, а потом главным комиссаром Государственного банка. Будучи противником Брестского мирного договора, снова уехал на Украину, вступил в один из отрядов,

воевавших с немецкой армией. В апреле 1918 вошел в Оргбюро по созыву I-го съезда Компартии Украины, в июле стал секретарем ЦК КП(б)У. По окончании гражданской войны на хозяйственной работе. В 1921–27 гг. возглавлял Центральное правление каменноугольной промышленности Донбасса, зам. Председатель Госплана и ВСНХ. В конце 1927 г. исключен из партии за принадлежность к «троцкистско-зиновьевскому блоку». Работал торговым представителем СССР во Франции. Осенью 1928 г. заявил о разрыве с троцкизмом, восстановился в ВКП(б) и возглавил Гос. банк страны. Работал в наркомате и ЦК партии. В 1936 г. арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1988 г.

²¹⁹ Вильсон Томас Вудро (1856–1924). Окончил в 1879 г. Принстонский университет. Доктор философии. В 1890–1902 гг. профессор права, в 1902–1910 гг. ректор Принстонского университета. В 1910–12 гг. губернатор штата Нью-Джерси. В 1912–1921 гг. президент США от Демократической партии. Приобрел в годы президентства славу «прогрессивного реформатора», разработав ряд экономических законов и законов о труде.

²²⁰ Плавт Тит Макций (середина III в. до н.э. — ок. 184). Римский комедиограф, написавший 21 комедию, в которых слабо связанные между собой сцены сочетают клоунаду, пантомиму, живой диалог и арии. Часто главным героем становится раб-интриган.

²²¹ Теренций Публий (ок. 195 — 159 до н.э.). Римский драматург, родом из Карфагена. Написал 6 пьес, в которых отказался от смешения греческих и римских черт, присущих комедиям Плавта, а также от грубого комизма и буффонады.

²²² Лукиан (ок. 120 — после 180). Греческий писатель. Основной жанр его произведений — сатирический, полемический диалог, пародирующий мифологические сюжеты.

²²³ Веселовский Алексей Николаевич (1843–1918). Историк, профессор Московского университета, почетный академик, председатель Общества любителей российской словесности. Автор работ по истории литературы: «Западное влияние», «Альцест и Чацкий», «Этюды и характеры» и др. Преподавал литературу на драматических курсах Театрального училища, был членом московского отделения Театрально-литературного комитета при дирекции Императорских театров в 1891–1900 гг.

²²⁴ Ерусалем (Ерузалем, Иерузалем, Jerusalem W.) Вильгельм. Выдающийся представитель австрийской «психологической школы». Наиболее известен его труд «Функция суждения» (Urtheilfunction, 1895). В.Н. Рихтер цитирует его работы «Einleitung in die Philosophie» (1906 г.) и «Der Kritische Idealismus und die reine Logic» (1905 г.).

²²⁵ Авенариус Рихард (1843–1896). Швейцарский философ-идеалист, один из основоположников эмпириокритицизма.

²²⁶ Фаминцын Андрей Сергеевич (1835–1918). Окончил Петербургский университет в 1857 г. Основатель (1890) и директор лаборатории анатомии и физиологии растений Академии наук (ныне Институт физиологии растений им. К.А. Тимирязева). Академик Петербургской АН. Председатель Бюро библиографии по естествознанию и математике в России при АН, инициатор (вместе с В.И. Вернадским) создания Комиссии по изучению естественных производительных сил России. Президент Вольного экономического общества (1906–1909), почетный президент Русского ботанического общества (1915).

²²⁷ Спенсер Герберт (1820–1903). Английский философ, биолог и социолог, один из родоначальников позитивизма. Автор эволюционной теории общественного развития.

²²⁸ Оствальд Вильгельм Фридрих (1853–1932). Немецкий физико-химик и философ. Окончил в 1875 г. Дерптский университет. Профессор Рижского политехнического училища (1882–87), Лейпцигского университета (1887–1906). Член-корреспондент Петербургской АН.

²²⁹ Корнелиус Г. Философ, ближайший предшественник неопозитивизма, который характеризует философию как стремление к последней ясности, к окончательному объяснению.

²³⁰ Кант Иммануил (1724–1804). Прожил всю жизнь в Кенигсберге, где в 1745 г. окончил университет, в 1755–1770 гг. был доцентом, а в 1770–1796 гг. профессором университета. В первый, «докритический», период развития своей философии разработал космогоническую гипотезу («Гипотеза Канта») об образовании планетной системы из первоначальной «туманности», высказал предположение о существовании Большой системы Галактик, доказал замедление суточного вращения земли за счет приливного трения. В биологию внес идею генеалогической классификации животного мира. В «критический» период, начавшийся с написания диссертации «О форме и принципах чувственно воспринимаемого и умопостигаемого мира», вышли его философские книги «Критика чистого разума» (1781), «Критика практического разума» (1788) и «Критика способности суждения» (1790).

²³¹ Фишер Куно (1824–1907). В 1856–1871 гг. профессор Йенского, в 1872–1906 гг. — Гейдельбергского университета. Написал десятитомную «Историю новой философии», содержащую обширный материал об учениях, жизни и деятельности Р. Декарта, Б. Спинозы, Г.В. Лейбница, И. Канта, И.Г. Фихте, Ф. Шеллинга, Г. Гегеля. Автор работ по истории литературы (о И.В. Гете, Г.Э. Лессинге, Ф. Шиллере, У. Шекспире).

²³² Лесевич Владимир Викторович (1837–1905). Русский философ-позитивист, автор работ «Опыт критического исследования основ начал позитивной философии» (1877), «Письма о научной философии» (1878) и др. В 1879 г. арестован по делу о тайной типографии, выслан в Восточную Сибирь. В 1915 г. в Москве издано его собрание сочинений.

²³³ Карстаньен Фр. Философ, ученик Р. Авенариуса.

²³⁴ Афелис «Социология». Составители не сумели найти эту книгу.

²³⁵ Вундт Вильгельм (1832–1920). Профессор физиологии в Гейдельберге (1864–74), профессор философии в Лейпциге с 1875 г. Член множества иностранных академий и ученых обществ. Главная заслуга Вундта — внедрение в психологию экспериментального метода, что сыграло решающую роль в превращении ее в самостоятельную науку. В 1879 г. создал первую в мире психологическую лабораторию, в которой изучались ощущения, время реакции, ассоциации, внимание, простейшие чувства.

²³⁶ Гёффдинг Харальд (1843–1931). В 1883–1915 гг. профессор Копенгагенского университета. Пытался рассматривать философию в ее связи с наукой и сравнить философов разных эпох на уровне теории познания («История философии нового времени», 1894–95). В исследовании личности большое значение придавал принципу психической активности и из трех типов психических элементов —

познания, чувства и воли — главным считал волю. В русском переводе были изда- ны «Очерки психологии, основанной на опыте» (М., 1896), «О принципах этики» (Одесса, 1898), «Психологические основы логических суждений» (М., 1908), «Фи- лософия религии» (2 изд., СПб, 1912), «Философские проблемы» (М., 1905).

²³⁷ Джемс Уильям (1842–1910). Профессор физиологии и психологии, затем философии Гарвардского университета (1872–1907). В психологии выступил с концепцией «потока сознания» — непрерывно сменяющихся друг друга целостных и индивидуальных психических состояний, смена которых отражает физиологи- ческие процессы в организме. Создал учение об эмоциях как выражении телес- ных движений.

²³⁸ Эльзенганс Т. Немецкий философ. Перевод 4-го издания его книги «Психо- логия и логика. Введение в философию» вышел в Санкт-Петербурге под редакци- ей В.В. Битнера в 1905 г. в издательстве «Вестник Знания».

²³⁹ Бласко Ибаньес Висенте (1867–1928). Лидер левореспубликанского движе- ния в Валенсии, депутат парламента от Республиканской партии (1898–1909). Был близок к социалистам, затем перешел на умеренно либеральные позиции. Создал цикл философско-психологических романов, один из которых — «Мертвые пове- левают», написанный в 1909 г., цитирует В.Н. Рихтер.

²⁴⁰ Брюсов Валерий Яковлевич (1873–1924). Русский поэт и писатель, лидер символизма. Родился в купеческой семье. Руководил издательством «Скорпион», редактировал журнал «Весы». Во время Первой мировой войны сотрудничал с М. Горьким. В 1920 г. вступил в коммунистическую партию. Работал в Нарком- просе, в Госиздате, заведовал Книжной палатой, читал курсы в Московском уни- верситете и в созданном им Высшем литературно-художественном институте.

²⁴¹ Отрывки из этого заявления были опубликованы в 20-м номере «Социали- стического вестника» за 1921 г.

²⁴² Аровин (Аравин) Яков Алексеевич (ок. 1892–?). Меншевик, по профессии печатник. Арестован в клубе «Вперед» во время собрания членов РСДРП 25 фев- раля 1921 г. (один из 158 арестованных). 26 апреля после избияния заключенных вывезен во Владимирскую тюрьму. Освобожден в ноябре 1921 г. Дальнейшая его судьба составителям неизвестна.

²⁴³ Девяткин (он же Первухин) Александр Федорович (1886–1932). Социал-де- мократ, по профессии наборщик, член ЦК РСДРП. Впервые арестован 18 июня 1920 г. в Москве. С 26 апреля 1921 г. находился во Владимирской тюрьме. Много- кратно арестовывался, объявлял голодовку, сидел в политизоляторах и ссылался. В 1932 г. умер от сыпного тифа в ссылке в Сибирске.

²⁴⁴ Пистрак Лазарь Михайлович (в документе опечатка) (1895–?). Социал-де- мократ. В январе 1921 г. был арестован в Москве, в апреле 1921 г. находился во Владимирской тюрьме, в августе освобожден. В июне 1922 г. предпринимались меры к его розыску. Дальнейшая судьба неизвестна.

²⁴⁵ Кранихфельд Андрей Сергеевич (1902–1938). Меншевик, в 1922 г. выслан в Корочу Курской губернии сроком на 1 год. Далее из года в год кочевал по ссыл- кам, политизоляторам: Бутырки, Владимирская тюрьма, внутренняя тюрьма, Бу- тырки, восьмидневная голодовка, концлагерь, СЛОН, Тобольская тюрьма, Таган- ка, Турткуль, Саратов, политизолятор в Рязани и т.д.

²⁴⁶ Малкин Алексей Яковлевич (1886–1938). Социал-демократ, член ЦК РСДРП. Арестован в 1921 г. в Москве. С 26 апреля 1921 г. сидел во Владимирской

тюрьме, затем был отправлен в Соловецкий концлагерь. После ряда лет, проведенных в тюрьмах, в 1930 г. был сослан в Чимкент.

²⁴⁷ Минков Исай Моисеевич (1901—?) — социал-демократ. В феврале 1921 г. был арестован в Москве, в апреле переведен в Рязанскую тюрьму.

²⁴⁸ Артемьев Николай Иванович (1883—?). Окончил гимназию. В партии эсеров с 1903 г. По обвинению в принадлежности к ПСР был сослан в Красноярский уезд Енисейской губернии, где занимался статистической работой. Вернувшись в 1913 г. в Москву, продолжал работать статистиком в Московской городской управе. В 1917—1920 г. входил в МК ПСР (в 1917—1918 гг. председатель). В июне 1920 г. — в Бутырской тюрьме, в августе — в Ярославской тюрьме. Арестован в апреле 1921 г. в Москве. Заключенный во Владимирской тюрьме (избит). 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. По итогам процесса социалистов-революционеров приговорен к 10-летнему тюремному заключению со строгой изоляцией, которое было сокращено до 5 лет с окончанием срока 20 марта 1925 г. Содержался в Бутырской тюрьме, дважды держал голодовку. По окончании срока тюремного заключения должен был быть выслан в Букеевскую орду (Калмыцкая обл.), в 1925 — в Темир-Хан-Шуре. На момент ареста в феврале 1937 г. отбыл ссылку в Ирбите, обвинен в руководстве эсеровским подпольем в Свердловской области.

В последнем слове на процессе 1922 г. заявлял: «Я в своем последнем слове хочу подчеркнуть полную солидарность с моими товарищами, сидящими на этих скамьях. [...] Сплочение сил рабочего класса, организация и оформление рабочих сил и политическая борьба за воссоздание организационных форм путем выявления массовой воли трудящихся — вот те задачи, которые ставила партия эсеров. К этим позициям, которые выявили здесь мои товарищи, я всецело присоединяюсь и несу полную ответственность за все». Обращаясь к своим обвинителям, говорил: «Вы требуете смертной казни членам партии, которая ставит своей целью изменение государственной власти, даже не путем вооруженного восстания, не путем вооруженной борьбы, а которая стремится в данный исторический момент изменить политику власти путем организованного политического давления рабочего класса на власть. За это вы хотите расстрелять нас, как вредный элемент. Наш процесс воистину исторический. Он исторический не только потому, что вскрывает здесь гиган[т]скую борьбу нашей партии, партии, стоящей на точке зрения демократии, партии стоящей на точке зрения социализма, но он исторический еще и потому, что здесь впервые коммунистическая власть путем кровавой расправы желает разделаться со своими политическими противниками за их политическую борьбу. Вы своим приговором начинаете новую эру кровавых расправ. Я говорю здесь свое последнее слово подсудимого не для своего оправдания. Я член партии социалистов-революционеров, и я несу всю ответственность за деятельность этой партии, в рядах которой я работал более 15-ти лет своей сознательной жизни и, по мере своих сил, боролся за благо трудового класса, из недр которого я сам произошел. Я вел свою работу так, как мне подсказывал мой долг и моя революционная совесть, — совесть социалистов-революционеров. Здесь Клара Цеткин проронила великие слова. Она сказала: “Для каждого революционера отдать свою жизнь за благо рабочего класса, не только долг, но и счастье”. Мы революционеры и социалисты, идя на борьбу, всегда готовы к смерти, где бы она нас не

постигла и мы гордо слушаем ваш смертный приговор» (Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 797–798.).

²⁴⁹ Федодеев Александр Васильевич (1899–1937). Член ПСР. В 1917 г. окончил гимназию. Собирался поступать на юридический факультет Московского университета, но, как писала в своих воспоминаниях его вторая жена Е. Олицкая, познакомившаяся с ним в Савватьевском скиту на Соловках в 1924 г., «жизнь столкнула его с одним социалистом-революционером. Вместо юридического факультета дальнейшее образование получал в тюрьмах и ссылках». В 1919 г. арестован и сослан в Архангельск. «Недолго поработав там на погрузках пароходов, он бежал. Некоторое время он жил и работал на нелегальном положении. Женился на своей товарке и эсерке. Ждал рождения сына. В 1922 году был снова арестован и отправлен в Пертоминский лагерь. Больше всего его интересовали вопросы социологии. Занимался он упорно и много. В коллективе, из молодежи, считался одним из самых талантливых. Он принимал участие во всех дискуссиях и сам выступал с докладами. [...] В своих установках он ближе других был к левым эсерам. Он считал, что настало время ставить вопрос об объединении всех эсеров на новых позициях, позициях конструктивного социализма» (Олицкая Е. Мои воспоминания. Т. 1. С. 256). Арестован в июле 1921 г., содержался в Бутырской, затем в Ярославской и Владимирской тюрьмах. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Тогда же арестован. Приговорен к ссылке в Архангельскую губернию на 2 года. Сидел на Соловках, в Верхне-Уральском политизоляторе, ссылка отбывал в Чимкенте. По окончании срока ссылки вместе с семьей жил в Рызани, затем перешел на нелегальное положение. По подложным документам поселился в Серпухове, вместе с женой выпускал листовки от имени «Группы действия за дело народа», т.к. подписывать их эсеровскими подписями они считали себя не вправе, хотя и сохранили на листовках эсеровский лозунг «В борьбе обрешь ты право свое!». Е. Олицкая впоследствии вспоминала о содержании этих листовок: «Одна из них содержала анализ экономического положения страны. Говорилось в ней о разорении народа, об обнищании, несправии и моральном разложении. Говорилось о диктатуре партии, о перерождении ее, о появлении мощной бюрократической прослойки. Нами ставился вопрос о том, двигается ли страна к подлинному социализму или прорастает в госкапитализм или в госсосоциализм. Вторая листовка была заглавлена — “Будет ли война?” Конец 1931 года. До мировой войны 1941 года — десятилетие. Но анализ действительности уже тогда показывал неизбежность войны при той политике, какую осуществляла партия. В листовке доказывалось, что предстоящая война в корне будет отличаться от предшествовавших войн. Что она будет носить характерную особенность, особенность политическую, особенность борьбы двух систем. Я не могу пытаться подробнее остановиться на их содержании. Я могу спутать и вложить в них мысли, которые приходили нам позже, в течение ряда лет. Но я четко помню, что в них был призыв к борьбе с тотальным строем за подлинную демократию. За демократию для всех демократических течений, за свободное рабочее движение, свободные профсоюзы, свободную кооперацию. Они призывали к борьбе против единой монопольной всевластной партии большевиков, захватившей законодательную и исполнительную власть, диктующей свою волю, свою линию поведения через все захваченные ею рабочие и кооперативные организации. Они

призывали к борьбе против централизации, против Левиафана-государства, порабошающего человеческую личность, сковывающего ее всестороннее гармоническое развитие. Листовки наши говорили, наконец, о логическом развитии пути, по которому большевики ведут страну. Я помню хорошо фразу: “Мы переживаем цветочки, ягодки — впереди!”» (Там же. Т. 2. С. 99–100). В апреле 1932 г. арестован, отвезен в Бутырскую тюрьму, где держал 11-дневную голодовку. Следователем его был С. Сидоров, в 1924 г. выдавший студенческую эсеровскую группу, в которую входила Е. Олицкая, а в 1925 г. — ЦБ эсеров. В апреле 1933 г. заключен на 5 лет в Суздальский политизолятор. В 1937 г. получил новый срок: «10 лет без права переписки». В сентябре 1937 г. расстрелян.

²⁵⁰ Гутман А. (или Л.) — политзаключенная (возможно, анархистка). Находилась во Владимирской тюрьме с 26 апреля 1921 г. и во время описываемой в документе экзекуции была сильно избита. В ноябре 1921 г. освобождена. Дальнейшая ее судьба составителям неизвестна.

²⁵¹ Беляев Николай Михайлович (1900–?). Анархист. Арестован в Самаре в декабре 1919 г., приговорен к 5 годам концлагеря, содержался в Часовой башне Бутырской тюрьмы. После избиения перевезен в Орловский политизолятор, откуда в сентябре бежал. Через год снова арестован и снова пойман при вооруженной попытке побега из Лефортовской тюрьмы. В марте 1923 г. приговорен к одному году содержания в Соловецком лагере особого назначения, в ноябре 1923 г. в Кемии, в январе 1924 г. на Лубянке. В марте 1924 г. освобожден. В марте 1926 г. в Суздале, затем в Кызыл-Орде (вероятнее всего, в ссылке), где в октябре 1927 г. арестован, а в декабре приговорен к 3 годам ссылки. В 1932 г. приговорен к 3 годам политизолятора ОСО при НКВД СССР по обвинению в анархизме и антисоветской агитации. По освобождении из тюрьмы отбывал ссылку в Минусинске, работал токарем-слесарем на Минусинской электростанции. Арестован в ноябре 1935 г. В декабре 1935 г. мера пресечения изменена на подписку о невыезде из Минусинска. Освобожден из-под стражи в январе 1936 г., а в июне 1936 г. арестован и в августе 1937 г. по обвинению в создании в Минусинске к.-р. анархистской группы и намерении создать боевую террористическую организацию, приговорен к расстрелу.

²⁵² Тимаков Николай Федорович (а не Ф.Ф., как в документе). Анархист. Действительно сидел в Часовой башне, а в ночь 26 апреля 1921 г. был избит и перевезен во Владимирскую тюрьму. Сослан в Марийскую республику, в марте 1922 г. освобожден. Дальнейшая его судьба составителям неизвестна.

²⁵³ Бельский А.А. (1883–1942). Член РСДРП с 1902 г. После февраля 1917 г. заведовал в Петрограде типографией ЦК РСДРП(б). В декабре 1917 г. направлен на работу в органы ВЧК, являлся комиссаром ВЧК и сотрудником отдела по борьбе с преступлениями по должности. В 1919–1924 гг. был начальником охраны Ленина.

²⁵⁴ Кожевников Я. Уполномоченный Секретного отдела ВЧК.

²⁵⁵ Самсонов Тимофей Петрович (1880–1956). До 1917 г. находился в эмиграции (Великобритания). Анархо-коммунист. Член РКП(б) с 1919 г. В органах ВЧК-ГПУ-ОГПУ с 1919 г.: начальник особого отдела МЧК, начальник секретного отдела СОУ ВЧК-ГПУ (1920–1923). Автор множества циркуляров о беспощадной борьбе с оппозицией. После 1923 г. зам. председателя правления Белорусско-Балтийской ж.д. В 1927–1936 гг. управляющий делами ЦК ВКП(б) и Коминтерна.

²⁵⁶ Суворова Вера Вадимовна (по первому мужу Кузьмина). Жена В.Н. Рихтера. Родилась 18 декабря (по нов ст.) 1884 г. в Гатчине в семье потомственного дворянина Вадима Николаевича Суворова и его жены Софьи Ивановны (урожденной Прушакевич). В молодости была увлечена социалистическими идеями, в 1904—1909 гг. работала в партийной организации РСДРП в Петербурге. Вышла замуж за Николая Николаевича Кузьмина (позже крупного советского военачальника), родила сына Сергея (1906 г.) и дочь Елену (1910 г.). За революционную деятельность была арестована, выпущена до суда под залог и выехала к мужу, который в это время лечился в Италии. Позже ей привезли туда детей. К этому времени отношения с мужем разладились, и встретив в Италии в 1913 г. В.Н. Рихтера, она вышла за него замуж; впрочем, этот брак не был зарегистрирован официально. В 1917 г. сразу после февральской революции вместе с В.Н. Рихтером, старшими детьми и годовалой дочерью Мусей вернулась в Россию. Вплоть до ареста В.Н. Рихтера сопровождала его почти во всех поездках, по мере сил помогая ему. После смерти В.Н. Рихтера была арестована (в конце декабря 1934 г.), но спустя 4 месяца отпущена по состоянию здоровья. По-видимому, этому помогло заступничество Н.Н. Кузьмина, с которым у нее сохранились хорошие отношения. Умерла 18 февраля 1966 г. Подробнее см. в предисловии Т.А. Семеновой к настоящему сборнику.

²⁵⁷ Гольд Григорий Львович (1889—?). Одесский эсер, занимавшийся финансовыми делами Одесской организации ПСР. В феврале-мае 1921 г. находился в заключении в Одесской тюрьме вместе с В.Н. Рихтером и другими эсерами. По-видимому, был вскоре освобожден. Фамилия его всплывает снова в списках соловецких заключенных. Арестован 12 апреля 1923 г. в Одессе и по приговору от 26 мая 1923 г. этапирован 9 июня на два года в Пертоминск, откуда перевезен на Соловки. В воспоминаниях Е. Олицкой, одновременно с ним отбывавшей срок в Савватьевском скиту, ему посвящены следующие строки: «Это был странный и своеобразный человек. И в манере держать себя, и в манере одеваться и по образу мыслей. Ничего типично эсеровского в нем не было. Худой, высокий, он держался негибаво, и лицо его было неподвижное, как бы застывшее. Одевался он всегда по-европейски, в пиджачную, тюрьмой потертую пару, привлекавшую к нему внимание на всех этапах. Был он мало общителен, его не очень любили, но очень уважали. Был он человеком для круга избранных, умным, образованным. Знал языки, был математиком, философом, социологом и прекрасным преферансистом и шахматистом. Он приходил к нам и садился на стул возле Симиной койки. Ровным голосом говорил о вещах, не имеющих никакого отношения к нашей жизни и интересам сегодняшнего дня.

Оба они, и Сима, и Гольд, были противниками голодовки. Оба не верили в победу и не допускали мысли о поражении. Говорили они об астрономических явлениях, о форме литературного творчества, об архитектурных стилях разных эпох. Казалось, что они любят друг друга. Но за Гольдом шла слава старого холостяка и без конца у нас повторялась его фраза — “жениться может только человек, больной на голову”» (Олицкая Е. Мои воспоминания. Т. 1. С. 254). После голодовки заключенных осенью 1924 г. был избран старостой эсеровской фракции Савватьевского скита. «В трудное время принял он старостатство. Он должен был отстаивать перед администрацией интересы эсков, зная, что в своих переговорах с Эйхмансом он должен избегать острых углов, ни на минуту не роняя

престижа эков. И надо сказать, Григорий Львович повел коллектив блестяще. Без позы и демагогии, присущих Богданову, спокойно, твердо, уверенно и выдержанно вывел он коллектив из голодовочного состояния и переключил на мирную спокойную ежедневную жизнь» (Там же. С. 265). Участвовал в составлении списка заключенных эсеров Савватьевского скита. В 1928 г. сослан в Усть-Сысольск.

²⁵⁸ Кирков. Вероятно, следователь в одесской ОГЧК. См. док. № П1.6—П1.8.

²⁵⁹ Каплан Владимир Натанович (1890—1937). Член ПСР, делегат III и IV съездов ПСР, член Петроградского комитета ПСР в 1917 г., депутат Совета рабочих и солдатских депутатов, член ВЦИК и Временного Совета Российской Республики (Предпарламента). В 1918 г. из Петрограда переехал в Одессу, где с середины 1919 г. стал членом Одесского городского комитета ПСР. В середине 1920 г. вышел из состава комитета по «причинам личного характера», но связей с организацией вплоть до своего ареста не порывал. В феврале 1921 г. арестован и весной 1922 г. отправлен в Москву в связи с подготовкой процесса над с.-р. Содержался в Бутырках до 1923 г., затем отправлен в ссылку в Оренбург. Летом 1924 г. находился в концлагере, а в 1925 г. в Суздальском политизоляторе. Погиб во время следствия в 1937 году.

²⁶⁰ Минаев Е. Член ПСР, рабочий. Судя по содержанию следующих записок, находясь в тюрьме, был тяжело болен. Повторно арестован в Одессе в 1922 г. В июле 1922 г. сослан в Харьков. Дальнейшая его судьба составителям неизвестна.

²⁶¹ Берлин. Член ПСР. По сведениям Одесского охранного отделения в 1907 г. работал доктором в Севастополе, вместе с женой вел активную работу в партии с.-р., на его квартиру товарищи попадали только по паролю. По-видимому, был связан с боевой организацией ПСР.

²⁶² Пупа, Пупочка — домашнее имя дочери В.В. Суворовой и В.Н. Рихтера Валерии. Валерия умерла в возрасте 11 месяцев в Одессе от дизентерии в мае 1921 г.

²⁶³ «Революционная Россия». Журнал, центральный орган ПСР, издавался в 1920—1931 гг. в Ревеле, Берлине, Праге. Основан в декабре 1920 г. В.М. Черновым. До 1923 г., по сведениям Заграничной делегации, ввозился в Россию «в массовом количестве».

²⁶⁴ См. также док. № П1.12 — П1.26.

²⁶⁵ Имеется в виду процесс над эсерами, проходивший в Москве 8 июля — 7 сентября 1922 г. О процессе социалистов-революционеров см. в предисловии К.Н. Морозова к наст. сборнику, а также подробнее см.: Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь—август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги. Сборник документов / Сост. С.А. Красильников, К.Н. Морозов, И.В. Чубыкин. М., 2002. (Серия «Архивы Кремля»).

²⁶⁶ См. док. № П1.21 «Выписка из протокола № 19 распорядительного заседания Судебной коллегии Верхтриба ВЦИК от 23 мая 1922 г.».

²⁶⁷ См.: Обвинительное заключение по делу Центрального комитета и отдельных иных организаций партии социалистов-революционеров по обвинению их в вооруженной борьбе против Советской власти, организации убийств, вооруженных ограблений и в изменнических сношениях с иностранными государствами. М., 1922. См. также: Судебный процесс над социалистами-революционерами.

²⁶⁸ См.: Процесс П.С.-Р. Речи государственных обвинителей. Приговор Верховного Революционного трибунала. Постановление Президиума ВЦИК. Воззвание Коминтерна. М., 1922.

²⁶⁹ Эти обвинения, прозвучавшие на процессе 1922 г., развитые и закреплённые коммунистической агитационно-пропагандистской машиной, предопределили отношение к эсеровской партии не только официальной идеологии, но и официальной исторической науки. Эти положения в разных вариациях содержались в многочисленных популярных и «научных» книгах, брошюрах и статьях, а также в энциклопедических изданиях. И лишь в последние два десятилетия начали появляться работы, авторы которых пытаются непредвзято подойти к истории ПСР. Но парадокс заключается в том, что преодолению мифологем полувековой давности мешают новые, успешно комбинирующиеся со старыми и создающие поистине чудовищный симбиоз идеологизированности, конъюнктуры и элементарной безграмотности.

²⁷⁰ На следующий день после убийства Сергеевым В. Володарского было опубликовано заявление ЦК ПСР, что партийные организации никакого отношения к убийству не имеют. По утверждению Г.И. Семенова, «в рабочих с.-р. кругах, среди тех, кто считал нужным террористическую борьбу, полагали, что акт — дело Партии и с напряжением ждали открытого сообщения Партии об этом. ЦК растерялся, и все его домыслы сводились к страху, как бы не открылось, кто виновник происшедшего, как бы Партия не подверглась разгрому. В виду этого (с моей точки зрения — именно в виду этого) на другое же утро после убийства в газетах появилось категорическое заявление ЦК, что ни Партия и ни одна из ее организаций не имели ни малейшего отношения к происшедшему. ЦК настаивал на немедленном отъезде всех нас в Москву. Я был возмущен поведением ЦК. Я считал необходимым, чтобы партия открыто заявила, что убийство Володарского, дело ее рук. То же думала моя Центральная Боевая Группа. Отказ Партии от акта был для нас большим, моральным ударом. Моральное состояние всех нас было ужасно» (Семенов Г.И. Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917–1918 гг. Брлин, 1922. С. 28).

Официальное заявление ЦК ПСР о непричастности партийных организаций к покушению на Ленина 30.08.1918. См.: Правда. 1918. 6 сент.; Известия ВЦИК. 1922. 20 июля.

²⁷¹ Абсурдность этого обвинения неоднократно подчеркивалась А.Р. Гоцем и Е.М. Тимофеевым в ходе судебных заседаний процесса эсеров 1922 г. См. выдержки из стенограмм (док. № П1.22).

²⁷² Буревой Константин Степанович (наст. фам. Сопляков) (1888–1934). Окончил 4-х классную земскую школу. Член ПСР с 1905 г. В апреле 1907 г. вошел в Острогжский уездный комитет партии эсеров. С 1910 г. в составе Воронежского губернского комитета партии. За принадлежность к эсерам и участие в погромах помещичьих усадеб дважды арестовывался и высылался. В 1914 г. арестован за издание в Петербурге эсеровской газеты «Живая мысль труда» и выслан на 3 года в Енисейскую губернию. В сентябре 1915 г. бежал из ссылки, но в 1916 г. арестован в Петрограде и выслан в Туруханский край. В июне-августе 1917 г. — председатель Президиума Исполкома Воронежского Совета. 30 октября арестован ВРК, но в тот же день освобожден. На IV съезде ПСР избран в ЦК, в котором примыкал к черновскому крылу. Член Учредительного собрания, работал в «иногородней комиссии» фракции эсеров. Во второй половине января 1918 г. выехал в Киев, где

вошел в состав Центральной Рады. С февраля введен в Крестьянскую комиссию при ЦК ПСР. В июне вошел в самарский Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания. В июле—августе особоуполномоченный на Хвалынско-Вольском участке фронта Народной армии Комуча. После колчаковского переворота арестован, после освобождения в подполье. Участвовал в совещании лидеров Комуча, на котором было принято решение о прекращении вооруженной борьбы и переговорах с Красной армией (декабрь). В июне 1919 г. вышел из ЦК партии. Один из основателей группы «Народ», член редакции журнала «Народ». В ноябре исключен из ПСР за призыв к членам партии вступать в Красную армию. С другими деятелями группы «Народ» создал «Меньшинство ПСР» (МПСР) и вошел в Центральное организационное бюро МПСР. В феврале 1922 г. подписал заявление меньшинства Центрального бюро с призывом к самороспуску МПСР, после чего отошел от политической деятельности. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Тогда же арестован, в мае освобожден под подписку о невыезде, дело прекращено в связи с амнистией. На судебном процессе ПСР проходил свидетелем защиты. В июле 1922 г. арестован и приговорен к ссылке на 2 года в Ташкент; находился в тюрьме Нижнего Новгорода. Вскоре возвращен в Москву и в сентябре освобожден за отсутствием состава преступления. В дальнейшем работал в Профинтерне, сельскохозяйственной кооперации и промышленности. Занимался поэзией, драматургией и литературной критикой. В 1934 г. арестован и расстрелян.

²⁷³ Сумгин (в тексте опечатка) Михаил Иванович (1873—1942). В 1895 г. поступил на физико-математический факультет Петербургского университета. В социал-революционном движении с 1902 г. Неоднократно арестовывался и ссылался. В марте 1907 г. выехал в Париж. В начале 1908 г. командирован Областным заграничным комитетом ПСР в Россию. Арестован и выслан на 3 года в Амурскую область. В ссылке занимался метеорологическими наблюдениями, изучал вечную мерзлоту. В апреле—октябре 1917 г. комиссар Временного правительства по Нижегородской губернии. На IV съезде ПСР (ноябрь—декабрь 1917 г.) избран в ЦК, где примкнул к «левому центру». Возглавлял крестьянский отдел ЦК, работал в издательской комиссии при ЦК. Вышел из состава ЦК в феврале 1918 г. в связи с несогласием с утвержденной комитетом резолюцией о необходимости активных действий против большевиков. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. С начала 1920-х гг. продолжил научную работу по изучению вечной мерзлоты. С 1939 г. заместитель директора и руководитель научной деятельностью Института мерзлотоведения АН СССР. Доктор геологических наук.

²⁷⁴ В протоколе допроса К.С. Бурегого от 16 марта 1922 г. записано: «В конце февраля 1918 года в Ц.К.П.С.Р. был поднят вопрос о применении террора по отношению к большевикам. Я в то время состоял членом Ц.К.П.С.Р. Ц.К. находился тогда в Петрограде. [...] Вопрос о терроре, насколько помню, был поднят в связи с деятельностью советского комиссара по военным делам АНТОНОВА на Украине (в Харькове). В связи с поднятым в заседании вопросом о терроре был внесен вопрос о применении террора по отношению к АНТОНОВУ. Не помню, кем именно было внесено это предложение. В своей речи по этому вопросу Виктор Чернов, возражая

безусловному противнику террора члену Ц.К. СУМГИНУ, между прочим указал, что при разгоравшейся в то время гражданской войне возможно такое положение, при котором убийство какого-нибудь зарвавшегося советского комиссара, вызывавшего своими действиями возмущение населения, могло бы революционизировать народные массы. ЧЕРНОВ внес в Ц.К. резолюцию о терроре, которая была так расплывчато отредактирована, что СУМГИН усмотрел в ней возможность истолкования партийными организациями этой резолюции в смысле применения террора. СУМГИН внес в резолюцию поправку о безусловной недопустимости террора во время революции, так как такая тактика оттолкнула бы массы от партии. Поправка СУМГИНА была отвергнута. Это послужило мотивом к выходу СУМГИНА из состава Ц.К.П.С.Р., о чем СУМГИНЫМ было подано в Ц.К. заявление. СУМГИН вскоре ушел и от партийной работы. Лично я голосовал за резолюцию Чернова и против поправки СУМГИНА. В этом заседании Ц.К. приняли участие, насколько помню: ЧЕРНОВ, РИХТЕР, ТИМОФЕЕВ, РАТНЕР Е.М., РАКИТНИКОВ, КОГАН-БЕРНШТЕЙН, ФЕДОРОВИЧ, БУРЕВОЙ, ТЕТЕРКИН, ВЕДЕНЯПИН. Остальных присутствовавших не помню. В то время я, как и большинство членов Ц.К. отнюдь не был принципиальным противником применения террора, как метода борьбы, но считал, что революционная обстановка того времени позволяла надеяться на преимущество массовой вооруженной борьбы» (Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 420). М.А. Веденяпин на допросе 1 апреля 1922 г. «припомнил», что «одним из мотивов его (М.И. Сумгина. — *Сосм.*) ухода была резолюция Ц.К. о вооруженной борьбе» (Там же. С. 426). На допросе 7 апреля 1922 г. Н.Н. Иванов показал следующее: «Центральный комитет партии с.-р., в целом и Петроградское бюро Ц.К. в своих резолюциях высказывались против применения террора по отношению к Советской власти весной, в начале лета 1918 г. За применение террора была лишь небольшая часть членов Центрального комитета. Я лично в тот период был сторонником террора против Советской власти, но террора открытого, от имени партии. Ц.К. не давал Боевой организации санкции на совершение террористических актов и экспроприации советских учреждений, но исключения из партии с.-р. за совершение подобных актов производить не полагалось, т.к. условия борьбы того периода допускали методы боевых действий против Советской власти» (Там же. С. 433). Член Бюро фракции ПСР в Учредительном собрании Н.В. Святыцкий на предварительном следствии 19 марта 1922 г. показал: «[...] в первое время после Октябрьского переворота террористические настроения против коммунистической партии и советской власти были господствующими среди широких партийных и ответственных кругов Партии социалистов-революционеров. Из состава членов ЦК ПСР определено против применения террора высказывались: [Н.И.] Ракитников, [К.С.] Буревой, [М.Л.] Коган-Бернштейн, [М.А.] Лихач; точку зрения применения террора по отношению к представителям сов. власти разделяли: Чернов Виктор Михайлович, [В.М.] Зензинов, [Е.М.] Тимофеев и [А.Р.] Гоц. Остальных сторонников террора не помню. В персональном перечислении допускаю возможность неточности [с] моей стороны» (Там же. С. 619). Намного более определенно высказался Н.И. Ракитников в своих показаниях от 8 марта 1922 г.: «В феврале или январе 1918 г. (точно не помню) в Центральном Комитете был поднят вопрос о применении террористических актов против большевиков. Большинство членов ЦК на этом заседании высказались против террора (в частности я, также был в числе противников террора). [...] Лично мое мнение, поддержа-

ное и некоторыми другими товарищами было резко и принципиально отрицательно[е], т.к. считал террор в отношении социалистов принципиально недопустимым» (Там же. С. 627).

На допросе 14 января 1935 г. жена В.Н. Рихтера В.В. Суворова-Кузьмина упомянула вскользь об отношении ее мужа к террору: «Вопрос. К какому времени относится Ваш разговор с Сысоевой Ириной Алексеевной по вопросу о терроре. Ответ. Точно не помню, но такой разговор с Сысоевой у меня был в 1923 году, когда речь зашла о моих взаимоотношениях со вторым моим мужем эсером Рихтером. В процессе этого разговора я говорила Сысоевой, что единственное разногласие у меня с Рихтером было по вопросу об индивидуальном терроре, т.е. Рихтер тогда признавал целесообразность индивидуального террора, а я не признавала» (ЦА ФСБ РФ. Дело № Р-37993. Л. 7–9).

²⁷⁵ Это обвинение, не доказанное в ходе судебного процесса эсеров 1922 г., основывалось на утверждении, содержащемся в брошюре Г.И. Семенова: «Для выяснения позиции Центрального Комитета по вопросу о практическом проведении террора я беседовал с Гоцем. Гоц находил, что политический момент достаточно созрел для борьбы путем террора, считал, что убийство Ленина [нужно] осуществить немедленно, что оно будет иметь не меньшее значение для подрыва Советской Власти, чем убийство Троцкого. Он предлагал убить первым того, кого будет легче убить технически» (Семенов Г.И. Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917–1918 гг. С. 32).

²⁷⁶ Коноплева Лидия Васильевна (1891–1940). Училась на Высших женских Бестужевских курсах. В 1906–1916 гг. участвовала в анархистском движении. Дважды арестовывалась. В ПСР вступила после февраля 1917 г., была членом Петроградского комитета ПСР. В 1918 г. член Боевой группы Семенова. В 1919 г. вошла в МПСР, в феврале 1920 г. по партийной мобилизации направлена на фронт. В феврале 1921 г. вступила в РКП(б) и возобновила свои связи с военной разведкой, которая отправила ее в марте 1921 г. в Германию, откуда она была вызвана для дачи показаний на предварительном следствии по процессу социалистов-революционеров. В январе 1922 г. направила в ЦК РКП(б) доклад о своей прежней эсеровской работе, послуживший наряду с брошюрой Г.И. Семенова «Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917–1918 гг. (Берлин, 1922) основанием для предъявления обвинения эсерам, привлеченным по этому процессу. Оправдывала свой поступок тем, что «что все, что в интересах Революции — допустимо и оправдываемо. Интересы Революции — наша правда, наша мораль. И когда мы с Семеновым, перед отъездом его в Россию, обсуждали этот вопрос, то там решили оба — если интересы революции требуют[,] то мы должны, обязаны сделать, хотя бы с точки зрения человеческой морали, это было неприемлемо» (Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 150). 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ была включена в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. На процессе была обвиняемой второй группы, приговорена к расстрелу, но амнистирована. В 1937 г. была выведена на процесс Н.И. Бухарина.

²⁷⁷ Ефимов Петр Тимофеевич (1883–?). Учился в Петербургском Технологическом институте, по его собственным словам «подвергался арестам и преследованиям с 1901 года». Член ПСР с 1904 г., в 1906 г. за участие в кронштадтском восстании арестован и приговорен военно-полевым судом к 8 годам каторги, которую отбывал

в Тобольском и Александровском централах. По амнистии 1913 г. пребывание на каторге было заменено ссылкой. После октября 1917 г. приехал в Петроград, получил техническую должность в редакции партийного журнала «За народ», после закрытия которого являлся комендантом общежития IV съезда ПСР. Затем был направлен для работы в военную организацию ПСР. В марте 1918 г. вместе с Л. Коноплевой прибыл в Москву для организации слежки за В.И. Лениным, которой занимался в течение трех недель, после чего вернулся в Петроград. В конце марта 1918 г. вышел из военной организации ПСР. На допросе в ВЧК 4 марта 1922 г. утверждал, что в состоянии «душевного разлада» принял в 1919 решение о невозможности находиться в партии и «с этого момента считал себя совершенно отошедшим от партии и потерявшим с нею всякую связь до сего времени». В 1920—1921 гг. дважды арестовывался. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Арестован 27 февраля 1922 г., содержался во Внутренней тюрьме ГПУ. На процессе являлся обвиняемым второй группы, приговорен к 10 годам заключения с освобождением от наказания. Член Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, дальнейшая судьба неизвестна.

²⁷⁸ См. док. № П1.16 и П1.22.

²⁷⁹ Рабинович Борис Николаевич (?—1942). Член ПСР. В 1917 г. возглавлял эсеровскую организацию на северном фронте. Член Учредительного Собрания от Северного фронта. Входил в Военную комиссию при ЦК ПСР. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нахождением за границей. В 1922 г. секретарь Заграничной делегации ПСР. Входил в комиссию по организации пропагандистской кампании в защиту обвиняемых на процессе 1922 г. эсеров. В 1923 г. входил в организационное бюро по подготовке Первого съезда заграничных групп ПСР, на съезде был избран кандидатом в члены Заграничного Областного комитета. В 1942 г. арестован немцами в Праге и отправлен в лагерь. Погиб в заключении. См. о нем также док. № П1.17, П1.19, П1.20, П1.22, а также прим. 33 к Приложениям.

²⁸⁰ См. док. № П1.18 и П1.20 (выписки из протоколов допросов П.Т. Ефимова).

²⁸¹ Прочитированное постановление ЦК ПСР было принято не в мае 1918 г., а 27 декабря 1917 г. (опубликовано оно было в № 5 «Партийных известий» за 1918 г.) (См.: Партия социалистов-революционеров. Т. 3. Ч. 2. С. 550).

²⁸² Из показаний обвиняемых эсеров на процессе 1922 г. складывается следующая картина деятельности Л.Я. Герштейна и В.Н. Рихтера на Украине. Б.С. Иванов (5 июля): «Во-первых, поездка Герштейна и Рихтера — членов Центрального Комитета была не после 8 совета партии эсеров, а значительно раньше. Она относилась к моменту созыва Учредительного Собрания. Я, как член областного комитета партии эсеров, знал о приезде товарищей Рихтера и Герштейна на Украину в целях подготовки сил для защиты Учредительного Собрания». На вопросы Е.М. Тимофеева, «как мыслилась эта поддержка: должны ли были силы двинуться куда-то на поддержку Учредительного Собрания, где-то долженствующего собраться, или Учредительное Собрание должно было появиться на Украине тогда, когда будут силы, каково было отношение тогдашнего украинского правительства к этому?», Иванов не смог дать внятного ответа: «Относительно всех этих вопросов я не имею ясного представления в настоящее время. Я помню, что работа велась на основе того

сочувствия, которое мы имели тогда на юго-западном фронте в лице тогдашнего исполнительного комитета юго-западного фронта на выборах в Учредительное Собрание, что создало благоприятные условия для нашей работы на юго-западном фронте. Относительно вопросов о том, где предполагался созыв Учредительного собрания, я не могу дать точного ответа сейчас [...]. [В тот момент] у нас создалось близкое отношение с украинскими эсерами, именно на почве проведения закона о социализации земли и для нас были созданы благоприятные условия для всяческих переговоров с украинскими эсерами. Очевидно, что и делалось членами Центрального Комитета в момент приезда в Киев» (ЦА ФСБ. Н-1789. Т. 29. Л. 54, 57–58). Сам Герштейн так описывал свою и Рихтера поездку в Киев: «Делегация Центрального Комитета, выехавшая в конце декабря месяца в Киев из Петрограда, имела задачей, главным образом, вести переговоры с украинскими социалистическими группировками в Киеве, а также с местными краевыми правительствами, которые мы рассматривали как краевые, по вопросу об обеспечении для Учредительного Собрания возможности правильно функционировать там, буде окажется возможным и необходимым перенос его из Петрограда в Киев. Делегация выехала из Петрограда, если память мне не изменяет, около 30 декабря и прибыла в Киев 1 января. [...] Уже по дороге в Киев в связи с теми задачами, которые стояли перед делегацией, мы наметили известное техническое разделение труда. Товарищ Рихтер взял на себя, если можно так выразиться, иностранную часть, то есть, связь дипломатическую с украинскими партиями, с правительством тамошним; я взял на себя обследование тех возможностей, которые там были в смысле защиты Учредительного Собрания, то есть, военную часть и затем внутривнутрипартийную работу. Мы имели сведения уже в Петрограде о том, что в Киеве имеется Всеукраинский Комитет Защиты Учредительного Собрания. Таковой, по прибытии туда, мы там и нашли. Комитет был исключительно социалистический по своему составу. В него входили как социалисты-революционеры, так и социалисты-демократы. Большинство принадлежало последним, и они играли там до моего приезда наиболее активную выдающуюся роль. Самый Комитет находился в Киеве, но при мне не было никакого технического аппарата в Киеве. Хотя его многие свидетели называли штабом, но это не был штаб, так как никакой технической работы, практической работы там не велось. Это было, скорее, так сказать, консультационное учреждение. Центр всей работы был на Юго-западном фронте, в Бердичеве, где работала, главным образом, фракция Исполнительного Комитета Юго-западного фронта. [...] По тем сведениям, которые мы получали в Киеве, ибо на фронт ни я, ни товарищ Рихтер не выезжали, не могли выехать по техническим причинам, на фронте был организован целый ряд Партийных Бюро, которые и работали в войсках, пытаясь организовать целые части или отдельные единицы и свести их в боевые части. По тем сведениям, которые мы получали в Киеве, и которые подлежали проверке, на фронте имелось несколько частей, которые сохранились более или менее как компактные единицы и были в этом отношении более боеспособными. [...] Украинцы и до нашего приезда в переговорах с Комитетом Защиты Учредительного Собрания, которые велись все время, оттягивали определенное решение и имели такую двойственную политику. С одной стороны, они как будто не мешали нам вести агитационную работу на местах, а с другой стороны, они делали все возможное, чтобы рассеять нашу силу, чтобы не дать нам собраться. Таково было положение, когда мы приехали. Кроме того, Украина еще не решила окончательно для себя вопрос об Учредительном Собрании. Я

считаю долгом напомнить, что в 4 Универсале Украинской Рады, который провозгласил самостоятельность Украины, эта самостоятельность тоже была провозглашена условно. Они заявили, что Украина самостоятельна, пока в России большевистская власть, а когда большевистская власть кончится, тогда вопрос о воссоединении с Россией сам собой определится в федеративной связи. Поэтому они открыто с идеей созыва Учредительного собрания не рвали. Этим объясняется, может быть, то, что члены Учредительного Собрания, некоторые из них, которые прибыли в декабре месяце в Петроград, сочли необходимым вступить в переговоры с нами, в которых они предлагали, что в случае, если окажется — обстановка в Петрограде уже предугадывала это — что Учредительное Собрание или вовсе не соберется в Петрограде, или соберется, но не в состоянии будет работать, то они предлагали таким местом избрать Киев. [...] Центральный Комитет, обсудив этот вопрос, не решив окончательно, что таким местом может быть Киев или другой пункт, в случае, если понадобится перенести, считал возможным созыв Учредительного Собрания где бы то ни было, только при наличии вооруженной силы, которая гарантировала бы Учредительное Собрание от каких бы то ни было посягательств со стороны. И поэтому и моя, в частности, поездка в Киев имела целью выяснить, имеется ли такое наличие вооруженных сил или нет. [...] Категорически заявляю, что никаких офицерских сил у нас не было, мы на них не рассчитывали и их не имели в виду, ибо уже тогда намечался ясный крен, что активная часть офицерства уйдет на Дон, где они уже формировали части, а пассивная часть никуда не пойдет и мы на них не хотели рассчитывать. [...] Переговоры, которые велись как с представителями Украинской партии, так и с некоторыми отдельными представителями Украинской власти, затормозились тем, что во время нашего пребывания там происходила смена правительства. [...] В результате эти переговоры ни к чему не привели. Украинцы сперва заявили, что они ничего не имеют против и даже желают, чтобы Учредительное Собрание собралось в Киеве, а потом был выдвинут тот мотив, что это Собрание помешает Украинскому Учредительному Собранию, что неудобно им быть в одном городе. Наконец, выяснилось, что они боятся вот чего — так как мы ставили обязательным условием наличие вооруженных сил наших собственных для защиты Учредительного Собрания, то они прежде всего не хотели ни за что допустить иной силы, кроме украинской силы. На этом собственно и закончились все наши переговоры с ними, ибо как раз начался обстрел Киева, осада его, и было ясно, что никаких сил мы не успеем собрать и при тех препятствиях, которые имеются, из этой идеи ничего не выйдет» (Там же. Л. 207—213).

Что касается связей эсеров с французской военной миссией, то, по словам Герштейна, дело обстояло следующим образом: «Краковецкий заявлял совершенно неверно, вымышлено о том, что я просил его достать для партии денег у французов. Самая обстановка, о которой он рассказывал, — нелепа. [...] он немного потерял меру и сказал, что я будто бы просил, как член Комитета, тайно, потому что он не должен был сказать, что я хочу денег, а с другой стороны, я посылал работников из периферии и посвящал всех и каждого в это дело. Очевидно, этот вопрос очень щекотливый и между тем я открыто делал его достоянием гласности. Это явный абсурд. Очевидно, дело обстояло несколько иначе. Дело в том, что Краковецкий располагал суммами, которые он мог считать незначительными, а, по моему мнению, они были довольно значительны. Это были суммы, оставшиеся от Сибирского правительства. Это было в тот момент, когда я срочно нуждался в сравнительно небольшой сумме около 20—30

тысяч. Дело было в том, что на Румынском фронте у нас организовался отряд, около 150 человек. [...] Они захватили с собой автомобили, продвинулись не по железной дороге, по направлению к Киеву, не доехав до Киева верст за 150. [...] Это было как раз в тот момент, когда для нас было совершенно ясно, что в дальнейшем движение в Киеве не может продолжаться, что в Киеве Учредительное Собрание не собрать, и что нам ни к чему собирать туда силы. Мне нужна была небольшая сумма денег, чтобы дать этой публике возможность разъехаться. Я обратился к Краковецкому, как к товарищу, имевшему в своем распоряжении суммы Сибирского правительства, с просьбой дать взаимобразно в виду того, что мне были обещаны деньги от местного социал-демократического комитета. Он мне не дал. Часть я получил от социал-демократов. Это было накануне падения Киева. Вот в сущности вся простая история того моего желания использовать французскую валюту, о которой так много распространялся Краковецкий» (Там же Л. 213–214). Далее, отвечая на вопросы председателя суда, Герштейн пояснил, что он «как член партии, как представитель власти, считал, что всякое государственное образование имеет право на разговоры с другим государственным образованием», и именно под этим углом зрения смотрел на переговоры Сибирского представителя Краковецкого о займе у французской миссии, а потому считал возможным взять деньги у Краковецкого. Он считал это тем более возможным, что, по его сведениям, французских денег последний еще не получал, а занять деньги у сибирского правительства он считал себя вправе, «потому что сибирская власть стояла на точке зрения защиты Учредительного Собрания, и я вел переговоры с ним от имени Комитета, а так же потому, что эта власть стояла на точке зрения борьбы с германской опасностью, то есть, это была власть преследовавшая ту же задачу, что и мы» (Там же. Л. 219–220).

Относительно персонального состава делегации Герштейн пояснил, что первоначально в Киев была послана другая, «ездившая исключительно для переговоров с фракцией Украинской Учредительного Собрания для переговоров о совместной работе с Учредительным Собранием», затем в Киев были отправлены Герштейн и Рихтер, а в середине января (приблизительно 16 числа) — К.С. Буревой. Герштейн особо подчеркивал: вторая «делегация состояла из меня и товарища Рихтера. Совершенно не верны указания некоторых свидетелей на предварительном следствии о том, что в делегацию входили другие лица. Совершенно не верно указание на то, что в состав делегации входил и Руднев, который в наше время в Киеве и не был, мы его там и не видели» (Там же. Л. 207, 223). Вызванный в качестве свидетеля Буревой подтвердил, что пробыл в Киеве с 16 января до первых чисел февраля 1918 г. и был в курсе всего того, что делали там его товарищи по партии. В частности, на вопрос Крыленко «была или не была в то время или может быть до этого времени какая-нибудь декларация французского Представительства по вопросам о Раде; об отношении к Раде, об отношении к России, к Учредительному собранию, к борьбе за Учредительное Собрание» он заявил, что не помнит и не знает ничего об этом (Там же. Л. 341).

²⁸³ Чекистская версия о том, что В.Н. Рихтер дал честное слово, а затем, не сдержав его, скрылся, представляется весьма и весьма маловероятной. Подробный разбор коллизии см. в предисловии К.Н. Морозова к наст. сборнику.

²⁸⁴ См. док. № П1.11 — протокол обыска в квартире № 2 дома № 10 по Сретенской ул. в г. Киеве, на которой был арестован В.Н. Рихтер, имевший на руках подложные документы на фамилию Писаревского.

Раздел III

¹ Ирина — Ирина Алексеевна Сысоева (урожд. Бызова) (1889—27.11.1937). Родилась в г. Гатчина (Петербургской губ.). До 1912 г. жила вблизи границы, в местечке Тауроген Ковенской губернии. В 1910—11 гг. помогала нелегальной переправке эмигрантов (в основном большевиков) за границу. Была арестована и отбывала ссылку. Вернулась в Тауроген к отцу перед самой войной, затем семья была вынуждена бежать в Гомель от немцев. Переехала в Киев, потом в Москву. В начале 20-х гг. короткое время работала в ликбезе ВЧК и была знакома с Г. Ягодой. Работала в различных учреждениях, занималась применением графических методов учета и планирования. Ирина Алексеевна много помогала знакомым и родственникам, попавшим в беду. В 1923 г. она сопровождала В.В. Суворову из Москвы в Суздаль на свидания с В.Н. Рихтером, сидевшим в суздальской тюрьме (из-за тяжелой формы психастении В.В. Суворова не могла оставаться одна). В 1930 г. она сопровождала В.В. Суворову в Каркаралинск к ссыльному В.Н. Рихтеру по той же причине. Постоянно поддерживала связь с Е.П. Пешковой и посылала посылки для В.Н. Рихтера через Комитет помощи политзаключенным при Красном Кресте. В ее квартире постоянно кто-нибудь жил. Она помогала детям ссыльного Гельфгота и его жены Е.М. Тумповской, они нередко бывали у нее; у нее часто жила Варвара Яковлевна Рейфшнейдер, эсерка, старая знакомая Гельфготов. Много раз жила у нее и В.В. Суворова, получая моральную поддержку, пока ее муж В.Н. Рихтер находился в заключении. Арестована 14 февраля 1933 г. В семейных преданиях сохранились две версии этого ареста. По одной — Ирина Алексеевна проходила на Лубянке мимо здания ОГПУ и неожиданно встретила Ягоду. Он очень обрадовался (давно не виделась): «О, Ирина Алексеевна!» — и протянул ей руку. Ирина не подала руки и молча прошла мимо. Вторая версия — Ирину вызвали в ОГПУ и предложили стать осведомителем. За отказом последовало наказание.

В ее квартире с 14 по 19 февраля 1933 г. была устроена засада и захвачено множество людей. Среди арестованных были ее мать Антонина Степановна Бызова, родная сестра Наталья Алексеевна Семенова (урожд. Бызова), сын Иван Иванович Сысоев (от первого брака), племянник Алексей Платонович Семенов (сын ее сестры Н.А. Семеновой), Ида Вениаминовна Тарле (эсерка, познакомившаяся с Ириной через В.В. Суворову), друг семьи Сила Данилович Заскальный, эсерка Е.Н. Хирнова-Кальян, известный советский географ Д.Л. Арманд и его жена (часто бывавшие в доме), Лев Семенович Гордон со своей женой Маргаритой Марьяновной (урожд. Тумповской) и многие другие. Ордера на арест и обыск были подписаны Г. Ягодой (ЦА ФСБ РФ. Дело № Р-34586. Л. 3, 11, 14, 20, 23, 26, 30, 33, 36, 40, 46, 50, 52 и др.). На допросах Ирина Алексеевна утверждала, что беспартийна. Но в последующих следственных делах ей вменяется активное членство в ПСР. На допросах в 1933 г. Сысоева говорила о жестокости политического режима, который, с ее точки зрения, не подлежит оправданию, «что особенно она начала чувствовать с 1932 года», о том, что «благодаря руководящей политике в стране — зашли в тупик», «о вымирании в Казахстане...».

Приведем выдержки из обвинительного заключения по делу И.А. Сысоевой (май 1933 г.) (Там же. Л. 280—292).

«Секретно-Политическим отделом ОГПУ вскрыта и ликвидирована в Москве к.-р. эсеровско-народническая группа, объединявшая антисоветские элементы.

Группа была связана с ликвидированной в 1930 г. правозэсеровской организацией (“Независимые социалисты”), а также с ликвидированной в 1933 г. эсеровско-народнической организацией, ячейкой которой она являлась.

Ставя основной своей задачей консолидацию эсеровских кадров, ячейка организовывала помощь эсеровской ссылке, выполняя, по сути дела, функции нелегального Красного креста к.-р. эсеровско-народнической организации.

Активные члены ячейки пытались связаться с находящимися за кордоном лидерами эсеровской партии В. ЧЕРНОВЫМ, МИНОРОМ и информировать их о политическом положении в СССР, освещая советскую действительность в провокационном и антисоветском духе.

Организирующую роль и практическое руководство ячейкой осуществляла активная народница, открыто выражавшая свое враждебное отношение к соввласти и коммунистической партии СЫСОЕВА, Ирина Алексеевна и старая эсерка с до-революционным стажем (1904 г.) — ТАРЛЕ Ида Вениаминовна (в прошлом СОЛОМОНОВА), а до июня 1932 г. также активная правая эсерка Рейфшнейдер Варвара Яковлевна.

В ячейку входили:

ЗАСКАЛЬНЫЙ Сила Данилович — он же ШАЛАЕВ Владимир Павлович, проживавший с 1918 г. на нелегальном положении под фамилией ЗАСКАЛЬНЫЙ, в 1917 г. был председателем Ржевской городской организации партии социалистов-революционеров.

ХИРНОВА-КАЛЬЯН Евгения Николаевна — член ПСР с 1905 г.

ГОРДОН Лев Семенович, был осужден в ссылку по подозрению в шпионаже.

ГОРДОН Маргарита Марьяновна, репрессировалась органами ОГПУ за участие в теософской к.-р. организации, тесно связанная с эсеровской ссылкой.

СЕМЕНОВ Алексей Платонович, имевший связи с троцкистским подпольем. (Его школьный товарищ Барановский, осужденный как троцкист, бежал из ссылки и попросил спрятать пакет с фальшивыми документами на имя Сморгчова. Этот пакет при обыске попал в руки ОГПУ. Кроме того, А.П. Семенов помогал Барановскому деньгами. — *Сост.*)

СЫСОЕВ Иван Иванович.

БЕЛАВИНЦЕВА-КУЛАГИНА Варвара Петровна (муж активный эсер, осужден за участие в к.-р. организации, находится в политизоляторе).

Произведенными у участников группы обысками обнаружены печатные на машинке и писаные от руки к.-р. произведения, документы (удостоверение личности, воинская книжка, бланки, каучуковая печать), принадлежащие бежавшему из ссылки и проживавшему на нелегальном положении троцкисту Барановскому, и два револьвера «браунинг» № 2.

Следствием установлено, что:

1. Руководящее ядро ячейки — СЫСОЕВА И.А. и ТАРЛЕ И.В., являясь убежденными противниками соввласти, в целях вербовки в ячейку, организовывали в квартире СЫСОЕВОЙ, под видом музыкальных вечеров, собрания, на которых вели соответствующую обработку присутствующих, главным образом молодежи; вели беседы на политические темы, рисуя мероприятия соввласти в извращенных и провокационных красках; проводилась читка к.-р. произведений[...].

На основании изложенного нижеперечисленные руководители и участники к.-р. группы обвиняются:

1. СЫСОЕВА Ирина Алексеевна — 1888 г. рождения, русская, народница, без определенных занятий, разведенная.

В том, что:

Организовала эсеровско-народническую группу — ячейку, связанную с к.-р. эсеровско-народнической организацией и выполнявшую функции нелегального красного креста;

б) создала нелегальную кассу помощи политссыльным;

в) совместно с ТАРЛЕ И.В. пыталась связаться с заграничными эсеровскими кругами в антисоветских целях (действительно, Сысоева помогала Тарле писать письмо для Чернова. Кроме того, Тарле переписывалась со своим дядей, жившим в Чили. — *Сост.*);

г) вела систематическую антисоветскую агитацию;

д) хранила документы находившегося на нелегальном положении троцкиста БАРАНОВСКОГО и содействовала материальной поддержке ему;

е) незаконно хранила оружие.

Т.е. в преступлениях, предусмотренных ст. 58/11 — УК.

Виновной себя не признала, но достаточно изобличается показаниями обвиняемых...».

Особое Совещание при коллегии ОГПУ 16 мая 1933 г. постановило заключить И.А. Сысоеву «в места лишения свободы, подвед[омственные] ОГПУ, сроком на один год, считая с 14/II—33 г.» (Там же. Л. 295). 14 ноября 1933 г. Особое Совещание при коллегии ОГПУ постановило «по отбытии срока наказания Сысоеву Ирину Алексеевну выслать через ППОГПУ в Зап[адную] Сибирь, сроком на два года, сч[итая] срок с 14/II—33 г.» (Там же. Л. 296). Отбывала ссылку в г. Камень-на-Оби. 19 сентября 1934 г. она была снова арестована и 20 февраля 1935 г. Особое Совещание при Народном Комиссаре Внутренних Дел СССР постановило «Сысоеву Ирину Алексеевну за к.-р. деятельность заключить в исправтрудлагерь, сроком на три года, считая срок с 20/9—34 г.» (ЦА ФСБ РФ. Дело № С-11014. Л. 2). Ей было предъявлено обвинение в связи с террористической группой, готовившей покушение на Сталина. Наказание отбывала в Верхнеуральской и Ярославской тюрьмах. В деле (Там же. Л. 6—8) приведены справки о нарушениях ею тюремного режима: разговоры на иностранных языках (наказана лишением переписки на 2 месяца), переговоры через волчок с другими камерами при выводе в уборную, отказ от прогулки. Решением Судебного заседания тройки УНКВД Ярославской области от 25 ноября 1937 г. приговорена к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 27.11.1937 г. (Там же. Л. 15). 5 марта 1957 г. реабилитирована посмертно.

² Огарев Николай Платонович (1813—1877) — русский публицист, революционер, поэт. С 1830 г. учился в Московском университете, где вместе с А.И. Герценом создал студенческий политический кружок. Был арестован и сослан в Пензенскую губернию. С 1841 г. по 1846 г. учился в Западной Европе. С 1846 по 1950 г. жил в имении под Пензой. После ареста и освобождения в 1850 г. выехал в Великобританию. Умер в Гринвиче. В 1966 г. его прах перезахоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

³ «Всемирная иллюстрация» — популярный еженедельный журнал, выходивший в Санкт-Петербурге с 1869 г., в 1912—1916 гг., 1922—1925 гг. — в Москве. В нем публиковались литературные и научно-популярные произведения, был

спортивный раздел, специальное шахматное приложение. Характерной особенностью издания было значительное количество рисунков и фотографий.

⁴ Колюха — сын В.Н. Рихтера от первого брака. Подробнее о нем см. комм. 56 к разд. I и ст. Т.А. Семеновой в наст. изд.

⁵ Муся — домашнее имя Марии Владимировны Рихтер — старшей дочери В.Н. Рихтера и В.В. Суворовой. Родилась 6 марта 1916 г. в Риме. Годовалой была привезена в Россию и жила попеременно в Одессе и в Гатчине под опекой бабушки М.М. Рихтер. В пятнадцатилетнем возрасте (1931 г.) начала работать как педагог-дошкольник в детском саду, позже обучалась в Мичуринском педагогическом училище. В 1938 г. вышла замуж за Алексея Платоновича Семенова и уехала с ним работать в пос. Колывань Алтайского края. Через год после рождения дочери ушла от мужа, но поддерживала дружеские отношения с ним и с его второй семьей, сохранив дочери отца. Все заботы о семье (большая мать и дочь), работа, заготовка дров зимой на Алтае в войну, огород и т. д. легли на ее плечи. Еще на Алтае М.В. Рихтер поступила на заочное отделение Барнаульского педагогического института, а после войны вернулась в Подмоскovie, работала в сельских школах и в 1949 г. закончила заочно учительский институт при Московском областном педагогическом институте. Она всегда была очень мужественным человеком, многое взваливала на себя, растила внуков и правнуков. Даже во время тяжелой болезни в старости она не позволила себе ни одной жалобы и до последнего дня старалась вставать на ноги и не доставлять хлопот близким. Умерла 11 августа 1993 г.

⁶ По-видимому, имеется в виду ирландский поэт и драматург Уильям Батлер Йитс (1865–1939). Вдохновитель движения 90-х годов XIX в. «Ирландское освобождение». В 1922–1928 гг. был членом Ирландского сената. Участвовал в создании Ирландской литературной академии. Лауреат Нобелевской премии (1923).

⁷ Баррес Морис (1862–1923) — французский писатель, ведущая фигура французской реакционно-шовинистической литературы, нашедшей отражение в трилогии «Роман национальной энергии» (1897–1902).

⁸ Севушка — Всеволод, сын В.Н. Рихтера и В.В. Суворовой, родившийся в Италии и умерший там же от дифтерита в возрасте около трех лет.

⁹ Пешкова Екатерина Павловна (урожд. Волжина) (1876–1965) — общественный деятель. Жена А.М. Горького с 1896 г.; после 1904 г., когда они расстались, сохранила с ним деловые и дружеские отношения. Была членом партии с.-р.; в конце 1908 г., после разоблачения Е.Ф. Азефа, выбрана во Временную делегацию ПСР, заменявшую ЦК ПСР до выборов нового ЦК. В 1908–1912 гг. работала в эмигрантской кассе (Париж) по организации материальной помощи русским политэмигрантам. Вместе с другими членами кассы организовала в Париже детскую библиотеку. Участвовала в попытках создать за границей Музей истории борьбы за политическое освобождение России (1910–1913). В.Н. Фигнер работала в организованном Кружке помощи каторге и ссылке («Парижский кружок»), продолжила эту работу по возвращении из-за границы после начала Первой мировой войны. В обществе «Помощь жертвам войны» заведовала Комиссией помощи детям (осень 1914–1918). В начале 1915 г. вместе с адвокатом И.Н. Сахаровым на средства Земского и Городского союзов организовала отряд по сбору детей, оставшихся за линией фронта. В годы войны работала также в нелегальном кружке «Красный Крест», собирала для Горького материалы о жизни евреев в России, ответы по анкете «Дети и война» и т.д. После Февральской революции работала в Московском

бюро Общества помощи освобожденным политическим, в августе 1917 г. при посещении Крыма знакомилась в Ливадии с работой санаториев для бывших политзаключенных. В 1917 г. — член ЦК ПСР. После Октябрьской революции трудилась в обществе «Культура и свобода», в Художественно-просветительском Союзе рабочих организаций, Политическом Красном Кресте (до 1922), с 1922 г. возглавила организацию Помощь политическим заключенным, которая просуществовала до 1937 г. С осени 1920 до 1937 г. — делегат Польского Красного Креста по опеке лиц польской национальности в Советской России. В связи с этой деятельностью посетила Иркутск, Новониколаевск и др. города Сибири (сентябрь—октябрь 1921), Архангельск (весна 1922) и т.д., дважды в год ездила в Польшу. По завершении репатриации пленных в Польшу награждена знаком Польского Красного Креста (1925). Один из организаторов Музея А.М. Горького в Москве (1937). Во время Великой Отечественной войны работала в организациях, помогавших эвакуированным и пострадавшим от войны детям. В последние годы жизни — консультант архива А.М. Горького при ИМЛИ.

¹⁰ Речь идет о дне рождения В.Н. Рихтера, по новому стилю приходившемся на 2 августа.

¹¹ Тынянов Юрий Николаевич (1894—1943) — русский советский писатель, литературовед. В 1921—1930 гг. работал профессором Института истории искусств. С 1921 г. начал печататься. Выступал как критик, переводчик, автор исторических романов. Был одним из создателей серии «Библиотека поэта».

¹² Крученый — вероятно, Крученых Алексей Елисеевич (1886—1968) — русский поэт. В 1907 г. стал сотрудничать как художник в юмористическом журнале «Будильник» и др. изданиях, прославился серией шаржей и карикатур на писателей, художников и ученых под названием «Вся Москва в карикатурах». В 1909 дебютировал как прозаик, поэт, фельетонист, эссеист, художественный, литературный и театральный критик. В 1913 г. совместно с В. Маяковским написал манифест футуристов с центральным тезисом: «Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с Парохода Современности». С 1919 г. работал в Бакинском отделении РОСТА, сотрудничал в газетах, выпускал поэтические и теоретические сборники. В 1923 г. вошел в возглавляемую Маяковским постфутуристскую группу «Леф». В 1928 г. была издана последняя книга Крученых «Приемы ленинской речи», после чего его произведения существовали только в машинописи.

¹³ «Современный Запад» — «журнал литературы, науки и искусства», выпускавшийся издательством «Всемирная литература» в 1922—1924 гг. Основной задачей журнала было «дать русскому читателю по возможности полную и строго объективную картину умственной и художественной жизни современной Европы». Всего было выпущено шесть книг журнала тиражом от 3 до 6 тыс. экземпляров и объемом около 250 страниц каждая.

Пиранделло Луиджи (1867—1936) — итальянский писатель. Писал романы и драмы. В 1934 г. получил Нобелевскую премию. Драма, о которой идет речь, называется «Шесть персонажей в поисках автора».

¹⁴ Поскольку В.Н. Рихтер пишет о нем жене, как о знакомом ей человеке, то возможно, что это социал-демократ, бухгалтер из Одессы Соболев Марк Львович (1889—?). Он был арестован в Одессе в декабре 1920 г., выслан в Харьков, затем отправлен в Москву, освобожден, а в сентябре 1921 г. снова арестован. Дальнейшая его судьба составителям неизвестна.

¹⁵ Соловки — острова в Белом море, в 160 км от Полярного круга. С середины XV в. фактическим хозяином островов был Спасо-Преображенский монастырь, более известный под именем Соловецкого. В 1920 г. на островах был создан концентрационный лагерь, а в 1923 г. — Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН), ставший прообразом и зародышем ГУЛАГа. Первая партия политзаключенных прибыла на Соловки в июне 1923 г., и в последующие два года все социалисты, получавшие лагерный срок, отправлялись только на Соловки. Большинство политических содержалось в бывших монастырских скитах, огороженных колючей проволокой, внутри которой они содержались в условиях политрежима, завоеванного тяжелой борьбой, многочисленными голодовками, обструкциями, организацией протестов внутри страны и за рубежом. Политрежим базировался на трех основных положениях: внутреннее самоуправление заключенных и общение с администрацией через выборных старост; отказ от принудительного труда; отдельное от прочих заключенных содержание.

После расстрела заключенных Савватьевского политскита охраной 19 декабря 1923 г., получившего широкую огласку (сообщения о нем появились и в советской и западной прессе), соловецкие политзаключенные стали требовать перевода на материк, т.к. в силу географического положения островов в течение полугода они оказывались отрезанными от внешнего мира, оставаясь во власти администрации. Летом 1925 г. все социалисты были выведены с Соловков и в последующие годы содержались в политизоляторах (Ярославском, Суздальском, Тобольском, Верхне-Уральском и Челябинском).

¹⁶ Северянка — Вера Владимировна Рихтер — младшая дочь В.Н. Рихтера и В.В. Суворовой. Родилась 16 сентября 1922 г. в г. Троцк (до 1917 г., а также сегодня это Гатчина) Петроградской губернии. Сначала она жила в Гатчине, потом вместе с сестрой Марией у бабушки Марии Михайловны в Одессе, потом они вместе с бабушкой снова вернулись в Гатчину. Несколько лет спустя Веру отвезли в Каркаралинск. И только в 1932 г. после смерти отца Вера вернулась вместе с матерью в Москву. Из-за переездов и постоянной неустроенности она поздно пошла в школу, которую окончила на Алтае в 1942 г. Уже в детские годы ее мучили острые приступы ревматизма, в результате которых она приобрела тяжелый порок сердца, осложнившийся и сокративший ее и так нелегкую жизнь. Вера была необычайно талантливым, легко увлекающимся человеком. Еще в детстве она начала писать стихи и даже осмелилась послать некоторые из них на суд Б. Пастернаку, спрашивая его совета, следует ли ей и дальше профессионально заниматься поэзией. Пастернак благожелательно ответил девочке, отметив, что стихи ее «обнаруживают вкус и чувство природы, которые являются драгоценностью в человеке независимо от того, какое он им изберет приложение». В 1942 г. Вера поступила в педагогический институт в г. Камень-на-Оби, в 1943 г. вышла замуж за студента того же института Виктора Ванслова (Виктор был эвакуирован в Камень-на-Оби после завершения первого курса Московской консерватории; впоследствии стал известным искусствоведом). Из-за голода, холода, неустроенности быта, удаленности от родителей брак через год распался. Вера пыталась вернуться в Москву и продолжить образование, но, скитаясь по родственникам, потеряла паспорт, не могла из-за этого получить прописку и продовольственные карточки, поэтому в 1945 г. вернулась на Алтай к сестре и матери, где стала работать учительницей в школе. В 1948 г. она вернулась в Москву, работала в школах Подмосковья. В 1953 г. вышла

замуж за директора деревенской школы М.Ф. Климанова (умер в 1958 г.). Они построили дом, в котором Вера Владимировна прожила много лет и вырастила сыновей (Серёжу Рихтера и Володю Климанова). В этом же доме позже вместе с ней жила ее сестра М.В. Рихтер и мать В.В. Суворова. Вера восстановилась на заочном отделении Московского пединститута и закончила его в 1962/63 г. Так как в деревенских школах всегда не хватало учителей, ей приходилось вести буквально все предметы (а не только по специальности — русский язык и литература). Она вела и физкультуру, и географию, и историю, и немецкий язык. Увлечшись историей, она начала водить школьников по окрестным деревням, по берегам речки Смедвы. Собирая интересные предметы, окаменелости, белемниты, ребята под руководством Веры Владимировны организовали школьный музей. Этот школьный музей стал составной частью краеведческого музея г. Каширы, в создании которого активное участие принимала Вера Владимировна. В последние, уже пенсионные годы, всегда хорошо рисовавшая Вера увлеклась живописью и написала множество картин маслом, пастелью. Большая часть их разошлась по домам родственников и друзей. Изучив технику древнего левкаса (способ грунтовки деревянных изделий, использовавшийся в русской иконописи), пробовала писать иконы, а потом по просьбе деревенских бабушек нередко писала иконы для них. Забавно, что когда в ее отсутствие в дом забрались воры, среди украденных вещей (кроме небольшого числа действительно старых икон) были и иконы ее собственного производства. Из-за плохого состояния здоровья и отсутствия всякой медицинской помощи в деревне, последние годы жизни Вера была оторвана от родного дома, снова скиталась по родственникам. Умерла она в 1987 г.

¹⁷ Лебединцева — вероятно, сестра эсера Всеволода Лебединцева, одноклассника В.Н. Рихтера по гимназии. По воспоминаниям Е.Н. Очан, матери Всеволода в 1924—26 гг. уже не было в живых, но в Одессе у него оставалась сестра Гортензия Лебединцева, которая часто бывала в доме М.М. Рихтер.

¹⁸ Сонюха — Софья Иосифовна Очан, дочь И.А. Очана и Е.М. Очан (см. комм. 54 к разд. I). Девочкой Соня воспитывалась М.М. Рихтер, матерью В.Н. Рихтера, т.к. жили они в одном доме, а мать Сони, певица, постоянно была на гастролях.

¹⁹ Очаны — старые одесские друзья семьи Рихтер. Семья Очанов представляет собой «смесь» караимов с македонцами, в ней есть даже турки. Евгения Митрофановна Очан (урожд. Георги) — христианка с Крита. Ее дед носил имя Георгий, а когда он получал документы, приехав в Одессу, его имя по ошибке записали как фамилию: Георги. И Очаны, и Георги были купцами. Георги торговали зерном в Греции, Италии и других странах Средиземноморья. Очаны — табаком и посудой. Поскольку отец В.Н. Рихтера был «вольным штурманом» (Е.М. Очан называла его «капитаном»), всех их связывало общее дело. Один из родственников Очанов был караим Синани, живший в Ялте. Он держал книжный магазин, торговал табаком и папиросами, помогал в хозяйственных делах А.П. Чехову.

И.А. Очан (домашнее имя — Ёся) учился в одном классе с В.Н. Рихтером в Рижельской гимназии. Е.М. Георги вышла замуж за И. Очана, в 1902 г. у них родился сын Николай, но только в 1903 г. Е.М. Георги и И.А. Очан смогли обвенчаться. Для этого И.А. Очан крестился, и М.М. Рихтер была его крестной.

²⁰ Леночка — Елена Николаевна Кузьмина — дочь В.В. Суворовой от первого брака с Н.Н. Кузьминым. Родилась в Гатчине 23 октября 1910 г. В трехлетнем возрасте была вывезена в Италию, где ее мать была в эмиграции, в 1917 г. вернулась с

семьей в Россию. Росла и училась в Гатчине, затем переехала в Москву, в квартиру отца. Работала мотальщицей трансформаторов на электротехническом заводе, вступила в ВКП(б). С 1938 г. работала в Военно-Воздушной Академии им. Жуковского лаборантом, старшим лаборантом, младшим инженером, а позже там же преподавала штурманское дело; была штурманом в авиационном отряде Марины Расковой. В 1938 г. родила дочь (Ольгу Владиславну Ефимову, урожд. Шемборскую). Вынуждена была уйти из эскадрильи как дочь и сестра «врагов народа» Н.Н. Кузьмина и С.Н. Кузьмина. Она всегда говорила, что сама избежала ареста благодаря заступничеству Марины Расковой. В 1942 г. эвакуировалась на Алтай к сестре М. Рихтер. Там работала заведующей столовой, экономистом на вольфрамовом руднике (поселок Колыванстрой). В 1944 г. вернулась в Москву и поступила на исторический факультет Московского пединститута им. В.П. Потемкина; закончила его, будучи сталинской стипендиаткой; преподавала историю в 7–9 классах. В 1948 г. поступила в аспирантуру, в 1951 г. защитила кандидатскую диссертацию по педагогике. В 1951–1953 гг. работала доцентом в Иркутском пединституте, в 1953–1955 гг. — в Учительском институте г. Сураж под Брянском, в 1955–1960 гг. — в Коломенском пединституте. С 1960 г. перешла в Московский пединститут им. В.И. Ленина. Умерла в Москве 12 апреля 1994 г.

²¹ Варя — Варвара Яковлевна Рейфшнейдер (наст. имя Олинда, «Варя» — партийная кличка). Член ПСР с 1904 г. До Октября 1917 г. дважды была в ссылке. Из первой ссылки бежала за границу и жила или в Иль-Де-Франс (историческая область севернее Парижа) или в Швейцарии, возможно, с семьей А.П. Гельфгота (см. комм. 150 разд. II). После возвращения снова была сослана. Из второй ссылки ее освободила революция. Близкий друг В.В. Суворовой и И.А. Сысоевой. Часто жила в 20-е и начале 30-х годов на квартире у И.А. Сысоевой в Москве. В 1927 г. ездила в Коканд навестить сосланных туда Гельфготов и на обратном пути в Москву была арестована (ЦА ФСБ РФ. Дело № Р-38039. Л. 35), затем освобождена, а в 30-е годы вновь арестована. После войны была освобождена и жила в Поволжье, т.к. в Москве ей жить было запрещено. Дальнейшая ее судьба составителям неизвестна.

²² Франс Анатолий (Тибо Анатолий Франсуа) (1844–1924). Французский писатель-гуманист. Член Французской Академии с 1896 г. Лауреат Нобелевской премии (1921 г.).

²³ Феохари. Одесский друг В.Н. Рихтера, вероятно, упоминаемый в «Одесском мартирологе» Феохари Василий Ильич (1861–?), в 1937 г. приговоренный к 10 годам ИТЛ. Среди учениц В.Н. Рихтера в гимназии в 1903–1904 гг. была девочка по фамилии Феохари.

²⁴ Анна Степановна (в другом месте у Рихтера — Аннета). Неизвестное составителям лицо. Опекала Колю, сына В.Н. Рихтера. Возможно, это первая жена В.Н. Рихтера.

²⁵ Сергей — Сергей Николаевич Кузьмин, сын В.В. Суворовой от первого брака (с Н.Н. Кузьминым). Родился в 1906 г. в Гатчине. С 1912 г. по 1917 г. жил с матерью и В.Н. Рихтером в Италии. После окончания гатчинской школы поступил в Ленинградский институт инженеров путей сообщения. С 1930 г. член ВКП(б). Работал начальником партии Сибирской экспедиции технических изысканий. В 1933 г. был призван в кадровую армию и служил в звании военинженера третьего ранга. Был инспектором производственного отдела штаба Особого корпуса железнодорожных войск Красной Армии и занимался ревизией военных строительных

работ на железнодорожных ветках Дальнего Востока. Был женат, но детей не имел. В мае 1937 г. во Владивостоке был арестован, исключен из партии, обвинен в участии в «военно-фашистской террористической и шпионско-диверсионной организации троцкистов» и расстрелян 27 сентября 1937 г. Реабилитирован в 1957 г. (ЦА ФСБ РФ. Дело № Р-63748).

²⁶ С отцом — Николаем Николаевичем Кузьминым, первым мужем В.В. Суворовой. Н.Н. Кузьмин родился в 1883 году в Петербурге в семье унтер-офицера Семеновского гвардейского полка и работницы табачной фабрики. С пятилетнего возраста находился в приюте, а в 1894 г., после смерти отца, его определили на пансион в гимназию «человеколюбивого» общества, которую он окончил в 1901 г. В том же году Кузьмин поступил на физико-математический факультет Петербургского университета и вскоре принял участие в революционной деятельности. В феврале 1902 г. он был арестован во время студенческой демонстрации и после трехмесячного пребывания в пересыльной тюрьме выслан в Псков, а затем в Вытегру. Возвратившись через несколько месяцев в Петербург, участвовал в организации социал-демократической студенческой группы. В 1903 г. вступил в РСДРП, вскоре был снова арестован и выслан в г. Повенец Олонецкой губернии. В августе 1905 г. вернулся в Петербург, продолжил учебу в университете и являлся одним из руководителей студенческой социал-демократической организации. В 1906—1909 гг. Кузьмин вел работу в военной организации большевиков, состоял членом литературной группы Петербургского комитета большевиков, сотрудничал в газетах «Голос металлистов», «Голос кожевника», «Голос приказчика» и в студенческом большевистском журнале «Молодая Россия». После окончания в 1910 году университета работал преподавателем математики и физики, в 1912 г. переехал в Смоленск, где вел работу в социал-демократических кружках. После февральской революции вернулся в Петроград и в июне 1917 г. избран председателем Гатчинского Совета рабочих и солдатских депутатов, был одним из активных организаторов первых красногвардейских отрядов. После июльских событий в Петрограде работал в военной организации большевиков и являлся членом редколлегий газет «Солдат» и «Деревенская беднота». В августе—октябре 1917 г. активно участвовал в подготовке вооруженного восстания в пригородных гарнизонах Петрограда, на Путиловском заводе, состоя членом бюро Петроградской окружной большевистской организации. В конце ноября 1917 г. был назначен комиссаром Юго-Западного фронта, участвовал в ликвидации банд Петлюры под Винницей, Бердичевым и Киевом. В начале августа 1918 г. назначен комиссаром Северо-Восточного участка Северного фронта, а затем членом Реввоенсовета 6-й отдельной армии. Осенью того же года участвовал в боях с англо-американскими интервентами на Северной Двине, в Кодемской операции и во взятии Шенкурска, за что был награжден орденом Красного Знамени. В апреле 1919 г. был назначен членом Реввоенсовета 3-й армии Восточного фронта, участвовал в боях под Тобольском и Ишимом. После взятия войсками Красной Армии Омска был переведен в 6-ю армию и будучи членом РВС принимал участие в освобождении Архангельска. После расформирования 6-й армии назначен членом Реввоенсовета Балтийского флота, но уже в конце июля 1920 г. назначен сначала членом РВС, а затем командующим 12-й армией, принимавшей участие в военных действиях против Польши. После заключения перемирия с Польшей возвращается на Балтику и в феврале 1921 г. назначен комиссаром Балтийского флота. В марте того же года

направлен на уговоры восставших кронштадтских моряков, арестован ими, а после освобождения принимал участие в уличных боях в Кронштадте, за что был награжден вторым орденом Красного Знамени. В 1922–1932 гг. на различных командных должностях в РККА — военный прокурор РККА, начальник Политуправления Средне-азиатского военного округа, начальник Управления военно-учебных заведений РККА, начальник Политуправления Сибирского военного округа и других. 14 мая 1937 г. арестован в г. Тобольске, лишен орденов, обвинен в контрреволюционной деятельности по созданию военно-фашистского террористического заговора в Красной Армии (вместе с Гамарником, Тухачевским и др.) и расстрелян 28 октября 1937 г. В марте 1957 г. реабилитирован. Был дважды женат. В первом браке с В.В. Суворовой имел двоих детей (Сергея и Елену Кузьминых), во втором браке с Юлией Ивановной Кузьминой (позже женой Тухачевского) у него родилась дочь Светлана Николаевна Кузьмина (ЦА ФСБ РФ. Дело № 5030. Машинописная биография, составленная дочерью Е.Н. Кузьминой и женой сына А.Ф. Кузьминой).

²⁷ Мамаша — мать Николая Николаевича Кузьмина, работница табачной фабрики. Сведений о ее судьбе у составителей нет.

²⁸ Вероятно, речь идет об именинах В.В. Суворовой, 30 сентября (по нов. ст.) — Вера, Надежда, Любовь. 5 декабря (по ст. ст.) / 18 декабря (по нов. ст.) — день рождения В.В. Суворовой.

²⁹ Флобер Гюстав (1821–1880) — французский писатель. Из-за болезни прекратил занятия в Парижском университете и почти безвыездно жил в своем имении в Круассе близ Руана. Его романы «Воспитание чувств», «Госпожа Бовари». Провинциальные нравы», «Саламбо» и др. были хорошо известны в России.

³⁰ Gene — И.А. Сысова.

³¹ Исайя — художник и скульптор — друг В.Н. Рихтера. В семейном архиве сохранились две фотографии, на одной из которых запечатлена скульптурная мастерская, на другой — отдельно скульптура. На обороте написано «Исайя», на одной из фотографий указано отчество — Павлович.

³² «Lys Rouge» — роман Анатоля Франса «Красная линия».

³³ Ел. Вл. — Елизавета Владимировна Шлегер. Друг семьи В.В. Суворовой, жена С.Д. Заскального. Работала в детском саду, в санаториях с больными и, в частности, туберкулезными детьми.

³⁴ Ф. Шипулинский — автор книги «Шекспир — маска Рэтленда. Трехвековая конспиративная тайна истории», вышедшей в свет в 1924 г.

³⁵ Данблон (ныне принято писать Демблон) — бельгийский историк Селестен Демблон. «Незадолго до первой мировой войны [...] Демблон обнаружил в списке иностранных студентов Падуанского университета за 1596 г. вместе с Рэтлендом имена двух студентов из Дании — Розенкранца и Гильденстерна». «Демблон исследовал также обстоятельства почетной миссии Рэтленда в Данию в 1603 году [...] Доводы Демблона и открытые им факты доказывали безусловную причастность Рэтленда к «шекспировской тайне» и созданию шекспировских произведений...» (Гилюлов И. Игра об Уильяме Шекспире, или Тайна Великого Феникса. М., 1998. С. 203).

³⁶ Рэтленд — Роджер Мэннерс, 5-й граф Рэтленд (1576–1612). Современник Шекспира, «был одним из образованнейших людей своего времени, имел степень магистра искусств как Кембриджского, так и Оксфордского университетов,

учился в падуанском университете в Италии и в лондонской юридической корпорации Грейс Инн» (Гиллиов И. Игра об Уильяме Шекспире. С. 92).

³⁷ Шекспир Уильям (1564–1616). Английский актер, поэт и драматург, родившийся в семье ремесленника и торговца и окончивший только грамматическую школу, где освоил латынь и основы древнегреческого языка. Среди ученых до сих пор не утихают споры о личности Шекспира. Их сомнения вызывает то, что столь мало образованный и далекий от высших кругов человек мог так талантливо и скрупулезно описать нравы, быт и образ жизни своих высокородных героев.

³⁸ Гераклид — Гераклит Эфесский (VI в. до н.э.). Древнегреческий философ-материалист, принадлежавший к ионической школе. Основа его диалектики — концепция непрерывного изменения, которое является круговоротом материальных стихий: огня, воздуха, воды и земли — со знаменитым образом реки, в которую нельзя войти дважды.

³⁹ Надсон Семен Яковлевич (1862–1887). Русский поэт. Основное место в его стихах занимает любовная и пейзажная лирика. Умер от туберкулеза.

⁴⁰ Муссолини Бенито (1883–1945). Глава итальянской фашистской партии и правительства Италии в 1922–1943 гг. Политическую карьеру начал в рядах социалистического движения. В 1933 г. заключил политический и военный союз с фашистской Германией и втянул Италию во Вторую мировую войну на стороне Гитлера. Диктатура Муссолини пала 25 июля 1943 г. Италия официально объявила войну Германии, но до 1945 г. Муссолини еще возглавлял марионеточное правительство на оккупированной фашистами части страны. В 1945 г. он был захвачен партизанами и 28 апреля казнен по приговору военного трибунала Комитета национального освобождения Северной Италии.

⁴¹ 18 декабря — день рождения В.В. Суворовой, жены В.Н. Рихтера.

⁴² Шницлер Артур (1862–1931). Австрийский писатель и драматург. Был склонен к декадентству, рафинированному психологизму. Находился под влиянием З. Фрейда.

⁴³ О'Генри (Уильям Сидни Портер) (1862–1910). Американский писатель. В 1894 г. стал издателем юмористического еженедельника, в котором публиковал свои первые рассказы. Работал в банке кассиром-бухгалтером, был обвинен в растрате, полгода скрывался от суда в Гондурасе, а после возвращения провел около 3-х лет в заключении (1898–1901).

⁴⁴ НОЗ — научная организация завода. Название шутиливой теории В.Н. Рихтера, смысл которой раскрывается из дальнейшей части письма, где он дает характеристики родственникам — Сергею, Ирине и Лене.

⁴⁵ Вероятно, имеется в виду дочь И.А. Сысоевой и Л.Г. Заммеля — Талочка (см. комм. 120 к наст. разд.). В 1924 г. Л.Г. Заммель был женат вторым браком.

⁴⁶ Петр Степанович Верховенский — персонаж романа Ф.М. Достоевского «Бесы». В.Н. Рихтер цитирует фразу, сказанную Фельдой Каторжным Ставрогину: «Петру Степановичу, я вам скажу, сударь, очинно легко жить на свете, потому он человека сам представит себе, да с таким и живет».

⁴⁷ Жорж Карчаретели — заключенный (Челябинский политизолятор). Его судьба составителям неизвестна.

⁴⁸ Записная книжка содержит краткие протоколы докладов и прений на заседаниях кружков, заметки по истории скульптуры, выдержки из статьи Г.Е. Зиновьева

и И.В. Сталина от 23.10.1924 в «Известиях», конспекты лекций В.Н. Рихтера, цитаты из газетных статей и комментарии к ним, стихи В.Н. Рихтера, рисунки к конспектам лекций и рефератам книг или статей. Эти тексты мы опустили, оставив лишь даты и темы кружковых докладов, чтобы продемонстрировать широту обсуждавшихся тем (см. док. № 26). Список предполагаемых докладов (номера с 1-го по 26-й) приведен на одной из первых страниц книжки после выписок из книги Агафонова о провокаторах (см. док. № 23). Приведенные далее темы заседаний кружков с кратким изложением докладов и обсуждений (в данной публикации не воспроизводятся) и даты их проведения позволили нам точнее датировать черновики писем (см. док. № 24, 27, 28). Кроме того, сравнение нескольких списков кружковых докладов позволяет установить соответствие между именами и фамилиями докладчиков по темам их докладов. Все подчеркивания принадлежат В.Н. Рихтеру.

⁴⁹ Агафонов В.К. (1864–1955). Ученый и общественный деятель, член партии социалистов-революционеров, масон. Закончил Петербургский университет, в 1893 г. после сдачи магистерского экзамена стал хранителем минералогического кабинета университета, принимал участие в экспедиции по изучению геолого-почвенного строения Полтавской губернии. Автор книги «Настоящее и прошлое земли» (1895), впоследствии неоднократно переиздававшейся (в том числе, в советское время). Еще во время учебы в университете принимал активное участие в студенческих кружках, в 1901 г. высылался из Петербурга за участие в демонстрации на Казанской площади, в 1905 г. в знак протеста против «кровавого воскресенья» публично ушел в отставку из политехнического института. В эсеровской партии был уполномоченным ЦК. Покинул Россию из-за угрозы ареста. За границей вместе с Я.Л. Юделевским и А.Д. Гнатовским возглавил «Парижскую группу социалистов-революционеров инициативного меньшинства», возникшую весной 1908 г. Знаменем группы стали призывы к восстановлению традиций «Народной Воли», к очищению партийного мирозерцания от излишеств «марксизации» и изменению на более демократических основаниях отношений между верхами и низами партии. Издавал газету «Революционная мысль», призывавшую к активизации террористической деятельности. По мысли идеологов «инициативного меньшинства», террористическую деятельность партии необходимо было построить на новых, децентрализованных основаниях. Чтобы обезопасить террористическую организацию от центральной провокации и сдерживания ее деятельности близорукими расчетами ЦК, В.К. Агафонов предлагал создать сеть боевых дружин, не связанных между собой и состоящих из близких людей, доверяющих друг другу и действующих самостоятельно на свой страх и риск. В июльском номере «Революционной Мысли» было объявлено о создании «Союза левых социалистов-революционеров» и о выходе его членов из партии эсеров. Во главе Союза стояли В.Л. Бурцев, Я.Л. Юделевский, В.К. Агафонов, А.А. Карелин. После Февральской революции вернулся в Россию, с разрешения А.Ф. Керенского получил доступ к архивам Заграничной агентуры Департамента полиции и архивам Департамента полиции. После октябрьского переворота архив был большевиками опечатан, и Агафонов издал книгу по материалам, которые ему к тому времени удалось обнаружить. В 1921 г. вновь эмигрировал во Францию. Преподавал в Сорбонне и на Высших женских богословских курсах, был членом Русского академического союза, Русского народного университета, Союза русских писателей и журналистов, Тургеневской библиотеки, Русского научно-философского

общества. В 1928 г. принят в члены ложи «Северная звезда», являвшейся дочерним образованием «Великого Востока Франции», по его инициативе была основана «Консистория Русского масонства 23-го градуса». В 1931 г. стал основателем «Свободной России» (русской мастерской «Великого Востока Франции»), в ноябре 1932 г. кооптирован в выделившуюся из «Астреи» ложу «Лотос». В 1935 г. в Сорбонне был избран председателем комиссии по составлению почвенной карты Африки, в 1937 г. награжден орденом Почетного легиона. В годы Второй мировой войны основал Общество помощи русским, которое оказывало поддержку советским военнопленным, в 1945 г. стал председателем Объединения русской эмиграции для сближения с Россией. Похоронен на мasonicом кладбище.

⁵⁰ Азеф Евно Фишелевич (1869—1918). Один из создателей и руководителей ПСР. Глава Боевой организации эсеров (1903—1908) и одновременно сотрудник Департамента полиции (с 1893 г.). Разоблачение Азефа в 1908 г. вызвало грандиозный скандал и в эсеровской партии, и в российском обществе. Азеф бежал, жил в Германии под вымышленным именем. Умер в Германии по выходе из тюрьмы, где сидел по подозрению в шпионаже. Подробнее см.: Николаевский Б. История одного предателя: Террористы и политическая полиция. М., 1991; Заключение судебно-следственной комиссии по делу Азефа. Б.м., 1911. Письма Азефа: 1893—1917 / Сост. Д.Б. Павлов, З.И. Перегудова. М., 1994.; Городницкий Р.А. Боевая организация партии эсеров (1901—1911). М., 1998; Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907—1914. М., 1998 и др.

⁵¹ Ратаев Л.А. (1860—1917). Чиновник особых поручений при Департаменте полиции, в 1898—1902 гг. зав. Особым отделом, 1902—1905 гг. — руководитель русской заграничной агентуры в Париже.

⁵² Бабушка — Е.К. Брешко-Брешковская.

⁵³ Бинт Генрих. Агент наружного наблюдения русского заграничного отдела Департамента полиции, прослуживший в охране около 32 лет. В 1913 г. был поставлен во главе созданного в Париже на средства Департамента полиции легального «частного детективного бюро» «Бинт и Самбен». Бюро состояло из старых агентов русской заграничной охраны, которые подчинялись и докладывали о своих наблюдениях только Бинту и Самбену. Агенты бюро исполняли поручения по надзору за русскими политическими эмигрантами во Франции и Швейцарии. Заграничный отдел Департамента полиции курировал работу бюро, поддерживая связь только с его руководством.

⁵⁴ Вакман Яков Ефимович (Янкель Хаимович). Секретный сотрудник русской заграничной охраны в Риме (охранная кличка «Россини»). Доктор права Римского университета и адвокат в Италии. Предложил свои услуги заграничной охране, будучи в Швейцарии, в 1906 г. член партии с.-р., освещал и из Швейцарии (с 1912), и из Италии все группы, но преимущественно с.-р. Получал жалованье 600 франков в месяц. В течение некоторого времени был наказан сокращением жалованья вдвое, но позже оклад был восстановлен. До августа 1917 г. состоял членом Римского комитета политических эмигрантов. Пользовался большой любовью товарищей. Для некоторых из них разоблачение роли Вакмана было большой трагедией.

⁵⁵ Русинов Михаил Аркадьевич (он же Виктор Русин) (1887—1910). Провокатор, агент заграничной агентуры Департамента полиции. В революционной среде был известен под кличкой «Виктор маленький». Был секретным сотрудником заграничной агентуры в Париже по группе с.-р., имел охранную кличку «Прево»,

получал жалование 500 франков в месяц. Жил в Париже под именем Теофиля Маркина, а потом в качестве механика Иосифа Елкина.

⁵⁶ Сезанн Поль (1839–1906). Французский живописец, ведущий мастер пост-импрессионизма.

⁵⁷ План Дауэса — репарационный план для Германии, разработанный международным комитетом экспертов и утвержденный в 1924 г. державами-победительницами в Первой мировой войне. Банкир Чарльз Дауэс (1865–1951) возглавлял комитет экспертов. В 1925–29 гг. был вице-президентом США от Республиканской партии, затем — до 1932 г. — послом в Великобритании.

⁵⁸ Гоголь Николай Васильевич (1809–1852). Русский писатель. Литературную известность приобрел после выхода в свет «Вечеров на хуторе близ Диканьки» (1831–1832). С 1836 по 1848 г. провел в Италии (с недолгими приездами в Россию), где написал роман-поэму «Мертвые души».

⁵⁹ Нина — Курдюмова Нина Ивановна. Социалист-революционер. Арестована в апреле 1922 г., прошла Новинскую, внутреннюю и Бутырскую тюрьмы. С мая 1924 г. по июнь 1925 г. находилась в Челябинском политизоляторе. Затем переведена в Москву, снова отправлена в политизолятор, теперь Суздальский. В 1936 г. сослана в Нарымский край. Дальнейшая судьба ее составителям неизвестна.

⁶⁰ Ваня (часто — Ваню) — Воробьев Иван Васильевич (1902–?). Социалист-революционер. Студент МГУ, арестован в 1921 г., сидел в Бутырской, Лефортовской, Таганской тюрьмах. В августе 1922 г. в Лефортовской тюрьме объявлял голодовку. В ноябре 1922 г. отправлен в Челябинский политизолятор. В марте 1923 г. снова вывезен в Москву, отсидел в Таганской и Внутренней тюрьмах около года. С 1924 г. — снова в Челябинском политизоляторе. Известно, что в 1926 г. и в августе 1929 г. находился в Верхнеуральском политизоляторе. Дальнейшая его судьба составителям неизвестна.

В канун нового, 1925 г., В.Н. Рихтер посвятил ему шуточные стихи:

Ваню

Ваня загоняет мячик.
Мячик загоняет Ваню:
Ведь на нем теперь болячек
Больше, чем у Миши в бане.
Ваня вновь засел за темы,
Темы вновь засели в Ваню,
И сменяются проблемы,
Как картины на экране.
Всем известно давно —
Неизменен Ваню:
В переменах велик —
Каждый день — новый лик!

30.12.24

⁶¹ «Мощи» — имеется в виду рассказ И.С. Тургенева «Живые мощи» из сборника «Записки охотника». «Певцы» — рассказ И.С. Тургенева из сборника «Записки охотника».

⁶² Лазарь — Невлер Лазарь Иудович (1899—?). Социалист-революционер. Арестован в 1922 г., с мая 1924 г. находился в Челябинском политизоляторе. В 1926 г. был отправлен в Кызыл-Орду, а в августе 1929 — в Семипалатинск. Дальнейшая его судьба составителям неизвестна.

Лазарю посвящено шутивное стихотворение В.Н. Рихтера, написанное к Новому году:

Лазарь и Мона

Ах, у Мони милый смех!
Он так зубками маячит,
А вот Лазарь, как на грех,
Иль кудахнет или плачет.
В бесконечности глубин
Моно-жаворонок звонкий.
Сред таблиц схвативший сплин,
Дремлет Лазарь, аист тонкий.
Оба мы, как цветок,
Как лоза, ноготок.
Оба мы, как мечта:
Я пузырь, ты верста.

30.12.24.

⁶³ Бер Артур Адольфович (1901—?). Член ПСР с 1917 г. В 1921—1922 гг. — член нелегального Всеукраинского Комитета ПСР. В 1922 г. за активную эсеровскую деятельность осуждён к 3-м годам тюремного заключения. Наказание отбывал в Киевской тюрьме, откуда в июне 1922 г. бежал и перешел на нелегальное положение. В 1923 г. вновь арестован и приговорен к четырем годам тюремного заключения. С декабря 1923 г. находился в Челябинском политизоляторе. В 1928 г. сослан в Сургут, а потом в Казань. По возвращении из ссылки жил в Московской области. Работал вначале на Речицком фарфоровом заводе, затем на керамико-кирпичном заводе в Москве, где заведовал планово-производственным отделом. Снова арестован 29 апреля 1935 г. Обвинялся в том, что вернувшись из ссылки, развернул работу по восстановлению эсеровских кадров для активной их борьбы с советской властью. Приговорен к 3 годам ИТЛ. Реабилитирован 31 августа 1993 г.

Из допроса В.В. Суворовой при ее аресте в Москве в 1935 г. следует, что в 1934 г. ее навещал в Салтыковке человек, назвавшийся эсером Бером, сидевший вместе с В.Н. Рихтером в одном из политизоляторов. Он интересовался последними годами жизни Владимира Николаевича. Сам в это время жил «где-то в Быкове» (ЦА ФСБ РФ. Дело № Р–37993. Л. 7–9).

⁶⁴ «Касьян с Красивой Мечи» — рассказ И.С. Тургенева из сборника «Записки охотника».

⁶⁵ Тамара — Кочергина Тамара Ивановна. Социалист-революционер. С сентября 1922 г. находилась в Ярославской тюрьме, где была избита, в октябре объявляла голодовку. С декабря 1922 г. по апрель 1923 г. сидела в Исправительном доме «Коровники» в Ярославле. С мая 1923 г. отправлена в Челябинский политизолятор. Из допроса В.В. Суворовой при ее аресте в Москве в 1935 г. следует, что в 1933 г. ее на-

вещала в Серпухове женщина по имени Тамара Ивановна, сидевшая вместе с В.Н. Рихтером в одном из политизоляторов. Она расспрашивала о жизни Владимира Николаевича в ссылке. Фамилию ее В.В. Суворова не помнила, но знала, что муж ее — Шишкин, а ее тетя Евгения Николаевна работала в это время у Е.П. Пешковой в польском Красном кресте (ЦА ФСБ РФ. Дело № Р–37993. Л. 7–9).

⁶⁶ «Interior» — интерьер (в том же романе).

⁶⁷ Галати Екатерина. Русская поэтесса. Сборник «Золотой песок. Вторая книга стихов» вышел в 1924 г.

⁶⁸ Шагинян Мариэтта Сергеевна (1888–1982). Русская писательница, прозаик. Большую роль в формировании писательницы сыграло ее сотрудничество в газетах «Приазовский край», «Кавказское слово», «Баку», где она регулярно выступала как профессиональный журналист, освещая события литературной и художественной жизни страны. В 1923–1925 гг. публикует под псевдонимом серию агитационно-приключенческих повестей «Месс-Мэнд», имевшую большой успех. Доктор филологических наук (1946), член-корреспондент Академии наук Армянской ССР (1950). Умерла Шагинян в возрасте 94 лет.

⁶⁹ Роллан Ромен (1866–1944). Французский писатель, музыковед, общественный деятель. Лирическая повесть «Пьер и Люси» написана в 1920 г.

⁷⁰ Дюамель Жорж (1884–1966). Французский писатель, поэт, драматург и критик. Член Французской академии (1935). За рассказ «Цивилизация» в 1918 г. получил Гонкуровскую премию. «Полуночная исповедь» (см. дальше в тексте документа) в России издана в 1923 г.

⁷¹ Эренбург Илья Григорьевич (1891–1967). Русский писатель, общественный деятель. Социал-демократ, в 1908 г. был арестован и в декабре 1908 г. эмигрировал в Париж. В июле 1917 г. вернулся в Россию. Во время войны в Испании (1936–1939) был военным корреспондентом «Известий». Во время Второй мировой войны его публицистические статьи широко печатались в советской прессе. Лауреат Государственной премии СССР (1942) и Международной ленинской премии (1952). С 1950 г. вице-президент Совета Мира. «Ж. и г. Н. Курбова и Трест Д.Е.» — имеются в виду произведения «Жизнь и гибель Николая Курбова» и «Трест Д.Е.», написанные Эренбургом в 1923 г.

⁷² Блок Александр Александрович (1880–1921). Русский поэт. Стихи писал с детства, начал печататься с 1903 г. В последние годы жизни занимался активной общественной деятельностью: работа в Государственной комиссии по изданию классиков, в Театральном отделе Наркомпроса и др.

⁷³ «Преступление Сильвестра Боннара» — роман А. Франса, написанный в 1881 г.

⁷⁴ Помяловский Николай Герасимович (1835–1863). Русский писатель. В 1861 г. опубликовал в журнале «Современник» повести «Мещанское счастье» и «Молотов». Работал над романом «Брат и сестра», но не окончил его. Вероятно, этот роман имеет в виду В.Н. Рихтер, назвав его «Сестра».

⁷⁵ Ибсен Генрик (1828–1906). Норвежский драматург. В 1852–1857 гг. руководил в Бергене первым национальным норвежским театром. В 1857–1862 гг. возглавлял Норвежский театр в Кристиании. В 1864–1891 гг. жил в Риме, Дрездене, Мюнхене. Его пьесы были популярны и в России, и на Западе.

⁷⁶ Ги де Мопассан (полное имя Анри Рене Альбер Ги) (1850–1893). Французский писатель. До 1889 г. работал чиновником в различных министерствах. Литературным мастерством овладел под руководством Г. Флобера.

⁷⁷ Бергстед Харальд (1877–1965). Датский писатель. Автор бытовых и сатирических стихов, повестей, романов. В России широко известна повесть «Праздник Йоргена», переведенная в 1924 г. и экранизированная (под названием «Праздник святого Йоргена») в 1930 г. В 1946 г. за сотрудничество с немецкими оккупантами был приговорен к 2-летнему тюремному заключению.

⁷⁸ Салтыков Михаил Евграфович (1826–1889). Русский писатель. Известен как Салтыков-Щедрин (Щедрин — псевдоним). В 1844–1848 гг. служил в канцелярии Военного министерства, сблизился с петрашевцами. В 1848 г. был арестован и сослан на службу в Вятку. В 1855 г. после смерти Николая II вернулся в Петербург и возобновил литературную работу. Был вице-губернатором в Рязани и позже в Твери. Возглавлял Казенные палаты в Пензе, Туле, Рязани. В 1868 г. был повелением царя отставлен от государственной службы. Участвовал в журнале «Отечественные записки», а после смерти Некрасова возглавил редакцию журнала. Роман «Господа Головлевы» был написан в 1875–1880 гг.

⁷⁹ Николай Васильевич Бякин-Васильев (1889–?). Социалист-революционер. Арестован в июне 1920 г., сидел в Бутырской тюрьме, в августе того же года отправлен в Ярославскую тюрьму. В августе 1922 г. находился в Лефортове, где объявил голодовку. Был переведен в Соловецкий лагерь особого назначения, а в 1924 г. находился в Челябинском политизоляторе. Дальнейшая его судьба составителям неизвестна.

В записной книжке В.Н. Рихтера есть новогодние куплеты, посвященные Николаю Васильевичу Б-ну:

Лучше всех — поэт игривый
В брюках с новой штопкою,
В шевелюре с львиной гривой
С ловким носом кнопкою.
Он, как гетман Сагайдачный,
Что нельзя взять волосом
Победит там голосом...
Или выходкой удачной!
Он несет в соседстве близком
Взором полным ясности
Гибель и опасности
Даже ярым коммунисткам;
Нам же слабеньким овечкам,
Без вины, без повода
Его острое словечко
Хуже злого овода!
...
Я опасный остряк,
Но в душе я добряк, —
Не обижу я мух,
И тебя, милый друг!

30.12.24.

⁸⁰ Сух. Алекс. — вероятно, Суханов Александр Иванович (1884–?). Социалист-революционер. С июля 1924 г. находился в Челябинском политизоляторе.

В 1928 г. переведен в Парабель Томской губернии, а с 1929 г. — в Тобольский политизолятор. Дальнейшая его судьба составителям неизвестна.

⁸¹ Гриша — Григорий Туския. Его полное имя и судьба составителям неизвестны.

⁸² Фед. Дан. — возможно, Сорокин-Ковалев Федор Данилович (1884—30.07.1941). Матрос, социалист-революционер, в 1924 г. сидевший в Челябинском политизоляторе. В 1925 был переведен в Суздаль, с 1928 был на Соловках, с 1929 г. сослан в Среднюю Азию. В 1941 г. расстрелян.

⁸³ Ал. Ипп. — возможно, Щесневская Александра Ипполитовна (1894—1930). Социалист-революционер. Арестована в 1918 г. в Москве, после пребывания в тюрьме в течение 5 месяцев освобождена. Вновь арестована в декабре 1922 г. и сослана в Вятку. Известно, что в феврале 1924 г. она находилась в лагере на Соловках, а в августе 1925 г. — в Нижнеудинске. Вполне вероятно, что в этом промежутке была и в Челябинском политизоляторе, так как этапы с Соловков проходили через Челябинск. В октябре 1927 г. переведена в Уральский политизолятор, а в августе 1929 г. сослана под Чимкент, где в 1930 г. умерла после родов.

⁸⁴ Эм. Павл. — Эстрин Эммануил Павлович. Социалист-революционер. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нерозыском. В апреле 1924 г. находился в Бутырской тюрьме, в июне 1925 г. — в Челябинском политизоляторе. В 1929 г. был в Верхне-Уральском политизоляторе, затем в Ленинградской тюрьме. С 1932 г. в ссылке на Урале. Дальнейшая его судьба составителям неизвестна.

⁸⁵ Абрамий — Фонштейн Абрамий Самуилович. Социалист-революционер. Арестован в 1922 г. в Баку. Осужден по делу закавказских эсеров. Находился в Челябинском политизоляторе с июля 1923 г. Дальнейшая его судьба составителям неизвестна.

⁸⁶ Костя — его полное имя и судьба составителям неизвестны. Портрет Кости дан В.Н. Рихтером в новогодних куплетах:

Косте

Перед вами тень лишь Кости,-
Несущественный намек!
Напоказ расставил кости
Ты для нас здесь, паренек?
Мы не купим; надоело
Костяки нам изучать!
И костишь ты неумело:
Гене надо подражать!
Элегантный скелет,
В цвете сил, в цвете лет
Иди спать поскорей,
Не пугай ты людей.

30.12.24.

⁸⁷ Волк — вероятно, Волк-Штоцкий Яков Петрович (1891—?). Социалист-революционер. Арестован в июне 1919 г. в Орле, затем был сослан в Вятку. С апреля 1924 г. находился в Челябинском политизоляторе. Затем был переведен на Соловки.

⁸⁸ Мих. Ник. — Осинцев Михаил Николаевич. Социалист-революционер. Арестован в апреле 1922 г., осужден по делу закавказских эсеров. В 1923 г. сослан в Архангельск. В 1924 г. сидел в Челябинском политизоляторе, в июле 1925 г. переведен в Тольский политизолятор. Дальнейшая судьба этого человека составителям неизвестна.

⁸⁹ Сергунька, Сергей Москвин — Москвин Сергей Николаевич. Социалист-революционер. Арестован в сентябре 1923 г., сидел в Лефортово. Далее до января 1929 г. его судьба неизвестна. С 1929 г. находился в Суздальском политизоляторе, а затем снова о нем ничего не известно.

⁹⁰ Ал. Петр. — Чистосердов Алексей Петрович (1889—?). Социалист-революционер. Арестован в марте 1920 г. в Москве, в августе отправлен в Ярославскую тюрьму, с апреля 1921 г. находится во Владимирской тюрьме. В мае 1922 г. сослан в Ташкент. В 1924 г., судя по записям В.Н. Рихтера (см. далее в документе), был узником Челябинского политизолятора.

⁹¹ Тагор Рабиндранат (1861—1941). Индийский поэт, прозаик и общественный деятель. Писал на бенгальском языке. За книгу стихов «Жертвенные песни» получил Нобелевскую премию. Помимо литературы занимался музыкой, живописью и графикой. Роман «Дом и мир» написан в 1915—16 гг.

⁹² Донателло (1386—1466). Итальянский скульптор, один из основоположников скульптуры Возрождения в Италии. Работал главным образом во Флоренции, а также в Сиене, Риме, Падуе. Одним из первых художественно осмыслил опыт античного искусства и пришел к созданию классических форм и видов ренессансной скульптуры: свободно стоящей статуи, настенного надгробия, конного памятника, «живописного» рельефа.

⁹³ Файоль. Французский философ и экономист, видевший в организации производства два организма: материальный (труд, орудия и материалы) и социальный (сотрудничество). В основе производства по его теории лежат 6 операций: техническая, коммерческая, финансовая, счетная, страховая и административная. Все они подчиняются общему — управлению.

⁹⁴ Эмерсон Ралф Уолдо (1803—1882). Американский философ, поэт, эссеист. Резко критиковал капитализм, считая, что весь институт собственности в его нынешнем виде несправедлив и оказывает пагубное влияние на людей.

⁹⁵ Тэйлор Ф.У. (1856—1915). Американский инженер, разработавший аналитический метод нормирования труда, основанный на непосредственном измерении затрат времени на выполнение определенных операций и видов работ с помощью хронометражных наблюдений. Введение этого метода на американских предприятиях в начале XX в. привело к резкому росту интенсификации труда.

⁹⁶ Форд Генри (1863—1947). Американский промышленник, один из основателей автомобильной промышленности США. Несколько лет работал механиком в различных компаниях. В 1892—93 создал свой первый автомобиль с 4-тактным двигателем внутреннего сгорания. Широко внедрял на своих заводах стандартизацию, ввел конвейерную сборку.

⁹⁷ Бернини Джованни (1598—1680). Итальянский архитектор и скульптор, крупнейший мастер итальянского барокко. Им созданы в Риме интерьеры собора св. Петра, ансамбль площади св. Петра и множество других архитектурных и скульптурных достопримечательностей итальянской столицы.

⁹⁸ Сологуб Федор (наст. фам. и имя — Тетерников Федор Кузьмич) (1863—1927). Русский писатель. 25 лет преподавал математику. Принадлежал к симво-

листам старшего поколения. Много занимался переводами, написал ряд статей и пьес.

⁹⁹ «Мартин Иден» — роман (написанный в 1909 г., переведенный в России в 1912) Джека Лондона (1876–1916).

¹⁰⁰ Сакулин Павел Никитович (1868–1930). Русский ученый-литературовед, академик. Был одним из инициаторов упрощения русской орфографии.

¹⁰¹ Пастернак Борис Леонидович (1890–1960). Русский поэт и писатель. В 30-е годы вынужден был заниматься в основном переводами. Роман «Доктор Живаго» вышел в свет за рубежом в 1957 г. и получил Нобелевскую премию. Травля и исключение из Союза советских писателей вынудили писателя отказаться от премии.

¹⁰² Бельтов — литературный псевдоним Плеханова Георгия Валентиновича (1856–1918). Первоначально участвовал в революционно-народническом движении, а позже стал решительным критиком идеологии народничества.

¹⁰³ «Illustratione» — Итальянский иллюстрированный журнал. Какой именно имелся в виду, составителям неизвестно. Количество иллюстрированных журналов исчислялось десятками, а к середине XX века превышало 70 наименований.

¹⁰⁴ «Красная новь» — литературно-художественный и научно-публицистический журнал, издававшийся в Москве в 1921–1941 гг.

¹⁰⁵ Заскальный Сила Данилович (настоящее имя Шалаев Владимир Павлович). Родился 5 сентября 1889 г. в Сербии. В 1917 г. вступил в ПСР и был председателем Ржевского городского комитета ПСР. В конце 20-х — начале 30-х гг. преподавал в опытной школе имени Горького в Москве. Был популяризатором театра, занимался режиссурой. Был дружен с С. Образцовым. Кукольный театр Образцова начинался на квартире Заскального. Был женат на Е.В. Шлегер, имел двоих детей: Владимира (1916 г. рождения) и Наталью (1924 г.). Был арестован 14.02.1933, сидел в Бутырской тюрьме, после вынесения приговора — в Суздальском политизоляторе. Там среди заключенных он встретил И.А. Сысоеву, о месте пребывания которой ее семье ничего не было известно. В своих письмах маленькой дочери Наташе сумел сообщить, что Ирина находится в Суздале. Поскольку он не мог прямо написать об этом в письмах, сообщение было послано в виде стихов:

Слушай! Небо сине. Солнце ярко. Захотелось Ирине — Подарка. — «Милая Ирина! Пожалуйста скажите, Какого подарка Вы хотите: Занятную игрушку? Проказника Петрушку?	Веселую книжку? Маленького Мишку? Цветокли прекрасный? Бант ли красный? Куклу? Собачку? Папирос пачку? Плитку шоколада? Коробку мармелада? Не стесняйтесь, Мне не жалко Для вас подарка!»...	Всюду иней. Солнце ярко. Не хочется Ирине Моих подарков — и банта, ни книжки, ни цветов, ни мишки, ни собачки, ни игрушки, ни проказника Петрушки ни папирос, ни шоколада Ей не надо!	Небо сине. Искры снежинок. Наташенька! Хочется Ирине твоих картинок. Всюду иней. Очень красиво. Нарядно. Наташенька! Пришли Ирине! Она просила... Ладно?!..
---	---	---	---

Затем находился в ссылке в Архангельске, Вологде, Александрове. В 1937 г. был арестован повторно и получил приговор «10 лет без права переписки». Умер в апреле 1938 г., предположительно в Магадане. Реабилитирован в 1956 г. Проект, о котором идет речь в письме В.Н. Рихтера, назывался «Театр из народа. Методы практической работы в народных театральные кружках». Предполагалось издание двух томов, первый из которых должен был содержать три выпуска: 1. Режиссер и актер; 2. Грим; 3. Костюм. По-видимому, В.Н. Рихтеру были присланы два выпуска: «Режиссер и актер» и «Грим» (М.: Изд. Дома театрального просвещения, 1924).

¹⁰⁶ Тальма Франсуа Жозеф (1763–1826). Французский актер. С 1806 г. профессор драматического класса Парижской консерватории.

¹⁰⁷ Мякотин Венедикт Александрович (1867–1937). Русский историк, публицист. Входил в редколлегию журнала «Русское богатство», был редактором журнала «Вестник Европы». Содействовал становлению ПСР, писал статьи для газеты «Революционная Россия», редактировал три ее первых номера. Арестовывался в 1901 и 1902 гг., высылался из Петербурга. В 1911–12 гг. в течение 9 месяцев отбывал заключение в Двинской крепости за публикацию антиправительственной литературы и, в частности, брошюры «Надо ли идти в Гос. думу?» В июне 1917 избран председателем ЦК ТНСП. К Октябрьской революции отнесся крайне отрицательно, был одним из создателей, а затем руководителем «Союза возрождения России». В 1920 г. арестован, заключен в Бутырскую тюрьму, приговорен к смертной казни, которая вскоре была заменена на 15-летнее тюремное заключение. По ходатайству В.Г. Короленко освобожден, в конце 1922 г. выслан из России. Жил в Берлине, Праге, Софии. Вел большую лекторскую, публицистическую, общественную, научную и преподавательскую работу. Умер в Праге от пневмонии.

¹⁰⁸ Аннета — по-видимому, Анна Степановна.

¹⁰⁹ Кори — городок приблизительно в 50 км юго-восточнее Рима. Это название часто встречается в стихах В.Н. Рихтера. Возможно, с ним связаны какие-то романтические воспоминания.

¹¹⁰ Данте Алигьери (1265–1321). Итальянский поэт. Активно участвовал в общественной жизни Флоренции, входил в партию «белых» гвельфов, отражавшую интересы торгово-ремесленных кругов города, после поражения партии заочно был приговорен к сожжению. Скитался по Италии. Повторно был приговорен к смерти в 1315 г. Этот приговор был отменен в 1966 г.! Последние 6 лет жизни жил в Равенне. Вершиной творчества Данте считается «Комедия», которую он писал с 1307 по 1321 г. «Божественная комедия» она была названа потомками.

¹¹¹ Речь идет о вывозе летом 1925 г. с Соловков (из Соловецкого лагеря особого назначения) политзаключенных-социалистов и этапировании их в Тобольский и Верхнеуральский политизоляторы.

¹¹² Шкловский Виктор Борисович (1893–1984). Русский писатель, литературовед, критик. Был близок к футуристам. Один из зачинателей формальной школы в литературоведении. Ст. также комм. 96 к Приложениям.

¹¹³ Имеется в виду книга В.Б. Шкловского «О теории прозы», изданная в 1925 г.

¹¹⁴ Эйхенбаум Борис Михайлович (1886–1959). Советский литературовед. Занимался вопросами композиции, ритма, стиля. На ранних его работах сказалось влияние «формального метода» Шкловского. Один из видных советских текстологов. Был редактором многих изданий русских классиков.

¹¹⁵ Ковалева (Жемчугова) Прасковья Ивановна (1768–1803). Русская актриса, певица (сопрано). Крепостная графа Н.П. Шереметева. Семи лет была взята в барский дом и определена «к театру». Выступала на сцене Кусковского театра Шереметевых с 1779 г. по 1797 г., впоследствии стала женой Шереметева (1801 г.). Исполнила около 50 оперных партий.

¹¹⁶ Марк Аврелий (121–180). Римский император с 161 г. Последователь школы стоиков.

¹¹⁷ Мемлинг Ханс (ок. 1440–1494). Нидерландский живописец. Его произведения отличаются умиротворенным настроением, ясным колоритом, ярко выраженной склонностью к бюргерской, бытовой трактовке религиозных сцен.

¹¹⁸ Ван Эйк (ок. 1390–1441). Нидерландский живописец. Был придворным живописцем бургундского герцога Филиппа Доброго, во владения которого входили Нидерланды. Бывал в Испании и Португалии. С 1430 г. поселился в Брюгге. Считается, что творчество Ван Эйка положило начало эпохе Возрождения в Нидерландах.

¹¹⁹ По данным таблицы В.Н. Рихтер нарисовал график, отразивший подъемы и спады его поэтического вдохновения. В рисунке В.Н. Рихтера изображены только 1926–1929 гг. Мы отразили на графике все годы — с 1922-го по 1929-й — в соответствии с таблицей.

¹²⁰ Талочка — домашнее имя Натальи Львовны Майкапар (в девичестве Сысоева), дочери Ирины Алексеевны Сысоевой (см. комм. 1) и Льва Густавовича Замеля. Родилась 11 октября 1919 г. в Киеве. Жила в Гатчине, потом в Москве, где окончила школу. Училась в Московском станко-инструментальном институте, но не закончила его из-за тяжелой болезни (туберкулез). В 1945 г. вышла замуж за Е.А. Майкапара. Их сын — А.Е. Майкапар — известный искусствовед, клавишник и органист. С 1960 по 1989 г. работала секретарем журнала «Новый мир». Умерла 10.08.2005.

¹²¹ Замятин Николай Александрович (1900–1937). Социалист-революционер. Уроженец города Воронежа. В конце 1922 г. сослан на 2 г. в Вятку, с 1924 г. — в

Соловецком концлагере. На Попов-острове заступился за заключенного Козлова и его чуть не убили. В 1926 г. снова арестован. Сослан в Алма-Ату. Служил агрономом-экономистом Наркомздрава Казахской ССР. 15 сентября 1936 г. арестован, приговорен Военной Коллегией ВС СССР к ВМН. Расстрелян 5.10.1937. Реабилитирован в 1957 г.

¹²² Вероятно, речь идет о дневниках Александра Блока за 1917–1921 гг., опубликованных в 1928 г. В этом же году увидели свет дневники за 1911–1916 гг., поэтому В.Н. Рихтер пишет о «второй книге». Цитата, приведенная в письме, взята из дневников 1921 г. (запись от 18 апреля).

¹²³ Вероятно, имеются в виду воспоминания Н.Н. Суханова «Записки о революции» (Берлин; Пб.; М.: Изд-во З.И. Гржебина, 1922–1923. Кн. 1–7).

¹²⁴ Мюссе Альфред де (1810–1857). Французский писатель, член Французской академии. Создатель романтического театра. Его пьесы сначала были поставлены в России, а уже потом открыты французами.

¹²⁵ Есенин Сергей Александрович (1895–1925). Русский поэт. Первые стихи опубликованы в 1914 г. Был увлечен имажинизмом; женился на Айседоре Дункан и в 1922–1923 гг. жил за рубежом, затем вернулся в Россию.

Стихотворение о жеребенке — имеется в виду «Сорокоуст», посвященный А. Мариенгофу, написанный в 1920 г. и полностью опубликованный в 1921 г., в котором есть такие строки:

Видели ли Вы,
Как бежит по степям,
В туманах озерных кроясь,
Железной ноздрей храпя,
На лапах чугунных поездов?

А за ним
По большой траве
Как на праздник отчаянных гонок,
Тонкие ноги закидывая к голове,
Скачет красногривый жеребенок?

Милый, милый, смешной дуралей,
Ну куда он, куда он гонится?
Неужель он не знает, что живых коней
Победила стальная конница?

¹²⁶ Бызов Леонтий Алексеевич. Родной брат Ирины Алексеевны Сысоевой (урожд. Бызовой). Родился 20 апреля 1886 г. в Гатчине в семье преподавателя Гатчинского Сиротского института. Окончил реальное училище, поступил в электротехнический институт в Петербурге и проучился в нем с 1903 г. по 1906 г. За участие в студенческом движении был арестован и полгода сидел в тюрьме. Там он увлекся политической экономией и по освобождении поступил на юридический факультет Петербургского университета, который окончил в 1912 г. Два года работал присяжным поверенным, параллельно занимался преподаванием и литературной работой. С первых дней Первой мировой войны был призван в армию как прапорщик запаса и служил строевым офицером в артиллерии по апрель 1918 г.

Последний год командовал батареей. После возвращения из армии окончил кооперативные курсы, был мобилизован в Красную армию и отправлен в Военно-педагогический институт. Одновременно был и слушателем, и преподавателем. Параллельно работал в Институте социальной психологии. В первую очередь его занимали проблемы научной организации труда (НОТ) и управления. Этой теме в начале двадцатых годов он посвятил много статей. Занимался литературной и публицистической работой, читал лекции по социологии. В 1924–1929 гг. начал разрабатывать графические методы в применении к науке управления и НОТ. Умер в эвакуации 16 января 1942 г. в д. Мартыново в Башкирии.

¹²⁷ Отец Александр — Александр Александрович Андреев. Священник, сосланный в Казахстан за проповеди и отказ снять рясу, когда ему запретили служить. Дальнейшая его судьба неизвестна.

¹²⁸ Анна Ивановна Дюкина. Родственница отца Александра. Дальнейшая ее судьба неизвестна.

¹²⁹ Гарпагон. Главный персонаж комедии Мольера «Скупой». Первое представление комедии состоялось 9 сентября 1668 г. в Пале-Рояль в Париже.

¹³⁰ Исаак — Шойхет Исаак Давыдович. Сионист-социалист. С мая 1932 г. отбывал ссылку в Каркаралинске. С апреля 1934 г. жил в Харькове. Дальнейшая его судьба составителям неизвестна.

¹³¹ Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831). Немецкий философ. С 1816 г. — профессор философии в университетах Гейдельберга (1816–1818) и Берлина (с 1818). Создатель систематической теории диалектики на основе объективного идеализма.

¹³² Инферно — ад, преисподняя (*итал.*). Имеется в виду пятая песнь Ада, первой части «Божественной Комедии» Данте.

¹³³ Франческа. Первая душа, заговорившая с Данте в аду. Франческа да Римини была дочерью Гвидо да Полента старшего, синьора Равенны. Ее выдали замуж около 1275 г. по политическим расчетам за Джанчотто Малатеста, синьора Римини, хромого и уродливого. Она влюбилась в Паоло, красивого брата мужа. Синьор Римини убил обоих влюбленных (между 1283 и 1286 гг.).

¹³⁴ Это образное выражение означает постоянно угрожающую опасность при видимом благополучии. По древнегреческому преданию сиракузский тиран Дионисий Старший (V–IV в. до н.э.) предложил своему фавориту Дамоклу, считавшему его счастливейшим из смертных, на один день свой престол. Почувствовав себя самым счастливым из людей, во время пира Дамокл внезапно увидел над своей головой обнаженный меч, висевший на конском волосе, и понял призрачность благополучия.

¹³⁵ Шенгели Георгий Аркадьевич (1894–1956). Русский поэт, писатель, переводчик, литературовед.

¹³⁶ Ю.И. — Юлия Ивановна (1903–1987). Вторая жена Н.Н. Кузьмина (первого мужа В.В. Суворовой). По профессии скульптор. В браке с Н.Н. Кузьминым родила дочь Светлану Николаевну Кузьмину. После развода с Н.Н. Кузьминым вышла замуж за маршала Тухачевского. Была арестована и много лет отсидела в лагерях как жена «врага народа». После 1956 г. была освобождена и реабилитирована.

¹³⁷ ММ — М.М. Рихтер, мать В.Н. Рихтера.

¹³⁸ Сергей Левашов. Один из друзей Лены Кузьминой по военно-воздушной академии им. Жуковского.

¹³⁹ Шептовицкий Зельман (Зяма, Зиновий) Менделевич. Сионист-социалист. Арестован в июле 1926 г. С 1926 г. отбывал ссылку в Ирбите на Урале, с декабря 1927 г. находился в заключении в Сургутском политизоляторе. В 1928 г. пытался выехать за рубеж, но не получил визы. В январе 1929 г. помещен в Верхне-Уральский политизолятор. С ноября 1929 г. отбывал ссылку в Каркаралинске. Его дальнейшая судьба составителям неизвестна.

¹⁴⁰ АИ — Дюкина Анна Ивановна.

¹⁴¹ Шенгелия Константин В. Ссылный меньшевик, входивший в колонию ссылных Каркаралинска. Заведовал небольшой пекарней в ауле, в сорока километрах от Каркаралинска. Умер в 1933 г. в Каркаралинской больнице.

¹⁴² Ермаков Юрий А. Ссылный, входивший в колонию ссылных Каркаралинска. Его судьба составителям неизвестна.

¹⁴³ Настя — Анастасия Федоровна Кузьмина, жена С.Н. Кузьмина (см. комм. 25), по образованию медсестра. После ареста мужа в 1937 г. приехала в Москву из Владивостока и жила в той же квартире, где его сестра Е.Н. Кузьмина. В годы Великой Отечественной войны была медсестрой на фронте, закончив войну в Германии; затем вернулась в Москву. Умерла в Москве ок. 1973 г.

¹⁴⁴ В.С.Н. — Нестеров Владимир Сергеевич (1906–1987). Муж Н.Л. Бызовой, старшей дочери Л.А. Бызова, с которой была дружна дочь В.Н. Рихтера Вера. В 30-х годах его отец С.А. Нестеров как статистик, действительно, участвовал в переписи населения в Средней Азии. Из семьи преподавателей сельской школы. Старший ребенок в семье, кроме него было еще три девочки. Две младшие умерли от туберкулеза. В 1917 г. семья оказалась в Ташкенте, а В.С. в трудовой школе, где его мать преподавала. Окончив школу в 1923 г., поступил на биологический факультет Ташкентского университета, однако не закончил его и, бросив учебу, уехал на родину родителей — в Тверскую губернию, где был в основном на комсомольской работе, затем работал педагогом в Москве, Николаеве и на Шпицбергене. В 1935 г. поступил на физический факультет МГУ, закончил его через три года по специальности «акустика». После этого работал в лаборатории акустики при строительстве Дворца Советов в области создания пористых материалов, а также в других организациях, и одновременно преподавал. Во время войны вместе с институтом был в Казани; в армию не был призван по болезни. В 50-е годы занялся гидроакустикой. Хорошо знал историю и всегда ею интересовался. Оказавшись в Обнинске, он много ходил по окрестностям, с семьей и один, обнаруживал археологические памятники. Постепенно завел знакомства с местными краеведами и историками. Вера Рихтер связала его с Институтом Археологии АН СССР. Будучи уже на пенсии, он очень активно занимался местной археологией.

¹⁴⁵ Бызова Наталья Леонтьевна (1921–1999). Дочь Леонтия Алексеевича Бызова — физик, доктор физико-математических наук, специалист по физике атмосферы.

¹⁴⁶ Винавер Михаил Львович (1880–1942). Член РСДРП, после ее раскола стал социал-демократом. После 1917 г. отошел от политической деятельности, с 1921 г. — стал активным помощником Е.П. Пешковой в Политическом Красном Кресте. 31 марта 1919 г. арестован в Москве по делу социал-демократов, но вскоре освобожден. В 1921 г. подвергся кратковременному аресту в Москве. В 1937 г. вновь арестован и приговорен к 10 годам ИТЛ. В начале 1942 г. из лагеря освобожден по амнистии как польский подданный. 29 сентября 1942 г. скончался.

Приложения

¹ Жена В.Н. Рихтера никогда не носила его фамилию, т.к. их брак не был официально зарегистрирован. Урожденная Суворова, после первого замужества она стала Кузьминой, а в документах 30-х годов она упоминается как Суворова-Кузьмина.

² Ошибка или описка в тексте: Валерия умерла в возрасте 11 месяцев в Одессе от дизентерии в мае 1921 г. (см. прим. 262 к разделу II).

³ Всероссийский профессиональный союз работников искусства.

⁴ См. след. документ, а также предисловие К.Н. Морозова к наст. сборнику.

⁵ Под заложниками, судя по всему, подразумевается жена В.Н. Рихтера, несколько дней проведенная в одесской тюрьме. О ситуации с честным словом, якобы данным Рихтером чекистам, см. в предисловии К.Н. Морозова к наст. сборнику.

⁶ В ноябре 1918 г. адмирал А.В. Колчак был назначен военным и морским министром в Совете министров Уфимской директории. 18 ноября он произвел переворот и принял титул «верховного правителя российского государства» и звание главнокомандующего. Далее в тексте ошибка: известие об этом перевороте могло быть получено в Одессе в январе 1919 г.

⁷ Писаревский А.Д. — нелегальная фамилия В.Н. Рихтера.

⁸ Верховный трибунал РСФСР возник в результате объединения Ревтрибунала при ВЦИК, Военного ревтрибунала при РВСР, Главного железнодорожного трибунала при НКПС РСФСР в результате слияния в 1921 г. трех систем трибуналов (гражданских, военных и транспортных). Он являлся судом первой инстанции по делам особой важности, кассационным органом, органом судебного надзора за деятельностью всех трибуналов. Трибунал состоял из Пленума и коллегий (кассационной, судебной, военной, военно-транспортной). Председатель трибунала назначался ВЦИК из числа членов коллегии НКЮста РСФСР. Местными органами трибунала являлись его губернские отделения.

⁹ Бочарников Михаил Григорьевич (1886–?). Член ПСР с 1904 г. Неоднократно арестовывался и ссылся. В 1910 г. эмигрировал. В 1911 г. вернулся в Россию, дважды арестовывался, сослан Иркутскую губернию. После Февральской революции входил в Иркутский губком партии эсеров. В 1918–1919 гг. член Кубанского краевого комитета партии и редколлегии его органа — газеты «Родная Земля» (Краснодар). Арестован СО ВЧК в Москве в июле 1920 г., содержался в Бутырской тюрьме, затем — во Внутренней тюрьме ГПУ, освобожден после 4-месячного заключения. После ареста в Киеве в 1922 г. административно выслан в Уфу.

¹⁰ Подбельский Юрий Николаевич. (1886–?). Старший брат видного советского партийного и государственного деятеля. Член ПСР с 1904 г. До революции 6 раз сидел в тюрьме и трижды ссылся. После Февральской революции 1917 г. работал секретарем больничной кассы печатников г. Воронежа и редактором органа губернской эсеровской организации — газеты «Социалист-революционер» («Голос труда»). С октября 1917 на партийной работе в г.г. Воронеже, Тамбове и Борисоглебске Наркомзема и инспектором-инструктором в Управлении обслуживания Наркомпроса. Арестован 20 мая 1921 г. сотрудниками МЧК, содержался в Бутырской тюрьме. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено в особое производство «по к[онтр]-р[еволюционерам] в Тамбове». В марте–апреле 1922 г. во внутренней

тюрьме ГПУ, затем в Ярославской тюрьме. 23 ноября 1923 г. приговорен к 5 годам лишения свободы; в 1925–1926 гг. в Челябинском, затем в Свердловском политизоляторах. После января 1927 г. в ссылке. В 1935–1936 г. на поселении в г. Ташкенте. Дальнейшая судьба неизвестна. Поскольку в документе утверждается, что Подбельский был арестован вместе с Рихтером в Киеве, возможно, одна из 4-х нелегальных фамилий документа П.1.11 принадлежит ему.

¹¹ Штерн — возможно, Штерн Соломон Ильич (1892–?). Социалист-революционер. Арестован в Одессе 26 сентября 1921 г., сидел в Киевской тюрьме, с марта 1922 г. находился в лагере на Соловецких островах. В 1925 г. был узником Тобольской тюрьмы. В 1926–29 гг. — в ссылке в Чимкенте. Дальнейшая его судьба составителям неизвестна. Поскольку в документе утверждается, что Штерн был арестован вместе с Рихтером в Киеве, возможно, одна из 4-х нелегальных фамилий документа П.1.11 принадлежит ему.

¹² Семенов Григорий Иванович (1891–1937). В революционном движении с 1904 г., анархист-коммунист. Неоднократно арестовывался и ссылался. В 1912 г. эмигрировал во Францию, порвал с анархистами и вступил в ПСР. В 1912–1915 г. работал электромонтером. В 1915 г. вернулся в Россию и был призван в армию. Во время Февральской революции один из организаторов Совета солдатских депутатов 12-й армии и товарищ председателя исполкома рижского совета. Делегат 1-го Всероссийского совещания Советов, член бюро исполкома Петросовета и председатель его фронтовой коллегии. Делегат 1-го и 2-го съездов Советов и Демократического совещания, комиссар 9-й армии, комиссар 3-го конного корпуса и помощник комиссара Румынского фронта. После октября 1917 г. возглавлял Петроградскую военную организацию ПСР и входил в Военную комиссию при ЦК. В сентябре 1918 г. арестован военным контролем — контрразведкой РККА за принадлежность к военной организации партии эсеров. В тюрьме содержался до весны 1919 г., когда начал сотрудничать с советскими спецслужбами, затем был зачислен в штат военной разведки РККА. В 1919–1920 гг. член МПСР, исключен за контакты с Б.В. Савиновым во время ведения подрывной работы в Варшаве и с Ф.Э. Дзержинским по возвращении в Россию. В январе 1921 г. вступил в РКП(б). В январе 1922 г. была опубликована его брошюра «Военная и боевая работа ПСР за 1917–1918 гг.» (Берлин, 1922), ставшая ядром обвинительного материала на процессе 1922 г. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. По итогам процесса был приговорен к высшей мере наказания, помилован и освобожден от наказания. После окончания процесса уволен из РККА в бессрочный отпуск. В ноябре 1922 г. направлен на работу в Главэлектро ВСНХ, через год откомандирован в распоряжение ЦК РКП(б). В 1927 г. — советник Военной комиссии ЦК КПК, в дальнейшем занимался разведывательной работой в Манчжурии и Испании. В 1937 г. арестован и расстрелян.

В.Б. Шкловский, бывший в конце 1917 г. — начале 1918 г. руководителем Боевого отдела эсеровской военной организации в Петрограде, так описал его в своем «Сентиментальном путешествии»: «Это человек небольшого роста, в гимнастерке и шароварах, но как-то в них не вношенный, со лбом довольно покатым, с очками на небольшом носу, и рост небольшой. Говорит дискантом и рассудительно. Внущает своим дискантом. Верхняя губа коротка. Тупой и пригодный для политики человек. Говорить не умеет. Например, увидит тебя с женщиной и спрашивает:

“Это ваша любимая женщина?” Как-то не по-живому, вроде канцелярского: “имеющая быть посланной бумага”. Не знаю — понятно ли. Если не понятно, то идите разговаривать с Семеновым; от него вас не покоробит» (Шкловский В.Б. Сентиментальное путешествие. М., 1990. С. 144).

¹³ Каплан Фанни Ефимовна (Ройтблат Фейга Хаимовна) (1888–1918). Входила в террористическую группу анархистов-коммунистов, в декабре 1906 г., после взрыва ею бомбы в гостинице, была арестована и присуждена к бессрочной каторге. После Февраля 1917 г. жила в Москве, затем лечила зрение в Крыму и Харькове. По данным Я.В. Леонтьева, считала себя ортодоксальной анархисткой-коммунисткой, а по некоторым свидетельствам современников, чья достоверность неясна, вступила в ПСР. Обстоятельства террористической деятельности Ф.Е. Каплан и ее роль в покушении на В.И. Ленина до сих пор вызывают споры. Причастность ее к террористическому акту сомнений не вызывает, но неясна ее роль в нем. О его мотивах Каплан заявляла на допросе так: «Я стреляла в Ленина потому, что считаю, что он предатель и считаю, чем дольше он живет, тем он удаляет идею социализма на десятки лет». Казнена 3 сентября 1918 г. по личному распоряжению председателя ВЦИК Я.М. Свердлова и кремирована на территории Кремля.

¹⁴ Браудэ Вера Петровна (урожд. Булич) (1890–?). С марта 1917 по июль 1918 г. член ПЛСР, в сентябре 1918 г. вступила в РКП(б). В 1918–1920 гг. на различных должностях в системе ВЧК и ревтрибуналов. В 1920–1924 гг. помощник начальника отделения Секретного отдела ВЧК–ОГПУ. С октября 1924 г. партийный следователь Московской контрольной комиссии при МК РКП(б). С 1926 г. уполномоченный 5-го отделения Контрразведывательного отдела.

¹⁵ Решетов Илья Федорович (1894–1937). До революции подвергался репрессиям с 1913 г. В 1914–1916 гг. отбывал ссылку в Енисейской губ., где познакомился с Л.Б. Каменевым и Я.С. Аграновым. В 1912–1917 гг. член ПСР, в сентябре 1917 г. вступил в ПЛСР, год спустя стал членом партии революционного коммунизма, входил в ее ЦК (1919–1920). В 1921 г. вступил в РКП(б) с зачетом партийного стажа с 1912 г. В органах ВЧК–ГПУ–НКВД с 1920 г., в 1922–1923 гг. начальник 3-го отделения СО ГПУ, затем начальник 5-го отделения СО ОГПУ (1923–1924); начальник 2-го отделения СО ОГПУ (1924–1926); полпред ОГПУ и начальник УНКВД ряда краев.

¹⁶ Уншлихт Иосиф Станиславович (1879–1938). Окончил Высшие технические курсы в Варшаве. Член СДКПиЛ с 1900 г. В октябре 1917 г. член Петроградского ВРК, Исполкома Петроградского совета, ВЦИК. С декабря 1917 г. член коллегии НКВД, в апреле 1918 — январь 1919 г. председатель Центроплембежа. С февраля 1919 нарком по военным делам и член ЦИК Литовского-Белорусской советской республики, член Президиума ЦК КП Литвы и Белоруссии, в июне-декабре 1919 г. член РВС 16-й армии, а с декабря 1919 г. член РВС Западного фронта и член Временного ревкома Польши. В 1921–23 заместитель председателя ВЧК–ОГПУ. В октябре 1923 г. исключен из состава органов ОГПУ. В 1923–1925 гг. член Реввоенсовета СССР, в 1925–1930 гг. заместитель председателя Реввоенсовета и заместитель наркомвоенмора. В 1938 г. арестован и расстрелян.

¹⁷ Карлсон Ю. Следователь Верховного суда в 1923 г.

¹⁸ Речь идет о процессе социалистов-революционеров, проходившем в июне-августе 1922 г. (см. о нем в предисловии К.Н. Морозова к настоящему сборнику). Более детальный анализ и публикацию документов процесса см.: Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь–август 1922 г.): Подготовка.

Проведение. Итоги. Сборник документов / Сост. С.А. Красильников, К.Н. Морозов, И.В. Чубыкин. М., 2002. (Серия «Архивы Кремля»).

¹⁹ См.: Обвинительное заключение по делу Центрального комитета и отдельных иных организаций партии социалистов-революционеров по обвинению их в вооруженной борьбе против Советской власти, организации убийств, вооруженных ограблений и в изменнических сношениях с иностранными государствами. М., 1922.

²⁰ См.: Процесс П.С.-Р. Речи государственных обвинителей. Приговор Верховного Революционного трибунала. Постановление Президиума ВЦИК. Воззвание Коминтерна. М., 1922.

²¹ См.: Семенов (Васильев) Г. Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917—1918 гг. Берлин, 1922. На разоблачениях, содержащихся в этой брошюре были основаны изначальные обвинения против эсеров на процессе 1922 г. Семенов весьма подробно, с перечислением многих десятков имен рассказывал о попытках эсеров свергнуть большевиков в первые же дни после захвата ими власти, о подрывной работе в войсках Петроградского гарнизона осенью — зимой 1917—1918 гг., о плане вооруженного восстания в день открытия Учредительного собрания, о получении финансовой помощи от «союзных миссий». Но настоящей сенсацией стал его рассказ о террористической деятельности возглавлявшегося им Центрального боевого отряда ЦК ПСР, совершившего покушения на В. Володарского, М.С. Урицкого и В.И. Ленина, а также ряд экспроприаций, в том числе у частных лиц. Брошюра заканчивалась событиями конца 1918 г., когда Семенов был арестован, но вскоре выпущен на свободу. Вопрос о деталях инспирации брошюры Семенова до конца неясен, как неясны до конца и подробности его связей с чекистами (хотя сами факты инспирации и связи сомнений не вызывают). (Подробнее см.: Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 20—26).

²² См. далее док. № П1.19.

²³ См. далее док. № П1.16.

²⁴ В документе опечатка. Имеется в виду протокол допроса Ефимова от 11 марта 1922 г. См. далее док. № П1.17.

²⁵ См. далее док. № П1.18.

²⁶ См. далее док. № П1.20.

²⁷ См. далее док. № П1.21.

²⁸ Усов Константин Андреевич (1895—1937). Рабочий. Член ПСР с 1914 г. В 1918 г. состоял в боевой организации партии эсеров. В 1920 г. вступил в РКП(б). 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. На процессе социалистов-революционеров входил во вторую группу обвиняемых. Решением Верховного революционного трибунала осужден на 5 лет тюремного заключения, но затем помилован постановлением ВЦИК. После освобождения в январе 1924 г. работал в должности начальника отдела капитального строительства Спецмаштреста (1932—1937). В 1937 г. арестован и расстрелян.

В последнем слове на процессе 1922 г. заявил, что на процессе у него было две цели: «Одна из целей, одна из задач, это рассказать перед лицом всего пролетариата о моей работе в революции и сделать соответствующий отчет. И другая задача — осветить те темные стороны партии эсеров, свидетелем которых я когда-то был. Обе эти задачи я здесь выполнил» (Процесс эсеров. Вып. 2: Речи защитников и обвиняемых. М., 1922. С. 210).

²⁹ По заключению экспертов, — проф. Н.А. Минакова и Н.Е. Эсаулова, яд кураре обладал следующими свойствами: «1) КУРАРЕ: Южно-Американский стрелный яд, из коры растения, в виде сухого [...] бурого экстракта, горького вкуса, растворима частью в воде. Главное действующее начало сока КУРАРИН имеет аморфных, растворимых в воде краснобурых листочков^а.

2) Отравление происходит при введении под кожу.

3) Минимальная смертельная доза курарина 0,024 на человека в 70 к.

5) Органические яды вообще и Кураре в частности, отличаются большой стойкостью и могут долго сохраняться при надлежащих условиях хранения, но при гниении могут распастся.

6) Органические яды могут выдержать до температуры кипения, но при более высоких температурах перегоняются и затем распадаются.

7) Трудно допустить, чтобы при намазывании сверху кураре пули на ней могло бы сохраниться после выстрела количество яда, достаточно[e] для отравления.

8) Если, при специальном приготовлении пули[,] возможно было достигнуть того, чтобы во время разрыва пули в теле человека в последнее попала бы доза яда, не меньшая смертельной, то конечно при подобных условиях нельзя отрицать возможности отравления» (См.: Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь—август 1922 г.). С. 444—445). В обвинительном заключении по делу В.Н. Рихтера утверждалось, что при подготовке покушения на В.И. Ленина он достал и передал Л.В. Коноплевой яд кураре для отравления пули (см. док № П.24).

³⁰ О деятельности Л.Я. Герштейна и В.Н. Рихтера на Украине см. в обвинительном заключении по делу В.Н. Рихтера (док. № П.24 — чекистская версия) и в комм. 282 к разделу II (показания обвиняемых эсеров на процессе 1922 г.).

³¹ Протокол заседания ЦК ПСР, а именно постановление о посылке на Украину делегации ЦК в составе Л.Я. Герштейна и В.Н. Рихтера, процитирован в обвинительном заключении по делу В.Н. Рихтера (См. док. № П.24). Однако это постановление было принято не в мае 1918 г., как утверждается в обвинительном заключении, а 27 декабря 1917 г.

³² Это письмо было опубликовано в «Новом мире» (Берлин) 12 марта 1922 г., через 10 дней перепубликовано в «Правде». См.: Доклад бывшего члена ПСР Л.В. Коноплевой в ЦК РКП(б) о ее прежней эсеровской работе // Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 152—161.

³³ Вот что об этом писал Г.И. Семенов в своей брошюре: «Считаю нужным отметить, что у ЦК в это время мысль о допустимости и целесообразности террористических актов была уже ясна. Узнав об организуемой нами группой, ЦК обеспокоился, как бы не вышло какой-нибудь “авантюры” (ЦК все время подозревал нас в склонности к “авантюрам”). Но создание группы он признал нужным и поручил ее организацию Рабиновичу (члену Учредительного Собрания). Рабинович стал подбирать работников группы. В частности, он предложил мне войти в группу, и я из этой беседы с ним убедился, что основная цель группы — террористическая работа. Принципиальных возражений у меня не было, но я уклонился от вхождения в группу, так как наиболее важную работу считал нашу военную работу. В террористическую группу Рабиновича вошли Коноплева Лидия и Ефимов (парторг, интеллигент, быв[ший] каторжанин).

^а Так в документе.

Коноплева вскоре предложила ЦК произвести покушение на Ленина.

Переговоры об этом она вела с Черновым и Гоцем. ЦК согласился и отправил с этой целью в Москву Коноплеву и Ефимова (я передаю это со слов Коноплевой[,]) долгое время спустя рассказавшей мне об этом). Руководителем этого дела в Москве ЦК назначил члена ЦК Рихтера. Но Рихтер не проявил никакой инициативы. Коноплева, прождав в Москве недели три и сделав самостоятельную безрезультатную попытку наладить слежку за Лениным, пришла к выводу о практической безнадежности этого дела, в виду бездействия ЦК и вернулась в Петроград. (Лично себя она мыслила только, как исполнительницу).

Вскоре группа Рабиновича распалась, ничем себя не проявив» (Семенов Г. Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917–1918 гг. С. 17).

³⁴ Моисеенко Борис Николаевич (? — 26.10.1918). Член ПСР, член Боевой Организации в 1905 г., в 1911 г. член ЗД ЦК ПСР, делегат III и IV съездов ПСР, член Бюро эсеровской фракции Учредительного собрания, убит колчаковскими офицерами в Омске.

³⁵ Агранов Яков Саулович (1893–1938). В революционном движении с 1912 г.: член ПСР с 1912 г., в 1914–1915 гг. входил в Гомельский комитет ПСР; в 1915–1917 гг. в ссылке. С 1915 г. в РСДРП(б). После Октября 1917 г. на партийной и советской работе. В органах ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД с 1920 г., в 1922–1923 гг. начальник Особого бюро по делам административной высылки антисоветских элементов и интеллигенции при СОУ ГПУ; позднее — заместитель Председателя ОГПУ, заместитель Наркома внутренних дел СССР. Арестован в 1937 г., расстрелян в 1938 г.

³⁶ Восстание в Кронштадте началось в ночь с 19 на 20 июля 1906 г. в поддержку выступления в Свеаборге. ЦК ПСР отправил в Кронштадт в качестве своего представителя депутата Государственной думы Ф.М. Оникко. Уже 20 июля восстание было подавлено.

³⁷ Тимофеев Евгений Михайлович (1885–1941). Член ПСР. В 1906 г. арестован, приговорен к каторге, которую отбывал в Александровском центральном. После Февраля 1917 г. возглавил Иркутский Совет. В декабре 1917 г. избран членом ЦК ПСР. Арестован 5 июня 1920 г., содержался во Внутренней тюрьме ГПУ, затем в Ярославской и Бутырской тюрьмах. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. На процессе социалистов-революционеров 1922 г. был одним из лидеров первой группы обвиняемых (т.н. непримиримых). По итогам процесса приговорен к высшей мере наказания; в январе 1923 г. принимал участие в голодовке. 11 января 1924 г. решением Президиума ЦИК СССР Высшая мера была заменена 5 годами лишения свободы со строгой изоляцией с окончанием срока заключения 17 мая 1925 г., после чего предполагалась ссылка в Усть-Цильму (Печорский край), однако сослан он был в Коканд. Через месяц после прибытия в Коканд арестован, препровожден в Москву, приговорен к двум годам тюремного заключения. После длительной голодовки (23 дня) освобожден и выслан в Коканд, Ташкент; затем Уральск, Казань, в начале 30-х отправлен в Самарканд; затем — в Томск; в 1935 г. арестован и приговорен к 10 годам тюремного заключения, в 1936 содержался в Бутырской тюрьме, в 1941 г. расстрелян в Орле.

В последнем слове на процессе 1922 г. сравнивал большевиков с якобинцами, считавшими себя «не только крайней партией современности, но и утвердителями царства разума на земле», а вместо этого породившими «лишь в лучшем случае

царство мещанской добродетели». Обращаясь к обвинителям, говорил: «Наши взоры, как и раньше прикованы к будущему, и наших идеалов равенства мы не променяем [...]. Эти идеалы — наши старые идеалы, и вы их своими успехами не измените и не изменяете.

Вот, граждане, источник нашей вражды. Мы служим будущему и хотим служить только ему. Поэтому ваши лавры современности нас не соблазняют и ради них мы ни в чем не согласны отступить со своей стези. Я этим кончаю. [...] Помните, что современностью не кончается все...» (Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 542).

³⁸ «За народ» — двухнедельный журнал, издававшийся в декабре 1917 г. в Петрограде Военной комиссией ЦК ПСР под редакцией В.Л. Утгофа и М. Никанорова.

³⁹ Утгоф Владимир Львович (1887-?). Сын жандармского генерала. В октябре 1905 г. за революционную агитацию был исключен из петербургского морского училища. В 1906 г. поступил в Политехнический институт. Член ПСР с 1906 г. Один из участников создания «Союза офицеров». В октябре 1908 г. арестован по обвинению в принадлежности к Центральному Военному Бюро ПСР, осужден к 4 годам 9 месяцам заключения в крепости. После освобождения на военной службе, в начале первой мировой войны мобилизован, дослужился до младшего офицерского чина. В начале 1915 г. переведен под Псков «под надзор начальства». После Февраля 1917 г. от своей воинской части избран в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, из которого вышел после прихода к власти большевиков. На первой петроградской конференции эсеров избран членом ПК, председатель Петроградской партийной военной организации. На IV съезде ПСР избран членом мандатной комиссии и председателем военной секции. С декабря член Военной комиссии ЦК партии эсеров, товарищ ее председателя. Член Учредительного собрания (от Северного фронта). Входил в самарский Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуч) (сентябрь). Занимал центристские позиции в партии. Работал в московской и пензенской кооперации. Арестован 5 февраля 1922 г. под фамилией Дерюжинского, содержался в тюрьме в Кисельном пер. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. На судебном процессе ПСР включен в первую группу обвиняемых. 7 августа 1922 г. был приговорен к 5 годам лишения свободы со строгой изоляцией. В августе-сентябре 1923 г. трижды подавал заявления в Верховный Трибунал при ВЦИК, в которых ссылался на то, что, являясь польским гражданином, подлежит «в случае осуждения высылке в пределы Польской республики и передаче польским властям». Ни на одно из этих заявлений ответа не получил, вероятно, потому, что все они были перехвачены чекистами и не дошли до адресата. В 1923 г. принимал участие в 14-ти дневной голодовке в Бутырской тюрьме. 11 января 1924 г. постановлением ВЦИК срок заключения был сокращен до 2,5 лет, несмотря на мнение начальника Секретного отдела ГПУ Дерибаса, считавшего, что «ввиду крайне демонстративного поведения и непрекращающихся антисоветских выходов» Утгофа «сокращать ему 5-ти летний срок безусловно не следует, тем более, что он сидит в тюрьме только с начала 1922 года». По окончании срока заключения 8 августа 1924 г. сослан в Тюмень. Чекистами характеризовался как «боевик-активист». В августе 1925 — октябре 1928 г. — в ссылке в Самарово Тобольской губ., в 1929 г. срок ссылки продлен еще на 1 год. Дальнейшая судьба неизвестна.

Значительную часть последнего выступления в суде посвятил объяснению мотивов того, почему он, сын жандармского генерала, стал социалистом и революционером. Далее подчеркивал, что эсеры, в отличие от большевиков, не умеют и не могут вести народ вперед, к социализму, «как под бичем, как под железной палкой», что на них лежит «более высокая и более благородная задача: быть предвестниками иного пути, не теперешнего пути, пусть не теперь ему время, но того пути, который будет путем свободного движения народа по пути к социализму». В заключение сказал: «Мы стремимся к тому, чтобы путь к социализму не походил на этапы рабов, закованных в цепи, гремящих ими и под кнутом погонщика, идущих к неведомой стране. Мы хотим иного, мы хотим, чтобы энтузиастическая масса народа свободно шла по дороге к царству социализма. И мы знаем, что эти ваши рабы перервут окружающие их цепи штыков, сбросят сковывающие их кандалы и придут под наши знамена — знамена свободы и социализма» (Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 789).

⁴⁰ Дашевский Иосиф Самойлович (1891–1937). Окончил шестиклассное реальное училище и два семестра в Цюрихском университете. Член ПСР с 1906 г. В годы Первой мировой войны проходил службу в пехотном полку на Юго-Западном фронте в звании рядового. После Февральской революции 1917 г. председатель фронтового комитета Юго-Западного фронта, вел партийную работу в эсеровских организациях Петрограда, Москвы и Саратова; работал секретарем Всероссийского бюро областных кооперативных союзов. Весной 1918 г. вместе с Е.М. Тимофеевым, В.М. Зензиновым и Б.Н. Моисеенко организовал Военную комиссию ЦК ПСР в Москве. Участвовал в создании весной 1919 г. группы «Народ». В ноябре с другими лидерами организации заявил о выходе из партии эсеров и образовании Меньшинства ПСР (МПСР), вошел в Центральное организационное бюро МПСР. С ноября на политической работе в Красной Армии. В апреле 1921 г. арестован в Москве. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. На процессе социалистов-революционеров входил во вторую группу обвиняемых. По итогам процесса приговорен к 3 годам заключения с освобождением от наказания.

⁴¹ В день открытия Учредительного собрания 5 января 1918 г. эсерами планировалось выступление в его защиту. О подготовке этого выступления довольно подробно рассказал Б.Ф. Соколов в статье «Защита Учредительного собрания», опубликованной в «Архиве русской революции» (См. извлечения из нее в: Партия социалистов-революционеров. Т. 3. Ч. 2. С. 274–285). По его свидетельству, накануне открытия Учредительного собрания «сугубый парламентаризм» отставало большинство эсеровской фракции. Однако по настоянию меньшинства фракции и ЦК ПСР была реорганизована Военная комиссия при ЦК, которая и принялась за решение поставленных перед ней задач, одной из которых было «выделить из петроградского гарнизона те части, которые были наиболее боеспособны и в то же время наиболее антибольшевистски настроены». «Сохранившуюся боеспособность, наличие известной дисциплины и не поддающийся сомнению антибольшевизм» удалось найти лишь в Семеновском и Преображенском полках и броневом дивизионе, расположенном в ротах Измайловского полка. Поэтому эти три части было решено избрать центром «Боевого антибольшевизма». В экстренном порядке с фронта было вызвано около 600 эсеровски настроенных офицеров и солдат, которые «вливались»

в эти части. Для поднятия настроения и создания антибольшевистских настроений среди солдат петроградского гарнизона издавалась газета «Серая шинель». Кроме того был организован солдатский университет, в котором под предлогом освоения «общекультурно-просветительной» программы сосредотачивались прибывшие с фронта вооруженные солдаты, готовые выступить по приказу эсеровского руководства. Однако «это дело не было развернуто в полном масштабе, так как Центральный Комитет эсеров усмотрел в нем слишком рискованную авантюру». «Между Военной Комиссией и Комитетом Защиты [Учредительного собрания] было установлено единство действия и разработан общий план выступления 5-го января», сводившийся к следующему: рабочие экспедиции заготовления ценных бумаг, настроенные антибольшевики, должны были собраться в определенном месте и, соединившись с другими демонстрантами, прибыть к казармам броневое дивизиона, несколько броневых машин которого должны были присоединиться к рабочим. «Центральным пунктом, особенно важным для всего выступления 5-го января, был Семеновский полк. [...] Предполагалось, что вся демонстрация подойдет к 10 часам утра к Семеновским казармам. [...] С помощью полкового комитета полк должен был быть построен на площади. Он должен был присоединиться к демонстрации и ее возглавить. В те дни число солдат Семеновского запасного батальона считалось, если не изменяет мне память, до 4-х тысяч человек. По мнению полкового комитета, в вооруженной демонстрации приняло бы участие не менее 3-х тысяч человек, вооруженных и снабженных пулеметами».

Члены Военной комиссии «нисколько не сомневались» в положительном отношении ЦК ПСР к разработанному ими плану. Но 3 января им было сообщено постановление ЦК, которым «категорически запрещалось вооруженное выступление, как несвоевременное и ненадежное деяние. Рекомендовалась мирная демонстрация, причем предлагалось, чтобы солдаты и прочие воинские чины приняли участие в демонстрации невооруженными, «во избежание ненужного кровопролития». Пришлось спешно принимать меры, чтобы отменить давно уже розданные указания. Члены военной комиссии посетили Семеновский полк «чтобы доложить его руководителям о том, что вооруженная демонстрация отменяется и что их просят «прийти на манифестацию безоружными, дабы не пролилась кровь». Вторая половина предложения вызвала у них бурю негодования...». Более того, по мнению Соколова, отказ эсеров от вооруженного выступления воздвиг между ними и семеновцами «глухую стену взаимного непонимания».

В день открытия Учредительного собрания, 5 января 1918 г., в Петрограде состоялась мирная, невооруженная демонстрация, которая была расстреляна Красной гвардией на углу Невского и Литейного проспектов и в районе Кирочной улицы. После разгона главной колонны численностью около 60 тыс. человек, другие колонны демонстрантов достигли Таврического дворца и были рассеяны только после подхода дополнительных войск. По различным оценкам, число погибших составило от 7 до 100 человек. По словам Ефимова, после того, как в Семеновском полку «стало известно, что на улицах происходят расстрелы мирной манифестации, настроение Семеновского полка резко изменилось, результатом чего было следующее, что полк, в котором насчитывалось не 400 штыков, а 1200, расходится по своим ротам, ротным помещениям, что он и сделал, роздали цинки с патронами, и он сидел час, два, три, ожидая в своих помещениях, когда кто-нибудь из членов Учредительного собрания сообщит, что полк выступает на защиту» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 25. Л. 241).

Однако члены Военной организации ПСР, готовившие это выступление, вынуждены были подчиниться директиве ЦК, предлагавшей им «быть наготове — выжидать, и лишь в случае массового активного выступления, стихийного вооруженного восстания — взять руководство движением в свои руки». Но выступление не состоялось...

⁴² Рудаков Петр Ильич. Член ПСР. По свидетельству Г.И. Семенова, входил в боевую группу, созданную для подготовки покушения на поезд Л.Д. Троцкого и специально прошедшую теоретический курс подрывного дела. В октябре 1918 г. арестован. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело прекращено за смертью обвиняемого.

⁴³ Зеленков. Член ПСР. В конце 1917 г. — начале 1918 г. организатор и начальник эсеровской боевой дружины в Московском районе Петрограда, затем член боевой группы Семенова, участник ряда экспроприаций. В мае 1918 г. вместе с Козловым был направлен в Саратов для образования боевых дружин. Летом 1918 г. в составе отряда Семенова в Москве участвовал в наблюдении за местами наиболее вероятного появления Ленина и Троцкого. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело прекращено в связи со смертью обвиняемого.

⁴⁴ Ветров. Член ПСР, рабочий-боевик, член боевой группы Семенова. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нерозыском.

⁴⁵ Федоров-Козлов (Козлов) Филипп Федорович (1888—?). Рабочий. Член ПСР с 1917 г. В 1918 г. член Центрального летучего Боевого отряда ПСР. В 1920 г. арестован сотрудниками Петроградской ЧК по обвинению в причастности к убийству В. Володарского. По его собственным словам, разочаровавшись в отказе ЦК ПСР признать покушение на Ленина, “в конце 1918 уехал в деревню, решив порвать с активной деятельностью, но из партии социалистов-революционеров не вышел” (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 92 об.). На первом же допросе 4 марта 1922 г. признал факты своего участия в боевом отряде Семенова, в слежке за Володарским, эпизоды с попытками боевиков ограбить купца и взломать сейф, а также свою роль как одного из намеченных исполнителей покушения на В.И. Ленина, дежуривших в разных районах Москвы (Там же. Л. 92). 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. На процессе являлся подсудимым второй группы, приговорен к 5 годам тюремного заключения, в январе 1924 г. по ходатайству трибунала освобожден ВЦИКом. Дальнейшая судьба неизвестна.

⁴⁶ Пелевин Павел Николаевич (1882—?). В 1905 г., будучи матросом, вступил в Кронштадтскую организацию ПСР. Как участник восстания на крейсере «Память Азова» арестован в 1906 г. и приговорен военно-морским судом к 20-летней каторге. После Февраля 1917 г. экспедитор газеты «Труд» — органа Московского комитета партии эсеров (1917—1918), затем на различных хозяйственных должностях. В 1919 г. арестован МЧК, но через три месяца освобожден. По обвинению в принадлежности к правому течению ПСР арестовывался в августе 1919 г. и августе 1920 г., но каждый раз через несколько дней освобождался. После ареста,

произведенного ВЧК 2 августа 1921 г., на допросе заявил, что после Октябрьской революции партийной работы не вел и к Советской власти относится сочувственно. По решению Президиума ВЧК от 17 сентября 1921 г. освобожден. Вновь арестован 6 марта 1922 г., содержался во Внутренней тюрьме ГПУ, на процессе социалистов-революционеров обвиняемый второй группы. Осужден на 3 года заключения с освобождением от наказания.

⁴⁷ В своей брошюре Г.И. Семенов утверждал, что «вопрос об экспроприациях был передан на решение ЦК. ЦК, стоявший на точке зрения принципиального отрицания экспроприаций, принимая во внимание создавшееся в партии положение вещей в смысле полного отсутствия денег на дальнейшую работу, признал производство экспроприаций у Советского Правительства допустимым. Но при этом ЦК считал совершенно недопустимым делать экспроприации от имени Партии. Экспроприации должны были производиться нашими дружинниками таким образом, чтобы имя Партии никоим образом и ни в каком отношении не было бы связано открыто с ними. Предполагалось, что в случае провала наши боевики будут фигурировать, как уголовные преступники. Военная Комиссия разделяла эту точку ЦК (Приблизительно Апрель 1918 г.)» (Семенов Г.И. Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917—1918 гг. С. 25).

На процессе эсеров Д.Д. Донской в ответ на просьбу председательствующего изложить принципиальную точку зрения ЦК ПСР по вопросу об экспроприациях заявил следующее: «Принципиально отношение Центрального Комитета к экспроприациям ни на каком из заседаний Центрального Комитета не выяснялось в смысле внесения какого нибудь решения постановления или мнения. Отношение, кое вернее настроение Центрального Комитета руководствовалось только, так сказать, опытом, практикой старых времен. Отношение по этому было все время сдержанное, но принципиально отрицательного отношения к казенным экспроприациям в партии никогда не было. В этот период, насколько сохраняется в памяти отношение принципиального со стороны партии к экспроприациям не выяснялось, как я говорил, но было скорее положительное, чем отрицательное. Практически же оно было как раз наоборот, по большей части, если не вполне за весь период исключительно отрицательное по причинам, главным образом нежелаю влекать партийные элементы и партийные группы в ту развращающую обстановку экспроприаций, которая дала такие богатые плоды в период 1907—8—9—10 г.г. до революции. Вот все, что я могу сказать о чисто принципиальном отношении» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 33. Л. 437—438).

⁴⁸ Эту неудачную попытку описала Л.В. Коноплева в своем докладе в ЦК РКП(б) о своей прежней эсеровской работе: «[...] экс на несколько миллионов должен был [быть] произведен в Продов[ольственном] Комитете на углу Страстной площ[ади] и Тверской. Все было подготовлено, несколько вооруженных боевиков вошли в помещение Прод[овольственного] Ком[итета] и должны были расплавить нестареющий шкаф специальным, с этой целью купленным, аппаратом, остальные[,] в том числе Семенов, я, ждали вооруженные около, чтобы в случае тревог вмешаться в дело. Но в аппарате не хватило кислорода[,] и мы принуждены были бросить дело» (Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 159).

⁴⁹ Володарский В. (Гольдштейн Моисей Маркович) (1891—1918). В с.-д. движении с 1905 г., большевик с августа 1917 г., член ПК РСДРП(б). После октября 1917 г. комиссар по делам печати, пропаганды и агитации, член Президиума ВЦИК.

Подготовку и осуществление покушения на Володарского Боевым отрядом Г.И. Семенов в своей брошюре описывал так: «Мы решили, что по техническим причинам легче убить Володарского и поставили покушение на него в первую очередь. Решили остановить автомобиль Володарского по дороге из Петрограда на Обуховский завод; выбрали для этого место у часовни на повороте дороги, достаточно глухое. Для того, чтобы остановить автомобиль, мы думали разбросать по дороге битого стекла или гвоздей и тем испортить шины, или бросить впереди автомобиля ручную бомбу военного образца. Слежку за Зиновьевым продолжали, не намечая пока конкретного плана. Одновременно мы вели слежку за Урицким, считая нужным убить и его. Слежку за Урицким по нашему поручению вела Коноплева, которая сняла для этого квартиру напротив его квартиры. Дальше мы намечали убийство Ленина и Троцкого. Для подготовки к этому, когда основная подготовительная работа к покушению на Володарского была более или менее налажена, были отправлены в Москву Гвозд, Зеленков и Усов; руководителем работы в Москве был назначен Гвозд.

Когда мы сочли технику к покушению на Володарского достаточно подготовленной, я обратился к Гоцу с запросом, считает ли он нужным ЦК перейти немедленно к действию. Гоц от имени ЦК предложил мне выждать некоторое (короткое) время. Для чего надо было выждать это короткое время, что могло измениться в ближайшем будущем, — для меня так и осталось невыясненным. Я вынес из беседы с Гоцем определенное впечатление, что у ЦК просто не хватает последней практической решимости, как зачастую это бывало с ЦК в решительные действенные моменты.

На другой день после моей беседы с Гоцем — Сергеев, отправляясь посмотреть, как пройдет в намеченном нами месте автомобиль Володарского, задал мне вопрос, как быть, если у него будет очень удобный случай убить Володарского. Я ответил, что в таком случае надо действовать. В этот день автомобиль Володарского по неизвестной причине остановился недалеко от намеченного нами места, в то время, когда там был Сергеев. Шофер начал что-то исправлять. Володарский вышел из автомобиля и пошел навстречу к Сергееву. Кругом было пустынно. Вдали — редкие прохожие. Сергеев выстрелил несколько раз на расстоянии двух-трех шагов, убил Володарского, бросился бежать. Сбежавшаяся на выстрел публика погналась за Сергеевым. Он бросил английскую военного образца бомбу (взвесив, что на таком расстоянии он никого не может убить). От взрыва преследующие растерялись. Сергеев перелез через забор, повернул в переулок, переехал реку и скрылся. Полдня скрывался в квартире Федорова, дня два в квартире Морачевского. Затем я его отправил в Москву» (Семенов Г. Боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917—1918 гг. Берлин, 1922. С. 27—28).

⁵⁰ Урицкий Моисей Соломонович (1873—1918). Член РСДРП, после II съезда РСДРП примкнул к меньшевикам. Неоднократно арестовывался и ссылся. Сотрудничал в венской «Правде». Вернувшись в марте 1917 г. в Петроград, вступил в группу «Межрайонцев», в числе членов которой VI съездом РСДРП(б) был принят в партию, избран членом ЦК. Член Петроградского ВРК, делегат 2-го Всероссийского съезда Советов, член ВЦИК. В октябре 1917 г. временный комиссар Министерства иностранных дел, с 23 ноября комиссар СНК во Всероссийской комиссии по делам созыва Учредительного собрания, комендант Таврического дворца. На второй день после разгона Учредительного собрания на

Урицкого было совершено покушение. В январе 1918 г. исполнял обязанности председателя ВЧК. С марта 1918 г. председатель Петроградской ЧК, с апреля нарком внутренних дел Северной области. Убит 30 августа 1918 г. в вестибюле здания Главного Штаба на Дворцовой площади народным социалистом, студентом Л.С. Канегиссером, мстившим за расстрел чекистами своего друга. Смерть Урицкого и покушение на Ленина стали для большевиков поводом для развязывания массового террора.

⁵¹ См. комм. 270 к разд. II.

⁵² Иванова (Иранова) Елена Александровна (1884–1937). Окончила женскую гимназию в Тифлисе и Бестужевские курсы в Петербурге. В 1907–1915 гг. работала библиотекарем. После 1917 г. служила конторщицей в Продпути, инструктором по образованию и библиотекарем во Всероссийском союзе кожевников, заведующей библиотечной секцией Московского губернского союза кожевников. Арестована 06.12.1921. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ была включена в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. На процессе социалистов-революционеров обвинялась в том, что входила в Боевую организацию ПСР под руководством Г.И. Семенова (Васильева) и была связной между ней и ЦК партии. На допросе отрицала свою принадлежность к какой-либо политической партии и заявляла, что «советской власти в общем сочувствует, но относится критически к некоторым ее мероприятиям». По итогам процесса была приговорена к высшей мере наказания, которая была заменена лишением свободы на 5 лет со строгой изоляцией. 12 июля 1926 г. предприняла попытку самоубийства. По окончании срока выслана в Самарканд на 3 года, в 1929 г. и 1930 г. срок ссылки продлевался еще на 1 год. В сентябре 1931 г. отправлена в ссылку в Нарым на 3 года, после чего срок ссылки продлевался (в 1933 г. на 2 года, в 1935 г. на 2 года). В 1937 г. арестована и расстреляна.

В последнем слове на процессе социалистов-революционеров 1922 г. обращаясь к судьям, заявляла: «Если бы я очутилась на свободе, то та же ненависть к вам и любовь к тому, что вы давите, определили бы линию моего поведения. [...] И я, рядовой член партии, беру на себя всю ответственность за все, что делал центральный комитет, потому что за время моей партийной работы я подчинялась директивам центрального комитета и его всемерно поддерживала. И еще второй раз отвечу на вопрос председателя. Если бы я очутилась теперь на свободе, я бы сделала тоже, что сделала раньше, я бы на V съезде голосовала также, как и на IV, также, как и раньше подчинялась бы его директивам. Этого не будет. И вы мне оставили одно счастье — умереть с теми, которых я считаю самыми близкими и дорогими для меня людьми» (Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 793).

⁵³ О том, как освещал этот сюжет Г.И. Семенов в своей брошюре, см. комм. 33 к наст. разд.

М.Я. Гендельман и другие подсудимые 1-й группы были склонны трактовать эту поездку Коноплевой и Ефимова (наличие ее не отрицалось), как сплошную рисовку Коноплевой, решившей поиграть в террористку, а участие в этой истории Ефимова объясняли его «романтическим» отношением к Коноплевой. М.Я. Гендельман в своей защитительной речи восклицал: «Я бы не считал себя вправе любопытствовать, не считал бы себя вправе поднимать завесу над этим путешествием, но когда граждане за свое увеселительное путешествие хотят расплачиваться головами живых людей, когда используют это, чтобы клеветать на

партию, тогда я смею поставить вопрос: для чего же они ездили и в частности, в какой роли Ефимов в этом опереточном путешествии: для того ли, чтобы поселившись под видом мужа и жены совершить покушение на Ленина, или для того, чтобы под видом покушения на Ленина проехаться в Москву». (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 35. Л. 37–38).

⁵⁴ Кашин Иван Прокофьевич (1886–?). Член ПСР, в 1905–1906 гг. член эсеровской боевой дружины в Петербурге. За участие в нападении на казначея корпуса пограничной стражи осужден на 8 лет каторги, которую в 1911–1914 гг. отбывал в Александровском центральном, с 1914 г. на поселении. В октябре 1917 — феврале 1918 г. член боевого отдела Военной комиссии при ЦК ПСР. Некоторое время вместе с Ефимовым заведовал экспедицией газеты «За народ». На процессе социалистов-революционеров заявил, что был членом ПСР до 1920 г. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нахождением за границей (в Дальневосточной республике). На процессе ПСР свидетель защиты. За «неправильную» линию на процессе подвергался давлению и угрозе предания суду. Член Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. В 1938 г. работал бухгалтером в артели «Технохимик»

⁵⁵ Тягунов-Ельшевич (Ельшевич-Тогунов) Сергей Терентьевич (?–1922). Член ПСР с 1904 г. В конце 1917 — начале 1918 г. прапорщик, член Военной организации ПСР. Обвинялся сибирскими чекистами в принадлежности к Сибирскому Крестьянскому Союзу (СКС). В ходе подготовки процесса социалистов-революционеров в мае 1922 г. дело на него было выделено из-за неразысканности обвиняемого.

О причастности Тягунова к покушению на В.И. Ленина в январе 1918 г. говорили на допросах Н.Н. Иванов (8 апреля 1922 г.) «В Сибири в 1919 г. я слышал от одного из офицеров, бывших в 1918 г. в Петрограде (он сочувствовал с.-р.), что в январе 1918 г. действительно было произведено в Петрограде покушение на ЛЕНИНА при его проезде на автомобиле с ПЛАТТЕНОМ, при чем это покушение было совершено какой-то военной группой при участии ТЯГУНОВА» (Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 435) и С.Е. Кононова (14 марта 1922 г.) «Прапорщика Тягунова С.Р. (вероятно, имеется в виду с.-р. — *Соет.*), бывшего весьма правым, я встречал в квартирах нашей военной организации. Однажды, когда я встретил его весной 1918 года на Николаевской улице в Питере недалеко от его квартиры, он пригласил меня к себе на квартиру, где находились еще несколько человек. Тягунов тогда рассказал о том, что ими произведено в январе месяце покушение на Ленина, при проезде последнего на машине. По автомобилю Ленина был сделан выстрел из винтовки. Выстрел был сделан в шины автомобиля с целью остановить автомобиль и сделать покушение на убийство Ленина. Сообщение Тягунова произвело на меня неприятное впечатление, так как я считал, что подобный поступок мог быть совершен белогвардейцами и монархистами. Тягунов мне сказал, что это покушение совершено военной организацией партии с.р. Тягунов мне даже называл имена участников покушения, которые в момент покушения были на улице в виде патруля. Имена этих участников я сейчас припомнить не могу...» (Там же. С. 45).

⁵⁶ Розмирович Елена Федоровна (1886–1953). Член РСДРП с 1904 г., в 1917 делегат 7-й (Апрельской) конференции РСДРП(б), член Всероссийского бюро военных организаций при ЦК РСДРП(б). С конца октября 1917 г. член следственной

комиссии Петроградского ВРК, член Петроградского ревтрибунала, с марта 1918 г. председатель следственной комиссии Ревтрибунала при ВЦИК. Член ВЦИК. В 1935–1939 г. директор библиотеки им. Ленина в Москве. Жена Крыленко.

⁵⁷ Мартыанов Николай Николаевич. Член ПСР. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нахождением за границей.

Характеризуя военную работу эсеров в 1918 г., в своей брошюре Семенов писал о роли Мартыанова: «Военная работа, насколько мне известно, шла слабо. [...] Были некоторые связи в военной среде; так, благодаря нашей старой петроградской связи со штабом Красной Армии, с.-р. Мартыанов (прапорщик, бывш. тов. прокурора Тифлисской судебной палаты), получил ответственный пост в Штабе, кажется, Восточного фронта. Через Мартыанова с.-р. полковник Махин был назначен командиром одной из армий Восточного фронта, стоящей около города Уфы» (Семенов Г. Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров. С. 35). «Одновременно с Махиным, — показывал на процессе социалистов-революционеров И.С. Дашевский, — было решено послать другого нашего давнишнего военного работника, еще по Петрограду, по фамилии Мартыанова, бывшего в небольшом чине, кажется в чине прапорщика или подпоручика, имевшего знакомство с Махиным, работавшего по установлению связи и информации. Кажется, он был назначен, к Махину именно на должность начальника связи штаба. В частности мы имели определенное предположение, что именно Мартыанов, известный нам с этой именно стороны, как чрезвычайно расторопный, распорядительный и пронирыливый работник, сумеет легче и быстрее всего организовать связь Махина с нашими товарищами как по ту, так и по эту сторону фронта. [...] Махин получил назначение, вместе с Мартыановым отправился на фронт и спустя некоторое время в районе Уфы перешел на сторону Самарского комитета Учредительного Собрания. Вместе с ним перешел и Мартыанов» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 26. Л. 409).

⁵⁸ Соколов Борис Федорович (1890–?). Член ПСР с 1907 г., врач. Арестовывался в 1910 и 1917 гг. В конце 1917 — начале 1918 г. входил в Военную комиссию при ЦК ПСР, и, по показаниям Л.И. Коноплевой, руководил Солдатским университетом. Член Учредительного Собрания от Юго-Западного фронта. Арестован 15 марта 1920 г. в Архангельске, в марте содержался в Бутырской тюрьме. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности.

⁵⁹ Брушвит Иван Михайлович (1880 — не ранее 1945). Учился в Петербургском горном институте, принимал активное участие в студенческом движении. В ноябре 1917 г. избран членом Учредительного Собрания. В июне 1918 г. один из организаторов самарского Комуча, товарищ председателя Комитета и управляющий ведомством финансов. В 1919 г. выехал за границу. В 1920–1922 гг. член Административного центра «Внепартийного объединения». С 1922 г. председатель Объединения российских земских и городских деятелей в Чехословацкой республике. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нахождением обвиняемого за границей. В мае 1945 г. арестован сотрудниками советских спецслужб и вывезен в СССР.

⁶⁰ Климущин Прокопий Диомидович (1887–?). Член ПСР с 1905 г. В феврале 1917 — октябре 1918 г. председатель Самарского ГК ПСР. В июне 1918 г. вошел в самарский Комуч, управляющий ведомством внутренних дел Комуча. После переворота адмирала А.В. Колчака на нелегальном положении. С 1920 г. в эмиграции. Входил в Пражскую группу ЗО ПСР. Участник Пражского восстания в мае 1945 г. После занятия Праги советскими войсками арестован органами госбезопасности и отправлен в СССР. По обвинению в антисоветской деятельности приговорен к 10 годам заключения в ИТЛ. Освобожден в 1956. По неподтвержденным данным поселился на Родине — в Куйбышевской области.

⁶¹ Нестеров И.П. Член ПСР. В июне 1918 г. в Самаре был членом Комуча. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нахождением за границей. На Первом съезде заграничных групп ПСР, проходившем 15–24 ноября 1923 г. в Праге, был избран в Областной комитет Заграничной организации.

⁶² Томашевич Вячеслав Фелицианович. Член ПСР, рабочий-боевик. Член боевой группы Семенова, по словам которого, входил в группу, созданную для подготовки покушения на поезд Троцкого. В сентябре 1918 г. арестован. Эмигрировал. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нахождением за границей.

⁶³ Махин Федор Евдокимович (1882–1945). В 1914 г. окончил Академию Генерального штаба. С 1906 г. в ПСР. Во время Первой мировой войны служил помощником начальника и начальником оперативного отделения штаба 8-й армии на Румынском фронте. Службу в царской армии завершил в звании полковника. Вскоре после октябрьского переворота создал подпольную офицерскую организацию. По решению ЦК ПСР весной 1918 г. поступил в Красную армию. В июле, командуя 2-й советской армией на уфимском участке Восточного фронта, с ближайшими сотрудниками штаба перешел на сторону Народной армии самарского Комуча. По свидетельству К.С. Бурезова, «МАХИН был назначен Главкомандующим силами, защищавшими Самару против наступавшей Красной армии, дней за пять до падения Самары. Уже при Директории МАХИН был подчинен атаману ДУТОВУ, чем и лишил Комитет Учредительного собрания поддержки, т.к. МАХИН был ДУТОВЫМ арестован» (Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 423). С 1920 г. в эмиграции. В 1920–1922 гг. входил в Совет «Внепартийного объединения». 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нахождением за границей. На I съезде заграничных организаций партии эсеров избран в Областной комитет Заграничной Организации. В 1941–1945 гг. служил в Народно-освободительной армии Югославии. Генерал-лейтенант (с 1944 г.). Скончался вскоре после возвращения из командировки в СССР.

⁶⁴ Породелов (Пораделов) Н.Н. Член ПСР, подполковник Генерального штаба, член штаба юнкерского восстания. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нахождением за границей. В брошюре Семенова ему посвящены следующие строки:

«На совместном заседании Военного Отдела и Бюро Военной Комиссии дня за два до разгона Учредительного Собрания был намечен Боевой Штаб: подполковник Генерального Штаба Пораделов (эсэровствующий, во время юнкерского восстания был членом штаба этого восстания), Оникко и я. [...] На первом же заседании Штаба по вопросу о конкретном плане выступления — столкнулись две точки зрения — Пораделова и моя. Пораделов предлагал следующий план: учтя точно наши военные силы, мы распределяем воинские части, и та или иная часть, по нашему предписанию, бросается на захват того или другого пункта — Смольного, телефонной станции и пр. Я считал этот план неосуществимым ибо, по моему убеждению, в нашем распоряжении не было войск (кроме Броневого дивизиона), которые двинулись бы по нашему предписанию» (Семенов Г. Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917–1918 гг. С. 12).

⁶⁵ В тексте опечатка, имеется в виду ДВР — Дальневосточная республика — временное государственное образование в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Образована в апреле 1920 г. в Верхнеудинске, ставшем ее столицей (впоследствии столицей была объявлена Чита). После успешного контрнаступления войск Народно-революционной армии в феврале 1922 г. против белогвардейцев и японцев Народное собрание ДВР постановило на всем русском Дальнем востоке объявить власть Советов и образовать Дальревком — временный верховный орган в крае. В ноябре 1922 г. ДВР вошла в РСФСР.

⁶⁶ Оникко Федот Михайлович (1880–1938). Один из организаторов трудовой группы в I Государственной думе, активный участник революции 1905–1907 гг. За участие в Кронштадтском восстании в июле 1906 г. приговорен к смертной казни, замененной на ссылку в Туруханский край, откуда он бежал за границу. После Февраля 1917 г. один из организаторов созыва Всероссийского съезда крестьянских депутатов, комиссар Свеаборгской крепости и генеральный комиссар Балтийского флота. После Октября 1917 г. создал беспартийную террористическую группу, деятельность которой была направлена на «изъятие всей большевистской головки», в первую очередь В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого в качестве заложников. Однако эти планы не встретили поддержки со стороны ЦК ПСР, который предложил Оникко распустить свою группу. Входил в состав эсеровской фракции в Учредительном собрании, принадлежал к той ее части, которая призывала к активным действиям против большевиков. С 1920 г. работал в советских учреждениях, в том числе инструктором-статистиком при Наркомстате. В то же время в 1922 г. заграничные эсеры сообщали о его расстреле большевиками на Волге в 1920 г.

⁶⁷ Не совсем ясно, о каком именно Мерхалеве идет речь. Дело в том, что характерной особенностью чекистских документов того времени является упоминание людей только по фамилии, без указания имени и отчества. Это весьма затрудняет работу исследователя, особенно в тех случаях, когда человек носил распространенную фамилию или когда в борьбе против большевиков принимало участие (а, следовательно, имели шансы попасть в чекистские документы) несколько членов одной семьи. В данном деле мы столкнулись как раз с последним случаем. Как выразился на процессе социалистов-революционеров 1922 г. Е.М. Тимофеев, «в природе существуют два брата Мерхалева — Дмитрий и Владимир Николаевичи», и по сведениям эсеров — обвиняемых первой группы, оба они в тот момент находились «в Москве в распоряжении ГПУ» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 23. Л. 142). Речь

же о братьях на процессе зашла потому, что обвиняемые настаивали на вызове Мерхалева в суд, в частности, потому, что по словам адвоката Тагера «свидетели Кашин и Мерхалев могут, по мнению обвиняемых, утверждать перед судом и показать о том, что те дружины, о которых говорится в обвинительном акте и которым придается значение органов террора и экспроприации ни в начальном его моменте, ни в последующие моменты такого характера не представляли ни по постановлениям, ни по директивам руководящих кругов той партии, к которой принадлежат обвиняемые» (Там же. Л. 78). В ответ на это ходатайство председательствующий на судебном заседании разъяснил, что «дело о Мерхалеве выделено за нерозыском. Ввиду этого, если защита сможет доставить Мерхалева на суд, то он будет фигурировать по этому делу в качестве обвиняемого». От имени обвиняемых ответил А.Р. Гоц: «Когда мы возбуждали вопрос о вызове новых свидетелей, мы между прочим возбуждали вопрос и о Мерхалеве Владимире Николаевиче. Мы знали и были осведомлены, что в обвинительном акте и в делах Революционного трибунала есть представление о выделении его дела за его нерозыском. В соответствующем месте дела имеется справка об этом Государственного политического управления. Основываясь, очевидно, на этой справке, Революционный трибунал отказал нам в вызове его в качестве свидетеля. На самом же деле разрешите доложить вам, что гражданин Мерхалев в настоящий момент содержится во внутренней тюрьме Главного политического управления. Постольку, поскольку показания Мерхалева — будут ли они даны нам в качестве свидетеля, или в качестве обвиняемого, — представляются нам очень важными, мы предлагаем, чтобы он был привлечен в зал суда. Дело в том, что, вероятно, в истории политических процессов впервые раздается требование со стороны обвиняемых [привлечь] кого-либо к делу в качестве обвиняемых. Но нас вынуждают к этому совершенно особые обстоятельства. Дело в том, что из первого списка свидетелей — в 36 человек трибуналом были вызваны 12 человек; из второго списка свидетелей — 5 человек, трибуналом был вызван — 1. Из последнего списка свидетелей, оглашенного здесь на суде — 19 человек; нам были допущены в качестве свидетелей со стороны трибунала только 8 человек. В силу этих соображений, мы и разрешили себе подобную просьбу по отношению к Революционному трибуналу, причем наша просьба не ограничивается одним Мерхалевым[...]» (Там же. Л. 136–137).

Здесь в разговор вступил государственный обвинитель Н.В. Крыленко, решивший уточнить, о каком же из братьев идет речь: «насколько я слышал, если я правильно слышал и не ошибся, вопрос поднят о Мерхалеве Владимире. Я не помню сейчас индивидуального тома и я боюсь, не происходит ли здесь ошибка в смешении имен и тот ли Мерхалев имеется в виду, о котором говорится тут. Ибо имеется еще Мерхалев Дмитрий» (Там же. Л. 140). Вероятно, Крыленко опирался на сведения из брошюры Г.И. Семенова, в которой значилось, что на IV съезде ПСР «Военная секция избрала новый состав Военной Комиссии при ЦК. В эту комиссию, утвержденную съездом» вошел, в частности и Дмитрий Мерхалев (Семенов Г. Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917–1918 гг. С. 10). По поводу же вызова «члена военной комиссии, Мерхалева, принимавшего участие в работе партии эсеров, в Петрограде в 17 и начале 18 года», в качестве свидетеля, — продолжал Крыленко, — «надлежит установить следующее: уже состоялось определение суда о том, что, если он сюда явится, или, если будет указано его действительное местопребывание, он подлежит здесь привлечению в

качестве обвиняемого», а потому его свидетельские показания не могут быть искренними и достоверными, т.к. он будет опасаться, что они будут свидетельствовать против него самого и могут стать основанием для его осуждения. В силу этого эти свидетельские показания не будут представлять никакой ценности. «Вот почему, опираясь на состоявшееся решение суда, я полагал бы, что, исходя из соображений того положения, которое занимает в процессе Мерхалев, вызов его сюда ни в качестве свидетеля, ни в качестве обвиняемого иметь места не может», — сказал в заключение Крыленко (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 23. Л. 141).

В ходе дальнейших попыток выяснить, какой же Мерхалев имеется в виду, последовало выступление защитника обвиняемых второй группы Овсянникова, утверждавшего, что, по сведениям его подзащитных, «здесь в Москве находится не тот Мерхалев, о котором идет речь в обвинительном акте и это чрезвычайно существенно», и разъяснение Е.М. Тимофеева, что обвиняемые первой группы полагают, что «согласно определению Верховного трибунала о Мерхалеве Владимире, члене Военной комиссии Центрального комитета партии эсеров, выбранном на 4-м съезде, о привлечении коего к делу, в случае обнаружения его местонахождения, определение трибунала уже состоялось». Завершил этот спор председательствующий, объявив: «Верховный трибунал определил: в отношении гражданина Мерхалева навести соответствующие справки, о каком Мерхалеве идет речь — о том ли, о котором трактует обвинительный акт, или о другом каком-нибудь. По получении соответствующих справок будет вынесено соответствующее решение» (Там же. Л. 142–144). К сожалению, в стенограммах судебного заседания больше нет никаких упоминаний кого-либо из братьев Мерхалевых, и окончательное решение этого вопроса требует дополнительного исследования.

⁶⁸ Павлов Владимир Евгеньевич. Член ПСР. Член Учредительного Собрания от Московской губернии. Принимал участие в издании газеты «Земля и воля», органа областного комитета центральной области ПСР, вышедшей в Москве с марта 1917 г. по май 1918 г. по инициативе Е.К. Брешко-Брешковской. В начале 1918 г. в качестве представителя бюро эсеровской фракции Учредительного собрания руководил в Москве работой военных дружин, создание которых, по свидетельству Г.Е. Ратнера, Павлов мотивировал «необходимостью партии быть вооруженной до зубов на всякий случай созыва Учредительного Собрания в Москве, или других вооруженных выступлений, или на случай охраны клубов и заседаний фракции Учредительного Собрания» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 25. Л. 283). Ратнер передал ему явки в районах и Павловым были созданы «небольшие распыленные, кустарно-сколоченные вооруженные силы» (Там же. Л. 284). В начале марта 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в анти-советской деятельности. Дело выделено за нерозыском.

⁶⁹ Фортунатов Борис Константинович. Член ПСР, депутат Учредительного Собрания от Самарской губернии, принимал активное участие в установлении власти Комуча. В июне 1918 г. вошел в Главный штаб по формированию вооруженных сил Комуча и управления всеми военными делами, однако, как свидетельствовал М.А. Веденяпин, «надо отдать должное Лебедеву и Фортунатову: насколько оба они храбрые рубаки и люди, ценные на фронте, настолько оказались совершенно непригодными к политической деятельности в Военном штабе. Присутствие наших товарищей в Военном ведомстве не поднимало престижа Комитета, но,

скорее даже роняло его. Оба они были все время на фронте, предоставив в центре хозяйничать одному Галкину, и на фронте были случаи, где они проводили свою политику, а не политику Комитета[...]» (Отчет члена Центрального комитета М.А. Веденяпина Центральному комитету партии социалистов-революционеров // Россия антибольшевистская. Из белогвардейских и эмигрантских архивов. М., 1995. С. 48). Позднее эмигрировал.

⁷⁰ Хреновский Константин Митрофанович. Член ПСР. Член Учредительного Собрания от Воронежской губернии. Делегат 8-го Совета ПСР от Бюро фракции ПСР в Учредительном Собрании. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нерозыском.

⁷¹ Сергеев Н. Член ПСР. Рабочий. В 1918 г. начальник Невско-Заставской эсеровской боевой дружины в Петрограде, входил в Центральный боевой отряд Семенова, участник ряда экспроприаций. 20 июня 1918 г. убил наркома по печати В. Володарского. В брошюре Г.И. Семенова характеризовался следующим образом: «Сергеев — рабочий маляр, много пострадавший в жизни от тяжелых материальных условий. До революции он был анархистом, входил в Петроградскую Анархистскую группу. После революции вступил в Партию с.-р.; в то время ему было около 30-ти лет. Маленький невзрачный человек с красивой душой, из незаметных героев, способных на великие жертвы. В нем все время горело желание сделать что-нибудь большое для Революции. Он был глубоко убежден, что большевиками делается губительное для Революции дело» (Семенов Г. Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917—1918 гг. С. 29). 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нерозыском.

⁷² Зейман Лев Эдуардович. Член ПСР. После Февраля 1917 г. член ВЦИК 1-го созыва. В январе — мае 1918 г. был представителем от ПСР в Петроградском совете рабочих и солдатских депутатов, где по поручению фракции ПСР протестовал против применения смертной казни, расстрелов и др. форм насилия, совершаемых большевиками. В мае 1918 г. делегат VIII Совета ПСР от Петрограда. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нерозыском.

⁷³ Зейме. Член ПСР. Входил в Василеостровскую боевую дружину, принимал участие в слежке за М.С. Урицким. По свидетельству С.Е. Кононова, был «такой лохматый и очень хвастливый». 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нерозыском.

⁷⁴ Гвоздь Иван Иванович. Член ПСР. Боевик, член Центрального боевого отряда Семенова, принимал участие в нескольких экспроприациях, по свидетельству Семенова, был руководителем работы отряда в Москве по подготовке покушения на В.И. Ленина, затем был отправлен в Казань для организации там отделения отряда. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нерозыском.

⁷⁵ Королев. Член ПСР. Член боевой группы Семенова, принимал участие в ряде экспроприаций, участвовал в слежке за В.И. Лениным, в подготовке покушения на Л.Д. Троцкого. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нерозыском.

⁷⁶ Рудзиевский В.И. В источниках встречается несколько вариантов написания этой фамилии: в списке эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности, — Груздневский, в брошюре Г.И. Семенова — Груздиевский. По свидетельству Семенова, Груздиевский входил в группу Ф. Каплан: «В ее группе оказалось, кроме ее, всего три человека: Пепеляев — старый каторжанин, с.-р., быв. матрос, Груздиевский — кажется, присяжный поверенный, эсерствующий, с сильным белогвардейским оттенком и Маруся — с.-р. лет 20-ти. Груздиевский и Пепеляев произвели на меня определенно отрицательное впечатление; Маруся — более благоприятное, но недостаточно определенное. Представление о терроре у них было совершенно дикое. Они, примерно, считали, возможным отравить Ленина и Троцкого, вложив что-нибудь соответствующее в кушанье, или подослать к ним врача, который привьет им опасную болезнь. [...] Прежде они думали убить Троцкого. Никакого конкретного плана у них не было. [...] Я решил не вводить Груздиевского и Пепеляева в группу. Марусю я допускал возможным использовать для слежки. Я предложил им не вести параллельной работы с нами; взять на себя слежку за кем-нибудь другим. Указал им на Дзержинского» (Семенов Г. Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917–1918 гг. С. 33–34).

⁷⁷ Новиков. Член ПСР. Рабочий. Член боевой группы Семенова, по свидетельству Семенова и по показаниям ряда подсудимых 2-й группы на процессе 1922 г. был вместе с Ф. Каплан на заводе Михельсона во время покушения на В.И. Ленина. Он сообщил Фанни Каплан о приезде Ленина и создал замешательство при выходе Ленина из помещения, чем и воспользовалась Каплан. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нерозыском.

⁷⁸ Гладков Николай Николаевич. Член ПСР. Рабочий. Член боевой группы Семенова, начальник Нарвской боевой дружины в Петрограде. Летом 1918 г. был послан в Саратов для организации там отделения Центрального боевого отряда. В сентябре 1918 г. арестован по связи с конспиративной квартирой в Москве, которую выдал арестованный в Саратове член боевой группы Семенова. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нерозыском.

⁷⁹ Штальберг Юрий. Член ПСР. В 1918 г. член Военной комиссии при Московском Бюро ЦК ПСР. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нерозыском.

⁸⁰ Архипов. Член ПСР. В конце 1917 г. на конференции эсеровских военных работников Петрограда был избран в Петроградскую Военную комиссию. 24 фев-

раля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нерозыском.

⁸¹ Болдырев А.К. Член ПСР. В конце 1917 г. на конференции эсеровских военных работников Петрограда был избран в Петроградскую Военную комиссию. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нерозыском.

⁸² Бианки Виталий Валентинович (1894–1959). Прапорщик. В конце 1917 г. на конференции эсеровских военных работников Петрограда был избран в Петроградскую Военную комиссию. Помощник руководителя Окружного отдела Военной комиссии при ЦК ПСР. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности (в списке его фамилия ошибочно была напечатана как Блинин). Дело выделено за нерозыском. В 1923 г. начал печататься. Был арестован и с 15.01 по 25.02.1925 находился в Бутырской тюрьме (ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 141. Л. 54–58, 66). Впоследствии известный советский писатель, автор книг для детей о жизни природы.

⁸³ Блюменталь М.А. Член ПСР. Прапорщик. В конце 1917 г. командир одной из батарей Артиллерийской бригады, недолгое время осуществлял руководство боевыми дружинами при Петербургском Бюро ЦК ПСР (март-апрель 1918 г.). 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нерозыском.

⁸⁴ В документе ошибка, правильно — Вакулин. Начальник эсеровской Московско-Заставской боевой дружины в Петрограде, член боевой группы Семенова. Летом 1918 г. был направлен в Казань для организации там отделения Центрального боевого отряда. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нерозыском.

⁸⁵ Гинзбург Моисей Абрамович. Член ПСР. Прапорщик. В марте 1917 г. «комендант» Московского района в Петрограде, по свидетельству Г.И. Семенова, в ходе подготовки антибольшевистского выступления «в стратегических целях Петроград был нами поделен территориально на участки — “комендатуры” и был создан Боевой Штаб для руководства выступлением. Во главе каждой “комендатуры” стоял назначенный Бюро Военной Комиссии комендант, который должен был держать непрерывную связь с полковыми комитетами и нашими группами в воинских частях его участка, направлять работу наших групп, завязывать нужные новые связи, выяснять месторасположение оружейных складов, силу их охраны; в момент же нашего выступления комендант должен был руководить движением частей по указаниям Боевого Штаба. В первое время существования комендатуры подчинялись непосредственно Бюро Военной Комиссии. После создания Штаба, они были в непосредственном подчинении Штабу, являясь как бы его шупальцами по участкам» (Семенов Г. Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917–1918 гг. С. 21–22). Деятельность его в 1920 г. описана в воспоминаниях Н. Безпалова «Исповедь агента ГПУ»: «По постановлению “народовоского” ЦБ, с началом русско-польской войны, был образован и отправлен на

польский фронт партийный отряд. Отряд предназначался для подрывных работ в тылу противника и состоял в непосредственном ведении Реввоенсовета Западного фронта. Начальство над отрядом поручено было [М.А.] Гинзбургу. В самом начале организации отряда, Гинзбург ввел в него бывшего провокатора, агента охраны. То, что его протеже — охранник, Гинзбург знал. Старый провокатор вступил в связь с польской контрразведкой. Таким образом, почти все шаги отряда заранее становились известными польскому штабу.

На фронте Гинзбург предпринял ряд действий не военного характера без разрешения ЦБ. [...] Параллельно фронтовой и за-фронтовой работе Гинзбург упорно настаивал на необходимости вести подготовку для “работы внутренней” — к свержению большевиков. В этом отношении деятельность его была сильно подозрительна. Для нужд своего отряда он получал в больших количествах взрывчатые вещества, часть их он отправлял внутрь России — “для будущего”. [...]

Полное сочувствие и поддержку своей деятельности Гинзбург нашел в Вольском. Напротив, ряд членов ЦБ — Буревой, Затейшиков, Н. Смирнов и некоторые другие — не сочувствовали слишком авантюристической деятельности Гинзбурга. Почему они не прекратили таковую вовремя? Не знаю. Может быть, разгадка лежала в том, что Гинзбург умел держать в денежной зависимости от себя все ЦБ. Он получил деньги от Реввоенсовета на нужды отряда и часть их передавал ЦБ. Насколько же, В.К. Вольский слепо следовал Гинзбургу, видно из следующего факта. От членов отряда на имя ЦБ в руки Вольского попало письмо, в котором перед ЦБ разоблачалась деятельность Гинзбурга по отряду. Вольский скрыл от ЦБ письмо. Позже, летом 1922 г., на площадке 5 этажа «Дома крестьянина» в Москве, где жил Несмеянов, Буревой сообщила мне, что Вольский скрыл не только письмо, но не передал Центральному бюро и 40 тысяч рублей. Гинзбург принял меры к устранению мешавших ему членов ЦБ. Так он объявил в отряде, что Буревой, Н. Смирнов и Затейшиков являются агентами-провокаторами ВЧК. На этих трех лиц предпринято было покушение, окончившееся неудачей по совершенно случайным обстоятельствам. [...]

Наконец отряд проваливается. Провокатор выдает членов отряда, пробравшихся за фронт и едущих по подложным паспортам будто бы для организации покушения на генерала Желиховского... Гинзбурга в мае 1921 г. исключают из «народовской» организации. Вольский устраивает в ЦБ скандал и остается при «особом мнении». Он против исключения. Несколько месяцев спустя с юга приходят вести, что Гинзбург разбегает по «народовским» организациям, выдает себя за уполномоченного ЦБ и от его имени отдает приказ готовиться к восстанию против советской власти. Организации стараниями Гинзбурга разрушаются.

Следственная комиссия должна была установить:

1) Не является ли Гинзбург агентом контрразведки одной из держав?

Основания для подозрения: приглашение в отряд заведомого провокатора, оказавшегося агентом польской контрразведки. Не был ли это провокатор простым орудием Гинзбурга?

2) Не являлся ли Гинзбург агентом-провокатором ВЧК? Основания: история с динамитом и действия Гинзбурга на юге после исключения.

3) Участие в делах Гинзбурга Вольского.

О дальнейшей судьбе Гинзбурга я имею следующие сведения. После похождения на юге Гинзбург скрылся. ВЧК делала вид, что интересуется им и розыскивает

его. Предлагала даже одному из членов отряда, вернувшемуся из Польши, взяться за дело розыска его. Затем весной или летом 23 г. Гинзбург был узан Семеновым-Васильевым в Харькове в кафе, в компании местных чекистов. Семенов арестовал Гинзбурга и отправил его в Москву. ГПУ сослала его в Ташкент» (Безпалов Н. Исповедь агента ГПУ. Прага: Воля России, 1925. С. 77–79). 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нерозыском. В мае 1922 г. находился в Бутырской тюрьме и был освобожден.

⁸⁶ Герман Иван Яковлевич (1889–1972). Окончил юридический факультет университета, работал присяжным поверенным. Начинал свою деятельность помощником адвоката Ф.Н. Плевако. В Первую мировую войну — офицер для поручений при штабе 8-й армии генерала от кавалерии А.А. Брусилова. Член Военной организации ПСР. В 1920 г. эмигрировал в Париж. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нерозыском.

⁸⁷ Гребенщиков. Начальник Обуховской районной боевой эсеровской дружины в Петрограде. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нерозыском.

⁸⁸ Донченко Алексей Иванович (1882–1937). Член ПСР с 1904 г. В ноябре 1905 г., находясь на военной службе, принял участие в вооруженном восстании в Севастополе и был приговорен к каторжным работам. Провел полтора года в заключении в Севастополе, затем три с половиной года в Смоленской каторжной тюрьме. С 1910 г. находился на поселении в Иркутской губернии. После мартовской амнистии 1917 г. поселился в Николаеве. По утверждению Г.И. Семенова, после разгона Учредительного Собрания Донченко активно работал в Штабном отделе Военной организации ПСР. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело было выделено за нерозыском. Позже проживал под Харьковом и работал кузнецом в артели «Интернационал».

⁸⁹ Егоров Михаил Федорович. Член Военной комиссии ЦК ПСР, утвержденной 4-м съездом партии. Член Учредительного Собрания от Смоленского избирательного округа. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нерозыском.

⁹⁰ Зайцев. Член Военной комиссии ЦК ПСР, избранной на IV съезде партии. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело прекращено за нерозыском.

⁹¹ Мавринский. Член ПСР. В конце 1917 г. на конференции эсеровских военных работников Петрограда был избран в Петроградскую Военную комиссию. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нерозыском.

⁹² По всей видимости, речь идет о Мартынове М.Н. (М.), члене ПСР, члене Временного Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, стоявшего на платформе защиты Учредительного собрания, делегата ВЦИК 3-го созыва, делегата 8-го Совета партии от Архангельской губернии.

⁹³ Никаноров М.К. Член ПСР. Член ВЦИК 1-го созыва. Член Военной комиссии ЦК ПСР, избранной на IV съезде партии, и один из редакторов журнала «За народ», издававшегося в декабре 1917 г. в Петрограде Военной комиссией ЦК ПСР.

⁹⁴ Смиренин. Член Военной комиссии ЦК ПСР, избранной на IV съезде партии. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нерозыском.

⁹⁵ Усенко. Член фракции ПСР в Петроградском совете рабочих и солдатских депутатов. Руководитель Технического отдела, техник, член Комитета Химического батальона, секретарь Бюро Петроградской Военной комиссии ПСР. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нерозыском.

⁹⁶ В книге «Сентиментальное путешествие» В.Б. Шкловский так описывал этот период своей жизни: «Итак, пришли ко мне и сказали: “Мы готовимся сделать восстание, у нас есть силы, сделайте нам броневой дивизион”. Познакомили меня с тем, который руководил прежде броневым дивизионом, приехавшим в Питер. Меня солдаты моей части очень любили; узость моего политического горизонта, мое постоянное желание, чтобы все было вот сейчас хорошо, моя тактика, — а не стратегия, — все это делало меня понятным солдатам. [...] Задача захватить боевые машины — по существу дела — возможная. Для этого нужно иметь своего человека при машинах, лучше — при всех машинах, но — во всяком случае — человека, который мог бы помочь в заправке и заводке машин, подготовить их. Потом нужно прийти и взять машины. [...] Я пошел к своим старым шоферам, они были везде, где были машины: в Михайловском манеже, в скетинг-ринге, на Каменностровском, в броневых мастерских. Впоследствии большевики неоднократно передвигали машины с места на место, например, одно время сосредоточили их в Петропавловской крепости, но наши люди следовали за своими машинами, а если их удаляли, то мы посылали других. [...] Из моих же шоферов многие, кроме того, сильно любили Россию, и ничего больше России. Таким образом, у меня всегда были свои люди в броневых частях. Дальше шло “окружение гаражей”, то есть мы снимали вокруг гаража квартиры, чтобы иметь возможность, собравшись маленькими группами, незаметно выйти потом и войти в гараж. Что мы думали делать дальше? Мы хотели стрелять. Бить стекла. Мы хотели драться. [...] А шоферы, кроме того, не любили уже начинающий слагаться тип комиссара; они возили его и ненавидели. [...] Организация, к которой я принадлежал, не считала себя партийной; это все время подчеркивалось. Скорее это были остатки комитета по защите Учредительного собрания, так что в ней люди были по мандату частей, а не партий. Беспартийность организации особенно подчеркивал Семенов. [...] Организация решила вливать в Красную армию своих людей; людей решили посылать двух родов: крепких и бойких, которые должны были быть у начальства на хорошем счету, а среди товарищей пользоваться авторитетом, и плакс, которые должны были деморализовать части своими жалобами. Очень хитро придумали. Но посы-

лать было, кажется, некого. Удалось занять главным образом штабные места. [...] А мы собирались в ночи, назначенные на выступление, по квартирам, пили чай, смотрели свои револьверы и посылали вестовых в гаражи. Я думаю, женщине легче было бы родить до половины и потом не родить, чем нам это делать. Страшно трудно сохранять людей при таком напряжении, они портятся, загнивают. Сроки проходили. Я думаю, что у организации в это время почти не было сил, боевиков было человек двадцать. Имелись части, которые должны были присоединиться, но все знали — кроме тех минут, когда не хотели знать — что это страшно ненадежно. [...] В это время меня вызвали в Чека, потому что ко мне зашел Филоненко. [...] Его выследили, и за ним ходили попятям. Он зашел ко мне, ел у меня, пил кофе, а на другой день у моего дома стояло штук восемь чекистов. Я раскланивался с ними, проходя мимо них. Они отвечали. Меня вызвали в Чека, допрашивал Отто. Спросили: знаю ли я Филоненко? Я ответил, что знаю, и признал, что он ко мне заходил. Меня спросили — зачем? Я ответил, что для справки о знаках зодиака. Как это ни странно, но это была правда. Филоненко увлекался астрологией. Следовательно предложил мне дать показание о себе. Я рассказал ему о Персии. Он слушал, слушал конвойный и даже другой арестованный, приведенный для допроса. Меня отпустили. Я профессиональный рассказчик» (Шкловский В.Б. Сентиментальное путешествие. С. 145–150).

⁹⁷ Вероятнее всего, речь идет о П.Д. Яковлеве, в годы гражданской войны одним из руководителей Иркутской организации ПСР.

⁹⁸ Полковников Георгий Петрович (1883–1918). Окончил Симбирский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище. В составе 19-го Донского казачьего полка участвовал в русско-японской войне. В 1912 г. окончил Академию Генштаба. Участник первой мировой войны. С февраля 1917 г. начальник штаба конной дивизии, с июня командир 1-го Амурского казачьего полка. 4 сентября назначен командующим Петроградским военным округом. Комитетом спасения родины и революции был назначен командующим частями юнкеров, в ночь на 29 октября 1917 г. выступивших против захвата власти большевиками. Издал приказ № 1 войскам гарнизона, в котором объявил себя командующим «войсками спасения», запретил исполнять приказы ВРК, требовал ареста его комиссаров, приказал прислать представителей от всех воинских частей в Николаевское инженерное училище, где находились руководители восстания. В последнем слове на процессе социалистов-революционеров 1922 г. председатель Комитета спасения родины и революции А.Р. Гоц, возражая М.Н. Покровскому, утверждавшему, что «Полковников был выдвинут в качестве руководителя потому, что необходимо было заручиться симпатией казачьих частей, потому что социалисты-революционеры хотели опереться на эту реакционную часть Петроградского гарнизона», так объяснил свое решение поставить Полковникова «во главе движения 29 октября»: «Полковников был выдвинут потому, что он представлял из себя способного, энергичного и решительного военного специалиста. [...] Да, несомненно, с политической точки зрения мы имели основание больше доверять тогда нашему товарищу Краковецкому, но я лично считал его недостаточно решительным человеком, недостаточно инициативным и предприимчивым.

Я считал его, и это убеждение разделяли все товарищи, которые имели возможность ближе с ним работать, я считал его прекрасным Начальником штаба, но плохим Главкомандующим, и поэтому он был назначен в качестве помощника

Начальника штаба полковника Полковникова. [...] Полковник Полковников, если и возбуждал в нашей среде какие либо опасения, то не со стороны своей прикосновенности к черносотенному лагерю, а со стороны своего некоторого мягко-сердечного отношения к большевикам. Он был некоторыми моими товарищами заподозрен в чрезмерной уступчивости и склонности идти на компромиссы с большевиками. Вот в чем его обвиняли в записках Керенского, которые приобщены к делу, как раз на эту сторону обращают внимание. Я очень внимательно отнесся ко всем тем упрекам и убедился, что тогда, по крайней мере, эти упреки были не справедливыми и тогда я со спокойной совестью назначил его руководителем движения 29 Октября» (Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 762). После разгрома юнкерского восстания бежал на Дон. В марте 1918 г. арестован и казнен по приговору Ревтрибунала.

⁹⁹ Лихач Михаил Александрович (1887–1931). Учился в Петербургском и Московском университетах (курс не окончил). Член ПСР с 1904 г. Неоднократно арестовывался. Участник 1-й мировой войны, произведен в офицеры. После Февральской революции член и председатель армейского комитета 12-й армии Северного фронта. Делегат IV съезда ПСР, на котором избран членом ЦК, делегат 8-го Совета партии. Летом 1918 г. по поручению ЦК ПСР был направлен в Архангельск для организации антибольшевистского восстания. Член ВУСО, управляющий отделами труда и народного образования. В сентябре 1918 г. выехал в Сибирь. После колчаковского переворота арестован, после освобождения занимался кооперативной деятельностью. Арестован 26 января 1921 г., содержался во Внутренней тюрьме ГПУ. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. По итогам процесса был приговорен к высшей мере наказания, которая была заменена лишением свободы на 5 лет со строгой изоляцией. По окончании срока 25 января 1926 г. выслан в Воронеж на 3 года, после чего срок дважды продлевался еще на 1 год. В 1930–1931 гг. содержался в Челябинском политизоляторе, где и умер от воспаления легких.

В последнем слове на процессе социалистов-революционеров 1922 г. акцентировал внимание на особенностях процесса, выделявших его из множества других политических процессов того времени не только в России, но и в мировой практике: «Как-никак судят социалистическую революционную партию, побежденную в гражданской войне[,] но судит не буржуазное правительство, победившее в войне, а судит партия, называющая себя также социалистической и также революционной» (Цит. по: Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 781).

¹⁰⁰ Членов С.В. Защитник подсудимых 2-й группы на процессе социалистов-революционеров 1922 г.

¹⁰¹ Крыленко Николай Васильевич (1885–1938). Окончил юридический и историко-филологический факультеты Петербургского университета. Член РСДРП с 1904 г. С 1918 г. — в Верховном революционном трибунале при ВЦИК, в 1922 г. председатель коллегии Верхтриба и один из государственных обвинителей на процессе социалистов-революционеров. С декабря 1922 г. — заместитель народного комиссара юстиции и старший помощник прокурора Республики, с 1928 — прокурор РСФСР. С 1931 г. — нарком юстиции РСФСР, с 1936 — нарком юстиции СССР. В 1938 г. расстрелян.

¹⁰² Кватроцентио (Кватроченто) — итальянское наименование XV века.

¹⁰³ Кон Феликс Яковлевич (1864—1941). Участвовал в польском революционном движении с 1882 г., в 1883 г. поступил на юридический факультет Варшавского университета, в 1885 г. был арестован и приговорен к 10 годам и 8 месяцам каторги. В 1904 г. вернулся в Варшаву и вошел в левое крыло Польской социалистической партии. Осенью 1918 г. перешел на позиции большевиков и вступил в РКП(б). В 1921 г. секретарь ЦК КП(б)У, в 1922 г. переехал в Москву, член комиссии ИККИ по подготовке процесса социалистов-революционеров, защитник обвиняемых 2-й группы. В 1922—1923 гг. секретарь ИККИ. Член Общества старых большевиков, редактор газеты «Красная звезда» (до 1928 г.), член ЦИК СССР, руководитель Всесоюзного комитета радиовещания СССР, член коллегии Наркомата почт и телеграфов СССР. Умер во время эвакуации из Москвы.

¹⁰⁴ Дашевский путает — В.М. Зензинов принял решение о вступлении в БО ПСР во время I съезда ПСР в конце декабря 1905 — начале 1906 г., который проходил в Финляндии на Иматре, и заявил там же об этом главе БО ПСР Е.Ф. Азефе (Б.В. Савинков возглавлял БО ПСР только в 1909—1911 гг.). В БО ПСР В.М. Зензинов пробыл только до весны 1906 г., занимаясь подготовкой покушения на «усмирителей» Московского декабрьского восстания Мина и Римана, а затем отправился на партийную «крестьянскую работу».

Его взгляды на террор и террористов в начале века и много лет спустя уже в эмиграции, лучше всего характеризуют его воспоминания: «В наших бесконечных душевных разговорах мы столько раз говорили между собой о терроре. Для нас, молодых кантианцев, признававших человека самоцелью и общественное служение обусловливающим самоценностью человеческой личности, вопрос о терроре был самым страшным, трагическим, мучительным. Как оправдать убийство и можно ли вообще его оправдать? Убийство при всех условиях остается убийством. Мы идем на него, потому что правительство не дает нам никакой возможности проводить мирно нашу политическую программу, имеющую целью благо страны и народа. Но разве этим можно его оправдать? Единственное, что может его до некоторой степени, если не оправдать, то субъективно искупить, это принесение при этом в жертву своей собственной жизни. С морально-философской точки зрения акт убийства должен быть одновременно и актом самопожертвования. Так думали и так чувствовали террористы того времени, так думал и Степан Балмашов, застреливший 2 апреля 1902 года министра внутренних дел Сипягина. Он убил, но одновременно принес в жертву и себя самого. Убийство было совершено среди бела дня в Петербурге в здании министерства внутренних дел и Балмашов не сделал попытки спастись после убийства. Балмашов был повешен и умер героем. Его подвиг на всё наше поколение произвел глубочайшее впечатление — в лице Балмашова мы чтим человека, показавшего на деле, на что способен революционер-идеалист, отдающий свою жизнь во имя общего блага. На террор мы смотрели, как на предельное выражение революционного действия, к исполнителям террористических актов — одновременно героям и жертвам — относились с благоговением.

[...] Сейчас, через много лет и после всего с тех пор пережитого, быть может, и не так легко понять со стороны психологию и мораль террориста и здесь я вовсе не хочу заниматься апологией — а тем более проповедью! — террора — я пытаюсь его лишь объяснить.

У политического террора русских революционеров были свои исторические традиции. Основной чертой русского политического террора, как его практиковала в конце семидесятых годов прошлого столетия знаменитая революционная партия «Народная Воля», убившая — после пяти неудачных покушений — 1-го марта 1881 г. императора Александра II-го, а затем и наша партия, считавшая себя политической наследницей. “Народной Воли”, была высокая политическая и личная мораль самих террористов. В этом нет никакого парадокса. Да, люди, бравшиеся за страшное оружие убийства — кинжал, револьвер, динамит — были в русской революции не только чистой воды романтиками и идеалистами, но и людьми наибольшей моральной чуткости! Они шли на убийство человека лишь после тяжелой и долгой внутренней душевной борьбы, лишь после того, как сами приходили к убеждению, что все мирные средства исчерпаны и бесполезны. Для понимания террора очень характерно и интересно то заявление, которое партия “Народной Воли” сделала в сентябре 1881 года по случаю убийства президента Северо-Американских Соединенных Штатов Джемса Гарфильда, назвав это убийство преступлением. Террористическая партия, сама только что убившая царя, сурово осудила убийство президента в стране, где была возможность свободной политической борьбы.

В глазах русских террористов политическое убийство было последним и высшим актом человеческой активности во имя общего блага, актом справедливости прежде всего — и морально оно в глазах самого террориста могло быть оправдано до некоторой степени — только до некоторой степени! — лишь тем, что террорист отдавал при этом свою собственную жизнь. Но преступлением в его собственной оценке оно всегда оставалось. Егор Сазонов, убивший 15 июля 1904 года министра Плеве, через несколько лет с каторги писал Савинкову: “Сознание греха никогда не покидало меня”. Это был тот самый Сазонов, который за месяц до выхода с каторги добровольно покончил с собой в знак протеста против телесного наказания, которому подвергли на каторге одного из его товарищей... Жизнь и судьба террориста — всегда драма, всегда трагедия.

Отношение к террору у социалиста-революционера было почти благоговейное — другого слова я не найду. Хорошо выразил это один участвовавший в Боевой Организации рабочих (Иван Двойников, рабочий из Сормова, близ Нижнего Новгорода). Он как-то сказал: “Я не достоин идти на такое дело. До того, как я поступил в партию, я вел нетрезвую жизнь — пил и гулял, а на это дело надо идти в чистой рубашке”. В конце концов он пошел и оказался на высоте до последнего момента. Он был затем арестован вместе с Савинковым в Севастополе в мае 1906 года и приговорен к каторжным работам.

По вере террориста, акт его последнего самопожертвования должен зажечь сердца тысяч других людей волей к борьбе за общее благо. — “О, смелый сокол! В бою с врагами истек ты кровью, но будет время — и капли крови твоей горячей, как искры вспыхнут во мраке ночи и сотни храбрых сердец зажгут они безумной жадной свободой, света!” — Так писал в те годы Максим Горький, и его слова находили горячий отклик в сердцах русской молодежи. Террористический акт — это не столько акт мести или расправы, сколько призыв к действию, к самопожертвованию — на благо родины, народа, во имя человечества. Как хорошо говорил о переживаниях террориста Каляев (по воспоминаниям Сазонова):

«Да не посмеет никто сказать про нашу организацию, что в нее идут люди, которым все равно нет места в жизни. Нет, только тот имеет право на свою и на чужую жизнь, кто знает всю ценность жизни и знает, что он отдаст, когда идет на смерть и что он отнимает, когда обрекает на смерть другого. Жертва должна быть чистой, непорочной и действительно жертвой, а не даром, который самому обладателю опостылел и не нужен. Поэтому, прежде чем стучаться в дверь Боевой Организации, пусть каждый из нас строго испытает себя: достоин ли он, здоров ли, чист ли... В святилище надо входить разутыми ногами» (Зензинов В.М. Пережитое. Нью-Йорк, 1953. С. 107–108, 270–272).

¹⁰⁵ Рокамболь. Литературный персонаж французского писателя XIX века Понсона дю Террайля, авантюрист, проходимец и мошенник.

¹⁰⁶ Немцов Николай Михайлович (1879–1938). Член РСДРП с 1897 г. В 1919–1921 гг. секретарь Тамбовского губкома РКП(б). С 1922 г. заместитель председателя, председатель Судебной коллегии по уголовным делам Верхтриба, Верховного суда РСФСР.

¹⁰⁷ Е.М. Ге-ги — Евгения Митрофановна Георги (в замужестве Очан).

¹⁰⁸ Примак Иван Юлианович (1891–?). Член ПСР. «Пятнадцатилетним юношей принял Примак участие в подготовляемом террористическом акте, был арестован и приговорен к повешению. Как подростку, не достигшему еще совершеннолетия, смертная казнь была заменена пожизненным заключением в крепость. Пятнадцать лет провел он в одиночном заключении, кажется, Орловского центра. Освободила его Февральская революция 1917 года. Сесть пятнадцати лет, выйдти на волю тридцати...

С грустной улыбкой он рассказывал, что когда его вызвали в тюремную контору, сообщили об освобождении и выдали чемоданчик с его личными вещами, он, не веря ни во что, спешил выбраться из стен тюрьмы. Неуверенно, прижимаясь к стенам домов, спешил он уйти как можно дальше от тюрьмы. Он не верил в свободу, он разучился общаться с людьми. Вышел он из тюрьмы с совершенно разрушенным здоровьем» (Олицкая Е. Мои воспоминания: В 2 т. Франкфурт-на-Майне, 1971. Т. 1. С. 203). Арестован в Харькове в мае 1923 г. В августе 1923 г. осужден на 3 года лишения свободы, с сентября 1924 г. на Соловках, в Савватьевском скиту. Е. Олицкая вспоминала о нем: «Примак был по темпераменту активным, решительным, упорным. Он стоял среди тех, кто считал, что мириться с завинчиванием режима нельзя. Он рассказывал мне о борьбе, которую вели заключенные за режим в царских тюрьмах. Он говорил, что сдача позиций, уступки заключенных под нажимом по мелким вопросам, ведет к сдаче всех позиций, к разложению, ослабляет сопротивляемость коллектива. Но выговорить слово “голодовка” ему было трудно. Примак был тяжело болен. Его включили в список тех больных товарищей, о вывозе которых на материк настаивали заключенные. Он знал, что в случае голодовки, коллектив запретит ему, как больному, принимать в ней участие. И все же он не считал возможным подачу заявления с требованиями без указания, чем они подкрепляются» (Там же. С. 245–246). В декабре 1924 г. вывезен с Соловков и сослан в Усть-Цильму. В 1931 г. сослан в Актюбинск. Дальнейшая судьба составителям неизвестна.

¹⁰⁹ Морозов Сергей Владимирович (1886–1923). Член ПСР с 1904 г., учитель. В 1906–1909 г. отбывал 4 года каторги за революционную деятельность, в 1915 г. снова приговорен к каторге за побег. После Февральской революции освобожден.

На 8-м Совете партии в 1918 г. избран в ЦК ПСР. В августе 1919 г. арестован в Москве, 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. На процессе обвиняемый первой группы. Приговорен к высшей мере наказания, замененной лишением свободы с содержанием в строгом заключении. Протестуя против бесчеловечных условий содержания политзаключенных, покончил жизнь самоубийством (вскрыл вены). В предсмертном письме к родным объяснял свое решение: «Устал от тюрьмы, тюремных невзгод, а впереди все тоже и тоже. Но в прошлом своем я не раскаиваюсь. Судьба не раз предоставляла мне возможность изменить свою жизнь, но освобождаясь из тюрьмы[,] я всегда шел снова той же дорогой, какой, простите пошел бы и теперь. Это было жестоко по отношению Вас, не было возможности заботиться о Вас, давать Вам радость, но иной жизнью я жить[,] очевидно, не мог. Мой путь оказался мне не по плечу, я ухожу, но с сознанием исполненного, насколько позволяли силы, долга и честно прожитой жизни. И только мысль о Вас меня тяготит» (Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 583–584).

¹¹⁰ Вероятно, имеется в виду А.И. Щесневская (см. комм. 83 к разделу III).

Список сокращений

адм.	– администратор, администрация, административный
АН	– Академия наук
б.	– бывший
б.м., бм	– быть может, типичное сокращение в документах В.Н. Рихтера и его жены
БО	– Боевая организация
БСЭ	– Большая Советская Энциклопедия
вел. кн.	– великий князь
Верх. Суд, ВС	– Верховный Суд
Верхтриб	– Верховный Революционный Трибунал при Президиуме ВЦИК
Викжель	– Всероссийский Исполнительный комитет железнодорожных профсоюзов
В.К.	– Военная Комиссия
ВКВС	– Военная Коллегия Верховного Суда
ВКП(б)	– Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)
ВМН	– Высшая мера наказания
внутр.	– внутренний
ВО	– Военный округ
ВОбПКиС	– Всесоюзное общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев
воен.	– военный
ВРК	– Военно-революционный комитет
Вр. Пр., Врем.	– Временное Правительство
Прав., Вр. Прав.	– Временное Правительство
ВСКД	– Всероссийский Совет крестьянских депутатов
ВСНХ	– Высший совет народного хозяйства
ВУС	– Всероссийское Учредительное Собрание
ВУСО	– Временное управление Северной областью
ВУЧК	– Всеукраинская Чрезвычайная комиссия
ВЦИК	– Всероссийский центральный исполнительный комитет
В.Ч.К., ВЧК	– Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем
г., гор.	– год, город
ГАРФ	– Государственный архив Российской Федерации

ГК	– губернский комитет
Глав. Зем. Ком.	– Главный Земельный Комитет
Главлеском	– Главный лесной комиссариат
Гл. Шт.	– Главный Штаб
ГО ПСР	– губернская организация ПСР
ГОРНО	– Городской отдел народного образования
Гос.	– государственный
госземля	– государственная земля
ГПУ	– Государственное Политическое Управление при НКВД РСФСР
гр., гр-н, гр-ка	– гражданин, гражданка
ГРУ МО	– Государственное разведывательное управление Министерства обороны
губземотдел	– губернский земельный отдел
губком	– губернский комитет
губнаробраз	– губернский комитет народного образования
губревтрибунал	– губернский революционный трибунал
ГУГБ	– Главное управление государственной безопасности
ГУРКМ	– Государственное управление рабоче-крестьянской милиции
губчека	– губернская чрезвычайная комиссия
ДагАССР	– Дагестанская Советская социалистическая республика
демокр.	– демократы, демократия, демократический
ДП	– Департамент полиции
Е.В.Б.	– Его Высокоблагородие
единогл.	– единогласно
жел. дорожн., ж.д.	– железно-дорожный
зап.	– запад, западный
Запсибкрай	– Западно-Сибирский край
засед.	– заседание
ЗД	– заграничная делегация
Земгор	– Земско-городской союз
ЗО ПСР	– заграничная организация ПСР
ЗФ	– заграничная федерация
и.д.	– исполняющий дела
ИИ СО РАН	– Институт истории Сибирского отделения РАН
ИККИ	– Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала
ИМЛИ	– Институт мировой литературы им. М. Горького
ин-т	– институт
ИРИ РАН	– Институт российской истории РАН
исполком	– исполнительный комитет
исправдом	– исправительный дом
ИТЛ	– исправительно-трудовой лагерь
кав.	– кавказский
К.-Д.	– кадеты (конституционные демократы)

к.д., К.Д., КД	– крестьянские депутаты
кк	– как, типичное сокращение в документах В.Н. Рихтера
ком., комит.	– комитет
Комуч	– Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания
комхоз	– коммунальное хозяйство
конф.	– конференция
КП(б)У	– Коммунистическая партия (большевиков) Украины
КПК	– Коммунистическая партия Китая
КПСС	– Коммунистическая партия Советского Союза
к.-р.	– контрреволюционный
кр.	– крепость
Кр. Деп.	– крестьянские депутаты
ктрые, ктр., кот.	– которые, типичные сокращения в документах В.Н. Рихтера
л.д.	– листы дела
лит.	– литературный
М. Вн. Д., М.В.Д., Мин. В.Д.,	
МВД	– Министерство внутренних дел
МВО	– Московский военный округ
межд.	– международный
мес., м-ц	– месяц
М. Зем.	– Министерство земледелия
М.И.Д., МИД	– Министерство иностранных дел
милл.	– миллион
мин.	– министерство
МК	– Московский комитет
МО	– Московская область
МОИК	– Московский областной исполнительный комитет
МПСР	– Меньшинство партии социалистов-революционеров
МСБ	– Международное социалистическое бюро
МЧК	– Московская чрезвычайная комиссия
напр.	– например
нарком	– народный комиссар
наркомвоенмор	– народный комиссар по военным и морским делам
Наркомздрав	– Народный комиссариат по здравоохранению
Наркомзем	– Народный комиссариат земледелия
Наркомпрод	– Народный комиссариат продовольствия
Наркомпрос	– Народный комиссариат просвещения
Наркомстат	– Народный комиссариат статистики
наст.	– настоящая
нач.	– начальник
НКВД	– Народный комиссариат внутренних дел
НКИД	– Народный комиссариат иностранных дел
НКРКИ	– Народный комиссариат рабочекрестьянской инспекции

НКюста	– Народный комиссариат юстиции
НОТ	– научная организация труда
н.-с., энесы, н.с.	– народные социалисты
обл.	– область, областной
ОГИЗ	– Объединение государственных книжно-журнальных издательств
ОГПУ	– Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР
О.Г.Ч.К.	– Одесская Губернская Чрезвычайная Комиссия
О.К., ОК	– областной комитет
ок.	– около
оперчасть	– оперативная часть
ОПиС	– общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев
организац.,	
организ., орг.	– организационный
ОСО	– Особое совещание
парт.	– партийный
паспор.	– паспорт
пед.,	
пединститут	– педагогический, педагогический институт
п/и	– политизолятор
ПК, П.К.	– Петроградский комитет
ПЛСР	– Партия левых социалистов-революционеров (интернационалистов)
полпред	– полномочный представитель
пом.	– помощник
пост.	– Постановление
ППЗ	– Помощь политическим заключенным
ПРК	– партия революционного коммунизма
Профинтерн	– Красный интернационал профсоюзов
проч.	– прочее
ПСР, П-С-Р,	
п. с.-р., ПС.-Р.	– партия социалистов-революционеров
П.-т.	– почтово-телеграфный
рабоч. вопр.	– рабочий вопрос
раб. кл.	– рабочий класс
Разведупр	– Разведывательное управление
РАН	– Российская академия наук
РВС	– революционный военный совет
РД	– (Совет) рабочих депутатов
реввоенсовет	– революционный военный совет
революц., рев.	– революционный
рез.	– резолюция
РЗИА	– Русский заграничный исторический архив
РИК	– районный исполнительный комитет
РККА	– Рабоче-Крестьянская Красная армия

РКМ	– Рабоче-Крестьянская милиция
РКП, РКП(б)	– Российская Коммунистическая Партия (большевиков)
РОСТА	– Российское телеграфное агентство
РСД	– ...рабочих и солдатских депутатов
РСДРП	– Российская социал-демократическая рабочая партия
РСКД	– (Совет) рабочих, солдатских и крестьянских депутатов
РСФСР	– Российская Советская Федеративная Социалистическая республика
РФ	– Российская Федерация
С.Д., СД, с-д	– социал-демократы
СДКПиЛ	– Социал-демократия Королевства Польского и Литвы
СЕИВК	– Собственная Его Императорского Величества канцелярия
СКД	– Совет крестьянских депутатов
СКС	– Сибирский Крестьянский Союз
след.	– следующий
СЛОН	– Соловецкий лагерь особого назначения
СНК	– Совет народных комиссаров
собр.	– собрание
СО	– Секретный Отдел
Совпрофжель	– Совет профсоюзов железнодорожников
СО ГПУ	– Секретный отдел ГПУ
С.О.К.	– Совет Областного Комитета
СООГПУ	– Секретный отдел ОГПУ
СОУ	– Секретно-оперативное управление
соц.	– социалистический
С.П., с.п.	– съезд партии
СПО ГУГБ	– Секретно-политический отдел Главного управления государственной безопасности
С-Р, СР, с.-р.	
с-р	– социалисты-революционеры
СРД	– Совет рабочих депутатов
СРСД, С-Р и	
СД, СР и СД	– Совет рабочих и солдатских депутатов
ССР	– Советская Социалистическая республика
СССР	– Союз Советских Социалистических республик
так. обр.	– таким образом
ТГЧК	– Тамбовская губернская чрезвычайная комиссия
теор.	– теоретический
тк	– так, типичное сокращение в документах В.Н. Рихтера
ТКП	– Трудовая крестьянская партия
т. наз., т.н.	– так называемый
ТНСП, НСП	– Трудовая народно-социалистическая партия
тов., т., т-щи	– товарищ, товарищи
Уг. Код., УК	– Уголовный Кодекс
укр., ук.	– укрепление, украинский

УНКВД	– Управление наркомата внутренних дел
УПК, У.Пр.К.	– Уголовно-Процессуальный Кодекс
УР	– Уголовный розыск
урожд.	– урожденная
уроч.	– урочище
УССР	– Украинская ССР
Учредит. собр.,	
Учред. собр.,	
Учр. Собр.,	
У.С., УС	– Учредительное Собрание
Фин. Ком.	– Финансовая комиссия
ФСБ	– Федеральная служба безопасности
ЦА ФСБ РФ	– Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации
ЦБ	– Центральное бюро
ЦВПК	– Центральный военно-промышленный комитет
центр.	– центральный
центропленбеж	– Центральная коллегия по делам пленных и беженцев
Ц.И.К., ЦИК	– Центральный Исполнительный Комитет
Ц.К., ЦК,	– Центральный Комитет
ЦКК	– Центральная контрольная коллегия
ЦК КПК	– Центральный Комитет коммунистической партии Китая
ЦО	– Центральный орган
ЦОБ	– Центральное организационное бюро
ЧК	– Чрезвычайная комиссия
ю.-з.	– юго-западный

Именной указатель

- Аввакум 84, 200, 430
Авенариус 233, 553, 554
Авербух 240, 550
Авксентьев Н.Д. 25, 28, 51, 52, 127, 128, 134, 135, 151, 156, 162, 165, 168, 169, 173, 175, 178, 179, 181, 182, 184–187, 372, 469, 473–475, 480, 488, 492, 493, 495, 503, 508, 530, 538–540
Аврелий Марк 297–299, 590
Агабеков В.А. 207, 225, 549
Агапов В.В. 73, 89, 495
Агафонов В.К. 274–276, 492, 580
Агранов Я.С. 366, 369–372, 377, 596, 599
Азеф Е.Ф. 26, 34–36, 42–46, 58, 274, 478, 486, 489, 492, 493, 500, 513, 516, 547, 572, 581, 621
АИ – см. Дюкина А.И.
Акимыч 121
Акинчин 134
Аксаков С.Т. 468
Ал. Ипп. – см. Шесневская А.И.
Ал. Петр. – см. Чистосердов А.П.
Алгасов (Бурдаков) В.А. 128, 147, 156, 163, 166, 176, 469, 475, 497, 524
Алекс. Ив. – см. Суханов А.И.
Александр I 544
Александр II 100, 518, 545, 622
Александров 224
Алексеев М.В. 175, 178, 179, 523
Альба Альварес 466
Альбов М.Н. 115, 468
Альтовский А.И. 73, 492, 495
Аминэ 336
Амфитеатров 211, 550
Ананьин-Гусев 372
Ангарский – см. Леонович В.В.
Андреев А.А. 324, 594
Андреев А.Г. 96
Андреев Л.Н. 60, 198, 541, 546
Андреева М.Ф. 9, 465
Андронников (Андроникашвили) И.М. 464
Анна Ивановна – см. Дюкина А.И.
Анна Степановна (Аннета) 14, 265, 289, 576, 589
Ан-ский – см. Раппопорт С.А.
Антонов 562
Антышко А. 239
Апухтин А.Н. 115, 468
Аравин-Коган А. 239
Аргунов А.А. 45, 46, 51, 128, 181, 372, 470, 489, 491, 492, 493, 507
Аргутинский-Долгорукий М.З. 105, 107, 465
Арманд Д.Л. 569
Аровин (Аравин) Я.А. 237, 555
Артемьев Н.И. 73, 237, 556
Архангельский В.Г. 54, 134, 159, 168, 170, 172, 173, 175, 177–182, 184–188, 367, 372, 497, 539
Архипов 372, 614
Аслан-Кадий 107
Афелис 234, 554
Бабин Б.В. 26
Бабина Б.А. 26, 27, 472
Бабушка – см. Брешко-Брешковская
Базаров В.А. 528

- Бакич О. 14, 15
 Бакунов — см. Фондаминский И.И.
 Балмашев С. 86
 Бальмонт К.Д. 435
 Бандауров 108
 Барановский (нелег. фам. Сморг-
 ков) 570, 571
 Баранцевич К.С. 115, 468
 Баратынский Е.А. 60, 111, 114, 198,
 466
 Баррес М. 251, 572
 Бартольд Б.В. 46, 48
 Бархин 224, 225
 Басов М.Я. 315
 Бах А.Н. 138, 492, 494, 505
 Бедило З. 37
 Бедняков 80, 387, 388
 Безпалов Н. 615, 617
 Белавинцева-Кулагина В.П. 570
 Бельенский А.Я. 238, 558
 Белинский В.Г. 60, 94, 195, 544, 546,
 551
 Белов 245
 Белый А. 432
 Бельтов — см. Плеханов Г.В.
 Беляев Н.М. 558
 Бенедикт XV 522
 Бер А.А. 279–281, 283, 285, 583
 Берг Е.С. 31, 73, 89, 135, 178, 184–
 188, 502
 Бергстед Х. 282, 287, 585
 Берлин 240, 562, 594
 Бернини Дж. 282, 587
 Берсон 37
 Билит Б.Г. 50, 492
 Бинт Г. 275, 581
 Бирулин 239
 Биссолати-Бергамаски Л. 138, 505
 Битнер В.В. 555
 Биторев 134
 Биценко (урожд. Камеристая) А.А.
 496
 Биянки (Бианки) 372, 615
 Бласко Ибаньес 236, 555
 Блок А. 279, 281, 285, 305, 306, 512,
 584, 591
 Блюменталь М.А. 372, 615
 Боборыкин П.Д. 211, 212, 550
 Бобров 36, 239
 Богданов А.А. 545, 546, 560
 Богданович Н.М. 521
 Богров 46
 Боккаччио Дж. 60, 127, 198, 469
 Болдырев А.К. 372, 615
 Бондаренко Е.С. 239
 Бонч-Осмоловский А.О. 492
 Боря 283, 284
 Боткина Е.С. 138, 505
 Бочарников М.Г. 360, 372, 594
 Брамсон Л.М. 139, 506
 Браудэ В.П. 20, 77, 78, 361, 596
 Брешко-Брешковская Е.К. 25, 51, 52,
 492, 493, 531, 581, 612
 Брокгауз 551
 Брудер А.А. 172, 521
 Брусилов А.А. 617
 Брушвит И.М. 372, 513, 608
 Брюллова-Шаскольская Н.В. 128,
 372, 488
 Брюсов 236, 555
 Булат (Булота) А.А. 187, 542
 Бунаков — см. Фондаминский И.И.
 Бунин И.А. 9, 10
 Буревой К.С. 55–57, 244, 561–563,
 568, 609, 616
 Бурлаков Т. 354
 Бурмистров 239
 Бурцев В.Л. 46, 48, 580
 Бухарин Н.И. 70, 92, 496, 564
 Бызов Леонтий Алексеевич 310,
 311, 591, 593
 Бызова Антонина Степановна 569
 Бызова Наталья Леонтьевна 345, 593
 Бызова Софья Леонтьевна 7
 Быков 387
 Быховский Н.Я. 128, 185, 485
 Бякин-Васильев Н.В. 585
 В.С.Н. — см. Нестеров В.С.
 Вайнштейн 199
 Вакман Я.Е. 275, 581
 Вакулик (Вакулин) 372

- Вальбе 224
 Ван Эйк 298, 590
 Вандервельде Э. 97, 504
 Ванслов В.В. 574
 Ваня (Вано) — см. Воробьев И.В.
 Варя — см. Рейфшнейдер В.Я.
 Васильев-Бобров Н. 239
 Васильковский О.П. 518
 Ватто А. 199, 547
 Вебер — см. Закгейм М.Д.
 Веденяпин М.А. 29, 52, 54, 89, 133, 135, 139, 141, 143, 144, 167, 172, 173, 177—182, 184—188, 244, 371, 374—376, 495, 565, 615
 Вельяминов А.А. 463, 464
 Венгеров С.А. 212, 550
 Вера — см. Рихтер Вера Владимировна
 Вера — см. Суворова В.В.
 Вернадский В.И. 553
 Верховский А.И. 179, 182, 526, 527
 Верхотурский 217
 Веселовский А.Н. 229, 553
 Весновская Г.Ф. 389, 390
 Ветров 367, 372, 603
 Вединская 200
 Вильгельм II 60, 195, 544, 553, 554, 592
 Вильсон Т.В. 227, 553
 Винавер М.Л. 347, 348, 593
 Виссарион 110, 516, 544
 Виссарионов С.Е. 47
 Витте С.Ю. 504
 Витя 281
 Вихляев П.А. 470, 485
 Вишняк М.В. 44, 55, 94, 128, 136, 141, 157, 172, 186, 187, 372, 470, 472, 479—481, 502, 508, 511
 Вл. М. 280
 Вл. Ник. 124, 232
 Владимир Николаевич — см. Рихтер В.Н.
 Войтинский В.С. 526
 Волк — см. Волк-Штоцкий Я.П.
 Волк-Штоцкий Я.П. 282, 586
 Володарский В. 80, 368, 561, 603—605, 613
 Волховский Ф.В. 492, 494
 Вольский В.К. 52, 183, 532, 616
 Вольфензон (Вольфензон) 240, 241
 Воробьев Иван Васильевич (Ваня, Вано) 11, 73, 279—281, 283, 285, 409, 582
 Воронов (Лебедев) Б.В. 45, 46, 128, 130, 470, 486
 Ворошилов К.Е. 515
 Врангель 492, 496, 524, 527
 Врублевский А.И. 391
 Вундт 234, 554
 Высоцкий А.Д. 178, 525
 Гаврилов 372
 Галати Е. 279, 284, 285, 584
 Галкин 613
 Гамарник Я.Б. 16, 578
 Гардзонио С. 7, 13, 14
 Гаршин В.М. 115, 279—282, 285, 467, 468
 Гвозд (Гвоздь) И.И. 372, 605, 613
 Гегель Г.В.Ф. 554, 592
 Гед Ж. 170, 284, 520
 Гедеоновский А.В. 34, 492
 Геккер Н.Л. 34—36, 60, 197, 199, 201, 224, 546
 Гельфгот А.П. 183, 533, 569, 576
 Гендельман М.Я. 52, 73, 79, 80, 135, 134, 159, 168, 170, 172, 173, 143, 170, 172, 173, 183, 186, 187, 374, 375, 381—384, 493, 495, 499, 501, 606
 Геня 282, 283
 Георги 9, 12, 469, 575, 623
 Гераклид (Гераклит Эфесский) 269, 579
 Герасимов А.В. 46, 47, 49
 Герасимова Н.К. 47
 Герман И.Я. 372, 617
 Герцен А.И. 195, 198, 199, 543, 544
 Герцль Т. 111, 113, 466, 467
 Герштейн Л.Я. 27, 28, 52, 54, 56—58, 73, 77, 134, 135, 137, 139, 140, 143, 145, 152, 167, 168, 170, 172, 173, 177—182, 184—186, 188, 245, 364, 385, 495, 499, 565—568, 598

- Гершуни Г.А. 60, 97, 199, 493, 493, 521, 547, 548
 Гете И.В. 547, 554
 Геффдинг Х. 234–236
 Гизетти А.А. 186, 541
 Гилилов И. 579, 579
 Гильденстерн 578
 Гинзбург М.А. 615–617
 Гинсбург 372
 Гитлер А. 579
 Гладков Н.Н. 372, 614
 Гладун 101
 Глебов («Глеб») 372
 Гнатовский 580
 Гоголь Н.В. 279, 280, 282, 284, 285, 297, 467, 582
 Гоинягский 239
 Голицин 465
 Головин Евгений Александрович 103, 463
 Головин К.Ф. 212, 551
 Гольд Г.Л. 239, 559
 Гонжумов 372
 Гончаров И.А. 115, 211, 467
 Гораций 547
 Гордон (урожд. Тумповская) М.М. 569, 570
 Гордон Л.С. 569, 570
 Горелов 231
 Городницкий Р.А. 581
 Горький А.М. 199, 506, 528, 545, 623
 Горьков-Добролюбов Г.Л. 72, 73
 Готовский 372
 Гоц А.Р. 27, 29, 35, 52, 54, 67, 73, 79, 89, 128, 130, 135–137, 139, 152, 167–169, 173, 175–182, 184, 186–188, 365, 366, 368–370, 373, 375, 376, 378, 380–382, 469, 474–476, 479, 492, 495, 497, 503, 508, 538–540, 542, 561, 563, 564, 599, 605, 611, 619
 Гоц М.Р. 478, 494, 516, 548
 Граббе П.Х. 104, 465
 Грапский 349
 Гребенщиков 372, 617
 Гржебин З.И. 591
 Григорович Д.В. 115, 468
 Гримм Д.Д. 495
 Гримм Р. 133
 Грозный Иван 459
 Груббе (Грубе) Э.К. 139, 506
 Гуковский А.И. 480, 507
 Гулак-Артемовский П.П. 547
 Гумилев Н. 86, 453
 Гуревич Борис Евгеньевич 39, 165, 182, 184, 357, 517
 Гуревич Виссарион Яковлевич 516, 517
 Гуревич Евгений Самойлович 358
 Гуревич Ш.С. 38
 Гуревич-Двинин (Б.Л. Двинов) 136
 Гурко В.И. 543
 Гутерман Л. 239
 Гутман А. 238, 558
 Гутор А.Е. 514
 Гучков А.И. 518, 519
 Давыдов Ю. 96
 Дамокл 592
 Дан Ф.И. 76, 280, 539, 586
 Данблон (Демблон) С. 269, 578
 Данилин И. 239
 Данилов Ф.А. 128, 470, 481
 Даниэль Ю. 96
 Данте Алигьери 427, 428, 589
 Дауэс Ч. 278, 582
 Дашевский И.С. 74, 366, 378, 385, 386, 601, 608, 621
 Двойников И. 622
 Десяткин (Первухин) А.Ф. 237, 239, 555
 Декарт Р. 554
 Деконский П.П. 158, 515
 Дельфин (Ратовская) Э.Р. 8, 12, 41, 122, 123, 465
 Деникин А.И. 60, 62, 223, 523, 527, 533, 550, 552
 Дерibas 600
 Дерюжинский – см. Утгоф
 Десницкий В.А. 528
 Джемс У. 235, 555, 622
 Джензян 176

- Дзержинский Ф.Э. 29, 86, 92, 495, 614
- Дионисий Старший 592
- Доброскок Н.В. 47, 49
- Долгов 49
- Домарацкая В.Д. 358
- Донателло 281, 587
- Дондуков-Корсаков А.М. 464
- Донской Д.Д. 73, 495, 604
- Донченко А.И. 372, 617
- Достоевский Ф.М. 60, 115, 195, 279, 284, 285, 467, 573, 579
- Дроздов В.М. — см. Филарет
- Дубинский 242, 246
- Дукис 20
- Дулелов Е.О. 521
- Дункан Айседора 591
- Дурново П.Н. 137, 142, 152, 156, 504
- Духонин Н.Н. 527
- Дюамель Ж. 279, 281, 285, 582
- Дюкина А.И. 324, 592, 593
- Евгения Николаевна 570
- Евреинев В.В. 139, 505, 506
- Егоров М.Ф. 372, 617
- Ек. Павл., Ек. П. — см. Пешкова Е.П.
- Екат. Наум. 151
- Ел. Вл. — см. Шлегер Е.В.
- Ермаков Ю.А. 324, 593
- Ермолов А.П. 465
- Ерофеев Н.Д. 6, 492, 493
- Ерусалем 233, 234, 553
- Есенин С. 84, 309, 439, 591
- Ефимов П.Т. 59, 67, 74, 79, 244, 360, 364–366, 368–375, 377–386, 564, 565, 597–599, 602, 606, 607
- Ефимова (урожд. Шемборская) О.В. 576
- Жако 195
- Жанна д'Арк 84, 429, 430
- Жданов Л.Г. 230
- Желиховский 616
- Желябов 96, 97
- Жорж — см. Карчаретели Ж.
- Зайнштейн 196
- Зайцев М. 372, 617
- Зак С.С. 130, 156, 491
- Закгейм (Вебер) М.Д. 188, 543
- Заммель Л.Г. 579
- Замятин Н.А. 305, 590
- Зарудный А.С. 169, 170, 518
- Заскальный (Шалаев В.П.) С.Д. 286, 569, 570, 578, 588
- Затейщиков 616
- Затонский (Батрак) М.П. 134, 135, 144, 145, 167, 168, 172, 173, 175, 177–182, 184–188, 497
- Зейман Л.Э. 372, 613
- Зейме 372, 613
- Зеленков 367, 603, 605
- Зензинов В.М. 28, 43, 52, 54, 128, 135, 136, 139–141, 143, 144, 159, 167, 168, 171–173, 177–188, 372, 378, 470, 474, 475, 480, 488, 489, 492–494, 503, 508, 539, 563, 601, 621, 623
- Зильберберг 97
- Зиновьев Г.Е. 26, 92, 579, 605
- Золя Э. 60, 196, 546
- Зотов 372
- Ибаньес — см. Бласко Ибаньес
- Ибсен Г. 280, 284, 285, 584
- Ив. Петр. 281, 282, 284
- Иванишин Г.А. 47
- Иванов (боевик) 29, 495
- Иванов Б.С. 57, 565
- Иванов Н.Н. 73, 495, 563, 607
- Иванова-Иранова Е.А. 31, 73, 74, 495, 606
- Иванов-Разумник (наст. фам. Иванов) Р.В. 141, 289, 497, 500, 501, 508
- Иванчин-Писарев А. 501
- Ивернев — см. Савинков Б.В.
- Игнатъев В.И. 73
- Изотов 372
- Иконников Н.Г. 134, 498
- Ильинский 150
- Иоффе А. 239
- Ирина — см. Сысоева И.А.

- Исаак — см. Шойхер И.
Исайя 267, 578
Итс (Йитс У.Б.) 251, 572
- Кабе Э. 461
Кайдан 354, 355
Калениченко 63, 207, 208, 550
Калинин 372
Каляев И. 86, 97, 547, 622
Каменев Л.Б. 26, 144, 596
Камков (Кац) Б.Д. 146–148, 159,
163, 166, 185, 497, 513
Канегиссер Л.С. 86, 606
Каннабих Ю. 296
Кант И. 234, 544, 554
Канторович 225
Каплан В.Н. 5, 19, 66–69, 239–241,
356, 357, 560
Каплан Ф.Е. (Ройтблат Ф.Х.) 78, 86,
596, 614
Карамзин Н.М. 111, 114, 466
Карелин А.А. 580
Каринский Н.С. 169, 519
Карлсон Ю. 78, 361–366, 596
Карпов С.Г. 46, 47
Карпович М.М. 94, 95, 521
Карсавин 372
Карстаньен 234, 554
Карташев А.В. 179, 528
Карчаретели Ж. 282, 283, 579
Катаньян 81
Каховский 372
Кашин И.П. 73, 370, 372, 607, 611
Кельмансон 217
Керенский А.Ф. 25, 28, 51, 52, 54,
94, 139, 143–145, 152, 153, 157,
160, 162, 164, 165, 167–171, 174,
176–181, 183, 189, 472, 473, 475,
483, 506, 508, 511, 515, 516, 518,
523, 526, 528, 530, 531, 537, 540,
580, 620
Кибальчич 96
Кильчевский В. 239
Кирков 18, 239, 240, 354, 355, 560
Кишкин Н.М. 178, 179, 526
Клемансо Ж. 221, 552
- Климанов В.М. 575
Климанов М.Ф. 575
Климанова Е.В. 24
Клименко 217
Климушкин П.Д. 372, 609
Клюки-Фон Клугенау Ф.К. 103–105
Клюшников И.П. 111, 466
Ковалева (Жемчугова) П.И. 297–299,
590
Коварский И.Н. 224, 372, 493, 494
Коган П.С. 426, 427
Коган-Бернштейн М.Л. 55, 180, 182,
528, 563
Кододеев А.В. — см. Федодеев А.В.
Кожевников Я. 238, 558
Кожухов А. 195, 545
Козлов 591, 603
Козловская 238
Кокошкин Ф.Ф. 56, 177, 524
Колбасин Е. 469
Колигаев (Калигаев) А.Л. 166
Колосов Е.Е. 492, 493
Колчак А.В. 223, 357, 471, 474, 485,
487, 496, 506, 521, 550, 594, 609
Кольцов 198, 546
Коля — см. Рихтер Николай Влади-
мирович
Кон Ф.Я. 378, 621
Конельский 200
Кононов С.Е. 607, 613
Коноплева Л.В. 59, 67, 73, 74, 78–
80, 244, 246, 360, 364, 366–382,
385, 564, 598, 599, 604, 606, 608
Константинов 108
Конторович Р. 239
Корнелиус Г. 234, 235, 554
Корнилов Л.Г. 174, 175, 177, 178,
189, 514, 516, 518, 523, 527, 528,
535, 537
Королев 372, 614
Короленко В.Г. 60, 115, 200, 280, 282,
285, 468, 545, 589
Косой 420
Костя 115, 280, 283, 284, 392, 393, 584
Котов Ю.Б. 7
Котова А.Ю. 7, 24

- Котова С.Ю. 24
 Кочаровский К.Р. 479
 Кочергина Тамара Ивановна 583
 Кранихфельд А.С. 237, 555
 Красильников А.А. 50
 Красильников С.А. 6, 7, 29, 471, 560, 597
 Краснов П.Н. 506
 Краузе В. 122
 Крафт П.П. 493
 Крез 289
 Кривицкий 347
 Криче 426
 Крузе Мария Михайловна 9, 463, 465
 см. также Рихтер М.М.
 Крузе Михаил Христианович 9, 101, 109, 463–465
 Крузе Феодор Михайлович 465
 Крузенштерн-Петерец Ю.В. 14
 Крученный (Крученых) А.Е. 255, 573
 Крушинский М.Ф. 159, 187, 515
 Крыжанич (Крижанич) Ю. 466
 Крыленко Н.В. 58, 73, 376–378, 380–382, 386, 504, 568, 608, 611, 612, 620
 Кузьмин Николай Николаевич 15, 16, 23, 336, 345, 374, 559, 575–578, 592
 Кузьмин Сергей Николаевич 16, 576, 580, 592, 593
 Кузьмина Анастасия Федоровна (Настя) 332, 578, 593
 Кузьмина В.В. 16, 24, 296, 346, 347, 350, 372, 559, 564, 594
 Кузьмина Елена Николаевна (Лена, Леночка) 16, 318, 575, 578, 592, 593
 Кузьмина Светлана Николаевна 578
 Кузьмина Юлия Ивановна 320, 578
 Кулябко-Корецкий Н.И. 207, 209, 549
 Куно Фишер 234, 554
 Курдюмова Н.И. 582
 Курлов П.Г. 46, 47
 Кутайсов 34

 Лавров П.Л. 60, 94, 194–200, 225, 233, 283, 315, 317, 543
 Лазарев Е.Е. 492
 Лазаревская Е. 256

 Лазарович 224
 Лазарь – см. Невлер Л.И.
 Ландесман 242
 Лафарг 520
 Лебедев Б.В. — см. Воронов Б.В.
 Лебедев Б.Н. 45, 494
 Лебедев В.И. 150, 510
 Лебединцев Всеволод 10, 546, 575
 Лебединцева 260, 575
 Левашов С. 318, 592
 Левина 354
 Лейбниц Г.В. 554
 Ленин В.И. 2, 17, 44, 59, 60, 67, 74, 78–80, 86, 91, 92, 95, 195, 244–246, 360, 365, 367, 369–371, 373, 381, 383, 384, 386, 388, 453, 505, 506, 509, 538, 544, 545, 558, 561, 564, 565, 576, 596, 597–599, 603, 605–608, 610, 613, 614
 Леонов М.И. 492
 Леонович (Леонович-Ангарский) В.В. 492, 521
 Леонтьев Я.В. 6, 7, 13, 596
 Лесевич В.В. 234, 554
 Лесин 139
 Лессинг Г.Э. 554
 Либерман Л.А. 43
 Либеров А.В. 73, 81
 Либих А. 97
 Лившиц 225, 482
 Лигин 195, 196
 Линч 172, 523
 Лихач М.А. 70, 73, 375, 378, 495, 563, 620
 Лойола 84, 430
 Лондон Д. 588
 Луженовский Г.Н. 515
 Лукиан 229, 553
 Лукомский А.С. 178, 518, 527
 Лункевич В.В. 135, 140–142, 163, 168, 171, 172, 178–180, 182, 184, 188, 207, 224, 225, 317, 366, 500, 531
 Львов 177, 189
 Львов В.Н. 524
 Львов Г.Е. 473, 511
 Львов М.И. 73

- Мавринский 372, 617
 Майкапар А.Е. 590
 Майкапар Е.А. 590
 Майкапар Н.Л. 590
 Майн Рид 305
 Макаров Н.А. 37, 38
 Максимова 347
 Малкин А.Я. 237, 239, 555
 Малкина А.З. 33, 36
 Малькова 347
 Марголис А.Д. 47
 Мариенгоф А. 591
 Мария Михайловна 3, 9, 10, 12, 14, 15, 17, 20, 121–125, 127, 260, 348, 463, 465, 574
 Маркарянц М.Г. 134, 497
 Маркин 45, 582
 Маркс К. 520
 Мартов Л. 538, 539
 Мартынов М.Н.(М.) 372, 618
 Мартыновская 224
 Мартыанов Н.Н. 372, 608
 Мартюшин Г.А. 156, 513
 Маруся 614
 Маслов С.Л. 128, 136, 141, 168, 170, 193, 470, 473, 484
 Маслов С.С. 490
 Масловский — см. Мстиславский
 Матео 9
 Мау А. 126, 469
 Махин Ф.Е. 372, 608, 609
 Маяковский В. 573
 Меерович 139, 506
 Мемлинг Х. 300, 592
 Мерхалев В.Н. 372, 610, 612
 Мерхалев Д.Н. 372, 610, 611, 612
 Милюков П.Н. 473, 543
 Мин 623
 Минаев Е. 239, 240, 560
 Минаков Н.А. 598
 Минин 511
 Минков И. 556
 Минор О.С. 28, 46, 52, 135–140, 142–145, 173, 177, 178, 180–186, 372, 492, 495, 501, 502, 539
 Миньков (Минков) И. 237
 Мирбах В. 509, 515
 Мирюлюбов В.С. 186, 541
 Мих. Ник. — см. Осинцев М.Н.
 Михайлов 96, 361
 Михайловский Н.К. 60, 94, 195, 197, 198, 199, 211, 224, 235, 283, 512, 551
 Михалевич С.Ф. 493
 Моисеенко Б.Н. 50, 365, 599, 601
 Мольер 592
 Моня 583
 Мопассан Г. 280, 285, 584
 Морачевский Ю.В. 73, 605
 Морозов К.Н. 6, 10, 19, 29, 47, 97, 98, 471, 560, 568, 581, 594, 596, 597
 Морозов С.В. 73, 74, 81, 91, 92, 435, 495, 623
 Морозова А.Ю. 2
 Морская 231
 Москвин 285
 Москвин С.Н. (Сергунька) 281, 282, 285, 587
 Мохов (Лившиц) С.Я. 156, 470, 482, 483
 Мохов 128, 156
 Мстиславский С.Д. 140, 497, 501, 507, 508
 Муравьев 57, 111, 114
 Муравьев А.Н. 466
 Муссолини Б. 271, 579
 Муся — см. Рихтер М.В.
 Мюссе А. 306, 591
 Мякенто 195
 Мякотин В.А. 289, 589
 Надолец В. 239
 Надсон С.Я. 270, 579
 Настя — см. Кузьмина А.Ф.
 Наталья Григорьевна 271
 Натансон (Бобров) М.А. 50, 52, 58, 128, 134–144, 162, 164, 167, 168, 170, 172, 173, 176–178, 180, 181, 184, 186–188, 470, 478, 479, 493, 494, 538, 541
 Натаныч — см. Каплан В.Н.
 Невлер Лазарь Иудович 583
 Незнамов 139, 144, 181

- Нейгардт А.И. 463
 Некрасов (Голгофский) Н.В. 170, 178, 520
 Некрасов Н.А. 467, 550, 585
 Немцов Н.М. 80, 386–388, 623
 Нестеров А.В. 7
 Нестеров В.С. 593
 Нестеров И.П. 372, 609
 Нестеров С.А. 593
 Нестеровский Б.Г. 494
 Никаноров М.К. 372, 600, 618
 Никита-Пустосвят 84, 430
 Никитин А.М. 526
 Никитин И.С. 60, 198, 199, 546
 Николаевский Б.И. 76, 473, 581
 Николай – см. Бякин-Васильев Н.В.
 Николай I 466, 547
 Николай II 35, 92, 585
 Николай Николаевич, вел. кн. 10
 Нина Станиславовна 254, 279, 280, 285
 Ницше Ф. 409, 416
 Новиков 372, 614
 Новодворский А.О. 115, 467
 Нордау М. 113, 467

 О.Генри У.С. 272, 273, 280–282, 284, 285, 579
 Образцов С. 588
 Овидий 547
 Овсяннико-Куликовский 212, 224, 550, 551
 Овсянников 612
 Огановский Н.П. 182, 531
 Огарев Н.П. 247, 571
 Одоли Ж. 33, 34
 Окунь И. 239
 Олицкая Е. 88, 89, 534, 535, 557–559, 623
 Ольга Елисеевна – см. Чернова-Колбасина О.Е.
 Ольшевский М.М. 103, 464
 Онипко (Онитко) Ф.М. 599, 610
 Ополецкий 239
 Орлов Е.Н. 359
 Орманов 330, 336

 Освальд (Оствальд) В.Ф. 233, 554
 Осинцев М.Н. 587
 Островский А.Н. 231, 550
 отец Александр — см. Андреев А.А.
 Очан (урожд. Георги) Евгения Митрофановна 14, 469, 575, 623
 Очан Евгений Николаевич 7
 Очан Евгения Николаевна 575
 Очан Иосиф Абрамович 10, 12, 14, 469, 575
 Очан Софья Иосифовна 14, 575

 Павлов – см. Бартольд Д.Б.
 Павлов В.Е. 372, 612
 Павлов Д.Б. 34, 581
 Пайпс Р. 32
 Пальчинский П.И. 180, 528
 Панкратов В.С. 492, 493
 Панкратова 359
 Панфилов 108
 Парков 346
 Пассек Д.В. 103, 464
 Пастернак Б.Л. 24, 285, 574, 588
 Пастухов Н.Т. 180, 529
 Пейхен 208
 Пелевин П.Н. 74, 367, 603
 Пепеляев 614
 Перегудова З.И. 34, 581
 Перовская С. 60, 96, 97, 195, 196, 544
 Пестель 95
 Петерс Н.В. – см. Рихтер Н.В.
 Петерс 86
 Петр I 193
 Петрашевский М.В. 467
 Петров А.А. 46–50
 Петя 123
 Пешехонов А.В. 173, 522
 Пешков А.М. – см. Горький М.
 Пешкова Е.П. 253, 254, 301, 310, 347, 494, 569, 572, 584, 593
 Пилянгер С.Х. 358
 Пиранделло Л. 256–259, 261, 262, 267, 573
 Писаревский А.Д. — см. Рихтер В.Н.
 Писемский А.Ф. 60, 197, 546
 Пистрак Л.М. 237, 239, 555

- Плавт Т.М. 229, 553
Плевако Ф.Н. 617
Плеве В.К. 34, 622
Плеханов Г.В. 426, 484, 516, 588
Плям А.М. 358
Подбельский Ю.Н. 594, 595
Подвицкий В.В. 143, 508
Познанский 104, 464
Позняков Яков Маркович 358
Покотилов А. 34
Покровский Г.К. 71
Покровский М.Н. 619
Полента Гвидо Новелло 592
Поливанов П.С. 492
Поликарпов Е.П. 359
Полковников Г.П. 372, 619, 620
Полоз Михаил Григорьевич 358
Помяловский Н.Г. 280, 283, 285, 584
Понсон дю Террайль 623
Попов 199, 200, 548
Пораделов (Породелов) Н.Н. 372, 609, 610
Постников 135, 141, 372, 508
Постников С.П. 477, 501, 508
Потапенко И.Н. 115, 116, 468
Потапов А.И. 33, 493
Потемкин 353
Потемкин В.П. 576
Прибылев А.В. 492
Прилежаев И.А. 128, 140, 168, 170, 172, 173, 176–184, 187, 188, 470, 483, 508
Примак И.Ю. 432, 623
Прокопович С.Н. 170, 520
Просенко В. 238
Просов 268
Протопопов М.А. 212, 550
Прохоров В.П. 68
Проценко З. 238
Прошьян П.П. 147, 150, 151, 160, 163, 166, 509, 531
Пупа – см. Рихтер Валерия Владимировна
Пуятин Е.В. 467
Пушкин А.С. 32, 110, 111, 466, 541, 573
Пятаков Г.(Ю.)Л. 514, 552
Рабинович Б.Н. 75, 80, 244, 364–368, 370–373, 378, 379, 381, 382, 565, 598, 599
Радищев 60, 95, 196, 201, 222, 546
Радкевич 103, 104
Ракитников Н.И. 46, 50, 55, 141, 470, 484, 493, 508, 511, 563
Ракитникова И.И. 44, 48, 50, 128, 135, 137, 141, 154, 157, 159, 162, 165, 168, 171–174, 177–182, 184, 186, 366, 563
Раков Д.Ф. 29, 52, 73, 128, 133, 135, 139, 140, 143, 144, 167, 173, 180, 185–188, 378, 386, 469–472, 495
Раппопорт 18, 197
Раппопорт И. 239
Раппопорт С.А. 539, 540
Раскин М.С. 128
Раскова Марина 576
Распопов 34
Ратаев Л.А. 34, 35, 274, 275, 581
Ратнер Г.Е. 612
Ратнер Г.М. 73, 533
Ратнер Е.М. 29, 73, 76, 77, 495, 563
Ратовская Аделина Рафаиловна 9, 108
Ратовская Эмилия Рафаиловна 465
Рейфшнейдер Варвара (Олинда) Яковлевна (Варя) 569, 570, 576
Рессел 121, 122
Решетов И.Ф. 29, 78, 361, 495, 596
Риба 238
Римини Паоло 592
Римини Джанчотто Малатеста 592
Римини Франческо 592
Рихтер Антон Карлович 8
Рихтер Валерия Владимировна (Пупа) 19, 352
Рихтер Вера Вадимовна – см. Суворова В.В.
Рихтер Вера Владимировна (Вера, Верочка, Верушка, Верка) 24, 85, 308, 309, 311, 312, 329, 574
Рихтер Владимир Николаевич 3–25, 29–42, 44–46, 48–63, 65–69, 77–93, 96, 98, 100, 101, 110, 114, 117,

- 119–128, 133, 135, 145–147, 151, 158, 161, 163, 166, 167, 172, 173, 176–184, 188, 190–194, 201, 203, 208, 224, 225, 230–236, 239, 242, 243, 245–249, 251–276, 279, 286, 288, 289, 291–294, 296, 297, 299–304, 306, 308, 309, 311, 313, 314, 317–319, 321, 322, 324–327, 329, 346, 348–357, 360–367, 369–376, 378–392, 420, 435, 463, 465, 466, 469, 515, 526, 542, 546, 547, 550, 553, 554, 559, 560, 564–566, 568, 569, 572–576, 578–580, 582–587, 589–594, 598, 599, 607
- Рихтер Всеволод Владимирович, 572
- Рихтер Инна 24
- Рихтер Карл 8, 99, 463
- Рихтер Мария Владимировна 14, 24, 274, 300, 302, 308, 319, 350, 572, 575
- Рихтер Мария Михайловна 3, 18, 21, 24, 101, 109, 121–127, 260, 348, 350, 466, 572, 575, 592
- Рихтер Николай Владимирович. 8, 14, 15, 21, 99–101, 110, 276, 288
- Рихтер Николай Карлович 8, 99, 100, 109, 463
- Рихтер Сергей Николаевич 14, 575
- Рогинский А.Б. 7
- Роза 280, 281
- Розенберг А.А. 143, 508
- Розенблюм (Фирсов-Розенблюм) Д.С. 52, 167, 168, 172–174, 178–181, 183, 184, 186–188, 487, 488, 508, 539
- Розенкранц 578
- Розенталь И.М. 225
- Розмирович Е.Ф. 372, 607
- Романовы 222
- Ромен Роллан 279, 280, 285, 584
- Ростан Э. 13, 195, 196, 198, 468, 469, 544
- Рубанович И.А. 128, 137–139, 142, 168, 171–173, 176, 180, 185, 274, 470, 477, 478, 492
- Рудаков П.И. 367, 603
- Рудзиевский 372, 614
- Руднев (Бабкин) В.В. 52, 56, 128, 135, 156, 179, 183, 186, 224, 245, 246, 372, 470, 480, 491–493, 503, 540, 568
- Русанов 128, 135, 140–142, 154, 157, 159, 172, 181
- Русанов Н.С. 139, 142, 143, 470, 477, 478, 492, 508
- Русинов М.А. 275, 276, 581
- Рыбников Н.М. 359
- Рэтленд Р.М. 269, 283, 578
- Савинков Б.В. 25, 46–49, 54, 97, 165, 168, 169, 170–172, 177, 178, 184, 189, 378, 493, 510, 516, 519, 523, 528, 537, 538, 595, 621, 622
- Савинков В.В. 519
- Сагайдачный, гетман 585
- Сазонов Егор — см. Созонов Е.С.
- Сазонов С.Д. 208, 223, 550
- Сакулин П.Н. 283, 588
- Салтанова 110
- Салтыков-Щедрин М.Е. 467, 585
- Самбен А. 581
- Самохвалов 89
- Самсонов Т.П. 66, 68, 78, 238, 355, 361, 558
- Сапронов 389
- Сахаров И.Н. 572
- Св. Марк 125
- Свердлов Я.М. 596
- Свядош 172
- Святицкий Н.В. 172, 176, 521, 563
- Севериковский 33
- Северянка — см. Рихтер Вера Владимировна
- Севушка — см. Рихтер Всеволод В.
- Сезанн П. 277, 582
- Селюк М.Ф. 36, 493
- Семенова 354
- Семенов (Васильев) Г.И. 67, 73, 74, 78, 80, 360, 363–370, 374, 561, 564, 595–599, 603–606, 608–611, 613–615, 617, 618
- Семенов Алексей Платонович 24, 569, 570, 572

- Семенова Наталья Алексеевна 16, 346, 569
- Семенова Татьяна Алексеевна 24, 469, 559, 570, 572
- Сеня 280, 283, 284
- Серафимович 60, 200, 548
- Сергеев Н. 372, 605, 613
- Сергунька – см. Москвин С.Н.
- Сибиряков 229
- Сидоров С. 558
- Сикорский Ш.В. 172, 521
- Синани И.А. 9, 575
- Синельников 199
- Синявский А. 82, 96
- Сипягин 621
- Скабичевский А.М. 212, 550
- Скобелев М.И. 178, 527
- Скоропадский, гетман 483, 492
- Слетов С.Н. 48, 49, 493, 494
- Смиренин 372, 618
- Смирнов Н. 616
- Смолянинов 346
- Сморчков – см. Барановский
- Соболь М.Л. 256, 573
- Соболь Ц. 354
- Созонов Е.С. 521, 622
- Соколов Б.Ф. 372, 601, 602, 608
- Соколов Н.Н. 134, 497
- Солдатов Л.К. 134, 497
- Соловьев (Соловьев-Андреевич) Евгений 212, 550
- Сологуб Ф. 282, 283, 287, 587
- Соломатин 100
- Соломон II 464
- Сонюха — см. Очан С.И.
- Сорокин П.А. 134, 156, 159, 163, 498, 507, 508
- Сорокин-Ковалев Ф.Д. 586
- Сосунов 513
- Спенсер Г. 233, 554
- Спиноза Б. 554
- Спиридович А.И. 493, 494
- Спиридонова М.А. 52, 58, 97, 161, 162, 497, 501, 515, 521, 548
- Сталин И.В. 21, 26, 78, 86, 571, 580
- Станкевич Н.В. 466, 544, 546
- Степанова А.П. – см. Коноплева Л.В.
- Степняк-Кравчинский С.М. 545
- Столыпин П.А. 548
- Строев В. 528
- Суворов Вадим Николаевич 15, 16, 559
- Суворова (Кузьмина, Суворова-Кузьмина, Рихтер) В.В. 3, 15–17, 19–21, 23, 24, 67, 68, 89, 90, 239, 247–249, 251, 253–255, 257, 258, 261–263, 265–268, 270–272, 286, 289, 291–294, 296, 297, 301, 304, 306, 310, 311, 313, 314, 318, 319, 322, 326, 346, 347, 420, 465, 559, 560, 564, 569, 572, 574–579, 583, 584, 592, 594
- Суворова (урожд. Прушакевич) Софья Ивановна 15
- Суворова В.Н. 15
- Суворова Зинаида Владимировна 16
- Сунгин М.И. (правильно Сумгин) 244
- Сургучев Д.П. 172, 521
- Суханов А.И. 585
- Суханов Н.Н. 528, 591
- Сухановская 306
- Сухов А.А. 207, 225, 549
- Сысоев Иван Иванович 569, 570
- Сысоева Ирина Алексеевна (Iren, Ирина) 16, 21, 24, 248, 303, 326, 564, 569–571, 576, 578, 579, 588, 590, 591
- Сытин И.Д. 140, 507
- Тагор Р. 280–285, 587
- Талочка — см. Майкапар Н.Л.
- Тальма Ф.Ж. 286, 589
- Танюша 301
- Таня 271
- Тарле Ида Вениаминовна 569–571
- Татаров 58
- Телешов Н.Д. 200, 548
- Теренций 229, 553
- Терещенко М.И. 170, 176, 178, 520, 526
- Тесленко (Тисленко) М.А. 372

- Тетеркин И.И. 135, 144, 185–188, 502, 563
Тетьа Юля 260
Тимаков Ф.Ф. 238, 239, 558
Тимофеев Е.М. 27, 29, 55, 72, 73, 366, 367, 369, 374–378, 380, 384–386, 495, 521, 561, 563, 565, 599, 601, 610, 612
Титов А.А. 543
Тиханов А.Г. 390
Тихонов А.Н. 528
Тихонова Н.С. 47
Тишин К.А. — лит. псевдоним В.Н. Рихтера 12, 393, 407, 416, 418, 440
Толстов 372
Толстой Л.Н. 115, 297, 409, 467, 573
Томашевич В.Ф. 372, 609
Томашевская 229, 230
Торквемада 84, 430
Трауберг А.Д. 522
Троцкий Л.Д. 26, 78, 79, 197, 244, 368, 369, 371, 379, 381, 386, 564, 603, 605, 609, 610, 614
Трутовский В.Е. 128, 472, 483
Туган-Барановский 552
Тумповская (Гельфгот) Е.М. 569
Туношевский 230, 231
Тургенев И.С. 12, 115, 194, 211, 279, 280, 282, 285, 467, 468, 469, 582, 583
Тускиа Григорий 282, 283, 285, 586
Тухачевский М.Н. 16, 578, 592
Тучанский П. (И.?) Л. 209
Тынянов Ю.Н. 255, 573
Тэйлор Ф.У. 282, 587
Тютчев Н.С. 44–46, 48, 60, 199, 466, 492, 547
Тютюкин С.В. 7
Тягунов-Ельшевич С.Т. 372, 607
- Уншлихт И.С. 78, 86, 361, 596
Урицкий М.С. 55, 368, 597, 605, 606, 613
Усенко 372, 618
Усов К.А. 74, 364, 367, 370, 597, 605
Успенский Г.И. 194, 373, 379, 540, 544
Устианович 109
Устинов 147, 150, 155, 160, 163, 166, 184, 372, 531, 532
Устинов А.М. 151, 173, 509
Утгоф В.Л. 73, 366, 600
Уэллс Г.Д. 549
- Фабер 103
Файоль 282, 587
Фаминцын А.С. 234, 553
Фед. Дан. — см. Сорокин-Ковалев Ф.Д.
Федодеев А.В. 237, 557
Федоров М.М. 543
Федорович Ф.Ф. 27, 73, 495, 499, 563
Федоров-Козлов Ф.Ф. 74, 80, 369, 603
Фези К.К. 104, 464
Фейт А.Ю. 156, 172, 176, 178, 180, 181, 183, 185–188, 385, 493, 484, 513, 514
Феохари 265, 307, 576
Фет А.А. 12, 60, 199, 547
Фиалковский 109
Фигнер В.Н. 97, 493, 572
Филарет (Дроздов В.М.) 111, 114, 466
Филин 359
Филипп Добрый 590
Филипповский В.Н. 89, 524
Филоненко М.М. 169, 189, 518, 523, 537, 619
Фирсов — см. Розенблюм Д.С.
Флобер Г. 266, 578, 584
Фондаминский (Бунаков) И.И. 28, 46, 48, 49, 52, 185, 474, 475, 479, 492, 494, 503, 508, 543
Фон-Лейн 108
Фонштейн Абраамий С. 282, 283, 285, 586
Форд Г. 282, 587
Форстен 104, 106, 464
Фортунатов Б.К. 372, 612
Франс Анатолий 265, 268, 279–281, 285, 576, 578, 584
Фрейд З. 428, 579
Фрейфельд Л.В. 493, 494
Фридман 240

- Хавин А. 239
 Хаджи-Мурат 105, 465
 Хайлова Н.Б. 7
 Хирнова-Кальян Е.Н. 569, 570
 Ховрин А.А. 89, 183, 494, 533, 534
 Хреновский К.М. 372, 613
 Христиан Г.И. 13
- Цейтлин С. 239
 Церетели И.Г. 178, 525, 526, 539
 Цеткин К. 556
 Цион 156, 513, 543
 Цюрупа А.Д. 483
- Чавчавадзе И.Г. 110, 465
 Чайковский Н.В. 492, 513
 Чельшев 80, 387, 388
 Челяев (Чилияев, Чилишвили) 106, 465
 Черепанов Д.А. 159, 515
 Черневский В.Н. 188, 543
 Чернов В.М. 4, 25–29, 43, 52, 54, 55, 56, 67, 76, 128, 130, 131, 133, 135–139, 141–143, 153, 156, 157, 165, 168, 170–173, 175, 177–185, 187, 188, 233–235, 370, 372, 469, 470, 472, 473, 475, 477, 479, 480, 483, 484, 493–496, 502, 503, 508, 511, 517, 526, 529–532, 535–542, 547, 548, 560, 562, 563, 570, 571, 599, 607
 Чернова Ольга 534
 Чернова-Колбасина О.Е. 469
 Чернышевский Н.Г. 467, 479
 Чехов А.П. 9, 60, 115, 199, 280, 282, 285, 465, 468, 481, 575
 Чешихин (Ч. Ветринский) В.Е. 212, 551
 Чистосердов А.П. 239, 282, 283, 587
 Чистрак Л.И. — см. Пистрак Л.И.
 Чичерин Г.В. 509
 Членов 376, 386, 620
 Чубыкин И.В. 6, 29, 471, 560, 597
 Чухнин 516
- Шагинян М.С. 279, 285, 584
 Шалаев В.П. — см. Заскальный С.Д.
- Шалико 284, 285
 Шамиль 103, 463–465
 Шапиро 274, 275
 Шаровьева 230
 Шварц-Радищевский С. 239
 Шевченко Т.Г. 12, 198, 546, 547
 Шекспир У. 269, 283, 554, 578, 579
 Шеллинг Ф. 544, 554
 Шелохаев В.В. 7
 Шенгели Г.А. 317, 592
 Шенгелия К.В. 324, 593
 Шептовицкий З.М. 322, 324, 593
 Шереметев Н.П. 590
 Шибаев Д.А. 7
 Шилейко Ю. 9, 18, 465
 Шиллер Ф. 429, 554
 Шимановский А.Б. 493, 494
 Шипулинский Ф. 269, 284, 578
 Шишкин 584
 Шишко Л.Э. 493, 494, 505
 Шишков 100, 101
 Шкловский В.Б. 297, 372, 589, 595, 596, 618, 619
 Шкуро А.Г. 552
 Шлегер Е.В. 578, 588
 Шмидт О.Ю. 483
 Шницлер А. 272, 579
 Шойхет И.Д. 324, 592
 Шопен Ф. 442
 Шопенгауэр 547
 Шрейдер А.А. 148, 372, 509
 Шрейдер Г.И. 13, 26, 55, 275, 517, 540
 Штальберг Ю. 372, 614
 Штева 123, 124
 Штейнберг И.З. 164, 476, 516
 Штерн С.И. 360, 595
 Шубин 496
- Щегловитов И.Г. 10
 Щепкин Е.Н. 203, 544, 549
 Щепкин М.С. 549
 Щесневская А.И. 88, 586, 624
 Щильберштейн 355
- Эйхенбаум Б.М. 297, 589

Эйхманс 559
Эльзенганс Т. 236, 555
Эм. Павл. — см. Эстрин Э.П.
Эмерсон Р.У. 282, 587
Энгельс Ф. 520
Эренбург И.Г. 279, 280, 285, 584
Эсаулов Н.Е. 598
Эстрин С. 239, 372
Эстрин Э.П. 586
Эфрон 551

Ю.И. — см. Кузьмина Юлия Ивановна

Юделевский Я.Л. 492, 580
Юденич Н.Н. 528
Юличка 121
Юрицин С.П. 172, 522
Юшкевич П. 210

Ягода Г. 86, 569
Яковлев Г. 239
Яковлев П.Д. 372, 619
Яковленко 194
Янсен М. 96
Ясеновский 36
Яша — см. Волк-Штоцкий Я.П.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	3
Мой дед В.Н. Рихтер (Т.А. Семенова)	8
«Член партии социалистов-революционеров В. Рихтер»: сын «вольного штурмана» и тринадцатый «смертник» судебного процесса с.-р. 1922 г. (К.Н. Морозов)	25
Раздел I. ДЕТСКИЕ ГОДЫ, ОТРОЧЕСТВО, ЮНОСТЬ. ЭМИГРАЦИЯ	
№ 1. Аттестат об окончании Санкт-Петербургского училища торгового мореплавания, выданный Н.К. Рихтеру. <i>6 апреля 1858 г.</i>	99
№ 2. Бессрочный паспорт Н.К. Рихтера. <i>[1858 г.]</i>	100
№ 3. Аттестат, выданный полковнику М.Х. Крузе, одесскому полицмейстеру. <i>21 февраля 1866 г.</i>	101
№ 4. Письмо Н.К. Рихтера жене М.М. Рихтер в Ростов. <i>12 марта 1882 г.</i>	109
№ 5. Гимназическое сочинение В.Н. Рихтера на тему «Не напрасно, не случайно жизнь от Бога мне дана». <i>[около 1897–1898 гг.]</i>	110
№ 6. Гимназическое сочинение В.Н. Рихтера на тему «Влияние членов общества друг на друга». <i>[около 1897–1898 гг.]</i>	114
№ 7. Гимназическое сочинение В.Н. Рихтера на тему «Как я читаю поэтов». <i>[около 1897–1898 гг.]</i>	117
№ 8. Черновик письма В.Н. Рихтера неизвестному адресату. <i>[1901 г.]</i>	119
№ 9. Письмо В.Н. Рихтера неизвестному адресату. <i>[позднее 1901 г.]</i>	120
№ 10. Открытка В.Н. Рихтера матери М.М. Рихтер. <i>15 января 1905 г.</i>	121
№ 11. Открытка В.Н. Рихтера матери М.М. Рихтер. <i>7 декабря 1905 г.</i>	122
№ 12. Открытка В.Н. Рихтера бабушке Э.Р. Дельфин. <i>24 декабря 1906 г.</i>	122

№ 13. Открытка В.Н. Рихтера бабушке Э.Р. Дельфин. <i>2 апреля 1907 г.</i>	123
№ 14. Открытка В.Н. Рихтера матери М.М. Рихтер. <i>18 августа 1907 г.</i>	123
№ 15. Открытка В.Н. Рихтера матери М.М. Рихтер. <i>6 декабря 1907 г.</i>	124
№ 16. Открытка В.Н. Рихтера матери М.М. Рихтер. <i>9 марта 1912 г.</i>	124
№ 17. Открытка В.Н. Рихтера матери М.М. Рихтер. <i>14 мая 1912 г.</i>	125
№ 18. Открытка В.Н. Рихтера матери М.М. Рихтер. <i>8 июля 1912 г.</i>	125
№ 19. Открытка В.Н. Рихтера матери М.М. Рихтер. <i>19 июля 1912 г.</i>	126
№ 20. Открытка В.Н. Рихтера матери М.М. Рихтер. <i>5 августа 1913 г.</i>	127

Раздел II. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВО ВРЕМЯ ФЕВРАЛЬСКОЙ И ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИЙ И В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

№ 1. Фрагменты записной книжки В.Н. Рихтера с записями, касающимися деятельности ПСР. <i>Июнь 1917 г.</i>	128
№ 2. Черновой набросок проекта резолюции. <i>[июнь—июль 1917 г.]</i>	145
№ 3. Черновые наброски выступления В.Н. Рихтера о «свободе мнений и единстве выступлений» в ПСР. <i>[позднее 7 — ранее 14 июля 1917 г.]</i>	146
№ 4. Записка неизвестного лица. <i>[июль 1917 г.]</i>	151
№ 5. Черновые наброски В.Н. Рихтера для доклада ЦК ПСР на VII Совете ПСР. <i>[ранее 9 августа 1917 г.]</i>	151
№ 6. Протокол утреннего заседания VII Совета ПСР. <i>9 августа 1917 г.</i>	155
№ 7. Доклад В.Н. Рихтера на утреннем заседании VII Совета ПСР. <i>[9 августа 1917 г.]</i>	158
№ 8. Из газеты «Дело Народа». <i>10 августа 1917 г.</i>	161
№ 9. Заключительное слово В.Н. Рихтера на VII Совете ПСР. <i>9 августа 1917 г.</i>	161
№ 10. Рекомендательная записка А.Ф. Керенского В.Н. Рихтеру. <i>23 августа 1917 г.</i>	167
№ 11. «Протоколы заседаний ЦК ПСР». <i>9 августа 1917 г. — 31 сентября 1917 г.</i>	167

№ 12. Наброски В.Н. Рихтера о Корниловском мятеже. <i>[не ранее сентября 1917 г.]</i>	189
№ 13. Телеграмма Одесского губернского комитета ПСР В.Н. Рихтеру о необходимости его присутствия для выдвижения его кандидатуры в Учредительное собрание. <i>18 сентября 1917 г.</i>	190
№ 14. Заметка из газеты «Одесские новости». <i>23 сентября 1917 г.</i>	190
№ 15. Фрагменты из газет Одесского комитета ПСР. <i>[конец октября 1917 г.]</i>	191
№ 16. Телеграмма председателя Херсонской окружной Избирательной комиссии В.Н. Рихтеру о предварительных результатах выборов в Учредительное собрание. <i>27 ноября 1917 г.</i>	194
№ 17. Список лекций, прочитанных В.Н. Рихтером в Одессе в 1919–1920 гг.	194
№ 18. Статья В.Н. Рихтера, опубликованная в газете «Одесские новости». <i>18 января 1919 г.</i>	201
№ 19. Подборка вырезок из одесской газеты «Дело». <i>Август–сентябрь 1919 г.</i>	202
№ 20. План лекций В.Н. Рихтера на тему «Идеология партии социалистов-революционеров». <i>[ранее 20 мая 1920 г.]</i>	231
№ 21. Конспект лекции В.Н. Рихтера «К философскому обоснованию программы ПСР». <i>Не ранее 1 июня 1920 г.</i>	232
№ 22. «Заявление политических заключенных Владимирской тюрьмы, переведенных из Бутырской тюрьмы, в Президиум В.Ц.И.К.». <i>Май 1921 г.</i>	236
№ 23. Тюремные записки В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой из одесской тюрьмы. <i>[май 1921 г.]</i>	239
№ 24. Обвинительное заключение по делу члена ЦК ПСР В.Н. Рихтера. <i>Июнь 1923 г.</i>	242

Раздел III. ТЮРЬМА И ССЫЛКА

№ 1. Письмо В.В. Суворовой мужу В.Н. Рихтеру в тюрьму. <i>[конец 1923 г.]</i>	247
№ 2. Письмо В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой из Суздаля. <i>[январь 1924 г.]</i>	248
№ 3. Письмо В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой из челябинского политизолятора. <i>10 июня 1924 г.</i>	249

№ 4.	Письмо В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой из челябинского политизолятора. <i>15 июля 1924 г.</i>	251
№ 5.	Открытка В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой из челябинского политизолятора. <i>23 июля 1924 г.</i>	253
№ 6.	Открытка В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой из челябинского политизолятора. <i>30 июля 1924 г.</i>	253
№ 7.	Письмо В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой из челябинского политизолятора. <i>7 августа 1924 г.</i>	254
№ 8.	Письмо В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой из челябинского политизолятора. <i>12 августа 1924 г.</i>	255
№ 9.	Письмо В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой из челябинского политизолятора. <i>18 августа 1924 г.</i>	257
№ 10.	Письмо В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой из челябинского политизолятора. <i>24 августа 1924 г.</i>	258
№ 11.	Открытка В.Н. Рихтера матери М.М. Рихтер из челябинского политизолятора. <i>26 августа 1924 г.</i>	260
№ 12.	Письмо В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой из челябинского политизолятора. <i>9 сентября 1924 г.</i>	261
№ 13.	Письмо В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой из челябинского политизолятора. <i>16 сентября 1924 г.</i>	262
№ 14.	Письмо В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой из челябинского политизолятора. <i>30 сентября 1924 г.</i>	263
№ 15.	Письмо В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой из челябинского политизолятора. <i>7 октября 1924 г.</i>	265
№ 16.	Письмо В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой из челябинского политизолятора. <i>14 октября 1924 г.</i>	266
№ 17.	Письмо В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой из челябинского политизолятора. <i>21 октября 1924 г.</i>	267
№ 18.	Письмо В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой из челябинского политизолятора. <i>4 ноября 1924 г.</i>	268
№ 19.	Письмо В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой из челябинского политизолятора. <i>11 ноября 1924 г.</i>	270
№ 20.	Письмо В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой из челябинского политизолятора. <i>16 декабря 1924 г.</i>	271
№ 21.	Письмо В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой из челябинского политизолятора. <i>23 декабря 1924 г.</i>	272
№ 22.	Открытка В.Н. Рихтера дочери М.В. Рихтер из челябинского политизолятора. <i>2 января 1925 г.</i>	274

№ 23–28. Фрагменты из записной книжки 1924–1925 гг.	
№ 23. Выписки из книги В.К. Агафонова «Заграничная охранка», сделанные В.Н. Рихтером в челябинской тюрьме, и комментарии к ним. [<i>начало 1924 г.</i>]	274
№ 24. Черновик письма В.Н. Рихтера сыну Коле Рихтеру. <i>11 ноября 1924 г.</i>	276
№ 25. Из тюремного юмора. [<i>12 декабря 1924 г.</i>]	278
№ 26. Тематика занятий кружков, организованных В.Н. Рихтером в челябинской тюрьме. [<i>октябрь 1924 г. — март 1925 г.</i>]	279
№ 27. Черновик письма В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой. [<i>между 9 и 16 марта 1925 г.</i>]	286
№ 28. Черновик письма В.Н. Рихтера сыну Коле Рихтеру. [<i>17–18 марта 1925 г.</i>]	288
№ 29. Письмо В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой из челябинского политизолятора. <i>20 января 1925 г.</i>	289
№ 30. Письмо В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой из челябинского политизолятора. <i>3 февраля 1925 г.</i>	291
№ 31. Письмо В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой из челябинского политизолятора. <i>14 марта 1925 г.</i>	292
№ 32. Письмо В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой из челябинского политизолятора. <i>24 марта 1925 г.</i>	293
№ 33. Письмо В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой из челябинского политизолятора. <i>23 июня 1925 г.</i>	294
№ 34. Медицинское свидетельство о пребывании В.В. Суворовой в санатории «Стрешнево» в апреле–мае 1925 г. <i>12 августа 1925 г.</i>	296
№ 35. Наброски письма В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой из записной книжки 1928–1929 гг. [<i>22 ноября 1928 г.</i>]	297
№ 36. Распределение тюремных стихотворений В.Н. Рихтера по времени и месту написания. [<i>конец 1928 г. — начало 1929 г.</i>]	299
№ 37. Письмо В.Н. Рихтера старшей дочери М.В. Рихтер. [<i>весна 1930 г.</i>]	300
№ 38. Письмо В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой из Семипалатинска. <i>7 июня 1930 г.</i>	301
№ 39. Письмо старшей дочери М.В. Рихтер отцу В.Н. Рихтеру из Гатчины в Каркаралинск. [<i>июнь 1930 г.</i>]	302
№ 40. Записки В.Н. Рихтера о Каркаралинске. <i>23 июня — 3 июля 1930 г.</i>	303

№ 41. Письмо В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой из Каркаралинска. <i>22 июля 1930 г.</i>	304
№ 42. Продолжение письма В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой из Каркаралинска. <i>23 июля 1930 г.</i>	306
№ 43. Письмо В.Н. Рихтера младшей дочери В.В. Рихтер из Каркаралинска. <i>[июль 1930 г.]</i>	308
№ 44. Письмо В.Н. Рихтера старшей дочери М.В. Рихтер из Каркаралинска. <i>[не ранее июля 1930 г.]</i>	308
№ 45. Письмо В.Н. Рихтера младшей дочери В.В. Рихтер из Каркаралинска. <i>[1930 г.]</i>	309
№ 46. Письмо В.В. Суворовой из Каркаралинска в Москву другу семьи Л.А. Бызову. <i>29 апреля 1931 г.</i>	310
№ 47. Комментарий В.В. Рихтер, младшей дочери В.Н. Рихтера, к письму В.В. Суворовой Л.А. Бызову. <i>[не ранее 1960 г.]</i>	311
№ 48. Записка В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой из Каркаралинской тюрьмы. <i>[апрель—май 1931 г.]</i>	313
№ 49. Записка В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой из Каркаралинской тюрьмы. <i>[апрель—май 1931 г.]</i>	313
№ 50. Записки В.Н. Рихтера жене В.В. Суворовой из Каркаралинской тюрьмы. <i>[апрель—май 1931 г.]</i>	314
№ 51. Автобиография В.Н. Рихтера, написанная в Каркаралинской тюрьме. <i>[май 1931 г.]</i>	317
№ 52. Письмо Е.Н. Кузьминой, дочери В.В. Суворовой от первого брака, матери в Каркаралинск. <i>7 апреля 1931 г.</i>	318
№ 53. Письмо старшей дочери М.В. Рихтер отцу В.Н. Рихтеру из Гатчины в Каркаралинск. <i>[июль 1932 г.]</i>	319
№ 54. Свидетельство о смерти В.Н. Рихтера. <i>29 ноября 1932 г.</i>	321
№ 55. Записки В.В. Суворовой о последних днях В.Н. Рихтера. <i>15 марта 1933 г.</i>	322
№ 56. Обращение В.В. Суворовой к покойному мужу В.Н. Рихтеру. <i>22 августа 1933 г.</i>	326
№ 57. Воспоминания В.В. Суворовой о дороге в Каркаралинск. <i>[осень—зима 1933 г.]</i>	326
№ 58. Воспоминания В.В. Рихтер, младшей дочери В.Н. Рихтера, о возвращении из Каркаралинска в Москву. <i>[не ранее 1973 г.]</i>	329
№ 59. Протокол обыска в квартире вдовы В.Н. Рихтера В.В. Суворовой. <i>27 декабря 1934 г.</i>	346

№ 60. Удостоверение, выданное В.В. Суворовой рязанским сектором Управления НКВД по Московской области взамен вида на жительство. <i>31 марта 1935 г.</i>	346
№ 61. Письмо Помощи политическим заключенным за подписью Е.П. Пешковой для В.В. Суворовой с сообщением, что ей разрешено вернуться из Рязани в пос. Салтыковка Московской области. <i>31 марта 1935 г.</i>	347
№ 62. Письмо Помощи политическим заключенным за подписью М.Л. Винавера В.В. Суворовой с сообщением о выдаче ей нового паспорта взамен конфискованного. <i>31 марта 1935 г.</i>	347
№ 63. Свидетельство о смерти матери В.Н. Рихтера М.М. Рихтер. <i>27 мая 1939 г.</i>	348

Приложение 1. Документы ЦА ФСБ РФ

№ П1.1. Постановление о заключении В.Н. Рихтера под стражу. <i>22 февраля 1921 г.</i>	349
№ П1.2. Анкета В.Н. Рихтера. <i>23 февраля 1921 г.</i>	350
№ П1.3. Письмо заведующего Одесским губернским отделом политического просвещения в ОГЧК с просьбой об изменении меры пресечения В.Н. Рихтеру. <i>26 февраля 1921 г.</i>	352
№ П1.4. Письмо заведующего Одесским губернским отделом народного образования в ОГЧК с просьбой об ускорении рассмотрения дела В.Н. Рихтера. <i>4 марта 1921 г.</i>	353
№ П1.5. Заявление учителей в ОГЧК с просьбой об освобождении В.Н. Рихтера. <i>21 марта 1921 г.</i>	353
№ П1.6. Шифротелеграмма председателя ВУЧК в Одесскую ГЧК с требованием выслать характеристику на В.Н. Рихтера. <i>30 января 1922 г.</i>	354
№ П1.7. Шифротелеграмма председателя Одесской ГЧК с характеристикой В.Н. Рихтера. <i>9 февраля 1922 г.</i>	354
№ П1.8. Шифротелеграмма начальника СОУ ГПУ Т.П. Самсонова председателю Одесского губотдела ГПУ с требованием арестовать В.Н. Рихтера и препроводить его в Москву. <i>4 марта 1922 г.</i>	355
№ П1.9. Шифротелеграмма председателя Одесского губотдела ГПУ в ГПУ с сообщением об исчезновении В.Н. Рихтера. <i>21 марта 1922 г.</i>	356

№ П1.10. Выдержка из протокола допроса В.Н. Каплана. <i>23 августа 1922 г.</i>	356
№ П1.11. «Протокол обыска в квартире № 2 [дома № 10] по Сретенской ул., принадлежащей ГУРЕВИЧУ Борису Евгеньевичу». <i>28 сентября 1922 г.</i>	357
№ П1.12. Заключение о предании В.Н. Рихтера суду Верховного революционного трибунала. <i>12 января 1923 г.</i>	360
№ П1.13. Постановление о привлечении В.Н. Рихтера к суду в качестве обвиняемого. <i>21 марта 1923 г.</i>	361
№ П1.14. Протокол допроса В.Н. Рихтера. <i>22 марта 1923 г.</i>	362
№ П1.15. Постановление следователя Ю. Карлсона о присоединении к делу В.Н. Рихтера ряда документов. <i>2 апреля 1923 г.</i>	363
№ П1.16—П1.22. Материалы судебного процесса над социалистами- революционерами (июнь—август 1922 г.), приобщенные к делу В.Н. Рихтера	
№ П1.16. Выписка из письма Л.В. Коноплевой от 16 января 1922 г. <i>16.01.22 г.</i>	364
№ П1.17. Протокол допроса П.Т. Ефимова от 11 марта 1922 г.	366
№ П1.18. Протокол допроса П.Т. Ефимова от 12 марта 1922 г. <i>12 марта 1922 г.</i>	369
№ П1.19. Выписка из протокола допроса Г.И. Семенова от 14 марта 1922 г. <i>14 марта 1922 г.</i>	370
№ П1.20. Протокол допроса П.Т. Ефимова от 31 марта 1922 г. при очной ставке его с Л.В. Коноплевой.	371
№ П1.21. «Выписка из протокола № 19 Распорядительного заседания Судебной коллегии Верхтриба ВЦИК от 23 мая 1922 г.». <i>23 мая 1922 г.</i>	372
№ П1.22. Выписка из стенограмм судебного процесса	373
№ П1.23. Протокол заседания Верховного суда РСФСР. <i>4 июля 1923 г.</i>	387
№ П1.24. Приговор Верховного суда РСФСР. <i>4 июля 1923 г.</i>	388
№ П1.25. Выписка из протокола заседания Президиума ВЦИК о замене В.Н. Рихтеру расстрела 10 годами лишения свободы. <i>18 сентября 1923 г.</i>	389
№ П1.26. Заключение Генеральной Прокуратуры Российской Федерации по уголовному делу В.Н. Рихтера. <i>9 июня 1998 г.</i>	389
№ П1.27. Справка о реабилитации В.Н. Рихтера. <i>9 июня 1998 г.</i>	390

Приложение 2. ИЗБРАННЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В Крыму. <i>Рассказ. 1902 г.</i>	392
Отшельник и цыган (отрывок). <i>Рассказ. 1901 г.</i>	393
Люси (отрывок). <i>Рассказ. 1901 г.</i>	398
Лунная ночь. <i>Рассказ. 1901 г.</i>	402
Улов. <i>Рассказ. 1901 г.</i>	407
Нравственное воздействие (II редакция). <i>Рассказ. 1902 г.</i>	410
Коршун (II редакция). <i>Рассказ. 1903 г.</i>	416
[Без заглавия] <i>Рассказ. 1921 г.</i>	418
[Без заглавия] <i>Рассказ. 1922 г.</i>	421
Музей редкостей. <i>Шутка-экспромт в I-м действии. 1927 г.</i>	424
Из рукописного сборника «Вне жизни». <i>Стихи. 1923 г.</i>	431
Из рукописного сборника «По зыби небытья». <i>Стихи. 1923–1926 г.</i>	435
Стихи разных лет.	440
Комментарии	463
Список сокращений	625
Именной указатель	631

**«Сын вольного штурмана»
и тринадцатый «смертник» процесса
с.-р. 1922 г.**

Документы и материалы из личного архива В.Н. Рихтера

Редактор *А.Ю. Морозова*
Художественный редактор *А.К. Сорокин*
Художественное оформление *Д.А. Морозов*
Компьютерная верстка *В.Г. Верховзин*

Л.Р. № 055466009 от 22.07.1998. Подписано в печать 10.10.2005
Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 40,9. Тираж 800 экз. Заказ №

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82. Тел. 334-81-87 (дирекция);
Тел./Факс 334-82-42 (отдел реализации)